ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Рәсәй фәндәр академияһы
Өфө ғилми үҙәге
Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты

Российская академия наук
Уфимский научный центр
Институт истории, языка и литературы

Башкортостан Республикаһы хөкүмәте
Башкортостан Республикаһы
Фәндәр академияһы

Правительство Республики Башкортостан
Академия наук
Республики Башкортостан

РӘСӘЙ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҺЫ
ӨФӨ ҒИЛМИ ҮҘӘГЕ
ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ӘҘӘБИӘТ
ИНСТИТУТЫ

БАШҠОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫ
ХӨКҮМӘТЕ
БАШҠОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫ
ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҺЫ

БАШҠОРТ ХАЛҠЫНЫҢ ТАРИХЫ

ЕТЕ ТОМДА

III ТОМ

ӨФӨ ҒИЛЕМ 2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ
БАШКОРТОСТАН

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

В СЕМИ ТОМАХ

ТОМ III

Гилем

УФА ГИЛЕМ 2011

УДК 94(470.57)
ББК 63.3 (2 Рос. Баш)
И 90

Работа подготовлена и издана в рамках Гос(контракта) № 1 — ИБН «Подготовка и издание многотомной «Истории башкирского народа»

Редакционная коллегия:

Рахматуллина З.Я., заместитель Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан, д. филос. н., председатель редакционной коллегии
Акманов И.Г., профессор Башкирского государственного университета, д. и. н.
Алексеев В.В., директор Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, академик РАН
Ананьич Б.В., главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук, академик РАН
Асфандияров А.З., профессор Башкирского государственного университета, к. и. н.
Аюпов М.А., вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент АН РБ
Бахтизин Р.Н., президент Академии наук Республики Башкортостан, член-корреспондент АН РБ
Кульшарипов М.М., заведующий кафедрой Башкирского государственного университета, главный редактор (научный руководитель) издания, д. и. н.
Литвинекий Б.А., главный научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, д. и. н.
Мажитов Н.А., академик АН РБ
Мустафин А.Г., ректор Башкирского государственного университета, академик **АН** РБ
Овсянников В.В., заведующий отделом археологических исследований Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.
Петров Ю.А., директор Института российской истории Российской академии наук, д. и. н.
Попова И.Ф., директор Института восточных рукописей Российской академии наук, д. ф. н.
Псянчин А.В., заведующий отделом этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, д. г. н.
Пшеничнюк А.Х., старший научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.
Сахаров А.Н., член-корреспондент РАН
Сулейманова Р.Н., заведующая отделом новейшей истории Башкортостана Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, д. и. н.
Тишков В.А., директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, заместитель академика-секретаря ОИФН, академик РАН
Хисамитдинова Ф.Г., директор Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, заместитель главного редактора (научного руководителя) издания, д. ф. н.
Хисматуллин А.А., начальник Управления по делам архивов Республики Башкортостан
Чубарьян А.О., директор Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН
Юсупов Р.М., заведующий отделом этнологии Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук, к. и. н.
Шаммазов А.М., ректор Уфимского государственного нефтяного технического университета, академик АН РБ
Яблонский Л.Т., заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук, д. и. н.

Редакционная коллегия 3 тома:

И.Г. Акманов, И.М. Гвоздикова, В.В. Трепавлов, Ф.Г. Хисамитдинова

Рецензенты:

Марийский государственный университет
А.И. Комиссаренко, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
Ю.Н. Смирнов, доктор исторических наук, профессор Самарского государственного университета

ISBN 978-5-02-037008-1
ISBN 978-5-7501-1301-9 (т. 3)

© Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2011
© Издательство «Гилем», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая половина XVI—XVIII в., первые столетия пребывания башкир в составе Российского государства занимают особое место в истории башкир и Башкортостана. Это был сложный период адаптации башкир к новым политическим условиям и начало изменений в социально-экономической жизни, быте и культуре в составе России.

В середине XVI в. перед башкирами стояла тяжелейшая дилемма: необходимо было найти пути дальнейшего исторического существования. Они выбрали оптимальный в тех условиях путь для сохранения себя как народа: добровольно вошли в состав более сильного Русского государства, добились заключения с ним договора, который обеспечивал им широкую автономию, сохранение земель на условиях вотчинного права, религии и местного самоуправления.

Этот акт имел крупное положительное значение для башкирского народа. Договорное вхождение башкир в состав Русского государства с сохранением местного самоуправления, вотчинных прав на землю, когда все башкиры-общинники являлись вотчинниками земель, представляет собой уникальное явление в мировой истории. В добровольном присоединении башкир было заинтересовано и Русское государство, ибо включение Башкортостана с многочисленным населением и богатыми природными ресурсами способствовало политическому и экономическому усилению государства. Кроме того, вхождение этого края, занимавшего стратегически выгодное положение, создавало предпосылки для установления прямых торгово-экономических и политических связей Русского государства с казахскими жузами и среднеазиатскими ханствами.

Для башкир важным также был вопрос о путях интеграции башкирского общества в состав Русского государства. Нужно было найти формы более мягкого сближения башкир и русских. Этот не простой процесс занял свыше трех столетий, притом во второй половине XVI—XVIII в. русские власти в основном занимались укреплением своих позиций в Башкортостане. В итоге башкирам удалось частично сохранить особенности своей социально-экономической и культурной жизни как самостоятельного этноса. Эта задача была выполнена, ибо обе стороны - и башкиры, и Русское государство, несмотря на колебания и ошибки, нашли в себе силы и волю, чтобы остаться верными основным условиям договора о вхождении. Все эти вопросы обстоятельно раскрыты в томе на основе разнообразных источников и современной литературы.

В связи с недостаточной изученностью в исторической литературе таких существенных проблем как организация управления башкирами после их присоединения, взаимоотношения башкир с ногайцами, калмыками и казахами, они освещены в томе в самостоятельных параграфах. В литературе неполно освещалась такая крупная тема как участие башкир в войнах России XVII-XVIII в. В связи с этим в том включены параграфы о военной организации башкир, их участии в походах русской армии XVII—XVIII в.: в Северной войне (1700-1721), в Семилетней войне (1756-1763), в войне с польскими конфедератами, Русско-шведской войне (1788-1790).

Крупнейшей проблемой истории башкир является социально-экономическое развитие края, его динамика в XVII-XVIII в. Правда, этой теме всегда уделялось значительное внимание, но не все ее аспекты еще нашли отражение в научных исследованиях, в частности, добывающие промыслы, средства передвижения, ремесла. В данном томе они представлены в нескольких отдельных параграфах.

Тема социальных отношений башкир во второй половине XVIII в. в исторической литературе освещена довольно поверхностно. Такие важные и сложные сюжеты, как расслоение башкирского общества и его внутренняя структура, роль и место старшин и сотников, консолидация башкир как этноса оставались неизученными. Авторами предпринята попытки закрыть эти «белые пятна» на основе всестороннего изучение источников и литературы.

Значительным событием в истории края являлось переселение населения из Среднего Поволжья и центральных уездов страны в Башкортостан. Однако при освещении этих вопросов было допущено немало неточностей, например, в датировке начала массового переселения крестьян, характере взаимоотношений последних с коренным населением и др. На основании имеющихся на сегодня материалов, авторы тома корректируют эти сведения и заключают, что резкое усиление колонизации начинается с 40-50-х гг. XVIII в., а жизнь крестьян-переселенцев в Башкортостане заметно улучшилась. Не случайно переселенцы не стремились возвращаться на прежние места жительства. По мнению авторов, переселенцы-крестьяне и посадские люди внесли существенный вклад в развитие производительных сил Башкортостана в XVIII в.

Важнейшими событиями истории края были башкирские восстания XVII—XVIII в. В томе сделан вывод о том, что восстания являлись протестом башкир во главе с местной элитой против нарушений условий вхождения в состав Русского государства. Восстания носили динамичный характер: в XVII в. они шли под лозунгами сохранения условий вхождения башкир в состав Русского государства, в XVIII в. повстанцы вели

борьбу с программой отделения Башкортостана от России. Массовость и масштабность башкирских восстаний, носивших в эти века практически регулярный характер позволяет отнести их к феноменам всероссийской истории. В целом же, башкиры боролись за сохранение автономии в составе Российского государства, за права, гарантированные условиями подданства. Восстания представляли собой яркие национально-освободительные движения. По мнению авторов тома, они помешали феодальной России распространить наиболее тяжелые формы средневекового крепостничества не только на коренных жителей края, но и на основную массу пришлого населения. Башкиры-повстанцы объективно отстаивали интересы всего многонационального населения Башкортостана.

Сведения о массовом недовольстве населения края можно почерпнуть из материалов Уложенной комиссии 1767-1768 гг. Поэтому в томе выделен отдельный параграф о деятельности башкирских депутатов в Комиссии. Учитывая почти поголовное участие башкир в Крестьянской войне 1773-1775 гг., выдающуюся роль предводителей из башкир, составлявших значительную часть командного состава повстанцев, большой раздел в томе посвящен этой теме.

Подробное освещение в издании получило уникальное культурное наследие башкирского народа. В отдельных параграфах показана его материальная культура — поселения, жилища, орудия труда и быта, народный костюм и традиционная пища. Не менее обстоятельно охарактеризована духовная культура народа - устное народное творчество, хореография, музыкальное искусство. Ввиду недостаточного внимания в историографии к роли и месту религии в жизни башкир в том включены отдельные параграфы, посвященные распространению ислама у башкир в XVI-XVIII в., образованию и деятельности Духовного магометанского собрания в Уфе. Представлены в томе и такие важные аспекты духовной культуры народа как язык и письменность, литература в XVI-XVIII в., шежере, «таварих» и школа, которые также излагаются в самостоятельном разделе.

Третий том создан на базе преимущественно документов, извлеченных из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Уфы, Оренбурга, Екатеринбурга, Перми, Челябинска, и исторических источников, опубликованных в сборниках разных лет. Главы и параграфы тома написаны отечественными историками, филологами и философами на основе критического осмысления опыта многих поколений исследователей дореволюционного, советского и постсоветского времени и с учетом новейших достижений исторической науки.

Редколлегия не ставила целью унифицировать стиль изложения авторами всех глав и параграфов. Встречаются также отдельные оценки и выводы авторов, не совпадающие с мнением редколлегии.

Необходимо отметить, что историки в настоящее время пользуются разными понятиями для обозначения исторической родины башкир: Башкортостан, Башкирский край, Оренбургский край. Видимо, это не совсем правильно. Со времени вхождения башкир в состав Русского государства в официальных документах стал употребляться термин «Башкирда», т. е. страна башкир. Так, в «Духовном завещании» царя Ивана IV своему сыну Ивану, составленном в 1572 г., говорится: «Даю ему город Москву с волостями и станы... Да ему же Великое княжество, город Владимир с волостью и селы... Царство Казанское с Арскою стороною и с Побережною, и с Луговою и с Черямисою... и с Башкирдою, и с Вотяки..., Царство Астраханское» *[Карамзин,* 1989. С. 134]. Этот официальный материал дает основание для обозначения страны башкир от Волги до Тобола с середины XVI в. до настоящего времени применять термин «Башкортостан», который переводится как страна башкир.

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ БАШКИР ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI-XVIII в.

Особое место в истории края занимает вторая половина XVI-XVIII в., когда башкиры приняли судьбоносное решение о присоединении к Русскому государству и происходило их приспособление к новым социально-экономическим условиям последнего. В это время определялись основные пути их дальнейшего этнического, социально-политического, экономического и культурного развития. Невозможно однозначно оценить развитие Башкортостана в этот период, оно было сложным и противоречивым. С одной стороны, договорное вхождение в состав Русского государства, широкая автономия в составе последнего, хозяйственные и торговые связи с русским и другими народами открывали благоприятные перспективы для коренного населения, укрепления башкир как этноса и роста их численности. Но в то же время постепенно усиливающиеся отклонения от условий вхождения, допускаемые правительством, захват земель, рост налогов и повинностей, попытки христианизации, не только вызывали недовольство башкир, но и вынуждали их к восстаниям, в ходе которых разрушались производительные силы, обострялись межнациональные отношения, погибали тысячи людей. Тем самым существенно ослаблялись положительные последствия мирного вхождения Башкортостана в состав России, наносился заметный удар по нормальному развитию края.

Дореволюционные авторы не оставили специальных исследований по истории Башкортостана этой эпохи. Но в работах, посвященных истории России в целом, они в той или иной степени выразили свое отношение ко многим аспектам истории края. Относительно вхождения башкир в состав Русского государства преобладало мнение о его добровольном характере *[Рычков,* 1762а. С. 87—88; *Татищев,* 1962. С. 237; *Карамзин,* 1989. С. 135; *Игнатьев,* 1873в. С. 3; *Новиков,* 1879. С. 2; *Уметбаев,* 1984. С. 206; *Дмитриев,* 1900. С. 24, 72, 73; *Соколов,* 1916. С. 85].

Советские историки по этому вопросу высказывали различные суждения. Авторы 20—30-х гг. считали, что Башкортостан был завоеван русским царизмом. Правда, будучи не в состоянии полностью опровергнуть сведения о мирном присоединении башкир, они писали, что оно носило формальный характер и относилось лишь к незначительной части края, а с середины XVI до 40-60-х гг. XVIII в. происходило постепенное завоевание Башкортостана *[Типеев,* 1930. С. 20, 21; *Ищериков,* 1933. С. 4; *Кармин,* 1934. С. 9; *Чулошников,* 1936. С. 22-23; *Раимов,* 1941. С. 2]. В 40-60-х гг. историки Н.В. Устюгов, А.Н. Усманов и Р.Г. Кузеев на основе анализа источников пришли к выводу о том, что башкиры добровольно и на определенных условиях вошли в состав Русского государства, и этот акт объективно соответствовал коренным интересам сторон *[Устюгов,* 1947. С. 44; *Усманов,* 1960. С. 64-149; *Башкирские...* 1960. С. 177-183, 194-195].

В конце XX - начале XXI в. в историографии интерес к этой важной проблеме усилился. По мнению большинства исследователей башкиры добровольно вошли в состав Русского государства *[Асфандияров,* 1982. С. 19-25; *Акманов,* 1991. С. 47; 1996а; 1997. С. 36-39; 2006. С. 13-19; *Мажитов, Султанова,* 1994. С. 335—339; *Сафонов,* 2003. С. 11; *Трепавлов,* 2004. С. 24—25; *Азнабаев,* 2005. С. 194—195; *Кулбахтин,* 2007. С. 8—15].

Большую ценность для понимания этнополитической ситуации в XVI в. в Среднем Поволжье и Южном Урале, особенно принятие башкирами русского подданства, а также их социально-политического положения в составе Российского государства в XVII-XVIII в. представляют труды московского и

уфимских историков Б.А. Азнабаева, А.И. Акманова, И.Г. Акманова, А.З. Асфандиярова, Р.Г. Букановой, НА. Мажитова, А.Н. Султановой, В.В. Трепавлова и Ю.М. Юсупова.

В работах В.В. Трепавлова впервые конкретно определена территория Ногайского наместничества в 30—50-х гг. XVI в. на Южном Урале, установлена цепочка ногайских наместников, приводятся факты рецидивов ногайского владычества в крае до основания г. Уфы *[Трепавлов*, 1997. С. 5—27; 2002. С. 186-303].

Сюжеты ногайского фактора на Южном Урале в XV—XVI в. поднимаются также в книгах Н.А. Мажитова, А.Н. Султановой и Ю.М. Юсупова [*Мажитов, Султанова*, 2009; *Юсупов*, 2009]. В трудах А.И. Акманова и АЗ. Асфандиярова анализируются земельные отношения в Башкортостане, состояние башкирского землевладения после присоединения, характеризуется институт тарханства в башкирском обществе, освещается история вхождения башкир в состав Русского государства. Соглашаясь с основными выводами авторов, вряд ли можно признать убедительным тезис о том, что башкиры, помня свое вассальное положение в Золотой Орде и последующих ханствах, русское подданство воспринимали по инерции как вассалитет и временами сопротивлялись отдельным аспектам политики Русского государства в крае *[Асфандияров*, 2006. С. 17—64; *Акманов*, 2007. С. 71-138]. Башкиры в XVI—XVIII в. хорошо представляли свои права и в защите своих интересов опирались на реальные условия, на которых они вошли в состав Русского государства.

Невозможно получить объективное представление по истории башкир в XVI-XVII в. без рассмотрения истории основания царских крепостей в крае, которая обстоятельно исследована в монографии Р.Г. Букановой *[Буканова*, 2010].

Детальное изучение сохранившихся башкирских шежере позволило И.Г. Акманову придти к выводу о том, что вхождение башкир в состав Русского государства было не только добровольным, но и договорным. Стороны в ходе переговоров в Москве в 1557 г. заключили договор об условиях вхождения башкир. Материал об этом сохранился в одном из вариантов общего шежере башкир племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян. В нем говорится: «...царь Иван Васильевич обещал другими повинностями, (учрежденными) без нашего согласия, не причинять башкирскому народу страданий. Составили указную [в смысле: договорную] грамоту, в которой особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию, и чтобы мы, башкирские роды, стали нести искреннюю службу; (согласившись) на эти оговоренные между нами условия, взяв друг у друга подписи, нашу грамоту в городе Казани записали в книгу [дословно тетрадь]. Записанная в эту же книгу указная [т. е. договорная] грамота все еще у нас руках» *[Башкирские*... 1960. С. 78—79].

Как видно, в документе недвусмысленно сделан вывод о том, что башкиры и Русское государство заключили договор, а далее перечисляются взаимные обязательства. Этот договор, как положено официальному документу, подписан обоими участниками переговоров — и представителями Русского государства, и башкирами, составлен в 2-х экземплярах. Подписанные оригиналы договоров по экземпляру получили и представители Русского государства, и башкирские послы *[Там же.* С. 78-79; *Акманов*, 1996а].

В постсоветский период высказывались отдельные мнения об отрицании добровольного присоединения башкир к Русскому государству. Однако серьезными доводами они не были подкреплены *[Валеев*, 2002. С. 52-53].

В последние годы исследователи занимались поиском жалованных грамот, полученных башкирами от русского царя Ивана IV *[Асфандияров, Асфандиярова*, 2002. С. 95—109; *Азнабаев*, 2005. С. 53; *Кулбахтин*, 2007. С. 16—38].

Признание добровольного характера вхождения башкир в состав Русского государства нашло отражение в обобщающих коллективных трудах по истории Башкортостана и России *[Преображенский*, 1989. С. 152; *История*... 1996. С. 136—146; *История*... 2004. С. 105—110; *История*... 2006. С. 501].

Определенное внимание этой теме уделял всемирно известный башкирский ученый-востоковед А.-З. Валиди. По его мнению, Русское государство завоевало башкир, и происходило это с 50-х гг. XVI до 70-х гг. XVII в. *[Валиди*, 1994. С. 27-31].

Зарубежные историки мало интересовались вопросами присоединения Башкортостана к Русскому государству. Например, французский исследователь Пьер Паскаль, историк Крестьянской войны 1773-1775 гг., ограничился лишь неопределенным высказыванием: «Когда Иван Грозный взял Казань, они [башкиры - *авт.]* стали платить ясак русским царям. Со строительства Уфы (1573-1586 гг.) началась колонизация этого края...» *[Паскаль*, 2010. С. 73].

Исключением в этом ряду является американский исследователь А.С. Донелли, написавший спе-

циальную монографию по данной теме под названием «Завоевание Башкирии Россией. 1552—1740. Страницы истории империализма». Содержание книги гораздо шире названия. В ней идет речь и о политике России на юго-восточной окраине в целом, о жизни народов Среднего Поволжья и Приуралья, о восстаниях башкир в 60—80-х гг. XVII в. и т. д. Автором сделаны верные выводы о массовом характере восстаний XVII в., широком применении русскими властями политики «разделяй и властвуй». Оригинальна его оценка башкирских восстаний как «великих пограничных войн». А.С. Донелли считал, что если и было добровольное принятие башкирами русского подданства, то это имело лишь формальное значение; на самом деле в течение двух веков шло завоевание башкир *[Донелли,* 1995. С. 55, 263—265].

Не разделяя эти и ряд других выводов автора, нельзя не признать, что он проделал интересную работу по ряду сложных аспектов истории Башкортостана XVI—XVIII в. Солидарны с А. Донелли относительно характера присоединения Башкортостана к Русскому государству также русский эмигрант В.Э. Нольде и французский историк Порталь Роже *[Нольде,* 2005. С. 211—243; *Порталь,* 2005. С. 84-87].

Многоплановую проблему социально-экономического развития Башкортостана, включающую динамику развития производительных сил, социальные отношения в башкирском обществе, формы колонизации края, взаимодействия различных хозяйственных структур, взаимоотношений коренных жителей с пришлым населением, дореволюционные авторы непомерно суживали, обращая внимание лишь на процесс правительственно-дворянской колонизации. Некоторое исключение составляют труды первого русского историка Башкортостана П.И. Рычкова, в которых содержится богатый фактический материал о хозяйстве башкир и другие аспекты социально-экономического развития края в первой половине XVIII в. Большую ценность представляют его суждения о ведущей роли скотоводства в хозяйстве коренных жителей в это время, способах содержания скота, важном месте бортничества и других традиционных занятий. П.И. Рычков рассматривает земледелие как вспомогательную отрасль хозяйства у башкир, объясняет причины медленного его расширения. Но материалы автора о социальных отношениях коренных жителей гораздо беднее. Он выделяет башкирскую феодальную верхушку в лице тарханов, старост, старшин, сотников, отмечает их богатство и привилегии, но не обращает внимания на формы и методы феодальной эксплуатации в башкирском обществе. В целом же его работы, посвященные вопросам правительственно-дворянской и заводской колонизации, содержат интересные сведения о заселении края русскими и нерусскими крестьянами, их хозяйстве. В известной мере автор обращает внимание на хозяйственные связи коренного и пришлого населения, пишет об их взаимовлиянии *[Рычков,* 1762а. С. 292-293, 298-299; 1767а. С. 6-8; 17676.].

Отдельные аспекты проблемы правительственно-дворянской колонизации Башкортостана рассматриваются в трудах В.А. Новикова, В.Н. Витевского и других исследователей XIX в. Так, книга Новикова содержит фактический материал о строительстве крепостей, складывании дворянского землевладения вокруг Уфы и других крепостей в XVII - первой половине XVIII в. Казанский историк В.Н. Витевский освещает, наряду с правительственной колонизацией, и переселение в Башкортостан русского и нерусского населения. Пермский автор А.А. Дмитриев впервые на основе богатого материала показывает колонизацию Северного и Зауральского Башкортостана, делает попытку раскрыть социальную структуру нерусского населения края *[Новиков,* 1879. С. 7-52, 203—265; *Витевский,* 1889. С. 127—230; *Витевский,* 1891. С. 372—396; *Дмитриев,* 1900. С. 19-133].

Положительно стремление ряда историков выявить взаимоотношения коренного и пришлого населения края, но не всегда это рассматривалось объективно. С.М. Соловьев, вслед за ним Н.А. Фирсов и В.Н. Витевский писали только о враждебных отношениях между русскими и башкирами, а пришлое нерусское население определяли как якобы находящееся в крепостной зависимости от коренных жителей *[Соловьев,* Кн. 8. Т. XV. С. 172; *Фирсов,* 1869. С. 230; *Витевский,* 1889. С. 130].

В работах советских историков 30-60-х гг. XX в. вопросам социально-экономической истории Башкортостана, колонизации края, взаимоотношениям его народов уделено значительное внимание. В них правильно охарактеризованы занятия и социальный строй коренного и пришлого населения, показаны процессы народной, правительственно-дворянской и заводской колонизации края, их различные цели, постепенное установление мирных отношений между башкирами и переселенцами и т.д. *[Чулошникова,* 1921. С. 13—16; *Рязанов,* 1928. С. 10, 18; *Типеев,* 1930. С. 14; *Чулошников,* 1936. С. 3-7, 10-14; *Кашинцев,* 1939; *Пистоленко,* 1939;

Устюгов, 1947. С. 57—58; *Мартынов,* 1948; *Кафенгауз*, 1949; *Очерки...* 1956. С. 87—97,124—138; *Демидова,* 1958. С. 23-67; *Павленко,* 1958. С. 178—234; *Кузеев,* 1968а. С. 286-294; *Рахматуллин,* 1988; *История...* 1996. С. 188—204]. Но в то же время в исследованиях советских авторов высказано немало спорных и неверных выводов по ряду проблем. Имело место мнение, рассматривающее кочевое и полукочевое хозяйство как вообще отсталое по сравнению с земледелием, преувеличивалась роль земледелия в башкирском обществе в XVII—XVIII в. [*Рязанов,* 1928. С. 19; *Очерки...* 1956. С. 88, 92, 97, 124-126,160, 186], говорилось о господстве в это время родовых отношений у башкир *[Никитин,* 1928. С. 74; *Типеев,* 1930. С. 15], о крепостной зависимости всего пришлого нерусского населения от башкир-вотчинников *[Чулошникова,* 1921. С. 11; *Рязанов,* 1928. С. 17]. В отдельных трудах неправомерно утверждалось, что сразу после присоединения Башкортостана туда хлынул поток переселенцев, односторонне оценивались взаимоотношения коренного и пришлого населения лишь как мирные, добрососедские с самого начала появления переселенцев на территории края *[Типеев,* 1930. С. 38, 43; *Очерки...* 1956. С. 96, 97, 135].

Более обстоятельно и объективно вопросы социально-экономического развития, колонизации, взаимоотношений народов края, роли и места коренных жителей в этих процессах показаны в исследованиях конца XX - начала XXI в. В них исправлены допущенные ошибки и неточности в характеристике социально-экономического развития башкирского общества, подчеркивается, что основным занятием большинства коренных жителей до конца XVIII в. было полукочевое скотоводство, которое являлось более производительным, по сравнению с земледелием; отмечается, что бортничество и охота имели большее значение, чем земледелие; подтверждается мнение А.П. Чулошникова, Н.В. Устюгова, А.Н. Усманова о феодальном характере социальных отношений в башкирском обществе в XVI—XVIII в. *[Акманов,* 19816. С. 12—76; 1991. С. 16-40; *Очерки...* 1994. С. 5-40; *История...* 1996. С. 267-276, 287-292; *История...* 2004. С. 115-131, 200-203, 212-213].

Известно игнорирование дореволюционной историографией проблемы народных движений. Не случайно из многих башкирских восстаний XVII-XVIII в. лишь движения 1735-1737 гг. и 1739-1740 гг. стали предметом специального исследования *[Игнатьев,* 1880а; 1922; *Добросмыслов,* 1900а]. Тем не менее некоторые исследователи интересовались этими восстаниями, стремились хотя бы в общей форме выяснить их причины и сущность. Дореволюционные авторы, за исключением Р.Г. Игнатьева, А.А. Дмитриева и А.И. Добросмыслова, не связывали причины восстаний с политикой феодального государства и господствующих классов. Правда, они много писали о политике царизма в крае, но характеризовали ее односторонне, лишь в плане показа положительных сторон, рассматривали царскую Россию как цивилизатора башкир и Башкортостана *[Рычков,* 1762а. С. 83; *Черемшанский,* 1859. С. 1-4; *Витевский,* 1889. С. 118-119; *Соловьев,* Кн. 8. Т. XV. С. 172-173]. В связи с этим причины восстаний башкир дворянские авторы видели или в особенностях характера народа, образе жизни, в его религии или во влиянии соседей *[Рычков,* 1762а. С. 87—88; *Черемшанский,* 1859. С. 3—8; *Новиков,* 1879. С. 54; *Витевский,* 1889. С. 130]. Другие авторы к этим причинам добавляли недовольство башкир русской колонизацией, насилиями царских воевод, враждебным отношением башкир-мусульман к русским-христианам *[Попов,* 1861. С. 162-163; *Фирсов,* 1869. С. 215, 231-248; *Соловьев,* Кн. 8. Т. XV. С. 172-173]. Во всей дореволюционной историографии вопроса выделяется оценка историков-краеведов Р.Г. Игнатьева и А.А. Дмитриева. Первый из них возникновение башкирских восстаний справедливо объяснил всей совокупностью политики царской России в крае, второй правильно определил основные, конкретные их причины *[Дмитриев,* 1900. С. 3,4; *Игнатьев,* 1922. С. 39-40].

Положительной стороной работ дореволюционных авторов, особенно П.И. Рычкова, С.М. Соловьева, Р.Г. Игнатьева, В.Н. Витевского, А.А. Дмитриева является то, что они ввели в научный оборот значительный архивный материал по истории восстаний, отмечали их систематический характер, массовость, охват большой территории, высказали в целом верные оценки по ряду конкретных аспектов темы, поняли в целом важную роль этих движений в истории, рассматривали их как борьбу за независимость *[Рычков,* 1762а; 1896. С. 16-17, 84-86; *Попов,* 1861. С. 162, 202; *Соловьев,* Кн. 6. Т. XII. С. 581-584; Кн. 7. Т. 13. С. 234-235; Кн. 8. Т. 15. С. 172-175; Кн. 10. Т. 20. С. 586-608; *Фирсов,* 1869. С. 214-223, 244-304; *Витевский,* 1889. С. 130-176; *Дмитриев,* 1900. С. 72-99; *Игнатьев,* 1922. С. 38-65]. Однако конкретная история движений освещена ими неудовлетворительно. Восстания XVII в. они охарактеризовали лишь в самом общем плане. Несколько подробнее излагалась история восстаний

первой половины и середины XVIII в., но при этом освещались главным образом мероприятия властей по их подавлению и действия карательных отрядов. В изложении допущено много фактических неточностей. Все дореволюционные авторы отрицательно относились к восстаниям, считали их проявлением анархии, бунтом, повстанцев называли ворами и разбойниками, их действия - актами грабежа и насилия, одобряли жестокое подавление восставших. В их трудах искажены сущность и характер движений. Борьба повстанцев против феодального государства и господствующих классов они выдавали за движения, направленные против всех русских, тем самым народные движения лишались социального характера, игнорировались положительные последствия восстаний.

После революции 1917 г. проблема народных движений против гнета и насилия заняла одно из центральных мест в исторической науке. Историки 20-х годов остро критиковали дворянско-буржуазные концепции, стремились понять узловые вопросы темы и в этом отношении достигли определенных успехов. Причины восстаний они объясняли антинародной политикой феодального государства. Исследователи положительно оценивали восстания как выступления против политики угнетания, отмечали их массовость, героизм повстанцев, жестокость карателей. Но в те годы фактическая история борьбы освещалась в общем плане, допускались неточности в датировке восстаний. В соответствии с концепцией о завоевании Башкортостана Русским государством движения рассматривались как акт сопротивления завоеванию *[Чулошникова,* 1921. С. 19; *Фахретдинов,* 1925. С. 53-62; *Рязанов,* 1928. С. 20-36; *Типеев*, 1930. С. 43-53; *Ищериков,* 1933. С. 7, 22].

В работах историков 30-50-х гг. XX в. был сделан крупный шаг в изучении проблемы. Ленинградские и московские историки А.П. Чулошников, В.И. Лебедев и Н.В. Устюгов впервые в историографии написали специальные работы о движениях 1662-1664, 1704-1711, 1737-1738 и 1755-1756 гг., обстоятельно выяснили причины, состав и требования повстанцев, ход борьбы, определили хронологические рамки, дали общую их оценку как антиколониальных освободительных восстаний башкир, как крупного и положительного фактора в истории Башкортостана и России [*Чулошников,* 1936. С. 26-64; 1940; *Лебедев,* 1937; *Устюгов,* 1947; 1950].

Но в освещении этой темы имелись и другие взгляды. Они были главным образом связаны с усилением политизации исторической науки в СССР в 50-х годах. Авторы соответствующих параграфов «Очерков по истории Башкирской АССР» (Н.В. Устюгов и другие) допускали идеализацию политики царизма в Башкортостане, недооценку ее сущности. Они считали, что основную причину восстаний XVII-XVIII в. следует искать не в политике царской России в крае, а в характере социально-экономического развития Башкирии в этих веках, в ее отставании от центральных районов, что, по их мнению, отразилось во взаимоотношениях башкирских феодалов с царским правительством. Не отрицая на словах тяжелого положения башкирских масс из-за политики русского царизма [*Очерки...* 1956. С. 108—109, 169—170], они считали, что восстания были вызваны главным образом недовольством башкирской верхушки правительством. Последние, по их мнению, «тяготились теми сравнительно небольшими ограничениями, которые установила для них царская администрация», стремились к безраздельной экономической и политической власти в крае, не хотели делить власть над башкирским народом с русским правительством *[Там же.* С. 106, 171—172]. Авторы «Очерков...» в возникновении восстаний также не исключали и подстрекательства башкир со стороны Турции и Крыма, хотя и не подтверждали свою версию серьезными фактами *[Там же.* С. 107, 119].

Основной движущей силой восстаний они считали башкирскую феодальную верхушку, участие же в борьбе рядовых башкир объясняли агитацией и прямым принуждением со стороны первых. В пользу этих выводов авторы не смогли привести какие-либо материалы. Это и невозможно сделать, учитывая, что эта верхушка, составляющая 1,5-2% населения, не могла быть основной движущей силой борьбы. Ход восстаний рисовался ими лишь как грабительские набеги башкир на русские поселения ради захвата имущества и пленных. На самом же деле, повстанцы в основном сражались с царскими командами, нападали на крепости. Временами они совершали набеги на русские деревни, но как ответ на подобные действия карателей. Наконец, авторы «Очерков...», утверждая, что все эти восстания шли под лозунгами отделения Башкортостана от России, оценивали поэтому эту программу борьбы как реакционную *[Там же.* С. 106-111, 115-116, 119, 123, 171-172].

Данное утверждение также не выдерживает серьезной критики, ибо башкиры, как любой народ, имели право отказаться от русского подданства, если политика последнего перестала соответствовать их интересам.

В «Очерках...» делалось общее заключение о башкирских восстаниях XVII—XVIII в., как «реакционных», «бесперспективных», «антирусских», «антинародных» движений феодалов, указывалось на их отрицательную роль в событиях истории *[Там же.* С. 116, 123, 169, 171-172]. Несмотря на кажущуюся новизну, оно отражает позицию феодального Российского государства, и авторы «Очерков...» в этом отношении далеко превзошли дворянско-буржуазных историков.

С появлением «Очерков...» вопрос о причинах, движущих силах, сущности, характере и историческом значении башкирских восстаний XVII—XVIII в. стал дискуссионным. Он обсуждался на состоявшихся в 1946, 1950, 1951, 1953, 1957 г. научных сессиях историков республики. Многие исследователи выступали против концепции «Очерков...», но в обстановке тех лет, в условиях тоталитарного режима она получила официальное признание и вошла в учебники и учебные пособия *[Очерки...* 1955. С. 807-811; 1957. С. 64; *История...* 1956. С. 390, 391,489, 490].

В книге А.-З. Валиди содержится интересный и разнообразный материал о восстаниях XVII—XVIII в. В ней говорится об их причинах, подготовке и ходе борьбы. Новым является внимание автора к предводителям восстаний, а история движений дается, на широком фоне связей повстанцев с соседними народами и государствами. Оценивая программу восстаний, он пишет, что они были борьбой за независимость, за избавление края от власти царской России, носили с самого начала национально-освободительный характер *[Валиди,* 1994. С. 40-43, 52-59, 63-64, 70, 99-132]. Автор высоко оценивает восстания башкир, как длительную и упорную борьбу, как исторический феномен в истории тюркского мира *[Там же.* С. 40]. По мнению американского историка А.С. Донелли, башкирские восстания XVII-XVIII в. являются войной башкир против русского завоевания, против русского империализма и порабощения *[Донелли,* 1995. С. 103—218, 263-265].

Условия для научно-объективного подхода к сложным проблемам исторической науки стали появляться после XX съезда КПСС и разоблачения культа Сталина. Не случайно с конца 50-х гг. возобновились дискуссии по этой теме. Н.В. Устюгов продолжал отстаивать свою позицию. В своем докладе на научной сессии в 1957 г., посвященной 400-летию присоединения Башкортостана к Русскому государству, он не привел новых материалов по сравнению с соответствующими разделами «Очерков...», тем не менее он сделал еще более категоричные заключения и отрицательно оценил башкирские восстания XVII-XVIII в. Его концепцию поддерживали московские историки Н.Ф. Демидова и И.А. Булыгин *[Демидова,* 1956; *Булыгин,* 1962. С. 188-189].

В то же время в ряде работ наметился другой подход к проблеме. На состоявшейся в 1961 г. в Уфе научной сессии башкирские восстания XVII-XVIII в. были оценены как движения трудящихся масс башкир против колониального и социального гнета, положительное событие в истории края *[Научная...* 1961]. Такое же мнение высказывали А.Н. Усманов и Б.Х. Юлдашбаев в историческом очерке «Башкирская автономная советская социалистическая республика» *[Советская...* 1962. С. 183]. Резкой критике концепцию Н.В. Устюгова и его сторонников подвергли историки З.И. Сираев и С.Н. Нигматуллин, подчеркнув, что их работам свойственны ошибки методологического характера, в них допущена недооценка роли народных масс в истории *[Сираев,* 1963. С. 6-15; *Нигматуллин,* 1963. С. 44-58].

Прошедшие дискуссии показали недостаточную изученность фактической истории проблемы, поэтому в 70-80-х годах на основе архивных материалов и критического анализа опубликованных документов была специально изучена история восстаний 1662-1664, 1681-1684, 1704-1711, 1735-1736, 1737-1738, 1739-1740, 1755-1756 гг., обстоятельно исследованы предпосылки, причины и ход движений, состав участников, программа и историческое значение восстаний *[Акманов,* 1968; 1977; 1978; 1981а; 1987; 1991; 1993; *Вельская,* 1970; *Васильев,* 1974]. Исследователи пришли к выводу, что основной движущей силой перечисленных восстаний являлись башкирские общинники во главе со своей знатью. Они боролись против усиления феодального и национального гнета царского правительства, дворян и чиновников. Башкирские восстания представляли собой крупные и положительные с исторической точки зрения события и являлись составной частью общей борьбы народных масс Российского государства против ухудшения своего положения.

Заметные успехи в исследовании истории страны в конце XX в. усилили интерес народов к своему историческому прошлому. Этому способствовала также начавшаяся в конце 80 — начале 90-х гг. перестройка в политической, социально-экономической и культурной жизни, введение преподавания в школах как самостоятельного предмета истории республик и губерний. Появление соответствующих учебников и учебных пособий заметно оживило

внимание населения к ярким событиям региональной истории.

Но при этом не удалось избежать отдельных трудностей. Так, некоторые историки и журналисты Республики Татарстан под видом углубленного изучения истории татарского народа встали на путь «исправления» истории башкир и Башкортостана. К ним относятся казанские историки С.Х. Алишев, Ф.Г. Ислаев и журналист В. Имамов, которые стали оценивать башкирские восстания XVII—XVIII в. как борьбу татаро-башкирских крестьян, хотя в пользу своей версии не привели соответствующие исторические документы. Для «доказательства» данного вывода, по мнению Имамова, например, вполне достаточно рассуждение типа: «...сегодня башкиры и татары делят все мирские заботы. И несомненно то, что два-три века назад, когда царские власти притесняли башкир или татар, то ни татары, ни башкиры не отказывались от взаимопомощи... Вот поэтому освободительные восстания XVIII в. должны освещаться на страницах истории и как татарские, и как башкирские» [*Имамов,* 1991. С. 65-66; 1994; *Алишев,* 1999; *Ислаев,* 2004].

Дополнительным доказательством беспочвенности подобных суждений является тот общеизвестный факт, что ни один из дореволюционных, советских и постсоветских историков, специально занимавшихся этой проблемой, не считал башкирские восстания XVII—XVIII в. татаро-башкирскими движениями.

Достигнутый уровень историографии конца XX - начала XXI в. позволяют сделать ряд важных выводов по данной проблеме. Прежде всего, башкирские восстания XVII-XVIII в. могут быть оценены как феномены Российской истории. Историки обратили внимание на динамизм этих народных движений. Сообразно меняющейся политике царского правительства в Башкортостане развивались и обновлялись программы башкирских восстаний. Если в XVII в. повстанцы добивались проведения в крае политики в соответствии с основными условиями вхождения башкир в состав Русского государства, то в восстаниях первой половины XVIII в. основным лозунгом стал выход из состава России.

В исторической литературе традиционно считалось, что в первой трети XVIII в. башкиры подняли два восстания - 1704-1711, 1735-1740 гг. Внутри них выделялись по 3 этапа: 1704-1706, 1707-1708, 1709-1711, 1735-1736, 1737-1738, 1739-1740 гг.

Однако детальное изучение истории этих восстаний показывает, что выделенные этапы представляют собой отдельные самостоятельные восстания.

В новейшей исторической литературе обращается внимание и на то, что в башкирских движениях XVII-XVIII в. восставшие объективно боролись не только за собственные, но и за интересы основной массы пришлого русского и нерусского населения Башкортостана, ибо в условиях систематических восстаний царские власти в крае вынуждены были проводить более осторожную политику и относительно последнего, опасаясь совместных восстаний с башкирами [*Акманов,* 19956; 19966; *История...* 1996. С. 221-248, 251-261; *История...* 2004. С. 132-169, 170-197].

Башкирские восстания XVII-XVIII в., несмотря на тяжелые демографические и материальные последствия (большие человеческие жертвы повстанцев и хозяйственные разорения края), были крупными историческими событиями, имевшими в целом положительные последствия, представляли собой яркие образцы национально-освободительные движения в России.

Крупным социально-политическим мероприятием в истории Башкортостана являлась организация Оренбургской экспедиции. Не случайно многие историки проявили к ней значительный интерес. Первым историком Оренбургской экспедиции, охарактеризовавшим ее мероприятия в 30-40-х гг.
XVIII в., является П.И. Рычков. О причинах ее организации он писал, что юго-восточные рубежи России подвергались нападениям «...многочисленных степных народов, живущих в Великой Татарии, наипаче же от зюнгорских калмык и от киргис-кайсак... к тому же и башкирский народ, смежной с киргис-кайсаками, так ненадежной и своевольной был, что еще при жизни Его Величества (Петра I — *авт.)* бунтовать отважился и безчисленные разорения в Казанской губернии и в других местах причинил».

Трудно согласиться с подобным объяснением причин организации Экспедиции. Джунгары никогда не вторгались в пределы России. Правда, они в 1723 и 1740 гг. подошли к ее границам, преследуя казахов, с которыми в те годы воевали. Но узнав, что далее начинается территория Российского государства, джунгары сразу повернули обратно. Что касается нападений казахов и восстаний башкир, то они были лишь поводом, а не причиной, чтобы правительство приступило к проведению новой политики относительно казахских жузов и среднеазиатских ханств.

П.И. Рычков, рассуждая далее о том, что после окончания Северной войны Петр I якобы «...изволил особливое попечение иметь и о том, чтоб вышеписанную безопасность на самых тех местах, где ныне... Оренбургская линия строится, действительно основать и чрез то героичным своим намерением путь во всю полуденную Азию отворить, а своевольной башкирский народ на вечное время обуздать», выдавал организацию Оренбургской экспедиции за претворение идей русского царя. Можно лишь в общем плане говорить об активизации правительства Петра I после Северной войны относительно соседних юго-восточных стран и народов (экспедиция Бухгольца вверх по Иртышу, поход князя Бековича-Черкасского на Хиву в 1717 г., война с Персией в 1722-1723 гг.), а не о намерении Петра начать активную политику относительно Казахстана и Средней Азии, укреплении правительственной власти в Башкортостане. Кстати, начальник уральских казенных заводов В.Н. Татищев и казанский губернатор А.П. Волынский, младшие современники и сподвижники Петра I, которые в 1724 и 1730 гг. обратились в правительство с предложениями заняться башкирским вопросом, не говорили о намерениях царя заняться Казахстаном, Средней Азией и башкирами. Это лишний раз показывает искусственность привязки Рычковым организации Оренбургской экспедиции к намерениям Петра I.

Таким образом, первый историк Экспедиции искажал ее основные причины и оправдывал политику царского правительства на юго-восточной окраине страны. Вместе с тем, в работах П.И. Рычкова содержится подробное описание основных мероприятий Оренбургской экспедиции, что является их несомненным достоинством *[Рычков,* 2001. С. 405, 12-225; 1999; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 134; *Материалы...* 1949. Т. III. № 545].

Дворянские авторы XIX в. И. Дебу, В.М. Черемшанский, П.П. Пекарский и В.Н. Витевский повторяли основные выводы П.И. Рычкова, восхваляли деятельность начальников Оренбургской экспедиции. Особенно в этом плане выделялся
В.Н. Витевский, считая создание этой Экспедиции чуть ли не делом провидения: «Россия рано или поздно должна была подчинить себе этот кочующий народ, чтобы через то проложить путь торговому и политическому влиянию на Среднюю Азию». Далее автор, опираясь на слова одного из организаторов Оренбургской экспедиции А.И. Тевкелева, повторял сомнительный вывод П.И. Рычкова о том, что организация Оренбургской экспедиции — это реализация плана Петра I: «Петр намерен уже был отправить в киргизскую орду старшего из своих переводчиков по секретным делам... Алексея Ивановича Тевкелева ... Петр высказал следующее: буде оная орда в точное подданство не пожелает, то стараться, несмотря на великие издержки, хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб только одним листом протекцыею Российской империи быть обязались» *[Дебу,* 1837. С. 65, 93, 179; *Черемшанский,* 1859. С. 13; *Пекарский,* 1867. С. 8; *Витевский,* 1889. С. 130-176].

Некоторое внимание к проблеме уделяли и другие дореволюционные историки. С.М. Соловьев и НА. Фирсов объясняли создание Оренбургской экспедиции «...стремлением правительства стать более твердою ногою среди варварского народонаселения» на востоке, в странах приуральских, т. е., усилить правительственную. власть в крае, чтобы покончить с башкирскими восстаниями и превратить их территорию в опорный пункт для наступления на Казахстан и Среднюю Азию. Далее авторы, положительно оценив организацию Оренбургской экспедиции, сосредотачивали основное внимание на характеристике мероприятий начальников по борьбе с восставшими башкирами. Из работ историков XIX в. выделялись исследования Р.Г. Игнатьева, посвященные деятельности начальников края И.К. Кирилова, В.Н. Татищева и В.А. Урусова в 1734-1741 гг. В них автор достаточно подробно и объективно описывает организацию Оренбургской экспедиции, ход и подавление восстаний башкир в этих годах *[Соловьев,* 1963. С. 586-608; *Фирсов,* 1869; *Игнатьев,* 18806; 1881; 1882].

Более объективно и обстоятельно осветили историю Оренбургской экспедиции, ее мероприятия советские исследователи. Авторы 20—30-х гг.
XX в. совершенно справедливо оценивали Экспедицию как проявление колониальной политики царской России в Башкирии, вызвавшую массовое восстание башкирского народа *[Атнагулов,* 1925. С. 27; *Рязанов,* 1928. С. 34; *Типеев,* 1930. С. 47; *Чулошников,* 1936. С. 56-57, 64]. В исследованиях 50—60-х гг. Оренбургская экспедиция рассматривалась как дальнейшая активизация колониальной политики в Башкортостане, указывалось и на наличие положительной стороны в ее деятельности, как содействовавшей развитию хозяйства Башкирии и усилению торговых связей с Казахстаном и Средней Азией *[Устюгов,* 1950. С. 3, 143; *Очерки...* 1956. С. 142-154, 169-186; *Аполлова,* 1960. С. 95-110].

Интенсивное изучение темы продолжалось в конце XX - начале XXI в. И.Г. Акманов в работе,

посвященной анализу проекта Кирилова об Оренбургской экспедиции, Оценил его неоднозначно. По его мнению, с одной стороны, проект носил наступательно-колониальный характер, выражал стремление феодальной России усилиться за счет юго-восточных народов и стран; с другой, содействовал развитию хозяйства юго-восточной окраины страны. В ряде других своих работ автор рассматривал организацию Оренбургской экспедиции как начало колониальной политики России в Башкортостане, а также как активизацию политики в отношении соседних юго-восточных стран с целью усиления торговых связей с ними и постепенного их присоединения к России [*Акманов,* 1972. С. 90-106; *Акманов,* 1991. С. 98-139].

Оренбургский историк Д.А. Сафонов впервые в историографии обратил внимание на серьезные недостатки, допущенные при организации Оренбургской экспедиции: она не была должным образом продумана, начальнику ее был свойственен авантюризм, поверхностное проведение серьезных мероприятий, он доводил до правительства заведомо ложную информацию о ситуации в Башкортостане и т. д. Но трудно согласиться с общей отрицательной оценкой автором деятельности Оренбургской экспедиции.

Представляет интерес специальное исследование М. М. Зулькарнаева об Оренбургской экспедиции, где впервые достаточно полно показана ее деятельность в первые годы существования. В статьях Э.Ю. Шиляева показано основание ряда крепостей, их хозяйственная жизнь. Большинство авторов последних лет рассматривало Оренбургскую экспедицию как важнейшее мероприятие в рамках колониальной политики царской России на юго-восточной окраине страны *[Шиляев,* 1993. С. 124-127; *Буканова,* 1997а. С. 174, 240; *Кучумов, Смирнов,* 2001. С. VI, XI; *Акманов,* 2003. С. 55-60; *Сафонов,* 2003. С. 10-55; *История...* 2004. С. 170-197; *Зулькарнаев,* 2008].

Алтон С. Донелли также уделил значительное внимание Оренбургской экспедиции. На основе использования дореволюционных и советских исследований по теме и опубликованных источников он воссоздал фактическую историю Экспедиции и оценил ее, во-первых, как политику расширения русских границ и обогащения государства, во-вторых, как русскую имперскую экспансию для установления абсолютного господства России над беспокойным приграничным регионом, т. е. Башкортостаном. Невозможно согласиться с некоторыми оценками автора, например, мероприятия властей по усилению правительственной власти в крае он рассматривал как завоевание башкир. Однако ему удалось правильно понять цель и сущность Оренбургской экспедиции как политики наступления на соседние юго-восточные государства и стремление стать реальным хозяином давно присоединенного Башкортостана *{Донелли,* 1995. С. 103-218, 263-265].

Вторая половина XVIII в. характеризовалась интенсивным развитием хозяйства коренного и пришлого населения, усилением экономических связей между ними. Исторический Башкортостан превратился в один из основных металлургических районов России. Массовое строительство крепостей в центре и на юго-восточной границе способствовало укреплению позиций царизма. Резко усилился феодальный и колониальный гнет в Башкортостане, ответом на что явилась Крестьянская война 1773-1775 гг.

Богатый и разнообразный материал о природных богатствах края, горных заводах, составе населения, хозяйстве башкир, русских и нерусских крестьян, об их быте и культуре оставили в своих путевых записках участники Академических экспедиций 1768-1771 гг. П.С. Паллас, И.И. Лепехин, И.Г. Георги, И.П. Фальк, Н.П. Рычков. В них содержатся суждения о социально-экономических отношениях в Башкортостане, взаимоотношениях коренного и пришлого населения, по истории заводов, их роли и месте в жизни края [*Рычков,* 1770; *Паллас,* 1773; 1786. Ч. 2. Кн. 1; 1786. Ч. 2. Кн. 2; 1788. Ч. 3. Пол. I; 1788. Ч. 3. Пол. 2; *Лепехин,* 1771; 1772; 1780; 1805; *Георги,* 1776. Ч. 1; 1776. Ч. 2; 1779; *Записки...* 1823; *Заключающий...* 1825]. Интересные сведения о горнозаводском предпринимательстве И.Б. Твердышева, И.С. Мясникова, о влиянии горнозаводской промышленности на положение башкир и другого населения края, о положении заводских крестьян Урала содержатся в трудах историков XIX в. Н.А. Фирсова, В.Н. Витевского, В.И. Семевского *[Семевский,* 1891; 1900; 1901]. По истории уральских заводов плодотворно работали во второй половине XIX в. уральские краеведы. Они ввели в научный оборот документы из фондов местных архивов, а также фольклорный материал. Директор Пермского горного училища Н.К. Чупин в своих трудах широко использовал материалы ревизий и подворных переписей, показал роль башкирских рудоискателей и рудопромышленников в развитии горного дела на Урале. Отдельные факты по теме имеются в трудах В.Н. Шишонко и А.А. Дмитриева

[Чупин, 1873—1888; 1882а; *Шишонко,* 1881—1889; *Дмитриев,* 1890—1900].

История уральских заводов XVIII в. обстоятельно изучена в советское время Д.А. Кашинцевым, Н.Б. Баклановым, П.Г. Любомировым, Б.Б. Кафенгаузом, С.Г. Струмилиным, В.Я. Кривоноговым и др. *[Кашинцев,* 1939; *Бакланов,* 1935; *Любомиров,* 1937; *Кафенгауз,* 1949; *Струмилин,* 1954; *Кривоногое,* 1959] Интерес представляют исследования Н.И. Павленко, П.А. Вагиной, А.С. Черкасовой, А.В. Черноухова, Д.В. Гаврилова, в которых показано вовлечение в сферу рудоискательства и рудопромышленности башкир, строительство и деятельность заводов на территории исторического Башкортостана. Краеведы Г.Ф. и З.И. Гудковы систематизировали сведения по истории заводов, построенных в Оренбургской губернии. Н.М. Кулбахтиным рассматрена история формирования горнозаводской промышленности в Башкортостане *[Вагина,* 1961; 1963; *Павленко,* 1962; *Гудков, Гудкова,* 1985; *Черноухое,* 1988; *Кулбахтин,* 1989; 2000; *Гудков, Гудкова,* 1993; *Алексеев, Гаврилов,* 2008].

Наказы депутатам Оренбургской губернии в Уложенную комиссию 1767-1769 гг., выбранным от населения края, в том числе башкир, подробно проанализированы в работах И.М. Васильева, Н.М. Кулбахтина, И.Н. Кулбахтина *[Васильев,* 2000в; *Кулбахтин Н.М., Кулбахтин КН.,* 2005]. Авторы рассматривают наказы как свидетельство правового положения населения, выступавшего с протестом против возрастания объема повинностей и платежей, государственно-правовой регламентации жизни.

Истории хозяйства и особенностям социальной структуры башкирского общества во второй половине XVIII-XIX в. посвящены труды Р.З. Янгузина *[Янгузин,* 1987; 1989; 1998]. Продолжается работа по изучению городообразовательных процессов создания оборонительной системы укреплений *[Буканова,* 1997б; *Дубман,* 2005]. Крупным исследованием истории башкирских деревень XVIII — начала XX в. является работа А.З. Асфандиярова «История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий» *[Асфандияров,* 2009]. Истории и этапам формирования башкирских населенных пунктов и их названий посвящена монография Ф.Г. Хисамитдиновой «Башкирская ойконимия XVI-XIX вв.» *[Хисамитдинова,* 1991].Заметным вкладом в изучение исторической демографии народов Южного Урала явились работы В.М. Кабузана *[Кабузан,* 1971; 1984; 1990].

Одной из центральных тем истории Башкортостана второй половины XVIII в. является Крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева.

Первая крупная монография о Пугачевском движении, открывшая собой русскую историографию темы, принадлежит перу А.С. Пушкина. В 1834 г. вышла в свет его книга «История Пугачевского бунта». Получив доступ к документам, находившимся в течение нескольких десятилетий под запретом, и собрав мемуары, фольклорные материалы, литературу, А.С. Пушкин создал научное исследование, в котором показал размах Пугачевского движения, объединившего в совместной борьбе русских, башкир, татар и другие народы. Освещая боевые действия башкир-повстанцев с первых дней Крестьянской войны, А.С. Пушкин называл их предводителя, Салавата Юлаева (его имя упоминается при описании семи эпизодов), впервые в отечественной научной литературе воссоздал образ замечательного народного вождя. Идейным лейтмотивом «Истории Пугачевского бунта» была мысль о сквозном характере социальных противоречий в обществе, непрестанно потрясаемом взрывами народного гнева. Автора тревожила разрушительная стихия народных возмущений, которая, по его мнению, не могла привести к разрешению социальных противоречий *[Пушкин,* 1976. С. 5—122].

Крупным явлением в науке был выход трехтомного исследования дворянского историка Н.Ф. Дубровина «Пугачев и его сообщники» *[Дубровин,* 1884. Т. I—III], в котором также был использован большой материал, впервые извлеченный из архивохранилищ страны. В книге значительное место отведено предпосылкам народного движения, тяжелому положению башкир, казаков, приписных крестьян и работных людей южноуральских заводов. При этом автор пытался доказать, что верховные власти всегда защищали народ от произвола со стороны помещиков, заводчиков, чиновников. Оценка классовой борьбы феодально зависимого населения дана с охранительных позиций. Монография Дубровина оказала заметное влияние на изучение истории Пугачевского движения.

В.И. Семевский, А.И. Дмитриев-Мамонов, Р.Г. Игнатьев, П.Л. Юдин, Н.Н. Фирсов и другие исследователи, которые рассматривали Крестьянскую войну как народное восстание, выделяли яицких казаков как организаторов борьбы, башкир как активных участников. Их труды внесли определенный вклад в изучение проблемы *[Игнатьев,*

18736; 1991; *Семевсий*, 1891; 1901; *Юдин*, 1896; 1898; *Дмитриев-Мамонов*, 1907; *Фирсов*, 1908].

Наряду с рассмотрением проблем экономической истории, истории народов Южного Урала во второй половине XVIII в. внимание советских историков было обращено на изучение классовой борьбы трудовых масс.

Написано несколько историографических работ, достаточно подробно освещающих вклад ученых XX в. в исследование пугачевского движения. Отдельная глава монографии В.В. Мавродина «Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева» посвящена историографии 1920—1960-х годов. С анализом литературы, опубликованной в 70—80-е годы, выступили Л.В. Черепнин, В.И. Буганов, Е.И. Индова, А.А. Преображенский, П.Г. Рындзюнский, М.А. Рахматуллин *[Мавродин*, 1961. С. 129—181; *Мавродин*, 1966; *Черепнин*, 1974; *Буганов*, 1977; *Индова, Преображенский*, 1984; *Рындзюнский, Рахматуллин*, 1972]. Авторы подчеркивали, что советские историки, в отличие от дореволюционных, уделявших основное внимание действиям властей по подавлению народного движения, поставили на первое место вопросы социальной направленности выступлений, политику повстанческих центров, карту боевых действий Главного войска Е.И. Пугачева и отдельных отрядов. К заслугам историографии было отнесено выдвижение вопросов теоретического характера.

Самым крупным обобщающим трудом по истории последней крестьянской войны в России является двухтомное исследование, подготовленное ленинградскими учеными под руководством В.В. Мавродина (авторы разделов по Южному Уралу - В.М. Панеях, Ю.А. Лимонов, Н.И. Сергеева) [*Крестьянская...* 1966; *Крестьянская...* 1970]. В монографии подвергнут критике модернизированный историками 20—30-х гг. подход к оценке целей и характера движения как «ранней буржуазной революции» и предложена новая трактовка крестьянской войны как высшей формы социального движения трудовых масс России, направленного на разрушение крепостнической системы.

Десятки научных трудов, написанные с привлечением огромного количества архивного материала, принадлежат известным исследователям Пугачевского восстания А. И. Андрущенко и Р.В. Овчинникову. В них дан анализ социальной сущности, хода и особенностей восстания, рассмотрена идейная позиция его вожаков, деятельность повстанческих органов управления и самоуправления, внесших заметные начала организации в стихийное народное движение [*Андрущенко*, 1969; *Овчинников*, 1980; 1995].

Участие в Крестьянской войне отдельных народов и социальных слоев, составлявших движущие силы восстания, нашли отражение в нескольких монографиях, многочисленных статьях и обзорах *[Кондрашенков*, 1962; *Рознер*, 1966; *Бекмаханова*, 1968; *Беликов*, 1971; *Алишев*, 1973; *Крестьянские...* 1974; *Лимонов, Мавродин, Панеях*, 1974; *Народы...* 1977].

Картина хозяйственно-экономического и социально-политического развития Башкортостана накануне Крестьянской войны и сам ход этого грандиозного народного движения представлены в монографиях И.М. Гвоздиковой, Н.М. Кулбахтина, С.У. Таймасова [*Гвоздикова*, 1982; 1984; 1992; 1999; 2004; *Кулбахтин*, 1984; *Таймасов*, 2002]. В обобщающих трудах «История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в.» *[История...* 1996] и «История Башкортостана с древнейших времен до наших дней» *[История...* 2004] самостоятельные разделы посвящены Крестьянской войне 1773—1775 гг. К числу немногих персональных энциклопедий, изданных в нашей стране, относится научно-популярное издание «Салават Юлаев. Энциклопедия» *[Салават...* 2004]. Жизнь и деятельность башкирского национального героя, поэта и война-полководца представлены на фоне перемен в истории Башкортостана 3-й четверти XVIII в., детально рассмотрен ход боевых действий пугачевцев, предприняты попытки выяснить социальные и национально-психологические корни народного движения. Обзорные и историко-биографические статьи написаны Р.В. Овчинниковым и И.М. Гвоздиковой.

Большой персонифицированный материал ко всем именам и географическим названиям, значащихся в «Истории Пугачевского бунта» и «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, приводится в «Оренбургской Пушкинской энциклопедии» *[Оренбургская...* 1997].

В перечисленных исследованиях констатировалось, что подавляющее большинство населения Башкортостана приняло участие в Крестьянской войне и это стало показателем общности коренных интересов народных масс. Особенностью народного движения было то, что одной из его главных движущих сил были башкиры. Башкирские отряды были стержнем повстанческих сил,. составляя наиболее боеспособную часть войска Е.И. Пугачева и его сподвижников. Впервые в истории своей борьбы башкиры отстаивали права и свободу в одном ряду с русским и другими народами России.

Историография достигла значительных успехов в изучении крестьянских войн в России. Охвачен широкий круг вопросов теоретического, конкретно-исторического и источниковедческого плана, опубликовано много документов. Однако нерешенных и спорных вопросов остается еще немало. По выводам Л.В. Черепнина, подводившего итоги теоретической разработки темы крестьянских войн в отечественной историографии, «в перспективе Крестьянская война под предводительством Пугачева, ускоряя исторический процесс, вела к гибели феодальной формации». В трудах Л.В. Милова, М.Т. Белявского, П.Г. Рындзюнского *[Черепнын*, 1974; *Белявский*, 1978; *Милов*, 1981; *Рындзюнский*, 1983] и других историков обосновывался тезис о том, что объективное содержание крестьянских войн, в том числе Пугачевского движения, не выходило еще за пределы феодальной формации.

Разночтения существовали также в вопросах об идеологии, «программе» повстанцев, отличительных признаках крестьянских войн, дискуссии по которым до сих пор не завершены. Бесспорным, поддержанным большинством историков является определение крестьянской войны как наиболее острой формы выступлений феодально-зависимого крестьянства. По словам Л.В. Милова, крестьянские войны — «постоянный импульс в активизации энергии классового сопротивления народных масс. Они являлись тем маяком, который давал нередко целым поколениям крестьян заветную надежду на свободу и силы для сопротивления».

В своих «Полемических заметках о крестьянских войнах в России» В.М. Соловьев утверждал, что выступления народных масс нельзя ограничивать сугубо классовыми рамками, поскольку они были вызваны различными социальными, имущественными, национальными, религиозными и другими противоречиями и конфликтами. Автор считал необходимым дать оценку роли и месту крестьянских войн в истории России «сквозь призму ... нового политического мышления». В то же время он признал, что «имея в виду XVII-XVIII в., вряд ли исторично ставить под сомнение само право крестьян на силовой протест, когда другие (мирные) возможности изменить свою участь к лучшему (побеги, подача челобитных, массовый уход в раскольничьи скиты и т. п.) себя исчерпали» *[Соловьев*, 1991]. Одобряя новые подходы к изучению крестьянских войн, Соловьев призывал исследователей отказаться «от унитарного мышления, от наивной веры в то, что возможна выработка какой-то единой трактовки крестьянских войн, которая, утвердившись в научной литературе, проводилась бы как единственно верная». По мнению А.С. Орлова, «избавляясь от схематизма и классово-упрощенных оценок», следовало не впадать «в новую крайность в угоду сегодняшним политическим страстям» *[Орлов*, 1994].

К сожалению, в ряде работ конца XX - начала XXI в. «переосмысление» истории Пугачевского движения строилось на недостаточном знании авторами источников или недобросовестном отборе фактов в угоду собственным построениям, а их «новые» теоретические положения воспроизводят оценки дворянских историков. Мощное народное движение, длившееся более двух лет, они называли бунтом, заимствуя терминологию из манифестов Екатерины II; воскрешали идеи о национальном сепаратизме башкир и других «инородцев». В историко-публицистической литературе беспощадно эксплуатировалось высказывание Петруши Гринева из «Капитанской дочки» о «бессмысленности» выступления Пугачева, которое без каких-либо оснований приписывалось А. С. Пушкину. При этом публицисты «забывали» о высокой оценке А.С. Пушкиным действий предводителей восставших: «Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избирали средства самые надежные и действительные к своей цели», нежели правительство *[Пушкин*, 1958. С. 364].

Дискуссионные вопросы Крестьянской войны рассмотрены в работе Ю.Н. Смирнова *[Смирнов*, 2007]. Интерес к таким крупным историческим явлениям как народное восстание под предводительством Пугачева вполне закономерен, но при решении всех спорных вопросов не следует отбрасывать в сторону прежние поиски ответов, а свои новые утверждения необходимо строить на широкой источниковой базе.

Административные преобразования в Башкортостане, социальные отношения в башкирском обществе в последней четверти XVIII в. освещены в работах М.М. Кульшарипова, И.М. Васильева, Д.Д. Азаматова, В.А. Воропанова, а также в очерках «Губернаторы Оренбургского края» *[Азаматов*, 1996; *Губернаторы...* 1999; *Воропанов*, 2001; *Кульшарипов*, 2003; *Васильев*, 2008].

Важное научное значение для исследования истории Башкортостана имело издание документов. Наиболее значительной явилась серия сборников документов XVIII в. «Материалы по истории Башкирской АССР», подготовленная Историко-археографическим институтом АН СССР (Москва). В 1936-1956 гг. издано 5 томов, в 2002 г. — 6-й том:

том I «Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в.» (составитель А.П. Чулошников) *[Материалы...* 1936. Ч. 1]; том II (не опубликован) подготовлен к печати А.П. Чулошниковым, Н.К. Дмитриевым, Ш.И. Типеевым, включает документы по истории восстания 1755-1756 гг.; том III — «Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в.» (отв. ред. Б.Д. Греков) *[Материалы...* 1949. Т. III], том IV - «Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50-70-х годах XVIII в.» (состоит из двух частей) *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2]; том V - «Башкиры в последней четверти XVIII в.» (отв. ред. Н.В. Устюгов) *[Материалы...* 1960. Т. V]; том VI - «Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в.» (отв. ред. Ю.М. Абсалямов) *[Материалы...* 2002. Т. VI]. Составителем III—VI томов является Н.Ф. Демидова.

Кроме документов на русском языке, стали вводится в оборот документы на тюрки. Среди них особое место занимают публикации башкирских шежере. Начало научной публикации этих источников положено изданием в 1960 г. Р.Г. Кузеевым сборника «Башкирские шежере» *[Башкирские...* 1960]. В 2002 г. опубликован сборник «Башкирские родословные» *[Башкирские...* 2002. Вып. 1].

Ряд сборников документов посвящен истории Крестьянской войны 1773—1775 гг.: трехтомное издание «Пугачевщина» *[Пугачевщина,* 1926. Т. I; *Пугачевщина,* 1929. Т. II; *Пугачевщина,* 1931. Т. III], «Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773—1774 гг.» *[Документы...* 1975], «Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии» *[Крестьянская...* 1975], «Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье» *[Воззвания...* 1988].

Несомненные достижения имелись и в изучении духовной и материальной культуры башкирского народа. Значительна литература по культуре и быту башкир. Сущность, своеобразие и факторы развития культуры башкирского народа получили отражение в трудах литературоведов, языковедов, фольклористов, этнографов, философов. Изучение башкирской художественной литературы XVI-XVIII в. многие десятилетия развивалось в рамках литературного краеведения. Системное изучение литературного наследия башкирского народа началось в XX в. Впервые история башкирской литературы XVIII в., анализ сохранившихся рукописных и старопечатных книг представлены в монографии А.И. Харисова на башкирском языке и в ее переводе на русский язык — «Литературное наследие башкирского народа: XVIII-XIX в.» *[Харисов,* 1965; 1973]. Выход в свет этого исследования ознаменовал коренной перелом в оценке башкирской литературы. Значительным вкладом в изучение национальной художественной литературы стал коллективный труд «История башкирской литературы». В первом томе издания дана оценка литературному наследию XVI-XVIIIb. *[История...* 1990].

Значителен вклад в литературоведческую науку академика АН РБ Г.Б. Хусайнова, редактора большинства коллективных работ, автора многих монографий, в т. ч. «Башкирская литература XI-XVIII вв.», «Литература и наука. Избранные научные труды», в которых рассматривается башкирская литература средневековья и нового времени, дается оценка научного наследия Р.Ф. Фахретдинова *[Хусаинов,* 1996; 1998]. В 1993 г. им опубликовано «Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне», с введением, комментариями и статьей «Лексические и грамматические особенности языка Батырши» *[Академик...* 2000].

В конце XX — начале XXI в. появились обобщающие теоретические труды по истории башкирской литературы. Изустный и письменный характер бытования башкирской литературы, вопросы развития ее жанров рассмотрены в трудах М.Х. Надергулова, М.Х. Идельбаева, З.Я. Шариповой *[Надергулов,* 2002; *Идельбаев,* 2003; *Шарипова,* 2008].

История школьного образования башкир в XVI-XVIII в. не имеет монографического исследования. О школах, училищах, медресе отдельные сведения содержались в трудах Ризаэтдина бин Фахретдина «Асар», М. Уметбаева «Ядкар», «Записках...» И.И. Лепехина, работах В.Н. Витевского, «Очерках по истории Башкирской АССР», монографии М.Н. Фархшатова «Народное образование на Южном Урале в пореформенный период» *[Очерки...* 1956; *Фархшатов,* 1994].

Изучению башкирского литературного языка так называемого донационального периода (XIII - вторая половинаX1Xв.), функционированию тюрки Урало-Поволжья, его сближению с башкирским общенародным языком и языком фольклора посвящена коллективная работа «Очерки истории башкирского языка», труды Р.Х. Халиковой, И.Г. Галяутдинова и Э.Ф. Ишбердина *[Ишбердин,* 1986; *Очерки...* 1989; Халикова, 1990; *Галяутдинов,* 2000].

Большой вклад в изучение духовной культуры, башкирского народа вносили также фольклористы и философы. Крупным достижением фольклори-

стов Башкортостана стало систематизированное издание образцов башкирского фольклора «Башкирское народное творчество». В 1954-1959 гг. было осуществлено его первое издание в 3-х томах. В 1972-1985 гг. Институтом истории, языка и литературы БФ АН СССР под научным руководством А.И. Харисова, Г.Б. Хусаинова и А.Н. Киреева было подготовлено и опубликовано 18 томов. С 1995 г. начато расширенное издание свода под научным руководством А.М. Сулейманова. В 2009 г. вышел том XIII. Параллельно осуществлялось научное издание памятников башкирского фольклора в переводе на русский язык. В 1987-2010 гг. вышло в свет 12 томов; научный руководитель — Н.Т. Зарипов.

Изучению башкирского народного творчества посвятили свои труды многие ученые республики. В монографиях А.Н. Киреева изложена история изучения эпоса, выделены его жанровые особенности *[Киреев,* 1961; 1970]. Фольклорные жанры и образы представлены в трудах С.А. Галина *[Галин,* 1977; 2004]. Исследованию сказок и исторического эпоса посвящены работы Н.Т. Зарипова *[Зарипов,* 1981; 1990].

Научная деятельность М.М. Сагитова была связана с проблемами башкирского эпосоведения. Он подготовил научную публикацию эпосов «Урал-батыр», «Акбузат» и др., монографии «Древние башкирские кубаиры», «Историко-мифологические основы башкирского народного эпоса» *[Сагитов,* 1987; 2009]. Продолжением текстологического анализа эпоса «Урал-батыр» стала работа Ш.Р. Шакуровой «Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: архивный первоисточник и его текстологический анализ» *[Шакурова,* 2007].

В трудах Ф.А. Надршиной рассмотрена теория таких жанров фольклора как пословицы, предания, легенды. Ею написаны книги «Память народная (исторические корни и жанровые особенности башкирских народных преданий и легенд)», «В преданиях и легендах - история народа (Башкирские народные предания и легенды: исторические корни, жанровая специфика)» *[Надршина,* 2006; 2011]. Ф.А. Надршина — автор-составитель сборников «Урал-батыр: башкирский народный эпос», «Салават в башкирском фольклоре», вышедших на башкирском, русском и английском языках *[Урал-батыр...* 2003; *Салават...* 2008. Т. I—II].

В монографиях А. М. Сулейманова раскрыта поэтика и стиль башкирских сказок *[Сулейманов,* 1994; 1997]. Башкирские волшебные сказки исследованы в книге Г.Р. Хусайновой «Поэтика башкирских народных волшебных сказок» *[Хусайнова,* 2000]. Обрядовому фольклору посвящены нучные работы Р.А. Султангареевой, среди которых монографии «Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа», «Жизнь человека в обряде» *[Султангареева,* 1998; 2006а].

Проблемы башкирской культуры и духовности рассмотрены в монографиях З.Я. Рахматуллиной *[Рахматуллина,* 2001; 2002].

Музыкальное творчество башкир раскрывается в работах Л.П. Атановой, Н.В. Ахметжановой, Р.С. Сулейманова *[Атанова,* 1992; *Сулейманов,* 2002; *Ахметжанова,* 2008; 2009].

Начало научному изучению материальной культуры башкирского народа было положено трудами П.И. Рычкова, И.Г. Георги, И.И. Лепехина, П.С. Палласа, И.П. Фалька. Значительный этап в изучении быта и культуры башкир пришелся на конец XIX — начало XX в. с появлением работ С.Г. Рыбакова, Д.П. Никольского, С.И. Руденко *[Рыбаков,* 1897; *Никольский,* 1899; *Руденко,* 1925]. Новая редакция работы С.И. Руденко была опубликована в 1955 г. и 2006 г. под названием «Башкиры: Историко-этнографические очерки» *[Руденко,* 1955; 2006].

Во второй половине XX в. был издан ряд научных исследований по традиционной башкирской этнографии. В разряд этнографической классики вошла книга Р.Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения» *[Кузеев,* 1974]. В разделе «Этническая история башкирских племен» изложена история расселения основных этнических и этногеографических групп башкир в XVII—XIX в.

Одним из лучших знатоков семейного быта и обрядности тюркских народов являлся Н.В. Бикбулатов. Он изучал традиционные семейные и общественные отношения у башкир, в том числе обычаи, связанные с семейно-брачными отношениями, наследованием имущества. Его авторству принадлежат монографии «Башкирский аул: Очерк общественной и культурной жизни», «Башкирская система родства», крупные разделы в коллективных работах «Декоративно-прикладное искусство башкир», «Народное искусство башкир», «Декоративное творчество башкирского народа» *[Бикбулатов,* 1969; 1981; *Декоративно-прикладное...* 1964; *Народное...* 1968; *Декоративное...* 1979].

Материальная культура башкир XVIII-XIX в., декоративно-прикладное искусство стали основными темами исследований С.Н. Шитовой, автора нескольких монографий, в т. ч. «Традиционные

поселения и жилища башкир», «Башкирская народная одежда», «Резьба и роспись по дереву у башкир», «Народное искусство: Войлоки, ковры и ткани у южных башкир» [*Шитова,* 1984; 1995; 2001; 2006].

Народная хореография и праздненства впервые широко изучены в трудах Л.И. Нагаевой *[Нагаева,* 1981; 1995; 1999].

По данным этнографии и фольклора в книге А.Ф. Илимбетовой и Ф.Ф. Илимбетова «Культ животных у башкир» выявлены обрядовые действия, элементы традиционного мировоззрения башкир *[Илимбетова, Илимбетов,* 2009]. Изучению обычного права башкир посвящена монография Н.Г. Мухтарова *[Мухтаров,* 2007].

Традиционные средства передвижения и промыслы у башкир рассматриваются в работах М.Г. Муллагулова *[Муллагулов,* 1992; 1994].

Обобщением научных достижений этнографов и антропологов Башкортостана стала коллективная монография ученых ИИЯЛ УНЦ РАН Н.В. Бикбулатова, Р.М. Юсупова, С.Н. Шитовой, Ф.Ф. Фатыховой «Башкиры: Этническая история и традиционная культура» *[Башкиры...* 2002]. В книге рассмотрены традиционные формы хозяйства, материальной и духовной культуры, социальной организации башкирского общества. В работах А.В. Псянчина осмыслены теоретические проблемы этнической картографии как целостной научной дисциплины. На основе обобщения и систематизации обширного материала создана концепция истории становления и развития этнической картографии в России в XVII-XXb. *[Псянчин,* 2001; 2008]

Таким образом, по истории башкирского народа второй половины XVI—XVIII в. имеется значительное число исследований, большая часть которых написана в советское время. В них достаточно подробно рассмотрены политическое и социально-экономическое развитие края, положение народных масс, их борьба за свои права, основные аспекты культуры, взаимоотношения коренного и пришлого населения. В то же время нуждаются в дальнейших специальных исследованиях такие темы как участие башкир в войнах России XVII—XVIII в., взаимоотношения башкир с казахами, калмыками, казанскими и сибирскими татарами, история тептярей-башкир в это время, вхождение зауральских башкир в состав Русского государства, школа, просвещение и ислам в Башкортостане.

БАШКИРСКИЕ РОДОСЛОВНЫЕ (ШЕЖЕРЕ) И ТАВАРИХ КАК ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Шежере (араб, *дерево, древо)* и **таварих** (араб. *истории*) — древнейшие письменные тюркоязычные источники. В нарративных шежере генеалогическое древо сопровождается краткими описаниями деятельности отдельных личностей и крупных событий из прошлого родов и племен. В таварихах повествуется об исторических событиях и явлениях более пространно и подробно. В них элементы историзма и фактологичности неразрывно сосуществуют с элементами легендарности и вымысла. Начиная с XVIII в. шежере и таварих стали входить в источниковую базу исследований по истории Башкортостана.

Шежере. Библиотеки и архивы Уфы, Казани и Петербурга, а также частные лица хранят, по разным подсчетам, от полутора до двух сотен документов, считающихся (с разной степенью вероятности) родословными башкир. К настоящему времени из их числа составлены и опубликованы два свода: «Башкирские шежере. 1960»* и «Башкирские родословные. Вып. 1. 2002»**. Эти издания отличаются друг от друга многими особенностями, но общим в них является публикация башкирских родословных в переводе с тюркского языка на русский.

Свод «Башкирские шежере» имеет трехчастную композицию: транскрипция документа на кириллицу, перевод документа на русский язык и его фотокопия (первой и третьей частей свод «Башкирские родословные» не имеет) (табл. 1).

Из двадцати пяти документов этого свода в «Башкирские родословные» были включены одиннадцать, и в итоге оба свода содержат сорок два перевода (Табл. 2).

Состав свода «Башкирские родословные» существенно отличается от «Башкирских шежере» 1960 г. и генетически восходит к другой, более поздней работе Р.Г. Кузеева. Здесь документы группируются сообразно историко-этнографическим областям расселения башкир: юго-восточные, северо-восточные, юго-западные и северо-западные башкиры *[Кузеев* 1974. С. 107-193, 194-298, 299-315, 316-374]. Такой выбор определен двумя соображениями: а) предложенный Р.Г. Кузеевым в «Происхождении башкирского народа» порядок исследования был встречен с пониманием, не вызвал возражений и стал общепризнанным, поэтому б) мы следуем этому порядку, чтобы задним числом иллюстрировать монографию материалами родословных документов и тем самым облегчить исследователям сопоставительную работу.

Проведенный дипломатический анализ родословных не выявил единого, общего для всех документов формуляра. Они имели разную форму (текстовую, схематическую или смешанную текстово-схематическую) и разный тип (историческое предание, нисходящее схематическое родословие или нисходящее ступенчатое текстовое родословие’'** и др.).

Содержание документов. Мы уверены, что не нуждается ни в каких доказательствах то очевидное

л:!Далее в тексте это издание обозначается аббревиатурой БШ.

" Далее в тексте это издание обозначается аббревиатурой БР.

Нисходящим ступенчатым родословием мы называем нисходящее перечисление имен в тексте, когда при нескольких сыновьях у отца составитель перечисляет потомков одного брата, потом возвращается вверх к отцу и перечисляет потомков другого брата и так далее, то есть изложение движется то вниз по ступеням степеней родства, то вновь поднимается наверх, как в БР в приложении к документу № 3 (стр. 189—202) и в документах № 24, 27. Примеры коротких восходящих родословий см. там же документ № 26 (стр. 1—4) и № 27 (стр. 336, примеч. b)

Таблица 1

ДОКУМЕНТЫ СВОДА «БАШКИРСКИЕ ШЕЖЕРЕ»

Краткое название документа в «БШ»	Расположение документа в БШ»		
	транскрипция	перевод	фотокопия
I. Племя Юрматы	27-31	31-35	233-243
II. Деревни Чатырман и Мукач [племя Юрматы]	36-42	43-49	244-245
III. Племя Мин	50-51	52-53	246-247
IV. Племя Мин	54-58	58-62	248-249
V. Племя Мин, деревня Мурадымово	63—66	67-70	250-251
VI. Племена Бурзян, Кыпсак, Усерган, Тамьян	71-72	73-74	252-253
VII. Племена Бурзян, Кыпсак, Усерган, Тамьян	75-78	78-80	254-260
VTII. Племя Усерган [стихотворное]	81-84	84-87	нет
IX. Племя Усерган	88-90	91-92	261
X. Племя Кыпсак	93-94	95-96	262-263
XI. Племя Кыпсак	97-98	99-101	264
XII. Род Кары-Кыпсак племени Кыпсак	102-103	104-105	265
XIII. Племя Кыпсак	106-107	108-109	266
XIV. Род Карагай-Кыпсак племени Кыпсак	110-115	116-120	267-268
XV. Племя Бурзян	121-126	127-132	269-270
XVI. Племя Бурзян	133-138	139-144	271-272
XVII. Племя Тамьян	145-149	150-154	273-274
XVIII. Племя Табын	155-156	156	275
XIX. Племя Табын	157	158	276
XX. Род Кальсер-Табын племени Табын	159-160	161-162	нет
XXI. Племя Табын	163	163	277
XXII. Род Кара-Табын племени Табын	164-165	165	278
XXIII. Племя Айле	нет	166-167	нет
XXTV. Племя Айле	168-170	171-172	279-283
XXV. Башкирские племена	173-174	174	284

Таблица 2

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ДОКУМЕНТОВ
«БАШКИРСКИХ РОДОСЛОВНЫХ» И «БАШКИРСКИХ ШЕЖЕРЕ»

Номер и название рода в публикации «БР»	Расположение рода	Страницы перевода документа в «БР»	Документы «БШ», вошедшие в «БР»	Документы «БШ», не вошедшие в «БР»	№ п/п
№ 1. Юрматы	Юго-восток	43-50	БШ II		1.
№ 2. Юрматы	Юго-восток	51-60	БШ I		2.
№ 3. Юрматы	Юго-восток	61-96, 96-104			3.
№ 4. Бурзян	Юго-восток	107-114	БШ XV		4.
				БШ XVI	5.
№ 5. Тамьян	Юго-восток	117-120			6.
№ 6. Тамьян	Юго-восток	121-128	БШ XVII		7.
№ 7. Тамьян	Юго-восток	129-134			8.
№ 8. Кыпсак	Юго-восток	137-146	БШX1		9.
	Юго-восток			БШ X	10.
	Юго-восток			БШ XII	И.
	Юго-восток			БШ XIII	12.
	Юго-восток			БШ XIV	13.
№ 9. Усерган, бурзян, кыпсак и тамьян	Юго-восток	149-154	БШ VI		14.
№ 10. Усерган, бурзян,кыпсак и тамьян	Юго-восток	155-158			15.
	Юго-восток			БШ VII	16.
	Юго-восток			BIIIVIII	17.
	Юго-восток			БШ IX	18.
№ 11. Айле	Северо-восток	163-186	БШ XXIV		19.
	Северо-восток			БШ XXIII	20.
№ 12. Тырнаклы	Северо-восток	189-205, 205-212			21.
	Северо-восток			БШ XVIII	22.
	Северо-восток			БШX1X	23.
	Северо-восток			БШXX	24.
	Северо-восток			БШ XXI	25.
	Северо-восток			БШ XXII	26.
№ 13. Юмран-табын	Северо-восток	215-238, 238-248			27.
№ 14. Сарылы-минг	Юго-запад	253-258			28.
№ 15. Илькей-минг	Юго-запад	259-262			29.
№ 16. Минг	Юго-запад	263-274	БШ III		30.
№ 17. Минг	Юго-запад	275-284	БШ IV		31.
№18. Миркит-минг	Юго-запад	285-298	ВШ V		32.
№ 19. Минг	Юго-запад	299-310	БШ IV		33.
№ 20. Буляр	Северо-запад	315-320			34.
№ 21. Байлар	Северо-запад	323-336			35.
№ 22. Байлар	Северо-запад	337-342			36.
№ 23. Байлар	Северо-запад	343-350			37.
№ 24. Байлар	Северо-запад	351-354			38.
№ 25. Ирякте	Северо-запад	357-366			39.
№ 26. Ирякте	Северо-запад	367-388			40
№ 27. Ирякте	Северо-запад	389-408			41.
				ВШ XXV	42.

Таблица 3

ЭТНОНИМЫ, ТОПОНИМЫ И ХРОНОЛОГИЯ
В ДОКУМЕНТАХ СВОДА «БАШКИРСКИЕ РОДОСЛОВНЫЕ»

№ документа	Этнонимы	Топонимы	Даты
1	Есть	Есть	Есть
2	Есть	Есть	Есть
3	Есть	Есть	В приложении
4	Есть	Есть	Есть
5	Есть	Есть	Есть
6	Есть	Есть	Есть
7	Есть	Есть	Есть
8	Есть	Нет	Есть
9	Есть	Есть	Есть
10	Есть	Есть	Есть
11	Есть	Есть	Есть
12	В приложении	Есть	Есть
13	Есть	Есть	Есть
14	Нет	Есть	Есть
15	Нет	Есть	Есть
16	Есть	Есть	Есть
17	Есть	Есть	Нет
18	Есть	Есть	Есть
19	Есть	Есть	Есть
20	Есть	Есть	Есть
21	Есть	Есть	Есть
22	Нет	Есть	Есть
23	Есть	Есть	Есть
24	Есть	Есть	Есть
25	Есть	Есть	Есть
26	Есть	Есть	Нет
27	Есть	Есть	Нет

положение, что составление родословных есть дело чрезвычайно трудоемкое, общественно ответственное и весьма человеколюбивое. Последнее обстоятельство особенно ценно для нас, ибо вряд ли найдется другой какой жанр устной или письменной словесности, замысел, корень, стержень, ядро которого заключались бы именно в человеколюбии, в жизнелюбии, в восприятии человеческой жизни как непрерывного творческого процесса. Безусловно также и то, что в эпоху создания родословных — а это была эпоха многовековых усилий всего башкирского народа спасти от внутреннего разложения и внешнего разрушения родоплеменные отношения, — что в эту эпоху человеколюбие было особенно обостренным и потому конкретно-адресным. Читатели найдут много подтверждений этому, но просим обратить внимание на заветы Таджиддина (стк. 453-456 документа № 11 в БР) и Янбакты (стк. 21 документа № 16 в БР), а также на рефлексию человека второй половины XIX в. Мухаммедгали аль-Чукури на проявившиеся задолго до него результаты припуска башкирами инородцев на свои вотчинные земли (стк. 184, 196 документа № 26 в БР).

Многие документы свода «Башкирских родословных» сохранили для нас не только собственно генеалогические сведения, но и фрагменты исторической памяти народа и картины его быта, с разной степенью точности и достоверности сведения о присоединении башкир к Русскому государству, заинтересуют и упоминания о способах обретения башкирами прав на свои земли, заинтересуют также и обстоятельства, при которых башкиры овладевали этими землями.

Содержание каждого документа было подвергнуто дипломатическому анализу с точки зрения

наличия в нем формальных реквизитов *[Каштанов,* 1970. Гл. 1—2]. Подобного рода формальный анализ, как нам представляется, является очень перспективным направлением в изучении башкирских родословных, а их дипломатическое сравнение с русскими документами позволит различать оригинальные документы и документы, переведенные с русского языка.

Все публикуемые документы являются оригинальными произведениями тюркской письменности, за исключением переводов с русского языка: документов БР № 9 и 10 и текстовых частей документов БР № 6 и 16.

Ценными во многих отношениях сведениями родословных документов являются такие содержащиеся в них приметы, как этнонимы, топонимы и даты в БР (табл. 3).

Характеристика документов с исторической точки зрения также должна опираться в первую очередь на внешнюю критику. Мы бы хотели предостеречь читателей от излишней доверчивости к хронологии родословных: сообщаемые ими даты не всегда соответствуют действительности (см., например, дату воцарения Екатерины II и даты назначения и смерти муфтиев Оренбургского магометанского духовного собрания в приложении к документу № 3 в БР или дату указа генерал-губернатора в документе № 13 в БР, не говоря уже об обыкновенных описках переписчиков). Хронология, летописание никогда не были объектом родословных. Историческая память этих документов не абсолютна, но относительна: следование событий одно за другим, их череда важны для составителей родословных настолько, насколько они поддерживают (или служат историческим фоном) следование одного поколения людей за другим, поэтому мы никогда не встретим в наших документах таких анахронизмов, как то, что Аксак Тимур правил раньше Чингиз-хана или что сначала башкиры приняли русское подданство, а уже потом Иван Грозный взял Казань. Именно поэтому мы в равной степени хотели бы предостеречь читателей и от излишней недоверчивости к хронологии родословных: за историческими справками и датировкой событий следует обращаться к документам других жанров.

Еще одна содержательная характеристика документов свода — это главная тема каждого из них. Конечно, для того чтобы составить их исчерпывающую классификацию, требуется специальное исследование, построенное на многих основаниях. Нам же сейчас, для нашей ближайшей цели - установления специфики башкирских родословных, - достаточно пяти оснований: род, семья, поселение, волость и территория. На этих основаниях самая первая и самая абстрактная их классификация может выглядеть так:

1) родовые родословные (документы № 4, 6,7, 8, И, 17, 19,25,26, 27 в БР);

2) семейные родословные (документы № 1, 14, 22 в БР);

3) поселенные родословные (документы № 3, 20 в БР);

4) волостные родословные (документы № 5, 12, 13, 15, 16, 18, 21, 23, 24 в БР);

5) документы о территориях, занимаемых одним или несколькими родами (документы № 2, 9, 10 в БР).

Цели составления родословных:

1) так, у бурзянов мы читаем: «Из следующей грамоты становится известно по именам, кто из какого рода происходит. Сначала написаны имена ханов времен Чингиз-хана, а затем — имена биев после них, чтобы будущие дети смотрели по ней, кто от кого родился, имена своих предков знали бы и смогли бы написать их» (стк. 9-11 документа БР №4);

2) М. Уметбаев, возведенный в дворянское достоинство по заслугам своего отца, с осуждением пишет о целях составителей продолженной им родословной: «Сие шеджере списано со старого шеджере, составленного в начале 1800 года. То старое шеджере, должно быть, приказал составить токский старшина Исенгул, сын Каипкула, который говорил: „Сим шеджере я исхлопочу признания в звании мирзы!“, — и, придя к нам, юмранам на Ак Идели, ходил по многим людям и собирал деньги. Не заплативших ему той порой он не вписал в список, а заплативших - показал в списке. Так, меж семи сыновей Габбаса потомком мирзы он записал только Бердигула» (стк. 50—48 документа № 13 в БР);

3) Г. Кийиков преследовал совершенно другую цель: «В старых шеджере, которые были у меня в руках, предков нашего рода башкир ирякте, насколько хватает моего разумения, я возвожу к разыскавшему Чингиз-хана и передавшего его матери Алангува-ханым Майкы-бию...» (стк. 7-11 документа № 27 в БР).

Родовые атрибуты родословных:

1) у юрматы: дерево - ива, птица — балабан, тамга — «вилы», опознавательный клич — «Ак тюбя!» (документ № 3 в БР);

2) у кыпсаков: дерево - вяз, птица — беркут, тамга - арабская буква «даль», опознавательный клич - «Туксаба!» (документ № 8 в БР);

3) у мингов: дерево — береза, птица - ястреб, тамга — «пара ребер», опознавательный клич — «Алач!» (документ № 15 в БР).

Сведения о ясаке:

1) у юрматы - куница (документ № 2 в БР);

2) у бурзянов - лиса (документ № 4 в БР);

3) в документе о разделении земель — лошадь, куница, лиса, другие ясаки и деньги (документ № 9 в БР);

4) в документе о разделении земель - лиса (документ № 10 в БР);

5) у мингов — куница и мед (документ № 16 в БР);

6) у ирякте — выдра, мед, куница, белка, деньги (документ № 26 в БР);

7) у ирякте — куница (документ № 27 в БР);

Сведения о владениях башкирских родов:

1) у юрматы - описаны границы земель каждой тюби (документ № 2 в БР);

2) у юрматы - названы аулы и аймаки (документ № 3 в БР);

3) у бурзянов - названы аулы (документ № 4 в БР);

4) у тамьянов — назван аул (документ № 5 в БР);

5) у тамьянов - названа волость (документ № 6 вБ Р);

6) у тамьянов - названы волость и аулы (документ № 7 в БР);

7) в документе о разделении земель — описаны границы земель четырех родов (документ № 9 в БР);

8) в документе о разделении земель - описаны границы земель четырех родов (документ № 10 в БР);

9) у айли - названы реки (м № 11 в БР);

10) у тырнаклы - названы аулы (документ № 12 в БР);

11) у юмран-табынов - названы реки и аулы (документ № 13) в БР);

12) у мингов - назван аул (документ № 14 в БР);

13) у мингов — названа волость (документ № 15 в БР);

14) у мингов — названа волость (документ № 16 в БР); '

15) у мингов - назван аул (документ № 17 в БР);

16) у мингов - названы аулы (документ № 18 вБР); '

17) у буляров — названы волость и аулы (документ № 20 в БР);

18) у байларов — названы волость и аулы (документ № 21 в БР);

19) у байларов — названы аулы и реки (документ № 22 в БР);

20) у байларов - названы волость и аулы (документ № 23 в БР);

21) у байларов — названы волость и аулы (документ № 24 в БР);

22) у ирякте — названы реки (документ № 25 в БР);

23) у ирякте - названы уезды, реки и аулы (документ № 26 в БР);

24) у ирякте - названы губернии, уезды, или, реки и аулы (документ № 27 в БР);

Сведения о праве на владение этими землями:

1. Юрматы сами пошли в Казань к Ивану Грозному, покорились, просили землю, получили ее, согласились платить ясак: «После того, как Татигач стал бием, в год девятьсот пятьдесят девятый, в год Мыши, во второй день созвездия Скорпиона*, Казань-город взяли русские. После этого Белый бий стал падишахом. После этого во все стороны он направил посланцев с грамотами, и тогда стало известно, а был в ту пору год девятьсот шестьдесят первый: „Кто бы то ни был пусть не бежит, каждый в своей вере пусть остается и следует своему закону“. Когда эти посланцы ходили и объявляли это был год девятьсот шестьдесят первый.

И вот я, Татигач-бий, ничего другого придумать не имея случая, от народа трех тюбь взял трех человек: первый — Азнай-баба, второй - Ильчик-тимер-баба, третий — Кармыш-баба, и вместе вчетвером, взяв друзей-спутников, направились в Казань-город и покорились Белому бию-падишаху. Получили за это высочайшую награду и атлас. „Мы люди с тремястами домами“, - известили мы шаха. От бежавших ногаев оставшиеся земли мы нижайше просили дать нам и получили их . Верхняя межа - река Нутуш, нижняя межа - река Кукуш, по обе стороны от них вытекающие реки, и степи, и горы, и скалы он дал нам . Согласившись платить ясак куницей, мы присягнули на верноподданство. После этого Белый бий-падишах мне, Татигачу, милостиво даровал чин мирзы. Азнаю даровал должность старосты.

После этого мы вернулись в свой юрт. Я собрал людей и сказал: „О сотоварищи мои! Мы ходили к Белому бию-падишаху. И покорились ему. И стали его рабами. Мне, Татигачу, падишах милостиво даровал чин мирзы, Азнаю даровал должность старосты. И у падишаха бежавших ногаев земли мы

* 959 г. х. приходился на 1551—52 гг. от Р. Х. По средневековому зодиакальному календарю Солнце находилось в созвездии Скорпиона в октябре.

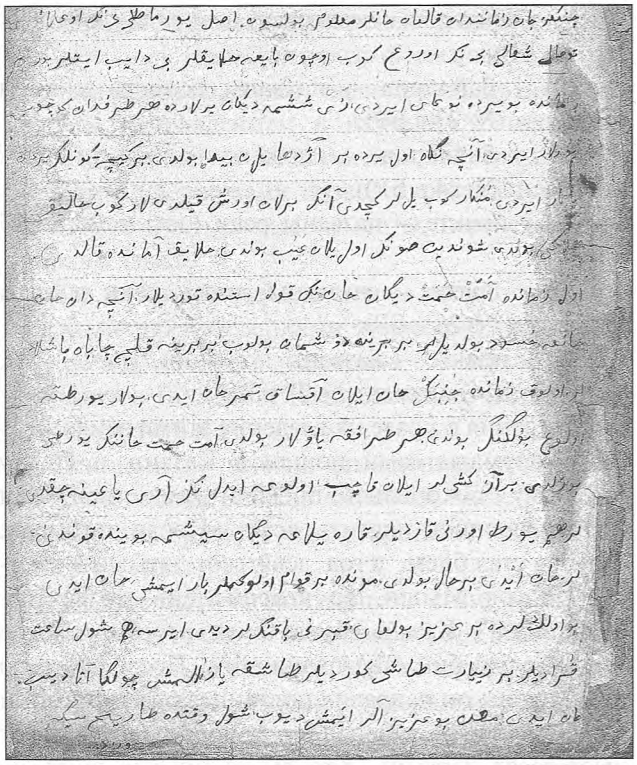

Рис. 1. Страница шежере рода Юрматы

Рис. 2. Анонимное сочинение «Чингизнаме»

нижайше просили дать нам и получили их. Мы согласились платить ясак сто куниц. А вы ныне примете ли все это ?“. Все эти люди сказали : „Все мы душой и сердцем согласны![11]» [стк. 71—98 документа № 2 в БР].

2. Усерганы, кыпсаки, бурзяны и тамьяны были вызваны в Казань царем Иваном Васильевичем, названы подданными, просили землю, получили ее, согласились платить ясак: «В 961-м году хиджры созвездия Скорпиона 2 го дня* люди России с боем взяли город Казань. В этом городе они построили себе дома.

После этого четверо от четырех родов, то есть от усерганов - князь Бикбав, от кыпсаков - сын Меши, князь Каракуджак, от бурджанов - князь Ильчикей-бий, то есть князь Бурангул-бий, от тамьянов - князь Шагали Шакман по вызову Его Величества Шаха нашего Императора, Великого князя, царя Ивана Васильевича-хазрета пошли в город Казань. Его Величество Шах наш назвал их полными подчиненными и подданными и взял к себе . После того, как им были дарованы достоинства биев и князей, а затем они приняли пожалованные им земли, после этого Шаху-хазрету нашему они подали прошение: означенные земли их и воды их обмерить.

Шах прошение их принял и силою своего фармана даровал им чины и звания тарханов и князей, а для обмеривания земель их и вод их в Ногайскую и Сибирскую дороги направил писцов. Каковые писцы вотчинные степные земли их, и леса их, и горные цепи их, и воды их обмежевали и обмерили.

И каждый из них направился на известные свои земли и сел на них. А для того, чтобы у сыновей сынов их даже последний день был покойным, за эти земли они согласились платить лисий ясак и платили лисий ясак.

Из следующей грамоты становится известно по именам, кто из какого рода происходит.

Сначала написаны имена ханов времен Чингизхана, а затем — имена биев после них, чтобы будущие дети смотрели по ней, кто от кого родился, имена своих предков знали бы и смогли бы написать их» [стк. 2—11 документа № 4 в БР].

3. Тамьяны купили землю у башкир-вотчинников в Кыр-Еланской волости: (документ № 5 в БР).

* 961 г. х. приходился на 1553-54 гг. от Р. Х. По средневековому зодиакальному календарю Солнце находилось в созвездии Скорпиона в октябре.

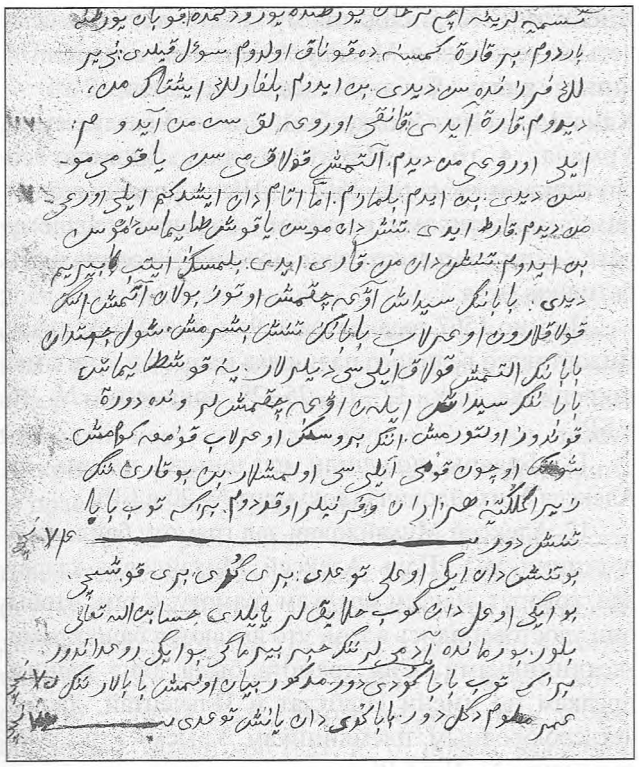

Рис. 3. Страница шежере рода Айле

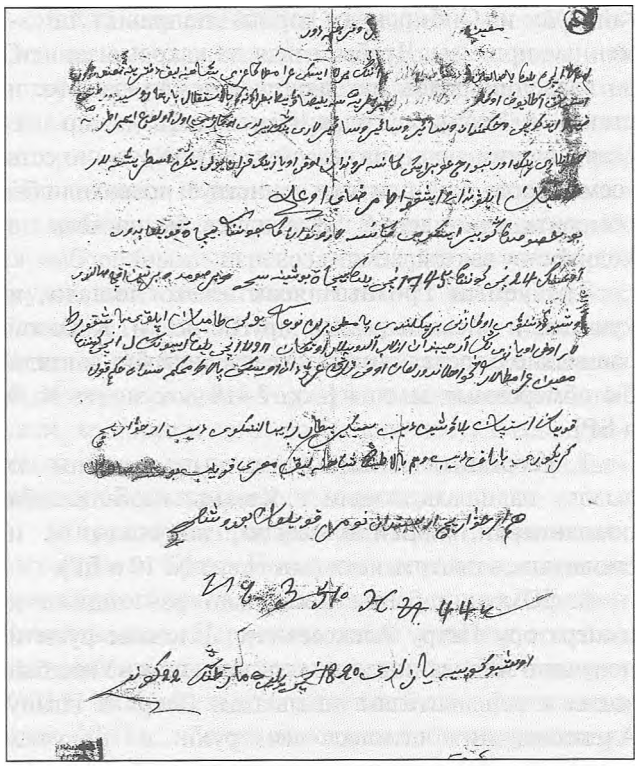

Рис. 4. Страница шежере рода Тамьян

4. Тамьяны, усерганы и кыпсаки были вызваны царем Иваном Васильевичем, склонили головы, просили дать землю. Елизавета Петровна подписала владенный указ: «Подписанный в 1745-м году владенный указ и с ним старую грамоту в шахской тетради закрепил Степан Атаев. Указ выдан Ее Величеством Императрицей Елизаветой Петровной, Самодержавной Правительницей Всероссийской и прочая, и прочая, и прочая.

Из Оренбургской губернской канцелярии Ее Величества Императрицы указ был выдан старейшинам Казанской дороги Уфимского уезда, от Тамьянской волости - Ишкувату, сыну Мирзая. Относительно сего Губернской канцелярии казенная печать приложена августа 24 дня 1745-го года. Печатная пошлина положена один рубль да одна копейка денег.

Сей владенный указ со скрепленной его памятью башкиры Ногайской дороги Тамьянской волости нашли в архиве Уфимского уезда и получили прошлого 1798-го года июня 15-го дня» [стк. 2-9 документа № 6 в БР].

5. Кыпсаки, бурзяны, тамьяны и усерганы сами подчинились царю (документ № 8 в БР).

6. Усерганы, бурзяны, тамьяны и кыпчаки были вызваны Иваном Грозным в Казань, были взяты под покровительство, просили дать землю по грамоте и согласились платить ясак: «Начиная с 1547 года Его Величество шах наш, царь Иван Васильевич Грозный с людьми России пришел брать город Казань. Много раз бился, и во время одного из татарских ханов, Ядкар-хана, 1552-го года октября 2-го дня полностью взял город в свои руки. И построили они себе в этом городе Казани много домов.

После этого башкиры, четыре рода к востоку от Казани, по общему счету лучших людей своих отправили к тому царю Ивану.

Их прихода он и сам потребовал.

Из каковых <1-й> от рода усерган - князь Бикбав, <2-й> от рода бурджан - князь Искибий, <3-й> от рода кыпсак - князь Мешавли Каракуджак, <4-й> от рода тамьян - князь Шагали Шакман.

Указанные четыре бия пошли в город Казань, и Ивана Грозного осведомили о них. Каковой принял на добровольную верную службу башкирский народ и взял его под свое покровительство. Потом наградил их, пожаловав их в тарханское достоинство.

Они же по грамоте на земли их и воды их подали нижайшее прошение с домогательством обмерить и дать им. Вследствие такового их домогательства Его Величество царь Иван Грозный [одно слово неразобрано] своим фарманом для обмеривания упомянутых земель, то есть установления межей, в Но-

гайскую и Сибирскую дороги направил письменные приказы. Чтобы, глядя на каковые записи, во владении родов находящиеся земли, как-то: и степи, и лесные угодья обмежевать, и по их возвращении люди, называемые «жиде руг», то есть «семь родов», пришли бы к единству и позволили бы обмерить земли их, и согласились бы на ясак по количеству взятой земли.

Требуемый Грозным ясак - это лошади, и куницы, и лисы, и разные другие ясаки. Каковой совместно определили бы, и разделили бы, и взяли бы обмеренные земли» [стк. 2—18 документа № 9 в БР].

7. Усерганы, кыпсаки, тамьяны и бурзяны по вызову падишаха пошли в Казань, назвали себя подданными, просили землю, получили ее и согласились платить ясак (документ № 10 в БР).

8. Юмран-табыны несколько раз ходили к императору Петру Алексеевичу, целовали руки и получили жалованные грамоты на земли: «Умидбай ходил к соправителям падишахам Петру и Ивану Алексеевичам, целовал им руки и получил жалованные грамоты на наши земли по берегам Ак Ид ели и Тока. В ту пору чиновники города Уфы, монастырские власти и черноризцы силой захватили обе стороны Ак Идели до дальнего берега озера Талпак на юге и до речки Урунды в полуночной стороне. Поэтому ровно двадцать пять лет Умидбай-баба обращался с прошениями на высочайшее имя. И только став из двух падишахов единоправным падишахом и императором, Петр двумя отдельными решениями через коменданта Уфы Бахметева* сдержал упомянутых русских - жителей Уфы и черноризцев» [примеч. при имени Умидбая документа № 13 в БР].

9. Минци получили крепь в 1817 г. (документ № 14 в БР).

10. Минци во времена царя Алексея Михайловича разделили свои земли и послали людей в Москву закрепить раздел в книге: «Трем великим ханам уплачивали ясак. Доставляли из этих мест и платили. Что же делать малому народу? Потом Казань, увы, взял Иван. Потом стали зависеть от милостивого падишаха.

Было это в девятьсот шестьдесят первом году хиджры , в год Мыши**. Казань взяли русские. Слов об этом было много, мы сделали сокращение. Во времена падишаха и великого князя Алексея Михайловича, чтобы избежать взаимного насилия, земли свои поделили между собой. Писал я, князь Янбакты... К милостивому падишаху послали четыре человека в Москву, чтобы они скрепили в книге: князь Янбакты, сына Кудаша, 2-го - Камачыка, сына Яйыксабый, 3-го - Уразлы, сына Урмана, 4 го - Махмуда, сына Дистана, со спутниками их в год 1567-й. Ныне уплачиваемый нами милостивому великому падишаху нашему ясак - сто семьдесят одна куница, восемнадцать батманов меда.

Писано 1567 года февраля 9-го дня. По приказу милостивого великого падишаха нашего в книге мы закрепили» [стк. 17—21, 25—29 документа № 16 в БР].

11. Буляры получили владенную память от Алексея Михайловича (документ № 20 в БР).

12. Алексей Михайлович дал грамоту байларам-вотчинникам: «Царь Алексей Михайлович-хазрет дал, говорят, нашим предкам грамоту, с тем, чтобы они удостоверились в том, что являются башкирами -вотчинниками. Сия грамота была дана нашим предкам по имени Ишбулат и Ильчентай, двоим четвероюродным племянникам Урыса» [стк. 5—6 документа № 21 в БР].

13. Крепь байларов находилась в Муртыштамаке (документ № 24 в БР).

14. Ирякте мечтали стать хозяевами своих юртов. Верховные правители пересмотрели прежние приказы и дали роду ирякте много земли, о которой они просили (документ № 25 в БР).

15. Ирякте, опасаясь возмездия хана Казани, искали защиты у русских, сами пошли в Москву к Ивану Васильевичу, подчинились ему, поставили подпись и согласились платить ясак: « Потом они услышали, что русское войско окружило Казань и взяло ее...

А в этих краях Исян-хан и его братья и другие, «сидящие на» ханстве земляки перепугались: „Дело не обошлось без насилия! А что если хан Казани придет сюда с огромным войском и разрушит наш иль?“ — и посчитали нужным искать защиты у русских. Сначала Исян-хан стал подстрекать близких к себе ханов и советовать им склонить голову перед русским ханом. Потом на всей земле будущего Бирского уезда старейшины башкир снабдили Исяна припасами и направили его в Москву.

Было-де время царя Ивана Васильевича, зима. Исян-хан надел на голову выдровую ушанку, привязал к ногам лыжи, подбитые шкурой выдры, и ушел один. Придя в Москву, он передал поклон ханов этого края, в знак своего ему повиновения

*Антон Бахметев был Уфимским воеводой в 1717 и 1721 гг.

** 961 г. х. приходился на 1553—54 гг. от Р. Х. Годом Мыши был 1552 г.

поставил свою подпись и вернулся домой» [стк. 247, 257-266 документа № 26 в БР].

16. задолго до восстания Пугачева ирякте имели документ с печатью, подтверждающий их вотчинные права (документ № 27 в БР).

В литературе о башкирских родословных уже не раз предпринимались попытки дать определение их специфики, однако эти попытки основывались на впечатлении от документов, а не на особенностях самих документов. Составленные нами «содержания» к каждому документу и проведенный выше обзор позволяют обнаружить в родословных, по меньшей мере, три важнейшие для них темы: 1) кровное родство, 2) обозначение территории, 3) право владения территорией.

В них с различной степенью подробности говорится о кровном родстве по мужской линии (а иногда и свойстве — тогда появляется и женская линия), о территории (то более конкретно - тогда называются населенные места; то менее конкретно — тогда называются волости или более обширные пространства) и о праве владения территорией (принятие русского подданства, владенная память, грамота, крепь, запись в книгу, владенный указ, межевание земель и план, покупка и др.), то есть о трех основных темах, которые и составляют главное содержание, или специфику башкирских родословных.

Таварих. Жанр таварих, возникший первоначально в средневековой персидской и арабской литературе, проник и утвердился в тюркско-башкирской литературе после принятия башкирами мусульманской религии. На новой культурной почве он обогатился национальными особенностями и традициями местной изустной литературы.

Трансплантация (термин Д. С. Лихачева) этого жанра из восточных классических литератур в башкирскую была вызвана определенными социально-историческими и культурными факторами. В XIII - первой половине XVI в. происходит усиленный процесс консолидации башкирских племен и образования единой народности [*Кузеев,* 1974. С. 502-504]. В этот период башкиры начинают интересоваться историей не только своего рода или племени, но и всего родоплеменного объединения, народа и даже целого региона. Шежере уже не могут полностью удовлетворить их возросшую духовную потребность, возникает необходимость создания таких сочинений, которые охватывали бы историю более крупных этнических общностей и союзов, а также жизнь и деятельность известных исторических личностей.

В XVI - начале XVII в. в Средней Азии и Урало-Поволжье с зарождением тюркской переводной исторической литературы создаются сочинения «Таварих-и гузида - Нусратнаме» («Избранные истории - Книга побед») неизвестного автора, «Чингизнаме» Утемиша-хаджи, «Джамиг ат-таварих» («Сборник историй») К. Джалаири, являющиеся выборочными переводами с арабского и фарси трудов таких известных восточных историков как Рашид ад-Дин, Шами, Джувейни и Казвини. Позднее появляются собственно тюркские тварихи, которые в какой-то степени напоминают летописи, хроники и саги, но больше несут в себе признаки историко-литературных памятников средневекового Востока и местных шежере.

Широкое распространение среди тюркоязычных народов Урало-Поволжья получило сочинение неизвестного автора «Чингизнаме» (или «Дафтар-и Чингизнаме»), Первоначальный вариант его был написан предположительно в конце XVI - начале XVII в. Окончательно сочинение было оформлено в конце XVII в., ибо самое позднее событие, упомянутое в нем, это башкирское восстание 1681—1683 гг.

Определенный вклад в изучение анонимного «Чингизнаме» внесли Г. Рахим, А. Инан, М.А. Усманов и Г.Б. Хусаинов.

События первой главы происходят на Южном Урале и одними из главных героев выступают башкирские родоначальники Уйшын Майкы-бей, Юрматы-бей, Кипчак-бей, Тамъян-бей, Муйтен-бей и др.

Начало главы в определенной мере перекликается со старинным монгольским манускриптом «Юань чао би ши» («Сокровенное сказание»), в котором также красочно описывается эпизод чудесного рождения Чингиза. Этот эпизод и событие, связанные с дарованием родовых атрибутов, делает анонимное сочинение созвучным «Джамиг ат-таварих» («Сборник историй») Рашид ад-Дина, по-другому именованному «Чингизнаме». Обнаруживаются некоторые общие мотивы и с книгой «Тарих-и джихангуш» («История мирозавоевателя») Джувейни, а также с «Шежере-и тюрк» («Родословная тюрков») Абулгази.

Здесь можно найти много общего и с башкирскими родословными записями, в том числе с шежере усерганских и табынских башкир. Но наиболее тесно данная глава связана с башкирским фольклором. К примеру, завещание аксакалов Буданатая и Белгутая по своему содержанию и стилю напоминают дидактические кубаиры «Хорошая жена и плохая жена», «Хороший человек и плохой человек», «Верное слово», «Слово йырау»,

«Похвала» и др. Сюжет главы частично отражен в преданиях «Племя тангауров» и «Бурзяне в ханские времена».

Вторая глава посвящена легендарному Аксак Тимеру (Хромому Тамерлану) и его деяниям. Повествуется о страшном сне сына Чингиза Джадай-хана, который впоследствии сбывается: Джадай погибает от рук рожденного калекой Аксак Тимера. Последний через некоторое время становится яростным проповедником и защитником ислама, завоевывает многие города, в том числе Стамбул, Астрахань и Булгар. Он намеревается идти походом и на Москву, однако под Владимиром ему снится Хызыр Ильяс, который от имени Всевышнего велит возвратиться назад, и грозный полководец умирает в Самарканде.

В данной главе также обнаруживается много параллелей как с письменной литературой, так и с фольклором. Например, с эпизода о сновидении одного из главных героев и его последствиях начинаются многие произведения средневековой восточной литературы, в том числе «Кисса-и Иусуф» («Кисса о Юсуфе») Кол Гали и «Хосров ва Ширин» («Хосров и Ширин») Кутби, являющиеся общими памятниками тюркских литератур Урало-Поволжья. Такое же начало имеет «Кисса-и Бузъегет» («Кисса о Бузъегете»), написанная в середине XIX в. в Уфе. Героические события, связанные с борьбой народа против аждахи в долинах Зая, имеют место и в шежере юрматынских башкир. Начало главы во многом повторяет сюжет древней башкирской песенной легенды «Мелодия Буягым-хана и ее история» [Галин, 1978. С. 6-8 ; Хусаинов, 1996. С. 120].

Третья глава посвящена сыну Гайсы Амату. По содержанию, жанровой природе и художественно-эстетическим качествам она имеет довольно большое отличие от предыдущих глав «Чингизнаме». В ней сильнее ощутимы традиции устно-поэтического творчества. Здесь повествуется об Амате, который посредством хитрости и интриг женится на ханской дочери, однако впоследствии теряет жену и сына, ставшего из-за безотцовщины свирепым разбойником.

По мнению исследователей, сюжет данной главы восходит к героическому эпосу периода Ногайской Орды *[Жирмунский,* 1974. С. 395; *Хусаинов,* 1984. С. 122]. Произведение характеризуется обилием изобразительных средств и приемов, присущих башкирским народным эпосам «Кузы-Курпес и Маянхылу», «Кужак и Таргын», «Карас батыр» и другие.

Остальные три главы памятника сравнительно небольшие. В них представлены родословные царей, ханов и перечислены их владения. В шестой главе вкратце описываются некоторые события, происходившие в древнем Булгаре, Казани и повествуется о башкирском восстании конца XVII в. В этих главах сильно ощутимы традиции средневековой восточной агиографической литературы.

На основании того, что «Чингизнаме» во многом связано с башкирским фольклором и шежере, содержит много специфически башкирской лексики, Г.Б. Хусаинов полагает, что его автором был выходец из башкир. При этом он ссыпается и на тот факт, что в отдельных востоковедческих трудах данный таварих назван именно башкирским письменным памятником *[Хусаинов,* 1984. С. 123].

В прошлом среди тюркского населения Урало-Поволжья было популярным и сочинение «Таварих-и Булгария» («Булгариевы истории») Хисаметдина Муслими, написанное не позднее XVIII в. У населения и поныне бытуют его рукописные и печатные варианты. Оно состоит из введения, основной части, которая делится на две главы и заключительной части. Во введении автор называет себя, дату и место создания сочинения.

Первая глава «Статья о диковинках сотворения» состоит из нескольких разделов, посвященных описанию и характеристике категории времени, звезд, Земли, ее морей, гор и рек. Многие сообщения Х. Муслими сопровождает небольшими мифами и легендами. Им приведены сведения и по географии Башкортостана, упомянуты все крупные реки и их притоки. Наличие разделов по географии и космографии, основанных на традиционных теориях ученых средневекового Востока, уподобляет данную главу произведениям жанра хитат ранней арабской литературы.

Вторая глава «Статья о последователях и последовательницах» открывается популярной легендой о принятии булгарами мусульманской религии, известной среди башкир и татар под названиями: «Паралич ханской дочери», «Святой мужчина», «Булгары и башкиры», «Туйбике» и др. В пяти небольших разделах перечисляются имена последователей и последовательниц, сподвижников Мухаммеда, указываются места их погребений. Эти разделы напоминают собой произведения восточной агиографической литературы. Как отмечает М.А. Усманов, многие из приведенных сведений вымышленные или почерпнуты из башкирских и татарских шежере *[Усманов,* 1972. С. 143].

Заключительная часть, названная «Последнее слово булгариевого сочинения о нашем господине Сагдетдине ат-Тафтазани», целиком посвящена описанию жизнедеятельности легендарного Аксак

Тимера. Здесь во многом повторяется сюжет 2 главы «Чингизнаме». Однако есть и немало различий. Видимо, анонимный автор и Х. Муслими использовали разные варианты одной и той же легенды, бытовавшие в народе в устном виде. Будучи сильно подверженным влиянию исламской идеологии, Х. Муслими видит в Аксак Тимере ревностного поборника и покровителя мусульман, а не жестокого завоевателя и тирана. Присутствие мотива вещего сна и прорицания уподобляет данную часть сочинения многим памятникам башкирского фольклора, в том числе сказкам «Сон лысого», «Полюбивший во сне», «Страна Идель», «Сейфульмулюк» и др.

По сравнению с «Чингизнаме» и башкирскими шежере в «Таварих-и Булгария» ярче выражена жанровая синкретичность. Кроме историографии, в нем отчетливо проступают элементы многих областей человеческого познания, и автор предстает перед читателем одновременно и историком, и географом, и астрономом, и теологом, и философом. Поскольку весь этот пестрый и разнообразный материал изложен с использованием художественно-изобразительных средств, Х. Муслими выступает и как писатель. Однако по художественно-эстетическим достоинствам его таварих нельзя ставить в один ряд с «Чингизнаме». Элементы словесного искусства встречаются в нем сравнительно реже.

В начале 70-х годов прошлого столетия исследователями было найдено большое рукописное сочинение Г. Сокрыя под названием «Таварих-и Булгария, яки Такриб-и Гари» («Булгариевы истории, или Приближенный комментарий Гари»), Оно написано в последней четверти XIX в. и связано едва ли ни со всеми произведениями поэта. В отличие от «Чингизнаме» и «Таварих-и Булгария» Х. Муслими, в данной рукописи содержится сравнительно больше сведений, соответствующих исторической действительности. К примеру, упомянут приезд в Волжскую Булгарию арабского путешественника Ахмеда ибн Фадлана, приведено много ценных, достоверных сведений из жизни и творчества таких известных башкирских и татарских писателей и ученых, как Х. Салихов, Т. Ялсыгул, Г. Усман (Утыз-Имяни), Г. Курсави, Г. Мавляви, Ш. Марджани и др. Тем не менее, в целом и сочинение Г. Сокрыя осталось в рамках традиционных таварихов.

Традиционность «Таварих-и Булгария, яки Такриб-и Гари» дает о себе знать уже в первой главе, где автор выражает свое отношение к популярной легенде «Туйбике». Вторая глава, в сущности, является логическим продолжением тех глав анонимного «Чингизнаме» и «Таварих-и Булгария» Х. Муслими, в которых описывается жизнь и деятельность последователей и сподвижников пророка Мухаммеда. Общая для ранних таварихов кисса об Аксак Тимере также включена в данное сочинение. Но Г. Сокрый, в отличие от своих предшественников, резко осуждает деяния и поступки Аксак Тимера, клеймит его позором за захват и разрушение Булгара, уничтожение культурных и исторических ценностей народа. Четвертая и пятая главы воспринимаются как продолжение первой главы тавариха Х. Муслими: они также основаны на традиционных теориях древнегреческих и древнеарабских географов. Шестая и седьмая главы по своей тематике и содержанию почти не отличаются от памятников средневековой агиографии.

Г. Сокрый не воспринимает содержание ранних источников вечной истиной и догмой. Он позволяет себе делать «самомышление», пытается взять под критику отдельные положения и сведения книги Х. Муслими. Однако его критика не затрагивает основополагающих принципов и канонов феодальной историографии.

Рукопись Г. Сокрыя, как и сочинения его предшественников, содержит много мифов, легенд и преданий. События и явления прошлого, географический мир Южного Урала и эпизоды из жизни известных людей изложены живым и образным языком. При этом активно использованы сравнения, народные поговорки, пословицы, назывные и инверсированные предложения, монологи и диалоги.

ВХОЖДЕНИЕ БАШКОРТОСТАНА В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ЮЖНЫЙ УРАЛ И СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В СЕРЕДИНЕ XVI в.

В первой половине XVI в. центральные, южные и юго-восточные башкиры находились в составе Ногайского государства, западные и северо-западные — Казанского ханства, северо-восточные (зауральские) - Сибирского ханства. Часть башкир, жившая на юго-западной окраине края - в бассейнах рр. Большая и Малая Узень, Большой и Малый Иргиз, Камелик, Каралик, входила в состав Астраханского ханства *[Усманов,* 1960. С. 40—63]. Башкиры занимали, таким образом, огромную территорию от среднего течения Волги (в районе Саратова и Самары) до Тобола и устья р. Уй, от р. Илек до среднего течения Камы и Сылвы.

Для объективной оценки добровольного вхождения Башкортостана в состав Русского государства необходимо выяснить политическое положение башкир в середине XVI в., в том числе после захвата Казани русским войском в 1552 г. и ликвидации Казанского ханства.

Падение Казани освободило западных и северо-западных башкир из-под власти казанского хана. Казалось, это событие должно было вдохновить центральных и южных башкир на активную борьбу за избавление от гнета Ногайской Орды тем более в условиях превращения более сильного Московского государства в пограничную страну. Правда, позиции Ногайского наместничества в 40-е — начале 50-х гг. XVI в. на Южном Урале заметно укрепились, оно в это время властвовало над центральными и южными башкирами. Но обострение борьбы правящей верхушки, между братьями Юсуфом и Исмаилом в частности, осложнило ситуацию в наместничестве, вынудило часть ногайцев уйти на запад, за Волгу *[Юсупов,* 2009. С. 91—94]. Но даже в этой обстановке ногайцы не собирались отказываться от своей власти над Башкортостаном, а центральные и южные башкиры были не в состоянии своими силами избавиться из-под их власти.

Постепенно среди башкир, в первую очередь западных и северо-западных, а затем центральных и южных, начало зреть решение о добровольном вхождении в состав Русского государства и создание таким образом условий для дальнейшего исторического существования.

В те времена подобные решения были нередки для истории. Как показывают новейшие исторические исследования, видимо, аналогичные шаги предпринимались башкирами, когда они добровольно признали власть Чингиз-хана *[История...* 2004. Т. I. С. 64-66].

В условиях середины XVI в. довольно неожиданным, на первый взгляд, выглядит стремление башкир-мусульман оказаться под властью нового соседа - Русского государства, к тому же исповедовавшего христианскую религию. Оно объясняется, возможно тем, что не было вблизи достаточно сильных мусульманских государств, на которых могли надеяться башкиры. Победа Москвы над Казанью в 1552 г. убедила башкир в военной мощи первой. Но особо привлекательной для башкир выглядела мирная политика по отношению к ним со стороны Русского государства: вместо военного подхода по их завоеванию, русский царь Иван Грозный призвал башкир добровольно войти в состав своего государства, обещая за это различные льготы.

Сведения об этом акте царя сохранились в русских летописях. В одной из них говорится о том, что Иван IV «...послал по всем улусам черным люд ем ясачным жалованные грамоты... чтобы шли к государю, не боясь нечего... а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, яко же и прежним казанским царям».

Подобные материалы имеются и в башкирских источниках. Шежере юрматынцев констатирует приезд к башкирам царских послов с грамотами и перечисляет льготы за принятие русского подцан-

ства: «...во все земли были направлены послы с грамотами, [которые] известили: пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи» *[Башкирские...* 1960. С. 33]. О приезде русских послов, об их обещаниях также свидетельствует шежере карагай-кыпсаков [*Там же*. С. 117].

Отметив, что башкирам импонировала мирная политика русского правительства, необходимо выяснить, могло ли оно после захвата Казанского ханства приступить к завоеванию башкир. Для этого следует прежде всего рассмотреть внутриполитическое положение Русского государства в середине XVI в.

Как известно, лишь к концу первой четверти XVI в. завершилось присоединение основных русских княжеств и земель в состав Московского княжества. Началось создание централизованного госаппарата молодого государства. Об этом свидетельствует деятельность «Избранной рады» во главе с царем Иваном IV. Но этот процесс только начался, он далеко еще не завершился. Следовательно, внутриполитическое положение Русского государства было недостаточно прочным.

Каково же было международное положение государства, его отношения с соседними государствами? Отношения Русского государства были достаточно напряженными с соседями, особенно с восточными и южными государствами - Крымским и Сибирским ханствами. Недружественными были отношения Русского государства и с Великим княжеством Литовским, ибо оно намеревалось вернуть в свой состав территории Белоруссии, Украины и Смоленщины, захваченные последним. Эта задача была сложной, тем более в условиях поддержки Литвы Польским королевством.

Касаясь обстановки в Башкортостане, следует обратить внимание прежде всего на обширность территории края. Численность башкир была достаточной для оказания сопротивления в случае появления завоевателей. К тому же башкирская конница представляла в те века значительную силу. В отличие от Казанского ханства, в крае не было главного города, с захватом которого можно было сделать вывод, что страна подчинена. Кроме того, вторжение русских войск на башкирские земли могло привести к самой настоящей войне Русского государства с Ногайской Ордой и Сибирским ханством, в составе которых находились центральные, юго-западные, южные, юго-восточные и зауральские башкиры.

Наконец, следует добавить, что захват русскими войсками Казани в 1552 г. вызвал восстание населения Казанского ханства. В книге А.Н. Усманова убедительно доказан широкий размах восстания, когда сопротивление населения охватило всю территорию бывшего Казанского ханства от Волги до среднего течения р. Камы, далее весь бассейн р. Вятки. Только во второй половине 1553 и зимой 1554 г. произошло до 20 сражений. Русскому правительству; пришлось мобилизовать крупные силы. В сентябре 1553 г. из Москвы в Казань для подавления восстания было направлено дополнительно 30-тысячное войско во главе с воеводами С. Микулинским, П. Морозовым, И. Шереметевым и А. Курбским. Русские отряды громили восставших, которые потеряли убитыми до 10 тыс., пленными до 15 тыс. человек обоего пола. Несмотря на это, репрессии не привели к прекращению движения. Массовое восстание продолжалось до 1556 г. *[Усманов,* 1960. С. 75-76].

Таким образом, реальное внутриполитическое положение в Русском государстве, выражавшееся в незавершенности процесса создания, централизованного аппарата управления страной, напряженные взаимоотношения с соседними странами, частые войны с ними, обстановка в Башкирском крае, населенном достаточно многочисленным и однородным населением - воинственными полукочевниками, наконец, затянувшееся восстание в завоеванном Казанском ханстве - все эти обстоятельства вынудили правительство Ивана IV искать мирный путь присоединения Башкортостана.

Ногаи после падения Казани оставались реальной силой, с которой должны были считаться башкиры. Еще в начале XV в. в степях Дешт-и-Кыпсака начал выделяться так называемый Мангытский юрт, основанный знаменитым временщиком Золотой Орды Едигеем. Первоначально Мангытский юрт находился в составе правого крыла Узбекского ханства, а затем Казахского. Однако при Мусе, потомке Едигея, этот юрт окончательно обособился. В конце XV в. в зону кочевания племен Мангытского юрта начинал входить Башкортостан *[Трепавлов,* 1997. С. 16]. С возвышением и приходом к власти в юрте Алчагира, сына Мусы, взаимоотношения башкир с ногайцами осложнились. В «Башкирской истории» Кидряса Муллакаева отразилась война башкирских правителей Басман-хана и Тура-хана с Алтакаром, ассоциируемым исследователями с амбициозным мирзой, затем бием Мангытского юрта Алчагиром *[Там же*. 1997. С. 17]. В ходе войны Басман-хан и Тура-хан были убиты, однако окончательному установлению власти мангытов. в регионе помешало казахское нашествие в 1510-х гг., возглавляемое Касим-ханом. Оно вызвало временный

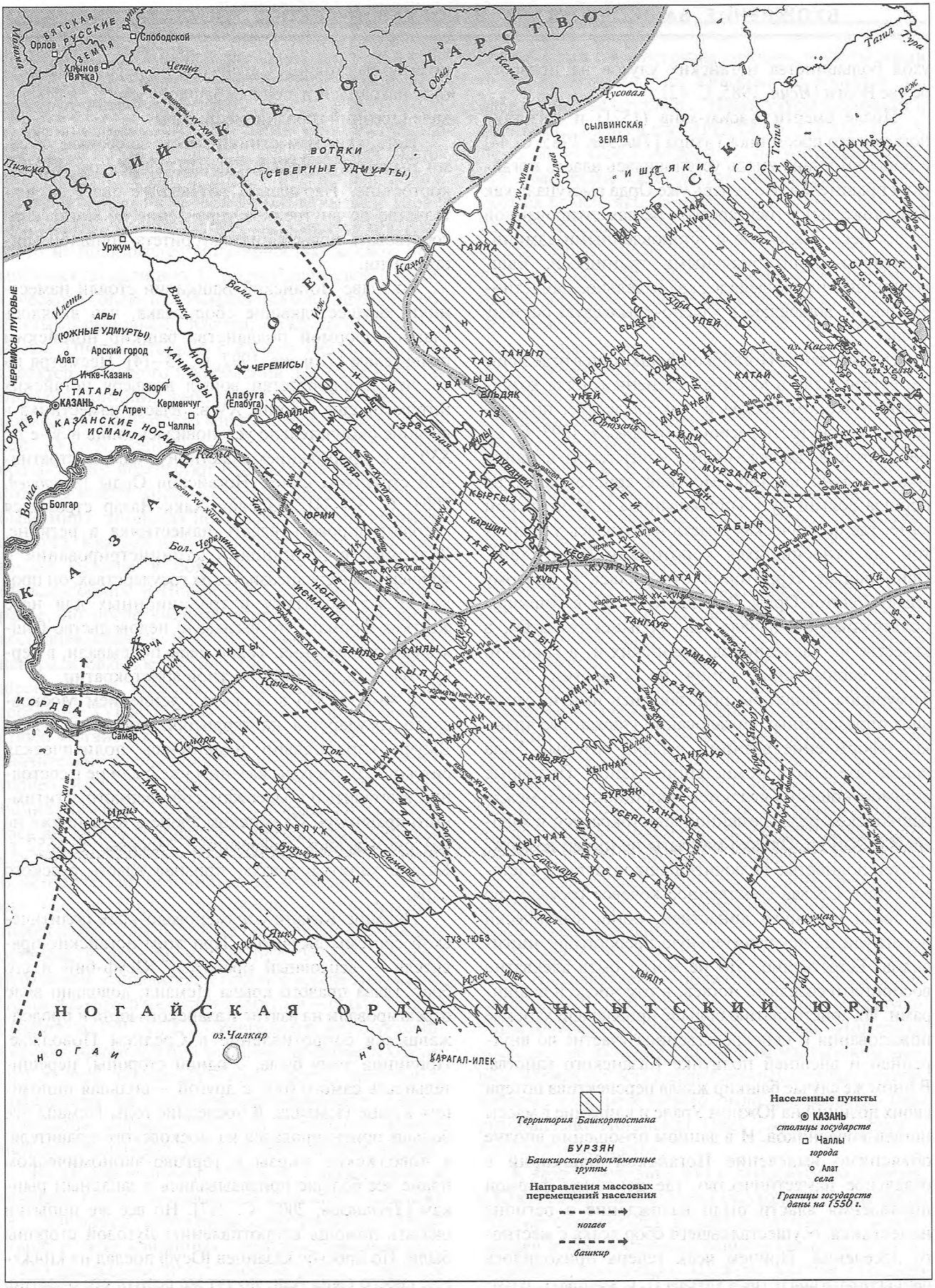

Рис. 5. Башкортостан накануне вхождения в состав Русского государства

уход большинства ногайских улусов на правобережье Волги *[Ист*, 1985. С. 42].

После смерти Касим-хана (1521) и изгнания ногаями его преемника Тахира *[Там же.* 1985. С. 44] в Башкортостане вновь установилась власть ногайских правителей. Но теперь уже Орда выступала как самостоятельное государство с регламентированной политической властью и установленными административно-территориальными границами. Башкортостан в нем выделялся как отдельное наместничество, не вошедшее в улусно-крыльевую систему Орды.

На выделение Ногайской Башкирии в отдельное наместничество в какой-то степени влияла хозяйственно-экономическая и, как следствие, политическая замкнутость региона *[Трепавлов,* 1997. С. 8]. Башкортостан вошел в орбиту мангытского влияния сравнительно поздно. Местная аристократия не прошла долгий путь «приживания» в Мангытском юрте, где фактическая власть находилась у мангытов, не относившихся к потомкам Чингисхана. Основная ее территория относилась к правому крылу Золотой Орды. В конце XIV - XV в. башкиры поддерживали в начале золотордынских, затем, в качестве их наследников, казанских и, в какой-то мере, касимовских ханов из династии Тука-Тимуридов. Башкиры привлекались ими на условиях определенных пожалований (тарханные ярлыки, оформление вотчин), выдача которых была исключительно в компетенции ханов. Подобные взаимоотношения являются традиционными между башкирской родоплеменной аристократией и ханами XV-XVI вв. Однако мангыты не имели возможностей полностью включить Башкортостан в систему Орды. Создав собственное кочевое государство со своей правящей династией, ногаи фактически посягнули на исключительную прерогативу чингисидов. Естественно, это не могло быть адекватно воспринято соседями ногаев, в том числе и башкирами. Их аристократию больше привлекали ханские пожалования и непосредственное участие во внутренней и внешней политике Казанского ханства. В ином же случае башкир ждала перспектива потери своих позиций на Южном Урале и вливание в массы ногаев-кочевников. И в данном отношении вполне объяснимо выделение Ногайской Башкирии в отдельное наместничество, где основной формой проявления власти было нахождение в регионе наместника, осуществлявшего сбор ясака с местного населения. Причем ясак теперь приходилось выплачивать сразу трем улусам (т. е. кековату, нурадину и самому бию). Управление Башкортостаном осуществлялось из кочевий на р. Эмбе и непосредственно из столицы Сарайчука, но нередко наместник находился в центре Башкортостана, в Имэнкале (древний город на месте Уфы).

Ногайские наместники вместе со своими улусами были явно нежелательным элементом в Башкортостане. Нарушение вотчинных прав, вмешательство во внутреннее управление не могло способствовать повышению авторитета пришлой аристократии.

Во главе Ногайской Башкирии стояли наместники, осуществлявшие сбор ясака, что являлось главной формой подданства башкир ногайским правителям *[Там же.* 1997. С. 13-14]. Несмотря на то, что Башкортостан вошел в сферу ногайских интересов еще в конце XV в., власть наместника в регионе окончательно установилась лишь в 30-е гг. XVI в. с оформлением властной и административной структуры самой Ногайской Орды *[Азнабаев,* 2005. С. 33-34]. Царевич Хакк-Назар стремился абсолютизировать власть наместника в регионе. Знакомый с принципами администрирования и управления в среднеазиатских государствах, он проводил эту политику в традиционных для него жестких формах, что вызывало недовольство башкирского населения. Такие меры подрывали, в первую очередь, позиции местной аристократии.

В 40-е гг. XVI в. в связи с усилением Московского государства на территории бывшего Улуса Джучи кардинально изменилась политическая ситуация. В эти годы казанцы уже были не в состоянии выставить и поддержать собственного легитимного правителя. На ханском троне в Казани уже не раз оказывались ставленники Москвы. В 1552 г. Казань капитулировала, признав власть русского царя.

Падение Казани ознаменовало крах политической системы джучидов. При этом ногайские правители - верховный правитель Юсуф-бий и его брат, глава правого крыла Исмаил, довольно вяло отреагировали на взятие Казанского юрта и продолжавшееся сопротивление в Среднем Поволжье. Причиной тому была, с одной стороны, нерешительность самого бия, с другой — сильная оппозиция в лице Исмаила. В последние годы Исмаил все больше ориентировался на московского правителя, а поволжские мирзы в торгово-экономическом плане все больше привязывались в западным рынкам *[Трепавлов,* 2002. С. 267]. Но все же попытки оказать помощь сопротивлению Луговой стороны были. По просьбе казанцев Юсуф послал на княжение своего сына Али, но тут же вернул его обратно. Не исключено, что возвращение Али было связанно с Исмаилом, который по возможности старался

блокировать антимосковские акции князя, а в 1554 г. и вовсе намеревался принять участие в завоевании русскими Астрахани *[Там же.* С. 258-259].

Отношения между братьями обострились до предела, и в 1554 г. началась самая жестокая в истории Ногайской Орды братоубийственная война. Убийство Юсуфа в первой же битве вызвало гнев у предводителей степных улусов, где Исмаил и до этого не пользовался популярностью за свою промосковскую позицию. С устранением своего политического соперника Исмаил оказался перед озлобленными сыновьями Юсуфа, жаждущими кровной мести. Противостояние с самого начала приняло характер взаимного истребления. По мере нарастания конфронтации в войну втягивалось все большее количество мангытских мирз и кочевых предводителей. «Улусы поднялись на улусы», «брат убивал брата» - так повествуют башкирские шежере. Обе стороны имели многочисленных приверженцев, не было мирз, занявших нейтралитет в этом противостоянии. Каждый из них во главе своего улуса принимал участие в боях на чьей-либо стороне. Междоусобицы в Ногайской Орде происходили и ранее, но после умиротворения спокойная жизнь восстанавливалась. Ногаям удавалось восстановить централизованное государство и возрождать могущество своей державы. Но политический кризис середины XVI в. имел более болезненные последствия. Ногайская Орда вышла из него не только с значительно уменьшившимися населением и территорией, но и экономически серьезно ослабленной. Война Исмаила с сыновьями Юсуфа сопровождалась взаимным разорением, ломкой традиционных кочевых маршрутов и стихийными бедствиями. В исторических источниках не отложились сведения о позициях наместников Башкирии в этом противоборстве. Сам Юсуф не был связан с Башкортостаном, в тоже время его брат Исмаил являлся нурадином - правителем правого крыла Ногайской Орды, а до этого наместником (1538 - около 1545 г.) *[Трепавлов,* 1997. С. 27]. Скорее всего, местную башкирскую аристократию не сильно волновали коллизии внутри ногайского государства, поэтому с появлением на политическом горизонте «белого падишаха» башкиры начинали постепенно принимать его подданство, уходя от беспокойных ногаев.

Во второй половине 1550-х гг. у ногаев начался великий голод, который продолжался несколько лет. Результаты голода были катастрофичны. О бедствиях в Орде, связанных с голодом, довольно подробно рассказывали его современники — русские послы, побывавшие у ногаев. Вот как описывал голод сам Исмаил-бий в письме московскому государю: «Сами есмя истомны голодом, и улусы наши голодни. Сево году ни животов, ни лошадей, ни одежи у нас не осталось... Наши улусы оголодали и озлыдали... Голоду нас» *[РГАДА.* Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. Л. 46 об. — 47об.]. Андрей Курбский рассказывал, что зимы были «зело лютые» и «студеные», «весь скот их помер, яко конския, так и других скотов, а на лето и сами исчезоша» *[Сочинения...* 1914. Т. I. С. 238]. Ярко описал голод и его последствия для ногайцев Дженкинсон: «Во время моего пребывания в Астрахани, население страдало от сильного голода и мора... Такого мора, никогда не видели в этих странах; земли ногайцев изобиловали пастбищами, теперь они пусты» *[Путешествие...* 1937. С. 169]. Этот период довольно хорошо отражен в башкирских шежере. Они отмечают, что перед принятием русского подданства «была жестокая зима с глубоким снегом». В шежере юрматинцев говорится: «Годы были тяжелые, ветер дул с севера, снега пало великое множество, зима была долгая, скот вымер, народ остался в беде» *[Башкирские...* 1960. С. 31—35]

После братоубийственной войны и жесточайших природных катаклизмов Ногайская Орда окончательно утратила свою военную мощь и потеряла роль гегемона Северной Евразии, которую играла на протяжении XV-XVI вв. Большие ногаи вступили в последнюю стадию своего политического существования — стадию разложения и распада. На протяжении последних четырех десятилетий XVI в. эти явления неуклонно нарастали. Теряя свое могущество на международной политической арене, мангытские бии все меньше могли оказывать влияние на подвластные племена. В течение нескольких десятилетий от мангытских князей и Ногайской Орды откалывались территории, кланы, группировки мирз, находя новых покровителей или становясь вовсе самостоятельными.

В начале XVII в. Ногайская Орда слабо напоминала государственно-политическое образование середины XVI в. В результате последней междоусобицы очередному ногайскому князю Иштеряку досталась не империя с правящим мангытским двором, а совокупность раздробленных кочевых улусов, которых еще необходимо было удерживать. Территориально Ногайская Орда ужалась до Волго-Яицкого междуречья.

К второй половине XVI в. относится уход ногаев с Южного Урала. Сведения об уходе ногаев и части башкир сохранились в преданиях минцев, юрматынцев и юго-восточных башкир (усерган, бурзян, кыпсаков, тамьянцев). Шежере минцев отразило междоусобную войну между Аксак Килембетом и Кара-Килембетом, после чего «Килембеты с ногая-

ми бежали за Яик и на Кубань» *[Там же.* С. 31—35], но вместе с ними откочевала и большая часть башкир. Вполне возможно, что откочевка башкир связана с противостоянием Исмаилу, бию Ногайской Орды. В шежере юго-восточных башкир говорится о притеснениях ногайскими мурзами Бурсай-хана и Актуша (Актулуша). Башкиры воспользовались ослаблением позиций ногайской аристократии в регионе, схватили мурз «и доставили их хану России Ивану Васильевичу» *[Там же.* С. 31—35], Откочевка «ногаев», получившая отражение в шежере племени Юрматы, прошла довольно мирно.

В течение второй половины 50-х гг. XVI в. значительная часть Башкортостана была присоединена к Русскому государству. Однако ногаи предпринимали, хотя и тщетные, попытки вновь установить в регионе свою власть. Пост наместника Ногайской Башкирии все еще сохранялся в номенклатуре Орды [*Трепавлов,* 1997. С. 24], существовала ставка наместников Ногайской Башкирии, которая с Центральной Башкирии переместилась на р. Эмбу. В 1558 г. наместником становится Динбай, сын Исмаила. На этом посту он находился 20 лет и впоследствии стал князем. Динбай перебрался с Эмбы на Волгу. Преемником на посту Динбая в 1578 г. стал Саид-Ахмед, внук Исмаила. В 1584 г. Саид-Ахмед перешел в нурадинство. В конце XVI в. в Ногайской Орде разразилась очередная смута. На рубеже XVI—XVII вв. на какой-то период пост наместника Ногайской Башкирии принял на себя Канай, сын Динбая. Но позже в источниках начинают фигурировать внуки Дин-Ахмеда — Кара Кель-Мухамед и Аксак Кель-Мухамед, о которых сохранились сведения в башкирских преданиях. Основные интересы ногаев уже сосредотачивались намного южнее Башкортостана, источники отмечают Кара Кель-Мухамеда в начале XVII в. под Астраханью. Основная территория ногаев располагалась в междуречье нижних течений Волги и Яика. Ногаи уже не имели былого могущества, чтобы удерживать северные территории. Усиление российского влияния в Заволжье (казачьи поселения), калмыкское нашествие не позволяли ногайским правителями сохранять за собой всю бывшую территорию Орды. Однако, в отдельные периоды ногаи обозначали свое присутствие в регионе. Так, например, при ногайском бие Ураз-Мухамеде (правил в 1590—1598 гг.), как указывал в своей депеше тобольским воеводам в марте 1613 г. Кара Кель-Мухамед, «... в башкирцах и окола башкирец Бучюкурской волости при отце моем и при мурзах на них ясах и подати имывали» *[Там же.* С. 25]. В первые полтора десятиления XVII в. присутствие ногаев в Башкортостане было связано исключительно с именем Кара Кель-Мухамеда. Судя по действиям ногайского мирзы, свою задачу он видел в постоянном обозначении военного присутствия ногаев в регионе, для защиты «Больших ногаев» от набегов башкир, по возможности, в сборе ясака, кроме того в поддержке своих торговых интересов в Ногайской Башкирии *[Там же.* С. 26].

Наивысшего напряжения русско-ногайкие отношения достигли по поводу строительства Уфы. Построенная в 1574 г. на месте старого города русская крепость к середине 1580-х гг. превращается в опорный пункт власти царя в регионе *[Усманов,* 1982. С. 208]. В 1586 г. происходит известная дипломатическая переписка ногайского бия Уруса с Москвой. Претензии бия относились к постройке четырех городов «...на Уфа, да на Увеке, да на Самаре, да на Белой Воложке». Урус пытался оспорить легитимность русской власти в регионе, ссылаясь на то, что землями, на которых русское правительство строит города, не владели ни деды, ни отцы русского царя. В свою очередь, ногайскому князю башкирские территории представлялись как часть Орды: «Поставил де город для лиха и недружбы... чтобы мне с башкурдов и с остяков дани никакие не имати и только... дани пошлю своего челов. данщика дани собирать с башкурдов и остяков и ты тех моих данщиков велишь побита» *[Пекарский,* 1887. С. 19-20].

Русское правительство не приняло территориальных претензий ногайского князя, в связи с чем последовал ответ: «А на Уфе на Белой Воложке государь- велел город поставить, что беглый из Сибири Кучум, пришед в государеву отчину - Казанский уезд - в башкирцы, учел кочевати и ясак со государевых людей з башкирцов, почел бы имати. И нынче государь на Уфе велел город поставит и людей своих в нем устроити для оберегания Казанского уезда башкирцов и для того, что государевы люди городы многие поставили в Сибирской земле. Из того города на Белой Воложке казанским людям многим ходить в Сибирь. А тот город стал на дороге, да и потому, чтоб казаки беглые с Волги на Белую Воложку не ходили и ногайским улусам убыток не чинили» *[Там же.* С. 19—20].

Именно основание русской крепости, размещение гарнизона в Уфе и тем более учреждение воеводства знаменовали собой окончание владычества Ногайской Орды. С постройкой Уфимской крепости и разгоревшейся в конце XVI в. в Орде междоусобицей власть ногаев в Башкортостане окончательно была пресечена. Как уже отмечалось, в начале XVII в. случались рецидивы набегов ногайских

мурз, но в сложившейся к тому времени международной обстановке ни о каких попытках восстановления ногайской власти не могло быть и речи.

Ставка наместника теперь располагалась где-то на Эмбе, подальше от стрелецкого гарнизона Уфы, и ногаи были вынуждены «ежегод» снаряжать военные экспедиции на север для сбора традиционного ясака, хотя с ними российские власти уже не церемонились: сборщиков ясака хватали, вязали и бросали в тюрьмы.

Источники отмечают нападения на прияицкие земли казахского хана Хакк-Назара. Очевидно, причиной тому были территориальные притязания хана к ногаям и Сибирскому юрту, в частности, по поводу обладания башкирскими территориями по р. Яик.

В этих условиях племена «ногайских башкир» предпочли сменить сюзерена и обратились за помощью к русскому царю. После этого основная масса ногаев откочевала из Башкортостана на юг, хотя в народном сознании факт до сих пор связывается непосредственно с падением Казани, в действительности он произошел, скорее всего, в последних полутора десятилетиях XVI в. Тогдашние предводители ногаев Аксак Кель-Мухамед ибн Дин-Мухаммед и Кара Кель-Мухамед ибн Ураз-Мухаммед активно действовали в конце XVI - первой четверти XVII в. В XVII в. все еще предпринимались попытки сбора дани и на этой почве возникали конфликты в 1578, 1586, 1601, 1613 г. В конце концов ослабленные ногаи, к тому же полностью разгромленные калмыками, отступились от своего бывшего башкирского наместничества.

ПРИНЯТИЕ БАШКИРАМИ РУССКОГО ПОДДАНСТВА

ДОБРОВОЛЬНОЕ ВХОЖДЕНИЕ ЗАПАДНЫХ, СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ, ЦЕНТРАЛЬНЫХ И ЮГО-ВОСТОЧНЫХ БАШКИР

В середине XVI в. башкиры жили в составе государств — Ногайской Орды, Казанского, Сибирского и Астраханского ханств. Это обусловило неодновременное принятие ими российского подданства и значительно осложнило процесс.

Вхождение в состав Русского государства прошло несколько этапов. Первым, возможно, самым сложным, было принятие решения по этому вопросу самими башкирами. Сохранились материалы об этом относительно ногайских башкир. Вначале не было среди них единства. Это — не случайно, ибо решался сложнейший вопрос. Яростными противниками принятия русского подданства выступало большинство ногайских правителей и их сторонники из башкирской верхушки.

Сильное и многочисленное племя Мин владело обширными землями по бассейнам рр. Дема, Уршак и среднему течению Белой. В середине XVI в. минские башкиры подчинялись хану Тура - баба Туклясу и ногайским мурзам братьям Аксак Килембету и Кара-Килембету.

В Ногайской Орде, находившейся на стадии феодальной раздробленности, в середине XVI в. политическая ситуация была неустойчивой. Поражение Казанского ханства не улучшило, а еще более обострило положение, ибо различные группы ногайских мурз пытались занять место казанских ханов, расширить свои владения за счет казанских башкир. Кроме того, на казанских башкир претендовали и сибирские правители.

Междоусобица обострялась стихийными бедствиями в регионе. Засуха, голод, чума свирепствовали в течение нескольких лет. По свидетельству очевидцев, в эти годы зимы были «...зело лютые и студеные, весь скот их [ногайцев] помер, яко стада конские, так и других скотов, а на лето и сами исчезоша». В итоге — массовая гибель ногайцев. В первой половине 50-х гг. XVI в. в Ногайской Орде умерли, по одним данным, 100 тыс., по другим — 1 млн чел. Так описывали обстановку в Ногайской Орде участник завоевания Казанского ханства князь Андрей Курбский и английский путешественник Дженкинсон *[Усманов*, 1960. С. 89—90]. Даже с учетом преувеличений, неизбежных в подобных описаниях, положение у ногайцев, башкир и другого населения Ногайской Орды было ужасным.

Эти события нашли своеобразное отражение в шежере племени Мин. В нем говорится о вражде между ногайскими мурзами Аксак Килембетом и Кара-Килембетом, о битвах между ними (дословно — истреблениях): «...из этих земель [многие] ушли. После этого оставшимся родичам Казанфари-бий сказал: О соплеменники, мы, если уйдем отсюда, не сможем жить, где мы найдем землю, как эта [?], когда [он так] сказал, все его соплеменники ответили плача: О Казанфари-бий, если умрем, [то] здесь, если будем жить, [тоже] здесь, [иначе] и бедные, и богатые не сможем прожить. Живы будем [или] погибнем, доверимся богу — [так они] сказали. С Казанфари-бием остались три человека. Один Чублюк — родственник Казанфари, еще Урман, Туман. Караман с Урманом были родными [братьями]. Этот Караман ушел с Килметом. Сын Карамана Тенэй остался здесь. И Акман [остался здесь], [он] был из рода мурз. И эти пять человек, каждый [из них] был из знатного рода» *[Башкирские*... 1960. С. 52].

Сложная политическая обстановка накануне принятия русского подданства возникла и у другого

сильного племени Центрального Башкортостана — у юрматынцев. Они занимали большую территорию в бассейне среднего течения р. Белой и ее притоков Куганак, Ашкадар, Селеук, Тор.

Шежере племени Юрматы является одной из самых содержательных башкирских летописей, позволяющей выяснить многие крупные социально-политические события истории Башкортостана XV-XVI вв., в особенности обстановку в крае накануне и период принятия русского подданства. Представляет большой интерес описание тревоги ногайских правителей в связи с активизацией борьбы Русского государства против Казанского ханства, стихийных бедствий в Ногайской Орде, отношений башкир и ногайских правителей к успехам русских в Среднем Поволжье, конкретных условий принятия башкирами русского подданства и т. д.: «Однажды годы пришли голодные. Зима была очень долгая, [в течение] трех лет лошадей, овец не стало, хлеба совсем не уродились, многие народы обеднели и многие люди остались голодными и разутыми. Ногайцы собрались [и] держали совет. Наши деды пришли с Кубани из-за земли и воды, [они] пришли в поисках холодных земель, холодной воды, но оказалось, [что] зимняя стужа страшнее жарких дней. По сравнению [даже] с холодом [опаснее] продвижение с севера неверных русских. На этих землях русских, видимо, много. Считая, что им такие земли не подходят, бесчисленные ногайцы решили бежать. Но бедные, худые, придя к Бурнак-бию, сказали: в хорошие времена жили вместе, а теперь, когда времена стали плохие, где нас оставляете, куда мы денемся; когда [они] так взмолились, Бурнак-бий решил остаться [не перекочевывать]. Младший брат его, Ядкар-мурза, во главе бесчисленных ногайцев перекочевал на Кубань *[Там же.* С. 32, 33. 180].

Составитель сборника «Башкирские шежере» Р.Г. Кузеев в своем комментарии справедливо утверждал, что тяжелые годы в крае произошли до 1552 г., до падения Казани, а Бурнак был башкирским бием, Ядкарь - ногайским мурзой *[Там же.* С. 180]. В шежере говорится об избрании Татигаса бием, взятии русскими войсками Казани, усилении в связи с этим тревоги среди ногайцев, продолжающемся их уходе за Волгу, далее в сторону Кубани, начавшегося еще до падения Казани: «Пустые земли, оставшиеся после ногайцев, лежали забытыми... Когда Бурнак-бий умер, бийство поручили Татигасу» *[Там же.* 1960. С. 33-35].

Важным событием и ярким примером для башкир соседних регионов было принятие совместного решения башкирами племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян, владевших огромной территорией всего юго-восточного Башкортостана, которая располагалась от среднего течения Яика, Ори и Илека до Волги в районе Саратова и Самары, посылка ими посольства в Казань для переговоров с русскими властями. В шежере выше названных башкирских племен сообщается об их сопротивлении ногайским правителям, восстании против Бусай-хана и Бирган-бия Актуша, выдаче последних русским властям. Представляет интерес и упоминаемый в шежере факт о том, что вместе с юго-восточными башкирами приняли решение войти в состав Русского государства башкиры крупных племен катай и кудей, занимавшие обширные земли Юж-ного и Среднего Зауралья: туркмен-кудейцы, которые жили в бассейне р. Лемеза, булякай-кудейцы - р. Уфимка, казаяк-кудейцы - р. Сим, шайтан-кудейцы — р. Узень, дуван-кудейцы — р. Кига и Большой Ик, катайцы — р. Инзер *[Там же.* С. 33].

Перечисленным башкирам пришлось вести борьбу против их властителей - ногайских мурз и их сторонников из башкир.

Общеизвестно, что в этот ответственный момент, когда русское правительство начало завоевание Казанского ханства, а после его захвата взяло курс на мирное присоединение народов Среднего Поволжья и Приуралья, в т. ч. башкир, у самих правителей Ногайской Орды не было единства. Мурзе Юсуфу не удалось объединить все силы своего государства для отпора наступлению Русского государства. Главным врагом общего похода против Москвы стал его родной брат Исмаил, который сумел сорвать выступление Ногайской Орды в защиту Казанского ханства. Это обстоятельство вынудило основных противников Русского государства — большинства ногайцев во главе с боевой верхушкой Орды - оставить пределы Башкортостана, перекочевать или за Волгу и далее на запад в направлении Кубани, или на юг, в районы Каспийского и Аральского морей. Эти факты нашли яркое отражение в башкирских шежере.

Тяжелым ударом по Ногайской Орде был захват в 1556 г. русскими отрядами Астраханского ханства.

Общая такая ситуация существенно облегчала борьбу башкир различных частей края против ногайских правителей и ускорила принятие ими русского подданства. Но в целом же принятие башкирами решения начать переговоры с Русским государством оказалось делом сложным и долгим. Притом оно сопровождалось вооруженными столкновениями между сторонниками и противниками принятия русского подданства.

Следующим этапом процесса была поездка башкир в завоеванный русским царем г. Казань. Начиная с 1554 г. туда направлялись посольства от различных башкирских регионов, которые вели переговоры с наместником Ивана Грозного князем А.Б. Шуйским-Горбатым. Первыми сюда прибыли послы от западных и северных башкир, бывших подданных Казанского ханства.

Первоначальное оформление принятия русского подданства происходило в Казани. Русское правительство представлял казанский наместник, от башкир туда прибывали посольства во главе с биями от имени племени или группы племен. Р.Г. Кузеев, опираясь на обнаруженные в Ленинградском отделении Института востоковедения шежере племен уран и гайна Осинской дороги, считал, что в 1554-1555 гг. посольство уранцев во главе с их вождем Айсуаком приехало в Казань, а посольство гайнинцев - в Чердынь. Далее автор подчеркивал, что Айсуак привез из Казани царскую грамоту о принятии подданства уранцами, написанную на бересте *[Кузеев*, 1982. С. И].

Интересен материал о поездке послов Тайнинской волости для переговоров о принятии русского подданства в г. Чердынь. Это вполне могло быть, ибо гайнинцы - самые северные башкиры, а их земли располагались не только южнее, но и севернее г. Перми. Город Чердынь находился от владений гайнинцев примерно на таком же удалении, что и Казань. Зато в 1554 г. путь в Чердынь был более безопасным, чем в Казань, куда дорога шла через восставшие районы. К сожалению, имя представителя гайнинцев неизвестно. А.Н. Усманов, опираясь на более раннюю работу Р.Г. Кузеева, утверждал, что Айсуак, ездивший в Казань, был вождем гайнинцев *[Усманов,* 1960. С. 81]. Тем не менее приходится признать, что это утверждение, по-видимому, спорно.

Пока историческая наука не располагает конкретными материалами о поездке посольств большинства западных и северо-западных башкирских племен в Казань или Чердынь для переговоров о русском подданстве, подобными сведениям относительно уранцев и гайнинцев. Поэтому вполне понятно, почему А.Н. Усманов очень осторожно и только в общем плане утверждал, что принятие западными башкирами русского подданства произошло в 1554-1555 гг. *[Там же.* С. 81-84] Однако вполне логично предполагать, что врядли основная часть западных и северо-западных башкир, ставших политически не зависимыми после падения Казани, могла остаться в стороне от движения своих соседей - уранцев и гайнинцев. Наиболее близко жившие к границам нового соседа — Русского государства башкиры племен Байляр, Буляр, Еней Гирей, Елан, Киргиз, Иректе, Тазлар и других, узнав о поездке к представителям русского царя уранцев и гайнинцев, скорее всего, последовали их примеру.

В какой-то мере этот вывод находит общее подтверждение в челобитных башкир XVII—XVIII вв. Например, участники восстания 1707-1708 гг., которые представляли большинство волостей Казанской и Осинской дорог и были потомками башкирских послов — участников переговоров с царским наместником в Казани в середине XVI в., 26 февраля 1709 г. подали общую челобитную казанскому губернатору П.М. Апраксину. В ней говорится, что русскому царю «...деды и отцы их поклонились без спору и без войны и приехав из своей воли покорились, и которыми вотчинами при царях своих владели и ясаки платили и договорились, чтоб их веры не нарушать и как ясак платили деды и отцы их изначала, и им бы платить так же, как и наперед сего плачивали при прежних царях, против прежнего бес прибавки, и они де великому государю покорны» *[Материалы...* 1936. Ч. I. № 119. С. 259].

Более известно о поездке в Казань и переговорах о принятии русского подданства центральных и юго-восточных башкир, ибо эти факты нашли отражение в их шежере.

Шежере племени Мин ясно свидетельствуют о сложных взаимоотношениях башкир с ногайской верхушкой накануне и в период завоевания Казанского ханства русскими войсками. Не менее интересны следующие отрывки шежере: «Был девятьсот пятьдесят шестой [год] (по хиджре, т. е. мусульманскому летосчислению — *авт.)* [От] Каракилмета, Аксак Кильмета было разорение. Казанфари-бий, Чублюк, Урман, Туман, Тенэй, Акман остались здесь, платили ясак трем улусам. [Ясак] платили, доставляя с этих мест. Что может сделать немногочисленный народ [?]» *[Башкирские...* 1960. С. 52].

Как видно, заветным желанием ногайцев было увести башкир-минцев с собой, за Волгу и на Кубань. Но большинство минцев осталось на родине. Правда, их положение стало тяжелее, ибо они в какое-то время могли находиться в зависимости от трех улусов.

Возникает вопрос, какие улусы имеет в виду автор шежере. Возможно, речь идет о третьих группировках ногайской верхушки или о Ногайской Орде, Казанском и Сибирском ханствах накануне завоевания Казани.

Далее шежере продолжает: «Потом Иван Калита взял Казань. После этого милостивому царю подчи-

нились. Был девятьсот шестьдесят первый [год], был год мыши, Казань покорили русские» *[Там же.* С. 52]. В тексте допущены явные ошибки (Иван Калита вместо Ивана Грозного, 961 г. вместо 959 г.), возможно, поздними переписчиками. Но в общем плане верно говорится о том, что минцы подчинились русскому царю после завоевания Казани.

В шежере башкир д. Мурадымово, которая в настоящее время находится на территории Аургазинского района РБ, рассказывается о поездке посольства башкир-минцев в составе 11 биев в Казань, и произошло это в 1555 г.: «Потомков [дословно детей] одиннадцати биев, ходивших в 1555 году к царю... для повиновения, называют И родами, минцами с И [родами]» *[Там же.* С. 67].

Названную дату поездки послов племени Мин - 1555 г. - А.Н. Усманов и Р.Г. Кузеев, которые специально занимались вопросами вхождения башкир в состав Русского государства, признали за истину. Но другой факт, содержащийся в этом шежере, — о поездке в Казань И послов минцев они считали ошибкой и утверждали, что послов было 4 человека. Доказательство своей правоты последние видели в том считают, что в XVI в. в племени Мин было не 11 родов, а меньше. Возможно, 11 родов в племени Мин стало только в XVIII в. Но из-за этого не вытекает вывод, что в XVI в. племя Мин состояло из 4 родов. Можно вполне предположить, что родов было не 4 и не 11, а 5-8. Может быть, Р.Г. Кузеев считает по аналогии: раз юрматынцы направили 4 послов в Казань, так должно быть и у минцев. Но обращает на себя внимание громадная территория минцев. Они владели землями по бассейнам всех притоков Демы, Уршака, даже р. Белой — выше и ниже по течению в «районе» Уфы. Следовательно, численность племени Мин была значительно больше, чем Юрматы. Само название племени Мин — 1 ООО - указывает на большое количество населения. Мин по башкирски, означает мен, то есть «тысяча». Кроме того, если юрматынцы платили ясак из 100 куниц, то минцы — 171 куницу и 18 батманов меда. Это лишний раз говорит, что минцы численно преобладали над юрматынцами *[Там же.* С. 34, 53]. Тем более в материалах шежере Мин не говорится о 4 послах, но А.Н. Усманов и Р.Г. Кузеев считали, что послов было 4 и для переговоров в Казань поехали Канзафар-бий, вождь племени, знатные минцы Чублюк, родственник последнего, а также Урман и Туман *[Усманов,* 1960. С. 102; *Там же.* С. 193]. Однако они по неизвестной причине не включали в число участников поездки в Казань Акмана и Тенэя, имена которых в шежере упоминаются наряду с вышеперечисленными членами посольства. Тем более в шежере Мин прямо не называются имена членов посольства *[Башкирские...* 1960. С. 52-53].

Нельзя не отметить, что вопрос о персональном составе и количестве послов из племени Мин в Казань остается пока не до конца выясненным. Скорее всего, в Казань поехали не 11 или 4, а несколько больше человек.

Более подробно поездка и переговоры в Казань с русскими властями излагаются в шежере племени Юрматы. Прежде всего, в нем обстоятельно освещается появление среди башкир русских послов с грамотами, где содержался призыв принять русское подданство: «...в год мыши, на второй день октября русские взяли город Казань. После этого Белый-бий стал падишахом. Был девятьсот шестьдесят первый год [1554 и 1555 г. по христианскому календарю], когда во все земли были направлены послы с грамотами, [которые] известили: пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи. После того, как эти послы обошли [башкирские земли] и известили, год был девятьсот шестьдесят первый» *[Там же.* С. 33].

Как видно, шежере обстоятельно освещает важнейшие факты: не только приезд русских послов, которые побывали не только на земле юрматынцев, но и в других регионах Башкортостана, и знакомили население с основными положениями грамот русского царя, подчеркивали обещание последнего не вмешиваться в религию и образ жизни башкир в частности.

Далее шежере продолжает: «И я, Татигач-бий, не имея никакой возможности придумать что-либо другое, взял [с собой] три человека от трех тюб народа, сначала Азна-баба¥, второго Илчикей Тимер-баба, третьего Кармыш-баба, и вчетвером, забрав с собой нескольких друзей-спутников, придя в город Казань, согласились быть подданными [дословно, преклонили головы] Белого-бия падишаха. Получили ярлык, [в подарок] снедь, атласные материи. Белый-бий падишах мне, Татигачу, пожаловал чин мурзы, Азная сделал старостой» *[Там же].*

В шежере нашли отражение некоторые условия принятия русского подданства, взаимные обязательства Русского государства и башкир: «Земли, оставшиеся от бежавших ногайцев, нижайше попросив, взяли [себе]. Царь пожаловал [земли] - в верховьях [реки Белой] граница Нугуш, в низовьях Кукуш, с впадающими [в эти реки] с обеих сторон

* Слово «баба» обозначает наиболее почитаемых членов рода, предков.

речками и степями, горами и скалами. Дали обещание платить ясак куницей» *[Там же]*.

Особенно важны места шежере, в которых освещается встреча послов после возвращения их из Казани. Она состоялась на съезде населения племени: «После этого вернулись домой, [вернувшись домой] я собрал весь народ и сказал: ай соплеменники, мы к Белому-бию падишаху ходили, подчинились, стали [его] рабами. Мне, Татигачу, падишах пожаловал чин мурзы, Азная сделал старостой, и, нижайше попросив падишаха, земли бежавших ногайцев мы взяли [себе]. Согласились платить ясак из ста куниц. А теперь и вы примете ли [все это?] — спросил я. Весь народ сказал, хорошо, каждый из нас всей душой согласен. Но я сказал, [что] падишах велел мне, мурзе, ясака не платить; пусть будет так [доел, будет хорошо] ответили [соплеменники]. Народ сказал: теперь на этой земле есть места для зимнего жилища, реки есть [доел, достаточно воды для питья], [есть] беркуты с гнездами и перелетные [птицы], в реках есть бобры, в лесу быстроногие лисицы, есть и куницы, есть и выдры, говоря [об этом, мы] очень рады» *[Там же.* С. 33-34].

Эти конкретные факты важны не только для выяснения обстановки в племени Юрматы. Они имеют принципиальное значение и в том смысле, что подобное происходило и в других регионах бывшей Ногайской Орды, откуда направлялись посольства в Казань к русским властям для переговоров. Не только накануне отъезда, но и после возвращения послы держали ответ перед населением за свою поездку. На основе этих материалов вполне можно прийти к выводу о том, что важнейший вопрос о присоединении к Русскому государству было делом не только башкирской элиты, но и всего башкирского общества.

Исключительную ценность для понимания сущности и значения переговоров башкирских посольств в Казани представляет общее шежере самых крупных и влиятельных четырех юго-восточных племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян, ибо оно затрагивает самые важные аспекты переговоров.

Шежере свидетельствует, что послы названных племен приехали в Казань как «...приглашенные к великому князю Ивану Васильевичу», что власть была заинтересована в приезде башкирских представителей, что царь Иван «...сам желал их прибытия» *[Там же.* С. 73, 78]. В нем ясно подчеркивается, что башкир «...приняли в русское подданство», башкиры не превратились в вассалов, а «...стали подданными великого князя Ивана Васильевича» *[Там же.* С. 79]. Не менее ценно то, что шежере подводит читателя к выводу о том, что в Казани имели место равноправные переговоры башкир и русской власти, в ходе которых были приняты взаимные обязательства сторон, которые не могли изменяться в одностороннем порядке *[Там же]*.

Очень важно и то, что принятие русского подданства племенами Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян послужило примером вхождения в состав Русского государства для их восточных и северо-восточных соседей - не менее крупных племен — кудей, катай и айле. Не случайно об этом содержится материал в общем шежере Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян. В нем перечисляются бассейны рр. Инзер, Сим, Лемеза, Уфимка, Узень, Кига, Большой Ик, где проживали различные родовые подразделения кудейцев, катайцев и айлинцев. Как видно из шежере, кудейские, частично катайские и айлинские башкиры, по-видимому, вместе с юго-восточными племенами или чуть позже побывали в Казани.

В этом шежере прямо не говорится о совместной поездке кудейцев, катайцев и айлинцев совместно с послами четырех юго-восточных племен, но констатируется уплата в Казани башкирами этих племен ясака в казну русского царя. В тексте, возможно, пропущен материал о поездке послов восточных и северо-восточных племен в Казань для переговоров, но есть четкие сведения об уплате ими ясака одновременно с представителями юго-восточных племен. Следовательно, этот факт вполне позволяет сделать вывод о принятии кудейскими, катайскими, частично айлинскими башкирами, если не одновременно с юго-восточными племенами, то вслед за ними [*Там же]*.

В 1554-1555 гг. вошли в состав Русского государства, жившие в европейской части Приуралья, восточнее минцев, башкиры племени Табын, состоящие из родов Бишаул, Кси-Табын, Юмран-Табын, Калчир-Табын, Кумрук-Табын, Дуван-Табын, Мялля-Табын. А.Н. Усманов на основе материалов М. Уметбаева приходит к выводу, что табынцы, жившие в бассейне р. Белой, приняли русское подданство в 1556 г. От башкир-табынцев Курпяс-бий ездил к царю Ивану Васильевичу для принятия подданства. Усманов приводит комментарий Уметбаева о том, что табынцы по своей воле подчинились русскому царю и получили грамоты на свои земли *[Усманов*, 1960. С. 112—113].

Таким образом, можно прийти к важному выводу о том, что, наряду с вышеперечисленными запад-

ными и северо-западными башкирами в 1555-1556 гг. приняли русское подданство и другие башкирские племена, жившие на территории Казанского и Астраханского ханств, а также Ногайской Орды и Сибирского ханства.

Заключительным этапом вхождения башкир в состав Русского государства была поездка их послов в Москву, где завершились переговоры с московскими властями, и башкиры получили жалованные грамоты от царя Ивана IV.

В исторической литературе считается, что это произошло в 1557 г. Вполне определенно выразился в этой связи один из крупных историков XIX в. Н.М. Карамзин: «...весной 1557 года царь Иван милостиво принял в Москве старейшин [башкир] и дал им жалованные грамоты» *[Карамзин,* 1843. Т. VIII. С. 236]. В Никоновской летописи под 1557 г. также говорится: «...башкирцы пришли, добив челом, и ясак платили» *[Кузеев,* 1982. С. 12].

В башкирских преданиях и шежере встречаются сведения о поездках посольств башкир в Москву, принятии их царем Иваном IV, вручении им жалованных грамот, которые подтверждали принятие русского подданства и закрепление за ними земель в вотчинное владение *[Усманов,* 1960. С. 113—114; *Кузеев,* 1982. С. 12]. В шежере башкир племени Юрматы есть следующее известие: «Когда вступили в шестьдесят второй год [1554-1555 г. по христианскому календарю], от Белого-бия царя пришел купец. Меня, Татигача, старосту Азная, потом Илчикея Тимера с Кармышом известил [и мы] сто куниц ясака на [йорт] доставили в Москву [и] заплатили царю... Но, находя, [что] доставлять ясак в Москву тяжело, просили [позволения] платить ясак в Казань. Доставив книгу в Казань, платили [ясак]» *[Башкирские...* 1960. С. 34].

Этот отрывок из шежере подтверждает факт поездки башкир-юрматынцев в Москву, конкретно говорит о доставке туда ясака. Можно предположить, что получение ими жалованных грамот по какой-то причине в тексте пропущено.

Одним из важных аспектов проблемы вхождения является получение башкирами жалованных грамот русского царя Ивана IV. До последних лет в руках историков отсутствуют жалованные грамоты. Поэтому отдельные авторы стали вообще отрицать существование жалованных грамот, полученных башкирами от русского царя *[Чулошников,* 1936. С. 23-24].

Однако первый русский исследователь Башкортостана П.И. Рычков в своей книге «История Оренбургская», написанной в середине 40-х гг. XVIII в., утверждал, что «...после Казанского взятья спустя года с три и тако около 1555 году в российское подданство пришли и за то не токмо те земли, коими они прежде подданства своего владели... а именно, за Камою рекою и около Белой Волги, коя после Белою рекою названа, им, башкирцам, подтверждены, но сверх того и другими многими, на которых они ныне жительствуют пожалованы, как то свидетельствуют и жалованные грамоты» *[Рычков,* 2001. С. 25—26].

Как видно, автор не сомневался, что при вхождении башкиры получали от царского правительства жалованные грамоты. Очень ценно следующее добавление П.И. Рычкова. Заканчивая свою мысль о жалованных грамотах, полученных башкирами от Ивана IV, он указывал, что у башкир эти «...жалованные грамоты у многих поныне имеются» *[Там же.* С. 26].

Данный вывод подтверждается также высказываниями ряда других представителей местной администрации того же времени. В «Представлении...» переводчика Уфимской провинциальной канцелярии Кильмухамета Уракова императрице Елизавете Петровне от 1746 г. говорится: «И через несколько время, как блаженные и вечно достойные памяти государь, царь и великий князь Иоанн Васильевич завоевал Казанское, Болгарское царствы, оной башкирской народ своим желанием, без всякого принуждения, отставя своего хана, пришли к нему в подданство, перевели на себя платить в казну подати, называемой ясак... Для владения оных земель и угодья пожалованы были им грамоты, которые платили реченной ясак в Казане несколько лет...» *[Материалы...* 1949. Т. III. № 577. С. 552]. Оренбургский губернатор А.А. Путятин к своему «Представлению» в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. приложил копии трех жалованных грамот русских царей башкирам племени Канлы *[Кулбахтин,* 2007. С. 27].

Как видно, царские чиновники второй половины XVIII в. знали, что у башкир имеются жалованные грамоты, полученные от Ивана IV в середине XVI в. Это было для них аксиомой.

В борьбе за сохранение своих вотчинных земель башкиры широко использовали жалованные грамоты, полученные их предками от русского царя в середине XVI в. Неоднократно ссылались на жалованные грамоты, полученные при вхождении в состав Русского государства в своих наказах и выступлениях в ходе заседаний Уложенной комиссии и башкирские депутаты Туктамыш Ишбулатов и Базаргул Юнаев. Как бы заключительным аккордом в деятельности последних стали три «Дополнения» к своим наказам в Уложенную комиссию,

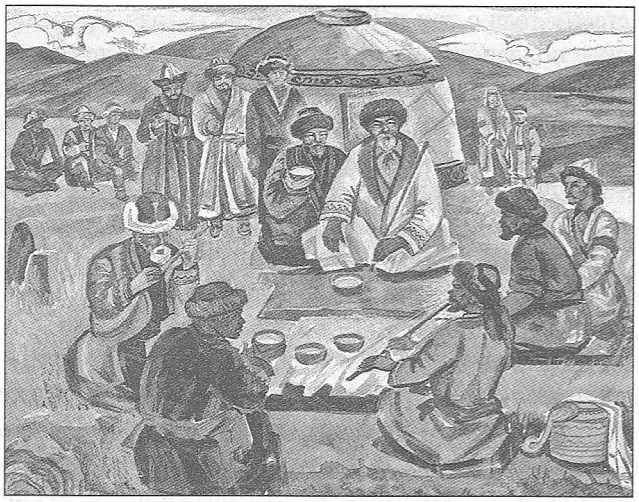

Рис. 6. Йыйын (съезд) башкир племени Мин, где обсуждался вопрос о присоединении к Русскому государству летом 1555 г. Худ. А.Х. Байрамгулов

Рис. 7. Русские послы читают грамоты Ивана Грозного башкирам на йыйыне (съезде). Худ. А.Х. Байрамгулов

которые заканчивались следующим образом: «Какого содержания жалованные грамоты и похвальные указы как нам, имянованным, так и предкам нашим за многие их оказанные службы во оборону, от всяких обид в разные времена даны были, со оных на высокое рассмотрение комиссии прилагаем при сем точные копии» *[Там же.* С. 26].

Таким образом, приведенные факты являются вполне убедительным материалом о том, что добровольное вхождение башкир в состав Русского государства подтверждалось жалованными грамотами царя Ивана IV.

Историки второй половины XIX - начала XX в. были также согласны с мнением П.И. Рычкова о жалованных грамотах башкир. Оренбургский автор Д.Н. Соколов по этому поводу пишет, что некоторые грамоты в руках башкир сохранились до конца XIX в. и продолжает: «Действительно, уже от 1557 г. дошла до нас жалованная грамота башкирам одной волости и нет оснований полагать, что она была первою и единственной в своем роде. Напротив, все последующие цари в ответ на челобитные башкир не отрицали пожалования ими на земли прав владения» *[Соколов,* 1916. С. 86]. А.Н. Усманов в ЦИАРБ обнаружил материал о затянувшихся земельных спорах между башкирами 9-го кантона и уральскими казаками. Представитель башкир этого кантона Алтынбай Худайшукуров в 1823 г. подал прошение на имя императора Александра I, в котором, отстаивая права вотчинников, ссылался на жалованные грамоты Ивана IV их предкам и приложил копию грамоты к своему прошению *[Усманов,* 1960. С. 141]. Автор опубликованной в 1867 г. в Санкт-Петербурге книги «Историческая записка о местности прежней Уфимской губернии, где был центр древней Башкирии» приходит к выводу о том, что башкиры Тайнинской волости Осинской дороги получили от русского царя Ивана IV жалованную грамоту, в которой были закреплены их вотчинные права на землю *[Историческая...* 1867. С. 3].

Вслед за ними и советские историки XX в., специально изучавшие проблему вхождения башкир в состав Русского государства А.Н. Усманов и Р.Г. Кузеев в частности, доказывали, что те получали жалованные грамоты Ивана IV. Важно также и то, что последние обратили внимание на то, что отрывки жалованных грамот были включены в шежере башкир. Это было известно и представителям царской администрации края, поэтому башкирские шежере рассматривались как важный правовой документ при решении различных споров коренных жителей между собой и с переселенцами из центральных уездов, земельных в особенности *[Усманов,* 1960. С. 103, 108, 111-114; *Кузеев,* 1982. С. 11-12].

Этих же взглядов придерживается и внесший заметный вклад в изучение данной темы известный историк А.З. Асфандияров. Он подчеркивает, что башкиры, недовольные не только земельными изъятиями, но и ростом налогов и повинностей, политикой христианизации, свою правоту доказывали ссылками на жалованные грамоты Ивана IV и указы его преемников XVII-XVIII вв. *[Асфандияров,* 1982. С. 20-24].

Наконец, нельзя не отметить, что в связи с празднованием 450-летия вхождения башкир в состав Русского государства заметно активизировалось исследование проблемы. Ряд современных авторов сделали определенные сдвиги в поисках жалованных грамот Ивана IV. Н.М. Кулбахтин утверждает, что опубликованная Ю.С. Бикбовым в

конце XIX в. в «Оренбургской газете», а затем в 1925 г. С. Мирасовым копия грамоты башкирам племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян на самом деле представляет собой копию жалованной грамоты русского царя Ивана IV, данной башкирам этих племен в середине XVI в. при их вхождении в состав Русского государства *[Кулбахтин,* 2007. С. 31—34]. Выясняется при этом, что копия данной жалованной грамоты по решению Оренбургской палаты гражданского суда снята 29 мая 1823 г. по просьбе поверенного 9-го кантона Кара-Кыпсакской волости Рахманкула Байгузина с грамоты 961-го года (по арабскому календарю — *авт.)* и была выдана ему. Та же процедура по решению того же учреждения проделана 5 марта 1864 г. по прошению начальника 6-го кантона Хасана Биешева. Очень важен тот факт, что чиновник Оренбургской палаты гражданского суда утверждает в первом случае, что выданная копия снята «с подлинной грамоты»; во втором — что она является «верной копией с копии».

Следовательно, можно считать доказанным, что копия грамоты, опубликованная Ю.С. Бикбовым и С. Мирасовым, является копией жалованной грамоты Ивана IV, выданной племенам Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян при принятии ими русского подданства. На этом фоне можно утверждать, что не только русские летописи и башкирские шежере, но и жалованные грамоты Ивана IV башкирам подтверждают, что в середине XVI в. западные, северо-западные, центральные, юго-восточные и южные зауральские башкиры добровольно вошли в состав Русского государства.

Важнейшим является вопрос об условиях принятия башкирами русского подданства.

В различных вариантах шежере башкирских племен достаточно конкретно говорится, на каких условиях башкиры вошли в состав Русского государства.

В шежере племени Юрматы значительное внимание уделено решению земельного вопроса: «...земли, оставшиеся от бежавших ногайцев, нижайшие попросив, взяли [себе]. [Царь] пожаловал [земли] в верховьях [реки Белой], граница Нугуш, в низовьях Кукуш, с впадающими [в эти реки] с обеих сторон речками и степями, [горами и скалами]... Народ сказал: теперь на этой земле есть места для зимнего жилища, реки [есть], беркуты с гнездами и перелетные [птицы], в реках есть бобры, в лесу быстроногие лисицы, есть и куницы, есть и выдры, говоря [об этом, мы] очень рады» *[Башкирские...* 1960. С. 33—34].

Шежере заканчивается словами: «...когда в Казани был Белый-бий падишах, Татигач-бий, прибыв [туда], подчинившись и став подданным,

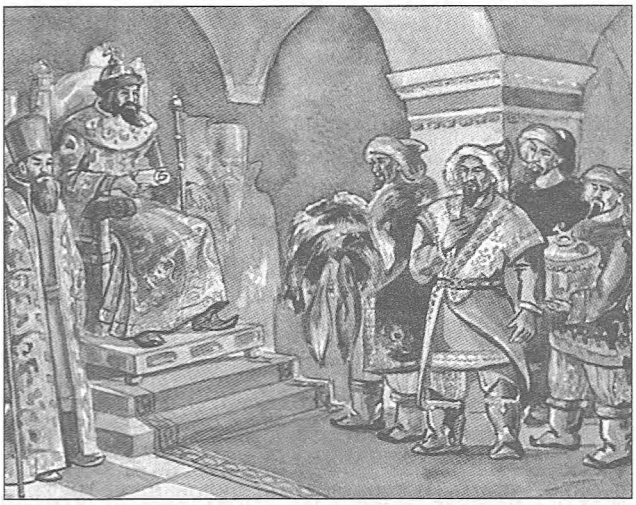

Рис. 8. Прием Иваном Грозным в 1557 г. башкирских послов в Кремле и вручение грамот. Худ. А.Х. Байрамгулов

нижайше попросив, взял эти наши земли. Должны знать, что [именно] поэтому башкиры-вотчинники стали многоземельными» *[Там же.* С. 35].

В общем шежере племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян по этому вопросу говорится, что после принятия подданства послы этих племен «...обратились с нижайшей просьбой отмерить [башкирам] ихние земли, воды и выдать им [на владение этими землями] грамоту. По их [башкирских послов] просьбе, он, великий царь Иван Грозный, своим указом [повелел] эти земли отмерить, то есть определить их границы. Для этого в Ногайскую и Сибирскую дороги направил повелительные письма; опираясь на эти письма, народ *ете ырыу,* то есть «семи племен», посоветовавшись [между собой] и согласившись [друг с другом] решили земли, которыми владели их племена, как-то степи и леса, разделить... У Усерган с Бикбау-князем, у Тамьян с Шагали Шакман-князем, у Бурзян с Искеби-князем, у Кыпсак с Мешавали Каракузяк-князем у всех племен были [племенные] земельные владения. Те земли, которые, посоветовавшись и отмерив, отделили, в упомянутом городе Казани закрепили в книге» *[Там же.* С. 73—74].

В другом варианте шежере этих племен имеется следующий материал переговоров между сторонами по земельному вопросу: «Составили указную... грамоту, [в которой] особо написали о наших землях и религии... От имени четырех башкирских племен Усерган, Кыпсак, Тамьян, Бурзян, все живущие на этой земле народы... имея между собой полное согласие, через поверенного по делам просили милостивого великого царя разрешить высочайшим повелением разделить между четырьмя племенами земли, воды и леса, оставшиеся [нам] в наследство от наших дедов, [которые], будучи под покровитель-

ством хана Чингиза Темучина, [получили эти земли] с благосклонного разрешения великого Темучина, хана Чингиза. В соответствии с этими настоятельными просьбами милосердный наш царь... оказал милость [и] послал землемеров, повелев им... разделить каждому из нас наши земли, воды и леса, и сразу же землемеры разделили [земли]» *[Там же.* С. 79].

В шежере племени Бурзян сказано: «После этого как великий царь принял в подданство полностью подчинившихся ему [башкир], после того как он некоторым пожаловал [звания] бия или князя, после этого как другие приняли пожалованные им земли, они [т. е. башкиры] обратились к великому царю отмерить [т. е. разделить] жалованные им [т. е. царем] земли и воды... чтобы разделить им земли и воды, разослал в Ногайскую и Сибирские дороги письма, [согласно этим письмам] жалованные им луга и леса, горы и реки отмежевали. И каждый из них обосновался на своих землях, [которые] им стали известны» *[Там же.* С. 127].

Как видно, в переговорах башкирских послов с русскими властями о принятии подданства главным был земельный вопрос. Эти материалы показывают, что башкиры тех или иных регионов края до присоединения к Русскому государству имели вотчинные земельные владения, на которых они жили. Шежере извещают, что на этих землях башкиры жили по повелению великого Чингисхана, т. е. земли башкир официально были закреплены за ними основателем Монгольской империи и последующими правителями. На самом деле последние лишь сохранили за башкирами все те владения, на которых они жили со времен родового строя. Когда в XV в. на развалинах Золотой Орды возникли Ногайская Орда, Казанское, Астраханское и Сибирское ханства, то феодальная верхушка последних захватила часть башкирских земель. В сложных условиях середины XVI в., когда одни из этих ханств были завоеваны (Казанское), другие ослаблены (Ногайская Орда), башкиры в ходе переговоров с русскими властями подняли и вопрос о возвращении отнятых земельных владений. В шежере юрматинцев сказано в этой связи, что они попросили у царя и вернули прежние свои земли после бегства ногайцев. Жители рода Карагай-Кыпсак также сумели добиться своих целей. Они «...дали знать царю в Казань, что мы народ из ста илей и взяли себе земли бежавших ногайцев с обеих сторон реки Белой» *[Там же.* С. 117].

Таким образом, можно сделать вывод, что башкиры сумели возвратить свои земли, ранее отобранные разными правителями. Следовательно, Русское государство удовлетворило основные требования башкир о сохранении и закреплении всех земельных владений в их руках.

Башкирам-мусульманам, которые намеревались войти в состав христианского государства, важно было также урегулировать вопрос о положении своей религии. Послы Ивана IV, разъезжавшие по краю после падения Казани, провозглашали свободу вероисповедания местных народов. В шежере племени Юрматы об этом есть следующие строки: «После этого Белый бий стал падишахом. Был девятьсот шестьдесят первый год [954 по мусульманскому календарю], когда во все земли были направлены послы с грамотами, [которые] известили: ...пусть никто не убегает и пусть каждый остается при своей вере, соблюдает свои обычаи» *[Там же.* С. 33]. В шежере рода Карагай-Кыпсак племени Кыпсак говорится, что русский царь после взятия Казани «...во все земли разослал указы, разослал послов», которые говорили: «Пусть никто не убегает; пусть каждый сохранит свою веру» *[Там же.* С. 117].

Можно предполагать, что подобные призывы и обещания в условиях XVI в. не могли остаться вне внимания населения. Грамоты Ивана IV со словами о том, что от русских не будет гонений за веру, сыграли также положительную роль в пользу принятия башкирами русского подданства.

В шежере есть материал, где конкретно говорится, что решили царские власти по этому вопросу в ходе переговоров. В общем шежере племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян сказано: «Составили указную [в списке: договорную] грамоту, в которой особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию» *[Там же.* С. 79]. Приведенные материалы вполне позволяют сделать однозначный вывод о том, что правительство Ивана IV гарантировало свободу вероисповедования, сохранение в крае мусульманской религии.

Серьезным аспектом во взаимоотношениях сторон была организация местного управления. В шежере имеются некоторые косвенные материалы в этом отношении. Почти в каждом шежере говорится, что в ходе переговоров в Казани в 1554-1556 гг. наместник Ивана Грозного жаловал башкирских послов различными должностями и званиями. Юрматынские послы Татигас-бий получил чин мурзы, Азнай-бий стал старостой. Послов племени Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян Бикбава князя, Иске-бия, Мешавали Каракузяк-князя и Шагали Шакмана-князя царь наградил званием тарханов *[Там же.* С. 33, 73]. В шежере башкир племени Бурзян также утверждается, что «великий царь принял в подданство полностью подчинившихся ему [башкир]... он некоторым пожаловал

[звания] бия или князя... Поступая согласно их просьбе, пожаловал им [высочайшим] указом чины тарханов и князей» *[Там же.* С. 127].

Жалование русскими властями башкирским послам перечисленных званий было не только поощрением за их приезд для переговоров в Казань, а являлось, по существу, раздачей должностей по управлению регионами, откуда они прибывали. Тем более, по версии одного шежере, башкирские послы сами инициировали предоставление им званий тарханов и князей. Таким образом, получение званий — биев, мурз, князей, тарханов и старост, представителями башкирской верхушки от русской власти означало узаконивание (легитимизацию) ее прав на управление местами, откуда они прибывали, в условиях пребывания в составе Русского государства. В башкирских шежере говорилось о том, что русские власти, призывая башкир принять русское подданство, провозглашали, что они будут жить на основе своих обычаев, т. е. будут жить и управляться, как и раньше *[Башкирские...* 1960. С. 33, 117]. Следовательно, русские власти после вхождения башкир выполнили свои обещания, данные башкирам.

Таким образом, сохранившиеся источники позволяют выяснить обязательства, взятые Русским государством по отношению к башкирскому народу. Прежде всего оно удовлетворило просьбу башкир по земельному вопросу. Оно сохранило за ними все занимаемые земли, в том числе вернуло отобранные ногайцами владения. Башкиры были объявлены вотчинниками своих земель. Во-вторых, правительство обещало не трогать религию башкир, не переводить их в другую веру. В-третьих, оно обязалось сохранить власть на местах в руках верхушки башкирского общества.

Русское государство предоставило башкирам широкую автономию.

Но и башкиры, со своей стороны, взяли целый ряд серьезных обязательств перед Русским государством.

В шежере племени Юрматы сказано, что «Татигач бий... взял с собой три человека от трех тюб народа, сначала Азна-баба, второго Илчикей Тимер-баба, третьего Кармыш-баба, и вчетвером, забрав с собой нескольких друзей-спутников, придя в город Казань, согласились быть подданными... Белого-бия падишаха». После возвращения домой Татигач-бий, собрав народ, сказал: «...мы к Белому-бию падишаху ходили, подчинились... стали его рабами... Согласились платить ясак из ста куниц... А теперь и вы примете ли [все это?] - спросил я. Весь народ... сказал, хорошо, каждый из нас всей душой согласен... Когда вступили в шестьдесят второй год [1554-1555 гг. христианского летосчисления]... сто куниц ясака... доставили в Москву и заплатили царю» *[Там же. С.* 33—34].

В шежере минцев также обращается внимание на их согласие платить ясак в казну Русского государства: «Ясак, который мы платили милостивому великому царю, сто семьдесят одна куница, восемнадцать батман меда» *[Там же.* С. 53].

Более полно вопрос об обязательствах башкир в отношении к Русского государства освещается в шежере племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян. Четыре бия этих племен - Бикбау, Иске-бий, Мешавали Каракузяк, Шагали Шакман, «...прибыв в город Казань, стали известными Ивану Грозному. Башкир [доел, башкирское общество] приняли [в русское подданство] с [условием] верной службы [царю]... согласились [платить] ясак, положенный Грозным ясак [состоял из лошадей и куниц и лисиц и разного другого ясака, — который, посоветовавшись, разделили [между собой]... Если при уплате известного лисьего ясака, лис не могли добыть, то рассчитывались медью, от десяти копеек, пятидесяти копеек и до 55 копеек» *[Там же.* С. 73—74].

Во втором варианте шежере этих юго-восточных племен ярко говорится о службе башкир, о том, что стороны, т. е. Русское государство и юго-восточные башкиры, составили: «...указную [в смысле: договорную] грамоту, [в которой] особо написали... дали слово... чтобы мы, башкирские роды, стали нести искреннюю службу...» *[Там же.* С. 79].

Как видно из этих материалов, башкиры прежде всего признали себя подданными Русского государства со всеми вытекающими отсюда обязанностями — нести службу в пользу государства в широком смысле слова, выполнять различные повинности того времени - военную, налоговую и т. д. Обращает на себя также согласие башкир признать русского царя верховным собственником всех земельных угодий, закрепленных за ними на условиях вотчинного права. Следовательно, обширная страна башкир стала частью территории Русского государства.

Таким образом, башкиры приняли на себя целый ряд крупных обязательств.

Важной особенностью вхождения башкир в состав Русского государства является не только его мирный характер. Стороны решили строить свои отношения на договорной основе: в ходе переговоров они заключили договор о будущих взаимоотношениях. Это был первый подобный случай во взаимоотношениях Русского государства с соседними народами. Царские жалованные грамоты представляли собой своеобразный договор между Русским государством и башкирами.

Если подойти к этому важному вопросу формально, то можно усомниться в том, что правительство Ивана IV могло пойти на заключение договора с башкирскими послами в ходе переговоров, ибо, как правило, договоры заключались между государствами. Однако в шежере башкир крупных башкирских племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян четко говорится о составлении документа (царской грамоты) между башкирами и Русским государством, характеризуется основное содержание предмета переговоров, подчеркивается, что обе стороны обязались без согласия другой, односторонне не изменять содержание документа (грамоты). Далее сказано, что документ составлен в 2-х экземплярах, записан в официальной книге, подписан представителями сторон, один его экземпляр вручен башкирским послам *[Башкирские...* 1.960. С. 78—79]. В шежере далее говорится, что этот привезенный документ все еще находится у них в руках. Другими словами, стороны в ходе переговоров заключили по существу договор о взаимоотношениях между Русским государством и башкирами, хотя по форме он назван жалованной грамотой русского царя.

В середине XVI в. в тяжелом положении находились не только политически раздробленные башкиры, но и Русское государство, в котором еще шел процесс укрепления центральной власти и сложились непростые отношения с соседними странами. В этой ситуации русское правительство ради мирного присоединения башкир решилось на беспрецедентные взаимоотношения с последними, согласилось предоставить башкирам автономию в составе своего государства и пошло на заключение договора с ними.

Вряд ли поэтому имеются основания для сомнений относительно жалованной грамоты Ивана IV башкирам, которая если не формально, то фактически является договором между русским правительством и башкирами. Тем более его приемники в XVII—XVIII вв. неоднократно подтверждали основные условия вхождения башкир в состав Русского государства в соответствии с жалованной грамотой Ивана IV.

Итак, башкиры, жившие в составе Казанского ханства и Ногайской Орды, а также частично в южной части Сибирского ханства, в 50-х гг. XVI в. добровольно и на основе договора приняли русское подданство.

Основными условиями вхождения башкир было сохранение земли на вотчинном праве, свободы вероисповедания, власти в руках башкирской верхушки во главе с наследственными старостами по вопросам управления и суда; предоставление права представителям одной или нескольких волостей, дорог и всего народа собираться на йыйыны по своему усмотрению для обсуждения назревших вопросов, обращаться с челобитной в органы государственной власти — от уфимских воевод до царей. У башкир продолжало существовать прежнее административное деление их территории на волости и дороги. Другими словами, русское правительство предоставило башкирам широкую автономию. Это было следствием добровольного и договорного вхождения их в состав Русского государства, которое серьезно было заинтересовано во включении башкир в свой состав.

Отдельные современные авторы считают возможным говорить о том, что башкиры находились с русской властью в вассальных отношениях. С такой оценкой нельзя согласиться прежде всего потому, что вассалитет — это система отношений личной зависимости между различными феодалами. Вассал (менее состоятельный феодал) обязывался нести военную или другую службу в течение определенного срока сеньору (королю, крупному феодалу) за различные источники дохода (земельное владение или другое жалованье). Неисполнение оговоренного обязательства той или другой стороной приводило к расторжению договора между ними. В Русском государстве вассальные отношения существовали лишь между великими и удельными князьями.

При вхождении башкир в состав Русского государства речь шла не только об отношениях верхушки башкирского общества с правительством, а о взаимоотношениях всего народа — и элиты, и рядовых башкир (племени, группы племен) с русской властью. К тому же из документов ясно, что стороны не договаривались о признании башкирами власти русского царя на какой-то срок, а речь шла о вхождении в состав Русского государства на вечные времена. Наконец, в ходе переговоров были установлены постоянные обязательства не только верхушки общества, но и рядовых башкир. Если первые должны были нести военную службу, то рядовые общинники - платить налог за землю, дать подводы для перевозки казенных грузов, участвовать в войнах Русского государства. Обращает на себя внимание и то, что в документах, отражающих процесс переговоров между башкирскими послами и царскими властями, недвусмысленно речь шла о подданстве башкир, а не о вассальных отношениях. В шежере племени Юрматы башкирские послы говорили о том, что они и «...придя в город Казань, согласились быть подданными Белого-бия падишаха» *[Там же.* С. 33]. В шежере племени Мин сказано, что они после взятия Казани «...милостивому царю подчинились» [*Там же.* С. 52]. В общем шежере племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян утверждает-

ся: «Башкир (дословно башкирское общество) приняли [в русское подданство] с [условием верной службы царю]» *[Там же.* С. 73]. В другом варианте шежере перечисленных племен зафиксировано, что послы Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян «...ходили от указанных четырех племен, будучи приглашенными в город Казань к великому князю Ивану Васильевичу, [надеясь] на справедливость царя России... Из-за многочисленности обид этого Бусая хана и бия Актуша, схватив, передали хану России Ивану Васильевичу. Стали подданными великого князя Ивана Васильевича» *[Там же.* С. 78].

Итоги переговоров в Казани башкирских послов с царским наместником обсуждались на йыйынах (съездах) соответствующих племен. Об этом в шежере племени Юрматы помещен следующий рассказ Татигач-бия: «После этого вернулись домой, [вернувшись домой] я собрал весь народ и сказал: ай соплеменники, мы к Белому-бию падишаху ходили, подчинились [преклонили головы], стали [его] рабами. Мне, Татигачу, падишах пожаловал чин мурзы, Азная сделал старостой, и, нижайше попросив падишаха, земли бежавших ногайцев мы взяли [себе]. Согласились платить ясак из ста куниц. А теперь и вы примете ли [все это?] - спросил я. Весь народ ...сказал, хорошо, каждый из нас всей душой согласен» *[Там же.* С. 33].

Вполне можно предполагать, что так поступали все башкирские посольства после возвращения из Казани к себе на родину.

Как видно, приведенные фактические материалы дают возможность утверждать, что башкиры в середине XVI в. стали подданными Русского государства. Они добровольно признали власть царского правительства со всеми вытекающими последствиями. Когда крестьяне и другие подданные Русского государства были недовольны политикой феодального правительства, они боролись за улучшение своего положения, применяя самые различные формы и методы — от подачи жалоб до вооруженных восстаний. Башкиры в XVII-XIX вв. также по-разному отстаивали свои права, часто поднимали восстания. Отдельные движения XVIII в. шли под лозунгами отделения от Российского государства. Однако эта активная борьба башкир за свои права не дает основания для вывода о том, что присоединение Башкортостана к Русскому государству было установлением между ними вассальных отношений, что башкиры как якобы вассалы русского царя считали себя вправе поднять борьбу против царя - своего сеньора, когда хотели, отказаться от его власти.

Добровольное вхождение башкир в состав Русского государства в середине XVI в. подтверждается и исторической памятью народа. Он не был безучастен к вопросам своей истории. Для башкир XVII-XVIII вв. вопрос о характере вхождения их предков в состав Русского государства не был спорным. Они решали его однозначно. В челобитной башкир всех 4 дорог от 26 февраля 1706 г. на имя царя Петра I говорится, что «...деды и отцы их поклонились без спору и без войны и приехав из своей воли покорились» русскому царю *[Материалы...* 1936. Ч. I. № 119. С. 130—131]. Та же идея выражена в челобитной башкир Гирейской волости Казанской дороги и Тангаурской волости Ногайской дороги от 1728 г., и адресованной к императору Петру II *[Там же.* № 25. С. 127-132]. Еще яснее мысль о добровольном присоединении башкир к Русскому государству выразили восставшие башкиры Сибирской дороги в своем письме к В.Н. Татищеву от 2 августа 1736 г.: «Мы, башкирские народы, наши отцы, деды и прадеды, великому государю в подданство пришли своими волями, оставя своих ханов. А великие государи нас содержали по нашей воле, а не под саблею» *[РТАДА.* Ф. 248. Кн. 1133. Л. 423]. Подобных фактов можно привести множество. Однако уже приведенных документов вполне достаточно, чтобы сказать, что башкиры вполне справедливо считали, что их предки добровольно и по договору приняли русское подданство.

Добровольное вхождение башкир в состав Русского государства — это крупнейшее событие в истории Башкортостана и России. После присоединения; в крае прекратилась междоусобица, башкиры получили возможность спокойно жить и заниматься хозяйством. В составе Русского государства было покончено с былой политической и территориальной раздробленностью башкир, что способствовало этнической консолидации и укреплению их как народа. Постепенно между башкирами и русскими переселенцами начали складываться добрососедские отношения. Они совместно осваивали природные богатства края, защищали страну от внешних врагов. Возникшие позднее города и заводы содействовали торгово-экономическим связям Башкортостана с центральными регионами страны.

В то же время башкиры потеряли возможность для создания суверенного государства. Царские власти постепенно стали нарушать условия вхождения. Со времени организации Оренбургской экспедиции русское правительство пошло на официальное нарушение основных положений договора о вхождении, что отрицательно сказалось на социально-экономическом и культурном развитии башкир в XVIII-XIX вв.

В целом же добровольное принятие русского подданства открыло для башкир новый путь исто-

рического развития. Вхождение башкир в состав по существу европейского типа Русского государства с особенностями его хозяйства, быта, религии и менталитета стало преградой на пути ассимиляции первых. Не случайно к началу XX в. башкиры сохранили свой этнос, специфику социально-экономической и культурной жизни. В составе Российского государства они получили возможность приобщаться к достижениям русской и европейской цивилизаций.

Для Русского государства мирное вхождение огромной территории Башкортостана с богатыми природными ресурсами и значительным населением способствовало его дальнейшему политическому и экономическому усилению, стало заметным рубежом в превращении в крупную и ведущую европейскую державу.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ БАШКИР

Историография вопроса крайне бедна. Отдельные исследователи в своих трудах высказали отношение к данной теме. В частности, видный этнограф, автор фундаментальной монографии «Башкиры» С.И. Руденко вполне справедливо отметил, что отсутствие объединяющей всех башкир организации и раздробленность племен не позволяли им присоединиться к Московскому государству одновременно. В тоже время он не совсем верно определяет конечную дату подчинения Москве сибирских башкир, ограничив ее концом XVI и началом XVII в. *[Руденко,* 1955. С. 34; 2006. С. 28]. Но в этот период только часть их вошла в состав Русского государства.

Данной проблеме большое внимание уделял А.Н. Усманов в своей монографии, впоследствии дважды переизданной с дополнениями *[Усманов,* 1949; 1960; 1982]. В первых двух изданиях были выяснены общие моменты и обстоятельства завоевания северо-восточных башкир Москвой *[Усманов,* 1949; 1960]. В третьем издании более подробно дана история присоединения северо-восточной части Башкортостана и утверждается, что северо-восточные башкиры были под влиянием сибирского хана Кучума, его сыновей и внуков вплоть до 30—40 гг. XVII в. По мнению автора, основная часть северо-восточных башкир признала власть Русского государства в 1586 г., когда еще шла борьба с сибирским ханом Кучумом, и они приняли русское подданство без сопротивления. Другая, меньшая их часть (табынцы, сынрянцы, мякотинцы) вошла в состав Русского государства после окончательного разгрома Сибирского ханства и в процессе последующей борьбы уже с сыновьями Кучума. Во всяком случае, до 1610 г. названные племена оставались в лагере Кучумовичей, участвуя в борьбе против Русского государства. Однако А.Н. Усманов определенно не говорит о характере подданства северо-восточных и восточных башкир, ограничиваясь словами «признали власть Русского государства», «вошли в состав России». Акт был добровольным или насильственным - остается неясным *[Усманов,* 1982. С. 179].

В обобщающих работах по истории Башкортостана проводится в основном концепция о завоевании сибирских башкир отрядом казаков Ермака, правительственными командами Мансурова и др. В «Очерках по истории Башкирской АССР» говорится о том, что присоединение сибирских башкир к Москве можно оценить как их вынужденный шаг *[Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 64]. В другой коллективной работе по истории Башкортостана под редакцией И.Г. Акманова сделан вывод о том, что «сибирские башкиры разными путями - одни мирно, другие в результате завоевания приняли русское подданство». Однако в числе первых не совсем оправданно перечисляются племена Айле, Кувакан, Катай, Сызгы, не владевшие жалованными грамотами на заселяемые ими земли, следовательно, завоеванные русскими военными командами *[История...* 2004. Т. I. С. 108].

Требуют уточнения названия насильственно включенных в состав России племен *[Миллер,* 1937. Т. I; 1941. Т. II; 1999. Т. I; 2000. Т. II].

По рассматриваемой теме мало опубликованных источников, архивные фонды изучены еще недостаточно. Ценным источником по истории сибирских башкир являются краткие сведения, найденные академиком Г.Ф. Миллером *[Там же]*. Они касаются территории проживания башкир, взаимоотношений с сибирскими татарами, с ногайцами и калмыками, а также с ханом Кучумом и его наследниками. В «Материалах по истории Башкирской АССР» можно найти лишь отдельные сведения о сибирских башкирах. В частности, в «Реестре и описании башкирских волостей, составленных в Уфимской Провинциальной канцелярии со слов Ф. Жилина и уфимцев С. Третьякова и И. Гавренева» от 1730 г. по Сибирской дороге перечисляются племена и роды (волости) с указанием их проживания и географическими ориентирами, содержатся некоторые сведения о хозяйстве и др. *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 135-138].

О происхождении и территории расселения, времени появления башкир в Зауралье нет единого мнения среди историков. Одни считали их давними поселенцами этого края, другие, как Г.Ф. Миллер, -

более поздними пришельцами. В источниках перечисляются подвластные Сибирскому ханству башкирские племена, которые нередко ошибочно называются татарскими. Миллер уверен, что «башкиры в то время еще не жили в пределах Сибири, но как, и большая часть этого народа в настоящее время [т. е. 1730 г. - *авт.],* имели свое местопребывание по ту сторону Урала, в пределах Уфимского уезда». Комментатор книги Миллера, переизданной в 2000 г., более конкретен в своем утверждении: «Эти народы («башкирцы», «киныpцы») теперь в Тюменском уезде более не встречаются. Башкиры никогда не принадлежали к коренным жителям Тюменского уезда, а появлялись там иногда как перебежчики из Уфимского уезда и, таким образом, они возвращались теперь к себе на родину» *[Миллер,* 1937. Т. И. С. 198; 2000. Т. II. С. 15].

Здесь речь могла идти только о Башкурской (Бучкурской) волости Сибирской дороги, занимавшей территорию по р. ТТътптме до г. Тюмени. Впоследствии эта волость исчезла с этнической карты Западной Сибири в связи с предполагаемой ассимиляцией ее населения местными татарами. Подобную судьбу могли разделить и башкиры ряда других исчезнувших волостей. Все другие волости продолжали оставаться за Уралом. Вот их названия и местоположение по Г.Ф. Миллеру. По р. Исеть до острога Катайского находилась Бакшеева волость; к югу от р. Исеть - Катайская; от устья р. Миасс при впадении ее в Исеть - Терсятская; по р. Синаре - Сырянская (Сынрянская); по ее притоку Тече - Челзеутская (Салжиутская) волость *[Миллер,* 2000. Т. II. С. 714]*.

Сведения Г.Ф. Миллера в основном созвучны с вышеназванным «Реестром и описанием башкирских волостей». Но в последнем перечисляется гораздо большее количество - 17 — башкирских волостей Сибирской дороги *[Материалы...* 1936. Ч. 1. №28. С. 135-138].

Сибирские башкиры с середины XIV в. находились под властью Золотой Орды, с конца XV в. — Сибирского ханства. После присоединения к Русскому государству в XVII - начале XVIII в. ими управляли тобольские и уфимские воеводы, с 1744 г. — оренбургские губернаторы.

Во главе отдельных башкирских волостей, как известно, стояли старосты, которые являлись наследными; с конца 30 - начала 40-х гг. XVIII в. их возглавляли старшины, назначаемые уфимскими и тобольскими властями.

Сведений о хозяйстве северо-восточных башкир в XVI-XVIII вв. сохранилось мало. Ссылаясь на Г.Ф. Миллера, утверждавшего, что башкиры «часто переменяли свое местожительство в степях» *[Миллер,* 1937. Т. I. С. 198; 1999. Т. I. С. 189], историки делают вывод об их кочевом образе жизни *[Усманов,* 1982. С. 157]. Однако в условиях резко континентального климата, суровой зимы и глубокого снега о круглогодичном кочевании речи быть не могло. Башкиры вели полукочевое хозяйство. Зиму проводили в аулах, в небольших населенных пунктах, лошади - на тебеневке. С мая по июнь со всем скотом выходили на летовку. Полукочевое хозяйство дополнялось охотой на зверей и птиц, занимались также рыболовством, бортничеством и другими промыслами. Скотоводство оставалось главным занятием. В 1633 г. башкирский сотник Уфимской волости Верхотурского уезда Ишимбай Кулушев с товарищами писал, что «...пашен де у них нет, кормятся летом сараною, а зимой рыбою» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 1. С. 71]. Земледелие проникало в их среду в связи с усилением крестьянской колонизации и сокращением тем самым башкирских пастбищ, что произошло в конце XVIII в. Скотоводческое хозяйство, большим напряжением постепенно перерастало в скотоводческо-земледельческое.

Процесс включения башкир Сибирской дороги в состав Русского государства был действительно затяжным, как об этом писали историки. На стороне Кучумовичей долгое время добровольно находились отдельные башкирские роды и племена. По материалам Г.Ф. Миллера известно, что в 1600 г. у сыновей Кучума в верховьях Ишима было 250 сынрянцев и табынцев *[Миллер,* 2000. Т. II. С. 32]. В 1615 г. опору их войска составляли табынцы и сынрянцы общим числом в 600 чел. *[Долгих,* 1960. С. 44-45]. Часть айлинцев, куваканцев, мякотинцев немалое время также находились в лагере Кучумовичей.

Известно, что башкиры, добровольно принявшие русское подданство, сохранили свои земли на условиях вотчинного права. Рассмотрим земельные права башкир Сибирской дороги после присоединения к Русскому государству. При сохранении ими вотчинного права на землю можно делать вывод об их добровольном вхождении.

По ведомости, составленной в 1841-1842 гг. кантонными начальниками, сохранились конкретные материалы о земельных отношениях у башкир и мишарей. В Екатеринбургском уезде имелось 34

* Тем не менее в конце XVII в. крестьяне по р. Исеть пытались уверять чиновников в том, что «уфинские де башкирцы стали жить после войны (т. е. восстания 1663 — 1664 гг.) насильством своим» [Материалы... 1936. Ч. 1. С. 99].

башкирские аула. Из них жители 13 деревень жили на своих вотчинных землях. Башкиры 21 аула из Улу-Катайской, Шуранской, Сынрянской, Больше - Кущинской и Айлинской волостей располагались на вотчинах других башкирских волостей на правах припущенников. В Троицком уезде из 95 деревень жители 64 были вотчинниками, остальной 31 деревни - припущенниками. В Челябинском уезде из 130 аулов башкиры 73 являлись вотчинниками, 57 — припущенниками. В документе зафиксировано всего 259 башкирских деревень. Жители 150 (58%) деревень жили на своих вотчинных землях, 109 (42%) аулов - на положении припущенников *[Южноуральский...* 1976. С. 203—205, 210—212, 214-222]. Таким образом, больше половины башкир северовостока и востока приняло русское подданство добровольно. Около 40% сибирских башкир было завоевано Ермаком, правительственными командами Мансурова и других воевод.

Из-за отсутствия жалованных грамот на землю, полученных от русского царя, оказались припущенниками башкиры многих волостей:

По Екатеринбургскому уезду: 3 д. Улу-Катайской вол. находилось на земле Салжиутской вол. как припущенники; 5 д. Улу-Катайской вол. — припущенники Бала-Катайской вол.; 2 д. Шуранской вол. - припущенники Бала-Катайской вол.; 1 д. Сынрянской вол. - припущенники Салжиутской вол.; 1 д. Айлинской вол. - припущенники Чирлинской волости; 4 д. Улу-Катайской вол. — припущенники Салжиутской волости; 4 д. Болыпе-Кущинской вол. - на даче Артинского завода на проданной ими земле; 1 д. Терсятской вол. — на даче Михайловского завода;

По Троицкому уезду: 2 д. Барын- и Кара-Табынской вол. - на земле казаков Уйской станицы; 2 д. Куваканской вол. — на земле Барын- и Кара-Табынской вол., спорной с Златоустовскими заводами; 1 д. Куваканской вол. - на земле Саткинского завода; 5 д. Барын- и Кара-Табынской вол. — на земле казаков Уйской станицы; 2 д. Барын- и Кара-Табынской вол., — на земле казенной; 4 д. Куваканской вол. - на земле Барын- и Кара-Табынской волости; 3 д. Айлинской вол. — на земле казаков Чебаркульской станицы; 8 д. Сызгинской вол. - на земле Барын-Табынской волости; 2 д. Айлинской вол. — на земле Тырнаклинской волости; 2 д. Куваканской вол. - на земле Дуванской волости;

По Челябинскому уезду: 39 д. Айлинской вол. - на правах припущенников; I д. Кара-Табынской вол. - на правах припущенников; 6 д. Айлинской вол. — имеют землю в общем отводе с казаками Миасской станицы; 5 д. Айлинской вол. - поселены на казенной земле; 7 д. Айлинской.вол. - в общем владении с казаками Миасской станицы *[Там же.* С. 203—205, 210—212, 214—222; *Материалы...* 1936. 4.1. №28. С. 135-138].

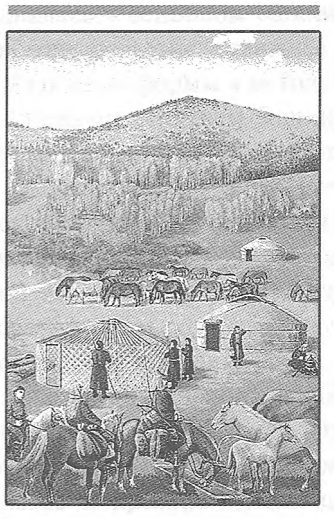
Эти факты говорят о том, что большая часть зауральских башкир вошла в состав Русского государства по собственной воле, меньшая — была завоевана.

Завоеванные башкиры были обложены более тяжелым ясаком. Сибирские башкиры платили ясак с каждого человека по 1 руб. 19 алтын 3 деньги, а уфимские — с вотчины (с ответственного плательщика — по 25 коп.). Затем размер ясака у зауральских башкир был несколько уменьшен (по 5 куниц с человека) *[Очерки...* 1955. С. 805]. Они платили и «государевы», и «воевоцкие» поминки *[Усманов,* 1982. С. 180].

В.Н. Татищев, начальник уральских казенных заводов, в своем обращении к башкирам-повстанцам Сибирской дороги от 27 июня 1736 г. заявлял: «Известно всему Российскому государству и всем окрестным народам, что вы под власть и державу Российскую на вашею доброю волею, ни добровольном договоры, но силою оружия российского приведены, и милостию вечно достойны памяти их величеств, российских государей, при многих ваших прежде бытных вольностей сподоблены» *[Материалы...* 2002. Т. VI. С. 189]. В указе Кунгурской провинциальной канцелярии башкирам-повстанцам Сибирской дороги от 28 декабря 1737 г. содержащем ответ на их просьбы и жалобы, также ставилось под сомнение добровольность их подданства России: «Якобы не з бою и не силою под власть российскую приведены, но доброхотно пришли» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 158. С. 350].

Исторические материалы подтверждают общее мнение российской историографии о том, что большая часть коренных жителей Зауралья мирно вошла в состав Русского государства. Приведенные выше заявления представителей местной царской администрации, отражают тот факт, что часть сибирских башкир была завоевана русскими войсками. Однако в пылу борьбы с восставшими башкирами местные власти при оценке общих вопросов взаимоотношений допускали отклонения от истины. Тезис о том, что предки восставших сибирских башкир Сибирской дороги были завоеваны, представители администрации пытались использовать не только как психологическое давление на восставших, но и подвергнуть сомнению их вотчинное право на землю.

БАШКИРЫ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА во второй половине XVH первой трети XVIII в.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА

СТАТУС БАШКИР КАК НАРОДА-ВОТЧИННИКА И БАШКОРТОСТАНА КАК ОСОБО УПРАВЛЯЕМОЙ ТЕРРИТОРИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Главной особенностью социально-экономического положения дореволюционных башкир было то, что они с середины XVI до начала XX в. являлись народом-вотчинником. Каждый свободный башкир-общинник имел вотчинное право на землю. Ни один из народов Российского государства не имел таких прав.

Общеизвестно, что земельная собственность выражает отношения между людьми относительно земли как естественного условия для любого производства, поэтому отношения земельной собственности существуют во всех обществах. Для каждой из них характерно сосуществование ряда форм земельной собственности, одни из которых являются пережитками, другие — новыми формами земельной собственности, возникшими в недрах старого общества. Однако в том или ином обществе всегда имеются преобладающие формы земельной собственности.

Первой формой земельной собственности была общинная собственность, свойственная для первобытно-общинного строя. Она существовала в форме племенной, родовой и патриархально-семейной собственности (домашней) общины. Частная земельная собственность на землю зародилась с развитием разделения труда и возникновением обмена. Ее появление вело к разложению общинной собственности на землю, создавало постепенно условия для возникновения рабовладельческого, затем феодального способов производства.

Формы земельной собственности при феодализме (средневековье) в соответствии с хозяйственными особенностями стран были разнообразными. Если в земледельческих регионах преобладающей стала частная собственность на землю, то в скотоводческих регионах на многие века сохранились различные формы коллективной собственности на землю. Ярким примером последних является сохранение и преобладание общинной земельной собственности у башкир в Российском государстве почти до конца XIX - начала XX в.

Чем объясняется, что в Российском государстве, где большинство населения занималось земледелием, господствовала частная собственность на землю, а в Башкортостане, в одном из его регионов, сохранялась в основном общинная собственность, положение серьезно влиявшее на хозяйство башкир, а также на формы и методы управления краем?

Основным занятием башкир издавна являлось полукочевое скотоводство, соответственно общинное землевладение. Когда началось татаро-монгольское завоевание, башкиры вначале оказывали им упорное сопротивление, затем сумели найти общий язык с монголами, получить автономию в составе Монгольской державы и Золотой Орды. В XV - первой половине XVI в. башкиры, находясь под властью Казанского, Сибирского, Астраханского ханств и Ногайской Орды, также сумели сохранить основную часть земель, традиционное хозяйство и прежние земельные порядки. Таким образом, они в течение многих веков занимались полукочевым скотоводством при сохранении общинной земельной собственности.

Дальнейшая историческая судьба башкир, их земельных владений связана с вхождением в состав Русского государства. Почему же русское правительство вместо завоевания башкир стало добиваться их мирного присоединения? Целый ряд обстоятельств толкал его на этот курс.

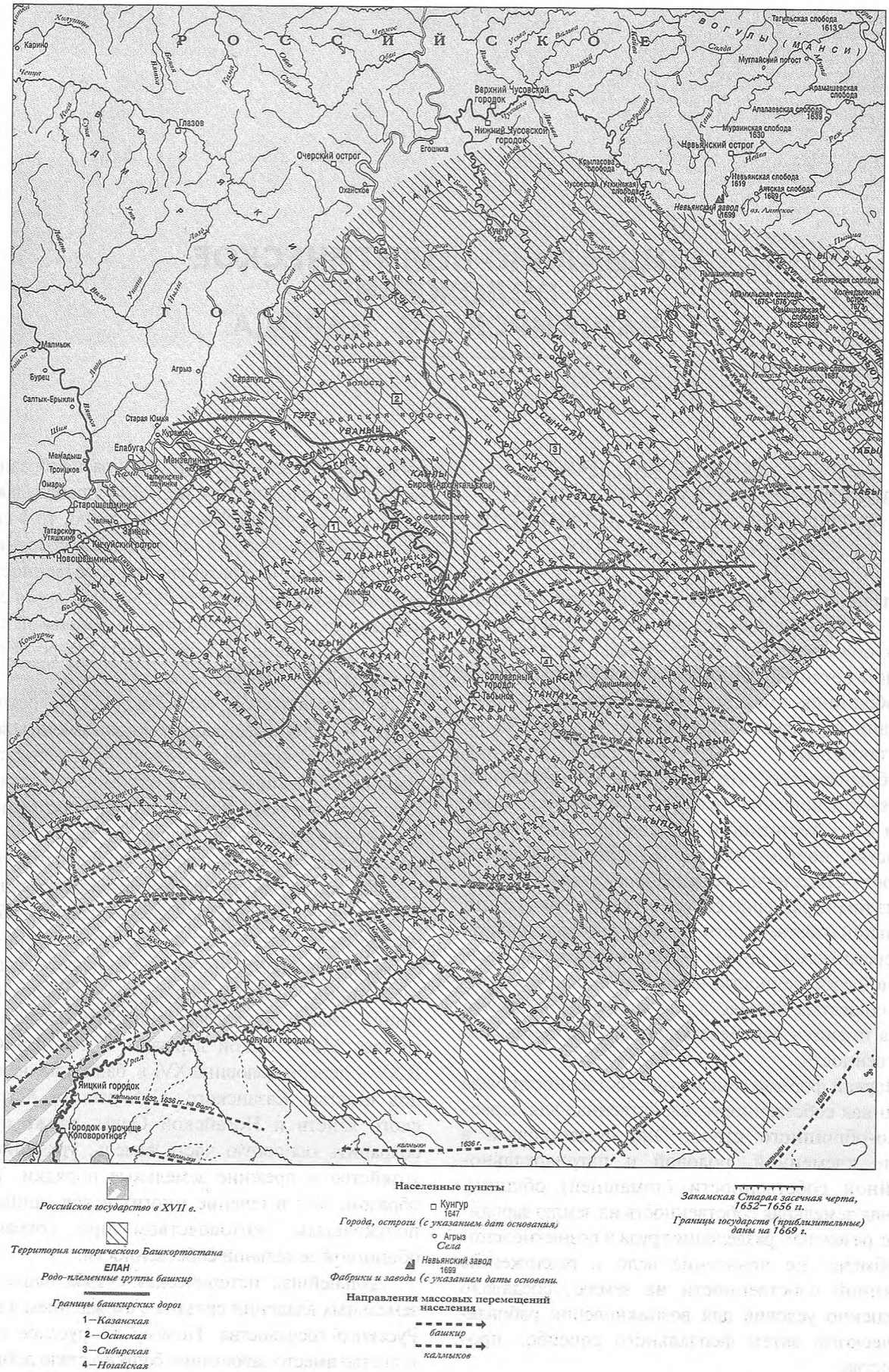

Рис. 9. Исторический Башкортостан в XVII в. (башкирские волости и племена, русские крепости, города и слободы на территории края)

Башкиры занимали огромную территорию от Волги до Тобола, от Илека до среднего течения Камы, Сылвы и Чусовой. У них не было единой столицы, общепризнанного политического центра, с захватом которой можно было бы считать, что страна завоевана; башкирская конница представляла собой в те времена значительную военную силу. Кроме того, взаимоотношения Русского государства с северо-западными, западными и юго-западными соседями были напряженными, отчасти враждебными, назревала Ливонская война. Внутриполитическое положение в стране было также не совсем устойчивым.

В этой обстановке Русское государство было не в состоянии начать войну по завоеванию башкир, которая могла превратиться в затяжную. Единственно приемлемым для него вариантом активной политики на юго-восточной окраине, в районе Южного и Среднего Урала, был курс на мирное присоединение его коренного населения — башкир. Не случайно появившиеся среди башкир после захвата Казанского ханства русские послы с царскими грамотами предлагали им мирно войти в состав Русского государства, обещая за это различные льготы, сохранить в крае прежние порядки. В ответ башкиры стали направлять послов к царскому наместнику в Казани. В ходе переговоров в Казани основным был вопрос о земельных владениях. Послы просили официально закрепить землю за ними и разделить ее между племенами и родами. Земельный вопрос продолжал обсуждаться в Москве, куда в 1557 г. приехали послы башкир, и нашел отражение в жалованных грамотах Ивана IV. Правительство закрепило прежние земли башкир за ними, разграничив при этом границы земельных угодий между племенами *[Башкирские...* 1960. № 1, 3, 6, 7, 14, 15; *Кулбахтин,* 2007. С. 43-46, 50-52, 56-58].

Таким образом, неустойчивое внутреннее и международное положение Русского государства и возможность ожесточенного сопротивления башкир вынудило и правительство Ивана IV отказаться от предложений ряда приближенных завоевать башкир и решиться на политику мирного их присоединения. В такой конкретной обстановке русское правительство в соответствии со средневековыми традициями не менять социально-экономические порядки, даже в завоеванной стране, сохранило у башкир прежние земельные отношения. По просьбе башкир земли официально были закреплены за ними на условиях вотчинного права.

Вотчинное право на землю у башкир имело ряд особенностей. Вотчинником считался свободный башкир-общинник. Он являлся наследственным собственником всего того, что имелось на земле и под землей (степи, леса, воды, горы, недра земли) в пределах своей волости, но не имел никаких прав на землю соседней и других башкирских волостей. Вотчинным правом, таким образом, башкиры пользовались на территории только своей волости. У башкир не было частной собственности на землю. Земля находилась в общинной собственности. И рядовые, и «лучшие» башкиры волости имели одинаковые права на землю. Правда, были у башкир тарханы, которые, по словам историка XVIII в. П.И. Рычкова, имели преимущества при пользовании землей по сравнению с рядовыми общинниками: «Тархан разумеется служилой башкирец, а не ясашник, и для того пред ясашниками он в почтении. .. а всегда куда на службу наряд, то тарханы первые служить должны. Тарханы имели вольность пред ясашниками в том, что они, где б хотели землю владеть, сена косить и рыбу ловить могли, и в том ясашники не спорили, только до бортных угодий и бобровых гон касаться было нельзя» *[Рычков,* 2001. С. 27-28]. Таким образом, у башкирских тарханов было преимущество владеть любым участком земли в пределах волости, по сравнению с ясашными людьми. Но это не было частной собственностью на землю. Следовательно, и башкирские тарханы не имели право на частную собственность на землю. Все башкиры как народ являлись носителями статуса земельного собственника, народом-вотчинником.

В первое время после принятия русского подданства (вторая половина XVI - первая треть XVIII в.) территория (земля) общины и волости в основном совпадали. По мере роста численности вотчинников и их аулов, а также в процессе перехода башкир к земледелию началось постепенное дробление единой волостной общины. Возникали общины, которые представляли собой части волости, — тюбы и аймаки. В XIX в. стали появляться общины из нескольких деревень, составлявшие подразделения тюб и аймаков.

Подобная деформация общины на территории края шла неравномерно. Она началась раньше и шла быстрее в северо-западных волостях, где башкиры, потеряв возможности для ведения полукочевого скотоводства, стали первыми переходить к земледельческим занятиям.

Русское государство как верховный собственник земельных угодий страны занималось регулированием земельных отношений. В Соборном уложении 1649 г. говорилось: «А в городех у князей, и у мурз, и у татар, и у мордвы, и у чуваши, и у череми-

сы, и у вотяков и у башкирцов, бояром, оконьчим, и думным людям, и стольникам, и стряпчим, и дворяном московским и из городов дворяном, и детям боярским, и всяких чинов русским людем, поместных и всяких земель не покупати и не меняти и в заклад и здачею и в наем на многие годы не имати. А будет которые московские и из городов дворяне и дети боярские и всяких чинов люди учнут... земли имати з дачею, или покупати или в заклад или в наем... те земли имати на государя, да им же за то от государя быти в опале [*Полное*... 1830. Т. I. № 327. Глава 16]. Однако в Уложении ничего не сказано о праве перечисленных народов продавать свои земли. Возможно, законодатель считал это само собою разумеющимся.

Крупные изменения в положение башкир в Русском государстве, их земельные отношения в плане ограничения собственных прав в особенности, внес именной указ императрицы Анны Ива-новны от 11 февраля 1736 г., данный генерал-лейтенанту Румянцеву и Кирилову. Он разрешил дворянам, офицерам и мишарям покупать землю у башкир; пожаловал мишарям навечно земли башкир, где мишари до этого временно жили, уплачивая вотчинникам оброк; освободил тептярей и бобылей от уплаты оброка башкирам за землю *[Полное...* 1830. Т. IX. № 6890]. Правда, купившие башкирские земли категории населения официально не имели полной собственности на них, ибо башкиры в своих проданных земельных угодьях сохраняли бортные деревья, могли разделывать новые борти, охотиться. Это было по существу формальным правом башкир, тем не менее правительство вынуждено было учитывать эту специфику земельных отношений у башкир.

Главным условием вхождения башкир в состав Русского государства было согласие царя Ивана IV сохранить вотчинное право башкир на их земли, закрепить это своими жалованными грамотами. Оно было также неоднократно подтверждено сберегательными грамотами царских властей в ответ на коллективные и индивидуальные челобитные башкир-вотчинников XVII - в первой трети XVIII в. Еще более важное значение в сохранении и укреплении собственности башкир-вотчинников на землю имели следующие правительственные грамоты и другие решения XVII—XIX вв.: Наказ царя Алексея Михайловича уфимскому воеводе Ф.И. Сомову от 1664 г., грамота царей Ивана и Петра Алексеевичей от 1682 г., грамота Приказа Казанского дворца уфимскому воеводе Д.Н. Головину от 1694 г., решение Сената от 1734 г., манифест императрицы Елизаветы Петровны от 1 сентября 1755 г., указ Сената от 18 ноября 1790 г., «Дополнительные статьи и мнение Сената к общей Межевой инструкции...» от 18 августа 1798 г., в именных и сенатских указах от 15 апреля 1824 г., 10 апреля 1832 г., 10 февраля 1869 г., 9 мая 1878 г. и др.

В этих правительственных материалах содержится официальное подтверждение вотчинного права башкир на землю. В них башкиры названы вотчинниками, наследственными владельцами (совладельцами) земель своей волости, их земельные владения — вотчинами. Башкиры были единственным народом Российской империи, владевшими землей на вотчинном праве. Даже казаки и черносошные крестьяне, веками пользовавшиеся достаточным количеством земли, не являлись собственниками, ибо проживали на государственной земле. Они не имели право продавать и передавать землю в аренду, не могли разрабатывать ее недра.

Итак, башкирская вотчинная земля - это особый вид землевладения, который существовал в России де-факто и де-юре, наряду с такими разрядами землевладения, как дворцовое, боярское, государственное (казенное) и церковно-монастырское. Вотчинное право на землю объединяло башкир, являлось мощным средством их этнической и социально-политической консолидации. Оно сплачивало их в сложных ситуациях (массовые изъятия земель для основания крепостей, заводов, раздачи дворянам, претензии различных категорий переселенцев на земельные угодья и т. д.). В подобных случаях вотчинники оперативно объединялись, подавали коллективные челобитные от имени волостей, дорог и всего башкирского народа органам государственной власти - уфимскому воеводе, Приказу Казанского дворца, вплоть до царя и императора. Если мирные средства оказывались безрезультатными, то башкиры отстаивали свои права с оружием в руках — поднимались на восстания, о чем свидетельствуют народные движения XVII — XVIII вв. Вот одно из объяснений того, как башкирам удавалось систематически защищать свои права в составе Российского государства, сохранить вотчинное право и часть своей земельной собственности вплоть до революций 1917 г.

Вотчинное право башкир на землю — уникальное социально-политическое явление не только в российской, но и мировой истории. Оно в сочетании с конкретно-историческими условиями Южного Урала второй половины XVI в. оказывало существенное влияние на организацию форм и методов управления Башкортостаном. Царское правительство установило здесь статус особо управляе-

мой территории Российского государства, которое, выражалось прежде всего в сохранении власти на местах в руках башкирской верхушки.

В ходе переговоров в Казани башкирских послов, которые являлись главами племен и родов, русский наместник наградил от царского имени разными званиями и чинами. Татигас-бий, вождь племени Юрматы, получил звание мурзы; Азнай сделан старостой. Главы племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян Бикбау-князь, Иске-князь, Мешавали Каракузяк-князь и Шагали Шакман-князь стали тарханами [*Башкирские...* 1960. С. 33-34, 73-74, 78-80, 127]. Это означало, что представители башкирской верхушки не только сохранили свои прежние должности, но еще раз были закреплены в высоком положении от имени русского царя.

Существенное значение в местном управлении играло право башкир собираться в масштабах волости, дороги и всего края для обсуждения назревших вопросов. Йыйыны (съезды) организовывались по усмотрению самих башкир-вотчинников. В них участвовали представители всех волостей. Съезды проходили в летнее время в 18 верстах южнее г. Уфы на речке Чесноковка. Принятые решения доводились до сведения государственных учреждений, и даже царя. Царские власти любого ранга считались с предложениями съездов, серьезно их рассматривали и принимали соответствующие решения. Иногда на съездах дорог и всего края принимались предложения о направлении башкирских послов в столицу для передачи челобитных непосредственно главе государства. В этих случаях уфимские власти обязаны были организовать поездку башкир в столицу, обеспечивать их деньгами на питание и подводу. Уфимские служилые люди сопровождали и охраняли послов.

Историкам известно немало случаев подобных поездок башкир в столицу в XVII-XVIII вв. В начале 1664 г., например, в разгар восстания по предложению повстанцев Ногайской дороги их представители Динмухамет Юлаев и Актай Дусмухаметов были направлены в Москву уфимским воеводой А.М. Волконским. Там послы были приняты царем Алексеем Михайловичем. В конце февраля послы с царской жалованной грамотой вернулись в Уфу, что привело к успокоению восставших и прекращению движения на Ногайской дороге *[Акманов,* 1995а. С. 117-118].

Не менее интересной формой взаимоотношений правительства и башкир являлась практика публичного доведения до сведения вотчинников содержания государственных грамот, указов и других документов, касающихся башкирского населения. Для этого представителей всех башкирских волостей края специально собирали вблизи Уфы на речке Чесноковка.

Во время этих мероприятий, если башкиры не соглашались с указами властей, они сразу выражали свое отрицательное отношение, спорили. Были случаи избиения башкирами представителей администрации, которые знакомили их с «плохими» указами. 5 октября 1704 г. приехавшие из Москвы чиновники Андрей Жихарев и Михаил Дохов читали созванным выборным башкир царский указ, где говорилось о переходе рыбных ловель башкир в казну, введении новых налогов, проведении переписи. Недовольные башкиры стали возражать, наивно думая, что это делается без ведома царя: «И они де спорили и тех прибыльных дел на себя не приняли и сказали ему, Андрею, что они воры те прибыльные дела великий государь имянно ведать не изволит». В ответ чиновники пригрозили суровой расправой. Спор перешел в драку. Возмущенные башкиры избили прибыльщиков, а указ разорвали на клочья и бросили в воду *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 21, 119. С. 110-111,259].

Были случаи, когда представители администрации избивали башкир за возражение против царских указов. В начале 1705 г. приехавший из Казани комиссар Александр Сергеев созвал выборных башкир со всех дорог и, ссылаясь на указ, стал требовать с них 20 000 строевых лошадей для армии. Когда башкиры стали говорить о непосильности этого требования, Сергеев, арестовав, устроил их массовую порку и насильно поил водкой. Не выдержав этих истязаний, 9 выборных умерли. Уцелевшие после этого башкиры вынуждены были согласиться и отдать казне 5 тыс. лошадей *[РГАДА.* Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 6-7; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 21, 119].

Большую роль в местном управлении играли главы волостей — старосты, которые являлись выходцами из знатных и богатых родов. Должность старосты передавалась преимущественно по наследству. Старосты, мало зависевшие от уфимских воевод, защищали интересы башкир-вотчинников. Самое активное участие они принимали в восстаниях, входили в состав их организаторов.

В ходе борьбы с башкирским восстанием 1735—1736 гг. по инициативе начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова был принят указ императрицы Анны Ивановны от 11 февраля 1736 г., в котором правительство официально отказалось от основных условий вхождения башкир в состав Русского государства. В него были внесены существенные изменения по основным аспектам поли-

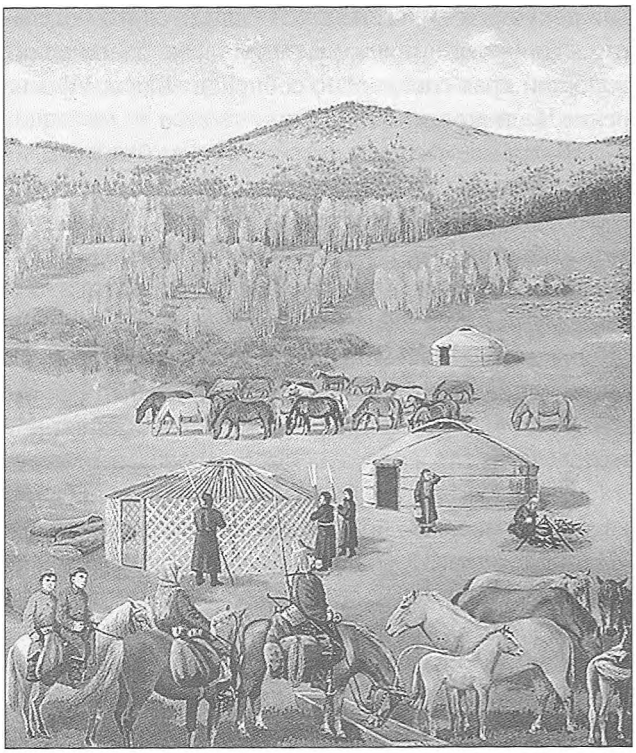

Рис. 10. Башкирское кочевье. Неизвестный автор

тики относительно башкир и Башкортостана, в том числе по организации власти на местах. Волостные старосты были заменены выборными старшинами. Фактически они назначались по усмотрению уфимских воевод из 2—3 кандидатов на эту должность. Были определены конкретные обязанности старшин по обеспечению спокойствия в волости. В указе говорилось: со старшин «...всякое преступление и неисправу взыскивать». К ним были приставлены писари из мишарей, которые следили за их каждым шагом и тайно доносили уфимским властям. Таким образом, с самостоятельностью глав волостей было покончено, старшины превратились в придаток царской администрации в крае.

Власти также ограничили роль и место башкирских йыйынов (съездов). В вышеназванном указе по этому вопросу отмечалось: «...также запретить без позволения городовых командиров сборищев делать, а оставить обыкновенный старинный мирской сбор о семике, один день съезжаться к речке Чесноковке и тогда о нуждах мирских советовать и письменно доносить и бить челом» [*Полное...* 1830. Т. IX. № 6890]. Съезды представителей волостей и дорог проводились только по разрешению уфимских властей, башкиры могли собираться лишь один раз в году. Кроме того, как видно из исторических источников, съезды проходили в присутствии помощников воеводы.

Уфимские власти перестали публично знакомить башкир с касающимися их правительственными указами и решениями.

Перечисленные новшества властей относительно управления башкирами свидетельствовали о том, что организация Оренбургской экспедиции стала своеобразным рубежом в наступлении на права башкир в самоуправлении, которое постепенно становилось усеченным.

Исключительно важное место во взаимоотношениях башкир с Российским государством принадлежало религиозному вопросу. В ходе переговоров в Казани и Москве было достигнуто согласие. В шежере племен Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян сказано, что в договорной грамоте, «...в которой особо написали о наших землях и религии, дали слово и поклялись, башкир, исповедующих ислам, никогда не насиловать в другую религию» *[Башкирские...* 1960. С. 79-80]. Итак, правительство Ивана IV обещало башкирам свободу вероисповедания, насильно не переводить в христианство, не вмешиваться в их религиозную жизнь.

Но различие в религиях не могло не сказываться во взаимоотношениях башкир-мусульман и переселившихся в Башкортостан русских-христиан. Башкиры, например, неодобрительно относились к существованию в русских поселениях края церквей и особенно монастырей. Русские власти и церковники временами пытались, нарушая договоренности, распространять разными путями христианство в крае. В соответствии с указом от 16 мая 1681 г. делались попытки христианизации, что послужило одной из основных причин башкирского восстания 1681—1684 гг. В условиях массового движения царям Ивану и Петру Алексеевичам пришлось обратиться к башкирам с грамотой, что указа о христианизации не было и ныне нет, и официально отказаться от провозглашенной линии в Башкортостане *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 132. Л. 37-38].

Заметно активизировалась христианизация башкир в 30-х гг. XVIII в. В ходе борьбы с восстаниями этого времени, насильно христианизировали попавших в плен башкир, особенно детей и женщин. По указам от 11 февраля 1736 г. и 20 февраля 1744 г. башкирам без специального разрешения было запрещено строить мечети. Уфимские власти установили повседневный контроль за деятельностью мусульманского духовенства. Количество ахунов, высших духовных лиц мусульман было сокращено до 4 человек, - по одному на каждую дорогу.

В целом же, хотя царские власти временами нарушали провозглашенную Иваном IV политику

невмешательства в религиозные дела башкир, последние, активно сопротивляясь этим попыткам, сумели сохранить свою религию. В 80-е гг. XVIII в. правительство, образовав в Уфе Духовное магометанское собрание, встало окончательно на путь компромисса с мусульманами в стране, Башкортостане в частности, стало использовать мусульманскую религию в своих интересах.

В том же духе русские власти решали вопрос о налогах и повинностях башкир. В шежере племен Юрматы, Усерган, Бурзян, Кыпсак и Тамьян говорится, что «...царь Иван Васильевич обещал другими повинностями, учрежденными без нашего согласия, не причинять башкирскому народу страданий». Башкиры во время переговоров с русской стороной подняли вопрос о том, чтобы без их согласия не облагали другими, кроме ясака налогами. Правительство приняло это предложение послов. Первоначально стороны договорились доставлять ясак для уплаты в Казань, что было неудобно для башкир из-за дальности. Позднее они подняли вопрос об основании города Уфы в центре Башкортостана, где могли платить ясак. Власти положительно решили и этот вопрос. Внеся предложение о новом городе в своем крае, башкиры, скорее всего, рассчитывали на его военно-сторожевые функции, ибо на них часто нападали восточные и южные соседи. Вопрос о строительстве города в крае затронут в вышеназванном шежере *[Башкирские...* 1960. С. 34, 73, 79].

Важной жизненной проблемой, наряду с сохранением вотчинных земель башкир, был раздел земли между племенами и их подразделениями. Приняв положительное решение по этой просьбе башкирских послов, власти направили специальных людей для официального раздела и закрепления земельных владений за племенами и родами по границам, указанным самими башкирами *[Там же.* С. 34, 73, 79, 127].

Говоря о формах и методах управления башкирами, надо обратить внимание также на сохранение прежнего административно-территориального деления Башкортостана, которое существовало почти до конца XVIII в., - дороги и волости. Территория Башкортостана делилась на дороги, которых было 4. Дороги делились на волости, которых в середине XVIII в. насчитывалось 70-75. Наряду с этими административными единицами в Башкортостане в XVII - первой половине XVIII в. параллельно существовали чисто русские административно-территориальные образования - уезды и провинции. Ногайская, Казанская и Осинская дороги входили в состав Уфимского уезда, а Сибирская дорога — Тобольского уезда. Созданная в начале XVIII в. Уфимская провинция охватила почти всю территорию Башкортостана. В 1737 г. на землях Сибирской дороги была организована Исетская провинция.

Таким образом, этническое, политическое и социально-экономическое развитие башкир в составе Российского государства существенно отличалось от других нерусских народов. Они имели вотчинное право на землю и представляли собой особо управляемый регион страны.

Это было связано и с предшествующим их развитием в составе Золотой Орды, затем Ногайской Орды, Казанского, Сибирского и Астраханского ханств, и сложившимся своеобразным положением башкир после вхождения в состав Русского государства. Последнее заключалось в том, что башкиры занимали огромную и богатую природными ресурсами территорию между Волгой и Тоболом, были значительным по численности и сильным в военно-политическим отношении народом. Вотчинное право объединяло и сплачивало их, делало способными адекватно реагировать на происходящее. Кроме того, они жили на российской окраине, имевшей стратегическое значение, поэтому царское правительство приняло их в состав Русского государства на особых условиях - с сохранением вотчинных прав на их землю и местного самоуправления. Временами преемники Ивана IV желали сузить или ликвидировать права, предоставленные башкирам, но не сумели добиться этого ввиду достаточной силы башкир противостоять подобным намерениям. Для сохранения башкир в составе своего государства царское правительство вынуждено было установить особую систему управления ими, несколько приспосабливаться к особенностям социально-политического облика башкирского общества. Башкиры в Российском государстве по многим аспектам сохранили свои социально-политические и хозяйственные особенности. Это было положительным явлением, ибо они получили возможность постепенно, без особых потерь приспосабливаться к основным политическим и социально-экономическим условиям Российского государства, сохранить себя как этнос.

ОСНОВАНИЕ Г. УФЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ БАШКИРАМИ

По мере присоединения в состав Русского государства тех или иных соседних территорий вставала важная практическая задача - организация управления ими. Обычно она начиналась с основания

крепости (городка), заселение ее и окрестных мест русскими людьми. При этом согласия покоренного населения на возведение крепости не спрашивали.

Данная схема в целом проводилась и относительно Башкортостана, но с рядом особенностей, что было связано с добровольным вхождением башкир. Не случайно не сразу после их присоединения в Башкортостане появился город — опорный пункт новой власти. Кроме того, в появлении русской крепости наряду с Москвой были заинтересованы и башкиры, коренные жители.

Все исследователи, поднимая вопрос об основании Уфы, отмечали эту обоюдную заинтересованность и полагали, что башкиры сами обратились к царскому правительству с челобитной о строительстве города. Это мнение подтверждается материалами общего шежере башкир племен Усерган, Кыпсак, Бурзян и Тамьян, где сказано: «А затем по причине того, что доставлять ясак в Казанскую крепость из-за дальности [расстояния] далеко, для того чтобы управитель казны был близко, с нашего согласия, на наших землях великий царь построил крепость Уфу» [*Башкирские*... 1960. С. 79].

П.И. Рычков, первым обративший внимание на причины основания Уфы, пишет по этому поводу следующее: «По достоверным выправкам нашлось, что башкирцы о построении сего города челобитье свое имели... не только для того одного, что им положенный на них ясак тут, как внутри их жилищ, платить было льготнее, но и от неприятелей бы иметь им здесь убежище и защиту» *[Рычков,* 1999. С. 371-372]. Через сто с лишним лет М.В. Лоссиевский, хорошо знакомый с источниками местного происхождения, писал, что вопреки некоторым мнениям, подданство башкир было добровольным, «самый г. Уфа построен по их же просьбе в защиту от нападения ногайцев» и «все это решалось собранием целого народа, на общем сходе» *[Лоссиевский,* 1883. С. 384].

Пытаясь раскрыть мотивы заинтересованности башкир в строительстве крепости, А.Н. Усманов, а вслед за ним и другие исследователи советского периода, обращали основное внимание на следующие моменты: отдаленность Казани, куда башкиры ездили платить ясак: для удобства уплаты ясака надо было построить город внутри Башкортостана; башкиры нуждались в защите от набегов соседних кочевников *[Усманов,* 1960. С. 204 — 205]. Как видно, ряд авторов объясняет заинтересованность башкир в появлении русского города на своей земле двумя причинами. Первая причина вполне понятна и реальна. Что касается вопроса о том, что город нужен был для защиты башкир от нападений соседних народов, он нуждается в некотором уточнении. Вряд ли башкиры, вошедшие в историю средневековья как воинственный народ, нуждались в помощи немногочисленного, причем весьма отдаленного от границ, уфимского гарнизона, чтобы защитить себя и свои земли от набегов. Как показывают источники, даже в XVII в. они самостоятельно отражали нашествия многочисленных калмыков, лишь в редких случаях выступая против них совместно с русскими служилыми людьми *[Буканова,* 1993. С. 97 - 98]. Обращение башкир к московскому государю о строительстве крепости для защиты их от ногайских и сибирских ханов, если это и имело место, не было главным мотивом. Гораздо более важно, не только для Москвы, но и для башкир было политико — символическое значение наличия русской крепости в центре Башкортостана. Оно должно было означать присутствие здесь новой власти перед нежелавшими уступать свое господство сибирскими царевичами и ногайскими биями. Кроме того, в условиях, когда в среде башкирской аристократической верхушки были еще сторонники возврата к прежним временам, это приобретало особое значение.

Закономерно и то, что город, олицетворявший собой власть нового сюзерена, мог быть построен только на месте древнего административного и политического центра. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что для постройки Уфы потребовалось согласие всех башкир, включая и юго-восточных (усерган, кыпсаков, бурзян и тамьянцев), что нашло документальное отражение в башкирских шежере. Это свидетельствует о том, что город не мог быть построен без согласия всех башкир, так как он затрагивал интересы всего народа.

Уфа была построена не сразу. А.Н. Усманов пишет, что добровольный характер присоединения Башкортостана к Русскому государству не вызывал надобности в немедленной постройке крепостей и городов с размещением в них военных гарнизонов *[Усманов,* 1960. С. 204]. Такая необходимость возникает в конце 70-х - начале 80-х гг. XVI в. Русские войска вслед за Ермаком начинают завоевание Сибири, что сопровождается активным строительством городов-крепостей. В это время усиливаются антирусские тенденции в Большой Ногайской Орде, начинаются волнения марийцев на Казанской земле. Возникает реальная угроза изменения политической ориентации у части башкирской знати, особенно в связи с борьбой с Кучумом, влияние которого на зауральских башкир еще сохранилось. Завоевание Сибири и ухудшение отношений

Русского государства с Большой Ногайской Ордой также ускоряли появление Уфимской крепости.

Спорным продолжает оставаться вопрос о дате основания г. Уфы. В настоящее время наиболее распространенным является тезис о том, что Уфимская крепость была основана в 1574 г., а в 1586 г. она обрела статус города. Эта версия нашла отражение во многих научных изданиях *[Азнабаев,* 2005. С. 59 — 61; *Юсупов,* 2009. С. 94 и др.]. Особенно она стала популярна среди краеведов. Вместе с тем появилось немало трудов, в которых датой основания Уфимской крепости признается 1586 г. *[Буканова,* 1993; *История...* Т. 1. 2004. С. 133]. А.З. Асфандияров, в частности, говоря об административной деятельности первого уфимского воеводы М. Нагого, уточняет: «который воеводствовал в г. Уфе со дня его основания в 1586 г.» *[Асфандияров,* 2006. С. 109].

В последние годы после появления книги В.В. Трепавлова «История Ногайской орды» многие эпизоды из истории Башкортостана стали рассматриваться через призму ногайской истории, в том числе и история строительства г. Уфы. Уход ногаев из Башкирии в 70-х гг. XVI в. В.В. Трепавлов объяснял тем, что «в центре удела Имэн-кале (отныне — Уфе) демонстративно утвердился русский воевода с гарнизоном» *[Трепавлов,* 2002. С. 366]. При этом автор не говорит о том, что был построен новый город. Б.А. Азнабаев, ссылаясь на известные родословные дворян Артемьевых, считает, что в 1560 и 1569 г. было выбрано место под строительство города, и склонен считать датой основания Уфы 1574 г., но при этом никаких новых аргументов в пользу такой датировки он не приводит *[Азнабаев,* 2005. С. 59-61].

Действительно, 1571 и 1572 г. явились решающими в противостоянии Москвы и объединенных сил ногаев и крымских татар. Однако трудно предположить, что в 70-е гг. XVI в. у московского правительства были планы строительства г. Уфы. Тем более, что сопротивление покоренного населения бывшего Казанского ханства не прекращалось. Восстанием 1572—1574 гг. в основном было охвачено Среднее Поволжье. Среди участников упоминаются и башкиры, но действовали они в устье Камы *[История...* 2004. С. 18]. Были выдвинуты войска «на черемису и на остяков, и на вотяков и на нагаи». В конце 1573 г. только в Муроме было сосредоточено 5 полков, готовых выступить против повстанцев. География повстанческого движения находилась далеко от центра Башкортостана. Нужно ли было строить укрепленную крепость в глубине еще не освоенной территории?

Видимо, появление г. Уфы следует рассматривать в тесной связи с возникновением новых городов-крепостей в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, в частности Самары, Тюмени и других, построенных в 1586 г. Их строительство было обусловлено общими государственными задачами, смысл которых заключался как в фиксации посредством возведения укрепленных крепостей территории государства, так и в создании постоянного оборонительного пояса. Уфимская крепость не могла быть основана в 70-х гг. XVI в., а появилась лишь в 1586 г. одновременно с другими окраинными крепостями Российского государства. Вместе с тем, если в Западной Сибири города строились после завоевания Сибирского ханства и поэтому мнения коренного населения никто не спрашивал, то в Башкирии просто так построить город было нельзя.

В XVI—XVII вв. города-крепости на окраинах Российского государства строились очень быстро: в течение трех—четырех месяцев. С момента появления они в документах назывались «городами», иногда «острогами». Уфимская крепость строилась в течение весны и лета 1586 г. К осени строительные работы были закончены: в сентябре уже существовали как Самара, так и Уфа. Естественный мыс, на котором разместился новый город, был образован р. Белой и ее правым притоком Сутолокой. При планировке и сооружении городских укреплений были учтены топографические особенности местности. Это место имело надежную природную защиту, поэтому первоначально в Уфе было построено всего 3 башни, и только одна из них, северная, была проезжей, тогда как города-крепости, построенные в XVI-XVII вв. на окраинах страны, имели, как правило, от 4 до 9 башен.

В отличие от Самары, где воевода находился изначально, в Уфе в первое время, кроме стрелецких голов, других «начальных людей» не было. До начала 90-х гг. XVI в. в Уфе находился временный стрелецкий гарнизон, который обеспечивался казенным продовольствием. Постоянное служилое население появился лишь в 1591-1594 гг., о чем свидетельствует массовый отвод поместных земель вокруг Уфы. Впоследствии стрельцы были переведены в разряд казаков. Первые сведения о появлении в Уфе казаков относятся лишь к 1681 г. *[Гвоздикова,* 1993. С. 16—17, 62].

Разночтения в датировке основания Уфимской крепости породили путаницу в вопросе о первом уфимском воеводе. В краеведческой литературе до сих пор первым воеводой Уфы считается Иван Григорьевич Нагой. В научной литературе еще в 1972 г. благодаря исследованиям А.З. Асфандиярова

было установлено, что первым воеводой в Уфе был Михаил Александрович Нагой *[Асфандияров,* 1972. С. 110-111]. В 1585 г., судя по данным Разрядных книг, М.А. Нагой был третьим воеводой в Казани *[Разрядная...* Т. II. Вып. 1. С. 19; *Разрядная...* С. 390-412]. Оттуда он был направлен на годичную службу в Уфу. В самом начале закладки новой Уфимской крепости, по всей вероятности, М.А. Нагой не участвовал. Первая запись в Разрядной книге о пребывании его в Уфе появляется лишь 25 декабря 1586 г.: «В новом городе на Уфе - Михайло Олександров сын Нагой, да голова Григорий Онучин». Следующая запись появляется в 1590 г.: «на Уфе воевода Михайло Олександров сын Нагово». Кстати, в 1590 г. в Уфу вместе с М.А. Нагим для отвода земель служилым людям впервые приехал Артемьев, родоначальник одного из уфимских дворянских родов. Артемьевы начинают упоминаться в списке уфимских служилых людей не ранее 1590 г.

Для управления Средним Поволжьем, Башкортостаном и до 1637 г. Сибирью в начале 70-х гг. XVI в. формируется специальный орган - Приказ Казанского дворца. Формально его создание означало введение воеводского управления в Башкортостана. Фактически новая система управления распространялась в крае не сразу. С основанием Уфы территория Башкирии в конце 80-х гг. выделяется в самостоятельный Уфимский уезд, который делился на четыре дороги (области): Ногайская дорога. занимала центральную, юго-западную, южную и юго-восточную, Сибирская — северную части края.

Формирование уфимской администрации началось в 1590 г., когда в Башкортостан был направлен первый воевода Михаил Александрович Нагой. Среди помощников, сопровождавших Нагого, были только два сына боярских Г..З. Артемьев и КС. Голубцов, дьяков и подьячих при воеводе не числилось *[Азнабаев,* 2005. С. 83].

В Башкортостане была учреждена воеводская форма управления. Основным должностным лицом в аппарате местной администрации являлся воевода, осуществлявший широкие военные и гражданские функции. Воеводы были прямыми представителями верховной власти в крае. Они возглавляли основное учреждение местного управления - Уфимскую приказную избу. Каждый воевода имел при себе штат гражданских и военных должностных лиц. Определением состава и численности служилых людей, направляемых по уездам занимался Разрядный приказ, а состава гражданских лиц - Приказ Казанского дворца. С помощью приказной избы уфимский воевода осуществлял управление уездом. Объектом управления воеводы и его аппарата являлось все население подведомственной территории: коренное, пришлое, а также временно проживавшие.

Помощь воеводе в хозяйственно-административном управлении оказывали должностные лица Уфимской приказной избы: дьяки и подьячие. В конце XVI — начале XVII в. состав «гражданских и военных слуг» уфимского воеводы ограничивался одним подьячим и одним стрелецким головой. Впервые в документах на должности подьячего упоминается Первуша Семенов, служивший при воеводах М.А. Нагом и Н.В. Годунове в 1602-1612 гг. *[Муратова,* 1992. С. 5]. К приказным людям относились толмачи, переводчики, сборщики налогов, приказчики различных служб, стрелецкие головы и сотники; к выборным - сборщики таможенных кабацких налогов и пошлин, а также целовальники «конские», «табачные» и др. Самые важные звенья аппарата управления краем комплектовались из русских дворян и служилых людей.

Вследствие проживания в крае нерусского населения, а также активной дипломатической деятельности уфимских воевод большое значение в управлении приобретали толмачи и переводчики. Они оказывали помощь воеводе в управлении нерусским населением края, направлялись для разъяснения царских грамот и воеводских посланий в башкирские общины, устанавливали непосредственные контакты между воеводой и волостными старостами. Толмач присутствовал при ведении судебных разбирательств по земельным и финансовым вопросам *[Там же.* С. 7].

Основные принципы назначения и смены воевод были едиными для всей страны. Назначение воевод производилось Разрядным приказом. Но для городов, подведомственных Приказу Казанского дворца, кандидатура на должность воеводы направлялась из Разрядного приказа в Приказ Казанского дворца. Полномочия воевод ограничивались двумя годами, а на больший срок их оставляли только по просьбе и согласию местного населения.

Всего в Уфимский уезд с 1590 по 1744 г. воеводы назначались 76 раз. За этот период сменился 71 воевода, пятеро из них направлялись в разное время в Уфу дважды. В 1714-1719 гг. Уфимским уездом управляли коменданты и обер-коменданты, в 1740-1744 гг. - вице-губернаторы. Отслуживший срок царский ставленник отзывался, а на его место присылали другого. Функции и действия воеводы по управлению краем определялись положениями наказа, которым снабжался каждый из них при

отправке на место службы. Единственный из полностью сохранившихся текстов наказов уфимских воевод (наказ Ф.И. Сомову от 15 января 1664 г.), содержится в фонде дел Сената по Оренбургской губернии *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Ан. 132. Л. 109-131; *Азнабаев,* 2005. С. 15].

Созданная к началу XVII в. система управления Уфимским уездом исключала возникновение принципиальных противоречий между российской администрацией и башкирскими общинами. Однако главная проблема русско-башкирских отношений кроилась не в законодательной сфере, а в широко распространенной практике злоупотреблений местных властей. О том, что вымогательства при сборе ясака и неуемная корысть уфимской администрации были одной из причин недовольства башкир, прекрасно знали в Москве, но российское государство не имело иной системы местного управления *[Азнабаев*, 2005. С. 83].

Воевода был наделен широкими военными, административными, фискальными, судебными, полицейскими, а также дипломатическими полномочиями. Он являлся командиром гарнизонных войск. Вследствие пограничного положения Башкортостана военные функции уфимских воевод были значительными. Они занимались формированием военного гарнизона, обеспечением жалованьем и провиантом, осуществляли контроль за военной и невоенной сферой деятельности стрельцов. К дипломатическим обязанностям относились: содействие государственной политике по принятию населения казахских жузов в подданство России, обеспечение охраны юго-восточных российских границ, обмен пленными и принятие дипломатических представителей из Казахстана для предварительных переговоров по различным вопросам *[Муратова*, 1991. С. 12—13]. Если в целом по России в XVII в. в деятельности воевод преобладали гражданские функции, то в Башкортостане начиная с 30-х. гг. XVII в. доминирующими стали военные и дипломатические дела.

Воевода и другие должностные лица занимались сооружением и перестройкой оборонительных укреплений и казенных зданий в Уфе и крепостях уезда, обеспечением хранения хлебных запасов, боеприпасов и вооружения, казенного имущества, следили за содержанием дорог и мостов. Важнейшей функцией уфимского воеводы было наделение поместьями детей боярских, монастырей, а также предоставление земельных наделов служилым людям «по прибору», дворцовым и государственным крестьянам, посадским людям, казакам, служилым татарам и мишарям *[Текст...* 1971. С. 259—351; *История...* 1996. С. 182].

Уфимские, верхотурские, тюменские, тобольские и казанские воеводы обязаны были держать связь друг с другом, сообщать об обстановке в уездах, объединять усилия для подавления сопротивления эксплуатируемых слоев населения, а также для предотвращения внешней угрозы со стороны степных кочевников.

В начале XVIII в. реформы Петра Великого в области государственного управления коснулись и административно-территориального устройства Башкортостана, управление которым первоначально было приписано к Казанской губернии. При Петре I предпринимаются попытки распространения на его территорию общей, унифицированной системы управления.

Именным указом от 18 декабря 1708 г. «для всенародной пользы» были созданы восемь губерний: Московская, Ингерманландская (с 1710 г. - Петербургская), Смоленская, Киевская, Азовская, Казанская, Архангелогородская и Сибирская *[Полное...* 1830. Т. IV. № 2 218. С. 436-438]. К Казанской губернии было приписано 36 городов уездного значения с 34 подчиненными им «пригородами». Среди них - Уфа и приписанные к ней Бирский и Соловарный городки, с. Каракулино *[Там же. С.* 436; *Законы...* 1999. № 2. С. 20; *Буканова*, 19976. С. 40].

Губернаторы были наделены чрезвычайными полномочиями: каждый из них не только имел административные, полицейские, финансовые и судебные функции, но и являлся командующим всех войск, расположенных в подведомственной ему губернии. 29 мая 1719 г. в России было новое административное деление: вместо 8 губерний учреждено 10, кроме сбора податей, определены протяженность и местоположение губерний, количество в них посадских и крестьянских дворов *[Полное...* 1830. Т. V. № 3 380. С. 701-709; *ГА РФ.* Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 44а. Л. 10; *История...* 2003. № 2. С. 9-10]. Губернии делились на провинции, а провинции - на дистрикты во главе с земскими комиссарами. В Казанской губернии было 4 провинции: Казанская, Свияжская, Пензенская и Уфимская, и 15 городов *[История...* 2003. № 2. С. 9—10; *Беляева*, 1879. С. 628: *Буканова*, 19976. С. 40].

Общее руководство провинциями осуществляли воеводы, которые ведали всеми вопросами за исключением военных и апелляционных дел, по которым они подчинялись губернаторам. Воеводы и подчиненные им провинциальные канцелярии

могли непосредственно выходить на коллегии и Сенат, минуя губернские канцелярии.

Время активных административно-территориальных преобразований совпало с башкирскими восстаниями 1704-1711 гг., а также внешними войнами, поэтому правительство не могло сразу решить вопросы, касающиеся управления башкирами. Главной задачей уфимской администрации было не подавление, а предотвращение башкирских восстаний всеми возможными методами и уступками. Лишь после успокоения народных волнений в крае правительство могло пойти на административно-территориальные реформы, учредить особую Уфимскую провинцию.

Сведения о недовольстве башкир в период проведения административно-территориальных реформ сохранились в документах 1708 г. Так, в расспросных речах взятого у башкирского султана Мурата от 20 апреля 1708 г. отмечалось, что «башкирцы говорили ему, что де им уфинцам чинятся великие налоги от прибыльщиков, которые сидят в Казани из боярских людей и другие худые люди и в казанских пригородах и на Уфе нот тех налог быть им тут под державой Великого государя не мочно для того, что де в Казани и казанских городех и на Уфе против прежних лет прямых воевод нет, а ему бы Мурату над ними башкирами быть салтаном, для того что у них Башкирцев особого владельца не выбрано...» [*Материалы...* 1935. Т. VII. С. 153—154]. В последующие годы после образования Уфимской провинции при попытке вмешаться во внутренние дела башкир, правительство встречало сопротивление со стороны старшин. Поэтому до 1719 г., оно не могло учредить провинцию на территории Башкортостана. Первое упоминание в документах названия «Уфимская провинция» относится к 1719 г. *[История...* 2003. № 2. С. 9-10].

Серьезным аргументом в пользу того, что Уфимская провинция возникла не ранее 1719 г., является то, что до этого в документах не упоминаются ее должности, которые были в штате провинциальных канцелярий: надзиратель-камерир, казначей-рентмейстер, земские комиссары, оберландрихтеры и ландрихтеры *[Азнабаев,* 2005. С. 174-175].

Уфимская провинция занимала значительно меньшую площадь, чем бывший Уфимский уезд. В ходе административно-территориальной реформы Петра I закамская часть Уфимского уезда с крепостями Закамской линии, а также пригород Оса были приписаны к Казанской губернии. Мензелинская крепость, остававшаяся в составе Уфимской провинции, получила особое воеводское управление. Кроме Мензелинска, крупным поселением являлся Бирский городок на р. Белой, находившийся примерно на середине водного пути между Уфой и Казанью. Южнее и юго-восточнее г. Уфы русских поселений практически не было. Соловарный городок, построенный в 1684 г. в ста верстах южнее Уфы (на территории современного Гафурийского района РБ), был сожжен во время башкирского восстания 1704—1706 гг. и больше не восстанавливался *[Буканова*, 19976. С. 41].

До учреждения провинции Уфимским уездом управляли коменданты, которые в 1714 г. сменили уездных воевод. Первым комендантом Уфимской провинции был, по-видимому, Андрей Михайлович Колычев, подписавшийся этой должностью во владенной выписи на право владения спорной вотчинной землей, выданной башкиру Акмиру Асанову в феврале 1714 г. *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 104-107].

Уфимская провинциальная канцелярия была образована по образцу других воеводских учреждений России. В число основных ее обязанностей входили раскладка и сбор ясака с башкир, а также сбор денежных и других налогов и платежей с населения, распределение повинностей и организация военной службы.

Инструкция, данная воеводе в 1719 г., делала его полновластным правителем в своей провинции. В его распоряжении находились чиновники, ведавшие определенными отраслями управления. В инструкции Сената уфимскому воеводе И. Бахметеву от И октября 1719 г. упоминались должности надзирателя и казначея *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Кн. 107. Д. 33. Л. 214]. Эти должностные лица в официальных документах указывались в иностранных словах: камерир (надзиратель), рентмейстер (казначей). Важное значение имел камерир - помощник воеводы по финансовой части, ответственный за сбор прямых и косвенных налогов. Во главе провинциального казначейства стоял рентмейстер — хранитель денег. В Уфе, как и в других провинциальных центрах, находились также канцелярия рекрутских дел, провиантмейстерская контора и другие учреждения *[История...* 1981. С. 49]. Провиантмейстер заведовал казенными хлебными магазинами (складами) в провинции. Дело в том, что при Петре I значительная часть казенных сборов поступала натурой, а т. к. казне все равно надо было покупать хлеб для армии, то он и ссыпался в особые казенные магазины.

Башкиры в течение первых десятилетий XVIII в. постоянно добивались прямого подчинения Уфимской провинции Сенату. Они неоднократно

жаловались на злоупотребления и притеснения со стороны царских чиновников, вызванные двойным управлением из Уфы и Казани. Башкиры требовали, чтобы «указом... определен был у нас на Уфе судьею один, понеже, как зачался город Уфа, из давных лет всегда был тамо судьею один; а в прежних годех к нам воеводы посылывались из Москвы, а не ис Казани, а под ведением в Казани оные воеводы не бывали, чтоб и ныне також судьею б был один воевода, и оной бы воевода под ведением в Казани не был» [*Материалы*... 1936. Ч. 1. № 22. С. 122-123].

Отчасти поэтому в 1728 г. указом Петра II Уфимская провинция, кроме г. Мензелинска, была отчислена от Казанской губернии и поручена управлению особого воеводы, который был наделен правами наравне с губернаторами и подчинен непосредственно Сенату. Указ от 27 июля 1728 г., изданный от имени Верховного Тайного Совета, гласил: «Указали мы, по челобитью присланных из Уфимской провинции выборных челобитчиков башкирцев Яркея Анчурина с товарищи, в Уфимской провинции быть воеводою бригадиру Петру Бутурлину, и быть той провинции в особливом ведомстве нашего Сената, и о всяких делах писать ему и требовать нашего указа от Сената; а Казанскому губернатору той провинции не ведать, токмо подушные деньги, которые положены на уездных русских людей, те отсылают к Казанскому губернатору, а таможенные и кабацкие сборы куда оные по указам надлежит» [*История*... 2003. С. 10; *Витевский*, 1891. С. 388].

Зауральская Башкирия, входившая в состав Уфимской провинции, 30 декабря 1737 г. была выделена в самостоятельную Исетскую провинцию. По этому поводу зауральские башкиры писали: «...до 1735 года состояла вся Башкирия в Уфинской правинции единственно под ведением. А как город Оренбург построен и вновь Исецкая правинция учинена, то живущие во отдаленности от Уфы башкирцы, то есть зауральские, подчинены Исецкой правинции» *[Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.,* 2005. С. 114].

Если до 1740 г. Уфимской провинцией управляли воеводы, то в марте 1740 г. здесь была учреждена вице-губернаторская должность. На это место был назначен генерал-майор Петр Воейков. 6 ноября 1740 г. служебные обязанности вице-губернатора выполнял бригадир Петр Дмитриевич Аксаков.

Учреждение в Уфимской провинции вице-губернаторской должности с правами, приравненными к губернаторским, означало, по существу, возврат к старой системе власти, подтвержденной еще в 1728 г. [*Полное*... 1830. Т. VIII. № 5 316. С. 68].

Возможно, инициатором этого нововведения был В.Н. Татищев. В связи со сменой власти в Оренбургской комиссии должность вице-губернатора была введена только в начале 40-х гг. XVIII в. Причинами учреждения вице-губернаторской должности стали, во-первых, непрекращающиеся башкирские восстания 1735-1740 гг. и стремление правительства путем уступок как можно скорее успокоить край; во-вторых, отдаленность таких центров, как Казань и Оренбург, и слабость начальников Оренбургской комиссии.

Весной 1740 г. восстание в Башкортостане шло к завершению. Функция подавления башкирского восстания, которую выполняли начальники Башкирской и Оренбургской комиссий, должна была быть заменена функцией управления краем. В то время, когда основная территория России была поделена на губернии, которые управлялись губернаторами, обширный Башкирский край управлялся провинциальными воеводами. Вместе с тем сложная военно-политическая обстановка в крае диктовала необходимость непосредственного контроля за данной территорией со стороны центральных органов власти — Сената и Военной коллегии.

Учреждение вице-губернаторской должности в провинции было уникальным явлением в российской истории. В начале 40-х гг. XVIII в. российскому правительству во второй раз пришлось пойти на перемены, уступки в отношении башкир, учредить в 1740 г. вице-губернаторскую должность в Уфимской провинции. Первые подобные административные изменения были в 1728 г., когда Башкортостан напрямую был подчинен Сенату, а воевода наделялся большими полномочиями, равными губернаторским.

Нужно отметить сходство содержания инструкций, данных бригадирам Петру Бутурлину в 1728 г. и Петру Аксакову в 1741 г. [*РГАДА*. Ф. 177. Оп. 2. Д. 169. Л. 855]. Кроме того, были схожи обстоятельства, которые подтолкнули к восстановлению системы управления башкирами, существовавшую в XVII в. На первые и серьезные уступки по отношению к башкирам правительство пошло в 1728 г., и эти уступки, «в конечном счете, были результатом башкирского восстания 1704—1711 гг.» *[Акманов,* 1993. С. 220]. По мнению Б.А. Азнабаева, возврат к прежнему курсу управления был обусловлен «неэффективностью большинства нововведений» *[Азнабаев,* 2006. С. И]. Такая же обстановка сложилась и в 1740 г. при учреждении вице-губернаторской должности: во-первых, завершились башкирские восстания 1735—1740 гг.; во-вторых, административная реформа в это время не только приостанови-

лась, но и наметилась тенденция к ее сворачиванию, а в дальнейшем — и к полному возврату старых порядков, закрепленных правительством в 1728 г.

Вице-губернатору Уфимской провинции передавались большие полномочия в управлении краем, которых до этого не было у провинциальных воевод. Вице-губернатор должен был использовать свою власть для успокоения башкирского народа и налаживания хозяйственной жизни в провинции.

В своей деятельности вице-губернатор П.Д. Аксаков сталкивался со многими трудностями. В борьбе со злоупотреблениями ему приходилось вступать в конфликт с различными чиновниками, в разное время управлявшими краем. Попытка П.Д. Аксакова искоренить злоупотребления и навести порядок, конечно, не могла понравиться главным командирам Оренбургской и Башкирской комиссий. По существу, в этот период реальная власть находилась в руках уфимского вице-губернатора. Остальные органы по управлению Башкортостаном, такие, как Оренбургская комиссия, Башкирская комиссия, администрация Уральских горных заводов, были временными, созданными для решения конкретных целей. Эти органы власти после решения поставленных задач должны были быть либо ликвидированы, либо преобразованы.

В такой ситуации власть уфимского вице-губернатора не сужалась, а напротив, усиливалась. П.Д. Аксаков, по сравнению с предшествовавшими ему провинциальными воеводами, действовал решительно и умело. Этому способствовало то, что ему даны были большие полномочия, и он мог решать многие дела по своему усмотрению. Находясь в Башкортостане на службе с середины 30-х гг. XVIII в., он хорошо знал реальное положение дел в крае, начальников, злоупотреблявших своим служебным положением, и по-своему пытался восстановить справедливость в управлении. П.Д. Аксаков понимал, что пора переходить от насильственных методов управления Башкирией к правовым, т. е. разрешать конфликтные ситуации через судебные инстанции.

Начальники Оренбургской комиссии во многих делах советовались с уфимским вице-губернатором. Например, И.И. Неплюев в январе специально приезжал в Уфу, чтобы обсудить с П.Д. Аксаковым «разные до Оренбургской комиссии и до Уфимской провинции касающиеся дела» *[Рычков*, 2001. С. 163]. Здесь И.И. Неплюев после обсуждения с вице-губернатором составил Положение «об управлении башкирами и другими инородцами края».

В период правления П.Д. Аксакова на посту вице-губернатора Уфимской провинции прослежи-

Рис. 11. И.И. Неплюев. Неизвестный автор. XVIII в.

ваются значительные изменения в системе управления. Вице-губернатором была проделана огромная работа по восстановлению хозяйства края, возвращению беглых участников восстания из казахских степей; велась эффективная борьба против насилия и злоупотреблений царских чиновников.

Однако начальники Оренбургских комиссий были недовольны огромной властью вице-губернатора. Формально Уфимская провинциальная канцелярия продолжала находиться в подчинении Оренбургской комиссии, а на практике власть вице-губернатора оказалась выше, чем у начальников Оренбургских комиссий Л .Я. Соймонова и И.И. Неплюева. Территория распространения власти П.Д. Аксакова выходила за пределы Уфимской провинции. Вскоре по инициативе И.И. Неплюева под предлогом учреждения Оренбургской губернии должность вице-губернатора Уфимской провинции была упразднена. 19 июня 1744 г. П.Д. Аксаков был отстранен от вице-губернаторской должности *[РГАДА*- Ф. 248. Оп. 5. Кн. 263. Л. 382 об.].

В марте 1744 г. Уфимская и Исетская провинции составили основную территорию Оренбургской губернии, и управление краем было сосредоточено в руках оренбургского губернатора.

На протяжении второй половины XVI—XVIII в. особого ведомства, имевшего назначение управлять

только башкирским населением, в Башкортостане не было создано. Но у башкир сохранилось самоуправление, созывались народные собрания (йыйыны) по волостям, дорогам и всебашкирские, притом ежегодные. На них рассматривались вопросы, касавшиеся интересов Башкортостана, в том числе о взаимоотношениях башкир с местными властями и соседними народами (калмыками, казахами). Йыйын представлял собой готовую организационную форму, используемую башкирами в борьбе против царской администрации. Игравшие огромную роль в жизни народа, йыйыны в конце XVII - начале XVIII в. часто созывались именно для подготовки восстаний [*Материалы...* 2002. Т. VI. С. 42]. Это был опасный для правительства остаток башкирского самоуправления, поэтому оно в 1736 г. запретило все «мирские собрания», за исключением всебашкирского йыйына под Уфой, который, однако, мог проходить только с разрешения уфимского воеводы и под его надзором.

Российское правительство через воевод управляло верхушкой башкирского общества. С принятием русского подданства территории проживания башкирских племен и родов стали называться волостями, во главе которых вместо биев стояли назначаемые или выбираемые старосты. Эта должность была наследственной до 1736 г., после чего их заменили избираемые волостные старшины *[Усманов,* 1982. С. 52]. Формально старшины избирались населением волости, но фактически, по сохранившимся традициям, этот пост долгое время занимали потомки биев, которые часто оставались в этой должности до конца жизни. Однако бии и их потомки постепенно теряли былое свое значение. Родоплеменная знать вытеснялась тарханами, получавшими за службу царю особые жалованные грамоты. Как правило, тарханы и занимали должности волостных управителей.

Старосты могли иметь звания князей или тарханов. Бывшие бии постепенно становились князьями. Подтверждением такого мнения может послужить шежере четырех племен. Их бии во время принятия русского подданства назывались князьями, получившие после присоединения, титулы тарханов. Усерганский князь Бикбау, кыпсакский князь Мешавали Каракузяк, бурзянский князь Иске-бей, тамьянский князь Шагали Шакман «по призыву ездили в Казань к государю царю и великому князю Ивану Васильевичу о принятии с родами в подданство, а по принятии в подданство жалованы тарханами» *[Асфандияров,* 20066. С. 21].

В начале XVIII в. тарханы являлись наиболее привилегированной частью башкирского общества. Они обязаны были государству службой, за что освобождались от уплаты ясака, а также получали ряд привилегий, наиболее важной из которых являлось право брать в пользование любой участок общинной земли. Возможность владения общинными землями была особенно важна, потому что укрепляла основы феодального землевладения в Башкортостане. Тарханское звание давалось только родовым старейшинам *[Демидова,* 1958. С. 48]. Член пограничной и иноверческой экспедиции при Оренбургской губернской канцелярии П.И. Рычков так писал о роли старшины: «Весь башкирский народ управляется через своих старшин, и внутрь их жилищ из русских людей нет у них начальников... Можно сказать, что башкирцы старшин и помощников своих весьма уважают, и они в волостях над народом имеют всегда немалую силу» *[Там же.* С. 49].

Количество старост на начало XVIII в. точно неизвестно. В 40-е гг. XVIII в. в 60 волостях 4 дорог башкирских старшин вместе с помощниками насчитывалось 88 чел. *[ГАОО.* Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 43 об.-46]. В более ранний период в каждой волости было по одному старшине и несколько сотников. Постепенно число старшин увеличивалось, в одной волости их могло быть несколько. Это объяснялось тем, что аймаки и тюбы приобретали самостоятельное административно-территориальное значение и добивались избирания своего старшины. Нет сведений о существовании общеволостного старшины. Благодаря слабому вмешательству царской администрации во внутреннюю жизнь башкирского общества старшины пользовались не только правом регулирования хозяйственной жизни общины, но и значительной долей административной и судебной власти. К этому же нужно добавить, что в руках старшин находился сбор государственных и мирских денег, организация отбывания натуральных повинностей и т. д. Фактически они сосредоточивали на месте всю полноту власти.

Ввиду роста количества выборных старшин В.Н. Татищев рекомендовал уменьшить их количество, а преданным из них - дать «преимусчество». Для этого в феврале—.марте 1739 г. он предложил ввести должность полковников административных дорог. Избранных обществом кандидатов в полковники по аттестации воевод могли определять «губернаторы или главную команду имеюсчий». Помощниками таких полковников предполагалось определить писарей, хорунжих, сотников, есаулов. Количество полковников — глав дорог не должно было превышать 7 человек. Из них в Уфимской провинции предусматривалось— 4, Исетской - 2

и Оренбургской - 1 полковник. Татищев называл и некоторые конкретные имена на эту должность: «достойнейшие Алдар-тархан, Таймас-тархан, Шарып, Ахмер мулла, Козяш и есче одного, выбрав из лучших, если поведено будет представить. Да над месчеряками зделан уже полковником Девай» *[Материалы...* 2002. Т. VI. № 389. С. 600—601].

Но вскоре вместо полковников начальник комиссии Башкирских дел в 1737—1742 гг. генерал-майор Л.Я. Соймонов определил 7 главных старшин в указанном Татищевым составе. Институт главных старшин был порожден чрезвычайной ситуацией — восстаниями башкир в 1735—1740 гг. С наступлением мирного времени - «покоя и порядка», по словам И.И. Неплюева, обнаружилось, что контроль главных старшин над волостными старшинами по административным дорогам был крайне недостаточным из-за обширности территорий. Неплюев признал, что «за непорядки» в волостях и дорогах, «отягощая и изнуряя себя», отвечали только 7 главных старшин, в то время как волостные старшины оставались безучастными созерцателями. В таких условиях, естественно, по его же мнению, «порядка между народом добраго установить и содержать невозможно». Чтобы не было «повода к лакомству и своевольству», а также в целях повышения ответственности за волости, в феврале 1743 г. Неплюев с уфимским вице-губернатором П.Д. Аксаковым решили переподчинить волостных старшин от власти главных старшин дорог «в ведомство Уфимской и Исетской провинциальных канцелярий» в зависимости от их места жительства. Всем главным старшинам, отрешенным от должности, сохранили их почетное наименование по следующим мотивам: «как они старшими названы, так старше всех и предпочитаемы будут, ис чего им не токмо никакой обиды нет, но и еще и та польза, что честь неотъемлема, а сами останутся в покое и по бывшим доселе у них командам безволокитны» *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 515]. Они становились волостными старшинами, каждый в своей волости, и «за неисправности и непорядки» были ответственны сами. 31 января 1743 г. институт главных старшин дорог был отменен.

Кроме помощников, при каждом старосте (затем старшине) был писарь, находящийся «на башкирском содержании». Писари вели делопроизводство, а некоторые занимались еще обучением детей грамоте. До 30-х гг. XVIII в. старосты назначали писарей по своему усмотрению, с середины 30-х гг. царское правительство обязало назначать писарей только из мишарей *[НА УНП РАН.* Ф. 51. Оп. 1. Д. 92. Л. 9]. Башкиры были недовольны этим решением властей. «Из мещеряцкого же народа, - писал историк С.Ф. Ташкин, - назначались писари к башкирским и тарханским старшинам. Обстоятельство это, также, влекло за собой, как увидим дальше, долю огорчений для башкирского и тарханского народа как материального, так и морального характера. Материальная сторона заключалась в необходимости платежа писарям ежегодно в виде жалованья по 12 рублей, что по словам башкир и тархан Уфимской провинции, приводило их народ «во огорчение», моральная же сторона сводилась к наличию и в этом деле опеки со стороны администрации, так как лиц, достаточно подготовленных для занятия должности писарей, много было в среде и самих башкирцев и тархан» *[Ташкин,* 1921. С. 243].

В результате замены в 1736 г. старост старшинами существенно изменилась роль и место правителя башкирской волости. Если старосты обладали некоторой независимостью в решении волостных дел, то функции старшин были в значительной мере ограничены. Особенно это сказалось на правах в области судопроизводства. Старшины могли разбирать только незначительные преступления. Представление о круге дел, подлежащих компетенции третейских судов, можно получить из сказок старшин о сборе пошлин с шариатных дел. Так, старшина Каршинской волости Казанской дороги Шарып Мряков в списке дел, решенных им в 1739-1741 гг., назвал дела о нарушениях прав частной собственности — кражу лошадей, меда из бортей, пожитков, «завладение» чужих вещей, а также дело о взыскании заемных денег, ссоры, драки *[Биккулов,* 2005. С. 36].

К разряду верхушки общества относились и сотники, которые стояли во главе небольших воинских формирований башкир. Они также были наделены административно-управленческой и судебной властью в волостях. Сотники управляли некоторыми волостями. Например, сотник Ишимбай Кулушев был главой Уфимской волости Верхотурского уезда (1663 г.). Были еще две башкирские волости, которые управлялись сотниками Токазой Батиновым и Арыкаем Кувалышевым *[Асфандияров,* 20066. С. 148].

Вместе со своими помощниками, сотниками и писарями старшины составляли низовое звено местной царской администрации. Вводя институт старшинства, власти получили возможность контролировать положение дел во всех башкирских волостях. Ущемляемые администрацией права старшин последние компенсировали за счет эксплуатации рядовых общинников.

Таким образом, уфимские воеводы выполняли большую работу по управлению доверенной им территорией. Но больше всего эта тяжесть ложилась на воевод, управлявших Башкортостаном, т. к. этот регион оставался на протяжении всего XVIII в. самым неспокойным в Российской империи. Воевода вместе с аппаратом управления являлся проводником политики царского правительства в крае. Проводя эту политику, воевода стремился найти опору в верхушке башкирского общества — у биев и старшин.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БАШКИР

Военное дело являлось одним из основных занятий мужчин-башкир на всем протяжении средневековья и нового времени. Защита собственной земли и имущества, участие в походах, охота - все это вело к интенсивному развитию военной организации башкир. С раннего детства мальчиков сажали на коня и обучали навыкам обращения с оружием, меткой стрельбе из лука. Ношение оружия мужчинами при выезде, как и у всех жителей степи, было обязательным, независимо от целей - на охоту или на войну. Военная организация башкир опиралась на степную, ордынскую традицию, ее основы заложил Чингисхан. Необходимо отметить, что в XVI—XVIII вв. постоянного башкирского войска как обособленной структуры не существовало. Профессиональные военные - тарханы, батыры, имевшие определенный опыт военной службы и хорошее вооружение, были малочисленны. Тарханское звание передавалось по наследству, батыром (от монг. *богатур, бохадур*) мог стать любой сильный и храбрый башкир, это звание по наследству не передавалось. Большую часть воинства составляло родовое ополчение, в которое входили все мужчины, способные держать оружие. Оно возглавлялось, как правило, тарханами и батырами, имело разнохарактерное вооружение. После принятия русского подданства во время походов отряды башкир возглавляли русские военные чины — воеводы, стольники, а тарханы и батыры играли роль среднего командного звена. Отличительным качеством башкирского воинства был его однородный состав - конный, что определяло его высокую мобильность и боевую мощь, возможность использования различных тактических приемов ведения боя, а также обязательное наличие у всех воинов лука и стрел, что позволяло вести бой на дистанции.

Военные отряды были организованы по десятичной системе: тысячные, сотенные, полусотенные. Эту же организацию впоследствии использовало российское казачество, имевшее тюркские корни *[Никольский,* 1902. Т. XI. Ч. 1. С. 1-2]. Башкирские отряды формировались по родам, большие по численности - по дорогам. В них имелся начальник (предводитель рода, либо тархан или батыр), старшие подразделений, мулла. Командир отличался снаряжением, украшенным серебром, а также значком на наконечнике копья в виде небольшого флажка-флюгера. По документам известно использование башкирами таких флажков-флюгеров белого, зеленого и красного цветов. К сожалению, на сегодняшний день источники не позволяют отнести к конкретному башкирскому родовому подразделению определенный цвет значка. Академик И.И. Лепехин, находившийся среди башкир во время экспедиции, описал сбор отряда, направлявшегося на Оренбургскую линию: «Стройное их ополчение во всем с казацким сходствуют: каждый из них имеет по две лошади оседланных, дабы в случае нужды в дальной путь пуститься можно и запастися нужным припасом. Оружие их наиболее составляют стрелы и копья; а ружья редкие имеют. Толпы свои означают значками и разделяются во всем по казацкому уставу. Всего приятнее было смотреть на их неустрашимость и охоту, с какою они шли против своих неприятелей» *[Лепехин,* 1795. Ч. 1. С. 142].

Со времен Чингисхана башкиры были знакомы с монгольским делением войска: передовой отряд, центр, правое и левое крыло. Эта система была принята и в русской армии: передовой отряд — сторожевой полк (в конном виде именовался *ертаул),* центр - соответственно, большой полк, крылья - полк правой руки и полк левой руки. Универсальность такого деления и связанная с ним тактика облегчали командование башкирами со стороны русских начальников и взаимодействие башкир со стрельцами, казаками и другими русскими воинскими чинами.

Каждый род имел свой боевой клич, который кричался во время боя для устрашения противника и поднятия собственного боевого духа, большинству родов он был дан Чингисханом. В башкирских шежере, например, сохранились боевые кличи рода юрматы - «Ак тюбя!», башкир племени кыпсак - «Туксаба!» *[Башкирские...* 2002. Вып. 1. С. 67, 146]. В некоторых случаях башкиры кричали общепринятый клич — «Алла!» Наследием Чингисхана было законодательное закрепление за конкретным родом ранее существовавших у башкир тамг — знаков родовой собственности, которыми таврили лошадей.

Башкиры представляли собой конное войско. Оно опиралось на наличие огромного поголовья лошадей, принадлежавшее башкирам, которые разводили собственную породу лошадей. Башкирская порода сформировалась в условиях резко континентального климата с жарким летом и снежными морозными зимами, идеально подходила для суровых условий походной жизни. Лошади круглогодично содержались на пастбище, легко переносили сильные морозы, могли питаться в степи зимой, разгребая копытами снег, чтобы достать траву (тебеневка). Лошадь была невысокого роста, около 1,4 м, с крупной головой, короткой шеей, короткими и крепкими ногами, крупными копытами. Она отличалась необычайной выносливостью, легко преодолевала большие расстояния, была неприхотлива в питании, быстро обучалась. Русский офицер, проезжавший по Оренбургской линии в начале XIX в., особо отметил, что «башкирские лошади очень легки и гораздо выносливее европейских» [*Бенкендорф*, 2004. С. 64].

У башкир издавна существовал культ коня. Перед походом лошадей откармливали, украшали металлическими бляхами сбрую, расчесывали гриву. Воин выступал в поход на строевой лошади, имея запасную под вьюком *[Лепехин*, 1795. Ч. 1. С. 142]. Тарханы, батыры имели с собой по 5 и более лошадей. Для походов использовали лошадей (кобыл) и меринов (кастрированных жеребцов). Как и все кочевники, башкиры лошадей не подковывали, поэтому кузнечное дело у них не получило широкого развития. На боевых лошадях башкиры обязательно использовали стремена - металлические или деревянные. Вместо шпор башкиры, как и все степные народы, употребляли плетку. Седла имели высокую переднюю луку, которую башкиры использовали при атаке противника, имевшего защитный доспех (панцирь, кольчугу), как упор для копья, направленного вперед. Она же служила для крепления аркана. Зачастую передняя лука имела резное навершие в виде утиной, змеиной или медвежьей головки *[Шитова*, 2001. С. 23-24].

Вооружение и снаряжение приобреталось за собственный счет и состояло в основном из лука со стрелами и копья, некоторые башкиры имели сабли. Однородное конное войско исключало действия башкир как пехоты. Они не владели навыками пешего боя, это влияло на характер их вооружения, в котором отсутствовало обязательное в этом случае холодное оружие (сабли, кинжалы, ножи), вооружение напрямую было связано с конным боем.

В основе комплекса вооружения у башкир лежал мощный боевой многослойный лук *(адирна)*, который хранился в кожаном налучнике. Башкирский лук отличался от северно-русского и сибирского большей изогнутостью и меньшей длиной *[Руденко*, 1925. Т. XLIII. Вып. 2. С. 27]. Боевой лук отличался от охотничьего (*йайа*), простого, изготовленного из вяза или березы. В целом все башкирские луки, как боевые, так и охотничьи, были небольшого размера, боевой - не более 1 м, а охотничий - 1,5 м. Боевые стрелы имели железные наконечники разных форм (удлиненную четырехгранную, плоскую лавровидную, в том числе были наконечники, предназначенные для пробивания кольчуги) и незначительное оперение [*Там же.* С. 24]. Длина стрел была примерно 1,2 м, они хранились в колчанах по 16-25 штук острием вниз. Колчаны изготавливались из дерева, кожи, бересты. Изготовление лука и стрел было достаточно длительным и сложным процессом. Составной лук изготовлялся из нескольких пород древесины: лиственницы и березы, склеенных особым клеем и обернутых берестой или сухожилиями. Места изгиба усиливались роговыми пластинами. Известны и полностью роговые луки. Тетива боевого лука была из шелка.

Стрельба из лука осуществлялась как с места, так и в движении. Если в европейских армиях она традиционно осуществлялась исключительно прямо, по ходу движения, то башкиры равно хорошо вели обстрел противника как прямо по ходу движения, так и по монгольскому обычаю — перпендикулярно движению, развернувшись в седле. Убойная сила стрелы в последнем случае уменьшалась, но она компенсировалась мощью лука и большим количеством стрел, которые мог выпустить всадник. Для скорострельности стрелявший вынимал из колчана и держал несколько стрел в левой руке вместе с луком, и несколько - во рту.

Искусство стрельбы из лука у башкир наблюдал в конце XVIII в. русский офицер А.Н. Оленин: «поставя на большое расстояние старый глиняный горшок среднего размера или деревянную щепу и легши на землю, на спину, лицом против сей цели, подняв ноги вверх и упираясь подошвами в средину или в колено лука, натягивали обеими руками тетиву и стрелу, которую они сим средством пускали с большою силою и каждый раз расшибали горшок или сбивали щепу» *[Оленин*, 1882. Т. II. С. 85]. Военные игры башкир, связанные со стрельбой из лука, описал И.И. Лепехин: «Они метили стрелами как в поставленную цель, так и в известном расстоянии могли увертываться от пущенной стрелы. Иные пускали стрелы, стоя на земле, а удалые разскакавшись во всю конскую прыть метили стрелою в поставленной предмет» *[Лепехин*, 1795. Ч. 1. С. 115].

Еще об одном варианте, увиденном лично, сообщал А.Х. Бенкендорф: «Самым красивым, но и самым опасным зрелищем было, когда один из них водружал на свою пику шапку и несся во весь дух, преследуемый всей группой, которая старалась сбить эту шапку стрелой или пистолетным выстрелом» [*Бенкендорф*, 2004. С. 63].

В вооружение башкирского воина входило древковое оружие - копье произвольной длины с железным наконечником, украшенное пучком конских волос, а также кистень в виде железной булавы (иногда капового нароста), прикрепленной на цепи к концу длинного древка. На некоторых копьях имелся крюк для стаскивания противника с седла. Часть башкир была вооружена саблями в качестве холодного оружия, которое украшались серебряной насечкой с растительным орнаментом, либо сурами из Корана. На эфес закреплялся кожаный ремешок с кисточкой - *темляк*, одевавшийся во время боя на кисть руки. Конный воин имел плетенную из сыромятной кожи плетку. Искусство плетения передавалось по наследству, мастера отличались своим конкретным рисунком.

Незначительное число воинов, как правило, тарханы и батыры, имели огнестрельное оружие — турки (фитильные, в XVIII в. кремневые ружья на сошках). Ружье предполагало наличие шомпола, пороховницы из рога (*ку-тукса*), кожаных мешочков для пуль *(ядра халгыс)* и для пыжей *(ульс*я), костяную или металлическую мерку для пороха (*джау*), пулелейку, запас свинца и пороха *[Руденко*, 1925. Т. XLIII. Вып. 2. С. 16-17]. Применение турок в бою было явлением нечастым, исключительным. Для этого требовалось достаточное количество пороха, чтобы научиться метко стрелять, а также приучить лошадь не бояться звуков выстрела.

Защитное вооружение составляли шишаки, шлемы, проволочные кольчуги *(тимер кулъдяк)*, металлические панцири, наручи, кожаные доспехи. Поскольку характер вооружения не предполагал индивидуального боя, то башкиры не применяли в качестве защитного вооружения щиты, хотя и были знакомы с ними. Сабли, турки, доспехи в массе своей были либо привозными, приобретенными у купцов, либо трофейными, в основном иранскими, в меньшем количестве турецкими или европейскими.

Башкиры ценили оружие и снаряжение, оно украшалось серебром, бережно хранилось и передавалось по наследству. Выступая в поход, башкиры должны были самостоятельно обеспечивать себя провиантом, а лошадей кормом. В случае дальних переходов это было достаточно обременительно, поэтому правительство старалось принять меры по обеспечению башкирской конницы. По указу Алексея Михайловича 1646 г. казаки, башкиры и татары, будучи вызваны на службу в военное время, должны были получать от казны жалованье и провиант, отчего в документах регулярную и национальную конницу именовали кормовыми войсками *[Иванов*, 1864. С. 13].

Боевое и защитное вооружение определяли тактику ведения боя. Она заключалась в окружении врага и интенсивном обстреле его стрелами. Если противник отступал, то преследовали его; и в этом случае использовались копья и сабли. Основа боя — нападение на фланг или в тыл противника, его окружение. Сам бой имел характер скоротечных столкновений. Из-за произвольной длины древкового оружия встречные атаки сомкнутым строем башкиры не использовали, предпочитая рассыпной строй и бой на дистанции. Индивидуальный бой с применением сабель также не имел широкой практики, навыками его могли владеть тарханы и батыры, имевшие профессиональную подготовку.

Башкиры были знакомы со всеми приемами ведения войны в степи, — разведкой, сторожевым охранением, заманиванием противника в подготовленную засаду, атакой в конном строю, боями батыров перед сражением, охватом, фланговыми ударами, скрытным захождением в тыл, преследованием. Они использовали уклонение от более сильного противника в виде распыления и сбора в условленном месте, тактику «выжженной земли», уничтожая систему коммуникаций и снабжения противника.

Руководящую роль в военной организации башкир играли общебашкирские или общеродовые съезды —. йыйыны, на которые собирались главы родов, тарханы, батыры. Например, во время башкирских восстаний на них принимались решения по координации военных действий, выделении дополнительных подразделений, назначении командиров. Общему собранию вотчинников предшествовал совет аксакалов — курултай, которому принадлежало право решающего голоса *[Азнабаев*, 2005. С. 107].

Еще одним проявлением ордынского наследия в военном деле было сохранение в социальной структуре башкирского общества категорий тарханов и батыров, игравших в походах роль пятидесятников и сотников. В течение XVIII в. эти две группы постепенно исчезают из официального делопроизводства. Первыми исчезли батыры. Так, в 1742 г. императрица Елизавета Петровна в ответном слове, сказанном при ее коронации башкирам, перечисляет все группы башкирского общества: «Башкирцам всех дорог и родов тарханам, батырам, старшинам и

всему Башкирскому народу наша Императорская милость» [*АВПРИ.* Ф. 108. Оп. 108/3. 1742. Д. 1. Л. 1]. При Екатерине II тарханы сохраняются в системе военной организации башкир, о батырах упоминаний нет [*Рахимов*, 20096. С. 174]. Окончательно использование термина «тархан» в официальном делопроизводстве отмирает лишь в первой трети XIX в. в связи с введением кантонной системы *[Асфандияров*, 20066. С. 97-99].

Военная организация башкир в XVI—XVIII вв. в организационном и тактическом отношениях носила ордынский характер. Ее отличительными качествами были однородный состав подвижного конного войска, наличие опытных предводителей (тарханов, батыров), хорошее-вооружение, достаточная воинская выучка, большой конский резерв. Все это позволяло башкирам с успехом выполнять свои обязанности по охране юго-восточной границы страны, побеждать степного противника (калмыков, казахов, крымских татар), успешно противостоять европейской коннице (польской, шведской, прусской). К числу недостатков можно отнести отсутствие у башкир огнестрельного оружия, языковой барьер между русскими командирами и башкирами. Осложнял ситуацию культурный барьер в развитии военного искусства, связанные с началом ориентации во второй половине XVII в. русского военного командования на европейские уставы при сохранении традиционной ордынской тактики у башкир, а также отсутствие слаженности в совместных действиях с пехотой, поскольку такого опыта у башкир не могло быть. Но в целом для XVI—XVII вв. башкирская конница была вполне современной, а в сравнении с русской поместной конницей она представляла собой грозную силу, которую активно использовало русское правительство.

БАШКИРЫ В СИСТЕМЕ РУССКО-НОГАЙСКИХ, РУССКО-КАЛМЫЦКИХ И РУССКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В.

История башкирского народа не будет полной без изучения его взаимоотношений с соседними народами. Поэтому необходимо уточнить юго-восточные рубежи России для рассматриваемого времени, а также выяснить роль башкир в системе взаимоотношений московского правительства с народами, находившимися в непосредственной близости от российских границ.

После признания башкирами российского подданства Башкортостан, занимавший обширные территории к востоку от рр. Волги и Камы, оказался порубежной областью Российского государства.

Прикаспийские степи еще не были окончательно включены в состав Русского государства. Здесь кочевали ногаи, находившиеся в вассальной зависимости от России, а с конца XVI в. в низовьях р. Яик появились вольные казаки. Соответственно, Волжско-Эмбинский район московское правительство рассматривало как вассально-зависимую территорию. Его политика со времен Ивана Грозного и почти до середины XVIII в. была направлена на окончательное подчинение кочевавших здесь народов, яицкого казачества, утверждение влияния России на всем протяжении р. Яик и прикаспийском побережье *[Буканова*, 1999а. С. 66].

Территория, на которой кочевали Большие ногаи, затем калмыки и казахи, непосредственно соприкасалась с башкирскими вотчинными владениями. Поэтому московское правительство использовало в качестве передовой силы в борьбе с ними башкир, на которых было возложено обеспечение охраны и безопасности юго-восточных границ.

В виду обширности территории и относительной малочисленности населения на востоке и юго-востоке Башкортостан не имел четких территориальных рубежей. Они были неустойчивыми, в какой-то мере условными. Тем не менее, у российского правительства существовало вполне определенное мнение насчет того, какие земли считать «государевыми», т. е. государственной территорией. Это легко прослеживается по сохранившимся в фондах Посольского приказа РГАДА материалам дипломатической переписки Москвы с калмыцкими тайшами, которые в первой половине XVII в. не только изгнали ногаев, заняв их традиционные кочевья, но и вторглись в вотчины башкир, находившихся в составе России. Так, в документах этого времени содержится четко сформулированное требование, чтобы калмыки не кочевали на «государевой земле». Государевыми землями, судя по документам, являлись г. Астрахань с прилегающей к ней территорией, р. Волга с городами-крепостями на ней и земли башкир, включавшие в себя часть р. Яик с ее притоками, - Уфимский уезд в пределах XVII в. Именно применительно к указанным территориям в документах постоянно применяется определение «государев», «государева». Так, в грамоте Приказа Казанского дворца 1650 г. указывалось, чтобы калмыки «и вперед к государеве отчине к Астарахани и к государевым городом, и к Волге реке не приходили» *[РГАДА.* Ф. 127. 1650 г. Д. 2. Л. 131].

Постоянно подчеркивалась также верховная власть царя (сюзерена) на башкирские земли, которые в документах назывались «государевыми башкирскими волостями», «государевых ясашных людей вотчинными землями». Вполне конкретно были обозначены ясачные владения башкирского населения, которые простирались по среднему и верхнему течениям р. Яик и его притокам Илеку, Ори, Сакмаре и Киилу *[РГАДА.* Ф. 119.1648 г. Д. 1. Л. 53,62; 1649 г. Д. 1. Л. 2, 4—5]. Эти границы указывались не только в челобитных местных жителей с жалобами на захват калмыцкими тайшами указанных земель, но и в официальных правительственных документах, исходивших из московских приказов и местных воеводских канцелярий. 14 июня 1650 г. уфимский воевода доводил до сведения калмыцких послов, что «по тем рекам: по Яику, и по Сакмаре, и по Илеку, и по Ору, и по Киилу и с малыми речками, которые в те реки впали, земли царского величества; в тех урочищах Казанских, и Уфинских, и Самарских уездов руских людей, и башкирцов... вотчины истари, а с тех своих вотчин они платят государев ясак» *[РГАДА.* Ф. 119.1650 г. Д. 2. Л. 5]. Есть основания считать российскими землями также бассейны рр. Большой и Малой Узени, которые были пожалованы башкирам Иваном Грозным *[Усманов,* 1982. С. 56].

Исходя из вышеизложенного можно определить юго-восточные рубежи России для начала XVII в. Граница начиналась от Каспийского моря, между Волгой и Яиком, и шла на север, постепенно поворачивая на северо-восток, к низовьям рр. Большой и Малый Узень. Далее она заключала в себя среднее течение р. Яика, его притоки Илек и Орь и уходила в верховья р. Тобол *[Буканова,* 1999а. С. 67-68]. К тому времени Российское государство считало «своими» здесь земли по рр. Иртыш, Омь и Камышлов и требовало от калмыков уплаты ясака за право кочевать на этих территориях* *[Колесников,* 1980. С. 134-135].

Таким образом, в конце XVI - первой половине XVII в. основная часть Башкортостана окончательно была включена в состав Российского государства. Однако говорить об интеграционных процессах в это время не представляется возможным, так как речь идет лишь о защите внешних границ России. Во внутренние дела башкирского общества длительное время российское правительство не вмешивалось.

Башкиры в сфере русско-ногайских отношений во второй половине XVI - первой половине XVII в. Согласно современной отечественной историографии, Башкортостан накануне вхождения в состав России являлся наместничеством Ногайской Орды, но слабо вписавшимся в ее политическую структуру *[Трепавлов,* 2002. С. 196, 199; *Азнабаев,* 2005. С. 32-33]. После падения Казанского ханства Башкортостан оказался в орбите восточной политики Москвы и почти одновременно с Ногайской Ордой должен был выстраивать с ней свои отношения. Но прежде предстояло полностью освободиться от властных притязаний ногайских правителей. Поли-тическая обстановка в середине XVI в. благоприятствовала башкирам: Россия отныне вступала в полосу непрерывной борьбы с Ногайской Ордой.

Ногайская Орда была слабо централизованным государством: она делилась на многочисленные улусы, малосвязанные между собой. С продвижением Русского государства на юго-восток и утверждением российского владычества по всей Волге в Ногайской Орде наступил политический кризис. Постоянные междоусобные войны, слабые экономические связи, политическая разобщенность различных частей Орды обусловили распад ногайского общества. Орда распалась на Больших и Малых ногаев, Алтыульскую и ряд других орд *[Поноженко,* 1977. С. 22—24]. В результате в конце XVI — начале XVII в. существовало несколько самостоятельных ногайских орд, разобщенных как территориально, так и политически.

Наибольшую опасность для России представляла собой орда Малых ногаев, кочевавшая в Приазовье от Кубани до р. Дон. Она, находясь в номинальном подданстве турецкого султана *[Новосельский,* 1948. С. 15] и, поддерживая устойчивые отношения с Крымским ханством, участвовала во всех походах крымских татар на российские земли *[Сафаргачиев,* 1949. С. 15]. Алтыульская Орда (иначе энбулуки, или Енбулуцкая Орда) кочевала на р. Эмбе и ввиду отдаленности от российских границ непосредственных контактов с Российским государством не имела. Враждебная позиция ее стала ощутимой лишь после того, как она примкнула к калмыкам. Более или менее ясными были отношения московского правительства с небольшими ордами юртовских и едисанских татар, кочевавшими под Астраханью. Они были подчинены астраханским воеводам и оберегались последними от нападений со стороны кочевников. Наиболее сложными

Границы России в Западной Сибири применительно к XVI—XVIII вв. были уточнены омским исследователе?.: А.Д. Колесниковым.

и противоречивыми были отношения России с Большими Ногаями, кочевавшими на обширном пространстве между Волгой и Яиком.

По В.В. Трепавлову, под Большой Ногайской Ордой следует понимать территорию и население, находившиеся под властью верховного правителя — бия. Сначала под Большими Ногаями подразумевалась основная часть ногайского ханства, однако впоследствии, вплоть до конца XVIII в., понятие «Большие Ногаи» применялось «к многочисленной группе ногайских элей и со временем оказалось в одном ряду с названием прочих «орд» *[Трепавлов,* 2002. С. 311-312].

Прежде в исторической литературе существовало устойчивое мнение, что с середины XVI в. Большая Ногайская Орда находилась в российском подданстве. В этом случае башкирские бии вряд ли могли бы вступить в самостоятельные переговоры о подданстве с российским царем. Однако А.А. Новосельский отмечал, что в рассматриваемое время между Ногайской Ордой и Российским государством не могли еще сложиться устойчивые отношения и внутренние связи *[Новосельский,* 1948. С. 40].

По данному вопросу интересно мнение ногайского историка Б.Б. Кочекаева. Исходя из того, что под подданством международное право предусматривает «физическую принадлежность лица к определенному государству, выражающуюся в постоянном распространении на него суверенной власти этого государства как на территории последнего, так и вне его», он считает, что для XVI, также и XVII в. по отношению к Большим Ногаям речь может идти лишь о «российском протекторате с элементами вассалитета» *[Конепаев,* 1973. С. 23]. Б.Б. Кочекаев справедливо указывает на тот факт, что ногаи не платили дань Русскому государству, а напротив, ногайские князья и мурзы сами регулярно получали поминки из Москвы. Свои взаимоотношения с Ногайской Ордой Москва осуществляла, как и с другими иностранными государствами, через Посольский приказ*. По мнению автора, о подданстве ногаев можно говорить лишь после того, как ногаи Большой Орды окончательно переселились на Северный Кавказ, и в 1822 г. царское правительство ввело у них русскую систему управления. Таким образом, в указанное время в ногайском обществе не наблюдается наличие неотъемлемых атрибутов подданства степных народов: нет службы в пользу Русского государства, уплаты ясака, выдачи аманатов (заложников) как гарантии выполнения этих обязательств. Несмотря на стремление Москвы полностью подчинить себе Большую Ногайскую Орду, она продолжала сохранять независимость как во внутренней, так и во внешней политике. Ногаи нередко согласовывали свои действия то с Крымом, то с польским королем, которые пытались вовлечь их в антирусскую коалицию *[Новосельский,* 1948. С. 16, 55]. В конце XVI - начале XVII в., находясь в Заволжье, Большие Ногаи угрожали прежде всего башкирскому населению: они продолжали рассматривать населенную башкирами территорию как свое наместничество и периодически снаряжали военные экспедиции для сбора ясака *[Трепавлов,* 2002. С. 336]. Даже в начале XVII в. ногаи наездами продолжали собирать с башкир ясак *[Азнабаев,* 2005. С. 71].

После присоединения Поволжья и Башкортостана царское правительство не могло не вести борьбу с ногайскими мурзами, совершавшими опустошительные набеги на порубежные территории: Казанский и Уфимский уезды. В ходе этой борьбы были сооружены города-крепости на рр. Волге, Каме и Белой. Уже в 1557 г. был построен г. Лаишев - в том месте, где существовал старинный переход ногаев через р. Каму. На традиционном пути, на переправе через р. Волгу, возник г. Тетюши. В конце XVI в. были построены города-крепости Уфа, Самара, Царицын и Саратов. Строительство городов-крепостей на юго-востоке страны было вызвано прежде всего необходимостью борьбы с набегами ногайских мурз. Не случайно, узнав о сооружении Самары и Уфы, ногайский князь Урус потребовал, чтобы «городом на Уфе и на Самаре вперед не быти» *[Карамзин,* 1892. С. 15; *Перетяткович,* 1877. С. 313-314].

По мере укрепления позиции России в Поволжье и Башкортостане ногаи были вынуждены покинуть эти территории. Так, исход ногаев из бывшего Башкирского наместничества В.В. Трепавлов связывает с усилением здесь присутствия русских сил к 70-м гг. XVI в., когда в Уфе «демонстративно утвердился русский воевода с гарнизоном» *[Трепавлов,* 2002. С. 336]. До сооружения г. Уфы наряды для отражения набегов ногаев посылались из Казани, но дальше Камы, как правило, они не шли. Один из последних крупных походов «по ногайским вестям» был организован в 1586 г., когда из Казани на Каму было направлено два полка *[Новосельский,* 1948. С. 34].

Таким образом, главной внешнеполитической задачей московского правительства на юго-востоке

* Аналогично трактуется вопрос о подданстве казахов в XVIII в. в книге В.Я Басина «Россия и Казахские ханства в XVI - XVIII вв.- *[Басин,* 1971].

страны оставалось стремление к максимальному ограничению набегов своевольных степняков на русские окраины. Хотя ногаи в начале XVII в. уже не представляли особой опасности для России, но для башкир они продолжали оставаться серьезной угрозой. Внешнеполитическая ситуация в этом регионе значительно обострилась в связи с появлением калмыков, что в первую очередь отразилось на положении башкирского населения.

Русско-башкирско-калмыцкие отношения в первой половине XVII в. В 20-е гг. XVII в. многочисленные калмыцкие племена торгоутов и дербетов, откочевавшие из Джунгарии, появились у юго-восточных рубежей России. Появление калмыков у границ Русского государства осложнило военно-политическую обстановку в этом регионе. С одной стороны, оживилась деятельность Кучумовичей - сыновей и внуков последнего сибирского хана Кучума. Заключив союз с калмыками, они стали нападать на российские окраины *[Устюгов,* 1947. С. 45—48]. В союз с калмыками вступила также Алтыульская Орда. Алтыульские мурзы отныне принимали самое активное участие в набегах калмыков на российские территории. С другой стороны, не выдержав натиска калмыков, значительная часть Больших Ногаев покинула свои традиционные кочевья и перешла «на крымскую сторону» р. Волги. Здесь ногаи оказались вовлеченными в сложный переплет отношений между Персией, Турцией, Крымом и Москвой *[Новосельский,* 1948. С. 88] и превратились вскоре из «друга» России в его «недруга» *[Кочекаев,* 1973. С. 31].

С уходом большинства вассально зависимых ногаев Россия потеряла и без того слабое влияние в прикаспийских степях. В Заволжье ей остались верными лишь едисанские и юртовские татары, кочевавшие под Астраханью. Оставшиеся ногаи и часть едисанских мурз были покорены калмыками. По свидетельству А.А. Новосельского, в 1646 г. вместе с калмыками кочевало в общей сложности 1 700 ногайских, алтыульских и едисанских дворов *[Новоселъский,* 1948. С. 359].

Калмыки получили в лице ногаев военное пополнение и прекрасных проводников для своих набегов на русские окраины. Доля участия ногаев в совместных набегах с калмыками была, очевидно, значительной. Это давало основание калмыцким тайшам иногда сваливать всю вину за грабительские набеги на своих союзников. Так, например, в 1635 г. калмыцкий тайша Дайчин говорил русскому послу К. Артемьеву: «И те де нагайские и едисанские татаровя... наводят на всякое дурно и велят ему, Дайчину, с улусы кочевать меж Волги и Яика блиско Асторохани, и аманат в Астарахань давать не велят и везде бывают в вожах у калмык» *[РГАДА.* Ф. 119. 1636 г.Д. 1. Л. 73].

Ногаи и едисанские татары, кочевавшие с калмыками, совершали иногда самостоятельные набеги. Так, в 1644 г. набег на Каму совершили едисанские татары *[РГАДА.* Ф. 119. 1654 г. Д. 1. Л. 15]. В 1654 г., незадолго до окончания сооружения Закамской черты, «воинские ногайские люди» прорвали укрепленную линию на участке между Тиинском и Новошешминском и разорили земли сына боярского С. Аристова *[РГАДА.* Ф. 1209. Кн. 156. Л. 33].

Калмыки значительно превосходили в военном и численном отношении Больших Ногаев и поэтом}' представляли собой немалую угрозу юго-восточным окраинам государства. О достаточно высоком уровне военного дела у калмыков свидетельствуют документы. Они знали огнестрельное оружие. Разнообразным было защитное вооружение, к изготовлению которого привлекались все улусные люди *[Богоявленский,* 1939. С. 95]. У калмыков была выработана определенная тактика ведения боя: по мере приближения к врагу они пускали в ход стрелы, затем копья, а когда дело доходило до рукопашной — сабли. Они умело использовали условия местности и погоду, а также разведку. Как правило, перед крупной боевой операцией для обследования местности и взятия языков посылался небольшой отряд. В качестве вожей (проводников) использовались ногаи, хорошо знавшие местность.

С.К. Богоявленский, исследовавший на основании архивных материалов историю калмыков в первой половине XVII в., отмечал, что калмыки вели почти непрерывные войны со своими соседями — русскими, башкирами, ногаями, бухарцами, хивинцами, туркменами и балхинцами *[Там же.* С. 87]. Организаторами походов, безусловно, являлись представители степной аристократии. Это было обусловлено рядом причин, в том числе стремлением феодальной знати к расширению земельных владений, захвату земельных пространств *[О патриархально-феодалъных...* 1956. С. 76]. Как отметила П. С. Преображенская, частые набеги калмыцких феодалов на окраины Российского государства были обусловлены экстенсивным характером хозяйства, крайней слабостью промышленного производства и обмена, потребностью в обширных территориях для кочевок *[Преображенская,* 1963. С. 97].

В 30-е гг. XVII в. калмыки окончательно утвердились между рр. Яик и Волга. Они заняли также ясачные земли башкир по Яику и его притокам, в верховьях рр. Сакмара, Большая и Малая Узень. Таким образом, прикочевка калмыков в Заволжье затронула политические, экономические и торговые интересы России. Ими были захвачены не только

исконные территории находившихся под протекторатом России ногаев, но и ясачные и промысловые угодья башкир, подданных Российского государства.

В связи с угрозой со стороны калмыков роль коренного населения в обороне юго-восточных рубежей значительно возросла. При посредничестве князей, биев, тарханов московское правительство вовлекло в борьбу с неприятелем все башкирское население. Причем социальная верхушка пограничного населения, обладавшая широкими иммунными правами, выступила организатором своих земель. В обязанность местного населения входило «проведывание вестей» про неприятеля и предупреждение их набегов на государственную территорию *[Буканова*, 1993. С. 71—80].

Активная борьба с калмыками и вступившими с ними в союз ногайскими мурзами началась в 30-е гг. XVII в., после того, как калмыки окончательно утвердились на Нижней Волге. К 30-40-м гг. относится организация первых военных походов. В 1633 г., когда калмыки впервые появились близ р. Камыш-Самара, из Астрахани был снаряжен стрелецкий отряд. Бой произошел на р. Большая Узень. Вспомогательный отряд, состоявший из ногаев, юртовских и едисанских татар, не оказал никакой помощи русским ратным людям. Бой окончился поражением русских [*Богоявленский,* 1939. С. 68-69].

В 1644 г. против калмыцких тайшей был направлен объединенный отряд русских ратников и башкир под командованием уфимского воеводы Льва Афанасьевича Плещеева. Бой состоялся 1 июля 1644 г. Многочисленный отряд противника был разбит *[Устюгов*, 1947. С. 50; *РГАДА.* Ф. 210. Ст. 158. Л. 397-398].

Пограничные столкновения башкир с калмыками, занявшими их ясачные угодья, были постоянными. Нападения калмыков на башкирские земли нередко выходили за пределы обычных набегов с целью грабежа и мелких стычек с пограничными жителями. Они приобретали характер хорошо организованных военных походов. Такие походы совершались в глубь российской территории и подготавливались заранее. В сентябре 1645 г. сбежавший от калмыков русский посол уфимец А. Черников сообщал, что «Лаузан-тайша говорил им не таяся, что хотел итти с воинскими своими людьми войною на низ по Белой реке и по Каме на Уфинской и на Казанской уезды, на чевашу и на черемису, и хочет де воевать до Казани» *[РГАДА.* Ф. 119.1645 г. Д. 1. Л. 112-113]. В готовящемся походе должны были принять участие также племянники и братья Лаузана-тайши. Такие же вести были получены от «выходцев» из калмыков *[Там же.* Л. 114-115, 137]. Действительно, в сентябре 1645 г. калмыки и ногаи совершили ряд набегов на закамские земли *[Акты...* 1836. Т. IV. № 2. С. 1—2]. Кроме того, уфимские служилые люди, побывавшие в проезжих станицах на р. Ик, сообщали, что до них приходил туда калмыцкий разведывательный отряд и взял в плен двух чувашей Казанского уезда. Сведения, поступавшие из разных источников, говорили о подготовке калмыками военного похода.

Крупную военную акцию калмыки готовили и в 1648 г. *[РГАДА.* Ф. 119. 1648 г. Д. 1. Л. 1-19]. Однако, башкирам во главе с князем Акбулатом Сулеймановым удалось предотвратить нападение калмыков на Уфимский и Казанский уезды. Весть о готовящейся военной акции принес «выходец из калмыков», то есть сбежавший из калмыцкого плена казанский слободской татарин Ишмамет Исаев. Он сообщил, что «Дайчин-тайша послал под Астарахань войною пять тысеч калмыков, да под Самару, и под Саратов, и под Царицын пять тысяч же человек. Да в Казанской и Уфинской уезды вниз по Белой и по Каме рекам пет тысеч же человек, да в Уфинской же уезд вверх по Белой реке для вожей и языков пятьсот человек» *[Там же.* Л. 3—4]. Башкиры разных дорог и волостей, спрятав женщин и детей в недоступных местах, собрали свои военные силы. Под предводительством князя Сулейманова собралось 560 воинов. Отряд, по-видимому, состоял из десятков мелких подразделений, возглавляемых другими биями. Кроме князя, документы упоминают еще 32 человека — «лучших людей». В поход снарядили своих воинов жители Кыпсакской, Минской, Айской, Табынской и других волостей разных дорог Уфимского уезда.

Выехавшие «по калмыцким вестям» башкирские отряды стали разъезжать «по приметным местам... где бы им наехать на колмытцкую сокму», и обнаружили следы неприятеля в степи на р. Игене, на расстоянии одного дня езды от Уфы. Отправив послов «с тою вестью» в Уфу и другие города, а также в свои волости, башкиры стали преследовать калмыков. Калмыки тем временем перешли р. Белую и направились к Соловарному острожку. Соловарный острог был не жилым, а стоялым острогом, и в период прихода калмыков никого там не оказалось. Не дойдя 2—3 верст до Соловарного острога, калмыки разгромили ясачную мордовскую деревню Телкал, захватили всех ее жителей в плен.

Дальнейший ход событий виден по документу: «...И какде те калмыцкие воинские люди пошли под Соловарной острожек, и они де [башкиры] стали ждать и караулить на приметном месте, на речке Армыте, от Соловарного острожку верст з десять. А того де места тем калмыком минуть было не

мочно, и те де калмыки, погромив деревню, пошли назад тем же следом, отколе они пришли. И на той де речке Армыте, перепустя тех калмыков с половину, ударили на них всеми людьми, и на той де речке учели с ними, башкирцы, те калмыки битися; и перекинулись де за ту речку башкирцов человек с 30 и тех калмыков от той речки отбили» *[Там же.* Л. 6—7]. «А ушли де всех калмыков в свои улусы немногие люди», — докладывали после боя уфимскому воеводе башкиры. Калмыцкий отряд был полностью разбит.

Данное сражение имело крупное военное значение. Пленные калмыки, приведенные в Уфимскую съезжую избу и допрошенные воеводой Х.Ф. Рыльским, признавались, что «Дайчина-де тайши людей ныне в дворе з братьями и с ногаи всего с тритцать тысяч человек. А дожидается де он, Дайчин-тайша, их, калмыков, из Уфинского уезду с языки, и по языком де смотря, хотел идти войною» *[Там же.* Л. 9]. Таких примеров было немало. Фактически вся тяжесть борьбы с набегами калмыцких тайшей, едисанских и ногайских мурз лежала на населении юго-восточной окраины государства, т. е. башкир.

В 1647-1650 гг. калмыки кочевали уже непосредственно у Волги. К этому времени относятся сведения о кочевке некоторых калмыцких улусов между Волгой и Хопром, притоком Дона *[РГАДА.* Ф. 119. 1650 г. Д. 1. Ч. 2. Л. 361; Ф. 210. Ст. 172. Л. 93-100, 103-104]. В связи с этим возросла угроза нападения калмыков на густонаселенные и освоенные уезды Российского государства. Кроме того, появилась угроза вовлечения калмыцких тайшей в антирусский союз. Крымское ханство неоднократно пыталось использовать калмыков в борьбе с Россией. Энергичные меры крымская дипломатия предпринимала зимой 1657, летом 1658, в 1658-1659 и в 1661 г. *[Очерки...* 1967. С. 104] В 1658 г. крымские послы калмыцкому тайше Дайчину предлагали: «Крымскому царю воевать русские городы и уезды с ево сторону, а ему, Дайчину-тайше,... воевать Казанской и Уфинской уезды» *[РГАДА.* Ф. 119. 1658 г. Д. 1.Л. 67,109].

К середине XVII в. Российское государство имело значительный опыт борьбы с кочевниками. В 40-е гг. XVII в. предпринимается строительство ряда укрепленных линий в Заволжье и, прежде всего, Закамье. В рассматриваемое время в Закамье возникли укрепленные остроги: Шешминск, Ахтачинск, Мензелинск, Чалнинский городок. Многие из них были построены на башкирских землях. Строительство Мензелинской крепости, в частности, было встречено открытым сопротивлением башкир.

Также, как и закамские крепости, появившийся в 1640 г. в устье р. Яика Яицкий городок (впоследствии Гурьев) главным образом должен был оказывать помощь в сдерживании набегов калмыков, угрожавших Астрахани и всему Нижнему Поволжью *[Дариенко,* 1962. С. 247; *Фосс,* 1868. С. 89-90]. Однако набеги калмыков и их союзников - ногайских и едисанских мурз на российские окраины не прекратились. Более того, как свидетельствуют источники, жители новопостроенных острогов сами страдали от набегов кочевников. В 1650 г. правительство потребовало от астраханских воевод особый список тех лиц, которых «калмыцкие тайши и их улусные люди в прошлых и нынешнем 158 году под Астраханью, и под Черным Яром, и под Царицыным, и под Саратовом, и под Самарою, и в Казанском уезде в закамских острожках, и в посылках, и на промыслах побили и грабили, и в полон поимали» *[РГАДА.* Ф. 127. 1650 г. Д. 1. Л. 151-152]. В приведенном документе закамские острожки упоминаются в числе других поволжских крепостей, часто подвергавшихся нападениям со стороны калмыков. Таким образом, строительство отдельных крепостей для борьбы с набегами кочевников в рассматриваемое время не оправдывало себя.

Как показывал опыт организации обороны южных границ России, наиболее эффективным мероприятием в плане обороны от набегов кочевников и наступления на степь оказалось сооружение непрерывной системы укреплений. Вдоль внутренних границ Башкортостана, в Закамье, в 1652—1655 гг. была сооружена Закамская черта, которая явилась естественным продолжением непрерывной системы укреплений XVII в.: Белгородской, Тамбовской и Симбирской линий. Общая протяженность ее составляла 450 км от Волги до Ик, левого притока Камы. Состояла из крепостей: Белый Яр, Ерык-линск, Тиинск, Новошешминск, Кичуевск (стоялый острог), Заинек и Мензелинск. От Новошешминска до Мензелинска Закамская черта проходила по территории Уфимского уезда и имела наибольшие изгибы, обусловленные географическими особенностями местности. Крепости Новошешминск, Кичуевск, Заинск, Мензелинск были сооружены на возвышенных берегах рек. Преобладающим типом укреплений являлась засека. Гарнизоны крепостей формировались из служилых людей, присланных из Лаишева, Тетюшей, Ахтачинска, Шешминска, Чалнинского городка, дворцовых пашенных крестьян, переведенных в служилое сословие, шляхтичей смоленских и полоцких. Управление территорией Закамской черты было сосредоточено в Приказе Казанского дворца.

Как было показано выше, юго-восточные границы России в указанное время проходили значительно южнее территории будущей черты. Тем не

менее, строительство Закамской черты было вызвано причинами внешнеполитического характера. Она была построена для защиты наиболее освоенных районов Заволжья от набегов калмыков и их союзников. Так, в 1670 г. жители Ерыклинска, бывшего острога на Закамской черте, вспоминали, что они были переведены «в пригородок Ерыклинск служить солдацкую службу для обережи от татарского и калмыцкого приходу» [*РГАДА.* Ф. 1209. Кн. 159. Л. 224 об.]. Новая укрепленная линия в Заволжье должна была не только защитить внутренние области России от набегов неприятелей, калмыцких тайшей и ногайских мурз, но и привести к изменению общей политики московского правительства на юго-восточных рубежах.

В связи со строительством Симбирской и Закамской укрепленных линий роль башкир в обороне юго-восточных рубежей несколько снизилась: линии перекрыли основные пути калмыцких набегов на наиболее заселенные и освоенные районы Российского государства. Кроме того, завершение сооружения Закамской черты совпало с немаловажным событием в истории русско-калмыцких отношений. В 1655 г. калмыки принесли первую письменную шерть. До сего времени шерти калмыцких тайшей носили исключительно устный характер и, как правило, не выполнялись. На ряд уступок пошло и российское правительство. После 1655 г. оно впервые склонилось к тому, чтобы предоставить калмыкам возможность кочевать по Волге. Одновременно правительство запретило пограничному населению - русским людям, башкирам и иноземцам — нападать на калмыков. Распоряжения об этом были отправлены в Уфу и во все понизовые города *[РГАДА.* Ф. 119.1655 г. Д. 1. Л. 99].

Таким образом, если прежде российское правительство защищало интересы своих подданных *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 38. С. 156—157], запрещая калмыцким тайшам занимать башкирские земли и требуя откочевки их на прежние кочевья, то со второй половины 50-х гг. XVII в. оно заняло совершенно противоположную позицию. Под угрозой смертной казни башкирам было запрещено нападать на калмыков, а калмыкам после 1657 г. официально разрешено кочевать на занятых ими территориях, в том числе и на исконных башкирских землях. Резкий перелом в политике царизма в Башкирии после сооружения Закамской черты: отказ от зашиты интересов башкир в их борьбе с калмыками и одновременное усиление со второй половины XVII столетия захвата башкирских земель, рост фискального гнета и злоупотребления местной приказной администрации, явилось причиной восстания 1662 - 1664 гг., охватившего и территорию Закамской черты *[Чулошников,* 1936. С. 3 — 64; *Устюгов,* 1947. С.30— 110; *Акманов,* 1978].

Казахи и башкиры в первой трети XVIII в. В конце XVII - первой половине XVIII в. общая политическая обстановка на юго-восточных приграничных территориях определялась взаимоотношениями башкир, казахов и калмыков. Характер этого соседства и контактов был сложным и противоречивым. Взаимные набеги, свойственные кочевникам, сочетались совместными походами на общего неприятеля, участием казахов и калмыков в башкирских восстаниях. Так, калмыки принимали активное участие в башкирском восстании 1662 - 1664 гг. После поражения восстания около 8 тыс. башкирских повстанцев укрылись в калмыцких степях *[Кузеев,* 1994. С. 134]. П.И. Рычков писал, что предводитель восстания 1676 г. Сеит не только «на ту противность преклонил башкир», но и с казахами «соединясь, года с три то свое бунтовшичье намерение продолжил» [*Рычков,* 1896. С. 53]. Имеются документальные свидетельства об участии казахов и союзных с ними каракалпаков в башкирском восстании 1704 - 1711 гг. *[История...* 2000. С. 115-116].

Вместе с тем, верховная собственность на земли башкир принадлежала русскому государю. В острой борьбе за пастбища на правобережье р. Яика, в Волго-Яицких степях и в предгорьях Южного Урала, правительство старалось не допустить перехода казахов Младшего жуза на башкирские земли в верхнем и среднем течении Яика. В результате набеги соседей на новые территории с целью расширения участились. В 1717 г., по данным А.И. Левшина, казахи Младшего жуза дошли даже до закамской крепости Новошешминск, «взяли оный, разорили» и «увлекли с собою много пленных» *[Левшин,* 1832. С. 166], Башкиры же, в свою очередь, вторглись в кочевья Младшего жуза угнали несколько тысяч лошадей *[Там же.* С. 167]. О характере казахо-башкиро-калмыцких отношений можно найти сведения и в донесениях статского советника И. Кирилова. Он, в частности, сообщал властям о том, что «непрестанно российским, казанским, яикским, Уфимскими Сибирским граничным жителям нападения чинили и ежегодно как скот пленников угоняли...» *[Законы...* 1999. № 75. С. 98].

В первой трети XVIII в. усиливается натиск казахов Младшего жуза по всему течении р. Яик. Это было связано с широким наступлением джунгарских войск на казахские земли в 1723 г. Этот год у казахов был назван годом «великого бедствия». Застигнутые врасплох, казахи отступили, бросая скот и имущество. Казахи Среднего жуза устремились на север от Сырдарьи на рр. Тургай, Ишим, Тобол и Уй, оттеснив кочевья башкир. Казахи Младшего жуза передвинулись на запад в долину

р. Эмбы. Тридцать тысяч казахов Младшего жуза перешли Эмбу и приблизились к Яику, к южным пределам Башкортостана *[Кузеев*, 1994. С. 70].

Зимой 1725 г. в Астраханскую губернскую канцелярию поступили сведения калмыцких тайшей о продвижении казахов к Эмбе, Илеку, Яику [*История*... 2000. С. 117]. В результате этих миграций была нарушена исторически сложившаяся система землепользования и смещены традиционные границы и маршруты кочевания не только казахских родов и племен Младшего и Среднего жузов, но и башкир и калмыков.

Территориальная близость родственных по культуре и языку народов вблизи границ создавала российскому правительству определенную угрозу. Между тем имелись российские государственные интересы в этом регионе: расширение торговли с Казахстаном и странами Средней Азии.

Присутствие калмыков на луговой стороне р. Волги больше отвечало интересам России. Здесь они являлись серьезным противовесом тюркоязычным башкирам, казахам и каракалпакам. Так, в 1715 г. калмыцкий хан Аюка писал русскому царю, что «башкирцы, крымцы, кубанцы и каракалпаки ему неприятели, и без помощи русских войск нельзя ему кочевать между Волгой и Яиком». После этого при Аюке постоянно должен был находиться стольник Дмитрий Бахметев с отрядом, состоящим из 300 регулярных и 300 иррегулярных служилых людей. Бахметев должен был, с одной стороны, охранять калмыков, с другой - следить, чтобы они не вступили в сговор с другими народами, в частности с кабардинцами *[Буканова*, 19976. С. 37].

Серьезные опасения у российского правительства вызывали, как было сказано выше, и казахи. Н. Попов писал, что казахи Младшего и Среднего жузов в начале XVIII в. захватили немало земель и рек, которые башкиры когда-то называли своими *[Попов*, 1861. С. 170 - 171]. Несмотря на это, существовала опасность сближения казахов и башкир. Башкиры, особенно зауральские, имели тесные контакты с казахами Младшего и Среднего жузов, что было обусловлено близостью их культуры, языка и, в некотором смысле общностью судьбы в составе Дешт-и-Кыпсак. Башкиры, казахи и каракалпаки нередко объединялись в борьбе против калмыков и совершали иногда совместные набеги на пограничные крепости. Так, по некоторым данным, в 1717 г. их объединенное 10-тысячное войско дошло до закамского городка Новошешминска. Традиционные связи башкир с казахами были использованы потом российской дипломатией при присоединении Казахстана к России, но в первой четверти XVIII в. для окончательного покорения народов, находившихся в низовьях Волги и Яика, включая и яицких казаков, у России сил было еще недостаточно.

В первой трети XVIII в. в юго-восточной части Башкортостана в связи с натиском калмыков и казахов резко обострился земельный вопрос, принявший форму военных столкновений. Башкиры и волжские калмыки как подданные Российской империи, неоднократно обращались к правящей власти с просьбой урегулировать земельный вопрос. Однако этот вопрос не был решен; в 20-е гг. XVIII в. кровавые стычки между казахами и башкирами из-за пастбищ продолжались и сопровождались угоном скота и пленников.

Вплоть до 30-х гг. XVIII в. Россия вела себя на юго-восточных рубежах довольно пассивно, ограничиваясь укреплением прежних и строительством новых небольших крепостей, а также некоторым увеличением воинского контингента. Так, в 1726—1727 гг. российское правительство предприняло ряд мер по укреплению юго-восточных рубежей. С целью «удержания калмыцких, и башкирских, и казачьих орд, и каракалпаков, понеже по Волге реке, по луговой стороне, другого города не имеется» на р. Самаре было решено построить легкую крепость, а также обезопасить «от набега и нападения каракалпаков» Яицкую крепость - «прежний острог починить и палисадником укрепить» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 456. Л. 300-302]. Для удобства сообщения между отдаленными друг от друга крепостями и для защиты от возможных набегов неприятелей по дороге от Самары до Яицкой крепости было сделано 11 застав, которые имели следующие названия: Осиновое, Дубовое, Поветное, Среднее, Перелаз, Каралыцкое, Иргизское, Соляное, Чаганское, Красный колок, Чеваская осада *[Буканова*, 19976. С. 83].

В 1727 г. было решено поселить драгунские и пехотные полки близ российских границ, в том числе 10 полков в городах Поволжья: Пензе, Саратове, Самаре и Царицыне, а также 300 яицких казаков в новом, строившемся тогда на устье р. Сакмары городке. По мнению Н. Попова «это было первое звено в той цепи крепостей, слобод и станиц, которые должны были впоследствии отрезать Башкортостан от Азии, чрез что разом достигались две цели: владычество над башкирцами и возможность отражать набеги киргиз-кайсаков» *[Попов*, 1861. С. 175].

Однако в это время, судя по действиям московского правительства, четко выработанной стратегии и тактики российской внешней политики в этом регионе еще не было. В первой трети XVIII в. столица с одинаковым недоверием относилась как к каза-

хам и каракалпакам, так и к своим подданным: башкирам, калмыкам, яицким казакам и приграничным татарам. Наряду с защитой внешних границ предпринимались меры по усилению контроля за пограничным населением. В 1728 г. было предписано сделать укрепления, палисады и маяки в Уфимской и Соликамской провинциях, а также укрепить города и остроги «для защиты от башкирцев, калмыков и татар, но без издержек казны, пока оберутся об этом справки и сведения, как лучше сохранить те места» *[Иванин,* 1851. С. 64].

В свою очередь казахи Младшего жуза стремились закрепиться в бассейнах рр. Яик, Илек, Тобол, добиться урегулирования отношений с пограничным населением. Так, в 1729 г. хан Младшего казахского жуза Абулхаир отправил в Тобольск посольство из 4 человек для урегулирования башкирско-казахского конфликта [*Рычков,* 1896. С. 6].

Башкиры сыграли решающую роль в установлении дипломатических отношений России с казахами. В мае 1730 г. в кочевья Младшего жуза с дипломатической миссией прибыл башкирский старшина бурзянского рода Ногайской дороги Алдар Исянгильдин для разрешения спорных вопросов. Итогом этой поездки стало решение Абулхаира отправить специальных послов в Уфу, «чтобы быть с Россией в миру». Казахских послов Сейткула Кайдагулова и Кутлумбета Коштаева сопровождали и представители башкирского народа, в частности известные башкирские старшины Алдар Исянгильдин и Таймас Шаимов.

В сентябре 1731 г. управление всеми пограничными крепостями Российского государства было возложено на известного государственного деятеля первой половины XVIII в., фельдцейхместера, а впоследствии — генерал-фельдмаршала Христофора Миниха. Его полномочия были дополнительно подтверждены указом от 14 февраля 1732 г. Уже в 1731 г. Миних отдает распоряжение о починке крепостей в пределах всей империи и постройке новых *[Буканова,* 19976. С. 86]. В декабре 1732 г. им был издан указ, непосредственно касающийся рассматриваемой нами территории. «От нападения калмык, киргис-кайсаков и каракалпаков как в яицком казачьем полку, так и на Черемшанских форпостах и в Казанской губернии иметь крепкую предосторожность и чинить отпор и наступление по силе воинских регул... не допуская российских подданных до разорения, — говорилось в нем. - И чтоб оные неприятели чрез Волгу не перелезли и на уездных жителей не ударили, расставить между Самарою, и Сызраном, и Саратовым, и в Малыковке, и в Терсе, и в других селах и деревнях пристойное число драгун и солдат из стоящих близ тех мест полков» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 456. Л. 363-367].

Таким образом, в течение 1731-1732 гг. определяются основные цели и задачи внешней политики России на юго-востоке: борьба с набегами казахов, каракалпаков и калмыков. Важное значение в системе мер по защите юго-восточных рубежей придавалось строительству Новой Закамской линии.

Пограничное положение башкирского народа в составе России в XVI-XVIII вв. оказывало непосредственное влияние на их социально-экономическое и политическое развитие. Им постоянно приходилось вести борьбу не только в интересах Российского государства по охране юго-восточных границ, но и защищать собственные владения от вторжения соседей: ногаев, калмыков, казахов. Наряду с башкирскими восстаниями, одной из ярких страниц истории башкирского народа является их военная история: служба на пограничных укрепленных линиях, участие в войнах России.

Объективные обстоятельства — пограничное положение Башкортостана, необходимость защиты башкирских вотчин от внешних врагов, а это являлось в условиях сохранения вотчинного права и самостоятельности башкир в имущественных делах их непосредственной обязанностью, — побуждало башкир быть в постоянной военной готовности. Впрочем, такую же судьбу в те времена разделяло все пограничное население России, независимо от этнической принадлежности.

ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ТЕРРИТОРИЯ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО И НАСЕЛЕНИЕ

Башкирские земли после вхождения в состав Русского государства стали называться Башкирдой, Башкирией. В «Духовном завещании» царя Ивана Грозного, данном сыну Ивану и составленном в 1572 г., говорится: «Даю ему город Москву с волостями и станы... Да ему же Великое княжество, город Володимир с волостью и селы... Великое княжество Новгородское со всеми пятью Пятинами... Царство Казанское... и с Башкирдою, и с Вотяки... Царство Астраханское...» [*Карамзин*, Т. IX. Кн. 3. С. 182]. Следовательно, русское правительство в лице царя Ивана IV официально признало страну башкир «Башкирдою», т. е. Башкортостаном.

Для обозначения территории между Волгой и Тоболом, где сформировался и в течение многих веков проживает башкирский этнос, один из крупных исследователей истории народов СССР, академик АН СССР, М.К. Любавский в 30-е гг. XX в. в своих работах употреблял понятие «Исторический Башкортостан». Башкирские историки с 90-х гг. XX в. широко используют данное понятие в своих исследованиях. В указанном смысле оно употребляется и в настоящем труде.

Южная граница Исторического Башкортостана проходила с востока на запад, примерно от верховьев Тобола, устья р. Уй, южнее р. Илек, далее до среднего течения Яика, доходила до Волги в районе Саратова и Самары. На северо-западе она шла до устья р. Сок, далее — по среднему ее течению, к верховьям р. Кондурча, затем по р. Шешма и до р. Кама. Местами башкирские земли заходили за Каму. Известно, что, например, на правом берегу Камы в районе устьев рр. Вятка, Иж и Очер располагались частично территории башкир Булярской, Байлярской, Енейской, Уранской, Гирейской и Тайнинской волостей. Во второй половине XVIII в. на этих землях существовали еще башкирские аулы. На севере башкирские земли примерно доходили до устья Сылвы и среднего течения Чусовой, далее на северо-востоке они шли севернее р. Исеть, — от верховья до ее впадения в Тобол.

Правильность указанных границ подкрепляется архивными материалами. Веским подтверждением вывода о том, что границы башкирских земель проходили южнее р. Яик по бассейну рр. Орь и Илек, является тот общеизвестный факт, что знаменитое Илецкое месторождение соли принадлежало башкирам Ногайской дороги. До принятия указа от 1754 г. о замене ясака покупкой соли из казны башкиры платили ясак за эти месторождения и бесплатно добывали соль [*Там же*. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 549, 552]. Бассейны рр. Узень, Иргиз, Камелик, Каралик составляли общие вотчинные владения Усерганской, Бурзянской, Кыпсакской, Сарыш-Кыпсакской, Кара-Кыпсакской, Суун-Кыпсакской, Тамъянской волостей Ногайской дороги [*Там же*. Ф. 1173. Л. 1358]. Земельные владения башкир Енейской, Байлярской, Булярской, Гирейской, Киргизской волостей Казанской, Тайнинской и Уранской - Осинской дорог находились от устьев рр. Зай, Ик, Белая вплоть до уровня Перми как по восточным, так и западным берегам Камы *[РГАДА*. Ф. 248. Кн. 821. Л. 317, 328-329; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 28; *Материалы...* 1949. Т. III. № 577; *К истории...* 1897. Вып. 3. С. 77—88; *Историческая...* 1867. С. 78]. В челобитных башкир и донесениях представителей царской администрации XVIII в. имеются не менее веские факты в пользу реальности отмеченных выше пределов башкирских земель и громадных их размеров *[РГАДА*. Ф. 248. Кн. 821. Л. 230—237 об.; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 12, 22, 23,

28, 117, 128; *Материалы...* 1949. Т. III. № 546, 548, 549, 568, 574, 576, 577]. В обшей форме эти материалы подтверждаются «Книгой Большому Чертежу», составленной в 1627 г. в Москве в Разрядном приказе: «А устье реки Белые Воложки вверх и по реке по Уфе, по обеим сторонам и до Оральтовы горы и далее, все живут башкирцы» [*Книга...* 1950. С. 139].

Таким образом, во второй половине XVI в. в Башкортостан полностью входили современные территории Республики Башкортостан, Оренбургской и Челябинской областей, частично Пермского края, Свердловской, Курганской, Самарской, Саратовской областей, Республики Татарстан и нескольких районов Казахстана, прилегающих к Саратовской, Оренбургской и Челябинской областям.

В период вхождения в состав Русского государства Башкортостан состоял из 4 частей, называемых дорогами. Термин «дорога» — происходит от монгольского слова «даруга», первоначально обозначавшего «начальник», «наместник». Позднее понятие «даруга» стало обозначать административно-территориальную единицу, которой управляли даруги - наместники. Подобное административно-территориальное деление края официально просуществовало до конца XVIII в.

Дороги (области) по своим размерам не были одинаковыми. Самой большой была Ногайская дорога, затем шли Сибирская, Казанская и Осинская. Последние делились на волости, представлявшие прежние территории родов и племен. В течение описываемого периода количество волостей в дорогах не было неизменным, ибо шел процесс постоянного дробления волостей и образования новых. По материалам первой половины XVIII в., на территории Ногайской дороги насчитывалось около 30, Сибирской 23-25, Казанской 15-17, Осинской 4-5 волостей - всего около 70-75 *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 28, 30, 36; *Материалы...* 1949. Т. III. № 546, 550,574].

Введение в Башкортостане российского административно-территориального устройства произошло в 90-е гг. XVI в. Основная территория европейской части края стала называться Уфимским уездом. Северо-восточный уголок Башкортостана, где жили башкиры двух Верхнеуфимских волостей, входил в состав Верхотурского уезда. Зауральские башкирские волости входили в состав Тобольского уезда. Башкиры северной окраины были подчинены, по-видимому, воеводе г. Чердыни. Центральное управление Башкортостаном до начала XVIII в. осуществлялось Казанским и Сибирским приказами. В 1708 г. в связи с образованием губерний основная территория башкир составила Уфимскую провинцию и была подчинена Казанской губернии. Зауральский Башкортостан входил в состав Сибирской губернии. В 1728 г. Уфимская провинция по многочисленным челобитным башкир, жаловавшихся на произвол и насилия казанских властей, была изъята из-под власти казанского губернатора и передана в непосредственное ведомство Сената. В 1734-1743 гг. Башкортостан находился под властью начальника Оренбургской экспедиции (комиссии), а с 25 марта 1744 г. составил основную территорию Оренбургской губернии *[Полное...* 1830. Т. VIII. № 5316, 5318, 8901; *История...* 2004. Т. I. С. 111-113].

Во второй половине XVI в. население края было однородным в национальном отношении и состояло из башкир — коренных жителей. Правда, в середине XVI в., после переселения основной части ногайцев на запад, за Волгу, и юг, к Каспийскому и Аральскому морям, часть их осталась в Башкортостане, но они постепенно растворились среди башкирского этноса.

Состояние источников не позволяет определить численность башкир в XVI—XVII вв., хотя некоторые авторы называют конкретные цифры. Историк XVIII в. П.И. Рычков пишет, что «...о числе их, башкирцев, подлинного известия нет, показано их по одному разведыванию, а не по переписи», и считает, что в середине их было 106 тыс. чел. об. п. Советский автор 20-х гг. XX в. С. Мирасов определяет количество коренных жителей в XVI в. в 3 млн, в 1775 г. - в 2,8 млн чел. В «Очерках по истории Башкирской АССР» говорится, что в XVII в. башкир было 50 тыс. чел. об. п. *[Рычков,* 1999. С. 55; *Мирасов,* 1925. С. 62; *Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 87].

Однако эти разнообразные цифры, к сожалению, не обоснованы должным образом. Реальные материалы, которые могут быть основой для выяснения численности коренных жителей края, относятся к 20-м гг. XVIII в. В 1725 г. начальник Главного правления Казанских и Сибирских казенных заводов В.И. Геннин отправил кунгурского бургомистра Юхнева в Башкортостан для сбора материалов о численности башкир. Последний в течение почти двух лет под видом купца объездил весь край и скрытно собирал сведения о башкирах. По его подсчетам, в крае было 60 башкирских волостей, в них насчитывалось 28 655 дворов, в среднем по 480 дворов на волость *[Материалы...* 1949. Т. III. № 546].

Эти сведения Юхнева относительно количества волостей и дворов не являются полными. Ему не удалось побывать в 14—15 волостях, в том числе в 7 волостях Ногайской дороги, 3 - Сибирской, 2 —

Казанской, 2 — Осинской, притом весьма крупных. Например, он пишет в своем отчете, что в числе других его не пустили в Минскую и Кыпсакскую волости. Но фактически Минская волость состояла из 12 тюб, которые занимали всю обширную территорию бассейнов рр. Дема, Уршак, Чермасан, а также район среднего течения Белой вокруг г. Уфы. Некоторые из этих тюб по существу являлись волостями. Кыпсакская волость представляла собой территорию 6 тюб, 5 из которых были также волостями.

Правда, Юхнев за счет неучтенных волостей, в том числе Минской и Кыпсакской, добавил к общему числу еще 4 900 дворов с 14 700 душами м. п. *[Там же]*. Однако эту цифру нельзя считать адекватной общему количеству неучтенного населения. Р.Г. Кузеев в книге «Происхождение башкирского народа» пишет, что в XVIII в. численность минцев составляла около 15 тыс. чел. *[Кузеев*, 1974. С. 301]. Если одних минцев было 15 тыс., то население всех пропущенных волостей было гораздо больше, чем количество жителей, добавленных Юхневым.

Из сказанного вытекает важный вывод о том, что материалы Юхнева о числе дворов и душ м. п. не отражают реальную картину о количестве башкир. Они существенно занижены.

Что касается пропущенных 7 волостей Сибирской, Казанской и Осинской дорог, то необходимо прибавить к общему числу башкирских дворов еще 3 360, беря в среднем по 480 дворов на волость в соответствии с цифрами Юхнева. Тогда получается, что в 20-е гг. XVIII в. в крае имелось около 32 тыс. башкирских дворов.

Эта цифра перекликается в какой-то мере с материалами переводчика Уфимской провинциальной канцелярии в 30-40-е гг. XVIII в. Кильмухамета Уракова. В своем «Представлении...» к императрице Елизавете Петровне от 1746 г. он пишет, что в Башкирии было не менее 40 тыс. дворов нерусского населения, в т. ч. 32—33 тыс. дворов башкир, 7 тыс. тептярей, бобылей, мишарей и служилых татар *[Материалы...* 1949. Т. III. № 577].

Юхнев пишет, что в каждом башкирском дворе имелось по 3 мужчины, «которые могут воевать» [*Там же*. № 546]. Не должно вызывать недоверие это суждение бургомистра, который объездил весь Башкортостан и изучал количество жителей. Оно вполне согласуется и с материалами другого очевидца — П.И. Рычкова, чиновника Оренбургской экспедиции и губернской канцелярии в 1730-70-х гг., ставшего известным историком Башкирского края. Характеризуя состав башкирского двора, он писал, что «...в каждом дворе их живет обыкновенно по нескольку семей» *[Рычков*, 1999. С. 54]. В этнографической литературе также указывается, что у башкир даже в XIX в. имели широкое распространение так называемые неразделенные семьи, состоящие из трех поколений: родителей, женатых сыновей и их детей *[Кузеев*, 19686. С. 343].

Итак, каждый башкирский двор имел 3 воинов-мужчин. Надо на двор прибавить еще 3 человек за счет детей и стариков, итого в каждом дворе в среднем получится 6 чел. м. п. А всего с учетом женского пола, которые составляли 50 % населения двора в среднем в одном дворе проживали по 12 чел. об. п. Умножив численность жителей двора на общее количество дворов (32—33 тыс.), можно получить общую численность башкир обоего пола в 20-30-е гг. XVIII в. в Башкортостане — 380—390 тыс. чел.

Появление русского населения в Башкортостане связано с основанием г. Уфы. В середине 90-х гг. XVI в. в нем насчитывалось всего около 200 чел. м.п. *[Текст...* 1971. С. 261-268]. Численность женщин неизвестна, однако их было гораздо меньше, чем мужчин, ибо в 90-е гг. значительную часть гарнизона составляли стрельцы - так называемые годовальщики, которых направляли на временную службу в Уфу на определенный срок (год) из Среднего Поволжья. Вряд ли они на эту срочную службу приезжали с женами.

Несколько увеличилось русское население во второй половине XVII - начале XVIII в. по мере появления в европейской и зауральской частях края крепостей, острогов, слобод и возникновения вокруг них сел и деревень за счет беглых крестьян. Но и в это время численность русского населения была невелика, ибо русские крепости и села пока представляли собой островки в сплошном массиве башкирских волостей и аулов от среднего течения и верховьев Тобола до Волги и Камы. В 20-е гг. XVIII в. в крае насчитывалось всего около 35 тыс. чел. русского населения *[Тарасов*, 1984. С. 61]. Заметный рост его численности начинается в связи с массовым строительством крепостей и заводов, снятием запрета на переселение крестьян из центральных уездов после организации Оренбургской экспедиции.

Отдельные представители беглого нерусского населения Среднего Поволжья стали переселяться в Башкортостан, по-видимому, в самом конце XVI — начале XVII в. Несколько усилилось их бегство в последней четверти XVII в. По данным I ревизии (1718—1724 гг.), в крае насчитывалось марийцев - 4 668, татар - 3 943, удмуртов - 1 689, чувашей - 704, мордвы - 17 чел., всего 11 021 душ м. п.

ХОЗЯЙСТВО БАШКИР

Природно-климатические условия во многом определяли направление хозяйственного развития Башкортостана. Значительную часть территории занимают Уральские горы, которые тянутся с севера на юг, переходя на западе и востоке в холмистую равнину и степь. Вся территория прорезана густой сетью больших и малых рек, среди которых выделяются Белая (Агидель), Яик, Уфа, Исеть, Миасс, Теча, Ай, Юрюзань, Ик, Дема, Самара, Сакмара. В Зауралье имеются сотни озер. В XVT—XVIII вв. не только горы и холмы, но и значительная часть равнин, особенно долины рек, были покрыты густыми смешанными и отчасти хвойными лесами, изобиловавшими разнообразными зверями и птицами. В лесах на западных и южных склонах Уральских гор и на равнинах Предуралья было много диких пчел. Недра края хранили в себе неисчерпаемые рудные богатства. Природа Башкортостана создавала благоприятные условия для развития скотоводства, бортничества, земледелия, рыболовства, охоты, а также для разработки полезных ископаемых.

В исторических источниках XVII — первой половины XVIII в. сохранился ряд характеристик башкирского хозяйства. В «Книге Большому Чертежу», о хозяйстве башкир сказано следующее: «...а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют, скоту держат много» [*Книга*... 1950. С. 139, 182]. К этим сведениям примыкают данные документов, исходящих от самих башкир. Из челобитных 1662 и 1694 г., поданных от имени всего башкирского народа, видно, что основными занятиями населения были полукочевое скотоводство, бортничество и охота *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. JI. 142; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 13]. Эти материалы дополняются сведениями представителей царской администрации первой половины XVIII в. Упомянутый выше кунгурский бургомистр Юхнев считал, что башкиры Ногайской и Сибирской дорог занимаются скотоводством, бортничеством, охотой, а пашню не имеют. Жители Казанской дороги, по его мнению, являются частично скотоводами, частично земледельцами, а осинские башкиры - в основном земледельцами *[Материалы...* 1949. Т. III. № 546].

Большой интерес представляет по этому вопросу мнение П.И. Рычкова, первого русского историка, географа и экономиста Оренбургского края XVIII в. Он родился в 1712 г. в г. Вологде в семье местного купца, прибыл в Башкортостан в 1734 г. в составе Оренбургской экспедиции в качестве бухгалтера и всю оставшуюся свою жизнь прожил здесь. Рычков постепенно продвигался по службе, занимал должности начальника канцелярии Оренбургской экспедиции (комиссии), был главой Оренбургских соляных дел, стал дворянином, землевладельцем, имел крепостных крестьян, достиг чина статского советника. Умер в 1777 г. будучи начальником Канцелярии гл. правления сибирских и казанских заводов.

По долгу своей службы он объездил весь край, знал жизнь и быт населения, написал оригинальные исторические, географические и экономические труды, которые не потеряли своего значения и в настоящее время. За свою научную деятельность он был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук. В книге «Топография Оренбургская...» он так описывал хозяйственную жизнь коренных жителей: «Башкирский народ к пашне не склонен. А хотя некоторые из них и сеют, но токмо про свою нужду, и то малое число. Пропитание свое имеют они по большей части от содержания лошадей и бортных угодьев... Главная экономия уездных обывателей, особливо ж башкирцов, состоят в конских заводах, в содержании скота и бортевых пчел» *[Рычков*, 1999. С. 50]. Подобная характеристика башкирского хозяйства содержится также в материалах вице-губернатора Оренбургской губернии П.Д. Аксакова: «Хлеб пахать не охотники, а большая часть довольствуетца мясом и крупою, молоком... и пьют ис кобылья и коровья молока квашеный, называемый кумыз» *[Материалы...* 1949. Т. III. № 568].

Основными видами скота у башкир были лошади, коровы, овцы, козы. У жителей Сибирской и Ногайской дорог имелись верблюды. Башкиры свой скот содержали на подножном корме. Сено заготовлялось только для лошадей, используемых зимой для поездок.

Важную роль в хозяйстве башкир продолжало играть бортничество. В подавляющем большинстве описаний башкирских вотчин, содержащихся в челобитных, припускных записях и других материалах этого времени, есть указания на «бортные леса», «бортные угожьи», занятие населения бортничеством. Уплата жителями натурального налога в казну с бортных угодий - лучший показатель большого места этой отрасли в экономике башкир *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 13, 19, 21, 72, 109, 299, 305, 342, 379, 451, 797, 1045, 1234, 1306; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132; *Материалы...* 1949. Т. III. Раздел 1]. Вице-губернатор П.Д. Аксаков писал, что «...нажива их лутчая или промысел во пчелах» *[Материалы...* 1949. Т. III. № 568]. П.И. Рычков также отмечал, что «...борте-

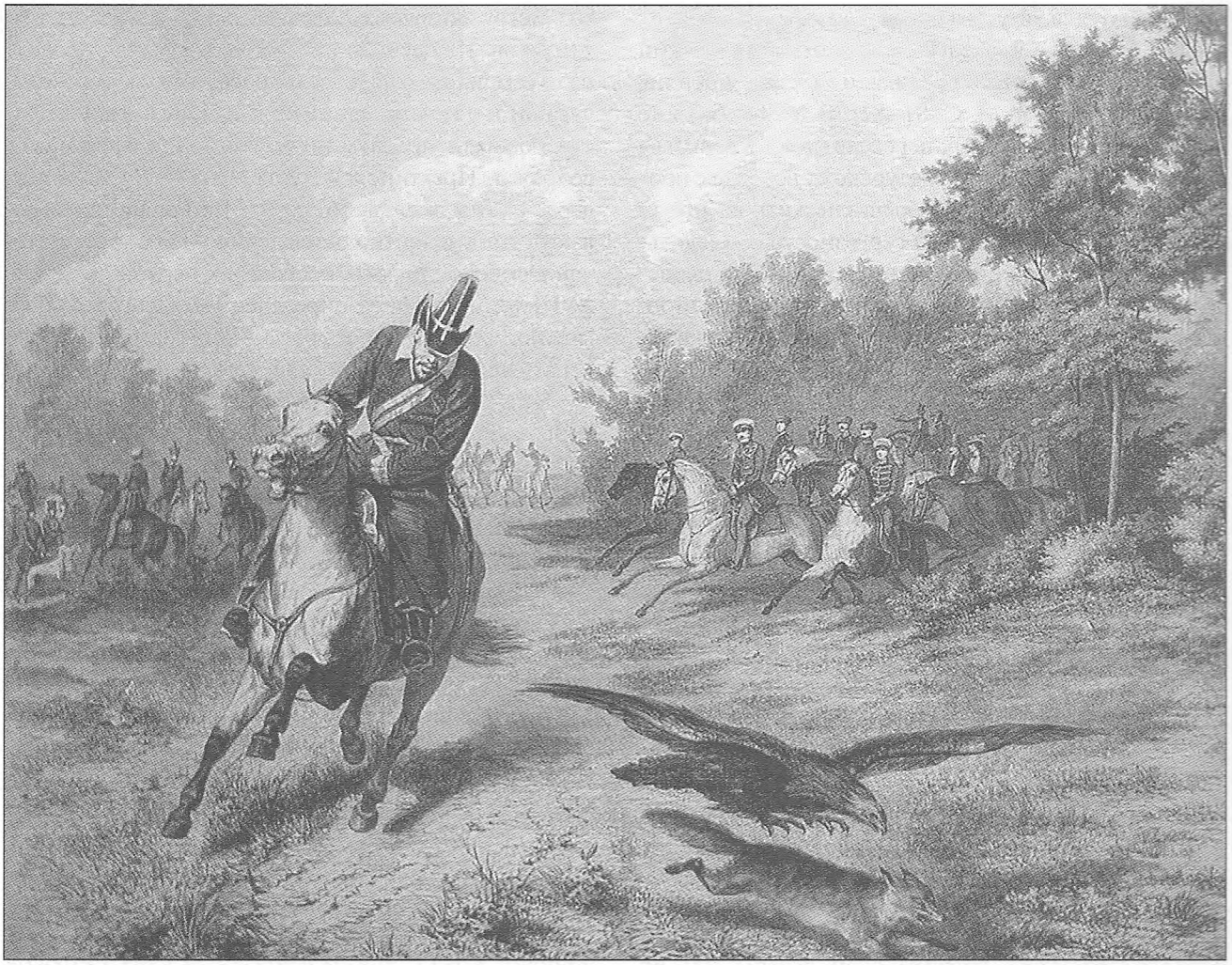

Рис. 12. Башкиры на беркутовой охоте. XIX в. Неизвестный художник

вых пчел премножество в Башкирии... Башкирцы, у которых лесные места, от сих бортевых пчел получают себе великий доход и в размножении оных так искусны, что много таких, из которых у одного по несколько тысяч бортевых деревьев имеется» *[Рычков,* 1762а. Ч. 1. С. 298]. Борти находились в частной собственности. Их покупали, закладывали.

Значительное место в хозяйственной жизни башкир занимала охота. Они охотились на зайцев, лисиц, куниц, норок, лосей, диких коз, рысей, волков, медведей, а также на разнообразную дичь. Охота могла быть индивидуальной и коллективной. Большими группами, насчитывающими свыше 100 чел., башкиры ездили в дальние охотничьи угодья — за рр. Тобол, Иртыш, Ишим на востоке, в низовьях р. Самары, за рр. Иргиз, Большая и Малая Узень на западе *[Никольский,* 1902. *Т. XI. Ч. 1.* С. 284].

Вспомогательное значение у башкир имели рыболовство и собирательство (сбор хмеля, сараны, ягод и т. д.).

Большой интерес представляет выяснение роли и значения земледелия в башкирском обществе в первые века после вхождения в состав Русского государства.

Осинская дорога являлась самой небольшой по территории, занимала часть территории северного Башкортостана. Сведения за XVII в. сохранились по Тайнинской и Уранской волостям. Урман-Гирейская волость примыкала к Уранской волости с юга. Для получения более полной картины по данной дороге можно воспользоваться фактами и по Урман-Гирейской волости.

В начале 40-х гг. XVII в. башкир Тайнинской волости А. Янмурзин, переехав в пределы Кущинской волости Сибирской дороги, продолжал привычное свое занятие - «пашню пашет, сено косит» *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 109]. Жители Тайнинской волости, жаловавшиеся на захват их земель Строгановыми, пишут, что «...исстари их прадеды, деды и отцы владели вотчинными землями по р. Каме и ее

притоку Мулле, с устья до вершины», «на той их вотчинной земле прадеды, деды и отцы их юртами поселились и пашни распахали и сена косили» *[Труды...* 1896. Вып. 3. С. 81-82]. В 1690 г. башкир этой волости Б. Шугарев, переселившись в верховья р. Сылвы, обратился к верхотурскому воеводе с просьбой о том, чтобы ему разрешили жить на новом месте и «пахать» пашню. О серьезности земледельческих занятий башкир Тайнинской волости свидетельствует продажа ими в 70 - начале 80-х гг. этого века хлеба в Соликамске. Правда, среди продаваемых продуктов хлеб занимает не первое место. Башкиры везли туда для продажи «хмель, воск, хлеб и всякую животину» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 5, 10].

Однако в исторических документах имеются сведения и другого характера. В земельных спорах жителей Уранской и Урман-Гирейской волостей, имевших место в 1653 и 1690 г., перечисляются бобровые гоны, бортные леса, рыбные ловли, а пашни - нет *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 443, 1049]. Возможно, земледелием занимались не все жители и Тайнинской волости. Это видно из сберегательной памяти, данной в Уфе в 1672 г. на имя башкир этой волости Тереберде Алееву с товарищами, живших на р. Тулве, на «...вотчинные земли и речки и всякие угодья, и звериные и рыбные ловли и бобровые гоны» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 4].

Итак, жители Осинской дороги занимались земледелием уже в первой половине XVII в., во второй половине века были случаи продажи хлеба. Но удельный вес земледелия по волостям был неодинаковым. Наряду с волостями более или менее развитого земледелия существовали и места, где оно было мало заметно.

По припускным, поступным и другим документам первой половины XVIII в. земледелие прослеживается в Тайнинской и Уранской волостях. У башкир Ирехтинской волости, живших по р. Ик, пашня среди угодий не называется *[Там же.* № 74, 184, 346,411,540, 543].

О состоянии земледелия башкир Осинской дороги этого времени говорят и некоторые очевидцы. Кунгурский бургомистр Юхнев писал о земледелии башкир-осинцев следующее: «При этой дороге живут башкирцы и все в домах... Хлеба имеют много и пашни и летом не кочуют в степи, но по домам живут, как руские» *[Там же.* № 546]. В донесении уфимского воеводы Мерзлюкина от 1736 г. при общем описании хозяйства этой дороги сказано, что «там хлеба сеют премножество и родится довольное число» *[Там оке.* № 553]. Правда, эта характеристика воеводы прежде всего относится к хозяйству живущих здесь мишарей, марийцев и удмуртов. Не случайно в 1742 г., когда власти закупали семена ячменя, овса и проса, татары, марийцы, чуваши и удмурты одной только Ельдякской волости обещали продать 147 четвертей, а башкиры 2 волостей (Ирехтинской и Уранской) — лишь 95 четвертей *[Там же.* № 562]. Эти материалы показывают, что в развитии земледелия у коренных жителей Осинской дороги, особенно к первой половине XVIII в., произошел определенный прогресс. Возможно, земледелие к указанному времени стало играть не меньшее значение, чем скотоводство.

Что касается башкир Казанской дороги, то в первой половине XVII в., по документам, пашня у них прослеживается лишь в отдельных волостях *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 17, 299, 346, 326, 72, 137; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 47-49, 51-55, 67]. Положение несколько меняется во второй половине века: наличие земледелия во многих волостях зафиксировано источниками. Документы о состоянии хозяйства Енейской волости относятся к 60, 70 и 90-м гг. XVII в. Земледелие здесь прослеживается по материалам 70 и 90-х гг. Например, в 1675 г. две группы башкир данной волости вели спор за 30 полос пашни, при этом одна сторона заявляла, что они многие годы пахали спорную землю *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 41-43, 44-51; Ф. 1173. Д. 110]. Сведения по Байлярской волости характеризуют положение в 60, 80 и 90-е гг. Они свидетельствуют о существовании земледелия здесь только в 90-е гг. XVII в. *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 3-10, 114-116; Ф. 1173. Д. 56, 496, 1333]. Вотчины Гирейской волости описаны в 50 и 90-е гг. XVII в., в 90-е гг. была пашня. Здесь существовали мельница-мутовка и мельница-колесчатая, причем последнюю построил башкир той же волости *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 67, 68; Ф. 1173. Д. 79, 1049, 1324]. Из материалов Еланской и Каршинской волостей за 80 и 90-е гг. проясняется также существование в них земледелия. В Еланской волости в 80-е гг. был хлебный недород. Каршинские башкиры припустили в свою вотчину чуваша, который должен был построить мельницу *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 954, 794, 1242; *Чтения...* 1901. Кн. 1. С. 6]. В Ельдякской волости пашня прослеживается с 70-х гг., в Киргизской - с 80-х гг. XVII в. *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 896, 643].

Есть материалы, позволяющие проследить в какой-то мере саму динамику развития земледелия. Так, жители Ельдякской волости в 90-х гг. XVII в. писали в одной из своих челобитных, что их прадеды, и деды, и отцы «кормились рыбою и без пашен» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 18]. А у них самих, как

Рис. 13. Соколиная охота. Б. Де ла Траверс. Конец XVIII в.

уже сказано, есть пашня. Житель Каршинской волости Сеит Суюндуков в 80-е гг. XVII в. говорил, что они «...беспахотные степные люди, зимой кормятся рыбою, а в летнюю пору - от скота», а в челобитной его сына Исмагила Сеитова при перечислении угодий фигурирует пашня *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 1242].

Как видно из приведенных выше фактов, во второй половине XVII в. земледелие на Казанской дороге сделало определенные сдвиги. Это бесспорно. Однако и во второй половине века в пределах дороги существовали волости, где, судя по сохранившимся материалам, не было пашни. Таково было положение в Булярской волости, по сведениям 70 и 90-х гг., в Шемшадинской - 60 и 90-х гг. *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 93-94; *Материалы...* 1949. Т. III. № 3].

По материалам первой половины XVIII в. видно, что на территории этой дороги идет дальнейшее расширение земледелия. Если исходить из сведения «Материалов...» (Ч. 1 и Т. III), то по всем волостям этой дороги, по которым есть какие-то документы, прослеживается пашня. Исключение составляет лишь Булярская волость *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 25, 127; *Материалы...* 1949. Т. III. № 390]. Правда, надо отметить, что иногда в одной и той же волости по одним документам пашня существовала, а по другим нет. По Каршинской, Ельдякской и Еланской волостям по всем записям налицо земледелие *[Материалы...* 1949. Т. III. № 14, 78, 93, 100, 119, 135, 137, 154, 171, 179, 180, 189, 195, 235, 309, 317, 318, 343, 377, 413, 415]. Кроме того, в этих волостях зафиксированы мельницы. В Каршинской волости их числится 6, собирались построить еще 4, в т. ч. 2 должны были построить припущенные татары, 2 - сами башкиры. Жители Еланской волости припустили двух татар с условием строительства мельницы *[Там же].* В Дуванской волости по 17 записям прослеживается пашня, по 5 — нет; по Енейской - соответственно 5 и 8, Тышкы-Еланской - 2 и 4, Шемшадинской — 3 и 2, Кандинской — 2 и 2, Кыр-Канлинской — 2 и 3, Гирейской — 2 и 3, Киргизской - 1 и 1 *[Там же.* № 132, 142, 149, 216, 217, 220, 242-245, 252, 304 и др.].

О наличии земледелия в разных волостях свидетельствует и Юхнев. О хозяйстве башкир Казанской дороги он пишет: «Пахотной земли и сенных поко-

сов довольно имеют. Они сеют рожь и всякой хлеб без навозу, и та дорога кормит Уфу. Они имеют дворы хорошие, токмо половина из них летом кочует в степи, едят хлеб и лошадиное мясо, скота у них довольно... меду и воску много» *[Там же.* № 546].

Таким образом, в первой половине XVIII в. налицо заметный прогресс в развитии земледелия у коренных жителей Казанской дороги. Правда, для большинства башкир оно, по-видимому, еще не было основной отраслью хозяйства.

Наличие пашни в Таныпской волости прослеживается по документам за 40, 80 и 90-е гг. XVII в. *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 5, 327, 362, 1033, 1199, 1234], по материалам 40-х гг. пашня зафиксирована у жителей Кубовской, 80-х гг. - Салжиутской волостей *[РГАДА*- Ф. 1173. Д. 336; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 75]. В то же время при характеристике земельных угодий в Кущинской (в 1619 и 1680-х гг.), в двух Верхнеуфимских (30-е гг.), Балыкчинской (в 1670-е гг.), Катайской (в 1680—90-е гг.), Кара-Табынской, Сынрянской, Сызгинской, Кара-Тавлинской, Мякотинской (в 90-е гг. XVII в.) волостях пашня не называется *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 50, 67, 969, 973, 1045,1082,1237; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 1, 2, 7, 9, 11, 25; *Архив РАН.* Ф. 21. On. 1. Д. 13. № 45. Л. 125]. Таким образом, хотя земледелие на этой дороге существовало еще в первой половине XVII в., оно заметно лишь в отдельных волостях вблизи Уфы или территориях, примыкавших к Осинской дороге. Во многих волостях, если оно и существовало, то занимало слишком незаметную роль. Поэтому при характеристике угодий жители не считали нужным упомянуть о нем. Не случайно в общей челобитной башкир Сибирской дороги в Приказ Казанского дворца от 1695 г., где содержится жалоба на земельный захват сибирских служилых людей, говорится лишь об изъятии их бортных и ясашных угодий, рыбных ловель и бобровых гонов *[Там же.* Л. 3-93 об.].

В первой трети XVIII в. картина несколько меняется. Земледелие отчетливо прослеживается в Айлинской, Ельдякской, Кыр-Унларской, Кудейской, Кыр-Кудейской, Кущинской, Кайпанской, Катайской, Салжиутской, Терсятской и Сынрянской волостях *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 122; *Мате-риалы...* 1949. Т. III. № 36, 73, 87, 92, 104, 185, 211, 215, 218, 228, 260, 310, 398, 438]. Обращает на себя внимание, что в ряде волостей земледелием занимались довольно серьезно, хлеб перечисляется среди основных продуктов питания. Накануне возобновления восстания в 1708 г. до властей доходили неоднократные сведения о том, что айские башкиры «всякие к военному случаю хлебные запасы и сыры изготовляли» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1674. Л. 1]. В 1740 г. жители Барын-Табынской волости покупали хлеб у айлинцев *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 178]. В 1711 г. кунгурский крестьянин М.Д. Чернышев построил башкиру д. Кайгазы Сибирской дороги С. Кузееву водяную мельницу. Через 2 года последний нанял мельником кунгурского жителя Г.А. Белкова. В 1713 г. Кузеев взял в работники на 5 лет марийца Н. Мырсакова. Последний обязался выполнять земледельческие работы, в т. ч. ежегодно сеять на хозяина на его переложной земле 5 полос ржаного и 5 полос ярового хлеба *[Мате-риалы...* 1949. Т. III. № 105,128,129]. В 1715 г. башкир Сызгинской волости Иликей Бикбаев занял у уфимского поручика М.Г. Жукова 70 руб. и обязался через год поставить ему «350 четверух ржи сухой доброй в таможенную базарную меру... в своих стругах». В 1717 г. мариец Б. Федоров обязался до расплаты взятых в долг 10 руб. жить у того Иликея Бикбаева и в «...полях ево пашня пахать и хлеб сеять по 8 загонов на год, в т. ч. 4 загона ржи, 2 овса, 2 ячменю ево, Иликевыми, семенами» *[Там же.* № 185, 215]. В 1709 г. в середине июля верные башкиры Катайской, Салжиутской, Терсятской и Сынрянской волостей беспокоились, что «...ныне пора страдная, хлеб жать и сено косить, опасаемся царевича» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 122]. Тем не менее, были отдельные волости, например, Балыкчинская, Кара-Тавлинская, в которых пашни не видно *[Материалы...* 1949. Т. III. № 206, 312, 337]. Поэтому не следует преувеличивать сдвиги, происходившие в развитии земледелия у сибирских башкир. Например, в ряде мест (Балыкчинская и Кара-Тавлинская волости) пашни нет и в первой четверти XVIII в. *[Там же.* № 206, 312, 337]. Вспомогательная роль земледелия для башкир Сибирской дороги в конце 20-х гг. XVIII в. видна из свидетельства Юхнева: «Сенных покосов множество и пашенная земля, на которую они навозу никогда не кладут, однако силен родитца ячмень да крупа, которые в тех местах сеют, а рожь не сеют и хлеба не едят, но только лошадиное мясо, а пьют кумыс, которое питье сделано из лошадиного молока» *[Там же.* № 546].

Сохранившиеся по Ногайской дороге сведения о хозяйстве башкир в XVII в. относятся лишь к волостям, расположенным вблизи г. Уфы и Соловарного городка. В Минской волости наличие пашни зафиксировано по различным документам за 30, 70, 80 и 90-е гг. XVII в. В то же время в некоторых материалах, относящихся к 90-м гг. этого же века, при перечислении земельных угодий данной волости не указывается пашня *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 23, 990, 1306,

1320; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 24, 30-31, 19 об., 57, 113]. По Табынской волости в документах, относящихся к 50, 80, 90-м гг. XVII в., пашня не фигурирует *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 19, 836, 1012, 1047; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 24-25]. Земельные споры между жителями Кыпсакской, Тангаурской, Бурзянской, Тамьянской волостей в 80-90-х гг. XVII в. касаются бортных угодьев, лесов или вообще вотчин; Курпеч-Табынской волости с Успенским монастырем и властями Соловарного городка - рыбных ловель *[Там же.* Ф. 1173. Д. 905, 953, 1039, 1368, 638, 1200, 1351]. Из этого можно заключить о слабой роли земледелия в этих волостях, если оно в них и существовало.

От 70-х гг. XVII в. сохранились некоторые свидетельства очевидцев по исследуемому вопросу. В мае 1675 г. служилый человек Рукавишников, посланный из Уфы известить башкир ряда волостей (в каких волостях побывал, неизвестно - *авт.)* Ногайской дороги о предстоящем походе в Крым, возвратившись, сообщил, что «они, башкирцы от пашни отделываются вновь, а иные де еще пашут, лошади де у них худы» *[Архив СПб ИИ РАН.* Колл. 110. Карт. 5. № 35]. К этому сведению примыкают сообщения уфимских служилых иноземцев Кинишемцева и Гречкина, побывавших «по Ногайской дороге в башкирских волостях с товаренком»: «А той де Ногайской дороге все башкирцы паттт<u>тн</u>ю пашут и хлеб сеют по старым своим зимовья и хоромы строят». Из последнего известия не совсем ясно, в каких волостях они были. Известно только, что они приезжали в Бурзянскую волость *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 71. С. 204]. Если так, то, возможно, они наблюдали жизнь башкир ряда волостей в районе Соловарного городка и южнее.

Итак, материалы XVII в. о состоянии земледелия у ногайских башкир противоречивы и неопределенны. На их основе можно сказать, что жители ряда волостей в первой половине века в той или иной мере занимались земледелием. Это в первую очередь относится к волостям, расположенным вблизи русских поселений. А в некоторых волостях (Тангаурская, Кыпсакская) пашни не было. Если она и существовала, то не играла заметной роли в хозяйстве.

Более определенные сведения имеются по этому вопросу по первой половине XVIII в. Из документов «Материалов по истории Башкирской АССР» (Т. III) видно существование пашни и земледелия у жителей Минской, Суби-Минской, Илкей-Минской, Сарат-Минской, Миркитской, Бишаульской, Табынской, Кумрук-Табынской волостей. Пашня не зафиксирована лишь по Куль-Иль-Минской волости *[Материалы...* 1949. Т. III. № 24, 31, 48, 64, 81, 127, 160 и др.].

Наличие земледелия в центральных и южных волостях этой дороги прослеживается по материалам подавления восстаний 1735-1740 гг. В середине августа 1737 г. майор Останков со своим отрядом направился в район рр. Ик и Сакмара, куда, по его данным, «воры прикочевали хлеб снимать и сено косить» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 150]. Эта территория принадлежала башкирам Кыпсакских или Усерганской волостей. Правда, сведения Останкова носят косвенный характер, ибо не ясно, видел ли он сам башкир, которые хотели убирать хлеб, или передает слухи об этом. Поэтому приходится очень осторожно говорить о том, что жители перечисленных волостей в какой-то мере занимались земледелием.

Некоторые факты по этому вопросу содержатся в донесениях генерала Соймонова от 5 августа и 26 сентября 1740 г. Карательные отряды, действовавшие в бассейнах Белой (примерно от Табынска до ее вершины), Сакмары, Малого и Большого Инзера, Авзяна, Большого и Малого Кизила, верховьях Яика, Ая и Юрюзани, где расположены Юрматынская, Дуван-Табынская, Тамьянская, Гирей-Кыпсакская, Карагай-Кыпсакская, Бурзянская, Тангаурская, Кубелякская, Телевская волости Ногайской, Тюбелякская, Куваканская, Кара-Табынская волости Сибирской дорог с июля по сентябрь 1740 г. сожгли 537 аулов с 3 899 дворами и 3 207 клетями, потоптали и сожгли 1 394 загонов всякого хлеба *[Там же.* № 191, 194]. На один двор приходится 0,36 загона или 0,18 дес. уничтоженного посева. При всей условности этих цифр ясно, что земледелие в этих местах существовало. Правда, жители сеяли очень мало. По 797 загонам указаны виды сожженного хлеба, в т. ч. ячмень составляет 66%, ярица - 23%, полба - 5%, овес - 4%, пшеница - 0,9% *[Там же].*

К этим фактам примыкает и наблюдение Юхнева: «При оной дороге не пашут, хотя и довольно пахотной земли есть... Едят лошадиное мясо и пьют из молока сделанное питье» *[Материалы...* 1949. Т. III. № 546].

Таким образом, материалы о состоянии земледелия у башкир Ногайской дороги показывают, что, если в XVII в. оно зафиксировано лишь в волостях вблизи Уфы, то в первой половине XVIII в. наблюдается его некоторое территориальное расширение: пашня существует у башкир ряда южных волостей. Но незначительный размер посевов и состав посеянного хлеба (яровые культуры) говорят о медленном процессе развития земледелия у башкир этой дороги.

Изучение материалов о состоянии земледелия в башкирском обществе во второй половине XVI — первой трети XVIII в. позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на некоторые сдвиги в этом отношении, земледелие расширялось медленно, что объясняется рядом важных обстоятельств.

Прежде всего имеющиеся земельные владения башкир позволяли им вести полукочевое скотоводство и другие традиционные отрасли. Не менее весомым было то, башкирское скотоводство, по-видимому, представляло собой более производительную отрасль по сравнению, в частности, с земледелием. Это подтверждается следующим высказыванием П.И; Рычкова относительно быстрого восстановления скотоводческого хозяйства башкир после восстаний 30-х гг. XVIII в.: «...во время бывших башкирских замешаний сей народ приведен уже до великого оскудения в лошадях, но по успокоению онаго в короткое время так они снова у них расплодились, что ныне из них многие имеют сот по 5 лошадей и больше, и все вообще стали быть оными опять достаточны» [*Рычков,* 17676. Т. VII. С. 168]. Наконец, традиционные отрасли хозяйства — полукочевое скотоводство, бортничество и охота, удовлетворяли основные потребности башкирского населения. П.И. Рычков резонно подчеркивал в этой связи, что башкиры, имея много скота, не испытывали острой потребности в массовом переходе к земледелию, «...ибо питаются они по большей части мясом, молоком, курутом или сыром. Малого числа круп для их варенья становится им на долгое время» *[Рычков,* 1767а. Т. VII. С. 8].

О ремесле и торговле башкир XVII - первой половины XVIII в. сохранились лишь отрывочные сведения. В условиях господства натурального хозяйства каждая семья сама себя обеспечивала необходимыми орудиями производства, предметами быта, одежды и обуви. Основным сырьем для производства изделий служило дерево, кожа, шерсть, крапива, конопля. Особенно развитой у башкир была обработка кожи и шерсти, из которых они изготовляли разнообразную одежду, обувь и головные уборы, кожаную посуду различного назначения, валяли войлоки и войлочные покрывала для юрт, делали колчаны для стрел, упряжь и сбрую. Конские волосы и жилы использовались для изготовления прочных веревок и ниток. Башкиры ткали толстое узкое сукно из шерсти, а холст - из крапивы и пеньки. Не менее широко они использовали в качестве сырья дерево, изготавливая посуду и другую бытовую утварь, ручные мельницы, ступы, оружие (лук, стрелы, сукмары, деревянную часть копья), различные приспособления для охоты, борти и жилища (основы юрт и срубные дома и клети в постоянных деревнях) и т. д. По мере усиления роли земледелия, помимо небольших мельниц-мутовок, начинается строительство мельниц с большими водяными колесами. В первое время эти мельницы строили русские, татары и другие пришлые крестьяне, а в первой половине XVIII в. их строили и сами башкиры.

Башкиры издавна были знакомы с металлом. Об этом свидетельствуют как археологические, так и этнографические материалы. Но на развитие у них кузнечного дела как основы ремесленного производства отрицательное влияние оказала запретительная политика царизма. Опасаясь вооруженных выступлений, правительство в конце XVI в. запрещало ясачному населению страны, в том числе башкирам, иметь кузницы, а также продавать им панцири, шлемы и сабли. Железные изделия, необходимые в быту, продавались в готовом виде под контролем местных воевод *[Устюгов,* 1947. Т. XXIV, С. 33]. Эти запреты подтверждались в 1675 и 1702 г. 11 февраля 1736 г. бьш принят специальный указ «О запрещении иметь в Уфимском уезде и в башкирских селениях кузницы» *[Акты...* 1842. Т. IV. № 252; *Полное...* 1830. Т. IX. № 6 887].

Тем не менее, башкиры скрытно от властей продолжали заниматься выплавкой железных руд и изготовлением из них изделий. У них были кузницы. Об этом свидетельствует тот факт, что их стрелы и копья были снабжены железными наконечниками.

Имеются конкретные сведения о выплавке железа в первой половине XVIII в. башкирами Ногайской, Казанской и Сибирской дорог, изготовлении ими изделий из железа. Не случайно казна и частные заводчики широко прибегали к помощи коренных жителей в поиске рудных месторождений. Башкиры Ногайской и Сибирской дорог указали на железную руду на г. Атач (позднее знаменитая Магнитная гора), а также рудники, ставшие затем базой Ревдинского и ряда других заводов Демидовых *[Демидова,* 1958. С. 32—33; *Асфандияров,* 1988. С. 19—24]. Коренные жители занимались также поисками и обработкой цветных металлов, особенно разведкой и добычей медной руды. На месте рудников, обнаруженных башкиром Салжиутской волости Сибирской дороги К. Кинзягуловым, был основан казной Полевский медный завод. Наибольшую известность как медные рудопромышленники еще в первой половине XVIII в. получили жители Тайнинской волости Осинской дороги. Они обеспечивали медной рудой Егошихинский, Мотовилихинский, Верхний и Нижний

Юговские казенные заводы. Башкиры умели находить и обрабатывать серебро и золото *[Там же]*. Не случайно их познания в рудном деле подчеркивали П.И. Рычков и участники Академических экспедиций 60-х гг. XVIII в. Первый писал о том, что башкиры поисками руд «ныне весьма много промышляют». И.И. Лепехин отмечал, что башкиры «...имеют также немалую склонность в приискивании руд... Можно по справедливости о них сказать, что медные и железные заводы Урала, так и выгодные к тому места по большей части башкирцам долженствуют» *[Лепехин*, 1802. С. 40].

У башкир существовала и торговля. Они торговали: медом, воском, скотом, пушниной. Внутрибашкирская торговля постепенно возрастала. Не случайно в конце XVII в. в волости стали посылаться так называемые кочующие целовальники *[РГАДА*. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 15-16, 86-87; *СПбФАРАН*. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 160-161; *Рычков*, Ч. 1. С. 330; *Материалы*... 1900. Т. I. С. 104; *Материалы*... 1936. Ч. 1. № 5, 14, 22]. Более развитой была торговля башкир с крестьянами-переселенцами и населением соседних уездов. С товарами к ним приезжали купцы из Уфы, Тюмени, Соликамска, Казани и других городов еще в первой половине XVII в. Известны также материалы о поездке самих башкир с товарами для продажи в перечисленные выше города *[Материалы*... 1936. Ч. 1. № 2, 22, 5, 34, 71, 107]. Существовали торговые связи башкир с казахами, каракалпаками, с населением среднеазиатских ханств *[Там же*. № 21, 64, 99, 156; *Рычков*, 1896. С. 80-90].

Таким образом, во второй половине XVI - первой трети XVIII в. коренное население края вело многоотраслевое хозяйство, в котором преобладающее значение имели традиционные занятия - полукочевое скотоводство, бортничество и охота. Земледелие существовало у башкир повсеместно, но для большинства жителей Ногайской, Сибирской и Казанской дорог оно играло незначительную роль. Башкиры Осинской дороги земледелием занимались несколько больше, и к середине XVIII в. у них оно имело, возможно, не меньшее значение, чем скотоводство и бортничество.

Наиболее распространенными культурами земледелия в крае являлись рожь и овес, а затем пшеница, ячмень, полба, просо. Из технических культур разводили коноплю и лен. Типичным орудием вспашки была соха, местами пользовались плугом. Некоторое развитие у башкир в изучаемое время получили торговля и ремесло, хотя последнее еще не превратилось в самостоятельную отрасль. Башкиры также занимались добычей соли, рыболовством, собирательством, рудоискательством.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ БАШКИР

Ко времени присоединения к Русскому государству башкиры успели пройти значительный путь общественно-экономического развития. Верхушка общества была представлена знатью, которую именовали биями. Основная масса башкир состояла из рядовых общинников. В XVII - первой половине XVIII в. процесс феодализации башкирского общества продолжается. В источниках этого периода башкирская верхушка именуется по-разному: князь, тархан, староста, старшина, сотник. Башкирские бии — князья не имели грамот, подтверждающих это достоинство, за исключением отдельных биев, которые ездили к царскому наместнику в Казань для переговоров накануне присоединения, где они были пожалованы русскими властями в князья или мурзы. Но и без специальных грамот бии - князья во второй половине XVI - начале XVII в. сохраняли свое привилегированное положение. Они не платили ясак, но несли государственную службу, преимущественно, военную. Не случайно уфимские власти вносили башкирских князей в ту же книгу, что и башкирских тарханов. Но в 30-е гг. XVII в. власти начали облагать биев ясаком. Тогда последние стали переходить в разряд тарханов.

Основную часть башкирской верхушки во второй половине XVII - первой половине XVIII в. составляли тарханы, привилегированное положение которых, в отличие от биев, подтверждалось грамотами правительства. В это время российские власти продолжали жаловать тарханские звания тем представителям башкирской знати, которые оказывали государству значительные услуги, участвуя в военных походах, выполняя важные дипломатические поручения и т. д.

Звание тархана было наследственным и личным. Большинство тарханов владело своим званием наследственно. Тарханы выделялись не только богатством: их первенствующее положение было закреплено и юридически. Давая общую характеристику тарханов, П.И. Рычков писал: «Тарханы исстари были у башкирцев наподобие дворян: имели они перед другими разныя преимущества» *[Рычков*, 1767а. Т. VII. С. 8]. Тарханы были освобождены от налогов и подводной повинности. Важнейшее их преимущество состояло во владении землей: «Тарханы имели вольность перед ясашными в том, что они где бы хотели землею владеть, сена косить и

рыбу ловить, в том ясашники спорить не могли, токмо до бортных угодий и бобровых гон не касались» [*Вельяминов-Зернов,* 1864. С. 47]. Сохранились документы, из которых явствует, что тарханы наряду со старостами отвечали за уплату общинниками ясака казне, принимали участие в управлении волостями.

Таким образом, положение тарханов в башкирском обществе было высоким. Не случайно источники рисуют их как элиту, представителей высшей прослойки: «...тархан разумеется служилый башкирец, а не ясашник, и для того перед ясашниками они в почтении, и то по своему обычаю паче жалованья в награждение себя ставили» *[Там же]*.

Основной обязанностью тарханов была военная служба: «...всегда, куда на службу наряд бывал, то тарханы первые служить одолжались».

Источники зафиксировали участие башкирских тарханов во многих войнах России XVII — первой трети XVIII в. Кроме того, тарханы совместно с уфимскими дворянами и другими служилыми людьми несли сторожевую службу по охране юго-восточных рубежей Русского государства, отражали нападения калмыцких тайшей, сибирских царевичей и казахских ханов. Об участии башкирских тарханов в сражениях со степняками неоднократно говорится в источниках XVII — первой трети XVIII в.

Башкирские тарханы привлекались также для выполнения дипломатических поручений. Они обычно входили в состав посольств, направляемых из Уфы к калмыкам, казахам, сибирским татарам и т. д. Башкирские тарханы участвовали, например, в переговорах с калмыками накануне присоединения их к Русскому государству. Еще большую роль они сыграли в добровольном подданстве казахов Младшего жуза, сопровождая посольство А.И. Тевкелева к их хану Абулхаиру в начале 30-х гг. XVIII в. Группа башкир во главе с тарханом Алдаром Исянгильдиным была щедро награждена за это властями *[ТАОО.* Ф. 1. Д. 1. Л. 114].

Большие трудности представляет выяснение численности тарханов. В Уфимской приказной избе велись специальные книги, куда заносились имена тарханов. Однако из-за пожаров в Уфе, в частности 1759 г., во время которых, по выражению источников, «все книги погорели» или «многие документы о сих народах погорели», были уничтожены дела, позволяющие судить о тарханах *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 609; Ф. 248. Кн. 750. Л. 373]. По отрывочным сведениям невозможно установить полную их численность в XVII-XVTO вв. В 1734-1735 гг. власти провели перерегистрацию тарханов. На основе предъявленных грамот и записей в тарханских книгах при воеводе было признано в тарханстве 773 чел. Притом процесс регистрации, как доносил в Кабинет е. и. в. И.К Кирилов в 1735 г., еще продолжался *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 750. Л. 373—376]. В 1760 г. в крае насчитывалось более 650 тарханов, в том числе 570 по Ногайской, 60 по Казанской, 24 по Сибирской дорогам. По табелю о численности населения от 1767 г. в Уфимской и Исетской провинциях числилось 443 тарханских двора *[Вельяминов-Зернов,* 1864. Т. VI. С. 8; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. № 353].

В состав башкирской верхушки входили также старосты, старшины и сотники. Старосты стояли во главе волостей до конца первой трети XVIII в. Затем их на этом посту заменили старшины. Многие из старост по происхождению, по-видимому, были потомками биев. Сотники являлись помощниками старост и старшин. Правда, известны случаи, когда сотники возглавляли волости. Старосты, старшины, сотники, имея административные и отчасти судебные функции, широко использовали их в своих интересах.

По мере развития производительных сил и углубления имущественной дифференциации усиливала свое влияние небольшая группа богатых общинников-ясашников, так называемых баев. При благоприятных условиях они пополняли собой ряды башкирской аристократии. В эту социальную группу входили также богатые батыры.

К аристократии относилось также высшее мусульманское духовенство — ахуны и муллы.

Наиболее общим термином для обозначения различных разрядов башкирской знати служили понятия «лучшие», «наибольшие» или «знатные» люди.

Основную массу непосредственных производителей составляли рядовые общинники, к которым относилось большинство ясашных башкир. Они были лично свободными, трудились в своем хозяйстве, отчасти в хозяйстве «лучших людей», несли основные повинности в пользу государства. Ниже этой массы общинников стояли туснаки, представляющие собой бывших ясашных людей, которые, лишившись своего хозяйства, закладывали себя и оказывались под властью богатых. Они были вынуждены временно или постоянно работать в их хозяйстве.

Кроме того, имелось незначительное количество рабов, состоявших в основном из военнопленных (ясыров). Их сбывали в Казахстан и Среднюю Азию или же вынуждали работать в хозяйстве состоятельных башкир. Но через определенное время их отпускали на волю.

Положение социальных слоев в башкирском обществе определялось их отношением к основному средству производства — к земле, поэтому необхо-

димо рассмотреть состояние землевладения и землепользования в этом обществе.

После присоединения башкир к России верховным собственником земель в крае стало государство в лице русского царя. Оно, осуществляя свое право верховного собственника, жаловало земли башкирским племенам и родам в вотчину, но с определенными ограничениями: башкирская община не могла свободно распоряжаться жалованной землей, в частности, продавать ее. Верховный собственник по своему усмотрению вводил и другие ограничения: в начале XVIII в. были изъяты у башкир рыбные ловли на крупных реках; в 20-е гг. они были ограничены в пользовании лесами; в течение XVII—XVIII вв. правительство в Башкортостане основывало крепости и т. д.

Но в то же время пожалование земель башкирам на вотчинном праве свидетельствует о том, что наряду с верховной собственностью государства и в ее рамках фактически существовала земельная собственность башкирской аристократии, юридически прикрытая общинными формами владения и пользования землей.

Башкирская община официально являлась коллективным земельным собственником, а каждый общинник как член данного коллектива имел равное право пользоваться той или иной долей общинной земли, был равноправным совладельцем общей собственности.

Каково же было фактическое владение и пользование землей в башкирском обществе?

Тарханы, представляющие основную часть башкирской аристократии, имели преимущественное право в пользовании общинной землей. Старосты волостей, отвечавшие за своевременную уплату рядовыми общинниками ясака в казну, распределяли пастбища и другие земельные угодья. В подразделениях волостей — в тюбах и аймаках эту функцию осуществляли местные «лучшие» башкиры. Другой формой реализации прав собственности на землю являлся припуск — разрешение башкирам других волостей и пришлому населению временно пользоваться землями на определенных условиях (помощь в уплате казне ясака и несении других повинностей, уплата денежного оброка вотчинникам и т. д.). Выгоду получала знать, так как припускали посторонних людей на общинные земли тарханы, старосты и другие «лучшие» люди. Наконец, нельзя не учитывать, что фактическое владение и пользование землей у башкир зависело и от количества скота, который был распределен весьма неравномерно. По ряду свидетельств, в частности П.И. Рычкова, в первой половине XVIII в. в хозяйстве рядового общинника имелось от 30—40 до 100 голов лошадей, у тарханов и других «лучших» башкир - от нескольких сот до 1 000, наиболее богатых из них - 5-8 тыс. голов [*Рычков*, 1762а. Ч. 1. С. 292; 17676. Т. VII. С. 130, 132]. Не следует удивляться цифрам, характеризующим хозяйство простых башкир. При их оценке необходимо учесть экстенсивный характер башкирского скотоводства и размер двора общинника, по существу состоявшего из 2—3 семей.

Одно такое соотношение скота в хозяйстве разных категорий башкир показывает, как их формальное равноправие в качестве вотчинников превращалось в фактическое неравенство. Богач, имеющий в 10—20 раз больше скота, чем простой общинник, владел и пользовался большим количеством земли, пропорционально количеству скота, занимавшего пастбища.

Итак, можно констатировать, что приведенные материалы вполне доказывают существование феодальной собственности на землю в башкирском обществе. Хотя, формально она функционировала как общинная собственность. Фактически хозяевами всей земли были старосты, старшины, тарханы, сотники - «лучшие» башкиры, которые владели и пользовались большей частью земель, распределяли их, припускали посторонних, отдавали земли в оброк по собственному усмотрению. Феодальная собственность на землю в башкирском обществе существовала в форме права преимущественного владения, пользования и распоряжения общинными землями. Но она не была юридически оформлена.

Башкирские рядовые общинники находились в зависимости от двух собственников - государства и местной аристократии. Реализуя право собственности на землю, государство взимало с башкир ясак, то есть налог натурой или деньгами.

Одновременно рядовые башкиры, особенно обедневшие, терпели урон от своей знати. Распоряжаясь землями общины, последняя держала население в различных формах зависимости. Беднейшие общинники ухаживали за скотом «лучшего человека», охраняли его стада, косили сено. Пожизненными их работниками оказывались туснаки, бывшие ясашные люди, по различным обстоятельствам лишенные средств производства и находившиеся на отработке. И.И. Лепехин, к его чести, обратил внимание на этот аспект взаимоотношений. Он пишет, что башкирская знать «...в своем народе в почтении и от оного, кроме чести, имеют и некоторые доходы» *[Лепехин*, 1802. С. 52—53]. Хотя автор не разъясняет, что из себя представляет этот «доход», тем не менее само упоминание о его наличии очень ценно.

Чтобы прибрать к рукам простых общинников, присвоить их достояние, «лучшие» башкиры широко использовали неравенство во владении скотом. Они наделяли небольшим количеством скота башкир, разорившихся вследствие падежа скота, пожаров, от степных разбойников или других причин, якобы бескорыстно «помогали» нуждающимся жителям своего аула. Характеризуя подобные взаимоотношения в башкирском обществе, бригадир М.С. Хрущев, начальник Башкирской комиссии в 1736-1737 гг., заметил, что «...не всякий богат, имеет много лошадей, но больше между ими убогих, которые ждут себе от богатых пропитания» *[Устюгов*, 1950. С. 48]. В итоге рядовые общинники оказывались в различных формах зависимости от богачей.

Нельзя обойти вниманием «профессиональные» доходы старост, старшин, тарханов за уплату в казну ясака, за несение различных повинностей. Толика государственных сборов оседала в их мошне, и она также способствовала усилению реальной власти знатных людей над основной массой общинников.

Общинная собственность на землю, это основное средство производства в башкирском обществе, сравнительно плотно маскировала все виды экономических связей в крае. Хуже того, родовые традиции, обычаи, как, к примеру, коллективные *омэ*, помочи, искажали реальные отношения, выдавая корысть власть имущих за добродетели. Тем временем, частная собственность знати уже проглядывает сквозь обветшавшие патриархальные завесы. Сосредоточение в руках тарханов, старост, старшин и им подобных основной массы скота, а также обладание ими административно-судебной властью на местах наглядно свидетельствуют об установлении их экономической власти. В целом развитие производительных сил, рост земледелия и усиление роли товарно-денежных отношений определяет дальнейшее углубление феодальных отношений у башкир. Тарханов, старост, старшин уже не удовлетворяли традиционные формы эксплуатации населения. Но они не имели юридического права владеть крепостными крестьянами. В этих условиях в башкирском обществе широкое распространение получило закабаление обедневших общинников долговыми обязательствами. Путем оформления заемных, житейских, закладных, наемных и других записей на обедневших башкир и трудовую часть пришлого населения, башкирская знать превращалась в землевладельцев, о чем свидетельствуют многочисленные документы эпохи [*Материалы...* 1949. Т. III. Раздел 1].

Гораздо меньше сохранилось архивных сведений о реакции рядовых общинников на притязания, на захватнические поползновения «знатных» людей. Конечно же, простые башкиры прежде всего были недовольны привилегиями тарханов в землевладении, когда те явочным порядком пользовались их вотчинами. Не менее острое недовольство рядовых общинников вызывали злоупотребления старост и старшин при сборе ясака, их самовольные поборы [*Материалы...* 1936. Ч. 1. Раздел 1; *Материалы...* 1949. Т. III. Раздел 2]. В последнем случае обида людей выражалась незамедлительно. Но особенно бурно гнев простого народа против аристократической верхушки прорывался наружу во время восстаний *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 2. Л. 25, 116, 120; Ч. 3. Л. 57; Ч. 4. Л. 16-16 об.; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 132. Л. 35-36].

Таким образом, заметные хозяйственные успехи в башкирском обществе в первые века после вхождения в состав России создали основу для экономического и отчасти политического укрепления башкирской аристократии.

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В БАШКОРТОСТАНЕ И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕ XVHXVII в.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В КРАЕ. ОСНОВАНИЕ КРЕПОСТЕЙ

В конце XVI - начале XVII в. перед Русским государством встали задачи по охране и укреплению государственной власти на юго-восточной окраине в условиях исчезновения с политической арены Казанского и Астраханского ханств и заметного ослабления Ногайской Орды и Сибирского ханства. Основание городов Самары, Уфы, Тюмени и других крепостей, колонизация региона за счет населения центральных и поволжских уездов лежали в основе решения этого вопроса. Велика была также роль Башкортостана в его реализации, поэтому сле-довало проводить в крае взвешенную политику в соответствии с условиями подданства башкир.

Были ли претворены в жизнь основные аспекты договора о вхождении башкир? Самым главным во взаимоотношениях башкир и Русского государства являлся земельный вопрос. После вхождения в состав Русского государства верховным собственником земель стало феодальное государства в лице русского царя. Последний сохранил земли башкир в их руках на вотчинном праве. Особенностью башкирского землевладения было то, что собственниками земли выступали не отдельные личности, а целые коллективы - роды или племена, т. е. существовала общинная собственность на землю. Кроме того, башкирские вотчинники не имели права продавать, обменивать, закладывать и сдавать свои земли в наем на длительный срок. Несмотря на эти ограничения, башкирские общины распоряжались этой землей как своей фактической собственностью. Вся территория Башкортостана была поделена между башкирскими родами и племенами. Последние в составе Русского государства стали называться волостями. Следовательно, в крае, свободных, ничейных территорий не было. Мнение самих башкир по этому вопросу недвусмысленно выражено в их челобитной на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей от 1694 г.: «...у них де в Уфимском уезде диких поль и порожжих земель нет; а в летнее время у них в тех своих вотчинах и угодьях на полянках кочуют с женами и с детьми и с конскими стадам... а у них де в тех вотчинах на полянках и около угодьев конские стада ходят и в зимнее время» [*Материалы...* 1936. Ч. 1. № 13. С. 82—83].

Об этих особенностях землевладения в Башкортостане было известно правительству, и оно не возражало против них. Не случайно после приезда в Уфу организатор Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов в донесении в центр от 13 января 1735 г. констатировал: «Вышеписанныя башкирцы до российского подданства разделялись по родам, что с начала российского владения названо волости... земли и угодьи между родами все разделены... и тако никакой земли и угодей нет, кои бы свободны лежали» *[Материалы...* 1949. Т. III. № 549].

Вотчинное право башкир на землю юридически подтверждалось выдачей общинам (волостям) жалованных грамот в процессе или в первые годы после присоединения к России. Правительство и в последующее время неоднократно официально заверяло башкир о своем признании их вотчинных прав на землю. Об этом говорилось в Соборном Уложении 1649 г., в наказе уфимскому воеводе Сомову в 1664 г., в правительственных грамотах к башкирам от 1682 и 1694 гг., решении Сената от 1734 г. в ответ на челобитные башкир *[Полное...* 1830. Т. I. № 1; Т. IX. № 6581; *РГАДА*- Ф- 248. Кн. 132. Л. 19, 93 об., 400—401; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 13; *Устюгов*, 1947. С. 106-107]. Как видно, государство в XVII - первой трети XVIII в. по

земельному вопросу официально придерживалось условий вхождения башкир, охраняло их вотчины.

Какова же была реальная земельная политика в крае в первые века после его присоединения, соответствовала ли она провозглашенной линии?

Северо-западная граница Башкортостана шла от устья р. Сок, левого притока Волги, далее по верховьям р. Кондурча, через среднее течение р. Шешмы и до устья р. Зай, далее по правобережью Камы до уровня Перми, устья р. Сылвы и среднего течения Чусовой. На правом берегу Камы в районе устья рр. Вятка, Иж и Очер находились вотчинные земли Булярской, Байлярской, Енейской, Уранской, Гирейской и Тайнинской волостей *[РГАДА.* Ф. 248. Д. 1131, 821; *Труды...* 1897. С. 77-88; *Историческая...* 1867. С. 78].

В конце XVI в. правительство в целях организации управления краем, укрепления своих позиций и защиты Южного Урала от набегов ногаев и других кочевников начало строить там крепости. В 1586 г. появляется крепость Уфа. Вопрос о ее основании предварительно был согласован с коренными жителями, которые затем участвовали в ее строительстве *[Башкирские...* 1960. С. 79; *История...* 1981. С. 22].

В XVII в. положение меняется. В Башкортостане строится немало крепостей, но при их основании правительство более не спрашивало согласия коренных жителей. В 1645 г. быт основан Мензелинский острог. В 1652-1655 гг. в западной части края осуществляется строительство Закамской укрепленной линии, состоящей из крепостей Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Билярск, Новошешминск, Кичуевск и Заинек. Последние три из них оказались основанными непосредственно на землях башкир Казанской дороги. Кроме перечисленных крепостей, эта линия включала в себя засеки, тарасные валы в сочетании со рвом со стороны «поля», надолбы, стоячие остроги, башни, городки и выводы на валах, а также естественные препятствия. Черта была расположена на территории Казанского и Уфимского уездов. Общая длина Закамской черты от Волги до р. Ик составляла почти 450 км.

Во второй половине XVII в. на территории Башкортостана продолжается основание крепостей. После восстания 1662-1664 гг. дворцовое село Архангельское на р. Бирь превращается в Бирский городок. В середине 80-х гг. XVII в. в центре Ногайской дороги появляется Соловарный городок. В самом начале XVIII в. на р. Самаре возникает крепость Алексеевск, на р. Сок — Сергиевск.

Ряд укрепленных пунктов в середине и второй половине XVII в. основывается в Зауралье: Исетский, Катайский, Мехонский, Красногорский, Масленский и Колчеданский остроги. Появляются слободы Щадринская, Терсютская, Арамильская, Крутихинская на р. Исеть, Усть-Миасская, Окуневская, Чумлякская - на р. Миасс, Теченская — на р. Теча, Багарякская - на р. Багаряк, Барневская и Пещанская — на р. Барневка *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 209, 569, 612, 1200; *Пермская...* 1881а. С. 117; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 15; *Рычков,* 17626. Ч. 2. С. 109, 112, 158-178; *Перетяткович,* 1882. С. 140-165\ *Дмитриев,* 1900. С. 42-46].

Таким образом, в описываемое время в северо-западном и северо-восточном Башкортостане был основан 31 укрепленный пункт.

Вблизи перечисленных городков возникали в европейской части края дворцовые, в зауральской - государственные села. Еще в 90-е гг. XVI в. на территории Осинской дороги появились дворцовые поселения Рождественское, Ново-Никольское, в начале XVII в. на правом берегу Камы на землях Енейской волости — Каракулино, Байлярской волости — Челны (Чалны), Пьяный Бор, вблизи г. Уфы - Богородское, Красный Яр, Старый Енгалыш, Вознесенское (Чесноковка), на р. Бирь на территории Шемшадинской волости — Архангельское.

Правительство заселяло названные крепости различными разрядами служилых людей. В 90-х гг. XVI в. гарнизон Уфы состоял из 4 детей боярских, 2 стрелецких сотников, 199 стрельцов и других мелких служилых людей. В течение XVII—XVIII вв. население гарнизонов увеличивается. В 20-х гг. XVIII в. в Уфимском гарнизоне числилось 208 дворян, 28 служилых иноземцев, 300 казаков, 598 солдат, 32 артиллерийских служителя, всего около 1 166 военных людей *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 1029; Ф. 452. Оп. 1.Д. 4. Л. 6-8; Д. 108. Л. 75-81; *Демидова,* 1971. С. 261-267]. В Соловарном и Бирском городках во второй половине XVII в. несли службу по 200 стрельцов в каждом *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 612, 1093]. Количество служилых людей в Осе неизвестно. Гарнизоны закамских крепостей состояли вначале из белопашенных казаков и стрельцов, переведенных туда из городков Казанского уезда или взятых на казачью службу окрестных крестьян, примерно по 100-150 в каждом пункте линии, всего 800 чел. В 1655 г. они были пополнены за счет 482 чел. смоленской шляхты и казаков, в 1668 г. — 532 чел. из полоцкой шляхты. В Алексеевске стояли 100, в Сергиевске 315 казаков *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 116. Л. 54-66]. Таким образом, в городках и крепостях западного Башкортостана в начале XVIII в. насчитывалось, по неполным данным, около 3 800 дворян, стрельцов, солдат и других служилых людей.

В острогах и слободах Зауралья гарнизонную службу несли беломестные казаки и драгуны, набранные из самовольно переселившихся в этот край русских крестьян. Состояние источников не позволяет определить их общую численность.

Все названные разряды служилого населения наделялись землей за счет башкирских вотчин. Уфимские дети боярские и дворяне получили поместную землю еще в конце XVI в. Правда, их поместья были тогда небольшими по размеру, не более 150 четвертей пашни в каждом. Но в течение XVII в. они заметно укрупнились. В середине 70-х гг. XVII в. были наделены поместьями смоленская и полоцкая шляхта, несшие службу в закамских крепостях. В момент наделения каждый служилый получил от 60 до 150 четвертей пашенной земли. Во второй половине 70-х - начале 80-х гг. были переведены полностью на службу из земли стрельцы и казаки Уфы, Соловарного городка и Бирска *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 656, 696, 1093; *НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 115. Л. 547-548]. Что касается беломестных казаков зауральских острогов и слобод, то они, не получая от государства жалованья, с самого начала имели пашенные земли и угодья.

В конце XVI - начале XVII в. в Башкортостане появляются христианские монастыри. Первые монастыри основывались на западной окраине, на землях Осинской и Казанской дорог. В конце XVI в. на левом берегу р. Камы вблизи с. Никольского появляется Преображенский, около Осинской слободы - Спасо-Преображенский монастыри. В царствование Михаила Федоровича возникают вблизи с. Челны (Чалны) Челнинский Богородицкий, в Уфе - Успенский мужской и Христорождественский женский монастыри. Существовали монастыри и в Зауралье. В 1644 г. в среднем течении р. Исеть был построен Долматовский монастырь *[Игнатьев,* 1873а. С. 356-366; *РГАДА.* Ф. 1173. Д. 1200]. Все перечисленные выше монастыри имели земельные владения. Монастыри, как и в центральных уездах, вначале обращались к властям с челобитной о том, что нашли пустопорожние земли (на самом деле, чей-то участок - *авт.).* Власти без всякой проверки эти участки закрепляли за ними. Правительство жаловало им башкирские вотчины.

Земельные владения в Башкортостане имели и крупные монастыри центральных районов страны и Среднего Поволжья. В их числе можно назвать Звенигородский Саввино-Сторожевский, Московский Донско-Богородский, Костромской Богоявленский, Казанские Седмиозерный и Преображенский, Елабужский Троицкий, Свияжский Рождественский и Соликамский Вознесенский монастыри, которые здесь заводили хозяйство, имели феодально-зависимое население *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 132. Л. 142—145; *Пермская,* 18846. С. 27]. Владели землями и крестьянами в Башкортостане и крупные церковные иерархи. В 70-е гг. XVII в. на р. Кирмень, на левом притоке Камы, появилась вотчина Казанского митрополита. Тобольский митрополит имел земли в среднем течении р. Миасс, владел крупным селом Воскресенское, где в середине XVIII в. было 1 116 чел. м. п. *[Перетяткович,* 1882. С. 273; *Кондрашенков,* 1964. С. 47]

На рубеже XVII-XVIII вв. началось изъятие башкирских земель под заводы. В это время на территории Салжьютской волости Сибирской дороги были основаны казной Каменский и Уктусский заводы. Каждый из них занял земли и леса на 20—30 верст кругом *[РГАДА.* Ф. 26. Оп. 2. Д. 56. Л. 107: Ф. 248. Кн. 132. Л. 48-49, 68, 142-145; Ф. 1173. Д. 137, 1324].

Кроме того, правительство практиковало отдач}' рыбных ловель, бортных лесов, перевозов, мельничных мест, пашенных земель на откуп и в оброк. В роли откупщиков и оброчников выступали купцы, в т. ч. центральных и поволжских городов, монастыри, мелкие служилые люди, отчасти богатые крестьяне. Источники свидетельствуют, что во второй половине XVII — начале XVIII в. откупщиками и оброчниками являлись московские купцы И. Симоновский, Т. Гурьев, А. Яковлев, В. Тимофеев, Звенигородский Саввино-Сторожевский и Костромской Богоявленский монастыри, а также представители местного христианского духовенства, уфимские и бирские стрельцы, конные казаки, посадские люди, подьячие, крестьяне дворцовых сел *[Там же].*

Дворяне, мелкие служилые люди, казаки, монастыри, купцы и крестьяне не довольствовались отведенными землями и самовольно расширяли свои владения. Захваты земель вызвали массу челобитных башкир всех четырех дорог *[Акманов,* 1993. С. 59-68].

Земельные изъятия усиливались с каждым десятилетием. Лишним подтверждением этого является вовлечение в спор множества коллективов. Если в первой половине XVII в. недовольство проявляли группы башкир или отдельные волости, то с середины века наряду с ними стали подаваться челобитные от имени группы волостей и целой дороги. Наконец, в последней четверти XVII - начале XVIII в. башкиры пытались отстоять свои земли путем подачи челобитных от имени жителей волостей всех 4 дорог. Эта челобитная, поданная в Москву в 90-е гг. XVII в., как бы синтезирует недо-

вольство башкир земельной политикой правительства и всесторонне характеризует связанную с этим обстановку в крае. Ее содержание сохранилось в грамоте Приказа Казанского дворца от 1694 г. к уфимскому воеводе. В челобитной говорится о систематических захватах башкирских земель, применении при этом множества способов дворянами, мелкими служилыми людьми и другим пришлым населением, содействии им со стороны центральных и местных властей. Заслуживает внимания и то, что башкиры опровергали мнение об избытке у них земель [*Материалы...* 1936. Ч. 1. № 13].

К началу XVIII в. башкиры потеряли часть своих вотчинных земель по рр. Сок, Черемшан, Зай, нижнему течению Ика и Белой, среднему течению Камы на западе и северо-западе, по р. Исеть, Миасс и Теча на востоке, островками - в центре края (вблизи Уфы, Бирска, Соловарного городка). Захват земельных угодий сопровождался произволом и насилиями по отношению к башкирам. Изъятие земель на территории Казанской и Сибирской дорог являлось главной причиной восстаний башкир во второй половине XVII в.

НАЛОГИ И ПОВИННОСТИ БАШКИР. РЕЛИГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Налоги и повинности. Важным элементом государственной политики являлись налоги и повинности. После вхождения Башкортостана в состав Русского государства башкиры, за исключением тарханов, были обложены ясаком. Ясак являлся поземельной податью башкир в пользу феодального государства. Башкиры в казну, кроме ясака, платили дополнительный налог — оброк с выгодных поземельных угодий: с бортных лесов, бобровых гонов, рыбных ловель *[Акманов,* 1993. С. 70-73]. До начала XVIII в. ясак и оброк вносились и натурой, и деньгами. С 30-х гг. XVIII в. они в основном платились деньгами.

В 1704 г. чиновники, названные прибыльщиками, были посланы из Москвы в Уфу и обложили башкир новыми налогами. Рыбные ловли и бортные леса подлежали переоброчке и дополнительный налог, который платился раньше башкирами с названных угодий, был увеличен. Население обязали также нести оброк с кожи каждой битой или погибшей лошади, домовых ульев, бани, мельницы, дуг, хомутов, печей, вальков, мостов, прорубей, ворот, окон, погребов, калыма, каждого посещения мечети *[РГАДА.* Ф. 108. Оп. 1 Д. 2. Л. 3-4; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 21]. Увеличился собираемый и раньше оброк со свадьбы. Известен размер некоторых видов новых налогов. Например, с кожи лошади полагался оброк в 10 денег, с домовых ульев - 8 денег или фунт меда, со свадьбы - 11 алтын, с повторной свадьбы — в 2 раза больше, т. е. 22 алтына, с третьей свадьбы — в 3 раза больше *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 83. Карт. 6. № 118]. Эти новые налоги и другие требования прибыльщиков послужили непосредственной причиной башкирских восстаний начала **XVIII** в. В ходе восстаний правительство было вынуждено отказаться от большинства названных поборов. Правда, оброки со свадьбы и калыма не были сняты.

Очередное урегулирование башкирских податей произошло в 1734 г., когда ясаком были обложены те башкиры, которые до этого не несли тягла, Их число составило 1 096 дворов. Дело заключалось не только в увеличении численности налогоплательщиков, но и в повышении среднего размера ясака с плательщика - с 25 до 50 коп. *[Материалы...* 1956. Т. **IV. Ч.** 2. **№** 487].

Каждый башкир-общинник платил ясак в казну со своего «жребия», или «повытья» *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 110, 111, 423]. Самим башкирам хорошо было известно, с какого количества земли они платят то или иное количество ясака. Но состояние источников не позволяет установить конкретный размер поземельной единицы обложения. Возможно, что размер поземельной единицы обложения не был одинаковым для всех волостей.

Что касается конкретного размера ясака, то в **XVII** - первой трети **XVIII** в. каждый плательщик вносил в казну ясак в среднем по 25 коп. Башкиры, вновь обложенные ясаком в 1734 г., платили по 50 коп. и еще вносили в казну подымные деньги по 4 коп. с плательщика *[Материалы...* 1956. Т. **IV.** Ч. 2. № 487, 577].

На первый взгляд эти цифры свидетельствуют о легкости башкирского ясака. Однако в условиях господства натурального хозяйства подать в 25-50 коп. являлась тяжелой повинностью для рядовых общинников. При оценке налога необходимо учесть, сколько же его фактически собирали с населения. Дело в том, что сборщики ясака допускали большие злоупотребления. Сборщиками назначались уфимские дворяне за их заслуги перед феодальным государством, т. е. должность сборщика ясака являлась как бы жалованьем за службу. Не случайно среди местного дворянства нередки были случаи перекупки этой должности *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 664, 727, 793, 796; Ф. 248. Кн. 750. Л. 374; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 1-3]. Следовательно, сборщики ясака собирали больше, чем полагалось по ясашным кни-

гам. Еще хуже было то, что описанный произвол был официально санкционирован.

На этом фоне понятны систематические жалобы населения на тяжесть поземельной подати и произвол сборщиков.

Башкиры платили также косвенные налоги - таможенные, с конской продажи, табачные и другие пошлины. Особенностью их сбора в крае являлось то, что в башкирских волостях не было постоянных таможен, а целовальники собирали пошлины, разъезжая по аулам. Это создавало большие возможности для их произвола. Башкиры неоднократно жаловались на «кочующих» целовальников и просили отменить этот институт *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 132. Л. 33-34; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 22]. Отрицательно характеризовали деятельность последних и представители царской администрации в крае в 30—40-е гг. XVIII в. В.Н. Татищев, И.К. Кирилов, К. Ураков *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1167. Л. 176; Ф. 248. Кн. 750. Л. 346; *Материалы...* 1949. Т. III. № 577]. «Кочующие» целовальники были для башкир настоящим бичом.

Башкиры, кроме прямых и косвенных налогов, выполняли в пользу государства ряд; повинностей. Самой тяжелой из них была военная служба. Ее несли и зажиточные, и рядовые общинники. На башкир была возложена охрана границ России с казахами и другими кочевниками. До 30-х гг.
XVIII в., до строительства крепостей по Яику, эту задачу башкиры выполняли одни, собственными силами. Переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Ураков писал в 1745 г.: «Ныне называемая Оренбургская линия от Яицкого городка до Сибири содержана была ими, башкирцами, и до разорения внутрь соседних неприятелей киргизов, калмык не допущали» *[Там же]*. Если учесть нежелание ногайцев и во второй половине XVI - начале
XVII в. примириться с фактом вхождения Башкортостана в состав Русского государства и непростые отношения башкир с казахами и калмыками, претендующими на часть территории края, то станет понятным, каких сил и средств стоила башкирам сторожевая служба.

В первой половине XVII в. башкиры Казанской и отчасти Ногайской дорог содержали на юго-западе края 4 постоянных караула по рр. Самара, Кинель, верховьям Ийя, Темеряка, Ика и Чермасана. Служба была достаточно эффективной. В 1733 г. башкиры Сибирской дороги разбили десятитысячный отряд казахов Среднего жуза, а вскоре после этого - другой многочисленный отряд *[Демидова,* 1961. С. 229].

Наряду с пограничной службой башкирские отряды привлекались к участию в войнах. Они участвовали во всех войнах России XVII-XVIII вв.

Военную службу башкиры несли за свой счет. Они обеспечивали себя несколькими боевыми лошадьми, оружием, одеждой и питанием. Лишь во время дальних походов им от казны давали денежное и хлебное жалованье. Рядовые общинники часто жаловались на тяжесть военной службы и иногда отказывались от участия в походах *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 66-70].

Башкиры выполняли также подводную повинность. Они возили на своих лошадях сборщиков ясака, целовальников, приставов и других представителей местной администрации и отвечали за состояние дорог. Подводная повинность являлась нелегким делом, особенно для жителей волостей, живших вдоль дорог, связывающих г. Уфу с центральными районами страны через Казань и Самару и пригородами Бирск, Оса, Соловарный городок, закамские крепости. Об этой повинности можно составить примерное представление по челобитной башкир от 1738 г., в которой они писали следующее: «...в бытность статского советника Шемякина и прежде ездили за своими нуждами афицеры и брали подводы по 40—50, сам оной Шемякин брал по 100 и больше подвод, и в том проезде многие подводы, померли и в том нам чинилось немалое раззорение» *[Там же.* № 30].

Невозможно точно определить размер каждого налога и общую сумму, приходящуюся на отдельного плательщика в денежном выражении. Но несомненно одно: во второй половине XVII - начале
XVIII в. налоги и повинности с башкир имели явную тенденцию к росту. Правда, они росли несколько медленнее, чем хотелось бы властям. Систематические вооруженные выступления башкир в какой-то мере сдерживали последних. Опасаясь нового восстания, тем более в обстановке начавшегося брожения среди башкир в 1721—1724 гг., правительство, например, в 1724 г. не пошло на обложение их подушной податью *[Там же.* № 132, 133; *Полное...* 1830. Т. VII. № 4533].

Религия и управление башкирами. При вхождении башкир в состав Русского государства правительство дало обещание не преследовать их религию и обычаи. Во второй половине XVI — начале XVII в. оно на деле придерживалось этой линии. Правда, возникновение в крае в конце XVI в. при поддержке властей первых монастырей настораживало мусульман. На примере соседнего Среднего Поволжья они представляли роль монастырей в распространении христианства. Сохранились челобитные башкир, в

которых они протестовали против их строительства *[РГАДА*- Ф. 1173. Д. 137].

С середины XVII в. власти стали предпринимать шаги по распространению христианства среди местного населения. Прежде всего они решили организационно укрепить христианскую церковь в Башкортостане. Об этом свидетельствует постановление церковного Собора об определении в Уфу викарного епископа *[Златоверховников,* 1899. С. 44]. Но оно по неизвестным причинам не было реализовано. Созванный по инициативе правительства в ноябре 1681 г. церковный Собор обосновал необходимость усиления борьбы в масштабах всей страны с «инаковерующими» и распространение христианства *[Акты...* 1842. Т. V. № 75. С. 109].

Практическое проведение этой линии началось несколько раньше. В 1680 и 1681 г. правительство с рядом указов обратилось к мусульманскому населению страны с призывом перейти в христианство. Воеводы на местах должны были «мурз и татар и других иноверцев к крещению призывать» и регулярно извещать центр о ходе кампании. Указ от 16 мая 1681 г. открыто провозгласил принцип насильственной христианизации: за отказ креститься нерусские феодалы теряли свои земли, а рядовые массы превращались в крепостных. Вслед за Средним Поволжьем власти начали готовиться к реализации положений данного указа и в Башкортостане. 27 ноября 1681 г. было принято решение о создании в Уфе самостоятельной епархии во главе с епископом *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 28. Карт. 29. № 7; *Полное...* 1830. Т. II. № 823, 867, 898; *Дополнения...* 1862. Т. VIII. №89. С. 310].

Курс правительства на христианизацию мусульманского населения стал известен башкирам и он явился одной из причин восстания 1681—1684 гг. В ходе восстания власти вынуждены были отказаться от реализации вышеназванного указа.

В начале XVIII в. правительство вновь вернулось к прежней политике. В 1704 г. оно потребовало от башкир строить мечети по образцу христианских церквей, а религиозные обряды приблизить к христианским. При совершении богослужения наряду с муллой должен был присутствовать христианский священник. Затем власти обязали башкир платить налог за посещение мечети, обложили податью мусульманских мулл. Все это свидетельствовало о стремлении властей обходными путями активизировать христианизацию башкир-мусульман *[Там же).* Но массы категорически отказались принять предлагаемые религиозные новшества. Вскоре началось восстание, власти и на этот раз вынуждены были оставить планы христианизации башкир.

Таким образом, царское правительство не всегда соблюдало условия о невмешательстве в религиозные дела башкир. С середины XVII в. оно пыталось христианизировать их, применяя как мирные, так и насильственные методы. Хотя власти не сумели добиться своих целей, но их намерения настораживали башкир и служили одной из причин обострения обстановки в крае.

Добровольное вхождение Башкортостана в состав Русского государства влияло на формы и методы управления. У башкир существовало местное самоуправление. Уфимская администрация слабо вмешивалась во внутреннюю жизнь волостей. Власть там принадлежала башкирской знати в лице старост, князей, тарханов, представителей духовенства (муллы, ахуны).

Важная роль в местном управлении принадлежала йыйынам (съездам) волостей, дорог и всего края. В них распределялись земельные угодья между общинами, рассматривались земельные споры, вопросы охраны юго-восточных границ, участия в военных походах русской армии. Существовал суд по семейно-бытовым вопросам, мелким имущественным делам и т. д.

Башкиры-вотчинники волостей, дорог и всего края имели право по своему усмотрению собираться для обсуждения общих дел, обращаться с коллективными челобитными о своих нуждах к органам государственной власти - уфимским воеводам, московским приказам и, наконец, непосредственно к царю. В XVI—XVII вв. они неоднократно использовали это право. Этот обычай способствовал повышению роли и авторитета органов башкирского самоуправления.

Но некоторые вопросы, касающиеся башкир, решались властями без согласования с ними. С 40—50-х гг. XVII в. они без ведома башкир на их вотчинных землях основывали крепости, «испомещали» русских дворян и других служилых людей, что не могло не вызвать недовольство вотчинников. Появление в 1645 г. Мензелинской крепости привело к восстанию башкир Казанской дороги.

Основной опорой царских воевод по управлению Башкортостаном были уфимские чиновники, дворяне, дети боярские и гарнизоны крепостей. В течение XVII - начале XVIII в. постепенно укреплялось дворянство в крае, увеличивалось количество крепостей и острогов, численность их гарнизонов. Кроме того, по существу опорными пунктами властей являлись монастыри, заводы, дворцовые села и слободы, возникшие в крае.

Правительство широко использовало такие формы и методы управления, как «разделяй и вла-

ствуй», натравливание одного народа на другой. Они систематически применялись во время борьбы с восставшими.

Серьезное недовольство у местного населения вызывало существование института заложников (аманатов). Обеспечить спокойствие в крае власти пытались и тем, что от каждой из четырех дорог брали определенное количество жителей, преимущественно из богатых и влиятельных семей, в качестве заложников и держали их в аманатских дворах, которые были по существу тюрьмами. Известно, что во второй половине XVII - начале XVIII в. башкирские аманаты содержались в Уфе, Казани, Мензелинске, Бирске, Каракулино и других крепостях *[Демидова,* 1961. С. 232-233; *РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 108]. Точная численность аманатов неизвестна. Так, после восстания 1662-1664 гг. башкиры вынуждены были дать по 12 человек с каждой дороги, 2 аманатов - с «ицких» (Тамьянской и Кыпсакской) волостей. В 1708 г. в Уфе и Бирске было 50 аманатов из башкир и представителей других нерусских народов. Условия содержания аманатов были тяжелые: их плохо кормили, заставляли работать на воевод и приказных людей. Некоторые из них умирали от голода, болезней и жестокого обращения. Если начиналось восстание, то власти иногда расправлялись с аманатами. Например, в 1662 г. башкирских аманатов «...на Уфе и на дороге перевешали» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 60, 48; *Полное...* 1830. Т. VIII. № 5334]. Все это делало аманатство тяжелой повинностью, и сохранилось много челобитных XVII - первой половины XVIII в. с просьбой отменить этот институт *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 45, 46, 32; *РГАДА.* Ф. 1173. Д. 774]. Но правительство не вняло просьбам, и аманатство просуществовало до середины XVIII в.

Особо следует сказать о злоупотреблениях воевод и приказной администрации в управлении и суде, что вызывало постоянные жалобы населения. Так, в своей челобитной от 1706 г. башкиры жаловались на насилия и вымогательства комиссара Сергеева, его помощников казанских дворян братьев С. и Л. Аристовых, Пальчикова и других. В 1721—1722 гг. по этому делу велось расследование, которое раскрыло вопиющие нарушения законов и факты прямого насилия. Следствие тянулось долго. Чем оно завершилось, данных не сохранилось, известно лишь, что А. Сергеев в 1726 г. находился в тюрьме.

Имевшиеся случаи досрочного смещения с постов уфимских воевод также подтверждают вывод о том, что произвол и насилия были постоянными спутниками в деятельности местных властей. Так, правительство вынуждено было снять досрочно с воеводского поста в 1664 г. князя А.М. Волконского, в 1682 г. князя А. Коркодинова, в 1708 г. казанского дворянина Л. Аристова.

Башкирские челобитные и отдельные мероприятия центральной власти по обузданию алчных представителей уфимской администрации в XVII з имели положительное значение, содействовал:: более лояльному отношению башкир к русским властям. Но произвол, насилие, взяточничество существовали постоянно. В начале XVIII в. они даже усилились.

Вывод о беспорядках в управлении Башкирским краем подтверждается и высказываниями видных представителей царской администрации. Волокита и взяточничество уфимских властей удивили даже видавшего виды бывшего обер-секретаря Сената И.К. Кирилова, приехавшего в 1734 г. в Башкортостан во главе Оренбургской экспедиции. Познакомившись с порядками в Уфе, он доносил в Кабинет е. и. в.: «Суд застал по здешнему народу весьма обидной» *[Материалы...* 1949. Т. III. № 548]. Кирилову вторит уфимский вице-губернатор П.Д. Аксаков, который в своем «Кратком известии о народе башкирском», характеризуя формы и методы управления краем, в 1743 г. писал: «В город Уфу просить же приезжали (речь идет о башкирах - *авт.),* по которым прошения странности безчеловечные бывали лихоимственные с великим им отягощением, виня правых для одного только достатку ево, что есть с ково взять. А порядок приказной тогда бывшей и по самый приезд покойного стацкого советника Кирилова такой был, что нигде такова безпутства найтить невозможно, крайне о том только тщались, чтоб наживать, а что до правосудия им и удовольствия б в пользу казенную касалось, того никогда думано не бывало» *[Там же.* № 568].

Вряд ли можно дать более обличающую оценку деятельности уфимских властей, чем эта.

Таким образом, правительство в Башкортостане во второй половине XVI — начале XVIII в. проводило двойственную, противоречивую политику. С одной стороны, оно официально придерживалось основных условий вхождения башкир в состав Русского государства. Отсюда неоднократное подчеркивание своего признания вотчинного права башкир на землю, сохранение в основном традиционных податей и повинностей, соблюдение линии невмешательства в религиозные дела, сохранение местного самоуправления. Эта сторона царской политики имела положительное значение, ибо в отстаивании своих прав башкиры опирались на нее, были уверены в своей правоте, временами

добивались удовлетворения требований. Но в то же время правительство с 30—40-х гг. XVII в. начало допускать серьезные отклонения от провозглашенной линии. С каждым десятилетием они становились более явственными. Захват земель, рост налогов и повинностей, активизация деятельности по христианизации мусульман, прямые и косвенные ограничения мусульманской религии и духовенства, постоянные злоупотребления уфимской администрации в управлении и суде - все это вызывало недовольство башкирских масс, толкало их на восстания.

ВОЛНЕНИЯ КОНЦА XVI - НАЧАЛА XVII в. ВОССТАНИЕ 1662—1664 гг. — ПЕРВОЕ ОБЩЕБАШКИРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В борьбе против усиления гнета башкиры использовали самые различные средства. Прежде всего они подавали челобитные, в которых жаловались на нарушение земельных прав, тяжесть налогов и повинностей, произвол и насилие местной воеводской администрации.

Челобитные помогали не всегда, поэтому население переходило к более решительным формам борьбы. Западные и северо-западные башкиры, которые раньше других жителей края испытывали на себе наступление правительства, начали поддерживать движения соседних народов. В 1572 и 1581 г. они вместе с манси, марийцами, удмуртами и татарами участвовали в борьбе против экспансии купцов Строгановых, которые при поддержке правительства занимали земли нерусских народов, в т. ч. башкир, в среднем течении р. Камы.

Известно также участие башкир в восстании казанских татар, чувашей, марийцев и удмуртов в 1616 г. Повстанцы напали и осадили Казань и недавно построенные на Каме крепости Сарапул и Осу [*Пермская*... 1881. С. 98; *Пермская*... 1882. С. 68, 69; *Чулошников*, 1936. С. 24].

Более активной была роль башкир Казанской дороги в движении под Мензелинском в 1645 г. На этот раз они оказались и инициаторами, и основной действующей силой. Сохранившиеся материалы позволяют лишь в самом общем плане обрисовать ход восстания. Повстанцы пытались уничтожить крепость, без согласования основанную на их вотчинной земле, но потерпели поражение. Организаторов выступления казнили *[Алекторов,* 1883. С. 12; *Новиков*, 1879. С. 13].

В середине XVII в. усиливается захват башкирских земель, о чем свидетельствует основание множества крепостей и слобод на территории Казанской и Сибирской дорог. С конца 40-х гг. земельный вопрос в крае приобрел особую остроту в связи с попыткой калмыков захватить башкирские кочевья в юго-западной части Ногайской дороги. Когда в конце 50-х гг. калмыки приняли русское подданство, Москва санкционировала переход части башкирских кочевий в руки калмыков *[Устюгов,* 1947. С. 49; *Очерки*... 1967. С. 55, 81, 105-107]. Это создало дополнительную почву для недовольства башкир политикой царизма.

Другую причину народного движения следует искать в росте фискального гнета, а также в произволе и насилиях местной администрации. В обстановке финансово-экономического кризиса, переживаемого Русским государством в конце 50 — начале 60-х гг. XVII в. и затяжной войны с Речью Посполитой и Крымским ханством, правительство усилило фискальный нажим на население страны, в том числе и на башкир. Некоторые из башкир в знак протеста бежали за пределы края, во владения калмыков и сибирских царевичей. Так, группа башкир, состоявшая из 30 семей, ушла к калмыкам. Объясняя свое решение, они говорили: «...с Уфы де они бежали, не стерпя налоги от ясачного збору» *[Устюгов,* 1947. С. 58—59, 60]. Обычным явлением были злоупотребление властью и прямое насилие со стороны воевод и их помощников. Неоднократно башкиры жаловались на произвол сборщиков ясака, подьячих, толмачей: Н. Аничкова, И. Павлова, И. Кулакова, А. Приклонского, В. Киржацкого и других *[Материалы*... 1936. Ч. 1. № 48. С. 171; *Устюгов,* 1947. С. 61]. Таким образом, в начале 60-х гг. оснований для недовольства коренных жителей было более чем достаточно.

Восстание началось во второй половине июля 1662 г. в пределах Зауральского Башкортостана. Отряд, состоящий из 600 чел., напал на Катайский острог и Долматовский монастырь. Восставшие окружили их и сделали несколько приступов, но взять не сумели. Разорив окрестные деревни, повстанцы вернулись к оз. Иртяш, где оставались их семьи. Во главе восставших стоял Сары Мерген.

В первых числах августа восставшие вновь напали на Катайский острог, Долматовский монастырь, а также на Новую Ощепковую слободу и Невьянский монастырь. Повстанцев в этом районе насчитывалось около 2 тыс. чел. *[Пермская*... 1884а. С. 85, 691]. 11 августа они заняли Мурзинскую слободу, «церковь божию и государевы анбары совсем сожгли, а крестьян на полях всех побили, а иных в полон взяли, деревни выжгли и скот отогнали». В середине сентября восставшие напали на Белослудскую и

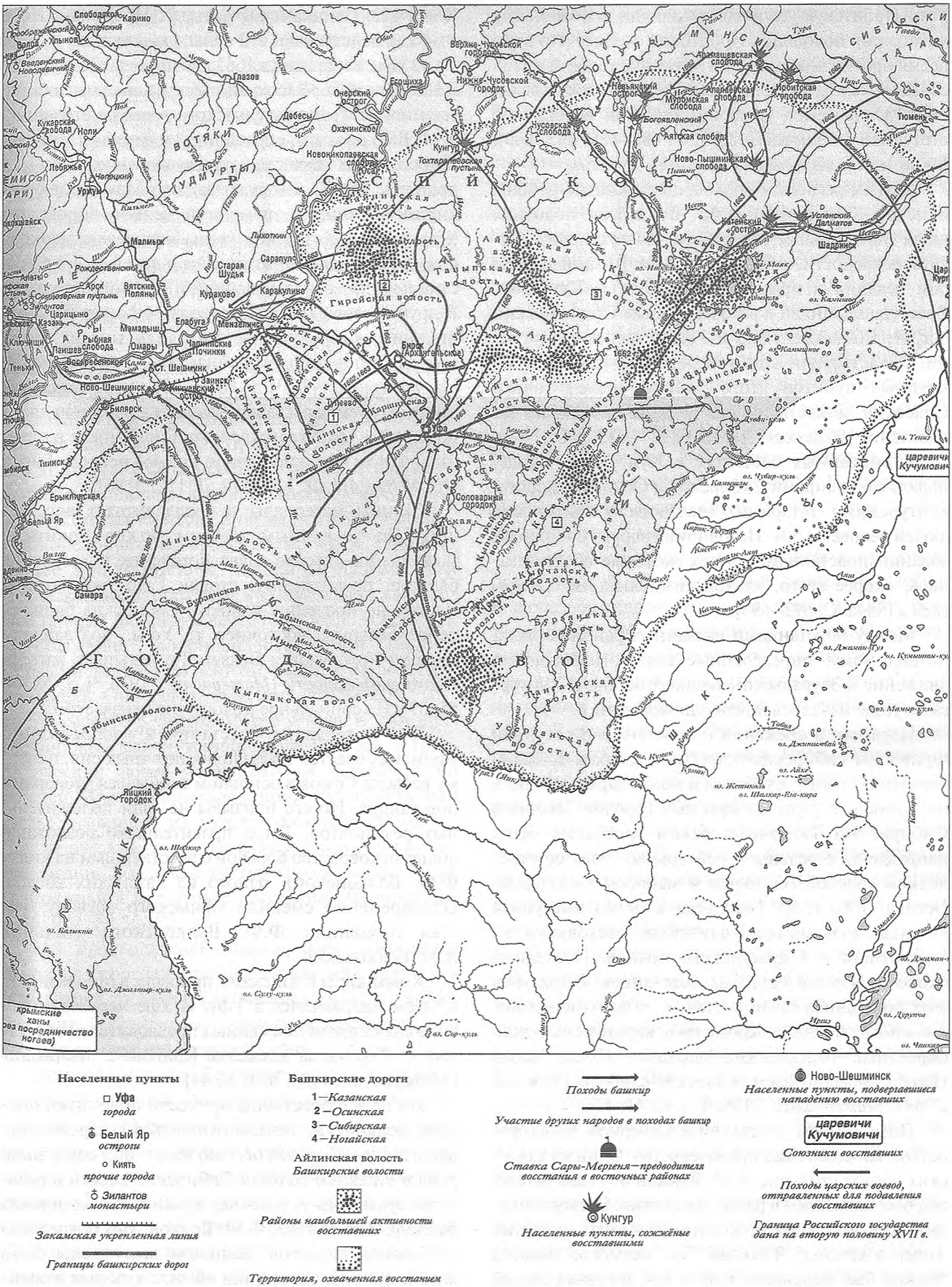

Рис. 14. Башкирское восстание 1662–1664 гг.

Усть-Ирбитскую слободы и заняли их. В конце месяца они подошли к Ирбитской слободе. Но в это время против них выступил отряд, состоящий из 150 солдат и «охочих» людей. Воевода Туринска послал еще 150 чел. Под напором этих сил восставшие отступили *[Пермская...* 1884а. С. 687-689, 695-699]. В конце сентября здесь наступило затишье.

Другим регионом борьбы стали южные районы и центр Кунгурского уезда. Во второй половине июля значительные отряды восставших стали нападать на крепости, монастыри и села. В конце месяца они осадили и приступом овладели г. Кунгуром. Восставшие заняли и разорили также Степановский острог, Воздвиженскую и Рождественскую пустыни, монастырские села и деревни на р. Сылва. Из крупных пунктов этого района уцелел только Спасский монастырь, где и укрылось окрестное население *[Пермская...* 1884а. С. 679, 683, 688].

В описанных событиях в Кунгурском уезде, наряду с башкирами Сибирской и Осинской дорог и кунгурскими татарами, участвовало «литовских людей человек с 50». Источники говорят об использовании повстанцами пушек, которые обслуживались, скорее всего, «литовскими людьми» *[Пермская...* 1884а. С. 692—693].

Между повстанцами названных районов были, по-видимому, определенные связи. Не случайно движение в Зауральском Башкортостане и Кунгурском уезде началось почти одновременно.

Первыми в сражения с повстанцами вступили гарнизоны сибирских острогов и слобод. К осажденным острогам, слободам и монастырям спешили на помощь отряды из крупных городов Западной Сибири. Из Тюмени в район восстания были направлены стрельцы и рейтары во главе со стрелецким головой Блудовым и майором Сниттером. Осенью 1662 г. из Тобольска в поход выступила команда полковника Полуэктова, состоявшая из I пехотного и I драгунского полков. Последний около оз. Иртяш напал на повстанцев. В ходе боя двух повстанцев взяли в плен, «... а иных изменников многих побили». Кроме того, каратели разорили окрестные башкирские деревни. После этого Полуэктов вернулся в сибирские слободы *[Там же.* С. 693; *Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 41, 42].

Подавлением восстания в Северном Башкортостане занялось само правительство. Один из казанских воевод стольник А.М. Языков во главе ратных сил был направлен в район восстания. Воевод ближних городов обязали срочно выделить военных людей в команду Языкова. Так, пермский воевода должен был направить туда 1 104 даточных людей *[Пермская...* 1884а. С. 702; *Архив СПб ИИ РАН.* Колл. 122. Соликамские акты. Т. III. № 38]. Но о том, как действовали эти силы, данных нет.

О ходе восстания в 1662 г. в пределах Казанской и Ногайской дорог сохранились лишь самые общие сведения. В грамоте уфимского воеводы стольника А.М. Волконского, обращенной к жителям «ицких» волостей, так характеризуется это движение: «...в прошлом во 170-м году от вас ото всех дорог башкирцев учинилась измена и всякое воровство, Уфимской и Казанской уезды повоевали, церковь божии обругали и пожгли, села и деревни, и хлеб, и сена пожгли, и людей побили и в полон поймали». В другой своей грамоте воевода обвиняет башкир, что они «...к городу к Уфе приходили, многих людей в уездах и под городом побили и в полон поимали» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 51, 56]. Известно также, что в это время восставшие заняли и разорили дворцовое село Архангельское на р. Бирь. После восстания на этом месте поставили новую крепость Бирск *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 112. Л. 96].

Скудны материалы о предводителях восставших. По косвенным данным можно прийти к заключению, что во главе ногайских и казанских башкир, по-видимому, стояли Гаур Акбулатов и Улекей по прозвищу Кривой. Сибирских башкир, действовавших восточнее г. Уфы, возглавляли Азнагул Урускулов и Бекзян Туктамышев, жители Айлинской волости *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 44, 55, 57]. Их социальное положение неизвестно.

Для подавления восстания в распоряжении уфимских властей не было достаточных сил, поэтому воевода Сомов в основном занимался уговорами повстанцев. Но его призывы не дали положительных результатов. Тогда правительство возложило общее руководство борьбой с восставшими на князя Ф.Ф. Волконского, одного из казанских воевод. Одновременно сменили уфимского воеводу. Им стал помощник Ф.Ф. Волконского стольник А.М. Волконский.

Командиры с войсками прибыли в Мензелинск, а затем направились в Уфу. В Уфе первым делом воеводы казнили пойманных предводителей восстания - «Гоурка да Улекейка Кривова с товарыщи» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 44].

Но не все повстанцы принесли повинную, поэтому Волконские начали готовиться к карательной экспедиции. Поздней осенью 1662 г. они совершили рейд в западные волости Сибирской дороги и разорили аулы кыр-кудейских, айских, балыкчинских башкир. Кроме того, Ф.Ф. Волконский потребовал от башкир аманатов. Башкиры вынуждены были дать властям в заложники 40 чел. «добрых людей» *[Там же.* № 56, 60].

К борьбе с движением правительство вовлекло и воеводу Астрахани князя Г.С. Черкасского. Он в сентябре 1662 г. направил в Башкортостан войско во главе с думным дворянином З.Ф. Левонтьевым. Одновременно от него к повстанцам были направлены 2 астраханских ногайца для уговоров башкир. В ноябре посланцы добрались до Уфы и созвали 300 представителей волостей для переговоров. В итоге собравшиеся решили прекратить борьбу и составили челобитную на имя царя, в которой объясняли причины их недовольства. В этой обстановке Черкасский отменил поход Левонтьева в Башкортостан *[Устюгов,* 1947. С. 85—87].

В итоге обстановка в европейской части Башкортостана несколько разрядилась. Часть повстанцев обратились к властям с челобитной о своих нуждах. Но в. целом край был далек от успокоения. Многие башкиры хотели продолжать восстание, но для этого они нуждались в союзниках. Повстанцы Зауралья установили контакт с царевичем Кучуком, правнуком знаменитого Кучума, и другими потомками последнего, которые в это время обитали восточнее Башкортостана. Башкиры Казанской и Ногайской дорог обратились за помощью к калмыцким тайшам Дайчину и Аюке *[Там же.* С. 82, 90, 91].

Восстание возобновилось весной 1663 г. Первыми выступили жители Сибирской и Осинской дорог. Они нападали на крепости, села и деревни Уфимского и Соликамского уездов. К ним присоединились манси, жившие по р. Чусовая, и группа русских людей из Верхотурья. Верхотурский стрелец Иван Громыхалов привозил повстанцам «зелье и свинец» из города, «покупая из рядов». Другие русские люди, например, Иван Аникиев «с товарищи», по словам кунгурского воеводы, также участвовали в подготовке восстания *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 56, 43].

Из предводителей башкирских повстанцев Зауралья прослеживается активность Азнагула Урускулова, Бекзяна Туктамышева и Урусланбека Баккина. С башкирами совместно действовал, по-видимому, царевич Кучук со своим отрядом.

Летом 1663 г. борьба развернулась на широких просторах Зауралья. Во второй половине июня восставшие заняли ряд сел и деревень по р. Режь, затем напали на Арамышевскую слободу. Здесь повстанцев, по свидетельству очевидцев, было «с тысячю и болши». Против них выступила команда рейтар и солдат во главе с майором Сниттером, капитаном Галасейкиным, а также пашенные крестьяне, возглавляемые строителем Невьянского монастыря. Но в трех верстах от слободы они были окружены восставшими. 3 июля повстанцы напали на Невьянский острог.

Осенью основной ареной восстания стали окрестности оз. Ирбит и бассейн р. Ирбит. Восставшие в начале октября напали на Киргинскую, Ирбитскую и Усть-Ирбитскую слободы, окрестные села и деревни. На выручку этих слобод выступила команда Полуэктова, но восставшие нанесли ей серьезное поражение. В состоявшемся бою полковник Полуэктов, многие рейтары и солдаты были ранены, а «...человек с 30 и болыпи рейтар и солдат...» убиты *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 6. № 433. Л. 204].

В начале 1664 г. власти перешли в наступление. С марта по май усиленная команда Полуэктова громила башкирские аулы, расправлялась с повстанцами. Около оз. Чарги, в частности, каратели разгромили аул Урусланбека Баккина, одного из предводителей восставших, убили его самого и членов семьи *[Устюгов,* 1947. С. 104—105]. Но этот рейд Полуэктова не достиг своих целей. Летом 1664 г. движение возобновилось.

В июне начались нападения небольших групп повстанцев на села и деревни сибирских слобод. В июле восставшие башкиры, манси и сибирские татары действовали в бассейне р. Нейвы. Они разоряли деревни Невьянской волости, взяли Невьянский монастырь. Есть также сведения об их нападении на Краснопольскую и Мурзинскую слободы. В середине сентября повстанческие отряды появились в среднем течении р. Исеть. Они напали на Беляковскую слободу, заняли окрестные села и деревни, затем окружили Мехонский острог, сделали несколько приступов. В помощь осажденным подошла команда Полуэктова. Восставшие отступили за р. Исеть. Этим завершается активное действие восставших в Зауралье. В октябре 1664 г. здесь наступило спокойствие.

О том, что далее происходило в стане повстанцев, свидетельств нет. По косвенным данным можно заключить, что между башкирами и царевичем Кучуком, по-видимому, произошел разрыв. Кучук со своими людьми оставил пределы Башкортостана. Повстанцы приняли предложение тобольского воеводы о переговорах. Зимой или весной 1665 г. их люди побывали в Тобольске, что означало прекращение борьбы *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 64, 65].

О ходе восстания в европейской части Башкортостана сохранились только общие материалы. Известно, что оно возобновилось весной 1663 г. К нему примкнули и те башкирские отряды во главе с тарханом Ишмухаметом Давлетбаевым, которые в

1662 г. были на стороне властей. Кроме того, восставших башкир поддержали калмыки.

Одним из районов борьбы являлись окрестности Мензелинска и закамских крепостей. Движение развернулось и в центре края, вблизи Уфы. Очевидец событий рассказывал об этом следующее: «... а нагайские де люди и башкирцы с Ишметом Давлетбаевым с товарыщи, собрався с калмыцкими людьми Мунчака тайши пошли под Уфу» *[Там же.* № 46].

Источники свидетельствуют о том, что временами повстанцы различных дорог действовали вместе. Так, осенью 1663 г. часть восставших Казанской дороги находилась на Ногайской дороге *[Там же.* № 48,44, 46].

Иногда восставшие пытались организовать совместные операции отрядов всех четырех дорог. На осень 1663 г. было задумано подобное выступление. Повстанцы Зауралья во главе с Кучуком в первой половине ноября должны были приехать в район среднего течения Белой, вблизи болота Кочевань соединиться с башкирами Ногайской и Казанской дорог. Отсюда восставшие намеревались идти к г. Уфе и предъявить воеводе ультиматум. В случае непринятия их требований они собирались начать действия по захвату города. Однако по неизвестным причинам зауральские башкиры в условленное место не приехали и тем самым сорвали задуманное. Прождав их несколько дней, повстанцы Ногайской дороги решили сами начать переговоры с воеводой, представители которого как раз в это время приехали к восставшим. Уфимский воевода обещал прощение за участие в восстании и различные уступки.

Переговоры продолжались около месяца. В итоге ногайские башкиры прекратили борьбу и обратились в Москву с челобитной о прощении. Челобитную туда повезли в сопровождении людей воеводы выборные башкиры Динмухамет Юлаев и Актай Дусмухаметов. В Москве они были приняты царем Алексеем Михайловичем. В конце февраля 1664 г. эти послы с царской жалованной грамотой вернулись домой *[Там же.* № 55, 46, 44, 47].

На Казанской дороге восстание продолжалось. В конце октября — начале ноября 1663 г. крупные силы повстанцев находились в четырех днях езды от Мензелинска. Наряду с башкирами здесь были и калмыки. Во второй половине ноября восставшие вели активные операции в этом районе. Уфимский воевода в своем обращении к повстанцам Казанской дороги так характеризовал ход борьбы: «... ваша братья молодые люди воруют, под Мензелинеск и в Казанской же уезд и в ыные места изгоном приходят, и людей побивают, и в полон емлют, и всякое воровство делают». Из предводителей можно назвать Атыгеша Токалова, Килея Таникеева, Менена и Сарта, которые представляли различные волости Казанской дороги *[Пермская...* 1884а. С. 770; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 51]. Об их социальном положении нет определенных сведений.

Власти опасались перенесения восстания на западную сторону р. Камы. 22 ноября казанский воевода князь Куракин направил дворянина Аристова с отрядом на Каму с задачей «...стоять против изменников башкирцов и калмыцких и ногайских воинских людей ...и воинских людей через Каму реку в Казанской уезд не перепустить» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 51]. Уфимские власти неоднократно обращались к повстанцам Казанской дороги с призывами прекратить восстание и начать переговоры.

Когда прекратили борьбу жители этого района, нет сведений. Во всяком случае, весной 1664 г. они еще не прислали своих представителей в Уфу. Возможно, это произошло во второй половине 1664 г.

Как видно, правительству не удалось подавить восстание военной силой. Борьба шла с переменным успехом. Восстание прекратилось в значительной степени в результате переговоров, в ходе которых правительство обещало удовлетворить основные требования башкир. По просьбе последних правительство сняло А.М. Волконского с поста уфимского воеводы. Воеводой вновь стал стольник Ф.И. Сомов. Еще более существенной была уступка по земельному вопросу: правительство официально подтвердило вотчинное право башкир на их земли. Новый воевода должен был, кроме того, рассматривать конкретные жалобы башкир по этому вопросу и удовлетворять их претензии. Правительство также обещало покончить с злоупотреблениями при сборе ясака *[Устюгов,* 1947. С. 105-107].

Основным лозунгом восставших являлось отстаивание условий вхождения в состав Русского государства. С некоторыми перерывами восстание продолжалось с 1662 по 1664 г. Дата его окончания, правда, несколько условна, ибо, хотя активные действия восставших завершились осенью 1664 г., переговоры и окончательное успокоение края, по-видимому, приходятся на первую половину 1665 г. Как отмечено выше, восставшие добились удовлетворения своих основных требований.

ВОССТАНИЕ 1681-1684 гг.

В ходе борьбы с движением 1662-1664 гг. власти обещали повстанцам серьезные уступки. Однако в последующие годы обещания выполнялись непоследовательно. Примерно с середины 70-х гг. власти повели здесь, по существу, прежнюю политику. Когда в мае 1681 г. правительство приняло указ о христианизации мусульманского населения страны, то башкиры вновь взяли в руки оружие.

По косвенным данным, первые выступления башкир начались в августе 1681 г. в европейской части края. Массовая борьба развернулась весной 1682 г. В начале апреля отряды восставших обрушились на закамские крепости. В середине мая повстанцы начали свои действия в центре края. Их отряды появились в окрестностях Уфы, заняли принадлежавшие уфимским дворянам села и деревни вокруг города, в т. ч. Красный Яр, Ловашное и др. *[Архив СПб ИИ РАН.* Колл. 122. Т. V. № 4; *НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 74]

Районом интенсивного движения являлась также Осинская дорога. Здесь основной удар был направлен на Кунгур. Было неспокойно и на западной окраине. Восставшие напали на г. Самару, что видно из донесения воеводы в Москву: «... в нынешнем, государь, в 190* году в мае месяце приходили под город Самару уфинские башкирцы и многие стада отогнали и людей в полон побрали» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 73; *Лобов,* 1911. С. 5; *Очерки...* 1956. Т.I. Ч. 1. С. 119].

Восстание охватило весь край. В мае повстанцы действовали по всей европейской части Башкортостана. В июне оно распространилось на соседние Казанский, Кунгурский и Верхотурский уезды.

Скупы источники относительно предводителей движения. Имеются сведения лишь о главном вожде восстания по имени Сеит. На основе некоторых косвенных материалов можно предположить, что Сеит был известным духовным лицом *[Рычков,* 1762а. Ч. 1. С. 88; *Фахретдинов,* 1925. С. 57].

Размах восстания встревожил местные власти. Воеводы Уфы и Казани обратились в Москву за помощью. Правительство приняло срочные меры. В середине мая 1682 г. было решено направить против повстанцев войско, состоящее из московских и городовых дворян, конных и пеших полков нового строя с пушками. Во главе этих сил должен был встать казанский воевода П.В. Шереметев (Меньшой), а его товарищами назначены посланные из Москвы окольничий князь Д.А. Барятинский и стольник князь П.И. Барятинский. Для поднятия духа карателей власти использовали религиозные средства. И июня 1682 г. «...государи и царевна Софья провожали в Казань образы и знамения пресвятой Богородицы» *[Архив СПб ИИ РАН.* Колл. 122 Т. V. № 4; *НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 29].

В конце мая Д.А. и П.И. Барятинские выехали из Москвы в Казань. Но выделенные ратные силы собирались медленно. Восстание же ширилось с каждым днем. В этой обстановке уфимский воевода стольник князь Коркодинов выступил, не дожидаясь прихода помощи из Москвы. Значительный отряд, состоявший из уфимских дворян, стрельцов, казаков и других служилых людей, 28 мая вышел из Уфы и направился против повстанцев. В начале июня в районе между закамскими крепостями и р. Ик состоялся ожесточенный бой. Предводитель восстания Сеит был ранен. Общий исход военных действий не совсем ясен. Коркодинов писал, что «...на том де бою они, изменники, говорили, чтоб больши того не битися и с ним переговорить» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 74]. Но последующие события говорят, что уфимский воевода не сумел разгромить восставших.

Сеит и его помощники не пали духом. Источники сохранили сведения об их деятельности по пополнению повстанческих отрядов. Например, мишари Кайбыс Узеев и Аюкай Кемеев ездили по Сибирской дороге и призывали: «... башкир и всяких иноверцев на воровство, чтобы они шли к вог; Сеитку воевать вместе» *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 32. Л. 29]. Стало очевидно, что нельзя рассчитывать на быстрое военное подавление движения. Тогда власти решили успокоить недовольных уговорами, обещаниями уступок. Но попытки местных воевод не имели успеха — повстанцы им не верили. 8 июля 1682 г. правительство от имени новых царей Ивана и Петра обратилось к башкирам с грамотой, в которой, объявив, что указа о насильственной христианизации не было и ныне нет, официально отказалось от провозглашенной линии *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 132. Л. 37—38]. Это было важной победой восставших, которые вооруженным выступлением вынудили власти отказаться от планов насильственной христианизации населения края.

Мирные призывы от имени царей и серьезная уступка - официальный отказ от крещения внесли определенный раскол в ряды повстанцев. Часть из них прекратила борьбу и обратилась к правитель-

* 190 год - указан по старому летосчислению, действовавшему в России до указа Петра I от 20 декабря 1699 г. По новому летосчислению соответствует 1682 г.

ству с челобитной. Она была составлена от имени жителей четырех дорог, и выборные башкиры Кучук Юлаев «с товарищи» повезли ее в Москву. Об общем содержании челобитной можно судить, исходя из царской грамоты от 17 августа 1682 г. Челобитники просили прощения за участие в восстании, согласились дать аманатов и вернуть захваченный скот и пленных, обещали впредь служить верно [*Дополнения...* 1867. Т. X. № 25. С. 69—70; *СПбФАРАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 32. Л. 29; *Акты...* 1842. Т. V. № 87. С. 138]. Но другая группа восставших во главе с Сеитом не шла на соглашение с властями и продолжала борьбу. Они сумели заключить союз с калмыками.

В начале июля 4 тыс. калмыков во главе с Аюкатайшой появились в районе рр. Ик и Сунь Казанской дороги. Башкиры вместе с ними возобновили нападения на закамские крепости. 27 июля они подошли к Мензелинску и осадили его. В боях в этом районе восставшие «...многие люди и стада конские и животинные отогнали, многих мензелинских казаков и иноземцев побили и поранили» *[Там же]*.

Другим районом борьбы была Осинская дорога. В источниках говорится, что в Уранской и других волостях «...калмыки, ногайцы, горные черемесы и с ним изменники башкирцы воюют, многие деревни разорили». Восставшие дошли до Камы и заняли дворцовое село Николо-Березовку *[Дополнения...* 1867. Т.X. №25. С. 70].

В августе активные действия развернулись в пределах Ногайской дороги. Восставшие вновь подошли к Уфе. Вместе с башкирами здесь были также калмыки под предводительством тайши Замсы *[Там же.* С. 69-70].

Союз башкир с калмыками еще больше осложнил положение властей в крае. Правительство было не в состоянии осуществить военный разгром движения. Тогда оно решило первым делом расстроить этот союз. Переговоры с калмыками вел воевода Астрахани. Подарками и обещаниями в начале 1683 г. ему удалось добиться от калмыков отказа от дальнейшей поддержки восстания башкир *[Полное...* 1830. Т. II. № 990]. Последних же пытались успокоить обещанием прощения и уступок. Казанские и уфимские воеводы не раз обращались к башкирам с подобными предложениями. Но восставшие не поддавались уговорам. Даже отъезд основных сил калмыков в сентябре 1682 г. за р. Яик не приостановил борьбу. В сентябре-октябре 1682 г. в европейской части Башкортостана движение продолжалось. 21 октября состоялось сражение восставших с отрядом воеводы около г. Уфы *[РГАДА.* Ф. 1173. Д. 1021; *Акты...* 1836. Т. IV. № 262. С. 375].

В конце лета существенно расширился район восстания: борьба охватила Зауралье. Она развернулась на обширной территории от р. Чусовой до среднего течения Исети. Первыми подверглись нападению Уткинская и Чусовская слободы. В начале августа повстанцы овладели Уткинской слободой. В середине месяца значительный отряд восставших находился на р. Серьга, притоке Уфы. Приказчики Аятской, Арамильской, Мурзинской и других слобод с тревогой ожидали их удара. Другой отряд стал двигаться с верховьев р. Ай в сторону р. Исеть. Вскоре повстанцы напали на остроги и слободы, расположенные на Исети. Сильному приступу подвергся Колчеданский острог, который затем был занят восставшими. Позже башкиры обложили Катайский острог *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 28. Карт. 29. № 9, 30; *Архив РАН.* Ф. 21. Д. 4. № 29].

В этой обстановке власти приняли экстренные меры. Из Тобольска в район восстания были направлены 2 тыс. ратных людей во главе с дворянином Федором Волковым. В конце августа — начале сентября в верховьях р. Яик состоялось крупное сражение, но Волкову не удалось разгромить башкир *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 29. Карт. 28. № 9].

В центре края, как уже говорилось, движение продолжалось до конца октября. Лишь наступление холодов приостановило борьбу.

Видя, что восставшие не собираются принести повинную, правительство в октябре 1682 г. вынуждено было еще раз вернуться к рассмотрению башкирского вопроса и пойти на новые уступки. В принятом указе оно официально осудило захват башкирских земель и обещало коренным жителям положить конец этому явлению. Далее был снят с поста уфимского воеводы стольник князь Коркодинов. На его место поставили князя Д.А. Барятинского *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 132. Л. 19, 93; *Пекарский,* 1883. С. 301]. Это были существенные уступки восставшим. Власти обещали устранить все, что вызывало их недовольство.

Но весной 1683 г. движение возобновилось, ибо башкиры не верили обещаниям властей. Еще были в памяти те милости, которые от царского имени были им обещаны в 1664 г. и забыты в 70-е гг.

Выступления начались в мае 1683 г. на территории Ногайской дороги. Повстанцы напали на Соловарный городок, расположенный в среднем течении р. Белой. Вначале был взят и сожжен Вознесенский монастырь, находившийся рядом. Затем башкиры начали приступать к самому городку. Но в это время сюда подошел отряд из Уфы.

После нескольких стычек с ним повстанцы ушли в степь *[Модестов,* 1914. Вып. 31. С. 55].

Борьба шла и на Казанской дороге. Восставшие нападали на закамские крепости. Особенно упорные бои шли за Билярск. Слобода была сожжена, но крепость устояла. В этих сражениях башкир поддерживали отдельные калмыцкие отряды. Но основные силы калмыков во главе с Аюкой в движении 1683 г. не участвовали *[Дополнения*... 1867. Т. X. № 80. С. 362].

Правительство на этот раз не было застигнуто врасплох. Еще в марте 1683 г. оно приняло решение направить в Башкирский край дополнительные военные силы. Во главе последних был поставлен новый казанский воевода боярин князь Ю.С. Урусов, а его товарищами - окольничий князь Ф.Ф. Волконский и думный дворянин Н.И. Акинфов. Назначенные срочно выехали из Москвы в Казань, оттуда - в Мензелинск, к месту сбора ратных сил. Воеводам ряда городов было приказано направить туда рейтар и солдат *[Там же.* С. 359-360]. В середине июня в районе Мензелинска сосредоточились значительные силы. По приказу правительства сюда подошли и яицкие казаки. В конце июня войска перешли в наступление. В ряде боев около Мензелинска и других крепостей Закамской линии они нанесли повстанцам поражение *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 74; *Лобов,* 1911. С. 5]. Это оказалось серьезным ударом по восстанию. Летом и осенью 1683 г. на европейской части Башкортостана уже не было заметных действий повстанцев.

Правда, восставшие пытались продолжить борьбу в Зауралье. Обстановка вновь обострилась в конце лета. Появились слухи о предстоящем нападении повстанцев на остроги и на слободы. Но по неизвестным причинам брожение здесь не переросло в восстание.

В 1684 г. восстание возобновилось. Повстанцы двинулись на Уфу. Но им дорогу преградил отряд под предводительством уфимского дворянина В.И. Лопатина. Решающее сражение состоялось у брода через р. Уфу около села Богородское. Конкретных данных о его ходе не сохранилось. Известно только, что восставшие не сумели переправиться через реку. Сведений о дальнейших действиях повстанцев в источниках обнаружить не удалось. По-видимому, восстание было прекращено.

Таким образом, восстание, вспыхнув в 1681 г., в следующем году охватило территорию Башкортостана и ряда соседних уездов. В 1683 г. оно развернулось в основном в пределах европейской части Башкортостана. В 1684 г. была сделана попытка продолжить движение в самом центре края — под Уфой. Но она оказалась неудачной. Восставшие успешно сражались с регулярными войсками, овладели рядом крепостей, слобод и сел. В восстание, начатое башкирами, включилась затем часть пришлого нерусского населения. Важной была, особенно в военном отношении, поддержка со стороны калмыцких отрядов. Но не следует преувеличивать роль перечисленных союзников башкир, ибо в движении они участвовали лишь в определенные периоды. Лозунги борьбы в 1681-1684 гг. были те же, что и в восстании 1662—1664 гг. Правительство не сумело осуществить военное подавление повстанцев. Оно официально отказалось от политики христианизации мусульманского населения Башкортостана, обещало покончить с изъятием башкирских земель, сняло воеводу г. Уфы.

БАШКИРСКИЕ ВОССТАНИЯ В ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ 1700 - 1721 гг, И РЕФОРМ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. В РОССИИ

ВОССТАНИЕ 1704-1706 гг.

Начало XVIII в. характеризуется дальнейшим усилением феодального гнета в стране. Это было связано с развитием крепостничества вглубь и вширь, ростом государственных налогов и повинностей в условиях длительных и разорительных войн, реформирования государственного управления, армии и флота, строительства крепостей, городов, мануфактур, каналов и т. д.

Повсеместное сопротивление власти, принявшее самые различные формы, начиная от подачи челобитных и побегов до вооруженной борьбы (например, восстания в Астрахани, на Дону и прилегающих уездах) являлось ответом крестьян, посадских и работных людей, казаков и нерусских народов на рост феодальной эксплуатации.

Башкортостан не составлял исключения в этом отношении. И здесь было налицо ухудшение положения населения, что во многом было связано с деятельностью т.н. «прибыльщиков»*, послужившей одной из основных причин восстания 1704—1706 гг.

Первая партия «прибыльщиков» выехала из Москвы в конце июля 1704 г. и направилась в Казань, Уфу и «иные дальные городы» *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 83. Карт. 2. № 213]. В августе прибыльщики Андрей Жихарев и Михаил Дохов, сопровождаемые подьячими, переводчиками и солдатами, приехали в Уфу и разослали гонцов во все волости с наказом послать выборных людей в Уфу, чтобы слушать указ царя. 5 октября за р. Белой около Уфы они читали собравшимся представителям волостей указ о переходе в казну башкирских рыбных ловель, введении множества новых мелких налогов, проведении переписи населения и ряде мер, затрагивающих религиозные убеждения нерусских жителей края *[РГАДА.* Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 3-11].

Новый указ задевал прежде всего земельные права башкир, переводя в ведение казны наиболее крупные рыбные ловли по рр. Кама, Белая и другим с прилегающими территориями. Заметно возросли налоги. Кроме прежних, башкиры должны были платить налог с домовых ульев, бань, свадеб, калыма, уплачиваемого родителям невесты, лошадных шкур, дуг, хомутов, печей, валков, мельниц, прорубей, ворот, окон, погребов, с каждого приехавшего в город на базар или молящегося в мечети, абызов мечетей. Подлежали переоброчке бортные леса. Прибыльщики в своем рвении придумывать новые статьи налога часто доходили до нелепых вещей: обязали башкир платить налог с глаз.

Активизировалась и политика христианизации. Князю Уракову, посланному из Казани в начале 1705 г. для выяснения обстановки в крае, башкиры говорили, что переписчики требовали мечети «огораживать, и в той де городьбе у мечетей мертвых их класть, а по их де вере мертвых около мечетей не кладут, и по тому знатно, что ведут их ко крещению» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 21. С. 110; *РГАДА.* Ф. 108. Оп. 1.Д. 2. Л. 3-4].

Все это вызывало недовольство башкир. Представителям властей они говорили о непосильности этих требований, наивно полагая, что это делается без ведома царя: «И они де спорили и тех прибыльных дел на себя не приняли, и сказали де они ему, Андрею, что они воры и про те прибыльные дела великий государь имянно ведать не изволит... А в том в прошлых де годех присланы к ним великого государя грамоты, что всяких поборов вновь не накладывать, и вотчин не отымать, и их

’ Так называли чиновников, присланных из Москвы, которые прилумвтвали на местах новые налоги для обложения населения.

веры не нарушить до окончания жительства». В ответ чиновники пригрозили им суровой расправой. В результате спор перешел в драку: возмущенные башкиры избили прибыльщиков, а ненавистный указ разорвали на клочья и бросили в воду *[Материалы...* 1936. Ч. 1.№ 21,119. С. 101-111,259].

Башкиры начали собирать отряды, готовить коней, оружие и припасы. На западных границах Башкортостана были расставлены караулы. Важной частью подготовки восстания стало установление связей с народами Поволжья и Северного Кавказа, где также создалась напряженная обстановка. Прибыльщик Иван Морской доносил из Чебоксар, что «...ясашные люди чинятца ему во всем противны и во что положено, давать не хотят». Татары Казанского уезда еще в сентябре 1704 г. «...перепищиком противились». Возбуждены были и астраханские-ногайцы. Явно враждебно к властям были настроены чеченцы, ногайцы, кубанские татары, кумыки, тавлинцы и другие *[РГАДА.* Ф. 6. Д. 17. Л. 91 об.; *Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 3. Карт. 4. № 12; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 21. С. 118]. Осенью 1704 г. башкиры сумели установить связи с казанскими татарами и астраханскими ногайцами. Это стало известно правительству, которое еще в конце октября 1704 г. получило сведения о том, что «... воры башкирцы и казанския татары хотят согласитца с астраханцы» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 21. С. 118].

Правительство было особенно обеспокоено тем фактом, что в этих районах наряду с нерусскими народами проявляли недовольство и русские крестьяне. Всенарастающая помещичья и монастырская колонизация, увеличение податного бремени, преследование беглых крестьян, солдат, драгун, нетерпимость по отношению к раскольникам - все это не могло не вызвать их сопротивления. Антиправительственным духом были охвачены казацко-крестьянские массы Дона, астраханские посадские люди, солдаты и стрельцы, казаки-раскольники на рр. Аграхань, Терек, Кубань *[Булавинское...* 1935. № 1, 2, 4, 5, 7; *Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 82. Карт. 4. № 12; *Чаев, Бибикова,* 1935. С. 5—32]. Недовольство проявляли и солдаты Уфимского гарнизона *[РГАДА.* Ф. 7. Д. 17. Л. 138]. Все это свидетельствовало об обоснованности опасения властей возможности совместной борьбы населения Урала, Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа.

Правительство зорко следило за событиями в Башкортостане. Получив известие об открытом выступлении башкир против прибыльщиков, власти направили в туда группу казанских дворян во

Рис. 15. Чтение указа прибыльщиками 5 октября 1704 г. Худ. А.Р. Мухтаруллин

главе с князем Ураковым: формально для переговоров с башкирами, чтобы успокоить их обещаниями уступок, на деле для выяснения истинной обстановки в крае. Хотя башкиры старались скрыть от Уракова подготовку восстания и в своей челобитной 1706 г. писали, будто последний «...никаких худых дум и зборов...» у них не нашел, однако Ураков сумел правильно оценить ситуацию в крае и представил соответствующее донесение. Правительство убедилось, что здесь дело идет к восстанию. Властям также стали известны связи башкир с соседними нерусскими народами. Поняв, что здесь дело идет к восстанию, правительство решило организовать демонстрацию военных сил. В этих целях в начале 1705 г. в закамские крепости были посланы дополнительные военные силы: «А пришли в Заинек и в Мензелинск и в Шешминск и в село Каракулино многие полки солдат». Командир одного из отрядов Люткин, собрав выборных башкир, потребовал от них подтвердить свою покорность правительству отдачей в Казань заложников от всех 4-х дорог. Башкиры отказались *[РГАДА.* Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.]. Таким образом, попытка устрашить башкир концентрацией военной силы не имела успеха.

В этих условиях власти решили сломить сопротивление башкир вооруженным путем. Поскольку с ноября 1704 г. все «низовые города» и ясачные люди Поволжья находились в ведении князя А.Д. Меншикова, то и успокоением края занялся последний вместе с казанскими властями. Комендантом Казани в это время был Н.А. Кудрявцев. Во главе военной экспедиции, направляемой в Башкортостан, был поставлен комиссар Александр Сергеев, отличительной чертой характера которого являлась жестокость. Еще в апреле 1704 г. он был послан от Меншикова с чрезвычайными полномочиями «...во

все низовые города... для набору солдат и разбору дворян...». Воеводам этих городов было предписано «...быть во всем послушны...» Сергееву. Особо говорилось о его власти над ясашными людьми: «Да ему ж Александру велено ведать Уфу, Самару, Синбирск, Свияжск и ясашных иноверцев» *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 83. Карт. 10. № 129; *Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 83. Карт. 4. № 12].

С самого начала Сергеев решил жестокостью запугать башкир и подавить их волю к сопротивлению. В конце февраля 1705 г. во главе 2 конных и 4 пехотных полков он прибыл в Мензелинск. Собрав представителей башкир ряда волостей Казанской дороги якобы для слушания указа, Сергеев арестовал их за сопротивление прибыльщикам. По пути из Мензелинска в Уфу на каждый ям* по приказу Сергеева солдаты сгоняли окрестных башкир, грозили им суровыми карами и стреляли из пушек для запугивания. Находящиеся по пути следования башкирские деревни подвергались разграблению. Каратели двигались очень быстро, не жалея ни лошадей, ни подводчиков: «...на тех их лошадях не переменяясь скакали с утра до вечера и от того де их лошадей померло многое число; и на дороге де они едучи, которые их попадались встречю, топтали многих до смерти и которые были на дороге, бортные их ухожья со пчелами, мед выломали и хоромы их сожгли». От такого обращения и холода погибли и получили увечья многие подводчики-башкиры, а также пало свыше 1 ООО лошадей *[Материалы...* 1936. Ч. 1. №21. С. 119, 260, 262].

При въезде в Уфу каратели устроили своеобразную арку из пушек, сабель и копий и через нее провели башкир, которых арестовали в Мензелинске. Созвав в Уфу представителей башкир со всех дорог, Сергеев стал требовать с них 20 ООО строевых лошадей, по 5 ООО с каждой дороги. Когда башкиры стали говорить о непосильности этого требования, Сергеев приступил к расправе: «...запер их в приказ, а иных в тюрьму, а иных в стюденые избы...», говорил им «...вас де велю перевешать и переказнить и по дорогам де пошлю полки, тако же де велю последних вашу братью и жен ваших и детей вырубить до малого ребенка...». Затем он устроил массовую порку выборных башкир. От побоев умерли жители Табынской волости Беккул, Бишаульской волости Шалтык абыз, Миркитской волости Клин. Остальные выборные под угрозой смерти вынуждены были дать свои подписи о даче по 1 300 лошадей с каждой дороги.

Рис. 16. Встреча башкирских послов с Б.П. Шереметевым в декабре 1705 г. в Казани. Худ. А.Р. Мухтаруллин

На этом Сергеев не остановился. Он велел собрать в одно место выборных людей, а также других башкир, находившихся в Уфе по своим делам, и насильно напоил их до потери сознания: «...заперев в крепкий огород, кругом караул поставил, вина и меду поставя и зелья положа, в неволю поил, кто и век свой меду и вина не пивали, азей и мулов и ахунов их поил; а ежели кто не станет пить, тех бив палками и насильно поил, и напившиеся де лежали бес памяти, и лежащих де людей порохом палил, солому огнем зажигал, на руки свечи прилеплял, другим в горсти пороху насыпав огнем палил, а збережась лежалых людей сызнова подняв по неволе поил, хотя поморить. В тот огород ввел 100 пушек и стрелял до вечера до 10 раз... И как де они пьяные лежали, а он де Сергеев, вышел в огород, всякому пьяному лежачим людям, держав против солнца зеркало свое, рожи и головы жег и, который тронетца, еще поил, чтобы поморить». В результате этого «угощения» умерло 4 человека. А всего от побоев и бесчеловечных поступков Сергеева только в Уфе умерло 9 башкир *[РГАДА.* Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 6, 6 об.; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 21. С. 112].

В марте 1705 г. Сергеев уехал в Москву, чтобы доложить, возможно, об успехах в успокоении башкир. Заменивший его казанский дворянин Сидор Аристов оказался «достойным» преемником по части издевательств и грабежа населения. Он приступил к сбору лошадей. Ранней весной лошади были худы от недостатка корма, и башкиры вынуждены были приводить для сдачи худых лошадей. Каратели, требуя от башкир только сытых лошадей, избивали их и сажали под караул. Тогда многие вынуждены были отдать в заклад своих детей, чтобы

* Почтовые станы.

купить требуемых лошадей. По волостям рыскали вооруженные отряды, которые отбирали у башкир лошадей, грабили имущество и издевались над людьми. В Байлярской волости действовал офицер Пальчиков с отрядом, который «...запирал их, байлярцев, под избы и в стюденые клети и коих бил батожьями и иных на правеже, дайте лошадей, коих хотели дать на Уфе Александру Сергееву, а буде не дадите тех лошадей и мне де велено за то вас вырубить... И они, байляры, дали 125 лошадей, купя Рублев по 10 и по 15...» *[РГАДА.* Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 7]

Затем в Мензелинск вновь прибыл Сергеев. По его приказу туда были созваны башкиры Байлярской и Енейской волостей, которые уже дали лошадей; 11 человек из них были оставлены в Мензелинске как заложники. Услышав это, башкиры остальных волостей отказались приезжать. Тогда Сергеев послал отряды по волостям. В д. Ахметово, состоящую из 22 дворов, приехали солдаты и начали расправлялаться с жителями: 3 человек убили, 7 ранили, 3 взяли в плен, а остальные разбежались. Солдаты отняли 420 лошадей, а также много коров. Были разорены деревни Ляки, Мензелетамак и другие. У Кускеева из д. Ляки угнали 50 лошадей, взяли все домашнее имущество; у Кубарчурина взяли 24 лошади, у Сугецова - 8 лошадей *[Там же.* Л. 7—8, 13—13 об.]. После этого Сергеев уехал в Казань и взял с собой арестованных башкир, которые затем были посажены в тюрьму, где некоторые умерли.

В Башкортостане по-прежнему свирепствовали отряды Аристова: «Ныне государи, Сидор Аристов разоряет безостатку Уфинский уезд наши вотчины и деревни и всяких ясачных розных чинов... И починил под Заинском разорения, деревни многое развоевал, жен и детей в полон поймал...» — писали башкиры в своей челобитной [Гам *же.* Л. 9 об,—10]. Расправляясь с недовольными, чиновники занимались самым настоящим грабежом. Пример подавал сам Сергеев, который взял для себя 100 пар лучших коней, меха 8 рысей, черно-бурой лисицы, соболей и другие вещи. Аристов отнял 27 лошадей у жителей Енейской и Байлярской волостей; Пальчиков забрал у байлярцев 2 коней, стоимостью по 30 руб. *[Там же.* Л. 7 об.]

Казанские власти предприняли и другие меры по ослаблению башкир. Они решили ряд башкирских волостей по Каме и Ику подчинить непосредственно Казани. Затем, продолжая дело прибыльщиков, Аристов приступил к переписи башкир. Все эти мероприятия, проведенные зимой 1705 г., вызвали массовое бегство башкир со старых мест жительства в дальние глухие леса и горы. Тогда воинские отряды кинулись за беглецами и круто расправлялись с ними. От рук карателей, а также от холода и голода погибло много людей и скота [*Там же.* Л. 7 об., 9].

Как же правительство реагировало на эти события в Башкортостане? Оно вторично подтвердило чрезвычайные полномочия и права Сергеева. 5 сентября 1705 г. Меншиков отдал распоряжение: «...тако ж которые люди посланы из наших канцелярией для какова дела в низовые городы и те б были послушны Александру Сергееву, а без ево ведома ничего не чинили». Возможно, что с «подвигами» Сергеева в Башкортостане было связано пожалование ему в апреле 1706 г. поместья в Саранском уезде. В начале 1706 г. положение коменданта Казани Кудрявцева и комиссара Сергеева еще более укрепилось: Петр I предоставил им всю полноту власти в Среднем Поволжье и на Урале *[РГАДА* Ф. 158. Д. 12. Л. 1-2]. Таким образом, правительство полностью одобрило деятельность казанских властей в отношении башкир.

Однако сопротивление башкир не было сломлено. Ответом на насилия стал повсеместный отказ башкир нести не только новые, но и старые налоги и повинности. Они также отказались подчиняться казанским властям. Последние доносили в Москву: «Уфинцы положенного на них старого ясаку против прошлых лет не платят и посланным от нас из Казани чинят противенство, подвод по указам против прежнего не дают ... из верховых городов беглецов иноверцев принимают и, кои до сего числа к ним пришли, не отдают» *[РГАДА.* Ф. 77. Д. 3. Л. 134-134 об.].

Но в создавшихся условиях башкиры не ограничились пассивными формами борьбы. Жители ряда волостей перешли к открытому выступлению. Вооруженные действия начались весной 1705 г. Первыми поднялись башкиры Казанской и Ногайской дорог, где действовали команды Сергеева.

Восставших башкир Казанской дороги возглавил Дюмей Ишкеев. Он все лето сражался с отрядами Аристова, разорявшими башкирские волости вокруг Мензелинска, Заинска и других крепостей.
Об этом сообщал в Казань Аристов: «Дюмейка з братьями и с племянники и з другими бунтуют...». В ответ на разорение своих аулов башкиры стали нападать на царские команды и крепости. Пострадали, по-видимому, и некоторые русские деревни. В донесении властей сообщалось: «...ведомой вор и бунтовщик башкирец Дюмейко с товарыщи, который прошлого лета в Казанском уезде села и деревни разорял, людей побивал и в полон брал и стада отгонял» *[Там же.* Л. 134; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 21. С. 177].

В волостях Ногайской дороги башкиры действовали около Соловарного городка и, по донесению казанских властей, «...стада отгоняли и деревни разоряли и людей побивали и в полон брали». Здесь во главе восставших башкир стоял Иман-батыр. Большинство башкирской верхушки в это время занимало выжидательную позицию. На вопросы посланцев казанских властей о повстанцах Ногайской дороги, явно преуменьшая их численность, сообщали: «ворует... батыр Иман с такими же воры человек с триста» *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 5. Л. 240, 242]. Влиятельные чиновные башкиры, пытавшиеся мирным путем добиваться уступок от правительства, были заинтересованы в том, чтобы представить начавшуюся вооруженную борьбу как незначительное событие.

Не было спокойно и в пределах Осинской и Сибирской дорог. В сообщении из Кунгура говорилось: «705 году летним временем они ж башкирцы и калмыки и татары бунтовали, смуту и мятеж чинили и стояли в Уфинском уезде в собрании многолюдством многое время и лошадей у нас Кунгурского уезду, отнимая сильно, отгоняли в свое воинское собрание и мы, кунгурцы, в том их собрании были опасны...» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 926. Л. 1-2]

Как видно, вооруженная борьба началась во многих волостях, но она еще не охватила весь край. Если башкиры ряда волостей перешли к активной борьбе, то жители остальных мест полагали, что действия властей по отношению к башкирам, в том числе зверства отрядов Сергеева, неизвестны царю, надеялись, что, узнав обо всем, царь поймет их и облегчит положение. Поэтому они ограничились литтть отказом платить налоги и неповиновением местным властям, попытались подать жалобу в Москву. Но казанские власти под угрозой жестоких наказаний запретили им обращаться в столицу, а по всем дорогам, ведущим в центр, были поставлены заставы. Башкиры все же послали челобитчиков, но их поймали и посадили в казанскую тюрьму, некоторые из них были повешены *[РГАДА.* Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 8 об,—9 об.].

Источники не позволяют определить социальное положение лиц, возглавлявших вооруженную борьбу в это время. О Дюмее Ишкееве, предводителе восставших Казанской дороги, известно, что у него отобрали 64 лошадей и 25 коров. В условиях полукочевого скотоводства даже рядовой башкир мог иметь такое количество скота. Башкиры в состав челобитчиков избирали обычно «лучших» людей. Дюмей был в составе челобитчиков, посланных в Москву в 1706 г. Но выбор Дюмея мог быть связан с его активным участием в восстании в Западном Башкортостане. Другой предводитель Иман известен как батыр. Он был в числе тех, кто приехал в Уфу в начале 1705 г. по призыву Сергеева, однако тогда были собраны не только «лучшие» башкиры, но и рядовые. Сами башкиры в челобитной писали, что тогда «...съехались небольшие люди» *[Там же.* Л. 6].

К осени 1705 г. сложилась тревожная обстановка во всем Среднем Поволжье и Урале. Фельдмаршал Б.П. Шереметев в декабре 1705 г. доносил царю из Казани: «...башкирцы во всякой противности» *[РГАДА.* Ф. 6. Д. 17. Л. 91 об.]. Под влиянием событий в Башкортостане население Среднего Поволжья отказывалось платить налоги: «...во многих городах иноверцы стало было быть и противны, будто положено на них все без указу» *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 3. Отд. 3. Кн. 5. Л. 240 об.]. В Нижнем Поволжье возник новый очаг борьбы против властей. 30 июля 1705 г. началось восстание в Астрахани. Почти все крепости этого края — Красный Яр, Черный Яр, Гурьев, Терский городок — поддержали астраханцев.

Восстание в Астрахани было не только движением русского населения, посадских и работных людей, солдат, но всего многонационального населения Нижнего Поволжья, в котором участвовали астраханские ногайцы и другие нерусские люди. Более того, у восставших было стремление объединиться с народами, которые жили вне пределов Нижней Волги: с восставшими башкирами и каракалпаками. Воевода Терека Молоствов в декабре 1705 г. доносил Петру I, что терские изменники, «пересылаясь с ханом крымским и с кубанцы и с астраханцы и башкирцы и каракалпаки, соединяясь, калмык побить и на твое государство итить». В следующем донесении он выражался еще определеннее: «В августе 1705 г. из Астрахани приехали на Терек, и русские люди крест целовали, а иноверцы куран и меж собою пересылались, чтоб с астраханцами в соединении быть» *[РГАДА.* Ф. 6. Д. 17. Л. 147 об., 136-137]. В донесении от начала 1706 г. он вновь повторял, что терские жители имеют связь с крымским ханом, с астраханцами, с башкирами и с каракалпаками, «...а ныне воры и изменики стрельцы Тимофей Сопега с товарыщи с пыток и при смерти говорили, пишут де астраханцы челобитные для обману проманить до весны, а весною де им терским изменником со астраханцы и с вышеописанными бусурманн итить было хотели всеми головами на Русь и бутто тебя великого государя нет в живе и в Казани и в иных многих городах учинилось бутто против астраханского...» *[Там же.* Л. 154]

К этим донесениям примыкало и сообщение Шереметева от 18 марта 1706 г. из-под Астрахани: «естли б не поспешил, конечно б Астрахань разорена была, и имели намерение соединитца с кубанцы и каракалпаки...». Об отношении башкир к астраханцам ярко свидетельствует следующий факт. Казанский татарин мулла Ишбулат, посланный властями весной 1706 г. к башкирам, доносил Кудрявцеву: «Они ж, башкирцы, говорят, что будто Астрахани ни взять». Раздраженный этим, Кудрявцев просил Петра I, чтобы захваченных в плен астраханцев «...в Казани и на Уфе и в других к тому приличных городех предать во всенародную казнь, чтобы было таким маловерным ворам и другим памятно» *[РГАДА.* Ф. 77. Д. 3.Л. 127].

В Башкортостане к концу 1705 г. обстановка еще более накалялась. В Казань продолжали поступать сведения о том, что башкиры намереваются усилить свою борьбу с наступлением весны 1706 г. Более того, брожение среди башкир, по-видимому, отчасти захватило русское население. В декабре 1705 г. капитан И. Рер, служивший в Уфе, доносил в Казань, что в Уфе «...вскоре будет также пределение, как и в Астрахани ... готовятся к весне, бог ведает, что у них воров в мысли, что башкирцы, тако ж де и солдаты... Да которой полк в Мензелинску стоит, чтобы ево заранея в Казань взяли, потому что у них доброй мысли нет» *[РГАДА.* Ф. 7. Д. 17. Л. 138]. Шереметев также сообщал царю в начале 1706 г.: «Писал я к тебе, государь, о башкирцах; во всем противны, а ныне обноситца, что имеют недоброе намерение к весне... А здешний народ пуще опасаютца башкирцов, нежели Астрахани...». Он предлагал: «...как я пойду ис Казани, всемерно надобно в Казани люди: лутчая будет крепость и страх в легкомысленном народе» *[Письма...* 1900. Т. IV. С. 524]. В письме к канцлеру Ф.А. Головину Шереметев писал: «...вторично подтверждая, доношу Вам, что больше надобет от башкирцов опасения иметь, нежели от астраханцев. Вам известно, сколько их много, и каракалпаки с ними, и до самой Сибири все орды. Унимать их будет с трудом. Не надобет их слишком злобить, полно нам покуда шведов» *[Переписка...* 1851. С. 65—66].

Таким образом, на юго-восточной окраине страны одновременно поднимались враждебные властям силы. Самым важным при этом было взаимное тяготение этих разрозненных по месту проживания, различных по национальному составу масс друг к другу. Видя борьбу башкир, народы Среднего Поволжья отказывались платить налоги. А башкиры, в свою очередь, желали успеха астраханцам и открыто выражали им свою симпатию. Астраханцы свои надежды связывали с движением масс в Среднем Поволжье, стремились установить связи с башкирами и народами Северного Кавказа. Все это было не случайно, ибо феодальный гнет, падавший и на русских, и на нерусское население Поволжья и Урала, вызывал у тех и у других одинаковую реакцию — протест и поднимал их на борьбу. На практике им еще не удалось достичь больших результатов в организации совместной борьбы, но важно стремление русских и нерусских масс объединиться в борьбе против политики властей.

Правительство понимало всю глубину грозивших ему осложнений и приняло ряд решительных действий. Против астраханцев как главной в данный момент опасности были отправлены снятые с театра военных действий регулярные полки во главе с фельдмаршалом Б.П. Шереметевым. На народы Северного Кавказа и жителей Терека были натравлены калмыки хана Аюки *[РГАДА.* Ф. 6. Д. 17. Л. 154]. Башкир пытались успокоить обещаниями «царской милости». Б.П. Шереметеву сам Петр I лично поручил это дело: «...указал премилостивейший государь усмотреть, буде бы что положено на них в тягость и их своею государевою милостью обнадежить» *[РГАДА.* Ф. 77. Д. 3. Л. 148 об.].

Шереметев, прибывший в Казань 18 декабря 1705 г., освободил из тюрьмы башкир, арестованных Сергеевым, и с ними послал в Башкортостан офицера, «...чтоб они от своих шатостей отстали и были во всяком послушании и покорстве и для лутчаго уверения, что по указу великого государя приехал в Казань, прислали б ко мне башкирцов из лутчих людей, буде какие есть нужды, чтоб доносили и во всякое своевольство не вступали...» *[Там же.* Л. 148]. Но башкиры не торопились в Казань, и Шереметеву пришлось отправить к ним второго посланца. В то же время фельдмаршал не надеялся только на уговоры. Он неоднократно писал в Москву, чтобы увеличили военные силы в Казани *[Письма...* 1900. Т. IV. С. 524; *Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 83. Карт. 5].

16 января в Казань прибыл доверенный человек Петра I М.И. Щепотьев, сержант Преображенского полка. Через него царь приказал Шереметеву оставить в Казани 4 полка во главе с А. Дмитриевым-Мамоновым, на Уфу послать воеводой «доброго человека», а полк, стоявший в Мензелинске, верность которого была под сомнением, отправить в Муром. Фельдмаршал вернул в Казань бригаду из Астрахани, уфимского дворянина Александра Аничкова назначил воеводой Уфы *[РГАДА.* Ф. 6. Д. 17. Л. 126, 189; *ОРРНБ.* Эрмит. собр. № 472/1].

Скопление военных сил в Казани, уступки, а также обещание правительства рассмотреть жалобы

Паттткир не могли не возыметь своего действия. Хотя часть повстанцев во главе с Иман-батыром по-прежнему стояла за продолжение активных действий, общая обстановка в крае немного разрядилась. Значительная часть башкир, в том числе предводитель повстанцев Казанской дороги Дюмей Ишкеев, поверила обещаниям правительства. Они решили воспользоваться предложением Шереметева и добиваться своих целей мирным путем. Получив повторные призывы Шереметева, они обратились к Петру I с челобитной.

Челобитная была составлена в начале 1706 г. на всебашкирском йыйыне (съезде). Собравшиеся избрали из своей среды 8 человек послов*, которые должны были ехать в Москву с челобитной. Башкиры в ней жаловались на земельные захваты под видом переоброчки рыбных ловель, на новые налоги, которые они прозвали «72 статьями прибыли», и на злодеяния карательных команд Сергеева. Челобитная является ярким обвинительным актом башкир русскому правительству. Под челобитной стоят подписи 75 выборных башкир *[РГАДА.* Ф. 108. Оп. 1. Д. 2. Л. 3—12]. 26 марта челобитчики и сопровождавшие их лица прибыли в Астрахань к Б.П. Шереметеву и подали ему челобитную на имя Петра I. Шереметев отправил их в Москву *[РГАДА.* Ф. 77. Д. 3. Л. 149 об.].

Весной 1706 г. правительство продолжало интересоваться положением в Башкортостане. Еще в конце января 1706 г. Н. Кудрявцев и А. Сергеев были вызваны в Смоленск, где в это время находился Петр I *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 88. Карт. 5. № 46]. В целом царь одобрил жесткую политику казанских властей по отношению к нерусскому населению края, к башкирам в частности. Н. Кудрявцев был облечен полнотой власти во всем Среднем Поволжье. Петр I приказывал ему: «Во всех низовых городех, которые ведомы в Казанском приказе, ведать податьми и прочими делами... А им, Александру и Степану, с его Никитина** совету ведать во всех низовых городех ясашных русских, иноязычников и служилых и других дела, которые ведомы в разных канцеляриях» *[РГАДА.* Ф. 158. Д. 12. Л. 1—2]. Особо отмечалось, что они имеют право сменять воевод в этих городах по своему усмотрению. В то же время царь, обеспокоенный развитием событий в крае, рекомендовал казанским властям не пренебрегать и методом уступок. В частности, Петр велел снять новые налоги с башкир *[РГАДА.* Ф. 77. Д. 3. Л. 143].

Решения Петра I показывают, что правительство пыталось восстановить в крае порядок через укрепление местной администрации. С другой стороны, серьезность положения вынудила власти идти и далее по линии уступок, тем более что первый опыт в этом направлении имел успех: башкиры приняли предложение Шереметева о подаче челобитной. Правительство решило шире использовать царистские иллюзии башкир, с чем и было связано повеление Петра объявить решение о снятии с них налогов.

Центральные власти не ослабили своего внимания к краю. Не успел Кудрявцев вернуться из Смоленска в Казань, как получил письмо от государственного канцлера графа Ф.А. Головина, который писал, что ему «...зело надлежало ведать и донести великому государю, что у вас там чинитца...», и потребовал доложить об обстановке. В письме от 4 апреля он сообщал казанским властям, что астраханцы оказали сопротивление полкам Шереметева. Он предупреждал казанцев держать эту весть в тайне, а если все же пойдет слух об этом, то «инако разглашать» и советовал «не чинить народу озлобления и тягости» *[РГАДА.* Ф. 158. Д. 12. Л. 7, 10].

После отъезда Шереметева с полками в Астрахань обстановка в крае вновь стала обостряться. Башкиры по-прежнему не подчинялись казанским властям, «посланным от них ис Казани чинят противность», не платили налоги, не давали подводы и укрывали беглых из Поволжья. Нерусское население Среднего Поволжья также отказывалось платить налоги.

Казанские власти продолжали свою прежнюю политику и пытались жесткими мерами принудить недовольных к повиновению. Они решили заменить поставленного Б.П. Шереметевым уфимского воеводу А. Аничкова, которого подозревали в «мягком отношении к башкирам». На его место был назначен их доверенный человек казанский дворянин Лев Аристов *[РГАДА.* Ф. 77. Д. 3. Л. 134 об.]. Затем они пытались помешать башкирам подать челобитную в Москву. Поскольку башкирские челобитчики направились к Шереметеву, то казанские власти писали ему: «Их, башкирцов, по указу царского величества велено ведать нам и от всяких шатостей приводить в покорение и во всякое послушание, а окроме нас никому ни в чем их ведать не велено, а

* Тимербулат Якшиванов — от Ногайской; Чурагул Тойгильдин, Ишбай Небесов — от Сибирской; Усей Бегенеев, Дюмей Ишкеев, Урсай Мятиков — от Казанской; Таныс Терегулов, Смак Исаев — от Осинской дорог.

** Александр — А. Сергеев, Степан — С. Вараксин, Никита — Н. Кудрявцев.

будет ваша милость изволит челобитье их примать и ослабу им чинить, то всеконечно добра некакова ждать» *[РГАДА.* Ф. 77. Д. 3. Л. 135]. Они просили Шереметева возвратить челобитчиков к ним в Казань.

Вместе с тем дальнейшее обострение обстановки в крае вынудило Кудрявцева, неоднократно твердившего в своих донесениях в Москву, что башкирам «ослабу давать не надобно», поехать в марте 1706 г. в Башкортостан для переговоров с башкирскими повстанцами и объявить им, что «царское величество пожаловал их, указал им платить ясак против прошлых лет, а новонакладного ничего не имать». Но башкиры не поверили Кудрявцеву и приняли обещание за очередной обман. По словам Кудрявцева, их реакция была следующая: «...они, выслушав, поклонились, а повидимому знатно, что неусередно то приняли». Когда он потребовал, чтобы башкиры не принимали беглых, то «...они того и слушать не хотели и сказали, что они беглых никого не знают». Кудрявцев предложил им объяснить причину неповиновения и отказа давать подводы. Башкиры на это ответили: «...и впредь давать не будем никому ... полно де нам с тобою говорить, ты де ездишь без государева повеления собою, чтоб де денег больше собралось» и прекратили с ним всякие переговоры. Башкирский посланец сказал Кудрявцеву: «Прислали де его начальники и все мирские люди сказать: слышно де им, что едет на Уфу воеводою Лев Аристов, и они де ево, Льва, не пустят, у них де хорош воевода Александр Аничков» *[Там же.* Л. 143-143 об.]. После этого Кудрявцеву ничего не оставалось, как вернуться назад. Следует отметить, что эти переговоры состоялись не в Уфе, куда Кудрявцев при такой враждебности башкир не осмелился ехать, а в 200 верстах от города. Пока он не покинул пределы Башкортостана, по его пятам шли вооруженные башкиры *[Там же]*.

Большим успехом восставших было то, что они сумели вырвать у правительства обещание снять новые налоги. Но этой уступки было недостаточно для успокоения края. Поведение башкир во время переговоров с Кудрявцевым, открытое заявление о неповиновении казанским властям свидетельствовали об их твердой решимости продолжать борьбу.

Казанские власти в свою очередь не оставляли надежды покорить башкир силой. Сразу после возвращения Кудрявцева в Казань Лев Аристов, назначенный воеводой Уфимского уезда, направился в Уфу, но восставшие преградили ему путь в 200 верстах от города.

Это было своеобразным сигналом для начала активных действий, развернувшихся в 1706 г. В разных местах Казанской дороги начались столкновения башкир с отрядами местных властей. Восставшие также нападали на крепости. Казанские власти доносили: «...в тех числех здеся от башкирцов многое воровство за Камою рекою. Села и деревни вырубили и выжгли и в полон людей и стада поймали прибегаючи незапно изгоном так же, как и в прошлых летех» *[РГАДА.* Ф- 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 5. Л. 242 об.]. Когда в апреле 1706 г. А. Сергеев приступил к строительству новой крепости на башкирской земле по р. Самаре, крепость стала объектом нападения восставших. Отряды повстанцев действовали также в окрестностях Самары, Сергиевска, Саратова и в пределах Симбирского уезда. По донесению А. Дмитриева-Мамонова, в апреле башкиры, «...собрався, разорили Синбирского уезду да Казан-ского уезду две деревни и выжгли, людей 100 человек взяли в полон, 47 человек побито, 30 человек ранено». 6 мая он же сообщал, что «...башкирцы воровские люди разорили деревни и хотят приходить и разорить Сергиевский городок, что близ Самары ... а по ведомостям, государь, тех вышеописанных воров башкирцов 500 человек» *[РГАДА.* Ф. 108. Оп. 2. Д. 1. Л. 4, 8, 9]. О действиях восставших около Саратова известно по донесению Б.П. Шереметева от 16 июня 1706 г. Он опасался, как бы стрельцы - участники Астраханского восстания «...не пристали к башкирцам и к каракалпакам, которые ныне воруют около Саратова и Самары» *[РГАДА.* Ф. 6. Д. 17. Л. 95].

В центре Ногайской дороги продолжали действовать башкиры во главе с Иман-батыром. Эту весть привезли в Казань татарские мурзы, ездившие в мае 1706 г. к башкирам для переговоров. Башкир Минской волости Ногайской дороги Юмагулов сказал им:«.. .воруют и деревни разоряют башкирцы тое ж дороги Иман батыр с товарыщи» *[РГАДА.* Ф. 158. Д. 12. Л. 15 об.]. Скопление вооруженных башкир, возможно и отдельные активные их действия, имели место в пределах Осинской и Сибирской дорог, близ границ Кунгурского уезда. 2 июня 1706 г. кунгурский земский староста доносил: «И в нынешнем 706 году они, Уфинского уезду башкирцы и татара, стоят в скопе для воинского случаю многое число в Казанском и Уфинском уездах, русских людей села и деревни разоряют. И от того их, башкирского и татарского собрания, кунгурские крестьяне в уездах, в селех и в деревнях и домех своих жить и в полях пашни пахать не смеют, съезжаются в город Кунгур з женами и з детьми и з запасом...» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 876. Л. 18-19].

Восставшим противостояли, кроме гарнизонов Уфы, закамских крепостей, Самары и Симбирска,

полки, сосредоточенные в Казани под командой стольника А. Дмитриева-Мамонова. Там находились солдатский полк, состоявший из 1 ООО чел., казанский полк - 500 чел., служилых татар и мурз - 1 379 чел. и пришедший в Казань 1 марта 1706 г. солдатский полк полковника И. Рыдаря *[РГАДА.* Ф. 108. Д. 1. Л. 1-4; *Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 83. Карт. 5. № 18; *Письма...* 1900. Т. IV. С. 9]. Этих сил едва хватало для обороны городов и крепостей, куда нападали башкиры. Поэтому Дмитриеву-Мамонову, возглавлявшему военные силы края, пришлось пустить в ход и дипломатию. Для переговоров с восставшими использовались татарские мурзы и муллы.

Борьба с восставшими в какой-то мере облегчалась тем, что среди них не было полного единства. Они были единодушны в неподчинении властям и отказе платить налоги, но в активных действиях участвовали жители не всех волостей. Среди последних — башкиры во главе с «лучшими» людьми Казанской и Ногайской дорог Уразаем, Кусюмом Тюлекеевым, Тлешем Бегенешевым.

К этим колебавшимся и направил Дмитриев-Мамонов 30 апреля 1706 г. 6 казанских татар во главе с князем М. Яушевым «для проведывания подлинных ведомостей, что которых дорог и юртов башкирцы заворовались». Послы присутствовали на йыйыне, состоявшемся в ауле Ташлы Казанской дороги, где участвовало около 1 500 башкир. Затем в ауле Бачанове Ногайской дороги собралось свыше 500 человек. По данным Яушева, на этом сборе были и жители Осинской и Сибирской дорог. Башкиры заявили послам, что они не «изменили» и не имеют связей с восставшими, и добавили: «они... о всяких своих нуждах послали челобитчиков к тебе великому государю и ждут де они к себе твоей великого государя милости обо всяких своих нуждах...» В то же время они отказались выступать против повстанцев: «...они де посылать от себя для поимки тех воров не смеют и о том де их Иманове батыря с товарыщи воровстве волен» *[РГАДА.* Ф. 158. Д. 12. Л. 14 об.-15 об.]. Многие башкиры, сочувствуя сторонникам активных действий, ожидали результатов челобитной, поданной царю. Именно этим объясняются их неопределенные ответы посланцам из Казани. Для уговаривания башкир в мае 1706 г. к ним ездил из Казани Ишбулат-мулла, в июле — татарский князь Ф. Асанов *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 3. Отд. 2. Кн. 5. Л. 242 об.].

Тем временем восьми башкирам-челобитчикам с помощью Б.П. Шереметева удалось добраться до Москвы. Казанские власти все еще не оставили свои козни против них. 3 июня 1706 г. в донесении Петру I они писали, что в крае спокойно, кроме Башкортостана, и просили: «...чтобы воры, которые отпущены от фельдмаршала, присланы были в Казань за караулом, то чаем быть смирным, понеже милость к состоянию имеют под страхом, а то многие надеютца, что им никогда ни за что отплаты и нималого наказания и за многое воровство не бывает» *[РГАДА.* Л. 239].

К лету 1706 г. произошло заметное изменение общей обстановки в крае, в частности в Среднем и Нижнем Поволжье. Было подавлено Астраханское восстание, наступило определенное затишье и на Средней Волге. В этих условиях правительство почувствовало себя более уверенным и отказалось продолжать политику уступок в отношении башкир. Петр I вместо рассмотрения их жалоб повелел выдать приехавших в Москву башкир в руки тех, на кого они жаловались. 8 июля 1706 г. он писал Ф.А. Головину: «Воров башкирцов, которых в Посолской приказ прислал с Низу господин фельдмаршал Шереметев, Дюмейка Ишкеева с товарыщи, для подлинного розыску отошли в Казань, к Никите Кудрявцову» *[Письма...* 1900. Т. IV. С. 290].

18 июля 1706 г. челобитчики под охраной 20 солдат и стрельцов как колодники были отправлены в Казань, куда прибыли 3 августа *[АВПРИ.* Ф. Башкирские дела. 1723 г. Оп. 108/11. Д. 4. Л. 16 об.—19]. Казанские власти учинили «подлинный» розыск: после многочисленных пыток Дюмея Ишкеева повесили, а остальных посадили в тюрьму. Этот приговор предварительно был согласован с Москвой *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 83. Карт. 6. № 91].

Московские и казанские власти обманули башкир и жестоко расправились с их представителями. Они надеялись таким путем запугать недовольное население, однако просчитались: вместо успокоения произошло еще большее обострение обстановки. Расправа с челобитчиками заставила взяться за оружие и тех, кто продолжал еще надеяться на царя. В крае наступило временное затишье, которое башкиры использовали для того, чтобы собраться с силами для продолжения вооруженной борьбы.

ВОССТАНИЕ 1707-1708 гг.*

К новому выступлению башкиры готовились около года. Внешне в крае было спокойно. На деле же год прошел напряженно: башкиры энергично собирали силы, а власти искали средства предупредить движение башкир. По волостям и дорогам происходили йыйыны (съезды), где принимались решения поднять новое восстание.

Повсеместно в Башкортостане создавались отряды повстанцев, устанавливались между ними связи. Сведения об этом получили широкую огласку. 12 октября 1707 г. приказчик Белоярской слободы известил майора Угрюмова, что крестьяне, которые ехали «...ис Камени от слюдного промыслу» предупредили крестьян Белоярской слободы, что «...слышали де они от мещеряка от Ибрая, чтоб руские люди Белоярской слободы и деревен от воинских людей башкирцов жили опасением и скота никакова на полях не держали, башкирец де Икенбет Бекетин уехал вверх по Миясу реке збивать свою братью башкирцов русские слободы и деревни воевать» *[Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 66 об.].

Важной была материальная подготовка восстания. Население делало стрелы, луки, копья и готовило продовольствие. На случай прихода карательных отрядов надо было позаботиться об укрытии женщин и детей в безопасных местах. Башкиры имели определенное число огнестрельного оружия. Порох и ружья они покупали у русского населения. Пойманный в январе 1708 г. участник восстания Иликей говорил, что башкиры Сибирской дороги «ружье и порох покупали в прошлых годех в Уфинском уезде и в вотчине имянитого человека Строганова у крестьян его и уфинских жителей» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1267. Л. 34-35].

Когда формирование и сосредоточение отрядов невозможно стало скрывать от властей, башкиры пустились на хитрость. Так, в августе 1707 г. чуваш, посланный ими в Ялуторовскую слободу, говорил там: «ездил Нагайской дороги башкиренин в вершины Тобол и видел в тех вершинах черные калмыки с женами и детьми, и башкирцы де на них наряжаются; а пойдут ли или нет, того подлинно не знает» *[Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 15. Л. 61]. Очевидно это сообщение было сделано для отвода глаз.

Алдар Исянгильдин**, Кусюм Тюлекеев и другие предводители движения хорошо понимали необходимость союзников в предстоящей борьбе. Они решили восстановить прежние связи. В феврале 1708 г. пленный участник восстания Буляк Акбулатов показал на допросе, что башкиры в 1706—1707 гг. «...посылали в Казанской, в Синбирской, в Саранской, в Алаторской уезды Уфинского уезду Нагайской дороги деревни Каршибаш мещеряка Арасланку, чтоб тех уездов татара все были с ними в соединении... И Казанского уезду к их воровству татара дали слово...» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 91. С. 225]. Думается, что Араслан, видимо, был лишь одним из многих послов, которые были направлены башкирами к народам Среднего Поволжья.

Повстанцы также пытались договориться с народами Северного Кавказа. Летом 1706 г. представители башкир во главе с Муратом, выдававшим себя за султана башкир, а на деле являвшимся одним из вожаков восставших, сумели побывать у народов Северного Кавказа и установить с ними связь *[Там же.* № 97, 104. С. 232, 240].

Башкиры попытались получить поддержку Крыма и Турции. Характерно, что на этот шаг они решились после того, как царь Петр I вместо обещанных уступок выдал челобитчиков башкир в руки казанских властей. Поскольку было ясно, что нельзя рассчитывать на безвозмездную военную помощь, башкирам пришлось завуалировать свои намерения просьбой дать им хана. Посылкой делегации непосредственно занимались «лучшие» башкиры Хази Аккускаров и Алдар Исянгильдин. Из Башкортостана выехала группа из 27 человек во главе с Муратом. Доехав до Волги, 9 человек продолжили свой путь в Крым, остальные возвратились

'* В-советской исторической литературе башкирские движения начала XVIII в. рассматривались как одно восстание 1704-1711 гг.. состоящее из четырех этапов - 1704-1706, 1707-1708, 1709-1710 гг. и 1711 г. Всестороннее изучение хода борьбы показывает, что перечисленные этапы являются отдельными восстаниями, ибо охватывали неодинаковую территорию, имели разные программы, возглавлялись новыми предводителями. В этот период имели место три самостоятельных восстания: 1704—1706,1707-1708,1709—1710 гг. Все они были связаны друг с другом, как, впрочем, все башкирские восстания XVII—XVIII вв.

** Общеизвестно, что подьячие Уфимской приказной избы, не разбираясь в тонкостях произношения и написания тюркских (башкирских) имен, достаточно вольно обращались с ними, упрощали их написание. Имена Мухамет превращали в Мамета, Абдуллу — в Абдюка, Исмагила - в Исмаила, Давлетбая — в Деветея и т. д. Так случилось с именем Исянгильде, отца известного батыра и тархана Бурзянской волости Алдара. Исянгильде превратился в Исекея, Исякая, Исянгильдин — в Исякаева. В документах 30-х и последующих годов XVIII в. фамилию Алдара стали писать как Исякаев *[Асфандияров,* 20066. С. 83—88]. Но сохранился документ, где имя отца Алдара написано более близко к оригиналу — Эсенгильде. Это — перевод на русский язык челобитной башкир 4 дорог на имя императрицы Анны Ивановны, составленной весной 1733 г. Среди 38 представителей 22 башкирских волостей первым стоит имя Алдара: «На подлинном прошении 4-х дорог от башкирцов приложены знаки по сему: Ногайской дороги деревни Буржан тархан Алдарбай Эсенгильдин по прошению всей деревни и за себя тамгу свою приложил» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 821. Л. 230-237]. Этот официальный документ, по-видимому, позволяет считать фамилию Алдара Исянгильдиным, ибо его отца звали Эсенгильде (Исянгильде), а не Исекей.

Рис. 17. Алдар-батыр, предводитель восстания начала XVIII в. Худ. А.Р. Мухтаруллин

домой. В конце июля посланцы были в Крыму. Крымский хан не мог самостоятельно принять решение и отправил их к султану в Турцию. Турецкий султан дал послам аудиенцию, но отказался поддержать восставших башкир *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1183. Л. 176—177; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 105. С. 240-241].

Переговоры с народами Северного Кавказа закончились успешно. Под титулом башкирского султана Мурат развил здесь активную деятельность. Башкир поддержали народы, жившие вблизи крепости Терек и по р. Кубань: чеченцы, мичкисы, аксайцы, тавлинцы, кумыки, ногайцы, аграханские казаки и казаки-раскольники. Возможно, стороны обменялись представителями. В частности, известен приезд представителей народов Северного Кавказа в Башкортостан в 1707 г. В нападении в феврале 1708 г. на Терскую крепость участвовал и башкирский отряд *[Там же.* № 21, 97. С. 115, 116, 220, 233]. По-видимому, этот отряд пробрался на Северный Кавказ во второй половине 1707 г.

Не менее важным в деле подготовки восстания была разработка программы - совокупности требований повстанцев. Тесно связан с ней и вопрос о хане, который появился среди восставших. Первые вести об этом дошли до уфимских властей летом или осенью 1707 г. В конце 1707 — начале 1708 г. сведения приобрели более конкретный характер.

Источники, содержащие материалы о предводителях восставших, упоминают личность под именем Хазий-султан. Уфимские власти называют его султаном-самозванцем, башкиры Сибирской дороги — царем Салтаном. В донесении неизвестного автора он назван башкирским ханом. Повстанец Бимяков считает его ханом Султан-Муратом с Кубани, Буляк Акбулатов — ханом-султаном Хази и добавляет, что он святой, которого якобы могут видеть лишь крупные предводители восставших *[Там же.* № 21, 79, 90, 91. С. 116, 120, 212, 223, 225; *РГАДА.* Ф. 199. № 243. Карт. 3. Д. 8].

Особый интерес приобретают в связи с этим показания на допросе в 1737 г. Кильмяка Нурушева, активного участника восстания 1707-1708 гг., ставшего затем главным предводителем движения 1735—1736 гг. Он мог говорить о событиях 30-летней давности более правдоподобно. Кильмяк прямо называет главным предводителем восстания 1707—1708 гг., наряду с Алдаром, башкира Ногайской дороги Хазия Аккускарова *[Там же.* Ф. 248. Кн. 1183. Л. 167-180]. Источники по истории восстания молчат о деятельности Хазия в те годы, но зато в них говорится о башкирском хане-салтане, действовавшем всегда вместе с Алдаром. Замечание Кильмяка, что его самого ханом никто не называл, наталкивает на мысль о том, что в те годы хан был выдвинут из среды самих башкир. По-видимому, им стал Хази Аккускаров. Ореол святого и ограничение лиц, имевших право на общение с «ханом», нужны были, очевидно, для того, чтобы поднять авторитет не только самого «хана», но и остальных предводителей борьбы.

Итак, один из предводителей восстания был объявлен ханом. Состояние источников не позволяет однозначно оценить смысл этого акта. Можно лишь строить предположения. Несомненно, одна из целей данного акта - это стремление поднять и объединить все башкирское и другое нерусское население края с тем, чтобы заставить русский царизм идти на уступки.

Однако в конкретных условиях 1707-1708 гг. дело состояло не только в этом. Как известно, царь Петр I летом 1706 г. вместо обещанного рассмотрения челобитной башкир выдал приехавших в Москву их послов в руки казанских властей на расправу. Другими словами, сам русский царь обманул восставший народ и тем нанес удар по своему авторитету. Возмущению последних не было предела. Башкиры потеряли доверие к Петру I. Они решили не только продолжать борьбу, но и вполне могли прийти к выводу о необходимости отказаться от русского подданства. Пленный участник восстания татарин Буляк Акбулатов показал на допросе в феврале 1708 г.: «А башкирцы Уфинского уезду батыри Алдарко, Кусумко, Уразайко и всех дорог башкирцы, также и мещеряки Иманко да Келманко

Кулаевы с товарыщи, и черемиса Уфинского уезду начали мыслить к воровству тому четвертой год, чтоб им всем под рукою и под волею великого государя не быть... И положили Салтан-Хазя з башкирцы, чтоб им ворам башкирцам и Казанского уезда татаром руских людей всех прирубить, и всех уездов иноверцев возмутить и к воровству своему соединить и иттить под Казань всеми людьми. И взяв де Казань, тому вору Салтану-Хазю быть в Казани...» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 91. С. 225]. Таким образом, на определенном этапе борьбы за свои права башкиры не исключали возможность отказа от русского подданства.

Центральные и местные власти, со своей стороны, зорко следили за обстановкой в Башкортостане. Известие о том, что башкиры обратились к крымскому хану за помощью, серьезно встревожило правительство. 27 сентября 1706 г. оно предупредило об этом своего посла в Турции: «Известно нам учинилось, что де в июле месяце нынешнего 1706 г. приехали в Крым уфимской де башкирской де сотник и с ним 9 человек башкирцов». Русский посол должен был принять все меры, чтобы Крым не оказал помощи башкирам *[РГАДА.* Ф. 123. Д. 2. Л. 2].

Предпринимались также меры по увеличению военных сил в Казани. После подавления Астраханского восстания сюда были переброшены драгунские полки В. Шереметева, И. Болтина и Ю. Урна. Часть войск была придвинута вплотную к западной границе Башкортостана и расположена на территории Казанской дороги. Ранней весной 1707 г. бригада Дмитриева-Мамонова была направлена в Сергиевск, позднее туда же прибыл отряд служилых татар. К р. Каме был направлен подполковник Л. Есипов с солдатами *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 83. Карт. 9. № 118; *РГАДА.* Ф. 158. Д. 26. Л. 3].

В Уфе в это время воеводой был Л. Аристов, которому в 1706 г., хотя и с боями, удалось пробиться в Уфу. Вот как башкиры характеризовали его деятельность: «Лев Аристов приехав в Уфинской уезд, взяв к себе выборных их людей, сковав, посадил в тюрьму, и с тех выборных людей, и с недорослей, з детей, которые по 5 и по 6 и по 7 лет, спрашивал рублевых денег и правил правежем и скованых сажал в тюрьму» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 119. С. 262]. Получив из Казани весть о поездке башкир к крымскому хану, уфимский воевода послал в башкирские волости людей для разведки. Посланцы привезли ему сведения о приезде представителей кубанцев к башкирам Ногайской дороги, к Алдару в Бурзянскую волость.

Воевода решил перехватить их и в сентябре 1707 г. направил на Ногайскую дорогу отряд во главе с князем Иваном Ураковым. Но каратели опоздали — к этому времени послы уже уехали. В отместку Ураков насильно взял 16 башкир в аманаты. Кроме того, во время этих бесчинств были ограблены и многие деревни, убито несколько человек. Были разорены и дома Алдара, Юлыш-батыра и других.

В этой обстановке организаторы восстания разослали гонцов по волостям с призывом, чтобы всем собраться в окрестностях Уфы. Об этом башкир Сибирской дороги Елпа говорил: «...стоит де наш царь Салтан под Уфинским городом на речке Чесноковке в 3 000-х, и с Ураковым у него де Салтана был бой, и прислал де к ним в вотчины башкирские свое знамя и коня и велит под знамя нам, башкирцом, всем збираться и притти к себе в войско под Уфинский город на Чесноковку речку и хочет Уфинский город взять» *[Там же.* № 79. С. 212].

Власти решили бросить против повстанцев войско, чтобы подавить восстание в зародыше. Тем более, что в их распоряжении имелись значительные военные силы.

В конце октября 1707 г. драгунский полк С. Аристова и солдатский полк И. Рыдаря направились из Казани в Уфу. Одновременно усиленный полк П. Хохлова, состоявший из 1 300 человек и имевший 5 пушек, выступил из Уфы против башкир Ногайской дороги. Но этот поход не смутил восставших. Крупные их отряды сосредоточились в районе Уфы и Соловарного городка. Кусюм Тюлекеев во главе 5 000 башкир Казанской дороги находился около Уфы, а Алдар во главе 3 000 башкир Ногайской дороги — в окрестностях Соловарного городка. Наготове стояли жители Сибирской дороги.

В борьбе с правительственными войсками восставшие применяли военную хитрость. Кусюм выдал себя за сторонника властей и присоединился к полку П. Хохлова. Повстанцы вели постоянное наблюдение за движением Хохлова. Когда он достиг урочища Юрак-тау, расположенного в 30 верстах от Соловарного городка, башкиры напали на него. Отряды Алдара и Кусюма окружили и разбили полк Хохлова: «Воры башкирцы... соединясь з другими с ызменники з башкирцы ево, Хохлова, с уфинскими ратными людьми на степи осадили и морили 10 дней и ночей, ни пить, ни есть, ни спать не давали, переменяючи приступали и как люди от голоду и от бессоницы обезумели и они, воры, обоз разорвали и побили и в полон взяли» *[РГАДА.* Ф. 199. № 243. Ч. 3. Д. 8]. Остатки полка во главе с раненым командиром пробились в Соловарный городок: «...их де уфинцев от того полку только осталось вышеописанное число 370 человек и в том числе много ране-

ных... а от них, башкирцов, едва они отбились». В руки башкир попали весь обоз и военные припасы, в том числе 5 пушек и много мелкого оружия *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 95. С. 229—230]. Соловарный городок оказался в осаде. Из Уфы против восставших двинулись полки С. Аристова и И. Рыдаря. С непрерывными боями они шли в сторону Соловарного городка. Ожесточенный бой произошел около д. Горной. Полкам с трудом удалось пробиться в осажденный Соловарный городок.

Во время этих боев обе стороны понесли крупные потери. Полк Хохлова был выведен из строя, сам Хохлов ранен, а полки Аристова и Рыдаря понесли значительный урон. О потерях восставших полных данных нет. Известно только, что было убито 3 батыра, в том числе Иман-батыр, один из видных предводителей восстания, начавший вооруженную борьбу еще в 1705 г.; был ранен Кусюм.

Разгром восставшими сильной команды из Уфы, а затем успешные действия против полков Аристова и Рыдаря имели большое значение для дальнейшего подъема восстания. Весть об этом распространилась по всему краю. Башкир Сибирской дороги показал на допросе в Кунгуре, что слышал он, как ногайские башкиры уфимский «полк прибили» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1297. Л. 35].

Восстание в крае ширилось. Башкиры повсеместно поднимались на борьбу. Их поддержало остальное нерусское население края. Об этом говорили на допросах пленные повстанцы. Тюменский казак П. Губарев, который осенью 1707 г. побывал в Уфе, рассказал после возвращения: «...уфинцы в отъезжем карауле в разных числех поимали языков башкирцов человек с 30, и те де языки говорили в распросех, что де их в соединении заодно башкирцы, черемисы, мещеряки многолюдство...» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 80]

К середине декабря 1707 г. города и крепости Башкортостана потеряли связь друг с другом, и многие из них были осаждены восставшими. В осаде оказалась и Уфа. Полки Аристова и Рыдаря, понеся значительные потери, были вынуждены укрыться в Соловарном городке. Спустя некоторое время им удалось пробиться в Уфу *[Там же.* № 82].

Кроме Уфы и Соловарного городка, бои шли в районе закамских крепостей — Сергиевска, Билярска, Каракулино и Сарапула. Характеризуя сложившуюся там обстановку, дьяк Посольского приказа доносил: «Башкирцы весьма забунтовали и обобрали будто себе хана и осадили город Уфу, в котором будто регулярных войск с три тысячи обретается» *[Письма...* 1912. Т. VI. С. 604-605]. А. Сергеев и С. Вараксин 3 января доносили Меншикову из Казани, что «...воры башкирцы к воровству умножаются. Взятой башкирец, которого господин подполковник Шереметев взял в подъезде, к нам прислал, в роспросе и с пыток сказал, что «...к воровству их из иноязычников пристает много, и на Уфу и с Уфы никого не пропущают... А казанские пригороды Сарапул, Каракулино, Заинск осадили и под Каракулиным приступ был... однако ж ничего не учинили. А другие их братья, воры, подошли в иноязычные деревни близ села Ялабуги и возмущение другим иноязычником чинят, к себе в помочь призывают» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 81. С. 214].

Во второй половине декабря 1707 г. восставшие перешли р. Каму, осадили Каракулино, Сарапул и приблизились к Елабуге. На этой огромной территории действовали отряды, состоящие из башкир всех четырех дорог и другого нерусского населения края. Например, отряды башкир Тамьянской и Кыпсакской волостей Ногайской дороги действовали в районе Каракулино, затем переместились в окрестности Заинска. Незадолго до этого они участвовали в разгроме полка Хохлова, рассказывали об этом сражении башкирам Казанской дороги, поднимая их дух.

В ходе борьбы из народной среды выдвигались умелые предводители, которые возглавляли местные очаги восстания. В районе Мензелинска и Заинска предводителями восставших были абызы Ахмет и Тойка. Взятый в плен участник восстания Куксеев говорил, что «...прислали де абызы к ним палку с тавром и письмо, чтоб они шли с ними воровать, и той же их Кутлумаметковы деревни татара к воровству с теми обызы соединились». Местные башкиры и татары вели совместные действия с повстанцами Ногайской дороги во главе с Нагайбахча и Кульчюрком. На это Куксеев указывал: «И он де Кутламаметко с Кулчюркиным сыном человек з 20 по повелению воров Кулчюрки с товарыщи были на карауле близ Заинска в деревне Баграш, а в других деревнях с ним Кулчюрком с товарыщи бьши, чтоб не пропустить в Мензелинск ратных людей. А посланного де, которой посылан для наряду под полк подвод, побили башкирцы Албячка с товарыщи» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 82].

Лишь в Зауралье в это время не велось вооруженной борьбы. Но часть сибирских башкир участвовала в боевых действиях в центре и на западе края.

Не сумев подавить восстание в Башкортостане, власти старались помешать его распространению на Казанский и другие соседние уезды. В районе закамских крепостей действовали бригада Дмит-

риева-Мамонова и драгунский полк Шереметева. В конце декабря 1707 г. в помощь к ним были направлены новые силы: «...посланы на Елабугу и к закамским местам, где воровство башкирское, для охранения тамошних пригородов и мест от них, воров, ратные люди конные и пешие с начальствующими афицеры от нас определены» [*Письма*... 1917. Т. VII. С. 609].

В самом конце 1707 г. восставшие добились новых успехов. Они взяли крепость Заинек и двинулись дальше на запад, о чем 1 января 1708 г. из Новошешминска сообщили в Казань: «...воры башкирцы пригород Заинск выжгли и людей порубили и идут большим собранием и под Новошешминск» *[Материалы*... 1936. Ч. 1. № 82]. Ожесточенные бои развернулись в районе Новошешминска, Билярска, Сергиевска и Мензелинска. 7 января 1708 г. Кудрявцев доносил Петру I: «...башкирское воровство умножается и татара Казанского уезду многие пристали и многие пригородки закамские, также и на Казанской стороне Камы реки дворцовое село Елабугу осадили. И ис тех пригородков Заинск, которой от Казани растоянием двести верст сожгли и людей порубили, а иных в полон побрали». Действия восставших активизировались и в районе сел Каракулино и Сарапул *[Письма*... 1917. Т. VII. С. 607-608]. Башкиры не сумели захватить Каракулино, но села и деревни вокруг Сарапула были взяты восставшими, а Сарапул осажден. 26 декабря 1707 г. воевода Сарапула П. Лосев доносил: «...пришли из-за Камы воры башкирцы и черемисы под село Сарапул... и в Сарапульского присуду село Березовку и деревни Буи, Тарасову, Ташкинову, Касеву, Китаеву, Глухову, Шадрину, Отросову, Мостовую и ясашние многие деревни выжгли и многих крестьян порубили и полонили... и ныне же он в селе Сарапуле со крестьяны от них башкирцов и черемисы и от татар сидит в осаде и стоят де они верстах в двух и уезд беспрестанно разоряют и жгут и по Казанской дороге в Казань и з Казани не пропущают и в полон берут». Восставшие угрожали Осе и готовились вторгнуться в пределы Кунгурского уезда *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 198-199; Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1297. Л. 33-35,1297]. Повстанец Иликей, пойманный в Кунгурском уезде, сказал на допросе, что «...в Уфинском уезде за Красным Яром на озере осталось в скопе тысячи з два и генваря 6 дня они башкирцы будут в деревне Турыш Кунгурского уезда, оттуда пойдут в Кунгурской уезд... затем хотят итти Торговишскому острожку... Осинской дороги башкирцы, мещеряки и черемиса и вотяки тысяча з три хотели притти в Кунгурской уезд разорять и под Кунгур. Они с башкирцы Сибирской дороги заодно... Башкирцы и мещеряки, черемиса и вотяки Сибирской и Осинской дороги будут воевать двух сторон разными полками нынешнего числа или завтра, а к бунту де тех башкирцов возмутитель Сибирской дороги башкирец Менлигуза» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1297. Л. 33-35].

7 января повстанцы ворвались в Кунгурский уезд, заняли села Златоуст, Преображенское, Введенское, Никольское, Медянское, Покровское и другие поселения. Воевода Кунгура стал спешно готовиться к осаде и обратился в Москву за подкреплением *[Там же.* Л. 1297, 1413].

Восставшие хорошо понимали, что их сила - в поддержке местного населения, поэтому впереди них обычно шли гонцы, призывая население присоединиться. Это приобретало особенно важное значение, когда восстание стало распространяться на соседние уезды. В частности, несколько башкир Сибирской дороги в начале января 1708 г. с этой целью были посланы в Кунгурский уезд. Один из них, Иликей, попал в плен и на допросе сказал: «...708 году генваря 4 дни У финского уезда Сибирские дороги из деревни Озерной башкирцы Арахмангул Емметев, Абдул Иванов с товарыщи послали ево Иликея с товарыщем з Бексентеем в Кунгурской уезд в деревню Турыш подзывать татар к себе в согласие» *[Там же.* Л. 33—34].

Повсюду нерусские народы ожидали прихода восставших и нередко, едва получив известия о приближении башкир, вооружались и выступали к ним на соединение. Когда в Кунгурском уезде распространились слухи о предстоящем приходе восставших, то, по сообщению приказчиков из Чусовских городков, «...верхомуллинские и култаевские башкиры, вооружаясь, отъехали и збираются на Тулве на речке Барду многолюдством...», чтобы присоединиться к восставшим. В ряде случаев появление слухов о восстании в Башкортостане приводило к волнениям.

Таким образом, вооруженная борьба башкир, возобновившаяся в сентябре 1707 г., вскоре охватила весь Башкортостан. В декабре восстание перекинулось на Казанский уезд, в начале января 1708 г. распространилось и на Кунгурский уезд. Прежде всего бросается в глаза быстрое распространение восстания по обширной территории края. Доведенные до отчаяния башкиры поголовно поднялись на борьбу. Их поддержали марийцы, мишари, татары, удмурты, чуваши, жившие в Башкортостане и соседних регионах.

Из наиболее видных предводителей восстания этого периода можно назвать Алдара Исянгильдина

и Имана-батыра - башкир Ногайской дороги; Кусюма Тюлекеева - с Казанской дороги; Мурата, который ездил в Крым и Турцию и вел переговоры с народами Северного Кавказа; Менлигузу — жителя Сибирской дороги.

Интересна биография Алдара, сыгравшего важную роль в дальнейшем ходе восстания. Дед и отец его были тарханами. Сам он участвовал в Крымских и Азовских походах в конце XVII в. За участие в Азовском походе получил звание тархана. П.И. Рычков писал, что Алдар имел от 5 до 8 тыс. лошадей *[Рычков,* 1896. С. 45]. Если даже предположить возможное преувеличение приведенных данных, этот факт говорит об Алдаре как о крупном скотовладельце. Алдар был энергичным человеком. Он отличался личной храбростью и прославился как батыр. О его участии в Азовских походах в документах канцелярии Оренбургской экспедиции говорится следующее: «В Азовском походе ранен тремя ранами, и выезжал на поединок и убил выезжего напротиву себя черкашенина, також и поймал собою языка одного крымчанина и объявил блаженныя и вечнодостойныя памяти Его Императорского величества Петру Великому и за ту ево по слугу убитого на бою брата его Давлетбая тело для отвозу во свояси отдано ему Алдару и даны ему с прогонами подводы». Алдар был одним из главных организаторов нового восстания. Все переговоры об установлении связей с соседними народами велись по его инициативе.

Сведения о Кусюме менее полны. Отец его, Тюлекей, был повешен за участие в восстании 1681-1684 гг. Кусюм был владетельным и властным представителем верхушки башкирского общества. П.И. Рычков приводит, правда, без ссылки на источник, следующую его характеристику: «Сказывают, что он так усилился и самовластен был над башкирцами, что тех, кто в противность воли его поступали, вешал на деревьях, и утоплял в воде, бросая в проруби, и теми своими поступками у башкирцев поныне в немалой славе» *[Рычков,* 17626. Ч. 2. С. 205-206]. Кусюм также выделялся незаурядными личными качествами и являлся батыром. Иман-батыр, скорее всего, происходил из рядовых башкир. О социальном положении Мурата и Менлигузы нет материалов.

Наконец, среди предводителей восстания фигурирует и хан. Правда, в истории восстания ему уделяется мало внимания. В одном из документов, характеризующих ход борьбы во второй половине февраля 1708 г. в Казанском уезде, говорится: «А Алдар де с ханом в то число были в Саврушах, и на другой день боем итить не велел Алдар для того, чтоб де помиритца и чтоб де напрасно людей не потерять» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 90. С. 224]. Как видно, хан находится вместе с Алдаром, но при этом он не только назван после Алдара, но и решение принимал не хан, а Алдар.

Упорное стремление восставших на запад и поддержка их населением соседних уездов означали, что восстание перерастало местные рамки. Оно стало превращаться в восстание всех нерусских народов Урала и Среднего Поволжья. В этой обстановке местные власти вынуждены были обратиться за помощью в центр. Кудрявцев сам спешно выехал в Москву, куда прибыл 26 декабря 1707 г.

Царское правительство приняло экстренные меры. 30—31 декабря 1707 г. в селе Преображенском под Москвой состоялось заседание Консилии министров с участием самого Петра I, начальника Разрядного приказа Т.Н. Стрешнева, а также Ф.М. Апраксина, И.А. Мусина-Пушкина. Заседание решило направить против восставших 5 регулярных полков из центра, а также уфимских, нижегородских, арзамасских, алаторских, саранских, пензенских, курмышских и инсарских дворян. Для вооружения отрядов, создаваемых на месте, правительство выделило в распоряжение казанских властей по 5 тыс. фузей и шпаг. Во главе всех этих сил был поставлен боярин и воевода князь П.И. Хованский, его товарищами назначены генерал-майор Гулиц, стольники Ф. Есипов, А. Дмитриев-Мамонов. Полками командовали полковники Г. Титов, Н. Анненков, Г. Янковский, В. Мешеринов, С. Норов. Царь приказал Хованскому «огнем и мечом» подавить восстание: «...итить ис Казани с ратными людьми для укрощения на воров, в которые места случай позовет, и чинить ему над ними, как над неприятелем...», свои действия согласовать с полками, расположенными в Зауралье, и вести наступление одновременно со стороны Казани, Кунгура и сибирских слобод, «...чтоб со всей стороны им был страх». Против повстанцев решили использовать яицких казаков и местное гражданское население в виде отрядов «вольницы». 2 января 1708 г. стольник Бахметев был отправлен к калмыцкому хану Аюке с грамотой, чтобы он послал 20 тыс. своих людей против башкир. Подобное повеление получили и яицкие казаки. Среди русского населения Среднего Поволжья и Урала распространили указ, чтобы «...собравшись на них воров шли ж, и жилища их разоряли, а скот, имущество и пленных взяли себе как добычу». Напуганным широким размахом повстанческого движения казанским властям даже этих военных команд показалось недостаточно.

1 января 1708 г. Кудрявцев обратился к Меншикову

с просьбой, чтобы еще «верных и надежных прислать 2 полка конных да полк пехотной», ибо если «... сею зимою чего не сможем учинить, и в лете всеконечная будет от них пагуба, и как разгоритца многими тысечами возвращать будет» *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 195; Ф. 199. № 130. Ч. 16. Д. 7. Л. 8-10; *РГА ВМФ.* Ф. 176. Д. 32. Л. 22-24; *Письма...* 1917. Т. VII. С. 611].

Оценивая мероприятия правительства по подавлению восстания, надо прежде всего признать, что оно выделило крупные воинские силы. Важно подчеркнуть при этом, что правительство не ограничилось обычными мероприятиями. Кроме регулярных полков, оно мобилизовало дворян Урала и Среднего По-волжья. Затем власти старались разжечь вражду между разными народами края, натравливая русских крестьян и калмыков на восставших. Все это имело целью помешать объединению русского и нерусского населения в борьбе против властей, а также вбить клин внутри самих нерусских народов. Ситуация в крае была опасной для властей. Не случайно последние не доверяли даже солдатам, набранным из местного русского населения.

Пока правительство намечало меры борьбы, восстание развертывалось по восходящей линии. Продолжались бои вокруг Уфы, Билярска, Бирска, Каракулино и Мензелинска. После взятия Заинска отряды восставших во главе с Алдаром, Кусюмом и Балта-батыром пошли вперед, осадили Новошешминск и Билярск. В первых числах января 1708 г. Билярск подвергся ожесточенному приступу повстанцев, но все же выстоял. Все села и деревни вокруг закамских крепостей были заняты восставшими. Ухудшилось положение Бирска и Каракулино, в связи с чем 150 человек из полка С. Аристова, стоявшего в Уфе, были посланы на лыжах «...с пороховою казною и для осторожности в Бирской городок». Отряд в пути подвергался неоднократному нападению восставших. Как вспоминал один из участников этого похода, «...дорогою де от воровских воинских людей были на них напуски по 3 дни... а на бою де из них руских людей убито 3 человека, а человек з 20 ранили, а у них де башкирцев побили по скаскам языков ста с 3, а всего де на них напускали башкирцов тысячи с 2» *[Булавинское...* 1935. № 206; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 95].

В первой половине января 1708 г. основные силы восставших перешли р. Каму, и главным театром боев становится территория Казанского уезда западнее Камы. Еще в начале января 1708 г. туда перебрался Кусюм во главе 2 000 башкир и осадил Елабугу. Заняв с. Чистое Поле, р. Каму перешел Исмагил-мулла с 3 000 башкир. Вслед за ними перешли Каму отряды восставших, возглавляемые Алдаром, Куразманом Уразовым, Московым Уразаевым, Якупом Кулметовым и другими *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 90].

Численность башкир, перешедших Каму и направлявшихся в сторону Казани, точно определить невозможно. По этому вопросу имеются лишь отдельные высказывания. Например, башкиры, взятые в плен в районе Каракулино, показали на допросе, «что де в собрании их воровских воинских людей под Казань пошли 30 000». Воевода Вятки полковник Григоров в начале 1708 г. определял численность башкир-повстанцев в 40 тыс. чел. *[Там же.* № 95; *РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 237 об.]. При всей сомнительности этих цифр ясно одно: повстанцев, продвигавшихся в направлении к Казани, насчитывалось десятки тысяч.

К тому же башкиры действовали здесь не одни. Когда основные силы восставших оказались в пределах Казанского уезда, то местное население, т. е. татары, марийцы, удмурты, чуваши поднялись на борьбу и присоединились к ним. Показания многих источников подтверждают этот вывод. Повстанец Урмет Бимяков признал на допросе: «А татара де Казанского уезда все с ними (с восставшими — *авт.)* в единомышлении, опричь Галецкие дороги». Другой участник восстания Акбулатов также показал на допросе: «Казанского уезду к их воровству татара дали слово и ныне к воровству с ними пристали... И положили... чтоб им ворам, башкирцам, и Казанского уезду татарам руских людей всех прирубить и всех уездов иноверцев возмутить и к воровству своему соединить и итгить под Казань всеми людьми» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 90, 91; *Письма...* 1917. Т. VII. С. 607, 609, 627-629].

А. Сергеев и С. Вараксин доносили 6 января из Казани: «Башкирское воровство умножается, и татары Казанского уезда многие пристали». Еще яснее выразился П.И. Хованский. В своем донесении царю 5 июня 1708 г. он писал: «Камендант Казанской тебе доносил про измену и про воровство одних башкирцов: а как я в Казань пришел, и в то число было воровство ото всех Казанского уезду татар и от иных иноязычников и присообщались все обще к башкирцам». Наиболее ярко позиция нерусского населения Казанского уезда видна из грамоты Кудрявцева к татарам Ногайской дороги этого уезда от 8 января 1708 г.: «Воры — башкирцы великому государю изменили, а к тем ворам пристали такия ж воры единомышленники татара ваши и других дорог и руские села и деревни и иноязычников деревни ж жгут, а людей рубят и в полон емлют, а вы неведомом для какова умыслу на тех воров нейдите, а в

которые ваши деревни и придут те воры, не противитесь и ставите про них меды и пива варите и никого из них не ловите». Затем он предлагает, чтобы все шли к Рыбной слободе, куда посланы «служилые слобоцкие татара, которые обещали великому государю верно служить». В конце грамоты говорится: «А которые из вас итить не похотят и тех потому ж, что изменников, станут рубить и домы их жечь и разорять и жен и детей в полон имать» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 101. Л. 586]. Итак, картина ясна: татары, марийцы, удмурты и чуваши Казанского уезда присоединились к восстанию.

Совершенно иную позицию заняли служилые татары и мурзы. Из этой грамоты видно, что служилые слободские татары Ногайской дороги Казанского уезда по призыву властей пошли к Рыбной слободе и сражались с восставшими. В грамоте Ж. Кудряв-цева, брата коменданта Казани, от 4 февраля 1708 г., адресованной группе татарских мурз, говорится: «...вы прислали языков ясашных татар 4 человек, которых вы взяли в деревне Ошняке при воровском их бою». Об активном участии в борьбе с восстанием татарской верхушки Галицкой дороги свидетельствует показание одного из ее представителей Юсупа Маметева: «...по указу казанского коменданта... господина Кудрявцева против башкир и противников татар он, Юсуп, и другие казанские служилые татара посыпаны были» *[Там же.* Л. 584, 588]. Против повстанцев действовал также крупный отряд казанских мурз. Наконец, следует указать и на то, что во время восстания казанские мурзы, князья и абызы использовались властями для переговоров с восставшими башкирами, что свидетельствует не только о верности первых властям, но и о доверии к ним со стороны последних. Вот почему казанская администрация щедро обеспечивала их оружием. Так, одному из татарских отрядов в начале февраля 1708 г. из Казани было послано «ружья 30 фузеи, два пуда пороху, свинцу тож, государево знамя, шестьдесят кремней» *[Там же.* Л. 587].

Восставшие башкиры, татары, марийцы, удмурты, чуваши и мишари повели наступление в глубь Казанского уезда. Нависла угроза над Казанью. На всей территории уезда развернулась ожесточенная борьба. Население спешило воспользоваться моментом, чтобы расправиться с дворянами, служителями церкви, чиновниками местной администрации — со всеми теми, кто отбирал их землю, скот, обращал их в христианство, издевался над их обычаями и культурой. Запылали помещичьи деревни, монастыри, церкви. Например, отряд Кусюма вместе с окрестным населением разорил Илбахтин монастырь, с. Елань, Черемышево. Башкир д. Тораево Казанской дороги Уфимского уезда Якуп Кулметов вместе с местными татарами разорял Черемышево, Иметесково и другие деревни. Местные жители показывали восставшим дорогу в помещичьи имения, монастыри и церкви.

В других районах также продолжались активные действия повстанцев. Уфа по-прежнему находилась в осаде. Шли бои около Сарапула. 23 января 1708 г. воевода Сарапула доносил, что «...приходили башкирцы и черемиса из-за Камы, стоят во многих местах, нагорных татар, черемис и вотяков многих возмутили около Сарапула во многих местах, и сидят сарапульцы от них в осаде уже 4 недели». Башкиры Осинской дороги в это время действовали между Сарапулом и Осой: «Ныне они башкирцы и вотяки пошли вверх по Каме и Тайнинские и Тулвинские волости башкирцы з закамскими ворами в соединении же» *[Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 7. Л. 130-131]. В Кунгурском уезде в середине января восставшие обложили город со всех сторон. «Ныне они в 10 верстах от Кунгура села и деревни разоряют, дороги на Казань, на Уфу и в Сибирь застали, ныне ожидаем их приход», - доносил в конце января 1708 г. воевода из Кунгура. Кунгурские жители так охарактеризовали обстановку в уезде: «...они, жен и детей своих оставя на Кунгуре, от башкирских татар бегут в Кайгородской уезд к свойственникам, и кругом де Кунгура многие села и церкви и деревни вызжены и люди порублены, да и в тех же местах на Сибирской дороге в Уфимском уезде стоят тех башкирских татар с 8 000 и больши и в панцирях и в колчюгах и в уезде же человек по 100 и по 200 и чинять разорения ж». В уезде шли непрерывные столкновения восставших с казанскими отрядами. Так, 25 января был бой около д. Бикбаево, 28 января - у д. Ураево. Другие отряды, состоящие из башкир, местных татар и марийцев, двигаясь к северо-западу от Кунгура, дошли до р. Камы, осадили дц. Верхние и Нижние Муллы и тем самым оказались у границ Вятского и Верхотурского уездов *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 220, 222]. Воевода Верхотурья счел необходимым предупредить воевод Туринска и Тюмени о принятии мер на случай проникновения восставших в их уезды.

В середине января 1708 г. с караулов, расположенных на границе с Кунгурским и Казанским уездами, на Вятку стали поступать сведения о приближении восставших к уезду. 19 января бурмистры земских дел послали из Вятки солдат и посадских людей, чтобы «...противиться и бои давать, где как мочно, чтоб в Вяцкий уезд и в городы отнед их не допустить» *[Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 7. Л. 130-131].

Итак, в январе 1708 г. восстание продолжало усиливаться и распространяться на соседние уезды. На западе восставшие проникли в центр Казанского уезда. На севере движением был охвачен Кунгурский уезд. На северо-западе восставшие вплотную приблизились к Вятскому уезду.

Наступило очень трудное время для властей. Их настроение выражает донесение находившегося в Москве Кудрявцева, написанное 7 января после получения вестей из Казани, в Смоленск царю Петру I: «Татара Казанского уезду многие пристают и хотят собрався, иттить под Казань. И о сем последний раб твой со слезами молю, не предаждь до конца таким ворам поругану и посмеяну быть имени твоему и помилуй всю свою отчину Казань и с принадлежащим к ней жителством, чтоб такие воры бусурманы не омочили рук своих в крови православных християн, помилуй, прикажи в оборону к прежним полкам прислать 3 полка конных, чтоб тот огонь вскоре погас».

В этой обстановке казанские власти принимали меры, чтобы продержаться до прихода войск, выделенных правительством. В начале января 1708 г. приступили к строительству вокруг Казани укреплений - «больварков и других крепостей». Затем в Казани и других поволжских городах «,..з дворян, и с воевод, и с перепищиков, и с подьячих, и с посадских взяли для того времени даточных, а других самих определили...» в полки, которые были направлены против восставших *[Письма...* 1917. Т. VII. С. 609—610]. Кроме того, дорогу в Казань защищали драгунский полк В. Шереметева и солдатские полки А. Дмитриева-Мамонова и Ф. Есипова, которые отступили в глубь уезда из района Закамских крепостей.

В конце января 1708 г. казанские власти сделали отчаянную попытку остановить продвижение восставших на запад. Драгунский полк В. Шереметева и солдатские полки А. Дмитриева-Мамонова и Ф. Есипова должны были пробиться в Елабугу, а затем оказать помощь закамским крепостям. Шереметеву удалось с боями дойти до с. Мамадыш. Здесь на его полк напали башкиры во главе с Уразовым. Шереметев доносил, что «драгуны ево не устояли», потеряв убитыми 53 человека, он вынужден был отступить в сторону Казани *[Булавинское...* 1935. № 201. С. 406]. Также неудачными были действия А. Дмитриева-Мамонова и Ф. Есипова, которые вышли из Казани в начале февраля. На всем пути им пришлось вести непрерывные бои с повстанцами. Когда полки вышли из с. Ачей, «...их де усмотрели татары деревни Сеитовых Сабов и иных окольных деревень и чинили де тревогу, чтобе де обозу учинить остановку». На другой день на них напал татарский повстанческий отряд из д. Зюри и других деревень. Ведя эти бои, полки продолжали двигаться вперед и дошли до с. Баландыш, откуда пошли далее на восток. Навстречу им из с. Савруш вышел отряд, состоящий из 4 000 башкир и 500 местных татар. В результате сражения правительственные полки отступили в Баландыш, где и были окружены восставшими. Отрезанные от Казани, они простояли в этом селе 15 дней *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 90; *Булавин-ское...* 1935. № 203. С. 408].

Терпя неудачи в боях с восставшими, казанские отряды вымещали свою злобу на мирных жителях. При этом надо подчеркнуть, что власти буквально натравливали, используя национальные различия, одни народы на другие и приказывали своим отрядам не останавливаться ни перед какими жестокостями по отношению к восставшим. Выше было сказано о распространении в начале января 1708 г. царской грамоты, в которой Петр I призывал русское население края подниматься на борьбу с восставшими, обещая им за это имущество последних. Кудрявцев от своего имени также обращался к населению с подобными призывами. В грамоте от 28 января 1708 г. он писал татарским мурзам, чтобы они шли против «...воров, бить и рубить и в полон их и жен их и детей имать себе, чего у них никогда взято не будет... а жилища их разорять и жечь... языков, которые из воров пойманы будут, присылать в Казань пущих завотчиков, а другим вам велеть чинить смертную казнь, вешать на месте, где пойманы будут» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 101. Л1. 586, 588].

Правительственные силы так и делали. Они разоряли и сжигали деревни, грабили скот и имущество, убивали, захватывали женщин, детей и стариков. В письме к Хованскому от 14 февраля 1708 г. восставшие писали, что «...Мамонов стоит с нами войною, 4 деревни сжег и людей, поймав, повесил». Не отставали от них и татарские мурзы, и служилые люди. По свидетельству одного из них, они «...изъехали войною деревню Сантаналеях и бои с ними учинили, многих побили, жен их и детей в полон брали и тою деревню разорили». Ясашные татары Казанского уезда, которые больше всех пострадали от жестокости своей верхушки, позднее жаловались, что казанские мурзы и служилые татары «...во время той же башкирской войны многих их братью ясашного чину людей татар побили, а иных в полон забрали к себе в неволю мужеска и женска полу и меж себя друг другу тех невольных и продают, а иных держат у себя в неволю и по се время» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 101. Л. 584; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 131; *Булавинское...* 1935. № 204. С. 409]. Особо

надо отметить жестокость отрядов «вольницы», состоявших из мелких служилых людей, служителей церквей и монастырей, русских крестьян.

В начале февраля 1708 г. повстанцы продолжали продвижение на запад. 6—7 февраля 1708 г. они находились в 30-40 верстах от Казани. Местную царскую администрацию охватила паника. 5 февраля 1708 г. Кудрявцев доносил Петру I: «Воров башкирцов воровство в Казанском уезде умножилось, и татара мало не все пристали... Руские села и деревни и святые церкви пожгли многие... И от Казани уж не в дальних верстах во 60-ти и в 40-ке и в 30-ти то чинят. А на отпор, государь, выслать некого, конницы есть небольшое, худа выслать, лишь потерять... Со слезами прошу у тебя государя милости, чтоб конных полка 2 или 3 прислать... Есть ли государь не захватить да перейдут через Волгу реку на Нагорную сторону, то что есть татар и чувашу и мордву возмутят к своему воровству всех» *[Там же.* №201. С. 406].

В середине февраля 1708 г. восставшие разоряли помещичьи деревни в окрестностях Казани. Они заняли Чепчюги, Тюбяк, Елань, Черемышево, Аркатово, Ия, Юнусово, Селенгуш и другие, находящиеся в 30-40 верстах от города Казани. Ставки повстанцев расположились в селах Савруш и Болтач.

Неизвестно, сделали ли восставшие попытку овладеть Казанью, но они не штурмовали город. Возможно, это объясняется тем, что восставшие совсем не имели пушек и пищалей. Не только такая сильная крепость, какой была Казань, но и сравнительно небольшие крепости, вооруженные пушками, представляли для них сложную преграду. Не случайно настойчивые усилия повстанцев занять закамские крепости, Каракулино и Сарапул не увенчались успехом, и башкирам пришлось ограничиться осадой или обходить их (за исключением Заинска).

Восставшие проявили упорное стремление прорваться за Волгу, где их ожидало население Свияжского, Симбирского и других уездов. В этом плане особенно успешны были их действия в районе устья Камы. Они уже заняли д. Шуран и Чирпы, расположенные в 30-40 верстах от Волги.

Наступил кульминационный период в ходе всего восстания. Настроение русской администрации в Казани выражает следующее донесение Н. Кудрявцева Петру I от 19 февраля 1708 г.: «...воры башкирцы и татара казанские от воровства своего не престают, но болте разоряют... Уже от Казани в тритцети верстах и правятся перебраться за реку Волгу на нагорную сторону в Свияжской и Синбирской и в ыные уезды и от тех уездов в самых ближних местех разоряют. Есть ли, государь, перейдут, сохрани Боже от пущаго зла... Прежде просил и ныне прошу, чтоб конницы прислать» *[Там же.* № 204. С. 409]. В тот же день он писал А. Сергееву: «У нас от воров нималого спокою нет, но на большое зло устремляютца, и самое тщание имеют на Нагорную сторону, от чего сохрани боже. Уж Шуран и Чирпы и иные разорены и вызжены». Письмо свое он заканчивает так: «Больши в горести и писать нечево, что только на всякой час со все стороны приносят бедство и разорение» *[Письма...* 1917. Т. VII. С. 611—612; *Булавинское...* 1935. № 204. С. 409].

В феврале 1708 г. бои продолжались и в Уфимском уезде. Полк Рыдаря остался в Уфе, конный полк С. Аристова, пополнив потери за счет уфимских дворян, в начале месяца направился вниз по Белой, чтобы помочь осажденным крепостям. С боями полк пришел в Бирск и, сделав короткую остановку, направился в Каракулино. Восставшие неоднократно нападали на полк. В середине февраля С. Аристов пошел из Каракулино в Мензелинск. Необходимо сказать, что для правительственных полков не существовало никакой разницы между отрядом восставших и женщинами, стариками и детьми нерусских сел. Ярким примером в этом отношении являются действия полка Аристова. Все села и деревни по пути его движения сжигались, а население уничтожалось. Он приказывал: «...башкирцов от 10 лет и выше рубить голов, а ниже 10 лет брюха пороть». Аристову удалось поднять часть русского населения Бирска, Каракулино, Мензелинска и других пунктов, где он проходил, для разорения нерусских сел и деревень. Так, отряд, организованный им из жителей Каракулино, разорял окрестные башкирские аулы. Во время одной вылазки «...башкирцов побили в юртах человек с 30, да языков взяли и привели в Каракулиню 6 человек, да скота рогатого отогнали и привели в Каракулиню 370 быков и коров, да лошадей с 15». То же самое продолжалось в Мензелинске, куда прибыл Аристов во второй половине февраля. Драгуны и отряд, организованный им из жителей этого пригорода, разорили и выжгли многие окрестные нерусские села и деревни. Эти жестокости С. Аристова подтверждаются и донесением Н. Кудрявцева Петру I: «Сидор Аристов, служа тебе государю ныне с Уфы с 770 человек до Мензелинска на 300 верстах прорубая и разоряя их, воров, прошол, чего они не могли над ним 10 000 учинить ничего, а он побил их премного и по дороге их деревень вырубил и выжог» *[РГАДА.* Ф. 9.

Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 214; *Письма...* 1917. Т. VII. С. 616-617].

В это время активные действия восставших продолжались и в Кунгурском уезде. Город Кунгур, острожки Торговишский, Степановский и другие находились в осаде. Новым в начале 1708 г. было распространение восстания на Вятский уезд. 9 февраля воевода Уржума сообщил, что восставшие заняли деревни вокруг Уржума, расположились станом в д. Ашитуей в четырех верстах от города. Через 4 дня после этого в Вятку пришло известие о том, что башкиры, татары, удмурты и марийцы осадили Уржум, выжгли Спасско-Чепочкин монастырь, лежащий к северу от Уржума. В это время другие отряды восставших напали на Игринский караул. Окрестное население бежало в глубь Вятского уезда. Вслед за ним отступил и отряд вятских солдат. В конце февраля восставшие, двигаясь вверх по р. Килмез, были в верховьях этой реки, заняли да. Селты, Пудга, Узга *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 221-222].

Было спокойно только в Зауралье. Но носились слухи о скоплении башкирских отрядов вблизи сибирских слобод и подготовке ими нападения на них. В этой обстановке местных воевод и приказчиков тревожила малочисленность солдат и драгун, и они неоднократно обращались в Тобольск — центр российской администрации в Сибири. Воевода Верхотурья 13 февраля 1708 г. просил помощи в Тобольске *[Там же.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1286. Л. 15-17].

В этот период, когда власти не знали, как справиться с восставшими, действовавшими на обширном пространстве от Уральских гор до Волги, возник новый очаг борьбы: против правительства поднялись народы Северного Кавказа, во главе которых стоял башкир Мурат-султан. Ночью 12 февраля 1708 г. объединенные силы чеченцев, ногайцев, мичкисов, аксайцев, кумыков, тавлинцев и казаков-раскольников вторглись в г. Терек. Среди наступавших был и башкирский отряд. К рассвету весь город, за исключением верхнего кремля, где укрылся воевода И. Вельяминов с остатком гарнизона, был в руках восставших. На другой день они пошли на приступ кремля, но осажденные встретили их огнем пушек и ружей, и наступление не удалось. Тогда повстанцы решили взять кремль путем правильной осады. Окружив крепость со всех сторон, они расставили захваченные пушки и вели из них огонь по кремлю.

Восставшие намеревались после взятия Терека идти на Астрахань и двигаться вверх по Волге, чтобы согласовать свои действия с башкирами. Астраханский воевода П.М. Апраксин в своем донесении к Петру I от 20 марта 1708 г. писал, что «...с теми всеми намерен был тот злодей (т. е. Мурат - *авт.)* итти к нам и в Башкирцы, да бог допустить того милосердием своим не восхотел». Калмыцкий хан Аюка известил Апраксина о положении дел в Тереке, и последний принял спешные меры. На Терек были направлены 1 200 солдат во главе с полковником и 650 ногайских служилых людей. Аюка выделил 3 000 калмыков. Эти силы 26 февраля под Тереком нанесли поражение восставшим. Сам Мурат был ранен и взят в плен. Затем он был отправлен в Астрахань, оттуда — в Казань, где после жестоких пыток повешен за ребро *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 97, 104, 117. С. 232-233, 238-243, 256-257].

Таким образом, удачно начатое восстание на Северном Кавказе было подавлено властями при помощи калмыцкого хана Аюки. Но сам факт его возникновения подтверждает вывод о наличии союза между башкирами и народами Северного Кавказа.

Правительство намеревалось «огнем и мечом» подавить восстание. Но на борьбу поднялось население Южного Урала и Среднего Поволжья, и выделенных сил оказалось недостаточно. Кроме того, требовалось время для сбора военных отрядов. Восстание с каждым днем приобретало все более грозные размеры. Тысячные отряды восставших действовали вокруг Казани и вблизи Волги, стремясь ее перейти, чтобы расширить район движения.

В этой обстановке правительство вынуждено было проводить более осторожную политику, попыталось успокоить край хотя бы ценой уступок. 22 февраля 1708 г. А.Д. Меншиков приказал: «...которые люди на Уфе и в протчих тамашних городех от нас посланы для окладу новых зборов и чтоб ис тех мест немедленно вывесть ... есть ли те люди отсюда выведены будут, то вскоре здешнее, а особливо башкирское замешание, утишитца» *[Булавинское...* 1935. № 211. С. 418].

П.И. Хованский приехал в Казань в конце января 1708 г. В это время повстанцы приближались к Казани. Хованскому, не имевшему еще достаточных сил, пришлось начать переговоры с ними. 2 февраля он направил казанского толмача И. Овсянникова и четырех татар в с. Балтач, где был стан восставших. В своих грамотах П.И. Хованский перекладывал ответственность за тяжелое положение башкир и других нерусских народов края на представителей местной администрации и, заявляя, что он «с указом приехал» от самого царя, предлагал восставшим прекратить борьбу, за что царь простит их и им

«великого государя милость обо всяких обидах будет».

В этой ситуации предводители восстания проявили гибкость, понимание реальной действительности и решили скорректировать задачи борьбы: не выпячивая идею отказа от русского подданства, добиваться существенных уступок от правительства по удовлетворению своих конкретных требований: покончить с земельными захватами, новыми налогами, политикой христианизации и произволом местной администрации. Перечисленные требования были поставлены перед князем П.И. Хованским, который олицетворял центральную власть.

В письме, написанном ранее 11 февраля 1708 г., башкиры Мурза-абыз, Исмагил, Хусейн, а также жители Казанского уезда татары Ирмяк, Мамет, Юбраш, удмурт Никита, мариец Кизылбай, новокрещены Афанасий и Чолпашев предложили Хованскому лично приехать в Савруш, где была ставка восставших, для переговоров *[Там же.* № 68]. Алдар, Кусюм и Хази Аккускаров, главные предводители повстанцев, в это время находились в Савруше и приостановили продвижение своих отрядов вперед, чтобы начать переговоры. Хованский в ответ на письмо восставших сообщил о том, что приедет в Савруш Для переговоров. Но повстанцам стало известно, что Хованский собирается придти туда с войском. Это вызвало подозрение в его мирных намерениях, и восставшие предупредили Хованского, что готовы к продолжению борьбы: «Мы слышим бутто 100 подводами едеш, для того мы и не довериваем, миритца не ездят со многоми людьми... таким обманом станеш ездить, с теми ворами съедемся, не приезжайте, их к тебе не пропустим» *[Там же.* № 88, 90]. Переговоры велись почти месяц, а конкретных результатов все же не было. Не прекращалась и вооруженная борьба. Однако главные силы восставших ослабили свои действия, и тем самым они выпустили инициативу из своих рук. Переговоры, по существу, послужили передышкой для властей, чем они и не преминули воспользоваться.

22 февраля Хованский с основной частью сил выступил из Казани. В д. Чепчюги к нему присоединились полки А. Дмитриева-Мамонова и Ф. Есипова. Кроме того, Н. Кудрявцев из солдат, оставленных Хованским в Казани, создал ряд отрядов и направил против восставших. Таким образом, в конце февраля 1708 г. в Казанском уезде повстанцам противостояли, не считая отрядов «вольницы», свыше 10 тыс. хорошо вооруженных солдат и драгун. Под их напором восставшие вынуждены были отступить. 17 марта прибыл в Елабугу. Он не торопился с походом в Уфимский уезд и, остановившись в Елабуге, возобновил переговоры с восставшими.

Башкирские отряды, составлявшие основную боевую силу, в организованном порядке перешли на восточный берег Камы и остановились напротив Елабуги. Вместе с ними находилась и наиболее активная часть восставших из жителей Казанского уезда. Из писем башкир Хованскому было ясно, что в случае вторжения войск в Башкортостан им окажут достойное сопротивление.

Состояние источников не позволяет сколько-нибудь удовлетворительно охарактеризовать обстановку в лагере башкирских повстанцев в этот период. Из отрывочных сведений явствует, что состоялся ряд йыйынов. Один из них, по-видимому, прошел в местности, довольно далекой от Камы. Посланцев Хованского отправили туда «...к башкирцем в Уфинской уезд в дальные их улусы... 4-х дорог к добрым людям, они 4-х дорог со многими добрыми людьми подумают». После этого башкиры решили созвать еще йыйын в непосредственной близости от Камы, пригласить Хованского лично приехать туда, чтобы он выслушал их жалобы. Об этом свидетельствует письмо Рахмангула, Хусейна, Куразмана и Аббаса-муллы к нему: «После тое думы вашей милости в которое место притти тем двоим людем письмо написав дадут к тебе князь Петру Ивановичю Хованскому и твоей милости станем бить челом». В письме Арыка и Куразмана, присланном Хованскому в конце марта, эта мысль подчеркнута еще яснее: «...уж де наши мирские люди на срок поспевают, и на тот срок ты прислал бы посланника; к твоей милости наши многие люди збираютца, а в том, что много наших людей зберется, не винил бы» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 92, 96]. Но Хованский на йыйын не поехал. Тем не менее йыйын состоялся, правда, неизвестны его решения. Лишь по последующему поведению башкир можно в какой-то мере судить о них. По всей вероятности, основная часть повстанцев не спешила принести повинную. Лишь башкиры волостей, расположенных вблизи Елабуги, где стояла армия Хованского, склонялись к тому, чтобы принесением повинной обезопасить себя от расправы правительственных полков.

23 марта от имени населения башкирских волостей, расположенных западнее Камы, «...пришли к Хованскому в Елабугу башкиры А. Тохтамышев и И. Чювашев, К. Семенов, Т. Бунгузин с товарыщи и с татары... и ему великому государю в винах своих добили челом и целовали по своей вере куран и обещались ему великому государю служить верно... ясак... платить им по старому окладу сполна без

доимки... а которой в нынешнее смутное время взят полон и тот полон, сыскивая, ставить им» *[Там же.* № 103]. 31 апреля принесли повинную башкиры еще двух волостей. За Енейскую волость повинную подписал Тохтар, за Булярскую — Ураз-мулла *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 254].

В Зауральском Башкортостане по-прежнему было спокойно. Но носились слухи о готовности башкир напасть на слободы *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 98, 99].

Таким образом, в конце марта 1708 г. обстановка немного разрядилась. Хотя основная часть башкир еще не принесла повинную, вооруженные столкновения приостановились. Продолжались переговоры повстанцев с Хованским.

В конце апреля 1708 г. борьба возобновилась. Начались бои в окрестностях Сергиевска и Билярска, восставшие заняли ряд деревень. В мае эти действия продолжались.

Началась вооруженная борьба и в Зауралье. 30 апреля башкиры напали на слободу Чумлякскую и, заняв окрестные деревни, осадили слободу. В начале мая башкиры появились около Чусовской слободы и разорили ряд деревень в ее окрестностях.
8 мая восставшие заняли деревни около Уткинской слободы, затем напали на слободу *[Там же.* № 105, 106. С. 243—245; *Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 260-261; *Памятники...* 1882. Кн. 1. № 80]. 22 мая они вновь пришли сюда и заняли д. Антоново. Из слободы против башкир вышло 40 беломестных казаков и крестьян, и они были окружены восставшими. На помощь им пришли тюменские пешие казаки, недавно посланные для защиты Уткинской слободы. Бой длился с раннего утра до полудня. Окруженным удалось вырваться из кольца и вернуться в слободу. Тогда башкиры вновь напали на слободу со стороны д. Посниково. Против них были пущены в ход пушки, что и позволило отстоять слободу.

В мае развернулись сильные бои вокруг Торговишского и Ильинского острожков, которые были осаждены. 24 мая башкиры, кунгурские татары и марийцы начали приступ к Ильинскому острожку. В помощь осажденным спешил отряд во главе с воеводой Кунгура Трусовым. Но и приход самого воеводы не изменил обстановки. В бою, состоявшемся 28 мая, отряд Трусова потерпел поражение. Воевода был смертельно ранен.

Чем же объясняется заметная активизация притихших было восставших? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать, что же происходило в это время в Придонье и на правобережье Средней Волги.

Вспыхнувшее еще осенью 1707 г. восстание крестьян и казаков во главе с К.А. Булавиным с марта 1708 г. стало принимать угрожающие размеры. Оно охватило Придонье, южные уезды России и Слободскую Украину. Булавинцы весной и летом 1708 г. делали неоднократные попытки прорваться к башкирам.

Активизация восставших башкир вблизи Самары и Сергиевска была их ответом на попытки булавинцев установить непосредственные связи с ними. Современник этих событий, английский посол в Москве Чарльз Витворт, пристально следивший за внутренними событиями в стране, в донесении в Лондон от 2 июня 1708 г. сообщает содержание письма К.А. Булавина Петру I, в котором говорится, что «...он божию помощью (его выражение) состоит в союзе с башкирами». Движение булавинцев вверх по Волге (на Саратов) он непосредственно связывает с их «...надеждой открыть сообщение с последними» *[Сборник...* 1886. Т. L. С. 16,21].

Сохранились также сведения о поиске связей с булавинцами самих башкир. Калмык Загалдай по возвращении из Яицкого городка 13 июня 1708 г. сообщил И. Бахметеву, представителю Петра I у калмыков, что «...в мае приехали в Яицкой городок башкирцов 3 человека, а с ними их войсковой татарин Теленбет и говорили де они башкирцы с ним Загалдаем тайно, что де их в собрании многое число, а согласие де между собой имеют с кайсаки и с каракалпаки и з донскими воровскими казаки и с кубанцы, и положено де на том, что друг друга не выдавать, у всех заодно» *[РГАДА.* Ф. 119. Д. 1. Л. 40-40 об.].

Интересен и другой факт. Когда в марте 1708 г. калмыцкий хан готовился в поход против башкир,
12 марта 2 000 крестьян и казаков во главе с Игнатом Некрасовым внезапно напали на ставку хана Аюки и «...улусы около ево многие повоевали, людей посекли и в полон поимали». Хан спасся бегством в степь. После этого он писал в Казань, что «...хочет иттить на воров башкирцов многими людьми, только мешают ему донские казаки, многие юрты разорили, и людей побили и в полон поимали, и ныне еще тщаться, где б улусы разорить» *[Там же.* Л. 51; *Булавинское...* 1935. № 210. С. 418]. После этого Бахметеву не без труда удалось добиться выполнения Аюкой своего обещания послать войско против восставших башкир. Это событие также проливает определенный свет на взаимоотношения башкир с булавинцами.

Все эти факты показывают, что между башкирами и поднявшимися на борьбу против правитель-

ства русскими крестьянами и казаками во главе с К.А. Булавиным не только были установлены связи, но и делались попытки объединить силы в борьбе против властей. Однако своевременные энергичные мероприятия правительства сорвали эти усилия. Следует отметить, что известный историк С.М. Соловьев признавал наличие связей между башкирами и булавинцами. Профессор МГУ В.И. Лебедев в статье «Башкирское восстание 1705—1711 гг.» также высказывал предположение о существовании связей между повстанцами различных районов Дона, Кубани, Волги и Урала *[Соловьев,* Кн. 8. Т. XV. С. 1449; *Лебедев,* 1937. Т. I. С. 90].

В этих условиях правительство стремилось как можно быстрее добиться успокоения в Башкортостане. 15 апреля 1708 г. Петр I писал Хованскому: «Мы зело желаем ведать о ваших делех, какой у вас промысел над ворами-башкирцами чинитца. И как возможно неусыпное попечение имейте, дабы оных воров злое намерение скоряя искоренить». Подобное письмо получил и Кудрявцев. Далее Петр I требовал от них, чтобы в интересах дела они действовали согласованно *[Письма...* 1917. Т. VII. С. 140].

26 мая полки П.И. Хованского начали переправляться через Каму у с. Челны, чтобы двигаться в сторону Мензелинска и далее, в центр Башкортостана. Тогда башкиры решили принести повинную, и их представители 31 мая явились к Хованскому. Начались переговоры. П.И. Хованский от имени правительства обещал всем участникам восстания прощение и «обнадежил их государевою милостью» снять новые налоги, рассмотреть их жалобы на насилия казанских властей и об исключении их из-под ведомства последних, о снятии уфимского воеводы Л. Аристова, наказании полковника С. Аристова. Нерусским жителям Казанского уезда, которые отступили вместе с башкирами на восток, П.И. Хованский разрешил «быть у них башкирцов, где они жить похотят» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 131. С. 285]. Восставшие согласились прекратить борьбу, платить ясак и другие подати по старому окладу, давать подводы. Стороны также договорились отпустить пленных и вернуть скот, захваченный во время восстания. На этих условиях приехавшие предводители восстания целовали коран.

Хованский назначил воеводой г. Уфы вместо Льва Аристова одного из своих товарищей (заместителей) - стольника Федора Есипова, чтобы «ему быть до указу великого государя», и повелел ему с нерусского населения уезда налоги «збирать по старому окладу». По сведениям Кудрявцева, П.И. Хованский велел башкирам быть в ведении лишь воеводы, направленного от него. Для принятия повинной от населения во все башкирские волости были посланы дворяне, подьячие и толмачи. Целовать коран должны были лица мужского пола - «все до малых робят» *[Письма...* 1917. Т. VII. С. 746—747; *РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 261-262 об.]. Хованский также уведомил местные власти соседних уездов о принесении повинной восставшими и потребовал, чтобы все войска прекратили военные действия против них. В начале июня об этом он сообщил воеводам Тобольска, просил Их отпустить пленных повстанцев и возобновить прежние мирные отношения с башкирами. Воеводе Кунгура было поведено привести к корану участников восстания, проживающих в Кунгурском уезде, и освободить пленных. С другой стороны, Хованский принял и некоторые меры военного порядка. Так, полк И. Рыдаря, который с конца 1707 г. участвовал в обороне Уфы, был заменен свежим московским солдатским полком Норова *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1297. Л. 45-46; *Булавинское...* 1935. № 218. С. 247; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 107. С. 246].

Важное значение в стабилизации установившегося мира имело возвращение П.И. Хованским отряда яицких казаков, состоящего из 1 240 чел. и прибывшего в начале июня 1708 г. в г. Самару. Отряд остановился в непосредственной близости от башкирских кочевий. Еще в январе 1708 г. кяицким казакам была послана грамота из Москвы, в которой говорилось, чтобы они выступили против восставших башкир. Опираясь на это повеление царя, Кудрявцев торопил их с походом. Только за 2 месяца (январь—февраль) он послал казакам 4 письма. Заранее, в конце января, в Самару было доставлено жалованье, предназначенное им. Но казаки не спешили и пришли в Самару лишь в июне 1708 г. *[Булавинское...* 1935. № 201, 206. С. 406, 413]

Подобная медлительность казаков объясняется наличием определенных связей между ними и башкирами. Башкир Мурат, предводитель осады г. Терека, освещая события 1705—1706 гг., показал на допросе, что он с 2 000 башкир пошел на Яик, чтобы с яицкими казаками «иттить на калмыцкого владельца Чагана хана». Пленный повстанец К. Куксеев, сообщил, что Кульчюрка, командир одного из отрядов восставших, действовавшего в конце 1707 г. около Мензелинска, рассказывал им, что «...башкирцу де Уразманку, которой ездил на Яик для торгового промыслу, говорили яицкие казаки, чтоб руских людей, которые будут на башкирцов наступать, рубить» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 104, 82. С. 239, 215]. Эта весть говорит о сочувствии казаков

восставшим башкирам. Выше говорилось о приезде в мае 1708 г. в Яицкий городок к казакам четырех башкир. Хотя источники и не сообщают о цели их приезда, сам тот факт, что в ходе восстания башкиры послали к казакам делегацию, приобретает важное значение и свидетельствует о наличии связей между восставшими башкирами и яицкими казаками. Не случайно Кудрявцев обвинял казаков в сочувствии восставшим башкирам. Еще в донесении Петру I от 5 февраля 1708 г. он писал, что казаки «...манят и иттить не хотят» [*Булавинское*... 1935. № 201. С. 406]. 14 апреля он доносил Меншикову: «А яицкие казаки по многим... указам и по грамотам и по нашим письмам по се число на воров не пошли, а пойдут ли бог весть, а мы чаем, что есть у них с ними ворами согласие» *[Там же.* № 210]. Таким образом, казаки не пришли на помощь правительству в тот момент, когда в них более всего нуждались. Когда все же они пришли, то не спешили ворваться в пределы Башкортостана. Приказ Хованского явился удобным предлогом, чтобы уйти им обратно, не причинив восставшим никакого вреда. Казаки имели полную возможность ограбить башкирские волости, как это сделали позднее отряд И.Е. Бахметева и калмыки.

Постепенно в Башкортостане стала налаживаться мирная жизнь. В донесении к царю от 5 июня 1708 г. Хованский писал: «Ныне за помошью божию от них башкирцов воровства никакова нет, потому что все их воровство искоренено, и в Уфинском уезде по самую Уфу стало быть вельми смирно и. правиант на Уфу водою, также и сухим путем, послан» *[Там же.* № 215]. Наступила тишина в районе Сергиевска, Самары и в центре края, где в мае усилились было активные действия восставших. Было спокойно и в Кунгурском уезде. Происходил обмен пленными и принесение повинной восставшими. Так, 25 июня башкиры привезли в Кунгур трех пленных, а оттуда взамен их отпустили двух башкир. С 22 по 24 июня в уезде были приведены «к курани кунгурских татар 240 человек и взяты аманаты». Затем кунгурский воевода послал подьячего, двух посадских людей, двух солдат, толмача и абыза, чтобы «привести к курану остальных кунгурских татар и башкирцов, которые смежно с Кунгурским уездом» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1297. Л. 45-46]. Наступило спокойствие и в Зауралье. Начиная с июня 1708 г. уже нет данных об активных действиях башкир.

В борьбе с башкирами правительство возлагало большие надежды на калмыков. Еще 10 февраля 1708 г. стольник и воевода И.Е. Бахметев в сопровождении 50 драгунов отправился к ним из Москвы. 8 марта он прибыл в ставку хана Аюки на р. Ахтубе. ниже Черного Яра, и подал ему грамоту Петра I. в которой говорилось, чтобы Аюка послал 20 тыс. своих людей «...на воровских башкир с ним. Иваном, нынешним зимним путем... не токмо бы их разорить, но и жилища их искоренить, а ему Аюке и владельцем и ратным людем великого государя жалованья прислано будет» *[РГАДА.* Ф. 119. Д. 1. Л.49-51об.]. Хан обещал выступить в поход в конце марта. Но нападение булавинцев во главе с И. Некрасовым 12 марта надолго задержало это выступление. Лишь к концу мая калмыкам во главе с Аюкой удалось подготовить требуемое войско.

22 мая Аюка получил письмо из Казани, в котором говорилось, чтобы он часть своих людей послал против булавинцев, которые осаждали Саратов, поэтому отряд из 10 тыс. чел. пошел под Саратов, а остальные 10 тысяч и отряд Бахметева направились против башкир. 26 июня они вторглись в пределы Башкортостана и стали расправляться с башкирами, живущими в верховьях р. Ик. «Перешел реку Ик июня 26 на жилища и войсковое их собрание били в розных местах и числех на боех и в загонах их башкирцов побили и полону мужеска и женска полу и лошадей и скота взято было многое число», - доносил И. Бахметев в Москву *[Там же.* Л. 40 об.].

Башкиры были застигнуты врасплох и понесли, по-видимому, значительный урон. Затем они оправились и стали собирать отряды. Дело организации отпора возглавили Исмагил-мулла, один из видных повстанцев, и Балта батыр. В самом конце июня отряды башкир сосредоточились в верховьях р. Сюнь «в немалом собрании», затем перешли на Ик. Произошло несколько кровопролитных боев, не давших, однако, перевеса ни одной стороне. После этого противники, готовые к бою, встали на противоположных берегах р. Ик. Этот отпор со стороны башкир отбил у калмыков охоту вести дальнейшие активные действия. Начались переговоры. Башкиры обязались быть верными правительству и обещали отдать пленных, захваченных в ходе восстания. Бахметев и калмыки, в свою очередь, согласились отпустить пленных башкир, взятых ими. Затем калмыки поехали домой, а отряд Бахметева 9 июля вернулся в Самару *[РГАДА.* Ф. 119. Д. 1. Л. 21,41,53-54].

Этот поход не изменил общей обстановки в Башкортостане, где и до их прихода дело шло к успокоению. Большим успехом властей было принесение повинной в конце июня 1708 г. новой группой предводителей восставших во главе с Кусюмом. В донесении в Разрядный приказ от 30 июня Хованский писал: «Уфимского де уезду ото всех 4-х

дорог начальнейший Кусюм батыр и другие набольшие башкирцы с товарыщи, пришед к нему в полк в винах своих в. г. добили челом... ныне за тем куранным целованием с ними башкирцы делать стало нечего, воровства и никакой шатости от них не слышно» *[Булавинское...* 1935. № 223. С. 433-434]. Хованский при этом сообщил в Москву о своих опасениях по поводу того, как бы казанские власти своими' действиями не вызвали новое восстание башкир.

Правительство подтвердило почти все обещания, данные восставшим во время переговоров с Хованским. Во главе новоучрежденной Казанской губернии в конце мая 1708 г. был поставлен не Кудрявцев, возглавлявший до этого управление Среднего Поволжья, а П.М. Апраксин *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 275-276 об.; *Булавинское...* 1935. № 220, 223; *Письма...* 1917. Т. VII. С. 751].

Воеводой в Уфу был послан стольник полковник Г. Титов. Сначала Хованский назначил воеводой своего заместителя Ф. Есипова, но, уступая желанию башкир, которые просили дослать им воеводой московского жителя, он отправил воеводой в Уфу Титова *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 279].

Восстание 1707—1708 гг. стало одним из самых крупных движений башкирского народа. Крупными вождями движения были Алдар Исянгильдин, Кусюм Тюлекеев, Хази Аккускаров, который был объявлен ханом, Иман-батыр и Мурат. Кроме них, следует назвать таких предводителей, как Исмагил-мулла, Мурзай-абыз, Арык-батыр, Рахмангул, Куразман Уразов, Москов Уразаев, Якуп Кульметов, Аббас-мулла и др.

Массовость движения башкир, недовольство населения соседних районов в условиях Северной войны 1700-1721 гг. не позволяли властям осуществить военный разгром восстания. Серьезно встревожило правительство также радикальное требование отказа башкир от русского подданства. Все это вынудило его пойти на значительные уступки восставшему народу.

ВОССТАНИЕ 1709-1711 гг.

Затишье, установившееся в Башкортостане летом 1708 г., продолжалось недолго. Уже в сентябре 1708 г. Кудрявцев доносил, что хотя от башкир «...ныне воровства не явитца, только, государь, весьма своевольны стали быть: в Уфимском уезде ниже кому подвод дают». С Уфы сообщали, что дворяне и подьячие, «...которые посланы были повелением боярина князя Петра Ивановича Хованского с Уфы приводить к шертованью, не токмо шертовали, но и сами насилу уехали, а сказали, что де им недосуг шертовать» *[Письма...* 1917. Т. VII. С. 887; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 11. С. 250].

Резко осложнило обстановку в крае требование правительства послать 1 000 башкир для службы в Петербург. Об отказе башкир выполнить это распоряжение Кудрявцев доносил Петру I следующее: «И они воры не токмо на твою государеву службу итти, только воровством своим ругают и сказали, как де на реках лед будет, в то де время пойдем на службу; и тем провещают намерение своего воровства» *[Письма...* 1917. Т. VII. С. 888].

Это распоряжение правительства было воспринято башкирами как продолжение прежней политики систематического роста различных повинностей с них. Кроме того, после восстания были выполнены не все обещания Хованского, подтвержденные затем правительством. Повстанцы были недовольны, что не понесли наказания представители казанской администрации во главе с Кудрявцевым за их произвол и насилия в отношении башкирского населения. Башкиры, кроме того, жаловались на то, что, несмотря на договоренность в ходе переговоров, власти не отпустили пленных повстанцев, не вернули скот и другое имущество местного населения, захваченные во время восстания правительственными командами и отрядами «вольницы». При этом подчеркивали, что они сами выполнили все условия договоренности.

Эти материалы позволяют сделать вывод о том, что власти продолжали в крае, по существу, прежнюю политику. Обращает на себя внимание то, что новые требования были предъявлены башкирам буквально сразу после уступок, сделанных им в мае-июне 1708 г. Ответом башкир могло быть только новое восстание. Осенью они начали готовиться к возобновлению борьбы.

Начались йыйыны башкир. В конце сентября 1708 г. уфимский воевода сообщил в Казань, что «...к Алдару почали башкиры съезжаться, а ясаку платить старого и в мысли их нет. А сказали, как де зимою реки все замерзнут, в то время ясак приведут, и по сему явно быть пущему воровству». В сибирские слободы стали поступать сведения о приезде гонцов от Ногайской дороги к башкирам Сибирской дороги с призывом всем собраться на Ногайской дороге. Часть жителей Сибирской дороги поехала к ногайским башкирам, остальные стали съезжаться на совет у оз. Чебаркуль *[Мате-риалы...*

1936. Ч. 1. № 111. С. 250; *РГАДА*. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1734. Л. 1].

Поздней осенью обстановка стала более определенной. 5 ноября 1708 г. Кудрявцев доносил Петру I: «И по непрестанным ведомостям, государь, также и полоненики русские, которых воры башкирцы в прошлом году взяли и ныне у себя держат, от них уходят и сказывают, что они воры, башкирцы, по прежнему изготовились воровать и разорять, как реки льдом покроются». В декабре некий поп сообщил в Кунгур, что «...башкирской де атаман Алдар збираетца в башкирцы и каракалпаки идти на государевы городы и уезды для разорения» *[Письма...* 1917. Т. VII. С. 888; *РГАДА*. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1.Л. 309].

Шла деятельная подготовка восстания. Возвратившаяся в начале 1709 г. из башкирского плена крестьянка Рябкова рассказала в Кунгуре, что айские башкиры «...всякие к военному случаю хлебные запасы и сыры изготовляли и здумали, чтобы итти на Кунгур войною и разорить. И в то же время приехали с Уфы перепищики Михайло Киржацкой с мурзою Казанского уезда и он де мурза их уговаривал и разговаривал и подводы де они не дали... башкирцы всякие запасы отвезли в леса, а после того всякие хлебные запасы и к военному делу копья и сулебы приготовляют, а кует де руской человек уфинский кузнец Ларион» *[Там же.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1674. Л. 1].

Этот случай свидетельствовал о том, что часть русских помогала башкирам в подготовке восстания. Видимо, подобные факты не были единичными.

Постепенно башкиры активизировали свои действия. В конце 1708 г. они расставили отряды вокруг Уфы и никого туда не пускали. Об этом сообщил в Уфе крестьянин Успенского монастыря Глазырин: «...в тех де их иноверских подгородных деревнях, съехався башкирцы живут без съезду человек по 30 и болши в деревне и... на Уфу не пропускают». Сборщик ясаков, посланный из Уфы на Ногайскую дорогу, был пойман башкирами и увезен к Алдару. Сергеев 14 ноября 1708 г. доносил А.Д. Меншикову, что башкиры «...за Камою ныне воруют, набегами деревни многие в нынешних числах разорили». В мае 1709 г. П.М. Апраксин, губернатор Казани, характеризуя обстановку в крае конца 1708 г., писал в Разрядный приказ: «Уфинские де башкирцы все были в прежней измене и упорстве и даней с себя никаких не давали и к себе в уезды русских людей не пускали, и которые ездили, побивали и грабили, и намерены были итти в государевы городы и уезды разорять войною» *[Там же.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 310—311; *Булавинское...* 1935. № 233. С. 448—449; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 119. С. 258].

Недовольство проявляли не только башкиры. Волнение охватило и другие нерусские народы. Когда казанские власти стали набирать людей для службы в Петербург, многие татары Казанского уезда бежали в Уфимский уезд. А татары, жившие восточнее Камы, «...не токмо людей дали, и посланных, бив, выслали».

Но в конце 1708 — начале 1709 г. обстановка в крае менее благоприятствовала повстанцам. Было разгромлено астраханское восстание. Особенно большим ударом для башкир явилось подавление восстания на Дону, что позволило правительству держать значительные силы в Казани. Получив вести о брожении в Башкортостане, П.М. Апраксин направил из Симбирска в Казань солдатские полки Дмитриева-Мамонова, Урна и драгунский полк Шереметева. Кроме того, в Уфе стоял солдатский полк Янковского в составе 1 024 человек, в районе закамских крепостей — конный полк Аристова *[Письма...* 1917. Т. VII. С. 888; *Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 83. Карт. 9. № 118; *Письма...* 1948. Т. VIII. Вып. 1. С. 997; *РГАДА*. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 302—302 об.]. В это число войск не входили гарнизоны закамских крепостей, Уфы, Бирска и других близлежащих пунктов. Вся эта территория теперь находилась в ведении одного лица - казанского губернатора, что также облегчало борьбу с восстанием.

В этих условиях башкиры заключили союз с каракалпаками. Переговоры начались, по-видимому, в конце августа — начале октября 1708 г. В сентябре уфимский воевода уже доносил в Казань о том, что «...от каракалпацкого хана Тевки к ворам башкирцам, вначале к вору Алдару, пришли посланцы проведывать, что у башкирцов учинилось с русскими, а другие извещали в Уфе, что они пришли к сообщению воровства» [*Материалы...* 1936. Ч. 1. № 111. С. 250].

Затем распространились слухи о приезде многочисленного войска каракалпаков в Башкортостан. 3 ноября 1708 г. уфимский воевода сообщил: «...по подговору вышеписанного атамана башкирца Алдара идет каракалпакская многая сила в Уфинской уезд, и тот Алдар поехал встречать» *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 309 об.]. В начале 1709 г. Уфу известили, что к башкирам пришла «каракалпацкая сила 40 000», а приказчики слобод сообщили в Тобольск, что к башкирам пришел Кучюк-хан с каракалпаками «во многой силе» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 112. С. 251]. На самом же деле оказалось, что к ним приехал родственник

каракалпакского хана в сопровождении нескольких десятков человек. П.М. Апраксин 22 февраля 1709 г. доносил Петру I, что по призыву башкир «...приехал к ним ис каракалпак некакой вор, бутто ханов сын... и прежде до меня у них врали, бутто он пришел в 20 ООО, а ныне я подлинно проведал, что с ним меньши 100 человек» *[Там же.* № 114. С. 252].

Об условиях соглашения башкир с каракалпаками можно судить по следующим сведениям. Вышедшие из башкирского плена русские люди сообщили в марте 1709 г., что «...приехал ханов сын в 60 человеках... после большой воды придет сам каракалпакский хан с силою и после сеяния хлебов хотят воевать на Уфу и на Кунгур» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1674. Л. 2—3]. Родственник каракалпакского хана в апреле 1709 г. сказал башкиру Назаргулову с товарищи, что «...он каракалпакского владельца внук, прислал де его к ним башкирцам дед ево Кучюк хан по подзывке Ногайской дороги башкирцов Алдара бая да Уракая батыря с товарищи... дожидаетца де он к себе деда своего Кучюк хана в 10 тысячах...» *[Там же.* Д. 1537. Л. 10 об.-И]. Пленный башкир Урусакай 6 июля 1709 г. показал на допросе в Тобольске, что ханский сын говорил башкирам, что его дядя «...будет к ним в башкирцы со многою силою вскоре и учнуть воевать сибирские слободы... Нагайские башкирцы Алдар бай и товарыщи сказали сибирским башкирцам Абадану с товарищи, что того ханова сына из каракалпаков прислал к ним на Ногайскую дорогу с малыми людьми вышеписанный дядя ево Кучюк хан для проведывания, что все ли башкирцы пойдут к нему в подданство и велел ему о том к себе писать; и потом де хотел бить челом со многою силою и всеконечно руских людей воевать» *[Памятники...* 1882. Кн. 1. № 87. С. 373-375].

Как видно, организаторы восстания обратились к каракалпакскому хану за помощью. Последний согласился поддержать башкир с одним условием: башкиры, отказавшись от русского подданства, должны были признать одного из его родственников своим ханом.

Этот вопрос обсуждался на йыйыне (съезде), состоявшемся в начале 1709 г. в Юрматынской волости Ногайской дороги. Об этом в донесении П.М. Апраксина из Казани в Разрядный приказ от начала мая 1709 г. говорится следующее: «...пущие изменники Алдарка с товарыщи призвали к себе ис Каракалпак воровского хана Хазея, и тот де хан в феврале месяце нынешнего 1709-го году с теми воровскими башкирцы в тех башкирских юртах, от Уфы ездою в 5-ти днях, в урочищах в Юрматынскую волость, и многие де башкирцы по прелести тому хану с тем Алдарком шертовали, что им быть с ним в соединении и итти под Уфу и в ыные государевы городы войною. И чтоб им всех башкирцов к тому воровскому хану прельстить и привесть к шерти в послушание» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 119. С. 258].

Как видно, на йыйыне родственник каракалпакского хана был провозглашен башкирским ханом и принято решение о возобновлении восстания.

От имени собравшихся на все дороги рассылались представители, которые призывали башкир подняться на борьбу. В свою очередь, жители разных волостей посылали своих представителей к хану и Алдару, выражая свою готовность продолжать восстание. В частности, в начале 1709 г. у них побывал один из руководителей восстания 1707-1708 гг., житель Айской волости Сибирской дороги Менлигуза и привез к себе в волость «...от ханова сына знамя болшею красное четвероугольное, а в середине круг белый». По возвращении собрались «...к нему де Менлигузе все Сибирской дороги башкирцы в то время», которые, вероятно, обсуждали вопросы восстания и «...здумали, чтоб итти на Кунгур войною и разорить» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1674. Л. 1].

Казанские власти, в свою очередь, приняли ряд мер на случай возобновления борьбы. Еще ранней весной 1708 г. отряд дворян и иноземцев был послан в закамские крепости. В середине декабря туда же был направлен драгунский полк В. Шереметева. Затем местные власти разослали по всему Среднему Поволжью и Уралу указы, чтобы все русское население, организуя отряды «вольницы», выступило против восставших *[Письма...* 1948. Т. VIII. Вып. 1. С. 996—997]. Подобное повеление также получил калмыцкий хан Аюка. Наконец, местные власти неоднократно обращались в Москву за войском. В донесении Н. Кудрявцева к Петру I от 17 декабря 1708 г. говорится: «...дабы присланы были сюды к лету гетманского войска полка два или сколько ваше царское величество повелит казаков» *[Письма...* 1917. Т. VII. С. 888; *Письма...* 1948. Т. VIII. Вып. 1.С. 996-997].

В начале 1709 г. в Казань прибыл П.М. Апраксин, который встал во главе управления всего Среднего Повол<u>жь</u>я и Урала. В отличие от прежних казанских деятелей, которые ограничивались мерами военного характера, Апраксин решил политикой обещаний и переговоров раздробить и ослабить силы башкир и не дать восстанию вспыхнуть. Губернатор повел широкую кампанию уговоров башкирского населения. Уже 22 февраля 1709 г. он доносил Петру I: «...о том государь непрестанно

печаль имею по должности моей, чтоб оных привести в твердость без многих убытков и кровей» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 114. С. 252]. Сразу по приезде в Казань Апраксин направил своих людей в Башкортостан с письмом к предводителям восстания и «лутчим» башкирам, где он писал, что «казанские судьи» отставлены, царь послал его как «своего ближнего поверенного в Казань и на Уфу и во все низовые городы для управленья своей государевы земли, всяких добрых людей беречь», что царь простил башкир и «всякие прибыльные дела указал... отставить». Затем он предложил главным предводителям восстания 1707—1708 гг. Кусюму, Алдару и другим приехать в Казань. В случае «измены», то есть восстания, и отказа приехать в Казань, он грозил послать против них «великого государя многие силы» и людей Аюки-хана *[Там же.* № 116. С. 255-256].

Наметившийся к этому времени раскол среди башкир обеспечил известный успех этой политике. Если некоторые из них, например, Алдар, были за новое восстание, то другие во главе с Кусюмом в этот период занимали выжидательную позицию.

Когда же П.М. Апраксин обратился к башкирам с письмом, то группа Кусюма откликнулась. Выразив свое удовлетворение по поводу обращения к ним Апраксина, Кусюм, Уразай (Казанская дорога), Карман (Осинская дорога), Зиаммет (Сибирская дорога) просили его решить ряд вопросов. Прежде всего Кусюм и его товариши были недовольны тем, что прежние казанские власти не отставлены: «...нам слышно, что ты с ними с Микитою, и с Олександром, и с Сидором пьешь и ешь с одного блюда и советуешь вместе, а нам приказывает быть безопасно, и мы о том опасаемся» *[Там же]*. Затем они обратили внимание Апраксина на то, что башкиры после прекращения борьбы летом 1708 г. пленных солдат отпустили, а власти пленных повстанцев до сих пор не отдают. Они также просили освободить башкир, арестованных казанскими властями в прошлых годах. В заключение они писали, что, посоветовавшись, они пошлют своих представителей с челобитными к нему в Казань: «...мы к милости твоей с челобитьем пришлем добрых людей, и в том поволь нам поверить» *[Там же]*.

П.М. Апраксин также предложил Алдару и его сторонникам отказаться от союза с каракалпаками и приехать для переговоров в Казань. Письмо губернатора повез Кулбарыс-мурза. Его сопровождали сторонники Кусюма - Исаев, Бекбулат-ахун, Катка-мулла и Исмагил, которые представляли башкир Осинской, Ногайской, Казанской и Сибирской дорог соответственно. Они также везли письмо Кусюма к Алдару. В нем говорилось: «...ты великому государю нашему принеси повинную и приезжай в Казань к боярину Петру Матвеевичу Апраксину сам и своею рукою подай челобитную, а он великий государь наш милостивый и может в вине твоей простить». В письме далее отмечалось, что им слышно, будто он привез хана из орды и хочет поднять восстание: «И ты, Алдар, похвалился своим мирским людем ложно, что Кусюм и Уразай и иные старшие к твоему воровству пристали, и мы в твоем воровстве не товарыщи и не в совете, и Осинские е Сибирские дорог старшие со всеми всяких чинов людьми к вашему воровству не пристанем» *[Там же.* № 115. С. 254].

Алдар и его товарищи, тем не менее, отказались принять предложение губернатора и группы Кусюма. Они не верили обещаниям властей. В ответном письме Алдар напомнил о том, что условием сохранения русского подданства является серьезные уступки со стороны правительства, обуздание произвола казанских властей в частности.

Деятельность казанского губернатора принесла определенные плоды. В конце марта 1709 г. в д. Ятов (Евбазы) около 60 «лутчих людей» Казанской дороги принесли присягу верности царскому правительству: «И те же башкирцы лутчие люди Кусюм батыр. Уразай, Токших, Рахманкул Карманов с товарыщи... вины свои великому государю принесли, и обещались служить и дань давать по-прежнему и быть во всяком послушании бес противности» *[Материалы... 1936. Ч. 1.* № 119. С. 258, 259].

Таким образом, события конца 1708 — начата 1709 г. в крае сыграли важное значение для дальнейшего хода восстания. Если башкиры во главе с Алдаром готовились к новому восстанию, то власти пытались переговорами и военной демонстрацией не дать вспыхнуть восстанию.

К марту 1709 г. стало ясно, что властям не удалось предотвратить восстание. Весной 1709 г. началось скопление отрядов повстанцев в ряде мест Зауралья. О прибытии туда башкир Ногайской дороги Чагыр Яргалов, житель Сибирской дороги. 23 апреля сообщил следующее: «...едет де с Нагайской дороги на Сибирскую дорогу в Табынскую волость каракалпакской ханской сын Рысмаханбет с воровскими людьми башкирцами и с нагайцы» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1538. Л. 10]. Пленный повстанец на допросе выразился еще определеннее: «...к Уракаю пришли башкирцы с Ногайской дороги тысячи с 4... с начальными людьми Алдар баем да Абыли Аджи... Да с башкирами Ногайской дороги с Алдаром приходил к ним на Сибирскую дорогу

каракалпацкой ханской сын Размаханбет, а с ними де каракалпаков толко около 50 человек...» *[Памятники...* 1882. Кн. 1. № 87. С. 372—374].

В начале апреля 1709 г. крупный отряд восставших сосредоточился около оз. Чебаркуль. Об этом сообщил в Катайск Красильников: хан стоит за Чебаркулем, у него «...силы многое число с ружьем во всякой готовности». Возможно, что местность около оз. Чебаркуль была общим центром сбора восставших. Другим местом сбора отрядов было оз. Иргидык. 26 апреля один из мишарей сообщил в Белоярскую слободу, что ханов сын велел башкирам Сибирской дороги съехаться с оружием на Иргидык озеро и многие башкиры к нему поехали» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 11; *Памятники...* 1882. Кн. 1. № 88. С. 375; *Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 7. Л. 131-132]. Источники не позволяют точно определить общее количество повстанцев. Имеющиеся цифры характеризуют численность лишь отдельных отрядов. Выше говорилось о приходе 4 тыс. башкир Ногайской дороги во главе с Алдаром в Зауралье. Взятый в плен около Арамила повстанец 15 мая 1709 г. показал на допросе, что «в сборе у хана и башкир 8 тысяч». Из этих приблизительных цифр видно, что число восставших уже в начальный период достигло значительной цифры. Это свидетельствует о массовом участии жителей Ногайской и Сибирской дорог.

В апреле 1709 г. предводители восставших собрались в пределах Сибирской дороги у Уракая Юлдашбаева, чтобы обсудить свои дела. 23 апреля в Каменский завод поступили сведения, что «у башкирцов идет совет к шатости весть худая о войне на руских людей и собрано у башкиретина Уракая для той думы 140 человек» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 10].

Сразу после совета начались открытые действия восставших. Их мелкие отряды появились около слобод. 19 и 20 апреля восставшие подошли к Чумдякской слободе, 22 — к Белоярской слободе (на Тече), 23 апреля они заняли митрополичье село Воскресенское. 26 апреля Уракая во главе отряда из 100 чел. видели около Пещанской слободы. Эти действия в апреле носили, по-видимому, характер разведки.

В мае же вся масса восставших одновременно обрушилась на остроги и слободы. 4 мая башкиры заняли д. Шелкунское около Арамильской слободы, 17-18 мая они напали на слободу, во время боев убили 15 чел., 11 ранили, 8 взяли в плен. 28 мая они «во многом собрании» повторили свое нападение на слободу, но взять слободу им не удалось, и они повернули обратно. По их пятам пошли драгуны и жители слободы. Но в столкновении последние потерпели поражение и отступили, потеряв 18 чел. убитыми, 20 раненными, 12 пленными. Другие отряды башкир с 17 мая разорили деревни вокруг Багарякской слободы, затем в конце мая они напали на слободу и сделали приступ *[Там же.* Л. 9 об.-12].

Восставшие действовали и в бассейнах рр. Миасс и Теча. 19 мая доносили из Белоярской слободы (на Тече), что башкиры и каракалпаки численностью свыше 1,5 тыс. чел. пришли под слободу и дважды попытались овладеть ею. Во время этих приступов оборонявшие потеряли 22 чел. убитыми, 10 раненными и 12 пленными. О потерях башкир не сообщается. Уходя, восставшие угнали много скота. Приступу подверглась и Пещанская слобода. Здесь действовал отряд из 400 чел. Другие отряды повстанцев, продвигаясь вверх по Тече, достигли р. Исеть и, преправившись через реку, разорили деревни вокруг слободы Красномысской. В конце мая башкиры подошли к Крутихинской слободе и осадили ее. Во время приступа было убито и взято в плен около 70 защитников слободы. Были разорены 3 окрестные деревни. Показательный факт содержится в донесении приказчика этой слободы. Крутихинцы спрашивали башкир, почему они «воюют государевы слободы». Те отвечали: «...то де вся наша земля башкирская» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 11 об,—12; *Памятники...* 1882. Кн. 1. № 82. С. 326-327]. Этот маленький эпизод показывает, что одной из целей восставших было стремление вернуть захваченные у них ранее земли.

В мае 1709 г. отряды повстанцев во главе с Даировым и Мурзагильдиным проникли в Кунгурский уезд. В короткий срок Зауральский Башкортостан и Кунгурский уезд были охвачены огнем восстания.

Тобольские власти бросили все свои силы против повстанцев. Еще в апреле 1709 г. полк, состоящий из 1 000 драгун, направился вверх по Исети навстречу башкирам. 14 мая вышел из Тобольска и спешил туда же отряд под командой полковника Толбузина, состоящий из 468 дворян, детей боярских и конных казаков. Кроме того, в составе отряда находились тюменские дворяне и татарские феодалы, численность которых неизвестна. Отряд прибыл на место военных действий в середине июня 1709 г. и сразу включился в бои *[Там же.* С. 385-388].

Таким образом, ядро военных сил, направленных против повстанцев, составляли русские дворяне. Заслуживает внимания и тот факт, что татарская феодальная верхушка Тобольского и Тюменского

уездов, как и татарские мурзы Казанского уезда, остались верны властям и участвовали в борьбе с восставшими. Следовательно, очевидна несостоятельность точки зрения казанского историка Н.А. Фирсова, который видел основную причину восстания в агитации татарских князей и мурз.

Не оставили свои козни против восстания и пошедшая на сговор с правительством башкирская знать Казанской дороги во главе с Кусюмом. Они дошли до того, что согласились выступить против восставших. Но их ожидало полное разочарование: рядовые башкиры Казанской дороги наотрез отказались подняться против восставших. Кусюм вынужден был признать, что башкиры Казанской дороги не поддержали его. 4 июня 1709 г. он писал уфимскому воеводе: «...а с ним, Кусюмом, башкирцев, которые обещались с ним, Кусюмом, на воров итти только 157 человек и поворотясь он, Кусюм, с Ногайской дороги стал в подгородной Демской волости от Уфы в 30 верстах» *[РГАДА.* Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1. Л. 342-342 об.].

Не лучше обстояло дело и у части местной аристократии Сибирской дороги - сторонников правительства. В 6 волостях им удалось собрать лишь 150 человек, их попытка выслать хана из Башкортостана не удалась. В мае так называемые верные башкиры Карабаш, Тементей, Зиаммет, Чюрагул-мулла и другие (всего 15 чел.) сделали новую неудачную попытку выслать хана, но его «не дали поймать башкирцы и силы у них много». В своем письме в Тобольск они писали, что «...после Чагира собрався ездили проведать царевича и говорили поезжай назад и хотели сильно взять, и тамошние воры не дали» *[Там же.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 11; Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1528. Л. 31-33].

Группа Кусюма обратилась к П.М. Апраксину, чтобы он против восставших направил казаков и калмык. Об этом они сообщили и своим сторонникам из Сибирской дороги: «...мы Опраксейну от себя весть послали ж, чтоб он к нам вышеписанных казаков наших и калмыков послал наскоро». Верхушка Сибирской дороги, в свою очередь, собравшись на совет, решила также обратиться в Тобольск и Кунгур за помощью. Сообщая об этом властям, они писали: «...добрые люди башкирцы послали в Тобольск 4 человека, на Уфу к Кусюму 2 человек, чтоб силою притти к ним сего июня на 27 число, чтоб из Уфинского уезду того хана выгнать или поймав, свесть в Казань». «Лучшие» башкиры Зауралья, известив воеводу Кунгура о своих связях с властями Тобольска и Уфы, просили, чтобы он к ним в помощь прислал кунгурских татар и марийцев по 1 человеку с двора *[Там же]*.

Эта деятельность части башкир стала известна восставшим, и им пришлось бежать в горы. 16 июля 1709 г. они жаловались тобольскому воеводе: «...государю все головы свои приклонили. О сем живем в печали, опасаемся, что приехал царевич, смотрим на указ великого государя, ждем силы государской... А мы живем в каменях и меж островами, а которые здесь живут лутчие люди Карабаш батур да... Качей Зайсан шалзуцкой, Хожагул терсацкой... Чермишь сынрянской, Кошкилдей, Ахчюра... Кочатул... Дементей... Исенчара» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 122. С. 271]. Основная часть башкир Зауралья поднялась на борьбу. Свидетельство Ишметева, агента кунгурского воеводы, также подтверждает эту мысль. 27 августа 1709 г. он сообщил в Кунгур, что башкиры Катайской волости, кроме Карабаша (Карабаш - верный феодал этой волости - *авт.)*, совместно с башкирами Верхне-Таныпской, Телевской, Айлинской волостей и всего Зауралья участвуют в восстании *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1672. Л. 2]. Этот вывод подтверждается другим известием того же Ишметева: «...многие башкиры говорили, что буде все башкирцы советовав... с ним де ханом собрався в великом собрании и кунгурские заставы и острожки общей пойдут, чтоб села и деревни разорить... башкирцы де добрые люди прилагают им страх тобольскими присланными на караул служилыми людьми и кунгурскими заставы и сказывают им, что на заставах и в городе Кунгур салдат и подъездных людей многое число...» *[Там же]*.

В июне 1709 г. восстание продолжилось с еще большей силой. В начале месяца восставшие напали на Уктусский завод, убили и ранили 20 человек, 4 взяли в плен. Нападению подверглись также Долматовский монастырь и Катайский острог. Деревни вокруг них были взяты башкирами. Против восставших выступили объединенные отряды подполковников Матигорова, Текутьева, майора Угрюмова, а также набранные ими отряды «вольницы». Бой произошел 9-10 июня. «Бились сутки... И отгонный скот отбили и на том бою неприятельских людей многих побили и ранили, а твоих государских... ратных людей убит досмерти драгун один человек, да ранено капитан Данило Матигоров з драгуны всего 10 человек, а у них полуполковников и у драгун. У многих подстрелили лошадей и с того бою неприятельские люди башкирцы побежали», — доносили Матигоров и Текутьев в Тобольск *[Тамже.* Д. 1537. Л. 12]. А в это время другие отряды восставших появились вблизи Пещанской, Крутихинской, Красномысской, Багарякской и Чусовской слобод. В середине июня крупные отря-

ды башкир напали на Барневскую и Красномысскую слободы. Отряд Толбузина, шедший из Тобольска, и драгуны Матигорова и Текутьева из Катайска попытались перехватить восставших, но не сумели догнать их [*Памятники...* 1882. Кн. 1. № 83, 86, 89. С. 328-330, 371-372, 388-391]. В конце июня многочисленные отряды башкир одновременно напали почти на все крайние слободы и осадили их. Все дороги были перерезаны, окрестные деревни заняты ими. В осаде оказались Каменские и Уктусские заводы, Катайский и Колчеданский остроги, Арамильская, Багарякская, Камышевская, Белоярская (на Тече) и Нижняя Пышминская слободы. Заводы прекратили свою работу. Активные действия шли весь июнь. Даже приход войск из Тобольска не ослабил их размах *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1518. Л. 52; *Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 277; *Памятники...* 1882. Кн. 1. № 83. С. 330-333].

В начале июля 1709 г. восставшие действовали около Камышевской и Багарякской слобод, 12 июля нападению подверглась Утяцкая слобода, 14 июля башкиры заняли несколько деревень под Окуневской слободой, а затем попытались овладеть слободой. В эти дни повстанцы также напали на Уктусский завод. Навстречу вышли драгуны и отряд вольницы из 400 человек, произошел бой, во время которого был убит 1 драгун, ранено 5, в том числе капитан Рачковский *[Там же.* № 89. С. 390—391].

В 20-х числах июля свыше 3 тысяч башкир во главе с ханом стояло у д. Емметово. Туда же пришел отряд из 500 каракалпаков. После совета решено было вторгнуться в Кунгурский уезд. 22 июля восставшие осадили Торговишский острог и сделали несколько приступов. На помощь острожку спешили солдаты и отряд «вольницы». Но 23 июля они сами у д. Брехово были окружены башкирами *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1672. Л. 2-3].

В конце месяца активизировались действия повстанцев на р. Чусовой. 28 июля они заняли деревни вокруг Чусовской и Сулемской слобод *[Памятники...* 1882. Кн. 1. № 83. С. 335—336].

В это время другие отряды башкир, заняв ряд деревень вокруг Колчеданского острога и Барневской слободы, увели в плен около 150 чел., а также много скота. Узнав об этом, отряд Толбузина и драгуны Матигорова, Текутьева и Угрюмова выступили против башкир. Выступив из Катайска 31 июля, они прошли через Колчеданский острог, и, перейдя Течу и Миасс, 11 августа достигли оз. Чебаркуль, а затем передвинулись далее по речке Кандабулак. Не обнаружив восставших, 12 августа эти отряды повернули обратно. Когда же они подошли к оз. Чебаркуль, на них напали башкиры во главе с Абаданом Курткачиковым «во многом собрании, учинили с ними бой, билися с ратными людьми от речки Кандабулаку до Миясу реки неотходно 3 дни». Драгуны потеряли 10 человек убитыми, 24 раненными, в том числе вторично был ранен подполковник Матигоров. Потери башкир неизвестны; только Толбузин доносил, что они «многих башкирцов побили до смерти и ранили многих» *[Там же.* № 89. С. 392—394]. По-видимому, перевес оказался на стороне восставших, ибо в донесении Толбузина не говорится о бегстве башкир. Вряд ли он умолчал бы об этом, если бы вышел победителем. 18 августа драгуны уже были в Катайске. Подобное быстрое возвращение отрядов говорит об их поспешном отступлении. Таким образом, поход объединенных сил отрядов в глубь башкирских волостей окончился неудачно.

Используя отвлечение основных правительственных сил в сторону Чебаркуля, повстанцы активизировали свои действия в других районах. 5 августа они заняли слободу Усть-Утка; нападению подверглись Сулемская и Арамильская слободы и Уктусский завод. 7 августа были разорены деревни около Камышевской слободы и Катайского острога; 13 августа восставшие совершили приступ на Колчеданский острог и Каменский завод; 12 августа башкиры и каракалпаки напали на Чумлякскую слободу и на Царево Городище (на Тоболе). В конце августа 1709 г. восставшие неоднократно нападали на отряды «вольницы», неоднократно делали приступы к Арамильской и Багарякской слободам и Уктусскому заводу, заняли несколько деревень под Окуневской слободой, напали на Барневскую слободу *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 2 об.; *Памятники...* 1882. Кн. 1. № 83. С. 341-346]. В течение августа почти все слободы и остроги на Миассе, Тече и Исете, а также заводы испытывали нападение восставших и многие из них подверглись нескольким приступам. Все дороги были заняты восставшими, драгуны и жители не могли выходить из слобод и острогов. Многие поселения очутились на положении осажденных.

Не оказало существенной помощи властям и использование против повстанцев отрядов «вольницы», которые воевали главным образом ради добычи. С середины лета 1709 г. местные власти стали больше внимания уделять руководству действиями «вольницы». Организацией и сбором этих отрядов непосредственно ведали командиры регулярных отрядов и приказчики слобод. В июне 1709 г. майор Угрюмов, Обольянинов и выборный Никитин из Катайска писали приказчику Камышловской сло-

боды, что из-за малолюдства «итти в степь не смеют» и просили его набирать людей в отряды «вольницы» в Камышловской и Тамакульской слободах. Подобные письма они отправили и в другие слободы *[Там же.* С. 334-335]. В результате этих мер с июля 1709 г. заметно активизировались действия отрядов «вольницы». В первой половине июля жители Арамильской и других слобод «...собрався своею охотою на воровских башкир ста с четырем болши ходили и улус их разбили». 17 июля крестьяне Арамила и мастеровые с Уктусских заводов «ста с три пошли на них башкирцов» *[Архив РАИ.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 279]. В это время из Багарякской слободы выступили также «охочие люди на башкирцов, съехалися с ними в степи, билися». Но отряд «вольницы» потерпел поражение, «русских людей пало многое ж число». 9 августа 90 крестьян и казаков Чуловской слободы во главе с Сулеем пошли разорять башкирские жилища. Около д. Паутовы на р. Баксе они вступили в бой с башкирским отрядом в 70 человек. Весь день шел бой, в результате отряд «вольницы» потерпел поражение, потеряв 2 убитых и 8 раненых, «отошли от башкирцов отводным боем» *[Памятники...* 1882. Кн. 1. № 83. С. 337—338, 342]. 11 августа рота драгун под командой капитана Бурцова и отряд «вольницы», состоявший из 240 человек, разорили башкирский аул. Об этом один из участников рассказывает: «...наехали в степи на Бисертке реке кош воровских людей и побили их. А в коше воровских людей з женами и с малыми детьми человек з 20 прибили, достальных в полон взяли, человек с 15. На взятье убили у нас 2 человек и ранили 5. Который полон взяли, то он Бурцов с вольницей взяли к себе, а 2 человек дали чюсовским крестьянам и беломесным казакам» *[Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 275 об.; *Памятники...* 1882. Кн. 1. № 89. С. 394].

Как видно, «вольница» серьезной военной силы не представляла, но была страшна для башкирских аулов, где оставались в основном женщины и дети. Ее действия лишь способствовали обострению отношений между коренными жителями и русским населением края, к чему и стремились власти.

К осени 1709 г. обстановка в Зауралье не изменилась. Новым было только то, что отряд каракалпаков ушел домой. Но башкиры по-прежнему продолжали борьбу. В начале сентября крупные их силы сосредоточились около Уктусского и Каменского заводов. Очевидец крестьянин Первушин 5 сентября 1709 г. сказал об этом следующее: «...башкир на Иткул озере силы множество и хотят итти на Каменский завод» *[Памятники...* 1882. Кн. 1. № 83. С. 349-350]. То же самое сообщили вышедшие из плена несколько женщин *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 3]. В первой неделе сентября крупный отряд восставших осадил Багарякскую слободу. 14 и 20 сентября они сделали попытку овладеть ею приступом. Были окружены также Уктусский и Каменский заводы и Арамильская слобода. Поход полковника Ф. Толбузина «с полком с служилыми людьми и с охотники» в начале сентября против башкир закончился неудачно, из «степи отходным боем дни с 3 шел, многих ранили, иных убили служилых людей». В течение всего сентября восставшие находились вблизи этих пунктов, неоднократно нападали на них и держали их в осаде. Отдельные отряды повстанцев в это время действовали на берегах Тобола. 8 сентября они подходили к Иковской слободе и отогнали скот. Драгуны под командой Матигорова и Текутьева напали на башкир, бой длился целый день. Подполковник Текутьев, капитан Ф. Томилов и 5 драгун были ранены. 18 сентября восставшие вновь напали на слободу Иковскую. При этом они потеряли 3 человек убитыми и нескольких раненными. Со стороны драгун было убит 1, ранено 10 чел. 27 сентября нападению подверглась Белоярская слобода (на Тече) и Красномысская слобода *[Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 286-288, 291-294; *Памятники...* 1882. Кн. 1. № 83, 89. С. 345-349, 395-396; *РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 3].

Осенью 1709 г. размах восстания не ослабевает. Уктусский и Каменский заводы, Арамильская, Багарякская и Камышевская слободы, как и в сентябре, подвергались постоянным нападениям. 5—8 октября восставшие заняли деревни около Каменского завода, 9 октября напали на Камышевскую слободу и сделали приступ. 13 октября жители этой слободы «собравшись многолюдством» напали на башкир, бились почти целый день. Но камышевцам пришлось вновь укрыться за стенами слободы. Башкиры подошли также к Каменскому заводу и «многолюдством приступали к верхним железным заводам». Затем повстанцы осадили Уктусский завод и Арамильскую слободу. В конце октября восставшие напали на Барневскую слободу, около Царева Городища они разбили отряд драгун и крестьян, затем, продвигаясь вдоль Тобола, напали на Усть-Суерскую слободу *[Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 295-299; *РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 4].

Не было спокойно и в Кунгурском уезде. 15 октября 1709 г. башкирский отряд появился около села Медянки.

В начале ноября башкиры напали на Барневскую и Усть-Миасскую слободы и митрополичье

село Воскресенское. Около этого села они выдержали бой с драгунами Матигорова и казаками. 9—10 ноября восставшие подошли к Усть-Суерской слободе и заняли несколько окрестных деревень. 18 ноября отряд восставших подошел к Катайскому острогу, где стоял отряд Толбузина, и занял все дороги. Против них из острога вышел отряд Толбузина и в 40 верстах от Катайска был бой *[Там* же. Д. 1528; Д. 1537].

Как видно, в ноябре 1709 г. размах восстания, по сравнению с предыдущими месяцами, немного ослаб. От декабря 1709 г. уже нет сведений о действиях восставших. Наступление холодов приостановило борьбу.

Зиму 1709—1710 гг. башкиры использовали для того, чтобы подготовиться к продолжению борьбы. Об их настроениях видно из показаний взятого в плен в ноябрьских боях повстанца, жителя Айлинской волости Султангулова: «В нынешнем 709 году башкирцы Уфинского уезду, которые живут на Сибирской стороне по сю сторону Урала Камени всех волостей собралися и живут на реке Увелке от русских тобольских слобод в близости и думают за одно, что русских людей Тобольского уезду в острогах и слободах впредь всеконечно воевать и слобод и деревни разорять безостатку... и в каракалпаЦкую де землицу и хану изо всех волостей послали 6 человек башкирцов бити челом и просить силы на помочь». О стремлении башкир продолжать борьбу и шире привлечь на свою сторону каракалпаков свидетельствуют и известия Ишметева, вышедшего в декабре 1709 г. из башкирского плена. Он рассказал, что осенью 1709 г. сибирские башкиры послали к каракалпакскому хану 17 своих представителей «для подзывания самого каракалпацкого хана с каракалпаками во многолюдстве для войны». Башкиры просили каракалпаков, чтобы они приехали в Башкортостан или в декабре 1709 г., или весной следующего года. В конце декабря 1709 г. 3 посланца башкир возвратились, а остальные должны были приехать вместе с каракалпакским войском *[Там же.* J1. 4, 12—13].

В свою очередь, местные власти приняли серьезные меры для подавления восстания. Военные силы, находившиеся в распоряжении тобольских властей, оказались не в состоянии расправиться с восставшими. Видя это, тобольские и кунгурские власти неоднократно извещали Москву о своем тяжелом положении и просили войско и оружие. В частности, в донесении тобольских воевод в Москву от 28 июня 1709 г. говорилось, что «...в Тобольску пеших казаков и казачьих детей, старых и малых, которые остались за салдацким набором, всего 1 091 человек». Воеводы просили дополнительные силы. 23 августа 1709 г. кунгурский воевода жаловался на недостаток оружия *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1537. Л. 12; Д. 1672. Л. 2]. Забеспокоился обстановкой в Зауральском Башкортостане и казанский губернатор Апраксин. 2 августа 1709 г. он доносил Петру I, что башкирское восстание не прекращается и просил «...буде возможно, конных к ним прибавить для их башкирского злодейства».

Правительство серьезно отнеслось к этим сигналам. Еще 20 октября 1709 г. было решено послать в Тобольск «...в скорости несколько драгунских полков, чтобы тех воров искоренить... В Кунгур послано 100 пудов пороха, 1 000 фузей и 100 солдат». В начале 1710 г. был сменен воевода Тобольска. Им стал стольник И.Ф. Бибиков *[Письма...* 1950. Т. IX. Вып. 1. С. 1080; *РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1672. Л. 9; *Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 133-134].

Тобольские власти решили нанести удар по восставшим в середине зимы, когда из-за глубоких снегов затруднялись действия башкирской конницы. Все это должно было, по мнению организаторов похода, привести к прекращению восстания. 5 февраля 1710 г. «ратные всяких чинов люди» во главе с драгунским полковником Парфентьевым выступили из Тобольска. Сведений, освещающих конкретный ход похода, не обнаружено. Только известно, что ратные люди вернулись обратно во второй половине мая. 20 мая 1710 г. Парфентьев доносил, «...что он с вышеписанными ратными людьми на воров башкирцов войною на их жилища ходил и поиск над ними учинил» и известил, «...сколько тех башкирцов побито и в полон взято и их башкирских юрт разорено» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1857. Л. 15 об.].

Но этот поход не достиг цели. В мае 1710 г. башкиры возобновили свою борьбу. В отличие от движения 1709 г., в восстании не участвовали каракалпаки. Но это не могло остановить башкир, тем более, как уже отмечалось, что и в 1709 г. каракалпаков пришло мало. 12 мая 1710 г. отряды восставших напали на слободу Белоярскую (на Пышме). К концу месяца их активность возросла. 28 мая повстанцы разорили деревни около Арамильской слободы и Уктусского завода, захватили пленных и отогнали скот. Затем они совершили вторичное нападение на Белоярскую слободу. Другие отряды действовали в это время в окрестностях Колчеданского острога. В Камышловской и Тамакульской слободах с тревогой ожидали нападения восставших *[Архив РАН.* Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 311 06.-312].

В июне восстание продолжалось. 8 июня отряд восставших подошел к Уктусским заводам и сделал

приступ. Бой шел у рогаток. Защитники завода потеряли человек 13 убитыми и немало ранеными. На другой день приступ повторился, но повстанцы не сумели захватить завод. Уходя, башкиры отогнали скот. Нападению подверглась и соседняя Арамильская слобода. Кроме того, отряды восставших постоянно появлялись вблизи Колчеданского острога, Камышевской и Багарякской слобод *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 126. С. 275]. Этими фактами исчерпываются сведения о действиях восставших в 1710 г. Думается, что в имеющихся источниках события освещены не полностью. Например, английский посол в Москве Ч. Витворт 4 января 1711 г. доносил, что башкиры «...почти все лето не клали оружия и правительство вынуждено было держать наготове семитысячный корпус регулярной армии» *[Сборник...* 1886. Т. L. С. 397].

В этой обстановке правительство вынуждено было направить в Зауралье еще 2 регулярных полка, которые прибыли в Тобольск в конце лета 1710 г. Командир этих полков полковник И.Я. Якушкин был поставлен во главе всех военных сил, имеющихся в распоряжении тобольского воеводы. В грамоте из Москвы говорилось: «В Тобольск у конных и у пеших двух полков и у драгун и у всех, которые по наряду высланы будут в слободы для промыслу над башкирцы быть старшим полковником с Москвы и стольником Ивану Яковлеву сыну Якушкину да ему ж Ивану и ведать командою ж из выборных салдат набору Ивана Бибикова с товарищи с Тобольску тысяч человек» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 2006. Л. 1]. Кроме того, против повстанцев в июле 1710 г. действовали 5 000 калмыков и отряд стольника Бахметева. 22 декабря хан Аюка послал против башкир 5 000 калмыков. С ними пошел также царский отряд во главе со стольником Бахметевым. Источники не позволяют выяснить, где действовали калмыки. Известно лишь, что 22 декабря 1710 г. Аюка доносил в Москву, что его калмыки «у тех башкирцов пущих седьми человек и других воров побили же их и детей со всеми животами и других воров в полон взяли и со всем в добром здоровью в улусы к себе приехали» *[Там же.* Ф. 119. Д. 7. Л. 4—5; *Полное...* 1830. Т. IV. № 224].

Под напором этих объединенных сил осенью 1710 г. восставшие вынуждены были прекратить борьбу. 7 ноября полковник Парфентьев доносил из Катайска, что «...явились в Катайском остроге... башкирцы разных волостей Карабаш Изягилдин с товарыщи 140 человек и били челом тебе, великому государю, и во всем принесли вину и сказали, что они впредь воровать и тобольских слобод воровать и разорять и руских людей побивать не станут и на том по своей вере целовать куран и приходили к шерти и для подтверждения с 10 волостей, которые живут близ тобольских слобод дали аманатов 24 человек» *[РГАДА.* Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 1857. Л. 15-16]. Поздней осенью 1710 г. в Зауралье наступило спокойствие.

Восстание, начавшееся весной 1709 г. и продолжавшееся до конца 1710 г., охватило обширные просторы Сибирской дороги - от Уральских гор до р. Тобол, а также южную часть Кунгурского уезда. Это лишний раз свидетельствует о массовом характере борьбы. В ней участвовали жители Сибирской и юго-восточных волостей Ногайской дорог. Правда, башкиры Казанской и Осинской дорог, хотя и были недовольны политикой властей, на этот раз не сумели включиться в борьбу.

Восстание возглавляли известный предводитель из Ногайской дороги Алдар Исянгильдин и «лучший» башкир Айлинской волости Сибирской дороги Уракай Юлдашбаев, которого хорошо знало население Зауралья. Во второй половине 90-х гг. XVII в. тобольские власти его обвиняли в установлении связей с казахами, что он намеревается вместе с ними напасть на сибирские слободы. Уракай активно участвовал и в движении 1707—1708 гг.

Кроме них, активными повстанцами в 1709—1710 гг. были Абадан Курткачиков, Менлигуза и Мурзагильдин, которые стояли во главе крупных отрядов.

В сентябре 1709 г. союз между башкирами и каракалпаками по неизвестной причине расстроился, отряд каракалпаков во главе с Рысмухаметом, который считался ханом башкир, вернулся на родину, и борьба в 1710 г. происходила без «хана».

1711 г. характеризуется попыткой башкир возобновить борьбу в центре края. Инициатива исходила от башкир Ногайской и Казанской дорог. На помощь им вновь пришли каракалпаки, и летом восставшие совершили поход на Уфу. Об этом 7 ноября 1711 г. П.М. Апраксин доносил: «Башкирцы по-прежнему изменили и пришли под Уфу с каракалпаки во многих тысечах, о сем и Аюка хан ко мне нарочно на Царицын присылал и во иных воинских трудностях, откуду мне требовал помощи...» В отчаяньи он заканчивал свое донесение: «...власти моей печалями сокрушон и бытность мою здешней мне не в радость» *[РГА ВМФ.* Ф. 233. Д. 16. Л. 159].

Этим фактом исчерпываются имеющиеся сведения о восстании 1709—1711 гг.

Таким образом, восстания начала XVIII в. представляли собой массовые, динамичные и результативные движения башкирского народа. В ходе борьбы повстанцы устанавливали связи с соседними

народами и государствами, имели союзников, пользовались их поддержкой. В первом из них (1704—1706 гг.) основным лозунгом являлось прекращение нарушений условий вхождения Башкортостана в состав Русского государства. Жесткость карателей и отказ правительства рассмотреть челобитную повстанцев вызвали массовое восстание 1707—1708 гг., шедшее под программой выхода из состава России и создания самостоятельного ханства на территории Урало-Поволжья. Столь радикальный лозунг серьезно встревожил правительство, и оно вынуждено было обещать удовлетворение всех требований восставших. Однако власти вскоре повели прежнюю политику, что привело к восстанию 1709—1711 г., в ходе которого восставшие возродили лозунг создания самостоятельного ханства. Будучи не в состоянии осуществить военное подавление движения, правительство вновь вернулось к политике уступок, к условиям вхождения башкир в состав Русского государства. Оно удовлетворило требования башкир по земельному вопросу, отменило новые налоги, отказалось от христианизации мусульман, осудило произвол и насилия уфимских и казанских властей, сняло уфимского воеводу.

В течение последующих двух десятилетий власти проводили в Башкортостане осторожную политику. В 1720-1722 гг. было организовано правительственное расследование, в ходе которого были признаны справедливыми жалобы башкир на политику властей, публично осуждены жестокости казанской и уфимской администраций в отношении башкир в начале века, в частности, один из них, комиссар Александр Сергеев, был заключен в тюрьму (1726 г. он находился в тюрьме). В 1724 г. в стране была введена подушная подать, но правительство не решилось распространить ее на башкир и другое нерусское население Башкортостана. В 1728 г. Уфимская провинция была отделена от Казанской губернии и подчинена непосредственно Сенату, чего башкиры добивались с самого начала XVIII в. Сборщиками ясака вместо русских дворян отныне должны были назначаться выборные люди из среды самих башкир. Башкирские представители получили право беспрепятственного приезда в Москву для подачи челобитных о своих нуждах. Бригадиру П. Бутурлину, назначенному уфимским воеводой в связи с новым положением, строго предписывалось башкирам и другим нерусским жителям края «никакого озлобления, обид и налогов не чинить». Все эти серьезные уступки, в конечном счете, были результатом башкирских восстаний 1704-1706, 1707-1708 и 1709-1711 гг.

БАШКИРЫ В ВОЙНАХ РОССИИ В XVII - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в

УЧАСТИЕ БАШКИР В ПОХОДАХ РУССКОЙ АРМИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI-XVII в.

Одним из условий вхождения башкир в состав Российского государства было несение воинской службы. Основное назначение ее было связано с охраной юго-восточной границы страны от набегов казахов, калмыков. Кроме того, правительство предполагало использовать башкирскую конницу в походах русской армии, поскольку последняя испытывала недостаток в лошадях, а также не имела достаточного опыта ведения боевых действий против степной конницы (в первую очередь крымской). Напротив, военная организация, вооружение и опыт башкирских воинов позволяли успешно противостоять, причем, как оказалось, не только крымской коннице, но и польско-литовской (организованной по-европейски) кавалерии. Поскольку казачество имело идентичную организацию, но имея большее количество огнестрельного оружия, то башкирская конница, как правило, использовалась совместно с ним и калмыками.

Вопросы военной истории башкир в XVI-XVII вв. до настоящего времени остаются открытыми. Серьезной проблемой является отсутствие источников, а имеющиеся — крайне фрагментарны. Определенные трудности вызывают и термины, поскольку часто в источниках, а иногда и в литературе, вся национальная конница того времени именуется «татарами и татарскими мурзами». В историографии сложилось мнение, что первым походом башкир в составе русской армии было их участие в Ливонской войне 1558—1583 гг. [*История*... 1996. С. 151]. Оно опирается на небольшую заметку краеведа Д.Н. Соколова, ссыпающегося и цитирующего некий источник, который он видел лично: «В 1648 г. Рига и Азау воевали. Иван Васильевич призвал на помощь башкир; они ходили, победили и приняли присягу» *[Соколов,* 1898. Вып. 4. С. 48]. Рассуждая об этой информации, Соколов считал, что «известие невероятно при поставленном впереди годе; но. если предположить описку и читать 1558, то оно становится вполне правдоподобным; «Рига» напоминает «Ливонию», «Азау» — напоминает «Азов», и действительно, в названном году совершил свой известный поход в Ливонию хан Шагали с русскими войсками и целою ордой из всех варваров, имевшихся тогда в русском подданстве. Вполне возможно, что в числе их были и ново подчинившиеся башкиры. В те же годы велась война с Крымом. В начале 1559 г. одновременно с походом Адашева Днепром на Крым, Доном к Азову, был послан Вишневецкий с 5 ООО войска» *[Там же.* С. 60].

В предложенном тексте документа и комментариях к нему заметны несоответствия. Неясно, что это за документ, который краевед назвал летописью, кто его перевел и с какого языка? Предположительно, он написан на тюрки, и это фрагмент шежере. Как переведена дата 1648 год? Если документ был написан на тюрки, то речь должна идти о датировке по мусульманскому календарю, т. е. в годах хиджры. Неясно, как неизвестный переводчик ее перевел на современное летосчисление. А если документ быт написан по-русски, тогда надо иметь в виду, что дата до первой трети XVIII в. писалась буквами, а не цифрами, поэтому описки быть не могло. Далее, в тексте присутствует несовпадение последовательности событий. Башкиры совершили алогичный поступок: сначала «ходили» на врага, его «победили» и лишь затем они приняли присягу. Причем вначале Иван Васильевич их, не присягавших, зачем-то призвал на помощь. А вот сочетание названий двух городов «Рига и Азау воевали» очень часто

встречается в документах, связанных с исторической памятью башкир о времени Петра I, например: «В прошедшие годы из нашего башкирского народа находились в службе ее императорского величества в Азовском и Рижском походах» *[РГАДА.* Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 222, 264; *Вестник...*, 2006. С. 42]. Все пояснения Соколова, предлагающего считать дату опиской, неуместны по причине точного указания в тексте того, что делали башкиры: «Рига и Азау воевали», что означает одновременность либо последовательность осады этих городов, находившихся в то время в разных государствах.

Если обратиться к ходу Ливонской войны, то известно, что в 1557 г. на границе были собраны большие силы русской армии (около 40 тыс. чел.) под командованием воевод М.В. Глинского и Д.Р. Захарьина-Юрьева, в том числе и мишарские отряды во главе с касимовским «царем» Шах-Али, которые предназначались первоначально для покорения крымских улусов *[Волков,* 2004. С. 175]. В январе 1558 г. они вступили на земли. Ливонского ордена и, разорив окрестности городов и замков, совершили рейд на Ригу, не дойдя до нее 50 верст. В январе 1559 г. последовал новый рейд на Ригу. Конное войско Шах-Али составляли служилые татары и мурзы, которые активно участвовали в боевых действиях первого периода (1558-1561 гг.). Большая часть башкир приняла российское подданство к 1557 г. Трудно представить, что правительство могло сразу предложить им участие в походе на Крым (войска готовились к нему). Но вполне возможно предположить, что некоторая часть западных башкир, первыми вошедших в состав России, могла принять участие в походе. Утвердительно судить, опираясь на одну цитату из несохранившегося источника, о крупном событии невозможно. Современная наука не располагает иными достоверными источниками, подтверждающими данное предположение, поэтому вопрос об участии башкир в Ливонской войне остается открытым.

В начале XVII в., в период Смутного времени, башкиры приняли активное участие в борьбе с польскими интервентами и отрядами самозванца Лжедмитрия II *[Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 99]. В 1608-1609 гг. в России сложилась ситуация двоевластия. В Московском Кремле находился законный царь Василий Шуйский, а в Тушино, в Подмосковье, стоял лагерем самозванец, известный в истории как Лжедмитрий II, именовавший себя царевичем Дмитрием Ивановичем. Правительство Василия Шуйского, поскольку он был избран не Земским собором, а Боярской думой, не пользовалось авторитетом. Ситуация осложнилась вмешательством поляков, а с 1609 г. началась открытая польско-литовская интервенция. Страна раскололась на два лагеря, причем большая часть городов и земель присягнула самозванцу. Не признали его 109. Ч. XI. Л. 222, 264; *Вестник...*, 2006. С. Новгороде, Рязани, Коломне, Казани, Сибири. Самозванец рассылал по всей стране свои отряды, которых сопровождали «литовские люди», они силой приводили население к присяге, уничтожали представителей власти Василия Шуйского. К «тушинцам» примкнула часть татар, чувашей, марийцев. Так, например, летом 1610 г. арзамасские татары дрались на стороне Лжедмитрия II, в это же время некоторые из них воевали против его отрядов *[Сенюткин,* 2009. С. 66]. С осени 1608 г. в Среднем Поволжье шли боевые действия между сторонниками законной власти и самозванца. Казань и Нижний Новгород были отрезаны и блокированы от территории страны восставшими марийцами, татарами, чувашами и «тушинцами».

Башкиры в этот труднейший период в истории страны не поддались обещаниям самозванца, оказались верны своим обязательствам перед государством, присяге, данной «Белому царю». Они приняли активное участие на стороне правительственных войск в борьбе с отрядами самозванца и пришедшими вместе с ними интервентами.

Весной 1606 г. под предлогом замены воеводы и военных отрядов было сформировано и отправлено на службу в Астрахань и Нижнее Поволжье большое войско во главе с боярином Ф.И. Шереметевым, получившее название «Понизовая рать». Основу войска составляли, наряду с московскими стрельцами, нижегородские и арзамасские дворяне. В 1608 г. правительство Василия Шуйского призвало на помощь «понизовую рать», которая, выступив из Царицына, двинулась на Казань и Чебоксары. Здесь в Среднем Поволжье к ней присоединились отряды И.Н. Салтыкова, боярина князя И.В. Голицына, окольничего князя Д.В. Туренина и других командиров. 1 декабря 1608 г. к блокированному Нижнему Новгороду с боями пробился отряд во главе с А.А. Микулиным и Б.А. Износковым, в составе которого вместе с дворянами, стрельцами, астраханскими казаками и чувашами были башкиры. Во главе объединенного войска встал воевода А.С. Алябьев. 2 декабря его отряд отбил у тушинцев Балахну, а 5 числа разгромил все отряды противника, осаждавшие город *[Там же.* С. 64]. 10 декабря под с. Ворсмой произошел крупный бой, в котором отряд Алябьева нанес поражение «тушинцам». В нем отличились башкиры *[Акты...* 1841. Т. И. С. 142]. Ворсма была разграблена и сожжена, а

мятежники, отступившие к с. Павлово, были вновь разгромлены *[Акты...* 1836. Т. II. С. 204-205]. В начале января 1609 г. башкиры в составе войска Алябьева начали движение к Мурому и осадили его. 27 марта часть его войска (всего около 1 тыс. чел.) подошла к Владимиру. В городе вспыхнуло народное восстание, владимирцы присягнули на верность В. Шуйскому. Поскольку отряд был конным (по документам в нем указаны казаки и конные стрельцы), есть основания предполагать, что и в нем были башкиры. В апреле-мае отряды Алябьева совершили рейд на Касимов, подчинявшийся «тушинцам» *[Новый...* 1998. С. 332-333]. В течение зимы 1609—1610 гг. правительственные войска в упорных боях разбили силы самозванца в Подмосковье и в марте 1610 г. вступили в столицу. Сразу по прибытии в Москву нижегородские служилые люди были отпущены домой. Вероятно, вместе с ними были отправлены башкиры, выполнившие свой долг.

Однако боевые действия не прекращались. Войско Речи Посполитой захватило Москву, и зимой 1610-1611 гг. в Нижнем Новгороде формируется ополчение, известное впоследствии как Первое. Его руководителями в условиях отсутствия законной верховной власти стали П.П. Ляпунов, боярин князь Д.Т. Трубецкой и казачий атаман И.М. Заруцкий. Около 17 февраля 1611 г. из Нижнего Новгорода в поход выступили главные силы «понизовых городов» во главе с первым нижегородским воеводой князем А. А. Репниным *[Акты...* 1836. Т. II. С. 302—303]. Действия этого ополчения оказались неудачными. Москву освободить не удалось, Ляпунов был убит на казачьем кругу, ополчение превратилось в казачьи «таборы», осаждавшие столицу.

Неудача Первого привела к созданию Второго ополчения К.З. Мининым и князем Д.М. Пожарским. 20 августа 1612 г. оно прибыло под Москву, заняв позиции у Арбатских ворот. 21 августа на помощь гарнизону Москвы подошло польско-литовское войско гетмана Яна Ходкевича. 22 августа произошло сражение войск гетмана с ополчением Пожарского. В этом бою на помощь пришли конные сотни Первого ополчения. Они нанесли полякам внезапный удар и вынудили их отступить.

24 августа произошло второе сражение польско-литовских войск с ополченцами. В ожесточенном бою полякам удалось прорвать оборону ополченцев и вынудить их к вечеру отступить. Положение спас Минин, лично возглавивший ночную контратаку, которая отбросила поляков. В результате 28 августа войска Ходкевича, понеся потери и не имея подкреплений, отступили от Москвы, а 27 октября польский гарнизон капитулировал. Ополченцы, в том числе и башкиры, вступили в освобожденный Кремль.

Как видим, башкирская конница входила вначале в состав Первого ополчения под руководством боярина князя Д.Т. Трубецкого, а затем в состав Второго ополчения К.З. Минина и Д.М. Пожарского, участвуя в освобождении Москвы от польских интервентов. Этот факт подтверждает грамота уфимскому воеводе Ф.А. Алябьеву царя Алексея Михайловича, в которой говорится: «Башкиры при прежних государях и при отце нашем, Блаженные памяти, при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всея России и против поляков, а в Московское разорение были под Москвою и до Московского разорения были в нашей службе под Новым Городом на Бронницах с боярином с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким, а после де того были они на нашей службе в полку у боярина князя Дмитрия Михайловича Пожарского» *[Труды...* 1922. Вып. 2. С. 22]. Таким образом, войдя в Первое ополчение в феврале 1611 г., башкиры выступили из Нижнего Новгорода в составе сил «понизовых городов» и участвовали в бою под Бронницами. Затем они оставались под Москвой, а с прибытием Второго ополчения, поступив под начало князя Пожарского, участвовали в боях с польско-литовской конницей гетмана Ходкевича 22-24 августа 1612 г. Башкиры вместе с казаками и поместной конницей смогли противостоять польско-литовской кавалерии, считавшейся на то время одной из лучших в Европе. В тяжелый период Смуты башкиры, верные данным ранее обязательствам, дважды в 1608—1610 гг. и 1611-1612 гг. силой оружия, жертвуя своими жизнями, способствовали сохранению независимости Российского государства.

В 1675 г. в связи с готовящимся походом в Крым в Башкортостане по наказу воеводы П.Т. Кондырева уфимцы А.М. Аничков, Д.В. Артемьев, И.В. Дерюшкин и М.И. Черкашенин были посланы по всем 4 дорогам призывать башкир «с уфимскими служилыми людьми идти на Крым и чинить промысел» *[Азнабаев,* 1999. С. 162]. Были собраны «лутчие башкирцы и знатные люди... для промыслу и поиску над Крымом и над крымскими юрты» во главе с князем Каспулатом Черкасским вместе с уфимскими служилыми людьми. Башкиры заявляли: «Мы де на государеву службу, куды... повеление будет, ехать рады и служити великому государю» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 199-200]. С Сибирской дороги таких было 57 человек. Часть башкир Сибирской, Ногайской и Казанской дорог отказалась от похода, объ-

ясняя свое нежелание бедностью и невозможностью снарядиться для дальнего марша, часть ссылалась на угрозу нападения калмыков *[Там же.* С. 201]. Те, кто дал согласие, отправились в поход через Царицын, где были заготовлены запасы продовольствия и фуража. 52 башкира, участвовавших в походе, за отличия получили тарханское звание *[Асфандияров,* 20066. С. 131-140]. По характеру военных действий этот поход представлял набег, или по терминологии того времени «поиск».

После Царицына башкиры соединились с донскими казаками, которыми командовал войсковой атаман Флор Минаев (всего 200 чел.) и калмыками под начальством калмыцкого мурзы Мазана. Осенью 1675 г. все они подошли к запорожцам под командой атамана Ивана Сирко и стрельцам (2 тыс. чел.), которых возглавлял окольничий И.Ю. Леонтьев. Отряд возглавил князь К.М. Черкасский, формально отправленный в Крым с дипломатической миссией. Подойдя к Перекопу, войско разделилось. Одна половина войска вторглась в Крым, а другая осталась у Перекопа. Казаки взяли Козлов (Евпаторию), Карасубазар (Белогорск) и Бахчисарай, сожгли несколько сел и повернули назад. Хан Эльхадж-Селим-Гирей решил напасть на возвращавшихся у Перекопа, но был атакован с двух сторон казаками и разбит. Из Крыма были уведены 6 тыс. пленных татар и 7 тыс. русских рабов. Из числа последних 3 тыс. освобожденных русских, имевших свои семьи, пожелали остаться в Крыму. По распоряжению Сирко они были вначале отпущены, а затем настигнуты и перебиты казаками. Поход завершился в 1676 г. Запорожцы, донские казаки, калмыки и башкиры вернулись с большой добычей. По Крыму был нанесен мощный удар. С дипломатической стороны это выглядело как набег не зависящих от Российского государства казаков, запорожцев, калмыков.

Башкиры приняли участие в Азовском (март-июль 1696 г.) походе Петра I. Русская армия выступила к турецкой крепости Азов на следующий год после неудачной осады в 1695 г. Ее численность составляла 64 735 чел. *[Рубан, 1713.* С. 55-56] Из них башкир совместно с яицкими казаками и калмыками было 3 тыс. чел. Русское войско, в котором находился царь Петр в чине «бомбардира», официально возглавлял воевода А.С. Шеин. С моря крепость была блокирована русским флотом, построенным в Воронеже. Противник попытался атаками союзника — войсками крымского хана, а также с моря снять блокаду крепости. Однако все атаки и на суше, и на море были отбиты. 14 июня казачьи струги атаковали вошедший в устье Дона турецкий флот с 4-тысячным десантом. Потеряв два корабля, он отошел в море и больше не предпринимал активных действий. Попытки кубанских татар атаковать русский лагерь были отбиты казаками и башкирами. 17 июля казаки предприняли неудачный штурм крепости, они захватили вал, но, не получив подкрепления, были вынуждены отступить. Петр назначил день генерального штурма, но гарнизон Азова, не дожидаясь атаки, начал переговоры и 19 июля сдал крепость. Это была первая крупная победа русской армии.

По своему характеру боевые действия под Азовом сохраняли традиции средневековья. Большая часть ранений была нанесена саблями, стрелами, копьями *[Там же.* С. 52]. Перед сражением практиковался бой отдельных воинов на виду противоборствующих армий. В последнем отличился башкирский тархан Алдар Исянгильдин, который был «ранен тремя ранами, и выезжал на поединок и убил выезжего напротиву себя черкашенина, також и поймал собою языка одного крымчанина, и объявил блаженныя и вечно достойныя памяти Его Императорского Величества Петру Великому, и за ту ево послугу убитого на бою брата ево Девлетбая тело для отвозу во свояси отдано ему Алдару и даны ему с прогонами подводы» *[Вельяминов-Зернов,* 1864. С. 27—28]. Башкиры использовались в боях под Азовом против степной конницы — крымских и кубанских татар, пытавшихся напасть на русский лагерь, а также для нарушения коммуникаций между осажденными и войсками, предпринимавшими попытки их деблокады. Документы свидетельствуют, что башкиры самоотверженно выполняли поставленные перед ними задачи. 62 башкирских воина за отвагу и мужество получили тарханские звания.

Таким образом, башкиры, войдя в состав России, приняли активное участие в военных походах русской армии во второй половине XVI-XVII в. Особенно значимым был военный вклад башкир в период Смуты, когда была спасена независимость Российского государства, а многонациональное ополчение, в котором были башкиры, добилось сохранения целостности государства. Башкиры участвовали в борьбе Российского государства на южном направлении — с Крымом и Османской империей. Во всех случаях башкиры проявляли отмеченные командованием личное мужество, отвагу и героизм, неся при этом значительные жертвы. По своей выучке, мастерству, искусству боя башкирская конница в равной степени оказалась опасной как для степняков — крымских и кубанских татар, так и для польско-литовской кавалерии. Все

эти качества учитывались правительством, которое справедливо считало башкир значимым компонентом русской армии.

БАШКИРЫ В СЕВЕРНОЙ ВОЙНЕ 1700- 1721гг.

Северная война 1700—1721 гг. была крупнейшим событием в истории России первой трети XVIII в. В результате войны она добилась выхода к Балтийскому морю, вернула свои ранее утраченные земли, стала полноправным участником европейской политики, превратилась в империю. В этой войне принимали участие и башкиры, активно помогая России решать важные внешнеполитические задачи.

Участие башкир и мишарей в Северной войне оказалось практически незамеченным в отечественной исторической науке. Несколько замечаний у С.М. Соловьева, упоминания в работах В.И. Баскакова, Н.П. Волынского, П.М. Андриянова, в советский период у А.И. Заозерского и Е.В. Тарле, информация Н.Ф. Демидовой и А.З. Асфандиярова, итоговая цифра в 125 тыс. чел. «иррегулярной конницы (донские, украинские казаки, башкирские и калмыцкие конники)», приведенная в «Истории Северной войны», вот, кажется, и все, что можно найти об этом в литературе *[Соловьев,* 1993. С. 8; *Баскаков,* 1890; *Волынский,* 1902; *Волынский,* 1912; *Андриянов,* 1909; *Заозерский,* 1989; *Тарле,* 1994; *Демидова,* 1961; *Асфандияров,* 2006; *История...* 1987]. Примерно так же лаконична на эту тему и зарубежная историография *[Энглунд,* 1995]. Тем не менее в последнее время в трудах В.А. Артамонова и П.А. Кротова, особенно в концептуальной работе последнего, посвященной Полтаве, написанной на основе репрезентативной источниковой базы, включая вновь обнаруженные документы, обращено внимание как на участие национальной конницы в войне, так и на особенности процесса становления российской кавалерии *[Артамонов,* 1989; *Арта-монов,* 2007; *Артамонов,* 2008а; *Артамонов,* 20086; *Артамонов,* 2008в; *Кротов,* 2007; *Кротов,* 2009]. Определенную попытку обобщения всего известного материала по участию башкир в Северной войне и влиянию ее на состояние дел в Башкирии предпринял Р.Н. Рахимов *[Рахимов,* 2008. С. 44-46; *Рахимов,* 2009а. С. 46-49].

Скудность работ по данной проблеме объясняется двумя главными причинами. Во-первых, это слабая источниковая база, которая не дает подробных сведений об участии башкир в войне. Такое положение связано с тем, что иррегулярный компонент российской армии рассматривался современниками Петра I как некое обычное явление, с отлаженной системой снабжения и боевого применения, не требующее специальных распоряжений, соответственно не отразившееся и в документах. Во-вторых, большинство исследователей истории российской армии в целом и Северной войны в частности до сих пор находились под влиянием феномена процесса создания Петром Великим регулярной армии европейского типа и не обращали внимания на долго сохранявшиеся в ней черты старого войска, а также на перешедший из средневековья в армию нового времени иррегулярный компонент.

Основными источниками, позволяющими рассматривать участие башкир в Северной войне с официальной, правительственной точки зрения, остаются «Военно-походный журнал Б.П. Шереметева», «Журнал или поденная записка... Петра Великого», а также документы, опубликованные в «Письмах и бумагах императора Петра Великого» *[Военно-походный...* 1871. Т. I; *Журнал...* 1770. Ч. 1: *Письма...* 1889. Т. II; *Письма...* 1893. Т. III; *Письма...* 1946. Т. VII. Вып. 2].

Военная организация башкир в период Северной войны опиралась на ордынскую традицию. Каждый воин выступал в поход «о двуконь», имея запасную лошадь под вьюком. Вооружение и снаряжение были собственными и состояли из лука со стрелами и копья, причем башкиры мастерски владели «лучным боем». Некоторые воины имели сабли и огнестрельное оружие. О смешанном характере вооружения башкир свидетельствуют показания приказчика Аятской слободы Ф. Арапова в 1678 г.: «а татарове де и башкирцы все лошадей кормят и луки и стрелы делают... и ружья де у них

Рис. 18. Башкирские воины уходят в поход. Худ. А.Ф. Галин

много, у всякого человека пищали по две и по три винтовок» *[Акты...* 1842. Т. V. С. 63]. В царской секретной грамоте от 14 марта 1675 г. Верхотурскому воеводе Хрущеву говорится: «По Сибирской дороге, за Уралом, от города Уфы в дальних местах, объявились у многих башкирцев пищали винтовки многие, да и по городовую де сторону Уфы у башкирцев пищали есть же, и пищальной де стрельбе изучились, а лучную стрельбу покинули... а прежде до сего пищалей у башкирцев не было» *[Акты...* 1842. Т. IV. С. 541-542]. В отписке приказчика Уктусских заводов о набегах башкир в 1709 г. сообщается, что «набежали на них воинские люди башкирцы ... из ружья и из луков стреляли» *[Памятники...* 1882. Кн. 1. С. 368]. Из защитного вооружения башкиры имели проволочные кольчуги, панцири, шлемы. Сотенные и тысячные отряды возглавлялись тарханами и батырами. Во главе отряда стоял русский воевода или служилый человек. Например, в 1700 г. в поход выступили «драгун Пронка Горланов с 300 башкир Балакатайской волости, вместе 25 драгун и 10 крестьян, воевали с калмыками» *[Там же.* С. 84-85].

Северная война 1700—1721 гг. была начата Петром I с целью выхода на побережье Балтийского моря для организации торговли с европейскими странами и налаживания более тесных контактов с Европой. Россия в составе коалиций с разными государствами вела боевые действия против Швеции, армию которой возглавлял талантливый полководец король Карл XII. В Северной войне дважды, в 1701—1705 и 1708—1710 гг., участвовали тысячные отряды башкир. Военные историки делят войну на три периода. В первый период (1700—1706 гг.) - Россия вела военные действия за овладение устьем Невы и всей Ижорской землей. Сразу после поражения под Нарвой 19 ноября 1700 г. Петр I поручил генералу Б.П. Шереметеву собрать войско и развернуть боевые действия в Прибалтике против шведов, возглавляемых генералом В.А. Шлиппенбахом. Основными задачами были охранение Новгорода и Пскова, разорение Ливонии и Лифляндии, поиск и преследование противника.

Башкиры и мишари вошли в отряд, шедший с Волги под командой Бориса Кереитова. Весной 1701 г. они были направлены к Шереметеву в Новгород. Под командой последнего находилось около 30 тыс. чел.: московские чины (дворяне), рейтары, драгуны, украинские городовые казаки, запорожцы, яицкие казаки, мишари, служилые татары, чугуевские калмыки, слободские полки, башкиры *[Письма...* 1889. Т. II. С. 8]. Среди них: московских чинов - 375 чел., из Приказа Казанского дворца и татар — 473 чел., волжских стрельцов — 208 чел., яицких казаков — 600 чел., уфимских стрельцов и казаков со стольником Степаном Бахметевым — 200 чел., башкир - 1 тыс. чел., а всего конных - 2 481 чел. *[Военно-походный...* 1871. Т. I. Ст. 60]. Вначале драгунских и солдатских полков вновь создаваемой армии у Шереметева было меньше, чем иррегулярных войск. Из последних яицкие казаки, часть башкир и мишарей были «безконны». Войску не хватало продовольствия, денежное довольствие не было стабильным, например, башкиры его должны были получать из Приказа Казанского дворца *[Рахимов,* 2008а. С. 44]. В феврале 1702 г. казакам было выдано 100 лошадей, а из башкир была оставлена половина «лутчих», остальные отправлены домой до весны с условием их возвращения в строй. Но, потеряв лошадей от бескормицы, башкиры отказались возвращаться на службу *[Письма...* 1889. Т. II. С. 60-61].

Тактика действий российских войск была направлена против шведских гарнизонов. Шереметев посылал крупные партии иррегулярных войск из казаков, башкир, татар, калмыков для поиска противника. 18 июля 1702 г. первая партия направилась «для промыслу» к Канцам и Орешку *[Заозерский.* С. 60]. Партия насчитывала 1 473 чел. (уфимские и самарские стрельцы, башкиры, яицкие казаки) во главе с Бахметевым. Они «побили крепости и мызы пожгли», взяв в плен 3 рейтар *[Военно-походный...* 1871. Т. I. Ст. 66]. В августе башкиры этой команды (500 чел.) находились на квартирах в разных местах Новгородского уезда. В сентябре вновь начались походы «за Свейский рубеж». В бою 4 сентября у Ревге-мызы были ранены 12 стрельцов, казаков и башкир. 15 сентября из-под Пскова из войска Бахметева под командованием А. Окунева были посланы в набег 1 973 чел. — татарские мурзы, башкиры, яицкие казаки. Не доходя до Мариенбурга, у д. Куклозино 17 сентября отряд встретил шведов и вступил с ними в бой, завершившийся победой. Противник потерял несколько человек убитыми и 4 пленными [*Там же.* Ст. 81; *Хронологический...* 1908. Т. I. С. 7]. 2 октября Петр приказал Шереметеву готовиться к генеральному походу в Лифляндию. Перед походом был проведен разбор войска и часть его отправлена на зиму «в домы», среди них были уфимские стрельцы и башкиры. 18 июля 1702 г. у мызы Гуммельсгоф Шлиппенбах был разбит, после чего сопротивление шведов прекратилось, и Шереметев разослал свои партии для разорения края. Во всех этих и других операциях, например у Нарвы 31 декабря 1702 г., в партиях находились и действовали совместно драгуны, казаки, национальная конница *[Журнал...* 1770. Ч. 1.

С. 66]. Летом 1702 г. к Шереметеву прибыли уфимские стрельцы и башкиры. Отряд находился в Ладоге, он состоял из донских, яицких казаков, калмыков, татар, уфимских стрельцов и башкир — численностью в 3 тыс. чел. 13 сентября он выступил в поход к Нотебургу *[Военно-походный...* 1871. Т. I. Ст. 120]. В осаде крепостей Нотебург и Ниеншанц в 1702 и 1703 г. башкиры не принимали участия, будучи распущены «в домы свои», поскольку прокормить конное войско было достаточно тяжело. В 1703 г. они вернулись в Псков, затем перешли в Копорье и Ямбург. Там в войске у Шереметева находились донские и яицкие казаки, уфимские стрельцы, башкиры, татарские мурзы, всего - 458 чел. [*Там же.* Ст. 132]. Вся кавалерия, как драгуны, таки иррегулярная, стояла ниже Ямбурга по р. Луге, где 18 июня на нее напал шведский отряд генерал-майора Горна. Кавалерия вступила в бой со шведами и прогнала их до Нарвы. 22 августа отряд вышел в поход к Везенбергу (Ракобору), причем казаки и башкиры шли в дозоре, составляя авангард. 27 августа отряд переправился через р. Нарву и 3 сентября в бою при мызе Торбуле взял в плен 13 драгун *[Хронологический...* 1908. Т. I. С. 12]. 28 сентября отряд, разорив мызы в Лифляндии, вернулся в Печерский монастырь, где был распущен по домам и станицам.

Взаимоотношения местного финского населения и русских войск, в частности казаков и калмыков, башкир и татар, были напряженными *[Базарова,* 2007. С. 246-255]. Русские войска применяли тактику выжженной земли, уничтожая в буквальном смысле все, что встречалось на пути. Достаточно ярко разорение 1703 г. описано известным русским историком С.М. Соловьевым: «В конце августа Шереметев переправился за Нарову, пошел гостить в Эстонии таким же образом, как гостил прошлый год в Лифляндах. Гости были прежние: козаки, татары, калмыки, башкирцы, и гостили по-прежнему. Шлиппенбах бежал без оглядки. 5 сентября Шереметев вошел беспрепятственно в Везенберг, знаменитый в древней русской истории Раковор, и кучи пепла остались на месте красивого города. Та же участь постигла Вейсенштейн, Феллин, Обер-Пален, Руин; довершено было и опустошение Ливонии» *[Соловьев.* С. 8].

«Одержанные победы» изменили планы Петра. Он предполагал вернуть России прибалтийские земли, поэтому приказывал Шереметеву строго следить, чтобы «татары и казаки» «не жгли и не разоряли от Шлотбурга за 50 верст или больше» *[Письма...* 1889. Т. II. С. 166]. Однако в реальности ситуация была тяжелой. Важной составляющей военного похода для иррегулярной кавалерии была добыча: пленные, которых можно было выгодно продать, их имущество, содержимое обозов. Поэтому, несмотря на указания Петра, удержать войско, считавшее, что оно воюет на чужой территории, было трудно.

Вплоть до конца 1705 г. иррегулярная конница использовалась в боевых действиях совместно с драгунами. Так, 15 июля 1705 г. в неудачном бою при Мур-мызе, на левом фланге русских войск, в атаку против шведов вместе с драгунами полков Кропотова и Игнатьева ходили башкиры, потерявшие там 10 чел. *[Письма...* 1893. Т. III. С. 389-390]. На 3 августа 1705 г. из 6 629 чел. кавалерии в войске Шереметева было: драгун — 6 389, калмыков - 20, уфимских стрельцов и башкир - 220 чел. [*Там же.* С. 892]. В период с 1701 по 1705 гг. взято в плен офицеров и солдат - 1 319 чел., а всего пленных, кроме женщин и детей — 4 394 чел. *[Военно-походный...* 1871. Т. I. Ст. 194]. Наши потери в боях составили убитыми - 33 офицера и 1 561 солдата, ранеными - 213 офицеров и 5 724 солдата. У иррегулярных потери были следующие: царедворцев - 38, ертаульный - 1, ротмистр - 1, сотник — 1, копейщиков — 2, гусар — 1, старых рейтар — 2, стрельцов, казаков и башкир — 106, татар - 10, калмыков - 6, из шляхетства — 1 чел. *[Там же.* Ст. 194]. Таким образом, башкиры за четыре года боевых действий (в 1704 г. они не участвовали в походе) потеряли больше, чем другие категории нерегулярного корпуса. Трудно определить характер потерь, вероятно, очень много гибло из-за нехватки продовольствия и болезней. Из башкир — участников походов 1701—1705 гг. известны имена Усея Бегенеева, Караса и Текея Чингашевых, Чангырчака Маметева *[Соловьев. С.* 282; *Асфандияров,* 2006а. С. 122].

Сохранившиеся документальные источники о Полтавской битве 27 июня 1709 г. показывают, что башкиры не принимали в ней участия. Известно, что летом 1708 г. правительство потребовало направить 1 тыс. башкир на службу в Санкт-Петербург *[Письма...* 1946. Т. VII. Вып. 2. С. 889]. Несмотря на проходившее в крае восстание, башкиры отправились на службу, поскольку она оставалась частью традиции во взаимоотношениях с верховной властью. С октября^ 709 г. башкирская тысячная команда вместе с татарами находилась в «Рижском походе». Из Петербурга она была направлена к Б.П. Шереметеву к Риге. Особенностью этого похода было то, что башкиры в нем получали денежное и хлебное жалованье уже от казны *[Рахимов,* 2008а. С. 46]. Они принимали участие в блокаде города, гарнизон которого сдался 4 июля 1710 г. Вероятно, всю зиму вместе с основной частью армии башкиры находились в Курляндии. Трудности из-за зимней бескормицы сменились «моровой язвой» — чумой, которая проникла в войска в мае 1710 г. Эпидемия, полное отсутствие в армии провианта и фуража при

общем запустении края заставили военное командование принять решение вернуть башкирскую команду на родину.

Башкиры, те, кому посчастливилось не погибнуть в бою или умереть от чумы, вернулись на родину, некоторые получили награды. По подсчетам В.В. Вельяминова-Зернова, башкир, получивших тарханское звание за «Свеский поход», было 45 чел., против 62 получивших его за Азовские походы *[Вельяминов-Зернов,* 1864. С. 28]. Самой большой наградой для народа был отказ от попыток превратить башкир в податное сословие и сохранение у них вотчинного права на землю. По случаю заключения Ништадтского мира в 1721 г. состоялись пышные празднества. Примечательно, что текст манифеста об окончании войны был переведен на тюрки, и специально уполномоченные лица разъезжали с ним по Башкортостану для оповещения населения *[Преображенский,* 1997. С. 22].

Участие в Северной войне сохранилось в народной памяти самих башкир, что свидетельствует о росте их самосознания. Так, в «Представлении» переводчика Уфимской провинциальной канцелярии К. Уракова Елизавете Петровне сообщалось: «оных башкирцов... несколько тысящ народу употреблено ... в Крымском, в Азовском, в Швецком походех» *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 535]. В наказах башкир Уфимской и Исетской провинции в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. отмечалось: «В прошедшие годы из нашего башкирского народа находились в службе ея императорскаго величества, а имянно в Азовском и Рижском походах, где в бытность и жалованье ис казны е.и.в. получали и служили со всякою ревностию и усердием» *[РГАДА.* Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 221 об.].

В отношении иррегулярной кавалерии опыт Северной войны оказался продуктивным — она предназначалась для разведок и набегов *[Масловский,* 1886. С. 157]. Немаловажным было также применение тактики разорения территории противника, морального устрашения возможным вторжением азиатских орд. Об этом сложившемся стереотипе использования национальной конницы упоминал прусский генерал Х.-Г. Манштейн: «Легкие, или иррегулярные войска, которых так много в России, могут быть весьма полезными против турок и татар, но они скорее стеснили бы армию, нежели принесли бы ей пользу; в случае, если бы пришлось вести войну в стране населенной, эти люди потребляют такое огромное количество фуража, что они произвели бы скоро голод в лагере, не говоря уже о тех опустошениях, которые они делают на несколько миль в окрестностях, а это лишило бы самую армию необходимых для нее съестных припасов» *[Манштейн,* 1997. С. 262].

В январе 1736 г. в связи с начавшейся Русско-турецкой войной 1735—1739 гг. было решено направить в армию фельдмаршала И.Б. Миниха 3 тыс. чел. башкир *[Полное...* 1830. Т. IX. № 7149]. Необходимость призыва башкир была связана с тем, что война вновь выявила потребность в легкой кавалерии, которая могла бы на равных состязаться с крымской и турецкой конницей. Однако начавшаяся Оренбургская экспедиция и последовавшие башкирские восстания 1735-1740 гг. данную командировку отменили. Недостаток легкой кавалерии в российской армии заменили гусарскими полками, впервые принявших участие в этой войне *[Беловинский,* 1988. С. 175; *Петрухинцев,* 2001. С. 198].

БАШКИРЫ И БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ СТРАНЫ (30-50-е гг. XVIII в.)

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ - НАЧАЛО НОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

ПРОЕКТ НАЧАЛЬНИКА УРАЛЬСКИХ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ В.Н. ТАТИЩЕВА И ЗАПИСКА КАЗАНСКОГО ГУБЕРНАТОРА А.П. ВОЛЫНСКОГО О БАШКИРАХ

Вплоть до 30-х гг. XVIII в. Россия вела себя на юго-восточных рубежах довольно пассивно, ограничиваясь укреплением прежних и строительством новых небольших крепостей, а также некоторым увеличением воинского контингента. Так, в 1727 г. было решено поселить драгунские и пехотные полки близ российских границ, в том числе 10 полков в городах Поволжья: Пензе, Саратове, Самаре и Царицыне. Однако в это время, судя по действиям московского правительства, четко выработанной стратегии и тактики российской внешней политики в этом регионе еще не было. В первой трети XVIII в. Центр с одинаковым недоверием относился как к казахам и каракалпакам, так и к своим подданным: башкирам, калмыкам, яицким казакам и приграничным татарам. Однако с созданием регулярной армии и флота, техническим переоснащением вооруженных сил в ходе Северной войны необходимо было пересмотреть систему организации иррегулярных войск и подчинить их единому командованию. Традиционная «вольная служба» себя уже изжила. Начинается наступление царского правительства на «вольности» яицких казаков и башкир. В 20-е гг. XVIII в. путем создания Яицкого войска была предпринята попытка окончательно подчинить яицких казаков. Вотчинное право башкир, непосредственно связанное с их воинской службой, позволяло им претендовать на самостоятельность во внутренней жизни. Однако в рассматриваемое время вотчинное право башкир пришло в противоречие с интересами России: перед империей стояла задача освоения природных богатств Урала, превращения Башкортостана во внутреннюю провинцию и дальнейшего расширения территории на восток. Будучи многочисленным и экономически независимым народом, башкиры продолжали внушать страх и опасение русской администрации. Даже спустя полтора века после вхождения в состав России Башкирия фактически оставалась неосвоенной частью территории государства, а царская администрация в крае была представлена лишь уфимским воеводой. Поэтому с XVIII в. начинается целенаправленное изучение башкирского народа и поиски путей включения Башкирского края в общероссийскую административную структуру. Как правило, эта миссия возлагалась на русских чиновников, направляемых в Поволжье и Урал, и осуществлялась в строгой секретности.

Сохранилось несколько проектов, касающихся организации управления башкирами и относящихся к первой половине XVIII в. Наиболее известны «записки» известного государственного деятеля, начальника горных заводов Урала и Западной Сибири В.Н. Татищева (1724 г.), кунгурского бургомистра Юхнева (1726 г.), казанского губернатора А.П. Волынского (1730 г.), а также проекты руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии) И.К. Кирилова, И.И. Неплюева и других.

Василий Никитич Татищев (1686-1750 гг.) был сторонником и активным проводником политики Петра Первого. Он родился в г. Пскове, в 1706 г. зачислен в Азовский драгунский полк, был участником Северной войны. В 1712-1716 гг. находился за границей, где изучал строительство крепостей и оборонительных сооружений, артиллерийское дело, геометрию и оптику, геологию. Тогда же зародился у него глубокий интерес к истории.

После возвращения в Россию служил в артиллерийском полку под командованием Я.В. Брюса. Однако самый яркий период биографии В.Н. Татищева связан с Башкортостаном. В 1720-1722 и

1734—1737 гг. он был начальником горных заводов на Урале, и его власть распространялась на территории, где проживали северные и северо-восточные башкиры.

В 1720 г. во главе группы специалистов горного дела В.Н. Татищев впервые прибыл на Урал. Здесь он проявил себя как талантливый администратор и реформатор: в 1721 г. им был создан главный орган управления горнозаводской промышленностью — Сибирское высшее горное начальство, а в 1734 г. — канцелярия Главного правления сибирских и казанских заводов. При нем на северо-восточной границе Башкортостана был заложен г. Екатеринбург, ставший одним из административных центров России. На посту начальника Главного правления сибирских и казанских казенных заводов он придавал большое значение не только исследованию и разработке природных богатств, но и хозяйственному освоению и заселению окраин, строительству крепостей и оборонительных сооружений, дорог, организации почтовой связи.

В.Н. Татищев понимал необходимость изучения истории, этнографии народов приграничных территорий: башкир, татар, казахов, каракалпаков, а также русских старообрядцев, находившихся во владениях заводчиков Демидовых. В этот период он непосредственно общался с башкирскими биями, получил первые представления о башкирском обществе. «Впротчем же я везде оных Башкирцев видел приятных: и не токмо лошадей без всякой противности давали, но и сверх того мед, живность и протчее приносили, тако ж мосты без наряду мостили и дорогу, по возможности, поправляли. А что я прогоны им платил, то они дивились и денег брать не хотели, говоря, что они рады тому, когда кто их не бъет и не грабит, а лошадей де нам, государевым людям, для проезду не жаль, только де им от проездов великия разоренья делаются», — так он изложил свои первые впечатления о башкирах *[Буканова, Фешкин*, 2007. С. 16—24].

Всех русских чиновников, впервые оказавшихся на Урале, особенно интересовали башкиры, которые упорно продолжали отстаивать свои права, закрепленные по условиям их добровольного вхождения в состав Российского государства. В первой трети XVIII в. актуальным становится вопрос о новых принципах в организации управления Башкирским краем и башкирским народом. Этому вопросу было посвящено «Представление о причинах башкирских волнений и о мерах для улучшения управления башкирами», написанное В.Н. Татищевым в 1724 г., после его возвращения с Урала *[Материалы...* 1949. Т. III. № 545. С. 481—483].

В целом, мнение и предложения В.Н. Татищева, изложенные в его многочисленных записках, донесениях и рапортах правительству, представляют собой комплексную программу освоения этого региона.

В своем «Представлении» — обширной аналитической записке - В.Н. Татищев сначала дал общую характеристику башкирскому обществу, затем подробно изложил свое мнение о способах прекращения башкирских восстаний и управления краем. В традиционном устройстве внутреннего самоуправления башкирского общества он видел причины башкирских непокорностей и своевольств. В повседневной жизни, по наблюдениям В.Н. Татищева, башкиры были неподсудны никому из царских чиновников. Только на ежегодных йыйынах под Уфой, «для которого они всягодно из разных отдаленных мест ко Уфе съезжаются многолюдством», в результате обсуждения принимались коллегиальные решения. В этих съездах Татищев видел главную опасность: так как башкиры не только «в тех съездах о делех своих имеют советы», но любой из богатых и влиятельных башкир может использовать съезд для призыва к очередному восстанию.

Башкирское общество в то время, очевидно, было закрытым социумом, и в глубь их вотчин без согласия самих башкир было трудно проникнуть. Как писал В.Н. Татищев, «близ границ росийских живущия» башкиры препятствовали проезду в Уфу жалобщикам «руским и татаром казанским и кунгурским, и по Волге ниже Камы живущим... в надежде той, что обиженной на Уфу для дальнего пути не похочет или и побоится чрез их улусы ехать, ибо многократно случается, что они таковых челобитчиков, проведав, в пути побивают». То есть, даже в первой четверти XVIII в. башкиры продолжали оберегать свои границы от проникновения нежелательных людей, хотя охотно принимали к себе многочисленных беглых русских крестьян и ясачных людей из Поволжья. Если кто-либо проникал в башкирские волости или нападал на башкир «самовласно», то происходила «междуусобная злоба, и оттого междо многими замешания и нападение на руские деревни» *[Там же.* С. 481].

В.Н. Татищев обращал внимание на бесполезность многих мер, предпринимаемых со стороны российского правительства. «Понеже оные мало в деревнях, но наиболее в степях живут, того ради от начальств или от войск росийских мало опасности имеют, и суще когда такия воры видят, что их за злодеяния ищут, то уйдут на время в степи пустыя за Яик и Табол, где их сыскать более не можно, и тако наказания достойного избавляютца, а другим пода-

ется к воровству охота» [*Материалы...* 1949. Т. III. № 545. С. 481].

В.Н. Татищев понимал, что экономическая независимость и равноправие в башкирской общине, та относительная политическая самостоятельность, которая существовала во внутренней жизни башкирского общества, могут оказаться привлекательными для других подданных России, особенно тех, которые в этот период находились в состоянии крепостной зависимости и испытывали на себе все тяготы крепостного права. При этом, как было отмечено выше, В.Н. Татищев считал, что невозможно покорить башкир только репрессивными мерами. Немаловажное значение он придавал обучению их представителей русской грамоте, что способствовало бы установлению взаимопонимания между администрацией и местным населением. «Есть и та причина, - писал он, - что междо оными грамоте имеющих никого нет и, когда указ придет, то они перевести ни выразуметь обстоятельно не могут и приемлют за невыразумением правильное в непристойное. Или и то случается, что посыльныя читают им и требуют не то, что написано, за которое от них бывают споры и посланным смертныя убивства, а потом притчина большим замешаниям» *[Там же.* С. 481].

Чтобы предотвратить в будущем выступления башкир и окончательно подчинить их царской власти, В.Н. Татищев предлагал ряд мер. В первую очередь, следовало «разделить» башкир «под разные суды, подобием как казанския татара розделены были по пригородам». Для этого необходимо было в удобных местах построить городки и в каждом из них назначить особых судей, чтобы башкиры не имели возможности ездить в Уфу. Для безопасности судей он предлагал дать «оным судьям по нескольку салдат с ружьем» *[Там же.* С. 482].

Автор проекта понимал, что строительство крепостей на башкирских землях вызовет возмущение местного населения. Тем более, что любой городок должен был быть соответствующим образом укреплен и иметь крепостное вооружение. Поэтому он предлагал провести среди башкир разъяснительную работу: «Однако ж, дабы они того за зло не приняли, объявить им, что то чинится для пользы и спокойности их, наипаче же для защищения от обидящих россиан и протчие тому подобные притчины; а руским пограничным объявить, чтоб никто в своей обиде управляться собою не дерзал, но ездили б бить челом оным судьям».

Построение городов-крепостей и разделение башкир по разным зонам управления позволили бы решить несколько задач. Как писал В.Н. Татищев, с одной стороны, «при тех городках будут татара селиться дворами и заведутца торжищи», с другой — «пресечется каждой летний ко Уфе съезд, следственно же, советы и случаи к противностям отнимутся» *[Там же]*. Здесь следует отметить, что Татищев под татарами подразумевал и башкир.

В том случае, если по каким-то причинам не будет возможности построить города-крепости, то предлагалось поступить иным образом. Например, «объявить нужной случай, каковаго похода от Казани в Сибирь, и велеть зделать от Казани прямо через башкирския жилища к Тобольску или Цареву Кургану дорогу, по оной построить почты по пристойной мере и росписать оных татар для подвод по нескольку на каждой стан, и поставить на каждом салдат, а чрез 2 или 3 стана камисара, и оным дать над ними суд, якобы на время, которое весьма безпрекословно учинят». Однако лучше всего объявить, что эта дорога нужна для проезда императрицы, и тогда башкиры «то с великою охотою немедленно исполнят». Здесь В.Н. Татищев тонко уловил отношение башкир к царской власти, которую они, действительно, почитали, а виновниками всех злоупотреблений считали наместников царя. Прагматичный Татищев и в этом случае видел двойную пользу. Построенная для разделения башкир дорога оказалась бы весьма кстати «для ездящих в Сибирь управителей и купечества... понеже путь ближайший и удобнейший». Подводами же могли обеспечивать сами башкиры: «от них известно, что спору не будет, токмо б прогоны по указу плачены были и едущия не обижали, которого те комисары и салдаты надзирать будут» *[Там же]*.

Как было отмечено выше, В.Н. Татищев предлагал обучить башкир русской грамоте. «Взять от лутших мурз детей и обучать грамоте руской. Однако надобно, чтоб учители были доброго жития, а особливо не пияницы, которое татаром весьма мерско». Через русскую письменность и язык постепенно вовлекать этих детей в православие, но «чтоб силою к вере не понуждали, но с ласкою и толкованием помалу закон христианской знать им давали, чрез что со временем без принуждения вкоренится». Родителей успокоить тем, что все это делается для их же блага, чтобы не было им «от судей, камисаров и подьячих утеснения», а впоследствии обучившиеся могли перейти в такое же состояние, «как руское шляхетство» *[Там же]*. -

Записки Татищева содержат некоторые советы дидактического характера. Так, он считал, что «оным ученикам для охоты сначала дать большую в науках послабу, нежели нужно, дабы учащияся не весьма тужили и отцы не видели б детей своих в тяж-

ком принуждении или утеснении». Обучать башкирских детей он предлагал за счет казны. Не исключал он и обучение на родном языке: «А ежели которые похотят и по своему учиться, то позволить им иметь особного мастера, которой будет их по полудни учить. И тако с охотою вкоренится потребное» *[Там же]*.

В заключительной части своего «Представления» В.Н. Татищев еще раз обосновывает необходимость строительства городов-крепостей на примере политики Ивана Грозного по отношению к казанским татарам: «Для пресечения, чтоб оные в степи убегать и протчими степными народы соединяяся вреды чинить случая не имели, пристоен образ царя Ивана Васильевича, как он заключил казанских татар построением несколких городков по Каме и Вятке рекам». Городки эти, по его мнению, следовало построить вдоль рек Яик и Тобол и «населить рускими, хотя ссылочными такими, которые на смерть осудятся», послав с ними ихжен и детей. Тем самым предполагалось не только закрыть границы, но и прекратить набеги каракалпаков и других степных народов *[Там же*. С. 483].

Большинство идей, изложенных в данном «Представлении», будет реализовано в период деятельности Оренбургской экспедиции.

Очевидно, сбор сведений о местных жителях входил в должностные обязанности русских чиновников, направляемых в Башкортостан. В 1722 г. В.Н. Татищева на посту начальника Главного правления Сибирских и Казанских казенных заводов сменил В.И. Геннин, который также продолжил сбор сведений о башкирах.

В 1725 г. в Башкортостан с секретной инструкцией от начальника Главного правления В.И. Геннина был направлен кунгурский бургомистр Юхнев. Под видом торговца мелкими товарами он пробыл в поездке с ноября 1725 по март 1726 г. Результатом его поездки стало «Секретное уведомление о башкирском деле», представленное им Геннину.

Несмотря на то, что «в ыных местах башкиры оного Юхнева к себе в жилища не пустили и подвод не дали», ему удалось самому и через подставных лиц добыть некоторые сведения о башкирах *[Там же*. № 546. С. 483-487]. Так, он собрал данные о количестве дворов и душ в 60 волостях по Сибирской, Ногайской, Казанской и Осинской дорогам, особо обратив внимание на характерные черты хозяйственной жизни и быта жителей разных дорог. Подробно описал природные богатства края, взаимоотношения башкир с соседними народами. В конце своего донесения, очевидно, выполняя данную ему инструкцию, Юхнев излагает план действий русского правительства, «ежели случитца, что войну иметь против башкирцов». «Летом, как летучей народ, в степи не поймаешь, разве жен и детей их, — пишет он, — а зимой способнее для того, что они в домах живут и лошади их в то время плохи, токмо надлежит заранее учинить в удобных местах магазейны с правиантом, также сена... Чтоб они впредь не бунтовали, надлежит их, сколько возможно, вывесть в Русь и розделить, и от того в Руси людей умножитца и бусурман примут в христианскую веру и потому Башкиры будут от них пусты и на такой доброй земле можно впредь русских поселить» *[Там же*. С. 487].

Таким образом, даже спустя полтора столетия после принятия башкирами русского подданства царским чиновникам о башкирах мало что было известно. В 1730 г. автор другого проекта А.П. Волынский писал: «Уповаю я, что не совершенно известно о состоянии башкирскаго народа, которых мы внутри государства почитая себе подданными имеем» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 134. С. 302—306].

Известен еще один проект управления башкирами, относящийся к 30-м гг. XVIII в. Это - «Записка казанского губернатора А.П. Волынского в 1730 г. о башкирском вопросе в Российской империи и наилучших способах его разрешения».

Артемий Петрович Волынский (1689-1740 гг.) был крупным государственным деятелем петровской эпохи. Участвовал в Прутском походе, в 1715-1718 гг. был отправлен в Персию, где по заданию Петра занимался всесторонним изучением этой страны и заключением с ней торгового договора. В 1719 г. А.П. Волынский был назначен губернатором Астраханской губернии. Здесь он занимался не только административной деятельностью: накануне войны России с Ираном 1722—1723 гг. было необходимо собрать всесторонние сведения об этой стране и приграничном населении. В период пребывания в Астраханской губернии произошло его первое знакомство с башкирами, которые изначально вызвали в нем враждебное отношение. «Ни коим образом башкирцам не надлежит верить, в каком бы они ныне кротком состоянии ни были, — писал он позже в своей «Записке», — понеже я видел достоверную злому их намерению пробу, а имянно в прошлом 1724-м году переловил я посланцев их в калмыцких улусах, которые были под образом бутто они присланы к ним, а по розыску явились, что они посланы были для согласия к крымским и к кубанским татарам» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 134. С. 304].

Записка об управлении башкирами была составлена А.П. Волынским приблизительно в 1730 г., в

тот период, когда он оставался еще в должности казанского губернатора. Поскольку непосредственных контактов с башкирским населением он не имел, то данная «Записка», по существу, отражает общее отношение российских чиновников к башкирскому народу, которое нельзя было назвать дружелюбным. Главный идеологический тезис, возможно, был заключен в следующей фразе: «Первое, что они имеют — махометанской закон и по закону своему, конечно, должны быть христианом неприятели...» *[Там же.* С. 302]. Особое беспокойство у царских чиновников вызывала многочисленность башкир и притягательность башкирского общества для нехристианского населения Поволжья и беглых русских крестьян. А.П. Волынский видел опасность в том, что население в Башкортостане «непрестанно умножается и растет, так что чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцов больше 35 ООО, или по крайней мере 40 ООО, а ныне з беглецами стало больше 100 000; а имянно казанские, сибирские, темниковские и протчих тамошних уездов ясашние татары большая половина в Башкиры перешли; к тому ж и протчие иноверцы, мордва, чуваши, черемиса, вотяки целыми селами и деревнями с ясаков туда ж перешли. И понеже за 30 лет прошедших не бывало нигде ясашных руских сел, но все были иноверцы, и разве изо ста один или два в котором селе крещены, а ныне множество таких сел, в которых уже и ни одного не сыщется иноверца, кроме самых русских. И сие зделалося таким образом, что те вышепомянутые иноверцы один за другим перешли чрез несколько лет в Башкиры, а на их места в ту ясашную подать набралися и поселилися беглые руские, как я о том от многих низовых помещиков единогласно слышал (нарочные имея о том разговоры). А ныне же и руских немалое число от подушных податей беглецов в Башкиры перешло...» [Т*ам же.* С. 302-303]. Волынский призывает не верить башкирам даже в мирное время и предпринимать все меры к их ослаблению: «И хотя ныне видим, то башкирской народ является кроток, однако ж не возможно сказать, чтоб оной быт в совершенном и послушании, понеже беглых принимают, несмотря ни на какие указы, и податей не платят, но живут по своей воле, как сами хотят. И тако не надлежит ни на какие их кроткие поступки уповать и в том им верить...» *[Там же.* С. 303]. Далее в 18 пунктах своей записки он предлагает изощренные способы ослабления башкирского народа.

Первое, что он предлагает, — натравить башкир на казахов и каракалпаков и развязать между ними войну. Воспользовавшись этим, вдоль границ Башкортостана разместить русские войска «под образом, будто оные стоят для опасности от каракалпаков», укрепить уфимский гарнизон, где следовало иметь 3 или 4 батальона, устроить магазины с припасами в Уфе и закамских городках. Одновременно под предлогом покупки лошадей послать в Уфимский уезд вместо унтер-офицеров геодезистов и «велеть тайно описывать места и поселения». Необходимо было узнать не только о «положении мест, так и поселении жилищ их и сколько их людно, между тем же мощно будет подлинно увидеть прямых ли больше башкирцов, или пришлецов новопоселившихся и все ли они оные оружейны, или сколько таких будет, и сколько земледельцев» *[Там же.* С. 304-305]. В результате можно было узнать: «каков оной башкирский народ, и каковы места их, и как оной силен и оружен, и какое земля тамошняя имеет богатство и каким образом мошно с ними поступать» [*Там же.* С. 305].

Столкнув башкир с каракалпаками, по мнению Волынского, можно было бы «оных каракалпаков до основания разорить, и... чтоб махометаня у нас не были блиско в соседстве, и для того всеми мерами надлежит оных искоренять и и до умножения не допускать» *[Там же].* Впоследствии поступить таким же образом с башкирами, при этом каким-либо «политическим способом их... убавить хотя бы до половины», а остальных обложить податями, а также использовать в военных походах царской России. А.П. Волынский писал: «Надеюся, что когда башкирцы увидят страх от приближившихся к ним или внутрь их вшедших регулярных войск, примут на себя подати немалые, надеюся тысяч по 50-ти ежели не больше». Учитывая потребности пополнения кавалерии, Волынский считал, что башкиры могут платить лошадьми ежегодно тысяч до 5, в счет положенных податей [*Там же].* Чтобы держать башкир в постоянном страхе, предлагалось разместить в «ближних местах» регулярные войска, в частности 3 драгунских полка и 4 батальона солдат, построить новые и укрепить закамские крепости, взять с каждой волости по несколько человек аманатов. Конечная цель, которая ставилась в проекте А.П. Волынского, - «оной богомерской народ под иго привести», в результате чего государство получит прибыль и избавится от опасности со стороны башкир *[Там же.* С. 306].

Проект Волынского не был принят Сенатом. Главный изъян проекта состоял в том, что его автор выступил против включения в состав империи областей с мусульманским населением *[Азнабаев,* 2005. С. 183—186]. Тем не менее вскоре часть проекта была реализована в ходе строительства Новой Закамской линии. И впоследствии, на протяжении

всего XVIII в., в вопросах управления Башкирским краем царские чиновники руководствовались основными идеями, которые были изложены в проектах В.Н. Татищева и А.П. Волынского.

В мае 1737 г. после смерти И.К. Кирилова В.Н. Татищев был назначен начальником Оренбургской комиссии. Ему пожаловали чин тайного советника и передали всю полноту власти в Башкортостане, которой обладал его предшественник.

Военно-политическая обстановка в Башкортостане оставалась крайне сложной. В.Н. Татищеву пришлось управлять краем, полностью охваченным восстанием. И.К. Кирилов, сторонник жестких мер, успел сосредоточить здесь огромное количество регулярных и нерегулярных воинских формирований. К марту 1737 г. в крае насчитывалось 9 900 регулярных и 7 700 нерегулярных служилых людей. Все они были поделены на 4 команды и размещены в разных частях Башкортостана. Среди нерегулярных числились яицкие, уфимские, бирские, табынские, оренбургские, самарские, сибирские и новоприборные казаки, крещеные и некрещеные калмыки, татары и мишари Уфимской провинции, служилые мурзы и другие. В случае необходимости мог быть задействован резерв, состоявший из местных мишарей, ясашных людей Осинской и Сибирской дорог, русских крестьян из сибирских слобод, служилых мурз и татар Казанской губернии, — общим числом 4 500 чел. Вся эта сила была подготовлена для участия в военных операциях против восставших башкир, назначенных на лето 1737 г.

В.Н. Татищеву предстояло определить свою тактику в решении сложных задач, связанных с подавлением восстания и управлением Башкортостаном. Он всеми доступными средствами пытался успокоить взбунтовавшихся башкир: распорядился освободить незаконно арестованных главарей восстания, предотвратил запланированную на лето 1737 г. крупную военную операцию, вскрыл многие злоупотребления должностных лиц. При нем наступило временное затишье, появилась возможность заняться обустройством крепостей и организацией среднеазиатской торговли.

В период пребывания на посту начальника Оренбургской комиссии В.Н. Татищев сумел реализовать многое из того, что было изложено в его «Представлении». Так, по инициативе В.Н. Татищева 14 июля 1737 г. в г. Мензелинске впервые был созван генеральный совет, в котором участвовали все более или менее крупные царские чиновники, находящиеся на территории Башкортостана. Генеральный совет рассмотрел вопросы, касавшиеся не только подавления башкирского восстания, но и дальнейшего управления краем. Главным решением совета было разделение «башкирцов под разные суды и правления», что, в свою очередь, требовало осуществления ряда административных преобразований внутри края.

Чтобы подчинить северо-восточных башкир единой системе управления, на генеральном совете было также решено основать Исетскую провинцию в зауральской части Башкортостана и перенести центр управления Пермской провинцией из Соликамска в Кунгур. Вскоре по представлению В.Н. Татищева указом от 13 августа 1737 г. башкирское Зауралье было отделено от Сибирской губернии и образована Исетская провинция, которая стала основой территорией современной Челябинской области.

Были предприняты некоторые меры для упорядочения управления башкирами Осинской дороги. В пригороде Осе, например, который находился «в самом удобном месте, но от Казани удалел», было решено назначить особого воеводу и «приписать дворцовых мужиков до Сарапула... ему ж подчинить Уфимского уезду Тайнинскую волость», а Красноуфимскую крепость «также учредить, как и Осу, пригородом Уфимской провинциальной канцелярии и к нему которые поблизости волости и деревни приписать».

Нельзя не отметить и другую сторону деятельности В.Н. Татищева: его большой вклад в изучение истории и этнографии башкирского народа. Как было отмечено выше, В.Н. Татищев находился в Башкортостане не в самые лучшие времена. Однако это не помешало ему проявлять живой интерес к истории и обычаям коренного населения Башкортостана, оставить богатое научное наследие. В.Н. Татищев тщательно изучал древние рукописи башкирского происхождения, обнаруженные им в период пребывания на Среднем и Южном Урале. Возможно, они и были использованы при написании первого варианта «Истории Российской», который был представлен им в 1739 г. в Академию наук, вскоре после приезда в Петербург из Башкортостана. Ведь до сих пор до конца не установлено, какие источники использовал автор при написании данного сочинения.

Непосредственное общение с башкирами, относившимися к нему с глубоким уважением, расширило его кругозор, позволило ему глубже понять истоки русской истории, уходящие корнями в русско-половецкие связи, а также впервые в русской историографии создать историко-этнографическое описание башкир. Так, например, он впервые попытался научно объяснить происхождение баш-

кирского народа и опровергнуть ложные представления о башкирах: «Чтоб башкиры от остяков произошли, оное весьма не право. Что они волосы, якобы, красные имеют, оное я довольно разсмотреть случай имел и нахожу, что есть неправда, ибо их с киргиз-кайсаками или казачьей ордою различить, кроме малой отмены в наречии ничем не можно. Они роды свои порядочно, так как и протчие, ведут и сначала пришествия их оными, яко кипчаками, табыны, саджаут и прочие, ведут; тамги и ясаки с киргизами по родам одни имеют. Но токмо сия разница от того произошла, что они с ханами, отделясь от большой Ногайской орды, около Казани междо древними Болгары жили, их языком свой повредили. А по первом взятии Казани с некоторыми мурзами в Знаменские степи отдалились, а некоторые и в Сибирь, к остякам распространяясь, обитали и казанским против русских не токмо мало помогали, но набегами некоторые места разоряли, за что их Казанские главными ворами, или башкурт, именовали, и то название им осталось. Они же сами сие имя производят, якобы от начального их мурзы Башкурт - главный волк, произошло. В царство царя Иоанна Васильевича, как последняя Казань взята, они отдалились было к Сибири. И тогда, как сибирские, так и нагайские ханы их к себе призывали, но они видя себе великое от мурз утеснение, просили царя Иоанна Васильевича, чтоб их, приняв под свою власть, дал им спокойное обитание в тех степях, и мурз от них вывел или изгнал, которое учинено. А оные их по злобе сиреажиксилен (красные поганцы) или остяками именовали, как они сами о сем сказывают» *[Там же]*.

Однако В.Н. Татищев на посту начальника Оренбургской комиссии, оставаясь верным сыном своего времени, продолжил начатую И.К. Кириловым политику «огня и меча». При нем жестоко карались предводители и участники башкирского восстания, заживо сжигались вновь перешедшие в мусульманскую веру ранее насильно крещенные башкиры.

1737-1738 гг. — период деятельности В.Н. Татищева на посту главного командира Оренбургской комиссии — оказались самым впечатляющим по своим политическим и социально-экономическим последствиям. Его преобразования в сфере административно-территориального устройства, размещения и сооружения крепостей оказали огромное влияние на все последующее социально-экономическое развитие Волго-Уральского региона.

Обобщая содержание проектов первой трети XVIII в. об управлении башкирским народом, следует отметить, что они в той или иной степени отражали уровень знаний представителей царской администрации о Башкортостане и башкирах. Чем меньше они знали о башкирах (А.П. Волынский, Юхнев), тем враждебнее было их отношение к ним. Соответственно предлагаемые меры в целях обеспечения безопасности государства сводились, в основном, к физическому уничтожению значительной части коренного населения. Напротив, просвещенные чиновники, к которым можно отнести В.Н. Татищева, а также уфимского воеводу П.Д. Аксакова, предлагали более разумные варианты, отвечающие как интересам имперской политики, так и учитывающие некоторые особенности социально-политического устройства башкирского общества.

ПРОЕКТ ОБЕР-СЕКРЕТАРЯ СЕНАТА И.К. КИРИЛОВА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

В 1734 г. обер-секретарь Сената И.К. Кирилов представил правительству Анны Ивановны разработанный им документ, содержавший предложения по организации управления казахами, по башкирским, калмыцким и среднеазиатским делам. При публикации его А.И. Добросмысловым данный текст получил заголовок «Проект обер-секретаря Ивана Кирилова об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими». В первой части проекта его составитель сформулировал основные задачи, которые, по его мнению, встали перед российским правительством в связи с принятием частью казахов русского подданства. И.К. Кирилов говорил о тех выгодах и преимуществах, которые может извлечь Россия из этого предприятия. Вторая часть документа имеет заголовок «Нижайшее представление и изъяснение о Киргиз-кайсацкой и Каракалпацкой ордах» *[Материалы...* 1900. Т. I. С. 1-50; *Полное...* 1830. Т. IX. № 6571].

Определяя цели предлагаемых мероприятий, И.К. Кирилов писал: «При нынешнем благополучном самодержавстве государыни нашей императрицы божиим милосердием и судьбами счастьем ея величества два дела великой и бессмертной не только славы, но и к расширению империи и к неисчерпаемому богатству открываются: первое - известное, Сибирская и Камчатская экспедиции, второе - еще не открытое, киргиз-кайсацкое каракалпакское. И когда они с божьею помощью по совершенству произведутся, то надежду подает, что ко многому еще многое владение российское и доходы к облегчению подданных прибудут» *[Материалы...* 1900. Т. I. С. 1]. Таким образом, ясна общая направ-

ленность замыслов Кирилова — это стремление расширить территорию государства и получить новые природные и хозяйственные богатства *[Акманов,* 1972. С. 90-106].

Автор проекта рассматривал подданство казахов Младшего жуза и каракалпаков как начало расширения юго-восточных пределов России и считал важным закрепиться в этом регионе. По мнению И.К. Кирилова, в состав России должен войти и Старший жуз казахов, представители которого уже готовы принять подданство: «Большой Киргиз-кайсацкой орде, которое ныне просит у ея императорского величества в подданство, но не токмо отказывать ни надлежит, но и всякими образы приласкать» *[Новлянская,* 1964. С. 95]. Что касается казахов Среднего жуза, которые до сих пор в «противности», то автор выражал надежду, что они «скоро склонятся к подданству». Далее И.К. Кирилов обращал внимание на земли Средней Азии, на Хивинское и Бухарское ханства, Балх и Бадахшан *[Материалы...* 1900. Т. I. С. И, 34-35]. Он предлагал в первую очередь «рассыпанные бухарские владения одно по другому в вечное Ея Императорскому Величеству подданство приводить». Для военного похода в Среднюю Азию следовало использовать новых подданных Российского государства: «...как киргиз-кайсацкий и каракалпацкой народ в верности утвердится, а башкирские тарханы и мещеряки в распорядок и одобрение придут, то уже надежнее с ними действовать и, в-первых, Абулхаир хана поднять на Хивинцов..., затем, обратив последнего... в Бухарию и оттуда до самого Водокшана... когда счастьем Ея Императорского Величества туда дойдут, то надобно офундовать при Бухарахи Водок-шане» *[Там же.* С. 26-27].

Пристальное внимание проекта к этим государствам обусловлено сведениями Кирилова о наличии там разнообразных природных богатств - золота и драгоценных камней. Он сравнивал природные ресурсы региона с богатствами, которые обнаружили испанцы и португальцы в Америке *[Там же.* С. 43] и предполагал, что золото имеется в Казахстане, вблизи городов Туркестан, Ташкент, Сайрам и на землях каракалпаков. Кроме того, допускал возможность наличия там больших запасов серебра, свинца, разных минералов *[Там же.* С. 35, 43-44]. Автор проекта обращал внимание на возможность использования казахских лошадей для русской кавалерии, указывал на изобилие продукции сельского хозяйства и мелкой промышленности в государствах Средней Азии *[Там же.* С. 4, 13, 15, 41]. При характеристике экономики этих стран И.К. Кирилов постоянно указывал на успехи местной торговли: «...В столичном городе Бухарах много купечества - тутошняго и приезжего из Персии, Индии, Армянин, из Астрахани, из Балха и протчих тамошних мест и торги богатые мехами на товары и на золотые бухарские бывали» [*Там же.* С. 13].

Выступая за присоединение Казахстана и Средней Азии, И.К. Кирилов имел в виду такой важный аспект, как защита юго-восточной границы страны, укрепление военно-стратегического положения Российской империи: «От сего народу (казахского) российским, казанским, яицким, волским, уфинским, тобольским граничным жителям непрестанные воровские малыми партиями набеги чинились, и ежегодно, как скот, пленников отгоняли и в Бухарию, и Хиву в роботу продавали, купецкие караваны разбивали и многие пакости делали, о чем, хотя публично не ведомо и не видно, но токмо одно разсудить надлежит, что Хиву и в Бухару таких русских пленников натаскано и ныне там обретаетца несколько тысяч, опричь иных владений, куды такожде развозятся». По мнению самарского историка Ю.Н. Смирнова, Кирилов связывал казахские дела с недостаточной прочностью как старых рубежей, так и Новой Закамской линии, хотя прямо не упоминал в предложенном проекте *[Смирнов,* 1997. С. 24]. Принятие всеми казахскими жузами русского подданства могло означать прекращение их опустошительных набегов на юго-восточные границы, кроме того, создавались условия для безопасности торговых караванов, направлявшихся в Среднюю Азию *[Материалы...* 1900а. Т. I. С. 12, 19, 37, 38]. Появление в составе России новых юго-восточных территорий могло обеспечить также перевес в военно-политическом противостоянии с Джунгарией и Персией. Так, в проекте отмечалось, что джунгары захватили обширные районы Казахстана и стремятся продолжить захватническую политику. Автор полагает, что Джунгария — «...сосед сибирских городов и земель ближних и претендует о многих местах, которыми владеет, называя своими» *[Там же.* С. 7, 8, 38]. Такое соседство, по мнению И.К. Кирилова, угрожало целостности и спокойствию Российского государства. Он усматривал опасность также и с южного направления — со стороны персов, которые, «...окончав с турками войну или в кое ни есть время оборотятся и завладеют сими землями, тогда опаснее с ними быть в соседстве» *[Там же]*. Таким образом, в проекте отмечалось, что Россия должна успеть закрепиться в Казахстане и Средней Азии, пока сильные соседи заняты другими делами, и подготовиться к вероятным военным столкновениям.

Важное значение при этом отводилось возведению нового города, который следовало построить у

впадения р. Орь в Яик. Это укрепление прежде всего было необходимо для обороны: «Около того же города башкирцы имеют свои жилища и угодья, которыя они и без нынешних нарядов сами обороняются, ...башкиры же разбились на 4 дороги, из которых две внутрь земли безопасные от киргиз-кайсаких набегов, им до того дела нет, а две против киргиз-кайсаков по ту сторону Уфы в дальном разстоянии на самой непрестанной войне и не откуда защищения себе не имеют, и Уфа им не помагает и помагать за дальностью и малолюдства не может, а новый город будет им вместо стены и надежное прибежище, и для того сами быть желают» *[Там же.* С. 30]. Немаловажным предназначением нового города, по мысли И.К. Кирилова, является и установление постоянных торговых связей с городами Средней Азии: «Город весьма нужен не только для содержания... киргизцев, но для отворения свободного с товарами пути в Бухарию, в Водокшан, в Балх и Индию» *[Там же.* С. 40]. Торговля должна была осуществляться как сухопутным, так и водным путем: «А место оному городу самое удобное около 52 градусов северной широты, ...откуда до Аральского озера сухим путем и реками только 500 верст и гораздо ближе и безопаснее, как ходят из Астрахани, а озерам Аральским и рекою Аму до самой Бухарин и Водохшана и, почитай, до самих границ индийских судами» *[Там же]*. Для стимулирования торговли предполагалось строительство пристани на Аральском море *[Там же.* С. 41].

Автор проекта считал, что путем возведения новых городов можно изменить среднеазиатские торговые пути в выгодных для России направлениях: «Что же ко внутренней коммерции касается, то в новом городе у Орь реки и на Аральской пристани в скором времени распространяться может по тому, что кои купеческие караваны ходят из Ташкента, из Туркестана и из Хаджанта для покупки русских товаров в Бухарию, те обратятся в помянутые новые места, ибо им гораздо способнее сюда приезжать, нежели в Бухары...» *[Там же.* С. 44-45] Он хотел быстрее установить торговые связи с юго-восточными странами и обеспечить систематическое поступление в казну золота и других богатств. В случае реализации этих возможностей, по мнению Кирилова, Россия могла стать сильнейшим государством в Азии.

Значительное внимание в проекте уделено задачам правительства по предупреждению конфликтов между башкирами и их соседями - казахами и каракалпаками. Одно из главных предназначений нового города и других укреплений по р. Яик Кирилов видел в том, чтобы «...своих же прежних подданных башкирцев и волжских калмык от замыслов и соединения (чего от башкирцев и калмык опасаться надлежит) воздержать можно без движения великих войск и без убытку». Место для будущего города «...самая середина между башкирцами и киргиз-кайсацкою Ордою и разделит калмык волжских вдаль от башкирского согласия» [Там же. С. 19]. К тому же установление политического контроля над казахами в связи с их подданством, по мысли И.К. Кирилова, позволит успешнее, чем раньше, осуществлять курс на противодействие башкир, и прекратить нападения отдельных партий казахов друг на друга: «...буде же бог один который из них народ поднялся, то легче другими усмирить без посылки российских полков, и так всегда безопасно пребудет» *[Там же.* С. 47-48].

С целью ослабления военно-организационного потенциала башкир И.К. Кирилов считал необходимым использование в качестве военной и рабочей силы «наряда военных и работных людей из башкирцев, кои в прежних сумнениях и неверностях находятся» при строительстве нового города, в будущих походах в Среднюю Азию и Джунгарию, а также для конвоирования торговых караванов *[Там же.* С. 26-28].

Автор проекта советовал правительству упрочить союз с башкирской элитой, для чего было важно подтвердить права и привилегии тарханов: «...тарханы рады будут, ежели обнадежить, что их древния тарханския обычаи и вольности на каждого имя ныне подтверждены будут, а и без того они имеют же и отнять нельзя» *[Там же.* С. 20—21]. Он указывал и на необходимость увеличения численности тарханов за счет знатных и богатых общинников и тем самым расширить социальную опору правительства в крае. Наиболее же непримиримых противников царской власти предлагал посылать в районы военных действий как служилых людей, ибо «...то лучше потому^ что, хотя и пропадут, то и дома не нужны» *[Там же.* С. 21].

Одновременно Кирилов подробно охарактеризовал природные богатства Башкортостана. В проекте указывается на наличие медных руд и слюды, «...кою можно доставать и отпускать в Россию и в Персию...» *[Там же.* С. 44]. Автор особо выделил месторождение илецкой соли и предлагал организовать ее добычу и вывоз в центральные губернии. Он указывает на возможность приобретения башкирских лошадей для армии, а также на благодатные условия для ведения сельского хозяйства в крае. При характеристике географического положения нового города И.К. Кирилов подчеркивает, что «...место то ... при самых добрых водах, здоровое.

земли к пашне плоносныя, черныя, лесу и лугов, рыбы, зверя дикого — довольно» *[Там же.* С. 23].

Таким образом, относительно Башкортостана в проекте предлагается целая система мероприятий. Основание крепостей, привлечение части башкир для реализации политических и торгово-экономических планов царского правительства на Востоке, привлечение башкирской феодальной верхушки на свою сторону - все это должно было укрепить позиции Российского государства в крае.

Среди главных задач экспедиции в проекте Кирилова значилось возведение, укрепление и заселение нового города. Он должен был состоять из крепости и слободы, окружен «...малым рвом и валом земляным с малым же батареями и примеру линий нынешних...» *[Материалы...* 1900а. Т. I. С. 19]. Строительство города автор собирался возложить на тептярей и бобылей, для чего предлагал «...нарядить тысяч двадцать, а усмотря можно и больше...», ибо это удобнее и обойдется дешевле, чем привлечение работников «с русских городов и уездов» *[Там же.* С. 21]. Говоря о гарнизоне будущего города, И.К. Кирилов предлагал ограничиться небольшим количеством воинских частей: «...вывести один казанский гарнизонный пехотный полк ... да из армейских — полка два пехотных и один драгунский..., а к разъездам в степь определить яицких казаков человек сот...» *[Там же.* С. 19], но считал целесообразным привлечение на гарнизонную службу башкир и мишарей. В этом плане Кирилов обратил внимание на башкирских тарханов, которых «...так расплодились, что 50 тысяч может собраться». Эта категория населения вместе с мишарями и «охотниками из ясачных башкир...», в числе 20 тыс. чел., могла участвовать в обеспечении безопасности при строительстве нового города *[Там же.* С. 19-20]. Кирилов был уверен, что на подобную службу перечисленные группы населения пойдут с желанием, так как «почтут за домашнюю службу» *[Там же].*

В проекте автор планировал поселить в новом городе и представителей купечества. Кроме русских, по его мнению, здесь должны жить и торговцы из других стран: «...из купечества сами ... на житье приедут из разных городов и мест ... а именно: бухарцы, хивинцы, индейцы, армяне и другие, а может быть, и европейские иноземцы поедут, а особливо выгнанные зальцбургские эмигранты, кои покрова везде себе сыскивают» *[Там же.* С. 40]. Для поощрения переселения торговых людей в новый город, Кирилов просил предоставить им ряд льгот: «...ежели Ея Величество пожалуют привилегию и волю всем и всякого народа... приходить, невозбранно селитьца и всякими товары несколько лет без пошлин, в ином же пивом свободно с платежом легкого акциза всегда торговать, суд между собою в иных делах каждым народом по своим законам и обычаям отправлять и иныя пристойныя вольности показать». Для привлечения купцов из числа мусульман предлагалось разрешить им жить отдельными слободами, иметь мечети *[Там же.* С. 24].

Другим не менее важным средством достижения намеченных задач, по автору, являлось использование военных сил казахов, башкир, каракалпаков и других народов края. Он отмечал, что после принятия российского подданства казахами Младшего жуза хан Абулхаир «каракалпацкого хана со всем народом к тому же подданству привел, да чрез его же пересылки и Большая Орда прислала о подданстве просить» *[Там же.* С. 36]. Подданство казахов позволит, по мысли Кирилова, оказать давление на Бухарское и Хивинское ханства, «...потому, что от той и прочих киргиз-кайсацких орд бухарцы и другие тамошние народы в страхе находятся». Исходя из данного обстоятельства, последние «...наипаче принудится к тому, что Россия от них пожелает» *[Там же. С.* 42].

Тем не менее автор проекта предлагал не ждать, пока среднеазиатские ханства сами примут российское подданство. Он советовал предоставить Абулхаиру в помощь 5 000 башкир, 1 000 казаков, один полк солдат и затем направить это войско хана «...в Бухарию и оттуда до самого Водокшана» *[Там же.* С. 27]. Еще в более широких масштабах народы края должны были использоваться в борьбе с Джунгарией. Здесь автор учитывал вражду казахов с джунгарами и был уверен, что «...киргиз-кайсаки, пришедшие в подданство... все поголовно на контайшу обратятца». Одновременно следовало привлечь «...башкирцев тысяч пятьдесят при полках гарнизонах уфимском и сибирских, как для охранения границ, так и для нападения на контайшины ближния улусы вывесть» *[Там же.* С. 28].

Для реализации поставленных задач нужны были большие финансовые средства. Однако И.К. Кирилов не собирался обременять государство дополнительными расходами. По его мнению, первоначально следовало использовать дополнительные доходы Уфимской провинции на сумму 12 тыс. руб.: «Уфимских, сверх окладу прибылях, доходов никуда бы не употреблять, а держать для сей экспедиции ибо в прошлых двух годах в бытность Тевкелева от частых в Уфу башкирских съездов учинилось прибору больше 12 000 рублей, а впредь прибавляться будут» *[Там же.* С. 48].

Свои предложения по реализации проекта обер-секретарь заключал выводом о необходимости поэтапного осуществления задуманного. По мнению И.К. Кирилова, труднодоступность территории Казахстана и Средней Азии не являлась помехой, ибо в истории есть примеры освоения более далеких земель. Автор призывал правительство учиться у голландцев, которые «...для своего интереса в Ост-Индии земли овладели и славный город Батавию сделали, ... на те все трудности и дальности не смотрели и не смотрят». Кроме того, И.К. Кирилов считал, что Россия имеет богатый опыт в освоении далеких земель: «в Российском владении сибирские края, яко: Нерчинск, Якутск, и Камчатка, вдвое и втрое далее всех тех мест, о которых вышеписано» *[Там же.* С. 47]. Он полагал, что осуществление проекта может представить великую пользу в интересах государства. При этом без всякого ущерба для него, ибо «...за что же и России терять, когда такой счастливый случай пришел чужими людьми чужое в свою вечную пользу доставить; а хотя бы, паче чаяния, ничего дельного владения и богатства не получем, да ничего же и не потеряем, но всегда от нового города прибыль останется на нашей стороне». Исходя из этого, он предлагал правительству одобрить проект *[Там же.* С. 46].

Проект И.К. Кирилова отвечал внешне- и внутриполитическим целям и задачам правительства. Он был направлен прежде всего на налаживание торгово-экономических связей со среднеазиатскими ханствами и казахскими жузами и на постепенное присоединение их к России. Не менее важной являлась задача упрочения позиций царского правительства в Башкортостане, чтобы по своему усмотрению распоряжаться ее людскими и природными богатствами.

ОСНОВАНИЕ НОВОЙ ЗАКАМСКОЙ ЛИНИИ КРЕПОСТЕЙ

Новая Закамская линия, построенная в 1731—1736 гг., так же как и Закамская черта XVII в., явилась одним из мероприятий по защите юго-восточных рубежей Российского государства и укреплению государственной власти в западной части Башкортостана, форпостом для продвижения в глубь башкирских владений. Закамская линия не только вплотную подошла к вотчинным землям башкир, но и захватила часть их угодий. Так, по рр. Ик, Мензеля, Зай располагались башкирские селения, а по Соку, Черемшану, верховьям Кандурчи и Кичую - их охотничьи угодья. Обширный Тарханский лес, находившийся по р. Черемшан, был в зоне башкирских угодий, а в междуречье Сока и Шешмы проходили старинные пути передвижения башкир *[Дубман,* 2010. С. 97—103]. Фактически строительство Новой Закамской линии стало предшественником возведения других линий и городов-крепостей на башкирских землях, стало предшественником организации Оренбургской экспедиции.

Впервые название «Новая Закамская линия» употребил капитан Генерального штаба М.И. Иванин, который в 40-х гг. XIX в. был послан для описания укрепленной линии *[Иванин,* 1851. Ч. 1. Кн. 2. С. 57-58]. Работа М.И. Иванина была использована историком Г.И. Перетятковичем в книге «Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края)», изданной в Одессе в 1882 г. После Г. Перетятковича название «Новая Закамская линия» было подхвачено другими историками.

Новая Закамская линия - это непрерывная система оборонительных сооружений, протянувшаяся от пригорода Алексеевска в северо-восточном направлении до р. Кичуй, поперек нее проходила Старая Закамская черта. Это — первая укрепленная линия XVIII в., построенная за р. Волга в период очередной активизации внешнеполитического курса России на юго-востоке с целью оказания определенного давления на ход русско-казахских дипломатических переговоров.

В начале XVIII в. юго-восточные границы Российского государства установились по р. Яик и его левым притокам. При большой протяженности территории страны юго-восточное направление, где в результате новой волны агрессивной политики джунгарских правителей ставших привычными для России калмыков сменили новые соседи - казахи и каракалпаки, по-прежнему оставалось слабо защищенным.

Главными военными форпостами в этом регионе выступали города Поволжья: Казань, Самара, Астрахань. Остальные же крепости, включая Уфу и Царицын, занимали подчиненное положение. В 1726-1727 гг. российское правительство предпринимает ряд мер по укреплению юго-восточных рубежей. Для соединения отдаленных друг от друга крепостей и для защиты от возможных набегов неприятелей между Самарой и Яицкой крепостью было сделано 11 застав, которые имели следующие названия: Осиновое, Дубовое, Поветное, Среднее,

Указанные заставы обозначены на карте дорог Башкирии, составленной в 30-х гг. XVIII в. и хранящейся ныне в Российском государственном военно-историческом архиве *[РГВИА.* Ф. 349. Оп. 45. Д. 2279].

Перелаз, Каралыцкое, Иргизекое, Соляное, Чаганское, Красный колок, Чеваская осада*.

Новое оживление юго-восточной политики Российского государства начинается со вступлением на престол императрицы Анны Ивановны. В сентябре 1731 г. управление всеми пограничными крепостями российского государства было возложено на известного государственного деятеля первой половины XVIII в. генерал-фельдцейхместера, а впоследствии генерал-фельдмаршала, Христофора Миниха. Вскоре Миних отдает распоряжение о ремонте крепостей по всей империи и о постройке новых «для охранения от набегов» *[Там же.* С. 65]. В декабре им был издан указ, непосредственно касающийся заволжских территорий России. «От нападения калмык, киргис-кайсаков и каракалпаков, как в яицком казачьем полку, так и на Черемшанских форпостах и в Казанской губернии, иметь крепкую предосторожность и чинить отпор и наступление по силе воинских регул,... не допуская российских подданных до разорения, - говорилось в нем. — И чтоб оные неприятели чрез Волгу не перелезли и на уездных жителей не ударили, расставить между Самарою, и Сызраном, и Саратовым, и в Малыковке, и в Терсе, и в других селах и деревнях пристойное число драгун и солдат из стоящих близ тех мест полков» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 456. Л. 363-367].

Таким образом, в течение 1731—1732 гг. определяются основные цели и задачи юго-восточной политики России: борьба с набегами казахов, каракалпаков и калмыков. В системе мер по защите юго-восточных рубежей большое значение придавалось строительству Новой Закамской линии.

Разработка проекта новой линии и изготовление планов и чертежей было поручено тайному советнику Ф.В. Наумову *[Иванин,* 1851. Ч. 1. Кн. 2. С. 64]. В РГВИА хранится самая ранняя карта Закамской линии, дошедшая в копии 1738 г., которая, очевидно, являлась проектом сооружения новой линии. В отличие от поздних карт, автор не указан, а масштаб дан в российских верстах (1:20). Карта была составлена в столице, без выезда на место, поэтому текст примечаний к карте обнаруживает незнание автором местных условий. Красной и желтой красками были показаны возможные варианты проведения линии: красная линия указывала, «где, например, можно вести линию... ежели за неимением вод и за протчею неудобною ситуацию линию по желтой черте прямо вести невозможно будет» *[РГВИА.* Ф. 349. Оп. 45. Д. 2289. Карта Закамской линии. 1738 г.].

Строительство Новой Закамской линии потребовало мобилизации огромных материальных и людских ресурсов. Вопросы обеспечения строительства рабочими руками, стройматериалами, гужевым транспортом было возложено на казанского губернатора. В 1731 г. из окрестных уездных жителей на работу было снаряжено 3 ООО чел. Они были обеспечены инструментами и припасами, «на корм» им было выделено по 30 алтын в месяц на человека из четырехгривенного сбора с населения Казанской губернии. Для охраны строителей были выдвинуты драгунские полки и учреждены разъезды.

Новая Закамская линия от пригорода Алексеевска до р. Кичуй строилась 5 лет - с 1731 по 1736 гг. Кроме пригородов Алексеевска и Сергиевска, которые непосредственно в систему линейных фортификационных сооружений не входили, на линии было построено 2 крепости, 4 фельдшанца, 10 редутов, из которых часть была построена не на самой линии, а близ нее. В 1737 г. была составлена подробная карта завершенной линии.

К середине 30-х гг. XVIII в. громоздкая непрерывная система укреплений старого типа оказалась ненужной. Мобильные регулярные войска и новейшие виды фортификационных сооружений позволяли обеспечить безопасность границ с гораздо меньшими затратами и, что является существенным при сооружении более поздних укрепленных линий, выдвинуть фортификации непосредственно на границу, в зону контакта с возможным неприятелем.

Таким образом, Новая Закамская линия особой роли в разрешении внешнеполитических задач России в этом регионе не сыграла. Грандиозная по своим масштабам стройка, в течение пяти лет отвлекавшая на себя огромные материальные и людские ресурсы, тяжелой повинностью легла на плечи местного населения. Под строительство крепостей, отвод земель новопоселенцам линии отчуждались башкирские вотчинные земли, что, безусловно, вызывало недовольство коренного населения края.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ И ЕЕ ОСНОВНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В 30-е гг. XVIII в.

Высочайшей резолюцией императрицы Анны Ивановны от 1 мая 1734 г. правительство одобрило проект И.К. Кирилова. В нем говорилось об апробации проекта, а также предписывалось «к отправлению вышеописанных всех дел определить Ивана Кирилова и с ним быть мурзе Алексею Тевкелеву, которых туда отправить немедленно и дать полную инструкцию и указы» *[Материалы...* 1900. Т. I. С. 49-50]. Указом от 18 мая 1734 г. И.К. Кирилову

был пожалован чин статского советника, А.И. Тевкелеву — полковника. Кроме того, первый получил денежную выплату в 3 ООО руб., а второй — в 1 000 руб. Основные положения проекта получили дальнейшее развитие в разработанных правительством «Инструкции статскому советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при устье р. Орь» и «Привилегии городу Оренбургу». По этим документам будущий город получил наименование «Оренбург».

После появления этих правительственных документов началось формирование личного состава Оренбургской экспедиции. 28 мая 1734 г. Кирилов составил представление на высочайшее имя относительно потребностей Экспедиции. Он просил императрицу повысить чины офицерам Экспедиции, а солдатам и гражданским лицам — прибавить жалованье, чтобы, по его словам «...в эту службу могли набраться охотники, а не невольники». Получив одобрение императрицы, 3 июня И.К. Кирилов подал в Сенат «именную роспись» нужных для него специалистов *[Там же.* С. 78-79].

Правительство стремилось во всем поддержать формируемую Экспедицию. Так, еще 9 мая 1734 г. был опубликован царский указ, обязывающий все учреждения и должностных лиц государства «всякое надлежащее вспоможение чинить» И.К. Кирилову и А.И. Тевкелеву *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 23]. Одновременно появились указы Анны Ивановны, адресованные казанскому губернатору Мусину-Пушкину и начальнику Главного правления казанских и сибирских казенных заводов В.Н. Татищеву. В них отмечалась необходимость взаимодействия местных властей с Экспедицией. В конце мая Сенат направил указы во многие центральные (Военная, Адмиралтейская, Коммерц-Коллегии; артиллерийская и ямская канцелярии; Штабс-генеральный, кригс-комиссариатская и Сенатская конторы, Синод) и местные учреждения (Казанскому, Нижегородскому, Сибирскому, Астраханскому губернаторам) *[Акманов,* 1975. С. 106]. Позднее этот перечень обращений был расширен, о чем свидетельствует уведомление Сената от 2 августа 1734 г. *[Материалы...* 1900. Т. I. С. 52].

Следует выделить указ Сената от 20 мая, адресованный Военной коллегии. В нем говорится о предоставлении в распоряжение И.К. Кирилова половины гарнизонного полка из Уфы, 1—2 полков из Казани, половины состава уфимских и мензелинских дворян, казаков, а также яицких и сакмарских казаков. Военная коллегия должна была обеспечить изготовление на заводах Екатеринбурга 50—60 пушек различных калибров, 20 малых мортир, 150 фальконет для кораблей речного и морского флота. При этом следовало выделить соответствующее количество пороха и свинца из казанского и уфимского арсеналов.

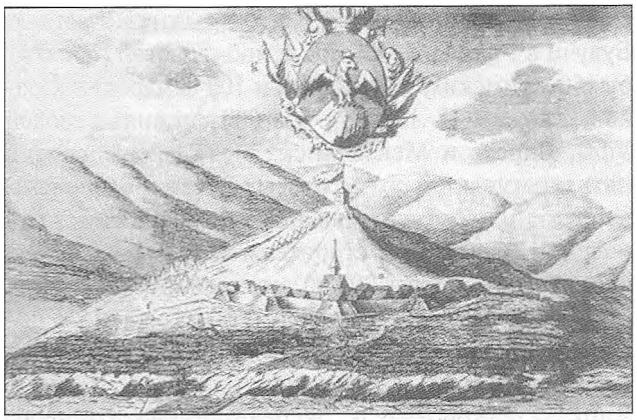

Рис. 19. Город Оренбург 1736 г. Рисунок Дж. Кэстля.

В Санкт-Петербурге для содействия Экспедиции были привлечены «инженерных чинов для строения городов» - 4, «морских для Аральского моря» — 21, «штаб и обер-офицеров для экономических и прочих градских дел» — 42, геодезистов - 5, канцеляристов - 4, артиллерийских служителей - 6, а всего 86 чел. *[Рычков,* 2001. С. 36]. Следует отметить, что бухгалтером был назначен П.И. Рычков - будущий первый исследователь истории Оренбургского края.

Экспедиция выступила 15 июня 1734 г. из Санкт-Петербурга в Москву. В Москве состав Экспедиции расширился за счет включения берг-прибора, аптекаря, ботаника, живописца, артиллерийского штык-юнкера, экономиста, прапорщика и комиссара, 17 унтер-офицеров и рядовых, 7 канцелярских служащих, лекаря с учеником, священника и нескольких студентов Славяно-греко-латинской академии. После оформления всех необходимых документов Экспедиция 25 июля 1734 г. на 11 судах направилась в Казань, куда прибыла в начале октября 1734 г. Здесь ей был придан Пензенский пехотный полк (1 223 солдат), а также несколько артиллеристов и моряков. Кроме того, из местных арсеналов были приобретены артиллерийские орудия и необходимое к ним оборудование, боеприпасы. Экспедиция теперь имела 49 медных и чугунных пушек, 19 мортир разных калибров *[РГАДА.* Ф, 248. Оп. 3. Д. 1131. Л. 86]. В конце октября И.К. Кирилов решил отправить дальше часть снаряжения зимним путем, а другую — будущей весной водным путем. К 10 ноября Экспедиция прибыла в Уфу и находилась здесь около семи месяцев. В течение этого периода шла напряженная подготовка к дальнейшему походу на р. Орь. В это время в распоряжении И.К. Кирилова находились Пензенский пехотный полк и Уфимский гарнизонный батальон. Кроме того, в качестве подкрепления на территорию края

был направлен Вологодский драгунский полк. Будучи в Уфе, И.К. Кирилов мобилизовал на службу 150 уфимских, 200 яицких и 100 самарских казаков *[Там же.* Л. 123 об.]. Из 600 служилых людей Уфы, Бирска и Мензелинска было сформировано пять драгунских рот, которые были обеспечены вооружением, обмундированием за счет казны *[Там же.* Л. 125 об.]. Для строительных работ Кирилов намеревался собрать 20 000 teптярей и бобылей.

Для связи с Екатеринбургом было решено основать крепость в верховьях р. Яик. Весной 1735 г. она была построена и получила наименование «Верхне-Яицкая». Руководители Экспедиции считали необходимым укрепить и существовавшие опорные пункты в Башкортостане. В записке И.К. Кирилова от 28 февраля 1735 г., обращенной к правительству, говорится о необходимости возведения Табынской крепости. Власти поддержали эту идею *[Материалы...* 2002. Т. VI. С. 26]. Новое укрепление сооружалось под руководством купца И.Д. Утятникова, который арендовал местные соляные промыслы у башкир. Важной заслугой этого предпринимателя стало и строительство пристани, которая должна была обслуживать находящийся вблизи казенный медеплавильный завод. Табынская крепость была построена к началу июня 1735 г. Здесь было расположено небольшое подразделение (две роты) солдат во главе с капралом при двух орудиях *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 22. Д. 1524. Л. 123].

Укреплялся и Сакмарский городок, основанный яицкими казаками еще в первой четверти XVIII в. Здесь накапливались продовольствие и другие необходимые грузы, привезенные из Уфы зимним путем. Кроме того, И.К. Кирилов направил туда некоторое количество артиллерии. В марте 1735 г. в Сакмарск был командирован мичман Апраксин «для делания судов». Он должен был построить 8 судов грузоподъемностью 2—3 тыс. пуд. каждое *[Акманов,* 1975. С. 115].

Однако привозной хлеб стоил дорого, поэтому надо было думать о создании сельскохозяйственного производства в крае. По мнению Кирилова, важную роль могли играть переселяемые в Башкортостан ландмилицкие роты. Основным занятием последних должно было стать хлебопашество. Драгунам ландмилиции предлагалось выделить земельные участки в 20 и более четвертей. Раз в неделю, по субботам, драгуны обязаны были обучаться военному делу, по воскресеньям присутствовать на богослужении. Все остальные дни должны были заниматься земледелием. Кирилов предлагал также и офицерам, пропорционально их воинским званиям, выдать «...только на время их службы в ландмилиции особые участки земли и угодья». 20 апреля 1735 г. Сенат одобрил данную инициативу, но вскоре выяснилось, что предоставление земли для ландмилиции может вызвать протест со стороны башкир. Исходя из этого, Кирилову было рекомендовано «...те роты ему, статскому советнику, учреждать и строить, смотря по тамошним обстоятельствам» *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Д. 135. Л. 201]. В итоге, к лету 1735 г. ландмилицкие роты располагались лишь в Бирске и Мензелинске.

Начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов, пользуясь предоставленной ему инструкцией «О распоряжениях по устройству и населению сего города и по отношению с окрестными народами», пытался завоевать расположение башкир. Для этого было объявлено о борьбе со злоупотреблениями местной администрации. Кирилов старался привлечь и башкирскую элиту. Так, им было объявлено о проведении регистрации тарханов. По всем волостям были разосланы указы, в которых говорилось, что башкиры, имеющие грамоты на тарханство, а также их потомки, официально признаются таковыми со стороны властей; эти люди должны были лично явиться в Уфу, предъявить старую грамоту и затем получить новый документ о действительности звания «тархан». По-видимому, приезжающим в Уфу тарханам подносились подарки и давались различные обещания. При этом от тархан требовалось выполнение важной государственной службы — участие в походе на р. Орь. В донесении в Кабинет от 28 февраля 1735 г. Кирилов писал, что «...ныне объявилось 773 тархана и запись продолжается» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 27].

К весне 1735 г. была выполнена большая работа, основаны крепости-пристани Верхне-Яицк и Табынск, где строились суда и плоты для доставки грузов в новый город. К 1 мая 1735 г. в Верхне-Яицк пришел первый обоз из 70 подвод с продовольствием из сибирских слобод. Второй обоз из 100 подвод находился в пути. Одновременно налаживалась закупка продовольствия *[Там же.* Л. 27].

Команда, которая должна была основать город на р. Орь, состояла из конгломерата различных воинских частей и подразделений. Были мобилизованы восемь рот Казанского и Уфимского пехотных батальонов, (1 389 рядовых и офицеров), три роты Казанского драгунского полка, три драгунские роты из числа уфимских и бирских служилых людей, 250 уфимских и яицких казаков, 15 добровольцев из новокрещенных калмыков и татар, 600 мишарей, 148 артиллерийских служителей. Всего было привлечено 3 150 чел. с разнообразным огнестрельным и артиллерийским вооружением (29 пушек различного калибра, 4 гаубицы и мортиры) *[Акманов,* 1975. С. 116].

Вслед за основной командой должны были двинуться в путь и две драгунские роты, сформирован-

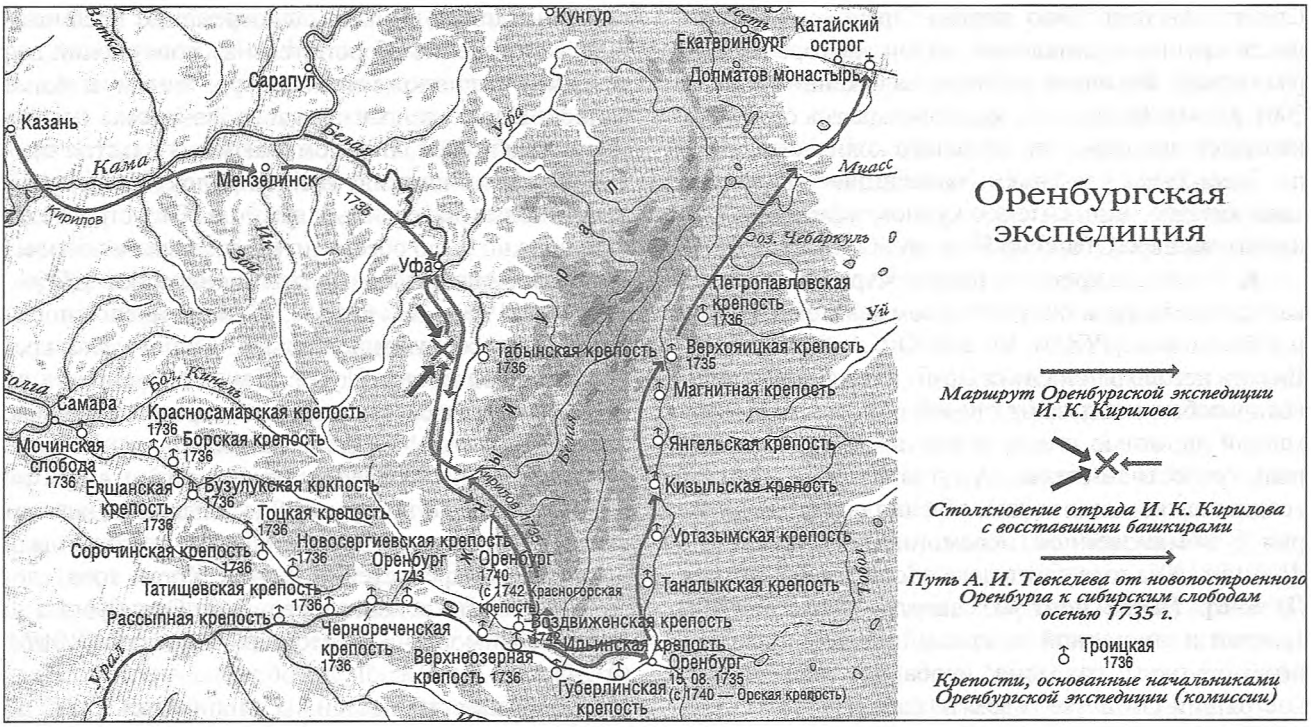

Рис. 20. Маршрут Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова

ные из мензелинских служилых людей. В распоряжении Экспедиции также были две роты солдат, которые дислоцировались в Верхне-Яицке, и капралство солдат, находящихся в Табынске. В Сакмарском городке расположились полроты солдат и 100 казаков. По пути к Экспедиции присоединилось около 100 башкир *[Там же.* С. 116].

Весной 1735 г. И.К. Кирилов решил как можно скорее выступить из Уфы в поход, чтобы в летнее время успеть основать новый город на р. Орь.
27 марта 1735 г. две роты солдат и артиллеристов перевезли через р. Белую орудия с боеприпасами. Затем они дошли до с. Чесноковка, где устроили лагерь. Здесь экспедиция должна была находиться до тех пор, «коль скоро степи от снегов очистятся, потому что по снегу степями идти невозможно» *[Материалы...* 2002. Т. VI. С. 29]. С остальной командой Кирилов намеревался выехать из Уфы
11 апреля. Когда это произошло, неизвестно, но 20 апреля он доносил из Чесноковки, что стоит со всей командой в лагере и пробудет там до середины мая. Причину этой остановки, кроме весенней распутицы, Кирилов объяснял следующим образом: «И сто-им в лагере, ожидая по силе е.и.в. указов, присланных из Сената и Военной коллегии Вологоцкого драгунского полку; и ежели оной еще в 10 дней в Уфу не прибудет, то далее ждать время тратить не буду» *[Там же*\.

Не дождавшись Вологодского полка, И.К. Кирилов выступил в поход. Однако вскоре его команда вынуждена была остановиться, чтобы оказать помощь Вологодскому полку. Эта воинская часть под командованием подполковника Чирикова подверглась нападению башкир, но смогла выйти из окружения и соединиться с Экспедицией только лишь благодаря поддержке от И.К. Кирилова.

Несмотря на трудности, И.К. Кирилов 6 августа 1735 г. достиг намеченного места и доложил в Сенат: «...до Ори реки ехал по горам и сколько трудно было с тягостями перебираться через высокия горы, гребни крутыя и глубокие враги... с участием ега Императорского величества нашей пресветлейшей монархии с порученной командою до Орь реки благополучно дошли и августа 6 числа в лагерь против устья Орского стали» *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 4. Д. 169. Л. 610]. Именно здесь главный командир узнал, что продовольственный обоз для Экспедиции подвергся нападению башкир Сибирской дороги и практически был разгромлен. Возникла критическая ситуация с продовольствием, и Экспедиции пришлось довольствоваться конфискованным продовольствием у служилых мишарей, а также непривычной для них кониной *[Алекторов,* 1883. С. 23—24]. Некоторую поддержку в обеспечении продуктами оказали казахи. Они продали И.К. Кирилову много скота и тем вывели Экспедицию из затруднительного положения *[Пистоленко,* 1939. С. 39].

15 августа на степной стороне р. Яик, в двух верстах от места впадения р. Орь была заложена первая Оренбургская крепость. И.К. Кирилов докладывал в

Сенат: «Августа 15-го первая Оренбургская крепость крупно с цитаделью малой на горе Преображенской земляной работою заложена» *[Рычков,* 2001. С. 48]. Ее закладка сопровождалась стрельбой из пушек при стечении большого количества народа. Здесь были участники Экспедиции, представители казахов, ташкентских купцов, уфимских служилых мишарей, башкир *[Там же.* С. 49].

К 30 августа крепость была построена. Маленькая цитадель была окружена рвом и валом из четырех бастионов *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 5]. Внутри нее находились «казармы плетневые», стены которых были обмазаны глиной с травой. Они подходили вплотную к валу и фактически выполняли роль крепостной стены. «Августа 30-тое в крепость солдатская команда вошла, а 31 дня поутру артиллерия с обыкновенной церемонией введена и по флангам, и на горе в цитаделе поставлена» *[Там же.* Л. 5—6]. После чего «31 августа после службы Божией и учиненной от священника проповеди и штаб-офицера согласия изобарно место, где... настоящий Оренбург о девяти бастионах по ситуации места в самой окуратности при выстреле трех раз из тридцати одной пушки, годным зеленым и синем камнем был заложен» [*Там же.* Л. .6].

Таким образом, первоначально поставленная цель была выполнена. Экспедиция И.К. Кирилова достигла р. Орь и основала город. При этом удалось привлечь сюда как российских, так и иностранных купцов. Однако деятельность Экспедиции по созданию сети военных укреплений и изъятию земель вызывала недовольство коренного населения края. Хотя башкиры не смогли воспрепятствовать основанию Оренбурга, они наносили ущерб людским и материальным ресурсам Экспедиции. Так, некоторое время в осаде находилась Верхне-Яицкая крепость, в 1735 г. осуществлено нападение на Табынский городок и продовольственные обозы для Экспедиции.

Подобная нестабильная обстановка серьезно беспокоила И.К. Кирилова. По его мнению, следовало срочно предпринять меры для беспрепятственного движения обозов и караванов. Кроме того, Оренбург оказался в значительном отрыве от районов с преимущественно русским населением. В итоге Кирилов пришел к мнению о необходимости основания небольших вспомогательных крепостей, между которыми должна была быть система связи по снабжению продовольствием, оружием, боеприпасами и различными товарами. Здесь следует отметить, что Кирилов участвовал в разработке царского указа от 11 февраля 1736 г. В нем отмечалось, что следует укреплять крепости на юго-восточных окраинах государства и увеличивать численность гарнизонов за счет служилых людей, а также ссыльных преступников. Одновременно предполагалось возведение оборонительных сооружений для селений, расположенных по рр. Белой и Каме (Бирск, Каракулино и ряд дворцовых сел) силами местных жителей. В целом, законодательство предоставляло инициативу И.К. Кирилову в деле основания новых населенных пунктов. Это строительство должно было обеспечить социально-политическую стабильность и подъем экономики *[Добросмыслов,* 1900а. С. 66—69]. В общей сложности намечалось сооружение большого количества крепостей, форпостов, редутов. Так, от Оренбурга до Алексеевска, на расстоянии в 640 верст, необходимо было основать 17 крепостей вдоль р. Самара. На расстоянии 800 верст, от Оренбурга вверх по р. Яик следовало построить 8 укреплений. Далее от верховий Яика до р. Течи (218 верст) должны были появиться 16 крепостей и редутов. Кроме того, следовало создать крепости и редуты от Оренбурга и до Аральского моря на расстоянии 409 верст *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3.Д. 135. Л. 796 об.].

Основание крепостей на территории края, по замыслу И.К. Кирилова, должно было быть осуществлено силами трех команд. Первая, под руководством флотского поручика Петра Бахметева (тестя И.К. Кирилова) должна была действовать по р. Самара. На северо-востоке Башкортостана возведение укреплений возлагалось на команду начальника правления уральских горных заводов В.Н. Татищева. Сам же И.К. Кирилов собирался осуществлять строительство укреплений на юге края.

Руководство Экспедиции полагало, что строительство Оренбурга и линии укрепленных пунктов по внешней границе Башкирии является вернейшим и надежнейшим средством для установления спокойствия в регионе. В то же время проблема обеспечения продовольствием Оренбурга из-за башкирского восстания обусловила организацию нового похода И.К. Кирилова. Он намеревался отправиться в Оренбург еще ранней весной 1736 г., однако из-за усложнившейся ситуации в Башкирии этот поход был организован лишь в июне.

Тем временем с весны 1736 г. началось массовое основание крепостей. Так, в верховьях р. Уфа их строительством занималась команда под руководством полковников А.И. Тевкелева и П. Мартакова. В марте в 120 верстах от Уфы, на землях Ельдякской волости, была построена одноименная крепость *[Рычков,* 2001. С. 272]. В апреле того же года в верховьях р. Уфы, по течению ее с левой стороны была построена Красноуфимская крепость на территории башкир Упейской волости. Расстояние от Красноуфимской до Ельдякской крепости составляло 194 версты, а до города Уфы - 354 версты. В крепости располагался гарнизон во главе с пол-

ковником П. Мартаковым, которого через некоторое время сменил П.А. Батов *[Устюгов,* 1950. С. 40]. К середине лета в крепости числился 661 гренадер и драгун. Здесь был устроен склад для хранения продовольственных запасов *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 41. Л. 435]. В 208 верстах к западу от Уфы между рр. Ик, Менеус и Кала-Елга была построена Нагайбакская крепость.

Одновременно велось строительство крепостей под руководством П.С. Бахметева. В конце мая Бахметев погрузил на суда личный состав Экспедиции и выступил из Уфы. Позже на речных судах сплавился вниз по р. Белой, затем отправился в г. Симбирск. Прибыв туда, этот отряд двинулся дальше в г. Самару. Здесь были получены от руководства Закамской линии необходимые строительные инструменты. Затем было продолжено движение вверх по течению р. Самары *[Там же.* Л. 224]. Достигнув урочища под названием «Красный Яр», здесь была основана крепость, получившая впоследствии название Красносамарск *[Там же.* Л. 225]. Оставив в ней 30 чел., поручик П.С. Бахметев двинулся дальше вверх по течению р. Самары, где через 48 верст основал Красноборскую крепость.

Сам И.К. Кирилов выступил из Уфы 30 июня 1736 г. в сопровождении Вологодского полка и через 10 дней достиг Табынска. Здесь им 14 июля 1736 г. был основан «земляной город», включавший пять бастионов, оборонительный частокол и церковь *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 455].

Дорогу от Сакмарска до Красноборска Кирилов назвал Московской и на ней был основан ряд крепостей *[Новлянская,* 1964. С. 225]. Эти укрепления впоследствии образовали Самарскую дистанцию. Среди них можно выделить как наиболее крупные Бузулукскую, Тоцкую и Сорочинскую крепости. Бузулукская крепость была построена в 255 верстах от Оренбурга на левой стороне р. Самары. К концу 1736 г. штат крепости составили 244 чел. Рядом с крепостью, на расстоянии в 18 верст, был построен редут вблизи р. Погромной [Там *же.* Л. 226].

В устье р. Ток, впадающей в Самару, была построена Тоцкая крепость. Расстояние от Тоцкой до Бузулукской крепости составляло 48 верст, а до Оренбурга - 206 верст. Здесь к середине XVIII в. числилось 1 500 дворов *[Там же].*

Далее по Самарской дистанции И.К. Кирилов руководил строительством Сорочинской крепости. Расстояние до Тоцкой крепости составило 30, а до Оренбурга - 176 верст. Здесь были возведены фортификационные укрепления, а на вооружении гарнизона находилось большое количество артиллерии. Одновременно И.К. Кирилов организовал строительство волока для прохождения судов между рр. Самара и Камыш-Самара. Летом того же года в верховьях р. Самары было определено место под пристань, которая позже получила название Переводоцкой крепости. Рядом в 18 верстах по берегу р. Камыш-Самара был основан форпост Караульный. Здесь было начато строительство складов для продовольствия и «всяких припасов».

Строительство крепостей силами Экспедиции осуществлялось и по р. Яик. Эти укрепления были необходимы для защиты границы со стороны Казахстана. Так, возникла сеть укреплений от Оренбурга до Сакмарска. Одной из первых стала функционировать Губерлинская крепость. Через некоторое время вблизи этой крепости появился форпост Крылово. Затем была основана Чернореченская крепость, получившая название от одноименной реки, «...кои близ крепости течет и впадает с оренбургской стороны в так называемый Тулуп Ерик, а сей в реку Яик впал» *[Рычков,* 2001. С. 212]. В 1736 г. была построена Верхне-Озерная крепость. Здесь Кириловым были размещены в качестве первоначального гарнизона 50 яицких казаков. Позже сюда была направлена одна рота драгун, полроты пехоты и 50 казаков. Постепенно крепость была укреплена рвом и валом *[Там же.* С. 235].

Другая часть Экспедиции действовала под командованием тайного советника В.Н. Татищева. Им, согласно инструкции И.К. Кирилова, был разработан план расположения будущих крепостей в Зауралье. Ввиду того, что продовольственные обозы из Западной Сибири, направляющиеся в Оренбург, неоднократно подвергались нападениям со стороны башкир-повстанцев, будущие укрепления должны были обеспечивать безопасность коммуникаций. Было решено основать ряд крепостей от Теченской слободы в направлении Верхне-Яицкой крепости. На востоке края к концу 1736 г. были основаны четыре укрепления: Чебаркульская, Миасская, Челябинская и крепость под названием «Калмыцкий Брод». Кроме того, в перспективе было запланировано возведение Иткульской (Эткульской) и Кызылташской крепостей. Однако строительство последней было впоследствии прекращено.

Решение расширять сеть крепостей в Зауралье было принято на совещании с участием А.И. Румянцева и И.К. Кирилова, которое состоялось 5 марта 1736 г. Тем не менее, следует отметить, что соавтором данного проекта был и В.Н. Татищев. В частности И.К. Кирилов поручил ему курировать строительство крепостей ввиду его большого административного опыта. В подчинение последнего были переданы все геодезисты, находившиеся в Сибири. Кроме того, сюда были направлены два геодезиста из Сената, шесть геодезических учеников из Адмиралтейской и Артиллерийской школы *[Буканова,* 1997. С. 129]. В функции управляющего

уральскими горными заводами входило географическое описание горного края, приглашение новых промышленников и открытие рудников на территории Башкортостана и Сибири *[Там же]*. Много внимания Татищев уделял решению судебных дел между заводчиками, участвовал в разработке горнозаводского устава, составлении таможенных тарифов. С 1734 г. В.Н. Татищев принимал самое деятельное участие в обеспечении Оренбургской экспедиции вооружением, инструментами и продовольствием.

В одном из донесений от 17 апреля 1736 г. на имя императрицы Анны Ивановны В.Н. Татищев сообщал, что подготовлены картографические материалы, где обозначены места под новые крепости. Исходя из этих сведений, Татищев «...велел имеющему команду полковнику Арсеньеву ныне одну при Чебаркуле сделать» *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 272]. А в сообщении от 13 мая того же года Татищев представил более подробную информацию: «При Чебаркуле крепость деревянную основали, которой чертеж при сем всеподцанейше посылаю. И хотя полковник Арсеньев пишет, что в том месте камня довольно, и крестьян, и хотя я мнил оную назвать удила, понеже подменная на них воров уезда, однако ж без повеления е.и.в. ничего учинить не смею...» *[Буканова,* 1997. С. 132]. В стратегическом отношении Чебаркульская крепость имела, очевидно, очень большое значение. По оценке А.И. Тевкелева, она была построена «...яко на спинах и шеях башкирских, понеже оная крепость всегда ко многой пользе высочайшего е.и.в. интереса служить может» *[Там же]*. Ее укрепления состояли из четырех бастионов заплота, рогаток и надолбов. Внутри крепости располагалась церковь, арсенал, продовольственный склад с запасом на четыре месяца и казармы для солдат. Гарнизон крепости насчитывал 282 чел. под командованием капитана Овцына. Со временем крепость укрепили рвом и валом *[Рычков,* 1999. С. 258].

Завершив устройство Чебаркульской крепости и доложив об этом В.Н. Татищеву, Арсеньев руководил сооружением других укреплений. В июне 1736 г. он организовал строительство Иткульской (Эткульской) крепости, названной в честь близлежащего озера. Эта крепость с церковью позже была укреплена деревянным заплотом с башнями и дополнительными укреплениями в виде рогаток, надолбов. Здесь был размещен казачий гарнизон численностью 309 чел. *[Там же.* С. 260].

Одновременно В.Н. Татищев руководил действиями отряда майора Павлуцкого, которому было велено «крепость на Калмыцком броду построя, идти к Миассу и тамо крепость же построить» *[Буканова,* 1997. С. 132]. Выполняя данное распоряжение, в октябре 1736 г. майор Павлуцкий в районе д. Калмыцкий Брод построил одноименную крепость. Это укрепление состояло из 4 земляных бастионов, обнесенных по внешней стороне рвом. После этого команда Павлуцкого участвовала в обустройстве Миасской крепости. Здесь организация строительства была возложена на А.И. Тевкелева. Данное укрепление было обнесено деревянными стенами и башнями, а вокруг нее располагались рогатки и надолбы. Гарнизон крепости составлял 143 чел. *[Рычков,* 1999. С. 258].

В середине июня 1736 г. В.Н. Татищев с командою, состоявшей из 50 конных солдат и драгун, выступил из Екатеринбурга к Багарякской слободе. Здесь он организовал обучение солдат и крестьян «строю, также обучал стрелять из ружья и из луков» *[РГАДА. Ф.* 248. Оп. 17. Д. 1113. Л. 425-425 об.]. Одновременно у оз. Кызылташ В.Н. Татищевым 26 июня была заложена земляная крепость и построен мост через р. Течу *[Там же]*.

С конца лета 1736 г. А.И. Тевкелев также принимал участие в строительстве крепостей. И.К. Кирилов в письме к В.Н. Татищеву от 12 августа отмечал: «Уведомился, что Ваше Превосходительство определили полковника Тевкелева к строению городков до Чебаркуля и то изволили за полезно учинить... которые не меньше иных для Оренбурга нужны, они ж позади всего башкирского жилья, где Тевкелеву к будущей весне надлежит изготовиться к походу степью до верховья Яика с провиантским обозом» *[Буканова,* 1997. С. 134]. Во второй половине августа 1736 г. В.Н. Татищев отправляет А.И. Тевкелева в сопровождении верных башкир проконтролировать ситуацию на востоке края. Целью этой поездки являлась заготовка продовольствия, но одновременно следовало проверить ход строительства крепостей. Через некоторое время Тевкелев сообщал: «Когда же в Чебаркуле провианта будет довольно, то между Миасской крепости и Чебаркуля не успеется двух, одна крепость будет построена в которой провиант надобно по крайней мере 600 четвертей».

Рядом с Миасским укреплением в устье р. Челябы, 2 сентября 1736 г. была основана одноименная крепость. Ее название происходит от башкирского термина «селяк» и означает ведро, «бурак». Место под крепость было выбрано ровное, находилось на берегу р. Миасс, в окружении р. Челябы с одной стороны и р. Игуменка с другой. Строительством укреплений руководили полковник И.С. Арсеньев и майор Павлуцкий. Крепость была укреплена бревенчатыми стенами, которые образовали форму квадрата со сторонами в 60 сажень. В некоторых местах располагались дополнительные оборонительные сооружения в виде рогаток и надолбов. Внутри крепости находился деревянный замок с

двумя башнями и церковь.

В.Н. Татищев обратил внимание на необходимость создания крепостей на тракте, идущем из Екатеринбурга в Красноуфимск. Здесь, на протяжении 1736 г. были основаны Бисертский Ям, крепости Гробовое поле, Ачитская и Кленовская. Строительством этих укреплений руководил поручик С. Сикорский. На стенах располагались сторожевые башни. На вооружении у гарнизонов, кроме личного оружия, имелась артиллерия.

Таким образом, после основания Оренбурга начальник Экспедиции И.К. Кирилов много внимания уделял возведению укреплений на территории края. В начале 1737 г. И.К. Кирилов доносил, что «...построено и строить зачато 18 городов и городков, в том числе в нескольких живут». Из этого количества полностью укрепленными считались: Оренбургская на р. Орь, Табынская, Озерная, Бузулукская, Борская, Красноуфимская, Чебаркульская, Миасская, Челябинская, Ельдякекая и Нагайбакская крепости. Тем не менее, И.К. Кирилов был доволен данными результатами деятельности: «Счастьем Вашего Императорского Величества благополучно, без всякой помехи, и без государственных работников зачато живой линии воспоследовало, и сколи б от весны не продержан был без дела при Уфе, то бы надеялся все городки одним сим летом окончить, и казаками-охотниками удовольствовать, и маяки поставить» *[Там же.* С. 137].

Осенью 1736 г. И.К. Кирилов продолжал общее руководство подавлением башкирского восстания. Тогда же были произведены кадровые перестановки в системе управления краем. Вместо А.И. Румянцева начальником Башкирской комиссии был назначен бригадир Хрущев. И.К. Кирилов совершил поездку в Мензелинск, чтобы выработать с новым администратором план подавления восстания. Кроме того, начальник Экспедиции занимался передислокацией своей команды сначала в Самару, затем в Красносамарскую крепость. Одновременно шла подготовительная работа по продолжению строительства укреплений будущим летом. Кирилов намеревался отправить в Среднюю Азию караван с морским капитаном Эльтоном для геодезической съемки Аральского моря. При этом предполагалось осуществлять строительство городов-крепостей на пути следования торговых караванов из Российской империи в Среднюю Азию. Еще в августовском донесении 1736 г. он писал, «...что же до строения городков надлежит, и в том не на одно сея время, но вечный интерес зависит, а слава победоносного оружия Вашего Величества во всю полуденную Азию распространится, опричь внутренних в Башкирах городов, позади всего их жилья, зачиная от Волги до Сибири и от Оренбурга до Аральского моря, быть имеет 45» *[Рычков,* 2001. С. 76].

Таким образом, после основания Оренбурга план деятельности Экспедиции И.К. Кирилова претерпел изменения. Если первоначально Кирилов намеревался построить только одну крепость и пристань на Аральском море, то затем он изменил свой план. Для обеспечения контроля над территорией края и предотвращения башкирских восстаний Кирилов выступал за создание сети военных укреплений.

Первыми жителями крепостей были участники Экспедиции. Командирами служили строевые офицеры или казаки (сотники, пятидесятники). Гарнизоны состояли из солдат и казаков. Численность гарнизона определялась значением данного укрепления. В таких крупных крепостях, как Оренбург, находились наиболее подготовленные и многочисленные воинские формирования.

Отправляясь на сооружение города на самой границе России, И.К. Кирилов рассчитывал обойтись минимальными силами: «Войск армейских не надобно, - рассуждал он, — достаточно Уфимского полку... батальон и половину дворянских рот и казаков с недорослями; из Казанского гарнизона один или два полка и яицких и сакмарских казаков сот пять». В случае необходимости, по его мнению, «башкирские тарханы и мещеряки сами с охотою сколько потребно служить могут и почтут за домашнюю работу». Для строительных работ Кирилов рассчитывал привлечь самовольных переселенцев: «Из русских городов и уездов работников не надобно... а можно пришлыми татарами, чувашею. черемисок» отправить» *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 13. Д. 750. Л. 5 об.].

Постоянное население Оренбурга организаторам Экспедиции виделось иным. В «Привилегии», высочайше пожалованной будущему Оренбургу, был определен круг лиц, которым разрешалось поселиться. Здесь говорится, что «...желаемая польза от городов не отчего иного зависит, как от порядочного учреждения и расположения в гражданстве, и от умножения жителей». При этом перечисляются категории населения, которым предоставлялось право «приходить, селиться, жить, торговать и всяким ремеслом промышлять, и таки на свои прежние жилища отходить свободно и невозбранно, без всякой опасности удержания». К ним относились мастеровые и разночинцы, российские и иностранные купцы, башкиры и их припущенники, представители азиатских стран. Запрещалось поселяться «...беглым из службы и крестьянам, в подушный оклад положенным» *[Рычков,* 2001. С. 18—19]. Указ от 11 февраля 1736 г. определил основные принципы заселения городов-крепостей, которые были

положены в основу переселенческой политики государства в этом регионе.

Увеличение численности пограничных крепостей шло достаточно быстро. Периодически прибывали крупные группы переселенцев. Так, с 26 сентября по 22 декабря 1736 г. в распоряжение И.К. Кирилова поступило 326 чел.: 68 яицких казаков, 158 разночинцев, 79 ссыльных, 20 мордовских крестьян, 4 городовых служилых человек. Все они под наименованием «казаки» были размещены в крепостях по рр. Самара и Яик *[Буканова*, 1997. С. 177]. Тем не менее вдоль южной границы Башкортостана от Оренбурга до Самары к концу 1736 г. полностью была заселена только Борская крепость, а вместо предполагаемых 3 ООО чел. на всей пограничной линии было поселено лишь 734 чел.

На рубеже 1736-1737 гг. существенно пополнились гарнизоны ряда крепостей. Например, в Табынской крепости к 208 прежним жителям, состоявшим из 23 разночинцев и 185 татар, которые «пахали пашню и казачью службу служили», было приписано еще 57 разночинцев, 56 татар, 84 ссыльных преступника. В итоге численность населения Табынского городка возросла до 405 чел. Существенно был увеличен штат Красноуфимской крепости. Подобным образом, к июню 1737 г. крепости, находившиеся между Самарой и Оренбургом, были в основном укомплектованы. В последующее время правительство продолжало направлять людей в крепости. В первой половине июня прибыло еще 238 чел. Следует отметить, что 113 из них присланы Саратовской и Сызранской воеводскими канцеляриями, 120 чел. были из числа людей, добровольно записавшихся в казаки, а 5 отправлены Симбирской провинциальной канцелярией «в ссылку в Оренбург вечно в каторжную работу». Кроме того, 785 чел. находилось при строящемся Ицком (Нагайбацком) городке под командованием секунд-майора Новикова. Здесь были оставлены на жительство: священник, вахмистр, есаул, 2 писаря, 6 оренбургских казаков, 509 крещеных казаков, 264 «новозаписных башкир и татар» *[Там же.* С. 179].

Тем не менее людей для заселения крепостей, построенных Оренбургской экспедицией, все-таки не хватало. Определенный ущерб силам Экспедиции нанесло развернувшееся в крае восстание башкир. Так, после нападения башкир на Вологодский полк летом 1735 г. потери составили более 60-ти драгун. В сентябре того же года в районе Верхне-Яицкой крепости повстанцы убили «капрала, да драгун 13 человек и троих ранили» *[Материалы...* 2002. Т. VI. С. 62]. Кроме того, многие участники Экспедиции умирали от болезней и отсутствия необходимого обмундирования. Например, за 1735—1736 гг. небоевые потери Оренбургского гарнизона составили более 500 чел. *[РТАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Д. 144. Л. 131 об., 226].

Опираясь на «новые города», И.К. Кирилов надеялся изменить среднеазиатские торговые пути в выгодных для России направлениях: «Что же по внутреннему коммерции касается, то в новом городе у Орь реки и на Аральской пристани в скором времени распространиться может потому, что кои купеческие караваны ходят из Ташкента, из Туркестана и из Хадшанта для покупки русских товаров в Бухарию, те обратятся в помянутыя новые места, ибо им гораздо способнее сюда приезжать, нежели в Бухары». Для расширения торговли И.К. Кирилов полагал ввести беспошлинную торговлю для купечества. Данное обстоятельство привлекло бы, по его мнению, «торговых людей» из других городов *[Материалы...* 1900. Т. I. С. 44-45]. Предполагалось, что азиатским купцам для покупки русских товаров будет выгоднее ездить в новый город, чем в Бухару. Город при устье р. Орь должен был привлечь большое количество купцов за счет создания особых привилегий в торговле.

В 1734 г. несколько ташкентских купцов-сартов, узнав о возможности строительства города вблизи устья р. Орь, сообщили об этом своим городским старшинам. Тогда же несколько купцов отправились с товарами в Уфу через владения Абулхаир хана, который не только позволил им свободно пройти через свои земли, но и предоставил проводников из числа казахов *[Витевский*, 1895. С. 673]. В начале 1735 г. ташкентские купцы прибыли в Уфу и заявили И.К. Кирилову о желании учредить ярмарку в будущем городе. При этом они обещали ежегодно приезжать торговыми караванами и даже приглашали русских купцов с их товарами в Ташкент, который был крупным торговым центром Средней Азии. Кирилов поддержал это предложение, но ввиду отсутствия большого торгового оборота вблизи г. Уфы, посоветовал гостям отправиться с их товарами в Казань. Руководитель Оренбургской экспедиции предоставил им рекомендательное письмо, где просил казанского губернатора организовать «всякое приласкание и увольнение от пошлин». Сарты воспользовались советом Кирилова. В Казани они с выгодой продали свои товары. На обратном пути они возвращались в Ташкент через Оренбург, где смогли познакомиться с развернувшимся строительством *[Там же. С.* 674].

Летом 1736 Г; Кирилову было предписано отправить караваны с русскими товарами в Хиву, Бухару и Ташкент. При этом следовало «...определить караванных Башей при каждом по одному, и с ними караванными секретарями геодезистов по одному или по два, с малыми инструментами и землемер-

ными колясками, обнадежа их, по возвращению переменою рангов». В указе было рекомендовано «...отпустить товаров на тамошнюю руку годных, тысячи по две в караване, обещая караван-башам четвертую часть прибыли» [*Материалы...* 1900. Т. I. С. 144].

Для привлечения в Россию индийских компаний Кирилову было велено отправить с первым бухарским караваном индийского купца Марвария. Руководитель Оренбургской экспедиции предоставил Марварию кредит в 1 ООО руб. на покупку товаров. Кроме того, предприниматель получил копию текста Оренбургской привилегии *[Там же.* С. 47]. Намереваясь в 1736 г. послать небольшие партии товаров в Хиву, Бухару и Ташкент, Кирилов определил маршрут караванов. Он хотел, чтобы все караваны сначала двигались наиболее коротким путем — от верховьев Ори к северному побережью Аральского моря, а затем их следовало разделить. Направляющиеся в Хиву и Бухару караваны, должны были идти по западному побережью, в Ташкент — по восточному побережью Аральского моря. При этом Кирилов придавал большое значение устройству на побережье Аральского моря пристани, которая должна была стать «ключем азиатской коммерции» *[Аполлова,* 1960. С. 109]. Для того, чтобы компенсировать затраты, связанные с формированием караванов и деятельностью геодезистов, Кирилов намеревался отправить с ними разнообразные товары: сукна, растительные краски, меха, красные кожи, галантерейные мелочи. При этом он подчеркивал: «А приказал им менять больше на золото и камения, нежели на шелковые изделия».

Предложения Кирилова рассматривались Сенатом и были в основном приняты. Внесены с рядом корректив: «О посылке с караванами ссылочных до Аральского моря и о селении их на самом устье Сыр-Дарьи, где живут новоподанные каракалпаки, оставить, пока Оренбург офундуется, а потом чинить там по своему рассмотрению: каждому каравану разрешалось отпустить товаров на 2 тысяча рублей» *[Там же].* Но Кирилов не смог осуществить многие планы, в частности, относительно развития торговли с Казахстаном и Средней Азией. После его скоропостижной кончины ряд внешнеэкономических проектов реализовывали последующие руководители Экспедиции.

Несмотря на трудности, Экспедиция вела активную научно-исследовательскую работу. По прибытии в Уфу специалисты занялись проверкой схем и карт Уфимского уезда, составленных в 1723 г. Проверка показала наличие различных погрешностей. С учетом выявленных недостатков геодезисты должны были осуществить топографическую съемку территории Башкортостана. 24 февраля 1735 г. И.К. Кирилов обратился в Сенат с просьбой ускорить отправку к нему английского капитана Джона Эльтона: «...весьма нужно верные астрономические обсервации учинить, так как там, где прежде в здешних местах описи и обсервации через геодезистов были, тут найдены не токмо в длине, но и в северной широте многие погрешности, о чем сочиняется ландкарта» *[Новлянская,* 1964. С. 121]. В 1737 г. Эльтон составил карту р. Волги от Сызрани до Царицына и произвел описание р. Яик.

Одновременно Кирилов организовал масштабные топографические работы. Так, геодезисту А.Ф. Клешнину было велено «водою плыть и мерять» от Вологды до Архангельска, а затем осуществлять измерения от Вологды до Москвы. Клешнин выполнил это задание и к 9 сентября 1738 г. появился «план города Архангельского по двум путям ландкарты» [*Там же].* Другие геодезисты в это время осуществили съемки на Волге: «...от Казани до Самары, до Яика, а оттуда Яиком рекою в Сакмары и до Уфы» *[Иофа,* 1949. С. 35].

Сопровождавшие Кирилова геодезисты при его походе на р. Орь проводили необходимые исследования. Кирилов в донесениях правительству неоднократно отмечал работу геодезистов: «...с порученной командою до Орь реки благополучно дошли и августа 6 числа в лагерь против устья Орского стали, расстоянием от Уфы по подменной мере 500 верст, по обсервации северной широты 51 градус 11 минут» *[Рычков,* 2001. С. 200]. Следует отметить, что геодезисты С. Орликов и И. Шехон-ский принимали участие в походах полковника А.И. Тевкелева из Оренбурга в сибирские слободы. Они измерили протяженность пути от Верхне-Яицкой пристани до Теченской слободы: «...дабы можно было узнать, будет ли прямая дорога от Оренбурга и пристани на Бухарскую сторону или нет» *[Добросмыслов,* 1900а. С. 3—104]. Итогом всей этой работы под руководством И.К. Кирилова стало появление первой карты территории Башкортостана; все материалы были отправлены в Академию наук в конце 1735 г.

В последующее время геодезисты продолжали работы по картографированию региона. Некоторые участники Экспедиции участвовали в географическом описании крупных водоемов. Например, в 1736 г. геодезисты Иван Шишков и Семен Беликов представили ландкарты р. Волги в Нижегородском, Чебоксарском, Казанском уездах. В июне 1736 г. «для описи и меры» геодезисты Орликов и Шехонский были отправлены «...от Казани вниз по реками до Самары» *[Новлянская,* 1964. С. 120]. В это время геодезист Петр Чичагов производил съемку водораздела рр. Яика и Самара. Им была составлена карта, оформленная студентом С. Старковым. Геодезист М. Пестриков, сопровождавший полков-

ника Тевкелева в его походе на оз. Чебаркуль, в сентябре 1736 г. также составил карту под названием «Ландкарта от Красноярской крепости проекту господина полковника Тевкелева с командою по новостроюхцуюся крепость Чебаркульскую». В декабре 1736 г. в Мензелинске Пестриков, обобщив материалы других геодезистов, составил водную карту Башкортостана. Эти материалы получили название «Plancart Уфимской провинции или всему башкирскому жилью и около положенной живой линии от Волги до Самары на 1 200 верст, также прежней земляной линии и прочему».

Одновременно с картографическими работами была организована разведка и добыча полезных ископаемых. Для этого Кирилов, по свидетельству П.И. Рычкова, начал «...пристойным образом приохочивать башкир к прииску и указанию рудных и минеральных мест». Руководитель Экспедиции добился мобилизации из Екатеринбурга одного горного офицера и нескольких штейгеров, которые должны были участвовать в походе на р. Орь.

Позднее, сообщая о результатах своего похода, Кирилов указывал, что в окрестностях Оренбурга было «...найдено много редких камней, а особливо множество медных руд, и на первый случай заложены три шахты». Большое количество медной руды было обнаружено и в окрестностях Сакмарска, где была построена одна шахта.

Ввиду наличия богатых залежей медной руды под Табынском, Кирилов предложил построить здесь казенный завод с предполагаемым объемом производства в 50 ООО пуд. в год *[Рычков,* 2001. С. 67]. Начальник правления Сибирских и Казанских горных заводов В.Н. Татищев возражал против сооружения подобного крупного производства. Однако Кирилов проигнорировал его мнение. В январе 1737 г. он доносил Сенату о развертывании промышленного строительства на «Воскресенском медеплавильном заводе». Предполагалось, что к следующему году удастся осуществить первую плавку меди. Одновременно было начато строительство трех рудников на р. Ик *[Там же.* С. 105].

Большое внимание И.К. Кириловым было уделено также разработке месторождений илецкой соли. Он «приохотил» местное население к поставке этой продукции в Уфу, и, по свидетельству П.И. Рычкова, несколько тысяч пудов соли было отправлено «...на судах Белою рекою в Каму и Волгу и далее» *[Там же.* С. 100—220].

Деятельность Экспедиции обеспечила поиски дорогих и редких камней. В начале 1736 г. И.К. Кирилов преподнес императрице Анне Ивановне образцы «...различных в тамошних горах в великом множестве обретающихся камней, яко парфира, яшмы, агата, мрамора и других». Он обратил внимание правительства на необходимость дальнейшего развития поиска и обработки ценных камней. Кроме того, Кирилов добился посылки в Оренбургскую экспедицию двух искусных камнеломщиков «...для сыскания и ломания там ясписовых и протчих камней» *[Новлянская,* 1964. С. 124].

Определенное внимание было уделено и изучению растительного мира края. Уже в декабре 1734 г. Кирилов сообщал президенту Академии наук академику Корфу о первых результатах ботанических работ: «При случае моего пути обретенных разных трав и коренья кои обретающиеся со мною господ, ботаник и аптекарь мимо ездом усмотрели о тех принял смелость вашему превосходительству каталог сообщить: и ежели оной угодий покажется, тогда господам академическим членам приказать отдать; в протчим какия сыскания натуральные камни и металлы о тех впредь донесу; а паче уповаю услужить когда в наилутших местах будущею весною буду». В апреле 1735 г. И.К. Кирилов сообщал академику об открытии новых видов растений и затем добавлял: «...что касается до натуральных вещей тех, до шести сот разных сортов собрано: а когда бог поможет Уральские горы и Яика и Белой рек береги и далее к Аральскому морю хорошенько осмотреть то надеюсь, высокославной Академии вдруг не одну тысячу переслать» *[Иофа,* 1949. С. 34].

Ботанические исследования успешно проводились И.Г. Гейнцельманом. Как видно из аттестации, данной «...медицинского сада ботаникусом Трауготом Гербертем», он был высокообразованным человеком. Кроме ботаники, знал «историю древних и новых времен, политику, географию, геральдику, генеологию, юриспреденцию и другие науки» *[Там же.* С. 126]. В архиве Академии наук сохранился обработанный профессором Амманом каталог растений Гейнцельмана, содержащий 401 название *[Новлянская,* 1964. С. 125]. Кроме того, Гейнцельман занимался изучением географии и истории Башкортостана, стран Средней Азии. Об этом свидетельствуют некоторые собранные им материалы, сохранившиеся в портфеле Г.Ф. Миллера. Таковыми являются «Известие о Ташкенте и Туркестане по сказаниям посланников», «Известие о Бухарин для изъяснениям посланников», «Известие о Бухарин для изъяснения новых карт Василия Батация об Аральском озере». Гейнцельман перевел на немецкий язык работы И.К. Кирилова: «Записка 1733 г. о Камчатской и Оренбургской экспедициях», «Изъяснение о киргиз-кайсацких и каракалпакских ордах» и донесение в Кабинет е.и.в. от 1 февраля 1736 г. относительно ситуации в Башкортостане и городе Оренбурге. Имеются свидетельства о двух географических книгах Гейнцельмана и о составленной совместно с Кириловым «Генеральной

генеалогии татарских ханов из древней истории и арабской хроники, доколе оные с древними временами России сличность имеют» *[Материалы...* 1885. Т. III. С. 695-696].

Сам Кирилов во время Оренбургской экспедиции также стремился уделить внимание изучению истории и географии. На основании сведений из Уфимской канцелярии и от башкирских старшин он составил так называемое «Разделение башкирского народа по волостям и родам». Это исследование было опубликовано П.И. Рычковым в 1762 г. в «Топографии Оренбургской». По распоряжению Кирилова, производились записи рассказов индийских и среднеазиатских купцов относительно их стран. Кроме того, собирались сведения об остатках древних культур на территории Башкортостана.

И.К. Кирилов, будучи по натуре исследователем, пытался выработать такие навыки и среди своих подчиненных. В качестве примера можно указать на Петра Ивановича Рычкова, выполнявшего первоначально должность бухгалтера, а затем секретаря Экспедиции. Итогом деятельности Рычкова являются знаменитые историко-экономические и географическое исследования «Топография Оренбургской губернии», «История Оренбургской губернии». Эти работы содержат разнообразные сведения о природе, животном и растительном мире, этнографии, истории, хозяйстве края. Другой участник Оренбургской экспедиции художник Кассель (Кэстль), также поощряемый Кириловым, дважды совершил путешествие в Младший жуз казахов. Во время пребывания в Башкортостане и Казахстане он вел дневник, где были зафиксированы встречавшиеся по пути исторические достопримечательности, особенности флоры и фауны. Кассель подробно описал также встречи с различными людьми, нравы и быт. Кроме того, художник представил сведения относительно Оренбурга и Яицкого городка, жизни яицких и сакмарских казаков и их промыслах. По возвращении в Симбирск, а затем в Самару, Кассель продолжал вести записи в дневнике вплоть до 13 августа 1737 г. *[Материалы...* 1900. Т. I. С. 10-95].

И.К. Кирилов определенное внимание уделял и развитию просвещения. В 1734 г. в Уфе по инициативе начальника И.К. Кирилова была открыта вторая арифметическая и словесная школы. В математических школах главное внимание уделялось арифметике, основам геометрии и алгебры, в словесной - чтению и письму. К 1739 г. в этих школах училось 37 учеников. Еще одна арифметическая и словесная школа были созданы в 1735 г. в строящемся Оренбурге. В 1736 г., по требованию И.К. Кирилова, к образовательной деятельности был привлечен художник из Академии наук Петр Пагин, который должен был обучать детей оренбургских жителей «...живописному и рисовальном}' делу» *[РГАДА.* Ф- 248. Оп. 3. Д. 138. Л. 70-71]. Позже в 1737 г. Кирилов просил направить в Оренбург учителя для организации школы по обучению детей латинскому языку. Это пожелание Кирилова было удовлетворено, и из московской Академии прибыл Яков Виноградов. Однако смерть Кирилова помешала реализации этого замысла. Впоследствии Виноградов был определен в аптекарские ученики, а затем переведен в Казань учителем семинарии *[Материалы...* 1900. Т. I. С. 99]. Важной заслугой И.К. Кирилова стало распространение идеи о необходимости открытия в крае первого государственного учебного заведения для нерусского населения. Так, с 1735 г. в Оренбурге должны были появиться «арабская» и «калмыцкая» школы. В этих учебные заведениях предполагалось готовить чиновников из представителей нерусских народов. Кроме того, на них могла быть возложена и миссионерская задача, которая означала бы массовый переход местных народов в христианство *[Фархшатов,* 1994. С. 40]. Однако Кирилову не суждено было реализовать свои планы.

14 апреля 1737 г. И.К. Кирилов умер в г. Самаре. По указу императрицы Анны Ивановны временное управление делами Оренбургской экспедиции было возложено на П.С. Бахметева, назначенного начальником края. Активное участие в управление краем принимали астраханский вице-губернатор генерал-майор Л .Я. Соймонов и полковник А.И. Тевкелев. С 10 мая 1737 г. руководителем Оренбургской экспедиции был назначен генерал-поручик В.Н. Татищев. В.Н. Татищев организовал совет в Мензелинске, в который вошли Л.Я. Соймонов, А.И. Тевкелев, Шемякин и все штаб-офицеры Экспедиции. На заседании совета был обсужден план дальнейших действий Экспедиции, уточнены новые задачи. Правительством было предписано Татищеву реализовать все опубликованные указы, касающиеся деятельности Экспедиции. В частности, следовало подавить восстание башкир, продолжить строительство крепостей на территории Башкортостана, организовать торговлю со странами Средней Азии. На этом же совете Оренбургская экспедиция была переименована в «Комиссию».

Важным решением Татищева стал перенос Оренбурга на новое место, что было обусловлено отдаленностью города от других административных центров. Для изыскания места, составления плана и чертежей нового города была направлена команда инженер-майора Ратиславского.

При осмотре построенных крепостей по р. Самара было принято решение о переносе на новое место Красносамарской крепости, завершение

строительства Сорочинской крепости, а также постройке Тевкелев Брода, Переволоцкой, Татищевой, Чернореченской, Ольшанской, Губерлинской крепостей и пристани на р. Камыш-Самара.

Все эти мероприятия требовали привлечения людских и материальных ресурсов. Указом от 11 февраля 1736 г. были определены основные категории населения, которым разрешалось жить в Оренбурге и других крепостях. К ним относились мастеровые и разночинцы, российские и иностранные купцы, башкиры и их припущенники, представители азиатских стран. Запрещалось поселяться «...беглым из службы и крестьянам, в подушный оклад положенным» [*Рычков,* 2001. С. 18—19]. Однако перечисленные категории населения неохотно переезжали на новые места. Значительную долю переселенцев составляли беглые крестьяне. Правительство, защищая интересы дворян, указом от 15 февраля 1738 г. предписывало прекратить прием на поселение в крепости всяких «великороссийских жителей», объявлявших себя неположенными в подушный оклад. Запрет не касался только не платящих подушную подать и не верстанных в службу «малороссиян» — украинцев, яицких казаков, сибирских казачьих и дворянских детей, уфимских мишарей [*Смирнов,* 1997. С. 92]. Реализация данного указа была невозможна в связи с дефицитом военно-служилого населения, поэтому нередко беглых крестьян записывали в казаки.

В конце 1739 - начале 1740 г. была проведена перепись населения вновь построенных четырех крепостей. В Чебаркульской крепости в 51 дворе проживали казаки - в 257 душ об. п., в Эткульской — в 43 дворах 236, в Челябинской в — 182 дворах 1 047, в Миасской крепости — 63 дворах 292 души об. п. Точное количество проживавших в данный момент во всех крепостях края неизвестно.

По данным Р.Г. Букановой, в 1737 г. на расходы Оренбургской комиссии было выделено 50 000, а в 1739 г. - 64 000 руб. В основном, средства были направлены на строительство крепостей и содержание штата чиновников Оренбургской комиссии, который в 1737 г. составлял 320 чел. *[Буканова,* 2008. С. 185].

Много проблем возникло в связи с башкирским восстанием. Коренное население края было недовольно агрессивной политикой руководителей Экспедиции, поэтому масштабы сопротивления увеличились. Тогда В.Н. Татищев и командир Башкирской комиссии Л.Я. Соймонов решили усилить контроль в крае за счет привлечения дополнительных карательных команд и осуществить военное подавление движения. В.Н. Татищев в своем «Рассуждении для прекращения башкирского замешательства», представленном в Сенат 13 августа 1737 г., предлагал разные способы, например, разделить башкир по «разные суды», а в Осу, Красноуфимск и Чебаркуль поставить в правление «особых воевод под ведением уфимского воеводы» *[Муратова,* 1996. С. 33]. В исторической литературе закрепилось мнение о том, что в отличие от других руководителей края В.Н. Татищев лояльно относился к местному населению. Свое поведение он объяснил тем, что когда он в 1736 г. отпустил захваченных в плен старшин, бунтовщики успокоились, а когда дал согласие на казнь двоих, «послушав других», немедленно «новой бунт начался» *[Кузьмин,* 1987. С. 248]. Поэтому во время подавления восстания он настаивал на казни лишь двух выданных башкирами и неповинившихся вождей восстания: Кусяпа и Бепени. С остальных, по мнению Тати-щева, было достаточно взять клятву на Коране и отпустить.

Следует отметить, что отношения администрации с местным населением осложняются еще за счет вмешательства казахов. В конце 1737 г. хан Младшего жуза Абулхаир предлагает руководителям Оренбургской комиссии свои услуги по подавлению башкирских восстаний и получает, таким образом, разрешение на военное вторжение. Массовые грабежи и бесчинства казахов вызывают возмущение даже у Тевкелева, который уже в декабре пытается добиться разрешения на удаление хана. Представители царской администрации были вынуждены путем использования самых разных способов, в т. ч. одаривания, выдворить казахов с территории края. В.Н. Татищев поспешно организует встречу с ханом в Оренбурге. 3 августа Абулхаир принес торжественную присягу на верность Российской империи, на следующий день присягнули его старший сын Нурали и старшины жуза. В ходе переговоров удалось обязать хана возвратить всех русских пленных и охранять караваны, идущие через казахские степи *[Сафонов,* 2003. С. 59].

Тем временем продолжали свою деятельность карательные отряды Башкирской комиссии. С июля по осень 1738 г. войска Л.Я. Соймонова при поддержке В.Н. Татищева сожгли 32 деревни, убили в боях, казнили, сослали и отдали в крепостное рабство 881 чел. взрослых и детей *[Акманов,* 1991. С. 127].

Важным направлением деятельности Оренбургской комиссии была реализация торгово-экономических задач. В 1738 г. В.Н. Татищев предпринимал ряд попыток поставить на Волге заставу - судно под командой капитана Ивана Тетеревского, которому было велено всех купцов, «ездящих мимо Самары в Астрахань, так и из Астрахани, останавливать и к нему приводить» *[Шиляев,* 2001. С. 128]. В Оренбурге с 1738 г. по его инициативе на степной стороне в двух верстах от Яика был построен мено-

вой двор, предназначенный для торговли с казахами и среднеазиатскими купцами. В том же году в Оренбурге появились первые российские купцы, среди них Василий Крестовников из Переяславля-Залесского, татарин Мамет из Казанского уезда *[Там же*. С. 130].

В августе 1738 г. состоялась одна из первых ярмарок, на которую в Оренбург съехались российские, ташкентские, хивинские купцы и казахи. С этого момента здесь начинается систематическая торговля русских купцов со среднеазиатскими купцами и казахами. Каждое лето «для промена» одних овец пригоняли от 30 до 50 тыс. У казахов на казенные средства приобреталась верблюжья шерсть, считавшаяся «весьма выгодной» для нужд текстильной промышленности.

Однако вскоре выяснилось, что в городе, построенном в устье р. Орь, не удается организовать широкую торговлю: как русские, так и казахи неохотно везли свои товары в Оренбург. «Город Оренбург - писал Татищев - ...заведен в такой отдаленности и в пустом месте, что все нужное к жительству получать туда принужено с великим трудом и дороговизною».

Продолжая дело И.К. Кирилова, в 1738 г. Татищев отправил первый торговый караван с казенными товарами на сумму 1 502 руб. 25 коп. Несмотря на устные заверения хана Младшего жуза Абулхаира о содействии мероприятию и охрану командой поручика Астраханского драгунского полка К. Миллера, караван до Ташкента не дошел: в двух днях пути до Ташкента он был разграблен казахами Среднего жуза. Все люди, сопровождающие караван, были взяты в плен. В 1740 г. в Ташкент был отправлен новый караван с товарами на сумму 4 165 руб., но он также был разграблен *[Там же*. С. 131].

В этой обстановке в Среднюю Азию была отправлена экспедиция под командованием поручика Пензенского драгунского полка Д. Гладышева и геодезиста Г. Муравина. Перед ней была поставлена задача найти более удобные и безопасные пути для прохождения русских торговых караванов и осмотреть местность на Аральском море для строительства пристани. Гладышев успешно справился с заданием. Были проведены разведка и картографирование Аральского моря, намечено место под будущую пристань, добыты другие ценные сведения. Однако строительство пристани на Аральском море не было осуществлено.

Относительно объемов торговли со Средней Азией в конце 30-х гг. XVIII в. свидетельствуют таможенные сборы. В 1738 г. они составили 546 руб. 98,5 коп.

В.Н. Татищеву не суждено было в полной мере решить поставленные перед ним задачи. В 1738 г. в Синод поступила жалоба от протопопа Антипа Мартинианова, состоящего при Оренбургской экспедиции, которого Татищев якобы без предъявления ему обвинения, «презрев власть святейшего Синода, посадил с утра на цепь, водил по улице, как на показ... и приводил в канцелярию, держа на цепи до вечера». Синод обратился в Кабинет министров, требуя наказания Татищева *[Губернаторы...* 1999. С. 33].

Это был уже не первый случай подобного поведение В.Н. Татищева. Так, еще при приеме дел Экспедиции он обнаружил недостатки и до полного выполнения финансового отчета посадил под арест и чуть ли не на цепь бухгалтера П.И. Рычкова «с канцеляристами за сочинение ведомостей о приходе и расходе денег, людей и вещей, а секретарей не выпускал из канцелярии доколе все ведомости сочинили» *[Смирнов*, 1997. С. 72]. Сложные отношения были у Татищева и с местными чиновниками. Например, за казнокрадство и грабеж башкирского населения был предан суду уфимский воевода Шемякин, появилась конфронтация с Тевкелевым из-за его самоуправства.

Истинным поводом для наказания Татищева послужило отстранение им от должности за взяточничество и другие злоупотребления члена Берг-директориума барона Шемберга, который являлся ставленником Бирона на Урале, и противодействие самому Бирону, вознамерившемуся через заводчика Осокина завладеть горой Благодать. В итоге началось рассмотрение доносов Мартинианова и Тевкелева. 27 мая 1739 г. из Кабинета е.и.в. последовал указ о создание следственной комиссии. 29 мая 1739 г. Татищев уже был отстранен от дел, лишен всех званий и взят под домашний арест *[Кузьмин*, 1987. С. 257].

Управление краем до назначения нового начальника было поручено подполковнику П.Д. Аксакову, лейтенанту князю Белосельскому и премьер-майору Г.Л. Останкову. 17 июня 1739 г. на место В.Н. Татищева был назначен советник Адмиралтейств-коллегии генерал-лейтенант князь Василий Алексеевич Урусов. Будучи человеком военным, В.А. Урусов, решая поставленные правительством задачи, особо не размышлял о благоустройстве вверенного ему края. 20 августа 1739 г. он получил указ, где было предписано, строить г. Оренбург на новом месте — на Красной горе, переименовать прежний Оренбург в Орскую крепость; сооружать крепости вдоль Яика и Самары там, где для этого есть условия, содействовать развитию торговли в Оренбурге, предотвращать незаконную миграцию в глубь края и содействовать улучшению отношений с казахами *[Законы...* 1999. С. 106]. Как справедливо отмечает Р.Г. Буканова, В.А. Урусов занимался преимущественно подавле-

нием башкирского восстания и почти не проявлял интереса к градостроительному делу. В 1739 г. он ограничился тем, что осмотрел часть крепостей и перенес на другое место Тевкелевскую крепость. В 1740 г., во время пребывания с карательной экспедицией в районе оз. Талкас, он направил подполковника Останкова с инженерами и геодезистами по р. Сакмаре для определения мест под новые городки, и на этом дело остановилось. Такое отношение к градостроительству было связано со спецификой ситуации. В мае 1740 г. Урусов выступил из Самары в поход с шеститысячным войском для строительства нового Оренбурга. Однако, по прибытия в Бузулук, он получил указ из Петербурга, в котором излагалось требование о необходимости срочного подавления восстания *[Пистоленко*, 1939. С. 53]. Все же 6 августа 1740 г. после богослужения и пушечной пальбы было объявлено об основании города в урочище Красная гора (это мероприятие ограничилось лишь тем, что выкопали ров в несколько саженей) [*Буканова*, 1999. С. 147].

Одним из сложных вопросов Оренбургской комиссии оставалось укомплектование гарнизонов крепостей. С этой целью были изданы правительственные указы от 20 и 26 августа 1739 г., где предписывалось оставлять в крепостях солдат, драгун из Новой Закамской линии, а также всех тех, кто находился там во время башкирского восстания. Кроме военной службы, казаков широко привлекали к самым различным делам для нужд Комиссии.

23 января 1740 г. именным указом утверждалось предложение В. Урусова «о козаках, чтоб им в службе и в гонбе подвод и иных» быть «по учиненному расписанию». В том же указе говорилось «о заплате казакам зароботных денег за казенные работы по плакату» *[Смирнов*, 1997. С. 117].

В указе от 20 августа 1739 г. Урусову предписывалось отныне не принимать беглых, а возвращать обратно на прежние места проживания. Однако очень скоро из-за нехватки людей пришлось снять мораторий на прием беглых. Указом от 23 января 1740 г. требование о немедленной высылке беглых было снято и только требовалось, чтобы все новые переселенцы указывали свое подлинное происхождение под угрозой возвращения к бывшим владельцам за дачу ложных показаний. По данным Ю.Н. Смирнова, в 14 крепостях по Самаре и Яику перепись насчитывала 2 097 чел. «настоящих казаков», а также 1 567 чел. из числа родственников мужского и 2 343 чел. женского пола *[Там же*. С. 117]. Общую численность населения, проживавшего в новопостроенных крепостях в 1740—1741 гг. приводит Р.Г. Буканова. По ее данным, в 16 крепостях жили 6 199 чел. об. п. *[Буканова*, 1997. С. 185]. Люди, находившиеся на службе как штатные единицы, получали денежные оклады. Но из-за нехватки продовольствия к занятию земледелием привлекалось все население крепостей, включая и военных. В 1739 г. солдатам ландмилицких полков были розданы лошади для заведения пашни. Затраченные деньги высчитывали из жалованья солдат в течение 3—4 лет. Одним из основных резервов пополнения рядов земледельцев власти считали отставных солдат, драгун, казаков, а также ссыльных людей. В 1741 г. Кабинет е.и.в. утвердил представление Сената об отпуске 10 тыс. руб. на расходы, связанные с поселением в различных районах Башкортостана отставных солдат и драгун. В 1740 г. при Оренбургской комиссии «для порядочного поселения и содержания купечества и служилых казаков и для произведения казенной и партикулярной пашни при новых крепостях» была учреждена специальная контора экономии *[История...* 1997. С. 226].

Правительственным указом от 20 августа 1739 г. В.А. Урусову предписывалось оказывать содействие в торговле со среднеазиатскими странами, укреплять связи с казахами *[Законы...* 1999. С. 106]. Сложная политическая обстановка, вызванная восстанием в Башкортостане, дала повод казахам попытаться укрепить свои позиции. Хан Среднего жуза Барак направил 12-летнего сына Шигая в качестве претендента на ханство в Башкортостан. Одновременно Абулхаир попытался выдвинуть кандидатуру своего сына. В связи с этим обстоятельством он избегал встречи с представителями российского правительства. Однако их притязания были отвергнуты большинством повстанцев, несмотря на склонность отдельных групп феодальной верхушки принять условия казахов из тактических соображений. 22 августа 1740 г. состоялась официальная встреча Урусова с сыновьями хана Младшего жуза Абулхаира султанами Нурали и Ерали и казахскими старшинами. Им был оказан пышный прием и преподнесены богатые подарки. Представители Младшего жуза, испугавшись, что их оставят в качестве заложников, поспешно покинули Оренбург. 24 августа в Оренбург прибыл хан Среднего жуза с 1739 г. Абдулмамет, а также Аблай и старшины. Урусов употребил все средства, чтобы расположить к хана и старшин России, одаривал их деньгами и вещами, отпускал для их содержание продукты и вина. 28 августа 1740 г. во время официальной встречи казаки присягнули на верность России *[Писто-ленко*, 1939. С. 55].

1 сентября 1740 г. хана Абдулмамета в его лагере посетил Урусов и он сумел договориться с ним о развитии торговли, прекращение грабежа караванов, идущих из Оренбурга в Азию и всесторонней помощи со стороны Среднего жуза. 4 сентября в казахские степи была отправлена экспедиция, возглавляемая поручиком Гладышевым. В составе экс-

педиции находились инженер Казимов и геодезист Муразин. Им поручалось осмотреть местность, нанести ее на карту и выбрать на Сырдарье площадку для построения города. Происходит рост общего оборота торговли, который составил в 1739 г. 687 руб. 63 коп., 1740 г. — 3 083 р. 23 коп. *[Аполлова,* 1964. С. *292]*.

Усиливается контроль над местным населением. Указом от 11 февраля 1736 г. запрещались общенародные съезды (йыйыны). В то же время, не желая давать башкирам лишний повод для недовольства, власти разрешили им собираться на общенародный йыйын один раз в году: «...оставить обыкновенный мирской сбор о семине один день съезжаться к речке Чеснаковка и тогда о нуждах мирских советовать и письменно бить челом». Организаторы йыйына обязаны были ознакомить воеводу с перечнем вопросов, намеченных для обсуждения, и получить его разрешение. Обязательным было присутствие на йыйыне офицера с несколькими солдатами и казаками.

В 1739 г. правительство запретило башкирам подавать челобитные властям от имени всего народа. Они могли обращаться с прошениями только от населения одной волости и лишь в крайнем случае, от населения дороги.

С 1739 г. были введены старшинские должности во всех волостях. Помощниками старшины назначались сотники и писари. В 1741 г. на каждую дорогу определялся главный старшина, которому подчинялись волостные старшины. Обязанности старшин и их помощников были изложены в ряде инструкций, составленных И.К. Кириловым и его преемниками совместно с уфимскими воеводами. Старшины и их помощники в присутствии воеводы приносили присягу верности властям. Они обязаны были следить за исполнением всех указов и предписаний администрации. Наряду с полицейско-судебными обязанностями старшины должны были обращать внимание на хозяйственные, торгово-финансовые, земельные, семейно-брачные и религиозные вопросы [*Асфандияров,* 2006. С. 113]. Старшин и так называемых «верных башкир» В.А. Урусов активно использовал при подавлении восстания. Он огнем и мечом подавлял восстание, слезы и стон охватили Башкортостан. Из рапортов и отчетов командиров отрядов видно, что в 1735 г. было убито 500 чел. и отдано в крепостные 20 чел. В 1736—1737 гг. предано смертной казни 5 192 чел., отдано в крепостные женщин и детей 1 657, сослано в ссылку 1 652 чел. В 1738-1739 гг. и главным образом в 1740 г. при Урусове было казнено 10 880 чел., отдано в крепостные женщин и детей 6 705 сослано 1 584 чел. *[Рычков,* 2001. С. 139].

В 1741 г. Урусов умер, и временно начальником края был назначен Леонтий Яковлевич Соймонов. При Л.Я. Соймонове Оренбургская комиссия находилась в Мензелинске. До его назначения, в первой половине августа, на новом месте был заложен г. Оренбург, но между руководителями строительства возникли разногласия по поводу выбора строительной площадки, поэтому начатые земляные работы были приостановлены до назначения нового начальника края. После назначения Соймонова строительство развернулось. В новом городе, кроме гарнизона, населения не было, и Соймонов добивался разрешения правительства на переселение в Оренбург части самарских дворян и казаков. В начале 1742 г. Соймонов был отстранен от должности начальника края, и вместо него был назначен И.И. Неплюев.

БОРЬБА НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА ПРОТИВ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ВОССТАНИЕ 1735-1736 гг.

В течение 10 лет после восстаний начала XVIII в. царские власти не нарушали земельные права башкир. Однако с конца второго десятилетия они стали вмешиваться в их земельные дела. Указы 1719 г. «О воспрещении рубки годного на кораблестроение леса, об охранении онаго и о наказаниях за недозволенную порубку лесов» и 1724 г. «О нерубке башкирцам заповедных лесов» означали ограничение башкир в пользовании своими лесами. На территории Сибирской, Казанской и Осинской дорог без ведома коренных жителей казна и русские купцы в 1724-1732 гг. основали Полевский, Давыдовский, Елабужский, Уктусский Верхний, Анцубский, Суксунский, Иргинский Верхний, Сысертский, Коринский заводы [*Полное*... 1830. Т. VI. № 3552, 3593; Т. VII. № 4510; *Геннин*, 1937. С. 507-512; *Кашинцев*, 1939. Т. I. С. 107, 276; *Кулбахтин*, 2000. С. 160]. Появление этих заводов вело к потере башкирами пастбищ, бортных лесов, рыбных ловель и других угодий и потому вызвало массу их челобитных на заводчиков. Башкиры жаловались и на то, что с них требуют уплаты ясака за земли, перешедшие к заводам. В челобитных говорилось о захвате их земель служилыми людьми Уфы, Бирска, Каракулино, Сарапула, а также переселенцами из Среднего Поволжья. В просительных письмах башкир 4 дорог Уфимского уезда на имя императора Петра II говорится: «...от его и.в. указом пожалованы были мы местами и угодьями по реке Каме и по другим речкам лесами, сенными покосами, рыбными и бобровыми ловлями и озерами... владели мы с крепостьми, иные и бес крепостей по старине, а уфинские, сарапульские, бирские, каракульские, дуванские, також и ченцы и откупщики владеют насильно, а нам владеть не дают, а сакмарские обыватели наших ясашных земель владеют насильно же, из которых земель Вашему и.в. мы и ясаку платим. Тако же чюваши и мещеряки и протчие народы... тако же тобольские и чимкинские народы нас обижают, во озерах и на горах соли брать не дают... в наших дачах нам же воли не дают. Того ради Е.И.В. всенижайшие просим, чтоб наших земель милостиво повелеть нам отдать и обид и налог таких не делать» [*Материалы*... 1936. Ч. 1. № 22, 27. С. 122, 124—125, 133]. Однако челобитные башкир не изменили положения, изъятия их земель продолжались.

В начале 30-х гг. возобновилось приостановившееся было в связи с восстаниями начала века строительство крепостей в крае. В 1731 г. правительство принимает решение об основании Новой Закамской линии крепостей. Она должна была пройти несколько восточнее Закамской линии, построенной в середине XVII в. Основанные в начале XVIII в. Алексеевск и Сергиевск стали исходными пунктами новой линии. Были построены Красный Яр и Черемшан *[Рычков*, 1896. С. 25].

Не утихали споры по земельному вопросу также и между башкирами различных волостей. В 1732 г. жители Бурзянской волости во главе с тарханом Алдаром Исянгильдиным продали большой лесной массив солепромышленнику и купцу Утятникову. На этот лес претендовали и башкиры Кыпсакской волости. Они не хотели мириться со сделкой бурзян. По призыву кыпсаков в спор вмешались башкиры соседних Усерганской, Тангаурской, Юрматынской, Катайской и Тамьянской волостей. Собравшись с кыпсаками, они решили «...чтоб того лесу Утятникову и соляному заводу не давать» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 835]. Кроме этого, было принято общее решение: «...тако же ежели и другие кто приедут строить на их землях заводы ж и городы, до того не допущать, в чем и подписались все» *[Там же]*.

Таким образом, в 20-х - начале 30-х гг. XVIII в. заводовладельцы, дворяне и служилые люди Уфы и соседних крепостей, купцы, крестьяне-переселенцы разными путями захватывали башкирские земли, что вело к обострению земельного вопроса в Башкортостане.

В этой обстановке из столицы были получены сведения об организации Экспедиции, о намерении властей построить на территории Башкортостана Оренбург и другие крепости. Башкиры поняли последствия для себя новой политики царизма в крае. Они, по словам участника Экспедиции П.И. Рычкова, опасались, что «...якобы всеми их землями хотят завладеть, итого бы ради всеми силами противиться и город Оренбург строить не давать, толкуя, что из-за того им никакой воли не будет» *[Жуковский,* 1916. С. 104-105]. Сказанное подтверждается и материалами агитационной деятельности башкирских повстанцев. 28 августа 1735 г. пленный повстанец ясашный татарин Зюрейской дороги Казанского уезда Арслан, объясняя мотивы присоединения к восстанию, показал на допросе, что башкиры Дрюк Аймяков «с товарищи», приехав в их деревню, созвали жителей и говорили: «...ежели де они, башкирцы, бунтовать не будут, то де будет с них, против казанских татар, забирать подушние деньги и рекрут, а е.и.в. об оном будет неизвестно; и для того притом говорили, чтоб бунтовать с ними и их деревни татаром и итти на статского советника и не допускать бы его до строения нового города. И по тем словам оне с ними, башкирцы, о злом намерении и согласились» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 56].

Услышав о прибытии Экспедиции с войском в Уфу, представители волостей Ногайской дороги в декабре 1734 г. собрались «...в Азиеву мечеть для совета ... и положили, ежели из Уфы он, Кирилов, или провиант также и протчия команды и казенные обозы пойдут, не пропущать и чинить бой, в чем и подписались все и присягою утвердили» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 836]. Собравшиеся поставили в известность о своем решении и башкир других дорог и призывали их быть с ними «в одном согласии». Вскоре были получены «...изо всех дорог от знатных башкирцев письма, что они все с ними согласны» *[Там же.* Л. 836—837]. Инициаторами вооруженного сопротивления выступили башкиры Ногайской дороги, на землях которой должен был возникнуть новый город. Башкиры остальных дорог поддержали их.

Весной 1735 г., когда Экспедиция делала последние приготовления к походу, «всех дорог старшины положили, чтоб конечно им где ни есть видитца самим, и о том намерении персонально еще говорить» *[Там же.* Л. 837]. Этот йыйын (съезд) состоялся, по-видимому, в мае. На нем присутствовали представители всех 4 дорог. Известны имена выборных людей 7 волостей Ногайской дороги во главе с Кильмяком Нурушевым, 6 волостей Казанской дороги во главе с Акаем Кусюмовым, 1 волости Сибирской дороги.

Представители Юрматынской волости Кильмяк Нурушев и Тамьянской волости Акай Кусюмов стали главными предводителями восстания. Если учесть участие Кильмяка в восстании 1704—1711 гг. и поездку в 1706—1707 гг. в составе посольства башкир в Крым, то можно предположить, что в 1735 г. ему было около 50—55 лет. Он был абызом, имел огромную популярность в Башкортостане. Акай был бунтарского рода, его дед и отец принимали активное участие в движениях 1681—1684 и 1704—1711 гг. *[Там же.* Л. 829, 835, 844-847].

Первым делом «обще все советовали, что, конечно, стацкого советника в Оренбурх не пропущать». Было решено о том, кто первым нападет на команду Кирилова: «ему, стацкому советнику, ехать надлежит через Юрматынскую волость, того ради прежде б напасть на команду ево, ему, Кильмяку, с собранием, и потом во всех местах начнут бунтовать и разорять деревни» *[Там же.* Л. 837]. Поднимался вопрос о том, чтобы «...наперед привратить к себе к воровству чуваш, черемис и мещеряков»; сохранились данные о том, что на совете «...написали башкирцы письмо и послали к стацкому советнику, чтобы им, башкирцам, отдали Алдара и других башкирцов 12 чел., которые были в Москве с ним, Алдаром, для того, что оные ездили в Москву с мурзою без ведома их башкирского» *[Там же; РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 3. Л. 37; Ч. 4. Л. 35 об.]. Принципиальным являлось решение йыйына выступить не против русских вообще, а против правительственных мероприятий, конкретно - против Экспедиции и ее сторонников, независимо от их национальной принадлежности, в том числе и против башкирской знати, содействовавшей проведению Экспедиции. Важно также стремление собравшихся на йыйын привлечь на свою сторону все нерусское население края.

Башкиры старались раньше времени не обнаруживать свое отношение к Экспедиции. Однако уже в начале 1735 г. В.Н. Татищев поделился своими опасениями с казанскими властями. Те донесли обо всем в Кабинет *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 1-2; *РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 141]. Но глава Экспедиции Кирилов не хотел замечать брожение в народе и не информировал о нем правительство.

Кирилов опасался, что правительство, узнав об отрицательном отношении местного населения к намечаемым мероприятиям, откажется от реализации его «Проекта». Зная о недовольстве среди башкир, допуская даже мысль о попытках их сопротивления, он надеялся без особого труда расправиться с ними силами Экспедиции.

В конце мая — начале июня 1735 г. канцелярия Экспедиции разослала указы по волостям, чтобы записанные в службу башкиры присоединились к команде. Башкиры Казанской и Ногайской дорог, человек с 500 во главе с Акаем Кусюмовым, Кильмяком Нурушевым, Умером Тохтаровым, Мясогутом, Султанмуратом и другими собрались у р. Чесноковки, около д. Альшеево, и направили в Уфу двух своих представителей с известием, что они приехали «для слушания указу». Собравшиеся пытались получить официальное разъяснение от властей о целях их мероприятий.

Однако власти не намеревались согласовывать свои действия с мнением коренных жителей и круто расправились с посланниками. Последние были избиты и заключены в тюрьму. Башкиры проявляли терпение и вновь послали в Уфу двух своих людей. На этот раз выборные должны были добиваться паспортов для поездки в столицу, чтобы подать императрице челобитную. Но посланцев ожидал еще более жестокий прием: один из них был засечен Тевкелевым до смерти, другой после наказания кнутом брошен в тюрьму. Кроме того, уфимские власти и Кирилов приказали своим сторонникам из башкир и мишарей стараться поймать всех, кто участвовал в собрании *[НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 3. Л. 30-31; Д. 43. Л. 830-831].

Подобными действиями власти еще раз продемонстрировали жесткие методы управления краем, нежелание считаться с мнением коренных жителей, и тем самым еще более обострили обстановку. Компромисс между сторонами исключался, и башкиры вынуждены были избрать вооруженную борьбу - крайнее средство в отстаивании своих прав.

На общем сборе башкиры еще раз подтвердили прежнее решение о сопротивлении Экспедиции и обсудили детали предстоящей борьбы. Говорилось о том, что прежде, чем выступить против команды Кирилова, нужно расправиться с верными властям башкирами, мишарями, чувашами, марийцами, для чего «...съезжатца де предложили к Акаю Кусюмову, собратца б им человек з 10 тысяч и больши, а главным де чтоб быть оному Акаю» *[РГВИА*. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 4. Л. 19].

Первым сумел сформировать большой отряд предводитель ногайских башкир Кильмяк Нурушев. Однако он и его товарищи ждали прибытия башкир Казанской дороги во главе с Акаем Кусюмовым. А пока Кильмяк двигался за Кириловым, ведя наблюдение, повстанцы прервали связь Кирилова с Уфой. Они захватывали всех тех, кто направлялся в корпус Кирилова или шел от него в Уфу. Так, в конце июля в их руках оказались многие знатные башкиры, ехавшие на службу в Экспедицию, такие как тарханы Кидряс Муллакаев, Мряс Юлумбетов с 2 братьями, «лучшие» башкиры Аскар Курманаев, Муса Кошколтаев, Юлыш Токаев, а также татарский мулла Уразмет *[Там же*. Л. 6, 9—11].

Позже пленники, отпущенные на свободу, явились в Уфу и сообщили подробности о предводителях, численности и организационной структуре отрядов повстанцев Ногайской дороги. По данным Кидряса Муллакаева, главными предводителями были юрматынцы Кильмяк Нурушев, Суяргул Черемшаков и бурзянец Рысайбай Игембетев. Кроме них, в числе вожаков названы Куян Кизенгулов, Кулчюков, Сафар Суверов, Сеит Карабалыков, Кусяк Ишмеков, Хусейн Утекеев, Шугурбатыр, Шал-батыр и Утягул Чангырчины, Дюмей и Кашип Солтановы, Алгашай Назаров, Аитбай из Т альтим- Юрматынской, Бакый- Юрматынской, Тамьянской, Гирей-Кыпсакской, Санким-Кыпсакской, Усерганской волостей Ногайской дороги. В отрядах были и есаулы, которые стояли во главе сотен. Каждая сотня имела свое знамя *[Там же; НА УНЦРАН*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 837]. Уразмет мулла показал, что в отряде были и башкиры Миркит-Минской, Минской и Дуванейской волостей, а также мишари *[РГВИА*. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 5. Л. 34 об.].

Отряд Кильмяка в основном состоял из жителей 10 волостей Ногайской и 1 волости Казанской дорог. Кроме башкир в нем были мишари и чуваши. Действиям повстанческого отряда была характерна определенная организованность, мобильность и порядок.

В это время в волостях Казанской и Ногайской дорог развернулась открытая борьба между повстанцами и сторонниками властей. Поскольку широкие массы общинников стояли за восстание, то немногочисленные сторонники властей - в основном богачи и муллы с их приспешниками — оказались в изоляции. Они жаловались, что им угрожают расправой и старались укрыться с семьями в крепостях. Так, сотник Надыр Уразметев и Алмет мулла обратились с просьбой о защите к коменданту Шешминской крепости полковнику И.Н. Татищеву. В начале июля, боясь расправы, бежал с семьей в лес «лучший» башкир Енейской волости Казанской

дороги Апас мулла Тетеев, который отправил для службы в Экспедиции родного сына Муртазу и регулярно доносил в Мензелинск об обстановке в волости. *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 169. Л. 110, 113; *РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 2. Л. 120].

Обострение борьбы внутри башкирского общества в это время отмечали и представители властей. Так, полковник И.Н. Татищев 13 июля 1735 г. доносил: «...уже начали чинить смертные убивства тем, кои были из башкирцев в Санкт-Петербурге и кои к злому обращению не примешиваются и собираются к обозу стацкого советника Кирилова» *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 2. Л. 25]. Известно, что из записавшихся в службу более 770 башкирских тарханов в походе на р. Орь участвовало около 180 чел. Одни из них сами отказались от похода, но большинство под давлением масс не посмели присоединиться к Экспедиции.

К концу июня в волостях Казанской дороги было создано 3 повстанческих отряда общей численностью около 10 тыс. чел., во главе которых стояли Акай Кусюмов, Умер Тохтаров и Тевеней *[Там же.* Л. 34].

19 июня в Уфу с Закамской линии прибыл Вологодский драгунский полк. 24 июня 5 рот вологодцев и несколько десятков уфимских дворян и казаков, всего 700 чел., с несколькими пушками, под командованием подполковника Чирикова вышли из Уфы и направились на соединение с командой Кирилова. За неделю драгуны прошли 150 верст и добрались до горы Зирган (южнее нынешнего г. Салавата). Восставшие Ногайской дороги решили помешать их соединению. 1 июля 3 тыс. башкирских конников под предводительством Кильмяка Нурушева напали на них.

Так началось одно из самых крупных восстаний башкир XVII-XVIII вв. — движение 1735-1736 гг.

В ходе боев вологодцы понесли серьезные потери. Уже в первый день было убито более 60 драгун и казаков, в том числе подполковник Чириков. С перерывами бои продолжались до 6 июля. Последние 3—4 дня башкиры держали драгун в осаде, решив взять их измором. Но Кирилов, узнав о случившемся, приостановил продвижение своего войска и послал в помощь окруженным сильную команду, которая напала на отряд Кильмяка. 6 июля Кильмяк вынужден был снять осаду и отступить. Правда, через несколько дней появились отряды башкир Казанской дороги во главе с Акаем Кусюмовым и устремились за вологодскими ротами. 9 июля они догнали драгун, завязался бой, но повстанцы не сумели остановить продвижение роты. На обратном пути они встретили отрад башкир Ногайской дороги из 3 тыс. чел. во главе с Кильмяком, Сеитбаем Алкалиным и Салаватом Елаткуровым. Соединенные силы Кильмяка и Акая не стали преследовать вологодские роты, так как им удалось соединиться с основными силами Экспедиции.

Как видно, начало восстания башкир оказалось не совсем удачным. Восставшие Ногайской и Казанской дорог не сумели вовремя объединить свои отряды и остановить продвижение Экспедиции.

В начале июля обострилась открытая борьба между повстанцами и сторонниками властей из башкир, которых стали называть «верными башкирами». Под Уфой повстанцы разъезжали по волостям, создавали отрады и расправлялись с верными башкирами. 4-5 июля «...Минской же волости башкирцы и нагайцы, согласясь воровство и в бунт», — по сведениям верных башкир «...ездили близ города Уфы со знамян красным кумышным, их братью башкирцов добрых людей, не желающих быть с ними в одном согласии, призывают к себе над неволею и стращают всяким разорением, чтоб быть им вместе в одном согласии воевать государевых русских людей, також и иноверцев, которые будут со стороны е.и.в., рубить и жилища пустошить». Повстанцы напали и разорили Умутея Тимербулатова «*с* товарыщи», Еная Шелтыкова «с товарыщи». держали их «в осаде одни сутки» *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 4. Л. 16—17]. Староста Каршинской волости Шарып Мряков «с товары - щи», приехав 12 июля в Уфу, сообщили, что неделю тому назад жители Куль-Минской волости «человек с 40, вооружась, ездили по многим руским и иноверческим деревням и грабили, скот отгоняли». В эти дни от нападений повстанцев пострадали также расположенные под Уфой деревни дворян Колокольцева, Волкова, Мурявина и Сударенина. Помещики и часть их крестьян бежали в Уфу *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 5. Л. 25].

Следующим очагом действий повстанцев стати окрестности Табынской крепости. Коренное население было недовольно ее возведением. 9 июля в Табынске было получено известие о намерениях окрестных башкир: «...съежаются воровать Юрматынской, Меркицкой, Табынской, Кси-Табынской, Калчирской волостей башкирцы, а дума де их всех: прежде вырубить вновь построенный городок, а потом де итти за стацким советником Иваном Кириловым». И действительно, через несколько дней башкиры напали на Табынск и разорили соляной завод *[Там же.* Л. 33—36].

Подобная обстановка сложилась и в волостях Казанской и Осинской дорог. Там также формировались повстанческие отряды, шла борьба между повстанцами и сторонниками властей. В отряды, кроме башкир, входили представители других нерусских народов *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 38. Л. 43-44].

Действовали и противники восстания. Муллы ряда волостей Казанской дороги — Катка мулла, Бикмет мулла, Юсуп мулла и Девлекей мулла - систематически информировали уфимские власти об обстановке в волостях. В Шемшадинской волости они устроили тайный совет, на котором решили собрать «от каждой деревни по человеку на караул», пригрозив жителям аулов в случае отказа выделить караульщиков, написать на них жалобу в Уфу *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 5. Л. 52].

Разная позиция башкир Осинской дороги относительно восстания проявилась в их отношении к официальным представителям Уфы. Когда в июле в Тайнинскую волость приехал уфимский дворянин Жилин, то «добрые» башкиры Илеш Аднашев «с товарыщи», выделили ему подводы, проводили до Осы, а рядовые общинники Бятик Сабанеев, Кустом Иткинин, Чюрагул Шигаев «с товарыщи» гнались за ним, хотели его «побить до смерти» *[Там же.* Л. 51].

Сражения повстанцев с командами Экспедиции способствовали дальнейшему росту их решительности и организованности. Примечательно и то, что по Мере усиления восстания обострялась борьба внутри башкирского общества, между сторонниками и противниками повстанческого движения.

Повстанцам не удалось помешать походу Экспедиции к р. Орь и основанию г. Оренбурга. Но, начав вооруженную борьбу, они серьезно осложнили задачи Экспедиции. Дело здесь заключалось не только в людских и материальных потерях, понесенных командами, но и в замедлении движения Экспедиции к месту назначения, а также в выяснении истинного отношения коренного населения к этому мероприятию правительства.

Первые мероприятия властей по подавлению движения. В середине июля у р. Белой, возможно на территории Юрматынской волости, восставшие устроили совет. В нем, кроме Акая Кусюмова и Кильмяка Нурушева, участвовали командиры отдельных отрядов, прибывшие с Ногайской и Казанской дорог, а также рядовые повстанцы. Участник восстания Мансур Биккулов показывал позже на допросе относительно решений совета следующее: «...по нападении в драгунской вологоцкой полк все разъехались в домы, токмо при разъезде предложили тот же совет: сперва превращать чуваш, черемис и вотяков, потом русских людей рубить а именно — вору Келмяку - вверх по Белой, Екату — около города Уфы, Акаю - вниз по Белой и около Мензелинска. А как оные народы превратят, Келмяку предложено своими людьми обще с Сибирскою дорогою итти за стацким советником Кириловым» *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 4. Л. 35 об.]. Показания Мансура Биккулова подтверждаются и материалами допроса Кильмяка Нурушева *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 832, 838].

Повстанцы не собирались сдаваться: создавали новые отряды и привлекали на свою сторону население края. Решено было в ближайшее время развернуть действия вокруг Уфы, Мензелинска и других крепостей. Всю территорию западного Башкортостана разделили на районы, в каждом из которых должны были сражаться отряды того или иного предводителя. Главный удар восставших был направлен против царских крепостей и войск, их сторонников из среды местного населения. Повстанцы не упускали из поля зрения и команду Экспедиции.

Расширению движения в волостях Ногайской и Казанской дорог способствовало возвращение повстанцев — участников боев с вологодскими ротами. Не менее важно было и то, что власти оказались не в состоянии сразу организовать борьбу с развертывающимся восстанием.

В середине июля отряды из башкир ряда волостей Казанской и Ногайской дорог во главе с Тевяком, Ишалеем Кайдалиным и Азнакаем Явгильдиным «человек с 1 ООО воинским наступлением» напали на мишарей дд. Токмаклы, Мамяково, Курмышево, расположенных в 50-80 верстах северо-западнее Уфы, и разорили их. Спасшиеся мишари укрылись в Калиновской крепости *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 4. Л. 68-68 об., 73]. Верные башкиры и мишари, в свою очередь, передавали сведения о повстанцах в Уфу и другие крепости. Кроме того, они нападали на мелкие группы восставших и разоряли их аулы.

Вооруженная борьба шла и в западном Башкортостане. В середине и конце июля нападению восставших подверглись Кондурча, Алексеевск и другие крепости Новой Закамской линии *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 2. Л. 26; Ч. 3. Л. 45, 47; Ч. 4, Л. 46 об.-47].

В начале июля было неспокойно также в районе старой Закамской линии. С середины месяца под Мензелинском, Заинском, Новошешминском развернулись бои между повстанцами и гарнизонами

этих крепостей. Восставшие разоряли те аулы, жители которых отказались присоединиться к восстанию. В этих акциях, наряду с башкирами, приняли активное участие ясашные татары, в т. ч. татары Зюрейской и Арской дорог Казанского уезда. Среди повстанцев были также мишари, чуваши и мордва.

В 20-х числах июля под Мензелинск во главе отряда, состоящего из 1 ООО чел., прибыл Акай Кусюмов. На состоявшемся вблизи города совете повстанцев было принято решение «...раззорять руские городы, села и деревни, а полков в Башкир не пропущать» *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 3. Л. 112; Д. 61. Ч. 4. Л. 85—85 об.]. Интересна мотивировка принятого решения. Получается, что действия восставших в районе закамских крепостей не являлись самоцелью. Повстанцы своей активностью должны были сковывать гарнизоны этих крепостей и тем самым лишить Кирилова их помощи. 26 июля повстанцы Акая напали на Мензелинск, но взять его не смогли.

В августе борьба стала еще активней. В середине месяца восставшие неоднократно совершали нападения на Новошешминск, Заинск, Кичуевск. В начале сентября башкиры и татары, человек «1 ООО и болыпи», вновь пошли приступом на Мензелинск. Взять его не сумели, но оставались вблизи города. О дальнейших планах восставших, о их союзниках любопытные вести сообщил повстанец Абатай Бегенеев, пойманный 4 сентября: «...башкир де в зборе 1 ООО с 4 и хотят итти под Мензелинск и до Казани... уже с ними в согласии до самой Казани татары и башкирцы... Тако ж и казанския слободския татары к ним, башкирцом, письма о том злом согласии прислали» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 169. Л. 581—582]. В первой половине сентября бои в районе Закамской линии продолжались. 6 сентября, в частности, из Мензелинска с тревогой доносили, что «от воров-башкир непрестанно бывают подъезды» *[Там же]*.

В конце июля — начале августа восставшие приступили к операциям у самой р. Кама. 4—5 августа они разорили дворцовые села Челны, Пьяный Бор, Тихие горы, монастырские деревни Калинов починок, Бетки, вотчину архиерея. Активность повстанцев в этом районе прослеживается и в начале сентября, когда они начали действовать к западу от р. Камы, в Байлярской и Енейской волостях. Казанский губернатор беспокоился за судьбу Елабуги, ибо восставшие стояли в 20 верстах от города *[Материалы...* 1900. Т. II. С. 89].

В самом начале сентября башкиры Суби-Минской, Куль-Минской, Кыркули-Минской, Кыпсакской волостей Ногайской дороги, Кырканлинской, Дуванской, Каршинской волостей Казанской дороги, а также татары из дц. Кадряево. Дюсметево, чуваши из д. Улуарема, всего человек «с 1 000 и больши», возглавляемые Ишалеем Кайдалиным, Токчура муллой, Тевяком, Ишелевым. Рысмекеевым, Колчуриным, разорили башкирские аулы Мамяково, Акбашево, татарские аулы Чишма. Ацнашево, Болдино, мишарские аулы Калтаево. Токмаклы, Салтанаево *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 87—89]. 17-18 сентября повстанцы «в собрании с 1 000 человек с полтретью» нанесли ущерб верным башкирам - старосте Каршинской волости Шарыпу Мрякову и сотнику Ибаку Умирову. Первый жаловался, что восставшие взяли в его доме «денег 100 рублев, да всякого пожитку, отогнали лошадей и коров, всего по цене на 300 рублев, сожгли деревню и хлеба, хотели его самого убить до смерти». Староста спасся от смерти только потому, что его в это время не было дома *[Там же.* Л. 94, 88, 102].

Одновременно повстанцы проявляли активность и вблизи Табынска. Они, по словам Кирилова, «...многим собранием... многократно приступали, но ничего зделать не могли, больше тритцати человек потеряли» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1236. Л. 52]. В 20-х числах сентября значительные силы повстанцев Ногайской и Казанской дорог под предводительством Кильмяка и Акая стали скапливаться под Уфой. Восставших, по одним данным, было 2 000 чел., по другим - 3 000. Они заняли с. Вознесенское, принадлежащее Уфимскому Успенскому монастырю, а также мишарские, татарские и башкирские аулы — Алмантаево, Киишки, Тимошкино, Ибраево, Нижегородку, Ильтуганово, Тимкино *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 325—327]. Возможно, повстанцы намеревались напасть на Уфу, о чем в общем плане велись разговоры еще с июля. Но в это время стало известно, что из Оренбурга идет Кирилов с командой. В последней было 1 000 солдат и драгун, 710 казаков, мишарей и башкир. Сколько она имела пушек, неизвестно *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 83-84; *РГАДА.* Ф. 248. Кн. 134. Л. 13-13 об.].

В этой обстановке первоочередной стала борьба с основными силами Экспедиции. Повстанцам за короткий срок удалось сформировать большой отряд, источники называют от 3 до 5 тыс. чел.. 2 октября, когда команда Кирилова подошла к р. Ашкадар, восставшие напали на нее. Ход боя известен лишь по словам самого Кирилова и в самом общем плане. По его данным, нападающие «провождали идущих с ним команду 4 дни», пытаясь ее остановить. В боях Кирилов использовал все имеющиеся пушки *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12.

Рис. 21. Башкирское восстание 1735–1736 гг.

Д. 43. Л. 839; *РГАДА*. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 333; Кн. 1236. Л. 51].

Восставшим не удалось остановить команду Кирилова. Эта неудача была серьезным ударом для них. Но жители Ногайской дороги продолжали борьбу. В первой половине октября их нападению подверглись расположенные под Уфой мишарские и татарские аулы Федосеево, Сасык, Байгильдино, Арсланово, дворцовое село Юрмаш, поместья уфимских дворян Ногашева и Третьякова, башкирские аулы Сабырово и Сауккулово. По данным уфимских властей, в этих акциях участвовали башкиры 8 волостей и татары нескольких деревень Ногайской дороги *[РГАДА*. Ф. 248. Кн. 1131. Л. 327]. Отдельные действия прослеживаются и в пределах Казанской дороги. Перечисленные акции были

последними действиями восставших. Примерно в середине октября в европейской части Башкортостана наступило затишье.

На допросе Кильмяк Нурушев среди предводителей назвал Акая Кусюмова, Умера Тохтарова, Мясогута Уразаева, Султанмурата Дюскеева, Тевяка, Ишалея Кайдалина, Екая Биккулова, которые с первых дней восстания возглавляли отдельные отряды. Можно добавить к этому списку Куразмана Макарова, который так и не явился в Мензелинск с повинной, Байсяка, Аскара Рысмекеева, Азнакая Явгильдина, Аскара Салтанбекова и др. Среди них были и чиновные, и рядовые башкиры.

Если говорить о формах и методах борьбы, а также ее общей направленности, то повстанцы в первую очередь расправлялись с верными правительству мишарями, татарами, марийцами, чувашами и башкирами, разоряли их аулы, угоняли скот, самих брали в плен. Особенно серьезно пострадали мишари. Это объясняется тем, что значительная часть мишарей оказалась на стороне властей и помогала им в реализации мероприятий Оренбургской экспедиции. В ответ на это восставшие разоряли их. Не избежала этой доли и часть русских крестьян. Однако число разоренных русских деревень неизмеримо меньше по сравнению с нерусскими аулами. Кроме того, среди разоренных русских поселений преобладали деревни уфимских помещиков, а также монастырские владения. Удар восставших был направлен не против тех или иных народов, а против верных правительству групп населения, независимо от их национальной принадлежности. Главное место в действиях восставших занимали нападения на царские крепости и города— опорные пункты властей, а также сражения с правительственными войсками в открытом поле.

Какова же была реакция властей на начавшееся вооруженное выступление башкир? Наиболее боеспособные команды из имеющихся в крае военных сил в это время в составе Экспедиции во главе с Кириловым двигались к р. Орь. Кирилов выручил вологодцев из окружения отряда Кильмяка, но не стал ввязываться в бои с повстанцами, а спешно повел свой корпус к месту назначения. В Уфе же в связи с отъездом Экспедиции осталось мало войск. К тому же вблизи города с первых дней июля действовали восставшие. С трудом осуществлялась связь с центром. Уфимские власти со страхом ожидали нападения башкир на город. Гарнизоны закамских крепостей с первых дней восстания сами оказались на положении обороняющихся.

О начале восстания в Башкортостане в столице узнали 17 июля из донесения командира Закамских

Рис. 22. Нападение восставших башкир Ногайской дороги во главе с Кильмяком на команду генерала А.И. Румянцева. 29 июня 1736 г. Худ. А.Р. Мухтаруллин

крепостей, отправленного 25 июня. Но буквально Накануне там были получены рапорты Кирилова о полном спокойствии в крае. Эта неопределенность не могла не повлиять на первые решения правительства.

19 июля Кабинет е.и.в. обязал Кирилова срочно и обстоятельно «...о всех башкирских происхождениях и намерениях, розведав подлинно, донесть» через специально посланного к нему курьера. В случае подтверждения сведений о восстании, Кирилов должен был «вначале добрым способом» стараться его прекратить, «отнюдь ни до малого разширения не допустить, употребляя к тому все те способы, которые по тамошнему состоянию для скорейшего оных успокоенья запотребно» *[РГАДА*. ф. 248. Кн. 169. Л. 105-105, 124, 129].

В конце июля — начале августа в столице были получены новые донесения, не оставляющие сомнений относительно начала движения башкир. В этой обстановке 5 августа состоялось совместное заседание Кабинета и Правительствующего Сената по башкирскому вопросу. В правительственном определении говорилось, что необходимо послать в Башкортостан «персону знатную и надежную, которому дать полную мочь и власть, чтоб в усмирении тех башкир поступать по тамошним обстоятельствам». Все имеющиеся в крае военные и гражданские командиры переходили в его подчинение. Главный командир должен был вначале употреблять «добрые способы» по улаживанию ситуации, известить восставших, что специально послан императрицей, чтобы разобраться в происходящем, предложить им прекратить выступление и прислать своих делегатов с письмом с изложением причин их недовольства. Если повстанцы не откликнутся на эти призывы, то командиру вменялось в обязанность

поступать с ними как с бунтовщиками и направить против них войска. В распоряжение главного командира выделялись 3 регулярных полка, 500 яицких казаков, 3 ООО калмыков, волжских казаков - сколько наберет *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1236. Л. 36 об.-37].

В данном документе поднимался и вопрос о судьбе Экспедиции Кирилова. Если вести о восстании окажутся верными, то главный командир должен был Кирилова «...остановить и того походу к Орь реке продолжать ему не велеть», а корпус возвратить в Уфу или расположить в удобном месте, чтобы сохранить его от разгрома *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 213].

13 августа 1735 г. на пост главного командира с чрезвычайными полномочиями по подавлению восстания в Башкортостане правительство назначило крупного военного деятеля генерал-лейтенанта А.И. Румянцева, который незадолго до этого был освобожден от опалы властей и служил губернатором в Астрахани *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 169. Л. 215, 241-242].

24 августа Кабинет получил первое донесение от Кирилова после начала восстания. В нем говорилось, что потери вологодских рот невелики, что они соединились с основной командой, скоро Экспедиция дойдет до р. Орь и приступит к строительству города. В связи с этим, правительство 31 августа еще раз вернулось к рассмотрению вопроса об Экспедиции и одобрило намерение Кирилова. Последнему было велено «...уже того строения оставлять вам не надлежить» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 210]. Это означало, что правительство покончило с колебаниями относительно Экспедиции и подтвердило прежнее решение о реализации проекта Кирилова. Итак, правительство санкционировало основание Оренбурга, несмотря на вооруженный протест коренных жителей края.

19 сентября в Мензелинск приехал главный командир А.И. Румянцев и обратился к восставшим Казанской и Ногайской дорог с универсалом. В нем говорилось, что генерал Румянцев специально послан императрицей «для справедливого изследования обид и притеснений», которые башкиры, возможно, терпели от местных властей, что он имеет полную власть «...правосудие показать и виноватых по достоинству наижесточайше наказать». Главный командир предложил повстанцам прекратить восстание и прислать к нему 5—6 выборных людей. Последние должны были привезти «на письме обстоятельное известие, от чего вышеупомянутое возмущение учинилось или от кого имяны здешних командиров какие вам обиды учиняли». От имени правительства он обещал простить повстанцев за их вооруженное выступление, учинить правосудие и оказать милость. В случае отказа принять эти предложения Румянцев грозил применить военную силу *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 75-76].

Румянцев отправил специального нарочного с универсалом к башкирам Осинской и Сибирской дорог. Похвалив «за верность», он призвал их и впредь жить спокойно и предложил прислать к нему в Мензелинск нескольких знатных башкир для обстоятельного разговора «обо всем» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 348-349]. Это свидетельствует о том, что генерал еще не знал об участии некоторых жителей Осинской дороги в восстании, а также о нападении башкир Сибирской дороги на продовольственный обоз и на Верхне-Яицкую пристань. Чтобы заставить повстанцев быстрее принести повинную, Румянцев использовал демонстрацию силы. Имеющиеся войска он расположил поближе к башкирским волостям, однако он не намеревался открывать военные действия, взял линию на мирное успокоение восстания.

Получив универсал, в конце сентября в Мензелинск приехали 8 башкир, которые представляли в основном повстанцев ряда западных волостей Казанской и 1 волости Осинской дорог во главе с Умером Тохтаровым и Мясогутом Уразаевым. Они известили Румянцева, что согласны начать переговоры и принести «повинную» *[Там же.* Л. 304]. Отправляя обратно представителей западных башкир, Румянцев предложил им, чтобы они составили «повинную челобитную» и прислали к нему в. Мензелинск «лутчих старшин» 50-60 чел.. Кроме того, через этих представителей, он отправил особое письмо к Кильмяку и Акаю, призвав последних приехать к нему «без всякого страха» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 109].

Примерно в это время в поход против повстанцев Ногайской дороги выступил из нового города И.К. Кирилов. Еще в донесении в Кабинет от 23 июля он предлагал начать военный поход против восставших, уничтожить их с женами и с детьми, а их земли раздать русским, татарам и верным башкирам *[Материалы...* 1900. Т. II. С. 98]. Дальнейшим развитием и углублением этих предложений является его представление в Сенат от 16 августа. Кирилов советовал правительству, мобилизовав имеющиеся в крае регулярные и ландмилицкие полки, а также казаков, окружить восставших, казнить «заводчиков», остальных участников сослать в ссылку, а жен и детей их раздать в крепостное рабство жителям центральных городов. На землях повстанцев он предлагал основать крепости с гарнизонами, а

вокруг поселить служилых мишарей. Если в ответ на эти действия поднимется весь башкирский народ, то, по мнению Кирилова, нужно с ними расправляться посылкой регулярных войск *[Там же.* С. 83-86]. Сознавая, что рекомендованные им средства могут привести к заметному уменьшению численности башкирского населения, Кирилов цинично утверждал, что «...тужить не о ком, службы от них было немного». Когда же их земли будут розданы русским и мишарям, башкиры будут перемешаны с ними и не сумеют поднять восстание *[Там же.* С. 82-83].

В духе указанных предложений Кирилов и Тевкелев разработали конкретный план подавления восстания. Кирилов с основными силами должен был действовать на Ногайской дороге, Тевкелев - контролировать башкир Сибирской дороги. Подполковник Чемодуров с остальной командой, находясь в Оренбурге, угрожал башкирам с тыла. Кроме того, Кирилов приказал уфимскому воеводе разорять повстанцев по Деме и Уршаку и совершить поход в направлении Табынска *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 134. Л. 13-14].

7 сентября Кирилов выступил из нового города в поход против восставших. В Сакмарском городке он совершил суд над 9 пленными башкирскими повстанцами.

После этого Кирилов приступил к операции по разорению мирных башкирских аулов. Примерно за 10 дней его солдаты разорили 21 аул. Это было, по признанию самого Кирилова, лишь началом широких карательных действий. Он был намерен «перешел Белую реку, до конца оныя волости разорить». Но 6 октября, когда команда достигла Табынска, Кирилов получил распоряжение главного командира, в котором предписывалось привести башкир к повиновению «...добрым порядком, не употребляя оружия» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1236. Л. 51]. В этой обстановке Кирилов был вынужден приостановить намеченный поход.

Однако, где возможно, он продолжал реализовывать свои планы. Когда к нему явились представители повстанцев для переговоров о принесении повинной, Кирилов без ведома правительства предъявил ряд новых, не встречающихся до сих пор в подобных случаях условий. Он отобрал у них все оружие и потребовал с каждого повстанца по 1 драгунской лошади в виде штрафа. Наконец, Кирилов приступил к открытому грабежу жителей волостей. Пришедшую из Уфы в Табынск команду полковника Анненкова, придав ей еще 150 казаков, направил в ближние башкирские деревни, чтобы «...хлеб молоченый и немолоченый свесть в городок» *[Там же.* Л. 52].

Естественно, более приемлемой для повстанцев была линия Румянцева. Часть повстанцев в конце сентября начала с ним переговоры. Во второй половине октября решила установить контакты с главным командиром основная часть повстанцев во главе с Акаем и Кильмяком. Тем более в начале октября они потерпели неудачу в попытках остановить продвижение Кирилова в Уфу.

В конце октября 1735 г. вблизи Мензелинска состоялся йыйын повстанцев, где участвовали, по неполным данным, представители 11 волостей Ногайской, 10 волостей Казанской и 3 волостей Сибирской дорог, а также главные вожди движения Акай Кусюмов и Кильмяк Нурушев. Была составлена челобитная, в которой отрицательное отношение к мероприятиям Оренбургской экспедиции выражалось осторожно, в самой общей форме *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 134. Л. 48-49].

Румянцев потребовал личной явки к нему в Мензелинск предводителей восстания и принесения ими присяги верности. После некоторого колебания требование главного командира выполнили все предводители, за исключением Кильмяка и его сторонников. Чтобы не отпугнуть последних, Румянцев вынужден был пока оставить планы ареста предводителей *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 149].

Постепенно у повстанцев росло доверие к деятельности Румянцева. В начале ноября они составили новую челобитную, в которой полно и откровенно изложили причины восстания. Они были недовольны главным образом начавшимся строительством городов, крепостей и церквей в крае и просили правительство отозвать Оренбургскую экспедицию. Челобитчики жаловались на жестокости и произвол командиров Экспедиции, в особенности Тевкелева, а также на насилия со стороны верных башкир. Челобитную подписали 38 представителей 27 волостей Казанской, Ногайской и Сибирской дорог, в т. ч. Кильмяк и Акай *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1236. Л. 57-59].

В итоге, в конце октября — начале ноября в европейской части Башкортостана наступило спокойствие. Власти не сумели сразу подавить восстание, что объясняется массовостью движения и отсутствием в крае достаточных военных сил. Но в условиях войны с Турцией правительство было заинтересовано в скорейшем прекращении восстания. Используя мирные способы, обещая, в частности, рассмотреть их жалобы, генерал-лейтенанту

А.И. Румянцеву удалось добиться успокоения повстанцев.

Восстание в Зауральской Башкирии. Основание Верхне-Яицкой пристани привело к сильному недовольству зауральских башкир и послужило непосредственной причиной вспышки вооруженной борьбы в данном обширном регионе Башкортостана. Позже на допросах повстанцы заявляли, что они восстали потому, что на их земле, помимо их воли, строятся Верхне-Яицк, Оренбург и другие крепости.

Примерно с середины июля начали формироваться повстанческие отряды, во главе которых встали башкиры Тубелясской волости Сибирской дороги Байрас Енурусов, специально ездивший на встречу с Кильмяком Нурушевым, и Киргиз-Табынской волости той же дороги Юсуп батыр Арыков [*Материалы...* 1900. Т. II. С. 132-133; 139-140; *ГАОО.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 258-259, 271].

Около 3 августа повстанцы напали на продовольственный обоз из 1 084 крестьянских подвод, который был отправлен из Теченской слободы в Верхне-Яицк под охраной полроты сибирских драгун. Бой происходил у оз. Уклы-Карагай в 30 верстах от Верхне-Яицка. По данным повстанцев, они отбили «...телег с 30 и болыпи, побили 3 человек и взяли некоторое число лошадей» [*Материалы...* 1900. Т. II. С. 132, 134].

Одновременно восставшие готовились к захвату Верхне-Яицкой крепости. 5 августа они напали на солдат, рубивших лес вблизи крепости, и убили 15 чел. В тот же день башкиры отогнали 87 казенных лошадей *[ГАОО.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 291—294]. Затем они окружили Верхо-Яицк и держали его в осаде около месяца *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 73]. В крепости стало трудно с продовольствием. В этой обстановке серьезную поддержку гарнизону оказали верные башкиры из окрестных волостей Сибирской дороги, которые тайно привозили и продавали солдатам крупу. Есть сведения об участии некоторых из них в боях против повстанцев. Во время одного из сражений повстанцы ранили тархана Таймаса Шаимова *[Там же.* Л. 50]. По неполным данным, в этих акциях повстанцев участвовали жители Киргиз-Табынской, Телевской, Куваканской, Айлинской, Кудейской и Тубелясской волостей Сибирской, Кубелякской, Телевской и Табынской волостей Ногайской дорог. Общая численность отрядов восставших точно неизвестна. В своих показаниях сами повстанцы говорили, что в отряде, напавшем на обоз, было 400 чел., на крепость - 150 *[ГАОО.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 258; *Материалы...* 1900. Т. II. С. 132, 135, 141]. Эти цифры, по всей вероятности, несколько преуменьшены, ибо размах движения позволяет предполагать участие в нем более многочисленных отрядов.

Предводителями повстанцев источники называют Юсупа батыра Арыкова и Байраса Енурусова. Однако среди жителей Зауралья не было единства. Часть верных башкир заняла антиповстанческую позицию. Так, тархан Таймас Шаимов и его сторонники с самого начала организации Оренбургской экспедиции служили властям. На стороне местных властей оказались башкиры Салжиутской волости Ятимак Туйгунов, Баскан Байгильдин, Шумыш Маметев, Мякотинской волости Янгильде Бегишев, Катайской волости Кармыш Карабашев, Шуранской волости Рахмангул Кутанов, которые в июле—августе по первому требованию В.Н. Татищева, приехав в Екатеринск, дали подписку о своей верности и обязались бороться с повстанцами.

Волнения и восстание в Зауралье не были неожиданностью для властей, и они приняли срочные меры для подавления движения. Начальник уральских казенных заводов В.Н. Татищев за короткий срок укрепил пограничные заводы, крепости и слободы. Кроме того, он проделал значительную работу по мобилизации верных башкир.

20 сентября из Оренбурга в Верхне-Яицк прибыла команда полковника Тевкелева, состоявшая из 687 чел. регулярных и нерегулярных, в т. ч. 26 башкир, с 7 пушками *[ГАОО.* Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 239, 243]. Но, учитывая малочисленность команды, ее усталость в походе, падеж лошадей, нехватку продовольствия, а также необходимость срочной организации нового обоза из сибирских слобод в Оренбург, Тевкелев решил отложить карательную экспедицию против восставших до подходящего момента. Пока ограничился тем, что башкир, пришедших с повинной, стал отпускать, взяв с каждого человека по 1 лошади в виде штрафа *[Материалы...* 1900. Т. II. С. 129-131].

Одной из важных задач местных властей стала доставка закупленного в сибирских слободах хлеба в Оренбург, который с сентября испытывал продовольственные затруднения. Второй продовольственный обоз выступил из Теченской слободы 2 декабря 1735 г. Кроме хлеба, в нем везли военное снаряжение и другие инструменты, необходимые для Оренбурга. Охрану осуществлял конвой под командой майора Шкадера, состоящий из 3 рот солдат и драгун, 100 вооруженных чувашей, татар и русских крестьян. В состав охраны входило 40-50 верных башкир из Кара-Табынской, Айлинской, Кукзюрганской, Сынрянской и Терсятской волостей Сибирской дороги во главе с тарханом

Таймасом Шаимовым *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1525. Л. 25, 342].

Организация этого обоза ясно показала башкирам, что власти не отказались от планов, поставленных перед Оренбургской экспедицией, и они возобновили борьбу. На советах и собраниях башкиры приняли решение помешать доставке хлеба в новые города, а также начать борьбу с верными властям мишарями, татарами и башкирами.

22 декабря, когда продовольственный обоз находился в 60 верстах от Верхне-Яицка, на него напали повстанцы «...человек 1 ООО и болыпи» и остановили продвижение. Первые 3 дня охрана делала отчаянные усилия, чтобы вырваться из окружения и добраться до пристани. Однако эти усилия ни к чему не привели. В ходе боев окруженные, по неполным данным, потеряли 3 чел. убитыми, 11 ранеными, а также 100 лошадей. Вскоре они начали испытывать недостаток фуража *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 193,249, 250].

Для спасения обоза были направлены значительные силы. 4 января из Теченска вышел под командой полковника Арсеньева Сибирский драгунский полк из 507 драгун и 98 вооруженных крестьян. Несколькими днями позже из Бирска в Зауралье направилась команда полковника Тевкелева, состоящая из 6 рот солдат, 400 мишарей, 100 марийцев и чувашей - всего 1 068 чел., с легкой артиллерией *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1525. Л. 48; Кн. 1131. Л. 557]. Кроме того, по призыву Татищева обещали выступить против восставших 60 верных башкир во главе с Арыком Исенбаевым, Ахметом и Рахмангулом Зиямбетевыми *[Там же.* Ф. 248. Кн. 1525. Л. 24-24 об.].

Обострилась внутренняя борьба в волостях. Если верные башкиры пытались выполнить свои обещания, данные властям, то повстанцы не менее активно отстаивали свою линию. Знатный башкир Кущинской волости Рахмангул Зиямбетев со своим сыном Кузяшем, который впоследствии стал одним из ярых врагов восстания, собрал с разных волостей 40 чел., чтобы пойти на выручку обоза. Узнав об этом, повстанцы разогнали их. Однако верные башкиры продолжали антиповстанческие дела: перевозили почту властей, сообщали последним планы восставших *[Там же.* Л. 94].

Поход команды Арсеньева не остался тайной для восставших. 12 января, когда команда находилась в 15 верстах от осажденного обоза, они напали на нее и остановили продвижение. По одним данным, повстанцев было 1 000 чел., по другим - 1 500 *[Там же.* Л. 43]. Место для нападения на Арсеньева было выбрано очень удачно: команда шла по тесному проходу между высоких гор и не могла использовать свое главное преимущество — артиллерию. 13 января подошли основные силы повстанцев: 5 тыс. чел. во главе с Юсуп батыром Арыковым и Жиянбаем *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1133. Л. 224]. Вечером 13 января восставшие предъявили Арсеньеву ультиматум: если он со своей командой и продовольственным обозом пойдет обратно к сибирским слободам, то они выпустят их из окружения, в противном случае повстанцы грозили разбить их *[Там же.* Кн. 1525. Л. 44].

Положение команды Арсеньева было очень тяжелым: лишь за первый день сражения она потеряла 7 чел. убитыми, 40 - ранеными; окруженная со всех сторон, она не имела возможности двигаться ни вперед, ни назад *[Там же.* Л. 43 об.], но и долго оставаться на месте команда не могла ввиду недостатка фуража и продовольствия. В этой обстановке Арсеньев и его помощники вынуждены были принять требования восставших. О своем решении они известили начальника обоза Гладышева. Правда, последний категорически отказался следовать их примеру *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 212]. После отступления Сибирского драгунского полка восставшие основной удар вновь направили против обоза. Не имея возможности далее сопротивляться, 16 января Гладышев принял предложение башкир, и продовольственный обоз повернул обратно в сибирские слободы *[Там же.* Л. 217]. Повстанцы выполнили одну из важных тактических задач — оставили без продовольствия Верхне-Яицк и Оренбург, что позволило приступить к реализации основной задачи - ликвидации самих этих крепостей.

Вдохновленные этими успехами, повстанцы повели наступление на Верхне-Яицк. Уже в начале января его гарнизон испытывал недостаток продовольствия, и солдаты, несмотря на запрещение командира, меняли порох и патроны на съестные припасы у башкир. Были случаи бегства солдат к последним. Так, в середине января к ним перебежал солдат Степан Спрык. Получается, что повстанцы приняли и укрыли у себя солдата гарнизона, окруженного ими. Подобные факты очень важны. Они свидетельствуют о том, что даже во время восстания между башкирами и простыми русскими людьми не было той вражды, о которой писали дореволюционные историки.

В конце января 1736 г. крупный повстанческий отряд во главе с Юсупом Арыковым окружил Верхне-Яицк и вынудил гарнизон оставить крепость.

Были приняты специальные меры против тех, кто информировал местные власти о делах и наме-

рениях повстанцев, перевозил письма и распоряжения первых. В начале февраля башкир Бугушев извещал в этой связи Татищева: «...вор Юсуп на Кунгурскую, Екатеринскую и Уфимскую дороги разослал для караулу человек з 200, чтоб русских, башкирцов, ясашных татар и протчих, которые поедут с указами, ловить и письма у них отбирать и жечь, а их рубить» *[Там же.* Л. 251].

Как видно из приведенных материалов, развернувшееся движение носило массовый характер. Об этом же свидетельствуют неоднократные признания повстанцев на допросах, что к восстанию «...вся Сибирская дорога согласны», что «по согласию все башкирцы Сибирской дороги разоряют». Наряду с башкирами, в восстании определенное участие приняли и другие нерусские жители Зауралья. Татары Кунгурского уезда передавали сведения об обстановке в крепостях, служили проводниками повстанческих отрядов и входили в их состав.

Не позже середины января 1736 г. восставшие получили сведения о выступлении против них команды Тевкелева. Его жестокость в отношении к повстанцам была хорошо известна жителям Зауралья. Первой их реакцией была челобитная уфимским властям с просьбой отменить карательный поход. Ее подписали 17 представителей 10 волостей Сибирской дороги *[Там же.* Л. 219-221]. Среди них были Юлдаш мулла Суярембетев из Кудейской, Бепеня мулла Торопбердин из Кувакановской волостей, которые впоследствии играли важную роль в движении. В челобитной их подписи стоят на первом месте. Пока они занимали достаточно пассивную позицию, еще надеялись, по-видимому, на уступки властей. Кстати, в челобитной нет подписи предводителя повстанцев — Юсупа батыра Арыкова. Поэтому можно предположить, что челобитная эта была делом рук не повстанцев, а тех башкир, которые хотя и были недовольны организацией Экспедиции, но еще не включились в борьбу.

Более существенной была деятельность повстанцев по организации населения для сопротивления Тевкелеву. Они сумели сформировать крупные отряды. Пленный повстанец башкир Айлинской волости Минликаев говорил на допросе, что в Кущинской волости восставших «...было в собрании тысяч с 6... а хотели иттить против полковника Тевкелева и в свои башкирские улусы ево не пропустить» *[Там же.* Л. 257]. Вести о боевом настроении повстанцев власти получали и через верных мишарей и татар *[Там же.* JL 247, 249].

Во главе повстанческих отрядов стояли батыр Юсуп Арыков и Тюлькучура Алдагулов, башкир Кыр-Кудейской волости. Был составлен план разгрома команды Тевкелева вблизи р. Ай, на стыке Балыкчинской и Мурзаларской волостей, где дорога пролегала по узким проходам между высоких гор, покрытых лесом. В операции должны были участвовать и жители этих волостей *[Там же.* Л. 223—224]. Однако намерению повстанцев не суждено было осуществиться. 19 января команда Тевкелева достигла д. Сеянтусы Балыкчинской волости. Карателям случайно удалось узнать о намерении восставших, о причастности жителей деревни к предполагаемой операции. Тевкелев осуществил дикую расправу над населением. «Видя тех деревенских жителей явное возмущение, - доносил Тевкелев Румянцеву, — показанной деревни жителей... на страх другим бунтующим ворам и чтоб от них, ежели их далее удерживать, болыпаго вреду не воспоследовало, з женами и з детьми, окроме тех, которые заранее в леса разбежались от команды, переколоты и деревню их велено выжечь до подошвы» *[Там же.* Л. 228].

Другой очевидец событий П.И. Рычков следующим образом описывает эту жестокость карателей: «...близ 1 ООО человек с женами и детьми их в этой деревне перестрелено и от драгун штыками, а от верных башкирцев и мещеряков копьями переколото; сверх того, 105 человек собраны были в один амбар и тут огнем сожжены. Понеже все сие ночью случилось, и деревня вся зажжена была, то от великого их вопля и оружейной стрельбы самое ужасное было тогда позорище» *[Рычков,* 1896. С. 20]. Он был поражен мужеством башкир, которые находясь в горящем амбаре, продолжали сопротивляться: «...причем всего удивительнее, что многие из тех воров, будучи в огне имевшихся в амбаре копья со многими хульными и бранными словами на стоящих тут драгун выбрасывали и нескольких тем поранили» *[Там же].*

Весть об этом злодеянии Тевкелева вызвала всеобщее возмущение в крае. На подобные зверские поступки восставшие ответили массовыми операциями против регулярных царских команд и верных башкир, мишарей и других. Борьба башкир приобрела ожесточенный характер.

Тевкелев вынужден был отказаться от попыток прорваться в Зауралье, о чем он 27 января известил главного командира. Это было по существу признанием своего бессилия бороться с основными силами повстанцев. Донесение завершалось просьбой прислать дополнительные силы *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 229]. Не сумев продвинуться вперед, Тевкелев начал срывать зло на жителях близлежащих волостей, расправляясь со всем населением, не разбирая ни возраста, ни пола. В своих донесениях

Тевкелев откровенно признавался, что делает все, чтобы запугать повстанцев: «...пошли для искоренения и выискивания воров в реченную Балыкчинскую волость, и с чего может и то воспоследствовать, что, оные с ворами Юсупом и Тюлькучурой бунтующия согласными, могут притить в страх и в разделение, ибо принуждены будут своих жен и детей охранять, а не соединенно воровать» [*Там же*\. Около 15—20 февраля в помощь к Тевкелеву подошел полковник Мартаков с командой, состоящей из 4 драгунских рот. Они приняли также активное участие в расправе с башкирами *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. JL 579]. В результате карательных акций команд Тевкелева и Мартакова в Балыкчинской, Унларской, Кыр-Таныпской и других волостях Сибирской и Осинской дорог был разорен и сожжен 51 аул, убито 2 тыс. взрослых и детей *[Там же.* Л. 640—641; *Рычков,* 1896. С. 20].

Но карателям не удалось запугать повстанцев. Наоборот, весть о злодеяниях подняла и те аулы, жители которых до сих пор еще колебались. Восставшие действовали 2 крупными отрядами. Одни во главе с Юсупом Арыковым «...в 3-х тысячах пошли на полковника Тевкелева», а Тюлькучура Алдагулов с другой частью повстанцев направился в район г. Уфы *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 264]. Юсуп следовал за командой Тевкелева, которая из Сибирской дороги отступала в пределы Осинской дороги. Восставшие перешли рр. Ай и Сим и разорили мишарские деревни. Около д. Богдан Кощи они уничтожили драгунскую роту во главе с поручиком. Кроме того, состоялся ряд ожесточенных боев с командами, посланными Тевкелевым *[Там же.* Л. 259; *Рычков,* 1896. С. 20].

Не менее крупные столкновения происходили вблизи Уфы, где действовало около 4 ООО восставших под предводительством Тюлькучуры. 10 февраля в 30-40 верстах от города они разорили аулы верных татар и мари. Ставка восставших находилась в д. Кубово, в 47 верстах от Уфы. 14 февраля Тюлькучура в ожесточенном бою разбил команду, состоящую из 450 солдат, дворян и казаков, перебив при этом свыше 100, по словам Рьгчкова, «лучших из уфимских дворян и казаков» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 262-263; *Рычков,* 1896. С. 21].

После этого успеха восставшие еще более расширили свои действия. Как пишет Рычков, «...воры к наибольшим там злодействам ободрились и премногие пакости около Уфы делали» *[Рычков,* 1896. С. 21].

Румянцев добивался, чтобы регулярные команды Тевкелева, Мартакова, Арсеньева, а также отряды служилых людей и крестьян сибирских слобод, действуя одновременно, подавили восстание. Он предложил Татищеву действовать совместо с этими силами и обратился с письмом к Сибирскому губернатору, чтобы он «чинил тем командам вспоможение» *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 579]. Однакоиэтот план быстрого подавления восстания оказался нереальным. Поскольку Тевкелев не сумел прорваться в Зауралье, то общее руководство войсками по подавлению восстания Румянцев возложил с 1 февраля на В.Н. Татищева *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 232].

Опасаясь возобновления восстания в европейской части Башкортостана, Румянцев со специальным воззванием обратился к башкирам Казанской и Ногайской дорог, призывая их к сохранению спокойствия. В противном случае он грозил им жестокими карами *[Там же.* Л. 233]. Не менее важным было решение более шире привлекать к борьбе с восстанием население Среднего Поволжья и Урала. А.И. Румянцев как губернатор Казанской губернии 1 февраля повелел мобилизовать казанских, свияжских и симбирских дворян, которые должны были явиться со своими крестьянами, а также служилых татар Казанского уезда. К походу обязали готовиться государственных и дворцовых русских и нерусских крестьян губернии. Наконец, главный командир обратился в Кабинет с просьбой выделить еще 2—3 регулярных полка *[Там же.* Л. 232].

Необходимо отметить, что постепенно начало меняться отношение генерала Румянцева к формам и методам борьбы с восстанием. Если осенью 1735 г. он был сторонником успокоения повстанцев мирными средствами, то сейчас склонялся к подавлению восстания силой. Кроме того, он не только одобрил жестокость Тевкелева, но и рекомендовал другим командирам следовать его примеру *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1525. Л. 101; Кн. 1131. Л. 620].

Для реализации намеченных планов требовалось значительное время. Поэтому в феврале они не успели проявиться на деле. Во второй половине февраля повстанцы сами приостановили свои действия.

Вождем восставших башкир Зауралья источники единодушно называют батыра Юсупа Арыкова, жителя Киргиз-Табынской волости. Появившись в документах как один из организаторов сопротивления еще в августе 1735 г., он фигурирует в них в течение последующего периода как главный предводитель восставших. В начале движения как активного организатора восстания, наряду с Юсупом Арыковым, источники выделяют Байраса Енурусова из Тубелясской волости. Но в декабрьских

материалах и далее о нем известий нет. Начиная с декабря, в качестве одного из главных вожаков народной борьбы выдвигается мощная фигура Тюлькучуры Алдагулова из Кыр-Кудейской волости, который занял такое же важное место в движении, как и Юсуп Арыков. Затем можно назвать также Аипа из Кущинской волости.

Восставшие добились крупных успехов в борьбе с регулярными командами. Они по существу очистили территорию башкирских волостей Сибирской дороги от карательных отрядов. В течение всего описанного периода инициатива находилась в их руках. Все это выгодно отличает восстание в Зауралье от действий повстанцев европейской части Башкортостана, где их успехи были более скромными. Власти не сумели подавить движение. Повстанцы Зауралья выступали одновременно и против феодального государства и господствующего класса дворянства, и против башкирской, мишарской и татарской феодальной верхушки, которая служила властям. Восстание не было направлено против того или иного народа, оно было выступлением против феодально-колониальных порядков и их защитников.

Когда началось широкое движение в Зауралье, власти забеспокоились, не имеют ли повстанцы связей с соседними народами и государствами, не вызвано ли оно происками внешних сил, «не хотят ли они совсем отложиться от российской власти и каким порядком». Так, пленным повстанцам Шигировской волости Б. Кулышеву и Е. Апакаеву в Екатеринске в присутствии советника А.Ф. Хрущева были заданы все эти вопросы. Б. Кулышев ответил, что восстание подняли Юсуп батыр, Тюлькучура и Аип, что с ними согласна вся Сибирская дорога, что «...по вырубке чуваш, мещеряков и черемис хотели быть по-прежнему в подданстве и дать аманатов и ясак платить» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. J1. 237-238]. Следователи допытывались, кто с ними «...в согласии посторонние, яко кубанские и крымские татара или Казачья орда и Каракалпаки и от их собрания не посылыван кто к оным, не прислан ли к ним от оных и где ныне, или присылают письма и через кого». Пленный сказал, что «...оных орд никаких в согласии не было, никто не посылыван, писем не было, только в том во всем заводчики одни они с Юсуп с товарыщи» *[Там же]*. Второй повстанец дал аналогичные ответы. Допрошенный 16 марта заложник от Сызгинской волости Аднагильде Давлетов на подобные вопросы отвечал, что от них «...в Киргиз-Кайсацкую или в Кара-Калпаки никто для подзыва в общее согласие не ходил, и оттуда тоже никого не было» *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 301]. Итак, эти материалы вполне согласуются с общим выводом, что восстание было борьбой башкирского народа против социальной и национальной несправедливости, а не инспирировано внешними врагами России.

Во второй половине января 1736 г. правительство узнало о начале массового движения в Зауральском Башкортостане. Возобновление восстания в крае умело было использовано находящимся в это время в столице И.К. Кириловым, чтобы убедить Кабинет в том, что единственно верным решением башкирского вопроса является военное подавление недовольных, что уступка ведет к продолжению сопротивления башкир. Составленный И.К. Кириловым и одобренный главным командиром А.И. Румянцевым проект подавления башкирского восстания и дальнейших мероприятий по Оренбургской экспедиции «Покорнейшее рассуждение к рассмотрению...» лег в основу именного указа Анны Ивановны от 11 февраля 1736 г. *[Полное...* 1830. Т. IX. № 6890].

В указе уделено большое внимание подавлению восстания и наказанию его участников. Но главное его назначение заключалось в том, чтобы не допустить восстаний в Башкортостане в будущем, ликвидировать условия, позволявшие башкирам сопротивляться политике царизма. Для достижения этой задачи предусматривалась целая серия мероприятий военного, политического и экономического характера, означавших официальный отказ от условий, на которых башкиры вошли в состав России. Необходимо особо подчеркнуть, что указ открыл дорогу для «законного» перехода башкирских земель в руки дворянства и других представителей господствующего класса страны и провозгласил линию на ослабление башкирского народа путем уменьшения его численности и широкой колонизации Башкортостана. Если организация Оренбургской экспедиции означала фактическое нарушение условий присоединения Башкортостана к Русскому государству, то этот указ явился официальным оформлением этой новой, открыто колониальной политики.

Ободренный принятием этого указа, Кирилов 13 февраля обратился в Кабинет с донесением, где изложил свои соображения по борьбе с восстанием. Это донесение легло в основу указа от 16 февраля 1736 г. В нем правительство официально провозгласило курс на самое жестокое подавление восстания и наказание повстанцев. В соответствии с указом свыше 22 тыс. регулярных и нерегулярных военных людей и вооруженных крестьян должны были в марте-апреле 1736 г. со всех сторон обрушиться на

восставших и расправиться с ними [*Материалы...* 1900. Т. II. С. 199].

27 февраля 1736 г. возвращающийся из столицы Кирилов в Елабуге встретился с Румянцевым, и в течение недели они на основе указа от 16 февраля совместно разработали конкретный план разгрома восстания. Румянцев и Кирилов должны были руководить подавлением движения на территории Ногайской и Казанской, Тевкелев и Мартаков - Осинской, Татищев, Арсеньев и Толбузин - Сибирской дорог. Попавшие в плен предводители восставших подлежали казни, рядовые участники -отправлению в ссылку или на службу в остзейские полки, их жены и дети — либо в ссылку, либо в раздачу желающим офицерам и гражданским чиновникам с условием поселения в центральных русских городах и уездах. Жилища и аулы сжигались, имущество и скот повстанцев отбирались в пользу казны и участников похода *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 39. Л. 282-283].

Большую активность и оперативность в реализации намеченных планов проявил В.Н. Татищев, который первым выступил в поход. Подготовку к нему он начал еще в феврале. В помощь регулярным командам он широко привлек отряды «вольницы», которые шли в поход главным образом из-за добычи и пленных. В начале марта отряды «вольницы» вторглись в волости Сибирской дороги. Они начали расправляться со всеми подряд, не разбирая ни повстанцев, ни верных башкир. Основной ударной силой Татищева являлась команда полковников Арсеньева и Толбузина. Она состояла из 2 ООО солдат и драгун, тобольских и тюменских дворян, а также 1 200 вооруженных крестьян сибирских слобод. Команда выступила из Теченской слободы 13 марта к оз. Чебаркуль. Основав там крепость под тем же названием, также с боями она вернулась 8 мая на свою базу. В ходе только этой карательной операции, по неполным данным, было убито 384 повстанца, взято в плен 162 чел., отогнано или переколото 1 247 лошадей, 850 голов крупного рогатого скота, сожжено 90 деревень *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 315-326].

Поход команды Кирилова в центральную часть Ногайской дороги продолжался с 24 марта по 20 мая. На юге этой дороги свирепствовал объединенный отряд яицких казаков и драгун под общей командой майора Останкова. В итоге 1 658 башкирских повстанцев было убито, 360 - взято в плен, разорено и сожжено 313 башкирских деревень *[Там же.* Л. 353, 422].

С повстанцами Казанской и Ногайской дорог, находившимися в бассейне р. Демы, расправлялся генерал Румянцев со своими полками. По его донесениям, было убито 1 000 башкир - взрослых и детей, сожжено около 100 деревень *[Там же.* Л. 333].

Всего в результате комбинированного похода карателей с марта по май восставшие потеряли убитыми 3 042 чел., не считая жертв, понесенных от отрядов «вольницы». Велик был и материальный урон. Каратели сожгли 503 деревни, отогнали и закололи только на Сибирской и Казанской дорогах свыше 3 200 лошадей, 1 000 коров, около 1 500 овец. Цифр о материальном уроне по Ногайской и Осинской дорогам в источниках не обнаружено.

Подобную жестокость башкиры испытали впервые со времени присоединения к России. Она стала тяжелым ударом по восстанию. Тем не менее, как показало будущее, каратели своих целей не достигли.

Румянцев, Кирилов и Татищев были уверены, что основное дело по подавлению движения сделано, башкиры разбиты и деморализованы, об этом они информировали правительство *[Там же]* и приступили к реорганизации управления краем в соответствии с указом от 11 февраля 1736 г. Из многочисленных аспектов указа первоочередными были признаны следующие: обезоружение башкир и усиление контроля над их повседневной жизнью путем определения в волости старшин вместо прежних старост; укрепление существующих и основание новых крепостей в различных районах Башкортостана, увеличение военных сил в крае; усиление колонизации края и противопоставление пришлого населения коренным жителям; реализация положения о свободной продаже башкирских земель дворянам, офицерам и служилым мишарям *[Там же.* Л. 336, 355, 373].

Однако этим решениям на этот раз не суждено было осуществиться: друг за другом вновь поднялись на борьбу башкиры всех 4 дорог, и этим они спутали карты карателей.

Рассмотрим ход восстания по основным районам. Первым возобновилось движение в Зауральском Башкортостане.

Массовое выступление башкир Сибирской дороги началось во второй половине апреля. В конце апреля - первой половине мая восставшие, создавая небольшие отряды из 5—50 чел., стали нападать на русские и мишарские деревни вблизи Катайского и Окуневского острогов, Барневской и Пещанской слобод и Долматовского монастыря, отгонять лошадей. В отдельных случаях они разоряли деревни, расправлялись с жителями, уводили их в плен.

Примерно с середины мая 1736 г. восставшие начали выступать более крупными отрядами. Последние действовали в обширном районе бассейнов рр. Исеть, Миасс и Теча. Временами они доходили до окрестностей Царева Городища на р. Тобол. Повстанцы штурмовали слободы, остроги и заводы, разоряли села и деревни вокруг них, угоняли скот. Так, в указанное время их нападению и приступу подверглись Утяцкая и Крутихинская слободы, Окуневский острог, Полевский завод и др. *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 135. Л. 573-573 об.; *РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 63. Л. 111-111 об., 130-130 *од.; НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 375, 396, 397].

Это массовое движение продолжалось до второй половины июня. В нем участвовало большинство башкир. Но были и верные башкиры. В.Н. Татищев говорил, что «лучшие» башкиры, «особливо богатые, а паче старики «умные» к восстанию не пристали «разве по нужде в обсчестве находились» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 583].

Во главе движения по-прежнему стоял батыр Юсуп Арыков. Предводителями повстанцев близких к сибирским слободам волостей были Кутукай батыр, Исянгул Мамбетев, Сабан Севергулов и др. В качестве командиров отрядов также известны Карашай бай, Кинзекей бай, батыр Аккужа, батыр Кутлугужа.

В середине июня крупные силы повстанцев действовали вблизи Осы и доходили до владений Строгановых. Они разгромили «осинских обывателей, человек с 800 с ружьем» и заставили отступить с потерями отряд «вольницы», состоящий из 1 500 крестьян. Пригород Оса оказался в осаде *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 616]. На северо-западной окраине Сибирской и Осинской дорог борьба также продолжалась. В середине июня отряд Тюлькучуры около новой крепости Красный Яр нанес поражение команде полковника Мартакова, который в бою был ранен.

Как же власти Зауралья боролись с башкирскими повстанцами? Основные силы Сибирского драгунского полка были по частям размещены по слободам и острогам для их защиты. Территория заводского ведомства охранялась несколькими ротами солдат и служителями заводов, а также вооруженными крестьянами приписанных слобод. Однако они оказались не в состоянии противостоять напору повстанцев. Тогда Татищев принял решение организовать поход в башкирские волости, «чтоб именем е.и.в. и разглашением великого войска их в страх и покорность привести» *[Там же.* Л. 560-561].

Команда Татищева состояла из 278 офицеров и солдат, 1 200 заводских крестьян, 200 мишарей, татар и марийцев, всего 1 678 чел. При команде было 7 пушек. 13 июня Татищев выступил из Екатеринбурга и 25 июня остановился у оз. Кызылташ, т. к. идти дальше в глубь башкирских волостей было опасно *[Там же.* Л. 563-564]. Отсюда Татищев разослал свое обращение к повстанцам с призывом придти с повинной. Повстанцы должны были возвратить захваченное ими казенное и частное имущество и, лично явившись в команду или крепость, дать присягу верности. После таких актов он обещал принять общую челобитную для рассмотрения [*Там же.* Л. 406—409].

Повстанцев не устраивало требование личной явки в команды для присяги. Они считали, что это станет ловушкой, чтобы задержать наиболее активных из них. Тем не менее деятельность властей принесла определенные плоды: восставшие прекратили активные действия, начали переговоры. После некоторого колебания часть повстанцев приняла условия Татищева. В июле-августе к нему пришли с повинной 1 399 чел. во главе с Кутукай батыром *[Там же.* Л. 636]. В основном это были жители ближних к сибирским слободам волостей. Они прежде всего опасались, как бы власти не направили против них карательные отряды. Кроме того, они, по-видимому, полагали, что после принесения повинной власти примут к рассмотрению их челобитную. Однако большинство восставших Зауралья пока отказывалось принести повинную на условиях Татищева.

Находясь в лагере около оз. Кызылташ, Татищев и его помощники принимали меры по усилению позиций правительства в Зауралье. Особое внимание обращалось на строительство крепостей (были возведены 2 новые крепости), увеличение военных сил в крае, усиление контроля над повседневной жизнью башкир путем введения института старшин в волостях.

К осени в башкирских волостях начался голод. Этим умело воспользовался Татищев. Он обещал повстанцам разрешить купить хлеб в русских селениях, если они придут с повинной. Тогда новая значительная группа восставших была вынуждена принести повинную. В сентябре — начале октября принесли присягу верности 1 860 чел., в т. ч. предводители движения Юсуп Арыков и Сабан Севергулов. Юсуп и Сабан были взяты под караул *[Там же.* Л. 652].

Но часть восставших по-прежнему отказывалась принести повинную. Это — в первую очередь жители Кудейской, Айлинской, Дуванской, Туркменской, Мурзаларской, Тубеляцкой и других дальних волостей Сибирской дороги, которые действовали

под предводительством Тюлькучуры Алдагулова. Кроме того, не хотели повиноваться властям многие повстанцы, которые сражались в отряде Юсупа Арыкова. В частности, не пришли с повинной башкиры Куваканской и других волостей во главе с Бепеней абызом Торопбердиным *[Там же.* Л. 650—651]. Во второй половине сентября эти повстанцы возобновили борьбу.

На совете, который состоялся в середине ноября 1736 г., Татищев и его помощники еще раз обсудили обстановку в крае. Было принято решение весной следующего года организовать поход против восставших, не принесших повинную. Кроме того, было признано необходимым усилить позиции властей в крае путем увеличения числа крепостей и военных сил, принять специальные меры, направленные на сохранение враждебных отношений между повстанцами и верными мишарями, в особенности *[Там же.* Л. 675, 680, 685-687].

Вслед за башкирами Зауралья взялись за оружие и жители европейской части Башкортостана, хотя в ходе карательных экспедиций они понесли тяжелые потери. Одной из первых акций повстанцев Ногайской дороги было нападение на обоз, отправленный ранней весной 1736 г. из Табынска в Оренбург. В мае, узнав, что Кирилов с командой намеревается идти из Уфы в Оренбург, восставшие решили помешать этому походу. В первой половине июня в Юрматынской волости собралось множество восставших. По признанию Кильмяка Нурушева, возглавлявшего данный сход, на нем было около 8 тыс. чел. *[Там же.* Л. 840]. В это время генерал Румянцев направил к Кильмяку Султанмурата Дюскеева, одного из содержащихся у него в заложниках «лучших» башкир, с требованием явиться с повинной. Приезд Султанмурата с предложением генерала вызвал возмущение повстанцев. Они отвергли мысль о принесении повинной и приняли решение внезапно напасть на лагерь Румянцева и освободить содержащихся под караулом активных участников движения во главе с Акаем Кусюмовым *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1183. Л. 195-195 об.].

Во второй половине июня восставшие во главе с Кильмяком скрытно перебрались в пределы Казанской дороги, в бассейн р. Ик, где со своей двухтысячной командой находился главный командир. Ночью 29 июня, когда команда справляла праздник Святых апостолов Петра и Павла, восставшие напали на нее. Карателипотеряли убитыми 180 чел., ранеными — свыше 60 *[Рычков,* 1896. С. 24]. Восставшим не удалось разгромить войско главного командира и освободить Акая и других арестованных повстанцев. Однако их смелое нападение, которое, несомненно, является одной из самых крупных операций в движении 1736 г., подняло их боевой дух. Оно стало как бы сигналом к развертыванию массовой борьбы во всей европейской части Башкортостана.

Но восставшие и их предводители понимали, что продолжать борьбу становится все труднее, чем дальше, тем яснее чувствовалось неравенство сил. К тому же власти не шли ни на какие уступки. В этой обстановке повстанцы для продолжения сопротивления пытались найти союзников и обратили взоры к своим южным соседям - казахам. После сражения с командой Румянцева они послали своих депутатов к казахам Среднего жуза. Однако казахи не только отказались поддержать башкир, но и через некоторое время внезапно напали на Ногайскую дорогу, нанесли жителям южного Башкортостана серьезный урон *[Там же.* Л. 842]. С самого начала восстания Кирилов и другие командиры имели тесные связи с ханами Младшего и Среднего жузов, натравливали их на башкир, не жалея при этом ни подарков, ни обещаний. Проявлением подобной политики и было это нападение на повстанцев Ногайской дороги.

После нападения Кильмяка на его лагерь Румянцев с командой вернулся в Мензелинск, но отряды действовали в разных районах Казанской дороги. Так, сильная команда подполковника Есипова подавляла восстание в бассейне р. Ик. Однако каратели ощутимых успехов здесь не добились. Башкирские конники летом для солдат и драгун были неуловимы. Не изменил положение и поход самого генерала в волости Казанской дороги, совершенный в августе *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 466]. Главный командир пришел к выводу, что имеющихся у него сил недостаточно для подавления движения, и он неоднократно обращался к правительству за помощью. Так, 20 июля Румянцев просил дополнительно направить в Башкортостан
3 драгунских полка и команды нерегулярных войск *[Там же].*

Наряду с организацией карательных походов Кирилов уделял большое внимание укреплению существующих и строительству новых крепостей в Башкортостане. Летом 1736 г. по его распоряжению на территории Ногайской дороги было основано 6 крепостей *[Рычков,* 1896. С. 25-26; *РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 863-865]. Кирилов стал использовать и мирные средства для прекращения движения. Известно, что в мае он направил верного башкира к жителям Демских волостей. По его приказанию уфимский дворянин Калтыманов в июле с увещеваниями побывал в ряде волостей Ногайской дороги,

позже - Сибирской дороги *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 865; *НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 40. Л. 355,458].

Командиры систематически извещали правительство о ходе подавления движения, все свои серьезные мероприятия согласовывали с ним. В свою очередь, центр давал большую свободу действий командирам, одобрял их предложения и удовлетворял просьбы. После нападения башкир на лагерь Румянцева указом от 6 августа правительство направило против восставших дополнительные военные силы, в т. ч. астраханский гарнизонный драгунский полк. 27 сентября оно приняло решение отправить еще 2 драгунских полка *[Материалы...* 1900. Т. II. С. 253-254]. В том же указе правительство, выражая свое отношение к формам и методам борьбы с повстанцами, еще раз одобрило жестокое военное подавление восстания *[Там же]*.

Военные и другие мероприятия властей, голод, начавшийся вследствие уничтожения карателями скота, привели к прекращению восстания на территории Казанской и Ногайской дорог. Во второй половине августа башкиры стали приносить повинные. К началу сентября пришли с повинной 2 403 чел. об. п. *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 924]. Однако покорились не все. На Казанской дороге повстанцы группировались вокруг Султанмурата Дюскеева и Абдуллы Акаева, сына Акая Кусюмова. Отдельные отряды действовали в верховьях рр. Кинель и Ток *[Там же.* Л. 819 об.]. В волостях Ногайской дороги на условиях властей отказывалась принести повинную значительная часть восставших во главе с Кильмяком. Они настаивали, чтобы восставшие были прощены без взимания штрафных лошадей и их личной явки для присяги в воинские команды *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 759].

В это время произошла смена главного командира. Указом Кабинета от 13 июля генерал Румянцев был назначен в действующую армию на Украину, а на его место был определен бригадир и майор гвардии М.С. Хрущев. Последний прибыл в Мензелинск 5 сентября и принял дела у Румянцева, который 12 сентября отправился через Казань к месту нового назначения *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 701, 838, 839].

Когда башкиры узнали о приезде нового командира, у них появилась надежда, что он пойдет на уступки. Главный предводитель повстанцев Кильмяк в середине сентября обратился к нему с просьбой отозвать карательные команды *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1131. Л. 914 об.]. В конце месяца Кильмяк и Султанмурат от имени повстанцев Ногайской и Казанской дорог направили Хрущеву новое письмо, в котором добивались прощения их по-старому, без уплаты штрафных лошадей и личной явки в команды *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 665]. Однако их надежды не оправдались. Повстанцы очень быстро убедились, что новый командир повел еще более жесткую линию.

В этой обстановке меняется поведение повстанцев. Среди них усилилось настроение продолжать борьбу. Это хорошо видно из челобитной восставших, составленной в первой половине декабря 1736 г. В ней они еще раз выразили свое отрицательное отношение к мероприятиям Оренбургской экспедиции, строительству в крае крепостей и церквей, жестокости царских команд и к новым условиям принесения повинной. Башкиры заявляли о решимости продолжать сопротивление до тех пор, пока об их тяжелом положении, нарушении их прав не узнает сама императрица. Письмо подписали 53 представителя башкир от 17 волостей Ногайской и 4 волостей Казанской дорог *[Там же.* Л. 764].

Правительство требовало от Хрущева и Кирилова быстрого и окончательного подавления восстания. Оно предложило им выработать меры по выполнению поставленной задачи. При этом правительство подсказало основную линию действий: делать упор на военный разгром повстанцев *[Материалы...* 1900. Т. II. С. 279].

Во второй половине декабря 1736 г. в Мензелинске состоялось совещание бригадира Хрущева и статского советника Кирилова. Командиры решили организовать весной 1737 г. поход против башкир дальних волостей Ногайской и Сибирской дорог, которые отказались принести повинную. В этой карательной экспедиции должны были участвовать все имеющиеся в крае военные силы - регулярные и ландмилицкие полки, казаки и мобилизованные крестьяне, всего свыше 18 тыс. чел. Кроме непосредственной задачи подавления не принесших повинную повстанцев, намеченный поход призван быт навсегда отбить у башкирских масс охоту поднимать восстания *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1164. Л. 3-12]. Решение Мензелинского совещания было одобрено правительством *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 865].

С самого начала борьбы с восстанием власти уделяли особое внимание поимке предводителей, считая, что если те будут пойманы, то это наверняка приведет к прекращению движения.

Большие усилия прилагали командиры, чтобы поймать Кильмяка Нурушева. В конце 1736 г. главный командир даже намеревался направить для его поимки в Юрматынскую волость Нижегородский пехотный батальон. Власти поручили «лучшим»

башкирам во главе с тарханом Кидрясом Муллакаевым и Аиткулом Илимбетовым добиться прихода Кильмяка с повинной. В начале 1737 г. они поехали к нему и пробыли там около месяца. В итоге 5 февраля 1737 г. Кильмяк Нурушев был доставлен в Табынск *[Там же.* Л. 874, 876, 887]. Так Кильмяк оказался в руках властей. Не совсем ясно, почему он пошел на этот шаг. Возможно, понимая неравенство сил, считал, что единственным выходом из создавшегося тяжелого положения является принесение повинной, а затем добиваться уступок от властей путем подачи челобитных. Не исключен и вариант, что Кильмяк, узнав о решениях Мензелинского совещания, пошел на принесение повинной, чтобы предотвратить карательную экспедицию. Независимо от мотивов, приход одного из предводителей восстания с повинной был серьезным успехом командиров, и в соответствии с указами Кабинета они решили казнить пойманных вожаков движения.

28 февраля 1737 г. В.Н. Татищев осуществил казнь нескольких предводителей: Сабан Севергулов был колесован, Бокшурга Назаров четвертован, Исянгул Мамбетев обезглавлен *[Там же.* Л. 871—873]. Не менее ужасную казнь замыслил бригадир Хрущев для 8 предводителей, в том числе Кильмяка и Акая. Но в связи с новым назначением и отъездом не успел их казнить *[РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1164. Л. 228 об.; *НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 43. Л. 828]. Итак, многие из видных вожаков восстания оказались в руках властей. Часть их была казнена. Но эти казни, как показало будущее, не оправдали надежд карателей.

ВОССТАНИЕ 1737-1738 гг.

Весной 1737 г. в Башкортостане началось новое восстание. Оно было вызвано прежде всего недовольством башкир курсом правительства, начатым в середине 30-х гг. в крае, мероприятиями Оренбургской экспедиции. Но были и новые причины. К вооруженному сопротивлению их толкало жестокое подавление предыдущего восстания, тяжелые условия принесения повинной участниками движения, а также начавшаяся передача части их земель в постоянное пользование крестьянам — переселенцам из центральных уездов и Среднего Поволжья.

Необходимо подчеркнуть, что обстановка в крае для нового выступления была неблагоприятной. Башкирские повстанцы в ходе борьбы потеряли, по неполным данным, убитыми в боях, казненными, сосланными на каторгу, розданными для поселения в центральных уездах свыше 15 тыс. чел. взрослых и детей *[Акманов,* 1991. С. 123]. Было сожжено и разорено около тысячи башкирских аулов, отобраны или уничтожены десятки тысяч голов различного скота, растоптаны посевы. Население голодало. Край был наводнен военными силами. Под командой начальников Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова, Башкирской комиссии Л.Я. Соймонова, уральских казенных заводов В.Н. Татищева, уфимского воеводы С.В. Шемякина в марте 1737 г. в старых и новых городах, крепостях и других населенных пунктах Башкортостана стояли наготове 17 600 регулярных и нерегулярных солдат, драгун, казаков. Кроме того, существовал план быстрого формирования дополнительных сил, «...ежели паче чаяния нужда востребует», состоящей из 4 500 чел. уфимских мишарей, казанских мурз и служилых татар, русских и нерусских крестьян-переселенцев Уфимского уезда *[Материалы...* 2002. Т. VI. С. 387—390]. К тому же не было единства среди самих башкир. Раскол, имевший место во время предыдущего народного движения, сохранялся, хотя подавляющее большинство башкир оставалось сторонниками продолжения восстания.

Несмотря на такую ситуацию, башкиры начали новое восстание. Как объяснить, что при таком явном неравенстве в соотношении сил башкиры вопреки, казалось, логике вновь взяли в руки оружие? Чтобы получить ответ на поставленный вопрос, надо выяснить, какая конкретная обстановка сложилась в крае в конце 1736 - начале 1737 г.

Осенью 1736 г. восстание прекратилось. Акай Кусюмов, Юсуп Арыков и некоторые другие предводители оказались в руках властей. Правда, один из главных вождей восстания Кильмяк Нурушев, а также большинство предводителей восставших Ногайской и Сибирской дорог еще не пришли с повинной, хотя обещали это сделать. На всей территории края продолжалась реализация основных мероприятий Экспедиции, строительство крепостей в частности. Специальные команды разъезжали по башкирским волостям, «выбивая» с бывших повстанцев штрафных лошадей, а также «военные трофеи» повстанцев, т. е. захваченные в ходе боев оружие и другое имущество казны. Отряды «вольницы», верных мишарей и башкир сплошь и рядом допускали произвол и насилия относительно башкир.

По призыву властей бывшие повстанцы продолжали приносить повинные. Они должны были лично являться в крепости для присяги в верности правительству и привести с собой лошадь, годную для драгунской службы. У башкир лошади были

низкорослые, они не годились для кавалерии. Надо было покупать по дорогой цене лошадь или заплатить казне деньги. Кроме того, наиболее активных повстанцев, особенно предводителей, в крепостях арестовывали и наказывали. Поэтому многие башкиры отказывались являться в крепости. Принесение повинной шло медленно.

Когда на место генерала А.И. Румянцева в июле 1736 г. назначили бригадира М.С. Хрущева, у башкир появилась надежда, что новый главный командир пойдет им на уступки. Не случайно в середине сентября 1736 г., через неделю после приезда Хрущева в Мензелинск, в ставку Башкирской комиссии, предводитель восставших Ногайской дороги Кильмяк Нурушев обратился к нему с письмом, где выражалась просьба прекратить карательные операции. В конце сентября Кильмяк и Султанмурат Дюскеев от имени восставших Ногайской и Казанской дорог обратились к Хрущеву с новым прошением не требовать с повстанцев штрафных лошадей и личной явки в крепости с повинной *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 17. Д. 1131. Л. 701, 838, 839, 914].

Однако надежды башкир не оправдались. Хрущев показал себя жестоким командиром, активизировал карательные акции против восставших. Он, в частности, приказал В.Н. Татищеву усилить борьбу с повстанцами Сибирской дороги, а верным мишарям и башкирам - «...ловить воров, разорять их деревни». Начались жестокие расправы с пленными башкирами. С сентября до середины декабря 1736 г. было колесовано, повешено, посажено на кол 13 повстанцев, 144 сослано на каторжные работы в Остзею, 505 башкирских женщин и детей роздано русским чиновникам и офицерам в крепостное рабство с условием поселения в центральных уездах страны. За это время с башкир собрали 2 тыс. штрафных лошадей *[Акманов,* 1991. С. 119-120].

Подобная тактика главного командира вызвала сильное недовольство у вчерашних повстанцев. Не случайно даже в конце 1736—1737 г. в крае не наступило общее спокойствие. Из донесения М.С. Хрущева в Кабинет е. и. в. от 16 января 1737 г. видно, что к этому времени обстановка несколько стабилизировалась только на территории Казанской и Осинской дорог. Большинство повстанцев Ногайской и Сибирской дорог не спешило принести повинную.

Это не устраивало М.С. Хрущева и И.К. Кирилова. Тем более, что в это время шла война с Турцией, и правительство требовало скорейшего и полного успокоения края. 23 декабря 1736 г. на совещании в Мензелинске, местные власти еще раз обсудив вопрос, решили весной организовать карательную экспедицию против башкир Сибирской и Ногайской дорог *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 17. Д. 1164. Л. 3—12]. Вполне в духе проводимой политики было решение правительства о казни активных участников восстания. Жестокие наказания повстанцев были чувствительным ударом по повстанцам, но они в первую очередь озлобили башкир против местных властей, толкали их к продолжению борьбы. Башкиры неоднократно пытались войти в диалог с властями, обращались с челобитными, добиваясь уступок. Жесткая политика местных властей, а также нежелание рассматривать челобитные повстанцев подорвали и без того небольшое доверие к местным командирам. Поэтому башкиры решили непосредственно обратиться со своими жалобами к верховной власти — императрице Анне Ивановне.

В первой половине декабря 1736 г. от имени 50 представителей 17 волостей Ногайской дороги, 4 волостей Казанской была составлена челобитная на имя императрицы, в которой выражался протест против мероприятий Оренбургской экспедиции, говорилось о том, что башкиры не позволят на своих землях строить церкви и города «...окамест е. и. в. нужд своих не объявим» *[Материалы...* 2002. Т. VI. № 192. С. 337-338]. Трудно сказать, дошла ли эта челобитная до правительства, была ли какая-нибудь реакция Центра. Но известно, что с ней были знакомы А.И. Тевкелев и В.Н. Татищев. Документ сохранился среди дел Кабинета е. и. в. *[Там же.* С. 337—338].

В конце января 1737 г. башкиры Сибирской дороги обратились к уфимским властям с просьбой разрешить им поездку в столицу с челобитной на имя императрицы. Об этом воевода Уфы С.В. Шемякин в своем письме к М.С. Хрущеву сообщал следующее: «...оные Елдаш мулла с товарыщи и письменно о даче пашпорта просили ехать до Санкт-Петербурха до е. и. в. На что к ним от меня указом предложено, чтоб ехали в Уфу... и по приезде де их дастца тот пашпорт без замедления» *[Там же.* № 206. С. 356-357].

Однако неоднократные обращения с челобитными недовольных башкир к местным и центральной властям не помогли. Новое восстание стало неизбежным.

В начале 1737 г. недовольство башкир стало вырываться наружу. Повсеместно начались их советы и съезды. 22 февраля воевода Кунгура Е.С. Мазовский известил В.Н. Татищева о том, что «..Тайнинской волости башкирцы паки забунтовали и все собираются». Жители д. Кистево этой волости отказались платить штрафных лошадей, а сбор-

щика «...выслали вон и хотели бить». Башкиры д. Барда не заплатили денег за штрафных лошадей в сумме 1 242 руб., а также не поставили 650 пуд. муки, 43 пуд. круп. Жители из 37 дворов «...з женами и детьми бежали в лес». Кроме того, воевода обратил внимание на брожение среди жителей Сибирской дороги: «Да и вверх Аю, в Дуванской и Сартинской волостях произносится слух, что воры Мандар и Бепеня и мулла Елдаш между собою списываются, хотя де и у курану были в верном подданстве и во исполнении платежа штрафу слушать не хотят» *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Д. 139. Л. 236; Оп. 17. Д. 1164. Л. 311].

В конце февраля уфимский воевода С.В. Шемякин сообщил казанским властям вести о том, что «...воры башкирцы Сибирской и Осинской и Ногайской дорог зачинают в злодействе третично бунтовать» *[Устюгов,* 1950. С. 67]. В это время кунгурскому воеводе стало известно о существовании повстанческих отрядов в дд. Бебаево, Шариш, Казмар, Аккулушево Осинской дороги: «...а из других деревень к тому воровству пристали по половине и по трети, а всего собрания человек около 300... И оные заводцы (предводители. - *авт..)* между собою совет положили: которыя де той Тайнинской волости татара (башкиры. — *авт.)* просили вины свои на Осе и к присяге ходили и положенный на них штраф заплатили — тех всех вырубить, а мы де никогда в верности к присяге не пойдем и штраф платить не будем. И для того умыслу от вышеписанной деревни Бебаевы в леса протоптали дороги и в верном подданстве никогда быть не хотят». Эти сведения сообщили воеводе Кунгура побывавший по своим делам в Тайнинской волости Ишмакай Бикбулатов, татарин Каревской волости Кунгурского уезда, и гайнинские башкиры Сарым Наешин, Мамет Опаков и Алдар Малмышев, приехавшие в Кунгур *[Материалы...* 2002. Т. VI. № 219. С. 373].

В марте в бассейне трех рек Кизил состоялся съезд представителей Ногайской и Казанской дорог. В нем участвовали Кусяп-батыр Султангулов из Тангаурской, Рысай-бай Игембетев и Сеитбай Алкалин из Бурзянской и Тамьянской волостей Ногайской, Султанмурат Дюскеев из Юрминской волости Казанской дороги, а также другие активные повстанцы. Было принято решение начать восстание и обратиться за помощью к казахам Среднего жуза. С общего согласия к последним послали для переговоров 12 башкир во главе с Султанмуратом *[Устюгов,* 1950. С. 65-66].

Такая же обстановка сложилась в волостях Сибирской дороги. Верный башкир Кузяш Рахмангулов сообщал В.Н. Татищеву следующие вести: «Айские народы намерение имеют к воровству и на Красный Яр ехать хотят и по Таныпу реке месчеряков разорять ехать хотят же. И говорят де меж собою, что из Казачьей орды идет Шемеки хан, и отдадимся де ему... И мы уже не знаем, что делать с нашею Кусчинскою волостью и з другими такими же верными рабы Е. И. В., в одном месте собравшись, в осаде сидим при реке Аю в крепком месте» *[Там же.* С. 66].

В письме того же Кузяша от 2 марта к коменданту Красноярской крепости майору А.Ф. Лихачеву так характеризуется обстановка на Сибирской дороге: «...а мы поехали б к господину генералу. И нам де навстречу Дуванской волости вор Мандар, Кудейской волости главный вор Авесь, Айлинской волости главный же вор Кадряс Калдышев, Дуванской же волости Яман сотник Ахметов сын в собрании 300 человеках в деревне Мандаровой. А нашу де Кущинскую волость хотят вырубить, а меня де, Козяша, на свет не пустить, Дуванской волости Мендера Аракаева хотят изрубить же, Упейской волости Кандралю Бакшина хотят изрубить же... а домы наши разорить, жен и детей в плен взять, черемис и вотяков и Красноярскую крепость хотят вырубить и разорить... А у нас де в деревне Рахмангуловой в собрании сотники и старшины и все верные е. и. в., стоим на карауле крепко, Катайской волости старшины Котлогузя Кузенбетев, Абдулла Касканов, Сулейман Чермышаков, Мекотинской волости Янгильде Бегишев, Катайской волости Калмакчюра Менлигулов, Сартинской волости сотник Алкей Каракусюков с протчими со всеми товарыщи денно и ночно стоим на карауле и за е. и. в. стараемся и воров до российских жилищ не допускаем» *[Материалы...* 2002. Т. VI. № 228. С. 383-384]. В письме от 3 марта верные башкиры извещали Лихачева о боях с восставшими: «Мы, Рахмангул, Козяш и все старшины, малые, стары, в собранье приехали... Оной вор Мандар и Котряс, собравшись, приехали в 300-х с ворами, и был у них со оным вором Мандаром бой, промеж нами Ик река и мы их не перепустили и брод не дали, и стоим в осторожности на карауле» *[Там же].*

Важным событием накануне массового движения был общий съезд представителей Сибирской и Ногайской дорог в верховьях р. Уфы, где приняли участие будущие главные предводители борьбы мулла Бепеня Торопбердин из Куваканской волости и Мандар-батыр Карабаев из Дуванской. На съезде еще раз подтвердили решение не платить штрафных лошадей. Кроме того, пришли к выводу отказаться от русского подданства: «...а лутче власти россий-

ской отложиться и руских людей разорять, для того с киргиз-кайсаками сообщитца» [*Устюгов,* 1950. С. 66-67].

В начале июля башкир Бушман-Кыпсакской волости Ногайской дороги тархан Бирдегул известил В.Я. Выровщикова, атамана Сакмарского городка, о том, что башкиры во главе с Рысай-баем, Сеит-баем и Кусяком готовятся к восстанию, хотят напасть на Алдара, Бирдегула и других верных башкир *[РГАДА.* Ф. 248. Оп. 17. Д. 1164. Л. 514].

Приведенные факты свидетельствуют о том, что в начале 1737 г. недовольные башкиры всех дорог, потеряв надежду на уступки властей, пришли к выводу о неизбежности нового восстания.

Активные действия восставших начались в апреле 1737 г. Первыми выступили башкиры Сибирской дороги. Достаточно конкретно о нападениях повстанцев Кудейской, Дуванской, Айлинской, Тавлинской, Сартларской волостей во главе с Тюлькучурой Алдагуловым, Мандаром Карабаевым, Кидрясом Келдышевым, Исламгулом Юлдашевым на сторонников властей сообщили В.Н. Татищеву в Екатеринбург в конце апреля верные башкиры Кузяш Рахмангулов и Мендияр Аркаев: «Как мы возвратились от вашего превосходительства, воры Толкучура и Мандар с товарысчи, с 500 человек, 2-х ограбили. И мы себя разорить оных воров не допустили, а больше одержало их разлитие рек, и тем возвратились... И тут слышали мы, что Айлинской волости вор Котряс Елдышев, Кара-Табынской волости вор Исламгул Елдышев с товарысчи, Дуванской волости вор Мандар с товарысчи, вор Ямин Акомбетов той же Дуванской волости у Бакына отогнали оные воры 30 лошадей... а отправили для проведывания про Таймаса, Мендияра да сотника Косчунской волости Кашкая Тоганаева, Котчая Байгильдина с товарысчи, которых оные воры, на дороге поймав, немало били и мучили и у Мендияра лошадь и платье все ограбили, 4 человека из оных доднесь у них содержаться под караулом. Оные воры ныне состоят в Сартларской волости. У Аликея оные воры грабежом взяли 200 лошадей, 30 руб. денег, с серебряного оправою сайдак с луком, да на 300 руб. всякой рухляди. Той же Сартларской волости у сотника Уразметя взяли 50 лошадей, а и протчих той же волости многих ограбили и сайдаки обрали. А айские народы намерение имеют к воровству и на Красный Яр ехать хотят, и по Таныпу реке месчеряков разорять ехать хотят же. И говорят де меж собою, что из Казачьей орды едет Шемеки хан, и отдадимся де ему. И мы не знаем, что делать с нашею Кусчинского волостью и з другими такими же верными рабы е. и. в., в одном месте собравшись, в осаде сидим при реке Аю в крепком месте. Ежели от вас не будет нам помочи, то мы все помрем и пропадем. И от вашею превосходительства я получил указ, чтобы мне... дать извести, что на Аю делается и за разлитием воды, так ж де воры со всех сторон до того не допустили, чтобы дать известие. И дне енно и ночно стоим, бояся воров, на карауле, и с помянутыми при мне верными е. и. в. людьми, куда деться не знаем, у многих у наших людей лошадей нет, воры разгробили, и стали пеши» *[Материалы...* 2002. Т. VI. № 246. С. 406—407].

Как видно из сообщения, повстанцы начали свою борьбу с нападения на верных башкир, избивали их, захватывали в плен, отнимали лошадей и другое имущество. Представляет интерес соотношение сил повстанцев и сторонников властей. Последних было немного, восставшие составляли подавляющие большинство, и инициатива полностью находилась в их руках. Верные башкиры ряда волостей вынуждены были, оставляя свои деревни, с семьями укрываться в труднодоступных местах и держать оборону. Свое спасение они видели лишь в появлении правительственных команд. Довольно значительной была численность отряда восставших. Кузяш определяет их количество в 500 чел., на деле их было, скорее всего, гораздо больше.

В мае действия повстанцев Сибирской дороги заметно расширяются. Если судить по письму верных башкир, отца и сына Рахмангула Зиямбетева и Кузяша Рахмангулова, а также Мендияра Аркаева и других, от 27 мая 1737 г. уфимскому воеводе С.В. Шемякину, то Мандар Карабаев, Кидряс Келдышев, Исламгул Юлдашев и другие «...пришли к нам с тысячею человек и осадили нас, и 5 дней с ними дрались и с ружьями, не дались... 200 лошадей, да 100 коров, 50 овец отогнали. 10 дворов сожгли, да на 1 000 руб. всякого домашнего скарбу взяли. 15 человек ранили. А мы из воров 20 человек убили и многих поранили; а у нас же 3 человека убиты ж. Упейской волости многие к ворам уехали; Сарской волости все уехали после присяги... Оные воры поехали к Красноярской крепости, оные ж воры хотели ехать по Таныпу на мещеряков».

Из письма видно, что крупные силы восставших напали на верных башкир, собравшихся в Кущинской волости, нанесли им заметный урон. Трудно поверить цифрам о соотношении потерь сторон: видимо желая получить от властей побольше пороха и свинца, верные должны были показать свои успехи. В письме говорится о тяжелом положении верных башкир в данной местности: «...воры нас приезжая рубят, понеже мы, нижайше, разорились жестоко... повели на оных воров с войском идти,

ежели мы не пойдем; то нас всех разорят... повели дать и с казны пол пуду пороху, да пол пуда свинцу прислать» [*Материалы...* 2002. *Т. VI.* № 261. С. 421]. Верные башкиры вынуждены были признать, что жители Кущинской волости переходят к повстанцам: «Да из нашей Кощунские власти, которые поблиску с нами жили, убежали на воровство 10 семей, то их воров много скопилось, а нас малолюдство. А мы, которые доброжелательны великой государыни башкирцы, выехали к крепостям, к государевым добрым людем, от оных убежали... А ныне они скопляютца слышно, что тысячи з 2 и говорят вырубить Рахмангула с товарыщи [*Там же.* № 275. С. 432].

Активные выступления башкир перемежались со сборами по обсуждению насущных вопросов жителями одной или нескольких волостей. В начале мая в д. Васкино Мурзаларской волости состоялось собрание представителей нескольких волостей Сибирской дороги. Выступивший там представитель Кудейской волости Юлдаш мулла Суярембетев сообщил собравшимся о намерении призвать хана для башкир от казахов Среднего жуза, но некоторые из присутствующих выступили против этого предложения и сказали:«.. .когда де такой хан будет, то де мы, собравшись, можем поймать и отвесть к е. и. в-ву» *[Устюгов,* 1950. С. 68]. В середине мая состоялся совет населения Куваканской волости этой дороги. Там присутствовало около 200 чел., в т. ч. «лучшие» башкиры мулла Бепеня Торопбердин, Аиткул, мулла Акка Камакаев, Аккучюк Яникеев, Козя. По вопросу о восстании мнения разделились. Бепеня и Аиткул «...советовали иттить на воровство». Их поддержала половина собравшихся. Аиткул во главе 100 человек пошел по р. Миасс «для воровства». Бепеня мулла поехал «в свои юрты», а затем вместе с Тюлькучурой стал рассылать письма к башкирам Ногайской дороги, «...чтобы они шли с ними вместе воровать» *[Там же].*

2 июня В.Н. Татищев получил известие о том, что «...Мандар с собранием, которого показуют иногда 1 000, иногда в 500 и меньше, пакости делает и на верных башкирцов нападая, разоряют». На этот раз Кузяшу удалось организовать отпор. Возможно, что это получилось сделать благодаря отряду верных старшин Сибирской дороги, отправленному В.Н. Татищевым в помощь Кузяшу. Кроме того, последнему были посланы порох и свинец.

8 июня верные башкиры сообщили коменданту Ельдякской крепости весть о том, что Тюлькучура во главе 1 300 чел. «...хотел ехать доброжелательных башкир и татар рубить». Эти сведения оправдались. На самом деле крупные отряды восставших во главе с Бепеней Торопбердиным, Мандаром Карабаевым и Тюлькучурой Алдагуловым совершали нападения на русские, мишарские, чувашские и марийские поселения в районах Красноуфимска, Кунгура, Бирска, также в бассейне р. Танып. Восставшие под командой Тюлькучуры и сына Мандара Карабаева Мавлюта примерно в это же время совершили поход под Уфу. По свидетельству капитана П.А. Батова, коменданта .Красноярской крепости, «удача была им, ворам, немалая» *[Там же; РГАДА.* Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. JL 643]. И июня восставшие в количестве 2 500 (по другим сведениям, 4 200) чел. под предводительством Бепени, Юлдаша, Тюлькучуры, Мандара осадили Богдановскую крепость. Они сделали 6 подвижных щитов, под защитой которых намеревались взять крепость. Наряду с солдатами гарнизона крепость защищали верные башкиры во главе со старшиной Унларской волости Якупом Чинмурзиным и мишари. Сражение продолжалось двое суток. Защитникам удалось захватить щиты, повстанцы не сумели занять Богдановскую крепость. Они отступили, разорили все окрестные деревни и направились к Бирску, опустошая все на своем пути *[Устюгов,* 1950. С. 70].

В начале июня активные действия начали и башкиры Осинской дороги. Они действовали вместе с повстанцами Сибирской дороги, которые пришли на Осинскую дорогу по приглашению местных повстанцев во главе с Итзимасом Абдаловым, который приехал на р. Ай «...для подзыву и приводу Бепени и Мандара». После появления повстанцев Сибирской дороги башкиры-осинцы присоединились к ним: «...гайнинцы все к ним пристали и с ними, ворами, поехали». Разорив русские и татарские деревни под Осой и по р. Танып, отряды сибирских башкир вернулись на Ай. В ходе совместных действий повстанцев пострадали наряду с Осинским и жители Кунгурского уезда, в частности были разорены села Рождественское Кунгурского уезда и Крылово Осинского уезда, принадлежавшие именитым людям Строгановым.

Это было ответом башкир-вотчинников Осинской дороги Строгановым, ибо в конце XVI—XVII вв. последние методично наступали и захватывали их земельные владения. В это время земли осинских башкир, Тайнинской волости в частности, располагались в бассейнах рр. Нижние и Верхние Мулла, Нытва, Юг и Очер, притоков Камы. Не случайно в первое время после принятия русского подданства гайнинцы платили ясак в г. Чердыни. В начале XVIII в. зависимые люди Строгановых начали захватывать земли Тайнинской волости. В этой обстановке башкир этой волости Култай

вынужден был переселиться в устье р. Нижняя Мулла и основал аул Култаево. Но и здесь не было гайнинцам покоя от крестьян Строгановых, поэтому сын Култая Шигир Култаев ездил с челобитной в Москву и привез сберегательную грамоту Михаила Федоровича, подтверждающую права гайнинцев на землю. В грамоте говорилось о том, что земли в бассейнах рр. Верхняя и Нижняя Мулла, Юг, Нытва и Очер являются вотчинными владениями башкир Тайнинской волости, Строгановы не могут владеть ими.

Однако через некоторое время люди Строгановых вновь повели наступление на гайнинцев и, опираясь на поддержку местных властей, захватывали их земли. Гайнинцы вынуждены были переселиться еще южнее, где основали аул Куяново. В конце XVII - начале XVIII в. Строгановы вновь стали претендовать на эти владения гайнинцев. Внук Шигира Тасим Маметев «с товарыщи» в своей челобитной от 1700 г. писали, что крестьяне Строгановых разоряют их аулы, угоняют скот, захватывают земли. Казанский приказ повелел дать башкирам сберегательную грамоту. Строгановы, недовольные решением этого приказа, обратились с челобитной в Посольский приказ. Чем закончился этот спор, неизвестно *[Труды...* 1896. С. 82—87; *РГАДА.* Ф. 1173. Д. 13].

В своих челобитных конца XVII — начала XVIII в. башкиры Осинской дороги продолжали жаловаться на захват их вотчинных земель также населением Осы и других местных крепостей. Гайнинцы Я. Маметкулов «с товарыщи» писали, что русские люди Осинской крепости насильно владеют их землями, расположенными западнее р. Камы, а ирехтинцы Р. Савельев «с товарищи» и уранцы «с товарищи» жаловались, что русские люди Сарапульского уезда захватили их старинные вотчины *[Там же.* Ф. 248. Д. 821. Л. 256-260].

Во второй половине июня восстание на территории Сибирской дороги развивается по восходящей линии. Это видно по сведениям верных башкир о количестве повстанцев в отрадах разных предводителей, представленным ими местным властям. Верные башкирские старшины Шумыш Севергулов, Теникас Бикбаев и Ирбикай Зайсанов в письме от 28 июня писали В.Н. Татищеву, что «...вор Бепеня Трупбердин, Зиангул Кутлугозин, Калмакай Бармаков с товарыщи, собравшись в 2 ООО человеках, проехали мимо оной Куземышовой деревни и призывают верных е. и. в. к себе на воровство. Да знатный вор Мандар, собравшись в 2 ООО же человеках... приехав под деревню Кутлугузину, и его осадили» *[Материалы...* 2002. Т. VI. № 290. С. 446].

Верный башкир Рахмангул Зиямбетев и его сторонники в письме от 27 июня к товарищу начальника уральских казенных заводов А.Ф. Хрущеву и командиру Сибирского драгунского полка И.С. Арсеньеву так характеризовали намерения и силы восставших: «По указу е. и. в. поехали мы воров искать, которых много, а нас мало, и нашей мочи с ним нет... Еще доносим: Мандар вор хочет иттить на Полевую и под Красноярскую крепость и на полковника Арсеньева, а которые е.и.в. хотят в верности быть, и тех хотят рубить». Далее перечисляются главные предводители Мандар Карабаев, Кидряс Келдышев, Исламгул Юлдашев, Тюлькучура Алдагулов, Бепеня Торопбердин «...с товарыщи собрались с 4 000-х человеках, а мы, нижайшие, и сами не знаем, что с ними делать... И о том мы вас, Иван Савич и Андрей Федорович, слезно просим: пожалуйте нас, в том не оставьте» *[Там же.* С. 447-448].

В этой ситуации верные башкиры и другие сторонники властей чувствовали себя неуверенно, колебались. Некоторые из них, например, Алдар Исянгильдин и Таймас Шаимов, тарханы Бурзянской и Кара-Табынской волостей Ногайской и Сибирской дорог, не помогали верным, укрывались в горах и лесах, не сражались с восставшими, несмотря на требования властей. Было немало случаев, когда верные присоединялись к восставшим. Часть башкир Кущинской и ряда других волостей летом 1737 г. перешла на сторону повстанцев *[Там же.* № 275. С. 432]. В начале июня на сторону восставших перешли верные башкиры Уразай Абызанов, Куземыш Биккузин, Карабай - князь Тюрембетев, - старшины Барын-Табынской и Айлинской волостей, а также Юнус, тархан Кудейской волости *[Там же.* № 295. С. 451].

Действия восставших Сибирской дороги после боев за Богдановскую крепость так описываются в письме мишарского и башкирского старшин Яныша Абдуллина и Якупа Чинмурзина коменданту Бирского городка: «Восставшие 1 000 человек 23 июня напали в Шадинский лес, где укрылись сотня мишарей, команда верных башкир, чуваши многих деревень; «бой учинили одне сутки, убили 7 человек, взяли 100 лошадей, полтораста коров, еще взяли пожитков, коликое число несведомо... Из оных воров на том бою умерло 16 человек, тако ж и ранено много... они с верх Аю воры в Шадинском лесу народ разорили, разоряя поехали по Шаде реке, на другой стороне едущего на дороге наехали маэора Андрея Федорова сына Лихачева и убили и дву проводников... они, воры, разорение учинили в верх Биря — крещеных и ясашных деревни Токашевой во всем, не оставя ничего, порубили и живот взяли... те

же воры разорили по Таныпу реке ясашный народ и верных башкирцов 20 деревень, коней, коров все побрали, многих людей побили и много в полон побрали... теперь оные воры ездят, от них, воров, в великой предосторожности и боимся, все в лесах живем... И против тех воров стоять невозможно...» [*.Материалы... 2002. Т. VI.* № 284. С. 440—441].

В самом конце июня 2 500 башкир из Куваканской, Айлинской, Бала-Катайской и Салжьютской волостей во главе с Бепеней Торопбердиным и Алланзиангулом Кутлугузиным действовали около Багарякской слободы: «...воры башкирцы разорили Богаряцкой слободы деревню Жукова сего 1737 июня в 30 день... 17 человек мужеска и женска полу месчеряков взяли в полон... А потом оные воры в тот же день разоряли Шаближскую крепость, около которой несколько дворов сожгли и скота отогнали... После того оные воры пошли под Окулову крепость и приступали... отшед от оной, близ Зырянской крепости стояли сутки для совету. И оттуда послали воров к Теч человек со 100, а сами пошли за Камень Урал, разно на 3 дороги... воры на тот совет подлинно согласились еще для разорения русских жилищ быть, когда хлеб с поль убирать станут или во время жатвы» *[Там же.* № 293. С. 449].

В июле-августе 1737 г. движение шло на всей обширной территории Сибирской дороги. В первых числах июля повстанцы Сибирской дороги во главе с Бепеней, Мандаром и Аипом направились против русских слобод. Мандар с отрядом в 1 500 чел. шел по р. Синаре, Бепеня с 2 000 чел. двигался к Катайской слободе, разоряя по пути русские и мишарские деревни.

12 июля в лагерь майора Л. Угримова около Багарякской слободы спешно явились верные башкиры Зайсан Карабашев, Шумыш Маметев, Янгильде Самангулов, Кузяш Рахмангулов, Арык Исенбаев - старшины Катайской, Салжьютской, Мякотинской, Кущинской и Кара-Табынской волостей и известили его о том, что «...главные де воры и бунтавщики Бепеня, Мандар, Тюлькучура собираются немалым людством при урочище Ягодная гора, по сю сторону реки Аю, и намерены в самый скорость идти для разорения оных верно подданных башкирцов и в руския жилисча, до которого урочисца от здешней Богарятской слободы езды будет дни 4, а людства де их соберется с 4 000 или больше. Да на сих днях же пошли для разорения русских жилисч Чювашбаев сын Усман в 430 человеках к Тоболу, Миасса реки, да Бело-Катайской волости Кутлугуевы дети с своими людьми к Уткинской крепости. И при том оные старшины просили, чтоб их от воров башкирцов защитить».

Обсудив создавшееся положение со своими офицерами, Угримов приказал вывести из Багарякской слободы команды в поле, расположить их в удобном месте для прикрытия русских поселений, «иметь крепкую предосторожность и делать непрестанные разъезды». Команда самого Угримова состояла из роты драгун и 1 000 мобилизованных крестьян, а майора Якова Павлуцкого - из 680 военных людей. Первая команда имела 1 пушку, вторая - 2. Кроме того, решено было сведения, полученные от верных башкир, сообщить в Екатеринин А.Ф. Хрущеву и полковнику И. С. Арсеньеву, а указы о предосторожности послать в пограничные крепости и слободы *[Там же.* № 294, 296. С. 449-452].

Со второй половины июля по 12 августа 2 тысячи сибирских повстанцев под предводительством Мандара и Бепени действовали на Осинской дороге. Они дошли до Осинского городка, «...около того города разорили руские села и деревни... разорили верных башкирцов, мещеряков, вотяков и черемис и жилища их выжгли... Тайнинской волости башкирцы дворов с тысячю идут к ворам Мандару и Бепене и хотят жить и воровать вместе... после того разорили же на Таныпе реке татарскую деревню, а от оной пришли к русской крепости и несколько скота отогнали, а от оной крепости оные воры Мандар и Бепеня с товарыщи пошли вверх Ай реки в юрты свои» *[Там же.* № 312. С. 474].

В конце июля отряд восставших, состоявший из 300 чел., направился к д. Новая Заимка вблизи Троицкого Рафаила монастыря на р. Тобол и столкнулся по дороге с командой капитана Ранчковского. Бой шел целый день. Ранчковский потерял убитыми 8 и ранеными 20 чел.. О действиях повстанцев вблизи р. Тобол старшина Кара-Табынской волости Арык Исенбаев сообщил полковнику И.С. Арсеньеву: «...живущие по Тоболу между Уя реки воры башкирцы руския жилища разоряют, людей бьют и в полон берут» *[Там же.* С. 475].

Повстанцы в августе неоднократно нападали на большое село Воскресенское, расположенное на берегу р. Миасс. Архиерейский приказчик Израилев, создав отряд из 80 крестьян, 10 августа пошел за «...ворами башкирцами, и воры башкирцы в 300 человек и больше на них напали, и остановили в степи на Горной поляне, в 60 верстах от того села... в той атаке ранили прикащика и 4 крестьян, лошадей побили... 11 августа через Мияс реку выше того села... воры башкирцы многолюдством переправились, а главной у них вор Бепеня и Осейко Карабаев, и то де Воскресенское село от воров в атаке». 12 августа «...оные воры в многолюдстве приходили к лесу Воскресенскому, о которыми

было бою с обеда до вечерни... оные башкирцы отбили 200 рогатого скота, овец с 300, лошадей с 50... побито башкирцов 2 человека, убит 1 крестьянин, ранено 2».

Туда же из Иткульской крепости спешил на помощь полковник И. С. Арсеньев во главе 1 300 драгун и других чинов. 13, 14 и 15 августа были бои с повстанцами, «...тех воров побили 37 человек, в полон взяли 3-х, отбили лошадей 89, коров 127, да башкирских лошадей 58. И бегали за теми ворами верст по 15-ти и по 20-ти... догнать не могли за томностью лошадей и за ночным временем». Пленные повстанцы показали, что их при р. Увяке было 1 000 чел.. 500 из них под предводительством Кусмяка «ходили для воровства в русские жилисча» *[Материалы...* 2002. T.VL № 312. С. 482].

В начале августа прослеживается активность восставших вблизи Чебаркульской крепости. Верный башкир Сызгинской волости Идзимас Ускаев в Миасской крепости известил майора Шкадера о том, что «...збираютца башкирцы и пошли под Чебаркульскую крепость Барын-Табынской и Куваканской волости Буткай Кубуков, а Уразай Абызанов пошел со всем своим улусом в Уйские вершины». 6—7 августа к Чебаркульской крепости три раза подходили 200 башкир, 13 августа они пришли туда опять. Когда из крепости начали стрелять по ним из пушек, они отошли от Чебаркуля, «стоят в 5 верстах от крепости поныне» *[Там же. С.* 481—482].

В августе бои шли и в районе Красноуфимской крепости. Отряд повстанцев в 40 чел. напал на мишарскую д. Буламыш. В ходе боя восставшие взяли в плен одного, одного ранили, «...отбили лошадей 7, хлеба и всякого скарбу на 100 руб.» *[Там же.* С. 47]. В 20-х числах августа небольшой отряд повстанцев напал на крестьян д. Шкоцкой. Убив одного, и ранив двух крестьян, башкиры отогнали 47 лошадей. Против них была направлена усиленная рота драгун Сибирского драгунского полка капитана Ранчковского. Драгуны шли по следам восставших, однако догнать их не смогли. 31 августа другой отряд повстанцев, состоящий из 150 чел., напал на крестьян Полевского завода, убив при этом 3 чел. *[Там же.* С. 485].

В 20-х числах августа повстанцы под предводительством Мандара и Бепени, по договоренности с башкирами Тайнинской волости и объединившись с ними, нападали на сторонников властей на Осинской дороге, затем направились в пределы Кунгурского уезда, где разоряли поселения Строгановых. Пленный повстанец Тявка Китяпов «...с розыску сказал, что все Тайнинской волости башкирцы подлинно из воли своего Осинской уезд, тако ж и баронов Строгановых село Крылово разорять ездили... при том де разорении отогнали скота коров с 600, да верхнеайские башкирцы угнали с тысячю и несколько коров» *[Там же.* С. 481].

В сентябре активность восставших Сибирской дороги не ослабла. 17 сентября повстанцы Дуванской, Кущинской, Катайской и других волостей Сибирской дороги «собранием с 1 000 человек» во главе Мавлютом Мандаровым, Янгильде, Аипом Муллагильдиным, перебравшись вброд через р. Уфу, в 10 верстах от лагеря Янбургского полка разбили отряд пермских крестьян. Против восставших была направлена команда майора Фишера из 270 регулярных и нерегулярных воинов. Но она потерпела поражение, а майор от полученной раны 18 сентября умер. Другой отряд из 300 чел. регулярных и нерегулярных людей под командой подполковника фон Эйкина пошел против восставших, но не застал их, ибо последние ушли за Уфу *[Там же.* С. 484]. 14 сентября отряд восставших из 40 чел. в среднем течении р. Уфы напал на верных башкир из д. Ахметово, захватил несколько пленных и угнал 82 лошади. Эти пленные потом сообщили властям, что Мандар «...де пошел в 2 тысячах и Бепеня в 2 000 ж верноподданных иноверцов Салжаутской волости на улус старшин Зайсана Карабашева и других для сожжения хлеба и сена. А оные де воры бывшие у присяги» *[Там же.* С. 486].

В середине сентября башкиры активно действовали в северных волостях (Сызгинской и других) Сибирской дороги и на юге Кунгурского уезда, вблизи Красноуфимской крепости, в частности, в районе проживания крестьян-переселенцев из марийцев и русских. Тем более те и другие принимали участие в карательных акциях властей против башкир. Восставшие разорили марийские дд. Чювашково, Сосновый Мыс, Подтишные Горы, Чатлыкей. В ходе столкновений было убито 16, взято в плен 8 чел. из этих поселений, отогнано 250 лошадей, 54 коровы. Около Торговишского острожка убито 6 русских крестьян, отогнано 18 лошадей *[Там же.* С. 485-486].

В середине и во второй половине сентября 1737 г. командиры провели несколько карательных акций против восставших Сибирской дороги. Командир Сибирского драгунского полка майор Павлуцкий доносил, что «...ходил он для поиску и искоренения бунтующих воров башкирцов с регулярными и нерегулярными мещеряками и верными башкирцы в 1 400 человеках, в том числе было с ним оных верных башкирцов 298 человек. И того сентября с 17 по 25 число тех воров в разных местах

Сибирской дороги разбили 10 деревень разных волостей, в которых имелось 106: при тех боях и по степи едусчих для воровства побито и на страх другим повешено 393, в плен взято больших и малых 142 человека, лошадей больше 500 и рогатого скота не мало; а ис команды ево ранено 5 человек». Кроме того, верный башкир Рахмангул донес о том, что «...собрався в 250 человек воров... побили 50, в полон взяли 12 человек» [*Материалы...* 2002. Т. VI. № 312. С. 493-494]. Донесение Рахмангула подтверждает вывод, что верных башкир было мало, они не были способны на серьезное противодействие восставшим и в основном выполняли роль осведомителей властей. Правда, верные башкиры совершали внезапные набеги на деревни восставших, когда основные силы из последних уходили на боевые операции.

В октябре столкновений между восставшими и правительственными силами (карательные команды, казаки, отряды «вольницы» русских крестьян, верные мишари, марийцы и другие переселенцы из нерусских народов, верные башкиры) не прослеживается. Наступило временное спокойствие в крае.

В апреле 1737 г. началось восстание башкир Ногайской дороги. Как и повсеместно, их открытому выступлению предшествовали собрания и съезды. О состоявшемся весной 1737 г. съезде жителей Ногайской дороги, намерении их начать восстание старшина тархан Бушман-Кыпсакской волости Бирдегул Тлевкеев известил в начале мая атамана Сакмарского городка В.Я. Выровщикова. Он писал, что старшины Бурзянской, Тамьянской, Тангаурской и других волостей Ногайской дороги Рысайбай Игембетев, Сеитбай Алкалин, Кусяп Султангулов готовятся к восстанию и собираются напасть на тарханов Алдара Исянгильдина, Бирдегула и других верных старшин *[Устюгов,* 1950. С. 67]. Как видно, сторонников властей в волостях Ногайской дороги, как и Сибирской, было мало. Поэтому верные башкиры обращались к властям за защитой.

Предводители башкир также обратились к казахам Среднего жуза за помощью. На общем съезде ногайских и сибирских повстанцев было принято решение направить своих послов с этой целью в Средний жуз *[Там же.* С. 66—67].

Во второй половине апреля башкиры с отрядом в 500 чел. во главе с Сеитбаем и Кусяп-батыром разорили деревню чувашей и татар, недавно поселившихся в 40 верстах от Табынской крепости *[Там же.* С. 69]. В мае движение на Ногайской дороге еще более расширяется. В конце месяца «немалое собрание» восставших напало на верных знатных башкир Абдрака и Рабая, которые в страхе прибежали в Сакмарский городок с просьбой о помощи. В середине июня двухтысячный отряд восставших напал на Табынск. Одновременно отряд в 700 повстанцев разорял деревни тептярей около г. Уфы. Пленный повстанец Сулейман Арслангулов показал на допросе в Уфе, что общее количество восставших на Ногайской дороге достигает 10 000 чел.. В начале июля Кусяп-батыр Султангулов напал на Табынск, отогнал лошадей и скот. Повстанцы подходили к Воскресенскому медному заводу *[Там же.* С. 71].

О подъеме борьбы на территории Ногайской дороги свидетельствуют следующие материалы.
6 июля верный башкир Каршинской волости Казанской дороги Аит Умитев известил уфимского воеводу С.В. Шемякина, что башкиры Ногайской дороги «...собрались з 10 000 человек и советуют, чтоб им разорять жилища до самой Казани». Несмотря на возможное преувеличение численности повстанцев, тем не менее этот документ свидетельствует о том, что восстание башкир здесь носило массовый характер.

Командир Башкирской комиссии генерал-майор Л.Я. Соймонов на место службы в Мензелинск приехал 25 июня, а в конце июля выступил с командой в направлении Уфы, в сентябре - Табынской крепости, по пути расправляясь с повстанцами. В сентябре он приехал и обосновался в Табынске. Даже появление команды генерала в центре Ногайской дороги не смутило башкирских повстанцев. В августе 1737 г. один из главных предводителей восставших Ногайской дороги Кусяп с отрядрм в 1 000 чел. напал на лагерь Л.Я. Соймонова.

Но нападение было отбито, восставшие отступили за р. Белую. В сентябре Кусяп разорил 20 деревень верных башкир Бушман-Кыпсакской волости, в октябре совершил набег на деревни «верных иноверцов» под Уфой. В середине сентября другой отряд повстанцев напал на Бузулукскую крепость *[Там же.* № 314. С. 479-480].

В свою очередь, командир Башкирской комиссии направлял отряды солдат и драгун, а также сам во главе значительной команды участвовал в поиске и расправе с повстанцами: «...ходил в самые дальные и знатные в здешних местах горы, где они никогда, чтоб войском е.и.в. быть, надежды не имели... сам в партию ходил; и прошед от Табынска разстоянием 101 версту... Однако ж как посланными партиями, так и командою моею, с которой я особливо следовал, их, бунтовщиков, побито и деревень, в которых они всегда имели воровского убежища зимовью ... и при тех же деревнях всякого хлеба, а пачее сена

позжено немало число» [*Материалы...* 2002. Т. VI. № 314. С. 479-480].

В октябре 1737 г. движение на территории Ногайской дороги, по-видимому, прекратилось. Восставшие стремились укрыться от карательных команд в труднодоступных лесах и горах, некоторые искали спасения у казахов. Сохранилось несколько документов об их отъезде к казахам Среднего жуза. Верный башкир Бурзянской волости Акбулат Аркаев в письме к майору Останкову сообщал, что «...изменники де башкирцы пошли в киргизцы з 300 домов между рек Кизилами за Яик». В другом письме старшин Бурзянской волости говорится о том, что «...воров башкирцов откочевали в Кайсацкие орды дворов со 100» *[Там же.* № 315. С. 485]. Во главе восставших Ногайской дороги стояли Кусяп-батыр Султангулов, старшины Рысайбай Игембетев и Сеитбай Алкалин из Тангаурской, Бурзянской и Тамьянской волостей.

Надо подчеркнуть активность башкир Осинской дороги, которые уже в феврале 1737 г. отказывались отдавать штрафные лошади, выгоняли сборщиков. Несколько раз по их инициативе крупные отряды сибирских башкир приходили на Осинскую дорогу и вся территория последней и южная часть Кунгурского уезда превращалась в арену борьбы осинских и сибирских повстанцев. В свою очередь, осинские повстанцы участвовали в ряде крупных сражений на Сибирской дороге.

29 июля башкиры Тайнинской волости при участии отряда сибирских башкир заняли д. Барда Осинской дороги и выжгли ее.

В августе многие жители Осинской дороги, по признанию пленного повстанца Тайнинской волости Тявки Китяпова, «...живут де они в лесах с вором Абзимасом их с протчими башкирцы. И оной де Тайнинской волости разных деревень Шараша и протчих башкирцы с тем Итзимасом из воли своей ходили вверх Аю разорять Осинской уезд, а ныне де тот Аитзимас с таким же вором Тайнинской волости деревни Баево Арянгулом Чюрюсиным з 20 человек и пошли на Ай для подзыву и приводу Бепени и Мандара для разорения русских жилищ и тулвенцов, кои с ними идти на воровство не хотят». Далее пленный повстанец сказал, что Андреевской сторожен Кунгурского уезда разоряли Атзимас, Мандар и Бепеня «с товарыщи» *[Там же.* № 312. С. 473—474].

Сибирские повстанцы Мандар и Бепеня с отрядом в 1 400 чел. с 12 июля по 10 августа «...под город Осу и около того города разорили руския села и деревни, да по Осинской дороге разорили верных башкирцов, мещеряков, вотяков и черемис и жилищи их выжгли, на которое де воровство призывал и собирал Тайнинской волости башкирец Аитзимас Абдалов» *[Там же. С.* 474]. Повстанцы «...разорили вотяков 5 деревень, из которых скот и пожитки взяли... А оттуды оные гайнинцы повели их, воров, под Осу для разорения русских жилищ и разорили 4 деревни... взяли во оных скота и пожитков много, а люди разбежались до приезду их. А после того разорили же на Табынске реке татарскую деревню» *[Там же]*.

В ответ правительственные команды довольно жестко поступали с башкирами. О своих действиях против гайнинцев капитан Голчин в донесении от 7 сентября к уфимскому воеводе Шемякину писал, «...что он, в Тайнинской волости до деревни Сулмашевой дошед, на башкирцов напал в лесу, где их было с 150 человек, и из них убито 24, взятов всех 29, из которых 17 повесил в тех же местах для страху, да выше 7 деревень, где оные воры пристанища имели» *[Там же.* С. 476].

В донесении кунгурского воеводы от 31 августа в канцелярию Оренбургской комиссии говорится: «Тайнинской волости воры башкирцы от заблуждения своего с ворами ходили разорять Осинской уезд и вотчины баронские... из деревни Барды вор Итзимас в полуторасте человек с ворами живет в лесах» *[Там же.* С. 480]. Повстанец Тайнинской волости Тявка Китяпов показал на допросе в конце августа, что «все Тайнинской волости башкирцы подлинно из своей воли Осинской уезд, також и баронов Строгановых село Крылово разорять ездили». Посланный из Кунгурской канцелярии с указом к осинским верным башкирам татарин Уркач, вернувшись в Кунгур, сказал, что гайнинские башкиры живут «по лесам», в домах свои некоторые не живут».

6 октября 1737 г. воевода Кунгура Е.С. Мазовский доносил в канцелярию Оренбургской комиссии: «И Тайнинской волости с Тулвы по призыву его, Мозовского, в Кунгур были старшины, которых он с обласканием рассуждения до времени отпустил свободных и дал оным указ, чтоб шли к капитану Голчину для испокоренения воров башкирцов, качующих на Аю» *[Там же.* С. 486]. Этот документ показывает, что в октябре активные действия повстанцев Осинской дороги прекратились и начались их переговоры с местными властями.

В 1737—1738 гг. на Казанской дороге массового восстания не было, что объясняется несколькими причинами. Прежде всего эта дорога в это время, по существу, со всех сторон оказалась окруженной крепостями. Кроме того, на ее территории в Мензелинске с осени 1735 г. находилась ставка начальника Комиссии Башкирских дел. Основные воинские

команды располагались в Мензелинске и окрестных крепостях. В марте 1737 г., например, из всех 9 900 регулярных солдат и драгун почти 7 ООО чел. были размещены в Мензелинске, Уфе и других крепостях между ними.

Тем не менее летом и осенью 1737 г. имели место несколько открытых выступлений недовольных башкир Казанской дороги. В начале июля верный старшина Каршинской волости Казанской дороги Аракай Акбашев известил уфимского воеводу о том, что «...некоторые воры подгородные деревни и доброжелательных иноверцов разорили, оные же воры ис под Табынска маэора Шумаева отогнали табун лошадей, за которыми ворами мы гнались» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 313]. В донесении прапорщика Милчикова полковнику И.Н. Татищеву говорится, что на д. Мятево Казанской дороги напали «воры-башкирцы, взяли в плен 5 человек, одного татарина убили». От него послана погоня, которая наехала на сакму, по которой значило, что нападавших было около 400 чел., которые ушли за р. Дему.

В рапорте капитана Глазова от 16 сентября тому же полковнику сообщается, что «...воры башкирцы, приехав в деревню Сеитово с 600 человек и в оной деревне многих людей побили и в полон побрали, и скот отогнали» *[Материалы...* 2002. Т. VI. № 315. С. 481]. Уфимский воевода в своем донесении начальнику Оренбургской комиссии от 19 сентября сообщил, что посланная им команда напала на отряд повстанцев из 25 чел.: «...наехав между Кинельских вершин и Диомы реки с 25 человек, из коих убила 8, а достальные бежали, да отбили 63 лошади казацких, кои прежде были ворами отогнаты» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 150. С. 336].

Большую надежду башкиры возлагали на казахов, особенно на хана и султанов Среднего жуза. Еще весной 1737 г. они обратились за помощью к казахам. Повстанцы нуждались в военной поддержке, а также стремились обеспечить себе на период борьбы надежный тыл. Кроме того, они рассчитывали найти у казахов убежище во время карательных походов. Первая поездка представителей повстанцев Ногайской и Казанской дорог в Средний жуз состоялась ранней весной 1737 г. Примерно в это же время у казахов побывали представители Сибирской дороги. В документах содержатся также сведения о пребывании представителей Ногайской дороги у казахов в середине лета.

Верные башкиры сообщали властям, что ногайские повстанцы послали своих людей «...Средней, Киргиз-Кайсацкий Орды к Шаммухаметю мурзе с тем объявлением, чтоб он пришел со своим войком и их, башкирцов, с женами и детьми взяли к себе в орду, а доброжелательных бы башкирцов всех разорить. И все в таком намерении вышеупомянутых волостей башкирцы: ежели к ним киргиз-кайсацкое войско будет, то они намерены еще бунтовать, и с ними итти потом в Кайсацкую орду. Ежели же кайсацкого войска к ним не будет, то что делать, сами не знают» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 45. Л. 963—964]. Один из служилых мишарей известил полковника Арсеньева, что ногайские башкиры «в 12 человеках ездили в Казачью Орду к Еныбек батырю хана себе искать и просили его, чтоб он дал им на помощь силы, а он де обещал им дать 40 есаулов с людьми... Еныбек батыр сказал, ежели они, башкирцы, хотят вместе с ним контайшу рубить, то и он с ними вместе пойдет на русских». Побывавший у казахов геодезист Шишков доносил, что в марте 1737 г. в Среднюю Орду во владения Абдулмамбет-султана приехали 40 башкир и жаловались, что «...Россия их разоряет, старых казнят, а молодых - в солдаты, детей их бояре к себе берут и крестят насильно, просят, чтоб им вместе разорять российский народ... Тот солтан дал им 20 дней сроку, чтобы они приехали кочевать с 2 000 кибитками». Шишков сообщал, что 31 мая приехали к Абдулмамбет-султану «...башкирцы, которым было дано срок 20 дней, и просили они помощи, чтоб дал им войска итти в Оренбург и другие города разорить, жалуются, что разорили их россияне, не оставили ни одной лошади».

Султаны Среднего жуза, пытаясь использовать тяжелое положение башкир в своих интересах, выставляли различные условия: одни требовали, чтобы башкиры признали их власть и с семьями перешли жить в их владения; другие хотели навязать башкирам в качестве правителей своих родственников. Не случайно повстанцы уже первое свое обращение за помощью вынуждены были совместить с просьбой дать им хана. Когда повстанцы южных волостей Ногайской дороги обратились к Абдулмамбету-султану во второй раз, они просили дать «им в ханы брата его Аблая салтана» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 45; Л. 1112-1114; *РГАДА.* Ф. 248. Кн. 1164. Л. 735].

Условия казахов вызвали у большинства повстанцев недовольство. Они не намеревались переходить под власть Абдулмамбета-султана или Шаммухамета-мурзы, особенно после того, когда стало известно, как поступала казахская знать с башкирами, пытавшимися найти у них убежище: 50 семей Гирей-Кыпсакской волости Ногайской дороги, бежавших к казахам, «ограбили и разобрали по рукам Шемамет и другие главные кайсаки». Жестокому обращению подверглись и 76 семей из Суун-

Кыпсакской волости той же дороги. Башкиры начали понимать, что «их обманывают и, которые... поедут в Кайсацкую орду, тех кайсаки побивают». Но отказ башкир перебраться в казахские степи не устраивал казахских ханов и султанов. Русские власти, в свою очередь, разжигали враждебное отношение казахов к башкирским повстанцам. В этом им усердно помогал Абулхаир, хан Младшего жуза. За выдачу башкирских послов власти обещали казахам вознаграждение по 200-300 руб. за каждого из них.

Абдулмамбет-султан и Шаммухамет-мурза отказались поддержать восставших. 24 июня 1737 г. они, встретившись с Абулхаиром, решили предложить повстанцам прекратить восстание и принести властям повинную. В ответ башкиры передали Абдулмамбет-султану, что они «...поданных е. и. в. всех башкирцов к себе приклонили, многих порубили, нас де ныне в собрании 8 ООО человек, ныне от вас помощи не просим, сами будем разорять российской народ». По призыву правительства в июле-августе 1737 г. казахские ханы и султаны, вторгшись в пределы южных волостей Ногайской и Сибирской дорог, расправлялись с восставшими. Но простые казахи сочувствовали башкирским повстанцам и приходили им на помощь. Известно, например, что около 700 казахов летом 1737 г. участвовали в восстании. Они совместно с башкирами действовали в районе р. Дема.

Весной 1737 г. произошла смена командиров Башкирской комиссии и Оренбургской экспедиции, что несколько замедлило организацию крупных карательных походов. Имеющиеся военные силы в основном оборонялись. Правительственные команды прикрывали крепости и другие русские населенные пункты. С повстанцами вели борьбу также отряды яицких казаков, мишарей, верных башкир и «вольницы».

Новый начальник Оренбургской экспедиции тайный советник В.Н. Татищев и командир Башкирской комиссии генерал-майор Л.Я. Соймонов 14 июля созвали совещание в Мензелинске, где был разработан план прекращения восстания и недопущения впредь. Для этого решено было увеличить в крае регулярные военные команды, поднять против восставших все пришлое население, в т. ч. русских крестьян и верных башкир, осуществить военное подавление движения. Для военно-политического ослабления башкир предложено было раздробить управление Башкортостаном, создать Исетскую провинцию, куда должны были войти башкиры Сибирской дороги. Башкир Осинской дороги решили подчинить особому ведомству с центром в Осе.

13 августа 1737 г. эти предложения были утверждены правительством. 22 сентября В.Н. Татищеву был направлен указ Сената о проведении в жизнь мероприятий, намеченных в Мензелинске. Местные власти приступили к их реализации. Повсеместно усилились карательные действия. С сентября генерал Соймонов находился в Табынске, откуда руководил подавлением восстания.

Как уже отмечалось, в октябре—ноябре 1737 г. активные действия повстанцев прекратились и начались переговоры между восставшими и властями - воеводой Уфы Шемякиным, главными начальниками края В.Н. Татищевым и Л.Я. Соймоновым. Повстанцы соглашались прекратить борьбу, если власти отпустят на свободу Кильмяка Нурушева, Акая Кусюмова и других арестованных предводителей восстания и не будут требовать штрафных лошадей. Однако власти отказались удовлетворить эти требования. В январе 1738 г. восстание возобновилось. Башкиры Сибирской дороги, создав крупные отряды, вновь начали разорять владения верных башкир и мишарей. В феврале в борьбу включились осинские башкиры. В апреле-мае повстанцы Сибирской дороги неоднократно нападали на Чебаркульскую, Челябинскую и Красноуфимскую крепости, Ревдинский завод. В июне состоялось несколько боев с командой полковника Арсеньева, включавшей регулярные и нерегулярные части (всего 2 500 чел.). Арсеньев вынужден был отступить. В конце июня повстанцы вели тяжелые бои с командой майора Люткина, направленного Соймоновым из Табынска [.*Материалы*... 1936. Ч. 1. № 164, 169. С. 360-361, 369-372].

Итак, восставшие Зауралья, начав борьбу в январе, добились серьезных успехов. Каратели не сумели разгромить повстанцев. Однако вести активные действия становилось все труднее, и в начале июля борьба в Зауралье несколько ослабла.

Недовольные неуступчивостью властей башкиры Ногайской дороги также готовились к новому выступлению. Однако оно сильно запоздало из-за вмешательства казахских феодалов во главе с ханом Абулхаиром. С августа 1737 г. Абулхаир стал посылать на Ногайскую дорогу вооруженные отряды, требуя, чтобы башкиры принесли повинную, а в декабре сам приехал туда. Башкирские повстанцы не были склонны следовать его советам. Абулхаир заверял восставших, что добьется для них уступок от властей, на деле же своими обещаниями он лишь отвлекал башкир от борьбы. Повстанцы, имея возможность начать выступление зимой, бездействовали. За это время власти успели собраться с силами - внезапность нападения была утеряна. Кроме того,

доверившись Абудхаиру, отдельные предводители восставших попали в руки властей. Так случилось с одним из активнейших деятелей восстания в Ногайской дороге Кусяп-батыром Султангуловым, который по приказу Татищева был казнен в сентябре 1738 г.

Восстание в волостях Ногайской дороги началось в апреле 1738 г. Повстанцы нападали на деревни верных башкир и уфимских дворян. В источниках содержатся сведения о том, что в этот период отдельные выступления проходили и в пределах Казанской дороги.

Карательные меры властей помешали развернувшейся в европейской части края борьбе перерасти в широкое движение. 10 мая из Мензелинска выступили войска, возглавляемые генералом Соймоновым. 19 июня они прибыли в Табынск, расположенный в центре Ногайской дороги. Уцелевшие предводители восстания этой дороги Сеитбай Алкалин и Рысайбай Игембетев были вынуждены принести повинную. Вслед за ними стали приходить с повинной остальные повстанцы. Однако часть башкир не шла на примирение с властями. Войска Соймонова приступили к карательным акциям. С июля по осень 1738 г. его команды сожгли 32 деревни, убили в боях, казнили, сослали и отдали в крепостное рабство 881 чел. взрослых и детей.

В июле ослабло движение и в Зауралье. Повстанцы вступили в переговоры с властями. В середине августа в Табынске Соймонову принесли повинную предводители восставших Сибирской дороги Мандар Карабаев, Тюлькучура Алдагулов и Юлдаш-мулла Суярембетев. Однако часть жителей этой дороги, объединившись вокруг Бепени Торопбердина и Алланзиангула Кутлугузина, решила продолжать борьбу. Но в сложившейся обстановке для возобновления активных действий повстанцы нуждались в серьезной военной поддержке. Ее они попытались получить от казахов Среднего жуза. Барак-султан обещал поддержать восставших при условии принятия ханом его сына Шигая-султана. Предводители повстанцев пытались объединить массы вокруг приехавшего в Сибирскую дорогу Шигай-султана, но успеха добиться не удалось. Шигай уехал обратно и звал башкир переехать в его улусы. Восставшие отказались принять его предложение. Не имея достаточных сил для ведения борьбы, Бепеня и Алланзиангул вынуждены были принести повинную. Это произошло в сентябре 1738 г. Так завершилось движение на Сибирской дороге.

В 1737-1738 гг. борьба шла в пределах Сибирской, Ногайской, Осинской и Казанской дорог. Пришлое нерусское население перешло на сторону властей. Особенно активными себя в этом плане показали мишари. Башкирская верхушка и муллы участвовали в борьбе и иногда возглавляли отряды. Незначительная часть башкир, так называемые верные, оказались на стороне властей. Но они существенно не влияли на ход восстания. Верные башкиры в основном являлись осведомителями властей, изредка выступали против небольших отрядов повстанцев, уговаривали повстанцев прекратить борьбу. Предводителями восстания являлись Тюлькучура-батыр Алдагулов, Мандар-батыр Карабаев, муллы Бепеня Торопбердин и Юлдаш Суярембетев - на Сибирской Кусяп-батыр Султангулов, Сеитбай Алкалин и Рысайбай Игембетев - Ногайской, Идзимас Абдулов на Осинской дороге. Повстанцы вели частые переговоры и переписку с властями. Используя исторический материал, они убедительно требовали уступок от властей. Это являлось прежде всего заслугой Бепени Торопбердина и Юлдаша Суярембетева, которые являлись не только боевыми предводителями, возглавляли сражения повстанцев, но и были вдохновителями народной борьбы. Необходимо также отметить, что на данном этапе борьбы восставшие действовали более жестко, чем в 1735-1736 гг. Это было реакцией на массовые жестокости карательных команд, отрядов «вольницы» и верных башкир, татар и мишарей.

Восстание 1737-1738 гг., кроме общих, имело также свои конкретные причины, своих предводителей, лозунги и территорию борьбы. В эти годы башкиры подняли новое восстание, которое, имея свои особенности, было тесно связано с мощными народными движениями 1735-1736 и 1739-1740 гг.

ВОССТАНИЕ 1739-1740 гг.

Разгромив восстание башкир 1737—1738 гг., власти думали, что край окончательно умиротворен. Начальник Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев, характеризуя обстановку в крае, доносил в Кабинет е. и. в.: «...две опаснейшие — Казанская и Ногайская дороги так разорены, что едва половина осталась, а протчия — Осинская и Сибирская дороги - хотя не столько людей пропало, однако ж у всех лошади и скот пропали, деревни позжены и, не имея пропитания, многие з голоду померли». И с уверенностью он добавлял, что вряд ли башкиры сумеют снова поднять восстание.

В этой обстановке власти решили провести перепись населения Башкортостана. Без нее невозможно было приступить к мероприятиям, намечен-

ным в ряде правительственных указов, в частности в указе от И февраля 1736 г. и решениях Мензелинского совещания 1737 г. Общее руководство проведением переписи возлагалось на генерала Соймонова. Находясь в Петербурге, В.Н. Татищев обратился в Кабинет, предлагая в целях отвлечения башкир от сопротивления властям шире использовать их в войнах. Перепись началась в январе 1739 г., во все дороги были направлены офицеры с солдатами и казаками. Приезд переписчиков в башкирские волости вызвал взрыв возмущения жителей, опасавшихся обложения их подушной податью. Недовольные собирались на йыйыны (съезды). В волостях Сибирской дороги батыры Чураш и Кидряс Келдышевы, Ямангуза, Мандар Карабаев, Тюлькучура Алдагулов и другие призывали к неповиновению властям. На ряде съездов, состоявшихся в марте 1739 г., башкиры принимали решения не допустить проведения переписи, а также не выполнять другие распоряжения властей. Приехавший для проведения переписи поручик Черкасов был выдворен из пределов Сибирской дороги.

Башкиры Зауралья обратились с письмом к Соймонову, чтобы он выдал им паспорт для поездки в Петербург с челобитной. Перепись была сорвана и на территории Ногайской дороги. Недовольные объединились вокруг Сеитбая Алкалина и Рысайбая Игембетева. Думая о возобновлении борьбы, они вновь обратились за помощью к казахам Среднего жуза.

Сопротивление переписи, подготовка башкир к новому выступлению стали известны центральным властям. 5 мая 1739 г. Кабинет принял решение о прекращении переписи. Башкирским челобитчикам было разрешено приехать в столицу. Это решение правительства несколько разрядило обстановку в крае, но не привело к полному успокоению, ибо остались другие причины недовольства. Так, с участников движения 1737-1738 гг. продолжали собирать штрафных лошадей. С этой целью по территории Сибирской дороги разъезжали команды Стрижевского и переводчика Романа Уразлина, по Ногайской - капитана Кублицкого. Кроме сбора штрафных лошадей, эти команды изымали захваченное в ходе восстания имущество (оружие, скот и др.). Они также разыскивали жен и детей погибших, казненных и сосланных повстанцев, чтобы выселить их за пределы края. Правительственные команды допускали большие злоупотребления, открыто грабили население. Верные чиновные и «лучшие» башкиры, сопровождая команды, пользовались случаем для сведения личных счетов с повстанцами. Башкиры не могли смириться с творящимся насилием. В июне в ряде волостей Сибирской и Ногайской дорог восставшие стали нападать на верных башкир и русские поселения. В августе 1739 г. Тюлькучура Алдагулов преследовал команды Стрижевского и Уразлина. Но его отряд был окружен и разбит, сам Тюлькучура схвачен и выдан Соймонову.

Следующая попытка возобновить восстание была сделана предводителем зауральских башкир Мандаром Карабаевым. Он обратился за помощью к Шемяку, хану Среднего жуза. Один из видных участников движения Калмаккул Каракучюков во время допроса указывал: «Башкирец Мандар после поимки вора Тюлькучуры послал сына своего Мавлюта с протчими башкирцы 30 человек в Киргиз-Кайсацкую орду... и ежели де означенной Мандаров сына Мавлют из Киргиз-Кайсацкой орды приедет с киргиз-кайсаками, то имеют намерение впредь бунтовать». Далее в показаниях говорилось, что повстанцы Ногайской дороги призывали башкир Сибирской дороги «быть им, всем башкирцам, в одном согласии в подданстве у е. и. в. А ежели ис Киргиз-Кайсацкой орды приедет Шемякхан с людьми, то б соединиться с ними... чтоб вместе воровать». Однако и переговоры с казахами оказались безрезультативными.

Казахские ханы и султаны пытались подчинить башкир своей власти. Однако их притязания были отвергнуты большинством повстанцев, несмотря на склонность отдельных предводителей восстания по тактическим соображениям принять условия казахов. Связи башкир с казахами в тот период нельзя рассматривать как стремление повстанцев отказаться от русского подданства и перейти под власть казахских ханов. Поддержка казахов нужна была повстанцам для того, чтобы заставить правительство пойти на уступки. Подтверждением этого является тот немаловажный факт, что в период переговоров с казахами башкиры добивались от царских властей прощения за участие в восстании без всяких условий, требовали отмены присяги в крепостях, сбора штрафных лошадей, освобождения арестованных вожаков движения и других повстанцев предыдущего восстания, отзыва карательных команд, остановки произвола верных башкир. Эти требования были изложены в челобитных к Татищеву, Соймонову, другим представителям администрации и командирам правительственных команд.

Летом и осенью 1739 г. башкирам не удалось начать широкое движение. Это объясняется рядом причин. Сильные царские команды и их сторонники были готовы по первому сигналу выступить про-

тив восставших. Повстанцы в ходе восстания 1737-1738 гг. понесли большие потери. Погибли в боях, были казнены многие их предводители. Не могла не сказаться и известная усталость масс.

Важным шагом стало решение башкир выдвинуть хана и попытаться объединить вокруг него недовольных, чтобы поднять новое массовое восстание. Таким ханом стал Карасакал. Существует несколько версий о личности Карасакала. Местные власти и очевидцы событий (П.И. Рычков и пленные повстанцы-башкиры) считали, что тот был рядовым башкиром Юрматынской волости Ногайской дороги, звали его Миндигул Юлаев, что в это время его родственники жили в бассейне р. Селеук. По другой версии, Карасакал являлся действительно выходцем из ханского рода, потомком сибирских ханов. Как видно, вопрос о происхождении Карасакала сложный, он нуждается в специальном исследовании.

Карасакал был незаурядной личностью. Его современник П.И. Рычков писал, что Миндигул Юлаев «...говорил умно, увлекательно и доказательно, жизнь вел безукоризненную, был религиозен до фанатизма. Все это давало Карасакалу право на общее уважение». Историк-краевед XIX в. Р.Г. Игнатьев, посвятивший специальное исследование деятельности Карасакала, отмечал, что он был смелым наездником и воином, хорошо знал арабский язык и все местные и среднеазиатские наречия, превосходно толковал Коран, побывал в священных местах мусульман Мекке и Медине, звался хаджи *[Игнатьев,* 1922. С. 42].

С начала 1739 г. Карасакал жил в работниках в разных аулах Барын-Табынской и Кара-Табынской волостей Сибирской дороги. По поручению башкир он несколько раз ездил к казахам для выкупа пленных. Осенью 1739 г. Карасакал совершал частые поездки по волостям Сибирской дороги, ездил за Урал, неоднократно встречался с Алланзиангулом Кутлугузиным, Мандаром Карабаевым и другими предводителями будущего восстания. Возможно, его поездки к казахам были попыткой добиться их военной помощи готовящемуся восстанию. Когда же стало ясно, что казахи не склонны поддержать башкир, инициаторы движения Алланзиангул Кутлугузин, Мандар Карабаев, Ярмухамет Хаджиев и Карасакал решили самим выдвинуть хана [.*Материалы...* 1936. Ч. 1. № 176]. Принимая такое решение, они прежде всего стремились заставить правительство пойти на уступки. Об этом свидетельствуют и материалы допросов восставших. На допросе Алланзиангула Кутлугузина выяснилось, что «...посылал на оного Миндигула, называемого ими хана, Тарнаклинской волости башкирец Ярмухамет Хаджиев своего брата Кодряя, чтоб его привесть для возмущения нового бунта, и по оному зову приехал он Миндигул... И тогда со общего согласия всех нижеписанных воровского собрания старшин и башкирцов поехали мы по волостям призывать к возмущению сообщников, и я с ними был и разглашали мы на страх верноподанным башкирцам, якобы имеется того называемого хана Салтан-Гирея войско 82 ООО, которое де стоит у Астраханского моря» *[Там же.* С. 395]. Из показаний другого повстанца Азнабая Тляугулова следует, что «...оной называемый хан Салтан-Гирей подлинный вор башкирец, имя ему Миндигул... и назвали его ханом Салтан-Гиреем вышеобъявленныя главныя воры злоумышленно, хотя всех башкирцев привесть в возмущение и бунт» *[Там же.* № 177. С. 398].

Но была другая, возможно, главная причина появления хана. Как сказано выше, организация Оренбургской экспедиции означала, по существу, официальный отказ от условий присоединения Башкортостана к России. Массовой вооруженной борьбой в 1735-1736, 1737-1738 гг. башкиры пытались изменить эту политику. Но правительство не пошло на уступки. В этих условиях повстанцы отказались от русского подданства. Объявление ханом одного из предводителей восстания можно рассматривать как начало борьбы за создание самостоятельного государства. Повстанческое движение башкирского народа приобрело новое качество.

Карасакала нельзя было объявить ханом под его собственным именем, если он был башкиром. Ханом мог быть лишь представитель ханского рода. Поэтому он был назван Султан-Гиреем, сыном джунгарского хана. Его сторонники утверждали, что Султан-Гирей был лишен законного трона своим братом, ныне царствующим в Джунгарии Галдан-Череном. В изгнании он носит имя Карасакала, но будет царствовать под именем Султан-Гирея.

Карасакала провозгласили ханом, по-видимому, в начале 1740 г. Организаторы восстания, чтобы привлечь на свою сторону побольше людей, распространяли слухи о том, что у хана много приверженцев не только в Джунгарии, но и в казахских степях *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 175. С. 378—394].

В конце января Карасакал со своими сторонниками стал открыто ездить по волостям Сибирской дороги, собирая силы для выступления. Вначале он набрал 60 чел., но вскоре их число возросло до 400. В феврале восставшие начали активные действия. С отрядом в 200 чел. хан направился в Тырнаклинскую волость, где находилась команда Уразлина. Восставшие хотели «чинить нападение на них, пере-

водчика и убить ево и с русскими и других надежных башкирцев, кои имеются при нем». Уразлин бежал в Кудейскую волость. Повстанцы расправлялись с представителями властей, «лучшими» башкирами, верными мишарями. Так, они поймали мишаря Мансура, который по поручению воеводы разыскивал беглых людей. Задержанные им беглые люди были отпущены на свободу. По призыву Уразлина против восставших выступили знатные башкиры Кузяш Рахмангулов, Мендияр Аркаев, Шиганай Бурчаков и другие, всего 27 чел.. Однако Кузяш Рахмангулов и его сторонники не смогли разгромить повстанцев. Тогда Уразлин обратился за помощью к воеводе Уфы.

В марте движение в Зауралье ширится. Для того, чтобы вдохновить повстанцев, вовлечь в борьбу новые силы, ее предводители распространяли слухи и письма о скором прибытии крупного подкрепления. Сохранилось письмо Искандар — султана к Султан-Гирею, написанное в первой половине марта 1740 г. В нем говорится, что во главе полутора тысячного войска он приехал в Башкортостан, за ним идет еще 25 тыс., а 80 тыс. чел. прибудут в конце апреля — начале мая. Восстание объявлялось делом, угодным мусульманству, и письмо заканчивалось пожеланием успеха повстанцам [*Материалы...* 1936. Ч. 1. № 174. С. 372].

В середине марта широко развернулось восстание на Сибирской дороге. В борьбу включились жители Айлинской, Тырнаклинской, Куваканской, Тубелясской, Кара-Тавлинской, Мурзаларской, Туркменской, Кудейской, Дуванской и Кара-Табынской волостей. Уразлин со своим отрядом был вынужден покинуть пределы Сибирской дороги.

Для прекращения движения генерал Соймонов во второй половине марта направил против восставших крупные силы: с востока на повстанцев наступили команды полковника Арсеньева и подполковника Павлуцкого, с севера, из района Красноуфимска, — отряды подполковника Путятина, с запада, из Табынска, - команда капитана Кублицкого. Были мобилизованы верные мишари, татары и башкиры Сибирской, Ногайской и Казанской дорог. Чтобы быть ближе к району восстания, Соймонов 22 марта 1740 г. прибыл из Мензелинска в Уфу. В конце марта в ходе сражений восставшие понесли большие потери и отступили в горы. 1 апреля верные башкиры во главе с Кузяшем Рахмангуловым и Зайсаном Карабашевым разбили отряд Алланзиангула Кутлугузина. Сам Алланзиангул попал в плен. Это было тяжелым ударом по восстанию. Хан со своим отрядом перебрался в пределы Ногайской дороги.

Появление хана стало сигналом для начала восстания на Ногайской дороге. На борьбу поднялись жители Катайской, Тубелясской, Тамьянской, Тангаурской, Дуван-Табынской, Кубелякской и Телевской волостей. Тяжелое поражение в боях с повстанцами здесь потерпел отряд верных башкир во главе с Булатом Зиликеевым. Последний в одном из боев потерял только убитыми 150 чел.. Восставшие отразили нападение верных башкир Сибирской дороги. К середине апреля движение охватило всю юго-восточную часть Ногайской дороги. Активных повстанцев насчитывалось уже свыше 1 500 чел.. Их ставка находилась в Тамьянской волости. Предводителями восставших были башкиры Катайской волости Тлевкей Улатемиров и Дуван-Табынской волости Султан Арсланбеков. Они были пожалованы ханом в князья, некоторые повстанцы удостоены чина есаулов *[Рычков,* 2001. С. 137; *Материалы...* 1936. Ч. 1. № 179. С. 400-401].

В волостях Ногайской дороги хан и его помощники, как и в Зауралье, распространяли слухи о многочисленном войске, которое идет на помощь повстанцам. В первое время подобные слухи способствовали активизации борьбы, ускоряли переход колеблющихся в ряды повстанцев. Но проходило время, а обещанное войско не появлялось. У повстанцев начало возникать недоверие к предводителям, они стали сомневаться в существовании этого ханского войска. Так, башкир Катайской волости Кусюк Кулчурин «...приехав с своими людьми к Карасакалу и спрашивал, чтоб он войско свое ему, Кусекею объявил, и ежели не объявит, то ева, поймав, отдаст в руские руки». Вскоре после этого хан уехал из Катайской волости, говоря, что «поехал искать своего войска, и ежели де пройдет 7 дней, а с войском он не будет, то б ева обратно не ждали» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 184. С. 422].

Отъезд хана отрицательно сказался на развитии движения. Часть повстанцев прекратила борьбу. До Табынска доходили вести о том, что восставшие «...ныне состоят в великой печали». В мае башкиры Ногайской дороги два раза посылали своих людей на поиски войска хана, «до реки Иргис ездили и никого не нашли» *[Там же.* № 177, 178].

После некоторого перерыва, связанного с отступлением Миндигула на территорию Ногайской дороги и поимкой Алланзиангула Кутлугузина, в середине апреля активные действия в Зауралье возобновляются. Возвращение хана в конце апреля на Сибирскую дорогу способствовало здесь новому оживлению движения.

В мае восстание активизируется. В начале мая отряд хана, состоящий из 200 чел., разорил владения

верного башкира тархана Баима Кедряева. Затем восставшие напали на команду Уразлина, которая вновь прибыла в Зауралье. Люди хана действовали и вблизи Верхне-Яицкой крепости. Источники сообщают, что на дороге, связывающей Верхне-Яицк с другими крепостями, хан велел поставить «караул воров-башкирцов 100 человек для того, чтобы от российских войск с письмами не пропущали». Восставшие действовали и в других районах Сибирской дороги. Башкиры Куваканской, Айлинской и других волостей во главе с Азнабаем Тляугуловым нападали на отряды верных башкир Кыр-Кудейской и Белекей-Кудейской волостей, разорили тархана Исмагила Мундурова и других, позже напали на верных башкир и мишарей, живущих по рр. Сим и Юрюзань *[Там же]*. По сведениям, полученным на допросе участника восстания Бурангула Емекеева, «...к вору... Карасакалу пристало воров башкирское немалое число и когда прибудет с Сибирской дороги с 600 человек, то будет всех в собрании воров башкирцов 3 ООО». Здесь идет речь лишь о повстанцах, которые действовали в отряде хана.

В волостях Ногайской дороги движение несколько ослабло. Однако восставшие неоднократно нападали и разоряли аулы верных башкир. Сторонники властей получали помощь из Табынска, где находилась команда Кублицкого. Так, с 9 по 16 мая команда Кублицкого и верные башкиры, объединившись, нанесли повстанцам несколько поражений.

С середины мая царские команды начали активное наступление на восставших. В операциях участвовало 7 059 солдат, драгун, казаков, крестьян, верных башкир и мишарей. Кроме того, спокойствие в крае обеспечивали воинские команды (11 312 чел.), размещенные в различных городах и крепостях края *[Там же]*.

Основные силы восставших отступали на юг. В конце мая они находились в бассейне р. Кизил. Многие отряды восставших Сибирской и Ногайской дорог тоже устремились в этот район. Возможно, хан и другие предводители пытались, сосредоточив здесь крупные силы, дать отпор карателям.

В 20-х числах мая на р. Кизил состоялось ожесточенное сражение между восставшими и командой подполковника Павлуцкого. В разгар боя на помощь Павлуцкому подоспела команда секунд-майора Языкова. Несмотря на отчаянное сопротивление, повстанцы были разбиты. Они потеряли убитыми 400 чел.. 23 мая Павлуцкий и Языков на р. Яик напали на отряд хана. Большинство повстанцев полуторатысячного отряда успело переправиться через реку. Оставшиеся на левом берегу 150 чел. были убиты карателями. В тот же день сюда подошла команда капитана Кублицкого, шедшая с боями из Табынска. Переправившись через Яик, правительственные команды продолжали расправу с восставшими, невзирая ни на пол, ни на возраст.

3 июня каратели переправились через р. Тобол. В 110 верстах восточнее Тобола команда Павлуцкого настигла отряд хана. Состоялся ожесточенный бой. Восставшие потеряли убитыми свыше 300 чел. В этом бою погибли видные предводители движения Мандар Карабаев, Ярмухамет Хаджиев, Исламгул Юлдашев и др. Остатки отряда во главе с раненым ханом сумели уйти в казахские степи. В последующие несколько дней команды Павлуцкого, Языкова и Кублицкого продолжали расправляться с повстанческими отрядами, которые пытались уйти в казахские степи *[Там же.* № 189].

В середине июня началась операция по захвату повстанцев, укрывавшихся в горах и лесах Сибирской и Ногайской дорог. С середины июня до конца сентября 1740 г. каратели разыскивали восставших и расправлялись с ними. Истреблению подлежали не только повстанцы, но и члены их семей. Скот и имущество отбирались, деревни и посевы сжигались. Кроме команд полковника Арсеньева, подполковников Павлуцкого и Путятина, секунд-майора Языкова, капитана Кублицкого, входивших в корпус командира Башкиркой комиссии генерала Соймонова, в этих действиях участвовало и состоявшее из 5 878 чел. войско нового начальника Оренбургской комиссии генерал-лейтенанта В.А. Урусова.

Урусов и Соймонов решили дать «потомственный страх» башкирскому народу. Для этой цели, собрав под Оренбургом уцелевших повстанцев и членов их семей (около 6 тыс. чел.), генерал Урусов 25 августа 1740 г. организовал их публичную экзекуцию и казнь: 5 чел. были посажены на кол, 11 повешены за ребра, 85 повешены, 21 обезглавлен. Остальных погнали в Сакмарский городок, где 17 сентября вновь устроили публичную казнь 170 чел. Жены и дети казненных были розданы в крепостное рабство участникам карательной экспедиции. У 301 повстанца отрезали уши и носы *[Рычков*, 2001. С. 123-124].

Итак, восстание 1739-1740 гг. было подавлено с еще большей жестокостью, чем предыдущие. По неполным данным, за 1739-1740 гг. башкиры потеряли погибшими, казненными, сосланными на каторжные работы, розданными для поселения в центральных уездах страны свыше 16 тыс. чел.. Лишь с июня по сентябрь 1740 г. в волостях Сибирской и Ногайской дорог каратели сожгли 725

деревень, уничтожили заготовленное сено и убранный хлеб, 1 394 загона разных хлебов, отобрали 5 298 лошадей, 5 736 коров *[Материалы...* 1936. Ч. 1. № 173, 175, 186-194; *История...* 2004. С. 185].

Основными участниками восстания 1739—1740 гг. были башкиры Сибирской и Ногайской дорог. Борьбу возглавляли Карасакал, провозглашенный ханом, а также Алланзиангул Кутлугузин, Мандар Карабаев, Чураш Келдышев, Исламгул Юлдашев, Ярмухамет Хаджиев из Сибирской дороги, Тлевкей Улатемиров, Султан Арсланбеков Ногайской дороги, старшины, сотники, батыры. Выдвижение хана помогло поднять массы башкир на новое восстание. Но, ожидая появление обещанного Карасакалом войска, повстанцы не всегда действовали активно. Отсутствие военного подкрепления подорвало доверие к хану. Сплочение недовольных башкир вокруг хана говорит о том, что для них также был характерен наивный монархизм, как у русских крестьян во время их восстаний XVII-XVIII вв.

Несмотря на военный разгром движения 1739-1740 гг., правительство вынуждено было пойти на существенные уступки восставшему народу. В 1739 г. оно отменило перепись коренного населения, отказалось от обложения башкир подушной податью и лишения их вотчинного права на землю, несмотря на неоднократные предложения начальников края. Подобная осторожная и взвешенная политика властей является прямым следствием самоотверженной борьбы башкир в 1739-1740 гг.

ВОЛНЕНИЕ БАШКИР-ТЕПТЯРЕЙ, БОБЫЛЕЙ И МИШАРЕЙ В 1747 г.

В первой трети XVIII в. численность припущенников среди башкир стремительно росла, отчего -государство несло двойной урон. С одной стороны, оно теряло своих налогоплательщиков в соседних уездах, откуда в Башкортостан бежали от гнета ясачные татары, чуваши, марийцы, удмурты, а также русские крестьяне. С другой, в башкирских вотчинах, где до второй половины XVIII в. переписи населения не проводились, невозможно было организовать сыск и возврат беглых ясачных людей и крестьян.

Среди припущенников наиболее многочисленную группу населения составляли тептяри и бобыли. Тептяри по своему происхождению являются продуктом социально-экономического развития башкирского общества *[Асфандияров,* 2006а. С. 262—269]. Первоначально тептярями назвались обедневшие башкиры, не способные самостоятельно вести хозяйство и платить ясак, фактически вытесненные из общества вотчинников-башкир. Они были вынуждены жить в башкирских вотчинах на условиях припуска, как правило, по устной договоренности, уплачивая богатым сородичам оброк или неся за них военную службу. Постепенно в состав тептярей вливались беглые татары, чуваши, марийцы, мордва и удмурты, с которыми в большинстве случаев башкиры оформляли договоры и оговаривали условия припуска. Бобыли, среди которых были башкиры, беглые русские крестьяне и представители других народов Поволжья, заселялись явочным порядком. В центральных уездах страны бобыли относились к самой бедной части населения, не имевшей своего хозяйства и двора. В Башкортостане бобыли обзаводились своим хозяйством, но жили на башкирской земле без оформления арендных отношений. В начале XVIII в. бобыли составляли большинство припущенников, но впоследствии, по мере оформления с башкирами договорных записей о припуске, они пополняли собой ряды тептярей *[Асфандияров,* 2006а. С. 263]. В 1631—1632 гг. бобыли, как и тептяри, были обложены подворным ясаком *[Рахимов,* 20086. С. 20].

С середины 30-х гг. XVIII в., как известно, вся полнота власти в Башкортостане была возложена на начальников Оренбургской экспедиции (комиссии). Одной из неотложных задач, стоявших перед ними, было выявление дополнительных источников доходов в Уфимской провинции не только для пополнения казны, но и для. содержания Оренбургской экспедиции. Поэтому сразу по прибытии в г. Уфу первый начальник экспедиции И.К. Кирилов организует регистрацию всех башкирских тарханов. Одновременно проводится перепись тептярей и возвращение части беглых татар, чувашей, мордвы, вотяков и русских крестьян в Казанскую и другие губернии. Указом Анны Ивановны было открыто широкое поле деятельности для И.К. Кирилова. Он был назначен единственным распорядителем средств, предназначенных для Оренбургской экспедиции, что впоследствии было подтверждено указом от 11 февраля 1736 г., где говорилось: «...уфимские прибылые доходы отдать в полную диспозицию оного Кирилова».

Следует отметить, что до 1734 г. порядок взимания ясака с башкир и их припущенников оставался прежним. Как правило, с тептярей и бобылей ясак взимался мехами: по 1 и 2 куницы со двора или деньгами - от 20 до 60 коп. Платили они и подымные деньги — 4 коп. со двора. С бобылей взимались

еще ямские деньги - по 5 коп. со двора. Ясачный оклад тептярей и бобылей, поселившихся на башкирских землях, был ниже подушных денег, взимавшихся с русских крестьян и нерусского населения Поволжья и центральных уездов. С крепостных крестьян подушный оклад взимался в размере 70 коп. с души мужского пола, а с государственных крестьян — по 1 руб. 10 коп. Как говорится в документах того времени, «Оные башкирские народы в прежние давные годы Уфимского уезду иноверцов припустили на свою вотчинную землю и отделили им из своих окладов некоторое число ясаку, и иные числили в помощь себе тот же оклад, а другие завели с ними свойство. И счисляются они и поныне ясашными башкирцами и тарханами, которых состоит во всем уезде немалое число; против своей братьи иноверцов никаких податей не платят и службы особливо не отправляют» *[Материалы...* 1949. Т. III. № 577. С. 556].

В первой трети XVIII в. усиливается налоговый гнет на ясачных людей. 5 июня 1734 г. состоялся указ Сената о пересмотре ясачного оклада. Раньше числилось 6 188 чел. башкир-плательщиков ясака и 8 355 дворов тептярей и бобылей, тоже плативших ясак. После пересмотра оклада было обнаружено 1 096 чел. новых плательщиков-башкир и 3 847 дворов тептярей и бобылей, не обложенных ясаком. По новому окладу количество плательщиков — башкир возросло до 7 284 чел., тептярских и бобыльских дворов — до 12 202. Соответственно этому увеличилась и сумма ясачного оклада. Новый ясачный оклад с башкир выразился в сумме 2 054 руб. 78 коп., с тептярей и бобылей — 8 506 руб. 8,75 коп. Общая сумма ежегодного ясачного оклада с 1734 г. составляла 10 560 руб. 86,75 коп.

Обострились отношения между башкирами и припущенниками в ходе восстаний 30-х гг. XVIII в., когда указом от 11 февраля 1736 г. выступившие на стороне царского правительства припущенники получили право безоброчно жить на башкирских землях. Воспользовавшись этим указом, припущенники отказывались платить оброк не только участникам восстания, но и так называемым «верным» башкирам.

Таким образом, правительство, всегда опасавшееся увеличения численности и усиления башкирского общества, воспользовалось началом башкирских восстаний 1735—1740 гг. для того, чтобы внести раскол между башкирами и их припущенниками. Мишари, тептяри и другие припущенники указом 1736 г. были освобождены от всяких обязательств перед башкирами и фактически признаны в качестве самостоятельной группы населения в Башкортостане.

После подавления башкирских восстаний 30-х гг. XVIII в. в Башкортостане устанавливается невиданно жестокий режим царской власти. Та задача, которая была еще поставлена в предложениях В.Н. Татищева и А.П. Волынского, активно претворялась в жизнь. В первую очередь, карательные меры были направлены против башкирского народа. Вместе с тем не могло не ухудшиться положение бывших припущенников, которые прежде находились под защитой башкирских вотчинников, а теперь оказались в прямой зависимости от царских чиновников. При поддержке властей заметно усилилась крестьянская колонизация края, в ходе которой новые переселенцы занимали земли бывших участников восстаний, на которые претендовали тептяри и мишари. Изматывающие земельные тяжбы, в которые втягивались и башкиры-вотчинники, отныне становятся постоянными. В связи со строительством пограничных крепостей увеличились трудовые повинности населения. Если башкиры и мишари несли военно-сторожевую службу, то тептярей и бобылей в основном использовали на ремонтных и строительных работах. Усилилась политика христианизации в отношении тептярей и других нерусских народов Башкортостана. Реальными защитниками ислама в Среднем Поволжье и на Урале всегда выступали башкиры. В ходе подавления восстаний 30-х гг., которое сопровождалось крещением пленных башкир, женщин и детей, было сожжено множество мечетей, ослаблена экономическая и духовная основа башкирского общества. Особенно ощутимым был рост государственных податей. Прежде за все поборы с башкир и припущенников несли ответственность башкирские бии и тарханы. Ежегодная сумма всех окладов составляла около 6 000 руб., «которой платился всегда без доимки». В период восстаний многие башкиры были убиты, остальные перестали платить налоги, и, как писал в своем донесении императрице Елизавете переводчик Уфимской провинциальной канцелярии Кильмухамет Ураков, «а положенного окладу на всем уезде числится в доимке около 15 000 руб., которые безпрестанно спрашиваются под штрафом» *[Там же.* № 577. С. 556]. Недоборы податей с башкирского населения надо было каким-то образом восполнить.

В 1747 г. тептяри и бобыли вместо прежнего ясака по 82 коп. с двора были обложены подушной податью в размере 80 коп. с души м. п., а мишарей, которые до этого были свободны от налогов, обязали платить по 25 коп. с двора.

До 1747 г. пришлое население, поселившееся на башкирских землях, как правило, подушную подать государству не платило. Поэтому решение правительства вызвало огромное недовольство среди тептярей и бобылей. Ссылаясь на то, что подать наложена на них местной администрацией, без ведома правительства, они стали отказываться ее платить. Это и послужило причиной массовых, волнений башкиро-тептярей, бобылей и мишарей. Вотчинники-башкиры в этих волнениях не участвовали.

По своему характеру это волнение низов башкирского общества носило антиправительственный характер, но требования участников волнения ограничивались только протестом против введения подушной подати. Хотя в это движение были вовлечены представители разных этнических групп - башкиры-тептяри, мишари, татары, марийцы, удмурты и другие, по социальному составу это было, в основном, выступлением тептярей и бобылей. Среди тептярей преобладающими были выходцы из башкир. В ходе подавления башкирских восстаний 30-х гг. многие участники восстаний, как состоятельные, так и рядовые башкирские общинники, потеряв земли, имущество и родных, оказались среди тептярей. За период восстаний численность тептярей возросла почти в полтора раза: если в 1735 г. их насчитывалось 11 294 душ м. п., то в 1742 г. их стало 29 545 чел. [*Буканова*, 19996. С. 46; *Рахимов*, 20086. С. 21].

На заметное уменьшение башкир и увеличение численности небашкирского населения в Башкортостане после подавления восстаний 30-х гг. и во второй половине XVIII в. указывали многие авторы. Так, В.М. Кабузан писал о большой убыли населения в период башкирских восстаний 1735-1740 гг., последствия которой были преодолены лишь к 90-м гг. XVIII в. *[Кабузан*, 1992. С. 42]. Вопрос о численности населения этого района и темпах его роста в XVIII-XIX вв. рассматривал и Р.Г. Кузеев *[Кузеев*, 19686. С. 348-370]. По справедливому мнению В.М. Кабузана, приведенные Р.Г. Кузеевым абсолютные показатели численности населения по ревизиям не позволяют судить ни о темпах миграционного процесса, ни о причинах увеличения численности небашкирского населения в крае. Однако указанные авторы ограничивают этническую статистику башкир лишь рамками самого башкирского этноса, не принимая во внимание то обстоятельство, что в критические периоды истории могли быть массовые переходы не только в другое вероисповедание, изменение их социального статуса, но и переходы в другой этнос.

Середина и вторая половина XVIII в. характеризуются некоторым возрастанием численности татар. Это явление В.М. Кабузан объяснял отатариванием чувашей, мордвы, вотяков, марийцев, которые, не желая принимать христианства, уходили в Южное Приуралье из Казанской и Вятской губерний. По его мнению, отатариванию пришлого населения способствовала и магометанская вера.

Однако более высокие темпы роста небашкирского населения шли за счет этнических башкир, что явилось следствием репрессивной политики царского правительства в ходе подавления башкирских восстаний. Все участники башкирских восстаний, розданные помещикам, были крещены и впоследствии влились в состав русского населения, окончательно потеряв связь с башкирским этносом. Большая часть башкир оказалась в составе родственных по языку и культуре татар, а по социальному статусу перешла в разряд тептярей. Так, очевидец тех событий П.Д. Аксаков сообщал о том, что «Уфинского ж уезду башкирцы и протчие иноверцы розданы во время последняго бунта, то есть с 1735-го году, в противность указов в Уфинском уезде, в Казанскую губернию и в ее ведомстве правинциях и приписных городех и уездах, коих обоего полу великое число роздано, продано, покрадено и протчими случаи побрано, кои под игом у своей братьи татар в холопстве содержутся в близости от своих кровных» *[Материалы...* 1949. Т. III. № 576. С. 550].

Большинство авторов этническую группу татар в Башкортостане идентифицируют с социальной группой тептярей. Так, Р.Г. Кузеев считал, что около 90 % тептярей были татарами. В.М. Кабузан, крупный специалист по истории народонаселения России, не был согласен с этой точкой зрения и считал, что тезис о том, что подавляющую часть тептярей составляли татары, является недостаточно обоснованным. По его мнению, в число тептярей входили самые разноплеменные группы населения. Среди них первое время численно преобладала мордва, однако магометанская вера способствовала быстрому отатариванию этого населения, что в XVIII—XIX вв. было характерно для всего Поволжья и Приуралья. Как он отмечал, «население, отклоняющее христианство (чуваши, мордва, вотяки, черемисы) и порывающее с идолопоклонничеством, постепенно отатаровалось повсеместно. Лишь весьма многочисленное и компактно проживающее башкирское население оказалось в состоянии проти-востоять этому процессу и даже ассимилировать калмыков, сарт, тептярей в ряде районов, группы казахов, тезиков (тюркоязычных пришельцев из Средней Азии), каракалпаков и мишарей в южной и горной Башкирии» *[Кабузан*, 1992. С. 43].

Таким образом, рост численности тептярей, так же как и рост численности татар в Башкортостане в XVIII в., объясняется В.М. Кабузаном тем, что подавляющую часть тептярей составляли отатарившиеся мордва, чуваши и другие выходцы из Казанской и Вятской губерний. Однако документально это не подтверждается.

Рассмотрим этот вопрос применительно к тем семи годам XVIII в. (1735-1742 гг), которые характеризуются резким ростом численности тептярского населения и которые предшествовали первому самостоятельному выступлению тептярей в 1747 г. За счет каких слоев населения пополнялась численность тептярей в этот период времени? Прежде всего следует иметь в виду, что в грозные годы восстаний приток народов из Поволжья резко сократился. Более того, в эти годы многие беглые крестьяне и ясашные люди, поселившиеся в башкирских волостях, благодаря усилиям начальника Оренбургской экспедиции И.К. Кирилова в 1735—1736 гг. были отысканы и возвращены на места прежнего жительства. Припуск на башкирские земли прекращается. Целенаправленная переселенческая политика и массовый перевод населения из центра в Башкирский край начинается только с начала 40-х гг. XVIII в. Однако новые переселенцы, включая русских, малороссиян, новокрещен и служилых татар, размещались в основном в городах-крепостях и на пограничной линии [*Буканова*, 19976. С. 182—191]. Поэтому число башкирских припущенников, коими до 1736 г. являлись тептяри, в условиях военного времени резко сократилось и не могло увеличиться за счет притока извне. Именно башкиры, которые в ходе восстаний потеряли не только вотчинные права, но морально и экономически были низведены до положения своих припущенников-тептярей, и пополнили их ряды. Иначе как можно объяснить тот факт, что за 7 лет, с 1735 по 1742 г., численность тептярей и бобылей выросла почти в полтора раза - на 18 251 душу без учета женщин и детей?

Таким образом, рост небашкирского населения происходил, главным образом, за счет внутренних источников. Многие башкиры становятся тептярями *[Буканова*, 19996. С. 44-51].

Очевидно, многие тептяри из башкир, бывшие свободные общинники и участники восстаний, приняли наиболее активное участие в волнениях 1747 г. По характеру протеста и тактике движения башкиро-тептярско-бобыльское выступление напоминало восстания башкир: арест и выдворение из деревень русских «прибышьщиков», попытка выехать в Петербург с челобитной, решение созвать съезд представителей тептяро-бобыльского населения края на р. Чесноковке под Уфой и другие действия, характерные для башкирских выступлений. Основными движущими силами данного выступления явились тептяри, из которых многие прежде были свободными общинниками. Об активном участии бобылей сведений почти не имеется.

Движение началось на территории Сибирской дороги. 16 июля 1747 г. в д. Мелегес Сибирской дороги приехал из Уфы вахмистр Моисеев. Собрав жителей деревни, он объявил бобылям и тептярям указ о введении подушной подати. Собравшиеся категорически отказались платить новый налог. Возмущенные происходящим, они арестовали местного сотника и писаря, а самого Моисеева выдворили из деревни. Свои требования они изложили в челобитной на имя исполняющего обязанности уфимского воеводы полковника Люткина, в которой обосновали свой отказ платить новый налог и просили выдать им паспорта для поездки в Петербург с жалобой. В этом выступлении наряду с населением д. Мелегес участвовали жители дд. Нимисларово, Бедеево, Обдеево, Шиды, Енасеево, Байгильдино и Укарлино.

Волнения тептярей, бобылей и мишарей, вызванные новыми поборами, прокатились по многим деревням Башкортостана. Примерно в это же время состоялось выступление тептярей и бобылей Осинской дороги. В волнениях на Осинской дороге участвовало около 300 башкир, татар и марийцев из дц. Алтыбаево, Казово, Сухоязы, Тазларово, Тагаево. Их возглавил новокрещен из марийцев Нурка Борисов. Собравшись в д. Тагаево, они отказались платить новый налог. В некоторых деревнях дело доходило до открытого столкновения: восставшие избивали представителей местной администрации.

Участниками волнений на Осинской дороге было даже решено созвать съезд представителей тептяро-бобыльского населения края на р. Чесноковка под Уфой, там, где обычно устраивались всебашкирские съезды, чтобы сообща добиваться отмены подушной подати. От них в Уфу были посланы выборные. Они должны были довести до уфимской администрации свои требования, а также добиться у уфимского воеводы выдачи им паспортов для поездки в столицу и подачи челобитной на имя императрицы. Постепенно к этому движению стали примыкать мишари ряда деревень *[История*... 2004. С. 186-187].

Волнения тептяро-бобыльского населения и примкнувших к ним мишарей серьезно обеспокоили губернскую администрацию. Если в период восстаний 1735-1740 гг. удалось разделить и противопоставить население Башкортостана по этническому признаку, то в данном случае башкиры-тептяри,

татары, марийцы, удмурты и мишари выступали с единым требованием отмены подушной подати. Правительство опасалось, как бы начавшееся волнение не поддержали башкиры. В срочном порядке в район волнений был направлен отряд численностью 550 чел. майора Кублицкого, а из Оренбурга в Уфу послан генерал-майор Штокман во главе команды из 1 750 чел.. По волостям разъезжали посланцы И.И. Неплюева, которые призывали тептярско-бобыльское население сохранять спокойствие [*Витевский*, 1891. С. 427-431].

Башкиро-тептярское, бобыльское и мишарское движение не получило широкого размаха. Это были локальные выступления на территории Сибирской и Осинской дорог. Участники волнения вели себя пассивно; они не были объединены; кроме Нурки Борисова, среди них не было авторитетных предводителей, способных повести за собой. Тептяри, занимавшиеся в основном земледельческими промыслами и подсобными работами, не имели навыков вооруженной борьбы. При появлении царских войск тептяри и бобыли были вынуждены покориться и дать согласие платить подушную подать. Первыми прекратили сопротивление тептяри и бобыли Сибирской, затем Осинской дорог. Вооруженное сопротивление оказал небольшой отряд из 400 чел., которым руководил Нурка Борисов. На р. Танып он вступил в бой с карателями, но потерпел поражение. В ходе сражения 70 чел. было убито, около 100 взяты в плен.

Власти беспощадно расправились с участниками волнения. Организаторы сопротивления мариец Нурка Борисов, удмурты Сабан Ураев и Сенька Семенов, татарин Муртаза Нурмешов, мишар Абдул Люселлеев были биты кнутом и сосланы на пожизненную каторгу в Рогервик. Остальные повстанцы частью были отправлены на каторжные работы, частью после наказания были отданы под поручительство волостных старшин *[Там же.* С. 187].

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что башкиро-тептярское, бобыльское и мишарское движение 1747 г. является проявлением недовольства народов Урала и Среднего Поволжья политикой властей. Это было выступление наиболее угнетенной и бесправной части населения, не имевшей, в отличие от башкир, юридически закрепленных прав и свобод. По существу, это было отчаянной попыткой тептярей сохранить те традиционные экономические отношения, которые существовали в башкирском обществе до указа 1736 г.

ВОССТАНИЕ В 1755-1756 гг.

Восстания 1735-1736, 1737-1738, 1739-1740 гг. и 1747 г. не привели к ослаблению феодального гнета. Жестоко подавив их, государство продолжало политику, начатую организацией Оренбургской экспедиции и принятием указа от 11 февраля 1736 г. В 40-50-е гг. шел захват башкирских земель под крепости, заводы, а также для раздачи дворянам и другим служилым людям. Башкиры потеряли контроль и над землями, на которых сидели припущенники из тептярей и бобылей, так как эти земли правительство передало им в безоброчное владение. При поддержке властей развернулась массовая крестьянская колонизация края, что также привело к изъятию значительной части башкирских вотчин. Росли налоги. В связи со строительством крепостей резко увеличился объем военно-сторожевой службы и трудовые повинности башкир, мишарей, тептярей и бобылей. Правительство и церковники усилили политику христианизации. Кроме принудительного крещения, на мусульманское население угнетающе действовали различные ограничения их религии. В соответствии с указом от 11 февраля 1736 г. башкиры без специального разрешения не могли строить мечети и школы. Это запрещение было подтверждено сенатским указом от 20 февраля 1744 г. Губернаторов и воевод строго обязали, чтобы новокрещенные обратно не вернулись в свою веру, а новокрещенным грозили смертной казнью. Подобные угрозы не были пустыми словами. В 1738 г. в Екатеринбурге по приказу В.Н. Татищева в присутствии новокрещенных был заживо сожжен бывший повстанец башкир Айлинской волости Сибирской дороги Тойгильде Жуляков за обратный переход в мусульманскую веру. В 1740 г. за эту же «вину» был казнен бывший повстанец житель Табынской волости Ногайской дороги, ставший после крещения казаком Табынской крепости Романом Исаевым *[Чупин,* 1878. С. 309—313; *Полное...* 1830. Т. XI. № 8125]. Эти строгости становились известными населению края, создавали настроение недовольства и неуверенности. Власти установили контроль за деятельностью мусульманского духовенства. Количество ахунов, высших духовных лиц мусульман, было сокращено до 4 чел.. Они должны были давать властям присягу верности и информировать «о всяких худых делах и никого из других вер в свою веру не приводить». Представители местной администрации продолжали злоупотреблять властью *[Чулошников,* 1940. С. 44—49; *История...* 2004. С. 170-172, 188-189]. Картина безудержного произвола и насилий местных властей ярко обрисована в написанном в ноябре 1755 г.

письме-показании Батырши на имя императрицы Елизаветы Петровны: «...угнетение начальников, находящихся в крепостях перешло все границы, народ отчаялся в том, чтобы ездить в крепости за судебным решением и правосудием... Например, во времена 2-х князей, пребывавших в качестве начальников в Уфе и Челябинске, истцы и обвиняемые ездили к ним, кончали дела некоторые за 10, некоторые за 30, а некоторые за 50 рублей. Дела, которые можно закончить в один день, они с целью обогатиться, затягивали на месяц, а дела, которые можно кончить в месяц - на год. Также и некоторые волостные старшины, совершая безграничные злодеяния, ели народное добро, пьянствовали, рубили людей шашкой, отрубали им руки... и чинили подобные этому неисчислимые жестокости. Однако люди власти, когда от них требовали решения, не обращали правосудия против этих злодеев». Далее говорилось о насилиях проезжающих через волости и аулы офицеров и чиновников в отношении населения: «Во всех краях и участках злодеяния перешли все границы. У несчастного населения не осталось возможности добиться справедливости суда, на которого можно было положиться и которому можно было доверять» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 19; *Письмо...* 1993].

Ограничение всебашкирских йыйынов (съездов), свободного передвижения по краю, связей башкир с соседними народами создавало дополнительную почву для недовольства.

Как видно, наряду с общегосударственной угнетательской политикой, население, особенно нерусское, страдало от злоупотреблений представителей местной администрации — от воевод до старшин и сотников. Оценка Батырши деятельности местных властей второй половины 40 - начала 50-х гг. XVIII в. почти повторяет отрицательную характеристику, данную местным властям начальником Оренбургской экспедиции И.К. Кириловым и уфимским вице-губернатором П.Д. Аксаковым в середине 30 — начале 40-х гг. Проходили десятилетия, менялись чиновники, но по-прежнему господствовали произвол и насилия властей *[Материалы...* 1949. Т. III. № 548, 568. С. 489-492, 526-535].

В этот момент правительство осуществило налоговую реформу в Башкортостане. Указом Сената от 16 марта 1754 г. ясак с башкир, мишарей и служилых татар Оренбургской губернии был снят. Их обязали покупать соль из казны по 35 коп. за пуд, запретив бесплатно пользоваться солью из известных им источников, как они это делали до сих пор. Решение правительства вызвало возмущение населения, так как покупка соли им обходилась почти в 6 раз дороже, чем уплата ясака. К тому же соляные источники,

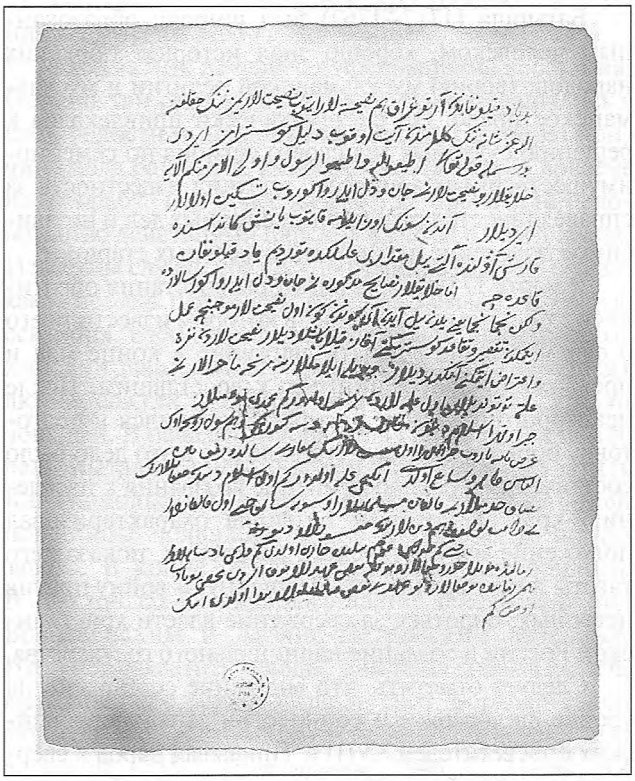

Рис. 23. Письмо, написанное Елизавете Петровне Батырша-муллой (Габдуллой Галиевым)

которые башкиры считали своей вотчиной, в связи с введением казенной монополии на соль отошли в распоряжение государства. Не менее важным было и то, что башкиры, рассматривая ясак гарантией своих вотчинных прав на землю, восприняли его отмену как ликвидацию этих прав *[Полное...* 1830. Т. XIV. № 10198; *Чулошников,* 1940. С. 47—48].

Недовольство подогревалось и слухами о предстоящем переводе башкир в подушный оклад и введении среди них рекрутской повинности.

Уже весной 1754 г. наиболее активные элементы стали готовиться к восстанию. Его инициаторами выступили башкиры Бурзянской волости Ногайской дороги. Их поддержало население южных волостей этой же дороги. Были установлены связи с башкирами Сибирской и Осинской дорог. Собирались включиться в борьбу мишари и татары края. Бурзянцы обратились за помощью к казахам Среднего жуза. Последние обещали поддержку. Были установлены связи и с казанскими татарами *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 204, 247, 256].

Тайные слухи о готовящемся восстании распространились по всему Башкортостану. Они взбудоражили и мусульманское духовенство. Среди последних был мулла Абдулла Галиев, по прозвищу Батырша, который происходил, возможно, из мишарей д. Карыш Сибирской дороги и являлся видным представителем мусульманского духовенства края.

Батырша (1717—1762) был широко образованным человеком, хорошо знал историю тюркских народов, теорию мусульманской религии и мусульманское право. Он систематически привлекался к решению судебных дел своего региона по семейно-имущественным вопросам, получил известность за справедливость при решении спорных дел и независимое поведение в отношении местных старшин.

В марте 1755 г. организаторы восстания обратились с письмом к Батырше, в котором известили его о своем решении начать движение в конце мая и предложили присоединиться к восставшим. После некоторого раздумья Батырша включился в подготовку борьбы. Важным его вкладом в это дело было составление и распространение воззвания к населению края, в котором Батырша охарактеризовал положение мусульманского населения, показал его тяготы и призвал начать «священную» войну против неверных, бороться за свержение власти христианской России и создание национального государства.

Следует отметить, что воззвание составлено на уровне философии и социологии западноевропейских просветителей XVIII в. Призывая народ к свержению русской власти в крае, Батырша обосновывает это, исходя из теории естественного права и общественного договора. Автор воззвания обвиняет русских царей в том, что они не выполняют своих функций по созданию нормальных условий для подданных, следовательно, последние имеют право отказаться от подобных властителей.

Характеризуя лозунги «священной» войны, надо иметь в виду, что под «неверными» Батырша подразумевал носителей власти — царское правительство, его представителей в крае: губернаторов, офицеров, чиновников. К ним он относил и местных старшин из мусульман, которые были верными слугами царского правительства. Поэтому выдвинутые в воззвании лозунги «священной» войны нельзя квалифицировать как призыв, направленный против всего русского населения в Башкортостане *[Витевский*, 1897. С. 854-857; *Там же*. Приложение. С. 92-100; *Чулошников*, 1940. С. 54—56; *НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а].

Воззвание имело большой успех среди населения и заметно оживило подготовку восстания, особенно в северо-западном Башкортостане, где наряду с башкирами жили мишари и татары.

В воззвании был определен общий срок начала восстания - 3 июля 1755 г. Однако движение стихийно началось раньше. 15 мая часть жителей Бурзянской волости во главе с Джиланом Иткуловым и Худайберды-муллой, не выдержав насилий со стороны начальника горно-изыскательских работ Брагина и его помощников, расправилась с ними. Брагин незадолго до этого прибыл из Санкт-Петербурга в южные волости Ногайской дороги «для отыскания и разработки цветных камней». За короткий срок своего пребывания в крае он грабежами и насилиями успел вызвать ненависть башкир-бурзянцев. 18 мая восставшие разорили Сапсальский ям Исетского тракта и двор Брагина. Они нападали на проезжающих чиновников, расправлялись с находившимися в станах драгунами. Узнав о восстании, разбрелись с почтовых ямов Исетского тракта башкиры-подводчики. Весь тракт пришел в расстройство.

Однако преждевременная вспышка восстания поставила его инициаторов и сторонников в тяжелое положение. Среди них начались разногласия. В этой обстановке непосредственные участники майского выступления вынуждены были с семьями бежать в казахские степи.

Иван Иванович Неплюев (1693-1773), опытный государственный деятель, первый губернатор Оренбургской губернии, понял всю опасность начинающегося восстания. Неплюев происходил из дворян Новгородского уезда, окончил Морскую академию в Петербурге, стажировался по морскому делу в Венеции и Испании (1716—1720), был послом России в Турции (1721-1735), киевским губернатором (1740—1741 гг.). В 1742 г. Неплюев стал четвертым по счету начальником Оренбургской комиссии (экспедиции), в 1744—1758 гг. - губернатором образованной по его предложению на территории Башкортостана Оренбургской губернии, в 1760—1764 гг. - сенатором и конференц-министром *[Витевский*, 1889. С. 24—116; *Витевский*, 1897. С. 885—928]. На посту оренбургского губернатора Неплюев много сделал для укрепления позиций царизма в крае, расширил базу для массовой русской колонизации, содействовал развитию горной промышленности и восточной торговли. В отношении коренного населения он проявил себя как жестокий колонизатор, широко применяя против недовольных как военную силу, так и политику «разделяй и властвуй».

Получив сведения о восстании в Бурзянской волости, он направил туда команду во главе с подполковником Исаковым, несколько позднее — 1 300 регулярных солдат и казаков под командованием бригадира Бахметева. Начались аресты жителей волости, их допросы с пытками. Властям удалось выяснить, что шла подготовка массового движения и к восстанию склонялась «едва не вся Ногайская дорога» *[НА УНЦРАН*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 71].

Репрессии приняли массовый характер, начались повальные аресты. Уцелевшие жители Бурзянской волости укрылись в соседних волостях или

бежали к казахам. Чтобы предотвратить новое выступление, власти решили в центре восставшей волости основать новую крепость — Зилаирскую. Вместо арестованных башкир на должности старшин и сотников были назначены верные царизму мишари.

Эти мероприятия местной администрации еще более обострили обстановку, вызывали возмущение жителей всей Ногайской дороги. Несмотря на неудачное начало, они намеревались продолжать борьбу. Повстанцы-бурзяне, укрывшиеся у казахов, возвращались и нападали на царские команды. Оставшиеся в Башкортостане их сторонники вели агитацию среди населения других волостей.

В начале августа 1755 г. жители Бурзянской волости восстали вновь. Они расправились с назначенными после майского выступления мишарскими старшинами и их помощниками. 9 августа башкиры напали на Вознесенский медеплавильный завод, отогнали заводских лошадей, в ряде мест подожгли леса. Восставших бурзян поддержали жители Тангаурской, Усерганской, Бушман-Кыпсакской, Санким-Кыпсакской, Суун-Кыпсакской, Карагай-Кыпсакской, Гирей-Кыпсакской, Тамьянской и Катайской волостей Ногайской дороги. Повстанцы нападали на почтовые ямы, на существующие и строящиеся заводы, на правительственные команды и крепости, сжигали заготовленные дрова. Они разорили, в частности, Баркальский, Уральский, Сапсальский ямы, 9-10 августа штурмовали Преображенский завод, убили и ранили около 50 чел., сожгли заводские дрова и уголь. Активно действовал отряд, состоявший из 2 тысяч башкир Бушман-Кыпсакской, Санким-Кыпсакской и Суун-Кыпсакской волостей. 12 августа они напали на Вознесенский завод, отогнали табун заводских лошадей, 15 августа разорили Ташлинский рудник. В тот же день эти же повстанцы под предводительством Кучукбая уничтожили Покровский завод.

18 августа в 30 верстах от Зилаирской крепости отряд Кучукбая окружил и истребил шедшую на Авзяно-Петровский завод команду капитана Шкапского в составе роты драгун и 50 казаков. Сами восставшие потеряли 40 чел., в том числе своего предводителя. Гибель Кучукбая была большим ударом для восстания *[Там же.* Л. 74-83].

Наряду с боевыми действиям, в июле развертывается бегство населения восставших волостей за Яик, к казахам. Повстанцы уходили с семьями и скотом. Первыми около 10 августа туда ушли жители Бурзянской волости - «...человек с 1 000, с женами и детьми и кошами». 11 августа тронулись многие башкиры Тангаурской волости, затем — санким-кыпсаки, бушман-кыпсаки, суун-кыпсаки, усерга-не. Бегство в казахские степи продолжалось в течение всей осени 1755 г.

Уход за Яик не означал прекращения восстания. Оставив там семьи и скот, башкиры возвращались в свои волости и продолжали борьбу. Одной из причин ухода башкир к казахам было желание вовлечь их в борьбу. Тем более казахи уже проявляли недовольство действиями царских властей в своих жузах. Известны случаи совместных рейдов башкир с казахами против правительственных команд. В начале сентября восставшие вновь напали на Преображенский завод, убили и ранили свыше 20 заводских людей, сожгли заготовленные дрова и уголь, угнали лошадей. В начале октября отряд восставших из 100 чел. пытался внезапным нападением захватить Кананикольский завод. Через несколько дней повстанцы появились вновь и пошли на штурм завода. В конце октября нападение повторились. В 20-х числах октября восставшие действовали под Вознесенским и Авзяно-Петровским заводами. Не сумев захватить заводы, они нападали на людей, выходивших с завода, угоняли скот. Борьба в такой форме в юго-восточной части Башкортостана шла до конца 1755 г. *[Чулошников,* 1940. С. 71—84; *НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 113-136].

Как известно, восстание готовилось и на территории Осинской и Сибирской дорог, где недовольные группировались вокруг Батырши. Особую активность проявили башкиры Тайнинской волости Осинской дороги, которые в июне - июле 1755 г. неоднократно давали знать Батырше о своей готовности. Когда в августе стало известно о возобновлении восстания на Ногайской дороге, гайнинцы вновь приехали к Батырше с предложением начать борьбу. Последний направил в Тайнинскую волость несколько своих учеников для выяснения обстановки. Используя приезд этих представителей, житель д. Тюнгак Тайнинской волости Чурагул Минлебаев повел открытую агитацию за восстание и организовал повстанческий отряд из башкир дд. Тюнгак, Барда, Султанаево, Сарашево, Аккулушево, Башапово. Одновременно поднялись башкиры д. Кызыл Яр под предводительством Акбаша Андрушева и Мустая Теребердина. Они убили своего старшину Абдука Козягулова. 27 августа в Кызыл Яр во главе своего отряда приехал Чурагул Минлебаев. Он намеревался объединиться с повстанцами д. Кызыл Яр, затем направиться к Батырше, чтобы поднять общее восстание жителей Осинской и Сибирской дорог. Но башкир из д. Кызыл Яр Туктамыш Ишбулатов, ранее прикинувшийся сторонником восстания, собрав своих людей, внезапно напал на отряд Минлебаева. Застигнутый врасплох, повстанческий отряд был разогнан, а предводители схваче-

ны и выданы властям. Тем не менее наиболее решительные из башкир Тайнинской волости направились в аул Карыш Сибирской дороги, к Батырше, рассчитывая вместе поднять массовое восстание. Они прибыли в аул 2 или 3 сентября, но Батыршу там уже не застали. Поиски его в окрестных лесах не дали результатов, и гайнинцы повернули обратно и рассеялись *[Чулошников,* 1940. С. 84-89; *РГАДА.* Разряд 7. Д. 1781. Ч. 1. Л. 352-401; Ч. 2. Л. 49-106, 205-254].

В конце августа Батырша вернулся в Карыш и ожидал прибытия восставших из Тайнинской волости. Но на рассвете 1 сентября, забрав семью и учеников, он бежал в лес. Жители Карыша и окрестных аулов были готовы восстать по первому его призыву. Когда Батырша направлялся в лес, к нему подошли 150 вооруженных людей. Они ждали указания Батырши. Однако последний колебался и не решился бросить открытый клич к движению, и стихийно сформировавшийся было отряд распался *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 238-246].

Между тем обстановка в этом районе благоприятствовала восстанию. Башкиры, мишари и татары могли подняться на борьбу. Край был свободен от правительственных войск, так как наличные силы губернии были стянуты к юго-восточным волостям. Туда же направлялись команды верных башкир и мишарей.

Постигшая сторонников восстания неудача в этом районе объясняется рядом причин. В условиях заметного обострения социальных противоречий в башкирском обществе часть верхушки была настроена против восстания. То же было свойственно большинству мишарской и татарской элиты и мусульманскому духовенству. Не было должного единства между башкирами, мишарями и татарами. Не последнюю роль сыграли колебания и нерешительность самого Батырши, который проявлял сверхосторожность. Даже после возобновления восстания на Ногайской дороге он советовал тайнинским башкирам подождать с началом борьбы. Так захлебнулось начинающееся движение недовольных башкир на территории Осинской и Сибирской дорог. Оно отрицательно сказалось на ходе народной борьбы во всем регионе.

Возобновление восстания на Ногайской дороге, вспышка народного движения на стыке Осинской и Сибирской дорог, грозившие превратиться в совместное выступление башкир, мишарей, казахов, казанских татар, других народов Урала и Среднего Поволжья, сильно обеспокоили царское правительство. Обстановка усугублялась и тем, что Россия готовилась к войне с Пруссией.

Правительство потребовало принять энергичные меры для подавления восстания. Оперативно действовали оренбургские власти во главе с И.И. Неплюевым. К началу восстания в Оренбургской губернии имелось 24 925 солдат, драгун и казаков. В августе 1755 г. Сенат по просьбе губернатора дополнительно выделил еще 3 драгунских полка, 3 000 донских казаков и 5 000 казанских служилых мурз и татар, таким образом, Неплюев располагал военной силой в 36 714 чел.. В борьбе с восставшими он широко использовал также верных правительству мишарей и башкир *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 115].

Каратели наводнили восставшие волости, изолировав их от остального Башкортостана, усилили охрану заводов, находящихся в этом районе. Дополнительные военные силы были направлены в крепости по Яику, чтобы помешать уходу башкир в казахские степи.

Оренбургские власти решили исключительной жестокостью запугать восставших, добиться их покорности. Неплюев в августе 1755 г. приказал командирам отрядов, действовавших против восставших, не отягощать себя «...забранием бунтовщиков, ибо от того лишь людям задолжение и казенный убыток, чтобы с ним по бунтовшичьим их поступкам поступали яко со злодеями, не щадя их живота, только оставляя по малому числу для языков» *[Там же.* Л. 227].

Подобные приказания развязывали руки и без того крутым командирам, которые отныне расправлялись со всеми башкирами, не разбирая ни восставших, ни «верных» жителей, брали их под караул по малейшему подозрению в связях с восставшими и намерениях уйти за Яик. Капитан Моисеев казнил 27 башкир из Бурзянской волости, а жен их и детей заключил в крепость, обвинив их в попытке к бегству за Яик. Еще более жестоко поступал комендант Кизильской крепости майор Назаров. Без всяких оснований он арестовал «лучших» башкир Тамьянской волости Баим - тархана и Махмута Зиянгулова, «...чинил им прежестокие розыски», от которых второй умер, первый получил тяжелые увечья. Направленные на службу в Кизильскую крепость 67 верных башкира из этих волостей Ногайской дороги по приказу майора были переколоты штыками «до смерти» *[Сенатский...* 1903. Т. X. С. 395—396]. Эти офицеры за свои злодеяния не понесли никакого наказания. Правда, уже после прекращения движения майора Назарова судили в Сенате в 1756-1758 гг. Хотя Сенат признал жестокости майора в обращении с башкирами, но 14 января 1758 г. он был оправдан и даже повышен в чине (ему присвоили звание подполковника). Историк В.Н. Ви-

тевский считает, что, организуя суд над Назаровым, «...правительство желало убедить башкирцев в своих заботах, в справедливом и беспристратном отношении к ним, но не хотело приносить в жертву им и русских командиров и воевод, прибегавших иногда к крутым мерам» [*Витевский*, 1897. С. 894, 898].

Жители юго-восточных волостей массами покидали места своего жительства, устремлялись в горы и леса или казахские степи, десятками и сотнями погибали в стычках с царскими войсками, особенно при переходе через Яик. Власти приняли меры на случай распространения восстания на соседние регионы. В Казанской и Сибирской губерниях привели в боевую готовность 21 280 солдат, драгун и казаков. Часть этих команд была придвинута к границам с Башкортостаном *[НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 200-201].

В борьбе с восстанием царские власти широко использовали провокационную политику «разделяй и властвуй», натравливание одного народа на другой. В первые же дни восстания губернатор Неплюев стал натравливать пришлое нерусское население края на башкир. Он обратился к мишарям и татарам со специальным указом в котором призывал их выступать против восставших, утверждая, что башкиры восстали, чтобы поработить пришлое население.

Неплюев не остановился перед распространением в Башкортостане даже подложных писем на тюрки, составленных якобы оренбургским ахуном Ибрагимом. В них, написанных на самом деле Неплюевым, говорилось, что высшее мусульманское духовенство осуждает восстание и советует повстанцам принести повинную.

Подобные мероприятия не остались без последствий. Местные мишари и татары, склонявшиеся к поддержке восстания, по словам Неплюева, «...с такою ревностью против башкир выступили, какой желать было возможно, а знатные старшины от себя отправили для сыскания возмутителей людей, которые их в лицо знали» *[Записки...* 1893. С. 152-154]. Даже с учетом известной доли преувеличения губернатором значения своих мероприятий, нельзя не признать, что многие мишари и татары стали орудием в руках властей.

Чтобы натравить казанских татар на восставших, власти приняли ряд специальных мер. 26 сентября 1755 г. был опубликован манифест императрицы, адресованный казанским мурзам и ясашным татарам, в котором она призывала их сохранять спокойствие и выдавать властям «согласников башкир». Мурзам и татарам за участие в подавлении башкирского движения было обещано жалованье за 2 месяца вперед по норме донских казаков, все захваченное в боях имущество и пленные. Одновременно правительство пошло на существенные уступки мусульманскому населению Казанской губернии. Сенат удовлетворил давнюю челобитную служилых мурз и татар о возвращении их в ведение Казанской адмиралтейской конторы, как это было до 1731 г., т. е. до передачи управления ими в руки казанских воевод. Мурзам и татарам вернули подушные деньги, собранные с них незаконно в 1735-1738 гг., когда они участвовали в подавлении башкирского восстания. С мусульманского населения губернии была сложена недоимка подушного налога за новокрещенных за предыдущие годы по 1755 г. в сумме 250 тыс. руб. Было прекращено насильственное выселение мусульман из их деревень при появлении в них новокрещенных дворов. Слишком рьяно проводившие политику христианизации казанский архиепископ Лука Конашевич и тобольский митрополит Сильвестр Гловацкий были переведены в другие районы. Сенатским указом от 23 августа 1756 г. мусульманам Казанской, Нижегородской, Сибирской губерний было разрешено строительство мечетей *[Сенатский...* 1901. Т. IX. С. 416—442]. Эти мероприятия позволили властям не только сохранить спокойствие в Среднем Поволжье, но и использовать казанских татар в подавлении восстания в Башкортостане.

Политика «разделяй и властвуй» особенно успешно была применена правительством для обострения башкирско-казахских отношений.

После майского выступления многие повстанцы Бурзянской волости, спасаясь от царских команд, укрылись у казахов Младшего жуза. В августе 1755 г. в связи с усилением репрессий начинается массовое бегство восставших, членов их семей и родственников в казахские степи. По имеющимся сведениям, казахи не только дали убежище восставшим, но и стали участвовать в совместных рейдах на территорию Башкортостана *[Витевский*, 1897. С. 872].

Оренбургский губернатор с согласия правительства решил расстроить наметившийся союз башкир с казахами. Он призвал казахских ханов и феодалов грабить башкирских повстанцев, отбирать у них жен и детей, имущество и скот, а самих выдавать оренбургским властям. При этом власти не скупились на подарки и обещания. Императрица Елизавета Петровна указом от 25 августа 1755 г. возобновила выдачу казахскому хану Нурали ежегодного жалованья в размере 600 руб.

Такая политика развязала руки казахам. Ханы, султаны, а затем и рядовые казахи стали грабить укрывавшихся у них башкир: разобрали их по рукам, грабили и продавали их на невольничьих рынках Средней Азии *[Чулошников*, 1940. С. 96—99].

Восстание башкир продолжалось и в начале 1756 г., хотя оно сильно ослабло. Весной и летом прослеживаются отдельные действия повстанцев в южной части Башкортостана. Небольшие отряды появлялись вблизи крепостей и заводов, нападали на мастеровых и работных людей, а также проезжающих русских купцов. Ослабление борьбы в это время объясняется главным образом осложнениями во взаимоотношениях башкир с казахами, которые по наущению царского правительства нанесли башкирам удар в спину. Примерно с конца 1755 - начала 1756 г. башкиры думали не столько о продолжении восстания, сколько об освобождении своих жен, детей и родственников, имущества и скота, оказавшихся в казахских руках. С начала 1756 г. нападения башкир на казахов приобрели широкий размах и нашли тайную поддержку со стороны оренбургских властей. Столкновения сопровождались многочисленными жертвами с обеих сторон. Все это говорит о том, что политика царизма принесла свои плоды. Намечавшийся союз между казахами и башкирами не только не состоялся, но и вчерашние союзники превратились в врагов, поссорились надолго.

Общее успокоение в Башкортостане наступило летом 1756 г. Но поимка и наказание восставших, всех тех, кого власти считали виновными в движении, начались с осени 1755 г. Официально не было вынесено ни одного смертного приговора. Однако это мало что меняло, ибо обещания властей о прощении восставших остались на бумаге. Множество башкир было убито в боях с карательными командами, в столкновениях с казахами, погибло под пытками в застенках Оренбурга, Уфы и других крепостей. Участников восстания наказывали плетьми и отправляли в остзейские солдатские полки и в матросы, негодных к службе - на каторжные работы в Рогервик. Наказывали также жен, детей и родственников повстанцев. Их отправляли в Москву, где взрослых прикрепляли к мануфактурам в качестве работных людей, а детей раздавали чиновникам и офицерам как крепостных. Однако многие арестованные не доезжали до мест отбывания наказания. Так, в ноябре 1755 г. из Оренбурга в Москву была отправлена группа башкир, состоящая из 230 чел. взрослых и детей. В Москву были доставлены живыми только 45 чел.. Остальные умерли в пути от жестокости конвойных, голода, холода *[Сенатский...* 1901. Т. IX. С. 500].

Общая численность человеческих потерь башкир в ходе этого восстания неизвестна. Кроме гибели повстанцев в боях с правительственными командами, казахами, отрядами «вольницы» русских крестьян, мишарей, татар, верных башкир, а также смерти от голода и холода, многие башкиры с семьями укрылись у казахов Младшего и Среднего жузов. По мнению современника событий, представителя царской администрации, позже историка края П.И. Рычкова, «ушло их (башкир - *авт.)* в Киргиз-кайсацкие улусы, мужеска и женска полу по смете более 10 тысяч душ, в той надежде, чтоб киргизцов привлечь на свою сторону, и, совокупясь бы с ними, делать еще пакости и оставшееся в домах и на землях их имение (кое они при побеге в бортевые деревня и в разные места скрывали) возвратить». Далее автор добавляет, что «...то оный их побег пресечь и знатных над ними действ учинить было не можно; однако при разных с ними сражениях побито около тысячи человек, а из переловленных по наказании кнутом многие сосланы в ссылку в Рогервик на вечную работу, а жены их и дети отправлены были в Москву для раздачи там во владение российским людям» *[Рычков,* 1999. С. 186]. Казанский автор В.Н. Витевский считает, что к казахам перебежало около 50 тыс. башкирского населения взрослых и детей, да «сверх того при переходах через Яик немало было побито их донскими казахами и некрещеными калмыками, которым была вверена оборона линии. Чтобы усилить и поощрить их ревность, Неплюев приказал разделить имущество и лошадей убитых башкирцов между бывшими в битве с ними казаками и калмыками» *[Витевский,* 1897. С. 872].

Какова же была судьба беженцев к казахам, вернулись ли они на свою родину?

Пребывание башкир-повстанцев в казахских жузах было невыгодно русским властям прежде всего потому, что последние опасались усиления антирусских настроений среди казахов. К тому же башкиры стали организовывать совместные с казахами нападения на крепости. Не случайно П.И. Рычков писал, что власти повели политику возвращения башкир на родину, объясняя, что «...употреблено удобь вымышленное и всевозможное старание, чтоб ушедших в Киргиз-кайсацкую орду башкирцев, не допустя там утвердиться с киргиз-кайсаками, разными киргизцами внушениями и толкованиями от того собственной их киргизской опасности и вредности». Далее автор откровенно заявляет, что для выполнения этой задачи следовало беглых башкир поссорить с казахами.

С этой целью царские власти направлялиспециальных людей в казахские жузы: «...отправлен был нарочный капитан Яковлев, в чем и успех был. Сверх того, для истребования их из орды по именному указу прислан был бригадир Тевкелев, который для сей особо порученной ему комиссии пожалован в генерал-майоры, чем оное башкирское

замешательство и пресеклось» [*Рычков,* 1999. С. 188].

По более важное значение в возвращении башкир имел указ императрицы Елизаветы Петровны от 1 сентября 1755 г. «О всемилостивейшем прощении башкирцев, которые, учинив разные злодейства, бежали с женами и детьми, если добровольно из бегов возвратятся». В соответствии с указом в случае возвращения домой в течение 6 месяцев беглые получали прощение «...и прежние их земли и принадлежности, чем кто владел, возвратить им поведено» *[Полное...* 1830. Т. XIV. № 10 453]. Затем срок возвращения несколько раз продлевался.

Башкиры из казахских жузов стали возвращаться в свои волости. Правда, не все башкиры хотели вернуться. Возможно, они не верили обещаниям о прощении и продолжали борьбу. Тогда по совету Неплюева казахи стали выдавать их русским властям. Всего, по данным П.И. Рычкова, к концу 1758 г. вернулось 6 282 башкир об. п. *[Рычков,* 1999. С. 188]. Башкиры и в последующие годы продолжали возвращаться отдельными или несколькими семьями. Как бы то ни было, учет всех обстоятельств трагедии позволяет сделать вывод о том, что башкиры в годы восстания понесли большие потери в людях: они исчислялись десятками тысяч.

Небезынтересна судьба идеолога восстания Батырши и его 15 учеников, которые переписывали и распространяли воззвание. Батырша все время скрывался с ними в лесу. Власти организовали усиленные их поиски. В октябре—ноябре 1755 г. были пойманы ученики, затем жена и трое детей Батырши. За поимку последнего власти обещали в сентябре 100, в октябре - 500, 1 апреля 1756 г. — 1 000 руб. *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а; *Сенатский...* 1901. Т. IX. С. 42]. Его искали на огромной территории от Волги до Тобола. Наконец, 8 августа 1756 г. Батыршу поймали мишари д. Азяк Осинской дороги во главе со старшиной Сулейманом Деваевым и выдали властям г. Уфы. Оттуда его под усиленным конвоем в начале октября доставили в Москву и передали в Московскую контору Тайной канцелярии. В Москве он заболел, находился там до 30 ноября 1756 г. На начавшихся допросах на вопросы, связанные с восстанием, Батырша отказывался отвечать, говоря о том, что имеющиеся у него тайные сведения о восстании он раскроет только самой императрице Елизавете Петровне. Он объявил голодовку («голодом себя морил»), уговорам не поддавался. Историки считают, что на встрече с императрицей Батырша хотел рассказать ей правду о тяжелом положении мусульман Урало-Поволжья.

Руководство Конторы предложило Батырше написать письмо-показание на имя Елизаветы Петровны, запечатать своей печатью, и заверило, что «написанное им будет действительно всеподданнейше донесено ея императорскому величеству».

Письмо-донесение было написано, по-видимому, к концу ноября, ибо 30 ноября Батырша был отправлен в Санкт-Петербург. В письме автор не только раскрыл причины восстания 1755—1756 гг., но объективно показал тяжелое положение нерусских народов Урало-Поволжья в середине XVIII в. Батырша, таким образом, и в тюрьме продолжал бороться за интересы народов края *[Чулошников,* 1940. С. 106—108; *Акманов,* 1987. С. 63-65; *Ислаев,* 2004. С. 121-129].

В декабре 1758 г. был вынесен приговор Батырше. Он был жестоко избит кнутом, ему вырезали ноздри и пожизненно заключили в Шлиссель-бургскую крепость, где содержали в тяжелых условиях. С него не снимали кандалы, не разрешали читать и писать. В июле 1762 г. Батырша, по-видимому, пытался бежать из крепости. Он убил четырех охранников, но и сам был найден убитым.

Правительство расправилось и с его семьей. Семилетний сын Таджитдин умер в 1756 г. в уфимской тюрьме. Жена Зулбухария и 2 дочери, трехлетняя Зюлейха и двухмесячная Зануфа, были также схвачены, насильно крещены и заключены пожизненно в монастырскую тюрьму в Москве *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 51а. Л. 86, 145, 314-316].

Царское правительство щедро наградило людей, участвовавших в поимке Батырши. 80-летний мишарский старшина Сулейман Деваев, организовавший поимку Батырши и выдавший его уфимским властям, был вызван в столицу, куда прибыл в конце октября 1756 г. 24 декабря он был на приеме у императрицы Елизаветы Петровны. Ему пожаловали дорогие одежды (серебряный кафтан, полукафтанье, шапку), серебряный вызолоченный ковш с надписью, саблю с серебряным эфесом, ножны которой были украшены финифтью, бирюзой, яшмой и яхонтами на 1 117 руб. Мишарский старшина Яныш Абдуллин за содействие в поимке учеников Батырши также был приглашен в Санкт-Петербург и награжден серебряным ковшом и саблей общей стоимостью в 155 руб. 22 коп. Другие участники операции - мишари д. Азяк Расул Карамышев, Исхак Якупов, Исмагил Ибраев получили по 100 руб., Даут, сын Сулеймана Деваева, писарь Муксин, Абдюк и Бакей - по 50 руб.

Однако Сулейману Деваеву и Янышу Абдуллину не довелось долго радоваться дорогим подаркам: первый заболел и умер в столице 14 февраля 1757 г.,

второй по дороге домой. Так судьба по-своему распорядилась с людьми, которые боролись против интересов народа [*Витевский,* 1897. С. 879—890].

Восстание 1755-1756 гг. явилось протестом башкирского народа против продолжающихся захватов земель, роста налогов и повинностей, активизации политики христианизации, произвола и насилия оренбургских и уфимских властей, башкирских и мишарских старшин. Инициаторами и движущей силой борьбы выступили башкиры Ногайской и Осинской дорог. Предводителями восстания были представители верхушки башкирского общества - батыры Джилан Иткулов, Худайбирды-мулла, Кучукбай, сотник Исмагил Аиткулов, старшины Бикбулат Аркаев, Алка Суюндуков с Ногайской дороги, Чурагул Минлебаев, мулла Исхак, Акбаш Андрушев и Мустай Теребердин — с Осинской. Следует отметить крупную роль в подготовке восстания его идеолога Батырши. Воззвание Батырши, разоблачавшее политику правительства и местных старшин, сыграло большую роль в морально-психологической подготовке движения. Оно стало идеологическим обоснованием борьбы. Однако Батырша не сумел стать вождем восстания. Его колебания в самый ответственный момент не только парализовали начавшееся на Осинской дороге восстание, но и привели в конечном счете к срыву задуманного совместного выступления народов Башкортостана, Среднего Поволжья и Казахстана.

Башкиры понесли большие людские потери и материальный урон в ходе восстания. Правительство оставило в силе свое решение о замене ясака покупкой соли из казны. Тем не менее борьба не была безрезультатной. Власти восстановили право башкир непосредственно обращаться к главе государства с челобитной. В редконаселенных районах юго-востока Башкортостана упразднялись почтовые станы, на тяжесть содержания которых жаловались башкиры. Башкиры и мишари были освобождены от перевозки казенного леса в Оренбург. Власти обещали упорядочить управление башкирами, покончить с самовольными захватами их земель, подтвердили вотчинное право башкир на землю. В сентябре 1759 г. Сенат в ответ на челобитную представителей башкир определил: «...впредь оному башкирскому народу отнюдь никому обид и разорений не чинить, и в угодьях их насильством не селиться, и от всего их, башкирцев, не токмо защищать, но притом показывать им и всякую благосклонность и надлежащее указом охранение» [*Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. № 359, 489].

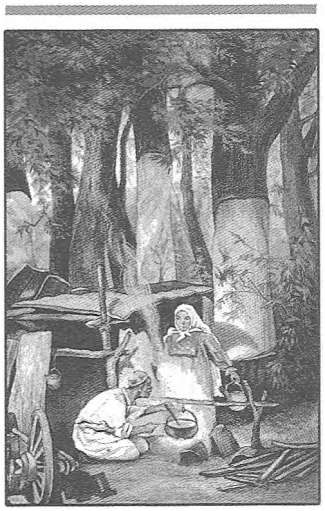
Добровольное вхождение Башкортостана в состав Русского государства являлось прогрессивным событием. Оно создало предпосылки для нормального социально-экономического и культурного развития башкирского народа, способствовало консолидации башкир как этноса. Но в то же время правительство постепенно, особенно с середины XVII в. стало нарушать условия присоединения. Начались изъятия башкирских земель, увеличивались налоги и повинности, делались попытки христианизации, ограничивалось местное самоуправление. Такая политика отрицательно влияла на развитие хозяйства, ухудшала жизненные условия населения. Недовольные башкиры неоднократно обращались к властям с челобитными. Но правительство давало обещания, продолжало свою прежнюю политику. В этой обстановке башкиры брали в руки оружие. Так начались восстания, отнесенные в науке к историческим феноменам.

В зависимости от общей обстановки в регионе и действий правительства менялись требования восставших. В движениях XVII в. основным лозунгом повстанцев было сохранение договорных условий, на которых их предки в середине XVI в. вошли в состав Русского государства. В 30-х гг. XVIII в., когда русский царизм отказался от основных положений договора и стал проводить колониальную политику, восстания не только по содержанию, но и по форме приобрели освободительный характер.

Подавляя движения 30-х гг. XVIII в. правительство пыталось сломить башкир, их волю к сопротивлению, навсегда покончить с башкирскими восстаниями. Башкиры понесли большие человеческие жертвы, материальные потери, весь край был разорен, однако они продолжали борьбу. Об этом свидетельствует их восстание 1755-1756 гг. Оно началось как общая борьба мусульманских народов Южного Урала и Среднего Поволжья. Таким образом, правительству не удалось достичь поставленных целей. Оно вынуждено было отказаться от крайностей своей политики 30-х годов, пойти на существенные уступки восставшему народу. Башкиры отстояли свою личную свободу, язык и религию, сохранили часть вотчинных земель. Все это есть результат национально-освободительных движений 30-50-х гг. XVIII в. В восстаниях XVII-XVIII вв. башкиры боролись в целом за автономию в составе Российского государства.

Историческое значение башкирских восстаний заключается в том, что они помешали властям России распространить наиболее тяжелые формы средневековой эксплуатации не только на коренных жителей, но и на основную часть пришлого населения края. Башкиры своей героической борьбой отстаивали интересы всего населения Башкортостана.

БАШКИРЫ И БАШКОРТОСТАН В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII века

ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

ТЕРРИТОРИЯ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И НАСЕЛЕНИЕ. ГОРОДА УФА И ОРЕНБУРГ - ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ БАШКОРТОСТАНА

Во второй половине XVIII в. Башкортостан занимал территорию от берегов Волги на западе до притобольских степей на востоке, от междуречья Яик-Илек на юге до среднего течения рр. Камы, Сылвы, Чусовой и левобережья Исети на севере. Размеры вотчинных владений башкир составляли около 36 млн дес. или более 335 тыс. кв. км. В процессе интенсивной колонизации края его границы подвергались постепенному сужению со всех сторон.

В административно-территориальном отношении в середине XVIII в. Башкортостан входил в состав Оренбургской губернии. Сохранялось прежнее деление на 4 дороги: Осинская, Сибирская, Казанская и Ногайская. Они делились на волости. Самой большой по территории была Ногайская дорога. В ней было 25 волостей и 6 100 башкирских дворов. Сибирская дорога составляла северную часть края, состояла из 10 волостей и имела 2 225 дворов башкир. Западный Башкортостан представляла Казанская дорога, которая состояла из 20 башкирских волостей и имела 4 340 дворов башкир. Осинская дорога узкой полосой тянулась от центра края к северо-западу вдоль р. Белой. Она была самой маленькой по территории и численности населения: в нее входили 3 волости с 1 373 дворами башкир*.

Последняя четверть XVIII в. характеризовалась крупными административно-территориальными преобразованиями в Башкортостане. В 1775 г. Екатериной II были изданы «Учреждения для управления губерний Всероссийския империи», согласно которым Россия была разделена на губернии, или наместничества во главе с генерал-губернатором, или наместником, в 1785 г. — «Жалованная грамота городам», которая упорядочивала внутреннее устройство городов и губерний, в целом. Таким образом, законодательные акты Екатерины II последней четверти XVIII столетия подвели своеобразный итог начавшемуся с реформ Петра I административно-территориальному переустройству Российской империи. Особенно болезненно этот процесс шел в Башкортостане, который к тому времени еще не успел интегрироваться в составе России и имел много отличительных особенностей и своеобразий как в политическом, так и в социально-экономическом развитии.

Так же как и в Прибалтике, на Украине и в Сибири, на территории Башкортостана губернская реформа Екатерины II была проведена не сразу. Лишь 18 мая 1781 г. был издан именной указ об устройстве Уфимского наместничества вместо прежней Оренбургской губернии. Во исполнение этого распоряжения оренбургским генерал-губернатором И.В. Якоби был представлен проект устройства Уфимского наместничества с центром в г. Уфе. 29 апреля 1782 г., после рассмотрения данного проекта, почти в полном соответствии с ним последовало официальное учреждение Уфимского наместничества [*Очерки*... 1956. С. 254-255].

' Число волостей в течение XVII - XVIII в. часто менялось. В данном случае ссылка дана на Ведомость, составленную в феврале 1775 г. в Уфимской провинциальной канцелярии по требованию командующего правительственными войсками по подавлению Крестьянской войны 1773-1775 гг. генерал-аншефа П.И. Панина *[Крестьянская*... 1975. С. 277-293].

До губернской реформы Екатерины II образованная в 1744 г. Оренбургская губерния была громоздкой и трудно управляемой. Она охватывала все Восточное Поволжье, Приуралье и часть Зауралья. В 1752 г. к Оренбургской губернии был причислен г. Гурьев, находившийся прежде в составе Астраханской губернии. В 1773 г. из Казанской губернии в ведение Оренбургской губернии был передан г. Самара. При учреждении Уфимского наместничества из бывшей Оренбургской губернии города Гурьев и Уральск были отписаны к Астраханской губернии, города Самара и Ставрополь отошли к Симбирскому наместничеству, а Шадринск и Оса - к Пермской губернии. Несмотря на это, в состав Уфимского наместничества вошла огромная территория. С востока на запад она тянулась на 500—800 верст, а с севера на юг — на 140—550 верст и включала в себя около 280 тыс. кв. верст. На севере Уфимское наместничество граничило с Вятской, Пермской и Тобольской губерниями, на востоке и юге - с землями казахов Среднего и Младшего жузов и Астраханской губернии, на западе - с Саратовским, Симбирским и Казанским наместничествами *[НИОРРГБ.* Ф. 178. Д. 8818. Л. 1-1 об.].

Вновь образованное Уфимское наместничество было разделено на две области: Уфимскую и Оренбургскую. В Уфимскую область вошли Уфимский, Мензелинский, Бирский, Челябинский, Стерлитамакский, Бугульминский, Бугурусланский, Белебеевский уезды, а в состав Оренбургской области — Оренбургский, Верхнеуральский, Бузулукский и Сергиевский уезды. Таким образом, Уфимское наместничество состояло первоначально из 12 уездов, но в 1784 г. в составе Уфимской области был образован еще один уезд - Троицкий, и всего стало 13 уездов.

Реформы Екатерины II имели громадное значение для развития городов Башкортостана: вместе с учреждением наместничества Уфа, наконец, получила статус губернского города и, кроме того, были образованы новые уездные города. В топографическом описании Уфимского наместничества, составленном в 1788 г., говорилось: «Самой же губернской город Уфа наперед сего был городом провинциальным Оренбургской губернии, так, как и Челябинск. Город Бирск, Мензелинск и Сергиевск прежде всего были приписные пригородки; Верхнеуральск, Бузулук и Троицк переименованы городами из прежних пограничных крепостей; Оренбург наперед сего был город губернской, а Бугульма — ко оному приписанной, Бугуруслан же переименован из слободы, Белебей — из деревни коронного ведомства, а Стерлитамак — из соляной пристани» *[Там же.* Л. 1]. Таким образом, кроме Уфы, Оренбурга, Челябинска, Бирска, Мензелинска и Сергиевска еще 7 населенных пунктов данного региона в 1782 г. получили статус города.

В конце XVIII в. в Уфимском наместничестве насчитывалось 3 605 населенных пунктов: 13 городов, 3 пригородка, 40 крепостей, 30 слобод, 82 села, 3 408 деревень. Как свидетельствуют источники, из 280 тыс. дес. общей площади земли «три части и более» принадлежали коренному населению, а остальные земли были частновладельческими, заводскими и казенными *[Там же.* Л. 18].

В Уфимском наместничестве в 1788 г. по официальной статистике насчитывалось 572 147 душ об.п., которые подразделялись на две большие группы населения: податных и неподатных людей* *[Там же.* Л. 17 об.-18].

15 января 1797 г. Уфимское наместничество вновь было переименовано в Оренбургскую губернию. В связи с упразднением уездных городов Бугуруслана, Белебея и Сергиевска в нее вошли 10 уездов. Оренбург был объявлен губернским городом, а Уфа вновь отнесена к разряду уездных городов *[РГВИА.* Ф. ВУА. Д. 18895. Л. 1]. В Оренбургской губернии были учреждены губернское правление, судебные гражданская, уголовная и казенная палаты, Приказ общественного призрения, 6 городничих правлений и 10 уездных судов *[Чернавский,* 1900. С. 86]. Однако Уфа продолжала сохранять ведущее положение. Попытка сделать Оренбург губернским центром оказалась безуспешной, так как после передачи городов Уральска и Гурьева Астраханской губернии и выделения территории, населенной казахами, в особое ведомство, Оренбург оказался на окраине губернии. Неслучайно в конце 90-х гг. XVIII в. возникает необходимость переноса губернских правительственных учреждений в г. Уфу *[РГИА.* Ф. 1537. Оп. 1. Д. 3. Л. 186-187 об.]. В 1800 г. оренбургский военный губернатор Н.Н. Бахметев в своем донесении писал, что перенесение губернского центра из Уфы в Оренбург «привело за собой сколько необыкновенные затруднения для самих мест губернских в успешном течении дел, так не меньше чувствительные расстройства тем из поселян, кои имеют надоб-

Численность населения Башкирии конца XVIII в. разными авторами определяется по-разному, в зависимости от характера использованных источников и границ рассматриваемой территории *[Очерки...* 1956. С. 255—258; *Абсалямов, Кулбахтин,* 1994. С. 104-114]. Уточнение этих данных в нашу задачу не входит *(авт.).*

ность быть в губернии по делам своим, ибо Оренбург будучи отдален от всех уездов и на самом почти конце губернии, первым крайне медленно доставляет потребные из уездов сведения или требования, и так что иногда одно нужное обстоятельство ожидается более шести недель; последние же в пути терпят продолжительные переезды...» *[Там же.* Л. 186].

С 1802 г. до раздела в 1865 г. Оренбургской губернии на Уфимскую и Оренбургскую центром управления снова становится Уфа, а Оренбург получает статус уездного города. Вместе с Бугурусланом и Белебеем, которые снова были восстановлены в значении уездных центров, в Оренбургской губернии насчитывалось 12 уездных городов.

Согласно «Учреждениям о губерниях», во главе наместничества были поставлены наместники или генерал-губернаторы, а пограничные дела были переданы учрежденной в г. Оренбурге так называемой Пограничной экспедиции во главе с оберкомендантом. С 1782 г. должность Уфимского наместника и Уфимского и Симбирского генерал-губернатора исполнял генерал-поручик И.В. Якоби, в 1784-1793 гг. — барон О.А. Игельстром, в 1793-1795 гг. — генерал-поручик С.К. Вязмитинов, и в 1795 г. снова вступил в эту должность барон О.А. Игельстром. После образования Оренбургской губернии в 1797 г. О.А. Игельстром стал первым оренбургским военным губернатором.

Следует отметить, что губернская и городская реформы Екатерины II в Башкортостане проводились одновременно. Одним из внешних признаков осуществления городового положения было появление гербов городов. Так, уже в 1788 г. г. Уфа имел свой герб, на которой была изображена бегущая куница в серебряном поле. Свои гербы получили и уездные города.

Башкиры в указанное время жили на территории нескольких губерний — Оренбургской, Пермской, Вятской и Саратовской. Основная часть башкирского населения была сосредоточена в Оренбургской губернии. В основном они жили в сельской местности, отдельными волостями.

Следует отметить, что в последней четверти XVIII в. в Башкортостане сформировалась еще одна система управления — городская. В г. Уфе функционировал выборный орган - Городская дума, в состав которой входили городской голова и 4 гласных — по одному от разных слоев городского общества: купцов, мещан, казаков и отставных солдат. Дума занималась городским хозяйством и благоустройством, а также распоряжалась городскими финансами, занималась сбором налогов. Магистрат в данный период представлял собой сословный судебный орган. Члены магистрата — бурмистр и ратманы избирались из числа местного купечества и мещанства. Магистрат рассматривал гражданские и уголовные дела только между купцами и мещанами. При магистрате имелся сиротский суд, в полицейских частях города действовали словесные суды для рассмотрения мелких дел. Дела о бракосочетании, разводах и вероисповедании башкирского и всего мусульманского населения края были переданы в ведение Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в 1788 г. и разместившегося в Уфе.

Оренбург вплоть до середины XIX в. сохранял статус военной крепости. Город со стороны реки был укреплен палисадом, с остальных сторон окружен каменной стеной, земляным валом и рвом. В нем имелись 2 каменных собора, 3 приходские церкви, одна мусульманская мечеть, гостиный двор с лавками, таможней и церковью над воротами.

В Оренбурге располагались три группы учреждений: военные, пограничные и гражданские. Кроме губернской канцелярии для управления казахскими жузами в Оренбурге была учреждена Пограничная комиссия, а вопросами организации торговли с Казахстаном и Средней Азией ведали Таможенный округ и пограничная таможня. Гражданские дела вели уездная администрация, уездный суд, уездный предводитель дворянства, уездное казначейство. Городскими делами ведала городская дума, городской магистрат и полиция.

Большинство уездных городов Оренбургской губернии, по существу, продолжало оставаться крепостями, а такие, как Бугульма, Бугуруслан и Белебей, где основную массу населения составляли крестьяне, почти не отличались от сельских поселений. Следует отметить, что особенностью городов того времени являлось наличие земельной собственности, которая использовалась под пашню, огороды и сенокосы.

Из 12 уездных городов выделялись города Челябинск, бывший центр Исетской провинции, и Стерлитамак, возникший благодаря развитию соляной промышленности и соляной торговли. Из всех городов на территории Башкортостана только Челябинск успешно конкурировал с Уфой и Оренбургом не только в торгово-промышленном отношении, но и в сфере городового устройства. Только в Челябинске имелись городовые магистраты и думы, в то время как другие уездные города были подчинены магистратам г. Уфы и г. Оренбурга. Уездные города Оренбургской губернии, в основном, в той или иной мере соответствовали

общим требованиям Городового положения 1785 г., которым предусматривалось наличие уездной администрации, городского самоуправления, городского общественного имущества, учреждение органов надзора и правопорядка, обязательное поощрение торговли и ремесленного производства, специальная планировка и застройка городской территории.

Среди городских жителей башкиры были представлены мало. Однако в городах-крепостях Оренбургской линии они несли линейную службу. Так, по прибытии на место службы личный состав башкирско-мишерякской команды распределялся по редутам и крепостям, где они переходили в непосредственное подчинение коменданта крепости или начальника дистанции. Многие вопросы имущественного и судебного характера башкирам также приходилось решать в городах, в соответствующих учреждениях.

Население. В середине и во второй половине XVIII в. наблюдается быстрый рост населения Башкортостана, что происходило преимущественно за счет интенсивной колонизации края. Строительство укрепленных линий по южной, юго-восточной и восточной границам Башкортостана привело к увеличению численности русского населения из служилых и беломестных казаков, служилых и белопахотных солдат, ландмилиции и др. Бурное развитие горнозаводской промышленности сопровождалось массовым переводом мастеровых и работных людей со старых заводов, переселением владельческих и припиской государственных крестьян. Производственное освоение края и усиление позиции царизма способствовали росту дворянского землевладения и увеличению численности крепостных крестьян. Параллельно шел процесс вольной колонизации края государственными, экономическими и дворцовыми русскими крестьянами из центральных губерний России, нерусскими народами Среднего Поволжья.

Численность, этносословный состав и размещение населения Башкортостана во второй половине XVIII в. определить крайне сложно. К тому же подушный учет башкир и тептяро-бобылей до V ревизии не производился. Первый губернатор Оренбургской губернии И.И. Неплюев в 1753 г. сообщал в Сенат, что башкир и мишарей вместе 123 124 чел. *[Ден,* 1902. С. 263]. Но даже такой опытный государственный деятель, как И.И. Неплюев сомневался в своих сообщениях и писал: «Так или нет, на то документов иметь не можно» *[Там же.* С. 265]. В точности своих сведений сомневался и большой знаток края П.И. Рычков *[Рычков,* 1887. С. 92-93]. Поэтому приводимая отдельными авторами информация крайне противоречива. Так, П.И. Рычков считал, что в 50-х гг. XVIII в. башкир было 106 176 чел. *[Там же.* С. 92-93]

Разноречивы сведения переписей и ревизий, проведенных во второй половине XVIII в. По генеральной табели III ревизии, составленной в 1767 г., башкир было 94 962 чел., а вместе с тарханами - 105 938 *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 11, 14]. По данным академика И.Г. Георги в Уфимской провинции было 24 882 башкирских двора *[Георги,* 1799]. При расчете 10 чел. в одном в это время численность башкир составляла около 250 тыс. чел. В 1775 г. по требованию генерал-аншефа графа П.И. Панина по Оренбургской губернии провели учет нерусского населения, участвовавшего в Крестьянской войне. По этим документам, на территории Уфимской и Исетской провинций было определено 28 655 тыс. башкирских дворов *[Крестьянская...* 1975. С. 277—288]. Следовательно, численность коренного населения могла достигать более 286 тыс. чел. По ведомости IV ревизии, составленной в 1782 г. в канцелярии Уфимского и Симбирского наместничества, числилось 137 407 башкир. Вместе с аюкинскими калмыками (362 чел.) и сартами (491 чел.) башкир в начале 80-х гг. XVIII в. было 138 258 чел. *[Материалы...* 1960. Т. V. С. 381—382] По ведомости, составленной в Оренбургской губернской канцелярии по материалам V ревизии, башкир, мишарей, служилых татар, сартов, аюкинских калмыков, тарханов и мурз было 100 255 душ м.п. *[Там же.* С. 386-387; *Очерки...* 1956. С. 257] Их общая численность составляла чуть более 200 тыс. чел.

Противоречивые сведения источников обуславливают расхождения в исследованиях авторов. По утверждению В.Э. Дена, численность башкир в конце XVIII в. достигла 88 500 душ м.п. или около 177 тыс. чел. *[Ден,* 1902. С. 263]. Как утверждал С. Мирасов, численность башкир в XVIII—XIX вв. сократилась с 7 млн до 1,5 млн чел., а в 1735 г. их было 2,8 млн чел. *[Мирасов,* 1928-1930. С. 74-75] По мнению авторов «Очерков по истории Башкирской АССР», в 1781-1782 гг. башкир было 137 407 тыс., а в конце XVIII в. башкиры вместе с мишарями, аюкинскими калмыками, сартами, тарханами и мурзами составляли около 200 душ об. п. *[Очерки...* 1956. С. 87,256]. По подсчетам А.З. Асфандиярова, в конце XVIII в. башкир было 195—200 тыс. чел. *[Асфандияров,* 1989. С. 5], по утверждению Р.Г. Кузеева и Р.З. Янгузина, башкир было 250-275 тыс. чел. *[Кузеев,* 19686. С. 343-345; *Янгузин,* 1989. С. 54]

Таблица Г

Численность, этнический состав и размещение населения Башкортостана
в конце XVIII — начале XIX вв.

Национальность	Белебеевский		Бирский		Бугульминский		Бугурусланский		Бузулукский		Верхнеуральский	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Русские	6438	10,36	19278	23,51	19238	31,37	41807	53,23	330368	72,18	8200	27,19
Башкиры	17237	27,73	20 707	25,25	3131	5,11	582	0,74	1066	22,53	18790	62,31
Татары	26741	43,02	1025	1,25	12918	21,07	5489	6,99	5 538	1,28	192	0,64
Мещери	4614	7,42	9482	11,56	136	0,22	—	—	—	—	—	—
Чуваши	4964	7,99	—	—	8127	13,25	11775	14,99	44346	10,33	—	—
Марийцы	1104	1,78	13218	16,12	—	.	-	—	—	—	—	—
Мордва	844	1,36	14	0,02	8553	13,95	14312	18,22	44383	10,42	—	—
Удмурты	97	0,16	3411	4,16	443	0,72	—	—	—	—	—	—
Тептяри	119	0,19	14836	18,09	8772	14,31	1732	2,21	—	—	2975	9,87
Калмыки	—	—	—	—	—	—	—	—	1040	2,47	—	—
Черкассы	—	—			—	—	2846	3.61	333	0,79	—	—
Киргизы	—	—	45	0,05	—	—		—	—	—	—	—
Католики	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	62 158	100,0	82 016	100,0	61318	100,0	78 543	100,0	442074	100,0	30157	100,0

* Для составления таблицы использованы материалы «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию по 12 уездам Оренбургской губернии.[сост. по: *Абсалямов, Кулбахтин, 1994. С. 105,109].*

Для определения численности, этносословного состава и расселения населения Башкортостана наиболее достоверными представляются материалы V ревизии, когда впервые осуществлялась подушная перепись всех категорий населения края. Анализ ее материалов дан в таблице 1.

Как видно из таблицы, в 12 уездах Оренбургской губернии на рубеже XVIII-XIX вв. числилось 763 873 чел. Из них башкир было 157 699, русского населения всех категорий - 352 533, нерусских пришлых народов - 251 641 чел. К этому времени башкиры составляли 20,7% населения губернии. В трех уездах они имели значительный удельный вес: Верхне-уральском - 62,3%, Стерлитамакском - 43,35%, Оренбургском - 34,83%. Башкиры почти полностью были вытеснены из юго-западных уездов. В Бугульминском уезде их было 3 131 (5,11%), Бузулукском - 1 066 (2,53%), Бугурусланском - 582 чел. (0,75%) *[Там же].*

К концу XVIII в. русские составляли 46,27% (352 533 чел.) населения Оренбургской губернии. Особенно большой удельный вес они представляли в Зауралье, юго-западных и центральных уездах: в Челябинском - 81%, Троицком - 70,36%, Бузулукском - 72,18%, Бугурусланском - 53,23%, Уфимском - 53,85% *[Там же.* С. 109]. Различные группы лично свободных — ясачные, черносошные, экономические крестьяне, отставные и белопахотные солдаты, казаки - составляли 54,6% русского населения края *[Там же.* С. 110—111].

Нерусские пришлые народы преимущественно расселялись в западных уездах губернии. В Белебеевском уезде они составляли 58,1%, Бугульминском - 57,8%, Бирском - 54,4%, Мензелинском - 32,4%, Уфимском — 24,6% населения *[Кулбахтин,* 1990. С. 47]. Около 30% пришлого нерусского населения были татары (74 460 чел.). Во всей губернии татары составляли 9,77% населения, чуваши - 4,8%,

Продолжение таблицы 1

Сословия	Мензелинский		Оренбургский		Стерлитамакский		Троицкий		Уфимский		Челябинский		В губернии	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Русские	34375	39,31	40171	62,64	15801	27,11	37054	70,36	32705	51,85	67088	81,02	352533	46,27
Башкиры	116338	18,78	22333	34,83	25262	43,35	12171	23,11	88445	13,90	11637	14,05	157699	20,70
Татары	23675	27,21	487	0,76	2020	3,47	360	0,68	535	0,08	480	0,58	74460	9,77
Мишари	317	0,36	135	0,21	4346	7,46	2503	4,75	12044	19,83	2027	2,45	35604	4,67
Чуваши	1363	1,57	—	—	5075	8,71	—	-	1261	2,68	2-	—	36911	4,81
Марийцы	680	0,78	—	—	167	0,29	—	—	339	0,56	—	—	15508	2,04
Мордва	3088	3,55	476	0,74	860	1,48	211	0,40	813	1,34	—	—	33554	4,40
Удмурты	7	0,01							101	0,17	—	—	4059	0,53
Тептяри	7154	8,22	524	0,82	4709	8,08	362	0,69	4185	7,38			45668	5,99
Калмыки											1576	1,90	2616	0,34
Черкассы	—	—	—		37	0,006							3216	0,42
Киргизы													45	0,01
Католики									10	0,02	—	—	10	0,02
Всего населения	86997	100,0	64126	100,0	5 277	100,0	52661	100,0	60738	100,0	82808	100,0	763873	100,0

мишари - 4,7%, мордва - 4,4%, марийцы - 2,2%, удмурты - 0,53%; 5,99% населения губернии составляли тептяро-бобыли из нерусских народов *[Абсалямов, Кулбахтин,* 1994. С. 112]. Татарское население концентрировалось в Белебеевском, Мензелинском и Бугульминском, мишари - в Уфимском, Бирском, Белебеевском, Стерлитамакском уездах Уфимской провинции. В Троицком уезде мишарей было - 2 503 чел., в Челябинском — 2 027 чел. Чуваши преимущественно расселялись в юго-западных уездах. Незначительное число чувашей осело в Мензелинском уезде, часть проникла в центральные уезды Оренбургской губернии. Юго-западные уезды оказались районом расселения мордовских крестьян. Основная масса марийцев и удмуртов расселилась на территории Бирского уезда *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 135-138; *Материалы...* 1949. Т. III. С. 483-487, 495-497, 500-501, 542, 543; *Рычков,* 1916. С. 106-111; *Кузеев,* 1974. С. 48-61 и др.].

Кроме Оренбургской губернии, башкиры в конце XVIII в. компактными группами проживали в Елабужском и Сарапульском уездах Вятской; Осинском, Пермском, Екатеринбургском, Кунгурском, Красноуфимском и Шадринском уездах Пермской; Хвалынском и Хотинском уездах Саратовской губерний. По подсчетам Н.С. Попова, в конце XVIII в. в 28 деревнях Осинского уезда проживало 6 769, в 2 деревнях Пермского уезда - 1 045, в 18 деревнях Красноуфимского уезда - 2 203, в 35 деревнях Екатеринбургского уезда - 5 480, в 50 деревнях Шадринского уезда — 3 257 душ мужского пола башкир *[Попов,* 1813. С. 3—6, 8]. Таким образом, в пяти уездах Пермской губернии было 18 754 душ м.п., а вместе с женщинами около 38 тыс. башкир*.

Однако и эти цифры нуждаются в уточнениях. По данным V ревизии, в пределах Осинского уезда проживали 7 983 башкира *[РГАДА.* Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1113. Л. 17 об.—18], в Красноуфимском уезде

* По подсчетам А.З. Асфандиярова, в этом регионе в указанное время проживал 23 871 башкир *[Асфандияров,* 1989. С. 6].

9 718 чел. *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1105. Л. 12-18 об., 19 об,—20, 37 об.-38, 41 об.-44, 66 об.-67, 89 об.-91, 137 06.-138, 152 об.—153, 217 об.-218, 230 об.-231, 237 об.-338 об. и др]. В Екатеринбургском уезде Попов выявил 35 башкирских деревень и определил численность башкир по этим населенным пунктам. В Генеральной табели «Экономических примечаний» по уезду отмечается 38 башкирских деревень. Кроме того, башкиры проживали в 22 деревнях со смешанным населением *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1094. Л. 4 об.—15]. В данном уезде располагались вотчинные владения салъютских, бикатинских, чирлинских, терсятских, улу- и бала-катайских башкир. Только в башкирских деревнях здесь проживало 14 404 башкира* *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1094. Л. 11, 14-14 об., 28, 51, 64-64 об., 77 об.-78, 83-83 об., 85, 145-146, 228 об.-229, 213 об., 214 об., 126; Д. 1096. Л. 3 об.-4, 16 об. и др.]. С учетом таких, далеко не полных, уточнений можно сказать, что в пяти уездах Пермской губернии на рубеже XVIII—XIX в. проживало около 40 тыс. башкир (39 866 чел.). В Елабужском уезде Вятской губернии в 13 деревнях в конце XVIII в. было 2 456 башкир *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 337 л. 65, 66, 109 об.-110, 273 об.-274, 336-337]. В Сарапульском уезде этой же губернии в 5 деревнях проживали 1 056 башкир *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 351. Л. 63 об.-64 об.; Д. 353. Л. 1-2]. В Хвалынском и Хотинском уездах Саратовской губернии в конце XVIII в. Численность башкир достигала 2 тыс. чел. Таким образом, за пределами Оренбургской губернии проживало около 45 тыс. башкир.

Следовательно, в конце XVIII в. численность башкир составляла 203 077 чел. Абсолютное большинство из них проживало на территории Оренбургской губернии (157 699 чел.). Пятая часть башкир (более 43 тыс. чел.) была расселена в северных башкирских волостях, оказавшихся в составе Пермской и Вятской губерний.

Необходимо обратить внимание на то, что к концу XVIII в. заметно уменьшилось количество коренного населения края. Ведь в 20-х гг. XVIII в. численность составляла около 380 тыс. чел. *[Акманов,* 1991. С. 13] Это объясняется массовыми потерями башкир в ходе восстаний 30—50-х гг. XVIII в. По неполным данным исследователей, башкиры потеряли убитыми в ходе сражений, сосланными и отданными в руки солдат и офицеров по материалам П.И. Рычкова - 28 190, В.Н. Татищева - около 60 тыс., И.Г. Акманова свыше 40 тыс. чел. об.п. [*Рычков,* 2001. С. 138; *Акманов,* 1991. С. 140]& В это число не входят башкиры, умершие от голода вследствие разорения территории края правительственными командами.

ХОЗЯЙСТВО БАШКИР

Скотоводство. Ведущей отраслью в хозяйстве башкир продолжало оставаться скотоводство. Хотя в ходе восстаний 30-40-х и 50-х г. XVIII в. оно понесло большие потери, во второй половине века восстанавливалось сравнительно быстрыми темпами. Историк-краевед П.И. Рычков в 1767 г. писал: «Во время бывших башкирских замешательств сей народ приведен уже бьш до великого оскудения в лошадях; но по успокоению онаго в короткое время так они снова у них расплодились, что ныне из них многие имеют сот по 5-ти и больше и все вообще стали быть оными опять достаточны» *[Рычков,* 17676. Т. VII. С. 168].

Основой всех дорог были лошади. О первенствующей роли лошадей в хозяйстве башкир писали и чиновники местной администрации, и ученые, члены Академических экспедиций. П.И. Рычков также подчеркивал, что основные продукты питания башкиры получают от скотоводства: «Башкирский народ к пашне не склонен... Пропитание свое имеют они по большей части от содержания лошадей и бортных угодьев» *[Рычков,* 1999. С. 201-202]. Так, И.Г. Георги, возглавивший один из отрядов Академической экспедиции в конце 60 - начале 70-х гг., писал: «Главный промысел башкирцев есть скотоводство... Они могут назваться привычными, щастливыми и богатыми скотоводами; да они и имение свое считают по величине своих стад или табунов. Лошадиные заводы всему у них предпочитаются, потому что они заимствуют от них единственно все прямыя свои надобности, как например, верховых лошадей, молоко, мясо, из шкур шьют они себе платье и сосуды, а из волосу делают веревки и прочее» *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 90-91].

О разведении большого поголовья лошадей башкир Сибирской дороги сообщал и П. С. Паллас: «Преизрядные и тучныя и плодоносные степи по всей южной стороне Исетской провинции прости-

* По данным Всесоюзной переписи 1989 г., в Свердловской области проживают 41 500, в Пермской — 52 326, Курганской 17 .548, Тюменской — 41 059 башкир. Таким образом, на территории, соответствующей северным волостям Исторического Башкортостана рубежа XVII-XVIII в., в настоящее время проживает 152 433 башкир, что составляет 10,5% всего башкирского населения. (В конце XVIII в. башкиры этой зоны составляли 19,6% башкирского населения).

рающиеся долгой к заведению лошадиных стад такую способность, что нередко здесь сыскать владельцев, кои по нескольку сот лошадей имеют, а есть такие, коих богатство в сем от 2 до 4 тысяч лошадей простираются, что великие конские заводы и пчелиные улья доставляют им большое богатство» *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 650-651].

Преимущественное значение скотоводства в хозяйстве башкир Казанской дороги подчеркивал также участник Академических экспедиций Н.П. Рычков. О башкирах бассейна рр. Кинель и Дема он писал: «И всем известно, что они в хлебопашестве совсем не упражняются, а пользы их происходят от одного только скотоводства». Скотоводами считает Н.П. Рычков и башкир бассейна р. Ик: «в сих местах живет множество башкирцев, ...которые отчасти земледельцы, а больше еще скотоводы и пчеляки» *[Рычков,* 1770а. С. 71, 108].

И.П. Фальк, возглавивший Академическую экспедицию по Исетской провинции в конце 60-х гг. XVIII в., писал: «Сии страны населены... также башкирцами и мещереками, занимавшимися скотоводством». Отмечая благоприятные климатические условия для содержания скота на летних кочевьях, он констатировал: «...летом бывают оный [скот], как и сами башкирцы, жирен» *[Записки...* 1823. С. 257]. О преимуществе скотоводства в хозяйстве башкир сообщали и представители местных властей. Так, в хозяйственной анкете Шляхетского корпуса за 1761 г. сообщается, что жители «скот содержат рогатой: коров, овец, коз, - а больше всех лошадей, особливо в уезде у иноверцов — башкирцов, и гоняют оной летним временем пред Петровым днем и после на ярмонку к Макарию и в Синбирск и в протчие низовые российские городи табунами лошадей по 20, по 40 и более» *[Гвоздикова,* 1999. С. 63].

У башкир юго-восточных волостей Ногайской дороги полукочевое скотоводство оставалось основной отраслью хозяйства и на рубеже XVIII-XIX в. Чиновники Межевой канцелярии отмечали, что обширные степи этой зоны являются удобными «только для выпуска скота, а хлебопашеству весьма неудобны» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 938. Л. 130].

Во второй половине XVIII в. башкиры Ногайской дороги активно вовлекались в сферу деятельности горных заводов, занимаясь перевозкой руды, что значительно повысило использование тягловых лошадей. Рост военно-пограничной повинности башкир способствовал повышению внимания к верховым лошадям *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 109/11].

Кроме лошадей, башкиры имели в своем хозяйстве коров и овец, коз и верблюдов. По словам И.Г. Георги, «...число овец почти соответствует у богатых числу лошадей или превосходит оное, однако мало чем. Рогатого скота держали богатые в половину противо лошадей. Почти у всех есть козьи стада» *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 91].

Скотоводство у башкир носило экстенсивный характер. Но к концу XVIII в. несколько повысилась культура отрасли. Представители местных властей, члены Академических экспедиций и правительственные ревизоры отмечали рост сенокошения. П. С. Паллас писал о башкирах Ногайской дороги, что они на корм скоту косят сено и вьют стоги около больших дерев *[Паллас,* 1773. Ч. 1. С. 649].

В это время башкиры сено косили повсеместно. П.И. Рычков, в 1767 г. в свою очередь отмечал, что башкиры «привыкли уже косить траву и довольно заготовляют ныне сена, чего у них прежде было весьма мало» *[Рычков,* 1767а. Т. VII. С. 6]. К концу столетия в некоторых уездах (Ногайская и Казанская дороги) сенные угодья составляли значительный удельный вес в системе землепользования башкир, о чем красноречиво свидетельствуют материалы Генерального межевания 1797 г.

Скотоводство развивалось и в хозяйствах пришлого населения, перенимавшего некоторые приемы его ведения у башкир. Н.П. Рычков писал, что тептяри бассейна р. Ик, «...живущие между башкирцами научились они обрядам скотоводства по обыкновению сего народа, и привольные паства суть возбудили на рачение» *[Рычков,* 1770а. С. 137]. Жители Магнитной крепости в конце XVIII в. также занимались скотоводством и сенокошением. Скотоводством занимались казаки Уртазымской, Коельской, Чебаркульской, Уйской и других крепостей, русские крестьяне, мишари, татары, тептяри и бобыли в окрестностях Троицкой крепости *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 240 193 об,—194]. Некоторые казаки в окрестностях г. Оренбург, тептяри Верхнеуральского уезда вместе с башкирами выезжали на летние кочевья *[Там же].*

Земледелие. В ходе подавления башкирских восстаний 30—40 и середины 50-х гг. XVIII в. сильно пострадало и земледелие. Одной из распространенных мер наказания башкирских повстанцев было повсеместное уничтожение посевов и убранного хлеба. Во второй половине XVIII в. земледелие в хозяйстве башкир восстанавливалось и получало дальнейшее распространение с большими трудностями. Развитие производительных сил в крае объективно и неизбежно приводило башкир к оседлости и земледелию. Массовый захват вотчинных

Таблица 2

Землепользование в Башкортостане на рубеже XVIII—XIX в.

Уезды	Всего земли (в десятинах)	Удельный вес угодий земли в % ко всей земле				
		усадьбы и пашни	сенные покосы	степи	леса	солончаки, неудобные земли
1.Белебеевский	2 087 769	*6,4*	35,4	12,8	42,1	3,4
2. Бирский	2 237 667	10,1	13,2	0,3	74,0	2,6
3. Бугульминский	1 136 267	23,1	21,9	15,9	33,9	5,2
4. Бугурусланский	1 728 547	22,3	11,5	46,7	0,2	19,3
5. Бузулукский	2 282 767	4,9	2,7	77,2	7,9	7,3
6. Верхнеуральский	3 256 468	0,8	7,8	25,9	58,4	7,3
7. Мензелинский	1 138 200	21,9	12,0	3,5	5,5	4,1
8. Оренбургский	2 834 990	1,0	2,4	76,0	17,7	2,9
9. Стерлитамакский	1 888 858	6,1	35,0	6,6	49,6	2,7
10. Троицкий	2 818 357	4,8	11,7	26,4	51,2	5,9
11. Уфимский	2 127 058	7,9	13,6	5,2	70,8	2,5
12. Челябинский	3 389 778	5,8	17,4	45,4	19,1	18,0

Сост. по: *РГАДА*. Ф- 1355. Оп. 1. Д. 235, 240, 929, 932, 935, 938, 1105, 1113, 1801, 1874, 1876, 1881, 1885,1889.

земель башкир под горные заводы, города и крепости, дворянские имения, интенсивная крестьянская колонизация края привели к резкому сокращению пастбищ, охотничьих и бортевых угодий, бобровых гонов, ограничению традиционных отраслей хозяйствования и вынуждали башкир искать другие способы хозяйствования.

Более быстрыми темпами земледелие развивалось в северо-западном и западном Башкортостане, среди башкир Осинской и Казанской дорог. Юхнев еще в первой четверти XVIII в. отмечал распространение земледелия и сенокошения у башкир Осинской дороги. Относительно башкир Казанской дороги капитан Н.П. Рычков писал: «Есть уже между ими и такие, которые сами собою потребности не большой сев хлеба заводят, а особливо те, кои живут ближе к Уфе, и к тем жительствам, где издавна было и есть земледелие» *[Рычков*, 1770а. С. 127]. Распространение земледелия среди башкир четко прослеживается в наказе башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию 1767—1768 гг.

Определенные успехи в развитии земледелия наблюдались у башкир Сибирской дороги. Участники Академических экспедиций отмечали, что башкиры-хлебопашцы встречаются на территории «...от Красноуфимска до реки Ай», в бассейнах рр. Катав и Юрюзань. По наблюдениям И.И. Лепехина, «...башкирцы на Ае переродились. Они столь же хорошие хлебопашцы, как их соседи» *[Лепехин*, 1795. С. 40-41]. На распространение земледелия среди башкир Сибирской дороги указывал и П.С. Паллас: башкиры бассейна р. Уфа «...все весьма к земледелию привыкли», башкиры бассейна р. Танып имеют «...довольство... от землепашества» *[Паллас*, 1786. Ч. 2. Кн. 1.С.41].

Более медленными темпами развивалось земледелие на территории Ногайской дороги. Но к 70-м гг. здесь наметились определенные сдвиги. И.И. Лепехин отмечал, что башкиры Табынской волости и окрестностей Табынской крепости «...год от году рачительнее становятся к пашне», что они «...начинают вникать в хлебопашество и всякий старается по крайней мере столько хлеба сеять, сколько для домашнего обихода потребно» *[Лепехин*, 1795. С. 27-28]. П.С. Паллас также отметил склонность башкир отдельных деревень Ногайской дороги к земледелию. В частности, он указывал, что башкиры д. Кубово (Кубаул) «...сделалися порядочными земледельцами и уже в состоянии вывозить хлеб свой в город на продажу» *[Паллас*, 1773. Ч. 1. С. 26]. В 1763 г. на призыв губернатора Д.В. Волкова внедрить в своем хозяйстве хлебопашество старши-

ДНЕВНЫЯ
ЗАПИСКИ
ПУТЕШЕСТВІЯ
ДОКТОРА И АКАДЕМІИ НАУКЪ АДЪЮНКТА
ИВАНА ЛЕПЕХИНА
ПО
РАЗНЫМЪ ПРОВИНЦІЯМЪ
РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА,
1768 И 1769 ГОДУ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи Наукъ,
1771 году.

Рис. 24. Титульный лист книги И.И. Лепехина «Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году»

ны Ногайской дороги ответили, что «...слыша ... о хлебопашестве милостивое наставление, ...весьма возрадовались» [*Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 44]. О развитии земледелия у башкир бассейна р. Демы говорит и тот факт, что в годы Крестьянской войны 1773-1775 гг. они поставляли хлеб и фураж повстанческой армии И.Н. Зарубина; отбирали у них хлеб и карательные команды *[Усманов,* 1971. С. 61—62].

Острый дефицит в обеспечении населения и гарнизонов вновь построенных крепостей, работных людей горных заводов хлебным провиантом вынуждал местную администрацию предпринимать некоторые меры по привлечению башкир к земледелию. Оренбургские губернаторы Д.В. Волков и И.А. Рейнсдорп в 1767 и 1770 гг. обращались к башкирским старшинам Ногайской дороги с «увещеванием» распространить в их хозяйствах хлебопашество. В своих докладах в Сенат и императрице Екатерине II они признавали значительные успехи в реализации этих мер и отмечали развитие земледелия в хозяйстве башкир этого региона [*Материалы...* 1960. Т. V. С. 459-462, 477-478]. В частности, Рейнсдорп доносил, что с момента учреждения Оренбургской губернии башкиры никогда не пахали и не сеяли столько, «...как в нынешнем годе». Даже «...случившийся во всех местах худой урожай» не убавил у башкир ревности к хлебопашеству *[Там же.* С. 478]. В 1790 г. исполняющий должность уфимского наместника А.А. Пеутлинг в своем доношении в Сенат сообщал, что «...башкирский народ нынешнего году паче прежних прилежал к хлебопашеству и домашней экономии, что с крайним старанием убирал хлеб с полей...» [*Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 259].

Значительное развитие земледелие получило в зауральских волостях. «Весьма рачительными к хлебопашеству», по данным на конец XVIII в., становились башкиры Троицкого уезда. Они сеяли ячмень, овес, вместо крапивного холста производили конопляный. По материалам Генерального межевания, в конце XVIII в. на один башкирский двор приходилось в среднем по 13,2 дес. пашенной земли *[РГАДА.* Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1885. Л. 49-119]. Н.С. Попов отмечал, что на рубеже XVIII—XIX в. башкиры Екатеринбургского уезда перед уходом на кочевку распахивали землю: состоятельные от 5 и более дес., маломощные - от 1 до 3 дес. Хлеб выращивали не только для собственного потребления, «...но при случае урожая продают избытки в Екатеринбурге и в заводах» *[Попов,* 1813. Ч. 3. С. 16].

В некоторых хозяйствах башкир вблизи Уфы и горных заводов в 1770-х гг. стали производить товарный хлеб. П.С. Паллас сообщал, что «...туркмен-кудейцы д. Ярал ...много пашни засевали, что и на заводы продавать могут» *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 26]. В материалах Генерального межевания башкиры д. Урмекеево Белебеевского уезда в конце XVIII в. часть хлеба продавали на рынках Бугульмы *[РГАДА.* Ф. 1355. Оп. 1. Д. 929. Л. 64].

Наличие обширных земельных просторов способствовало распространению залежной системы земледелия. Башкиры распахивали целинную или залежную землю и засевали ее в течение 10-12 лет, затем оставляли ее на такой же срок для «отдыха» и вновь возвращались к ней. Постепенно от залежной (переложной) системы земледелия они переходили к многополью. П.С. Паллас писал о башкирах Сибирской дороги, что они «...на новине сеют оне два года ячмень, два года овес, два года озимую рожь, еще один или два года яровое, а после принимаются опять за новую степь» *[Паллас,* 1786. 4.2. Кн. 1. С. 65]. Перечень культур, которые засевали в хозяйстве башкир, зафиксирован в материалах Генерального межевания. В частности, там отмече-

но, что у башкир д. Урмекеево Белебеевского уезда «...ис посеянного на ней хлеба лутше родится рожь, овес, пшеница, просо, гречухи, ячмень, горох, конопля» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 929. Л. 64].

Основными орудиями земледелия у башкир, как и у остального земледельческого населения края, были татарский сабан и русская соха. При этом тяжелый сабан, к которому запрягали 4—6 лошадей, использовался лишь при выпахивании целинной земли. В последующие годы башкиры предпочитали ему русскую соху. П.С. Паллас об этом сообщал: башкиры «для начального вспахивания новинных степных мест... употребляют татарский плут сабан, однакож обыкновенное орание, как в России, у них производится сохою, которая плуга дешевле, легче и меньше на упряжку лошадей требует» *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1.С. 8].

О том, что земледелие стало занимать серьезное место в хозяйстве башкир, говорит повсеместное распространение среди них мельниц. В материалах Генерального межевания указывается на наличие мельниц в башкирских деревнях не только западной, но и зауральской Башкирии: «...на реке Мулеме состоит мукомольные мельницы о дву поставах»; «...на реке Киги состоят три мукомольные мельницы: две мутовки, а третья колесчатая» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1.Д. 240. Л. 158, 162].

Однако нельзя преувеличивать темпы распространения земледелия среди башкир. Географические и природно-климатические условия способствовали сохранению традиционных отраслей хозяйства башкир. В 1763 г. на обращение губернатора Д.В. Волкова внедрить в хозяйстве хлебопашество старшины Ногайской дороги ответили, что «...пашни пахать много не навыкли» и просили разрешения покупать в центральных губерниях крепостных крестьян *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. № 372. С. 44]. По материалам Уфимской провинциальной канцелярии 1764 г., даже в западных волостях провинции, в окрестностях Нагайбакской крепости, башкиры еще не занимались хлебопашеством *[Там же.* № 378. С. 60]. В 1800 г. сенаторы М.Г. Спиридов и И.В. Лопухин докладывали, что «...башкирцы земель почти вовсе не обрабатывают и хлебопашеством не занимаются» *[Материалы...* 1960. Т. V. № 451. С. 599]. По словам чиновников Межевой конторы, южные и зауральские степи были способны «...только для выпуска скота, а для хлебопашества и сенокошения весьма неудобны» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 938. Л. 130]. Поэтому для подавляющей массы коренного населения Ногайской дороги и Исетской провинции во второй половине XVIII в. основным занятием продолжало оставаться скотоводство.

В конце XVIII в. в материалах Генерального межевания отмечалось, что башкиры Троицкого уезда дц. Каранаево, Яныбаево, Мечетлино и др. (всего 23 деревни) «...больше упражняются в скотоводстве, пчеловодстве и звериной ловле. Из зверей некоторую часть оставляют для себя, а протчих продают» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 240. Л. 177-177 об.]. О башкирах д. Тляшево Верхнеуральского уезда в Топографическом описании к Генеральному межеванию говорится: «Остающие в домах (т. е. не выезжавшие на кочевья - *Н.К.*) упражняются в хлебопашестве, в лесах для пчел выделывают борти и собирают в обыкновенное время из оных мед, который употребляют часть для себя и на продажу» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 235. Л. 43]. «Пропитание имели через скотоводство и от пчел» башкиры д. Ахмерово Стерлитамакского уезда *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1881. Л. 31]. В материалах Генерального межевания особо выделено хозяйство башкир д. Аблаево Белебеевского уезда: «И во оной даче множество находится бортевых деревьев и немалое пчеловодство» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 329. Л. 95]. Эти материалы также доказывают, что в конце XVIII в. башкиры постепенно стали переходить от бортничества к содержанию пчел в ульях-колодах и формированию пасек вблизи своих домов.

Во второй половине XVIII в. значительное развитие в крае получает производство поташа и селитры из золы. Для этого развернулась промышленная вырубка леса, что не без основания встревожило местные власти. Если прежде башкиры пользовались преимущественно кустарными методами изготовления поташа, то к концу XVIII в. появились крупные поташные заводы башкирских предпринимателей. В «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию имеется информация о поташном заводе башкира с. Мраково Стерлитамакского уезда Мавлюкая Мухаметова, на котором вываривалось поташу «до 1 500 пуд. в год, который продается в городе Казани и на Макарьевской ярмарке от двух рублей пятидесяти копеек и до трех рублей пуд» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1881. Л. 42].

Распространение земледелия среди башкир обусловливало развитие мукомольного промысла. Туктамыш Ишбулатов писал: «...с немалого уже времени как наш башкирский народ стал свыкать к хлебопашеству, то потому и вознадобилось для молотья хлеба мельницы, потому по необходимости многие построили маленькие мельницы, называемые мутовки. А в недавнем уже времени начали

строить, как больше хлебопашеству пример получали, небольшие колясчатые мельницы» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 218; *Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М.*, 2005. С. 99]. К концу XVIII в. мельницы стали появляться и у зауральских башкир. Во время Генерального межевания межовщики писали, что у башкир д. Лагирево Тырнаклинской волости Троицкого уезда «...на речке Киги состоят три мукомольные мельницы: две мутовки, а третья колесчатая. Две об одном поставе действие имеют во все годовые время, кроме полой воды». Видимо, мельницы были не общественные, а принадлежали частным лицам, так как «содержатели за помоя берут по девяти копеек с четверти» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 246. Л. 158].

Башкиры издавна добывали илецкую соль для собственного потребления и на продажу. Сенатским указом от 10 марта 1754 г. была объявлена казенная монополия на соль, обязывающая башкир, мишарей и тептярей покупать соль у казны по 35 коп. за пуд. Добыча и перевозка соли с Илецкой защиты на Стерлитамакскую пристань гужевым транспортом стала повинностью тептярей *[Гвоздикова,* 1999. С. 78-79]. Однако нередко башкиры южных волостей в качестве наемной рабочей силы занимались транспортировкой казенной соли, что было зафиксировано в материалах Генерального межевания.

Указ Правительствующего Сената от 11 февраля 1736 г. запретил башкирам иметь кузницы. Однако башкиры тайно продолжали заниматься кузнечным делом, о чем свидетельствуют вооружение и обмундирование повстанцев в Крестьянской войне 1773-1775 гг.

Торговля. Во второй половине XVIII в. стало заметным разделение труда между отдельными отраслями хозяйства и хозяйственными зонами башкир. Распространение земледелия и постепенный переход башкир к оседлости обуславливали усиление отделения земледелия от скотоводства. Развитие ремесел и промыслов способствовало складыванию и развитию товарообмена между земледельческим и скотоводческим населением, между городом и деревней. Башкиры торговали продуктами скотоводства, бортничества и добычей от охоты. Наиболее активно шла торговля лошадьми, медом, воском, мехами и даже хлебом. Покупали в основном продукты земледелия и ремесел. На Большом собрании Уложенной комиссии 1767—1768 гг. Туктамыш Ишбулатов поддержал выступление мишарского депутата Абдуллы Даушева против притязаний депутата от уфимских купцов А.М. Подъячева на монопольную торговлю и требования запретить остальным сословиям и инородческим народам торговать в пределах Уфимской провинции *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 235].

О занятиях башкир в торговле в источниках достаточно сведений. Приведем наиболее интересные. Так, в материалах Генерального межевания говориться о торговле скотом башкир д. Мустафино Оренбургского уезда, а башкиры дд. Апсялямово и Рятамак Бугульминского уезда вместе с тептярями, служилыми и ясачными татарами «промышляют торговлею, ездят в город Оренбург и Троицк на мену, покупают бухарские выбойки и прочие бумажные, отчасти и шелковые товары и продают в разных здешней губернии селениях и тем доставляют хлебный оборот» *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1874. Л. 2 «...некоторые производят торг шелковым, бумажными, шерстяными и продчими товарами мелочными товарами, для продажи коих ездят своей же округи в разные.селения. А в деревне Ахметовой каждую неделю бывает по средам торг. Съезжают на оной из близ лежащих селений и торгуют разными товарами». Выше говорилось о торговле Тасимовых продуктами собственного кожевенного производства. Мухаметрахим Тасимов и его сын Захар были купцами III гильдии г. Перми *[Асфандияров, Асфандиярова*, 1999. С. 234].

Приведенные факты говорят о том, что башкиры постепенно преодолевали узкие рамки меновой торговли на местах и выходили на арену Урало-Волжского региона. Крупными торговыми центрами Башкортостана стали Оренбург с Гостиным и Меновым дворами на юге, Троицк с Меновым двором и Верхнеяицк на востоке, Уфа в центре, Мензелинск и Бугульма в западном Башкортостане *[РГАДА*. Ф. 250." Кн. 251. Л. 69-69 об., 232; Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч Ф. 36. Оп. 1. Д. 495. Л. 57-59 об., 151-153].

ДОБЫВАЮЩИЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Во второй половине XVIII в. у башкир были развиты и более древние промыслы. Такие промыс

как собирательство, бортничество и др. были распространены практически повсеместно.

Собирательство. Корни его у башкир уходят в глубь тысячелетий *[Древнетюркский...* 1969. С. 85, 233, 339]. Собирательство велось у башкир по установившемуся календарю. Так, например, ранней весной они отправлялись к скалам за диким луком, с конца мая до середины июня собирали кислицу, свербигу, щавель, борщевик. *[Паллас,* 1786. Ч. 2.

Кн. 1. С. 26-27,31-32]. Июль месяц считался у башкир периодом ягод; примерно тогда же производилась выкопка съедобных корнеплодов. Осенью башкиры собирали плоды кустарниковых растений; венчал их собирательскую деятельность поиск гнезд диких пчел и получение меда.

Одни виды трав употреблялись в пищу в сыром виде, другие подвергались переработке и варились. Так, например, из крапивы двудомной, щавеля и борщевика башкиры варили суп. Из луковых растений большой популярностью пользовались лук скальный и косой, которые ценились не только как продукт питания, но и как лекарственное средство. Некоторые виды трав и кустарниковых растений в период цветения заваривались вместо чая, поэтому заготавливались на зиму. Исключительно большое значение благодаря высококалорийным корнеплодам имели у башкир бубенчик и сарана *[Руденко,* 1955. С. 125]. Сырьевое значение крапивы и конопли не ограничивалось только указанными качествами. Их волокна широко использовались в домашнем ткачестве *[Рычков,* 17706. Т. XV. С. 111-112; *Георги,* 1799. Ч. 1. С. 102].

Башкиры повсеместно собирали ягоды земляники и клубники. Излишки ягод шли на продажу *[Пекер,* 1860. С. 177-200]. Клубника и земляника являлись ценнейшим продуктом для изготовления пастилы. Башкирская пастила высоко ценилась на окрестных базарах, особенно охотно покупали ее купцы Средней Азии и Казахстана. В отношении плодов кустарниковых растений у башкир были свои вкусовые пристрастия. Больше всего они любили смородину и чернику. Их плоды и листья использовались для лечения самых разных болезней. Из плодов смородины получалась вкусная пастила. Пользовались популярностью также плоды черемухи. Башкиры охотно собирали плоды вишни, которые чаще употреблялись в пищу в свежем виде. Так же как и черемуху, вишню заготавливали и на зиму. Башкиры знали оригинальный способ хранения этого ценнейшего продукта питания: сливочное масло перетапливали вместе с плодами вишни. Зимой сушеную вишню, как и черемуху, мололи в ручных жерновах и с полученным порошком пекли вкусные пироги. Кстати, в Хорезме предпочиталась башкирская пастила, изготовленная из плодов калины *[Валиди,* 1994. С. 14—15].

Рыболовство. На Южном Урале рыбная ловля была известна человеку еще в эпоху мезолита и неолита *[Матюшин,* 1964. С. 39; *Матюшин,* 1968. С. 15-31]. Арабская хроника (X в.), например, сообщает о поклонении башкир воде и рыбам *[Путешествие...* 1939. С. 66]. В официальном источнике в числе основной пищи башкир в XVI-XVII вв. упоминается и рыба *[Книга...* 1838. С. 139]. Рыболовство давало населению здоровую пищу. В экстремальных условиях оно спасало людей от голодной смерти.

Рыбы было много там, где имелась пресная вода. В Башкортостане насчитывалось 3 крупные реки, 35 средних и 2004 мелких *[Архив РГО*. Ф. 26. Ед. хр. 19]. Край башкир располагал замечательными пресноводными озерами, которых было особенно много в Зауралье *[Сабанеев,* 1873. С. 30-37].

В реках ловили хариусов, форель и тайменей *(красную рыбу),* голавлей, язя, жерехов, подустов, лещей, ельцов, подлещиков, красноперок, щук, налимов и сомов, а в озерах - карасей, окуней, ершей и щук, местами - линей и лещей *[Муллагулов,* 2007. Разд. II].

У горных башкир был популярен лов рыбы волосяной петлей. Привязывали петлю к гибкой палке. Башкир-рыболов, увидев рыбу, застывшую возле камышей, осторожно подкрадывался к этому месту и незаметно подводил петлю под рыбу. Как только петля охватывала жаберную часть тела, он мгновенно поднимал палку вверх и затягивал петлю. Таким способом ловили чаще всего щуку, в горных же речках — хариуса и форель. Аналогичная техника ловли рыбы практиковалась и русским населением края *[Кириков,* 1953. С. 18].

У башкир-тамьянцев в оз. Яктыкуль практиковался подледный лов рыбы петлей с подманиванием щук на живого самца. Осенью башкиры устраивали ночной лов с выслеживанием рыб факелами и лучением острогой. Как только водоемы сковывал лед, способный выдержать человека, башкиры выходили на мелководье глушить рыбу. Глушили её особой клюшкой, представлявшей собой обрубок березы. Рыбак, заметив рыбу под прозрачным льдом, резко ударял по льду. Оглушенная рыба переворачивалась вверх брюхом, и рыболов вытаскивал ее через пролом.

Башкиры охотно ловили и «духовую» рыбу. Это занятие практиковалось обычно в январе или феврале, когда рыба задыхалась из-за отсутствия кислорода. Рыбалка продолжалась недолго — всего 3-4 дня: лёд прорубали топором и рыбу вычерпывали из прорубей обычными ковшами или деревянными лопатами.

Ловили рыбу также на крючок, больше жерлицами, нежели удочкой. Башкирская жерлица мало отличалась от общераспространенного типа. У башкир нет деревни, где бы не использовалась для ловли рыбы морда из лозы. Мордой ловили рыбу

повсеместно и в любое время года. Ее широко использовали и при запорном рыболовстве.

Ловили рыбу также различными сетями. Широко использовались у башкир крапивные волокна для вязания сетей и витья верёвок [*Рычков,* 17706. С. 71-72]. Бытовавшие у башкир сетевые орудия рыболовства в целом были мало оригинальными, можно отметить и некоторые особенности в вязании сетей.

Устойчивое сохранение архаичных приемов рыболовства и разветвленной классификации рыб по их видам и возрасту несомненно свидетельствуют о глубокой традиционности этой отрасли в хозяйственной жизни башкир.

Охота. Богатая фауна и флора Южного Урала способствовали развитию охоты на диких животных. Арабский миссионер Абу-Хамид аль-Гарнати (XII в.) сообщает об охоте башкир на дикого быка с большими рогами, голову и мясо которого увозили с места охоты на двух повозках [*Путешествие...* 1971. С. 42-43, 70]. Известна была башкирам также соколиная охота *[Очерки...* 1956. С. 48].

Звероловство в крае оживилось особенно после принятия башкирами русского подданства. Согласно договору между Белым царем и башкирскими послами, башкиры обязывались платить ясак русской казне пушниной и медом. Поскольку в качестве дани принимались преимущественно ценных зверей, то охота все больше приобретала пушной характер. Объектами охотничьего промысла, кроме куницы, становились бобер, выдра, белка, лисица, колонок, горностай, хорек и барсук.

На куниц башкиры охотились поздней осенью по первому снегу с луком с затупленными стрелами и обязательно с собакой. Последние отыскивали следы зверька и загоняли его на дерево. Далее опытному и меткому стрелку не представляло особой сложности пристрелить зверя *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 25]. Безоружный зверолов, обнаружив дерево с куницей в дупле, в первую очередь затыкал отверстие одеждой. Затем срубал само дерево и делал на дереве узкую щель для того, чтобы следить за животным и иметь доступ к нему. После этого готовил палку с рогами на одном из ее концов, с помощью которой душил зверка и вынимал трофей из дупла.

Особенно активно охотились башкиры за бобрами, дававшими не только ценный мех, но и лекарственный кастореум* *[Рычков,* 1999. С. 149].

Помытчики из башкир занимались отловом птенцов хищных птиц, главным образом, беркутов, соколов и ястребов «для двора» *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 94]. Обучение хищников для ловчей охоты тоже легло на плечи бащкир. О башкирских дрессировщиках хищной птицы высоко отзывались исследователи края *[Лепехин,* 1802. С. 6; *Соммъе,* 1891. С. 29; *Ратцель,* 1901. С. 588].

В охоте на мясного зверя главное место занимали копытные животные: лось, олень и косули; на них организовывалась групповая охота. Роль мясной охоты возрастала особенно весной, когда у башкир заканчивались запасы продуктов. В это время у местных жителей практиковалась охота на диких коз, косулей и оленей по насту. Таким занятием больше всего занимались башкиры восточной части края. Наст легко выдерживал человека, однако любое копытное животное на нем проваливалось. Гнаться за ним в это время не представляло труда. Звероловы убивали зверя дубиной или обухом топора. Копытных животных ловили также с помощью петли, настраиваемой у водопоя или же у стога сена.

У башкир в качестве объекта промысла особое место занимал медведь. Большим уважением местного населения пользовались звероловы-медвежатники. Среди них особо выделялись охотники с рогатиной.

Поединок с коварным хищником происходил, как правило, зимой у берлоги, куда зверолов подкрадывался незаметно, захватывая с собой, кроме рогатины и топора, еще и охапку заранее заготовленных верхушек молодых деревьев с грубо обрубленными по бокам и концам ветками. Он осторожно заполнял ими устье берлоги, положив верхушки друг на друга с рогами в противоположном направлении. После чего охотник просовывал в берлогу специальную жердь с острым концом. Убедившись в том, что все под рукой - и рогатина, и топор, он начинал двигать жердью в разные стороны. Это делалось для того, чтобы разбудить крепко спящего медведя. Способ схватки со зверем описан у многих народов.

На тетеревов, глухарей, дроф, куропаток, рябчиков охотились чаще всего осенью и в первые месяцы зимы. Основная часть дичи добывалась примитивными способами. Охотились ночью с помощью факелов; один из охотников освещал поляну, а другой убивал птиц дубиной.

Таким образом, функционирование звериной и птичьей охоты у башкир предопределялось их важной ролью в заготовке продуктов питания.

Бортничество. Башкирам были хорошо известны повадки и места обитания диких пчел, которых

* Жидкость, выделяемая бобрами с помощью особых желез

находили в дуплах деревьев или в расщелинах скал *[Небольсин,* 1850. С. 9].

Для содержания пчел наиболее подходящим деревом считалась и до сих пор считается сосна. Выдалбливание борти - не только сложное, но и трудоемкое дело. Работать с топором и другими инструментами на высоте от 5 до 14 м от земли было нелегко. Бортник поднимался на дерево с помощью широкого ремня, сплетенного из множества ремешков (кирям). Длина ремня равнялась 4-5 м, а ширина - трем пальцам. Способ лазания бортника на дерево с помощью киряма подробно описан в литературе *[Руденко,* 1925. С. 47-48]. Башкир, поднявшись на дерево до намеченной точки, крепко и надежно привязывал к стволу подставку для ног, представляющую собой деревянный брусок выгнутой формы с бортиком по верхнему краю. Удобно и надежно встав на подставку и привязавшись к стволу дерева, выдалбливал в нем полость. Размеры её достигали 2 м в высоту и 35 см в ширину. Толщина стенок борти должна была быть не менее 15 см. После этого мастер-бортник вырубал стамеской проход для пчел и подгонял заранее подготовленные крышки для борти. С установлением в полость двух-трех лучин борть была готова.

Данное ремесло получило повсеместное развитие у башкир в европейской части края. По сведениям П. Назарова, «бортей дозволенных правительством в одной 3-й Бурзянской волости доходило до 3 ООО, да столько же вероятно недозволенных» *[Назаров,* 1890. С. 177].

Примерно с середины июля начинали осматривать борти. Если меда в гнезде было достаточно, бортник срезал часть его, оставляя большую долю меда самим пчелам (на корм зимой).

Осмотр бортей заканчивался к середине августа. В это же время башкиры осуществляли подготовку пчелиных семей к зиме. Для этого бортник как можно плотнее закрывал крышки борти и замазывал глиной щели вокруг них. Крышки утеплялись полоской бересты, луба; закрепленными снизу сухим сеном либо мхом.

Одновременно применялись меры для предохранения бортей от медведей. Существовало несколько приемов *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 23-24; *Лепехин,* 1802. С. 68-69]. Повсеместно встречался у башкир такой способ: брали болванку' из крепкого и тяжелого дерева, чаще всего из дуба или лиственницы, поднимали ее наверх с помощью аркана и привязывали в свисающем положении за толстую ветку борти. Поскольку болванка собой

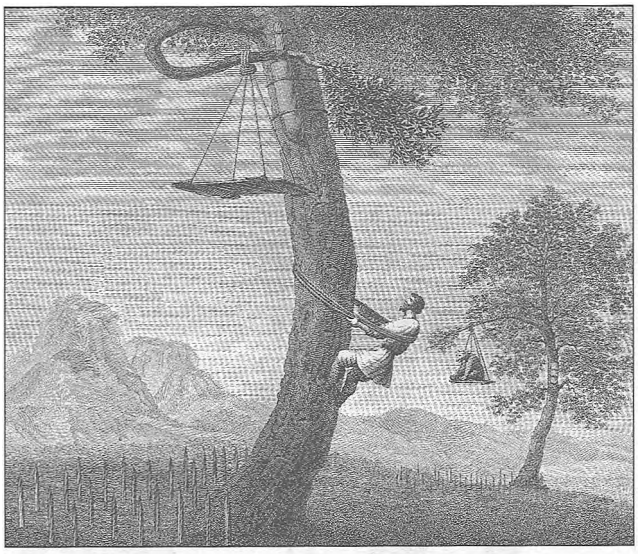

Рис. 25. Башкирская ловля медведей. Иллюстрация к «Запискам путешествия академика Лепехина» из атласа к «Полному собранию ученых путешествий по России». СПб., 1818–1825

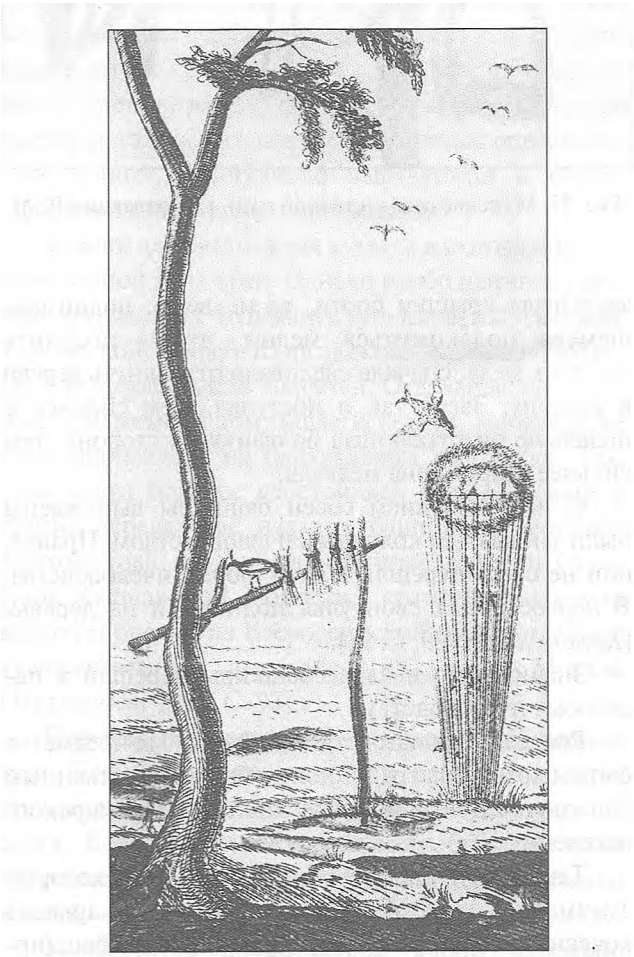

Рис. 26. Приспособление (ловушка для ловли тетеревей). По П.С. Палласу

' Длина болванки была не менее двух метров.

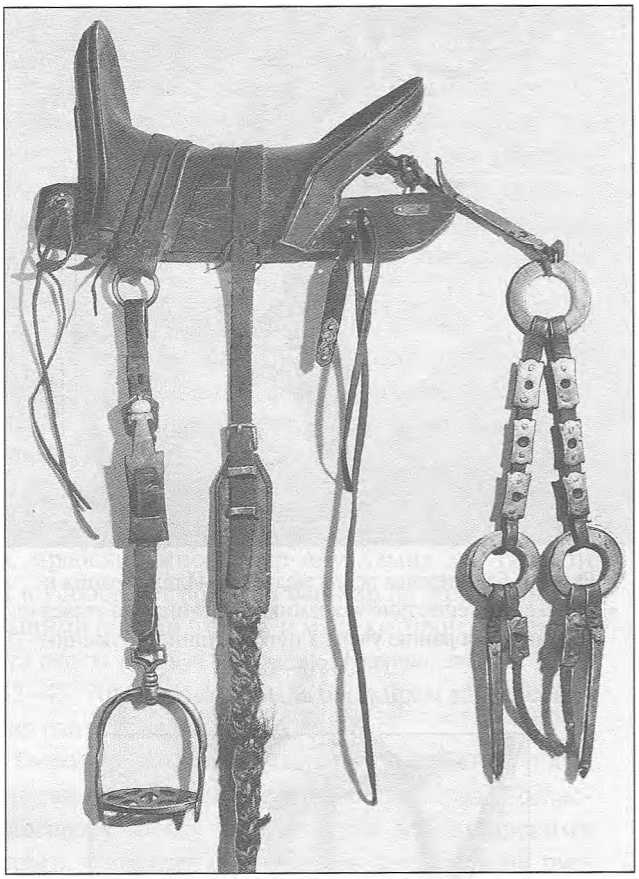

Рис. 27. Мужское седло (степной тип). Из коллекции РЭМ

закрывала крышки борти, то медведю, поднимавшемуся полакомиться медом, чтобы получить доступ к меду, сначала следовало оттолкнуть дерево в сторону. Зверь так и поступал. Чем сильнее и подальше он отталкивал болванку на сторону, тем сильнее ударяла она медведя.

С исчезновением сосен башкиры вынуждены были заниматься колодным пчеловодством. Правда, они не сразу перешли к этой форме пчеловодства. В первое время свои улья поднимали на деревья *[Круковский,* 1909. С. 91].

Значительно позднее башкиры перешли к пасечному пчеловодству.

Ремесла. Производство необходимых предметов быта и хозяйства традиционно было существенным дополнением к основным занятиям башкирского населения.

Так, среди башкир были плотники, которые занимались изготовлением деревянных каркасов кочевнических юрт и предметов интерьера башкирского жилища, срубов для жилья и хозяйственных построек. Первоклассные резчики по дереву умели вырезать из капокорня и обыкновенных деревьев верховые седла и разнообразную домашнюю утварь. Охотничьи луки с прямыми стрелами, изготовленные местными мастерами, отличались не только технологией производства, но и дальностью полета. Неслучайно боевым оружием «северных амуров» интересовался поэт и естествоиспытатель И.В. Гете, а также профессор Лейпцигского университета Ф.Р. Ратцель *[Ратцелъ,* 1902. С. 582—583]. Среди башкир встречались женщины-мастерицы по ткачеству и вышивке, а также по производству войлока, служившего прекрасным кровельным материалом для переносного жилища. Башкирские женщины сохранили верность старинным ремеслам - ковроткачеству и тканью паласа из разноцветной козьей и овечьей шерсти. Башкиры были известны и как опытные углежоги: корни этого промысла на Южном Урале уходят в глубь веков *[Боков,* 1898. С. 1, 7-10]. Некоторые башкиры самобытным способом умели плавить железную руду *[Газов,* 1900. С. 21]. Так что не без основания получило здесь распространение кузнечное дело, прекратившее свое законное существование у башкир с 1736 г.

Издавна известна была башкирам и камнеобработка. Разноцветными камнями местные мастера украшали национальную одежду и предметы конского убора. Камень широко использовался и как строительный материал, и как необходимый атрибут в обрядовой жизни населения.

Судя по сведениям участников Академических экспедиций, башкиры считались мастерами по обработке кожи и меха, а также по плетению, сырьем для которого служили обыкновенная лоза, камыш и т. д. Башкирские мастера и мастерицы, а также их изделия ручной работы получили широкую известность не только среди односельчан, но и за пределами своих деревень и волостей. Неслучайно отдельные экземпляры предметов традиционной башкирской культуры в настоящее время экспонируются в музеях этнографии в таких крупных городах, как Будапешт и Лейпциг, Санкт-Петербург и Москва.

Деревообработка. Ремесло деревообработки в крае получило самое широкое распространение.

Среди деревообрабатывающих производств башкир особо выделялись ремесла, связанные с изготовлением седельного остова, с выделкой домашней утвари, в первую очередь посуды, необходимой для заготовки и хранения кумыса и других молочных продуктов. Разнообразная деревянная посуда требовалась также для транспортировки и хранения меда.

Остов седла изготавливался из березы. При этом луки седла, как правило, вырезались из капокорня или же развилины дерева. Из березы изготавливался

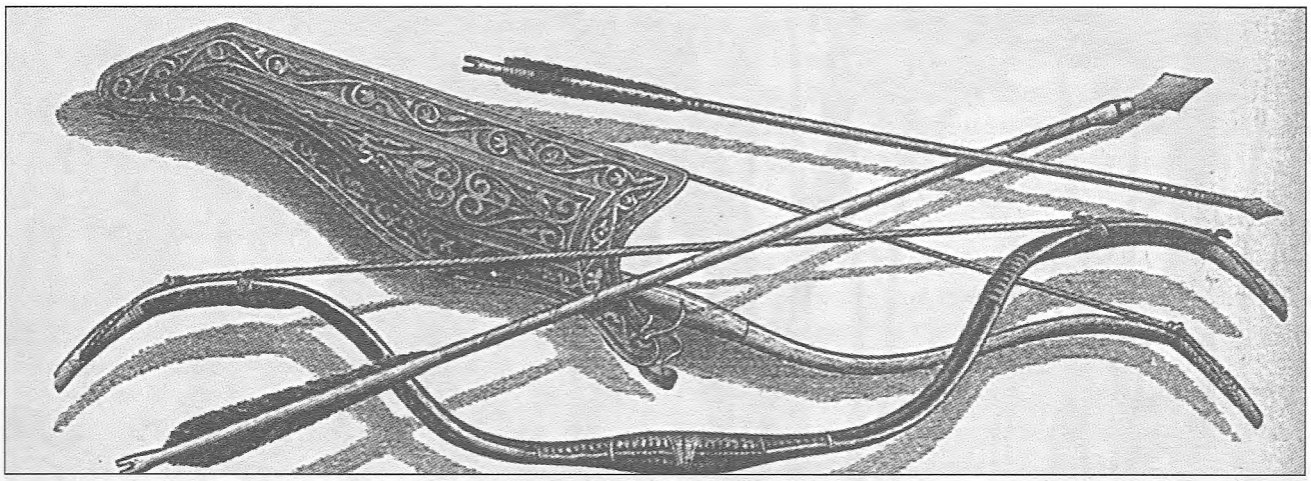

Рис. 28. Башкирские боевые луки и стрелы.
По Ф. Ратцелю, XIX в.

и ленчик седла. Для особой прочности части седла раньше подвергались кипячению в соленой воде и дальнейшей сушке в тени.

Резчики по дереву изготавливали седла с учетом пола и возраста всадника. Женское седло, в отличие от мужского, имело широкое сиденье, высокую переднюю и низкую с сильным наклоном заднюю луки.

У состоятельных башкир обе луки седла, особенно передняя, украшались металлическими накладками в форме полумесяца, орнаментировались серебряной гравировкой и т. д.

Металлическими бляхами, пластиками, узорной насечкой отделывались и другие принадлежности седельного набора: само седло, нагрудники, потфеи, подхвостники, кожаный тебенок. Женское седло украшалось богаче и разнообразнее, чем мужское.

Устойчивость седла обеспечивалась подпругами, нагрудником и подхвостниками. Хотя большей частью они изготавливались из ремня, все же при их изготовлении широко использовался конский волос, волокна конопли и мочало.

По технологии изготовления и способам художественного оформления большой интерес представляют также ремесла по производству кумысной посуды. Так, например, одни башкиры делали посуду для заготовки кумыса, другие занимались производством особой емкости для хранения напитка *(кымыҙ тәпәне)*, украшая ее разного рода орнаментами и резьбой, мастера же третьей группы были заняты изготовлением посуды для разливания и подачи кумыса к месту угощения гостей.

Среди деревянных резных изделий башкир по сложности изготовления и разнообразию технологических приемов особое место занимают ковши для разливания кумыса *(кымыҙ ижауы)*. В самом деле, никакая деревянная посуда не сможет сравниться с ними по технологии изготовления и способам декоративного оформления тех или иных частей. По своим типам и формам башкирские ковши для кумыса были разнообразны. Одни из них имели почти круглый остов и плоское дно, другие были продолговатой формы «с слегка загнутым кверху носком». Все ковши снабжались оригинальной ручкой, причудливо вырезанной и богато оформленной ажурным орнаментом.

Ковши для разливания кумыса изготовлялись во всей горной зоне края. Однако особо ценились резные изделия из Бушман-Суун-Кара-Кыпсакской, Бурзянской, Гирей-Кыпсакской, Кальсер-Табынской и Макаровской волостей. Отдельные деревянные предметы, в том числе и ковши, иногда даже экспонировались на центральных выставках. Так, этой чести позднее удостоились резные ковши и другие деревянные изделия башкира Ахметжана Магоме-това из вышеупомянутой Бушман-Суун-Кара-Кыпсакской волости, которые получили высокую оценку на Всероссийской промышленной художественной выставке 1882 г. в Москве *[Муллагулов*, 1994. С. 93].

Переработка древесных материалов. В лесной зоне Башкортостана получили распространение промыслы по жжению угля и выработке смолы и дегтя. Если развитие углежжения было вызвано потребностью горных заводов, то перегонка смолы и дегтя — жизненной нуждой сельского населения.

Углежжение представляло собой довольно сложный, трудоемкий производственный процесс, поэтому им занимались преимущественно мужчины. Оно требовало от работника профессионального умения и значительной физической силы.

Рис. 29. Занятия башкир. Худ. И.Г.Рашевский. Вторая пол. XIX в.

Операция углежжения по ямному способу состояла в следующем: на пригорке с сухим грунтом готовили круглую яму. На дно ямы клали подкладки из бревен и на них укладывали дрова. Одновременно под дровами оставляли сквозное пространство, проходящее по середине ямы. Далее, положив на ее центр сухую хворостину, заканчивали работу по укладке дров. Затем все это сооружение покрывали травой и ветками, обкладывали его землей и дерном по всей поверхности. Поскольку хворостина была сухая, костер быстро разгорался. Поддержание огня и регулирование его требовали от работника внимания и ловкости. Он внимательно следил за тем, чтобы обугливание происходило равномерно. Поэтому углежоги не оставляли костер без присмотра ни днем, ни ночью. Вся операция обугливания продолжалась более двух—трех суток.

Далее, убедившись в том, что куча готова для дальнейшей операции, устанавливали над ней треножник из жердей и, прикрепив к последнему особое сито лыковой сеткой с крупными ячейками, приступали к провеиванию угля. Готовые угли собирали или в короба, или же в кули из мочала. С мест производства уголь шел на местные заводы, но чаще всего в недостаточно обеспеченные топливом степные районы.

Сидка дегтя и гонка смолы. Для производства дегтя в качестве сырья служила береста, а для выработки смолы — осмолья хвойных пород деревьев.

Для сидки качественного дегтя лучшим материалом считалась сравнительно молодая береста, которую, как правило, сдирали весной во время активного сокодвижения в деревьях. Сидка дегтя производилась в ямах. Ямы устраивались в лесу чаще всего на пригорке или на берегу реки. Как правило, все ямы обмазывались изнутри толстым слоем глины. Глубина ямы равнялась примерно 2 м, а диаметр ее достигал 1,5—3 м. Со дна ямы наружу выходила деревянная из цельного бревна труба, по которой вытекал деготь. Для приготовления дегтя яму наполняли берестой. Наверху образовавшаяся куча обязательно закруглялась и обкладывалась травой и кусками дерна. На следующей стадии разжигали бересту по всему кругу. В дальнейшем, если где-нибудь береста сильно разгоралась, огонь немедленно усмиряли.

Близким по технике и способу добычи был промысел по перегонке смолы.

Камнеобработка. Практическое освоение камня, как и других объектов окружающей среды, является составной частью культурной адаптации человека к естественно-географическим условиям. Несложн-

ность технологии обработки камня, его доступность и прочность делали камень незаменимым в строительстве жилых и хозяйственных построек, в изготовлении предметов быта и хозяйства.

Как известно из литературных и фольклорных источников, южноуральский разноцветный поделочный камень достаточно широко использовался для художественного оформления башкирского национального костюма. Например, раньше разноцветными камнями и серебряными бляшками богато украшались женские нагрудники и пояса, тюбетейки и другие предметы костюма башкир *[Бикбулатов, Кузеев, Шитова,* 1976. С. 66, 89, 91; Рис. 18, 19, 20]. Разноцветными камешками оформлялись принадлежности конского убора. В частности, богато украшенная уздечка хранится в настоящее время в этнографическом фонде РЭМ Санкт-Петербурге *[Муллагулов,* 1992. С. 72-73; Рис. 16].

Из местных южноуральских природных ресурсов особую ценность представляют залежи плотного песчаника. Так, жерновые камни изготавливались из плиты толщиной в 10—12 см, а диаметр их колебался от 36 до 46 см. По словам П.И. Рычкова, «самые лучшие из горновых и жерновых [камней]» сосредоточивались «около Табынска» *[Рычков,* 1999. С. 128]. Богатые залежи жернового камня имелись в Златоустовском уезде около д. Ташаул и ст. Сулея, а также в Стерлитамакском - у дд. Имендяшево, Сеитбабино, Исекеево и Макарово Уфимской губернии *[Кустарные...* 1912. С. 123-125]. На изготовлении мелкого жернового камня специализировались кустари-камнерезы дд. Сеитбабино, Исекеево и Ибраево.

В этой же зоне края получило развитие производство мельничного камня. Этому способствовало, с одной стороны, активное строительство водяных мельниц по всему краю *[Населенные...* 2002. С. 5]; с другой - расширение хлебопашества в центральных губерниях России. По сведениям ученого-архивиста Б. Бурангулова, собранным им из статистических источников по Уфимской губернии, к началу XX в. здесь числилось всего 1 437 мельниц, подавляющее большинство из которых составляли водяные *[Там же]*. Ясно, что все это способствовало активации работы по изготовлению мельничного камня.

Камнеобработчики работали на камнеломнях как в теплое время года, так и зимой, а остальные же кустари - преимущественно в весенне-осенний период. Старожилы отмечали, что диаметр мельничного камня равнялся примерно 1 м 20 см, толщина - 30-40 см, диаметр осевого отверстия - 25-30 см.

При напряженной работе двух опытных маете - ров-камнеобработчиков на обтесывание пары мельничных камней уходило примерно 15 дней. Судя по официальным источникам, в Макаровской волости в год приготовлялось более 200 пар камней *[Газов,* 1900. С. 120], а в д. Сеитбабино (Мурзакаево) за лето обтесывалось от 50 до 100 шт. *[Там же.* С. 115]. К сожалению, из-за того, что не было возможности реализации готовой продукции на местах, башкиры были вынуждены продавать свой товар скупщикам за бесценок. Нередки были случаи, когда товар кустарей менялся на хлеб и другие продукты.

Кузнечное дело. Башкиры издавна были знакомы с обработкой металла. Изделия башкирских мастеров-оружейников имели широкое распространение. Местные кузнецы занимались, прежде всего, ковкой металла, изготовлением таких атрибутов охотничьего снаряжения, как наконечники для рогатин, стрел боевого и обыкновенного лука, а также ножи и капканы. Известными центрами кузнечного ремесла были башкирские селения Уметбаево и Кадыш Белорецкого, Болыпекобячово Стерлитамакского, Иргизлы Бурзянского, Темясово и Зянзигитово Орского, Бикбулатово и Красная Мечеть Оренбургского, Уметбаево и Халилово Верхнеуральского, Сикияз Бирского уездов. Среди башкир встречались и мастера ювелирного дела *[Авижанская, Бикбулатов, Кузеев,* 1964]. О том, что башкиры были искусными ювелирами, свидетельствуют отдельные предметы быта и культуры, сохранившиеся в быту и коллекциях ряда музеев. Достаточно сослаться на уздечку и седло, хранящиеся в фондах Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге.

Однако после запрещения кузнечного дела среди башкир (1736 г.) это ремесло почти совсем исчезло из их быта.

БАШКИРСКИЕ РУДОИСКАТЕЛИ И РУДОПРОМЫШЛЕННИКИ

Башкиры издавна владели знаниями и навыками поиска и плавки руд. Башкирские рудознатцы без труда могли определить залежи медной и железной руд, месторождения серебра и золота. Мастерство обработки металлов передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну.

Вооруженные восстания башкир XVII-XVIII вв. вынудили правительство издать указы, запрещающие ясачному населению, в том числе башкирам, иметь кузницы, а также продавать огнестрельное оружие, панцири, шлемы и сабли. Однако, несмот-

ря на запреты, башкиры скрытно продолжали заниматься кузнечным делом [*История...* 2007. Т. II. С. 118].

В XVIII в. Урал стал центром металлургии России. Если в первой половине столетия активному горнозаводскому освоению подверглась территория Среднего Урала, то во второй половине началась разработка природных ресурсов Южного Урала. При строительстве металлургических заводов казна часто привлекала местное население, которое указывало известные им месторождения руды и помогало определить подходящее для заводов место. Рудознатцами и рудоискателями выступали посадские люди, различные категории крестьян, а также представители коренных этносов. Башкортостан с изданием в 1719 г. Берг-привилегии и учреждением местных органов Берг-коллегии оказался в зоне промышленного освоения.

Бурное горнозаводское строительство, развернувшееся в 20-е гг. XVIII в. на Среднем Урале, оказало значительное влияние на судьбы башкир северных волостей. На восточном склоне Уральского хребта формирование группы металлургических заводов с центром в Екатеринбурге затронуло прежде всего башкир Сибирской дороги. Здесь на начальной стадии строительство заводов и рудников встретило активное сопротивление со стороны башкир-вотчинников. Порой недовольство коренного населения доходило до крайних мер. Так при освоением Гумешевского месторождения медной руды и строительстве Полевского медеплавильного завода «в 1718-м году, июня 10-ого дня, Гельжеутской волости башкирцы Чюбар Балагушев с товарыщи, собрався многолюдством, и на том руднике то все строение выжгли и работных людей согнали» *[Геннин,* 1937. С. 507]. Тем не менее горным властям удалось урегулировать этот конфликт и добиться согласия башкир на оказание им помощи.

Совсем иная ситуация сложилась на западном склоне Среднего Урала. Наличие большого количества залежей медистых песчаников позволило организовать здесь медеплавильное производство. Начиная с 20-х гг. XVIII в. на базе выявленных местным населением месторождений медной руды здесь были построены 6 медеплавильных заводов. Первенцами Пермского горного округа, давшими продукцию уже в 1724 г., стали Ягошихинский и восстановленный Пыскорский медеплавильные заводы. В 30-х гг. XVIII в. на территории современного Пермского края были построены еще 4 медеплавильных предприятия: Висимский, Мотовилихинский и два Юговских. Три завода (Ягошихинский, Висимский и Мотовилихинский) этого горного округа были построены на землях Строгановых. Верхний и Нижний Юговские заводы располагались на вотчинных землях башкир Тайнинской волости [*Кулбахтин,* 2000. С. 55—56].

Особенно широко в поисках новых месторождений железной и медной руды башкиры Тайнинской волости Осинской дороги. Гайнинцы поселились на этих землях еще «до взятия Иваном Васильевичем города Казани». В конце XVI в. свои вотчинные права на земли они подтвердили грамотой царя Федора Ивановича. В 1700 г. башкир д. Кояново Тасим Маметев «с товарищи» вновь получили грамоту царя Петра Алексеевича, подтверждающую их вотчинное право на владение землями Мул-Гайнинской волости, за которые башкиры д. Кояново должны были платить казне 276 куниц в год. Примерно в это же время Тасим Маметев начал разведку месторождений медной руды на вотчинных землях своей волости *[ГАПК.* Ф. 316. Оп. 1. Д. 78. Л. 17; *Асфандияров,* 1988. С. 18—26].

Сведения о занятии башкир-гайнинцев поисками руд относятся к 1720 г., когда начальник казенных горных заводов В.Н. Татищев с целью строительства новых медеплавильных заводов развернул здесь широкомасштабную разведывательную деятельность. Башкиры в первое время сообщали об известных им месторождениях, представленным от горнозаводской администрации рудоискателям. Особенное усердие и активность в выявлении подземных богатств района проявили башкиры д. Кояново Тайнинской волости. Так, Азян Исманов в августе 1720 г. указал рудоискателю Никону Шаломову месторождение медной руды неподалеку от деревни *[ГАСО*. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1346. Л. 1 об.]. Весной следующего года этому же рудоискателю башкиры Асыл (Асым) Талсанаев и Истуган Байметов независимо друг от друга сообщили о месторождениях руды по рр. Мельнишная и Бродовка *[Там же.* Л. 3 об.].

Вскоре жители Кояново, осознав экономическую выгоду данного предприятия, стали объявлять об обнаруженных ими месторождениях лично. Одновременно росло и число жителей деревни, вовлеченных в эту сферу. Так, 18 июня 1722 г. Ишинбай Тураев, Асыл Туманаев и Кленчей Байдосов принесли образцы медной руды на пробу. Месторождение находилось в 10 верстах от д. Кояново *[Там же.* Л. 4 об.]. Другой башкир этой же деревни Мурас Ишимов в 1725 г. с товарищем из д. Янычево Ильмекасом Ирысовым доставили в Пермский берг-амт образцы руды, которые они взяли неподалеку от Кояново *[Там же.* Л. 12 об.].

Активное участие башкир в поиске руд в первой половине 20-х гг. XVIII в. к началу второй половины необъяснимо затухает. Сохранилась лишь запись донесения Асыла Талсанаева за 1727 г., когда им было объявлено месторождение медной руды по р. Быковка *[Там же.* Л. 15]. Нужно отметить, что рудоискательство теряет свою былую силу у башкир не только д. Кояново, но и других башкирских селений этого района.

В начале 30-х гг. разведочная деятельность башкир д. Кояново возобновляется. Так, в августе 1733 г. берг-гаур Иван Кондаков и Асыл Талсанаев произвели разведку в вотчинных землях Строгановых. В ходе совместных поисков ими было обнаружено месторождение медной руды по р. Росольной, которое располагалось в 45 верстах от Ягошихинского завода *[Там же.* Л. 32]. Следует отметить, что горнозаводская администрация, заинтересованная в раскрытии местным населением природных богатств региона, законодательно оберегала рудоискателей-башкир. В частности, 18 августа 1733 г. Сибирский обер-бергамт нормативным актом определил оказывать башкирам помощь в поиске и объявлении руд и «к тому прииску с ласкою призывать и увещевать» *[Горная*... 2005. С. 126-127].

В первой половине 30-х гг. рудоискательство местного населения, в том числе и башкир, перерастает в рудопромышленность. Так, рудоискатель д. Кояново Исмаил Кленчин в донесении от 19 октября 1734 г. просил позволить ему добывать и доставлять медную руду на Ягошихинский завод. Месторождение этой руды было открыто им еще в начале мая 1734 г. по р. Мельнишной в горе Репишной *[Там же.* С. 128-129]. В мае 1734 г. башкир этой же деревни Тасим Маметев открыл месторождение медной руды от Кояново в 5 верстах, а от Ягошихинского завода в 35 верстах. Впоследствии это месторождение получило название Мулинского рудника. В течение пяти месяцев Тасим Маметев и его товарищи добыли на этом руднике 60 тыс. пуд. руды, которую они поставили за определенную цену на Ягошихинский завод *[Геннин,* 1937. С. 572].

Часто рудопромышленники объединялись в компании. Так, в 1734 г. Тасим Маметев и приказчик вотчины Строгановых Иван Трубников открыли месторождение медной руды на р. Пшайле. Совместными усилиями рудопромышленников было добыто 40 тыс. пуд. руды. Однако Ягошихинская заводская контора дала разрешение на доставку только 20 тыс. пуд. В декабре этого же года Маметев обратился к В.Н. Татищеву с просьбой позволить им доставить оставшуюся руду *[Горная*... 2005. С. 129-130]. Другой рудопромышленник д. Кояново Тимка Алтынбаев совместно с бывшим плавильным мастером Индриком Тоном 11 января 1737 г. обратились в Пермское горное начальство с просьбой об отводе найденного ими в декабре 1736 г. месторождения меди по р. Мельнишной. По этому прошению руководитель горного начальства капитан И. Берглин вынес решение направить своих представителей осмотреть и освидетельствовать прииск *[Там же.* С. 132].

Совместно рудопромышленники выступали также против произвола горных чиновников. Так, Маметев и Кленчин вместе с крестьянином д. Субботины Кириллом Субботиным 13 марта 1735 г. доносили в Канцелярию главного заводов правления о невыплате капитаном Л. Житковым денег за доставленные ими руды и просили по этой проблеме «учинить резолюцию» *[Там же.* С. 130].

Со строительством Егошихинского и Юговских казенных медеплавильных заводов Тасим Маметев со своими односельчанами занялись разработкой рудников и доставкой руды на казенные заводы. За активную деятельность в сфере рудопромышленности жители д. Кояново приобрели, определенные привилегии. Сенатскими указами от 5 марта 1736 г., 19 марта и 14 августа 1741 г. они были освобождены от уплаты ясака в казну, службы на Оренбургской пограничной линии, трудовых повинностей, поставки соли в Оренбург и должны были заниматься только «рудным промыслом» *[РГАДА.* Ф. 19. Оп. 1. Д. 123. Л. 21].

В последующие годы в сферу рудоискательства и рудодобычи вовлекалось все больше башкир Тайнинской волости. В 1735 г. из 43 рудопромышленников, обслуживающих пермские казенные заводы, башкир и татар было 4, что составляло 9%, в 1741 г. — 33 из 68, что составляло около 50% рудопромышленников* *[Кривоногое,* 1959. С. 78—79]. В 1773 г. из 373 пермских рудопромышленников 360 были из тайнинских башкир, 10 — из русских крестьян, 3 — из кунгурских татар. Кроме Мамета Тасимова, его сыновей Исмагила и Мухаметрахима Тасимовых, внуков Исхака Исмагилова и Захара Мухаметрахимова, крупными рудопромышленниками из тайнинских башкир были Акбаш Бекбулатов, Усай Тетесев, Туктамыш Ишбулатов, Ильмикас, Мансур и Араслан Крысовы, Мутон Мирясов, Батыр Усманов, Ильмикас и Игенбай Иртугановы и

* Однако автор не всегда внимателен в определении этнической принадлежности рудопромышленников. Жителей башкирской деревни Куяново Тасима Маметева, Акбаша Бекбулатова, Усая Тетесева и Исмагила Тасимова он называет татарами *[Кривоногов,* 1959. С. 70-71, 76].

др., кунгурские татары Утяш Кошинбаев, Бахмет Бангузин, марийцы Бикмет Шембулатов, Букурбай Тахмурзин и Аскей Бартияров, русские предприниматели Яков Прысов, Андрей Есипов, Ананий Колесников, Кирилл Субботин, Иван Песьяков и др. Частным рудопромышленникам принадлежало и большинство рудников. Из 310 рудников, обеспечивающих Юговские казенные заводы, 234 принадлежали Исмагилу и Мухаметрахиму Тасимовым и их односельчанам [*ГАПК*. Ф. 316. Оп. 1. Д. 78. Л. 17; *Асфандияров,* 1988. С. 23].

Самым преуспевающим и известным на всю страну башкирским рудопромышленником Тайнинской волости стал старший сын Тасима Маметева Исмагил Тасимов. В 40-60-х гг. он был признанным лидером рудопромышленников д. Кояново. Под его руководством в 1735—1757 гг. односельчане поставили на Юговские заводы более 2 млн пуд. руды. Но в 1757 г. Юговские казенные заводы были проданы крупному царскому сановнику, генерал-поручику и камергеру графу И.Г. Чернышеву, а Мотовилихинский и Егошихинский заводы — канцлеру, действительному тайному советнику и сенатору графу М.Л. Воронцову. Воронцов выполнял условия договора, заключенного с башкирскими рудопромышленниками о поставке руды на заводы, а Чернышев с самого начала грубо нарушал условия договора. Управляющий Юговскими заводами Ф.И. Санников отобрал у башкир их рудники, отказался платить за поставленную руду, насильно вывез 500 ООО пуд. заготовленной высокосортной руды, продолжал разрабатывать рудники и вывозить руду.

Началась многолетняя тяжба башкирских рудопромышленников с влиятельным царедворцем. Своими уполномоченными жители д. Кояново выбрали Исмагила Тасимова и Якова Азнагулова *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 323]. Судя по архивным документам, поверенным от башкирских рудопромышленников в этой тяжбе стал Исмагил Тасимов. Справедливость требований была настолько очевидна, что канцелярия Главного правления заводов и Берг-коллегия были на стороне башкир. Сенат под давлением со стороны Чернышева 5 апреля 1766 г. принял половинчатое решение: с Чернышева в пользу башкир взыскать 70 тыс. руб., а вопрос о принадлежности рудников передать в Уложенную комиссию. Спор был разрешен, когда к нему подключилась сама Екатерина II. Именным указом от 21 августа 1770 г. императрица повелела вернуть башкирам всю искомую сумму в 70 тыс. руб. В том же 1770 г. Юговские заводы вновь перешли к казне, рудники возвращены башкирам, а деньги выплачены за счет удержанной стоимости заводов лишь в 1778 г. *[РГАДА*. Ф. 19. Оп. 1. Д. 123. Л. 3-14]

Исмагил Тасимов вошел в историю России и как инициатор основания горного института. В 1770 г. он обратился в Берг-коллегию с предложением открыть при Юговском казенном заводе офицерскую школу, подобно кадетским корпусам, для подготовки «начальников или надзирателей» при горных заводах. Цель открытия горной школы его брат Мухаметрахим объяснил необходимостью обучать рудопромышленников, их детей и внуков ремеслу, «нужному по их упражнению и искусству». На содержание школы Исмагил Тасимов обязался уступить «от своих собственных руд от каждого пуда меди, выплавленной из его руды, по полушке». Берг-коллегия одобрила инициативу Тасимовых, однако вопрос не решался. В 1771 г. при заключении контракта о разработке башкирами казенных рудников Тасимовы вновь поставили вопрос об открытии горной школы. Горное училище было открыто в 1773 г. в Санкт-Петербурге. В год открытия училища в него было принято 24 ученика. В первой половине XIX в. училище выделило три вакансии для башкирских юношей. По решению Сената за счет башкирских рудопромышленников в банк была переведена сумма в размере 61 тыс. руб., на проценты с которой должно было содержаться училище. Рудопромышленники были обязаны регулярно пополнять эту сумму. С 1771 по 1792 г. Тасимовы внесли в банк 7 483 руб. 40 коп. В 1792 г. Сенат перевел училище на казенное содержание и освободил башкир от уплаты денег. Позже училище было преобразовано в Петербургский горный институт *[Там же.* Л. 15; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 683; *Чупин,* 18826. С. 211; *Ищериков,* 1927. № 2; *Асфандияров,* 1988. С. 24]. В 1873 г., к 100-летнему юбилею Горного института, его выпускник, горный инженер П.Н. Алексеев писал:

Сто лет тому назад тогдашний горный мир
Приятно изумил безграмотный башкир.
Он подал от своих товарищей прошенье,
Чтоб рудокопам - им безграмотным, как сам,
Давать указчиков по рудным их делам.

С легкой руки Алексеева в литературе утвердилось мнение о безграмотности Исмагила Тасимова. Но под челобитной тайнинских башкир в Берг-коллегию от 24 февраля 1765 г. с жалобой на графа Чернышева приложена его «рука по-башкирски». По этому поводу полезно обратиться еще к одному любопытному историческому событию. В 1754 г. императрица Елизавета Петровна решила созвать

комиссию по составлению нового Уложения. От пермских заводовладельцев и рудопромышленников для составления наказов поручено было составить специальную комиссию в составе рудопромышленников Никиты Клеопина, Козьмы Ломтева, Ивана Песьякова и Исмагила Тасимова. Доклад с обстоятельными ответами на 28 основных и 16 дополнительных вопросов, присланных из Берг-коллегии, составили Исмагил Тасимов и Иван Песьяков. Под документом имеется подпись Исмагила Тасимова «татарским письмом» *[РГАДА*. Ф. 271. Кн. 1175. Л. 350 об.; *ГАСО*. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1412. Л. 71,76].

Брат Исмагила Мухаметрахим Тасимов продолжал заниматься рудодобычей и со своими компаньонами доставил на казенные заводы около 2 млн пуд, медной руды, за которую получил 96 тыс. руб. В конце XVIII в. он был принят в 3-ю гильдию купцов г. Перми. Горнорудным делом занимался и его сын Захар Мухаметрахимов. Дело Исмагила Тасимова продолжил его сын Исхак (в источниках его часто называют Исаком) Тасимов. Видимо, он также занимал заметное место среди пермских рудопромышленников. В 1793 г. он вместе с Кириллом Ломакиным обратился в Берг-коллегию с просьбой выплатить им дополнительную сумму за поставленную на казенные заводы медную руду. Согласно справке, составленной по их челобитной, только за 1788-1792 гг. они доставили на пермские казенные заводы 1 170 308 пуд. руды, из которой было выплавлено 28 672 пуд. 21 фунт чистой меди. За эту руду им было выплачено 86 017 руб. 57 1/2 коп. *[Материалы...* 1960. Т. V. С. 522-523, 681-682]. Всего башкирскими рудопромышленниками д. Кояново в XVIII в. было добыто и доставлено на пермские казенные заводы более 12 млн пуд. медной руды *[ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1398. Л. 5; *Асфандияров*, 1988. С. 5].

Рудопромышленники создавали свои компании, нанимали на работу рядовых башкир, русских крестьян, представителей трудовых низов нерусского населения. Выше было отмечено, что Тасим Маметев еще в 30-х гг. имел 7 наемных работников из своих односельчан. На Акбаша Бекбулатова и Усая Тетесева работали по найму башкиры Мустай Федотов «с товарищи». По признанию современников, наемные работники были «столь скудного состояния, что ни один из них дать залога не в состоянии, а производят они свои промыслы единственно из выдаваемых из казны в ссуду денег» *[ГАСО*. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1346. Л. 86, 108, 112, 126, 127 и об., 266 и др.; *Кривоногое*, 1959. С. 79-86].

Использование средств частных рудопромышленников было выгодно казне для выполнения низкооплачиваемых внезаводских работ, требующих использования большого количества неквалифицированных рабочих рук. А это способствовало экономии больших средств и рациональному использованию специалистов *[Черкасова*, 1985. С. 81—82]. По мере развития горнозаводской промышленности вовлечение башкир и других нерусских народов в сферу рудоискательства и рудодобычи распространилось и на частные заводы. Так, при отводе земель гайнинских башкир под Шермяитский завод А.И. Глебова жители д. Барда во главе со старшиной Туктамышем Ишбулатовым добивались разрешения им самим разрабатывать рудники и доставлять руду на завод. В 1753—1759 гг. они открыли 6 месторождений медной руды и с 1759 по 1762 г. добыли и доставили на Шермяитский завод 165 000 пуд. руды. Еще 65 000 пуд. заготовленной башкирами руды люди Глебова вывезли тайно. Жалоба башкир на незаконные действия приказчиков графа рассматривалась в канцелярии Главного заводов правления, Берг-коллегии и Сенате. Последний решил тяжбу в пользу башкир: Глебов должен был «учинить верный ращет» с рудопромышленниками *[РГАДА*. Ф. 271. Кн. 1167. Л. 578, 595-599, 676-678 об.; Кн. 1782. Л. 211—214; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 173-178].

Крупными рудоискателями и рудопромышленниками были башкиры Салжиутской волости Сибирской дороги. Их сотники Салей Бускунов и Умук Билимбаев в 1763 г. вместе с 20 башкирами - рудоискателями по разрешению Берг-коллегии отправились на поиски новых месторождений медной и железной руды за рр. Уй, Тобол и Ишим. Партия Салея Бускунова была снабжена от горных команд инструментами и к беспрепятственному им в тех местах «оных руд приисканию указом или привилегиею» *[РГАДА*. Ф. 271. Кн. 1215. Л. 564-565 об.; Кн. 1217. Л. 554 и об.; Кн. 1226. Л. 8, 16-17; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 299—303, 597]. Они вместе с башкирами д. Иткульская Давыдом Утягановым, Кунаем Назаровым и Мардангулом Саетбаевым, д. Кангильдино Яковым Алчибаевым и Арлаем Тюмакаевым, д. Такталим Умером Касиевым, д. Юлготло Калмакаем Уптыновым, русскими крестьянами Максимом Ширяевым и Сидором Бабиным добывали и доставляли железную руду на Ревдинский завод Г.А. Демидова. В 1761 г. приказчик Сысертского завода А.Ф. Турчанинова Сушин захватил их рудники и насильно вывез 20 400 пуд. руды. Башкиры вынуждены были добыть дополнительно 20 400 пуд. руды и доставить на Ревдинский

завод. Салей Бускунов от имени башкирских рудопромышленников в 1761-1762 гг. несколько раз обращался с жалобой на Турчанинова в Сенат. Последний передал дело в Берг-коллегию, та — в канцелярию Главного заводов правления. По ее определению от 19 июня 1782 г., т. е. через 20 лет, дело было сдано в архив как нерешенное *[РГАДА*. Ф. 271. Кн. 1215. Л. 254-256 об.; Кн. 1217. Л. 514; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 299—303].

На юге края роль башкир первоначально ограничивалась поиском новых и сообщением о старых месторождениях руд. Так, в 1721 г. рудоискатель Цывилицын пригласил к себе башкир Кара-Табынской волости и предложил им половину золота, которое они могли бы получить из заготовленного ими песка, если они покажут это месторождение. По утверждению Н.К. Чупина, это были знаменитые Миасские золотые россыпи *[Чупин,* 1882в. С. 64]. В 1764 г. башкиры Исетской провинции Кура-батыр Баласаров и Кичкиней Курмантаев между рр. Уфалей и Илашлы, в 12 верстах от Уфалейского завода, нашли месторождения золота *[Асфандияров,* 1988. С. 19]. В 1773 г. кунгурский воевода Писемский сообщил, что башкиры д. Сартово, что находится при р. Ай, в шорном деле использовали серебро *[Там же; НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 46. Л. 222]. Башкирские, тептяро-бобыльские и татарские рудознатцы открыли десятки месторождений для компании Твердышевых - Мясникова. Так, тептяр д. Ургуново Мулдаш 9 сентября 1761 г. показал «старую ордынскую» копь на берегу оз. Ургун. Его односельчане Кармыш Юмашев и Якуп Юсупов открыли еще три месторождения медной руды. Тептяри д. Рысаево Ибрай Рысаев и Уразмат Ермаков, башкир д. Тюлюково Надырмет Давлетбаев показали два рудных места на горе Узунгур и Иликли-тау. Старшина тептяро-бобылей Исетской провинции Илтабан Степанов в октябре 1756 г. открыл месторождение Калкановской яшмы. В 1765-1766 гг. по инициативе президента Академии художеств И.И. Бецкого была организована экспедиция генерал-майора Данненберге на Южный Урал для поиска цветных камней. Основные месторождения орского, туринского, тунгатаровского, кушкульдинского видов яшмы были открыты при помощи башкирских рудознатцев *[Семенов, Шакинко,* 1982. С. 23—24; *Павловский,* 1975. С. 44]. Житель д. Рысаево Юкиш Муканов в сентябре 1761 г. объявил о найденном им месторождении медной руды на левом берегу р. Яик, около болота Санга-юрта. На правом берегу р. Яик Ибрай Рысаев и Уразмат Ермаков нашли еще 3 месторождения. Они же в апреле 1762 г. обнаружили рудное место к востоку от оз. Аккуль. Недалеко от этого озера крупное месторождение медной руды открыл житель д. Ургуново Аиткул Кусимов. Вместе с тептярями Давыдом Кинзябаевым, Кутушем Кутукаевым в бассейне рр. Берсе, Ташлы-елга и Буйды-елга летом и осенью 1761 г. обнаружили маломощные месторождения медной руды. Аиткул Кусимов открыл рудники на рр. Гангыр, Шартым и Калтырма. В том же 1761 г. по разрешению Оренбургского горного начальства началась разработка этих месторождений *[РГАДА*. Ф. 271. Кн. 1324. Л. 7—11; *Лепехин,* 1795. С. 164; *Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 409-411]. В середине 50-х гг. XVIII в. 19 рудников Преображенского завода принадлежали Усманову *[ГАСО*. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1412. Л. 71]. Подчеркивая дружественные отношения Твердышева и Мясникова с башкирами, П.И. Рычков отмечал, что последние «не только помешательств и препятствий ни в чем не чинили, но и сами узнав свойство руд, а многие из платы и воскою на завод руды промышлять стали» *[Рычков,* 1999. С. 226]. Башкирские рудознатцы оказали большую помощь в поисках месторождений для заводов Масаловых. В 1768 г. на горе Майлы-юрт, между оз. Аккуль и истоком р. Яик, башкир Умер Ямышев обнаружил 4 медных рудника для Златоустовского завода. В недрах рудников оказалось достаточно железной и серебряной руды *[Лепехин,* 1795. С. 40]. В конце 50 - начале 60-х г. XVIII в. башкиры Кара-Табынской и Барын-Табынской волостей во главе со старшиной Расулем Иджимясовым открыли 3 крупных месторождения медной руды для Златоустовского завода: Кинзекеевское, Шартымское и Кирябинское. Последнее разрабатывалось до 1827 г. Кроме медной руды в рудниках были обнаружены известковый шпат, альбинит и фиолетовые апатиты *[РГАДА*. Ф. 271. Кн. 2562. Л. 1; Кн. 2564. Л. 1]. Десятки рудников Каргалинского месторождения были открыты башкирскими рудознатцами. Они сыграли главную роль в поисках медной руды для Покровского медеплавильного завода А.И. Шувалова в бассейне р. Яик и в заяицких степях *[РГАДА*. Ф. 19. Оп. 1. Д. 97. Л. 92-156]. Таким образом, в сферу горнорудного дела постепенно вовлекались широкие массы башкир и других нерусских народов Башкортостана. Признавая огромную роль башкир-рудознатцев в развитии горнозаводской промышленности, академик И.И. Лепехин писал: «Можно по справедливости об них сказать, что медные и железные заводы в Урале, так и выгодные места по большей части башкирцам долженствуют» *[Лепехин,* 1795. С. 40]. Такую же высокую оценку, хотя и в меньшей степе-

ни, заслужили также рудознатцы и рудоискатели из татар, тептярей и бобылей.

Однако этот процесс встречал и препятствия; самым серьезным из них была тревога башкир за свои вотчинные земли. Поэтому рудознатцам и рудоискателям часто приходилось преодолевать сопротивление, порой и запрет со стороны своих общинников. Академик И.И. Лепехин заметил, что башкиры, «живучи между горами, и будучи отовсюду окружены заводами, имеют... немалую склонность к приискиванию руд, однако редко обысканные ими руды не объявляют по причине некоторых случающихся притеснений от заводчиков, рудоискатели не редко принуждены бывают от своих земляков разные сносить угрозы, а временами и побои» *[Там же.* С. 162].

Таким образом, формирование горнозаводской промышленности и приток русского заводского населения способствовали не только интенсивному развитию производительных сил края, широкому использованию его природных и людских ресурсов, но и вовлечению башкир в сферу горнозаводской промышленности.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Основной формой социально-хозяйственной организации жизни башкир была община, переживавшая переходную стадию от родоплеменной к территориальной: волостная община. Ее социальный состав в рассматриваемый исторический период был представлен в общем и целом старшиной и рядовыми общинниками. Первую отличали от массы общинников должности и накопленное состояние. К ней принадлежали чиновные башкиры, а именно — главные старшины дорог (официально были упразднены в 1743 г., но фактически существовали до 1780-х гг.), волостные старшины, их помощники, сотники, есаулы, походные старшины и сотники, писари, а также отставные старшины, перешедшие в категорию знатных, тарханы, духовенство. В Башкортостане в 1773 г. было 113 волостных старшин, у каждого в прямом подчинении был помощник и писарь, по 1-2 сотника, есаула. Во многих волостях жили сохранившие свои привилегии отставные старшины. Тарханов, по данным на 1765 г., числилось 653 чел. *[Крестьянская...* 1975. С. 255—258, 277-288; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 395; *Материалы...* 1960. Т. V. С. 569; *РТАДА*. Ф. 1274. Д. 196. Л. 317]. Общая численность старшинской верхушки составляла около 1 400—1 500 чел.

В руках у этой привилегированной прослойки башкирского общества находилась вся гражданская и военная власть в волости. Командное положение и богатство обеспечивали старшине силу и вес в обществе. Старшим по положению был волостной, или юртовой старшина. В крупных волостях было по два старшины. Старшина был начальником команды, в состав которой, как правило, входило все служилое население его волости. Но были случаи, когда в командах служили башкиры, жившие в других волостях. Башкирские волостные старшины осуществляли функции низового звена чиновничье - бюрократического аппарата в губернии. На них возлагались финансово-административные и полицейские функции (раскладка и сбор налогов, рассмотрение внутриобщинных споров и пр.). Старшины производили распределение общинных угодий, следили за очередностью и отправлением башкир на воинскую службу. В своей деятельности они были ответственны перед Уфимской или Исетской провинциальными и Оренбургской губернской канцеляриями.

Должность волостного старшины была выборной, из трех кандидатов, представляемых губернатору, он назначал старшину. Существовали определенные условия, ограничивавшие допуск к выборам лиц, претендующих на должность. При выдвижении кандидатов учитывались и служебный опыт, и имущественное положение. В 60-е гг. определяются еще два важных условия для получения должности - умение читать и писать на тюрки, более или менее близкое знакомство с действующими законами. Претендентами могли быть помощники старшин, походные старшины, сотники - из числа грамотных и обязательно «доброго состояния». Рядовые общинники при выдвижении кандидатов в старшины сами предпочитали богатых, так как горький опыт подсказывал им, что маломощный старшина, «по ево бедному состоянию, будет чинить с народу взятки» *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 96. Л. 54-55]. Ограничение социальной среды при комплектовании старшины и практика утверждения старшин губернатором подорвали корни общинной демократии, сделали старшину независимым и неподсудным рядовым башкирам.

Губернская администрация поддерживала особое положение старшин в волости, рассматривая их как опору в проведении правительственной политики в крае. За «подданическую верность» старшины награждались ценными вещами, деньгами, похвальными указами, которые они использовали для

утверждения своего престижа, для возвышения над рядовыми, для обогащения. Им доверяли выгодные поручения по службе.

Но жизненно важным для укрепления и развития феодальных порядков в крае было право наследования чина старшины в башкирском обществе. Ликвидированное правительственным указом 1736 г., оно уже в 60-е гг. восстанавливается оренбургскими губернаторами явочным правом. В документах говорится о «старшинских детях» как особой социальной группе населения. Сыновьям и внукам старшин открывается путь к высоким должностям и почестям. Вновь появляются замкнутые старшинские роды.

В 1767 г. губернатор А.А. Путятин повысил в должности сыновей бывшего старшины Каршинской волости Казанской дороги Шарыпа Мрякова: сотника Валишу сделал походным старшиной, рядового Якупа - сотником. В конце 70-х г. Валиша сам стал волостным старшиной. Другой характерный пример касается старшин Сибирской дороги: по просьбе старшины Ельдякской волости Смайла Ахмерова его место занял сын Абдулвахит. Такая же картина на Ногайской дороге: старшиной Бурзянской волости, вместо умершего отца, становится Бектимир Мутаев; в Тангаурской волости утвержден Мухамметрахим Ибраев, дед и отец которого были старшинами. Внук старшины Кара-Табынской волости Исетской провинции Таймаса Шаимова был назначен сотником, а затем — старшиной как раз за заслуги деда *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 83. Л. 49-50, 141-142; Д. 92. Л. 239; Д. 148. Л. 38-39; *ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3382].

Обыкновение губернаторов игнорировать закон, запрещающий передачу должности старшины его потомкам, убеждало «особо доверенных» властям чиновников в том, что старшинским детям «досталась ... линия быть также старшиною» *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 148. Л. 38].

Поэтому волостные старшины в 1760-е г. активно занялись организацией обучения своих сыновей и детей других чиновных и состоятельных башкир. В открываемые ими школы-медресе приглашались на 2-3 года учителя-хальфы или, как их тогда чаще называли, муллы, т. е. грамотные, ученые люди.

Сохранилась подорожная 1774 г.: 13 учителей из Казанской губернии, двое из Уфимской провинции и один из Ставропольского уезда возвращались домой из Зауральской Башкирии, где обучали детей грамоте в Кубелякской, Катайской и Тамьянской волостях. У них был значительный багаж, содержащий более 50 больших рукописных книг светской и религиозной литературы. Интересно, что большая часть книг — 34 экземпляра — принадлежала учителям из Оренбургской губернии: Ермухаммету Юзекееву, 24 лет, Мусаю Мустаеву, 26 лет, Егаферу Якупову, 28 лет *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 593. Л. 50-60].

Обучением детей занимались также и мусульманские духовные лица - муллы и ахуны. В медресе дети получали начальную грамоту, изучали основы ислама. Проезжая по Сибирской дороге, И.И. Лепехин был поражен, встретив в д. Якупово «великое собрание малолетних детей, съехавшихся из окружных отдаленных мест. Знатность и ученость сея деревни абыза привлекли сие собрание юношества для получения от него наставления в их вере, дабы со временем заступить чин священнослужителей» *[Лепехин*, 1795. Ч. 1. С. 530].

В 1767 г. башкиры с гордостью писали в наказе в Уложенную комиссию, что «ученых людей... сыскаться может в команде у каждого старшины» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 268].

Образованность командира, его знания в области законодательства высоко ценились рядовыми башкирами. В донесении «выборного от мирских людей» Тайнинской волости сотника Батыркая Иткинина от 29 сентября 1768 г. губернатору был подвергнут критике их новый старшина Рангул Ильин за плохое управление командой, а более - за то, что не знает грамоты, судить судом «шарагатов между башкирцами по ево малоумению не умеет» *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 96. Л. 68-69].

Благосклонное отношение властей к влиятельным и лояльным старшинам можно продемонстрировать на примере старшины Кара-Табынской волости Ногайской дороги Кидряса Муллакаева. Участник Семилетней войны и карательных операций против башкирских повстанцев в 1735—1740 гг., он имел несколько похвальных указов Сената, был награжден саблей, ценными подарками. В 1758 г. Кидряс был отставлен от службы по старости. Но губернатор Путятин вернул его и - не только вернул ему команду, но назначил его самого главным старшиной Ногайской дороги, его сына Бекташа — походным старшиной. В 1767 г. во время посещения Екатериной II Казани Кидряс «не только удостоился у руки е.и.в. быть, но и особливую высокомонаршую милость е.и.в. в разсуждении службы его получить» *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 111. Л. 48].

Подобные милости ставили старшин в особое положение, давали огромные преимущества, а вместе с тем развязывали им руки для бесчинств и злоупотреблений. Тот же Кидряс здесь яркий пример. Дело дошло до того, что в 1770 г. жители 78 дворов Кара-Табынской волости, «показывая на него, Кидряса, разные неудовольствия, в команде ево

быть не пожелали». Давая кшлективную отставку старшине, башкиры потребовали «выключки ис команды оного Кидряся» *[Там же.* Л. 49]. Несколько дворов еще раньше самовольно ушли из его команды. Но Кидряс пережил многих губернаторов и всегда рассчитывал на их поддержку. И Рейнсдорп не осмелился выступить против заслуженного старшины - принял решение оставить Кидряса «в настоящем... предпочтительном пред старшинами звании, т. е. главным старшиною». Но, понимая, что кому-то надо править волостью, утвердил юртовым старшиной сотника Каипа Зиямбетева (Джаимбетева) *[Там же.* Л. 50]. Для полноты портрета Кидряса Муллакаева следует добавить, что он был широко образованным человеком, большим книжником. В его собрании имелись старинные рукописи, рассказывавшие о Ногайской Орде, башкиро-ногайских отношениях в XVI - начале XVII в. Кидряса хорошо знал П.И. Рычков, ценил его знания и использовал исторические рассказы старшины при создании «Истории Оренбургской» *[Рычков,* 1896. С. 68—69].

Уверенные в поддержке властей, старшины включили в наказ башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию просьбу не принимать от рядовых общинников челобитных по любым вопросам до вынесения решений по ним судом старшин и духовенства. Особо выделяли они свое требование к администрации всех уровней - от отдельных башкир жалоб «на старшин в неудовольствиях не принимать» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 214—215]. Старшины просили также поддержать их авторитет и не производить над ними следствия в случаях, «когда всею командою подкомандующие явятся недовольны старшиною» *[Там же*. Л. 215].

Сознавая свою роль в башкирском обществе и выделяя воинскую службу, старшины в том же наказе «скромно» просили награждать их при отставке «чинами, какими за благо будет рассуждено» *[Там же.* Л. 216]. Они мечтали об офицерских званиях, и армейские офицерские звания им стали давать после Крестьянской войны *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 516. Ч. 3. Л. 156].

Определенными условиями обставлялось и назначение кандидатов на другие должностные места. Карьера человека часто зависела от его происхождения. Так, по просьбе старого сотника Бала-Катайской волости Исетской провинции Утяша Кутлугузина губернатор назначил сотником его сына Чагыра *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 100. Л. 21-22]. Все старшинские дети имели чин сотника. Не на последнем месте было опять же имущественное положение претендента и его грамотность. В своем представлении Сапара Алмакаева на должность сотника старшина Ельдякской волости Смайл Ахмеров писал губернатору, «что он, Сапар, богат и человек молодой, а к тому и грамоте умеющий» *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 83. Л. 52].

В команде старшины особое место занимали писари. Писарей подбирали волостные старшины, а воеводы утверждали назначения. Писари получали жалованье по 12 руб. в год за счет мирских сборов и вели всю документацию команды. Они же следили за своевременным исполнением всех присылаемых в команду указов. Положение писарей в волости позволило И.И. Лепехину назвать их «главнейшими особами» *[Лепехин,* 1802. С. 53].

Русская администрация для контроля над старшинами пыталась назначить на эти должности мишарей. На что возмущенные старшины говорили о том, что среди них много своих грамотных людей, достойных быть писарями. Что также свидетельствует о развитии образования среди башкир в XVIII в. С конца 60-х годов XVIII в. писарские должности занимали в основном башкиры.

В составе старшинской верхушки привилегированное место занимали тарханы, удостоенные звания за заслуги в воинской службе. Тарханные грамоты были личными и потомственными. Тарханы не только исстари освобождались от несения всех повинностей, кроме воинской службы, но имели право на владение любыми землями в своей волости. В купчих на продажу тарханами земельных участков отмечалось, что эта земля была их «крепостной» *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 177, 178, 186-187, 197-198, 249, 395], т. е. собственной. Роль и огромное влияние тарханов сохранялись и во второй половине XVIII в. Н.П. Рычков, изучавший общественное состояние башкир и казахов, писал: «Тарханство у всех степных народов есть некая степень княжества. В народе, ежели не превосходят, то верно не уступают они силе ханской» *[Рычков,* 1772. С. 18-19]. Многие башкирские тарханы получали старшинские и другие чины. Были среди них ахуны и муллы. Губернаторы демонстративно подчеркивали превосходство тарханов перед рядовыми. При составлении ведомостей о населении губернии администрация выделяла тарханов отдельной строкой *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 11, 14].

Особую общественную группу составляло мусульманское духовенство - ахуны, муллы, азанчеи. Власти стремились превратить мусульманское духовенство, как и православное, в подчиненную им церковную организацию. Муллы и азанчеи избирались сельскими обществами из грамотных людей. Однако губернские власти с целью всемерно конт-

ролировать деятельность духовенства и отгородить их от массы верующих вменили в обязанность провинциальным канцеляриям утверждать мулл в должности. «Главных духовных чинов» — ахунов после того, как их выберут старшины и муллы, утверждали сами губернаторы. Ахуну вручались указы о «смотрении над башкирским народом по ево ахунской должности» *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3376].

В Уфимской провинции было четыре ахуна. В 1771 г. по просьбе верующих И.А. Рейнсдорп назначил ахуна в Исетскую провинцию. Ахунами губернская администрация определяла, как правило, мишарей. Но с конца 60-х гг. башкирская старшина стала выдвигать своих кандидатов *[Лепехин*, 1802. С. 246].

Служители культа освобождались от несения повинностей. Они занимались всеми вопросами культа, вершили духовный суд над верующими, вместе со старшинами и стариками входили в состав третейского суда - шаригата *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 212-213; *ГАОО*. Ф. 3. Д. 116. Л. 22-23; *ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3382].

Мусульманское духовенство было недовольно излишней опекой властей, ограничивавших их деятельность. Ахуны и муллы не могли принимать самостоятельного решения о строительстве мечетей; им не разрешалось вводить новых должностных лиц, которые освобождались бы от повинностей. Опасаясь христианизации, они отстаивали в наказе в Уложенную комиссию чистоту веры и настаивали на провозглашении принципа веротерпимости: «в прежнем магометанском законе неотвратно желаем и чтоб в том высокоматернем е.и.в. милосердием оставлены свободными быть могли» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 211, 212, 264; *ЦИА РБ*. Ф. И—1. Оп. 1.Д. 3379. Л. 463].

Реальный социальный, определяемый имущественным положением, состав башкирской старшины был неоднороден. Выделялась группа богатых и влиятельных чиновных лиц, наживавших немалые состояния за счет торговых операций, ростовщичества, незаконных поборов, взяточничества, эксплуатации рядовых общинников. Образ жизни беднейшей части старшины, особенно сотников, есаулов, писарей, мулл, мало чем отличался от забот и интересов рядовых общинников.

Волостные старшины, в отличие от казачьих атаманов, не получали постоянного жалованья, тем не менее многие из них были состоятельными людьми. Старшины использовали свою власть, а также родовые институты башкирского общества в целях личного обогащения — захватывали лучшие земли, держали большие табуны и стада, копили деньги. Как язвительно заметил И.И. Лепехин, «кроме чести» в своей волости, «некоторые имеют доходы, ибо пастух всегда питается от стада» *[Лепехин*, 1802. С. 51-52]. В именном списке старшин Уфимской провинции на ноябрь 1769 г. из 82 чел. лишь четверо отмечены как старшины «слабого состояния» *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 60-63].

Юридически частной собственности на землю в волости не было. Правительство и местная администрация не поддерживали притязаний старшин на частное владение землей и крепостными крестьянами, так как это неминуемо сказалось бы на положении массы рядовых общинников и привело бы к потере боеспособности башкирской конницы. Старшинам приходилось довольствоваться тем, что они своей властью отбирали лучшие участки общинной земли в пожизненное владение. В документах нет полных сведений о старшинских землях, но в некоторых бумагах эпохи - житейских, работных записях, записях на половничество, расписках о работе за долг и других документах иногда указаны размеры их пашни и сенокосов; говорится о больших скотоводческих хозяйствах, которые использовали лучшие пастбища волости; проскальзывают свидетельства о махинациях старшин с землей общины, ее угодьями.

Хитрую игру затеяли в 1760 г. старшина Шарып Мряков и заводчик М.С. Мясников. 27 июля Шарып выступил поверенным от башкир Каршинской волости при заключении соглашения об отдаче заводчику в оброк на 19 лет мест рыбной ловли, участка леса под вырубку и сенокосов. На следующий день здесь же, в Уфимской крепостной конторе Мясников принял обязательство отдать Шарыпу в оброк часть взятых в аренду угодий *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 194-196]. Обходным путем старшина стал единоличным владельцем общинной земли и рыбных мест.

Если пашни во владении старшин было мало, то их скотоводческое хозяйство было значительным, и оно требовало многих рабочих рук. Башкирская старшина, как и казачья, не имела права покупать крепостных или держать наемных работников. В 1763 г. в письме к губернатору Д.В. Волкову старшины и сотники Ногайской дороги жаловались: «работников нам содержать и с действительными паспортами отнюдь не велено». Они осмеливались просить губернскую администрацию нанять или купить для них крестьян в центральных губерниях страны: «от нас деньги взять и ... работников нам из внутренних мест доставить» *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 44]. Через четыре года в наказе в

Уложенную комиссию старшина уже не ставила вопроса о приобретении крепостных, но выражало надежду на то, что ей разрешат принимать в найм крестьян «до таких сроков, как им в пашпортах означено» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 265]. Пока же в ожидании правительственной поддержки старшина в обход законов решала проблему рабочей силы за счет беглых крестьян, а также попавших в нужду местных жителей, которых она стремилась превратить в лично зависимых людей. Умело использовались старшиной и инструменты родовой взаимопомощи.

О размерах привлечения труда беглых крестьян судить трудно, так как делалось это нелегально. Однако ежегодные указы провинциальных канцелярий о сыске беглых, постоянные предупреждения, запрещающие старшинам скрывать у себя крепостных крестьян, служат косвенным свидетельством того, что явление было распространенным. Местная администрация периодически , проводила сыски по волостям. В 1765 г. выяснилось, что в д. Барда Тайнинской волости у старшины Туктамыша Ишбулатова и богатого башкира Айдара несколько лет в половничестве работали крепостные князя М.М. Голицына без паспортов и «заведома, что беглые» *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3376. Л. 54]. У старшины Ирехтинской волости Шарипа Киикова во время проверки в 1768 г. обнаружили беглого крестьянина, которого он тоже держал в работниках. Шарип заплатил крупный штраф в 11 руб. 50 коп. *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 60-63]. Тогда же из д. Адаево была выслана группа новокрещенцев, работавших в хозяйстве тархана Сапара Байтемирова *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3376].

Власти строго следили за тем, чтобы старшина не закабаляла рядовых башкир. Юртовые старшины должны были немедленно сообщать воеводам о тех, «кто у себя имеет из башкирской нацы дворовых людей» *[Там же.* Л. 12]. В то же время власти не возражали против содержания старшинами прислуги. В 1765 г. в Уфе рассматривалось спорное дело о продаже старшиной Миркит-Минской волости Ногайской дороги Ибрагимом Мрясевым девушки-служанки за 30 руб. старшине Катайской волости Исетской провинции Дауту Еналину *[Там же.* Л. 16]. Старшины использовали для своих нужд выборных ординарцев, чем вызвали недовольство подчиненных. Чтобы быть в этом независимыми от команды, старшины просили губернаторов закреплять за ними постоянных ординарцев *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 83. Л. 182-183]. У старшин и богатых были свои «кощеи», бедные башкиры, сопровождавшие их в качестве слуг в походах, на охоте и т. п., собственно телохранители.

Имущественная дифференциация неотступно вела к укреплению отношений личной зависимости общинников от феодализирующейся верхушки. Нужда, стесненное положение рядовых башкир, мишарей, служилых и ясачных татар, марийцев, чувашей заставляли их идти на полукабальные сделки с богачами и ростовщиками. Принятые бедняками обязательства предусматривали отработку долга или процента с него в течение нескольких лет. Должник, как правило, превращался в зависимого работника. Не сумев вернуть в срок взятую сумму, он был вынужден брать новые займы и попадал в многолетнюю, иногда пожизненную кабалу, становился холопом.

Стоимость рабочей силы в губернии была намного ниже, чем в центре страны. По указу 1736 г. годовая наемная работа взрослого мужчины в империи оценивалась в 12 руб. Во второй половине века в центральных губерниях она значительно возросла; в Башкирии же цена годовой работы мужчины не поднималась выше 10 руб. *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 318-319, 391-392].

Социальные отношения в волостях необратимо теряли патриархальный характер. Старшинская верхушка эксплуатировала не только ясачных крестьян, но и своих башкир. В 60-е гг. заметно выделилась группа чиновных и богатых башкир, ведущая ростовщические операции. Среди них был старшина Суунларской волости Сибирской дороги Халиль Якупов. В 1766 г. он дал взаймы своему двоюродному брату Елкутле Хабибову 19 руб. Елкутла должен был отрабатывать долг в течение 9 лет по 4 месяца в году с зачетом по 2 руб. годовых. Халиль заставлял его следить за бортями, убирать хлеб с 4-х загонов (около двух дес.), ежегодно заготавливать по 100 копен сена, выполнять «протчую работу». В житейской записи Елкутлы специально оговаривалось, что наряды на военную службу и другие повинности он должен будет отправлять в оставшиеся 8 месяцев *[Там же.* С. 318-319]. В те же годы у Халиля работал и другой человек- — ясачный татарин Абдрахим Микреев, взявший взаймы 38 руб. на 5 лет. За 3 руб. в год Абдрахим обрабатывал около 5 дес. пашни, содержал мельницу, обжигал кирпич (по 1 тыс. в год), заготавливал дрова и пр. *[Там же.* С. 306—307.].

Много бедняков работало у отставного старшины Каршинской волости Казанской дороги Шарыпа Мрякова и его сына старшины Ахмера. В 60-е гг. на них работали 8 чел. Башкир Еланской волости Баязит Билалов с 1750 г. отрабатывал долг в 100 руб. из расчета по 5 в год, т. е. был закабален на 20 лет.

Мишар Усман Узюбеков (Юзебеков) в 1756 г. взял взаймы 49 руб. на 10 лет; в декабре 1759 г. попросил дополнительно 60 руб. и тем «дал на себя кабалу» еще на 10 лет. Что касается марийца Семена, то Ахмер Шарыпов не скрывал, что платит за него подушный налог, одевает его и считает собственным дворовым *[Там же.* С. 183; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 379-380]. Пятерым чувашам старшины ссудили на два года 399 руб. За долговые проценты те обязались построить мельницу, амбар, заготавливать по 400 копен сена в год и т. д. *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 258-259, 263].

Документы показывают, что некоторые старшины владели хуторами; фактически это были различного размера имения. На хуторах Кидряса Муллакаева и его сына Бекташа трудились наемные работники. В 1756 г. три семьи служилых татар заняли у Бекташа 100 руб. на 1 год. Шестеро взрослых и трое детей (работа детей также входила в условие сделки) всего за 10 руб. должны были возделывать пашню и огород, ухаживать за скотом, накосить 300 копен сена, а в конце года вернуть 90 руб. *[Там же.* С. 314-315].

На подобных кабальных условиях давали взаймы старшина Булярской волости Казанской дороги Измаил Ахметов, богатые башкиры Енейской волости Сапар Тиминеев, Яркей Мустафин и др. *[Там же.* С. 281, 289-290, 292-293, 314-315].

Жажда власти и соответствующих ей выгод, вознаграждений и почестей заставляла волостных старшин просить администрацию о назначении их походными старшинами и командирами отрядов, служивших на дальней Сибирской линии. О том они ходатайствовали даже перед Уложенной комиссией *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 218]. Три года подряд старшины умоляли губернатора назначить кого-нибудь из них походным старшиной отряда, идущего на Сибирскую линию, не скрывая, что хотят этого для получения хорошего жалованья и других льгот | *ГАОО*. Ф. 3. Д. 79. Л. 1-164]. И, наконец, в 1768 г. башкиро-мишарский отряд повел туда Абдулвахит Смайлов *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 69. Л. 190-200, 210—237]. А то, что служба приносила командирам башкирских отрядов не только честь, но и состояние, видно по «реэстру пограбленному из дому старшины Кулея Болтасева имению» в ходе Крестьянской войны 1773—1775 гг. Кулый Балтачев служил на Сибирской линии, затем командовал трехтысячным башкирским войском в боевых действиях против польских конфедератов. Дом его был богат: только одежду и посуду оценили в 2 тыс. руб., а золотые и серебряные монеты — в 3 тыс. *[Материалы...* 1960. Т. V. С. 552-554].

Старшины обращались в разные инстанции, вплоть до Сената, с просьбой об «определении при ямских станциях по Уфимскому и Исетскому трактам башкирского и тарханского народа комиссаров» *[ЦИА РБ*. Ф. И—1. Оп. 1. Д. 3354. Л. 11]. Этих должностей они добивались, конечно, для собственной выгоды, поскольку комиссары собирали почтовые налоги с населения, могли, к тому же, брать на откуп станции. В 1769 г. ямским комиссаром в Исетской провинции был утвержден старшина Бала-Катайской волости Сара Абдуллин *[ГАОО*. Ф. 3.Д. 100. Л. 21].

Пользуясь привилегией башкир и мишарей периодически направлять за счет казны делегации в Петербург и Москву, влиятельные старшины, обходя представителей народа, сами составляли списки делегатов. Губернская администрация не возражала против их избранников *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 148. Л. 27-28; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 24].

Некоторые старшины, выступая в роли распорядителей волостной земли, сознательно нарушали порядок оформления купчих и записей на аренду. За фиктивными по существу документами скрывались обман, административное принуждение рядовых вотчинников к заключению кабальных сделок. Сами старшины получали «обильную мзду» и богатые подарки от новых хозяев башкирской земли. Помощник старшины Ельдякской волости Баязит Килметев с группой своих приближенных, и также без согласия всех вотчинников, продал в 1767 г. коллежскому советнику И.Л. Тимашеву землю под винокуренный завод, а полученные деньги оставил при себе *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 87. Л. 165-169; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 324—325; Ч. 2. С. 53-56]. Старшина Бурзянской волости Мутай Аиткулов незаконно продал часть волостной земли под Вознесенский завод *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 92. Л. 92].

Старшины жестоко расправлялись с непокорными их воле. Некоторые из них шли на самое большое преступление против башкира - могли изгнать общинника из сословия. Старшины — «сказкоподатели» во время ревизий, «по имеющимся ссорам и враждам», могли причислить башкира к тептярям, лишить его «природного звания», всех прав и привилегий *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 219; *ГАОО*. Ф. 3.Д. 128. Л. 116-118].

Самовластно распределяя повинности, старшины имели возможность освобождать от служб и налогов одних и перекладывать повинности на других. При определении нарядов на линейную службу зажиточные башкиры откупались большими суммами, а вместо них старшины посылали вне очереди

бедняков. Походные старшины и сотники также брали взятки.

Иногда сведения о подобных злоупотреблениях доходили до провинциальных и губернских властей. Башкиры Еланской волости Казанской дороги не раз жаловались на старшину Беккула Нурбакина, притеснявшего их «в наряде на службу, также в взятье ординарцов и при других случаях». 70 дворов решили выйти из его команды. Несмотря на уговоры и угрозы Беккула, башкиры в 1767 г. обратились с прошением к губернатору. По рассмотрении дела Путятин был вынужден согласиться на раздел команды *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 83. Л. 126-127]. Одновременно губернская канцелярия расследовала жалобу башкир Ирехтинской волости на старшину Рангула Ильина, который тоже «при наряде на службу многих посылает в народное отягощение не по очереди и паче команды своей на башкирцов, яко безгласных людей, нападает» *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 96. Л. 54]. В 1769-1770 гг. в Уфу и Оренбург непрерывно шли жалобы на походного старшину Валишу Шарыпова, открыто бравшего взятки с наряжаемых на Сибирскую линию. Его обвиняли, прежде всего, в присвоении денег, собранных у очередников, обманутых обещанием найти им замену в других волостях *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 155. Л. 21]. И власти были вынуждены начать следствие; но вскоре оно было свернуто, а Валиша направлен во главе команды на Сибирскую линию *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 145. Л. 45; *Гвоздикова,* 1982. С. 187].

Для успокоения просителей администрация иногда наказывала провинившихся. Так, в 1769 г. за отправку рядового на службу вне очереди в уфимскую тюрьму был посажен на несколько дней старшина Дуванской волости Алагузя Бакынов *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 62].

Старшины и сотники злоупотребляли своей властью и при посылке людей на перевозку грузов и почты. Как писали башкиры Сызгинской волости в Исетскую провинциальную канцелярию, их сотник Куйбак Желевов освобождал одних от повинностей «изо взятков», а другим давал «излишние службы» *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 415].

Существенной статьей доходов старшины было присвоение части денежных налогов, собираемых с рядовых, а также различные незаконные штрафы и поборы. Сотник Тайнинской волости Иманай Смагилов (Измаилов) незаконно собрал с рядовых по 67 коп. да еще присвоил часть денег, отданных за фураж, поставленный башкирами Ревдинскому драгунскому полку *[Там же.* С. 381]. В 1765 г. Уфимская провинциальная канцелярия обвинила в «корыствовании» почтовыми деньгами старшину Юрматынской волости Муталлапа Кулчукова *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3376]. В 1759 и 1767 гг. «за неуказной с команды денежный побор и за протчие непорядочные поступки» был наказан плетьми и тюремным заключением старшина Кудейской волости Асан Муллакаев *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 61]. В 1772 г. башкир Гарейской волости Казанской дороги Емангул Назаргулов в челобитной на имя самой императрицы уличал своих старшину и писаря, которые при решении спорных дел требовали с тяжущихся деньги: «покорыстовались сами и через то причиняют команде нашей и иноверцам обиды и раззорения» *[РГАДА*. Ф. 452. Оп. 2. Д. 67. Л. 3]. Наказали тех по высочайшему велению или нет — неизвестно. Но вот в другом случае, после неоднократных жалоб рядовых на старшину Катайской волости Исетской провинции Даута Еналина «в обидах и раззорении», власти были вынуждены перевести его в разряд отставных старшин *[РГАДА*. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1454. Л. 10; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 11, 399]. В провинциальные канцелярии шли многочисленные прошения башкир о защите от произвола чиновных лиц *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 406, 414, 415; *Материалы...* 1960. Т. V. С. 547; *ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3376. Л. 35; *ГАОО*. Ф. 3. Д. 106. Л. 80].

Старшинская верхушка башкирского общества в большинстве своем принимала сложившийся социальный порядок за естественный порядок вещей, искала и находила в нем тот образ жизни, который отвечал ее социальным интересам и духовным потребностям, и была, собственно говоря, порождением российского феодализма. Старшина все более отрывалась от питавшей ее волостной общины. Но она еще не сложилась в целостный классовый организм, не стала в один ряд, тем более, не слилась в одно целое с верхним классом всего российского общества, потому что не располагала по законам земельной собственностью, не имела права на эксплуатацию крепостных. Более того, определенная часть старшины тяготела к гуманным, если не сказать демократическим, нормам социального обихода и морального кодекса башкирского общества. Она открыто и настойчиво использовала свои функции исполнительного органа государственной власти для защиты жизненных интересов и человеческого достоинства рядовых общинников. И конечно же, сводный портрет башкирской старшины был бы не полон без этой малочисленной, но по-человечески яркой и содержательной прослойки общества.

Жизненная закономерность, какая привела впоследствии Кинзю Арсланова на дороги Кресть-

янской войны, проявилась гораздо раньше. Архивные документы открывают в старшине Бушмас-Кыпсакской волости Ногайской дороги человека мягкого и доброго, но бескомпромиссного в отстаивании дела чести и справедливости, постоянно заботившегося о своих подопечных. В январе 1769 г. он и его племянник Кутлугильда Абдрахманов представили губернской администрации донесение, в котором писали о невыносимом грузе феодальных повинностей, лежавшем на башкирах волости. Напоминая властям о многотрудной воинской службе команды на Оренбургской и Сибирской пограничных линиях, старшина Кинзя настойчиво добивался от властей избавления общинников от дополнительных почтовых перевозок, приводивших к преждевременной выбраковке служебных лошадей *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 155. Л. 21-23].

В том же 1769 г. Кинзя выступил инициатором разоблачения и суда над упомянутым Валишей Шарыповым, получившим звание походного старшины и сформировавшим походную команду для отправки на Сибирскую линию. Приехав в Бушмас-Кыпсакскую волость, тот потребовал от призывников огромных отступных — по 45 руб. с каждого, пообещав найти им замену за счет найма башкир из других волостей. Год спустя Валиша вновь потребовал заплатить ему по 45 руб. с человека. Кинзя Арсланов обратился к уфимским властям с протестом против взяточника. Его поддержали старшины Шайтан-Кудейской волости Юлай Азналин и Тырнаклинской волости Яун Чувашев, выбранные поверенными всех башкирских волостей Сибирской дороги. В Уфе истцы представили убедительные доказательства, уличающие взяточника, и добились указа провинциальной канцелярии, по которому Валише Шарыпову «того платежа производить не велено». Больше того, Валише был предъявлен иск, но губернские власти не дали хода разбирательству по делу их ставленника *[Там же; НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 12. Д. 107. Л. 117-119].

Юлай Азналин даже перед лицом правительственного суда не счел нужным скрывать свою ненависть к разбойничьим методам колонизации края заводчиками и корыстолюбию их приспешников, местных старшин. На допросе в Москве он напомнил властям о многолетней тяжбе с Я.Б. Твердышевым, выстроившим на землях Шайтан-Кудейской волости Симский железоделательный завод. По меньшей мере 9 лет активно сопротивлялся старшина Юлай передаче заводчику вотчинных земель в оброчное владение. И только предательство отставного старшины Шиганая Бурчакова позволило состояться несправедливости. Соглашение было заключено вопреки общей воле башкир волости, людьми, которые не располагали никаким законным правом совершать подобные сделки *[Гвоздикова*, 1982. С. 185-186].

Большим авторитетом и доверием среди башкир Уфимской провинции пользовался старшина Кыркули-Минской волости Ногайской дороги Алибай Мурзагулов. Именно ему, как человеку «в наказаниях, подозрениях, ябедах, явных пороков небывалому», поверенные от всех волостей провинции передали в начале 1767 г. свои челобитные с тем, чтобы их «нужды и недостатки письменно» обобщить и вручить депутату в Уложенную комиссию. К 23 марта Алибай составил наказ «из собранных от волостных башкирских и тарханских поверенных о общественных нуждах и недостатках». Документ состоял из 15 пунктов. Среди его основных положений представлены требования — установить служащим башкирам постоянные оклады или «за всякие службы выдать ис казны жалованье»; заставить всех поселившихся на башкирской земле, особенно «содержателей заводов», платить оброк владельцам земли; не ограничивать функций третейских судов и не препятствовать строительству мечетей *[РГАДА*. Ф. 10. Оп. 1. Д. 379. Л. 454-455, 463-465]. Основные разделы наказа Алибая Мурзагулова вошли в сводные наказы башкир Уфимской и Исетской провинций, переданные избранным ими депутатам Уложенной комиссии старшинам Туктамышу Ишбулатову и Базаргулу Юнаеву*.

Депутаты участвовали в составлении наказов и тем самым приняли на себя ответственность перед избирателями. Важно подчеркнуть, что Туктамыш Ишбулатов не только представлял на обсуждение высокого законодательного собрания наказ башкирского народа, но и совместно с мишарским и двумя тептярскими депутатами в 1767 г. подписал прошение в Сенат от имени башкир, мишарей, татар, марийцев и удмуртов, искавших управу на уфимского воеводу И.В. Спиридова и провинциальную канцелярию. Депутаты жаловались, что местные власти «по текущим в тамошней провинциальной канцелярии по прозьбам означенных народов делам чинят крайнее медление и волокиту, а они через то лишаются всегда своего удовольствия». Челобитчики выдвинули требование «об отрешении его, Спиридова,...от воеводской должности» и

* Подробнее см. раздел: «Башкирские депутаты в Уложенной комиссии 1767—1768 гг.».

смене состава канцелярии *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 95. Л. 83-85].

Кинзя Арсланов, Юлай Азналин, Алибай Мурзагулов, Туктамыш Ишбулатов, Базаргул Юнаев и другие представляли собой лучшую часть башкирской старшины, ту часть, которая не грабила народ, не унижала общинников в их человеческом достоинстве, а совсем наоборот, радела о благоденствии и благополучии людей, свободе и духовном развитии народа, его исконном праве на земли и природные богатства родного Башкортостана.

Социальные процессы, проходившие в башкирском обществе во второй половине XVIII в., свидетельствовали об углублении феодальных отношений. Башкирская старшинская верхушка заметно осособилась от рядовых и составила отдельную прослойку в обществе. Но проникнуть ей в ряды «благородного сословия» было очень трудно. Манифест 1762 г. «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и другие акты плотно закрывали двери перед представителями других сословий на верхние этажи феодального общества. Только военная служба позволяла старшинам надеяться на получение офицерских званий регулярной армии.

В то же время старшину и рядовых общинников еще объединяли общие экономические и правовые интересы. По разным причинам, но обе группы твердо стояли за сохранение прав и привилегий своего народа. На имущественном положении командной верхушки в равной степени сказывалось отчуждение казной значительных земельных площадей башкирских волостей под крепости, заводы, поселения служилых людей, установление новых оброков с мельниц, кожевен, лавок, требование покупать соль по казенным ценам и др. Поэтому её интересы здесь полностью совпадали с потребностями рядовых общинников.

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

ИЗЪЯТИЕ БАШКИРСКИХ ЗЕМЕЛЬ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Законы о башкирских землях. После организации Оренбургской экспедиции произошли принципиальные изменения в политике российского правительства в Башкортостане. Они коснулись прежде всего земельного вопроса. Именным указом от 11 февраля 1736 г., данным генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву и статскому советнику И.К. Кирилову, правительство нарушило вотчинное право башкир на землю: отныне начальники Оренбургской экспедиции по своему усмотрению могли основывать крепости и строить заводы в любом уголке края. Земли, где до сих пор мишари, тептяри и бобыли жили временно как припущенники, были переданы последним в безоброчное владение. Указ также снял прежний запрет башкирам продавать свои земли. Русским дворянам, офицерам и мишарям было разрешено покупать башкирские земли *[Полное...* 1830. Т. IX. № 6 571]. Данное положение формально расширяло права башкир, ибо они получили право продавать свои угодья. Однако продажа земли была выгодна не башкирам, а покупателям. Был установлен определенный порядок продажи башкирских земель: земельные сделки оформлялись только в Уфимской и Исетской провинциальных канцеляриях; другим, не менее важным их условием было обязательное согласие всех вотчинников конкретной волости на продажу. Несмотря на эти ограничения, ввиду дешевизны земли в Башкортостане по сравнению с центральными регионами, покупка земли по существу превратилась в одну из легальных форм изъятия башкирских вотчин русскими дворянами и офицерами.

Таким образом, указ от 11 февраля 1736 г. Официально позволил нарушать вотчинные права башкир на землю и стал юридической основой для последующих земельных захватов в крае. Этот указ получил дальнейшее развитие и конкретизацию в ряде последующих правительственных распоряжений и решений. В указе Сената от 8 августа 1743 г. «О раздаче степных земель дворянам, офицерам, казакам и гражданским чиновникам, несущим службу в Оренбургском крае» говорится о том, что перечисленным категориям населения в зависимости от чинов необходимо «...отвести в вечное владение» то или иное количество земли для пашни, усадьбы, сенных покосов и лесов.

В 1762 г. правительство приняло решение о продаже дворянам различных угодий в отдаленных губерниях, в том числе и в Оренбургской. Оно повелело оренбургскому губернатору осмотреть и описать территории вдоль рр. Самара, Яик и Сакмара для последующей их раздачи желающим из отставных военнослужащих. В русле этого курса было и донесение оренбургского губернатора И.А. Рейнсдорпа от 11 января 1770 г. на имя Екатерины II, в котором говорилось, что главным недостатком губернии является ее малонаселенность. Губернатор предлагал срочно измерить и описать «...праздно лежащие здесь земли... а потом продавать дворянам». На основе этого предложения Сенат предписал приступить к измерению пустопорожних земель в Оренбургской губернии.

По указу от 16 апреля 1744 г. «Об отдаче Табынского медного завода симбирскому купцу Твердышеву и о заключении с ним контракта от казны», угодья башкир при обнаружении в них руды безвозмездно изымались в казну. В соответствии с указом от 13 октября 1753 г. в Оренбургской губернии разрешалось строительство лишь частных заводов. Каждому предприятию отводился необходимый минимум земельной площади «под заводское

строение, под плотину и фабрики — 100 дес., на выпуск — 50 десятин». Остальные потребности в земельных угодьях хозяева заводов должны были удовлетворять за счет башкирских вотчин путем долгосрочной аренды или покупки. Берг-коллегия принимает решение от 25 мая 1754 г. «О дозволении желающим отыскивать в Оренбургской губернии руду, каменья и учреждать заводы беспрепятственно», которое означало распространение на Башкортостан общероссийского законодательства о заводском строительстве. Заводчики, не считаясь с мнением вотчинников-башкир, могли приступать к строительству промышленных предприятий на их землях.

В указах от 20 августа 1739 г., 21 июня 1745 г., 16 марта 1754 г., 18 ноября 1790 г. и 1 сентября 1793 г. конкретизировались условия, на которых часть башкирских земель была передана мишарям, тептярям и бобылям.

Важным шагом властей по земельному вопросу в 40—70-х гг. XVIII в. стало стремление взять под непосредственный контроль казны нерегулярно используемые башкирские угодья. Эти земли располагались преимущественно на окраинах Исторического Башкортостана или на границах нескольких волостей. По географической структуре они могли быть лесными и степными территориями, являться пастбищами, охотничьими или промысловыми угодьями. Отныне правительство рассматривало эти земли как «пустопорожние» или «праздно-лежащие», никому не принадлежащие территории. Исходя из этого, власти допускали возможность их официального закрепления за собой. С 60—70-х гг. XVIII в. в правительственной документации появляется термин «казенная земля» для обозначения вышеуказанных башкирских угодий.

Изъятие земель под крепости. Организация Оренбургской экспедиции положила начало массовому строительству крепостей в крае. Они основывались главным образом на южных, юго-восточных и восточных границах Башкортостана, т. е. на территории Ногайской и Сибирской дорог. Весной и летом 1735 г. появились Верхне-Яицкая и Табынская крепости, в августе этого года на общей территории семи башкирских волостей Ногайской дороги - Бурзянской, Тамьянской, Усерганской, Бушман-, Кара-, Санким-, Суун-Кыпсакской — были основаны по р. Орь г. Оренбург, по р. Яик - Верхне-Озерная и Губерлинская крепости. На землях этих же волостей по р. Самаре строились Красносамарская, Борская, Бузулукская, Тоцкая, Сорочинская, Тевкелев Брод (позже Ново-Сергиевская), Камыш-Самарская (позже—Татишевская) крепости. На территории Кубелякской, Телевской, Кара- и Барын-Табынской, Сызгинской волостей Сибирской дороги возникли Миасская, Чебаркульская, Челябинская, Кызылташская, Ачитская, Бисертская, Красноуфимская крепости. Несколько пунктов появилось и на Казанской дороге: Ельдякская и Нагайбакская крепости. Таким образом, при Кирилове в Башкортостане была основана 21 крепость. Между ними, как правило, возводились небольшие укрепления в виде форпостов и редутов.

При В.Н. Татищеве, втором начальнике Оренбургской экспедиции, на Ногайской дороге по рр. Самара и Сакмара были построены Елшанская, Переводоцкая и Чернореченская, на Сибирской дороге — Уклы-Карагайская и Эткульская крепости. При В.А. Урусове (1739-1741 гг.) началось строительство Оренбурга на новом месте — несколько ниже по течению р. Яик, в урочище Красная гора. Позднее эту крепость переименовали в Красногорскую. Завершающий этап возведения крепостей в Башкортостане приходится на период правления в крае И.И. Неплюева (1742-1758 гг.), когда было основано 20 укреплений, не считая редутов и форпостов. В 1743 г. Оренбург по предложению нового начальника был в третий раз перенесен на новое место, в устье р. Сакмары при ее впадении в Яик, на землю башкир тех же 7 волостей. В это время возникло множество крепостей на юге и юго-востоке Башкортостана, на территории Ногайской и Сибирской дорог: Илецкая, Зилаирская, Таналыкская, Уртазымская, Кизильская, Магнитная, Петропавловская, Уйская, Степная, Троицкая, Каракульская, Крутоярская, Усть-Уйская.

Таким образом, с середины 30-х гг. XVIII в. в крае осуществлялась политика, направленная на масштабное строительство военных укреплений. За 1735—1758 гг. было основано 48 крепостей, примерно столько же редутов и форпостов.

Весьма сложно определить площади, закрепленные за крепостями, так как не было единой нормы наделения их землей. В донесении в Сенат от 17 марта 1740 г. В.А. Урусов отмечал: «к каждой крепости, поскольку примежевать надобно о том, не зная обстоятельств, точно предписать не мог, однако велел так чинить, чтоб жителям ни в чем недостатку быть не могло. И как под пашню, сенные покосы, лесу, озер, так и прочих всякого звания угодий занять во все стороны от 10 до 20 верст» В представлении переводчика Уфимской провинциальной канцелярии К. Уракова на имя императрицы Елизаветы Петровны от 9 марта 1746 г. по этому поводу говорится следующее: «в Оренбургской

губернии, Уфимской, Исетской провинциях по Яику, по Белой, по Уфе рекам построены и ныне строятся города и многие крепости, и около оных взяты рыбные ловли, пахотные земли и сенные покосы и прочие угодья, круг каждой крепости по 50 верст и больше, которыми владели издревле Уфимского уезду башкирский народ, кои им пожалованы...» [*Материалы*... 1949. Т. III. № 556, 557].

Общая площадь земель, отведенных под военные укрепления, по материалам Генерального межевания, составила около 3,9 млн дес. *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 927, 928, 931, 933, 938, 941, 1873, 1880, 1887] Эта цифра не учитывает земли, занятые полувоенными, полугражданскими населенными пунктами: Уфой, Бирском, Мензелинском, закамскими крепостями, зауральскими острогами и слободами, Стерлитамаком, Белебеем, Бугурусланом. Обеспечение крепостей земельными угодьями было неравномерным: от 1,9-6,5 до 150—202 тыс. дес. на каждую. За Верхне-Яипкой крепостью была, например, закреплена территория площадью 1 906, Переволопкой - 2 714, Оренбургской - 9 287, Табынской - 14 332, Ильинской - 24 074, Топкой - 85 025, 1-й Орской - 95 971, Усть-Уйской - 117 552, Каракульской - 202 759 дес. *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 930, 932, 935, 938, 940, 1871, 1876, 1881,1886].

Расширение дворянского землевладения. Организация Оренбургской экспедиции, издание указа от 11 февраля 1736 г. открывают новый этап развития русского дворянского землевладения в Башкортостане.

Имевшиеся в первой трети XVIII в. в крае 162 дворянских поместья располагались вблизи Уфы и закамских крепостей. Массовое строительство крепостей и другие мероприятия экспедиции способствовали увеличению численности в крае военных и гражданских чиновников. Из центральных городов для службы в губернской администрации и крепостях направлялись сотни дворян, военных и гражданских чиновников. В соответствии с «Табелью о рангах» последние пополняли собой ряды местного дворянства.

Все это нашло отражение прежде всего в росте численности русских дворян в Башкортостане. В 1767 г. их было 462 чел., в конце века - 1 905.

Дворяне, офицеры, чиновники систематически добивались увеличения земельных владений. Правительство, заинтересованное в расширении своей социальной базы, шло навстречу их пожеланиям. Местная администрация приступила к раздаче поместий сразу после подавления башкирского восстания 1739-1740 гг. Земельные раздачи начались за счет башкирских вотчин, расположенных по рр. Кинель, Кинельчик, Кутулук, объявленных «бунтовщичьими». В конце 1740 — начале 1750-х г. в этом районе получили поместья подполковник Языков, поручик Страхов, премьер-майор Зимнинский, капитан Мертваго, генерал-майор Ланов и др. В 1746 г. чиновнику губернской администрации коллежскому асессору П.И. Рычкову было отведено поместье в 25 дес. пашни и 20 дес. сенных покосов вблизи Чернореченской крепости. В указе о жаловании земли есть и такое положение: «Велено Рычкову, если понадобится более пашни и сенных покосов и леса, то ему за границами отведенной земли на порожжей земле пахать, сено косить, не воспрещается». Таким образом, дворяне могли расширять границы поместий по своему усмотрению. Например, капитан А.Ф. Дурасов, наделенный в 1762 г. поместьем в 710 дес., в конце века имел 3 366 дес. земли *[РГАДА*. Ф-1324. Оп. 1 Д. 86, 94, 168, 248]. Подобные факты становились типичным явлением и подтверждались материалами Генерального межевания.

Другой формой расширения земельных владений дворян губернии являлась покупка ими участков из казенных владений. Часть башкирских вотчин была объявлена «пустопорожжими казенными землями», т. е. по существу конфискована в пользу государства. По распоряжению правительства в 60-х гг. эти угодья продавались дворянам губернии по льготным ценам. Правда, в 70-х гг. продажа казенных земель была приостановлена, но многие дворяне успели воспользоваться этим решением властей. Известна покупка 24 дворянами земель общей площадью в 9 тыс. дес. в Бузулукском уезде по символической цене 70—80 коп. за десятину.

Кроме того, дворяне покупали земли у самих башкир по очень низким ценам. Особенность этой земельной сделки заключалась в том, что в купчих документах не указывалась площадь проданной земли в десятинах, а ее границы определялись естественно-географическими ориентирами, что позволяло впоследствии покупателю произвольно увеличивать свои владения. Неслучайно акты купли-продажи земли сопровождались конфликтами между сторонами. Даже представители местной царской администрации признавали систематический произвол со стороны дворян при покупке земли у башкир. Оренбургский губернатор А.А. Путятин, разъясняя причины конфликтов при земельных сделках, в своем донесении в Сенат от 21 марта 1766 г. отмечал, что дворяне при покупке земли «...писали в крепостях непреодолимые округи и некоторые из них верст по 200 и более, что какие

только сами пожелали» *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. № 496].

Для расширения своих поместий некоторые дворяне использовали институт припуска. Став башкирскими припущенниками, они пытались распоряжаться землей той или иной общины как своей собственностью, что приводило к земельным конфликтам между ними и вотчинниками-башкирами. Статус припущенников приобрели А.И. Тевкелев, поручик А. Кротков и др.

К концу XVIII в. в Башкортостане насчитывалось 569 дворянских поместий общей площадью 2 586 841 дес. 50% имений являлись крупными, т. е. в каждом из них имелось 1 ООО и более десятин земли. Средние имения, от 100 до 1 ООО дес. земли, составляли 38%. Мелких поместий, имеющих до 100 дес., было 12%. Основная масса дворянских имений находилась в центральных, юго-западных, западных частях края, на территории Уфимского, Бузулукского, Бугурусланского, Бугульминского, Мензелинского уездов. В Верхнеуральском, Троицком и Шадринском уездах дворянское землевладение почти не получило распространения *[РГАДА*. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 930, 932, 935, 938, 940, 1093, 1105, 1136, 1871, 1874, 1876, 1884, 1886].

Таким образом, организация Оренбургской экспедиции создала условия для широкой дворянской колонизации Башкортостана. По сравнению с первой половиной XVIII в. количество дворянских владений к концу века возросло в 3 раза, среди них преобладали крупные владения.

Изъятие земель под заводы. Значительные земельные изъятия были связаны с горными заводами. Последние на башкирских землях стали появляться в конце XVII в., но их массовое строительство развернулось с середины 30-х гг. XVIII в.

В соответствии с проектом об организации Оренбургской экспедиции и именного указа императрицы Анны Ивановны от 11 февраля 1736 г. заводы, как и крепости, основывались в крае без согласования с хозяевами земли — башкирами-вотчинниками. Каждому заводу казна бесплатно отводила земельную площадь для производственных зданий, плотины и жилья работных людей. Основные потребности завода и его населения в земельных угодьях заводчики удовлетворяли за счет аренды и покупки. Бурное развитие горнозаводской промышленности в крае привело к переходу в их руки громадного количества земельных владений коренных жителей.

Начало нового этапа строительства заводов в крае связано с деятельностью начальника Экспедиции И.К. Кирилова, который в 1736 г. от имени казны основал Воскресенский медеплавильный завод на земле башкир Тамьянской волости Ногайской дороги. Башкиры-вотчинники, недовольные захватом своих земель, в 1737 г. разрушили завод. В 1744 г. симбирские купцы И.Б. Твердышев и И. С. Мясников получили право на восстановление завода, но на новом месте, на общей территории Тамьянской и Бушман-Кыпсакской волостей. В последующем купцы расширили заводские владения, заключив сделки с вотчинниками Юрматынской (1755 г., 1761 г., 1790 г.), Тамьянской (1761 г., 1783 г.), Бушман-Кыпсакской (1763 г.) волостей. Кроме того, в 1748 г. и 1753 г. геодезисты Оренбургской губернской канцелярии отвели для завода на территории вышеперечисленных волостей 482 рудных места, каждое по 26 дес., что в итоге составило 12 532 дес. земли *[Полное...* 1830. Т. XII. № 8 921; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. № 53, 75, 201; Ч. 2. № 450, 577; *Материалы...* 1960. Т. V. № 284, 418, 421; *РГАДА*. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 120. Л. 116; Д. 168. Л. 5, 10, 13]. В 1754 г. они заключили договор с жителями Суун-Кыпсакской и Усерганской волостей о покупке 100 000 дес. земли для Преображенского завода за 200 руб. В 1752 г. они построили на землях Кесе-Табынской и Юрматынской волостей Богоявленский медеплавильный завод. Годом позже ими же были основаны в Курпес-Табынской волости Архангельский медеплавильный завод. При этом для последнего в 1755 г. и 1762 г. были куплены угодья в Катайской волости. В 1758 г. эти купцы расширили заводские владения за счет покупок земель в Бушман-Кыпсакской, Тамьянской и Юрматынской волостях. В 1759 г. Твердышев и Мясников купили земли у башкир Катайской волости для Белорецкого завода. Размеры приобретенных угодий составили 300 000 дес., сумма сделок - 300 руб. В 1756-1757 гг. купец М.С. Мясников для Благовещенского медеплавильного завода купил земли у башкир Куль-Иль-Минской волости *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. № 48, 60, 196; Ч. 2. № 398, 400, 419; *Материалы...* 1960. Т. V. № 421].

В середине XVIII в. на Ногайской дороге развернули активную деятельность и другие заводчики. Так, в 1751 г. купцы М.П. и И.П. Масаловы арендовали в Бурзянской волости землю под строительство Кананикольского завода на условиях уплаты ежегодного оброка в 20 руб. Через 10 лет Масаловы купили эту землю за 525 руб., но в купчей не были указаны размеры площади. Аналогичный договор был составлен в 1768 г. между Масаловыми и представителями Кара-Кыпсакской, Суун-Кыпсакской, Усерганской волостей. В 1760—1770-х гг. строительством заводов на Ногайской дороге занимались

также и представители династии Демидовых. В 1769 г. Е.Н. Демидов приобрел земли под Кагинский, а в 1777 г. — под Узянский железоделательный завод.

В 50-х гг. XVIII в. основанием заводов в крае занялись столичные дворяне. В 1753 г. граф А.И. Шувалов под Покровский медеплавильный завод приобрел земли в оброк у башкир Суун-Кыпсакской и Усерганской волостей. В 1756—1757 гг. граф К.Е. Сивере построил Вознесенский медеплавильный завод на землях Бурзянской волости, к 1764 г. это предприятие занимало площадь в радиусе 30 верст. Генерал-аншеф граф П.И. Шувалов вместе с купцом П. Матвеевым в 1755 г. добились разрешения на строительство Авзяно-Петровского железоделательного завода на землях Тамьянской и Тангаурской волостей. Всего на территории Ногайской дороги возникло 18 заводов, под которые заводчики у башкир купили или арендовали 902 720 дес. земельных угодий. Наиболее крупные земельные владения принадлежали Белорецкому (300 000 тыс. дес.), Кананикольскому (247 368 дес.), Преображенскому (133 691 дес.) заводам. Самой меньшей считалась территория Верхоторского завода — 29 000 дес. земли.

На Сибирской дороге изъятие башкирских земель под горные заводы началось в 40-х гг. XVIII в. В 1742—1743 гг. Н.Н. Демидов построил Верхне- и Нижне-Сергинские железоделательные заводы на территории Терсятской и Упейской волостей. В конце 50-х — начале 60-х гг. он же приобрел земли для Кыштымских Верхнего и Нижнего железоделательных заводов у башкир Кара-Табынской, Мякотинской, Сызгинской, Чирлинской волостей. Несколько железоделательных предприятий возникло в 1760 г.: на территории Айлинской, Чирлинской, Шуранской волостей был построен Азяш-Уфимский, Салжиутской - Бисертский, Упейской - Шемахинский заводы.

Много земель у вотчинников-башкир Сибирской дороги приобрели И.Б. Твердышев и И.С. Мясников. В 1757-1758 гг. они основали Катав-Ивановский железоделательный и медеплавильный, Усть-Катавский железоделательный заводы на территории Дуван-Кудейской, Кудейской, Трухменской, Кара-Тавлинской, Куваканской, Кубелякской волостей, заключив земельные сделки с их жителями.

Так, землю для Катав-Ивановского завода Твердышев и Мясников у жителей Трухменский волости покупали в 4 приема: в феврале 1756 г. на сумму 150 руб., в декабре этого же года - 70 руб., в 1757 г. - 60 руб., в 1762 г. - 900 руб. В последнем случае часть земли была предназначена для Симского завода. Во всех 4 случаях площадь проданной земли в десятинах не указывалась. В трех купчих башкиры сохранили свое право частично пользоваться проданной землей. Они могли в летнее время там пасти свой скот, косить сено, пахать землю, не мешая работе завода. Бортные деревья на проданных землях оставались собственностью башкир. Заводчикам была запрещена рубка этих деревьев *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. № 67, 84, 89, 189].

При продаже земли нередко возникали споры между самими вотчинниками. Так, в 1762 г. часть башкир отказывалась продавать землю. Тем не менее под давлением местных властей договор вступил в силу. Подобная картина обеспечения заводов землями была-довольно типичной.

В 1760-1761 гг. Твердышев и Мясников для Юрюзань-Ивановского и Симского железоделательных заводов купили земли у вотчинников Кара-Тавлинской, Трухменской и Шайтан-Кудейской волостей.

Значительные размеры вотчинных земель башкир Сибирской дороги захватили под свои горные заводы Осокины, Репнины и другие предприниматели. В 1747 г. П.И. Осокин под Назе-Петровский железоделательный завод арендовал землю у башкир Катайской волости по цене 20 руб. в год. Угодья завода только в длину составляли 50 верст. На следующий год они были выкуплены Осокиным в собственность за 40 руб. В 1759 г. П.И. Осокин арендовал земли у башкир Сызгинской волости сроком на 40 лет для строительства Саранинского железоделательного завода. В конце 40-х гг. XVIII в. князь П.И. Репнин на землях Мякотинской волости начал строительство Каслинского железоделательного завода. В 1758 г. барон А.С. Строганов основал Саткинский (Троицкий) комбинированный завод на землях Айлинской и Куваканской волостей. В 1761 г. Масаловы приобрели угодья у башкир Айлинской волости под Златоустовский и Катайской волости - под Уфалейский заводы. Московский купец Л.И. Лугинин в 1777 г. для строительства Миасского медеплавильного завода купил земли у башкир Куваканской, Айлинской и Барын-Табынской волостей. В 1787 г. он же приобрел земли у башкир Шигировской волости под Артинский, в Айлинской и Чирлинской волостях - под Кусинский железоделательные заводы. В 1790 г. купцом М.П. Губиным для Атигского железоделательного завода были куплены земли на территории Упейской и Терсятской волостей. Всего на Сибирской дороге в 30-90-х гг. XVIII в. были основаны 33 завода, к которым отошло 2 424 637 дес.

башкирских угодий. По материалам Генерального межевания, самые большие площади в этом регионе принадлежали Каслинскому (323 269 дес.) и Артинскому (233 403 дес.) заводам. Златоустовский, Кусинский и Саткинский заводы совместно владели 497 129 дес., Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Юрюзанский - 408 814 дес., Атигский, Верхний и Нижний Сергинские - 329 305 дес., Симский и Миньярский — 261 775 дес., Катав-Ивановский, Усть-Катавский, Минский - 169 954 дес., Уфалейский и Суховязский - 143 447 дес. земли. Владения некоторых заводов были относительно небольшими для данного региона. Так, земельная площадь Верхнего и Нижнего Кыштымских заводов составляла 81 892 дес., Назе-Петровского - 61 606 дес., Бисертского - 57 448 дес., Шемахинского - 26 243 дес., Миасского - 24 168 дес.

В западном Башкортостане, на Казанской дороге в 30—90-е гг. XVIII в. было возведено 15 заводов. Для их строительства были изъяты вотчинные земли башкир Байлярской, Булярской, Кыр-Еланской, Гирейской, Киргизской, Енейской, Надыровой волостей. Всего к концу XVIII в. под горные заводы на Казанской дороге были заняты 262 812 дес. земли. Здесь также наблюдалось неравномерное обеспечение угодьями по предприятиям. Если Архангельский (Шаранский) завод имел 114 047 дес. земли, Усень-Ивановский — 69 632 дес., то Ирлянский - 15 332 дес., Варзино-Алексеевский - 2 755 дес.

На Осинской дороге в указанный период возникло 14 предприятий. Многие из них были основаны на землях башкир Тайнинской волости. В конце XVIII в. заводам этой дороги принадлежало 312 759 дес. земли. Некоторые заводы имели значительные земельные владения: Шермяитский завод — 164 094 дес., Ашапский - 75 838 дес., Камбарский - 39 998 дес.

Таким образом, на территории Башкортостана в течение всего XVIII в., с учетом основанных до организации Оренбургской экспедиции, было построено 102 завода. В конце века им принадлежало 3 902 928 дес. земельных угодий, арендованных или купленных у башкир-вотчинников. Больше всего земель потеряли жители Сибирской дороги — 2 424 637 дес. Башкиры Ногайской дороги лишились 902 720 дес. земель. На Казанской и Осинской дорогах под заводы было изъято 575 571 дес. угодий.

Официально земли отходили под заводы по взаимному согласию сторон, ибо башкиры-вотчинники и заводчики заключали договоры об аренде или купчую грамоту. Но при их заключении допускалось множество злоупотреблений, даже прямого насилия со стороны заводчиков при явном попустительстве губернских властей. Башкиры-вотчинники систематически жаловались на условия аренды или покупки.

Часто при оформлении земельных сделок не указывалась конкретная площадь проданной или арендованной земли в десятинах, а обозначались только «урочища», т. е. их географические ориентиры. В 1745 г. Оренбургская губернская канцелярия, отводя для Воскресенского завода И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова земельные угодья, их границы определила следующим образом: «...окружность от Табынска рекою Белою на 200 верст, а от оной реки Башкириею на той же дистанции на 50 верст в сторону, от Сакмарского городка рекою Сакмарскаю на 100 верст». Ревдинскому заводу вьщелили землю «...в 30 верст кругом завода», а фактический отвод оказался «...в 79 верст в округ» *[РГАДА*. Ф. 199. Д. 5196. Ч. 1. Л. 319-320; Ч. 2. Л. 80-84]. Неслучайно в наказах башкирских депутатов Уложенной комиссии 1767-1768 гг. отмечалось, что «...записи многие пишут обманством, ибо договоры чинят по назначенным межам и урочищам, а при написании записей те заводчики через происки свои включают совсем другие межи, захватывая против договоров по своей угодности больше» *[Ташкин*, 1921. С. 192-193]. Наконец, башкирские земли оценивали чрезвычайно низко: Назе-Петровский завод «купил» 70 000 дес. угодий за 30 руб., Преображенский - 100 000 дес. за 100 руб., Белорецкий - 300 000 дес. за 300 руб., Камбарский - 36 000 дес. за 130 руб. Стоимость одной десятины земли оценивалась от 0,04 до 0,3 коп.

Следовательно, покупку и аренду земель для заводов с полным основанием можно оценить как беззастенчивый захват башкирских вотчин.

Земельное обеспечение мишарей и крестьян-переселенцев. Сложной оказалась реализация положения указа от 11 февраля 1736 г. о передаче мишарям земель башкир — участников восстаний. Ссылаясь на этот указ, мишари перестали платить башкирам оброк за пользование землей. Кроме того, они требовали официально закрепить за ними башкирские земли, находящиеся в их пользовании.

Власти решили произвести учет земель башкир-повстанцев и поселить на них мишарей. В 1747 г. геодезист капитан Шишков определил площадь «порожжих бунтовщичьих земель» в 169 700 четвертей. Однако по неизвестной причине мишари эти земли не получили.

В конце 50-х гг. XVIII в. мишари вновь подняли вопрос о наделении их землей. Новое измерение

земель восставших башкир Казанской и Ногайской дорог показало, что многие земли, числившиеся в чертежах Шишкова как «пустопорожие», оказались занятыми мишарями, тептярями, бобылями на условиях припуска. Свободные участки имелись только на территории Ногайской дороги *[РГАДА*. Ф. 452. Оп. 2. Д. 415. Л. 169; *Материалы*... 1956. Т. IV. Ч. 2. № 375]. Но и на этот раз дело не дошло до официального закрепления «бунтовщичьих угодий» за мишарями. Из имеющихся к середине 60-х гг. XVIII в. 2 253 дворов мишарей лишь 337 были наделены землей. Это объясняется несколькими причинами. Изъятие земель вызывало недовольство башкир и их сопротивление. В 1759 г. представители башкир во главе со старшиной Темиром Мютиным от имени четырех дорог подали челобитную в Сенат с жалобой на захват их вотчин переселенцами и составление подложных документов на владение. В том же году жители Ногайской дороги во главе с Алибаем Мурзагуловым обратились в Уфимскую провинциальную канцелярию с протестом против самовольного поселения на их землях мишарей и татар. К тому же оренбургские власти считали, что «бунтовщичьи земли» уже заняты различными переселенцами, поэтому передавать их мишарям было невозможно. Оренбургский губернатор А.А. Путятин в донесении к Екатерине II от 1767 г. обратил внимание на возможное восстание башкир в случае выполнения требований мишарей. В итоге правительство своими указами от 18 ноября 1790 г. и 1 сентября 1793 г. решило не рассматривать более претензии мишарей по поводу «бунтовщичьих земель» *[Материалы*... 1956. Т. IV. Ч. 2. № 359, 360, 275, 276].

Значительная часть мишарей по-прежнему продолжала жить на башкирских землях, формально являлась башкирскими припущенниками, но не все из них платили вотчинникам оброк за землю.

Следует отметить, что мишари имели право покупать башкирские земли. Документы второй половины XVIII в. показывают, что ими было совершено немало покупок.

После организации Оренбургской экспедиции российское правительство взяло курс на укрепление своих позиций в крае путем увеличения численности небашкирского населения не только за счет дворян и военнослужащих, но также за счет переселения крестьян. Например, в указе от 11 февраля 1736 г. говорится: «Ко умножению в тех новых местах русских людей ссылочных, вместо Сибири, к нему статскому советнику Кирилову посылать, из которых годных в службу не регулярную, других - на пашню, третьих, кои за тяжелыя вины... в шахты определять...». Правда, правительство по-прежнему запрещало беглым крепостным крестьянам селиться на территории Башкортостана. В 1743 г. начальник Оренбургской комиссии И.И. Неплюев потребовал от башкирских старшин, чтобы они не принимали и не укрывали беглых крестьян (*Материалы*... 1956. Т. IV. Ч. 2. Д. 415. Л. 169; *Материалы*... 1956. Т. IV. Ч. 2. № 375).

Однако подобные решения не выполнялись. Местные власти под любыми предлогами содействовали закреплению здесь различных категорий русского населения, в т. ч. и беглых, направляя их на службу в крепости или наделяя землей для занятия земледелием. Все это обусловливало начало массовой крестьянской колонизации края. В Башкортостан начали переселяться государственные, дворцовые, помещичьи и монастырские крестьяне. Пестрым был и их этнический состав: русские, чуваши, татары, марийцы, мордва, мишари и удмурты.

Часто государственные, дворцовые и помещичьи крестьяне самовольно занимали башкирские угодья. Многие из них пользовались рыбными ловлями, сенными покосами, лесами башкир за оброк.

Нерусские крестьяне-переселенцы состояли в основном из тептярей и бобылей, которые селились на башкирских землях на условиях уплаты оброка. В середине и во второй половине XVIII в. их численность постоянно росла и к концу века составляла около 50 тыс. душ м. п. *[Рахматуллин*, 1988. С. 177]. В конце XVIII в. в Оренбургской губернии проживало 234 073 душ об. п. русских и нерусских крестьян, без учета помещичьих и заводских. Они пользовались 6 476 тыс. дес. земли.

Таким образом, после организации Оренбургской экспедиции правительство принципиально изменило земельную политику в Башкортостане. Оно в одностороннем порядке проводило курс на изъятие значительной части башкирских вотчин под строительство крепостей, заводов, наделения дворян и различных категорий переселенцев. В конце XVIII в. на территории Оренбургской губернии в распоряжении крепостей, дворян, чиновников, офицеров, заводов, казны, мелких служилых людей, русских и нерусских крестьян-переселенцев оказалось 15 401 270 дес. земли, или 55% всех угодий края. В руках башкир-вотчинников осталось 12 818 468 дес. земли, что составляло 45% их прежних владений.

ПОВИННОСТИ И НАЛОГИ БАШКИР

Для осуществления своей внешнеполитической программы правительство широко использовало яицких и оренбургских казаков, башкир, мишарей,

калмыков. Наделенные особыми сословными правами и привилегиями они не платили главный государственный налог — подушную подать и поэтому считались неподатным населением. Башкиры, как и казаки, обладали правом личной свободы. Их нельзя было закабалить, превратить в крепостных. Но, как было сказано выше, тысячи башкир и их семей, обвиненных в неповиновении властям в период восстаний 30-40-х гг. XVIII в., были отданы в крепостные и дворовые российских помещиков.

Главной обязанностью башкир была служба в составе иррегулярных войск России. Как и оренбургские, и яицкие казаки, в военном отношении они подчинялись оренбургскому губернатору и генералитету. Распоряжения о направлении башкирской конницы за пределы губернии принимались Государственной Военной коллегией. Во второй половине XVIII в. башкирские команды участвовали в Семилетней войне 1756—1763 гг., Польском походе 1771-1773 гг., Русско-шведской войне 1788-1790 гг.

С 1742 г. башкиры стали нести охрану российской границы по Оренбургской линии. Ежегодно на летнюю (май — сер. ноября) службу они выступали одним сводным отрядом с мишарями. Башкиры обязаны были собрать более 2 тыс. конников. В 1769-1770 гг. из 5 200 казаков, башкир, калмыков, мишарей, служивших на линии, было 2 155 башкир (или более 40%), в 1755 г. из 4 тыс. чел. на линии находилось 2 тыс. башкир (50%). В 80-е гг. на линейную службу направлялось до 2 900 башкир, мишарей и служилых татар. В 1785 г. уфимский наместник О.А. Игельстром увеличил наряд башкир и мишарей на летнюю службу до 5 143 чел. На таком уровне военно-пограничная служба сохранялась и в последующие годы. На 1797 г. она составляла 5 519 башкир и мишарей *[РГАДА*. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 191. Л. 3—4; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 511-512; *Васильев*, 2008. С. 98—110].

С конца 60-х гг. власти ввели зимнюю службу башкир на Оренбургской линии (ноябрь - нач. мая) для перевозки почты, продовольствия, курьеров. Таким образом, дополнительно к военно-пограничной службе на них возлагалась и трудовая повинность. Зимняя служба производилась на собственном коште, с собственными лошадьми и подводами и засчитывалась за будущий летний наряд *[Васильев*, 2008. С. 38-39].

В 1760 г. началась служба башкир и мишарей на Тобольской дистанции Сибирской пограничной линии. Вначале власти посылали по 500 чел. (400 башкир и 100 мишарей) и сроком на 1 год; но по указу Военной коллегии от 27 августа 1769 г. обязаны были отправлять вдвое больше и сроком на 2 года и только в конце 90-х гг. вернулись к годовой службе *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 69. Л. 190-191; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 510; *Материалы...* 1960. Т. V. С. 571]. На линии башкир посылали в «каждодневные для примечания неприятельских сакм (следы, присутствие — *авт.)* разъезды» вдоль границы с казахами Среднего жуза. Они участвовали в строительстве крепостей, «употреблялись... в земляную и протчие крепостные работы... отчего неминуемо бывает немалой служебным их лошадям упадок». Так, в 1765 г. за полгода пало до 200 лошадей, в 1766 г. у 388 башкир и мишарей пала 551 лошадь. Служебная лошадь стоила здесь 10-12 руб., и многие башкиры оказывались «в неоплатных долгах» *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 123; *ГАОО*. Ф. 3. Д. 79. Л. 1, 104].

Со второй половины 1760-х гг. по указу Сената башкиры, служащие на Сибирской пограничной линии, стали получать постоянное жалованье, продовольствие и фураж. Но указ не распространялся на служивших по Оренбургской линии. «За неполучением жалованья, - писали башкиры в Уложенную комиссию 1767—1768 гг., - претерпевают крайнею нужду, так что инные, имея в содержании себе недостаток, принуждены все имеющееся при себе оружие и лошадей продавать и в домы пешие с великою нуждою и в глубокую уже зиму возвращаться» *[РГАДА*. Ф. 342. Д. 109. Ч. XI. Л. 221 об.-222].

Крупными поборами с жителей башкирских волостей сопровождалась подмога, которая собиралась с них для ежегодно отправлявшихся на линейную службу. Подмога состояла из натуральной (продовольствие, одежда, лошади) и денежной частей. Богатые башкиры, не желавшие нести службу на линии, нанимали вместо себя бедняков. Наемщик мог быть из другой волости и даже другого сословия. В среднем подмога и наемка на Оренбургскую и Сибирскую линии составляли 20 руб. (на Сибирскую линию до 45 руб.). При ежегодном наряде более 2 000 служащих очередников и наемщиков на Оренбургскую линию и 1 000 чел. (на 2 года) на Сибирскую линию башкирским и мишарским общинам подмога и наемка составляла значительную сумму - более 50 тыс. руб. *[Кульшарипов*, 2003. С. 83—85; *Васильев*, 2008. С. 42, 46]. Часть этой суммы, намного меньшая, выплачивалась не в денежной форме, а в натуральной — через передачу служащим лошадей.

Указом императора Павла I от 19 января 1797 г. для служащих на Оренбургской линии башкир и мишарей было введено денежное жалованье по

1 руб. в месяц. На 5 519 башкир и мишарей приходилась сумма в 33 114 руб. за все 6 месяцев службы. При всей значительности эта сумма лишь частично могла компенсировать реальные затраты несущих военно-пограничную службу [*Кульшарипов,* 2003. С. 87-88; *Васильев,* 2008. С. 110].

Необыкновенно напряженными для башкир и мишарей стали 1771—1773 гг. В связи с «исходом» калмыков, находившихся почти век в российском подданстве, в Китай, в Джунгарию, на историческую родину, Военная коллегия указом от 25 января 1771 г. потребовала от оренбургского губернатора бросить войска на их задержание *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 114. Л. 230]. Рейнсдорп распорядился послать в поход 8 тыс башкир и мишарей с «двухмесячным провиантом» *[ЦИА РБ*. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 789. Л. 5-7]. В марте Уфимская провинциальная канцелярия сообщила, что набор идет с большим напряжением, поскольку до этого 2 600 чел. было послано на линию в Орскую крепость, а 750 — на Сибирскую линию. Одного конника брали теперь «с 2 дворов с небольшим» (вместо законной нормы — одного с 8 дворов). К началу апреля воевода составил отряд из 4 500 чел. при 9 старшинах и 40 сотниках *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 118. Л. 259, 262 об.]. Тогда же Исетская провинция собрала 2 000 всадников. До конца марта, таким образом, приказ был выполнен: в состав четырех групп войск вошло 7 229 башкир и мишарей *[Там же.* Л. 262, 264; *ГАОО*. Ф. 3. Д. 120. Л. 60-266; *ЦИА РБ*. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 789. Л. 7].

Прорыв калмыками границы заставил войска выйти на территорию Младшего и Среднего казахских жузов, где они пробыли 1-2 месяца. Остальные отряды углубились в степь на 800 и более верст. Люди были снаряжены плохо; начался голод, падеж лошадей. Экспедиция застопорилась. Тогда преследование калмыков взял на себя хан Младшего жуза Нурали, а оренбургские войска возвратились на линию. После «разборки» башкиро-мишарских команд для отправки на Сибирскую линию, где власти надеялись перехватить калмыков, были признаны годными только 2 103 чел. Их разделили на два отряда. Из первого отряда числом 1 055 чел. до крепости Св. Петра дошли 334; остальные, больные и безлошадные, не смогли продолжить поход. Но и явившиеся «по осмотру командующего в той крепости... по притчине упадка и худобы лошадей оказались к походу весьма не способны» *[ЦИА РБ*. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 789. Л. 6]. В таком же состоянии были башкиры и мишари второго отряда. Но их все-таки продержали на линии три месяца и лишь в сентябре отпустили домой.

За все выпавшие на долю башкир и мишарей испытания в походе они не были вознаграждены даже положенным жалованьем. С ноября 1771 г. по сентябрь 1773 г. шла переписка между различными инстанциями о выдаче окладов. Указом Сената от 14 июля 1772 г. сумма вознаграждения определялась в 12 726 руб. 81,5 коп. *[Там же.* Л. 7-8; *ГАОО*. Ф. 3. Д. 125. Л. 80-83]. 7 сентября 1773 г., за 10 дней до начала Крестьянской войны, последовал указ губернской канцелярии о выплате денег.

В многочисленных жалобах губернатору башкиры и мишари писали «о чрезвычайной тягости» подводной повинности. Указом Сената от 15 апреля 1756 г. исполнение ее было приостановлено «до будущего разсмотрения», однако в 60-е гг. подводная гоньба вновь стала одной из основных повинностей башкир и мишарей. Они перевозили бесплатно в казенные склады хлеб и крупу, и это засчитывалось им за службу. Лишь с проезжавших по «казенным и партикулярным делам» башкиры и мишари брали за предоставление подвод и лошадей прогонные *[Материалы...* 1904. Вып. 5. С. 13; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 442-443].

Типичен в этой связи объем и характер работ, выполняемых башкирами из команды старшины Бушмас-Кыпсакской волости Кинзи Арсланова: «Жительство мы имеем на лежащей и Уфу и в Ысецк дорогах, чрез которые всегда неумолкно проезд происходит. И мы принуждаемся давать им подводы, как равно на государственных лошадей и фураж. А к тому и в третью сторону по притчине заведенного там казенного завода... Также и на Стерлитамацскую пристань с не меньшим отягощением проезжающих возим» *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 97. Л. 14].

Несение подводной повинности лишало многих возможности заработать на подрядах. Объясняя трудности с набором «вольных повощиков соли» в Табынск, Бирек и Ельдяк среди местного населения, уфимский воевода А.Н. Борисов писал губернатору в 1771 г., что жители центральной части Башкирии «тем много отягощены, что когда б не случились здесь наряды ж к свозу денежный казны и протчих казенных многочисленных повозок, то все употребляемы в том бывают из ближайших к городу Уфе команд» *[ЦИА РБ*. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 787. Л. 72]. Башкиры и мишари то и дело сообщали властям о многочисленных случаях обмана со стороны «всякого звания людей», которые или не платили прогонных, или платили не в полном объеме, перегружали подводы да еще требовали с жителей продукты и фураж. По словам мишарского сотника Канза-фара Усаева, официальные лица, проезжающие по дороге Оренбург — Уфа, «такие причиняют

наглости, что требуют всякого рода съестные припасы и мед, и сверх написанного в подорожных числах подвод берут излишние подводы. И, например, кому надобно взять одну, тот берет 4, а прогонные деньги платит токмо за одну» *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 97. Л. 108—109]. Через башкирские деревни Исетской провинции шли дороги к Екатеринбургу, Уфе, Оренбургу, горным заводам. И проезжавшие, как сообщали исетские башкиры в наказе в Уложенную комиссию, расплачивались недобросовестно. Башкиры Уфимской провинции в своем наказе в Уложенную комиссию специально рассказывали о разнузданных действиях офицеров, ездивших из Москвы в Сибирь «с аммуничными вещами и с протчими казенными тягостьми». Те перегружали подводы, заставляли впрягать вместо одной по 2-3 лошади, а рассчитывались, как за обычную поклажу «указной препорции» с одной лошадью. Офицеры специально сворачивали с больших дорог в «башкирские жительства» и вымогали «хлеб, харч, а инде и подарки», забирали сено *[РГАДА*. Ф. 342. Д. 109. Ч.Х1.Л. 231,270].

Развитие широких почтовых связей в крае вело к увеличению объема ямской повинности: появились новые дороги с почтовыми станциями - ямами. Старшины посылали рядовых «к построению на станциях ямских изб». На содержание ямов с каждого башкирского и мишарского двора собиралось по 21,25 коп. Кроме того, к каждой станции приписывались участки волостных земель, где производилась заготовка сена для почтовых лошадей *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3376. Л. 48; Д. 3381. № 364-373; *ГАОО*. Ф. 3.Д. 97. Л. 93].

На почтовых станциях, нередко «в немалом от домов их разстоянии», башкиры должны были находиться месяцами «неотлучно» и держать в готовности лошадей *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 440, 443]. Для доставки писем из каждой команды выделялось по несколько человек «со всем требующимся от миру снабжением» и каждый с двумя лошадьми. Так, башкиры Кыпсакской волости Ногайской дороги возили почту на три яма и зимой снаряжали на почтовую службу по Оренбургской линии 7 чел. *[ГАОО*. Ф. 3. Д. 97. Л. 145-148]. Впрочем, иногда башкиры вербовали на почтовые станции «охотников», которым платили «зборными с нашего народа деньгами». Но содержание наемных обходилось очень дорого: пара лошадей с ямщиком стоила 100-120 руб. *[Там же; Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 440]. Башкиры и мишари в своих наказах в Уложенную комиссию просили передать почтовые станции на казенное содержание и тем избавить их от тяжелой ямской службы.

В 1754 г. уплата башкирами ясака была заменена принудительной покупкой соли по фиксированной цене, что явилось более обременительной повинностью для населения, нежели ясачные платежи. По признаниям самих губернских властей, обязательство башкир, мишарей и других народов края покупать соль «из казны указною ценою» по 40 коп. за пуд «доходу казне составляло более платимого ими ясака» *[Материалы...* 1960. Т. V. С. 579, 581]. К тому же, бывшие ясачники не только должны были ездить в соляные лавки за покупкой, но терпели различные злоупотребления со стороны перекупщиков и целовальников (сборщиков податей).

В феврале 1773 г. группа старшин Уфимской провинции обратилась за защитой к «хозяину здешней губернии» Рейнсдорпу. Они ссылались на многочисленные жалобы башкир и мишарей на обвес при покупке казенной соли: в соляных стойках пользовались весовыми гирями; когда же покупатели возвращались домой и перевешивали соль на безменах, недовеса могло оказаться до 15 фунтов. Перекупщики, развозившие соль, брали на накладные расходы по 15—20 коп. с пуда вместо положенных двух *[ЦИА РБ*. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 790. Л. 51-52].

Администрация края зорко следила за тем, чтобы население не добывало соли самовольно. Помимо охраны илецкого месторождения, Рейнсдорп приказал «крепко» закрыть соляные ключи близ пригородка Табынска и учредить «пристойный присмотр» за прежними соляными Варницами, «чтоб отнюдь не можно было из них пользоваться» *[ЦИА РБ*. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 800. Л. 87].

Повинности теснили башкир со всех сторон; особенно мучило их безденежье. Деньги, необходимые «вольному народу» для уплаты сборов и подмоги, для приобретения надежного воинского снаряжения, покупки одежды и домашних вещей, башкиры зарабатывали перевозкой руды и соли, заготовкой и доставкой леса на заводы и в Оренбургское соляных дел правление, торгово-ремесленной деятельностью. Они вынуждены были также сдавать в оброк и продавать участки волостной земли, лесные угодия, места рыбной ловли. Все это до некоторой степени снимало острую потребность в деньгах.

ИСЛАМ В БАШКОРТОСТАНЕ

Большое влияние на духогенезис башкир оказал ислам, который сыграл значительную роль в форми-

ровании и закреплении - многих характеристик духовно-душевных ориентаций башкирского народа. В среду башкир ислам начинает проникать в X в., а в конце XIV в. уже становится господствующим религиозным сознанием.

Принятие ислама было цивилизационным выбором, изменившим не только область веры, но и всю духовную жизнь башкир. Ислам принес образование и письменность на основе арабской графики, стал «сунной» организации религиозно-нравственного, семейно-брачного и межличностного быта башкир. Шариат наложил табу на все, что могло угрожать физическому здоровью людей, их умственному и нравственному становлению: на алкоголь, наркотики, табак, азартные игры. Ислам категорически осудил самоубийство, прелюбодеяние, самоотречение и крайний аскетизм в «мире дольнем», приветствуя дух умеренности и правильное (в меру, без излишеств и крайностей) пользование всеми радостями жизни в проживании посюсторонней судьбы. Если христианская антропология теоцентрична и исходит из положения об образе и подобии Божием в человеке и в очеловечении Бога, то исламская идея Бога (Бога истины, справедливости и милосердия, творца сущего и покровителя человека) не содержит идеи богоподобия человека. Человеку отводится довольно скромное положение в мире, но четко очерчивается пространство позитивного, нравственно ответственного (богоугодного) отношения к окружающей действительности и людям. «Ислам повелевает быть милосердным и доброжелательным к каждому мусульманину, к каждому человеческому существу и даже ко всякому животному, - писал башкирский писатель-просветитель, ученый-востоковед, религиозный деятель Р.Ф. Фахретдинов в своем знаменитом труде «Ислам». - Доброжелательность ко всякому человеку, самопожертвование в целях общего блага, ревностное отношение к добрым делам ставится Исламом выше всего» [*Фахретдинов,* 1997. С. 28]. Положение человека всецело определяется волей Аллаха, который запрещает удовлетворение желаний одного за счет других. Мусульманам запрещен любой способ зарабатывания денег, основанный на бесчестии, обмане, мошенничестве, взяточничестве, разбое, создании искусственного дефицита или же на всевозможных махинациях с алкоголем, игорным бизнесом, сексуальной распущенностью и безнравственностью. Коран осуждает попрошайничество, воровство, «черный рынок», обязывает каждого, кто «владеет золотом и серебром», раздавать часть своих доходов и имущества нищим и бедствующим единоверцам в виде милостыни (закят). Мухаммед расширил понятие милостыни, включив в него практику добрых дел и поступков, продиктованных любовью к ближнему. Милостыня не только материальные ценности и деньги, но и добрый совет, поступок, ласковое слово, сочувствие в горе, акт сострадания, любая помощь и посильные услуги. Каждое доброе дело есть дело милосердия. Человечность, доброта, отзывчивость, щедрость души - подлинные добродетели мусульманина. Исламская этика выдвинула ряд норм: быть скромным, избегать осуждения в людях их недостатков, быть правдивым, почитая за свои идеалы справедливость, благородство, целомудрие, обуздание страстей и т. д.

Недостойным человека делом считается проявление жестокости и негуманного отношения к животным, обитающим рядом, истребление их ради удовлетворения тщеславия или развлечения, травля, облава на животных, забой недозволенным способом (харам) и т. д. Табу на причинение бессмысленного вреда относится не только к животному, но и растительному миру, ко всем видам ресурсов (минеральным, водным и т. д.).

Ислам охватывает все сферы жизни, начиная от семьи и кончая наукой и производством (предпринимательством и финансами). Ислам становится сутью человеческого бытия в арабо-тюркско-исламском мире. Сила любого народа, принявшего эту религию, заключается в приобретении сакральной ценности традиции, освященной именем Аллаха и обеспечивающей людям гарантированное и безопасное существование. Долг мусульманина — хранить и беречь традицию, быть верным своему духу. В частности, современный мусульманский мир (особенно в его фундаменталистских и экстремистских проявлениях) видит в своей традиции единственную альтернативу западной цивилизации и ценностным ориентациям тех граждан, которые склонны «обольщаться», «очаровываться» ее секулярным характером, либеральным искусством, релятивизмом, гедонизмом массовой культуры ит. д.

Ислам для башкир не совокупность догматических формул и канонов, а прежде всего строй духовной жизни, состояние души. Башкирский народ воспринимал нормы ислама как послушание в качестве своего нравственного долга - подчинения указаниям надмирного этического Бога (Аллаха). Исламские указания, относящиеся к ритуальным, правовым и этическим нормам, вошли в ядро башкирского духа. Многие элементы, в частности, «небуржуазного духа» ислама оказали существенное

влияние на оформление сущностных черт башкирской национальной психологии:

провозглашение социально-религиозных гарантий справедливости для всех членов уммы (мусульманской общины), например, запрещение ростовщичества (рибы); предназначение закята для бедных и т. д.;

коллективизм, солидарность людей друг с другом, готовность помочь тому, кто оказался в беде. Умма в исламе то же, что Соборная Церковь в православном христианстве. Ее власть (авторитет) распространяется тотально, на все формы и случаи жизни мусульманина в государстве;

строгий моральный (небуржуазный) стандарт в повседневной жизни.

Эти требования были реальными и выполнимыми. В Коране подчеркивается, что Бог не требует от человека ничего сверхъестественного: «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее». Этим исламская традиция существенно отличается от христианской, что, в свою очередь, объясняется различием между исламской и христианской антропологиями. Ислам потребовал от башкир обычной, нормальной, но этически упорядоченной и религиозно (исламски) облагороженной жизни.

Влияние ислама на башкирский дух было противоречивым. С одной стороны, этика ислама, элементы социальных гарантий для правоверных, идеи солидарности и взаимопомощи, строгие нравственные требования оказались по душе башкиру-язычнику, созвучны его смысложизненным ориентациям. С другой стороны, столкновение с достаточно развитой к IX—X в. башкирской политеистической системой верований существенно преобразовало ислам. Образовался некий синкретизм языческо-исламских верований и культа, который в религиозной и светской литературе обычно называют «двоеверием» (Феодосий Печерский). Этнографический башкирский ислам сложился в результате взаимодействия трех сил: мусульманской веры, принесенной миссионерами, башкирского язычества, которое встретило эту веру, и башкирского народного характера, который принял ислам и переработал его по-своему. Новая религия была воспринята башкирами сквозь призму собственной культурно-исторической традиции: не все в ней было привлекательным и приемлемым. Как известно, переход от политеизма к монотеизму (на это указывал еще Д. Юм) имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Бог в монотеизме бесконечно превосходит людей, способен повергнуть дух человека в состояние крайней угнетенности и приниженности. Если язычество обеспечивало человеку свободное общение с богами и веротерпимость, то авторитарность при монотеизме закономерно обусловливает нетерпимость к чужой вере. С принятием ислама народ теряет некоторые черты своей ментальности (активность, подъем духа, жизненный оптимизм и т. д.).

Ислам влиял на единый для башкир нормативно-ценностный порядок, символической формой которого стал религиозный язык. Новая религия захватила все слои общества, но не всего человека. Этим, на наш взгляд, объясняется весьма поверхностная (формально-ритуальная) исламизапия башкир, их неосведомленность в элементарных идеях исламской онтологии и гносеологии, ограниченная (социально-утилитарная) интерпретация основ вероучения, приводившая впоследствии в удивление исследователей края. «В сущности башкиры были плохими последователями ислама. Такие явления, как газават, массовый хадж, неизвестны башкирам. Они, в основном, усвоили лишь внешнюю, формальную сторону ислама, т. е. обрядовую. Меньше всего их интересовала содержательная сторона. Малочисленны и мусульмане из башкир, которые совершали бы пятикратный ежедневный намаз и выполняли бы усердно все требования ислама. Еще Фейербах подчеркивал, что на практике все люди — атеисты: своими делами, своим поведением они опровергают свою веру» *[Кузбеков*, 1997. С. 28]. Как и всякая религия, исторический башкирский ислам был инструментом легитимизации эксплуататорских общественных отношений и сковывал социокультурное развитие личности башкира. Башкирская элита обрела в новой вере сакральную поддержку своих интересов. Ее опора на ислам прежде всего как на социально-нормативный механизм регулирования социальной жизни в ущерб духовно-нравственному началу личности обусловила формирование особого типа башкира-мусульманина, «двоеверца», «слабого верующего» с пережитками языческих, магическо-мифологических представлений, усвоившего в основном феноменологическую сторону новой религии. В башкирском исламе нет той изначальной агрессивности по отношению к инакомыслящим, которая характеризовала арабский ислам. Он отличается гибкостью и веротерпимостью, обусловленной идеей, что прежде всего конкретная практика добрых дел, нравственная жизнь есть подлинный критерий богоугодного поведения и образа жизни истинного верующего. Таким образом, с одной стороны, единобожие, общая религиозно-этическая и письменно-литературная культура способствовали консолидации башкирского народа, преемственности знаний и

хозяйственно-культурного опыта, а с другой, наличие такой религиозно-этической системы, как ислам, явилось мощным противовесом политике христианизации, проводимой российским правительством, и обусловило, в отличие от многих языческих народов Урало-Поволжья, сохранение национально-религиозной самобытности башкир *[Бикбулатов,* 1995. С. 28].

ОБРАЗОВАНИЕ МАГОМЕТАНСКОГО ДУХОВНОГО СОБРАНИЯ В УФЕ

После завоевания Казанского ханства и присоединения Башкортостана Российское государство в течение более двух столетий вырабатывало действенную политику по отношению к исламу и его институтам. Отдельные попытки использования силовых методов, окончившиеся неудачей, заставили правительство с середины XVIII столетия перейти к политике сотрудничества с религиозной верхушкой народов, исповедующих ислам. Одним из самых важных событий в этом ряду стало учреждение Оренбургского магометанского духовного собрания как государственного религиозного учреждения. Его открытие в 1789 г. в Уфе означало, что ислам окончательно перешел в разряд «терпимых» вероисповеданий. Правительство, сменив ориентиры в религиозной политике, получило надежную социальную опору в лице многочисленного отряда мусульманского духовенства, значительно ослабило позиции тех проповедников, которые возбуждали среди населения антироссийские настроения. Российское государство, учредив Духовное собрание, приобрело и весомые аргументы для внешнеполитической пропаганды среди мусульман Казахстана и Средней Азии.

Религиозный вопрос в крае поднимался неоднократно. Попытки начать массовую христианизацию или ограничить функционирование исламских институтов вызывали резкое неприятие у населения. Это явилось одной из причин башкирских восстаний XVIII в., а также участия башкир в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Во всех народных выступлениях муллы принимали самое активное участие. Власть в центре и на местах время от времени реагировала на требования мусульманского населения. Например, в связи с многочисленными жалобами на насильственную христианизацию 12 ноября 1751 г. последовал сенатский указ об учреждении в Оренбурге «комиссии о иноверцах для разбирательства духовных дел». Комиссии вменялось в обязанность рассматривать и пресекать случаи принуждения к обращению в православие *[Полное...* 1830. Т. XIII. № 9904. С. 535]. Однако ее работа не получила должного развития.

Демонстрацией курса веротерпимости, провозглашенного императрицей Екатериной II в 1773 г., стало строительство с 80-х гг. XVIII в. на границе Уфимского наместничества и Казахстана каменных мечетей и медресе *[Полное...* 1830. Т. XXII. № 162 555. С. 450].

Важнейшим шагом нового курса явилось подписание Екатериной II 22 сентября 1788 г. указа об учреждении в Уфе «Духовного собрания магометанского закона» *[РГАДА*. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2753. Л. 32 об., 39; Ф. 248. Оп. 54. Кн. 4485. Л. 400; *Полное...* 1830. Т. XX. № 16 710. С. 1167]. Инициаторами принятия этого законодательного акта были генерал-губернатор Симбирского и Уфимского наместничества барон О.А. Игельстром* и советник наместничества Д.Б. Мертваго**. Непосредственным поводом к созданию Духовного собрания послужила русско-турецкая война 1787-1791 гг. Центральные власти всерьез опасались турецкого влияния на восточных рубежах империи и в этой связи деятельности мулл, получивших образование в Средней Азии. В 1788 г. в пограничные губернии были командированы чиновники, призванные пресечь антироссийскую пропаганду и сделать соответствующие предписания местным властям. Один из командированных в Уфу Д.Б. Мертваго представил свои предложения по введению института официального мусульманского духовенства (указных мулл), получающего право на религиозную деятельность исключительно от власти. Ключевой в проекте чиновника являлась мысль, что без указа о получении звания запрещалось занимать должности имамов, а также преподавание в мектебе и медресе *[Мертваго,* 2006. С. 45]. Генерал-губернатор О.А. Игельстром, «охотник затевать великие дела», как характеризовали его подчиненные, 1 мая 1788 г. представил поданный от своего имени проект императрице и предложил образовать в Уфе «особенную комиссию» во главе с

* 0.(И.)А. Игельстром (1737-1823) - известный государственный деятель и военачальник. В 1784-1790 гг. Симбирский и Уфимский генерал-губернатор, 1796-1798 гг. — военный губернатор Оренбургской губернии.

** Д.Б. Мертваго (1760-1824) - известный государственный деятель. Сделал блестящую карьеру, Таврический губернатор (1803-1807), генерал-провиантмейстер (1807-1810), московский губернатор (1817), сенатор и тайный советник. За составление проекта указа о Духовном собрании Д.Б. Мертваго был обещан орден, но, как потом он писал, «представление было сделано слабо и я его не получил» *[Мертваго,* 2006. С. 45].

главным ахуном края Мухамеджаном Хусейновым. Кроме него, в комиссию должны были входить два штатных ахуна и двое мулл. О.А. Игельстром полагал возложить на комиссию прием экзаменов у претендентов на духовные должности. Окончательное утверждение в звании ахуна, муллы или муэдзина должно было производить наместническое правление. Несмотря на ограниченные функции комиссии, генерал-губернатор хотел установить за ней жесткий контроль администрации: на каждом ее заседании предполагалось присутствие двух членов верхней расправы и губернского прокурора *[РГАДА*. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 4. Л. 43, 144 об.].

Одновременно с образованием духовной комиссии О.А. Игельстром считал необходимым принять меры для сокращения количества мусульманских проповедников. Указ императрицы Анны Ивановны 1736 г., ограничивающий число ахунов до 4-х, фактически не действовал. По словам генерал-губернатора, в последнюю четверть XVIII в. контроль государственных учреждений над исламом заметно ослаб. Это привело к тому, что количество ахунов, мулл и азанчеев стало «неограниченным». Рост мусульманского духовенства в крае О.А. Игельстром объяснял заинтересованностью мулл в получении содержания от населения. В то же время, многие присваивали себе духовные звания, «чтобы вольнее из места в место переходить под предлогом распространения веры своей, коим способом и за границу отлучаются» *[Там же.* Л. 144].

Странствующие муллы, или «бродяги», как их обычно называл в своих посланиях генерал-губернатор, представляли потенциальную опасность для государства. По его словам, империя, объявив свободу вероисповеданий, забыла о влиятельной социальной группе, каким являлось мусульманское духовенство. Они, не зависимые от властей ни в материальном, ни тем более в духовном отношении, получили свободу в формировании общественного мнения среди соплеменников. На деле, свобода эта была достаточно относительной, некоторые наиболее авторитетные религиозные деятели находились под надзором администрации. Например, в 1785 г. популярные среди башкирского населения муллы Габдрахим* и Ягафар подверглись судебному преследованию за пропаганду в д. Ахуново Троицкого уезда суфийского учения и за призыв к мятежу против «неверных». После непродолжительного содержания в заключении муллы были выпущены на свободу. Они постарались вообще исчезнуть из поля

Рис. 30. Портрет И.А. Игельстрома. Худ. Д. Левицкий. 1790

зрения властей и покинули постоянные места проживания, причем Габдрахим с семейством направился в Кабул *[РГАДА*. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2753. Л. 5 об., 13-14].

Для объяснения задач нового государственно-религиозного органа О.А. Игельстром проводил встречи с мусульманским населением. Однако последнее по-своему понимало предназначение Духовного собрания. Так, башкирские старшины выступали за свободу передвижения мусульманских священнослужителей. В феврале 1789 г. на встрече с генерал-губернатором представители башкир и мишарей Верхнеуральского уезда заявили, что «в христианской религии духовные чины ездят по селениям и смотрят за порядочным отправлением службы в церквах, чтобы и их духовным позволено было ездить по их селениям для учинения народу о законе нужных толкований» *[РГАДА*. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2753. Л. 15-35 об.]. Депутация объясняла необходимость свободы передвижений малочисленностью служителей религиозного культа. Генерал-губернатор, придерживавшийся мнения, что разъезды мулл наносят существенный вред «общественной пользе», дипломатично отклонил предложения депутатов. Впоследствии на любое передвижение как в

* Немецкий ученый Михаель Кемпер пришел к выводу, что это известный религиозный просветитель Габдрахим Утыз-Имяни *[Кемпер,* 2008. С. 45].

пределах страны, так и на выезд за рубеж муллы обязаны были получать разрешение от губернских властей. Более того, даже за недолгое отсутствие на своих местах они удалялись с должности.

Само учреждение Духовного собрания проходило в непростых условиях. В конце 1788 — начале 1789 г. произошли волнения башкир Троицкого и Челябинского уездов, вызванные действиями православных миссионеров-проповедников, посланных Тобольской епархией *[Там же.* Л. 1—3, 19, 21, 24]. Опасаясь очередного восстания, правительство 7 февраля 1789 г. приняло решение прекратить на время миссионерскую деятельность и отозвать проповедников из всех епархий *[Там же.* Л. 25 об.].

Первые годы функционирования Духовного собрания были посвящены переаттестации ахунов, мулл (имамов) и муэдзинов (азанчеев). При этом правительство хотело значительно сократить количество духовных служителей путем отсева их на экзаменах. В 1790 г. из-за неразберихи в связи с учреждением и определением статуса Духовное собрание самостоятельно присваивало звания без всякого участия наместнического правления. В 1793 г. усилиями уфимского прокурора был восстановлен законный порядок и в течение года в Духовном собрании сдали экзамены 789 чел. Из них должность ахуна получили 8 претендентов, мухтасиба — 7, остальные удостоились звания муллы и муэдзина *[ЦИАРБ.* Ф. И-295. Оп. 3. Д. 304].

Не все религиозные деятели признавали получение религиозных званий от государства, к тому же христианского, соответствующим основополагающим принципам ислама. Так, известный мусульманский просветитель Габдрахим Утыз-Имяни (1754-1834), после возвращения в 1798 г. из Средней Азии на родину выразил несогласие с порядком назначения на должности, установленным в указе об учреждении Духовного собрания. В поэмах «Гауариф-аз-заман» («Подарок эпохи»), «Мужаль-мат-аз-заман» («Важнейшие проблемы эпохи») и других литературных произведениях он подверг критике «официальных мулл». По его мнению, светские власти не должны вмешиваться в религиозные дела, а муллы, назначаемые по указу властей по результатам испытания в Духовном собрании, незаконны и, более того, являются врагами народа и ислама *[Усманов,* 1986. С. 366—367].

Рачительный О.А. Игельстром планировал выделять на содержание «особенной комиссии» всего 680 руб. сер. в год. «Сей малый расход, - писал генерал-губернатор Екатерине II, — неотменно наградится тем, что все здешние народы, магометанский закон исповедующие, познав чрез то, поэлику вера в империи вашего величества уважена, будут тем более привязаны и постоянны» *[РГАДА.* Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. 4.4. Л. 144].

Проект О.А. Игельстрома лег в основу указа Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Но между проектом и окончательным вариантом указа были и некоторые различия. Если правитель края полагал, что «особенная комиссия» будет осуществлять свои полномочия лишь на территории Уфимского наместничества, то императрица распространила её компетенцию на всю Россию, исключая только Таврическую область. Далее, Екатерина пожелала, чтобы во главе Духовного собрания находились муфтий* и 3 заседателя, выбранные в Казанской губернии. Мухамеджану Хусейнову (1756-1824) выпала честь стать первым муфтием — главой российских мусульман. Специальный указ о его назначении на должность последовал 22 сентября 1788 г. Еще задолго до этого события он выполнял ответственные поручения властей. В 70-х гг. XVIII в. М. Хусейнов находился в Бухаре и Кабуле, где, кроме обучения в медресе, по заданию Коллегии иностранных дел занимался сбором секретной информации *[Вяткин,* 1947. С. 26]. Заметный прогресс в служебной карьере М. Хусейнова происходит после назначения в край наместником О.А. Игельстрома. В отличие от сторонников насильственного укрепления российской власти в казахских степях, О.А. Игельстром прежде всего возлагал надежды на мирную колонизацию. Для воплощения долгосрочных планов ему понадобились люди, умевшие добиваться исполнения поставленных задач дипломатическим путем. Выбор наместника пал на Мендияра Бикчурина и Мухамеджана Хусейнова. Первый из них уже имел опыт общения с именитыми людьми Младшего жуза, куда выезжал в 1778 г. для переговоров *[Казахско-русские...* 1964. № 47, 48. С. 94-101]. М. Хусейнов, быстро оценив новые веяния в политике по отношению к казахам, стал верным помощником О.А. Игельстрома. В 1785 г. он получил должность ахуна при Оренбургской пограничной экспедиции с окладом 300 руб. сер. В июне того же года М. Хусейнов совершил свой первый визит в казахскую степь и добился неплохих результатов. Несмотря на первоначально негативную реакцию казахской элиты, ахуну удалось установить контак-

* Муфтий (перс. — муфти, тур. — мюфти — дающий фетву) представляет в исламских странах высшее духовное лицо, в обязанность которого входило вынесение особых заключений (фетв) по религиозным и иным вопросам.

ты со старшинами, вручить послание уфимского наместника и обговорить приезд их делегации в Оренбург в июле 1785 г. Визиты в Младший жуз в сентябре того же года и в 1786 г. принесли М. Хусейнову славу успешного дипломата, способного с помощью подкупа, лести и богословской риторики укрепить российское влияние в казахских жузах. Заслуги ахуна были оценены администрацией. 12 ноября 1786 г. Екатерина II послала рескрипт О.А. Игельстрому, в котором говорилось, что за успехи в деле учреждения Пограничного суда «находящемуся при Вас ахуну Мухамет Джану Гусейну прибавить еще по 200 руб. на год, соизволяя при том, чтобы он именовался в тамошнем краю первым ахуном» [*Материалы*... 1940. Т. IV. № 9. С. 65]. Если внешнеполитические функции первого (главного) ахуна вполне очевидны, то, в чем заключались его обязанности внутри наместничества, определить достаточно трудно. Известно лишь, что в его компетенцию входила выдача разрешений на строительство мечетей. Например, в 1786 г. М. Хусейнов издал указ, разрешающий башкиру Аиткулу Муллакаеву построить за свой собственный счет мечеть в д. Битичево 20-го юрта 9-го башкирского кантона *[ГАОО*. Ф. 6. Оп. 4. Д. 9958. Л. 212 об.]. Однако, наряду с главным ахуном таким же правом обладали «простые» ахуны.

Правительство проявило заботу о материальном благополучии первого муфтия. Ему было назначено годовое жалованье в размере 1 500 руб. сер. и разрешено приобретать башкирские земли. По существующим законам духовные лица православного исповедания не имели права владеть недвижимым имуществом. Исходя из этого, губернский прокурор Н.И. Тимашев полагал, что и для муфтия — высшего мусульманского иерарха «нет закона, по коему бы он имел право купить земли у башкирцев». На это Правительствующий Сенат указал, что «...православие, владычествующее в России, не имеет связи с терпимостью веры магометанского закона, равным образом и духовенство оного под едино право не подходит». Сам муфтий просил в 1792 г. генерал-прокурора А.И. Самойлова «за ревность и рвение к продолжению ее Величества службы по заграничным делам и приведение киргиз-кайсацкого народа в верноподданическое повиновение российскому непобедимому скипетру» разрешить покупку крепостных. Окончательную точку, ликвидирующую юридические расхождения, поставила Екатерина II, позволив муфтию указом от 26 января 1793 г. «...покупать порожние земли у башкирцев на законном основании и заселять оные покупаемыми за границей иноверцами, присвояя ему и его потомству право продавать оные» *[Полное*... 1830. Т. XXIII. № 16 897,17 099. С. 164, 399; *Материалы*... 1960. Т. V. № 440. С. 560].

Духовное магометанского закона собрание было торжественно открыто 4 декабря 1789 г. в Уфе. Так город, в котором не имелось ни одной мечети и проживало в конце XVIII в. всего несколько десятков жителей, исповедующих ислам, надолго стал центром российских мусульман. При определении местонахождения Духовного собрания учитывалось то, что Уфа была губернским городом с функционирующими здесь органами государственного управления и располагалась в центре обширного края с мусульманским населением. К тому же именно власти Уфимского наместничества проявили инициативу в создании духовного учреждения. Оно пополнило ряды местных присутственных мест. Религиозное учреждение именовалось Уфимским духовным магометанского закона собранием, а в 1797 г. в связи с преобразованием Уфимского наместничества в Оренбургскую губернию вместе с другими государственными учреждениями переехало в Оренбург. С этого времени оно называлось Оренбургским духовным магометанского закона собранием. В конце 1802 - начале 1803 г. Духовное собрание возвратилось в Уфу *[РГАДА*. Ф. 16. Оп. 1. Д. 990. Л. 1; *ГАОО*. Ф. 6. Оп. 2. Д. 942. Л. 14 об. - 15; *Очерки*... Т. I. Ч. 1. С. 255].

На открытии Духовного собрания 4 декабря 1789 г. муфтий произнес перед собравшимися мусульманами речь, насыщенную философскими сентенциями и самыми лестными эпитетами в адрес российской самодержицы. В частности, он сказал: «Торжествует российский сын, что царствует над ним Екатерина... Но кто сей наперстник счастья? Ужели только тот, которого евангельский дух руководствует? Так мыслящий мыслит неправо. Прозорливая мать не взирает на различие веры, а только на преданность сердцем». М. Хусейнов призвал единоверцев хранить верность Екатерине II, быть «...всегдашними и ревностными назидателями общего блага и спокойствия» *[РГАДА*. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. 4.5. Л. 81-82].

Оренбургское магометанское духовное собрание отличалось от многих государственных учреждений Российской империи системой выборов заседателей (кадиев или казыев). Как говорилось ранее, в указе Екатерины II имелось требование выбирать заседателей только из татар Казанской губернии. Большинство исследователей истории ислама в России сходятся во мнении, что при определении выбора заседателей из Казанской губернии государство приняло во внимание, прежде всего, ло-

яльность местного мусульманского духовенства к власти. Муллы, проживающие в Оренбургской губернии, не отличались послушанием и активно участвовали во всех башкирских восстаниях.

Первые заседатели Духовного собрания Фахретдин Абдрашитов, Сейфулла Муртазин, Фейзулла Адилев были избраны представителями мусульманского духовенства Казанской губернии и прибыли в Уфу в декабре 1789 г. Сроки их пребывания в должности законом не устанавливались, поэтому в мае 1793 г. заседатели обратились в Правительствующий Сенат с прошением о сложении полномочий. Сенат определил, что Духовное собрание относится к средним присутственным учреждениям, где срок службы установлен в 3 года, поэтому препятствий к увольнению заседателей не было *[Полное...* 1830. Т. XXIII. № 17 146. С. 453].

В указах об учреждении Духовного собрания обязанности заседателей четко не регламентировались, поэтому в конце XVIII — первой четверти XIX в. между муфтием и заседателями возникало множество спорных ситуаций. Муфтия М. Хусейнова отличали авторитарные методы управления. Это значительно повлияло на взаимоотношения муфтия и заседателей. Например, в августе 1801 г., уезжая в Москву, М. Хусейнов запретил заседателям принимать самостоятельные решения в его отсутствие. В своем сообщении в Оренбургское губернское правление он объяснил это тем, что без него злоупотребления заседателей и чиновников могут существенно возрасти. Губернское правление, сочтя аргументы М. Хусейнова весомыми, утвердило его решение. Оно предложило заседателям заниматься лишь подготовкой дел к рассмотрению. В результате работа Духовного собрания была парализована почти на 4 месяца *[ГАОО*. Ф. 6. Оп. 2. Д. 724. Л. 1—2]. Сам муфтий неоднократно уличался в должностных злоупотреблениях. В 1804 г. ахун д. Лагирево 8-го башкирского кантона Яныбай Ишмухаметов составил список из 4 ахунов и мулл, которые из-за угроз лишения должности вынуждены были давать взятки М. Хусейнову. В отличие от других жалобщиков, Я. Ишмухаметов не побоялся открыто дать показания в суде. Надежды ахуна на справедливое разбирательства не сбылись. Расспросы духовных лиц производились в губернском правлении, а не на местах. Свидетели находились под постоянным давлением М. Хусейнова. Я. Ишмухаметов в прошении к оренбургскому военному губернатору Г.С. Волконскому писал, что следствие, произведенное чиновниками губернского правления, учитывало интересы главы Духовного собрания и «...дело идет к совершенной моей (Ишмухаметова — *авт.)* погибели, а не к открытию истинной справедливости, к изобличению его степенства муфтия» *[ГАОО*. Ф. 6. Оп. 3. Д. 3277. Л. 21-22].

Только 14 декабря 1801 г. Правительствующий Сенат подтвердил коллегиальность принятия решений в Духовном собрании. Исполнение обязанностей муфтия во время его отсутствия возлагалось на старшего присутствующего. Указом от 15 июля 1802 г. было установлено, что в случае разногласий дела в Оренбургском магометанском духовном собрании решаются простым большинством голосов, если же голоса разделятся поровну, то голос председательствующего (муфтия) дает перевес.

Для деятельности государственного религиозного учреждения необходима была правовая база. Уже 6 декабря 1789 г. О.А. Игельстром направил в канцелярию императрицы проект инструкции по руководству Духовным собранием *[РГАДА*. Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. лось, что Духовное магометанского закона собрание состоит под ведомством (и указом) Уфимского наместнического правления и равняется со средними судебными местами. Этот пункт вполне соответствовал той унификации государственного управления, которая проводилась во второй половине XVIII в. О.А. Игельстром четко регламентировал порядок занятия духовных должностей: азанчея, муллы и ахуна. Он был сложным и многоступенчатым. Вначале муллу избирало сельское общество. Об этом земский исправник или кантонный начальник сообщали наместническому (губернскому) правлению. Последнее, проверив правильность выборов, отправляло кандидатов на экзамен в Духовное собрание. На экзаменах обязательно присутствовали два члена верхней расправы, которые в случае обнаружения каких-либо отступлений от закона могли отменить постановление религиозного учреждения. Данное положение действовало на протяжении последнего десятилетия XVIII в. Успешно выдержавший экзамен получал указ наместнического (губернского) правления *[Материалы...* 1960. Т. V. С. 563—564].

Важнейшим направлением деятельности Духовного собрания являлся разбор дел, связанных с семейно-брачным и имущественным правом мусульман. Религиозное учреждение выполняло функции высшей инстанции духовного суда. В правоприменительной практике оно руководствовалось своеобразным синтезом норм шариата и общероссийского законодательства. Нормотворчество муфтиев и заседателей протекало под наблюдением вышестоящих органов. Духовное собрание принимало постановления, запрещавшие религиозным

служителям применение тех положений шариата, которые явно противоречили государственным законам. Эти запреты в основном касались системы наказаний за нарушение норм морали, предусмотренных мусульманским правом.

Прекращение злоупотреблений при браках, разводах и дележе наследства О.А. Игельстром усматривал в скорейшем приспособлении мусульманских традиций к европейским. Однако применение большинства норм шариата сохранилось. Например, не удалось осуществить предложения об обязательности троекратных объявлений о предстоящей свадьбе в мечетях и посылке документов обо всех разводах с указанием их причин в Духовное собрание. Религиозное учреждение не могло проследить условия всех браков и разводов, оно рассматривало решения приходского духовенства лишь в случае обращений граждан.

Одной из функций Духовного собрания стал контроль за строительством и содержанием мечетей. Была взята в основу принятая еще в 1735 г. практика выдачи разрешения на строительство мечетей гражданскими властями. Теперь в этот процесс вовлекалось и Духовное собрание. «Всякий, мечеть построить желающий, чтоб просил на то позволенье в Духовном магометанского закона собрании, а оное, рассмотря его просьбу и обстоятельства, оную оправдывающие, представило бы о том наместническому правлению» *[Там же.* С. 565]. Как и в законодательстве о православных церквях, мусульманам разрешалось на 100 дворов иметь одну мечеть. Число духовных служителей при культовом учреждении генерал-губернатор не оговаривал, хотя в предварительном проекте он предусматривал не более 2 чел.

Правительство рассчитывало, что государственное религиозное учреждение станет одной из структур, ограничивающей численность мечетей и мусульманского духовенства. Однако этого не произошло и в течение девятнадцатого столетия количество мечетей в крае увеличилось в 2 раза, а имамов и муэдзинов - в 2,5 раза.

В третьей части проекта о компетенции Духовного собрания определялись наказания за преступления против религии (упущение молитвы, прелюбодеяние, употребление алкоголя и т. п.). В Коране за такие нарушения шариата были предусмотрены телесные наказания. О.А. Игельстром потребовал: «...чтобы ни один духовный, ни же само Духовное собрание не отважилось налагать на кого-либо, а того менее совершать телесные наказания» *[Там же.* С. 566]. Вместо подобных наказаний он предлагал применять публичное порицание, дополнительное хождение в мечеть и даже содержание там под арестом.

В компетенции Духовного собрания был прием экзаменов у претендентов на религиозные и учительские должности. Школы должны были действовать при мечетях, содержание их при домах или других местах запрещалось. Первоначально предполагалось, чтобы «в заведывании Духовного магометанского закона собрания ... состояли также все школы... и чтоб оное имело смотрение над производством преподаваемого в них учения» *[Там же.* С. 567]. И хотя Духовное собрание не обладало значительными полномочиями и возможностями контролировать систему медресе и мектебе, оно неоднократно выступало за преодоление схоластики и схематизма при обучении мусульман, за изучение светских предметов и русского языка.

С момента образования Оренбургское магометанское духовное собрание выполняло функции апелляционного органа, рассматривавшего случаи злоупотреблений и предосудительного поведения мусульманского духовенства. На протяжении десятилетий нижние и верхние расправы, другие органы государственного управления были завалены жалобами мусульман на мулл и муэдзинов. Эти учреждения не могли разобраться с делами из-за незнания служащими традиций народов и норм мусульманского права. Правительство определило, «чтобы ...всякому, кто не доволен решением муллы или ахуна, объявить неудовольствие свое Духовному собранию и просить оное о чинении по делу его разбирательства». Одновременно религиозное учреждение становилось органом надзора за муллами и ахунами *[Там же.* С. 563]. Этим часто пользовалось население, которое с помощью Духовного собрания удаляло с должностей замеченных в неблаговидных поступках религиозных деятелей.

Все эти факторы позволили Духовному собранию не только получить признание у мусульманского населения, но и усилить влияние на него. В сознании мусульман Духовное собрание выступало в качестве гаранта свободного отправления религии.

При образовании Оренбургского мусульманского духовного собрания правительство Екатерины II преследовало и внешнеполитические задачи. Муфтию М. Хусейнову заранее отводилась роль проводника российских интересов в Казахстане и Средней Азии. Сам М. Хусейнов вначале воспринимал Духовное собрание как дипломатическое учреждение и в благодарственном письме к императрице от 12 ноября 1789 г. именовал себя «киргиз-кайсацким муфтием» *[РГАДА.* Ф. 16. Оп. 2. Д. 990.

Л. 1]. Кроме него, в качестве дипломатов и конфидентов (разведчиков) была задействована группа татарских мулл. Их можно условно разделить на две категории. Часть мулл постоянно находилась в среднеазиатских городах под видом повышающих религиозную квалификацию в местных медресе. Другая часть в качестве торговцев регулярно выезжала туда и собирала необходимую информацию. Государство щедро оплачивало услуги духовных лиц. Например, ахуны Абдулфатых Габделсалямов и Габделсалям Габделнасыров, мулла Губайдулла Фаткуллин за выполнение разведывательных поручений правительства получили ценные подарки, право на беспошлинную торговлю и возмещение транспортных расходов *[РГАДА*. Ф. 16. Оп. 2. Д. 992. Л. 37, 48; Д. 934. Ч. 5. Л. 53-56]. Отправка в казахские жузы благонадежных мулл имела целью противостоять антироссийской агитации со стороны духовных лиц, посылавшихся из среднеазиатских ханств, главным образом из Хивы и Бухары. К тому же в пограничных районах Младшего жуза активно действовали муллы из татар и башкир, враждебно настроенные к России *[Вяткин,* 1947. С. 226]. Например, бежавший из Уральска татарский мулла Хасан и его сподвижники пользовались значительным авторитетом у части казахской знати и настраивали ее к нарушению клятв верности Екатерине II *[РГАДА*. Ф. 16. Оп. 2. Д. 991. Л. 931].

После образования Духовного собрания муфтий активизировал деятельность по распространению своей духовной власти на юге. Уже в январе 1788 г. он по настоянию уфимских властей послал казахам письма с поучениями, выступая как «духовный наставник». В частности, М. Хусейнов подчеркивал, что «без воли моей состоящие между вами муллы и народ относительно Алкорана никаких изъяснений сами собой делать не могли». Муфтий подверг жесткой критике идею исламского единства. «Хотя мы под одним зданием правоверности состоим, - писал он, — однако великое есть различие между мусульманами, находящимися под владениями султана турецкого и всеавгустейшей нашей монархини, поэлику каждый монарх собственно своим умом управляет, в рассуждении чего делаемые проповедования одному годны, а другому не нужны бывают». М. Хусейнов считал, что некоторые муллы, побуждающие российских мусульман выступить на стороне Оттоманской Порты, ведут народы к гибели. Муфтий призывал мусульман сохранять спокойствие и подчиняться Российской империи, ибо только она способна обеспечить рост благосостояния всех последователей норм шариата *[РГАДА*. Ф. 16. Оп. 2. Д. 934. Л. 102-104]. Часть казахских старшин переправила наставления М. Хусейнова на рассмотрение в Бухару и Хиву. Оттуда поступили гневные отповеди на «преступные увещевания». Бухарским и хивинским улемам особенно не понравилось то, что муфтий оправдывал и признавал справедливой войну православной России против главы всех мусульман — турецкого султана. Зимой 1789 г. М. Хусейнов выезжал на два месяца в Уральск, где встречался с казахскими старшинами и духовенством. Визит завершился успешно: старшины и муллы признали над собой духовную власть муфтия *[РГАДА*. Ф. 16. Оп. 2. Д. 934. Л. 101; Д. 991. Л. 26 об., 33-35].

Таким образом, несмотря на принятие разных решений в религиозной области в XVIII в., окончательное государственное признание ислама в качестве терпимой (толерантной) веры и его институтов в России произошло лишь с образованием Оренбургского магометанского духовного собрания. Оно вошло в общую систему государственных учреждений Российской империи. 25 июля 1810 г. было создано Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, в состав которого вошло и Духовное собрание.

При создании мусульманской управленческой структуры российское правительство преследовало ряд задач. Прежде всего оно хотело взять под свой контроль всех служителей исламского культа и использовать их при проведении своей политики среди мусульманского населения как внутри России, так и за ее пределами. В то же время государство поставило законодательные барьеры по пресечению усиления роли Духовного собрания в общественной жизни тюркских народов. Уже в конце XVIII в. были созданы надежные механизмы для надзора за деятельностью Оренбургского магометанского духовного собрания, выражавшиеся в двойном подчинении его местной администрации и центральному правительству

БАШКИРСКИЕ ДЕПУТАТЫ В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ 1767-1768 гг.

Выборы депутатов и составление наказов

Уложенная комиссия, созванная в 1767 г. и работавшая в своем полном составе — в виде «большого собрания» депутатов до начала 1769 г., составляет одну из примечательных страниц российской политической истории второй половины XVIII в. Созыв и непродолжительная работа этого представительного учреждения оставили своеобразный

след в истории общественно-политической жизни российских регионов, в том числе Башкортостана.

Комиссия должна была подготовить новый свод общегосударственных законов взамен устаревшего Соборного уложения 1649 г. Ей предстояло осуществить кодификацию - переработку и сведение в единый кодекс — накопившегося за вторую половину XVII-XVIII в. обширного и запутанного российского законодательства [об особенностях организации, составе, деятельности и итогах работы Уложенной комиссии 1767-1768 гг. см.: *Соловьев,* 1965. Кн. 14; *Флоровский,* 1915; *Белявский,* 1965; *Омельченко,* 1993 и другие работы]. По решению Екатерины II к работе в комиссии были привлечены депутаты от различных сословных и национально-сословных групп Российского государства (кроме крепостных крестьян). Эти депутаты должны были составить некое подобие парламента, который, впрочем, оставался под жестким контролем правительственных чиновников и не имел реальных законодательных прав. Помимо пропагандистских и демагогических целей, создание такого парламента рассматривалось как способ собрать сведения о положении дел в стране. Всем депутатам предписывалось получить от избирателей наказы, содержание которых предполагалось учесть при составлении кодекса законов.

О предстоящем созыве Уложенной комиссии было объявлено в манифесте Екатерины II от 14 декабря 1766 г., этим же манифестом устанавливался и порядок проведения выборов сословных представителей [*Полное...* 1830. Т. XVII. № 12801. С. 1092-1110]. Депутаты должны были избираться: 1) от центральных правительственных учреждений (Сенат, Синод, коллегии) - по депутату от каждого учреждения; 2) от дворян — по депутату от уезда;
3) от городских жителей - по депутату от города;
4) от государственных крестьян, однодворцев, пахотных и отставных солдат, казаков, некочующих «инородцев» крещеных и некрещеных — по депутату от провинции от каждой из этих групп и от каждого народа.

Выборы у дворян и горожан были прямые, у дворян они проходили под началом избираемого из их среды предводителя; у горожан аналогичную роль выполнял городской голова. Предписывалось использовать процедуру баллотирования — голосования шариками за или против по кандидатуре каждого из присутствовавших на избирательном собрании. Последнее требование делало процедуру выборов крайне громоздкой и утомительной, поэтому есть основания предполагать, что в каких-то случаях баллотирование осуществлялось не по каждому из присутствующих, а по отдельным заранее намеченным кандидатам. Баллотирование должно было обеспечить тайну голосования — ящик накрывался сукном, и собравшиеся не видели, в какой из двух отсеков ящика голосующий бросает шарик.

У государственных крестьян и других непривилегированных групп сельского населения выборы должны были проводиться под контролем местных начальников, то есть провинциальных и уездных воевод. При этом процесс выборов включал три этапа: избрание погостного поверенного*; погостные поверенные избирали из своей среды уездного поверенного; в провинциальном городе уездные поверенные выбирали из своей среды депутата. Способ голосования определялся избирателями (баллотированием или по жребию).

Манифест от 14 декабря 1766 г. был получен в Оренбургской губернии лишь в конце января 1767 г. В Уфу 150 печатных экземпляров манифеста были доставлены 29 января 1767 г. Часть печатных экземпляров подлежала рассылке башкирским, мишарским и тептярским старшинам *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3379. Л 5 февраля уфимский воевода И.В. Спиридов получил копию определения оренбургского губернатора А.А. Путятина от 25 января о порядке проведения выборов в губернии *[Там же.* Л. 30—32 об., 35-36 об.]. В определении губернатор указывал, от каких групп населения следует избрать депутатов, давал предписания уфимскому, исетскому, ставропольскому и бугульминскому воеводам о порядке проведения выборов, распоряжения о выборах по Оренбургской провинции. Особые разъяснения касались выборов у «иноверцев». Первичные выборы у них следовало провести «по волостям или по командам чрез старшин их, сотников и других первенствующих над ними, однако ж со общаго народскаго согласия, а лутче б было, ежели б в те поверенныя выбраны были из старшин и сотников и других первенствующих над ними людей, которыя лутче б употребит[ь]ся могли, нежели как ис подлых...» Провинциальным канцеляриям надлежало послать в волости и команды нарочных, под контролем которых и должны были проходить первичные выборы. Губернатор предписал использовать процедуру баллотирования на всех этапах выборов у «иноверцев», в том числе и на первичном: «...чрез

* Погостом у русских крестьян ряда регионов называлась административно-территориальная единица низшего уровня, примерно соответствовавшая волости или команде старшины у башкир.

шарики выбор им делать имеет быть гораздо конфузно и затруднительно, однако ж и вышеписанное учинить велеть им показать и научать тем посланным». Особо подчеркивалось, что выбор «надлежит учинить со общаго их согласия, кого в поверенныя народ, а в депутаты поверенныя выберут» *[Там же.* Л. 32-32 об.].

Для проведения первичных выборов уфимские власти 12 февраля 1767 г. направили в разные части провинции 7 нарочных: на Казанскую дорогу - отставного коллежского регистратора Д. Дурова, отставного подпоручика А. Русинова, прапорщика А. Аничкова, на Ногайскую дорогу — отставного вахмистра И. Каловского и отставного прапорщика Д. Аничкова, на Осинскую дорогу - отставного прапорщика Ф. Аничкова, на Сибирскую дорогу - прапорщика А. Кинишемцева* *[Там же.* Л. 40-42 об.]. Нарочные получили реестры команд старшин башкир, мишарей и тептярей и деревень государственных крестьян, от которых предстояло избрать поверенных. От каждой команды надлежало выбрать одного поверенного. В наставлении уфимского воеводы нарочным предписывалось по приезде в команду того или иного старшины зачитать перевод манифеста от 14 декабря и указ Уфимской провинциальной канцелярии, объяснить жителям цель выборов и «принудить выбрать им со всего согласия во об[ъ]явленныя поверенные». Любопытно, что в черновике наставления была фраза, затем зачеркнутая: «выбрать из них хорошего состояния из сотников или лутчих людей, а лутче б и самого старшину» *[Там же.* Л. 40 об.]. Избиратели должны были дать поверенным «татарская верющия писма» за своими подписями и тамгами. Помимо «верющего» письма факт избрания поверенного должен был удостоверить рапорт нарочного в провинциальную канцелярию или на имя воеводы. Лица, приехавшие в Уфу с «верющими» письмами и рапортами, вносились в списки явившихся поверенных и допускались к участию в выборах депутатов.

В «Деле о выборах депутатов» по Уфимской провинции сохранилось большое число «верющих» писем (в основном на языке тюрки) и рапортов от нарочных об избрании того или иного поверенного *[Там же.* Л. 103-441]. У башкир, мишарей и тептярей выборы проходили при участии старшин и сотников. В Илкей-Минской волости в момент приезда нарочного старшина Ильчигул Таймасов находился в отлучке, и вахмистру Каловскому пришлось ждать его возвращения, «толко по прошестви трех дней команде в собрани была до 10 человек, коим и манифест прочтен был, но точию они без старшины из своей братьи выбрать в поверенные смелости не имели» *[Там же.* Л. 413]. В рапортах Д. Дурова и А. Русинова в качестве шаблонной фразы присутствует указание на то, что выборы производились «чрез шарики».

О том, как выглядела процедура баллотирования в башкирской деревне, свидетельствует рапорт А. Русинова: «...я поставил две кандейки** и им растолковал, что две кандейки поставил, и написал с их переводом избираю и не избираю, и положил порознь, и велел им всякому от себя зделать жеребейки... и класть в любую, почему ими и зделано было. А когда все уже кладкою те жеребейки в вышеписанные кандейки кончились, то я стал при том старшине, сотнике и той волости стариках считать, то к выбору оных нашлось 114, а не к выбору 8» *[Там же.* Л. 51 об., 55]. Как видно из этого рапорта, баллотирование проводилось только по одной кандидатуре и фактически не было тайным.

Указанный случай голосования имел место в команде старшины Аднагула Темирова Гарейской волости Казанской дороги. Выборы в этой команде закончились скандалом, благодаря чему мы и имеем их описание: «...зделалось в том выборе великое смятение и несогласие. Одна половина, живущие при старшине всею деревнею, к выбору представляли мне старика, которому от роду лет с 70, на что я им, такъже старшине и сотнику об[ъ]явил, что оной очень стар, а другие показывают на него, мы де ему не верим, да и верит[ь] не в состояни, понеже де он в бывшее башкирское замешание в вой[с]ке находился...»***, — сообщал Русинов. Затем был выдвинут другой кандидат, но и он оказался отвергнут «большей половиной»: «оному де не верим, потому что де у него в Москве есть тяжба с некоторыми обывателми». «На что я им об[ъ]явил, чтоб они представили третьего, то они, взяв сотникова брата за руку, об[ъ]явили мне, вот де депутат состояния добраго. И я всех спросил, все л[ь] вы согласны, и все сказали, что хорош». Далее произошла описанная выше процедура баллотирования. Объявление результатов голосования вызвало недовольство у старшины и группы стариков: «мы де оного не желаем». На вопрос подпоручика Русинова: «зачем, подозрителной ли он человек», - последовал ответ: «мы де за ним подозрения никакова не знаем, а

*^Все эти лица, кроме Д. Дурова, были дворянами.

Кандейка — большая чаша.

«В войске находился» — очевидно, участвовал в подавлении башкирских восстаний 1735—1740 гг.

толко не выбираем, понеже де он грамоте учился и с нами не жил»*. Однако Русинов счел, что раз большинство собравшихся проголосовало за данного человека, то нет смысла проводить новые выборы, и потребовал составления «верющего письма». Когда письмо было написано, «тот старшина волостной печати не давал... Однако я, с великим от него криком и неучтивостию, почти насилием запечатал»** *[Там же.* Л. 51-51 об., 55]. По другим документам известно, что в Уфу в качестве поверенного от команды старшины Аднагула Темирова приехал Халиль Иштеряков *[Там же.* Л. 85 об., 147], Очевидно, он и был «сотниковым братом» - по документам 1747—1760 гг. известен сотник этой же волости и команды Муртаза Иштеряков, житель д. Чуганак (тогда как Аднагул Темиров жил в д. Такта-Алачук) *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 449, 472; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 1. С. 50, 51,187,267; *Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 426].

Всего в реестре явившихся в Уфу поверенных от башкир и тарханов значится 72 чел.; время явки — с 18 февраля по 23 марта 1767 г. *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 85-87 об.]. Помимо реестра имеется еще один документ, в котором перечислены башкирские поверенные. Это документ об избрании старшины Кыркули-Минской волости Ногайской дороги Алибая Мурзагулова поверенным от башкир и тарханов всей провинции, датированный 22 марта. Поверенный от башкир всей провинции - такое название в данном случае получило лицо, аналогичное дворянскому предводителю или городскому голове. Документ скрепили подписями 75 чел. (из них 33 грамотных на тюрки, остальные приложили тамги) *[Там же.* Л. 461 об,—460 (оригинал), 454—455 об. (перевод Ф. Третьякова)]. Из 72 чел., внесенных в реестр, документ от 22 марта подписали 69; нет подписей трех человек, в том числе самого Алибая. Помимо этого, в числе подписавших акт от 22 марта были еще 6 чел., не зарегистрированные в реестре, в том числе старшина (Ямансары Яппаров), сотник, тархан и трое рядовых.

Среди 72 башкирских поверенных было 17 старшин, 2 старшинских помощника, 8 сотников, 1 походный сотник, 1 писарь, 6 мулл, 4 тархана. Остальные 33 чел. внесены в реестр и подписались под документом от 22 марта как рядовые башкиры, хотя, возможно, среди них преобладали баи, родственники старшин и пр. Последние двое поверенных в реестре зарегистрированы как прибывшие 23 марта *[Там же.* Л. 87 об.]. Наказ башкир и тарханов Уфимской провинции на имя депутата Туктамыша Ишбулатова (Ишбулатова) также датирован 23 марта *[Там же.* Л. 469]. Таким образом, есть основания предположить, что выборы депутата состоялись именно в этот день (т. е. на следующий день после избрания предводителя). Рапорт Алибая Мурзагулова об избрании в депутаты старшины Тайнинской волости Осинской дороги Туктамыша Ишбулатова подан уфимскому воеводе 28 марта 1767 г. *[Там же.* Л. 462—462 об.]

Процесс выборов в Уфимской провинции имел свои особенности. Поскольку в провинции деление на уезды отсутствовало, выборы были не трехступенчатыми, как в целом по стране, а двухуровневыми: и погостные (у башкир - волостные или «командные») поверенные непосредственно выбирали депутатов. Другой особенностью было избрание предводителей. По манифесту от 14 декабря 1766 г., избрание предводителя или головы полагалось только у дворян и горожан. Предводитель или головой, избранный дворянским собранием при выборах депутата, вел подсчет голосов, возглавлял комиссию из 5 чел. по составлению наказа и, помимо всего прочего, считался наиболее почетным лицом среди дворян уезда или жителей города *[Полное...* 1830. Т. XVII. № 12801. С. 1096-1100, 1102-1105]. Руководство избирательным собранием у сельских избирателей, по манифесту, находилось в руках воевод («начальников»). Однако в Уфимской провинции предводители были выбраны у большинства сословных групп, в том числе у башкир (предводитель — старшина Алибай Мурзагулов), мишарей, тептярей, государственных крестьян. Возможно, это отступление от манифеста было связано с настойчивостью избирателей (башкирские старшины могли требовать распространения на них процедуры дворянских выборов), либо с нежеланием воеводы осуществлять личное руководство выборами.

У дворян и горожан предводители и головы в последующее время переизбирались каждые два года. У остальных сословных групп Уфимской провинции предводители не переизбирались и тем самым оказались как бы пожизненными. Старшина Алибай Мурзагулов упоминается в качестве предводителя в документах 70-х и даже начала 80-х гг. XVIII в. *[РГАДА.* Ф. 342. Оп. 1. Д. 133. Ч. I. Л. 6; *ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 61 об.; Ф. И-384. Оп. 1.

* Под фразой «грамоте учился и с нами не жил», очевидно, имелось в виду продолжительное обучение в медресе за пределами своей волости.

’ Рапорт А. Русинова воеводе И.В. Спиридову от 24 февраля 1767 г. (получен в Уфе 28 февраля).

Д. 1. Л. 141; *Крестьянская...* 1975. С. 58,135,169, 215, 406].

В Исетской провинции депутатом Уложенной комиссии от башкир, сартов и калмыков был избран старшина Мякотинской, Сынрянской и Шуранской волостей Сибирской дороги Базаргул Юнаев. Упоминаемые в числе его избирателей «сарты»* и «калмыки» составляли немногочисленную группу населения иноэтничного происхождения, которая ко второй половине XVIII в. уже ассимилировалась в башкирской среде и по своему сословному положению также не отличалась от основной массы зауральских башкир. В представлении Базаргула Юнаева в Уложенную комиссию содержалась просьба об отмене особого обозначения сартов и калмыков и о распространении на них единообразного наименования «башкирцы». Об обстоятельствах и особенностях выборов у башкир Зауралья сведений не сохранилось.

При избрании Тукгамыша Ишбулатова в депутаты от башкир и тарханов Уфимской провинции для него были составлены два наказа: наказ от имени всех башкир и тарханов Уфимской провинции из 15 пунктов от 23 марта 1767 г., подписанный Алибаем Мурзагуловым (приложил тамгу) *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 470 об.-469 (оригинал), 463—464 об. (перевод)]; наказ тарханов-тезиков (потомки выходцев из Средней Азии), состоявших в команде старшины Алибая Мурзагулова, от 26 марта 1767 г. Последний имеет подписи сотника Умбекея Аиткулова, Чувашбая Авезеева (его рукой написан арабографичный оригинал) и Алибая Мурзагулова *[Там же.* Л. 468 об.-468 (оригинал), 465-466 (перевод)]. Оба документа вместе с их переводами на русский язык были поданы уфимскому воеводе при рапорте Алибая Мурзагулова 28 марта 1767 г. *[Там же.* Л. 462-462 об. (рапорт на русском языке)]

Наказ от 23 марта 1767 г. содержал следующие требования. В п. 1 башкиры просили подтвердить назначение по одному ахуну на все четыре дороги, разрешить строительство мечетей в каждой деревне, освободить назначаемых ахунами мулл, азанчеев и муджавиров (в переводе: «истолленники») от государственных служб. В п. 2 предлагалось подтвердить право старшин производить третейский суд, а если старшины «не разберут, то б посылать пред ахунов». Составители наказа требовали, чтобы заводчики (и другие «всякого чина люди») платили оброки за самовольно занятые башкирские земли. В п. 5 излагались жалобы на преступников, принимающих крещение с целью избавления от наказания. В п. 6 башкиры просили восстановить платеж ясака и свободную добычу каменной соли у р. Илек. 7-й пункт требовал выдачи башкирам жалованья «на ординарной службе», т. е. при службе на Оренбургской пограничной линии. Здесь же составители наказа поднимали вопрос об освобождении находящихся на линии башкир от повинностей и хозяйственных работ, не связанных непосредственно с военно-пограничной службой. В п. 8 башкирские старшины заявляли о желании иметь писарей из башкир, а не из мишарей. Пункты 12 и 13 касались башкир, которых во время ревизии 1747 г. записали тептярями. Наказ просил освободить их от тептярского 80-копеечного ясака и вернуть в башкирское сословие. В п. 14 излагалось требование не назначать мишарей командирами над башкирами, служащими на пограничных линиях, отменить институт походных старшин и назначать командиров «из настоящих юртовых старшин и сотников поочередно». Здесь же высказывалось пожелание, чтобы башкиры и мишари служили на линиях в разных командах. В заключении (п. 15) говорилось, что депутату позволяется делать дополнения к наказу и подавать просьбы и представления по не затронутым в наказе вопросам. Здесь же сообщалось, что с депутатом послан толмачом башкир Алексей Абдалов.

Авторы и составители большинства наказов депутатам Уложенной комиссии неизвестны, лишь иногда их удается установить по косвенным признакам. Подобного рода косвенные указания имеются относительно наказа башкир Уфимской провинции от 23 марта 1767 г.

Участники избирательного собрания башкир, которыми и должен был составляться этот наказ, зафиксированы в двух документах: документ от 22 марта 1767 г. (подписи поверенных) *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. Д. 3379. Л. 461 об.-460 (арабографичный оригинал)]; реестр поверенных, явившихся в Уфу с 18 февраля по 23 марта *[Там же.* Л. 85—87 об.]. Подписи под документом от 22 марта идут в том же порядке, как и имена поверенных в реестре. Исключений немного и среди них бросается в глаза следующее. Самыми последними под документом 22 марта подписались 5 чел.: башкир Тайнинской волости Гамиль Даутов (в реестре отсутствует), старшина Шарип Кииков (в реестре № 43), сотник Суби-Минской волости Ахмер Курмангулов (№ 65), башкир Сарайли-Минской волости Сюлюк Якупов (в реестре отсутствует) мулла Кумрук-Табынской волости Мурадым Абдрахманов (№ 13) *[Там же.* Л. 460]. Их подписи отличаются от остальных под-

* Сартами назывались среднеазиатские выходцы.

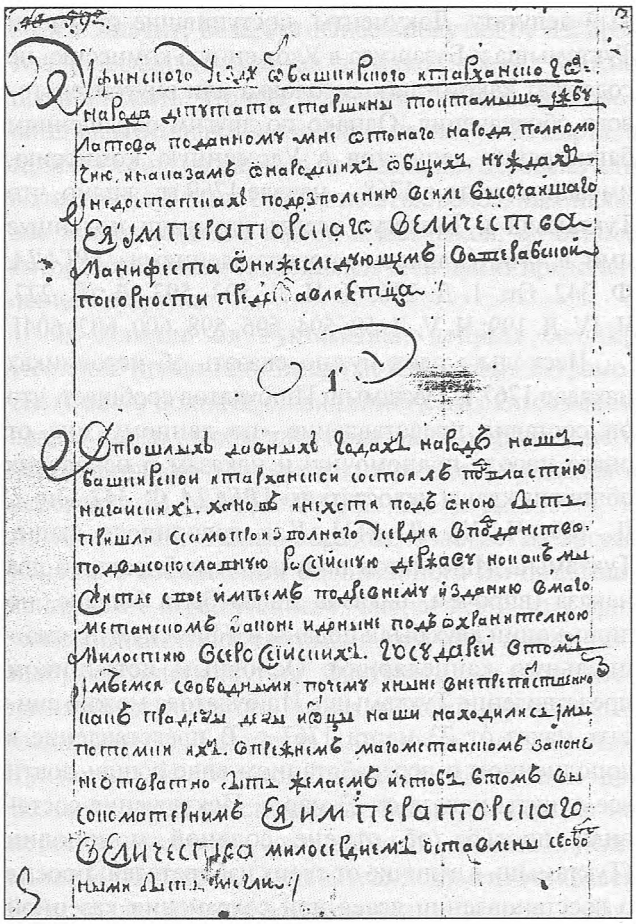

Рис. 31. Наказ башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию. 1767 г. [РГАДА. Ф. 342. Д. 109. Ч. XI. Л. 211]

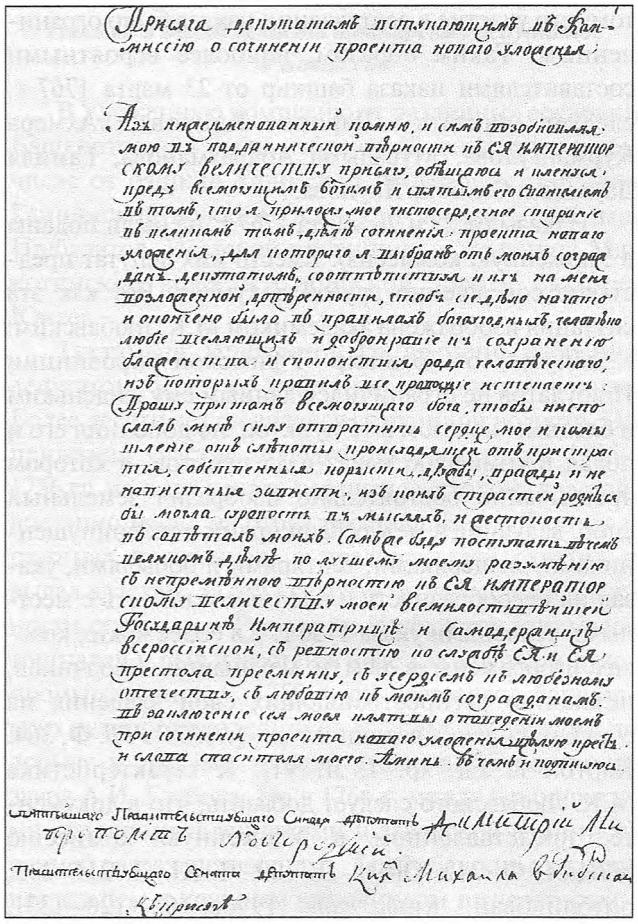

Рис. 32. Присяга депутатам, вступающим в Комиссию о сочинении проекта нового Уложения. 1767 г.

писей под документом. Весь документ и имена подписавшихся написаны одним почерком, сами поверенные либо рисовали тамгу (неграмотные), либо дописывали своим почерком: *«кулум уйдум»* («руку приложил»). Напротив, 5 последних подписей целиком собственноручны, т. е. вся строчка: *«Ыстаршинэ Шәриф Кейек уңлы ҡулум ҡуйдум»* — написана рукой данного человека.

По-видимому, когда последние 5 чел. подписывали документ, писаря уже не было - значит, между подписанием документа основной массой поверенных и последними пятью прошло какое-то время. Из расположения подписей видно, что когда происходило подписание документа основной массой поверенных, Мурадым Абдрахманов и др. ушли с избирательного собрания, а подошли позже. Что заставило этих пятерых грамотных человек удалиться с собрания? Может быть, они и составляли комиссию по сочинению наказа?

Обратим внимание на состав этой группы: 1 старшина, 1 сотник, 1 мулла (будущий старшина*) и 2 рядовых. Сюлюк Якупов назван муллой в «верющем» письме 14 марта 1767 г. *[Там же.* Л. 427 об.], Гамиль Даутов упоминается как мулла в документах 1773-1774 гг. *[Документы...* 1975. С. 456; *Воззвания...* 1988. С. 219]. Таким образом, фактически было 3 муллы. Об участии мулл в составлении провинциального наказа башкир от 23 марта косвенно свидетельствует его содержание: п. 1 посвящен проблемам духовенства.

Манифест от 14 декабря 1766 г. в обязательном порядке предписывал создание комиссии из 5 чел. для составления наказа на дворянских и городских выборах. Если башкиры заимствовали из обряда дворянских выборов избрание предводителя, то наверняка было заимствовано и создание комиссии из 5 чел. Эта комиссия должна была работать под руководством предводителя (у башкир - Алибай Мурзагулов). Однако Алибай был неграмотен, поз-

* Мурадым Абдрахманов назначен старшиной в 1768 г. *[ЦИА РБ.* Ф. И—1. Оп. 1. Д. 3380. Л. 62].

тому его участие в составлении наказа было ограниченным. Таким образом, наиболее вероятными составителями наказа башкир от 23 марта 1767 г. следует считать Шарипа Киикова, Ахмера Курмангулова, Мурадыма Абдрахманова, Гамиля Даутова и Сюлюка Якупова.

Наказы от 23 и 26 марта 1767 г. не были поданы в Уложенную комиссию. Вместо них депутат представил совершенно другой документ. Вот как эта ситуация изображена академиком М.К. Любавским: «...депутат от башкир Уфимской провинции Ишбулатов не ограничился данным ему жиденьким и бледным наказом в 15 пунктов, но дополнил его и подал в комиссию наказ в 35 пунктов, в котором чрезвычайно обстоятельно изобразил земельный спор, ведущийся между башкирами и их припущенниками, мещеряками, тептярями и бобылями, указал на несообразность и несогласованность с местными условиями указа 1736 г. ...в более ярких красках изображены в нем и махинации заводчиков, незаконно распространяющих свои владения на счет башкирских вотчин и т. д.» *[НИОР РГБ*. Ф. 364. Картон 8. Ед. хр. 1. Л. VI]. К характеристике М.К. Любавского следует добавить, что в документе, представленном в Уложенную комиссию *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 211-233; опубликован: *Кулбахтин*, 1996в. С. 120-133], Туктамыш Ишбулатов более подробно изложил религиозные требования, дал обстоятельное описание пограничной службы, отбывания башкирами подводной повинности, проблем, с которыми сталкивались башкиры в своей хозяйственной деятельности. Особое место в документе заняли требования старшинской верхушки.

Похожий по содержанию документ (из 22 пунктов) был представлен в Уложенную комиссию от депутата башкир Исетской провинции Базаргула Юнаева *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 263-272; опубликован: *Кулбахтин*, 1993. Вып. 2. С. 23—35; *Асфандияров*, 2000. С. 118—127].

Относительно названия документов, поданных Туктамышем Ишбулатовым и Базаргулом Юнаевым в Уложенную комиссию, следует заметить, что хотя они и именуются почти во всех исторических и краеведческих работах «наказами» [впервые подробное изложение сведений о «наказах» Туктамыша Ишбулатова и Базаргула Юнаева было дано в кн.: *Ташкин*, 1921. Вып. 1. С. 185 и след.], все же с точки зрения делопроизводственной формы они таковыми не являлись. «Наказ» и во времена Уложенной комиссии, и в современной практике XX-XXI в. - это текст, составляемый избирателями или, по крайней мере, от имени избирателей и адресованный депутату. Документы, поступившие от имени Туктамыша и Базаргула в Уложенную комиссию, не содержат какого-либо заголовка или внутритекстового обозначения. Однако по другим обращениям башкирских депутатов в Уложенную комиссию, имевшим место в 1768 - начале 1769 гг., видно, что Туктамыш и Базаргул всегда называли поданные ими в 1767 г. тексты «представлениями» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 226. Ч. II. Л. 593-593 об.; Д. 227. Ч. IV. Л. 199; Ч. V. Л. 59; 594, 596, 598, 600, 602, 604].

Несколько слов нужно сказать об источниках наказов 1767 г. Туктамыш Ишбулатов сообщает, что он составил представление «по данному мне от онаго народа полномочию и наказам о народских общих нуждах и недостатках» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 211]. Как говорилось выше, Туктамыш Ишбулатов получил от избирателей два наказа (впрочем, наказов могло быть больше, но лишь копии двух были поданы в Уфимскую провинциальную канцелярию). Основным источником представления Туктамыша Ишбулатова можно считать наказ от 23 марта 1767 г. В представление в дополненном и переработанном виде вошли почти все пункты наказа от 23 марта. Исключение составили просьба об отмене соляной монополии (Туктамыш, в отличие от своих избирателей, просил о восстановлении ясака при сохранении казенной продажи соли) и пункты 10-й и 11-й - о наказании за стесывание тамг и о взыскании проестей (возможно, Туктамыш счел эти пункты слишком мелкими).

Туктамыш Ишбулатов владел русским языком и мог выполнять обязанности толмача (устного переводчика) *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 133. Ч. I. Л. 48 об.]. Возможно, он умел читать по-русски — на это обстоятельство косвенно указывают его выступления в Уложенной комиссии в августе и октябре 1767 г. Таким образом, есть все основания полагать, что Туктамыш непосредственно участвовал в составлении текста своего наказа. Кроме депутата, в сочинении текста должны были участвовать толмач Алексей Абдалов, наемный подьячий (или несколько наемных подьячих), вероятно, были и другие лица. Нельзя исключить участия в работе над документом башкирского рудопромышленника Исмагила Тасимова (Тайсимова), находившегося в Москве летом 1767 г. *[РГАДА*. Ф. 248. Д. 3820. Л. 164, 165].

В наказе Базаргула Юнаева содержится более точное указание на источники: «...по силе данных мне от оного народа на татарском писме в разных терминах наказов» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 263]. «Термин» в языке XVIII в. - срок,

время. Значит, Базаргул Юнаев получил от избирателей несколько наказов в разное время. Можно предположить, что ему был вручен небольшой провинциальный наказ наподобие наказа от 23 марта, а также несколько наказов от отдельных деревень или волостей Зауралья. Одним из этих волостных наказов мог быть наказ сартов и калмыков, на основе которого, очевидно, составлен 11-й пункт представления Базаргула.

В отличие от Туктамыша, депутат башкир Исетской провинции Базаргул Юнаев был неграмотен (вместо подписи ставил тамгу), русским языком владел плохо (чтобы дать показания о краже у него денег на одном из московских рынков, нуждался в переводчике) *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 133. Ч. I. Л. 46-50 об.]. Таким образом, участие Базаргула Юнаева в составлении подписанного им представления было ограниченным. Скорее всего, ему прочли сочиненный от его имени документ и учли устные замечания депутата. Фактическими составителями базаргуловского наказа, по всей вероятности, были толмач Базаргула (личность неизвестна), Туктамыш Ишбулатов, Алексей Абдалов и др. Большая часть текста наказа Базаргула похожа на пересказ (местами сокращенный) наказа Туктамыша Ишбулатова. Составитель документа старался избегать дословного заимствования, но есть и совпадающие куски текста. Неясно, писались ли наказы Туктамыша и Базаргула изначально на русском языке, или же у них были оригиналы на тюрки. В последнем случае заимствования из текста Туктамыша Ишбулатова в наказе, поданном от имени Базаргула, должны были происходить как на уровне оригинала, так и на стадии составления окончательного русского текста.

До начала работы Уложенной комиссии новоизбранные депутаты приезжали в Москву и являлись в Сенат, который вместе с некоторыми другими центральными учреждениями находился в тот момент в старой столице. Туктамыш Ишбулатов явился в Сенат 2 июля, Базаргул Юнаев — 6 июля 1767 г. *[Имянной...* 1768. С. 52—53; *Материалы...* 1861. Т. XXXVI. № 12. Приложение. С. 61-62]. В Сенат депутаты должны были сдать полномочия от избирателей и наказы. Таким образом, есть основания предполагать, что работа над наказами башкирских депутатов закончилась к 2-6 июля 1767 г

Наказы и деятельность башкирских депутатов в Комиссии

В Уложенную комиссию от различных сословий Башкортостана были избраны 40 депутатов, в том числе от башкир Уфимской провинции старшина Тайнинской волости Осинской дороги Туктамыш Ишбулатов, Исетской провинции - старшина Мякотинской волости Сибирской дороги Базаргул Юнаев.

Туктамыш Ишбулатов ко времени избрания депутатом был уже известной личностью в крае. Более десяти лет он являлся старшиной волости. Он принимал участие в подготовке восстания 1755—1756 гг, но в его начале перешел на сторону властей, внезапно напал на отряд восставших у д. Тюнгак и разогнал повстанцев, а предводителей схватил и выдал властям. За эту «заслугу» он удостоился должности старшины. Туктамыш Ишбулатов занимался торговлей и был известен в крае как крупный рудопромышленник. С 1759 г. он возглавлял башкирских рудопромышленников Тайнинской волости по добыче и доставке медной руды на Шермяитский завод А.И. Глебова. Но в 1766 г. между башкирскими рудопромышленниками и заводской администрацией разразился скандал. Тяжбу башкир с заводовладельцем и крупным чиновником императорского двора Глебовым возглавил и выиграл Туктамыш Ишбулатов, чем приобрел большую популярность среди башкир. Избранию его депутатом способствовало и то, что Ишбулатов был образованным человеком, владел русским языком и старотюркским письмом* (тюрки).

От башкир и тарханов Уфимской и Исетской провинций было написано два наказа в Комиссию. Наказ башкир Уфимской провинции составлен Туктамышем Ишбулатовым, Исетской провинции — Базаргулом Юнаевым.

Наказ башкир и тарханов Уфимской провинции представляет собой объемистый свод жалоб и требований, изложенных на 45 листах и состоит из 35 пунктов. Наказ башкир Исетской провинции написан на 19 листах, состоит из 22 пунктов *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 211-223, 263-272]. Туктамыш Ишбулатов наказ подписал старотюркским письмом. Эрудиция и образованность Туктамыша Ишбулатова отражаются в содержании наказа. Наказ написан с использованием российских законов, с историческими экскурсами. Требования аргументированы императорскими и сенатскими указами и другими документами *[Сборник*...

* На русском языке выступил на Большом собрании Уложенной комисии *[Белявский*, С. 117—141].

1869. Т. IV. С. 92,106; *Сборник*... 1871. Т. VIII. С. 114; *Белявский*. С. 363].

При составлении наказа башкир Исетской провинции Базаргул Юнаев также показал себя знатоком социально-экономического и политико-правового положения зауральских башкир. Хотя Базаргул Юнаев не владел грамотой и в конце наказа вместо подписи поставил тамгу, в кратких и четко изложенных статьях получил отражение его природный ум и житейская мудрость.

Внимательное изучение башкирских наказов, их сопоставительный анализ позволяют предположить, что они обсуждались на йыйынах (съездах), а на время их составления депутаты и их поверенные поддерживали тесную связь между собой. В наказе башкир Исетской провинции заметно влияние наказа башкир Уфимской провинции *[Васильев,* 2000в. С. 182-183].

Самым злободневным и острым в 50—60-х гг. XVIII в. в крае был вопрос о земле. К середине 60-х гг. под заводы, крепости и дворянские владения было изъято около трети всех земель Башкортостана *[Кулбахтин,* 1984. С. 24—25]. Продолжался массовый захват башкирских земель, оформлялись фальшивые договорные письма на покупку земель по баснословно низким ценам. Отмена ясака в глазах русских дворян символизировала отмену вотчинных земельных прав башкир. Поэтому в своих наказах башкиры просили восстановления ясака даже при сохранении казенной соляной монополии. Об этом говорит 21-я статья наказа башкир Исетской провинции: «Напред сего наш башкирский Исетской провинции народ равно с уфимскими башкирцами довольствовался солью, не покупая ис казны, а для своих расходов добывая оную в степных местах привозили сами собою. А потом в 759-м году по доношениям нашего башкирского народа старшины по указу Правительствующего Сената велено нашему народу соль покупать ис казны, а вместо того имеющиеся на нашем народе ясак, который мы издревле в казну Его императорского величества со вступления в Российскую державу платили, снять и платить нам не велено... Того ради прошу, дабы нашему башкирскому народу оной ясак, который издревле народ наш в казну Его императорского величества платил, повелеть по усердному оного желанию приносить по прежним ясачным книгам, что с которой волости прежде плачивано было, то есть медового, лисьего и куньего деньгами, который имеют народа нашего старшины, повсягодно в правинцы платить по прежним примерам, то есть за какие владени порознь, а что принадлежит до покупки ис казны Его императорского величества соли, то в том наш башкирский народ и ныне обязан, дабы в казне Ея императорского величества умножалось от верноподданных рабов интересное приращение и польза» *[РГАДА.* Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 271.]. Как видно из данной статьи наказа, башкиры Зауралья под видом заботы о казне государства ставили вопрос об укреплении своих вотчинных прав на землю.

Защищая вотчинные права на свою землю, башкиры в наказах требовали прекратить расхищение земель дворянами, чиновниками, заводовладельцами и пришлыми нерусскими народами Среднего Поволжья, которые под разными предлогами захватывали башкирские земли, ссылаясь на разрешение губернатора заселять так называемые «пустующие» земли. Башкиры в своих наказах заявляли, что эти земли никогда пустующими не были. Они просили, «...чтоб ныне о исполнении по тому указу Уфимской провинции подтверждение было учинено и от насилия разными людьми земель наш башкирский народ был защищен, ибо от такого насилия наш башкирский народ приходит в самое последнее истощение» *[Там же.* Л. 221 об.].

В своих наказах башкиры ходатайствовали об ограждении их вотчинных земель от самовольных захватов заводчиками: «И хотя под оные заводы и земли от нас, башкирцов, видя их, заводчиков, приступающих к насильному оных владению, за договорами некоторая часть уступлена, но они не почитаясь довольными и видя наш башкирский народ безгласной, большие окружности захватя к тем заводам, присвоили насильно и оными владеют, не допуская нас, настоящих владельцов... Того ради просим, дабы наш бедный башкирский народ от такого напрасного притеснения или разорения защитить и заводчиков от такого усилия воздержать и излишнего сверх договоров при уступке от нашего народа землю нам возвратить, да и в той настоящей окружности дельные борти со пчелами, безо пчел и другие угоди, которые от нас при договорах выговорены к своему владению, рубить им, заводчикам, и владеть запретить, так же и в прочем, что от нашего народа в договоре не было, насильствовать не велеть» *[Там же.* Л. 269 об., 270].

О злоупотреблениях при составлении договорных записей говорилось в 28-й статье наказа башкир Уфимской провинции: «...Да и записи пишут многие обманством, ибо договоры чинят по назначенным межам и урочищам, а при написании записей те заводчики через происки свои включают совсем другие межи, захватывая против договоров по всей угодности больше, ис чего наш народ, будучи безгласной, остается обиженным...» *[Там же.* Л. 229].

Сохранение вотчинных прав башкир на землю должно было защищать их владения от захвата припущенниками. В своих наказах они просили подтверждения вотчинных прав новыми грамотами: «Просим, чтоб Ея императорское величество повелеть соизволила те наши земли с угоди издревле во владение прапрадедов наших стоящих подтвердить за нами во владении по грамотам. А другие хотя оные и не имеют по незнанию нашего народа, но владели оными по ясачным книгам изстари, которые и почитаны были за нами яко владельцами и насилия б и утеснения во оных ни от кого нам чинено не было. И в том просим Ея императорского величества подтвердительного всемилостивейшего указа», - гласит 18-я статья наказа башкир Уфимской провинции *[Там же.* Л. 220-221].

Об этом говорится и в 20-й статье наказа башкир Исетской провинции: «На наших башкирских землях имеются с давних лет по припуску нашего народа поселенные мещеряки и ясачные татары, которые нашему народу по добровольным договорам за то население и оброки платили, а ныне оных уже не платят. Просим, чтоб им, мещерякам и ясачным татарам, жительствующим на наших землях, которые в ведомстве Исетской провинции состоят, повелеть нам, против прежних договоров оброки платить, как таковых мещеряков и ясачных татар и в Уфимской провинции на башкирских землях в поселении имеется довольно, но они, мещеряки и ясачные татары самыми лучшими местами наших вотчин, чтоб платить нам оброки, завладев, а наш безгласной народ ныне от них яко от пришельцев претерпевает в платеже тех денег огорчение и досаду» *[Там же.* Л. 270 об.—271]. Наказ сообщал, что мишари и служилые татары стали самовольно переселяться на новые места и «с того 1736 г. на третье или четвертое место уже переезжают» *[Там же.* Л. 205 об., 228 об.-229].

В первой статье своего наказа уфимские дворяне жаловались, что вблизи их имений имеются бортные угодья и рыбные ловли башкир. Сославшись на отмену ясака с башкир, они требовали, «чтоб поведено было, бортные угожья, также и рыбная ловли и прочие угодия от башкирцев отреша, а состоящия в казне, розданы из оброка, просим отдать по дачам дворянам» *[Сборник...* 1894. Т. XCIII. С. 8]. Смоленские шляхтичи концентрировали внимание на бортных угодьях и рыбных ловлях башкир Байлярской волости, которые они отдают под оброк белопахотным казакам, отставным солдатам и драгунам. «И об оном просит, — наказывали шляхтичи своему депутату секунд-майору Е.К. Тихановскому; — дабы имеющиеся в отводах и в дачах наших рыбныя ловли и бортевые угожия отданы были нам из положенного оброка впредь без перекупки» *[Там же.* С. 13—14]. Служилые татары Ичкинских юрт Исетской провинции писали: «Которая нам пожалована Ея величества земля, но из оной смежные поселенная слободские крестьяне и башкирцы в наших дачах угодьями, то есть, из озер и речек ловлением рыб довольствуются и тем приченяют нам крайние обиды. Просить же о том, чтоб поведено было таковым в нашем отводе довольствующимся людям, яко то крестьянам и башкирцам запретить, а довольствоваться нам, выше писанным, одним» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч.Х1. Л. 206].

Башкирскими рыбными ловлями и другими угодьями стремились завладеть дворцовые крестьяне и помещики, ссылавшиеся на положения указа 1736 г. о безоброчном владении вотчинными землями башкир, участвовавших в восстаниях 30-40-х гг. XVIII в. В ответ на это башкиры требовали, «...чтоб о том мы высочайшим Ея императорского величества милосердием от тех обид были защищены и учинено было рассмотрение и оные б земли возвращены были и мы б в том были удовольствованы...» *[Там же.* Л. 230].

На башкирские земли претендовали и уфимские купцы. В ответ на такие требования, изложенные на заседаниях Большого собрания Уложенной комиссии Подъячевым, с резким и решительным отпором выступил Туктамыш Ишбулатов, заявив, что у башкир нет лишних земель для отрезания купцам. «Наши земли и без того разграблены, — заявил он, - земли не хватает самим башкирам» *[Там же.* Л. 205 об., 206].

Таким образом, земельный вопрос был центральным в наказах башкир, русских дворян, заводовладельцев, чиновников и крестьян.

Другой острой проблемой в наказах депутатов Башкортостана был рост фискального гнета. Указ 1754 г. о замене ясака казенной монополией на соль не только вызвал тревогу башкир за сохранение вотчинных прав на землю, но и привел к резкому росту денежных налогов с башкир, мишарей, служилых татар. Башкирам запретили брать соль с озер, а заставляли покупать их по утроенной цене у казны. Это давало казне больше дохода, чем ясак. Мишари и татары, как и башкиры, в своих наказах указывали на рост налогов и требовали возврата пятигривенного ясака. Жаловались на рост налогового гнета представители других нерусских народов края и русские крестьяне *[Там же.* Л. 205 об, 206 об., 219 об.].

В наказах указывалось на появление в последние годы других видов налогов. В частности, башкиры и мишари жаловались на конскую пошлину.

В 21-й статье наказа башкир Уфимской провинции говорилось: «При прежних Его императорского величества великих государях и царях и доныне свободным наш башкирский народ оставался от платежа в домах с продажи и мены конских пошлин и со всякого скота и товаров, которые у нашего народа от своих промыслов добывался. Просим, чтоб наш башкирский народ и ныне с тою выгодою был оставлен...» *[Там же.* Л. 222 об.]. Требовали отмены конской пошлины также ясачные марийцы и удмурты, мишари Исетской провинции, служилые татары Ичкинских и Усть-Багаряцких юрт, ясачные татары Уфимской провинции. Мишари, служилые и ясачные татары жаловались на пошлину со свадьбы, рыбной ловли и на оброк с мельницы *[Там же.* Л. 200, 205 об., 208 об.].

С развитием земледелия башкиры сами начали строить мельницы-мутовки, а в земледельческой зоне - колесчатые мельницы. Однако за мельницу назначался оброк. «Просим, — говорится в 14-й статье наказа башкир Уфимской провинции, — дабы с высочайшей Ея императорского величества милости не поведено ль будет оной мелничной оброк с нас башкирцов снять и вперед в построении нам мельниц-мутовок и колесчатых не воспрещать и содержать безоброчно». Такую же просьбу находим в 7-й статье наказа башкир Исетской провинции *[Там же.* Л. 218 об., 265 об.].

Башкиры несли убытки от купцов-ростовщиков, которые давали им деньги в долг и под большие проценты. Иногда ростовщики по тем же векселям, не выдавая их башкирам на руки, через суд обманно требовали уплатить по второму разу. Поэтому башкиры справедливо требовали «...всемилостивейшего Ея императорского величества Указ, чтоб башкирский народ в случае займа денег и других сделок от купечества и ни от кого векселями был не обязан» *[Там же.* Л. 216 об.].

Тяжелым бременем для башкир, мишарей и служилых татар была линейная служба, а для остававшихся дома — подводная служба. Если в первой половине XVIII в. на линейную службу каждое лето наряжали 1 500 башкир, то в 60-х гг. нормой стало 2 500, из расчета по 1 чел. с каждого двора. В наказах башкиры обеих провинций жаловались на тяжесть этих повинностей. Так, башкиры Исетской провинции писали в Уложенную комиссию, что они ежегодно направляют «на Уйскую линию для разъездов и посылок человек по 500, а иногда и более, и оную отправляли без всякого казенного содержания, а единственно своим коштом». Поэтому они требовали уплаты жалования, хлебного провианта и выдачи фуража. Мишари и служилые татары также писали, что с них людей берут «в два раза больше прежнего» *[Там же.* Л. 197-200, 221 об.-222, 238, 256]. Все они несли службу за свой счет, «каждый о двуконь», со своим снаряжением, без жалования, часто переносили обиды со стороны русских офицеров.

В наказах башкир Уфимской провинции имелась просьба разрешить держать у себя «пришлых с других уездов разного звания и разных законов людей по пашпортам. Нанятых же в работу иноверцев требуется иметь без записей, по партикулярным письмам с свидетелями» *[Там же.* Л. 231 об.]. Такую же систему они требовали ввести и в долговых делах. Эти пункты наказа были введены по требованию старшин, стремившихся иметь крепостных или кабально зависимых из нерусских припущенников или русских крестьян. Трудовые массы боялись долговой кабалы со стороны русских дворян, башкирских и мишарских старшин, но особенно заводовладельцев. Эту тревогу четко выразили в своем наказе мирские люди нерусских припущенников четырех дорог Уфимской провинции. Они писали, что заводчики Твердышев и Мясников притесняют их излишней работой в противность заключенного договора, что они опасаются стать их крепостными крестьянами и просили переселить их на другие свободные угодья башкирских земель *[Там же.* Л. 16]. Наказ был прочитан депутатом Иваном Андреевым (Бакаем), на заседании Большого собрания.

После организации Оренбургской экспедиции правительство берет курс на христианизацию башкир и другого мусульманского населения Башкортостана. Подобная политика вызывала серьезное недовольство последних. Об этом свидетельствуют материалы наказов. В них башкиры требовали, чтобы власти не ограничивали их религию, не запрещали строительство мечетей, не мешали отправлению религиозных обрядов; добивались, чтобы мусульманские духовные лица имели такие же права, что и христианские священники, специально подчеркивали, что отправление религиозных обрядов мусульманами края не мешает деятельности христианских церквей и христианского населения, давали советы по налаживанию возникающих вопросов: «Ежели с нашего башкирского народа хотя и добровольно кто воспримет христианской закон, тех поведено б было, отлучая от нас, селить обще с русскими, а ежели кто от воровства избывая наказания крестится, таковых поведено б было отсылать в дальние места... чтоб они, будучи близ наших или своих жительств, не отваживались к содержанию прежняго закона, а вновь принятого к нарушению и либо по каким злобам притеснения и

приметок нашему народу не причиняли» *[Там же.* Л. 211].

Представляет большой интерес 1-я статья наказа башкир Уфимской провинции, где обстоятельно доказывается законность прав на сохранение своего вероисповедания (мусульманской религии): «В прошлых давних годах народ наш башкирской и тарханской состоял под властью нагайских ханов и, не хотя под оною быть, пришли с самопроизвольного усердия в подданство под высокославную Российскую державу. Но как мы житье свое имеем по древнему изданию в магометанском законе и доныне под охранительную милостию всероссийских государей в том имеемся свободными, почему и ныне в непрепятственном как прадеды, деды и отцы наши находились, и мы потомки их в прежнем магометанском законе не отвратно быть желаем и чтоб в том высокоматерним Ея императорского величества милосердием оставлены свободными быть могли» *[Там же.* Л. 211].

Далее в наказе говорится, что башкиры как верноподданные Российского государства просят, чтобы императрица сохранила впредь все их права, в том числе религиозные: «...чтоб мы, потомки башкирского рода яко верные рабы под Ея Императорского величества высокодержавною властию оставлены были при тех выгодах, чтоб мечети наши, где мы по закону своему приносим молитву всевышнему богу о всех благодеяниях роду человеческому, якоже и о здравии Ея Императорского величества всепресветлейшей и милостивейшей государыни остались как преж построенныя на своих правах да и вновь дозволено б было в жительствах наших башкирских, где пожелаем, своим коштом и иждивением без возбранно строить и с чего никаких неполезностей и никакого христианскому закону помешательства и соблазна быть не может» *[Там же.* Л. 212]. Аналогичные требования выдвигали в своих наказах мишари, служилые и ясачные татары обеих провинций *[Там же.* Л. 213 об.].

Башкиры были недовольны также состоянием судебной системы. Спорные их дела решались в провинциальных канцеляриях, тянулись на месяцы и годы, сопровождались злоупотреблениями, вымогательствами, оскорблениями этнического и религиозного характера. На участников тяжб накладывались штрафы. Кроме того, башкиры плохо знали русский язык, на котором велся суд, и российские законы. Все это превращало судопроизводство для башкир в крайне нежелательный способ решения спорных дел. Неслучайно в 6-й статье наказа башкир Уфимской провинции содержится просьба разрешить в случае согласия сторон спорные дела передать для рассмотрения в третейские суды *[Там же.* Л. 212-213].

В наказах башкир нашли отражение их взаимоотношения с русскими и нерусскими крестьянами-переселенцами. Их интересы главным образом сталкивались по земельному вопросу. Массовая крестьянская колонизация, начавшаяся в 40-х гг. XVIII в., привела к значительному изъятию башкирских земель. К тому же, ссылаясь на указ от 11 февраля 1736 г., крестьяне-переселенцы отказывались платить оброк за пользование землей. В своих челобитных в 40-60-х гг. башкиры-вотчинники жаловались на то, что мишари, татары, другие нерусские переселенцы, русские крестьяне самовольно заселяли их вотчинные земли. Это получило свое отражение в наказах башкир в Уложенную комисиию.

Башкиры Исетской провинции в 20-й статье наказа писали: «На наших башкирских землях имеются из давних лет по припуску нашего народа поселенные мещеряки и ясачные татары, которые нашему народу по добровольным договорам за то поселение и оброки платили, а ныне оных уже не платят. Просим, чтоб им, мещерякам и ясачным татарам, жительствующим на наших башкирских землях, которые в ведомстве Исетской провинции состоят, повелеть нам против прежних договоров оброки платить. Как таковых мещеряков и ясачных татар и в Уфимской провинции на башкирских землях в поселении имеется довольно...» *[Там же.* Л. 270 об.]. Аналогичны были и требования башкир Уфимской провинции.

Работа Уложенной комиссии началась в Москве 30 июля 1767 г. В Успенском соборе Московского Кремля прошли богослужение и приведение депутатов к присяге в присутствии императрицы Екатерины II. Неправославные депутаты, в их числе и депутаты от башкир, на литургию не были допущены и ожидали ее окончания во дворе Кремля.

31 июля 1767 г. в Грановитой палате Кремля состоялось первое заседание Большого собрания Уложенной Комиссии. 3 августа на втором заседании Собрания был избран маршал (председатель) Комиссии, костромской депутат генерал-аншеф А.И. Бибиков.

С целью привлечения внимания Уложенной комиссии к нуждам своих избирателей и обсуждению их требований депутаты подавали «Дополнения» к наказам.

Туктамышем Ишбулатовым и Базаргулом Юнаевым совместно были составлены три «Дополнения», посвященные земельному вопросу. Депутаты требовали сохранения в неприкосновенности башкирских вотчинных земель, обращали внимание

на земельные отношения башкир с припугценниками, помещиками и заводчиками. В своем первом «Дополнении» они выступили против предложения, сделанного губернатором Оренбургской губернии князем А.А. Путятиным, о разрешении дворянам покупать земли у отдельных башкир. Депутаты доказывали, что вотчинные земли принадлежат не отдельным башкирам, а всей башкирской волости, и поэтому ни один башкир не вправе продавать или отдавать «из оброку» землю без общего согласия всех башкир волости. Они требовали отмежевывать башкирские земли от прочих владельцев «по прежним ... владениям волостями, а не по фамилиям, как в некоторых ... господина губернатора учреждениях к отнятию земель и притеснения жительств наших полагается» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. III. Л. 15-16].

Во втором «Дополнении» Туктамыш Ишбулатов и Базаргул Юнаев выражали недовольство тем, что поселившиеся на башкирских вотчинных землях на условиях припуска чуваши, марийцы, татары и мишари не платят оброка за пользование землями и угодьями. Они требовали «пришлых из разных мест людей... которые никакого за землю оброка не платят, перевести для поселения на те земли, которые лежат по левую сторону...». Ново-Московской дороги. Земли, расположенные по правую сторону Ново-Московской дороги, башкирские депутаты просили «никому во владение не отдавать, и на оных не селиться». Тем же, кто уже поселился на башкирских вотчинных землях, предлагалось далее свои владения не распространять *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. IV. Л. 199-200 об.].

В третьем «Дополнении» башкирские депутаты сообщали, что на вотчинных башкирских землях построено много казенных и частных заводов, причем отвод земель и угодий под заводы зачастую совершался без договора с владельцами земель и без уплаты им денег. Они требовали составить договоры об уступке земель и угодий под частные заводы и ежегодно производить платежи денег владельцам земли. В то же время депутаты отказывались от земли и угодий, занятых казенными заводами. Кроме того, они просили дозволить «всем башкирцам на своих землях... руды приискивать» и поставлять их на казенные и частные заводы за «указную плату» *[РГАДА*. Ф. 342. Оп. 1. Д. 227. Ч. V. Л. 5960 об.].

Судьбу всех депутатов Уложенной комиссии после завершения их работы в Большом собрании трудно проследить. Но некоторые депутаты оставили след в истории края и после прекращения работы Уложенной комиссии.

Работа в Уложенной комиссии была хорошей школой в утверждении социальной позиции депутатов. Глубокое понимание проблем и тягот местного населения, большой авторитет у населения края предопределили видную роль ряда депутатов в Крестьянской войне: они возглавляли крупные соединения повстанцев.

Документы сохранили сведения о 10 депутатах, принявших участие в Крестьянской войне. Среди них оба башкирских депутата Базаргул Юнаев и Туктамыш Ишбулатов, Абдузелиль Максютов (от мишарей и служилых татар Уфимской провинции), И. Андреев (от новокрещен Уфимской провинции), Т.И. Подуров (от казаков Оренбургского казачьего войска), А.Г. Стариков (от государственных крестьян Уфимской провинции) и др. *[Гвоздикова,* 2003. С. 58-80].

Таким образом, башкиры Уфимской и Исетской провинций в своих наказах поднимали насущные жизненные вопросы - сохранение вотчинных земель и других угодий, мусульманской религии, ограничение государственных налогов и повинностей, произвола и насилия местных царских властей в управлении и суде, регулирование взаимоотношений с крестьянами-переселенцами. Они надеялись, что Уложенная комиссия разрешит эти проблемы. Однако последняя не оправдала их надежды. Комиссия, в которой подавляющее большинство составляли дворяне, чиновники и городские верхи (76% всех депутатов), не собиралась серьезно заниматься улучшением жизни населения страны. Основную свою задачу она видела в укреплении дворянской империи во главе с Екатериной II. Тем не менее публичное обсуждение в Комиссии наказов башкир имело определенный резонанс, особенно у депутатов из других сословий Башкортостана - дворянских, купеческих, крестьян-переселенцев в частности, что им не удастся поживиться за счет земельных владений коренного населения.

Выборы депутатов, составление наказов, участие башкирских депутатов в работе Уложенной комиссии - важном государственно органе Российской империи, — все это стало крупным событием социально-политической жизни башкирского народа второй половины XVIII в. Оно содействовало консолидации народа. Все перечисленные события ускорили разработку общенационального мнения по основным вопросам дальнейшего его исторического существования. Потеряв надежду на правительство Екатерины II, башкиры стали думать о других путях борьбы за улучшение жизни. Массовое участие в Крестьянской войне 1773-1775 гг. было новой крупной попыткой башкирского народа в этом направлении.

БАШКИРЫ В ВОЙНАХ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в*

УЧАСТИЕ БАШКИР В СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЕ 1756-1763 гг.

Прусский король Фридрих II, продолжая политику своих предшественников, направленную на присоединение к королевству немецких земель, в том числе входивших в состав соседних государств, с 40-х гг. XVIII в. начал экспансионистскую политику в Центральной Европе. В результате двух Силезских войн (1740-1742 гг., 1744-1745 гг.) к Пруссии отошла австрийская Силезия, что значительно укрепило экономику королевства и увеличило численность населения вдвое. За 15 лет Фридрих II создал одну из самых лучших европейских армий, доведя ее численность к 1756 г. до 180 тыс. чел., а также обеспечил большие воинские запасы *[Коробков,* 1940. С. 53, 54; *Очерки...* 2004. С. 184—185]. Проводя сложную дипломатическую игру, Фридрих II в январе 1756 г. подписал союзный договор с Англией, нарушив прежние союзные соглашения с Францией и Россией. Ответом на это явилось создание в том же году коалиции крупнейших государств Европы - Австрии, Франции и России, направленной против Пруссии.

Осенью 1756 г. Фридрих II захватил Саксонию. Это положило начало Семилетней войне (1756—1763) с участием большинства европейских государств. Военные действия Пруссии вызвали беспокойство российского правительства, опасавшегося, что после укрепления границ королевства с Австрией Фридрих II начнет наступление на восток, в Прусскую провинцию. Для Пруссии эта провинция могла стать плацдармом для военных действий против российской Прибалтики. Петербург принял решение о вступлении в войну и формировании армии.

По указу императрицы Елизаветы Петровны 9 октября 1756 г. главнокомандующим армией был назначен генерал-фельдмаршал С.Ф. Апраксин. Мощная армия, созданная Петром I в последние годы царствования, за прошедшие десятилетия утратила «не только военную гибкость, но и военную готовность». Расположенные на постоянных квартирах полки оказались негодными для немедленного действия *[Платонов,* 1996. С. 666]. Апраксину пришлось готовить армию к войне в течение девяти месяцев. Руководство стратегическими операциями и военными действиями императрица возложила на Конференцию при Высочайшем дворе. На практике оказалось, что рескрипты Конференции зачастую ограничивали и сдерживали действия главнокомандующего.

При подготовке к войне с Пруссией особое внимание обращалось на комплектование легких войск, способных действовать в любой местности, вести разведку, совершать набеги на неприятеля небольшими отрядами. Весной 1756 г. Сенат, в соответствии с протоколами Конференции от 4 и 6 апреля, поручил Военной коллегии «нарядить и в Украину вывесть 2 000 вооруженных мещеряков и башкирцев» и при этом «жалованье, правиант и протчее производить им равное против донских, находящихся в командировании, казаков» *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 491-492]. В мае 2-тысячный отряд находился в готовности, но в ожидании распоряжений о выступлении был распущен.

13 сентября оренбургскому губернатору И.И. Неплюеву доставили указ Военной коллегии о срочном отправлении в Лифляндию 500 башкир и 500 мишарей. Все они «неотменно чрез 24 часа собраны к походу вооруженные и конные, во всякую исправность приведены и без малейшаго умедления» должны быть высланы в поход *[Там же.*

Таблица 3

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ И ВООРУЖЕНИЕ БАШКИРСКОЙ, МИШАРСКОЙ И КАЛМЫЦКОЙ КОМАНД (СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ 1756 г.)

Численность		Ружья	Луки	Сабли	Копья	Панцири
Башкирская	507	11	494	56	120	15
Мишарская	507	76	431	206	247	7
Калмыцкая	16	324	148	81	498	-

[Составлена по: *Васильев*, 2000а. С. 123]

С. 497-498]. Вслед за этим оренбургский губернатор получил распоряжение Военной коллегии об отправлении к западным границам 500 крещеных калмыков из Ставропольского калмыцкого войска (корпуса).

В связи с заявленным Военной коллегией жестким сроком в команду по приказу Неплюева наряжали только башкир Уфимской провинции из ближних к Уфе волостей - «самых лучших, достойных к службе, здоровых..., пожиточных и доброконных людей, каждого о дву конь (а кои могут и пожелают на своем коште больше того иметь лошадей, оное им на волю отдать), с ружьем, кто какое имеет, по их обыкновению». Из наряженных весною следовало брать только «тех одних, кои способнее и доброконные» *[Там же.* С. 499]. Главным старшиной команды башкир губернатор назначил Кидряся Муллакаева, старшину Кара-Табынской волости Ногайской дороги. В помощники к Кидрясу был назначен старшина Гарейской волости Ка-занской дороги Темир Мютин. Главным старшиной мишарского отряда стал Алкей Муслюмов, старшина мишарей Казанской дороги, а его помощником — сотник Мухамметрахим Юсупов. Калмыцкую команду возглавил войсковой судья П. Торгоутский. Главные старшины имели все права и привилегии донских походных атаманов, а их помощники — казачьих полковников. К «нерегулярным чинам» башкир и мишарей относились сотники - по 5 чел. в каждой команде *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 494—500; *Язылды...* 2000. С. 17]. Перед отправлением в поход башкиры - 507 чел. и мишари - 507 чел. получили жалованье на полгода вперед: главные старшины по 100 руб., их помощники по 50 руб., сотники по 9 руб., рядовые по 6 руб. Вместо солдатского провианта рядовые могли взять деньги. Старшинам и сотникам «по высочайшей е. и. в. милости» в Уфе выдали сукно красного цвета на одежду и шапки, для рядовых обещали подвезти сукно уже в походе.

Для сопровождения сводной башкиро-мишарской команды был определен полковник Московского драгунского полка Боргентрейх, которому в Уфимской провинциальной канцелярии выдали 6 000 руб. на покупку в пути провианта и фуража и на чрезвычайные расходы. С командой калмыков был майор Оренбургского гарнизонного драгунского полка И. Уваров *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 501-508].

Вооружение всех трех команд, сформированных в Оренбургской губернии, было обычным для легких войск.

В вооружении башкир и мишарей преобладали сайдаки — луки в чехлах и колчаны со стрелами: соответственно 494 и 431. Значительно меньше было другого оружия - у башкир всего 11 ружей и 56 сабель на 507 чел. Перед отправлением в поход выяснилось, что у башкир и мишарей всего 147 копий, и из уфимского воинского склада им было выдано 220 копий *[Там же.* С. 123]. Слабую обеспеченность оружием башкирских воинов можно объяснить утратой его в ходе восстаний 1735-1740 гг. и 1755 г., а также запретом правительства в феврале 1736 г. кузнечного дела у них и торговли оружием. На этом фоне обращает внимание отличная вооруженность команды Ставропольского калмыцкого войска, созданного в 1745 г. по типу казачьих войск: ее снабдили 324 ружьями, к которым выдали по фунту пороха и фунту свинца.

В начале октября команда башкир и мишарей выступила в поход из-под Уфы. На несколько дней раньше из Ставрополя вышла команда Ставропольского калмыцкого войска. Путь следования этих конных отрядов до присоединения к российской армии был долгим и трудным. Башкиры и мишари через Бугульму и Ставрополь подошли к Самаре, где задержались на 3 недели в ожидании ледостава на Волге. Зимой и весной 1757 г. они двигались по территории Симбирской провинции Казанской губернии, Тамбовской провинции

Воронежской губернии к г. Чернигову Киевской губернии *[РГВИА*. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 526. Л. 126-148; *Язылды...* 2000. С. 16-18].

По распоряжениям Военной коллегии и лично генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина к Риге и Смоленску подходили регулярные воинские части. На границе с Речью Посполитой у Чернигова и Стародуба собирались полки донских, чугуевских, слободских казаков, волжских калмыков, сводная 2 - тысячная (с присоединением 500 казанских татар) команда башкирской, мишарской, калмыцкой (ставропольской) и татарской конницы, называемая в документах «четырехнародная». К российской армии, двигавшейся через Курляндию и Польшу, легкие войска присоединились 19 июня 1757 г. *[Масловский,* 1886. Вып. 1. С. 40-43, 51-54].*

Конники «четырехнародной» команды явились в новом обмундировании. Во время похода башкирам и мишарям было выдано каждому по 4 1/2 аршина сукна зеленого цвета на кафтан (чекмень) и шапку, калмыкам — красного цвета, казанским татарам — синего. По приказу Апраксина команда была распределена по двум дивизиям: башкиры и татары вошли в дивизию генерала Броуна, ставропольские калмыки и мишари — в дивизию генерала В.А. Лопухина. Позже, в начале августа, дважды происходило переформирование войск *[Там же.* С. 196], и башкиры перебрасывались на разные участки боевых действий. К июлю в составе российской армии было три дивизии под общим командованиям С.Ф. Апраксина: 55 тыс. чел. «годных к бою» из 68 тыс. чел. по штатному составу (по другим данным - 80 тыс. чел.), 79 орудий *[Там же.* С. 257-258; *Энциклопедический...* 1890. Т. 1а. С. 39]. Дождавшись подхода к границе всех войск армии, Апраксин отдал приказ об их вступлении на территорию Пруссии. С 21 июля начались военные операции на неприятельской земле.

Разворачивая военные действия на западе, Фридрих II поручил губернатору Прусской провинции фельдмаршалу Гансу (Х. фон) Левальду заняться обороной края. Столица провинции Кенигсберг с моря была защищена лучшими гаванями Пруссии - Мемелем (ныне г. Клайпеда) и Пиллау (ныне г. Балтийск). На суше Левальдом были подготовлены связанные между собой укрепления в нескольких крупных населенных местах, отстоявших от Кенигсберга на 40-60 км. Расположение позиций в оборонительном районе тесно увязывалось с болотисто-лесистой местностью, что должно было затруднить передвижение российских войск. Для прикрытия Кенигсберга с востока на левом берегу р. Прегель, в устье которой он располагался, у г. Велау фельдмаршал приказал соорудить дополнительные укрепления. Фридрих II и прусские военачальники видели угрозу не в российских регулярных войсках, а в иррегулярной коннице. Поэтому в Кенигсберге и других городах (всего в провинции было 63 отряда) срочно восстанавливались земляные сооружения — валы, окопы, а также палисады (частоколы) из заостренных вверху бревен для препятствий налетам конницы *[Очерки...* 2004. С. 186, 187, 208]. По мнению историографа Семилетней войны Д.М. Масловского, подобные сооружения могли сдерживать только регулярную конницу, для казачьих войск они не были преградой. «Это хорошо понимали и в Кенигсберге, чем объяснялась паника, охватившая городские власти при известии о наступлении русских» *[Масловский,* 1886. Вып. 1. С. 150].

В подчинении у Левальда находились 30 тыс. чел. в регулярных войсках и сформированные в городах милицейские роты. В случае их отступления предполагалась помощь главной армии Фридриха II. Штаб Левальда располагался в г. Инстербург (ныне г. Черняховск), в 89 км к востоку от Кенигсберга, основные силы - между Тильзитом (ныне г. Советск) и Норденбургом *[Коробков,* 1940. С. 98].

6 июля отдельный корпус российской армии под командованием генерал-аншефа В.В. Фермора, направленный к Мемелю, овладел городом. Это был сильный удар по прусским позициям. Российские войска под командованием Апраксина в конце июля взяли несколько крупных населенных мест в бассейне р. Прегель, отбили атаку прусских воинских частей у городов Гумбиннен (ныне г. Гусев) и Инстербург, дважды переходившего из рук в руки. Это заставило Левальда покинуть Инстербург и закрепиться у Велау. 31 июля наши войска вступили в Инстербург. А через два дня, 2 августа, сюда подошла иррегулярная конница под командованием генерал-аншефа Сибильского, составленная из полков и команд, прибывших на территорию Польши. Как вспоминал очевидец событий А.Т. Болотов, сержант, затем подпоручик Архангелогородского полка, служивший в действующих войсках в 1756-1757 гг., впоследствии писателя, ученого-энциклопедиста XVIII в., в лагерь под Инстербургом «прибыли к армии и достальныя наши, идущия из России легкия казацкия и калмыцкия войска»

* В своем исследовании автор объединил «четырехнародную» команду (1 000 чел.) и команду волжских калмыков из Астраханской губернии (2 000 чел.) под названием «разнонародные».

[Болотов, 1871. Т. I. С. 476]*. В своих «записках» он описал обряд общего моления мусульман их «четырехнародной» команды. Оно проходило в специально возведенном «круглом особом шатре. Несколько человек их духовных [муллы] сидело, поджав по-татарски под себя ноги вокруг шатра, подле пол, и всякой из них бормотал, читая книжку» *[Там же.* С. 477].

4 августа Военный совет принял решение направить 6,5 тыс. чел. иррегулярной конницы «вперед фронта» по обоим берегам р. Прегель. Башкиры были включены в трехтысячную команду (3 полка донских казаков, 500 башкир, 500 ставропольских калмыков, 500 казанских татар, под начальством бригадира Костюрина), направлявшуюся по правому берегу Прегеля. Через три дня в соответствии с постановлением Военного совета создавались новые подразделения российской армии. Под началом Краснощекова был сформирован отряд из 5,5 тыс. донских и слободских казаков и «разнонародной» команды, которому поручалось «прикрыть фронт армии и обрекогносцировать позиции» у крупного оборонительного района пруссаков — близ д. Каленен *[Масловский,* 1886. Вып. 1. С. 250-251, 256]. Легким войскам, включенным в авангардные части дивизий, «назначено было быть всегда впереди, составлять так называемую летучую армию и очищать ... путь от неприятеля» *[Болотов,* 1871. Т. I. С. 478]. Они ежедневно вступали в перестрелки с прусскими гусарами, «подъезжавшими для рекогносцирования армии нашей» *[Там же.* С 79-482, 496, 497].

12 августа командование приняло решение всему войску переправиться на левый берег Прегеля с целью обойти прусскую укрепленную линию и выйти к Кенигсбергу с юго-востока. Переправа и продвижение войск по течению Прегеля к г. Алленбург относились, по выводам историков, «к числу трудных и опасных маршей-маневров» *[Масловский,* 1886. Вып. 1. С. 263-265, 280]. «Происходила у нас почти всякой день маленькая война», - констатировал А.Т. Болотов. 15 августа «наши нерегулярные войска» отбросили прусскую конницу, подкрепленную гренадерскими батальонами *[Болотов,* 1871. Т. I. С. 497].

Генерал-фельдмаршал Г. Левальд поджидал российскую армию у своих укреплений в Велау. Узнав по донесениям разведки о маневре Апраксина, Левальд срочно переправился через Прегель и расположил войска на широком поле близ д. Гросс-Егерсдорф, где, построившись в боевой порядок, утром 19 (30) августа они встретили пушечной и ружейной стрельбой армию Апраксина, еще неразвернувшуюся в походный порядок. Придя в себя после неожиданного удара пруссаков, русская армия перешла в наступление: «загорелся и с нашей стороны пушечный и ружейный огонь, и хотя не залпами, но без порядка, но гораздо еще сильнее неприятельскаго ...Огонь сделался с обеих беспрерывный ни на одну минуту» *[Там же.* С. 524-529]. В своей реляции, написанной 20 (31) августа на поле сражения, Апраксин остановился на основных моментах военных действий. В течение нескольких часов, сообщал он, «обе армии, стоя фронтом одна против другой, перестреливались наижесточайшим огнем как из артиллерии, так и мелкого ружья... Победа чрез все время была сомнительна...» *[Из боевого...* 1944. С. 17]. Левальд нанес основной удар по центру армии — на 2-ю пехотную дивизию генерал-аншефа В.А. Лопухина, которая понесла значительные потери. Левальд несколько раз менял направление атак, но, «не преуспев нигде», бросил силы на правый фланг. Здесь пруссаки встретили вторую линию войск, предводительствуемых генерал-майором П.А. Румянцевым: «примкнутыми штыками так встречены были, что вдруг ниспровергнуты и в бег обращены. Сие и решило победу». Главным итогом баталии стало паническое бегство неприятеля: «Сколь горячо и десператно было его нападение, таково ж, наконец, скоропостижно и бегство. Ретирадою оное назвать никак не можно, ибо никогда замешательство и смятение так велики не виданы», - с гордостью за силу российской армии докладывал генерал-фельдмаршал *[Там же.* 1944. С. 16-17]. Вслед отступавшим прусским войскам были отряжены отряды иррегулярной конницы, которые захватывали в плен солдат и даже офицеров. В ходе 10-часового сражения прусская армия потеряла около 5 тыс. чел., наши потери составили свыше 5,4 тыс. чел.

20 августа главнокомандующий направил императрице доношение, в котором он «показанные с неприятелем сражени всего войска чинов храбрые и ревностные поступки засвидетельствовал и надеется: высочайшая е.и.в. милость ко всем, по званию каждого воспоследует» *[ГАОО.* Ф. 3. Оп. 1. Д. 93. Л. 27]. А на следующий день он отослал ордер обер-штеркрикс комиссару, чтобы всем «наличным»

* В тексте дата прибытия легких войск — 4 августа, но, по содержанию дневниковых записей автора и документальных материалов, это произошло на два дня раньше. Здесь и в других разделах мемуаров А.Т. Болотов определяет «четырехнародную» команду как калмыцкую. Но из описания обычаев, молений воинов этой команды ясно, что часть из них были мусульмане — башкиры, мишари, татары. Ставропольские калмыки были крещенными в православие, а волжские калмыки — буддисты.

нижним чинам регулярных и иррегулярных войск «выдать невзачет жалованье» за один месяц. 28 сентября «по высочайшему указу Генеральным дежурством при армии было велено нижним чинам тем одним, кои во время сражения были, и им прежде произведено за месяц жалованье, достальные за 3 месяца выдать» *[Там же.* Л. 27 об]. Жалованье в награду получили все участники Гросс-Егерсдорфского сражения, кроме войска из Оренбургской губернии в составе башкир, мишарей и калмыков, переброшенных на внутреннюю и пограничную службу. Из «нерегулярных чинов» только Кидрясю Муллакаеву и Темиру Мютину выдали по 50 руб. для покупки памятной сабли.

Несмотря на полную победу под Гросс-Егерсдорфом Апраксин не решился идти на Кенигсберг. Действительную причину этого он объяснял недостатком продовольствия, убылью и болезнью солдат и казаков, нуждой в фураже для подъемных лошадей. Необычно жаркое лето, обмеление рек и даже Куршского залива Балтийского моря затрудняли подвоз провианта и фуража. По решению Военного Совета армия двинулась к Тильзиту, порту на р. Неман, с целью очистить путь для получения продовольствия. Не решив эту проблему, Апраксин отдал приказ о переправе через Неман и возвращении армии на зимние квартиры. Объясняя необходимость подобного решения в донесении от 3 сентября, он указывал: «Воинское искусство не *в том одном состоит,* чтоб баталию дать и, выиграв, далее за неприятелем *гнаться,* но наставливает о следствиях часто переменяющихся обстоятельств боле разсуждать, всякую предвидимую гибель благовременно отвращать и о целости войска неусыпное попечение иметь» [Цит. по: *Масловский,* 1886. Вып. 1. С. 308—309]. По мнению исследователей истории Семилетней войны, Апраксин допустил достаточно много ошибок в походе 1756—1757 гг., но он выиграл Гросс-Егерсдорфское сражение и сберег армию. Новый главнокомандующий армией В.В. Фермор уже через два месяца после отставки Апраксина начал второй поход в Пруссию с основными силами отдохнувшей и доукомплектованной армии *[Кретинин,* 1998. С. 147—151]*.

Прусский поход российской армии, предводительствуемый генерал-фельдмаршалом С.Ф. Апраксиным, принес первую победу над армией Фридриха И. Гросс-Егерсдорфское сражение 19 (30) августа 1757 г. сыграло важную роль в Семилетней войне 1756—1763 гг., открыв путь российским войскам на

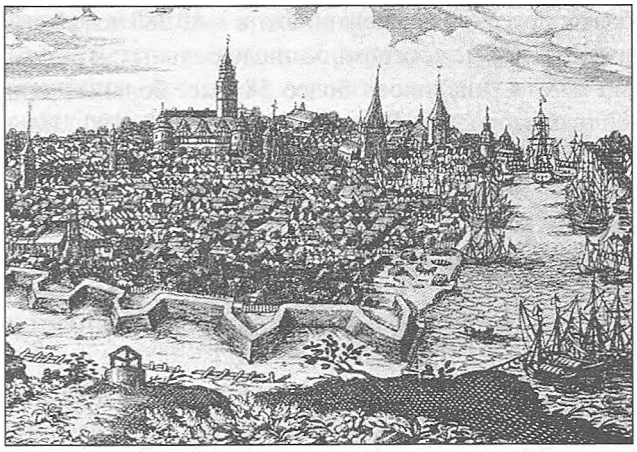

Рис. 33. Кенигсберг в Семилетнюю войну

Кенигсберг. По замечаниям офицера А.Т. Болотова, в Прусском походе «мы посмотрели пруссаков, научились у них воевать, узнали как ходят в походах, какие бывают военные труды, овладели городом Мемелем, нагнали на пруссаков страх и доказали им, что мы умеем драться» *[Болотов,* 1871. Т. I. С. 610]. Характеризуя конников из «разнонародных» команд, Д.М. Масловский подчеркивал, что они «оставили по себе память лихих наездников», атаковавших неприятельскую конницу *[Масловский,* 1886. Вып. 1. С. 51]. Вместе с казачьими сотнями они заманивали прусских гусаров под удары артиллерии, следили за продвижением войск неприятеля из района прусских укреплений у Велау, вели разведку в районах, прилегающих к месту сражения, самоотверженно выполняя роль «стерегущих армию».

Положительно оценивая сражение 19 августа, военные историки отмечали недостатки в управлении армией, в результате чего в сражении участвовала только третья часть российских войск. «Крайне вялое и нерешительное пользование русскими массою нерегулярной конницы, коллегиальное обсуждение вопросов в военных советах (причем личность главнокомандующего стушевывается), — подчеркивает в своем исследовании Д.М. Масловский, — обращает на себя внимание как отрицательно поучительные особенности» *[Там же.* С. 260].

Участники первого Прусского похода и военные историки единодушно отмечают, что это был нелегкий поход, «многого труда и многих убытков как в людях, так и в деньгах, и во всем прочем, стоил» *[Болотов,* 1871. Т. I. С. 607-608]. Это и тысячеверстные марши регулярных и иррегулярных войск, стягивавшихся к Риге, Смоленску, Чернигову, потери в

Подробно о различных оценках историков деятельности главнокомандующего российской армией С.Ф. Апраксина см. *Кретинин,* 1998. № 7. С. 147-151.

боях с прусской армией: в пехоте — 10 380 чел., коннице — 1 788 чел.; огромное число больных: к октябрю 1757 г. числилось более 58 тыс. больных при 47 тыс. здоровых *[Очерки...* 2004. С. 189-190; *Масловский,* 1886. Вып. 1. С. 326]. Значительные потери понесла и башкирская команда. По данным на 20 августа 1757 г. в ней было 487 чел., в марше и в ходе сражения погибло 20 чел. В последующие десять лет от ран и болезней умерло 53 участника похода *[ГАОО.* Ф. 3. Оп. 1. Д. 93. Л. 26-27; *РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 526. Л. 126-147].

В конце сентября—октябре войсковые части были направлены зимовать из Пруссии в Польшу и Россию. В соответствии с указами Военной коллегии и Главной провиантской канцелярии подполковнику Оренбургского гарнизонного драгунского полка И. Уварову «четырехнародную» команду разместили в Новгородской губернии. Башкиры и татары несли охранную службу в гг. Зубцов и Ржев, мишари — в г. Старая Русса, ставропольские калмыки — в Твери. Весной 1758 г., в связи с ожидаемым нападением Китая, тысячную башкиро-мишарскую команду было решено перебросить на Колыванскую и Кузнецкую дистанции Сибирской пограничной линии (татары и калмыки по указу Елизаветы Петровны возвращались домой). «Следуя чрез свои жилища», башкиры и мишари должны были «запасти себя лошадьми и всем потребным» и, «как наискоряе возможно», отправлены на Симбирскую линию в места, «где больше нужда и опасность требует» *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 504-505, 508-509].

12 августа Уфа встречала ветеранов Прусского похода, чтобы проводить их в новый. В своих рапортах губернским властям и военачальникам на Сибирской линии подполковник И. Уваров сообщал, что в команде «весьма лошади от дальнего походу худы и много пеших и больных людей». Распоряжениями губернатора, уфимского и исетского воевод старшин обязали на смену больным, престарелым и безлошадным присылать годных к службе, а «прежних в домы отпускать», но только после приемки подполковником новых конников. Дополнительный набор был произведен среди башкир Исетской провинции, не участвовавших в Прусском походе. В команду были приняты 120 башкир во главе с сотником Кара-Табынской волости Сибирской дороги Юламаном Кушаевым *[Там же.* С. 506; *Васильев,* 2008. С. 79].

Теперь башкирская команда насчитывала 463 чел., в том числе 446 рядовых и 17 «нерегулярных чинов» — главный старшина с помощником, 4 сотника, 5 есаулов, 5 хорунжих и один квартирмейстер. Команда имела 950 лошадей. В мишарской команде было 475 чел. и при них 968 лошадей *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 504-505, 508-509]. Для большинства конников Прусский поход получил продолжение.

8 октября 1758 г. Уваров привел эти конные полки в Усть-Уйскую крепость - на границе Оренбургской и Сибирской пограничных линий. Полученные здесь известия об успокоении на китайской границе спасли их от гибельной зимней дороги в Сибирь. Башкиры и мишари вернулись к своим семьям, которые они покинули еще осенью 1756 г.

И здесь им стало известно, что участникам Гросс-Егерсдорфского сражения до сих пор не выслано денежное вознаграждение. Сменившие И.И. Неплюева губернаторы А.Ф. Давыдов (1759—1763) и Д.В. Волков (1763-1766) не поднимали вопроса о выплате положенного им трехмесячного жалованья. И лишь при губернаторстве князя А.А. Путятина (декабрь 1764—1768) он был положительно решен. В чине бригадира Путятин прошел многие сражения Семилетней войны, в 1762 г. был произведен в генерал-майоры. По приезду в Оренбург новый губернатор не оставил без внимания бывших сослуживцев по заграничной армии. Он возвел командира башкирской партии Кидряса Муллакаева в административный ^ин главного старшины Ногайской дороги, а его сына утвердил волостным старшиной. В 1767 г. во время пребывания Екатерины II в Казани (26 мая — 1 июня) губернатор направил туда Кидряса с депутацией, где он «не только удостоился у руки е.и.в. быть, но и особливую высокомонаршую милость е.и.в. в разсуждении службы его получить» *[ГАОО.* Ф. 3. Оп. 1. Д. 111. Л. 48; *Гвоздикова,* 1999. С. 188].

Но главное — Путятин поддержал обращения башкирских и мишарских старшин и Ставропольского калмыцкого войска в Сенат о выдаче им назначенного 28 сентября 1757 г. жалованья, тем более, что «бывшие при той баталии яко-то донские, чугуевские и протчие казаки, тако ж и казанские татары, оное, оставшее в казне Высочайшее награждение, получили сполна» *[ГАОО.* Ф. 3. Оп. 1. Д. 93. Л. 26]. Дело сдвинулось с места, и в 1767 г. Сенат передал их челобитные на рассмотрение Главного кригс-комиссариата, ведавшего денежным и вещевым обеспечением войск. Там были подняты документы из архива походного комиссариата и оберкрикс-комиссариатской комиссии армии С.Ф. Апраксина и выяснилось, что награждение башкирской, мишарской и калмыцкой команд до сих пор не было произведено *[Там же.* Л. 26—27].

После этого начался сбор сведений об участниках сражения 19 августа 1757 г.

Уфимская провинциальная канцелярия запросила у старшин списки «бывших на баталии башкирцах и мещеряках». В представленных документах были названы имена 487 башкир, в том числе 53 умерших, у которых наследники — дети или братья; у мишарей - 482 чел., в том числе 37 наследников умерших. По сообщению полковника Ставропольского калмыцкого войска И.Н. Дербетева в сражении участвовало 487 калмыков, у 59 умерших из них имелось 55 наследников, у четверых не осталось детей и братьев. До конца года решался вопрос о денежных фондах для выдачи жалованья на 1 443 чел. И только 19 января 1768 г. вышел указ Сената из 1-го департамента, в котором сообщалось, что Сенат определил Главному кригс-комиссариату «башкирским, мещерятским и калмыцким войскам... за оказанные их в 1757-м году августа 19 дня под Велавою* храбрые действия... тогда недоданные за 3 месяца не в зачет жалованья по 3 рубли каждому всего 4 329 рублев в дачу произвесть» *[Там же.* Л. 18, 28].

В феврале-марте 1768 г. проходили выборы доверенных от трех команд для принятия денежной суммы. Полномочия доверенных должны были быть засвидетельствованы старшинами, участвовавшими в походе. Кидряс Муляакаев и мишарский старшина Ногайской дороги Абдусалям Мамеделин заявили, что «желание имеют для принятия оных денег... ехать сами» *[Там же.* Л. 20]. От Ставропольского войска (корпуса) выбрали И.Н. Дербетева. Но губернские власти остановились на кандидатурах четырех поверенных от башкир, мишарей и тептярей, находившихся в Москве с февраля 1767 г. Поверенные ждали решения на переданное в июле в 1-й департамент Сената прошение о снятии воеводы Уфимской провинции И.В. Спиридова, которого обвиняли в различных административных нарушениях, фактически — в злоупотреблении властью *[Васильев,* 20006. С. 118-139]**.

Поверенными от башкир были сотник Енейской волости Казанской дороги Мендикей Аблязев, который в Прусском походе командовал сотней, и мулла Юнус Юсупов, писарь Кидряса Муллакаева. Мишарскими поверенными стали Абдикей Ишбулатов и Рахманкул Курманаев. Эти четверо выборных и уполномоченный от полковника Дербетева калмыцкий хорунжий П.И. Крашенинников подготовили, возможно, при участии своих депутатов в Уложенную комиссию, прошение в Главный крикс-комиссариат о передаче им всей денежной суммы, пожалованной приказом от 28 сентября 1757 г. *[TAOO.* Ф. 3. Оп. 1. Д. 93. Л. 27-29]. В документе, поступившем в 1-й департамент Сената 3 марта 1769 г., поверенные сообщали, что по требованию старшин они заказали мастерам в Москве 400 сабель «на следующие им в выдачу деньги». По согласованию с оренбургским губернатором поверенным на покупку сабель была выдана четверть общей причитающейся суммы *[Там же.* Л. 29-31]. Остальные деньги распределяли по спискам.

Славные дела башкирских конников в составе заграничной армии выдвинули их командиров на первый план. Огромным авторитетом пользовался Кидряс Муллакаев. В указе Сената от 18 февраля 1758 г., присланном в Оренбург, отмечалась «верная служба» Кидряса Муллакаева и Алкея Муслюмова, их участие «в Пруссии при неприятельском сражении». И «в знак высочайшей к ним е.и.в. милости и для поощрения к таковой ревностной службе других, - сообщалось в документе, - наградить их от Военной коллегии саблями, а Муслюмова за полученные им раны и сукном. И сверх того дать им обоим похвальные указы» *[TAOO.* Ф. 3. Оп. 1. Д. III. Л. 49]. Темир Мютин, служивший в Прусском походе помощником главного старшины башкирской команды, стал известным общественным деятелем. Находясь с весны до конца 1759 г. в Петербурге в составе делегации депутатов от башкир и мишарей, направленных для принесения Елизавете Петровне «благодарения и поклонения за высочайшие е. и. в. милости», Темир Мютин «с товарищи» от имени всего башкирского народа представили в Сенат доношение с просьбой запретить захват «старинных наших жалованных земель», и узаконить правило скрепления купчих на землю только при согласии башкир всей волости. Для контроля за оформлением этих юридических документов они ставили вопрос об их обязательном переводе на письменный язык тюрки («с переводом татарским») *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 24-25]. Челобитная Темира Мютина не осталась без ответа. 29 сентября

В переписке Главного крикс-комиссариата с оренбургским губернатором А.А. Путятиным сражение Российской армии 19 августа 1767 г., которое проходило под Гросс-Егерсдорфом, относят к укрепленному г. Велау. Известно, что после сражения прусская армия отступила к Велау, но баталии в этот день там не было.

** Прошение об увольнении И.В. Спиридова поступило в Сенат также от депутатов в Уложенную комиссию, а в своем доношении в Сенат от 6 декабря губернатор А.А. Путятин поддержал предложение депутатов о замене уфимского воеводы и секретаря провинциальной канцелярии. В 1768 — нач. 1769 гг. эти документы рассматривались в департаментах Сената, но дело окончилось безрезультатно для просителей.

Сенат направил указ Оренбургской губернской канцелярии об упорядочении земельных дел в Башкирии, чтобы «впредь оному башкирскому народу отнюдь никому никаких обид и разорений не чинить и в угодьях их насильством не селиться» *[Там же.* С. 26]. Темир Мютин скончался в Петербурге в декабре 1759 г. Но имя его не было забыто.

Об указе Сената, принятом по доношению Темира Мютина, знали во всех башкирских волостях и на него ссылались, решая многие земельные споры *[Там же.* С. 45-46, 299-300]. Выше говорилось о двух ответственных заданиях, которые были поручены другому участнику Прусского похода сотнику Мендикею Аблязеву: он обращался в Сенат с челобитной на действия уфимского воеводы и был доверенным, получившим в Москве деньги для передачи участникам Гросс-Егерсдорфского сражения, которые они ждали одиннадцать лет. В 1782 г. заседателем вновь учрежденной Белебеевской нижней расправы, входящей в систему судебных учреждений Уфимского наместничества, был избран башкирский сотник Мансур Муртазин, в послужном списке которого значилось его участие «при двух баталиях под командою господина генерал-фельдмаршала Апраксина» *[ЦИА РБ.* Ф. И-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 131 об.-132].

Своим героическим участием в Семилетней войне, ратным мастерством и выучкой башкиры заслужили профессиональное доверие военного командования и соответствующий указ Сената, по которому с июля 1760 г. всем находившимся в дальних походах стали платить постоянное жалованье, выдавать продовольствие и фураж. Старшины получали по 100 руб., сотники, хорунжие и есаулы - по 18 руб., рядовые - по 12 руб. Начальнику команды выдавался фураж на 12 лошадей, есаулам, сотникам, хорунжим - на 3, рядовым - на 1 лошадь. Рядовым полагался также месячный солдатский паек. Такие же льготы распространялись на мишарей *[Материалы...* 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 509; *Крестьянская...* 1975. С. 292].

В официальных документах — наказах башкир в Уложенную комиссию 1767—1768 гг., содержащих сведения о их правовом положении, особо выделялось участие башкир в Азовском походе Петра I, Северной войне (Рижский поход 1709 г.) и Семилетней войне: «недавно против Прусской армии находились и в сражении против неприятелей были» *[РГАДА.* Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI. Л. 221, 269 об.]. В честь 200-летия сражения при Гросс-Егерсдорфе близ г. Черняховска Калининградской области у с. Междуречье, в месте, где стояла российская армия перед сражением, в 1956 г. установлен монумент.

БАШКИРСКОЕ ВОЙСКО В ПОЛЬСКОМ ПОХОДЕ В 1771-1773 гг.

Для осуществления своей внешнеполитической военно-стратегической программы российское правительство во второй половине XVIII в. широко использовало башкирскую конницу, входившую в состав иррегулярных войск страны. В своем прошении на имя императрицы Екатерины II в сентябре 1793 г. депутаты башкирского народа особо подчеркнули, что «верное народа нашего служение было видимо так, как служил он под Польшею и Шведом» *[Материалы...* 1960. Т. V. С. 567—568]. Именно в войне с польскими конфедератами (1768—1772) впервые участвовало специально сформированное башкирское войско. 8 октября 1771 г. Екатерина II повелела Государственной военной коллегии призвать из «башкирского войска... три тысячи человек» и направить в Польшу, в помощь российской армии, с февраля 1768 г. ведущей войну против войск Барской конфедерации *[РГВИА.* Ф. 20. Оп. 1. Д. 954. Л. 1].

Речь Посполитая, включавшая в себя Польшу и Литву (Великое княжество Литовское), во второй половине XVIII в. находилась в сложной внутриполитической ситуации. Шаткая государственная система с выборностью короля, неустойчивым шляхетским сеймом с его своеобразным правом «либерумвето» (любой депутат мог опротестовать решение сейма, и оно становилось недействительным), господство шляхты, экономическая отсталость создавали условия тому, что более могущественные соседние государства Польши стали диктовать ей свою волю и вмешиваться в её внутренние дела *[Врублевский,* 1936. С. 14-17]. Во многих районах страны действовали группировки шляхты — конфедерации, выступавшие против короля Станислава-Августа IV (С. Понятовского), с 1764 г. проводившего пророссийскую политику, и решений сейма об уравнивании в правах католиков и некатоликов - «диссидентов» (в основном, православных украинцев и белорусов), принятых по настойчивому требованию Екатерины II. В феврале 1768 г. в г. Баре (Подолия) образовалась Главная (Генеральная) конфедерация, сформировавшая вооруженные отряды, развернувшие действия против королевских войск. По просьбе Августа IV Россия ввела в Речь Посполитую свои войска. Программа конфедерации, направленная против внутренних реформ

в стране, отталкивала от нее короля. Тем более что 9 августа 1770 г. конфедерация провозгласила «бескоролевье» и даже пыталась похитить короля. Все это привело к тому, что польско-королевские войска действовали против конфедератов в контакте с частями русского экспедиционного корпуса *[Ростунов,* 1989. С. 90-159]. Российские войска насчитывали до 16 тыс. чел. Большая часть их стояла гарнизонами по городам и вела наступательные действия против конфедератов, вооруженные силы которых доходили до 10 тыс. чел.

Войска под командованием А.В. Суворова (с 1 января 1770 г. — генерал-майор) и польского генерала К.П. Браницкого, комбинируя действия постоянных гарнизонов и подвижных отрядов, нанесли ряд крупных ударов по силам конфедератов, но партизанская война не ослабевала *[Суворов,* 1990. С. 151-189, 476]. Отрядам конфедератов активно помогала Франция, их военные операции проводились опытными французскими генералами. 25 сентября 1768 г. Турция, поддерживаемая Францией и Австрией, объявила России войну. Вести вооруженную борьбу одновременно с Турцией и конфедератами в Речи Посполитой было для России тяжело. Перед новым главнокомандующим русским корпусом в Польше генерал-поручиком А.И. Бибиковым (назначен 20 июня 1771 г.) была поставлена задача в кратчайшие сроки закончить военные действия. Очагами восстания оставались Литва и юго-запад Польши. В этой ситуации Военная коллегия во исполнение указа императрицы распорядилась об отправлении в Речь Посполитую трехтысячного башкирского войска.

Башкирская кавалерия имела опыт боевых действий в европейском мире, прошло всего 15 лет со времени ее участия в Прусском походе. Подвижные отряды башкир могли быстро и решительно преследовать противника, нападать врасплох, засыпая его стрелами. 15 октября 1771 г. Военная коллегия выслала оренбургскому губернатору И.А. Рейнсдорпу копию указа императрицы и собственный указ о формировании башкирского войска, разделении его на десять партий (команд) и порядке их отправления: каждая через сутки «ради лутчей способности в продовольствии и в квартировании» во время марша *[ГАОО.* Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 190]. Обращение губернатора к «верным башкирским старшинам и башкирскому народу», ознакомившее с повелением Екатерины II, последовало 13 ноября. Он призывал их «при сей толь знаменитой службе ... ваше усердие и ревность совершенно доказать и удостоить себя высочайшей ея величества благоугодности и всегдашней памяти». Губернатор особо подчеркнул, что

Рис. 34. Портрет А.В. Суворова. Неизвестный художник. 1795–1796

этой службой башкирские воины доставят «всей своей нации... славу» *[Башкирское...* 2009. С. 23]. В этот же день был отправлен губернаторский указ Уфимской провинциальной канцелярии с требованием еженедельных отчетов о ходе составления 10 команд и сосредоточении их в близлежащих к Уфе деревнях.

По предложению уфимского воеводы А.Н. Борисова главным начальником войска губернатор назначил старшину Кыр-Таныпской волости Сибирской дороги Кулыя Балтачева (Кулуй Болтасев). Кулый был одним из влиятельнейших представителей старшинской верхушки, владел старотюркским и русским языками. В 1761—1771 гг. он неоднократно возглавлял отряды, служившие на Оренбургской и Сибирской пограничных линиях, в феврале—мае 1771 г. участвовал в преследовании волжских калмыков, возвращавшихся на свою историческую родину в Джунгарию (Китай). Во главе десяти трехсотенных партий войскового формирования башкир были утверждены 7 волостных старшин: 3 - с Сибирской дороги, 2 - Ногайской, 2 - Казанской и 3 походных старшины (с Ногайской, Казанской и Осинской дорог).

Формирование войска состоялось в очень короткие сроки. 16 декабря по установленному

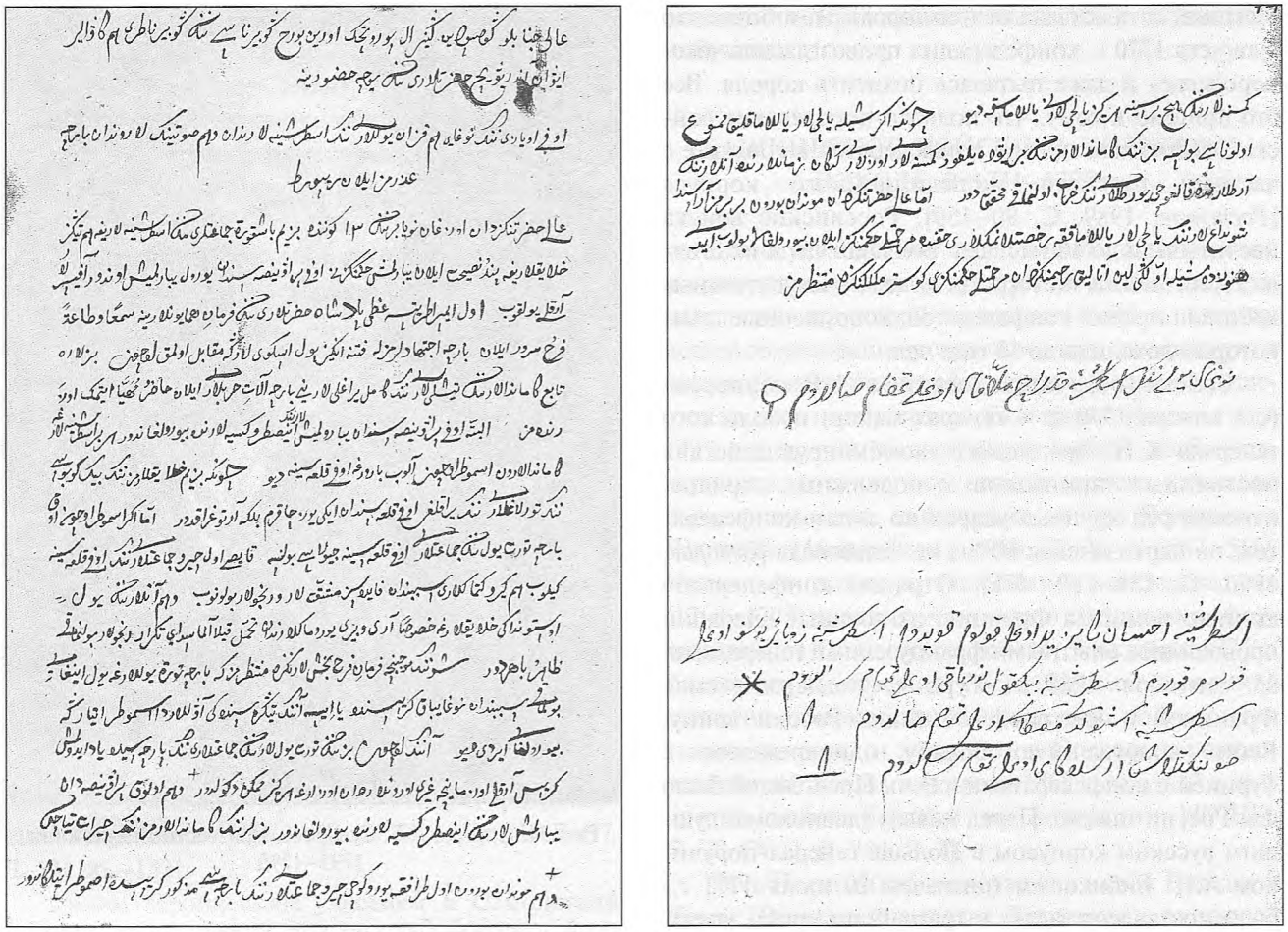

Рис. 35. 12 декабря 1771 г. Рапорт старшин Ногайской и Казанской дорог оренбургскому губернатору о подготовке команд к выступлению в Польский поход [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 77–77 об.]. Подлинник на языке тюрки арабскими буквами

маршруту из Уфы двинулась 1-я партия, за ней ежедневно до 23 декабря со 2-й по 6-ю команды. Остальные, поджидая, видимо, командируемых из отдаленных волостей, отправились позднее: 7 и 8-я - 25 и 30 декабря, 9 и 10-я - 1 и 4 января 1772 г. Башкиры являлись на сборные пункты под Уфой на своих лошадях, со своим оружием и в своей одежде. Такая быстрая готовность к военному походу — яркое свидетельство высокой мобильности башкирских команд. А им демонстрировать свою воинскую собранность и оперативность доводилось не впервые. Менее года назад до указанных событий, в марте 1771 г., выполняя приказ Военной коллегии задержать калмыков, попытавшихся откочевать в Джунгарию, башкиры и мишари опять же за полтора-два месяца снарядили семитысячный отряд. Тогда брали одного конника с 2—3 дворов, вместо законной нормы - одного с 7-8 дворов. Калмыцкий поход по казахской степи в апреле-мае 1771 г. привел к людским потерям, заболеваниям, большому конскому падежу [*Гвоздикова*, 1999. С. 152—153]. Башкирские воины с честью справились и с новым заданием, которое пришлось на холодные ноябрь и декабрь. Добросовестное отношение башкир к своим воинским обязанностям отметил воевода А.Н. Борисов в рапорте губернатору от 10 января 1772 г.: «при наряде тех башкирцов никакого от них роптания и непристойности не происходило» *[Башкирское*... 2009. С. 56].

Войско строилось по принципу казачьих войск. Его предводитель - главный старшина - обладал правами казачьего полковника, в каждой команде было по 1 старшине, 3 есаула, 3 хорунжих, 3 сотника и 1 квартирмейстер*.

Численный состав команд колебался от 272 чел. — в 9-й; до 349 чел. — в 10-й (см. таблицу № 4).

* Следует подчеркнуть, что в 1756—1757 гг. во время Прусского похода в 500-й команде башкир были только командир, его помощник и 5 сотников.

Таблица 4

ЛИЧНЫИ СОСТАВ БАШКИРСКОГО ВОЙСКА

***Январь 1772** г.*

Начальник войска Кулый Балтасев

Старшины партий (команд)	Есаулы	Хорунжии	Сотники	Квартир-мейстеры	Рядовые	Всего в командах
1-я партия Рахмангул Иртуганов, походный сотник Осинской дороги	3	3	3	1	300	311
2-я партия Умитей (Уметей, Умютей) Уразымбетев (Уразметев, Уразмабетев), старшина Сартской волости Сибирской дороги	3	3	3	1	314	325
3-я партия Мендикей Абдулгазизов (Абдулгазыев), походный старшина Казанской дороги	3	3	3	1	296	307
4-я партия Каип Зиямбетев (Джиямбетев, Джаамбетев), старшина Кара-Табынской волости Ногайской дороги	3	3	3	1	299	310
5-я партия Ишкиня Аисов (Айсов), старшина Катайской волости Ногайской дороги	3	3	3	1	300	311
6-я партия Юлай Азналин (Адналин), старшина Шайтан-Кудейской волости Сибирской дороги	3	3	3	1	313	324
7-я партия Муса Муслюмов, старшина Булярской волости Казанской дороги	3	3	3	1	305	316
8-я партия Исекей (Исекай, Исюкей) Садиров, старшина Кущинской волости Сибирской дороги	3	3	2	1	263	273
9-я партия Зюбеир Юсупов, старшина Еланской волости Казанской дороги	3	3	4	1	260	272
10-я партия Каскин (Качкын, Качкун) Самаров, походный старшина Тамьянской волости Ногайской дороги	3	3	3	1	338	349
Всего в войске: начальник - 1 старшин - 10	30	30	30	10	2 988	3 099

[Составлена по: *Башкирское...* 2000. С. 56-145]

Таблица 5

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ И ВООРУЖЕНИЕ БАШКИРСКОГО ВОЙСКА

Январь 1772 г.

Количество людей	Походные лошади	Запасные и вьючные лошади	Ружья	Луки	Сабли	Копья
3 111	3 358	587	335	2 748	350	2 755

[Составлена по: *Башкирское...* 2009. С. 56—145]

В них служили башкиры из волостей разных дорог Уфимской провинции. Только в 3 и 9-й партиях все командируемые были с Казанской дороги, а в 5-й — Ногайской.. Остальные семь команд — 1, 2, 4, 6, 7, 8, 10 комплектовались жителями разных дорог *[Гвоздикова,* 2009. С. 10—11].

С 16 декабря 1771 г. по 4 января 1772 г. после осмотра команд из Башкирии выступили в поход 2 988 рядовых башкир и 111 чиновных. 12 рядовых были признаны «неспособными» к службе по болезни. Их заменили новые конники, в январе откомандированные вслед войску. В итоге, как и значилось в отчете Уфимской провинциальной канцелярии, башкирское войско насчитывало 3 111 чел. *[Крестьянская...* 1975. С. 292].

Начальнику войска Кулыю Балтачеву полагалось 12 походных лошадей, старшинам — по 8, есаулам, хорунжим, сотникам и квартирмейстерам — по 3, рядовым — по 1. В партиях имелись запасные лошади и вьючные, в среднем каждых по 10 на сотню конников. Большинство воинов имело на вооружении луки и копья: соответственно 2 748 и 2 755. Значительно меньше было ружей (турок) - 335 и сабель — 350.

Для войска, выступавшего в поход, из Оренбурга в Уфу доставили 102 пуд. мушкетного пороха; 70 пуд. раздали, из расчета по 2 фунта на владельца ружья, а 32 пуд. оставили в запасе *[Там же.* С. 25, 32]. Денежное жалованье начальника войска составляло 200 руб., старшинам платили по 100 руб., остальным чиновным: есаулам, хорунжим, сотникам, квартирмейстерам - по 18 руб., рядовым — по 12 руб. Рядовым был положен месячный провиант, как у солдат регулярной армии. Начальник имел право на суточный рацион фуража для 12 лошадей, старшины - для 8, есаулы, сотники, хорунжие, квартирмейстеры для 3 лошадей. Рядовые получали суточный корм на одну лошадь *[Крестьянская...* 1975. С. 292].

Важно отметить, что каждая партия (команда) имела свое малое знамя, называемое значок или значик. В документах сохранилось описание инцидента между рекрутами и башкирами 9-й команды, случившегося 12 марта 1772 г. в д. Черная Грязь Серпуховского уезда, во время которого у хорунжего Кунакася Ильясова (из Усерганской волости Ногайской дороги) выхватили значок. Командир рекрутской партии вернул «десятой партии значик, который был на дротике* уже оторванной» *[Васильев,* 2008. С. 183-184, 190].

Перед отправлением войска в заграничный поход- губернатор обратился к его командирам с «сочиненными на их башкирском языке» наставлениями. От Кулыя Балтачева он потребовал содержать команды «в надлежащей военной дисциплине» и внушать своим подчиненным, что за отличную службу они не только личное «воздаяние, а пред народом своим отменную славу получат» *[Башкирское...* 2009. С. 38]. Старшин партий губернатор призывал «наблюдать, чтоб команды твоей башкирцы определенное им жалованье, провиант и на лошадей их фураж всегда, во свое время, безобидно получали», а в походе, «следуя везде порядочно, обывателям никаких обид и раззорений не делали» [*Там же.* С. 40-41].

По распоряжению губернатора для сопровождения башкирских команд до российской границы были выделены 12 офицеров оренбургского гарнизона во главе с секунд-майором И. Шмаковым *[Там же.* С. 45]. Последнему была адресована обширная инструкция, состоявшая из 16 пунктов | *Там же.* С. 29-37]. Шмакову поручалась выдача командам пороха и свинца, жалованья, денег на закупку продовольствия и фуража. Во время марша секунд-майор был обязан заблаговременно отправлять назначенного им офицера по тракту для заготовки

*Дротик — метательное копье на коротком древке.

необходимого количества провианта и фуража «в окольных жительствах». Обращает на себя внимание забота «хозяина» губернии об особенностях питания башкир: «Но как сей народ не столько сроден к хлебу, сколько к мясу, то, когда они пожелают и просить будут, чтоб им вместо провианта деньгами производить, то им и деньгами за оной по справочным торговым ценам выдавать» *[Там же.* С. 35]. К тому же, перед определением мест для квартирования и растагов (дневок) в походе сопровождавшие команды офицеры были обязаны проверять санитарное состояние в округе на предмет выявления «прилипчивых болезней» - эпидемических заболеваний. Отдельным пунктом шло поручение Шмакову — выбирать для ночлегов квартиры, в которых следовало «располагать человека по два, дабы большим количеством людей ни хозяевам утеснения, ни квартирующим беспокойств не зделать». Требуя следить за дисциплиной в командах, губернатор советовал офицерам не вмешиваться в их внутренние дела, «а оставлять то паче на разсмотрение и разсудок их старшин». На последних ложилось и телесное наказание ратников за «явную продерзость», но в присутствии обер-офицеров, сотников и «лутчих людей» из башкир. Обращаясь к И. Шмакову, губернатор писал: «с старшинами, так и башкирцами, имеете Вы поступать ласково и снисходительно, а равным образом и офицерам то исполнять велеть».

Путь башкирского войска до российской границы с Речью Посполитой занял более трех месяцев. По сообщению майора И. Шмакова губернатору, все башкирские команды «в первых числех апреля месяца в желаемом благополучии в Смоленск прибыли и в повеленной поход оттоль отправлены» *[Там же.* С. 153]. И с апреля 1772 г. по сентябрь 1773 г. башкиры несли службу в российских войсках под общей командой генерал-поручика А.И. Бибикова и назначенного командующим башкирским войском генерал-майора князя А.А. Уварова. Известно, что 15 апреля А.В. Суворов после осады овладел Краковским замком, а позднее его войска разбили несколько отрядов барских конфедератов. До осени 1772 г. Суворов оставался в Польше, откуда был отозван на фронты русско-турецкой войны. Возможно, под его началом и действовали башкирские команды, по меньшей мере, их часть. Башкирская конница была крайне необходима для быстрого преследования и разгрома партизанских отрядов барских конфедератов, также обладавших высокой подвижностью, к тому же — знанием местности. Она препятствовала объединению разрозненных отрядов конфедератов и их продвижению

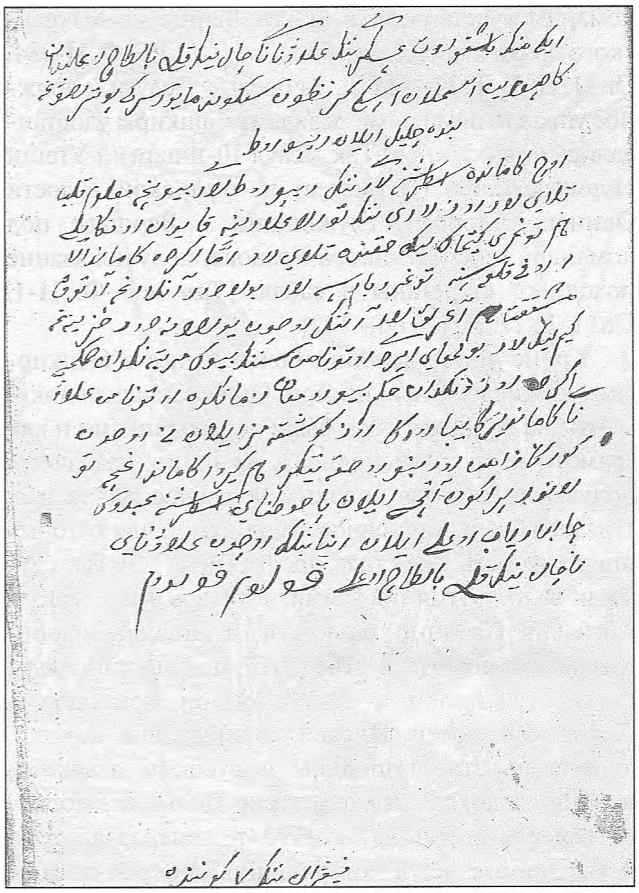

Рис. 36. 7 февраля 1773 г. Рапорт главного начальника башкирского войска Кулыя Балтасева с просьбой о роспуске части команд, возвращающихся из Польши, у границ Оренбургской губернии [ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 243]. На старотюркском языке. Автограф

в районы крупных военных действий в Польше и Литве.

Башкирская конница была задействована в наступательных и оборонительных операциях в ряде «участков», на которые по инициативе А.В. Суворова в 1770 г. был разделен театр военных действий. Как писал в своем доношении уфимским властям главный начальник войска Кулый Балтачев, он лично был «противу польских возмутителей на сражении» и сам генерал-аншеф А.И. Бибиков засвидетельствовал его воинские успехи в аттестате и ордере на вручение ему сабли *[ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 141. Л. 145]. Башкиры служили в районах Люблино, Вильно, Варшавы. Об их заслугах офицеры российской армии писали в специально вручаемых рекомендациях. Так, командующий войсками Люблинского участка П.А. Шепелев, полковник С.-Петербургского карабинерного полка, выдал похвальный аттестат есаулу 4-й партии Аликею (Галикею) Ялышеву (из Телтим-Юрматынской волости Ногайской дороги) *[ЦИА РБ*. Ф. И-384. Оп. 1. Д. 1. Л. 249; *Башкирское...* 2009. С. 85]. Башкирские

команды участвовали в атаках Венгерского гусарского полка к востоку от Гродно [*ЦИА РБ*. Ф. И-384. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–22 об.]. За боевые заслуги должное управление своими отрядами башкиры удостаивались новых чинов. Так, есаул 10-й партии Утеган Нурмухамметев (Нурметев) из Уранской волости Осинской дороги, служивший в Варшаве под командой генерал-майора Уракова, получил звание походного старшины и саблю [*Там же.* Ф. И-1. Оп. 1.Д. 17. Л. 120 об.-122].

Кроме чиновных лиц, большой вес в башкирских командах имели писари. Они составляли документы на родном языке, были переводчиками и как грамотные люди исполняли функции казначеев, получая и раздавая рядовым денежное жалованье. Писареи были в основном башкирами, для которых эта должность уже стала профессией. Многие служили волостными писарями, а писарь 9-й команды Абубакир (Бакир) Уразаев, из Еланской волости Казанской дороги, в 1765-1767 гг. был канцелярским служителем в пятисотенной команде на Сибирской линии. Писари из войсковых команд, владевшие старотюркским и русским языками, работали в походной канцелярии Польского корпуса генерал-поручика, с 1773 г. генерал-аншефа А.И. Бибикова, в канцелярии генерал-майора А.А. Уварова, куда обращались главный начальник башкирского войска и командиры партий. Писарь 10-й команды Аптик (Абдук) Чептаров (Чепдарбаев) (из Уранской волости Осинской дороги) за достойную службу был награжден Урусовым саблей и произведен в чин походного старшины, что позднее было подтверждено решением Оренбургского губернатора. Переписку между офицерами, сопровождавшими башкирские команды в походе, и губернатором И.А. Рейнсдорпом вел есаул 7-й партии Абдрешит Абдиев (из Гарейской волости Казанской дороги). Аптик Чептаров и Абдрешит Абдиев привлекались к несению ответственных курьерских обязанностей по доставке спешных поручений военных и гражданских чиновников. Переводчики состояли и при канцелярии смоленского губернатора Т.П. Текутьева, в обязанности которого входило следить за прохождением башкирского войска в Польшу и отправлением отдельных команд от Смоленска до Уфы [*Башкирское...* 2009. С. 113-131, 155-159, 161; *ЦИА РБ*. Ф. И-384. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–22 об.; *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 250—250 об.]. Таким образом, институт переводчиков снабжал командование русской армией достоверной информацией о военных действиях и воинском обиходе башкирских частей в полном объеме.

Немаловажное значение для поднятия духа воинов в ходе длительного похода имела поддержка мулл. В составе войска числилось семь мулл: в 1-й партии мулла Габдюсь Кунакаев из Тайнинской волости Осинской дороги; 7-й — Минлиш Кутлумбетев и Якшимбет Игимбетев из Киргизской волости Казанской дороги; 9-й - Темирбай Халилев и есаул Абдулгази Халилев из Ельдякской волости Казанской дороги; 10-й - квартирмейстер Уметбай Мукасев и Каскин Мукасев из Тамьянской волости Ногайской дороги [*Башкирское...* 2009. С. 101-144]. В остальных партиях функции духовных наставников исполняли или сами старшины, или кто-либо из грамотных башкир.

А.И. Бибиков по достоинству оценил действия башкирского войска и его главного начальника. В своем аттестате Кулыю Балтасеву от 1 ноября 1772 г. он признавал, что Кулый «подкомандных своих содержал добропорядочно, так что во все время бытности ево никаких жалоб на него и на подчиненных ево не было, что де ко особливой ево команды, ево чести и похвале служит» *[ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1.Д. 141. Л. 147].

К концу лета 1772 г. основные вооруженные силы Барской конфедерации были разбиты. 25 августа последовал указ Военной коллегии А.И. Бибикову об отправлении в Уфу двухтысячной партии башкирского войска. А «тысячная» команда оставалась в Литве до будущего лета *[РГВИА*. Ф. 20. Оп. 1. Д. 954. Л. 62]. Продолжающиеся военные действия против отдельных групп конфедератов затрудняли демобилизацию. Только в конце декабря (через 4 месяца после выхода указа Военной коллегии) собранная двухтысячная команда во главе с Кулыем Балтасевым покинула территорию Речи Посполитой и прибыла в Смоленск.

Таким образом, башкирской войско в полном составе участвовало в боевых действиях, несло полицейские функции по защите правопорядка в Польше в течение девяти месяцев.

Из Смоленска двухтысячная команда, разделенная на несколько партий, во главе с секунд-майором 1-го Смоленского пограничного батальона С. Потресовым отправлялась тремя группами: 31 декабря 1772 г., 4 и 7 января 1773 г. Последняя - четвертая группа, подошедшая из Вильно, под командованием поручика оренбургского гарнизона Г. Друецкого вышла из Смоленска 24 января *[Башкирское...* 2009. С. 155—157]. По просьбе Кулыя Балтасева оренбургский губернатор разрешил отпускать по домам уставших в походе башкир при приближении к родным местам, не собирая всех в Уфе *[Там же.* С. 161, 164; *ГАОО*. Ф. 3. Оп. 1. Д. 124. Л. 243. Автограф Кулыя Балтасева на старотюркском языке]. 12 марта

Рис. 37. Башкиры в походе. Худ. В.О. Орловский. Первая четв. XIX в.

С. Потресов сообщал губернатору из Уфы о возвращении из Польского похода 1 962 чел. из 1, 2, 3, 5, 6, 7,10-й партий, часть из которых была распущена по домам около Мензелинска [*Башкирское...* 2009. С. 164-167]. Команда поручика Друедкого в количестве 147 чел. прибыла в Уфу 20 марта *[Там же.* С. 168].

Дольше всех пришлось нести службу в Польше башкирам 4, 8 и 9-й партий войска, в которых состояло 933 чел. *[РГВИА*. Ф. 20. Оп. 1. Д. 954. Л. 66.]. По свидетельству башкира из 4-й партии Шайлы Купаева, их главный начальник полковник Кулый Балтасев, возвращаясь домой с двухтысячной командой, оставил за себя в Польше командира 4-й партии Каипа Зиямбетева в чине казачьего полковника *[РГАДА*. Ф. 6. Оп. 1. Д. 467. Ч. 6. Л. 41]. Лишь в начале августа генерал-аншеф А.И. Бибиков в соответствии с указом Военной коллегии от 17 июля 1773 г. принял решение о возвращении на родину последней группы башкирской конницы, с апреля 1772 г. служившей под его началом. В конце сентября из Смоленска выступило 728 чел. *[РГВИА*. Ф. 20. Оп. 1. Д. 954. Л. 90-96; *Башкирское...* 2009. С. 171-172], оставшихся живыми и относительно здоровыми из 933 чел., отобранных А.И. Бибиковым. В команде были 3 старшины, по 9 есаулов, хорунжих и сотников и 692 рядовых *[РГВИА*. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. В Польском походе башкирское войско понесло значительные потери. В марте 1773 г. домой возвратилось 2 098 чел., в ноябре - 726 чел. Из отправленных в поход 3 111 чел. погибло в боях и умерло от болезней 289 башкирских воинов, много было больных и раненых. Так, из прибывших в Казань в ноябре 1773 г. 726 чел. больными числились 38 чел. Польский поход трехтысячного башкирского войска длился около двух лет - с декабря 1771 г. по ноябрь 1773 г. В боевых и охранных действиях на территории Речи Посполитой они участвовали один год и пять месяцев — с апреля 1772 г. по сентябрь 1773 г.; в полном составе, до возвращения домой 2-тысячной команды, они воевали с апреля по декабрь 1772 г.

Мужество и отвага башкир на полях сражений на территории Речи Посполитой в 1772—1773 гг. были отмечены разными наградами военного командования. Главный начальник войска Кулый Балтасев вернулся с «саблей, жалованной господи-

ном генерал-аншефом и разных орденов кавалером Александром Ильичем Бибиковым, с серебреною оправою и на ножнах бляхами». Ему была пожалована также крупная сумма денег [*Материалы*... 1960. Т. V. С. 552-554]. Командир 6-й партии Юлай Азналин тоже вернулся с наградой - переданным ему мальгм знаменем 6-й команды башкирского войска. Об этом с гордостью за отца сказал Салават на допросе в Тайной экспедиции сената 25 февраля 1775 г.: до этого, в октябре 1773 г., Юлай как дорогую семейную реликвию вручил сыну «заслуженный... в Польше знак» [*Крестьянская*... 1975. С. 300].

Большинство башкир, вернувшихся из Польского похода, стали активными участниками Крестьянской войны 1773-1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева. Словно предугадывая развитие событий, вице-президент Государственного Совета граф Чернышев, на заседании Совета 3 октября 1771 г. заявил, что возвращение трех тысяч башкир из Польши домой, «когда они к войне приобучатся... опасно» для края. Он даже предлагал по завершении военных действий «поселить их... особливо», вдали от родины. Чернышеву тогда возразили члены Совета, высказавшие сомнение, «чтоб Башкирцы, будучи от природы тихи, учинили опять когда-либо возмущение, если до того доведены не будут» *[Архив*... 1869. Т. 1. С. 111.]. Именно их последнее замечание оказалось жизненной правдой. Осенью 1773 г. башкиры вместе с другим населением края начали вооруженную борьбу против усиления экономического и политического гнета, произвола царской администрации, заводчиков, помещиков. Башкиры стали одной из главных движущих сил народного движения. Военная коллегия пыталась использовать команды башкирского войска, возвращавшиеся из Польши, для борьбы с повстанцами. В начале ноября 1773 г. последние партии войска были задержаны в Казани для переформирования: они включались в состав правительственных войск, перебрасываемых в Оренбургскую губернию, объятую восстанием. В Казани башкирам разрешили покупать оружие, что они делали, по рапорту сопровождавшего эти партии секунд-майора Ф. Кичуна в Военную коллегию, «з большою охотою». Башкирским партиям были розданы также порох и свинец из запасов казанской артиллерийской команды. В результате на 726 чел. пришлось 296 ружей и пистолетов, почти в три раза больше, чем во время похода в Польшу, когда в 4, 8 и 9-й партиях было 104 ружья-турки *[РГВИА*. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1231. Л. 16]. По решению Военной коллегии всю эту команду включили в состав корпуса генерал-майора Ф.Ю. Фреймана, направленного на подавление восстания, но по прибытии в Башкортостан в начале декабря она перешла на сторону повстанцев *[Там же.* Л. 16; *Башкирское*... 2009. С. 82-91, 119-134]. Опыт боевых действий, а также привезенное из Польши и закупленное в Казани оружие сделали их значительной силой в отрядах повстанцев. Отметим только, что командиры четырех трехсотенных партий - Каип Зиямбетев, Каскын Самаров, Уметей Уразымбетев и Юлай Азналин заслужили чины повстанческих полковников.

Польский поход помог раскрыться организаторским способностям многих башкир в их служебной деятельности. Блестящую карьеру сделал Аптик Чептаров: писарь башкирского войска в Польше - походный старшина — юртовой старшина Уранской волости - по указу Павла I от 10 апреля 1798 г. кантонный начальник 5 башкирского кантона (Бирский уезд) *[Башкирское*... 2009. С. 36, 157—161; *Материалы*... 1960. Т. V. С. 113, 119, 137, 222—223, 577-578, 684; *Полное*... 1830. Т. XXV. № 10 477]. Но его заботы не ограничивались рамками управляющего кантоном. Свидетельством размышлений Аптика о нуждах своего народа явилось его прошение на имя императора от 15 марта 1798 г., в котором высказал свое беспокойство введением новой системы военной службы башкир, ходом начавшегося весной того года межевания башкирских земель, критиковал работу земских судов. Поднимая такие жизненно важные вопросы, юртовой старшина писал, что «не осмелился бы утруждать Ваше императорское величество своим прошением, естьли б не понуждала их к тому самая необходимость» *[Материалы*... 1960. Т. V. С. 577—578]. Права и законные интересы башкир отстаивали есаул 10-й партии войска Утеган Нурмухамметев (Нурметев) и есаул 4-й партии Ахмер Курмангулов, назначенные в 1782 г. заседателями нового судебного учреждения - Уфимской верхней расправы *[ЦИА РБ*. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 17. Л. 120 об.-122; *Башкирское*... 2009. С. 82, 135].

УЧАСТИЕ БАШКИР В РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЕ 1788-1790 гг.

В конце 80-х — начале 90-х гг. XVIII в. Российская империя попала в сложную внешнеполитическую ситуацию, связанную с тем, что она должна была одновременно вести две войны и готовиться к третьей. На юге полным ходом шла русско-турецкая война 1787-1791 гг. Несмотря на крупные победы, одержанные войсками генерал-фельдмаршала Г.А. Потемкина и генерал-аншефа А.В. Суворова, противник имел достаточно сил для сопротивления. Одновременно Швеция, используя заня-

тость российской армии боевыми действиями с Турцией, начала войну с Россией, осадив в 1788 г. крепость Нейшлот. 38-тысячной шведской армии противостояла 14- тысячная российская под командой генерал-адъютанта графа В.П. Мусина-Пушкина. Эта армия ускоренно пополнялась гарнизонными командами, рекрутами, спешно формируемыми иррегулярными частями. Уже в августе шведы вынуждены были снять осаду, а в следующем году, доведя свои войска до 20 тыс. чел., Мусин-Пушкин начал наступательные действия в шведской Финляндии. Параллельно шли бои на море. В 1790 г. армию возглавил новый главнокомандующий генерал-адъютант граф И.П. Салтыков. 3 августа того же года в Верелэ был подписан мирный договор.

В 1789—1790 гг. правительство России предпринимало меры для укрепления своих вооруженных сил. Одной из них было откомандирование значительных воинских сил из Оренбургской губернии для усиления российской армии в Финляндии. Это была очередная командировка башкирских войск за пределы края, в которой они участвовали в боях совместно с мишарями, оренбургскими казаками и калмыками. В составе четырех пятисотенных полков башкиры представляли большую часть командированного из губернии войска.

До настоящего времени в работах по истории Башкортостана этому событию уделено мало внимания. В примечании к сборнику казачьих песен упоминалось, что в 1790-1792 гг. 150 казаков участвовали в шведской кампании, 20 урядников и казаков получили похвальные аттестаты от начальника команды секунд-майора Бориса Мертваго *[Мякутин,* 1904. С. 284]. В «Хрониках казачьих войск» сообщалось о командировке 165 оренбургских казаков с двумя офицерами в 1790 г. в Финляндию *[Казин,* 1912]. Отдельные сведения есть в советской историографии: «Вместе с мишарями и оренбургскими казаками более 2 000 башкир были командированы в Прибалтику, где в составе четырех пятисотенных полков воевали в Финляндской армии под командованием М.И. Кутузова» *[Усманов,* 1964. С. 13]. Об участии 150 калмыков в войне со Швецией в 1790 г. упоминал Т.И. Беликов *[Беликов,* 1965]. Современная российская историография не изменила прежнего подхода: «В 1790 г. казаки войска впервые приняли участие во внешней войне со Швецией» *[Войнов,* 1992. С. 7]. «В Финляндию был переброшен... отряд из 150 оренбургских казаков..., начальник команды секунд-майор Борис Мертваго. Сражались и достаточно успешно на этой войне также башкирские команды» *[История...* 1992. С. 78—79]. «Башкиры участвовали в походах русских войск во время турецкой, польской и швецкой кампаний» *[История...* 1996. С. 289]. Лишь в последнее время данная тема стала предметом специального рассмотрения в ряде публикаций *[Рахимов,* 2001а; 20016; 2007а; 20076; *Васильев,* 2008. С. 210-223].

О непосредственном участии башкир в боевых действиях свидетельствуют материалы журнала боевых действий российской армии «Дневные записки военных действий и другим происшествиям Финляндской армии в 1789 г.» *[РГВИА.* Ф. 846. Оп. 16. Д. 2632].

Согласно журналу, Главная квартира русской армии находилась в Выборге. Его гарнизон в мае 1789 г. составляли Тобольский, Нарвский, Невский, Кексгольмский пехотные полки, батальон лейб-гвардии Семеновского полка, гренадерские батальоны подполковников Кароваева и Хилкова, 25-й Егерский батальон, егерская команда секунд-майора Сингута, казачий полк Поздеева, Ямбургский карабинерный полк.

31 мая на рассвете авангард корпуса генерал-поручика И.И. Михельсона под командою генерал-майора И.А. Раутенфельда перешел границу при урочище Векнере. Через пять верст перед д. Киро был обнаружен шведский ретраншемент (земляное укрепление), закрывший дорогу на Христину (Христианию, ныне г. Лаппеенранта в Финляндии). Ретраншемент был окружен рвом, заполненным водой, и имел две артиллерийские батареи. Русский авангард занял возвышенности и узости в ожидании прибытия основных сил. Для подавления вражеских батарей Михельсон поставил полковую артиллерию против одной из них, а против другой, поскольку она находилась в недоступном для артиллерии месте, он выставил егерей и башкир. Первые начали «производить батальный огонь», а башкиры «метать свои стрелы», - так описан в журнале лучный бой *[Там же.* Л. 28 об.]. Пользуясь тем, что шведские батареи были вынуждены участвовать в перестрелке, русские гренадеры под руководством генерал-майоров Е.М. Спренгтпортена и И.А. Раутенфельда в это время атаковали ретраншемент. Они захватили одну шведскую пушку и заставили противника отступить в Каро, где он, имея пушку, выстроился в боевой порядок. Однако русские вновь атаковали шведов. Одновременно генерал-майор Денисов с казаками и егерями совершил обходной маневр и атаковал другой шведский отряд, защищавший переправу. Противник, бросив свое орудие, начал отступление. Заняв удобное для обороны место, шведы вновь предприняли попытку контратаковать. Прибывший к месту боя Михельсон вернул инициативу русским войскам. Они стремительно атаковали шведов с двух сторон — пехотой и егерями с башки-

рами. Часть шведов начала отступление. Преследуя их по дороге, Михельсон 1 июня вступил в Христину. Шведы бросились в лес у оз. Сайме. Но «по лесам поражали егери, а в воде башкирцы гонялись вплавь за неприятелем, которой тут и испытал последнее поражение» *[Там же.* JL 29]. В этом бою погибли 15 рядовых башкир и их сотник Саган Базанов, а также находившийся при башкирских командах капитан Семен Хоткевич. Было ранено 53 солдата и офицер, а генерал-майор Денисов получил контузию. Шведы потеряли убитыми 300 чел., 3 офицеров, 2 пушки были захвачены, в плен попали 5 офицеров и 50 рядовых, а всего, с разбежавшимися по лесам, они потеряли до тысячи человек. Следующий бой произошел 8 июня у Сент-Михеля (ныне г. Миккели в Финляндии), где была сбита шведская батарея и атакован ретраншемент. В ходе боев был ранен на-ходящийся при башкирском полку князь Баратаев *[Там же.* Л. 31].

7 июня российский корпус выступил из Христины к Парасалам. На подходе был обнаружен вражеский пикет, немедленно атакованный и сбитый. Русское командование, полагая, что пикет расположен перед очередным шведским укреплением, развернуло свои войска в боевой порядок уступом вправо. На левом фланге 4 роты егерей и 100 казаков и башкир, составляя авангард, атаковали правый фланг шведской позиции. Открывшиеся в центре шведский ретраншемент и батареи атаковали 4 роты гренадер с 4 орудиями полевой артиллерии и 60 егерей, усиленные казаками и башкирами. Правый фланг русского боевого порядка, не принимавший участия в атаке, прикрывали роты Лейб-гренадерского полка. Они одновременно имели возможность скрытно перейти в случае необходимости на левый фланг для его усиления. В резерве находились 4 гренадерские роты, а в арьергарде, расположенном в двух верстах и спрятанном за горой, — оставшаяся часть легких войск, состоявшая из егерей, казаков и башкир. Шведы начали артиллерийскую стрельбу, не имевшую успеха, а затем попытались обойти правый фланг русской позиции, но были встречены ротами Лейб-гренадерского полка и отбиты. После этого противник отступил и у Сент-Михеля вновь попытался выстроиться в боевой порядок. Однако с приближением гренадер вновь бежал, предварительно взорвав пороховой погреб. В качестве трофея наши войска захватили штандарт, 2 знамени, порох, оружие, провиант. В плен попали 2 майора, 5 обер-офицеров, 3 лекаря и 100 рядовых. Убитыми шведы потеряли 400 чел. У русских убито было 5 чел., а ранено 30 *[Там же.* Л. 35—36 об.]. Таким образом, в бою 7 июня башкиры принимали самое непосредственное участие. Находясь в Сент-

Рис. 38. Башкир.
«Изображение мундиров российско-императорскаго войска, состоящих из 88 лиц илюминованных».
Я. Люде. 1793

Михеле, российский корпус мог контролировать всю округу, поэтому дальнейшее движение было приостановлено. В начале июля шведы начали производить нападения на русские посты и генерал-майор Денисов усилил их пехотой и пушками.

4 июля произошел бой у д. Кайенас. Руководивший войсками Денисов заметил слабость шведской позиции и направил скрытно с левой стороны в обход батальон Великолуцкого полка с премьер-майором Трегубовым. Одновре-менно он приказал егерям, находившимся по обеим сторонам дороги, приблизиться к противнику, а казакам и башкирам во главе с подполковниками Янаевским и Леоновым атаковать шведов прямо во фронт, по дороге. Атакованные шведы были опрокинуты и начали отступление. Казаки и башкиры преследовали их, несмотря на наступившую ночь, на протяжении 10 верст. В результате боя 300 шведов было убито, 400 ранено *[Там же.* Л. 59-60 об.].

В ночь с 3 на 4 августа в разведку на шведскую территорию отправился капитан лейб-казачьей конвойной команды В.Т. Денисов. В его команде были казаки и башкиры. Они переправились вплавь через р. Кюмень около Мемельского поста и совершили удачную разведку шведских позиций [*Там же.* Л. 88 об.-89].

Башкиры и казаки приняли участие в поддержке морских десантов русского флота. 26 августа 1789 г. вице-адмиралом принцем Нассау-Зиген, командовавшим эскадрой русских кораблей, была проведена высадка десанта у д. Старкупицы, где находились шведские батареи. После перестрелки шведы оставили побережье и двинулись к с. Питискирхе. На помощь десанту по берегу были направлены казаки и башкиры. Десант преследовал противника до Питискирхе, где выяснилось, что шведы переправились через Кюмень и сожгли за собой мосты. Во время высадки десанта произошел несчастный случай с одним из иностранных офицеров российской армии, не знавшим русского языка. Он описан в мемуарах С.А. Тучкова, в то время капитана артиллерии. «В сие время принц Нассау лишился лучшего своего помощника, мальтийского кавалера Вара-жа: он пропал без известия при сей высадке. Отряды, посланные искать его, возвратились без всякого успеха: наконец открылось несчастное приключение, в котором погиб сей опытный и храбрый мореходец. Сойдя на берег, не мог он следовать пешком за войском, так как не имел привычки ходить столь далеко, и потому пошел он в одну чухонскую деревню, чтобы найти для себя лошадь. Не зная ни по-русски, ни по-чухонски и увидав в поле пасущихся крестьянских лошадей, он поймал одну, сел на оную верхом без седла, а вместо уды употребил карманный свой платок. Но, бродя в поле за лошадью, потерял он дорогу, и так, пробираясь через лес, встречен он был башкирами, присланными из сухопутной нашей армии. Сии полудикие воины, увидя на нем знаки иностранных орденов, подъехали к нему поближе, и когда на вопрос их отвечал он им по-французски, то они приняли его за неприятельского офицера и хотели взять в плен, то он вынул саблю, начал защищаться, причем и был убит башкирами. Они сами рассказывали о том, принеся орденские его знаки к принцу Нассау и требуя награждения за то, что они убили знатного шведского чиновника» *[Тучков,* 1996. С. 198; *Военные...* 1826. С. 169]. В памятных записках А.В. Храповицкого, статс-секретаря Екатерины II, этот эпизод представлен следующим образом: «Приехал камер-юнкер Бибиков с полною реляциею о десанте. Веража убили наши башкирцы; сам виноват: скакал, вылупя глаза на чухонской лошади в синем сертуке и не знал ни слова по-русски» *[Храповицкий,* 1990. С. 203].

«Расписание кантонир-квартирам Финляндской армии под командованием генерала графа Мусина-Пушкина, имеющей расположение по левому берегу р. Кюменя» показывает, что на зиму 1789-1790 гг. башкиры были распределены по разным отрядам. В подчинении генерал-поручика Волкова находились Лейб-гренадерский, Тобольский, Великолуцкий, Муромский полки, гренадерские батальоны Софийского и Кексгольмского полков, батальоны 2-й эстляндского и 1-й и 4-й финляндского егерских корпусов, 351 казак и 119 башкир, 16 орудий полевой артиллерии. На левом фланге под командованием генерал-поручика Ф.М. Нумсена стояли: Нарвский, Невский, Псковский, Кексгольмский, Навагинский полки, гренадерские батальоны Нарвского, Тобольского, Тенгинского, Невского полков, мушкетерский батальон Тенгинского полка, 2-й егерский батальон финляндского корпуса, отряд егерей майора Сингута, 12 орудий полковой артиллерии. В войска левого фланга входили также 500 казаков и башкир. На отдельных постах также находились смешанные отряды иррегулярных войск, состоявшие из казаков и башкир, используемые для разъездов. Так, на Нейшлотском посту под командой бригадира Римского-Корсакова находились, кроме Рязанского пехотного полка и батальонов с 5 орудиями, 226 казаков и башкир. Его рапорт «О состоящих в Нейшлотском деташменте людей с показанием отлучек» за 3 ноября показывает, что там находилось 6 563 чел., в том числе 122 казака и 96 башкир. В декабре в этом деташменте насчитывалось 5 695 чел., но количество казаков и башкир не сократилось, всего - 218 чел. *[РГАДА*. Ф. 20. Оп. 1. Д. 285. Л. 35, 36]. На Сердобольском посту под командой полковника Плахова квартировали батальон Белозерского пехотного полка и команда из 384 башкир *[РГВИА*. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2632. Л. 133 об.—135 об.].

Участие башкир было отмечено Оренбургским военным губернатором О.А. Игельстромом. В своем письме вице-президенту Военной коллегии генерал-аншефу Н.И. Салтыкову от 12 марта 1792 г. он писал о забытом награждении двух башкирских полков, принимавших участие в шведской войне и отправленных на родину сразу после ее окончания. «Бывшие в Финляндской армии во всю Шведскую войну Второй и Третий башкирские полки, которые по заключении мира отпущены в их домы, всемилостивейше пожалованных от Ея Императорского Величества всем войскам в той армии состоящим серебряных медалей не получили.... Покорнейше прошу Вашего Покровительства, дабы и башкирские полки не остались в сем случае обиженными противу других вместе с ними бывших» *[РГВИА*. Ф. 41. Оп. 1.Д. 179. Л. 5-6].

2-й и 3-й башкирские полки по окончании войны были сразу отправлены домой, а 1-й и 4-й полки были оставлены. О деятельности последних свидетельствует рапорт генерал-адъютанта

И.П. Салтыкова, бывшего командующего Финляндской армией, а в 1792 г. командующего Двинской армией, расположенной на границе Курляндии с Польшей. Рапорт датирован 2 июня 1792 г. Задачами Двинской армии в мае 1792 г. были пограничная служба и защита Прибалтики от возможных действий противника. Салтыков сообщал в Военную коллегию, что «из Башкирского полка учреждены от Риги до Крейцбурга обвещательные посты, а именно: по Бовской дороге при Транзитной таможне от помянутого города в 28-ми верстах 80 человек; по Митавской дороге при Олей в 22-х верстах 70 чел. На здешней стороне Двины главные три поста: 1-й между Гелмерсгофом и Юнгферсгофом на 7 верстах 25 чел., 2-й между Кирхгольмом, Уксулем и Престингофом на дистанции в 30 верстах, а от Риги до Престингофа 50 верст, 70 человек; 3-й, в Кокенгавзен от Риги в 80 верстах, а дистанцию вверх по Двине к Крейцбургу 35 верст, а вниз до Престингофа 50 верст, 120 человек. От онаго поста малой пост при Ашерадене от Кокенгавзена в 18 верстах - 16 человек; другой при Линден от Ашерадена в 22 верстах, 16 человек... из Башкирского и Мещеряцкого полков учреждены обвещательные стражи по над самой границею от Крейцбурга до Динабурга» *[РГВИА*. Ф. 41. Оп. 1. Д. 167. Л. 28-29 об.].

Таким образом, 1-й и 4-й башкирские полки, 1-й мещерякский полк (как ставропольские калмыки и оренбургские казаки) после окончания шведской войны были направлены в Двинскую армию для несения службы на границе Курляндии с Польшей. Общий подсчет численности одного из башкирских полков, распределенного по пикетам, дает цифру — 397 чел. Вероятно, это и есть численность людей, оставшихся в полку после двух лет боевой и походной жизни.

После того как ситуация в Польше нормализовалась, в октябре 1792 г. И.П. Салтыков представил в Военную коллегию рапорт об отправке иррегулярных частей на родину *[Там же.* Л. 42-42 об.]. Оренбургская команда выступила 7 сентября, калмыцкая - 9 сентября по маршруту: Невель, Велиж, Смоленск, Вязьма, Москва, Владимир, Арзамас; 1-й мещерякский и 4-й башкирский - 20 сентября, 1-й башкирский - 19 сентября по маршруту: Полоцк, Орша, Мстиславль, Калуга, Серпухов, Рязань, Симбирск, Уфа.

Таким образом, в Русско-шведской войне в 1790 г. приняли участие 1-4-й башкирские, 1-й мишарский пятисотенные полки, команды оренбургских казаков и ставропольских калмыков, а всего около 3 тыс. чел., направленных из Оренбургской губернии. 1-й и 4-й башкирские и 1-й мишарский полки, казаки и калмыки несли пограничную службу в Двинской армии и участвовали во втором разделе Польши. При этом казаки, башкиры и мишари находились на линейной службе, на Оренбургской линии. Только летом 1791 г. там было 6 984 башкира и 563 мишаря *[РГАДА*. Ф. 16. Оп. 1. Д. 991. Ч. 3. Л. 13]. В целом, в 1790-1792 гг. с учетом полков на западной границе башкиры выставили около 9 тыс., а мишари до одной тысячи человек. Впервые в боевых действиях башкиры получили европейскую армейскую организацию — полковую. Башкиры действовали самоотверженно и храбро, они зарекомендовали себя как надежное войско, а их боевой потенциал высоко оценивался российским командованием.

Высокую оценку башкиры получили и у противника. В Псковском драгунском полку служил подполковник А.Н. Оленин, командовавший гусарами и башкирами, причисленными к этой части*. Во время заключения мирного договора со Швецией Оленин был переводчиком, поскольку знал немецкий язык. В ходе переговоров, шведский король Густав III пожелал познакомиться с башкирами, и Оленин представил ему своего подчиненного Акчур-Пая (так он его именовал, вероятно это Кучербай Аксулпанов), которого называл «башкирским начальником». Вот как он описал демонстрацию воинского искусства башкиром шведскому королю: «Сей смелый всадник... перекинул стремена через седло коня своего, чтобы сделать их довольно короткими, дабы можно было стоять прямо на ногах, на скаку, во всю конскую прыть, не садясь на седло. После сего первого приема, Акчур-Пай положил на землю старую шапку и пустил лошадь шагом до некоторого расстояния. Приехав на место, ему нужное, он вдруг поворачивает своего коня и бросив поводья на его шею, проскакивает во весь дух мимо шапки, на несколько десятков сажен. Тут поворотясь назад на своем седле, все скакав во весь дух, он простреливает шапку насквозь... Проскакивая опять подле шапки и возвращаясь к тому месту, откуда пустился скакать, он повторил тот же прием, и обе стрелы составили над шапкой род литеры Х. После сего действия и опять на всем скаку, Акчур-Пай бросил вверх яйцо и разбил его при падении, пустив в него стрелу, быструю как молния. Наконец, он вынул из своего туда старую стрелу и бросил ее на землю, потом, подняв ее рукою не слезая с лошади и все скакавши во всю прыть, он бросил ее вверх и на лету расколол, подобно яйцу, пустивши в него новую, свежую стрелу» *[Оленин*, 1882. Т. II. С. 81-83].

* Оленин Алексей Николаевич (1763—1843) в будущем — директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств.

БАШКИРСКИЙ НАРОД В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ 1773-1775 гг.

БАШКИРЫ НА I ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

ВОВЛЕЧЕНИЕ БАШКИР В КРЕСТЬЯНСКУЮ ВОЙНУ. БАШКИРЫ В ГЛАВНОМ ВОЙСКЕ Е.И. ПУГАЧЕВА

Для башкир и других народов края, входивших в состав Яицкого казачьего войска и проживающих среди яицких казаков, слухи о появлении «мужицкого» царя Петра Федоровича — Пугачева были известны еще до начала самого восстания. Уже на третий день пребывания Е.И. Пугачева на р. Усихе к нему приехал отставной яицкий казак из башкир Идеркай Баймеков для уточнения сведений, «точно ли находится здесь сам государь и верно ли обещает народам землю и волю» *[Пугачевщина,* 1929. Т. II. С. 222].

До населения внутренних волостей Башкортостана известие о начавшемся восстании дошло по слухам. Из деревни в деревню, из уст в уста передавались слухи о появлении «государя Петра III» и его обещании освободить «своих подданных» от господ. Так, приписные крестьяне Авзяно-Петровских заводов, возвращаясь к себе домой в Казанский уезд, на всем протяжении пути через Башкирию распространяли слухи о «царе-надежде» *[Алишев,* 1973. С. 9]. Об эффективности работы «народного телеграфа» на начальном периоде Крестьянской войны свидетельствуют следственные показания многих участников.

Распространению слухов о начале восстания на Яике способствовала и сама местная администрация. 24 сентября 1773 г. оренбургский губернатор генерал-поручик И.А. Рейнсдорп направил старшине Сеитовской татарской слободы (Каргалинская слобода) Абдул-Рафику Абдуллину письмо с требованием нарядить отряд из годных к военной службе торговых татар в 300 человек и «содержать в совершенной готовности, так как скоро они востребуются, то б в два часа сюда ко мне отправлены быть могли» *[Архив СПБ ИИ РАН*. Ф. 113. Д. 60. Л. 112 об.]. 25 сентября Рейнсдорп подписал указ верным старшинам и сотникам башкирских волостей, расположенных по течению Яика. Башкиры призывались сохранять верность присяге, данной императрице, и оказать помощь в поимке Пугачева. Обещалось вознаграждение за пойманного Пугачева живым — 500 руб., за мертвого — 250 (ставки за поимку Пугачева к августу 1774 г. выросли до 30 тыс. руб.) *[Крестьянская...* 1975. С. 25—26]. В тот же день в Башкортостан был отправлен верный мишарский старшина, почтовый комиссар Уфимской провинции Мендей Тупеев. Ему помогали верные башкирские старшины Кулый Балтачев и Юсуп Надыров. Им было поручено доставить указ башкирским старшинам южных волостей Ногайской дороги, чтобы те собрали из «лучших» башкир отряд в 500 чел. и отправили его к Яицкому городку для поимки Пугачева. 28 сентября Мендей информировал Рейнсдорпа, что он послал нарочных с указом губернатора по волостям Ногайской дороги, и в течение трех суток старшины и сотники указанных волостей будут приведены в готовность и отправятся в назначенное место «во всякой исправности». Видимо, указ Рейнсдорпа от 25 сентября был не единственный, так как в ответном письме Мендея Тулеева говорится еще о другом повелении, «присланном... через русского казака» с указанием «вторично их же башкирцов е излишеством выслать» *[Архив СПб ИИ РАН*. Ф. 113. Д. 60. Л. 113, 115]. 26 сентября Рейнсдорп сообщил о начавшемся восстании уфимскому воеводе А.Н. Борисову с указанием принять необходимые меры предосторожности на случай вторжения повстанческих сил на территорию Уфимской провинции. Были посланы указы в Исетскую провинциальную канцелярию, в крепости Яицкой и Уйской укрепленных линий. Из про-

винциальных канцелярий в башкирские волости отправлялись представители местной администрации для оглашения указа губернатора *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 2. Л. 1, 115, 128]. Таким образом, народные массы повсеместно получили информацию о событиях под Оренбургом, появлении Пугачева и начале восстания.

Но наиболее значительным по своим масштабам и результатам каналом для распространения информации была деятельность ставки Е.И. Пугачева и повстанческой Военной коллегии. Большую роль в развертывании агитационной работы среди башкир в самом начале восстания сыграл Идеркай Баймеков. Немолодой отставной яицкий казак из башкир д. Кучюево, он обладал большим жизненным опытом. Умный, решительный и смелый, Идеркай хорошо знал нужды и чаяния казаков, среди которых он жил, башкир, татар и казахов и принимал непосредственное участие в ведении переговоров повстанческого штаба с нерусскими народами региона. Он был инициатором составления письма хану Младшего жуза казахов Нурали, обращения к башкирам, сам повез манифест «Петра III» — Пугачева к башкирскому старшине Кинзе Арсланову. На протяжении всей Крестьянской войны он находился рядом с Пугачевым, выполнял функции ближайшего советника и толмача. В последний раз он упоминается в документах, описывающих его поход из станицы Дубовской под Царицыным вместе с яицким казаком П. Алексеевым к тайше волжских калмыков Ценденю-Дорже для склонения того к «государю» *[Там же]*.

Особо мощно агитационная работа повстанческого центра развернулась с приходом в ставку Е.И. Пугачева Кинзи Арсланова. Один из влиятельнейших старшин Ногайской дороги, он направил сюда свою делегацию с целью проведать о «государе Петре Федоровиче» и при возможности привезти от него манифест. Делегация в составе 6 человек во главе с племянником Кинзи Кутлугильдой Абдрахмановым прибыла в ставку Пугачева в Каргалинскую слободу 30 сентября, где объявила о готовности старшины Кинзи служить «государю, буде он пошлет к ним свой указ, приклониться к нему». В ночь на 1 октября в Каргалах был написан именной указ «Петра III» — Пугачева башкирскому народу. В составлении указа кроме самого «государя» участвовали его ближайшие соратники из казаков И. Зарубин-Чика и А. Овчинников. Указ был написан «писцом татарского языка», приемным сыном Идеркая Болтаем Идеркаевым. Судя по содержанию трех сохранившихся в архивах переводов, было написано три экземпляра указа идентичного содержания, что подтверждал на допросе и Болтай Идеркаев *[Там же]*. Указ был составлен при непосредственном участии Идеркая и Кутлугильды, о чем говорит содержание указа, глубокое отражение в нем нужд и чаяний башкирского народа, его требований и интересов. Один из трех экземпляров указа был адресован Алибаю Мурзагулову, старшине Кыркули-Минской волости, исполнявшему функции главного старшины Ногайской дороги. Зная огромную популярность Алибая среди башкир этой дороги, такой вариант могли предложить только близкие люди. Указ был отправлен через муллу д. Айсувак Якшея Алибаю. Другой указ забрал себе Кутлугильда. Третий указ Идеркай вместе с делегацией повез Кинзе Арсланову *[Допрос*... 1935а. С. 198].

Известия о появлении Пугачева на Яике и начале восстания башкиры восприняли с определенной настороженностью. Тем более, что местные власти обратились к населению раньше, чем ставка Е.И. Пугачева. Колебалась и старшинская верхушка. Старшина Суун-Кыпсакской волости Ямансары Яппаров еще 28 сентября был готов со своей командой в 300 чел. прийти к Яицкому городку для поимки Пугачева, а через 10 дней пришел к Пугачеву в Бердский лагерь. Алибай, близкий друг Кинзи, вел с последним переписку, но в то же время принимал участие в комплектовании стерлитамакского башкиро-мишарского сводного карательного корпуса в качестве помощника его командира, а полученные от Кинзи письма передавал властям. Отставной старшина Бурзянской волости Трухмень Янсаитов дожидался «личного приглашения государя» *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 593. Л. 117 об.; Ф. 1100. Д. 3. Л. 12, 107]. Таких фактов можно привести много. Воспользовавшись этим, Мендей и его помощники, башкирские верные старшины Кулый Балтачев и Юсуп Надыров в последние дни сентября - первой половине октября мобилизовали в карательные команды около 5 тыс. башкир южных волостей Ногайской дороги. Кроме того воевода Исетской провинции А.П. Веревкин набрал и отправил в Троицкую крепость под командованием главного старшины Исая Токтагулова 4 800 башкир, набранных в девяти волостях этой провинции для поимки Пугачева. Помощник уфимского воеводы П.Н. Богданов и капитан И.Г. Ураков в районе Стерлитамакской пристани сформировали сводный башкиро-мишарский карательный отряд численностью более 2,5 тыс. человек. В корпусе генерал-майора Ф.Ю. Фреймана, действующего на Ново-Московской дороге, было 1 235 башкир. Около тысячи башкир, переведенных из действующей армии и

набранных в селениях вдоль Ново-Москов-ской дороги, состояло в корпусе первого главнокомандующего правительственных войск генерал-майора В.А. Кара *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 3. Л. 34-36, 41-41 об.; *Крестьянская...* 1975. С. 51, 346, 348; *Андрущенко,* 1969. С. 133]. Таким образом, за короткий срок военным и административным властям и верным старшинам удалось мобилизовать в карательные команды около 10—12 тыс. башкир. В таких условиях развернулась агитационная деятельность Кинзи.

Опытный предводитель башкирского народа умный, энергичный человек, пользовавшийся широкой популярностью не только на Ногайской дороге, воспитанный в традициях башкирских восстаний 30-50-х гг. XVIII в., Кинзя сразу по прибытии в Берду вошел в круг близких сподвижников Пугачева. Последний присвоил ему чин «главного полковника» и назначил «атаманом башкирского полка». Все вновь прибывавшие башкирские отряды должны были поступать под его командование. Он представлял командиров этих отрядов Пугачеву, во время этих аудиенций выполнял функции переводчика. Хорошо владеющий русским, татарским языками и грамотой, он сам составлял письма и обращения к башкирскому народу и отдельным старшинам. Широко известны письма Кинзи, адресованные Алибаю Мурзагулову. В деле развертывания агитации и мобилизации повстанческих сил Кинзя использовал наиболее надежных своих соратников, среди которых были его сын Сляусин и племянник Кутлугильда. Из вверенного ему «башкирского полка» он подбирал способных организаторов и военных предводителей, испытывал их в штурмовых сражениях под Оренбургом, а затем с манифестами «государя Петра Федоровича» отправлял во внутренние волости Башкортостана для мобилизации населения в повстанческую армию. Именно такую школу прошли выдающиеся предводители восставших народов края Салават Юлаев, Каскын Самаров, Канзафар Усаев и многие другие. Получившие чин полковника из собственных рук «государя», они располагали широкими полномочиями на местах.

В октябре 1773 г. основным районом деятельности эмиссаров Кинзи стала территория между Оренбургом и Уфой. В ноябре они появились в районе Уфы, на Сибирской и Казанской дорогах, в северных волостях Уфимской и Исетской провинций. Представители военной и гражданской администрации в своих рапортах и переписке жаловались, что агенты Кинзи действуют энергично и совершенно неуловимы: они пользовались активной поддержкой населения, их всюду охотно принимали и скрывали от властей.

Полномочия Кинзи не ограничивались только командованием «башкирским полком» и организацией агитации среди башкир Ногайской дороги. Под его началом находились и представители других нерусских народов Башкирии: калмыки, мишари, татары, чуваши, марийцы и др. Так, один из крупнейших предводителей Крестьянской войны, мишарский сотник д.' Бузовьязы Канзафар Усаев свою службу в повстанческой армии начал с должности писаря при Кинзе, был представлен последним «государю», затем в чине повстанческого полковника отправлен в северные волости Уфимской провинции для организации там движения. В 1774 г. мулла д. Янгулово Арского уезда Казанской губернии Абдрахман Хасанов с двумя товарищами были направлены для мобилизации башкир Уфимской провинции и возвращались домой с билетами, выданными Кинзей. Сохранились сведения, что он посылал своих людей и в Ставропольскую провинцию к калмыкам *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 593. Л. 30].

В результате работы агитаторов Кинзи, под влиянием первых побед повстанческой армии над корпусами бригадира Х.Х. Билова, полковника П.М. Чернышева, генерала В.А. Кара резко изменилось настроение населения Башкортостана. В первой половине октября обнаружилось «генеральное колебание» и начался массовый переход башкир на сторону восставших, чему не смог воспрепятствовать отказ Рейнсдорпа формировать башкирские карательные команды и строгое повеление «быть им в доме от того злодея во всякой осторожности» *[Крестьянская...* 1975. С. 53]. У основной массы башкир непродолжительные колебания перешли в готовность включиться в борьбу под знаменем «государя». Из волостей Башкортостана к Рейнс - дорпу и в Военною коллегию стали поступать сообщения о ненадежности башкир и возможности их перехода ко «всеобщему возмущению». О тревожном положении в центральных волостях края сообщали комендант Уфы полковник С.С. Мясоедов, уфимский воевода А.Н. Борисов и его товарищ П.Н. Богданов, направленный к Стерлитамакской пристани. Командующие Озерной и Троицкой дистанциями бригадиры А.И. Корф и А.А. Дефейервар, коменданты Верхне-Яицкой, Верхне-Озерной и Кизильекой крепостей полковники Е.А. Ступишин и О.Х. Демарин, секунд-майор П. Демидов, командующий войсками на Сибирской пограничной линии генерал-поручик И.А. Деколонг, его помощник генерал-майор С.К. Станиславский рапортовали о «генеральном возмущении» башкир в юго-вос-

Рис. 39. «Именной указ «Петра III» – Е.И. Пугачева башкирскому народу. 1 октября 1775 г. На тюрки.

точной Башкирии; об «отложении» башкирских волостей «от Оренбурга до Трухменского старшины»; об отказе башкир идти в состав карательных команд к Оренбургу, снабжать их фуражом и подводами; о том, что башкиры бегут из карательных отрядов и целыми командами уходят в неизвестном направлении. Это вынудило бригадира Корфа отказаться следовать на помощь осажденному Оренбургу и заняться усмирением башкир Троицкой дистанции *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 3. Л. 16-17, 34-36, 52, 53; *РГВИА*. Ф. 20. Д. 1230. Л. 135-138 об.; *Крестьянская*... 1975. С. 30, 33-36, 45—46, 47-49, 51-52, 55-56]. Аналогичная картина вырисовывается из сообщений воеводы А.П. Веревкина, его товарища В.И. Свербеева и других представителей местной администрации Исетской провинции *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 3. Л. 88-91].

По сведениям генералов Я.Л. Бранта, В.А. Кара и Ф.Ю. Фреймана, население юго-западных волостей Башкортостана под влиянием пугачевских манифестов, распространяемых агитаторами Кинзи Арсланова, также начали переходить на сторону восставших *[Крестьянская*... 1975. С. 33, 39, 46, 50, 51].

О роли Кинзи в агитации и привлечении башкир на сторону восставших показали на допросе Е.И. Пугачев, И.Н. Зарубин, А.Т. Соколов-Хлопуша, И.А. Творогов. Признавали это и И.А. Рейнсдорп, ЯЛ. Брант, В.А. Кар, И.А. Деколонг, Ф.Ю. Фрейман и другие представители военной и гражданской администрации *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 2. Л. 327, 328, 380-380 об.; Д. 3. Л. 104-109; *РГВИА*. Ф. 20. Д. 1230. Л. 69-70 об., 117-118 об., 178, 179; *Следствие*... 1966. С. 117]. Так, Кар в докладе президенту Военной коллегии З.Г. Чернышеву писал, что башкиры от «злодейских возмутительных писем» Кинзи «в великой колеблимости находятся» и не дают проходить регулярным командам *[Там же]*.

Таким образом, в результате энергичной работы агитаторов Кинзи в первой половине октября начался массовый переход башкир из карательных команд в повстанческий лагерь. Карательная команда, укомплектованная башкирами Исетской провинции и отправленная воеводой Веревкиным во главе с главным старшиной Исаем Токтагуловым из Верхне-Яицкой крепости к осажденному Оренбургу, разбежалась. Отряды башкирских старшин Юрматынской волости Кусяпкула Азятева и Сайрана Сеитова из Стерлитамакского башкиро-мишарского карательного корпуса, посланные для перехвата крестьян Авзяно-Петровских заводов, отказались «нападать на крестьян» и заявили, что если «солдаты на тех крестьян будут стрелять», то они будут колоть солдат, хотели майора Голова арестовать и «отвезти к тому самозванцу». Богданову в течение двух недель не удавалось отправить укомплектованный в Стерлитамакской пристани 2,5-тысячный башкиро-мишарский отряд к Оренбургу. Он вынужден был разбить его на небольшие группы и направить их на Авзяно-Петровские заводы, в Табынскую крепость, на Ново-Московскую дорогу. Всего 1 272 человека под командованием капитана И.Г. Уракова и Алибая Мурзагулова 30 октября отправились через Бугульчан к Оренбургу. Но из этого отряда лишь 57 башкир и 20 мишарей во главе с Ураковым и Юсупом Надыровым присоединились к корпусу Кара, а около 1 200 человек вместе с Алибаем Мурзагуловым и Салаватом Юлаевым перешли в Бердский лагерь *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 2. Л. 322—323; Д. 3. Л. 145-146, 148, 149 об.; *Крестьянская*... 1975. С. 41-43, 47-48].

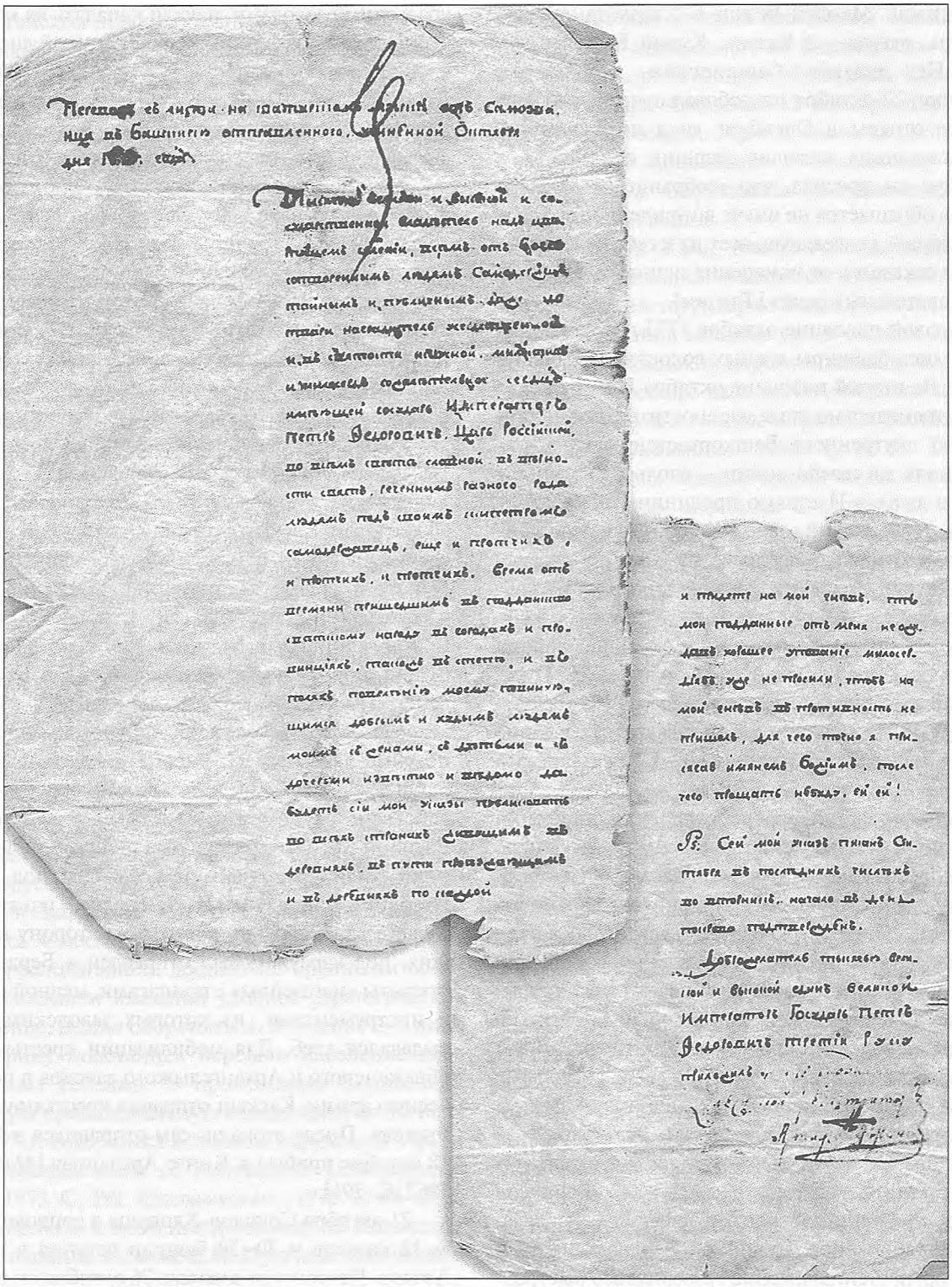

Рис. 40. Именной указ «Петра III» – Е.И. Пугачева башкирскому народу о пожаловании его за верную службу вечной волей, свободой вероисповедания, землей со всеми ее угодьями. 1 октября 1773 г.

Мендей Тупеев, Кулый Балтачев и Юсуп Надыров набирали и отправляли к Оренбургу отряд за отрядом. Но эти отряды перехватывались восставшими или сами добровольно переходили в Бердский лагерь. Таким образом, действия Мендея и его помощников по формированию карательных отрядов из башкир лишь ускорили их вовлечение в восстание. Рейнсдорп и верные старшины разобрались в этом лишь тогда, когда начался массовый переход башкир на сторону восставших. Опасаясь за

свою жизнь, Мендей бежал в Стерлитамакскую пристань, оттуда - в Казань, Кулый Балтачев - в Уфу. Не доверяя башкирским старшинам, Рейнсдорп 23 октября потребовал отправлять башкирские отряды в Оренбург «под предводительством тамошних казачьих старшин и казаков», а 16 ноября он признал, что «собрание их сюда на помощь обращается не иначе во усиление того злодея, который, разведывая, всех их к себе перехватывает», и отказался от намерения использовать башкир в карательных целях *[Там же]*.

В первой половине октября 1773 г. в восстание включились башкиры южных волостей Ногайской дороги. Во второй половине октября Крестьянская война стремительно стала распространяться на территорию внутреннего Башкортостана в трех направлениях: на северо-восток — вдоль укрепленных линий и далее в Исетскую провинцию; на север — через Воскресенский завод, Стерлитамакскую пристань и Табынскую крепость на Уфу; на северо-запад — вдоль Ново-Московской дороги на Бугульминское ведомство к Казанской губернии.

Таким образом, в результате активной работы агитаторов Кинзи Арсланова и ставки Е.И. Пугачева локальное восстание, начавшееся в середине сентября 1773 г. среди яицких казаков, к середине октября переросло в грандиозную Крестьянскую войну.

Темпы и формы распространения движения определялись дальностью расстояния от центра восстания, составом, структурой населения и степенью концентрации правительственных войск в данном районе. Оно более энергично развивалось в тех волостях, где большинство населения составляли обученные военным действиям казаки и башкиры, которые получали также активную поддержку со стороны заводских крестьян. Таким регионом Башкортостана были южные и юго-восточные волости Ногайской дороги. Здесь казаки, башкиры и заводские крестьяне составляли от 72 до 90 % населения. Поэтому, несмотря на значительную концентрацию карательных сил - корпусов Деколонга, Станиславского, Корфа, Дефейервара, сильных гарнизонов Троицкой, Верхне-Яицкой и других крепостей, движение развернулось быстро и в октябре приобрело всеобщий характер. Воздвиженская и другие крепости уже во второй половине октября оказались в руках восставших красногорских казаков, русских заводских крестьян и башкир. К середине октября башкирские вооруженные повстанческие отряды появились под Воскресенским, Преображенским, Кананикольским, Архангельским, Авзяно-Петровскими и другими южноуральскими заводами, начали нападать на крепости Сакмарской, Озерной и Верхне-Яицкой дистанций и Зилаирскую крепость *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 3. Л. 46-48, 88-91]. В юго-западных волостях для начала восстания характерна была более пассивная форма борьбы — массовое бегство населения в леса.

Для перехода к открытому вооруженному выступлению народных масс требовался внешний толчок. Таким толчком для заводских крестьян стало появление казацких и башкирских повстанческих отрядов. Показательны в этом отношении действия отрядов Каскына Самарова и А.Т. Соколова-Хлопуши. 12 октября Воскресенский завод был занят отрядом походного старшины Тамьянской волости Каскына Самарова. Заводские крестьяне добровольно перешли на сторону восставших. На заводе отряд Каскына пробыл до 15 октября, в повстанческую армию было мобилизовано около 600 человек. Каскын отправил в Бердский повстанческий центр 14 пушек, 300 ядер, свинец, порох, лопаты и другие инструменты, заводские деньги в сумме 30 тыс. руб. и хозяйское серебро. С Каргалинского рудника были отправлены 4 пушки, порох, ружья, 50 быков и около 1 тыс. руб. денег. Повстанцы сожгли денежные документы, векселя, долговые записки, шнуровые книги, крепостные акты, указы, письма и другие заводские бумаги. Заводскими крестьянами был сожжен в собственном доме ненавистный им приказчик Василий Кулалаев, остальные приказчики и нарядники были арестованы и посажены под караул. Старший приказчик И. Беспалов, изъявивший желание добровольно перейти на сторону восставших, под караулом был отправлен в Берду. Были открыты «магазейны» с припасами, медной посудой и инструментами, из которых заводским людям выдавался хлеб. Для мобилизации крестьян Преображенского и Архангельского заводов в повстанческую армию Каскын отправил крестьянина Исая Рыжова. После этого он сам отправился в Берду и 18 октября прибыл к Кинзе Арсланову *[Мартынов,* 1967. С. 291].

21 октября Соколов-Хлопуша в сопровождении 8-12 казаков и 30—50 башкир вступил в поселок Авзяно-Петровских заводов. 26 октября он вместе с 500 башкирами вывез 2 бомбы, а 300 заводских крестьян повезли в Берду 7 пушек *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 467. Л. 25,46,78]. Аналогичная ситуация складывалась на многих заводах Южного Урала.

К середине ноября боевые действия восставших башкир и заводских крестьян перекинулись в район Стерлитамакской пристани и Табынской крепости. В ночном бою с 18 на 19 ноября сводный отряд баш-

кир Ногайской дороги под общим командованием Каскына Самарова и сотника Бурзянской волости Караная Муратова штурмом взял Стерлитамак. Комендант гарнизона майор Маршилов и другие офицеры бежали в Уфу, а жители пристани перешли к восставшим. По сообщению коменданта Табынской крепости капитана А. Моисеева, повстанцы намеревались идти на Табынск и Богоявленский завод [*Крестьянская*... 1975. С. 52, 54, 64].

От Стерлитамакской пристани через Табынскую крепость повстанческий отряд направился в Уфу. Нависла угроза административному центру провинции. Уфа олицетворяла государственную власть России для башкир, и потому стремление последних захватить ее было особенно велико. Комендант Уфы Мясоедов и уфимский воевода Борисов в октябре и первой половине ноября неоднократно обращались к оренбургскому и казанскому губернаторам, главнокомандующему карательными силами генералу Кару с просьбой прислать для подкрепления армейские подразделения, пушки и порох, но каждый раз получали отказ. Не была удовлетворена их просьба и перед осадой Уфы повстанческими отрядами. Генерал Фрейман в своем рапорте в Военную коллегию от 21 ноября сообщал о своей несостоятельности оказать помощь Уфе *[Там же.* С. 55].

24 ноября 4-тысячный повстанческий отряд восставших башкир, заводских, экономических, государственных и помещичьих крестьян, трудовых масс нерусских народов во главе с Каскыном Самаровым и Каранаем Муратовым подошел к Уфе. Началась 4-месячная осада. Хорошо укрепленный город, располагавший достаточно крупными военными силами и имевший удобное стратегическое положение, решил обороняться. В течение 2—3 дней на сторону повстанцев перешло население всех окрестных селений. В промемории Борисова в Исетскую провинциальную канцелярию от 26 ноября 1773 г. говорилось о полном окружении Уфы и почти безнадежном ее положении *[Южноуралъский*... 1973. С. 299; *Крестьянская*... 1975. С. 66-67].

Масштабы и значение движения на Ногайской дороге оценили в ставке Е.И. Пугачева. Для общего руководства восстанием в этом регионе был направлен Зарубин-Чика, который прибыл в конце ноября на Воскресенский завод *[Крестьянская*... 1975. С. 125].

Центром повстанческого отряда под Уфой было избрано большое село экономических крестьян - Чесноковка. Во главе войск до прихода сюда Зарубина-Чики находились Каскын Самаров, Каранай Муратов и пятидесятник уфимских казаков И. Губанов. Кроме них во главе восставших башкир были пугачевские полковники из башкирских старшин Ногайской дороги Кидряс Муллакаев, Каип Зиямбетев, Ишкара Арсланов. 12 декабря для общего руководства осадой Уфы и боевыми действиями в Уфимской провинции в Чесноковку прибыл Зарубин-Чика. Образовался Чесноковский центр Крестьянской войны.

Достигнув Уфы, повстанческое движение с головокружительной быстротой стало распространяться по всей территории Башкортостана. Весть о начале восстания на Яике уже в октябре дошла до населения Казанской дороги и вызвала там брожение. Еще в октябре казаки Нагайбакской крепости арестовали своего атамана и грозились отвезти его в Берду *[Крестьянская*... 1966. Т. II. С. 209—210]. Сформировался повстанческий отряд из башкир, служилых татар, марийцев и дворцовых крестьян Казанской и западных волостей Ногайской дороги в 1 ООО чел. В своем воззвании они объявили о решении склониться «милосердному государю Петру Федоровичу», до последней капли крови биться за него и намеревались двинуться в поход на Уфу. Во главе этого отряда стоял старшина Суби-Минской волости Ногайской дороги Турай Ишалин *[Крестьянская*... 1975. С. 57-58]. В конце ноября из-под Уфы в район Мензелинска отправился отряд Караная Муратова, объединившего и возглавившего движение многочисленных повстанческих отрядов Казанской дороги Уфимской провинции и в восточной части Казанской губернии. Образовался Мензелинский повстанческий район, который номинально подчинялся Чесноковке, но фактически действовал самостоятельно *[Алишев,* 1973. С. 97-137].

Таким образом, в конце ноября — начале декабря массовое вооруженное выступление народных масс охватило западные волости Башкортостана и перешло на территорию Казанской губернии.

На Сибирской дороге в ноябре действовало несколько повстанческих отрядов башкир во главе с волостными старшинами. Ими были взяты Симский, Усть-Катавский, Юрюзань-Ивановский, Архангельский заводы, крестьяне которых добровольно перешли на сторону восставших. В начале декабря башкирские повстанческие отряды появились под Саткинским и Златоустовским заводами. Во второй половине декабря на Сибирскую дорогу вернулся раненный под Оренбургом пугачевский полковник Салават Юлаев и взял на себя функции предводителя повстанческого движения в северо-восточном Башкортостане. Собрав повстанческие отряды семи волостей Сибирской дороги в единый

отряд численностью в 800 чел., Салават 12 января 1774 г. по просьбе казаков прибыл в Красноуфимск *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 593. Л. 341-344; *Крестьянская*... 1975. С. 326, 354, 356], в районе которого в ноябре—декабре 1773 г. действия многочисленных повстанческих отрядов башкир, татар, казаков, дворцовых крестьян возглавляли пугачевские полковники Канзафар Усаев и Бахтияр Канкаев *[РГИА*. Ф. 467. Оп. 32. Д. 2. Л. 75 об.—76; *Пугащевчша,* 1926. Т. I. С. 149; *Крестьянская*... 1975. С. 358—360, 417, 418]. С прибытием в Красноуфимск Салавата возник Красноуфимско-Кунгурский повстанческий район. Сюда в качестве «главного предводителя азиатскими войсками» Зарубин направил бригадира повстанческой армии табынского казака И.С. Кузнецова. Во многих документах в графе «главный предводитель» сохранилась двойная подпись — Кузнецова и Салавата Юлаева *[Документы*... 1975. С. 250, 252, 353]. Таким образом, движение на Сибирской дороге во второй половине декабря получило организованную форму.

В северо-западных волостях Осинской дороги и в районе пригорода Оса открытое вооруженное выступление началось в конце ноября — начале декабря 1773 г. Оно получило наибольший размах в середине декабря, когда группа башкирских старшин и сотников Осинской дороги прибыла в Чесноковку к Зарубину для принесения присяги и, получив от него чины полковников, атаманов и сотников, вернулась на родину в качестве полномочных представителей «царя Петра III». Отряды Абдея Абдулова, Батыркая Иткинина, Сайфуллы Сайдашева и других башкирских старшин заняли крупные населенные пункты: пригород Осу, Сарапульское дворцовое село, вызвав волнение дворцовых крестьян и населения горных заводов этого региона. Повстанческие отряды уже в конце декабря 1773 г. были мобилизованы Батыркаем Иткининым для похода на Кунгур. В конце декабря движение в этом направлении перешло границы Башкортостана и охватило территорию пермских заводов *[Крестьянская*... 1966. Т. II. С. 295-297].

В Исетскую провинцию вести о начале восстания на Яике дошли через администрацию уже в начале октября и вызвали брожение населения. В конце октября оно перешло в открытые выступления. Образовались многочисленные повстанческие отряды во главе с башкирскими старшинами Сарой Абдуллиным, Базаргулом Юнаевым, Юламаном Кушаевым *[РГАДА*. Ф. 139. Д. 479. Л. 96]. В ноябре отряды под общим руководством Базаргула Юнаева фактически осадили административный центр провинции Челябинск. Башкирские отряды приводили в движение мишарей, служилых татар и тептярь-бобыльское население. Повстанческий центр, верно оценив обстановку, направил сюда полковника И.Н. Грязнова для осуществления общего руководства действиями отрядов в Исетской провинции *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 627. Ч. 2. Л. 320-320 об.; Ф. 1100. Д. 4. Л. 95; *Крестьянская*... 1966. Т. II. С. 236—240]. Образовался Челябинский повстанческий район и повстанческий центр. В декабре 1773 г. восстание в этом регионе вышло за пределы Башкортостана.

Таким образом, к декабрю 1773 г. вооруженная борьба охватила всю территорию Башкортостана. Башкиры приняли самое активное участие в распространении движения. Они не только сами переходили на сторону повстанческой армии, но своими энергичными действиями вовлекали в народное движение заводских, государственных и дворцовых крестьян, нерусское пришлое население края.

Генерал-аншеф А.И. Бибиков в письме к генерал-прокурору А.А. Вяземскому признавался в том, что он не отчаивался бы «усмирять башкирцов, есть ли бы злодей разными приманками не умножал их кучи разною сволочью и есть ли бы к несчастию черной народ не был склонен. Вот труднейшее в сем деле обстоятельство» *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 3. Л. 96]. В этом признании как нельзя лучше выражены масштабы участия башкир в Крестьянской войне, глубина проникновения движения в толщу народных масс и страх правительства перед движением.

Одним из необходимых условий перерастания локального восстания в Крестьянскую войну является переход на сторону восставших армии или части войска. Для России таким контингентом войск традиционно выступало казачество, принявшее на себя роль застрельщика и военной опоры всех крестьянских войн. Осенью 1773-1775 гг. таким военным ядром стало Главное войско Е.И. Пугачева. Именно оно разбивало в сентябре-ноябре ударные карательные силы: корпус Билова, полковника Чернышева и генерала Кара, в течение 6 месяцев держало в осаде Оренбург, главный опорный пункт правительства в крае.

Накануне Крестьянской войны 1773—1775 гг. в Оренбургском крае казаки составляли 9,6 %, калмыки - 2,4 %, мишари и служилые татары вместе — 2,9 %, башкиры - 38,2 % населения. Эти военно-служилые сословия вместе составляли 53,1 % всего населения края. Они сыграли серьезную роль в формировании Главного войска Е.И. Пугачева.

17 сентября 1773 г. горстка смельчаков из «войсковой стороны» Яицкого казачества во главе с «мужицким царем» Петром Федоровичем - беглым донским казаком Е.И. Пугачевым - двинулась с

хутора Толкачевых к Яицкому городку. 18 сентября Пугачев огласил свой первый Манифест к яицким казакам. Эту дату принято считать началом Крестьянской войны 1773-1775 гг. Движение началось как казацкое восстание. Но с самого начала по своему составу оно было полиэтничным. Еще 16 сентября на Усихе среди повстанцев рядом с казаками были калмык Сюзюк Малаев, татарин Барын Мустаев, «казак из кибиток», пугачевский толмач из башкир Идеркай Баймеков *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 512. Ч. 2. Л. 259 *об.; Дубровин*, 1884. Т. III. С. 237].

На допросе в Яицком городке Пугачев показал, что у него к началу движения было примерно 80 чел., в том числе 40 казаков, 20 калмыков и 20 татар *[Следствие...* 1966. С. 144]. 18 сентября Идеркай привел к Пугачеву 20 вооруженных всадников — башкир из своих кибиток *[РГАДА*. Ф. 348/3. Д. 7343. Л. 2]. Таким образом, с самого начала восстания, примерно половину повстанческого отряда Пугачева составляли нерусские народы.

Отряд Пугачева под Яицким городком быстро рос. Если 17 сентября в нем было 80 человек, то уже через сутки — 500, а к 27 сентября — 2 000. К Оренбургу Пугачев подошел во главе отряда в 3 000 чел., из которых примерно половину составляли яицкие и илецкие казаки, вторую половину — башкиры, татары, калмыки и другие нерусские народы *[РГАДА*. Ф. 504. Ч. 1. Л. 231; Д. 515. Л. 79 об.].

К концу сентября в повстанческом отряде Пугачева было много башкир, как проживающих среди яицких казаков и с первого дня восстания примкнувших к восставшим, так и тех, которые несли очередную линейную службу в крепостях, форпостах и редутах, оказавшихся в зоне действия повстанческого отряда. В последние дни сентября - начале октября к Пугачеву стали присоединяться целые отряды башкир южных волостей Ногайской дороги.

Так, 2 октября под Сакмарским городком к Пугачеву присоединилась башкирская конница в 400 чел. 3-4 октября в Бердский лагерь пришли еще два башкирских отряда в 400 чел. На третий день пребывания Главного войска под Оренбургом, т. е. 7 октября 1773 г., к Пугачеву присоединился старшина Суун-Кыпсакской волости Ямансары Яппаров с отрядом в 500 чел., а на следующий день присоединился такой же отряд старшины Бушман-Кыпсакской волости Кинзи Арсланова. Немногим позже в Берду прибыли отряды «черемисского старшины Мендея» в 500 чел. и «башкирского старшины Альвея» в 600 чел. *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 2. Л. 251-252; *Архив СПб ИИ РАН*. Ф. 113. Д. 6. Л. 115; *Дмитриев-Мамонов*, 1898. С. 182; *Допрос...* 1935а. С. 143]. Среди башкирских, татарских и марийских старшин, примкнувших к восстанию, не значился человек по имени Мендей. В рапорте от 4 октября Мендей Тупеев сообщал в Уфимскую провинциальную канцелярию, что «во близости живущим к Оренбургу башкирским старшинам ездил... и команду их сот до шести собрав, до деревни Имангуловой приводил» *[Крестьянская...* 1975. С. 37]. Очевидно, именно этот отряд, собранный и отправленный к Оренбургу Мендеем, и перешел к восставшим и был принят Пугачевым как «отряд Мендея». Что касается отряда «старшины Альвея», речь вдет об отряде, собранном в Кыркули-Минской волости, находившейся в ведении старшины Атибая Мурзагулова. По сообщениям Рейнсдорпа и Бранта, к восставшим присоединились 7 октября 400 башкир, 16 октября — 300 башкир Суун-Кыпсакской и Тамьянской волостей, 21 октября — 500 башкир «неволею к помянутой злодейской толпе присоединены», т. е. перехвачены, а 23 октября - еще 300 башкир *[Там же.* С. 21].

Первые успехи повстанцев, их триумфальное шествие по яицким крепостям, разгром корпуса Билова 27 сентября, начало осады Оренбурга и Яицкого городка всколыхнули башкир. Именно после этих событий начался массовый приход в Берду башкирских отрядов Ногайской дороги. Не позднее 13 октября в Берду прибыли старшины Бушман-Кыпсакской волости Бикаш Зюмакаев и Санким-Кыпсакской волости БулякУмеров.

18 октября в Берду прибыл со своим отрядом Каскын Самаров. По докладу Корфа к 31 октября среди восставших были старшина Кара-Табынской волости Кидряс Муллакаев, отставной старшина Усерганской волости Сабир Кутлунбеков и старшина Канчура Мункин. 31 же октября из стерлитамакской карательной команды к восставшим присоединились отряды Кусяпкула Азятева и Сайрана Сеитова. 3 ноября комендант Кизильской крепости П. Демидов сообщал, что Кыпсакская, Юрматынская, Тамьянская, Санким-Кыпсакская, Усерган - ская и Бурзянская волости перешли к Пугачеву *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 3. Л. 142-142 об.; *Крестьянская...* 1975. С. 34, 41, 44]. Во время сражения отряда Зарубина и Овчинникова с корпусом Кара под д. Юзеево 9-10 ноября на сторону повстанцев перешли 1 200 башкир Стерлитамакского корпуса. Тогда же перешла к восставшим башкирская конница из корпуса самого Кара. Кар рапортовал в Военную коллегию, что тысяча человек под командованием капитана князя Уракова и старшины Алибая Мурзагулова «10-го числа сего месяца... попалась в плен», а из его корпуса «тысяча человек конных, не видя себе никакого притеснения и отда-

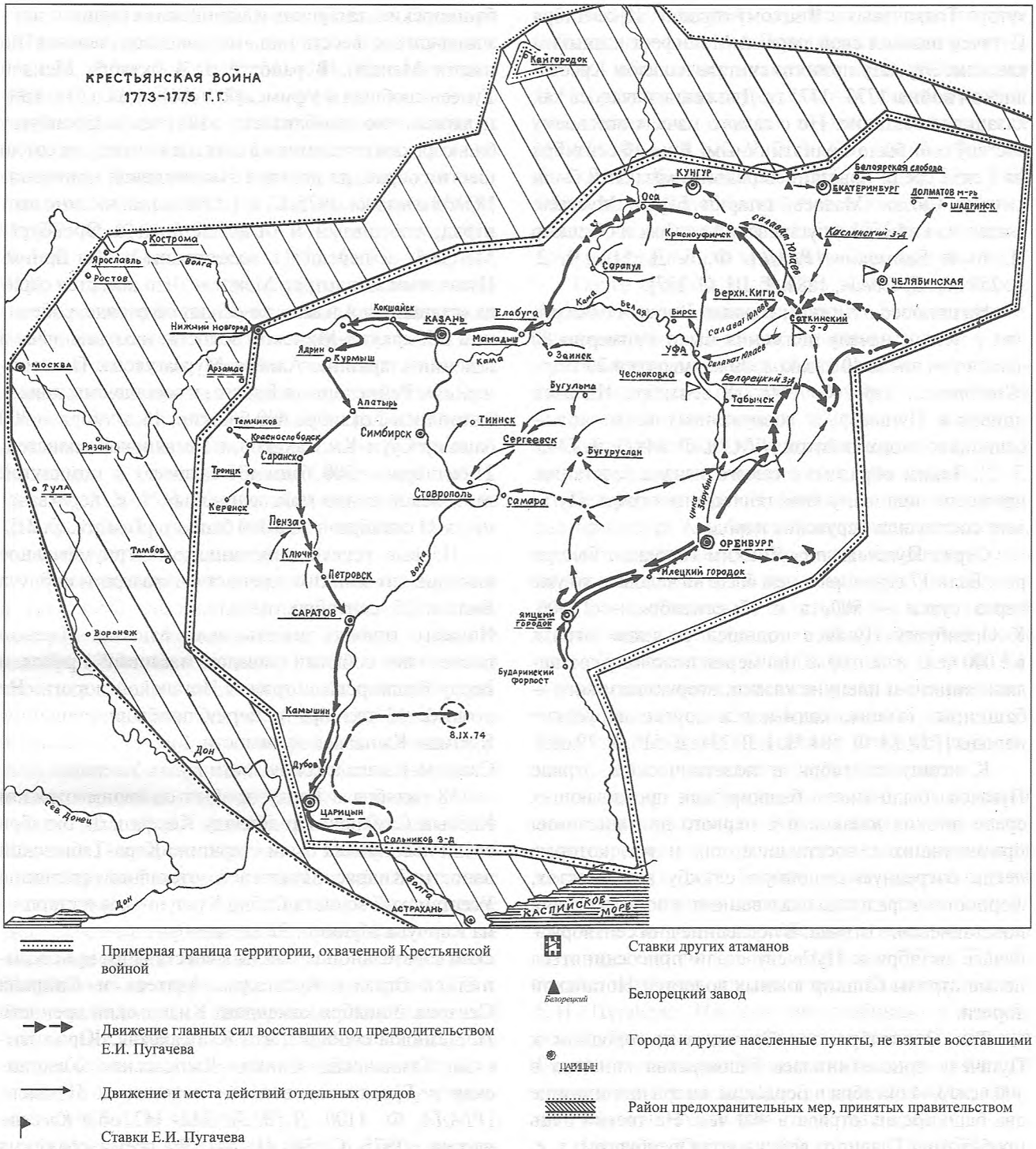

Рис. 41. Крестьянская война 1773 – 1775 гг.

лась в открытой степи без всякого сопротивления злодею» [*Крестьянская...* 1975. С. 51].

Таким образом, 9—10 ноября в Бердский лагерь прибыло еще 2 200 башкир. 16 ноября здесь, по сообщению Рейнсдорпа, «башкирцы... к нему, злодею пристали, коих, как от выходцев из захваченных из толпы его изменнической слышно, находится тысяч до пяти», они составляли половину Главного войска Путачева *[Там же.* С. 53]. 18 ноября к отряду Соколова-Хлопуши под Ильинской крепостью присоединилось 1,5 тыс. башкир. В начале декабря Каскын Самаров захватил команду майора О.А. Тевкелева, сына печально известного палача башкирского народа А.И. Тевкелева, и привел в Берду. В команде было 400 башкир. Тевкелева Пугачев повесил в Берде *[РТВИА.* Ф. 20. Д. 1231.

Л. 16—17 об.; *Допрос...* 19356. С. 168; *Андрущенко,* 1969. С. 133]. К этой цифре надо прибавить еще 2 ООО башкир, несших линейную службу и перешедших на сторону повстанческой армии вместе с гарнизонами занятых крепостей, форпостов и редутов Яицкой и Озерных дистанций. Таким образом, всего в Главном войске в декабре 1773 г. было около 10—12 тыс. башкир.

На допросе Зарубин говорил, что с Кинзей Арслановым в Берду пришло «башкирцев тысяч до пяти». Пугачев показал, что в короткое время «пришло башкирцев при их старшинах тысяч десять», а потом еще четыре тысячи. Видимо, Зарубин имел в виду «башкирский полк», находившийся под общим командованием «главного полковника и атамана башкирских войск» Кинзи Арсланова и насчитывавший в момент отбытия Зарубина из Берды в середине ноября около 5 тыс. чел. А показание Пугачева рисовало реальную картину в Главном войске в декабре 1773 г.

Главнокомандующий правительственными войсками генерал-аншеф А.И. Бибиков 30 декабря писал в Военную коллегию, что в войске Пугачева более шести тысяч, а «щитая ныне воров башкирцов число крайне должно быть велико» [*Пугачевщина,* 1929. Т. II. С. 133; *Восстание...* 1935. С. 67]. Итак, в сентябре—октябре 1773 г. наиболее активное и массовое участие башкир Ногайской дороги проявлялось в их приходе в Бердский лагерь и участии в боевых действиях Главного войска под Оренбургом. Если учесть, что численность последнего зимой 1773-1774 гг. достигала 25-30 тыс. человек, то башкирские конники составляли примерно его половину.

Кроме того, много башкирских повстанческих отрядов действовало в тесном контакте с Главным войском. По сообщениям полковника О.Х. Демарина И.А. Рейнсдорпу от 18 и 21 ноября, севернее Сакмарского городка стояли два отряда в три и пять тысяч человек с 18 пушками *[РГАДА.* Ф- 1100. Д. 3. Л. 231-232; *Крестьянская...* 1975. С. 55]. Они контролировали территорию от Авзяно-Петровских заводов до Желтого редута и помогали тем самым Пугачеву блокировать осажденный Оренбург. Аналогичную функцию выполнял отряд башкир Бурзянской волости старшины Трухменя Янсаитова, которому Пугачев приказал «зачиная от Орской до Верхояцкой ни команд, ни писем не пропускать, а стараться, перехватывая ловить» *[Крестьянская...* 1975. С. 55]. Севернее Оренбурга башкирские повстанческие отряды взяли Воздвиженскую, Зилаирскую крепости. Деколонг 5 декабря сообщал в Военную коллегию, что башкиры взяли Авзяно-Петровские заводы, собираются идти на Белорецкий завод, отважились даже атаковать сильную Верхне-Яицкую крепость, выжгли почтовые станции по тракту к Зилаирской крепости. Учитывая растущую активность башкирских повстанческих отрядов севернее и восточнее Оренбурга и важность стратегического положения Зилаирской крепости, Рейнсдорп предписал Деколонгу направить туда корпус генерала Станиславского, а для отвлечения башкир от активных действий «тревожить их жен и детей в их жилищах» *[Там же.* С. 64—65].

Башкирские конники вместе с казаками и калмыками представляли наиболее боеспособную часть повстанческой армии, в том числе Главного войска Пугачева. Успехи войск повстанцев в сражениях с регулярными частями на первом этапе Крестьянской войны во многом объясняются именно их превосходством в кавалерии. Вот почему Рейнсдорп не решался в начале октября на полевое сражение. Конница принесла успех Пугачеву в сражениях с карательными корпусами Чернышева и Кара, ликвидировала возможность успешных вылазок гарнизона из осажденного Оренбурга. Пугачев на допросе показал, что «оного Чернышева ево, Емельки, конница задавила». На превосходство Пугачева в коннице указывал и Кар *[РГАДА.* Ф. 6. Д. 506. Л. 194; *Восстание...* 1935. С. 144].

5 ноября, когда в связи с усилившимися морозами повстанческая армия перешла из полевого лагеря в Бердскую слободу, башкиры и калмыки по их собственной просьбе были оставлены Пугачевым в лагере для несения дозорной службы. Среди сил, отразивших вылазку корпуса генерала Валленштерна, главную роль сыграли казаки, башкиры и заводские крестьяне. Башкирская конница активно действовала при отражении атаки оренбургских войск 13 января 1774 г. и во время других действий из осажденного Оренбурга.

В сражении с корпусом генерала В.А. Кара под д. Юзеево в повстанческом отряде И.Н. Зарубина и А.А. Овчинникова было 1,5 тыс. башкир во главе с Идеркаем Баймековым и Кутлугильдой Абдрахмановым. Сохранились сведения, что отряд А.А. Овчинникова, направленный Пугачевым для штурма крепости Яицкого городка, состоял из 50 казаков и 100 «уральских башкир». В походе на Авзяно-Петровский завод Хлопушу сопровождали 500 башкир. Во время его же похода на Верхне-Озерную и Ильинскую крепости с ним были башкиры и заводские крестьяне, а под Желтым редутом к нему присоединились еще 1,5 тыс. башкир, проживающих по р. Ик. Они принимали активное участие во взятии Ильинской крепости, Илецкой защиты, разгроме

батальона майора Заева, штурме Верхне-Озерной крепости, где было перебито их «множество». Башкиры участвовали в сражениях под Татищевой крепостью и Сакмарским городком. В составе 10-тысячной повстанческой армии под Татищевой крепостью было 3 ООО казаков, 2 ООО солдат, 1 800 заводских крестьян, 2 300 башкир, калмыки и другие нерусские народы. Под Сакмарским городком в 5-тысячном войске Пугачева было 3 ООО башкир, ушедших от преследования из-под Татищевой крепости, остальные - казаки, калмыки, татары, главным образом, конница. Пешая часть Главного войска осталась в Бердском лагере *[РГВИА*. Ф. 20. Оп. 1/4. Д. 7. Л. 390-399 об.].

БАШКИРЫ В ДРУГИХ ПОВСТАНЧЕСКИХ РАЙОНАХ

К зиме 1773 г. повстанческое движение охватило всю территорию Оренбургской губернии. Стихийно возникло несколько повстанческих районов. Кроме Бердского центра, возглавляемого самим Пугачевым и повстанческой Военной коллегией, на территории Башкортостана на первом этапе Крестьянской войны функционировали Чесноковский центр Уфимского повстанческого района, Челябинский центр Исетского повстанческого района, Мензелинский центр Мензелинского повстанческого района, Красноуфимский центр Красноуфимско-Кунгурского повстанческого района. Возникли Нижне-Яицкий, Самаро-Волжский, Прикамский повстанческие районы. Кроме того, на Среднем Урале, в районе горных заводов действовал «Сибирский военный корпус» И.Н. Белобородова. Башкиры принимали массовое и активное участие на территории всех этих повстанческих районов. Пугачев и его Военная коллегия, верно оценив значение распространения восстания и вовлечения в него новых масс населения, посылали в эти повстанческие центры своих представителей для организации общего руководства повстанческими силами на местах.

Яицкий повстанческий район. Бердский центр. В Яицком повстанческом районе башкирская конница принимала активное участие в составе Главного войска Е.И. Пугачева. В составе «башкирского полка» Кинзи Арсланова действовала целая плеяда башкирских предводителей, получивших чин полковника: Алибай Мурзагулов, старшина Кыркули-Минской волости, главный старшина Ногайской дороги; Ямансары Яппаров, старшина Суун-Кыпсакской волости, одним из первых пришедший в Бердский лагерь со . своим отрядом; Кидряс Муллакаев, тархан, старшина Кара-Табынской волости Ногайской дороги; Каип Зиямбетев, старшина той же волости; старшина Уршак-Минской волости Ибрагим Мрясев; башкир Мратша Сыртланов; Ишкара Арсланов, тархан, старшина Кыпсакской волости Казанской дороги. Близкими сподвижниками Кинзи были его сын Сляусин и племянник Кутлугильда Абдрахманов.

О повстанческой деятельности Сляусина Кинзина, талантливого эмиссара по распространению пугачевских манифестов и крупного предводителя башкир-повстанцев Ногайской дороги на втором и третьем этапах Крестьянской войны, свидетельствуют многие источники. Но лишь единственный сохранившийся и дошедший до нас документ подтверждает, что зимой 1773—1774 гг. он находился рядом с отцом и служил в его «башкирском полку» писарем. В отпускном письме Кинзи от февраля 1774 г. на имя Азамата Тумтаева вместе с подписями Кинзи и Ямансары Яппарова стоит подпись писаря Сляусина Кинзина *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 7. Л. 200-201].

Заметную роль в «башкирском полку» Главного войска в Бердском лагере играл Кутлугильда Абдрахманов. Он был доверенным лицом Кинзи. 8-9 ноября 1773 г. во время сражения с корпусом генерала Кара Кутлугильда вместе с Идеркаем Баймековым в составе повстанческого войска возглавил отряд башкир численностью 1 500 чел. *[Пугачевщина,* 1929. Т. II. С. 134]. На следующий день, 10 ноября, Зарубин и Овчинников «послали племянника... башкирского Кинзи» на встречу со Стерлитамакским башкирско-мишарским карательным корпусом, который под командой капитана Уракова и Ачибая Мурзагулова шел на соединение с корпусом Кара *[Там же].* В результате переговоров Кутлугильде удалось убедить башкирские отряды перейти к повстанцам: 1 200 чел. из этого корпуса под командой Алибая Мурзагулова перешли к повстанцам *[Крестьянская...* 1975. С. 48-51].

Из башкирских предводителей, получивших чин полковника, в «башкирском полку» в Бердском лагере наиболее значительную роль играл Атибай Мурзагулов. Когда началась Крестьянская война, Алибай оказался в сложном положении. Башкиры его команды самостоятельно перешли на сторону восставших, из них около 700 чел. пришло в Бердский лагерь *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 2. Л. 251-252; *Архив СПб ИИ РАН*. Ф. 113. Д. 60. Л. 115; *Допрос...* 1935а. С. 198; *Восстание...* 1935. С. 143]. Повстанческий центр, учитывая популярность и авторитет Алибая, обратился к нему с указом. По сообщению на допросе старшины каргалинских торговых татар Мусы Алиева, один из трех экземпляров указа

«Петра III» - Е.И. Пугачева от 1 октября к башкирам через муллу д. Айсувак Якшея отправили к Алибаю *[Допрос...* 1935а]. Атаман «башкирского полка» Кинзя писал ему письма, обращаясь «Секретнодержатель, друг!», сообщал ему о массовом притоке к «царю Петру Федоровичу» башкир и казаков *[Крестьянская...* 1975. С. 22]. Алибай вынужден был вести двойную игру. Сочувствуя восставшим, он в то же время письма Кинзи и указы Пугачева передавал Уракову. В результате военные и местные гражданские власти были информированы о событиях в Башкортостане. В частности, Уфимская провинциальная канцелярия 28 октября 1773 г. в своем секретном рапорте оренбургскому губернатору сообщала, что капитан Ураков через письмо, присланное от Кинзи Алибаю, узнал о преклонении И зауральских башкирских старшин Пугачеву *[Там же.* С. 39].

Но о переписке Алибая с Кинзей знали также другие старшины, рядовые башкиры и мишари Стерлитамакского корпуса, и тем самым получали информацию о Пугачеве и событиях под Оренбургом. Это обстоятельство в определенной степени способствовало усилению брожения в корпусе. В своем сообщении от 29 декабря 1773 г. товарищ уфимского воеводы майор П.Н. Богданов информировал Уфимскую провинциальную канцелярию о том, что башкиры под командованием старшин Юрматынской волости Сайрана Сеитова и Кусяпкула Азятева отказались стрелять по крестьянам Авзяно-Петровских заводов, окружили майора Н. Голова и Алибая, грозились их «колоть» *[Там же.* С. 42].

Алибай перешел на сторону повстанцев 10 ноября 1773 г. под д. Биккулово вместе с частью Стерлитамакского башкирско-мишарского отряда с 1 200 всадниками *[Там же.* С. 416]. В Бердском лагере Алибай служил в «башкирском полку» Кинзи. Пугачев присвоил ему чин полковника, назначил атаманом. Об огромном авторитете Алибая не только в Бердском лагере и в «башкирском полку», но и среди башкир всего края говорят многие события. Так, в марте 1774 г. башкирские полковники повстанческой армии Кидряс, Каип, Мратша и другие, действовавшие под Мензелинском, обратились в Военную коллегию с рапортом, где просили «прислать сюда атамана Алибая Мурзагулова, ибо здесь главного начальника, коему б был народ послушен, не имеетца, кой бы тому народу подпорою быть мог» *[Там же.* С. 118-119]. Второе событие. Когда Пугачев узнал о разгроме армии И.Н. Зарубина-Чики под Уфой, он решил направить туда Алибая. Алмекей Алкеев, который сопровождал его в этой поездке, на допросе показал, что Пугачев «нарядил на место того пойманного Чики башкирского старшину Алибая Мурзагулова (который у него... в толпе был главным) с тем, чтоб он, Алибай, город Уфу атаковал и, как можно, старался бы ево взять, о чем ему и указ дал» *[Овчинников,* 1980. С. 209].

В Бердском лагере служил и Каскын Самаров. К началу Крестьянской войны Каскын был уже опытным военачальником. Он являлся походным старшиной Тамьянской волости. В 1771—1773 гг. участвовал в подавлении восстания польских конфедератов, возглавил одну из команд башкирского войска. В это время он мог близко познакомиться со многими из будущих сподвижников и врагов в Пугачевском восстании. В частности, командиром войска был Кулый Балтачев, а его заместителем — Каип Зиямбетев *[РГАДА.* Ф. 6. Д. 467. Ч. 10. Л. 533 об.].

В фондах РГАДА удалось обнаружить источник, который сообщает, что 12 октября 1773 г. Каскын со своим отрядом, состоявшим из 20 всадников-башкир, занял Воскресенский завод Твердышева-Мясникова *[РГАДА.* Ф. 6. Д. 511. Л. 74]. 14 октября табынские казаки арестовали крестьянина Воскресенского завода И. Рыжикова, который сообщил: «Воскресенский же завод уже двумя присланными из той злодейской партии и их же крестьянами в числе башкирцев, приехавших от той толпы, 70 человек, разграблен; порох, ружья, денежной казны тысяч до тридцати и серебро увезено в злодейский лагерь; да и управитель прапорщик Кулалаев сожжен» *[РГАДА.* Ф. 1100. Д. 3. Л. 106].

Итак, начав повстанческую деятельность 12 октября захватом Воскресенского завода и явившись 18 октября в Бердский лагерь, получив от Пугачева чин повстанческого походного старшины, Каскын развернул бурные действия по мобилизации населения Ногайской дороги для участия в восстании и борьбе с карателями. Опытный предводитель и военный командир, он действовал стремительно и решительно. В этом Каскына можно было бы назвать одной из самых заметных фигур Крестьянской войны. Его конница как смерч летала на юге Башкортостана, на огромных просторах между Стерлитамакской пристанью и Бердским лагерем. В этом отношении динамику действий Каскына можно было бы сравнить с действиями юного и пылкого Салавата или опытного яицкого казака Андрея Овчинникова. Каскын оставался хозяином этой территории весь октябрь и ноябрь 1773 г. Каскын собрал большой отряд, способный решать крупные задачи, и был отправлен Пугачевым «в Башкирию для развертывания борьбы на местах» *[Крестьянская...* 1970. Т. III. С. 219]. В ночь с 18 на 19 ноября стремительным ночным налетом

он овладел Стерлитамакской соляной пристанью. Как сообщал комендант Табынской крепости капитан А. Моисеев, майоры И.К. Маршилов и Н. Голов успели бежать из Стерлитамака в Уфу, а часть башкиро-мишарского карательного корпуса численностью около 600 чел. была захвачена Каскыном *[Крестьянская...* 1975. С. 55-56]. 19 ноября отряд Каскына занял Табынскую крепость. Забрав оттуда 2 пушки, порох и другие необходимые для полевых условий вещи, отряд Каскын направился на Уфу.

Кидряс Муллакаев, Каип Зиямбетев, Ишкара Арсланов в ноябре 1773 г. вместе с Каскыном Самаровым прошли путь от Бердского лагеря до г. Уфы, затем в составе отряда Караная Муратова направились в западную часть Башкортостана, где возглавили восстание в Мензелинском районе. Вместе с Кинзей в Бердском лагере до весны 1774 г. оставались Сляусин Кинзин, Кутлугильда, Алибай и Ямансары.

В непосредственном контакте с Пугачевым и его ставкой в Яицком повстанческом районе действовали пугачевские полковники из башкир: отставной старшина Бурзянской волости Трухмень Янсаитов, рядовые башкиры Тангаурской волости Нарынбай и Акмурза. Трухмень Янсаитов проявил себя одним из активных и последовательных предводителей восстания башкир Ногайской дороги. Комендант Кизильской крепости майор П. Демидов 26 октября 1773 г. сообщал бригадиру Корфу, что Пугачев требует к себе старшину Трухменя «к персональному свиданию». Трухмень явился в Бердский лагерь в конце октября [*Там же.* С. 286]. Пугачев присвоил ему чин полковника и возложил на него обязанность контролировать северные подступы к Оренбургу *[РГАДА*. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 196. Л. 129 об.]. Отряды Трухменя Янсаитова и других башкирских предводителей «точно исполняли приказ повстанческого руководства» *[Гвоздикова,* 1999. С. 291].

О повстанческой деятельности пугачевских полковников из башкир Нарынбая и Акмурзы сохранилось очень мало источников. Казак из башкир Орской крепости Нарынбай действовал со своим отрядом в районе Орской крепости. Возможно, Пугачев поставил перед полковником Нарынбаем задачу занять эту сильно укрепленную и хорошо оснащенную крепость. Орская крепость защищалась крупным регулярным войском. Повстанческий отряд Нарынбая всю зиму и весну 1774 г. держал крепость в блокаде и вынудил карательный корпус генерала Станиславского бездействовать, но Орская крепость не была захвачена повстанцами.

Крайне скудные сведения сохранились и о башкирском полковнике из казаков Акмурзе. Судя по тому, что он регулярно посещал Бердскую слободу, можно предположить, что отряд полковника Акмурзы действовал в непосредственной близости от повстанческого центра. Постоянные контакты с Пугачевым говорят о том, что чин полковника ему присвоил сам «государь».

10 ноября около д. Биккулово в составе Стерлитамакского башкиро-мишарского карательного корпуса под командой Алибая Мурзагулова на сторону повстанцев перешел со своими конниками Салават Юлаев. С 13 ноября до первых чисел декабря он участвовал во всех сражениях под Оренбургом. Присвоив чин полковника, Пугачев отправил Салавата на Сибирскую дорогу для развертывания восстания во внутренних волостях Башкортостана.

Рассказ об участии башкир и их предводителей в эпицентре Крестьянской войны был бы неполон без описания деятельности Идеркая Баймекова. Отставной казак Яицкого войска, Идеркай Баймеков хорошо знал нужды и чаяния как казаков, так и башкир. Тот факт, что один из экземпляров указа Пугачева башкирскому народу от 1 октября Идеркай лично повез Кинзе, говорит об их давних дружеских отношениях. 18 сентября он привел в отряд Пугачева 20 конных и вооруженных башкир из своей деревни. Среди них был и его приемный сын Болтай Идеркаев, который начал служить в ставке Пугачева «писцом татарского письма». Сам Идеркай вошел в круг самых близких и доверенных лиц вождя восстания, был его советником и одновременно выполнял функции толмача при переговорах Пугачева с представителями тюркоязычных народов.

Кинзя Арсланов, опытный предводитель башкирского народа, воспитанный в традициях башкирских восстаний 30—50-х гг. XVIII в., пользовавшийся огромной популярностью не только на Ногайской дороге, но и во всем Башкортостане, по прибытию в повстанческий лагерь сразу вошел в круг самых близких сподвижников Пугачева. Тот присвоил ему чин «главного полковника» и назначил «атаманом башкирского полка». Хотя полк и назывался «башкирским», на деле под командование Кинзи шли повстанцы из нерусских народов Башкортостана: татары, мишари, тептяри, чуваши, марийцы, калмыки и др. Командиров повстанческих отрядов и наиболее способных рядовых повстанцев Кинзя использовал в качестве писарей, переводчиков, в других ответственных должностях в своем штабе, в сражениях под Оренбургом, а потом представлял Пугачеву. На этих приемах у «царя» он выполнял функции толмача. Один из крупных предводителей Крестьянской войны, полковник повстанческой армии Каскын Самаров на допросе в Казанской секретной комиссии сообщил, что при-

Рис. 42. Салават Юлаев и И.И. Белобородов осаждают город Кунгур. Худ. И.И. Гаянов, Ф.А. Исмагилов.

быв в Берду, он явился к «башкирскому мулле Кинзе Арсланову», а тот уверил его в истинности царя и представил «ево самозванцу, которой через перевод того Кинзи сказывал о себе, что он — государь». В конце аудиенции Пугачев назначил Каскына старшиной и «велел ему служить верою себе» *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 427. Л. 44; Д. 593. Л. 314-314 об.; *Крестьянская...* 1975. С. 313]. В ноябре 1773 г. Каскын Самаров вместе с Каранаем Муратовым были направлены повстанческой ставкой в центральные волости Башкортостана. Каскын возглавил осаду Уфы, а Каранай поднял на борьбу многонациональное население западной части Башкортостана и возглавил Мензелинский повстанческий район.

В Яицком повстанческом районе башкиры действовали и в отрядах русских предводителей. В частности, в походе А.Т. Соколова (Хлопуши) на Авзяно-Петровские заводы его сопровождали 8-12 казаков и 30—50 башкир. 26 октября из поселка вывезли 2 бомбы и 7 пушек. К этому времени в отряде было 300 заводских крестьян и 500 башкир. На подходе к Бердскому лагерю они участвовали в сражении с корпусом генерала Кара *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 467. Л. 25, 46, 78]. Во время похода Хлопуши к Верхне-Озерной и Ильинской крепостям в его отряде кроме заводских крестьян были башкиры. Под Желтым редутом к нему присоединились еще 1 500 башкир, проживающих в бассейне р. Ик. Они участвовали во взятии Ильинской крепости и Илецкой защиты, в разгроме батальона майора Заева. При штурмах Верхне-Озерной крепости их было перебито «множество» *[Восстание...* 1935. С. 151]. Много башкир было в отрядах казацких командиров, действующих в окрестностях Оренбурга.

По новейшим исследованиям, в конце 1773 г. в Бердском лагере было до 26 тыс. повстанцев *[Гвоздикова,* 1999. С. 283]. Из них 10-12 тыс. человек представляли башкиры *[Там же.* С. 281]. Таким образом, башкирские конники составляли половину Главного войска Пугачева, являясь наиболее боеспособной единицей сил Яицкого повстанческого района.

Уфимский повстанческий район. Чесноковский центр. Уфа являлась административным центром провинции и олицетворяла для башкир националь-

ное и социальное угнетение. Поэтому стремление Каскына, Караная, Алибая и других предводителей повстанцев Ногайской дороги захватить Уфу вполне объяснимо. 24 ноября 4-тысячное войско Каскына подошло к Уфе и начало ее блокаду. Вместе с Каскыном во главе повстанческого войска стояли пятидесятник уфимских казаков Иван Губанов, пугачевские полковники из башкир Каранай Муратов, Кидряс Муллакаев, Турай Ишалин, Ибрагим Мрясев, Ишкара Арсланов, Каип Зиямбетев, Канбулат Юлдашев и др. *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 167]

Таким образом, чуть более чем за месяц после прихода в Бердский лагерь Каскын вырос в крупнейшего предводителя Крестьянской войны. Он сформировал Уфимский повстанческий район и возглавлял Чесноковский повстанческий центр с 24 ноября до 14 декабря 1773 г., до приезда в Чесноковку пугачевского представителя И.Н. Зарубина-Чики. Каскын занимался укреплением повстанческого войска, мобилизацией в его ряды местных жителей, обеспечением войска вооружением, провиантом, фуражом и др. В своем указе от 6 декабря 1773 г. он призывал старшин минских волостей бассейна р. Демы признать «императора Петра Федоровича» и требовал «с каждого двора изготовиться... в поход со всяким оружием и выступить в город Уфу» *[Крестьянская...* 1975. С. 66]. В указе от 12 декабря раскрываются масштабы деятельности Каскына: он требовал преклониться к государю, распространять его манифесты и указы среди своих подкомандуюгцих «с добропорядочным увещеванием», присылать под Уфу команды, собрав «из своей команды с каждого дому по человеку, годных и вооруженных, а повстанцам обещает прислать пушки» *[Там же.* С. 67]. В этом указе Каскын обращался к старшинам и сотникам Еланской волости Казанской дороги, т. е. к башкирам западного Башкортостана.

14 декабря для осуществления общего руководства осадой Уфы и повстанческой деятельности на огромной территории Уфимской провинции в Чесноковку прибыл И.Н. Зарубин-Чика *[Крестьянская...* 1966. Т. II. С. 224, 229]. Но и при нем роль Каскына в Чесноковском лагере и Уфимском повстанческом районе не уменьшилась. 18 декабря в Военную коллегию поступил извет Губанова и Гребенщикова с обвинением Каскына и Канбулата с «протчими старшинами» в разорении русского населения окрестностей Уфы *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 312. Ч. 2. Л. 7]. 20 декабря Военная коллегия послала указ Зарубину с требованием принять срочные меры по устранению перечисленных в извете нарушений: «послать указ к полковникам Тамьянской волости Каскыну Самарову и Канбулату Юлдашеву и протчим старшинам, чтоб они разграбленное имение верноподданному сынове обратно тем хозяевам отдали и во всем удовольствовали, а паче взятых от помещиков лошадей тем, которые в службу годны, без всякого препятствия отдали же и, сыскав из них виновных, представили к вам» *[Крестьянская...* 1975. С. 69]. По этому поводу в отечественной исторической литературе утвердилась точка зрения, что в начале осады Уфы «в лагере восставших возникли острые конфликты, основанные на национальных трениях», что с приходом Зарубина «с этим было решительно покончено» *[Лимонов, Мавродин, Панеях,* 1974. С. 56]. Между тем, кроме вышеозначенных, в других источниках не встречаются сведения «об острых межнациональных конфликтах». Да и указ Военной коллегии от 20 декабря носит общий характер. Аналогичные указы были посланы И.С. Кузнецову, Салавату и другим предводителям *[Крестьянская...* 1975. С. 354]. Что касается решительных мер, предпринятых Зарубиным по отношению к Каскыну или Канбулату, их не последовало. Влияние Каскына и других башкирских полковников в Уфимском повстанческом районе оставалось высоким.

Параллельно с руководством повстанческим войском под Уфой Каскын продолжал контролировать события на территории к югу от Уфы, в районах Стерлитамакской пристани, Бугульчана, Бугульмы. В частности, 7 декабря генерал Фрейман сообщил в Военную коллегию, что отправил в д. Акбашево карательную команду секунд-майора Осипа Тевкелева. В команде было 400 башкир, вернувшихся из Польши. Но 6 декабря в д. Акбашево, недалеко от Бугульминской слободы, на команду О. Тевкелева напал повстанческий отряд Каскына. Башкиры команды Тевкелева тут же перешли на сторону восставших, а своего командира взяли в плен и сдали Каскыну. По сообщению Фреймана, «изменников было до шестисот человек под предводительством из злодейской толпы несколька яицких казаков... И команда майора почти вся, за исключением самого малого числа, к ним передалась сначала, а потом уже и оные, остающиеся при нем, Тевкелеве, и несколько ево охранявших деревню сожгли. При захвате же оного майора злодейской старшина Каскын был первой, которой, кинувшись на него, стал бить по голове» *[Там же.* С. 352]. Каскын продолжал действовать под Уфой до весны 1774 г. Это подтверждает его приказ сотнику Еланской волости Шамаю Муслюмову с требованием прибыть со своей командой под Уфу. Приказ датирован 11 марта 1774 г. *[Там же.* С. 103] По всей видимости, в генеральном сражении повстанческой

армии с корпусом Михельсона под д. Зубово в ночь с 24 на 25 мая Каскын участия не принимал.

Канбулат Юлдашев, походный старшина Тамьянской волости, в повстанческое движение включился в первые дни. В составе «башкирского полка» Кинзи принимал участие в сражениях под Оренбургом. В ноябре 1774 г. с повстанческим отрядом Каскына Канбулат из-под Оренбурга отправился к Уфе, по пути участвовал в штурме Стерлитамакской пристани, Табынской крепости и Богоявленского завода. В конце ноября - первой половине декабря 1774 г. вместе с Каскыном и Тураем Ишалиным возглавил осаду Уфы. И после приезда в Чесноковку Зарубина Канбулат оставался в числе предводителей повстанческого войска, вместе с Зарубиным и Каскыном подписывал документы, исходящие из его походной канцелярии *[Там же.* С. 71,355].

В последних числах ноября 1773 г. к восстанию примкнул сотник Суби-Минской волости Турай Ишалин. Он обратился с воззванием к башкирам, татарам, марийцам и русским Казанской и Ногайской дорог «показать услуги» его величеству, «не пожалея сил своих» *[Там же.* С. 57]. Из этого воззвания можно узнать, что повстанческий отряд Турая насчитывал «более тысячи человек». Под его командованием были волостные и походные старшины Максют Утяганов, Ихсан Баязитов, Батырша, Саитбаттал Мусалимов, Галей Хусаинов, Абдулкарим Максютов, депутат Уложенной комиссии Абдузелиль Максютов, муллы Салим Мустафин и Сулейман, мариец Байка Умеркаев. Отряд не имел пушек. Поэтому Турай просил «царского милосердия» прислать несколько пушек, чтобы приобрести способность «сократить сопротивников». Он объявлял: «нынешнюю пятницу город Уфу разорять ехать намерение имеем», для чего он повелел «окольным жителям изготовлять для нынешней войны с каждого двора по одному казаку и со всеми ружьями» *[Там же.* С. 57—58]. В «Журнале» Уфимской комендантской канцелярии говорится: «В осаде Уфы повстанческой армии предательствовали и к злодейству склоняли ясачных татар старшина Ибраш Уразбахтин и старшинской полковник Турей Иттталин» *[Южноуральский...* 1973. С. 310]. О том, что Турай вместе с Каскыном, Канбулатом и Ибрашем входил в руководящую верхушку повстанческой армии под Уфой.

Численность войска Зарубина достигала 12-15 тыс. человек, половина из которых были башкирские конники. Они принимали участие во всех основных операциях осады Уфы, ее штурмов 23 декабря 1773 г. и 25 января 1774 г., в сражении с карательным корпусом И.И. Михельсона 25 марта 1774 г. Кроме активного участия в осаде и штурмах Уфы в составе повстанческой армии И.Н. Зарубина, много башкирских отрядов действовали под Бирском, Зилаирской, Табынской, Магнитной и другими крепостями, Стерлитамакской пристанью, в районах южноуральских горных заводов.

Мензелинский повстанческий район. В западной части Башкортостана еще в октябре 1773 г. начались крестьянские волнения. Были случаи открытого выступления. Казаки Нагайбакской крепости арестовали своего атамана и грозились отвезти его в Берду *[Крестьянская...* 1966. Т. II. С. 209—210]. Создавались небольшие повстанческие отряды. С прибытием сюда крупного отряда восставших башкир под командованием Караная Муратова и других пугачевских полковников из башкир Ногайской дороги массовое брожение стало перерастать в открытое вооруженное восстание. Образовался Мензелинский повстанческий район, общепризнанным предводителем которого стал Каранай Муратов. Он вложил много сил в формирование повстанческой армии, обеспечение ее оружием, провиантом и фуражом, распространение восстания в западных волостях Башкортостана. Каранай рассылал своих эмиссаров с манифестами Пугачева и своими письмами, где призывал многонациональное население региона подняться на борьбу против социального и национального гнета под флагом «царя Петра III» - Пугачева. В одном из своих «повелений» Каранай требовал «имеющимся во всех местах армиям и в протчих деревнях армейским главным» собраться в с. Старый Тазов для совместного отражения наступающих карательных сил *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 58; *РГВИА*. Ф. 20. Д. 1231. Л. 347; *Документы...* 1975. С. 116].

Вместе с Каранаем из-под Уфы к Мензелинску прибыли башкирские старшины Ногайской дороги пугачевские полковники Кидряс Муллакаев, Каип Зиямбетев, Ишкара Арсланов, которые признали Караная своим командиром. На месте действовали повстанческие команды Мясогута Гумерова, Шафея Тойгузина, Шарипа Якупова, Нагайбака Асянова, Бакея Абдулова, Юскея Кудашева, Назара Алексеева, Аита Уразембетева, Осипа Енгалышева и других командиров, подчиненных Каранаю. Отряды действовали в районах с. Бакалы и Нагайбакской крепости, Шуранского перевоза, Заинска, Мамадыша, Арска и Малмыжа, Кичуйской, Шешминской и Черемшанской крепостей и Бугульминской слободы, Ижевского и Боткинского заводов. Повстанческий район охватывал огромное пространство от Ижевского и Боткинского заводов на севере до Бугульминского дистрикта на юге, от

Бакалов и Нагайбакской крепости на востоке до окрестностей Казани на западе.

Мензелинский повстанческий район имел важнейшее стратегическое значение, как призванный защищать территорию Казанской губернии от вторжения повстанческих сил. Для этого в Бугульме был расквартирован корпус генерал-майора Фреймана, который контролировал Ново-Московскую дорогу. Сильные гарнизоны были в Бакалах и Нагайбакской крепости, Мензелинске, Заинске и других укрепленных пунктах. Все эти правительственные войска должны были составлять надежный заслон и держать под контролем западные волости Башкортостана. Местные небольшие повстанческие отряды не могли оказывать серьезное воздействие на обстановку в регионе. Решающую роль в социальном взрыве в западном Башкортостане и Казанской губернии сыграло появление здесь повстанческого отряда Караная и его бурная организаторская деятельность по объединению и координации действий разрозненных сил. После подавления Крестьянской войны жители этого региона свое активное включение в повстанческое движение объясняли следующим образом: «В 1773 г. на народ, живший в деревнях безвыездно зимой и летом, обрабатывая свой урожай, напали башкирские и мишарские команды Ногайской дороги во главе с башкиром Ногайской дороги Каранаем Муратовым. Они были вооружены пушками» [*Кре-стьянская*... 1966. Т. II. С. 210; *РГАДА*. Ф. 6. Д. 416. Ч. 2. Л. 56].

Ставка Караная разместилась в дд. Сарсазар и Бекбов под Мензелинском, в с. Касево под Сарапулом. Отсюда он вел общее руководство повстанческим движением, собирал повстанческие отряды для осуществления штурмов Мензелинска, сам выезжал в отдельные пункты для решения важных задач. Во второй половине декабря в документах он стал именоваться «армейским главным полковником» *[Документы...* 1975. С. 146]. В разгар восстания общая численность повстанцев в регионе доходила до 12 тыс. человек *[Кулбахтин*, 2004. С. 54]. Мензелинский повстанческий район номинально подчинялся Чесноковскому центру, «графу Чернышеву» - Зарубину. Но фактически в декабре 1773 — январе 1774 г. Каранай действовал самостоятельно.

Об этом свидетельствует следующий весьма любопытный факт. В разгар Крестьянской войны крепостные крестьяне одного из дворян Саратовской губернии арестовали своего хозяина и повезли к повстанческому командиру с просьбой казнить помещика-«кровопийцу». Командир отказался выполнить их просьбу, сославшись на строгое запрещение «царя» осуществлять казни самостоятельно. Выносить смертный приговор имел право только «Петр Федорович» - Пугачев. Крестьяне возили своего помещика от одного командира к другому. Но каждый боялся нарушить указ Пугачева. Так крестьяне доехали до Мензелинска. По их рассказу, приехали они в штаб повстанческого командира «Каракая» поздно вечером. Каранай, высокий, статный, чернобородый, смуглый, красивый мужчина, выслушав их просьбу, повелел своим подчиненным мужиков накормить, помыть в бане и дать отдохнуть. После долгой дороги крестьяне долго спали и проснулись поздно утром. Когда один из них подошел к окну, то увидел напротив дома, на площади свежепоставленную виселицу, а на ней повешенного помещика. Удивлению крестьян не было конца: Каранай не побоялся преступить запрещения «царя» и самостоятельно привел в исполнение приговор крестьян о казни их хозяина.

Мензелинск играл зловещую роль в подавлении башкирских восстаний первой половины XVIII в. Здесь были казнены многие предводители, в том числе Бепеня Торопбердин. К началу осады Мензелинск представлял собой достаточно укрепленный пункт с 500-600 дворов, населенных отставными солдатами и потомками смоленской шляхты. В середине декабря в Мензелинск прорвалась регулярная полевая команда капитана Алексеева, которая значительно усилила гарнизон *[Апишев*, 1973. С. 88]. Каранай имел повстанческое войско численностью около 10 тыс. человек, 14 пушек. Но в войске было мало огнестрельного оружия, опытных бомбардиров. Башкиры преимущественно были вооружены луками и стрелами, копьями и саблями, крестьяне — вилами и топорами. Восставшие не имели опыта штурмовых боев.

Первый штурм города был произведен 23 декабря 1773 г. До штурма Каранай послал в Мензелинск указ «царя» и свое увещевание с предложением гарнизону и жителям сдать город без кровопролития и принести присягу «великому государю Петру Федоровичу» *[Там же.* С. 99-100]. Получив отказ, Каранай повел свое войско на штурм, который продолжался весь день и носил ожесточенный характер. Однако явное превосходство осажденных в огнестрельном оружии и пушках, удобное стратегическое положение города не позволили повстанцам овладеть городом.

Генеральный штурм Мензелинска был назначен на 26 декабря. В течение двух дней, 24 и 25 декабря, с утра до вечера город подвергался постоянной бомбардировке из 14 пушек. 26 декабря Каранай начал штурм Мензелинска. Восставшие шли на штурм с четырех сторон, ворвались в предместье, сожгли гумна и окраины города, чтобы создать панику. После многочасового ожесточенного сражения

10-тысячное войско Караная вынуждено было отступить, оставив на поле битвы много убитых и раненых, три пушки. Базой повстанческого войска стали пригородные дд. Деухово и Мазино. Блокада Мензелинска продолжалась. Чтобы измотать осажденных, Каранай ежедневно направлял конные отряды в 200—300 чел., которые близко подъезжали к городу, производили обстрелы из ружей и луков. На них возлагалась обязанность не допускать выезда из города за сеном, дровами и провиантом, прорыва правительственных команд в город на помощь осажденным *[Там же]*.

Помимо организации осады и штурмов Мензелинска, активных действий в районах Бакалов и Нагайбакской крепости, Каранай прилагал много усилий по общему руководству повстанческим движением. В его подчинении в районе Черемшанской крепости действовали пугачевские полковники Аит Уразембетев и Осип Енгалышев *[Документы...* 1975. С. 146]. К востоку от Мензелинска, в волостях Казанской дороги действовал отряд ясачного татарина Надыровой волости походного старшины повстанцев Ибраша Уразбахтина. Он вел мобилизацию населения в повстанческое войско Караная. На территории Арской дороги Казанской губернии действовал служилый татарин д. Псяк пугачевский полковник Мясогут Гумеров. Его отряд достигал 1 700 чел., отдельные команды действовали в окрестностях Казани. Мясогут присылал в помощь Каранаю людей и пушки *[Алишев,* 1973. С. 109, 111]. В западном Закамье отряды старшин Кузмета Ишметова, Шафея Тойгузина, Шарипа Якупова, сотников Утягана Муратова, Василия Иванова, Назара Алексеева осадили Елабугу *[Документы...* 1975. С. 299—303]. Отряды отставного старшины Юрминской волости полковника Нагайбака Асянова и татарина д. Аскарино Казанского уезда Аренкула Асеева 15 января 1774 г. штурмом овладели Заинском *[Там же.* С. 418]. В пределах Терсинской волости и Вятской провинции действовали отряды полковника Абдулзелиля Сулейманова и атамана Юскея Кудашева [*Там же.* С. 440]. К январю повстанцами были заняты Ижевский, Шаранский, Юго-Камский заводы, Бакалы, Нагайбак, Заинск, сс. Мамадыш, Ак-таш. В осаде находились Мензелинск, Елабуга, Черемшанская и Тиинская крепости.

Описание обстановки в западном Башкортостане зимой 1773-1774 гг. дал в своих донесениях генерал Фрейман, перед которым была поставлена задача контролировать эту территорию. В конце 1773 г. генерал не сумел противопоставить развернувшемуся движению сколько-нибудь организованные действия. Его корпус был изолирован в Бугульме, сообщение с Уфой и Оренбургом было прервано «бунтующею башкирью», отряды восставших действовали «всегда на переменных санях», снег «по мелкости своей нимало им не мешает». Около 2 тыс. башкир из корпуса Фреймана перешли к восставшим, после чего карательные силы состояли «большей частью из пехоты и остаются без успеха» *[РГАДА.* Ф. 1100. Кн. 5. Л. 68 об.].

Каранай не только координировал действия повстанческих отрядов, но и сам выезжал на места, где требовалось принимать решительные меры. Так, в декабре 1773 г. он во главе отряда из 800 чел. прибыл в д. Туба Терсинской волости, в вотчину помещика Осипа Тевкелева, крепостных крестьян от имени государя «Петра Федоровича» объявил свободными, а одного из них, Абдулзалиля Сулейманова, назначил старшиной Терсинской волости. Каранай дал Абдулзялилю большие полномочия «быть ему старшиной в случае, естли явятся государю нашему Петру Федоровичу неприятели, то ему со всею его командою ехать против их», «невыехавших с окольных мест людей взять в службу неволею, а противляющихся в том погублять и имение отнимать» *[Документы...* 1975. С. 297]. 24 декабря 1773 г. Каранай совместно с полковником повстанческой армии Ярмухаметом Кадырметовым заняли с. Сарапул *[Гвоздикова,* 1999. С. 347].

В начале января 1774 г. в районе Елабуга численность повстанцев из башкир, татар, русских, удмуртов, которые уже длительное время держали ее в блокаде, составляла около 6 тыс. чел. Каранай решил лично командовать ее штурмом. Писарь Караная Умар Муртазин 11 января отправил командирам отрядов приказ: «приказывается тебе, старшине Шарифу Якубову сыну, сотнику Назару Алексееву, также армейским людям на других местах. Собирайте в окрестностях войска любыми средствами: ныне, очень скоро, будет сражение, будьте в большой готовности. Идет сам атаман Каранай, извещайте об этом во все стороны, не будьте беспечной» *[Воззвания...* 1988. С. 87]. Документ демонстрирует, каким огромным, общепризнанным авторитетом пользовался Каранай среди повстанцев. С приходом Караная штурмом была взята Елабуга. Но последовали такие события, которые вынудили Караная в срочном порядке оставить Елабугу.

События в западной части Башкортостана встревожили представителей центральной и местной власти. 26 декабря 1773 г. в Казань прибыл новый главнокомандующий правительственными войсками генерал-аншеф А. И. Бибиков. Он имел большой опыт подавления волнений заводских крестьян на Урале в 1764—1765 гг. и восстания польских конфедератов 1771-1773 гг. Ему удалось скон-

центрировать в своих руках разрозненно действующие карательные силы и организовать фронтальное наступление на повстанцев. Первым под ударами объединенных правительственных войск оказался Мензелинский повстанческий район. Войска наступали двумя колоннами по маршрутам: Казань — Алексеевск - Шешминск — Заинск и Казань — Арск - Мамадыш — Заинск, затем предполагалось вместе идти на Мензелинск [*Крестьянская*... 1975. С. 72-73].

Каранаю Муратову не удалось своевременно собрать все повстанческие отряды для организации совместного отражения наступления карателей. Помешала характерная для крестьянских войн слабая дисциплина и разобщенность сил восставших.

Несмотря на усилия Караная укрепить повстанческие силы против наступающих карательных команд, восставшие потерпели ряд серьезных поражений. 16 января под Заинском полковник Ю.Б. Бибиков разбил сводный повстанческий отряд Нагайбака Асянова и Аренкула Асеева *[РГВИА*. Ф. 20. Д. 1232. Л. 44-46; *Документы*... 1975. С. 150, 418]. 20 января при штурме Черемшанской крепости потерпели поражение и попали в плен Аит Уразембетев и Осип Енгалышев *[РГВИА*. Ф. 20. Д. 1235. Л. 199 — 199 об.; *Документы*... 1975. С. 305, 441]. 22 января под осажденной Елабугой потерпели поражение сводные повстанческие силы полковников Кидряса Муллакаева, Каипа Зиямбетева, Ишкары Арсланова, Мратшы Сыртланова, старшины Шарипа Якупова, сотника Назара Алексеева под общей командой Шафея Тойгузина *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 416. Ч. 1. Л. 110—111 об.; *Документы*... 1975. С. 300-301, 444]. 20 января под Мензелинском в крайне невыгодных условиях Каранай принял бой с командой полковника Ю.Б. Бибикова и потерпел поражение *[Документы*... 1975. С. 152]. Многократные обращения Караная к Зарубину и Торнову с просьбой прислать пушки остались без ответа *[Там же.* С. 149-150, 153, 418]. 31 января Бибиков под Мензелинском нанес еше одно поражение Каранаю Муратову. Это было сильным ударом по Мензелинскому повстанческому району.

В последних числах января Торнов и Каранай выехали в Чесноковку, оттуда в Берду. В их отсутствие основные события развернулись в районе Нагайбакской крепости и с. Бакалы, которые несколько раз переходили из рук в руки. Восстание возглавил присланный Зарубиным полковник И. Ульянов. Активное участие в этих событиях принимали отряды башкирских полковников Кидряса Муллакаева, Каипа Зиямбетева, Ишкары Арсланова и Мратши Сыртланова *[Крестьянская*... 1966. Т. II. С. 236].

Вернувшись из Бердского центра, Каранай, в условиях распри между Торновым и Ульяновым, общее командование всеми повстанческими силами западной части Башкортостана на себя не взял, а самостоятельно со своим отрядом действовал в районе дц. Текермен, Бекбов и Саклов-Баш *[Документы*... 1975. С. 150].

Команда полковника Бибикова, захватив И февраля Бакалы, отбыла в Бугуруслан, где влилась в корпус генерала П.М. Голицина. Но в Бугульму прибыл корпус генерала А.Л. Ларионова с задачей наступать на Уфу. Корпус состоял из легиона казанских дворян-добровольцев, Томского пехотного полка, эскадрона гусар и эскадрона карабинеров *[Крестьянская*... 1970. Т. III. С. 35]. Генерал Ларионов оказался нерешительным командиром и медлил с действиями. В это время основные силы Мензелинского повстанческого района еще сохранялись. Однако разрозненность в действиях отдельных отрядов, распри в командовании не позволили организовать сопротивление карательным командам.

В начале марта башкирские полковники Каип Зиямбетев, Кидряс Муллакаев и Мратша Сыртланов в рапорте в Военную коллегию выразили свою обеспокоенность усилением наступления карательных войск и верных старшин, ослаблением повстанческих сил, плохим вооружением и отсутствием единого предводителя войск под Мензелинском и Нагайбаком. Поэтому они просили «прислать сюда атамана Алибая Мурзагулова, ибо здесь главного начальника, коему б был народ послушан, не имеетца, кой бы тому народу, подпорою быть мог» *[Документы*... 1975. С. 118—119].

Корпус Ларионова в конце февраля вышел из Бугульмы и 6 марта занял Нагайбакскую крепость. Торнов с башкирскими полками укрепился в д. Стерлитамак, которая пала 10 марта. 13 марта после многодневных боев с отрядами Ульянова команда полковника Кожина захватила Бакалы, последний опорный пункт Мензелинского повстанческого района.

Красноуфимско-Кунгурский повстанческий район. Слухи о начале восстания на Яике, осаде Оренбурга и Уфы, обещания в манифестах «мужицкого царя» даровать всех своих подданных землей и волей доходили и до населения северной части Башкортостана. Царские власти и местная администрация Пермской провинции предпринимали целый ряд мер, чтобы сохранить спокойствие и предотвратить распространение восстания в районе горных заводов. Однако началось брожение, которое к концу 1773 г. переросло в открытое вооруженное выступление.

Большую роль в распространении движения среди населения Пермской провинции сыграли башкирские повстанческие отряды. 14 декабря 1773 г. в Чесноковку прибыла группа башкирских старшин, сотников и рядовых общинников Осинской дороги, среди которых были будущие выдающиеся предводители восставших мулла Абдей Абдулов и рядовой башкир Батыркай Иткинин. Зарубин присвоил им чины «полковников», «походных сотников» и вернул обратно на Осинскую дорогу с задачей привести к присяге Пугачеву местное население.

Во второй половине декабря 1773 г. в северных волостях Башкортостана действовало около 3 тыс. повстанцев, включавших башкир, русских крестьян и работных людей заводов, татар, удмуртов, марийцев. Отряды Абдея Абдулова, Батыркая Иткинина, Аделя Ашменева и Сайфуллы Сайдашева заняли пригород Осу, дворцовые села Сарапул и Каракулино, Юговские казенные, Аннинский, Рождественский и другие заводы. Повстанцы готовили поход на Кунгур и Соликамск, а оттуда намеревались идти на Казань.

В декабре на север Башкортостана прибыл пугачевский полковник, мишарский сотник д. Бузовьязы Ногайской дороги Канзафар Усаев. По пути к Кунгуру, он остановился в с. Богородское, где к нему примкнул отставной солдат Иван Белобородов. Вскоре Белобородов возглавил мощное повстанческое движение в районе екатеринбургских горных заводов.

В конце декабря повстанческие силы сконцентрировались в пригороде Оса. Отряд Абдея Абдулова и работного человека Шермяитского завода Матвея Мазжарина должен-был идти на север по Каме к Кунгуру. Туда же направлялся отряд Батыркая Иткинина. Абдей Абдулов занял д. Култаево, Юго-Камский завод, с. Беляевское. Однако в Верхних Муллах заводские управители успели собрать карательную команду в 1 700 чел. Абдей Абдулов, не приняв встречного боя, отступил к Осе.

Главным событием в этом районе в начале января 1774 г. стал поход Батыркая Иткинина на Кунгур. В его 2-тысячном отряде были башкиры, русские крестьяне, работные люди заводов и татары. Успешный поход Батыркая вдохновил на борьбу 40-тысячное население Пермского края. Кроме названных повстанческих сил здесь действовало множество местных отрядов. Батыркай Иткинин строго придерживался установки повстанческой Военной коллегии «не привесть напрасное кровопролитие и всячески стараться увещевать», чтобы мирно взять Кунгур. Но город не сдавался. 2 января начались бои за город. 4 и 9 января состоялись штурмы Кунгура. Но восставшие не сумели его взять.

На первом этапе Крестьянской войны ярко раскрылся организаторский и полководческий талант Батыркая Иткинина. На Юговском заводе и в Осинской дворцовой волости он организовал систему самоуправления. От выборного командира Осы он требовал «подчиненным никаких обид не чинить», а с подчиненных — беспрекословного подчинения командиру. Сотнику Юговского завода он советовал учредить выборный орган народного самоуправления - земскую избу, создать военную команду для обороны завода от карателей, исправить кузницу для изготовления оружия «казакам заводского отряда», «наистрожайше» контролировать дисциплину и «ослушников наказывать». По его инициативе мирскими силами были отремонтированы и пушены две мельницы. Он добивался организации контроля за продажей вина и соли, обеспечения повстанческих отрядов оружием, провиантом, фуражом, лошадьми *[Там же.* С. 158—159, 192-194].

На Сибирской дороге открытое вооруженное выступление развернулось уже в ноябре 1773 г. К концу декабря на Сибирскую дорогу из-под Оренбурга вернулся Салават и приступил к выполнению задания Пугачева по формированию повстанческих отрядов. В кратчайший срок он сумел объединить разрозненные силы повстанцев. 7 старшин привели к нему свои отряды, трое прислали их со своими помощниками. У Салавата оказался отряд в 800 чел., состоящий из башкир, мишарей, татар, марийцев, чувашей.. По приглашению казаков 12 января 1774 г. он прибыл в Красноуфимскую крепость. Салават провел ряд мероприятий по организации самоуправления в крепости. Через три дня пополненный здесь отряд Салавата выступил к Кунгуру.

Вскоре в качестве «главного предводителя азиатскими войсками» под Кунгур прибыл представитель Чесноковского центра, бригадир повстанческой армии И.С. Кузнецов. Он с большим доверием относился к молодому башкирскому предводителю и на равных делил с ним власть. Возглавив Красноуфимско-Кунгурский повстанческий район, Салават Юлаев стал одним из крупных предводителей Крестьянской войны.

Прибыв под Кунгур, Салават начал действовать в рамках общей установки, стремился занять город мирным путем. 19 января он отправил в город казака И. Дружинина с манифестом Пугачева и .призывал население сдаться без кровопролития. Штурм города Кузнецов и Салават назначили на 23 января. Восставшие отряды разделились- на 2 команды.

Кузнецов командовал тысячей казаков и крестьян, Салават - 3 тысячами башкир и других нерусских повстанцев. Пушки и порох делили поровну. У Салавата во время штурма было «десять действующих больших и малых пушек», при них 40 канониров. Штурм решили начать в 6 часов утра. Салават должен был наступать с нагорной стороны, а Кузнецов — с луговой.

23 января в 6 часов отряд Салавата интенсивным артиллерийским обстрелом начал сражение за город. Его канониры искусно маневрировали штыками, переводя их с места на место, тем самым создавали впечатление полного окружения города. Повстанческой артиллерией были пробиты ворота, крепостная стена, повреждены 3 пушки осажденных. Башкирская конница наступала, растянувшись на версту. Осажденные были в панике. Но, несмотря на договоренность, отряд Кузнецова приступил к штурму с большим опозданием, лишь в 9 часов утра. К этому времени у Салавата закончился порох. Воспользовавшись этим, осажденные перебросили все силы против отряда Салавата и сумели выбить его из предместья города. В итоге Кунгур устоял.

24 января Салават вновь штурмовал город, но неудачно. Во время боя он был тяжело ранен. Салават сдал командование башкирскому старшине Чюре Расулеву и отправился домой на лечение. 28 января уехал в Чесноковку Кузнецов. Каратели перешли в контрнаступление. 30 января майор Д.О. Гагрин около Ордынского острожка, подполковник А.В. Папав южнее Кунгура нанесли поражение восставшим. Борьбу красноуфимцев по просьбе казаков возглавил Салават, недостаточно поправившийся после ранения. 19 февраля повстанцы потерпели неудачу под Красноуфимском. Но Салавату удалось сохранить основные силы повстанцев, и в начале марта в Сарапульской волости он вел бои с командой майора Штерича.

17 марта под д. Бугалыш произошел бой повстанческих отрядов Салавата с командой подполковника Папава. На всех высотах по пути продвижения карателей к д. Бугалыш Салават расставил караулы, которые передавали постоянные сведения о передвижении противника. Мост через р. Бугалыш был заранее разрушен и сожжен. Точно предопределив, что Папав для преодоления водного препятствия вынужден будет отклониться вправо от большака, Салават выставил туда 30 возов сена, за которыми прятались его лучники. Когда Папав ввязался в бой с засадной командой, 2 группы конников Салавата бросились с флангов на окружение противника. Папава от поражения спасло его превосходство над повстанцами в артиллерии и огнестрельном оружии. К тому же глубокий снег, доходивший до брюха коней, не давал повстанцам успешно использовать их главное преимущество в коннице *[Гвоздикова,* 2004. С. 149-160].

В северной части Башкортостана на первом этапе Крестьянской войны кроме Салавата Юлаева, Батыркая Иткинина и Абдея Абдулова повстанческими отрядами командовали пугачевские полковники Субхангул Кильтяков, старшина Тюбелякской волости; Ульмаскул Абдуллин, башкир Дуванской волости; Уметей Уразымбетев, старшина Сартской волости; Ильчигул Иткулов, старшина Кущинской волости; Ишмень Иткулов, башкир д. Кызылбаево Дуванской волости; Чюря Расулев, походный старшина Осинской дороги и др. Ишмень Иткулов заменил отстраненного от командования повстанческими войсками в районе Красноуфимска М.Я. Мальцева, погибшего в бою против карательной команды секунд-майора Д.О. Гагрина под Красноуфимском 19 февраля 1774 г. *[Там же.* С. 427]

Башкирские повстанцы составляли около трети в «государственном военном корпусе» И.Н. Белобородова, действовавшего в пределах Екатеринбургского горного ведомства. Численность его достигала 4—5 тыс. чел. составлявших три отряда, одним из которых командовал башкир Егафар Азбаев *[Там же.* С. 288, 291, 292, 438, 439; *Гвоздикова,* 1999. С. 360].

Таким образом, на первом этапе Крестьянской войны башкиры Уфимской провинции принимали массовое и активное участие. В восстании могло принять непосредственное участие примерно 45 тыс. чел. служилых и свыше 40 тыс. крестьян разных категорий. Всего 85 тыс. чел. сражалось в повстанческих отрядах, в том числе «повстанческие войска получили до 40 тыс. воинов-башкир» *[Гвоздикова,* 1999. С. 314—315]. Следовательно, башкиры составляли около половины повстанческих сил.

Исетский повстанческий район. Челябинский повстанческий центр. В Зауральской Башкирии башкиры первыми включились в восстание. В ноябре башкирские отряды появились у Троицкой и Верхне-Яицкой крепостей. Комендантты крепостей в своих рапортах сообщали о нападениях башкирских отрядов на команды гарнизонов. 15 декабря отряд численностью около 600 чел. напал на команду премьер-майора Я. Декастро-Лацерона, направленную генералом Деколонгом в Уйскую крепость. Повстанцы преследовали команду 22 версты *[Там же.* С. 328]. К концу ноября 1773 г. в блокаде оказался административный центр провинции - Челябинская крепость *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 627. Ч. 3. Л. 181]. Организацию блокады возглавил Базаргул Юнаев.

В начале декабря самые крупные заводы региона — Саткинский и Златоустовский - оказались в руках повстанцев. 6 декабря крестьяне Саткинского завода отправили делегацию «на Юрюзанский завод за копией манифеста Пугачева — «Петра III», а оттуда делегация направилась к «почтенному от его величества старшине Юлаю». 18 декабря они явились к нему и просили допустить делегацию «до его величества», не посылать к ним «развозжающих грабительских воровских партий». В рапорте сообщалось, что «соседственные заводы и протчия окрестные башкирские жительства его величеству... приклонились» [*Пугачевщина,* 1929. Т. II. С. 435; *Крестьянская...* 1975. С. 68]. В рапорте приказчика Саткинского завода Ф. Ахматова бригадиру Дефейервару от 2 декабря сообщалось, что башкирский отряд в 500 человек вступил в Симский завод Твердышева [*Крестьянская...* 1975. С. 61].

В середине декабря на Саткинский завод прибыл эмиссар Зарубина пугачевский бригадир И.С. Кузнецов, вслед за ним с небольшим отрядом явился личный посланец Пугачева полковник И.Н. Грязнов. В конце декабря — начале января повстанческое движение охватило всю Зауральскую часть Башкортостана. Образовался Исетский повстанческий район, основные события которого развернулись под Челябинской крепостью. Башкирские конники составляли половину войска Грязнова *[Гвоздикова,* 1999. С. 329—330]. Активными соратниками Грязнова были башкирский старшина Мякотинской волости, депутат Уложенной комиссии Базаргул Юнаев *[РГАДА*. Ф. 1274. Д. 182. Л. 231; *Андрущенко,* 1969. С. 137], походный старшина Кара-Табынской волости Юламан Кушаев *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 431. Л. 30 об.-34], главный старшина Исетской провинции и старшина Кара-Табынской волости Исай Токтагулов *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 507. Ч. 4. Л. 118-119], почтовый комиссар и старшина Бала-Катайской волости Сара Абдуллин, старшина Айлинской волости Муртаза Юртаумов *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 467. Ч. 6. Л. 296-297]. На втором этапе Крестьянской войны они получили от Пугачева высокие воинские звания. Кроме того, много башкирских повстанческих отрядов во главе со своими волостными старшинами действовали самостоятельно, нападали на крепости и горные заводы.

По подсчетам И.М. Гвоздиковой, в Исетском повстанческом районе в составах восставших было до 10 тыс. башкирских конников *[Гвоздикова,* 1999. С. 327].

БАШКИРЫ НА II ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

После поражения повстанческих сил под Сакмарским городком у Пугачева осталось около 500 чел., в числе которых было 100 казаков, 100 заводских крестьян, примерно 50 человек калмыков и татар, около 250 башкир.

Кинзя Арсланов обещал Пугачеву в случае, если он пойдет в глубь Башкортостана, за десять дней набрать 5-10 тыс. башкир *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 508. Л. 32; *Дубровин,* 1884. Т. И. С. 382].

Путь следования Пугачева в первое время пролегал по территории Ногайской дороги, через башкирские селения, Покровский, Авзяно-Петровские и другие южноуральские заводы. Войско его росло преимущественно за счет башкир и заводских крестьян. Появление «надежи-царя» в пределах юго-восточных волостей Ногайской дороги всколыхнуло коренное население. Вновь развернулась организаторская деятельность Кинзи. По показаниям Творогова, уже при подходе к Вознесенскому заводу, т. е. до 4 апреля, «под руководством башкирского старшины Кинзи, по уверению о злодее, что он - истинный государь, приходя от места к месту, собрали башкирцов множество» *[Пугачевщина*, 1929. Т. II. С. 114, 138-139, 181-182]. Начался массовый приход башкир в отряд Пугачева.

По сведениям старшины д. Имангулово Мусы Имангулова, посланного властями на Ногайскую дорогу и в Исетскую провинцию на разведку, старшины Бурзянской волости Бектимир Мутаев и Кинзябулат Алкашев собрали 700 вооруженных башкир и намеревались идти к «государю, который де находица на Белорецком заводе». Башкир д. Мратово той же волости Мрат к этому времени уже съездил к Пугачеву и получил у него 100 руб. в награду. Видимо, у него был большой боеспособный отряд, так как он разбил трехсотенную карательную команду Киикбая Ямансарина, преследовавшую Пугачева. К Пугачеву собирался идти и старшина Кубелякской волости Абзан-тархан Баимов со 100 воинами. 500 конников было готово у старшины Миркит-Минской волости Мрадыма Саитмамбетова. Энергичную деятельность развернул Каскын Самаров. Шел на соединение с Пугачевым отряд в 500 чел. под предводительством «старшин Танчея, Кутлуюла и детей старшины Кинзи Арсланова», мобилизуя на своем пути башкир *[Крестьянская*... 1975. С. 138—139, 182].

2 мая Пугачев выступил из Белорецка с 5-тысячным отрядом. 7 мая к нему подошли Овчинников и Перфильев с отрядом в 500 чел.: 300 казаков и 200 заводских крестьян. 8 мая к Магнитной крепости явился Белобородов с отрядом в 700 чел. В эти же дни илецкий казак Иван Шибаев ездил по заводам и привел к Пугачеву 300 заводских крестьян. Таким образом, при подходе к Магнитной крепости у Пугачева было не менее 6 500 чел. Из них казаки и заводские крестьяне составили около 2,5—3 тыс. и около 3,5—4 тыс. - башкиры. Только у трех старшин Бурзянской волости, Абзан-тархана Баимова и Мрадыма Саитмамбетова было собрано более 2 тыс. чел. По сведениям Пугачева, на Белорецком заводе «пристали к нему башкирцов до 2 000, с коими он Магнитную крепость взял» *[Допрос*... 1935а. С. 210; *Следствие*... 1966. С. 121; *Крестьянская*... 1966. Т. II. С. 61]. Кроме того, с Пугачевым из-под Сакмарского городка ушло 250—300 башкир. Однако, как общая численность повстанческой армии, так и число башкирских конников в ней могли быть значительно больше.

Войско Пугачева быстро росло. 20 мая под Троицкой крепостью в Главном войске Пугачева числилось 10—12 тыс. чел. *[Следствие*... 1966. С. 120]. Отряд состоял из заводских людей, всевозрастающего числа черносошных исетских крестьян и баш-

кир. Подвижность Главного войска позволяла ему в течение долгого времени ловко и незаметно ускользать от преследования. На «выигрыш злодея в конных силах» сетовал и Деколонг, преследовавший в этом районе повстанческую армию *[Дмитриев-Мамонов*, 1898. С. 107].

После ряда поражений в мае 1774 г. у Пугачева осталось людей «самое малое число» и ни одной пушки. Однако и на этот раз его отряд восстанавливался очень быстро. К Пугачеву шли заводские и государственные крестьяне, башкиры, трудовые массы других нерусских народов Зауральской части Башкортостана. В конце мая - начале июня большую часть Главного войска составляла башкирская конница. 2 июня, когда у Пугачева после поражения от Деколонга под Троицкой крепостью и Михельсона под д. Лягушино оставалось не более 500 чел., к нему присоединилась 3-тысячная конница Салавата Юлаева. Пугачев сам показал, что в это время на Урале он набрал «уральских башкирцов тысяч десять и несколько заводских крестьян» *[Восстание...* 1935. С. 161; *Следствие...* 1966. С. 121]. Это объясняется тем, что с уходом Главного войска из района южноуральских заводов обозначился спад активного выступления заводских крестьян. Поэтому роль башкир в воссоздании Главного войска сильно возросла, что признали и власти. В апреле 1775 г. воевода Исетской провинции В.И. Свербеев старшине и мирским людям Катайской волости сообщал: «Тогда, когда того вора [Пугачева] под Троицкой крепостью и деревней Лягушино впрах разбили, старались спасать плутовскую ево жизнь и дали ему убежище в своих кочевьях, да и погодя подавали во всяких случаях ему помощь и подкрепление» *[РГАДА*. Ф. 429. Оп. 1. Д. 65. Л. 65-65 об.].

Оценивая роль Салавата в этот период Крестьянской войны, историк П.Л. Юдин писал: «Не будь у Пугачева такого «свирепого» помощника, он вряд ли бы мог удержаться долго в Башкирии, чтобы после целого ряда неудач от Михельсона и Деколонга успеть снова набрать мятежные толпы, с которыми потом двинуться к Казани» *[Юдин*, 1898. С. 579—580]. До соединения с Пугачевым Салават со своим отрядом вышел навстречу корпусу Михельсона и вынудил того вступить в несколько боев. В результате Михельсон потратил много сил, потерял стратегически выгодное время и вынужден был вернуться в Уфу, не выполнив своей задачи.

Башкирские повстанцы продолжали играть большую роль в Главном войске и при продвижении его на север. Наступая на Красноуфимск и Осу, Пугачев решил расширить фронт действий повстанческой армии. С этой целью Салават направил из своей конницы отряд на помощь повстанческим силам в район Бирска. При взятии Осы конница Салавата в качестве авангарда была послана «тревожить город», а сам Пугачев подошел с остальной частью Главного войска под прикрытием кавалерии *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 9. Л. 109; *Следствие...* 1966. С. 121].

Под Осой в Главном войске было около 9 тыс. чел. К Пугачеву шли заводские крестьяне, тулвинские башкиры. Оставалась в Главном войске и конница Салавата Юлаева. Приблизительно можно установить, что вместе с 3-тысячным отрядом Салавата башкиры составляли около половины Главного войска Пугачева.

После ухода Салавата и других башкирских старшин со своими отрядами из-под Осы в Башкортостан, численность башкир в Главном войске резко сократилась. В источниках есть сведения, что после Осы с Пугачевым пошли 500 тулвинских, култаевских и кунгурских башкир, а остальные башкиры остались на Тулве *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 644. Л. 282]. Но вряд ли этим исчерпывалось все количество башкир в Главном войске. С Пугачевым были еще Кинзя Арсланов, Идеркай Баймеков, Кутлугильда Абдрахманов, Сляусин Кинзин, ряд активных предводителей зауральских башкир со своими командами. По пути следования из Осы в Казань к Пугачеву присоединились башкиры западных волостей Уфимской провинции. К Казани Пугачев подошел с войском в 20 тыс. чел., состоявшим из казаков, русских крестьян, башкир, татар и др. Башкиры принимали активное участие в штурме и взятии Казани. Установить их численность не представляется возможным, однако их удельный вес в Главном войске после Осы едва ли мог составить его половину.

После взятия Казани башкиры были отпущены Пугачевым домой. С ним за Волгу перешли только Идеркай Баймеков и Кинзя Арсланов. Сведения о первом прерываются под Царицыном. Кинзя был рядом с «государем» еще на Иргизе и сохранил верность ему до пленения Пугачева *[Следствие...* 1966. С. 122; *Дубровин*, 1884. Т. III. С. 87].

Весной 1774 г. обстановка в крае была сложной. Поражение главных сил повстанцев привело к серьезным изменениям в настроении населения. Продолжительная и безуспешная осада Оренбурга, Уфы, Кунгура и Мензелинска, неудачи повстанческих сил на севере и в Зауралье способствовали колебаниям определенной части башкирских, мишарских и татарских старшин. А.И. Бибиков еще 5 февраля доносил Екатерине II, что «пораженные везде злодеи рассыпаться начали, а упившиеся буйством, прелестьми и обольщениями злодейскими

стихать и в повиновение приходить начинают» *[Крестьянская...* 1975. С. 94]. Кроме того, верхушку местного населения начало беспокоить то, что манифесты Пугачева стали приобретать все более острую социальную направленность, а само движение развивалось не только вширь, но и вглубь.

Отход от движения части старшин начался буквально с первых дней поражения Главного войска под Оренбургом. Одним из первых на сторону властей перешел Ямансары Яппаров , который 4 апреля отправил своих сыновей Киикбая и Узянбая на преследование Пугачева, а сам вступил в карательную команду коллежского советника И.Л. Тимашева. 9 апреля в районе Бакалов Кидряс Муллакаев арестовал В. Торнова и выдал его властям. Принес повинную Алибай Мурзагулов. К середине апреля отошли от восстания 37 башкирских, мишарских и татарских старшин.

Однако весть о приближении «батюшки-царя» была встречена населением с восторгом. Повсеместно стали появляться повстанческие отряды, которые нападали на крепости и отдельные правительственные команды, угоняли у них лошадей. Во главе повстанцев встали известные предводители башкир Каскын, Каранай, Кутлугильда, Сляусин. Гибкую тактику применил Каскын. После поражения основных повстанческих сил он прислал в Уфу своих людей с повинной, сам явился к генералу Фрейману и попросил «разрешить ему усилить свою команду» и обещал с этой командой «преследовать врага отечества Пугачева, куда бы он ни бежал». Получив благословение генерала, он вернулся в Тамьянскую волость и начал распространять «злое намерение и злой умысел среди черни». К началу мая 1774 г. его отряд насчитывал до 600 чел. Семьи повстанцев в целях безопасности он переправлял за Белую, в горы. Каскын вступал в бои с карателями, перехватывал обозы с провиантом. В 20-х числах мая он обратился с воззванием к башкирским, мишарским и татарским старшинам Уфимской провинции с призывом присоединиться к войску Пугачева. От имени «государя Петра Федоровича» он предлагал гибкую тактику: «естли где есть ево (Пугачева - *авт.)* злодеи, то против оных стоять, и когда силы достанут — всех рубить, а не будут доставать, то хотя атаковать» *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 592. Л. 226; *Крестьянская...* 1975. С. 153; *Крестьянская...* 1970. Т. III. С. 47].

Возобновилась повстанческая деятельность Караная. К середине мая у него в отряде было более 600 башкир и 300 калмыков. Его отряды действовали в районе д. Ашкадар и Стерлитамакской пристани, в бассейне р. Демы. Они наводили ужас на верных старшин, сковывали действия властей в центре Ногайской дороги. В тесном контакте с Каранаем были старшины Кумрук-Табынской волости Мурадым Абдрахманов и Усерганской волости Кусяпкул Азятев. Они, объединив свои отряды, намеревались идти на Уфу *[Крестьянская...* 1975. С. 152-153, 156].

Повстанческие отряды возникали повсеместно, в центральных, юго-западных и западных волостях. Они действовали и самостоятельно, и от имени «царя Петра Федоровича». В результате вся территория Башкирского края вновь превратилась в арену восстания. Местные власти жаловались, что «проезд через башкирские деревни не так-то безопасен», что невозможно «в пригородах прежние правления установить». Уфимская администрация опасалась даже за судьбу Уфы, так как отдельные повстанческие отряды появлялись под городом. Башкиры, мишари, татары и другие нерусские жители отказывались идти в карательные команды, не давали им обозы, провиант, фураж. Появились агитаторы, которые отрицали факты разгрома войск Пугачева под Оренбургом *[Крестьянская...* 1970. Т. III. С. 48-49].

Мощное повстанческое движение развернулось[1] в районе Бирска. Отряды башкирских атаманов повстанческой армии Будяка Якупова, Арслана Рангулова, Аладина Фелякова, восставшие марийцы сковывали в этом регионе значительные карательные силы, прерывали коммуникации между Уфой и Бирском, держали город в постоянной тревоге, вели упорную борьбу против отрядов верных башкирских и мишарских старшин Мендея Тулеева, Шарипа Киикова, Кулыя и Сагита Балтачевых и др.

На севере Башкортостана после отступления Салавата из-под Красноуфимска оставалось несколько отрядов, которые действовали от его имени и имели с ним постоянную связь. 23 марта Салават приказал сотнику Илятбаю Илембаеву «выступить с подчиненными командами против врагов, являющихся противниками его императорского величества нашего милостивого государя» и вести с ними упорные бои, «не жалея своей жизни» *[Крестьянская...* 1975. С. 107-110]. В это время от имени Салавата действовал отряд Бахтияра Канкаева численностью в 300 чел. Команды, скомплектованные Салаватом или по его распоряжению, действовали на обширной территории Сибирской дороги. Слух о продвижении Главного войска способствовал новому подъему движения в этом регионе.

На территории Осинской дороги снова возникли отряды восставших. Во главе повстанческого движения встали С. Кузнецов, Мукаш Сутеев и дру-

гие. Восставшие башкиры Тайнинской волости взяли Осу в блокаду, требовали от властей сдать город, а горожан звали перейти на сторону восставших.

Подъем народного восстания летом 1774 г. в Башкортостане и действия там Главного войска Пугачева заставили колеблющуюся группу старшин вновь примкнуть к восставшим. Некоторые из них, такие как Алибай Мурзагулов, Каип Зиямбетев, Ибрагим Мрясев, встали во главе повстанческих отрядов. В начале лета они сумели объединиться в сводный отряд и 5 июня на р. Ашкадар дали бой корпусу генерала Голицына.

Размах движения вынудил правительство увеличить численность правительственных войск на территории Башкортостана. В середине мая здесь действовали корпуса генералов Голицына, Мансурова, Фреймана, Деколонга, Скалона, Станиславского, команды полковников Якубовича, Шепелева, Наумова, Кожина и др. Повстанческие отряды оказывали им упорное сопротивление. В результате корпусу Голицына пришлось затратить на путь от Оренбурга до Уфы более месяца, с 8 июня по 12 июля, Михельсон преодолевал расстояние в 120 километров от Уфы до Симского завода с 24 апреля до 6 мая *[Там же.* С. 142—146].

БАШКИРЫ НА 111 ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ

ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ БАШКИР ПОСЛЕ УХОДА ПУГАЧЕВА

С уходом Пугачева и его Главного войска под Казань и за Волгу борьба на территории Башкортостана не прекратилась. Наиболее массовой и активной повстанческой силой выступали башкиры. Генерал П.М. Голицын 9 августа 1774 г. сообщал новому главнокомандующему П.И. Панину, что дела здесь «в такой расстройке состоят, что я всю свою возможность собираю к их предупреждению и проявлению». Несмотря на то, что башкиры, по его мнению, несколько успокоились, они продолжают оставаться главной бунтующей силой [*Крестьянская*... 1975. С. 223]. На растущую борьбу башкир с тревогой указывали генералы Ф.Ф. Щербатов и И.А. Рейнсдорп. Последний в письме Щербатову писал, что при существующей обстановке в губернии, когда, «башкирской... народ пустился в генеральный бунт», без воинской помощи «усмирить не в состоянии» *[Там же*. С. 221].

Усилению борьбы в Башкортостане способствовало также то, что из-под Осы по указу Пугачева вернулись Салават Юлаев, Канзафар Усаев и другие видные предводители. Канзафар Усаев на допросе откровенно признал, что Пугачев отослал его со «злодейским манифестом для набору толпы в Башкортостан и возмущать спокойно живший народ», что он намеревался, «собравши толпу, напасть на Уфу и разбить российские войска» *[Там же.* С. 221]. Из-под Казани Пугачев отправил башкирские отряды, которые принимали участие в штурме и взятии Казани. Некоторые из этих отрядов возвращались с пушками, знаменами, разрастались за счет местных отрядов, превращались во внушительную силу. Неудивительно, что возвращение этих отрядов вызывало серьезную тревогу у военных властей *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 645. Л. 3, 41, 60 об., 63-63 об.; Д. 646. Л. 256 об.; *РГАДА*. Ф. 1274. Д. 186. Л. 216 об.].

Развитие народной борьбы в Башкортостане вынудило власть сконцентрировать здесь большие воинские силы. В Яицком городке находился корпус генерал-майора П.Д. Мансурова, контролирующий южные районы края от Яицкого городка до Гурьева; в Оренбурге — корпус полковника В.В. Долгорукова с двумя легкими полевыми командами; в Сакмарском городке — корпус полковника С.П. Наумова; в Бугульчане, Стерлитамакской пристани и Табынской крепости - команды полковника П.А. Шепелева. Дистанцию от Бугульчана до Верхне-Яицка контролировал корпус генерал-майора Ф.Ю. Фреймана. Между Уфой и Стерлитамакской пристанью располагался корпус подполковника И.К. Рылеева, а линию Уфа - Бугульма и Уфа - Мензелинск охраняла команда полковника А.Я. Якубовича. На Ново-Московской дороге карательная команда полковника Н.Н. Кожина своим правым флангом примыкала к корпусу В.В. Долгорукова. К сентябрю в Верхне-Яицкую крепость прибыл генерал П.М. Голицын, до конца сентября в районе Зилаирской крепости находилась команда И.Л. Тимашева. В Закамье была переведена из Мензелинска команда полковника А.Ф. Оберни-бесова, в Екатеринбург с Троицкой линии прибыли корпуса генералов И.А. Деколонга и С.К. Стани-славского, с Сибирской линии был переведен в Екатеринбург, а затем в Челябинск корпус генерала А.Д. Скалона. С Верхне-Яицкой дистанции в Уфу передислоцировался корпус генерала Фреймана и оставался там до лета 1775 г. Летом из Оренбурга корпус генерала Щербатова перебрался в Бугульму, корпус Голицына по пути в Казань вынужден был остановиться в Мензелинске. В Бугульме находилась

команда полковника Кожина, на Ново-Московской дороге курсировали команды майоров Юшкова и Меллина, в западных волостях — полковника Обернибесова и подполковника С.В. Неклюдова. На севере находились крупные карательные силы полковников И.К. Рылеева и А.В. Папава, майоров Д.О. Гагрина и Ф. Жолобова, коллежского асессора М.И. Башмакова и др. Кроме того, были усилены гарнизоны Уфы, Табынска, Верхне-Яицкой, Троицкой, Верхне-Озерной, Зилаирской и других крепостей. Все команды были хорошо вооружены, имели пушки.

Пугачев, продолжая движение к Казани, стремился обеспечить тыл Главного войска, создавая из башкирских повстанческих отрядов арьергардный заслон против сосредоточившихся в Башкирии карательных войск. Эта задача была блестяще выполнена. Подъем борьбы народных масс Башкирии летом 1774 г. принудил военные власти распылять воинские силы на всей территории края для подавления растущего движения. В результате лишь корпус И.И. Михельсона и небольшой отряд секунд-майора Меллина смогли преследовать Главное войско Пугачева за Волгой. В самый тревожный для правительства момент, когда Пугачев перешел Волгу и нависла угроза его похода на Москву, из Казанской губернии в Башкортостан продолжали поступать дополнительные карательные силы *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 592. Л. 222-223 об.; Д. 593. Л. 113, 114; Ф. 1100. Д. 8. Л. 334-335 об.; Д. 12. Л. 62, 63; *РГВИА*. Ф. 20. Д. 1233. Л. 387-387 об.; Д. 1240. Л. 352-352 об.].

На третьем этапе Крестьянской войны продолжалась упорная борьба башкир Ногайской дороги. Вернувшись из-под Осы, Канзафар Усаев собрал повстанческий отряд из башкир, мишарей, татар и заводских крестьян в 400 чел. в районе Стерлитамакской пристани, между рр. Белая и Ашкадар. В конце июля с его отрядом должны были соединиться отряды Караная Муратова и Канбулата Юлдашева. По сообщению верных старшин, в их объединенном отряде было до 1 000 чел., и они собирались идти на Уфу и «между рек Уршаком и Демой состоящия жительства вырубить» *[Крестьянская*... 1975. С. 215].

В южных волостях этой дороги повстанческие отряды нападали на карательные команды Тимашева и Наумова, совершали набеги на небольшие карательные партии на Ново-Московской дороге, на Озерную, Кизильскую, Ильинскую и другие крепости, угоняли у них лошадей и скот. В отрядах усерганских, тангаурских и бурзянских башкир были еще яицкие казаки, калмыки, кандаурские татары, ногайцы и заводские крестьяне. Власти стремились изолировать последних от восставших башкир.

В центральных и северных волостях Ногайской дороги действовали отряды Каскына Самарова, Караная Муратова, многочисленные отряды юрматынских, табынских и минских башкир. По сообщению Уфимской провинциальной канцелярии, в верховьях Белой находился отряд в 300 чел., также отдельные башкирские повстанческие отряды «в разных деревнях и в отдельных местах, а другие в горах» *[РГАДА*. Ф.' 1100. Д. 9. Л. 531-531 об.; *Крестьянская*... 1975. С. 214-216, 221-222, 243].

Несмотря на большую концентрацию карательных сил на Ногайской дороге, властям не скоро удалось сломить сопротивление башкир. 7 октября Рейнсдорп сообщал, что большинство башкирских старшин, «отдаляясь от домов своих, скрываются и убегают». Однако к концу октября 1774 г. движение пошло на убыль. 24 октября Рейнсдорп рапортовал Панину, что многие башкирские старшины Ногайской дороги пришли в покорность, что только «искусные пугачевские старшины» Каранай Муратов, Муйнак Сулейманов, Каскын Самаров, Кутлугильда Абдрахманов от своих домов «находятся в отлучении». Но 25 октября Тимашев сообщил Рейнсдорпу, что он арестовал их. В ноябре 1774 г. через Алибая Мурзагулова принесли свою присягу и обещали прийти в Казанскую секретную комиссию еще 22 старшины Ногайской дороги. В первой половине декабря в Казань прибыли 13 башкир с повинной, среди которых 9 были из волостей Ногайской дороги: 7 старшин, 1 сотник, 1 рядовой *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 507. Ч. 3. Л. 79-80; Д. 1274. Л. 721—721 об.; *Крестьянская*... 1975. С. 219, 238, 245-246]. Таким образом, к середине декабря на Ногайской дороге активные действия повстанческих отрядов прекратились.

На третьем этапе Крестьянской войны значительные повстанческие силы действовали на Казанской и Осинской дорогах. Подъему движения в этом регионе Башкортостана способствовало продвижение к Казани Главного войска Пугачева. Развернулась борьба восставших против верных старшин, которых поддерживали команды Кожина и Обернибесова, майоров Меллина и Юшкова. В конце лета 1774 г. на Осинской дороге активизировались действия отрядов Аделя Ашменева, Буляка Якупова, Арслана Рангулова, Абдузелиля Урускулова, Абдусаляма Рамзина, Аладина Бектуганова. Западнее их до 27 июля действовал отряд Бахтияра Канкаева, в районе Бирска — отряды Медета Мендиярова и Аита Саитова. В волостях Казанской

дороги действия повстанческих отрядов охватывали территорию в бассейне р. Демы до Белебея, д. Саран и Усень-Ивановского медеплавильного завода. Они имели несколько боев с карательными командами. Многие повстанческие отряды этого региона стремились соединиться с Главным войском Пугачева. С этой же целью из района Стерлитамакской пристани к Шуранскому перевозу на Каме подошел отряд Караная. Действия повстанческих отрядов этого региона отвлекали крупные карательные силы Голицына, Обернибесова, Неклюдова, Меллина, Юшкова, что имело важное значение для укрепления тыла и фланга Главного войска Пугачева.

После ухода Пугачева за Волгу повстанческое движение в западных волостях Башкортостана пошло на убыль. 30 сентября полковник Шепелев доносил, что башкиры, проживающие по рр. Дема и Уршак, пришли в повиновение, а их старшины поехали для принятия присяги в Казань. По ведомости Уфимской провинциальной канцелярии от 1 ноября 1774 г. в бегах находился лишь старшина ясачных татар Ибраш Уразбахтин [*Там же.* С. 254].

Во второй половине ноября 1774 г. активное действие восставших на Осинской дороге практически прекратилось.

БОРЬБА БАШКИР ОСЕНЬЮ 1774 г.

С возвращением опытных башкирских предводителей из-под Осы и Казани в конце лета 1774 г. народная борьба на Ногайской дороге усилилась. В южных волостях восставшие башкиры нападали на небольшие карательные партии, осаждали Озерную, Кизильскую, Ильинскую и другие крепости, угоняли лошадей и скот. Сляусин и Кутлугильда имели несколько боев с командой полковника Долгорукова, разгромили отряд Ямансары Яппарова, а его самого взяли в плен. Достаточно заметные силы восставших действовали под Зилаирской крепостью.

В центре и северных волостях Ногайской дороги сражались крупные отряды Каскына, Караная, а также значительные силы юрматынских, табынских и минских башкир. В конце лета Каранай со своим отрядом численностью до 2 тыс. чел. совершил поход в западную часть Башкортостана, чтобы соединиться с Главным войском Пугачева. Не сумев форсировать Каму на Шуранском перевозе, вернулся к Стерлитамакской пристани и вновь развернул энергичную деятельность. Он вступал в бой с командой Рылеева, длительное время держал в осаде Стерлитамакскую пристань, сжег дд. Ашкадар и Стерля. Каскын действовал в районе с. Бугульчан. Он нападал на правительственные команды и отряды верных старшин. По сообщению Уфимской провинциальной канцелярии, в конце июля 1774 г. многие отряды восставших с Ногайской дороги находились «в разных деревнях и в отдаленных местах, а другие — в горах» [*Крестьянская*... 1975. С. 215-216].

Продолжение сопротивления башкир Ногайской дороги тревожило гражданские и военные власти. Рейнсдорп откровенно признавался в своем бессилии подавить восстание и упрекал генерала Щербатова в том, что его войска «не могли опасность отвратить и развращенные народы успокоить». В начале октября он сообщал, что большинство башкирских старшин, «отдаляся от домов своих, скрываются и убегают» *[Там же.* С. 245-246]. Некоторых из них губернатор оставлял при себе и использовал в сборе провиантского штрафа.

Осенью 1774 г. повстанцы из нерусского населения Ногайской дороги отошли от восстания. Башкиры продолжали борьбу, но в конце ноября - начале декабря и они вынуждены были прекратить сопротивление. Об этом свидетельствовало принесение повинной одновременно 30 башкирскими старшинами. Таким образом, повстанческое движение здесь продолжалось до декабря 1774 г.

Подъему народной борьбы на Казанской дороге в конце лета 1774 г. способствовало продвижение Главного войска Пугачева на Казань и поход Караная на Каму. Отряды башкир, татар, мишарей и других нерусских народов западной части Башкортостана вели борьбу против верных старшин и регулярных команд. Однако с уходом Главного войска за Волгу и возвращением Караная на Ногайскую дорогу восстание в этом районе пошло на убыль. 25 июля около д. Батиряки был разбит повстанческий отряд Гаврилы Лихачева. В конце июля Бахтияр Канкаев, оставив свой 2 тыс. отряд, скрылся в неизвестном направлении. Этот отряд скоро был разбит карателями. 17 августа начальник Казанской секретной комиссии П.С. Потемкин рапортовал Екатерине II, что «вокруг Казани и до самой Камы - все спокойно. Не утишаются одни только башкирцы и самая малая часть между Табынска и Бугульмы» *[Там же.* С. 235].

Осенью 1774 г. восставшие несколько активизировались на Осинской дороге. Крупными очагами восстания были районы Бирска и Осы. Под Бирском башкирские и марийские отряды во главе с Медетом Мендияровым, Аитом Саитовым, Якеем Егоровым и Байкеем Тойкиевым нападали на карательные партии, воевали с командами верных стар-

шин Мендея Тулеева, Кулыя и Сагита Балтачевых, Шарипа Киикова и многих других. Под Осой и в районе пермских горных заводов вновь возобновил свою повстанческую деятельность Батыркай Иткинин, который поднял на восстание башкир, заводских и дворцовых крестьян, татар, марийцев, удмуртов. К концу ноября движение в этом регионе прекратилось. 20 ноября лишь полковник повстанческой армии Арслан Рангулов, башкир из д. Кынгазы Иректинской волости Осинской дороги, «с малым числом сторонников» находился в бегах в районе верхнего течения р. Таныпп *[РГАДА*. Ф. 1274. Д. 179. Л. 380].

Долго и упорно боролись против карателей башкиры Зауральского Башкортостана. Восстание разгорелось с новой силой в конце лета, когда из-под Осы со своими отрядами вернулись предводители исетских башкир. 13 октября 1774 г. комендант Верхне-Яицкой дистанции Ступишин сообщал, что старшина Кара-Табынской волости Юламан Кушаев и старшина ясачных татар Мухамет Сафаров после ухода Пугачева разглашали среди башкир и мишарей, что «злодей появился в здешних окружностях во многочисленном множестве», отчего всех башкир и мишарей «в прежнее бунтовство и злодейство приводили». Отряды восставших сковывали действия генералов Деколонга, Скалона, Станиславского, Фреймана, нападали на крепости, разоряли селения мишарей, ичкинских и усть-багаряцких служилых татар, оказывающих поддержку карателям *[РГАДА*. Ф. 429. Оп. 1. Д. 63; Д. 65; Ф. 1100. Д. 12; Ф. 1274. Д. 179]. Восстание в этом регионе продолжалось до глубокой осени. 6 ноября исетский воевода А.П. Веревкин сообщал, что главные предводители восставших Базаргул Юнаев, Юламан Кушаев и Сара Абдуллин еше не явились с повинной. Сотник Терсятской волости Махмут Калмакаев во второй половине декабря 1774 г. оставался «в своем бунтовщическом возмущении». Базаргул Юнаев и сотник Салжиутской волости Баязит Максютов и летом 1775 г. находились в бегах *[Крестьянская*... 1975. С. 226—230].

Основные события восстания в Башкортостане после ухода Главного войска Пугачева за Волгу связаны с именем повстанческого бригадира Салавата Юлаева. Его деятельность и слава шли далеко за пределы Сибирской дороги. С ним были связаны повстанческие отряды в районах Осы, Краноуфимска, Кунгура, от его имени действовали предводители восставших в районах пермских и екатеринбургских горных заводов, слухи о его действиях достигали бассейнов рр. Тобол и Ишим. Не зря главнокомандующий карательными силами П.И. Панин осенью 1774 г. квалифицировал Салавата как «главного между башкирским народом теперь возмутителя». А Кулый Балтачев признал, что после Пугачева Салават «чинил разорения столь громкие, что имя его, Салавата, в тамочных местах везде слышно было» *[Там же.* С. 241—242, 307-308].

В августе 1774 г., отступив от Уфы, Салават превратил северный Башкортостан в основной район повстанческого движения. Именно здесь осенью 1774 г. происходили самые крупные бои с карателями. 30 августа .сводный отряд Аита Сайтова, Ярмухамета Кадырметова и Байкея Тойкиева на р. Амзе вступил в сражение с командой майора Штерича. 4 сентября к ним присоединился Салават. 7 сентября команде Штерича пришлось выдержать еше одно сражение с отрядом Ярмухамета. Видимо, это была попытка повстанческих предводителей согласовывать свои действия *[Гвоздикова,* 2004. С. 174]. После этих боев Салават готовился к походу на Ачитскую крепость и Кунгур. Под его общим командованием действовало несколько повстанческих отрядов. Усиление борьбы на севере Башкортостана напугало местную администрацию. Для подавления этого очага был направлена команда И.К. Рылеева. Первое сражение с восставшими состоялось 18 сентября на р. Бирь, в 90 верстах севернее Уфы. 22 сентября у д. Нуркино произошел новый бой отряда Салавата с корпусом Рылеева. Первыми напали повстанцы. В отряде Салавата были ельдякские казаки из крещеных башкир во главе с их атаманом Семеном Шеметовым, башкиры северных волостей со старшинами, полковниками повстанческой армии Абдузелилем Урускуловым, Арсланом Рангуловым, Буляком Якуповым и Абдусалямом Рамзиным. Бой был упорным, долгим, кровопролитным и тяжелым. Конники Салавата дрались отважно, несколько раз бросались в атаку, но каждый раз вынуждены были отступать под штатным артиллерийским и ружейным огнем. Потеряв около 400 повстанцев убитыми, Салават отступил к Ельдякской крепости, затем ушел к Катав-Ивановскому заводу *[Крестьянская*... 1975. С. 236-237; *Гвоздикова,* 1999. С. 441-442].

Катав-Ивановский завод к этому времени был осажден отрядом Юлая Азналина. В отличие от других заводов, он не был разрушен ни карателями, ни восставшими. Завод был хорошо укреплен, имел несколько пушек, запасы ружей и боеприпасов. Там находился достаточно сильный гарнизон. В заводском поселке оставалось 1 920 чел. мастеровых и работных людей, крепостных крестьян, которых приказчикам и священнику удалось запугать лживыми рассказами о зверствах башкир и привлечь к

обороне завода. Юлаевцы многократно посылали своих представителей на переговоры. Но заводская администрация вероломно захватывала их в плен. В августе повстанцы в очередной раз прислали своих людей с предложением «жить союзно». В ответ администрация потребовала дать аманатов из «хороших и надежных башкирцев», на что повстанцы ответили отказом.

Видимо, именно в это время в ставку Юлая на короткое время приезжал Салават. 10 сентября они составили обращение к крестьянам Катав-Ивановского завода. Этот документ является свидетельством того, насколько Салават и Юлай были верны лозунгам Крестьянской войны. Они напоминали заводским крестьянам, что все они «подданные его величества Петра Федоровича», призывали их «жить в мире», заверяли о своем дружелюбии. «Когда ваши люди попадают к нам, - говорилось в обращении, - мы их не убиваем, а отпускаем обратно невредимыми... Если бы у нас был злой умысел, коли того пожелает бог, мы можем больше вашего поймать и значительно больше убивать. Но мы не трогаем их, ибо мы не питаем к вам зла». Письмо было отправлено на завод с крестьянином, находившимся у повстанцев в плену. Салават и Юлай просили передать заводской администрации, что повстанцам не составляет большого труда «кругом всего завода стенку завалить соломою и зажечь». Но они не могут идти на такую жестокость, так как не хотят напрасной гибели сотен безвинных и запуганных крестьян *[РГАДА*. Ф. 1100. Д. 11. Л. 201-202].

Вместе с Юлаем Салават до конца ноября осаждал завод. Отсюда он продолжал руководить общим ходом движения в регионе. Отряды Салавата и его соратников контролировали значительную территорию северного и северо-западного Башкортостана до глубокой осени, не давали свободно передвигаться по ней карательным командам и представителям администрации. П.И. Панин, П.М. Голицын, П. С. Потемкин многократно обращались к Салавату с предложением покаяться и добровольно явиться с повинной.

Властям пришлось направить на Сибирскую дорогу значительные силы, активизировать верных башкирских и мишарских старшин. В последних числах ноября под Катав-Ивановским заводом Салавату пришлось вступить в еще одно сражение с карателями, на этот раз с корпусом генерала Фреймана. Повстанцы потерпели поражение. Это было последнее сражение выдающегося предводителя Крестьянской войны, легендарного сына и вождя башкирского народа.

После ареста Салавата 25 ноября 1774 г. восстание на территории Сибирской дороги резко пошло на убыль. В это же время властям удалось схватить одного из самых энергичных его соратников, старшину Кущинской волости, полковника повстанческой армии Ильчигула Иткулова, действовавшего в районе Красноуфимской крепости. 9 декабря в плен попал другой соратник Салавата — мулла д. Яуново Мурзаларской волости, Якуп Тляумбетев *[РГАДА*. Ф. 6. Д. 489. Л. 200; Ф. 1274. Д. 179. Л. 752]. Но напряженная обстановка в Башкортостане сохранялась до лета 1775 г.

Расправа с повстанцами. В ходе Крестьянской войны постоянно менялась позиция правительства по отношению к башкирам. В начале движения власти рассчитывали на поддержку башкир. Они обращались к ним с призывом сохранять верность государственной власти, старались создавать из них карательные команды. Но эти надежды не оправдались. Тогда губернские власти попытались изолировать башкир от восставших. Когда массовый переход башкир на сторону Пугачева стал очевидным фактом, военные власти решили жестокими карательными мерами вынудить их отойти от борьбы. Восставших башкир грозили «казнить, вешать за ребра», истребить их деревни и скот. Попадавшим в плен башкирам отрезали языки, уши, носы, пальцы на руках и обещали таким образом наказать всех, кто примкнет к восстанию.

Однако такие меры только озлобляли башкир, ускоряя их переход на сторону Пугачева. Массовое и активное участие башкир в Крестьянской войне поставило перед правительством и его местной администрацией сложную задачу не только подавить восстание, но и навсегда «обуздать своенравных и буйных» башкир, сделать их «бунты» невозможными. В феврале 1774 г. Государственный Совет при е. и. в. несколько раз рассматривал «башкирский» вопрос и принял решение: усмирять башкир оружием, а после подавления Крестьянской войны раздать их дворянам, что позволило бы «пресечь вольность и их всегдашную к возмущению склонность» *[Архив*... 1869. Т. I. С. 232].

Самостоятельная, упорная и продолжительная борьба башкир после ухода Пугачева и его Главного войска с территории края заставила правительство еще раз пересмотреть свою позицию по отношению к ним и вести более осторожную, гибкую политику. Оно боялось новой вспышки башкирского «бунта». Этому способствовало и то, что осенью 1774 г. широкое распространение получили слухи о возвращении в край Пугачева и Кинзи. Екатерина II требовала от главнокомандующего карательными вой-

сками П.И. Панина соблюдать всякую осторожность по отношению к башкирам, дабы они вновь не пришли «к замешательству». Панин в свою очередь аналогичные требования предъявлял казанскому и оренбургскому губернаторам *[РГАДА*. Ф. 429. Оп. 1. Д. 65. Л. 1-6; Д. 541. Л. 1-6; Ф. 1100. Д. 9. Л. 1280; *РГИА*. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 3. Л. 266]. Правительство пугала также возможность ухода башкир за Яик, в казахские степи.

По приказу Панина в башкирских селениях для устрашения народа были расставлены виселицы, глаголи и колеса, но их в массовом масштабе для экзекуции повстанцев не использовали. Почти все башкирские предводители, находившиеся в следственных комиссиях, были освобождены без наказания. Многие из них сохранили за собой должности старшин и сотников. Депутаты Уложенной комиссии Базаргул Юнаев и Туктамыш Ишбулатов были лишены депутатских полномочий, но оставлены в должности старшин.

Некоторым активным участникам народного движения все же не удалось избежать наказания. Одни из них подвергались телесному наказанию: битью кнутом, отрезанию носа, уха и клеймению, другие - посажены в тюрьмы.

Часть предводителей восстания ожидала тяжелая судьба каторжника, вечного поселенца или штрафного солдата. Некоторых башкирских предводителей казнили во время восстания. Так, в феврале 1774 г. в Кунгуре были повешены крупные организаторы восстания на севере Башкортостана старшина Тюбелякской волости Сибирской дороги Субхангул Кильтяков и походный старшина Тайнинской волости Осинской дороги Чюря Расулев *[Крестьянская*... 1975. С. 359-361].

Активное участие башкир в Крестьянской войне имело для них серьезные последствия. Перед российским правительством стал вопрос: как навсегда «обуздать своенравных и буйных» башкир, предотвратить их массовые выступления. Вопрос занимал как представителей местной администрации, так и высшие властные круги. В начале 1774 г. Государственный Совет принял решение усмирять башкир оружием. Новый подъем народной борьбы весной и летом 1774 г. показал, что это нереально. Упорная и продолжительная борьба башкир после ухода Главного войска Пугачева за Волгу заставила власти вести более осторожную политику по отношению к ним. В манифестах Екатерины II, приказах и рапортах П.И. Панина, И.А. Рейнсдорпа и других представителей гражданской и военной власти все чаще стало звучать рядом с угрозами требование соблюдения осторожности по отношению к башкирам, чтобы они вновь не пришли в «замешательство» *[РГАДА*. Ф. 429. Оп. 1. Д. 65. Л. 6, 8; Д. 541. Л. 1-6 об.]. 19 февраля 1775 г. последовал именной указ Екатерины II о сборе с башкир 4 тыс. лошадей в виде штрафа за участие в Крестьянской войне. Правительство отказалось от повторения зверской бойни в Башкортостане, устроенной во время восстаний 1735-1740 гг.

Башкирские команды были нужны царизму для проведения его внешнеполитических целей в Казахстане и Средней Азии, для несения охраны на западных и восточных границах империи *[Крестьянская*... 1975. С. 295-196; *История*... 1996. С. 331].

САЛАВАТ ЮЛАЕВ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ)

Более двух веков живет слава о воинской доблести и поэтической одаренности Салавата Юлаева. Салават стоит в ряду самых крупных героев многовековой борьбы народов России против социального угнетения и национального неравенства. Исторические и фольклорные источники рисуют его личностью с исключительными дарованиями. Они открывают в нем способности умелого военачальника и организатора повстанческой власти в период Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева, одного из самых мощных народных движений в России XVIII в.

В ноябре 1773 г. Салават присоединился к Пугачеву, принявшему на себя титул умершего императора Петра III. В ноябре 1774 г. он был предательски захвачен в плен. Всего один год шел Салават под стягами Крестьянской войны. И за это короткое время он успел стать легендой башкирского народа, да и не только башкирского. Повстанческий полковник, затем бригадир, Салават формировал отряды, составлявшие многотысячные «корпуса» и «армии» пугачевского воинства, сражался с правительственными войсками, осаждал крепости и города, вел успешную агитацию среди разноязычного населения Башкортостана и соседней Казанской губернии за присоединение к восставшим, строил новые административные учреждения во временно освобожденных от царских властей районах. Сохранились документы, в которых говорится о личном участии Салавата в двадцати сражениях. И сохранились документы о государственно-правовой деятельности Салавата.

Вот вехи его жизненного пути.

Салават родился в 1754 г. в д. Текеево (вырос в д. Юлаево) Шайтан-Кудейской волости Сибирской дороги Уфимской провинции Оренбургской губер-

нии (ныне Салаватский район РБ). Год рождения установлен с его собственных слов. На допросе в Тайной экспедиции Сената 25 февраля 1775 г. Салават сказал, что «отроду ему двадцать первой год» *[Крестьянская...* 1975. С. 300]. Условно день рождения Салавата отмечается в середине года - 16 июня.

Отец Салавата башкирский сотник Юлай Азналин в 1765 г. стал старшиной волости. Он был широко известен в Башкортостане и своим воинским мастерством (участник Польского похода башкирского войска в 1771-1773 гг. Юлай Азналин заслужил особо почетную награду — воинское малое знамя, которое впоследствии он вручил Салавату, уходившему к Е.И. Пугачеву), и своей честностью, неподкупностью в деле защиты интересов рядовых башкир, притесняемых царской администрацией, заводчиками, башкирскими богатеями. Сам он был неграмотен, но сыну дал хорошее образование и достойное родовой чести воспитание. Во время заграничного похода отца восемнадцатилетний Салават исполнял обязанности волостного старшины. Документальных сведений о его матери не сохранилось.

Салават женился рано. По мусульманским обычаям он имел трех жен. В середине 1775 г. у Салавата было двое сыновей и две (или три) дочери.

В открытую вооруженную борьбу против социального и национального угнетения, за равенство прав всех народов России Салават включился в Бердском повстанческом лагере под Оренбургом. Он, несомненно, сознавал, что ему предстоит идти против правительства, армии, привилегированного класса — дворянства могущественнейшей империи, но жажда свободы и справедливости для родного башкирского народа, для всех людей, независимо от их национальной и сословной принадлежности, привела его на путь вооруженного протеста. И воевал Салават умно, храбро, самоотверженно.

Впервые он отличился в боях с войсками осажденного восставшими Оренбурга, административного центра губернии, был ранен. «Петр III» — Пугачев присвоил Салавату чин полковника и в конце декабря отправил его в Уфимскую провинцию, поручив формирование крупных отрядов, овладение Красноуфимском с последующим выходом к центру Пермской провинции - Кунгуру. В январе-марте 1774 г. Салават — один из главных предводителей повстанческого движения на севере Оренбургской и в смежных провинциях Казанской губернии. 23 января четырехтысячный «корпус», сформированный Салаватом из башкир, оренбургских казаков, государственных крестьян и заводских людей разных национальностей, участвовал в ожесточенном штурме Кунгура. Тяжело раненный под Кунгуром, Салават, едва залечив рану, весь февраль и март сражался в районе между Красноуфимском и Сарапулом. А в апреле принялся энергично, «неусыпно», по словам царских чиновников, собирать повстанческие отряды для Главного войска, которые продвигались к Магнитной крепости. Конница Салавата в ту пору насчитывала не менее четырх тысяч человек. Этими силами он храбро противодействовал подполковнику И.И. Михельсону, одному из самых упорных царских офицеров, преследовавших войско Пугачева.

В трех майских сражениях под Симским заводом и у Айской пристани Салават лицом к лицу встречался с Михельсоном. Мужество и стойкость повстанцев вызвали удивление и невольное уважение противника *[Там же.* С. 140]. Замечательной по тактическому плану и накалу борьбы была битва, развернувшаяся 3 и 5 июня у р. Ай, после присоединения отрядов Салавата к войску Пугачева. 3 июня у д. Верхние Киги сражение длилось около трех часов: «происходила великая ружейная и пушечная пальба». Михельсон подсчитал, что у повстанцев было «до 3 тысяч человек, кроме человек до трехсот русских, все башкирцы». 5 июня у д. Уразметево повстанцы вновь напали на Михельсона. Башкиры, как докладывал по инстанции подполковник, «выбежав со сторон, всеми силами, обще з ... Пугачевым, меня атаковали», и бой шел «немалое время» *[Там же.* С. 171-173, 184-186]. Михедьсон доложил командующему войсками, что разбил повстанцев. Но Пугачев перед казнью показал, что, как он «не мог сломить... Михельсона», так и тот «так же его не разбил», и они «разошлись» *[Емельян...* 1997. С. 197]. Салават же об этих боях писал: «А с гусарами было два сражения, при коих многие из них были убиты, а малое число бежало». 5 июня «Петр III» - Пугачев присвоил Салавату чин бригадира *[Гвоздикова,* 2004. С. 170-172].

11 июня под Ачитской крепостью конница Салавата в составе Главного войска Пугачева участвовала в боях с кунгурской командой подполковника А.В. Папава, вынудив ее отступить к Кунгуру. Ожесточенные бои произошли во второй половине июня под пригородом Оса. Здесь Салават был ранен в третий раз. Бой за город длился трое суток. 21 июня крепость капитулировала. День спустя Главное повстанческое войско переправилось на правый берег Камы и двинулось на Казань. Своего башкирского бригадира Пугачев оставил в Оренбургской губернии, где он возглавил повстанческое движение.

В начале августа Салават Юлаев двинулся на Уфу. Поход, как видно, был обдуман и подготовлен.

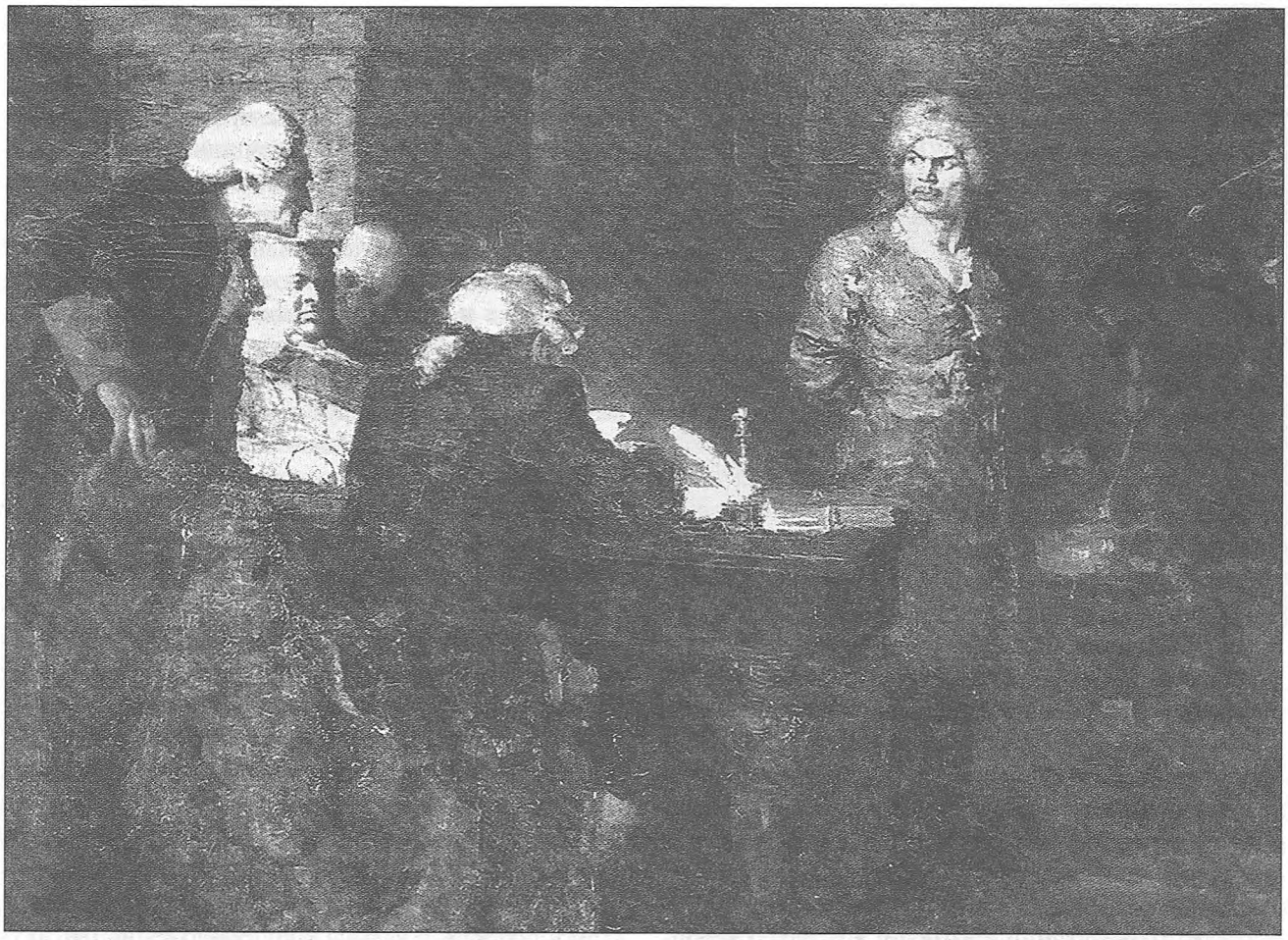

Рис. 43. Допрос Салавата. Худ. А.А. Кузнецов, 1955 г.

К Уфе шли, по меньшей мере, семь кавалерийских колонн. Салават предполагал обложить город со всех сторон, согласовав план осады с другими повстанческими командирами.

С августа по ноябрь основным районом боевой деятельности Салавата становится северная и северо-восточная часть Башкортостана от берегов Камы до Катавских заводов.

В начале сентября в междуречье рр. Белой и Буя Салават вел бои с «деташаментом» премьер-майора И.Г. Штерича, а 18 и 22 сентября объединенные отряды под командованием Салавата сражались с войсками подполковника И.К. Рылеева. Командующий правительственными войсками П.И. Панин требовал от башкир сложить оружие и «в знак своего истинного покаяния и подданического повиновения» выдать Салавата и его отца Юлая Азналина «ближайшему из подчиненных мне войск военноначальнику». А начальник секретных комиссий генерал П. С. Потемкин обратился к самому Салавату: «Покайся, познай вину свою и приди с повиновением». Но боевой клятвой Салавата и его сподвижников стали слова: «до самой их погибели находиться в беспокойствии, и не покоряться» *[.Крестьянская...* 1975. С. 241—242, 248; *РГАДА*. Ф. 1100. Д. И. Л. 254].

Свое последнее сражение Салават Юлаев дал в двадцатых числах ноября 1774 г. под Катав-Ивановским заводом. Оно было оценено командирами правительственных войск как смелое и неожиданное со стороны повстанцев, а главное - тактически продуманное [*Гвоздикова*, 1999. С. 457—458]. А оценку боевым действиям и воинскому умению повстанческого полководца давали многоопытные армейские офицеры, знавшие, что такое война, какова роль военачальника в тактических расчетах и боевых действиях [*Крестьянская...* 1975. С. 140, 231; *РГВИА*. Ф. 20. Д. 1236. Л. 233; *РГАДА*. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56206]. Среди них - подполковник И.И. Михельсон, участник Семилетней войны с Пруссией, русско-турецкой кампании 1768-1770 гг.; он же был прикомандирован к А.В. Суворову и воевал против польских конфедератов. Михельсону, отличившемуся в Польше, Александр Васильевич посвятил собственноручно написанные строки: «более всех по его искусству отряжаем был противу мятежников

в поле, и от успехов его получил себе великую славу».

С чем же шел молодой воин против мужей, съевших, как говорится, пуд соли в военной науке и опаленных огнем многих войн? Воинским познаниям офицеров и выучке регулярных армейских частей Салават противопоставил свое мужество, отвагу, находчивость, соединенные с усвоенным с детства опытом «военных упражнений» отцов и дедов. Описания боев против повстанцев в рапортах правительственных военачальников, свидетельства самих пугачевцев, захваченных в плен, позволяют уверенно говорить о воинском таланте двадцатилетнего Салавата Юлаева.

Размах и рост восстания определялись не только и не столько переменчивыми военными успехами повстанческих отрядов, но широким распространением обращений «Петра III» — Пугачева и его сподвижников к разноязычному трудовому населению Урало-Поволжья, суливших «вечную» и «всякую вольность» — осуществление вековечных чаяний народа быть хозяином на собственной земле. Салават энергично рассылал указы и манифесты «императора Петра Федоровича» и вместе с повстанческими атаманами писал воззвания к населению на русском языке и языке тюрки, вкладывая в них всю силу и пыл своего убеждения в справедливости народной борьбы.

Так, в Увещевании к жителям Кунгура о добровольной сдаче города от 19 января 1774 г. он убеждал их присягнуть «истинному императору Петру Федоровичу», который «уже немалою частию империи ...без утеснения овладел». Салават призывал не допускать военных стычек между его отрядами и гарнизонными командами, ведущих к кровопролитию и разорениям: «И не довольно того, что много уже оказалось раненых и пленных, кои безповинно погибают, а другие есть и убиты?!» Ярко и образно он рассказывал, как был встречен в Красноуфимске: «все граждане с немалым к отечеству увеселением учинили армии всей идущей встречу, и наперед верноподданически прислали всее артиллерии казаков с огненным оружием, и по встрече приклонили знамена, и по входе в самой город была для здравия его императорскаго величества ис пушек пальба...» *[Крестьянская...* 1975. С. 81]. В другом воззвании, посланном в Кунгур 20 января, Салават Юлаев и оренбургский казак Иван Кузнецов, пугачевский бригадир, заверяли жителей в том, что «армия его императорского величества», стоящая под городом, — все «россияны, так и иноверцы» имеют «отменные мысли», т. е. добрые намерения, и твердо будут исполнять приказ «государя..., дабы при взятье городов и приклонившихся к полной власти его величества от ыдущих армей никакого жителям притеснения, раззорения, обид, налог и безповинного кровопролития не чинили» *[Документы...* 1975. С. 248, 250]. Особый интерес представляет шестой пункт этого послания, обвинявший кунгурские власти в несоблюдении правил ведения переговоров. Считая себя равноправной стороной, предводители повстанцев с возмущением писали о нарушении неприкосновенности своих «посланцев», которых кунгурские власти вероломно захватили в плен и бросили в тюрьму. По законам «Первый наш император и все монархи или, паче сказать, всякое державство посылают... друг ко другу посланников», - вразумляли Салават Юлаев и Иван Кузнецов кунгурскую адинистрацию, и никакой «владетель или город» не в праве их задерживать. Именно этот документ был доставлен лично Екатерине II с почтой от командующего правительственными войсками генерал-аншефа А.И. Бибикова. Генерал усмотрел в попавшем к нему воззвании «чаяную дерзость» повстанческих вожаков и решил познакомить с ним императрицу. Так, в феврале 1774 г. полковник Салават Юлаев стал лично известен Екатерине II.

К сожалению, большинство посланий Салавата не сохранилось. Но об их воздействии на массовое сознание, на вовлечение народа в восстание знали в Уфимской провинциальной канцелярии, проводившей в мае-июне 1775 г. следствие по делу Салавата. Там и подобрали четыре законоположения (артикула) из Воинского устава для суда над Салаватом. Его обвиняли в призывах к возмущению народа «словом» и «письмами» (позднее, в 1790 г. эти же артикулы были названы среди законов, по которым судили известного писателя А.Н. Радищева).

О зрелости Салавата Юлаева как предводителя движения свидетельствует и его умение сплачивать в боевое содружество людей разных сословий и национальностей и поставить человека туда, где тот более всего нужен. Так, за воинские заслуги Салават присвоил чин полковника марийцу Изибаю Акбаеву. По рекомендации Салавата, Пугачев дал звание полковника татарину Абдулле Токтарову. Башкирского муллу д. Яуыново Якупа Тлеумбетева Салават сам назначил походным старшиной, оренбургского казака Семена Шеметова — атаманом. В поступках повстанческого бригадира не было национальной обособленности и ограниченности. Боевыми товарищами Салавата были русский солдат Иван Белобородов, крестьянин Иван Васев, казак Иван Кузнецов, мишари Канзафар Усаев и Бахтияр Канкаев, татары Абдулла Токтаров и Ярмухамет Кадырметов и многие, многие другие.

В своей деятельности Салават всегда мог опереться на поддержку отца. Повстанческий полков-

ник Юлай Азналин играл значительную роль в координации народного движения в северо-восточной части Башкирии. В начале июня 1774 г. «Петр III» - Пугачев назначил его главным атаманом, «судьей» над населением Сибирской дороги Уфимской провинции.

С декабря 1773 г. и до поздней осени 1774 г. действовала походная канцелярия Салавата Юлаева, орган военного и гражданского управления в занятых повстанцами районах. Она вносила в стихийное народное движение скрепляющее начало, объединяла и направляла массы.

Присоединение к восстанию старейшего на Урале Суксунского завода или переговоры о нейтралитете с Катав-Ивановским заводом — показательные примеры успеха такого рода работы канцелярии. Первый завод, как и многие другие, добровольно сдался пугачевцам, а его работные люди пополнили отряды Салавата Юлаева. Катав-Ивановский завод вначале перешел на сторону восставших, но вскоре заводская администрация с помощью гарнизона сумела обмануть и удержать население в повиновении. Салават вступил с руководством в длительные переговоры, поначалу привлекая к активности на стороне восстания, затем — добиваясь нейтралитета завода, призывая «жить в мире»: «мы не трогаем ваших, ибо мы не питаем к вам зла» [*Крестьянская*... 1975. С. 229—230].

Походная канцелярия Салавата Юлаева решала также многие мирные вопросы. К ней обращались за разрешением социально-экономических и хозяйственных проблем, с исками к царской администрации и жалобами на царское судопроизводство, с требованием «законных» прав и пожалований. И Салават действительно выступал носителем новой законности. Строжайший его указ перед штурмом Кунгура, в котором он предписывал повстанцам: когда «город Кунгур в плен взят будет, тоб, войдя в оной, никого не рубить», а горожан успокаивал, обещая им мир, порядок, религиозную терпимость, - не оставляет в том никаких сомнений. Обращает на себя внимание принцип религиозно-национального равноправия, ярко проявившийся в политике Салавата Юлаева. Пономаря Макара Попова он утвердил атаманом красноуфимской казачьей избы, а насильственно крещенному Абилю Байдашеву дал «письменное позволение» вернуться в старую веру. Салават, мусульманин по вере, внимательно относился к духовным потребностям христианского населения. В занятых им крепостях и селах церковные службы не прекращались.

Салават выступал в роли наставника новому выборному органу самоуправления в Красноуфимске — станичной избы. Он объявил жителям об

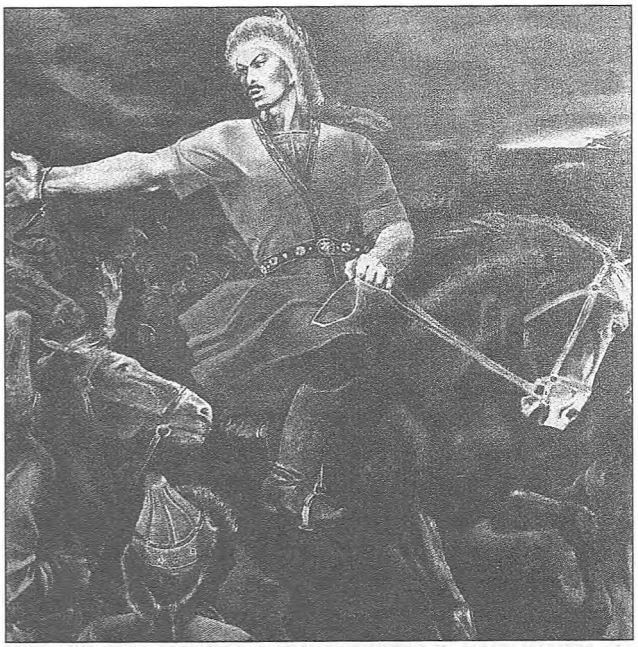

Рис. 44. Пугачевский бригадир Салават Юлаев.
Худ. Е.С. Широков

устранении воеводы и ликвидации воеводской канцелярии и утвердил выбранных казаками атамана и есаула. Притом среди качеств, которыми должен был обладать руководитель повстанческих учреждений, Салават выделял преданность «службе его императорскому величеству» и моральный облик кандидата на должность — «состояния добраго и терзваго». Таким он назвал атамана М.И. Попова. В указах и наставлении станичной избе был обозначен круг деятельности новых властей в области управления, охраны порядка и др. Документы предусматривали широкое привлечение населения к управлению через общинные собрания и их постановления, взаимную ответственность, взаимный контроль властей и граждан освобожденного района. Атаману и есаулу предписывалось «со здешними гражданами поступать добропорядочно: побор, притеснений и налог ни под каким видом никому не чинить, ко взяткам не касаться» *[Там же.* С. 75—78]. Красноуфимская станичная изба просуществовала всего лишь около полутора месяцев. Но и за короткое время она смогла внести определенный порядок в повстанческое движение... В контексте темной крепостнической эпохи с ее глубочайшим политическим невежеством и царистскими иллюзиями, Салават предстает прозорливым деятелем, сострадательным вожаком народных масс, стремившимся обеспечить справедливое общественное устройство. Могучие силы феодального общества, помешать которым и предотвратить действие которых не могли никакие военно-политические средства,

изначально обрекали подобную программу на неудачу. Но это нисколько не умаляет значения благородных демократических установлений Салавата Юлаева и его сподвижников.

Как ни храбр был бригадир Салават Юлаев, как ни верил в удачу и правоту своего дела, восставшие были обречены на поражение в борьбе с могущественной империей. 25 ноября 1774 г. Салават был захвачен «сильной партией» из корпуса Ф.Ю. Фрейманa и отрядом верных властям мишарских старшин в лесах Каратау, близ д. Миндишево (ныне Салаватский район РБ).

Следствие над Салаватом началось в конце ноября в походной канцелярии подполковника Н.Я. Аршеневского и продолжалось семь с половиной месяцев до вынесения приговора оренбургским губернатором 15 июля 1775 г. По требованию императрицы следователи одновременно должны были определить степень вины Юлая Азналина. Власти не стремились к установлению социальных причин народного возмущения, искажали истинные цели восставших. И Тайная экспедиция Сената, верховный орган сыска в аппарате феодально-абсолютистского государства, которой Екатерина II поручила ведение следствия над Салаватом и его отцом, и Оренбургская губернская и Уфимская провинциальная канцелярии, продолжавшие разбирательство после вынесения предварительного приговора Тайной экспедицией, как и окончательный приговор губернатора, называли Салавата и других предводителей восставших «врагами общественного покоя», «разбойниками» и «душегубцами». Но Салават с сознанием своей правоты твердо и ясно говорил о своем руководстве повстанческими отрядами, своем участии в боях с регулярными войсками, захвате заводов, крепостей и селений и стойко, горячо отводил от себя обвинения в каких-либо злонамеренных «убийствах и злодействах». Он не терял самообладания и твердости духа, несмотря на пытки и все унижения, которым его подвергали.

Судебно-следственный процесс завершился жестокой и длительной процедурой физического наказания Салавата и его отца. Их возили сотни верст для публичного наказания, чтобы самим видом претерпеваемых узниками страданий запугать народ, ибо, по мнению властей, страх был самым действенным средством предупреждения новых восстаний. Это была политическая акция, направленная на демонстрацию того, что любое выступление против существующих порядков влечет неотвратимое возмездие. Салават и его отец подверглись бесчеловечному наказанию кнутом, по 175 ударов каждому. У них были вырваны ноздри и проставлены клейма на лицах «З», «Б», «И» — «злодей», «бунтовщик», «изменник» *[Там же.* С. 297—341].

К физическим мукам Салавата присоединялась боль тревоги за судьбу семьи. Еще осенью 1774 г. каратели схватили и доставили в Уфу в качестве заложников его жен и детей. Генерал Фрейман удерживал сына Салавата. Под караулом у городского коменданта полковника С.С. Мясоедова находились жена и второй сын Салавата. Другие жены и дочери были расхватаны местными чиновниками. В начале мая 1775 г. Салават предпринял попытку передать из уфимской тюрьмы письмо своим родственникам и бывшим соратникам с просьбой спасти семью от расправы властей. Письмо было перехвачено караульной командой *[Гвоздикова,* 2004. С. 104-105, 206-209]. И мы не располагаем сведениями о том, как сложилась жизнь членов семьи Салавата. Захват их царскими офицерами и чиновниками был произведен, несомненно, с целью пресечь род Салавата, навсегда вытравить его из памяти народа.

2 октября закованные в кандалы Салават и его отец были отправлены из Уфы на каторгу. Четверть века провел Салават на чужбине, в далекой Эстляндской губернии, маленьком приморском городке Балтийский Порт, бывшей крепости Рогервик. Поддержкой ему в тяжелой жизни каторжного невольника служило общение с другими десятью сосланными сюда вожаками Пугачевского движения, поднявшими народ на борьбу за социальную справедливость, «вечную и всякую вольность», «спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет». Дольше всех рядом с Салаватом оставались думный дьяк повстанческой Военной коллегии И.Я. Почиталин, атаман сибирских крестьян Е.И. Тюленев, главный полковник восставших Канзафар Усаев и отец. Они были живы летом 1797 г. К этому сроку относятся и последние известия о жизни Юлая Азналина. А 26 сентября 1800 г. в возрасте 46 лет ушел из жизни Салават Юлаев.

Вся жизнь и деятельность выдающегося сына башкирского народа Салавата Юлаева, отважного воина, полководца и поэта, была овеяна мечтой человека о свободе, добре, благоденствии’. Его творческий ум, чуткое к несправедливости сердце откликнулись на волю народов России жить по закону социальной справедливости и человеческой солидарности.

* О поэтическом творчестве Салавата Юлаева см. в разделе «Башкирская литература XVI—XVIII вв.-

КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО НАРОДА В XVI-XVIII вв.

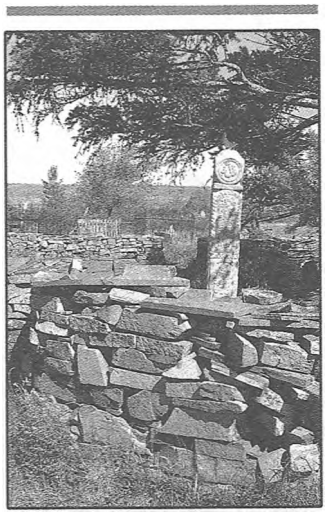

Рис. 1. Царь Иван Васильевич Грозный. Миниатюра из Титулярника. 1672 г.

Рис. 2. Башкирцы. Гравюра В.В. Мельникова. 1809 г. Раскраска акварелью Е.М. Корнеева.

Рис. 3. Красная государственная печать на документе XVI в.

Рис. 4. Башкир и киргиз-кайсак. Худ. Г.Э. Опиц. 1814 г.

Рис. 5. Переговоры князя А. Горбатого-Шуйского с башкирскими послами западных волостей в конце 1554 г. Худ. А.Х. Байрамгулов

Рис. 6. Принятие решения о строительстве г. Уфы. Худ. А.Х. Байрамгулов

Рис. 7. Царь Алексей Михайлович.
Миниатюра из Титулярника. 1672 г.

Рис. 8. Портрет Петра I в рыцарских доспехах.
Худ. Натье Жан Марк.

Рис. 9. Царь Алексей Михайлович с боярами на соколиной охоте около Москвы. Худ. Н.Е. Сверчков. 1873.
Государственный Русский музей.
(В свите царя башкир-сокольничий, одетый в зилян и высокую башкирскую шапку – колпак)

Рис. 10. Стрельцы. (Из книги А.В. Висковатого. «Историческое описание одежды и вооружения российских войск»)

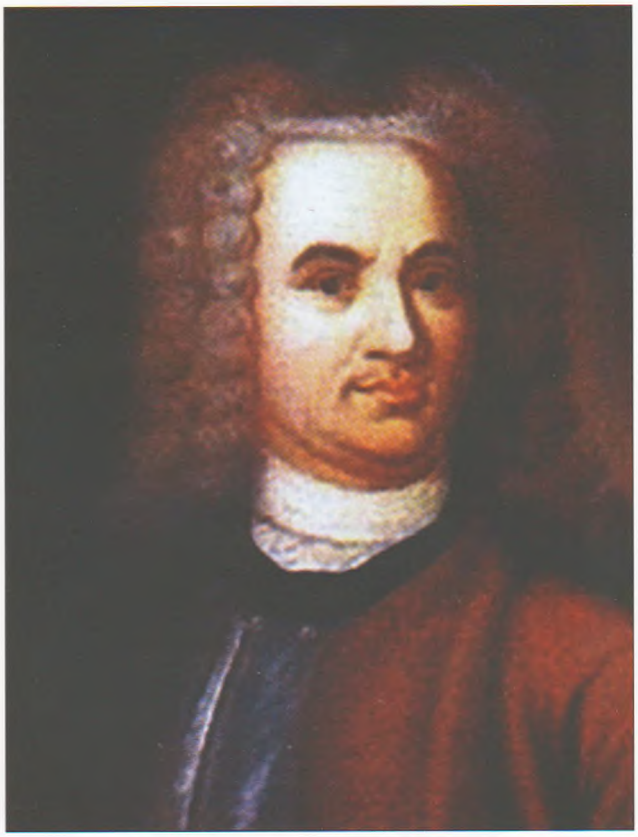

Рис. 11. Начальник Оренбургской экспедиции В.Н. Татищев

Рис. 12. Портрет императрицы Анны Иоанновны. Худ. Л. Каравакк. 1730 г.

Рис. 13. Портрет императрицы Елизаветы Петровны. Худ. И.П. Аргунов.

Рис. 14. Портрет Екатерины II.
Худ. А.П. Антропов. 1766 г.

Рис. 15. И.Г. Георги. Гравюра XVIII в.

Рис. 16. П.И. Рычков. Гравюра Н. Брезе. 1776 г.

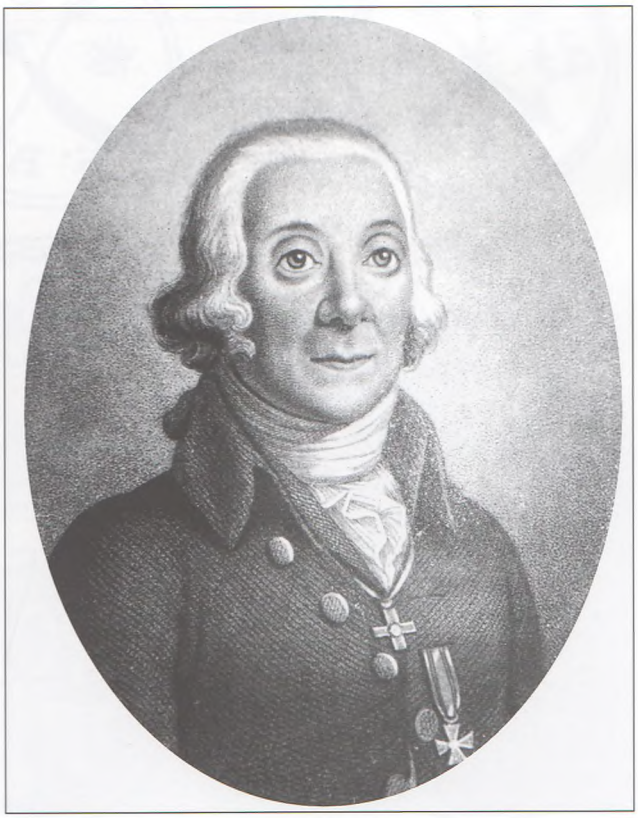

Рис. 17. П.С. Паллас. Худ. Тардье. Кон. XVIII в.

Рис. 18. И.И. Лепехин. Худ. М.А. Кашенцев, вторая половина 1830-х гг., литография

Рис. 19. Башкир. Худ. В. Верещагин. 1867–1868 гг.

Печать старшины Айлинской волости Сибирской дороги (вариант). Рисунок 1741 г.

Печать старшины Бекетинской волости Сибирской дороги (вариант). Рисунок 1741 г.

Печать старшины Барын-Табынской волости Сибирской дороги. Рисунок 1744 г.

Печать старшины Кара-Табынской волости Сибирской дороги. Рисунок 1744 г.

Печать старшины Катайской волости. Рисунок 1744 г.

Печать старшины Куваканской волости. Рисунок 1744 г.

Печать старшины Танынской волости. Оттиск 1741 г.

Печать старшины Тюбелякской волости. Оттиск 1741 г.

Печать старшины Кубелякской волости. Оттиск 1741 г.

Рис. 20. Печати башкирских старшин. 1741, 1744 г.

Рис. 21. Призыв. Худ. И.И. Гаянов, Ф.А. Исмагилов, 2003–2004 гг.

Рис. 22. Бой Салавата с авангардом Михельсона. Худ. А.П. Лежнев, 1941 г.

Рис. 23. Ансамбль кураистов. Дни Салавата Юлаева в Салаватском районе Республики Башкортостан. Фото. А. Витковской. 2005

Рис. 24. Башкирский конный отряд. Дни Салавата Юлаева в Салаватском районе Республики Башкортостан. Фото. А. Витковской. 2005

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА. ОРУДИЯ ТРУДА, БЫТОВАЯ УТВАРЬ

История основной массы башкирских деревень начинается с конца XVII—XVIII в. Их основание было напрямую связано с трансформацией скотоводческого хозяйства башкир — переходом от полукочевого скотоводства к оседлости. В башкирском языке, как и в ряде других тюркских языков, термин «аул» первоначально употреблялся для обозначения группы кочующих и живущих вместе родственных семей. Особенности ведения полукочевого хозяйства обусловливали наличие нескольких сезонных мест поселений такой группы, располагавшихся на весенних, летних, осенних и зимних кочевьях. Большая часть ранних населенных пунктов возникла на месте прежних зимовок, в которых раньше проходил наиболее продолжительный период жизни общины в году. Зимовки *(ҡышлау, ҡыштау, ыҙма)* располагались в местах, хорошо защищенных от ветра, рядом с водными источниками. Они отличались от весенне-летних и осенних поселений наличием более капитальных жилых построек и помещений для скота [*История*... 1996. С. 157, 438]. Часть деревень была основана на вотчинных землях, используемых для охоты. В XVII - начале XVIII в. после ухода калмыков стали вновь заселяться обширные территории на юго-западе башкирских земель, на которых находились «бобровые гоны», «рыбныя и звериныя ловли» башкир *[Асфандияров,* 2009. С. 676]. Так, в 1640 г. башкиры Бурзянской и Тамьянской волостей ходили в степи Самарского Заволжья для охоты «на сайгаков и тарпанов», а в начале XVIII в. основали здесь стационарные поселения *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 204, 428].

В дальнейшем, в XVIII-XIX вв., образование новых населенных пунктов происходило за счет разрастания основной деревни и выделения из нее выселков. Часто в таких случаях выселки сохраняли за собой название старой деревни. К примеру, в конце XVIII в. были известны дц. Старомуйнаково (32 двора), Маломуйнаково (др. название - Бурангулово; 27 дворов) и Муйнаково (13 дворов) *[Асфандияров,* 2009. С. 12]. По данным «Экономических примечаний к Генеральному межеванию» 1795 г., выселки были характерны в основном для восточных башкир, среди которых процесс аулообразования оставался еще незавершенным. Наибольшее количество хуторов отмечено в Верхнеуральском и Оренбургском уездах *[Сулейманов,* 2001. С. 42].

Названия башкирским деревням чаще всего давались по именам основателей-первопоселенцев, как правило, башкирских биев, тарханов, старост, старшин. Наиболее ранние поселения назывались по родоплеменному этнониму, например, «Тамъян», «Сызги», «Табын». В документах второй половины XVII в. встречаются упоминания деревень и волостей, названия которых совпадают и соответствуют наименованию рода: «Юрматынские волости и деревни», «Булярские волости и деревни», «Кипчакские волости и деревни» и т. д. *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 191—192]. При сравнении названий деревень, сохранившихся в источниках XVIII в., со списком деревень XIX в. можно заметить, что многие деревни уже к тому времени прекратили существование. Причинами их исчезновения являлись, с одной стороны, неустоявшиеся земельные отношения и неоднократный передел вотчинных земель, с другой - сожжение их в ходе подавления башкирских восстаний и уничтожение поселений во время набегов соседей-степняков. Иногда сами жители переносили аулы на более удобные для зимовки места, при этом нередко менялись и их названия *[Шитова,* 2002. С. 112]. Всего же, по некоторым данным, к концу XVIII в.

насчитывалось 2 408 башкирских населенных пунктов *[Сулейманов,* 2001. С. 42].

Основание поселений происходило неравномерно на обширной территории проживания башкир, что было связано с различием в формах ведения скотоводческого хозяйства, а также социально-политической ситуацией в крае. К середине XVI в. на большой территории, охватывающей Среднее Приуралье, Прикамье, бассейны нижнего течения рр. Белая и Быстрый Танып (Осинская, северная часть Казанской дороги), башкиры проживали в постоянных поселениях. Позже всего были основаны, видимо, населенные пункты на крайнем юго-западе башкирских земель и в Зауралье, где башкиры заняли территории, освободившиеся от ногаев после ухода их на Северный Кавказ и позже — калмыков, Сибирского ханства после разгрома русскими войсками хана Кучума. С присоединением к Русскому государству башкиры юридически оформили свои права на эти земли. В XVII в. стационарные поселения в той или иной форме имелись на всей территории расселения башкир. Юго-западные башкиры Минской и Юрматынской волостей в 1663 г. о себе сообщали: «сидим деревнями, на лошадях переезжать и пешком ходить дальняя деревня 2 версты, а то и по версте» *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 172]. В 1675 г. про башкир Ногайской дороги сообщалось, что все они «пашню пашут и хлеб сеют по старым своим зимовьям и хоромы строят» *[Там же.* С. 204]. Башкиры Осинской и частично Казанской дорог, по сведениям кунгурского бургомистра Юхнева, собранным в 1725-1736 гг., жили «по домам... как русские», имели «дворы хорошие» и летом на кочевья не выезжали *[Там же.* С. 487]. И.Г. Георги, посетивший в 1771 г. Кунгурский уезд (Пермская провинция), видел здесь «две небольшие башкирские волости, коих жители за недостатком чистых полей живут во всегдашних весьма хороших деревнях» *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 90]. В документе 1675 г. упоминаются деревни разных волостей Сибирской дороги. Про башкир этого региона Юхнев писал, что «дворы у них худы и малинькие, в которых они живут только зимой, а летом кочюют в степи в разных местах» *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 486]. В XVIII в. башкиры Ногайской, Сибирской и частично Казанской дорог продолжали вести полукочевой образ жизни. Современники, описывая быт южных башкир, отмечали, что они «в некоторых деревнях, ради великого скотоводства летом свои деревянные домы оставляют и живут в юртах» *[Паллас,* 1788. Ч. 3. Пол. 2. С. 21]. П.С. Паллас, проезжая в начале сентября 1769 г. из Оренбурга в Уфу, видел, как башкиры собираются в свои «зимовья» *[Паллас,* 1773. Ч. 1. С. 649]. В то же время и в этих районах некоторые башкиры полностью перешли к оседлому образу жизни и постоянно проживали в деревнях. Так, по свидетельству того же П.С. Палласа, «все по Уфе живущие башкирцы имеют... постоянные деревни, в коих они летом так и зимой живут» *[Паллас,* 1788. Ч. 3. Пол. 2. С. 21].

Кроме деревень существовал еще один тип стационарных поселений — хутор *(утар).* Он представлял собой поселение-зимовье, состоящее из 2—3, реже большего числа жилищ. На хуторе объединялись семьи близких родственников, вместе с которыми выезжали нанятые работники, пастухи. При этом часть семьи — старики и дети — оставалась в основной деревне. В списке населенных пунктов 1795 г. в объединенных семи юго-восточных башкирских волостях (Бурзянской, Усерганской, Тамьянской, Суун-Кыпсакской, Кара-Кыпсакской, Бушман-Кыпсакской, Санким-Кыпсакской) находилось 147 деревень и 53 хутора. Многие из хуторов были прикреплены к деревням, и обозначились как, к примеру, «Назаргулово и хутор», «хутор деревни Сабирово» и т. д. Иногда они назывались по имени основателя: хутор Тархана Абишева, хутор Барангулов, хутор Бузгов *[Западные...* 2001. С. 80-84]. Многие хутора со временем перерастали в деревни, но название их не всегда сохранялось. Так, хутор Барангулов дал начало деревне Нарбулатово, хутор Бузгов - деревне Халилово Оренбургского уезда (позже Старохалилово).

В источниках XVIII в. есть немало сведений об обустройстве башкирских поселений. В «Кратком известии о народе башкирском» (1743 г.), составленном П.Д. Аксаковым, сообщалось, что башкирские аулы, расположены «по изобилию мест все при хороших водах и лесах», «паче к степи для лошадей, которые у них всю зиму ходят по степи» *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 527]. Устройство поселений вблизи водных источников - по берегам рек и озер — было обусловлено необходимостью в водопое для скота. Учитывалось и наличие питьевых источников — родников, ключей. В то же время, по мнению современников, более важным критерием было плодородие почвы, так как воду башкиры могли заменять талым снегом *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 89]. Место подбиралось с учетом рельефа, влажности почвы, защищенности от ветров и снежных заносов. Жилища также устанавливали под естественной защитой у подножия горы или на пологом подветренном склоне. В XVIII в. в некоторых башкирских деревнях имелись мельницы. И.И. Лепехин отмечал наличие «изрядной» мельницы,

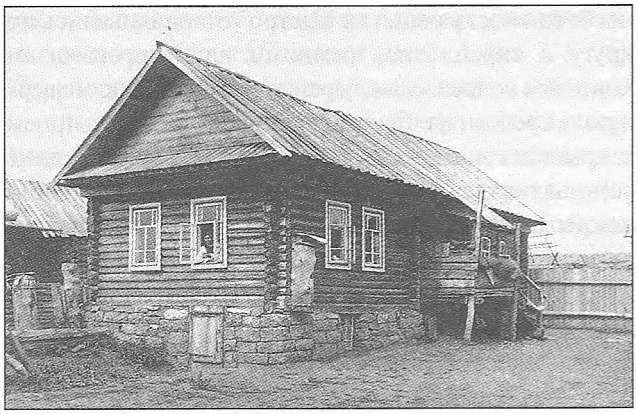

Рис. 45. Двойная изба с сенями посередине [Руденко, 2006. С. 190]

Рис. 46. Башкирские юрты тюркского типа. Иллюстрация из книги «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении». Т. VIII.

построенной на горных родниках у айлинских башкир *[Там же.* С. 89; *Лепехин,* 1802. С. 60]. Для башкирских аулов данного периода были характерны несобранность аулов, отсутствие благоустройства в усадьбах и жилищах. П.Д. Аксаков сообщал о башкирах, что они «избы имеют небольшие», «дворов не городят, больше любят свежий воздух» *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 527]. Н. Попов, характеризуя быт северо-восточных башкир конца XVIII в., отмечал, что «в деревнях их нет никакого порядка и улиц, как и у других башкирцев» *[История...* 1996. С. 440].

В XVII-XVIII в. башкирские деревни были непостоянными, они часто меняли свое месторасположение. Причинами этого чаше являлось изменение русла реки или другие природные условия. По словам И.Г. Георги, «ежели им какое ни будь место в их стране покажется лучше прежнего, то они покидают свою деревню и строят новую». Перенос деревни даже на небольшое расстояние, как правило, сопровождался сменой ее официального названия, поэтому «по прошествии нескольких лет тем труднее доискиваться в рассуждении названия их деревень толку, чем больше пребывало у них между тем старшин: ибо они по ним дают деревням своим название» *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 89].

Количество дворов в деревнях было различным. И.Г. Георги называет средним количество дворов от 10 до 50, по словам же П.Д. Аксакова, у башкир имелись деревни «большие и малые, а не больше ста дворов» *[Там же.* С. 89; *Материалы...* 1949. Т. III. С. 527]. П.С. Паллас посетил деревню Бикбулатово, состоящую всего из 6 дворов *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 57]. Но в большинстве деревень число жителей, видимо, было небольшим. По материалам V ревизии (1795 г.), значительное количество деревень насчитывало полтора-два десятка дворов, имелись населенные пункты, объединявшие менее десяти хозяйств. К примеру, в Минской волости Яик-Субы тюбы число дворов в деревне разнилось от 2 до 42: в Аскарово - 42, Алыпеево - 30, Кармышево — 22, Сепяшево — 10, Чураево — 6, Ташлы — 2 *[Западные...* 2001. С. 42—43]. Разрослись и стали крупными (50—60 дворов, иногда больше) аулы, образованные до середины XVIII в. Среди них деревни Кальсер-Табынской волости — Коварды (113 дворов), Юлуково (59 дворов), Кумрук-Табынской волости - Тереклы (50 дворов), Уранской волости - Курманово (86 дворов), Карагай-Кыпсакской и Бурзянской - Тавлыкаево (67. дворов), Чингизово (65 дворов), Иткулово (69 дворов) *[Шитова,* 2002. С. 113; *Западные...* 2001. С. 51, 58, 61]. Большинство башкирских населенных пунктов являлись однонациональными, смешанные деревни были характерны в большей степени для западных районов. К примеру, по переписи 1795 г., в д. Кунтугушево Кыр-Танытской волости зафиксировано 12 дворов башкир, 3 — мишарей, 2 - тептярей; в д. Ареланбеково Канлинской волости проживали 35 башкир, 12 ясачных татар, 48 тептярей *[Асфандияров,* 2009. С. 198, 260]. Однако к концу XVIII в. смешанные деревни встречались и в Зауралье. По данным той же переписи, в д. Халилово Карагай-Кыпсакской волости числилось 40 дворов башкир и 20 дворов татар *[Там же.* С. 31].

Представление о числе дворов и хозяйственных строений в деревнях дают документы о деятельности карательных экспедиций по подавлению башкирских восстаний. Так, в экстракте 1740 г. о ходе восстания сообщается, что 14 сентября поручиком Савой Веселовым по пути в Табынск «позжено деревень 15, дворов 125, анбаров 121, мечеть 1»; тогда же

поручик Арситов, «едучи... трактом с командою к Табынску в горах Мендигуше и по речке Узе не выжег башкирских деревень 7, в них дворов 45, клетей 45, анбаров 50», поручик Загоскин сжег «воровские башкирские 3 деревни, в них строения изб 22, клетей 25, скотных анбаров 50», прапорщик Дурасов, «следуючи трактом к Табынску через мыс Бештык горы и близ Земеряк горы», сжег «деревень 6, в них дворов 43, клетей 5, анбаров 26»; 17 числа подполковником Буткевичем сожжено «деревень 102, в них строения изб 735, клетей 391, лачюг 191, шалашей лубяных 198, анбаров 550», у башкир старшины Бирдегула тархана Тлевкеева «позжено деревень 537, в них дворов 3899, изб, клетей, анбаров, сараев, лачюг 3207, кошей 8, мечеть 1, мельница 1» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 474-475]. Как видно, во многих дворах имелись хозяйственные клети и амбары, иногда по одному на двор, а то и больше.

Большую часть года башкиры проводили в сезонных поселениях, меняя пастбища последовательно в течение весны-осени. Места стойбищ в течение ряда лет оставались традиционными. Основные стоянки назывались *яҙғы йорт* (весенняя стоянка), *йәйләү* (летняя; летовка) и *көҙгө йорт* (осенняя) [*Шитова*, 1984. С. 66]. Если на весенних и осенних стоянках кочевье устраивало обычно население всей деревни, то на летовках деревня распадалась на несколько кочевых групп. Летовки располагались далеко от деревни, нередко на расстоянии до 100 верст *[Лепехин*, 1802. С. 37]. Родственные семейные группы поселялись в одном месте. В кочевьях большинство башкир жили в юртах, в одном кочевье могло находиться от 5 до 20 юрт *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 89].

У башкир существовали две разновидности юрты — тюркская, распространенная повсеместно, и монгольская, встречающаяся в восточном Зауралье и кое-где в южных и юго-западных районах. Их отличительным признаком была форма крыши — пологая шатровая или конусовидная, что зависело от формы жердей в куполе: слегка выгнутых в нижней части (в тюркской юрте) или прямых по всей длине (в монгольской). Диаметр юрты колебался от 6 до 10 м *[Там же.* С. 89]. Купол составляли специальные жерди, верхним концом вставленные в брусчатый обод диаметром в 60 см. Стены юрт состояли из звеньев-решеток *(канат),* число которых определяло размеры жилища. В фольклоре есть упоминания о кибитках из 10-12 звеньев *[Шитова*, 2002. С. 116]. В растянутом виде решетка достигала в длину 2,2 м (при высоте более 1,5 м), но продуманная конструкция позволяла складывать ее в компактный тюк, удобный для транспортировки. При необходимости решетки быстро устанавливались по кругу и скреплялись ремнями или веревками из конского волоса. Между решетками вставляли дверную коробку из брусьев; иногда дверной проем закрывался циновкой или войлоком. Посередине устанавливался очаг с таганом. Традиционно юрта покрывалась войлоком; для стен предназначалось несколько прямоугольных кошм, купол покрывали трапециевидными кошмами. Сверху они закреплялись арканами, концы которых были привязаны к колышкам, вбитым в землю, для придания сооружению устойчивости при непогоде *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 89; *Шитова*, 2002. С. 116].

Жилое пространство в юрте организовывалось относительно центра. На дальней от входа половине находилось почетное место *(тур, тур баш).* Поверх травы здесь расстилали кошмы и паласы. В этой части принимали гостей и устраивали домашние трапезы. В расстановке вещей и утвари присутствовал определенный порядок. Правая от входа сторона юрты считалась женской, хозяйственной; здесь находились утварь и пищевые припасы. У двери справа, за занавеской, на особой подставке обычно выставляли большой кожаный сосуд для приготовления кумыса *(һаба).* В левой части юрты, парадной, стояли на деревянных подставках кованые сундуки, на них складывали постель. По стенам были развешаны выездная упряжь, седла, оружие, нарядная одежда [*История*... 1996. С. 154].

Башкиры некоторых горных районов на летовках вместо войлочных юрт сооружали берестяные шалаши. Это было связано, с одной стороны, с малым количеством разводимых овец в горах, с другой — с погодными условиями, так как, по словам современников, «беспрестанный под горами туман и частые дожди обыкновенныя их войлошныя юрты делают недолговременными» *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 90; *Лепехин*, 1802. С. 252].

Встречались и другие виды временных жилищ. Юрта являлась дорогостоящим жилищем, которое могли позволить себе только состоятельные башкиры. Менее обеспеченная часть населения сооружала различные типы шалашных конструкций *[Лепехин*, 1802. С. 38]. По свидетельству Н.П. Рычкова, у степных башкир долин р. Дема «богатые имеют кошомные кибитки, а бедные живут в лубяных шалашах, которые переносят с места на место» *[Рычков*, 1770а. С. 115]. Зауральские башкиры использовали конусообразные шалаши, покрытые сеном, ветками и древесной корой, иногда войлоком *[Очерки*... 1956. Т. I. Ч. 1. С. 276]. В лесной полосе наиболее простыми и распространенными типами временных жилищ были балаганы *(аласыҡ).* П.С. Паллас видел

такие балаганы на летовках башкир, располагавшихся по р. Миасс [*Паллас*, 1786. Ч. 2. Кн. 1. С.95]. Переносной *аласык* состоял из четырех лубковых полотнищ, нашитых лыком на деревянные каркасы. Верхние концы лубковых полотнищ загибались к общему центру и образовывали закругленную крышу, не требующую особого покрытия. Остов состоял из вбитых в землю четырех угловых кольев. Снаружи *аласык* обшивался большими полосами луба, ими же покрывалась крыша *[Руденко,* 2006. С. 179]. Еще один тип временного жилища в лесной местности - сруб *(бурама).* Он строился из тонких бревен-кругляшей; торцовые стены были выше боковых и служили опорой для продольных балок, поддерживающих корьевое покрытие. Окон в *бурама* не было, дверь делали одностворчатую из досок или коры. Перед входом был сложен очаг для приготовления пищи. Внутри у противоположной к входу стенки располагались нары *[Шитова,* 2002. С. 117].

Постоянные жилища, в которых башкиры проживали зимой, также были представлены несколькими типами. Разнообразием и изобретательностью отличались местные приемы использования строительных материалов. На большей части территории расселения башкир основным строительным материалом служил лес. В северной лесной полосе и горной области дома строили из бревен, крыли колотым тесом, дранкой, корой. При припуске башкир Каршинской волости Казанской дороги башкирами той же волости им разрешалось «на хоромное строение бревна и дрова рубить, и лубья сымать» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 139]. В степной и лесостепной полосе ввиду недостатка строительного леса при строительстве жилищ применяли подручные материалы: камень, глину, дерн, тальник, камыш, солому *[Шитова,* 2002. С. 118-119].

Наиболее распространенной являлась бревенчатая изба, которая имела множество форм, от примитивного сруба до многокамерных построек *[Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 276]. Современники писали, что башкиры «избы имеют небольшие и большие бес печей с коминами, по их чувалы» *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 527]. Чаще всего избы строили однокамерные с пристроем-сенями. Они имели двускатное тесовое или дранковое покрытие. И.Г. Георги описал срубные дома с плоской крышей и сенями. Двери в таких домах делались маленькими для сохранения тепла, пройти через них можно было только прогнувшись. Стекла в окнах заменялись большей частью бычьими пузырями, реже — рыбьей кожей и промасленной тканью. Зимой зачастую тут же держали молодняк. В домах имелись

Рис. 47. Юрты тюркского (слева) и монгольского (справа) типа [Руденко, 2006. С. 176]

также «четвероугольные кладовые *кюзю»* *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 89].

Как и в юрте, внутреннее пространство избы разгораживалось занавесом на «чистую» и «кухонную» половины *[История...* 1996. С. 441]. В бревенчатых домах впервые стали строить очаги с прямым дымоотводом — чувал *(сыуал)* и устраивать дощатые помосты *(урындык).* Нары и печь занимали до трети жилого пространства. И.И. Лепехин, посетивший д. Имангулово (Емангулова) (южные башкиры - *авт.),* отмечал, что «избы у них построены так, как у татар, с нарами» *[Лепехин,* 1795. Ч. 1. С. 528-529]. По описанию П.С. Палласа, у башкир «домы... обыкновенно малы», и в избах, «как у татар, сделаны широкие лавки» *[Паллас,* 1773. Ч. 1. С. 649]. Нары застилали циновками *(септә),* войлоком *(кейеҙ),* сверху — домотканными коврами *(буй балаҫ).* Вокруг места трапезы располагались стеганые подстилки *(буй юрған, тур юрған).* На нарах совершали молитву, пили чай, ели, а ночью спали. Наиболее нарядной считалась левая половина нар. Ее украшали ковры и узорные подстилки. По стенам, так же как и в юрте, висела парадная одежда, богатые головные уборы и украшения из кораллов и серебра. Место на нарах против печи считалось женской стороной. Здесь стоял сундук, на который горкой была сложена постель. С поперечной жерди под потолком свешивались нарядные платья, шали, полотенца *[История...* 1996. С. 442].

Своеобразные камины-чувалы, являвшиеся характерным элементом интерьера башкирских жилищ, часто привлекали внимание исследователей. П.С. Паллас, описывая дома юго-восточных башкир Ногайской дороги, отмечал, что от татарских они отличались тем, что вместо печи у башкир

Рис. 48. Внутреннее убранство юрты. Худ. А.Ф. Чернышев 50–60-е гг. XIX в.

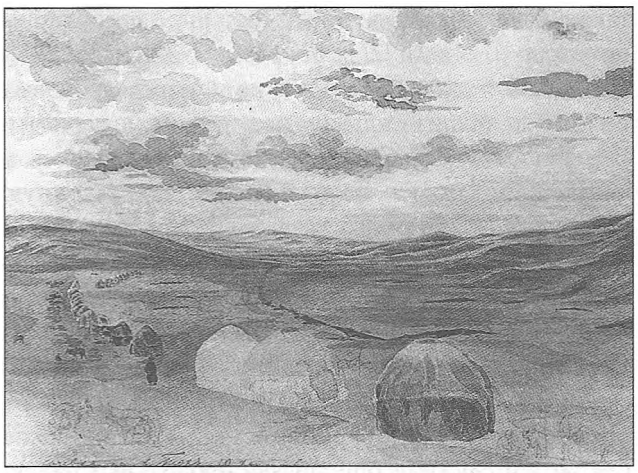

Рис. 49. Башкирские кибитки. Неизвестный художник. 40-е гг. XIX в.

справа от двери располагался «чувал». Он был сделан «наподобие цилиндра, в верху к трубе сужен, а внизу чело вышиною с человека». Основу его составляли жерди и хворост, обмазанные глиной. В него «кладут длинные поленья стоймя, и подле оного сделан шесток, на котором поставлен котел для варки кушанья», «особливая труба сделана для исхождения дыму». Исследователь отмечал, что чувалы хорошо прогревают помещение и меньше дымят, однако «от чрезмерного пламени причиняется вред глазам гораздо больше, нежели в дымных избах, потому у башкирцев часто глаза болят» *[Паллас,* 1773. Ч. 1. С. 649-650]. И.И. Лепехин оставил похожее описание печи *сыуал* у южных башкир: «Вместо печи сделан у них камин, на подобие полуцилиндра, а труба составлена из жердей, обмазанных внутри глиною..., чтобы лучше теплота держалася, то, когда прогорят дрова, закрывают из избы отверстие камина рогожным мячиком, приперши двумя колышками». Для готовки пищи сооружался небольшой очаг с вмазанным котлом *(казан) [Лепехин,* 1795. Ч. 1. С. 528]. В то же время, у башкир Казанской дороги жилища отапливались, как и татарские дома, обыкновенной печью *[Очерки...* 1956. Т. 1.4. 1.С. 273].

На широкой территории степей и лесостепи были распространены жилища, построенные из подручных материалов — плетня, глины и камня. Проживавшие там башкиры сооружали плетневые мазанки *(ситән өй),* саманные дома из сырцового кирпича *(саман өй),* а также дерновые полуземлянки *(кәҫ өй).* В саманных домах крыша была покатой земляной или двускатной соломенной. Когда выводили стену, кирпичная кладка промазывалась глиной. Для потолочного перекрытия достаточно было одного—двух бревен для матиц, на них опирались поперечные жерди или доски. Потолок приподнимался по средней линии. На деревянный настил накладывали солому или хворост и придавливали землей *[Руденко,* 2006. С. 186; *Шитова,* 1984. С. 102]. При устройстве пластовой, или дерновой, полуземлянки в земле вырывался прямоугольник размерами около 4—5 м и глубиной 20—40 см. Над ним выводились стены из пластов дерна. Когда стены достигали высоты в 2 м, сверху на них накладывался ряд жердей, на которых укреплялись перекладины, поддерживающие настил потолка. Потолок делался из хвороста, камыша, реже - бересты; сверху он прикрывался пластами дерна *[Руденко,* 2006. С. 186—187]. Плетневые избы делали из одинарного или двойного плетня. Глиной такие дома обмазывались внутри и снаружи или только внутри. При постройке по квадрату вбивали в землю ряд кольев, переплетали их таловыми или березовыми ветками; для дверей и окон вставляли коробки. Потолок был таким же, как и в пластовых избах. В местах богатых камнем-плитняком, наряду с саманными, строили избы из каменных плит *(таш өй)* \ чаще встречались в юго-восточном Зауралье. По способу постройки они мало отличались от саманных. Стены складывались из камней более или менее правильной формы и скреплялись между собой глиной.

В XVI—XVIII вв. хозяйство башкир претерпевает значительные изменения, связанные с развитием земледелия. Уже в документах XVII в. неоднократно подчеркивается хозяйственное значение хлебопашества. Расширялись пашни, для поднятия целины чаще всего применялся тяжелый плуг — сабан *(һабан) [Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 273]. Сено косили косой-горбушей, распространенной у многих «зауральских жителей». Исследователи-путеше-

ственники отмечали ее неудобство: она была «гораздо уже и короче кос», имела короткую рукоятку, «так, что сенокосец должен наклоняться при каждом махе». Это не только затрудняло сенокос, но и не позволяло скосить траву под корень *[Лепехин*, 1802. С. 37, 245]. В то же время такая коса лучше подходила для жесткой травы и сенокосных угодий, расположенных в лесу.

Для обмолота зерна большей частью использовались ручные мельницы (жернова) — каменные и деревянные *(таш/ағас тирмән).* Для изготовления последних из дубовой древесины делали два круга диаметром в 1,5 фута и толщиной около 10 см, в них набивались кусочки разбитых чугунных котлов. Ими мололи крупы по нескольку раз. Небольшие жернова башкиры брали с собой в походы [*Там же.* С. 88]. Исследователи-путешественники оставили описание водяных мельниц мутовок у башкир «с утвержденными горизонтально в стоячий вал жернова шестью или семью лопатами» *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 90-91].

И.Г. Георги описывал быт башкир как довольно скромный, что, по его словам, «такому богатому, как они, народу, ни мало не соответствует». Здесь же он оговаривал, что это не относится к башкирам, проживающим в Кунгурском уезде, которые живут оседло [*Там же.* С. 90]. При ведении скотоводческого хозяйства, сопряженного с постоянными перемещениями по кочевьям не было возможности обзаводится большим количеством утвари.

Из утвари были распространены чугунные и медные котлы, кожаная и деревянная посуда *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 519]. В каждом доме имелись чугунные котлы *(ҡаҙан),* вмазанные в очаги. В целом, металлическая посуда встречалась редко *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 89—90]. В XVIII в. благодаря развитию торговли у башкир распространяются изделия западноевропейских и российских фабрик. В домах состоятельных башкир имелись серебряные и фарфоровые изделия. В реестре имущества Кулыя Балтачева, башкирского старшины Кара-Табынской волости, составленного в 1780 г., дан внушительный список предметов утвари, среди них перечисляются 12 серебряных ложек и поднос, 3 «стакана под золотом», «2 дюжины столовых ножей с вилками»; очень много имелось оловянной посуды, всего на 3 пуда, из красной меди — на 2 пуда, зеленой меди - на 1,5 пуда. Довольно много было фарфоровой посуды — две пары фарфоровых полоскательных чашек, 12 пар чайных пар *[Башкирское...* 2009. С. 176].

Основным материалом при изготовлении утвари служили животное сырье и дерево. Из шкур

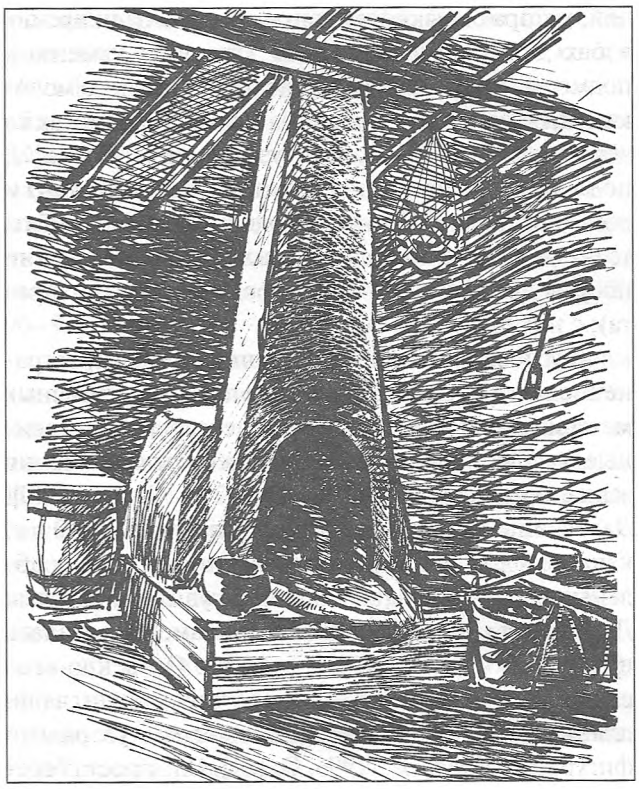

Рис. 50. Печь – чувал – сыуал. Рис. Г.И. Мухаметшина, 1959

лошади, коровы, верблюда изготавливали разнообразные сосуды: ведра, кадушки, бутыли. Кожа, снятая с разных частей тела, шла на изготовление определенного вида посуды. Кожу задних ног лошади употребляли для изготовления больших бутылеобразных сосудов *(ботлоҡ, дөмбәй),* передних ног — меньших по размеру *ҡуллыҡ, ҡуллас, муртай.* Из кожи, снятой целиком с головы лошади, делали *башкүнәк* - сосуд в виде ведерка, употреблявшийся для дойки кобылиц *[История...* 1996. С. 161]. Маленькие кожаные *турсуки* обычно брали с собой в дорогу. По свидетельству И.Г. Георги, такие сосуды «никогда совсем не отмокают, и при том легки и прочны». В турсуках хранили кумыс, молоко, мед. Большие, вмещавшие до 5—6, а то и до 10 ведер, сосуды назывались *һаба,* их подвешивали справа у входа в жилище. *[Лепехин*, 1802. С. 56; *Георги*, 1776. Ч. 2. С. 95]. И.И. Лепехин называет их также турсуками. Их изготавливали из кожи, снятой с туловища; они имели шестигранную форму, сверху сужаясь «на подобие голенища». Отдельно вставляли круглое кожаное или деревянное дно. *Һаба* часто употреблялись для хранения кумыса и являлись обязательным элементом утвари в каждом доме; их подвешивали напротив камина-чувала *[Лепехин*, 1795. Ч. 1. С. 528; *Лепехин*, 1802. С. 39]. По описанию П.С. Палласа, они были «главной домашней посу-

дой, которая обыкновенно находится в башкирских избах»; они помещались на «высоких каменных подмостках», и были «завсегда полны кислого молока». Шкура лошади шла на изготовление также дорожных плоских фляг с узким дном *(муртай)*, подойников, сосудов для сбивания масла *(дөмбәй)* и походных сумок. Шкура молодого скота — жеребят, телят, козлят — использовалась при изготовлении посуды для хранения сухих продуктов (соли, курута); с них шерсть не снимали.

В условиях Южного Урала широкое распространение получила также утварь из дерева и древесных материалов. Почти в каждом доме имелись деревянные ступы *(киле)*, применявшиеся для толчения зерна, круп, конопли *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 90]. Деревянными были большие, диаметром до 50 см, чаши *(табак)*, плоские чаши *(туҫтак)*, узкие долбленые маслобойки *(к(г)өбө)* и сосуды для кумыса. Деревянная посуда часто орнаментировалась выемчатой или рельефной резьбой. Особенно красиво выглядели резные ковши *(ижау)* и чаши, чаши для кумыса, украшенные сложными узорными фигурами *[История*... 1996. С. 161]. Из нароста березы, березового и лиственного корня, из ствола липы выдалбливали различную посуду — чаши разных форм и размеров, ложки, половники и т. д. В горных районах часто использовались липовый и березовый луб, вязовая кора. В районах богатых березой изготавливали берестяные туески, лотки для муки, посуду для хранения ягод, соли.

В целом, утварь, как и остальные предметы материальной культуры, была приспособлена к условиям хозяйствования башкир. Несмотря на ограниченность материалов, она была довольно разнообразной по формам и назначению.

НАРОДНЫЙ КОСТЮМ

Башкирский народный костюм в основе своей сформировался под влиянием древнего и средневекового скотоводческого мира. Для башкир было характерно широкое использование при изготовлении одежды и обуви материалов животного происхождения, что отмечалось исследователями-путешественниками XVIII в. Из овчин шили теплую верхнюю одежду, мужские головные уборы. Из шерсти валяли войлок *(кейез)*, изготавливали шерстяные ткани, вырабатывали домашнее сукно *(тула)*, которое шло на пошив чекменей, теплых штанов, чулок, мужских головных уборов. Из выделанных коровьих и лошадиных шкур шили обувь. И.Г. Георги, отмечая важную роль лошади в жизни башкир, писал, что они «из шкур шьют себе платье и сосуды, а из волосу делают веревки и прочее» *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 91]. Использовались также верблюжья шерсть, мех и шкуры диких зверей (белки, зайцы, лисы, волки, горностаи, ласки, бобры, выдры и т. д.). В XVIII в. в южных аулах было распространено вязание шалей из козьего пуха *(шәл)*.

Вплоть до конца XVIII в. для рубах, штанов, нагрудных повязок, головных платков и покрывал широко употреблялись холсты домашнего производства из растительной пряжи - конопляной, крапивной, реже — льняной. Часто они сохраняли естественный цвет, но иногда, особенно на юго-востоке, их окрашивали с помощью растительных средств: корнем подмаренника - в красный цвет, листьями серпухи — желтый, можжевельником и плауном — зеленый. Для усиления красящих свойств пряжу обрабатывали щелоком — древесной золой, и квасцами. Также в костюме использовались покупные ткани, поставляемые на Южный Урал среднеазиатскими и другими купцами. С присоединением к Русскому государству в Башкирию стала поступать продукция западноевропейских и российских фабрик *[История*... 1996. С. 443]. Обеспеченные башкиры носили одежду из шелка, бархата, парчи, китайки (простая бумажная ткань, род тафты). Дорогие материалы шли, прежде всего, на верхнюю парадную одежду *[Шитова*, 2002. С. 129]. Одежда башкир, особенно женская, была очень нарядной. По словам П.И. Рычкова, их «роскошь и щегольство в нарядах... как в мущинах, так и в женщинах ... с году на год умножались» *[Рычков*, 1771. С. 68]. Любовь башкир к нарядам была причиной того, что в качестве подарков правительство обычно дарило одежду. Известно, что успехи в воинской службе и земледелии поощрялись «алыми праздничными кафтанами» *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 93]. В числе подарков восставшим башкирам, которых власти пытались склонить на свою сторону, часто фигурируют различные ткани. В.Н. Татищев подарил сукно башкиру Кутукаю, которого произвел в старшины, со словами: «Зделай кавтан и помни милость е.в.» *[Материалы*... 2002. Т. VI. С. 243].

Первые письменные сведения об одежде башкир появляются в работах исследователей-путешественников второй половины XVIII в.: И.Г. Георги, П.С. Палласа, И.И. Лепехина. Характеризуя народный костюм, они отмечали непривычно большой объем одежд: «кафтаны долгие и просторные», «долгая и широкия штаны», «длинная и толстая рубашка» *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 96; *Лепехин*, 1802. С. 150]. Еще одной особенностью была схожесть состава

мужского и женского костюма, основу которых составляли длинные рубахи, холщевые штаны, полусапоги. Платья мужские и женские кроились одинаково, покрой одежды XVIII в. характеризовался большими ластовицами, широким воротником, длинным подолом рубах.

Мужская рубаха *(күлдәк)* была туникообразного покроя с прямыми рукавами и подмышечными квадратными ластовицами-вставками, ее носили навыпуск поверх холщевых штанов; в холодное время года надевали более узкие штаны *(салбар)* из сукна и других плотных материалов [*Шитова*, 2002. С. 130, 223]. Верхней одеждой служил длинный суконный халат *(елән)*. Его окрашивали различными красителями, но чаще он был из красного сукна, подбитого мехом. *Елән* подпоясывали широким поясом *(билб(г)ау)* или «сабельной портупеей», так что нижняя рубаха полностью закрывалась *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 96]. В праздничных вариантах использовались шелковые и бархатные пояса.

Носили также короткие кафтаны «разных цветов и разной доброты»; встречаются упоминания кафтанов: «кармазинного гвоздишного цвету», «сермяжного [грубого] белого из некрашеного сукна», «плисового [плис - род хлопчатобумажного бархата — *авт.]* синего», «красный китайчетый» и т. д. Кафтаны богато декорировались, обшивались золотым позументом, на них нашивались золотые петлицы. В торжественных случаях на камзолы надевали приталенные бешметы, которые выглядели очень нарядно. В источниках упоминаются бешметы «палевой [бледно-желтый] бархатный с золотыми петлицаɳи и пуговицами вязанными», «штофный [штофа — тяжелая шерстяная или шелковая ткань — *авт.]* бешмет на золоте по золотой земле с золотыми петлицами и пуговицами, вязаными золотом», «атласной желтой с золотыми петлицами и пуговицами», «черный плисовой с серебряными петлицами и пуговицами» *[Башкирское...* 2009. С. 175]. Зимой носили шубы из овечьей и, чаще, конской шкуры шерстью наружу. Праздничными считались лисьи и волчьи шубы. Состоятельные башкиры покрывали шубы дорогими тканями. В источниках XVIII в. упоминаются «шуба драгильная [до(а)рога — шелковая ткань, тождественная тафте, часто полосатая — *авт.]* красная, с белым мехом», «мерлущатая [мерлушка — мех двухнедельного ягненка], покрытая китайкою» *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 90; *Материалы...* 1956. Т. IV. С. 38].

Из мужских головных уборов в трудах исследователей XVIII в. упоминаются колпаки и войлочные шляпы, суконные и меховые малахаи. Повсеместно носили орнаментированные тюбетейки *(түбәтәй, тақыя)*. Существовали также маленькие полусферические шапочки, опушенные мехом. В эпосе «Куз-Курпяч» упоминается бархатная тюбетейка, обложенная бобром стоимостью в 20 баранов. В фольклоре часто присутствует образ батыра в кармазинном халате и шапке из черного лисьего меха, которая высоко ценилась, поскольку дарилась победителям на состязаниях. Такая шапка сверху покрывалась кармазином *[Шитова*, 1995. С. 87-88, 90-92].

У южных и восточных башкир головным убором являлись малахаи, имевшие полость для прикрытия шеи и верхней части туловища от ветра. О суконных шапках подобного рода имеются сведения у И.Г. Георги: «...по верхней шапке с первого взгляда башкира признать можно. Она подобна кеглю, но не очень востро к верху сведена, вышиною в пядень; а шьется из сукна с узким околышем, оттопырившимся и загнутым наподобие голландских корабельных шляп» *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 96-97]. «Малахай красных лисиц» присутствует в описании одного из предводителей восстания 1739—1740 гг. Карасакала *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 383].

Женский костюм состоял из нижнего платья *(күлдәк)* и длинного халата *(сапан, елән)* из тонкого сукна или шелка, который застегивался пуговицами на талии и подпоясывался *[Георги*, 1776. Ч. 2. С. 97]. Праздничные варианты сапанов были цветными и богато украшались. В описании И.И. Лепехина их «по краям в два ряда унизывали бисером», бисером же украшались петлицы на талии *[Лепехин*, 1802. С. 150].

Поверх еляна надевали нагрудные украшения, богато украшенные монетами, бисером, раковинами. И.Г. Георги упоминает нагрудник «дюлбега», который нашивался монетами или бисером и раковинами. Женский головной убор у башкир нес особую смысловую нагрузку. Он информировал об имущественном, семейном и возрастном положении человека. Особенностью украшений XVIII в. являлось использование наряду с кораллами и серебряными нашивками бисера, жемчуга, перламутровых пластин, медных пронизок *[Шитова*, 1995. С. 67, 211]. Распространенным головным убором являлся *ҡашмау* — шапочка в виде чепца, зашитая кораллами с длинной лопастью, пришитой сзади и спускающейся почти до пола. В области темени оставался круглый вырез, вокруг которого на материю нашивались кораллы и ряд-два серебряных монет, от них спускалась бахрома из нитей кораллов с рядом серебряных монет на конце. К нижним концам бахромы прикреплялись подвески *сулпы*, а на лоб спускалась теменная подвеска

Рис. 51. Башкирка. 1770-е гг. И.И. Георги.

Рис. 52. Башкирка и мещерячка. 1768–1774 гг. П.С. Паллас.

маңлай сук. От массивной подбородочной пряжки *ҡаптырма* на грудь свешивались длинные цепочки с ювелирными медальонами. Между шлемом и наспинной полосой располагалась треугольная или круглая бляха *[Руденко,* 2006. С. 164; *Шитова,* 1995. С. 67]. Описанный *ҡашмау* был распространен у южных башкир.

В восточном Зауралье бытовал другой похожий головной убор из кораллов и серебра *башкейем* или *кәләпүш.* Он представлял собой высокую округлую шапочку и прикрепленную к ней округлую полость, закрывающую не только затылок и уши, но и верх спины. Тулья у нее покрывалась монетами, донышко - концентрическими рядами кораллов; спереди имелась ниспадающая на глаза сеточка-налобник. Очевидно, *башкейем* имел в виду И.И. Лепехин, когда писал, что у башкирского *ҡашмау,* в отличие от татарского, существовал «вершок, фигуру конуса имеющий», который «по произволению» можно накладывать. У башкир Ногайской дороги лопасть, спускающаяся от *ҡашмау* сзади, унизанная серебряными копейками», схожа с татарской, а у проживающих в волостях Сибирской дороги *ҡашмау* отличается, тем, что имеет, кроме того, «амьян» - «во всю спину широкую лопасть, унизанную так же серебряными копейками и бисером с многими подвязками» *[Лепехин,* 1802. С. 151; *Шитова,* 1995. С. 69]. Паллас же, сравнивая одежду башкир с чувашской, отмечал разницу в головных уборах, состоящую в том, что «долгий малыми серебряными монетами унизанный ремень, на спине висящей не к шапке, но к малой четвероугольной на верхушке шапки пришитой кичке. Все оное унизано малыми серебреными монетами или блесками» *[Паллас,* 1773. Ч. 1. С. 651]. Им были приобретены у башкир *ҡашмау,* украшенный кораллами, серебром и жемчугом, а также нагрудная перевязь с металлическими привесками и сумочкой для молитвенника. Среди иллюстраций к трудам П.С. Палласа и И.Г. Георги есть изображение женщины-башкирки в конусовидном головном уборе, боковые части которого прикрывают уши и шею, а задняя широкая полоса спускается почти до края одежды. К середине XIX в. он уже исчез из употребления *[Шитова,* 1995. С. 69, 211]. Сохранилось описание еще одного женского головного убора XVIII в., вышедшего из употребления, видимо, уже в следующем столетии, *такия (тақыя):* «медный обруч с припаянной оловянной сеткой с промежутками, залитыми разноцветными стеклами» *[Шитова,* 1980. С. 83].

Незамужние девушки заплетали несколько кос, к концам которых приплетались накосные украшения, «которые достают до самых икр». А замужние башкирки носили две косы или вовсе не заплетали волос *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 97].

Молодых невесток можно было узнать по согнутому меховому (чаще лисьему) малахаю, надетому поверх *ҡашмау.* Замужние женщины укрывались еще и «начельником». В холодную погоду надевали тастар *(таҫтар),* который носился под украшенными шапочками; тастар носили как замужние женщины, так и девушки *[Лепехин,* 1802. С. 154; *Георги,* 1776. Ч. 2. С. 96-97]. Он представлял собой холщевое, до трех метров, полотенце с вышитыми концами. Художественная вышивка шелком и цветным гарусом располагалась двумя-тремя полосами, к

Рис. 53. Башкир в колаксын [Круковский, 1909. С. 50]

Рис. 54. Башкир. Фарфоровая фигура. Я.И. Рашет. Кон. XVIII в.

концам пришивалось кружево. Женщины, следуя мусульманским обычаям, прикрывали при посторонних лицо платком. Платком или кружевной сеткой закрывалось лицо невесты во время свадебных обрядов *[Лепехин,* 1802. С. 152].

Башкирский народный костюм включал в себя и многочисленные украшения: косоплетки и косники, серьги, браслеты, кольца, бусы, ожерелья. Особенно колоритно выглядели яркие нагрудники, наспинники, перевязи, украшенные кораллами, серебряными монетами, сердоликом, бирюзой, бисером. Многие из этих материалов, помимо декоративных качеств, обладали в представлении башкир магическими свойствами, выполняя роль оберегов. Женские украшения, включавшие в себя монеты, полудрагоценные камни, являясь показателем обеспеченности семьи, несли также социально-знаковую функцию. В XVIII в. были известны такие экзотические украшения, как перламутровые пластинки, индийские раковины, монеты-чешуйки, медные пронизки, лебединые, гусиные пушки. В этнографических заметках упоминаются не совсем обычные способы украшения одежды: «горным камнем», соком растений. Применялась исчезнувшая позже плотная вышивка «косым стежком», роспись [*Шитова,* 1995. С. 223].

В традиционном костюме башкир XVI—XVIII вв. существовали значительные территориальные различия. Они были отмечены в трудах исследователей-путешественников XVIII в., которые посетили разные регионы Башкирии: П.С. Паллас описал одежду башкир Исетской провинции, И.Г. Георги - башкир северных районов, И.И. Лепехин - башкир, проживающих в предгорьях Ирендыка. Локальные комплексы в одежде соответствовали в общих контурах этнографическим группам башкир, сложившимся в течение прошлого тысячелетия под влиянием природно-хозяйственных, культурных и политических факторов. Сведения о существовании в прошлом различий в одежде башкирских племен зафиксированы и в эпических сказаниях. Правда, в них показаны лишь особенности, связанные с природными условиями и хозяйственными занятиями. В сказании «Алдар и Зухра» героиня Зухра, встретив всадника, заключает по его барсовой шубе и обуви, что он «из степного народа». В другом варианте этого произведения Кидряс бий, занимавший земли по р. Уфе и кочевавший летом у оз. Кандры, видя прибывающих на объявленное им празднество соседей, дает гостям следующие характеристики: «Это мои ближние соседи, кочующие по берегам Кармасана (левый приток р. Белой), степи у них просторные и скотоводство великое. Овцы их приносят длинную и белую как снег шерсть, и для того видишь их одеянных в белую одежду». Гостей с р. Бирь (правый приток р. Белой) он отрекомендовал как «великих звероловцев», каждый из них был в шапке, сшитой из шкуры молодого медведя. Когда

со стороны р. Демы показались всадники в красных кафтанах, Зухра, дочь Кидряса, заметила, что эти гости охотятся в степи, догоняя на лошадях волков и лисиц, оттого-то у них шапки из черно-бурых лисиц. Северные жители были представлены как охотники на куниц и белок: «Их убивают там такое великое множество, что на всяком увидишь кунью шубу» *[Там же.* С. 159-161].

В источниках XVIII в. наиболее полные данные сохранились по одежде северо-восточных, зауральских башкир. Современники отмечали, что их костюм отличается особой нарядностью. По словам П.С. Палласа, «убранство башкирских женщин на сей стороне Урала гораздо пригожее против обыкновенной башкирок одежды и имеет многие украшения». Женская рубаха украшалась вышивкой на воротнике и рукавах. На голову надевалась маленькая шапочка, унизанная серебряными монетами. Поверх покрывала *таҫтар* надевался накосник «чашбау» *(сәсбау)* и подвязывался ремешком под подбородком. Дополнялся наряд нагрудником «сакал» *(һакал) [Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 98]. Исследователь зарисовал и описал у восточных башкир высокий головной убор из кораллов и монет «тюва», представлявший собой «маленькую на верху покрывала несколькими пуговицами, а на стороне около щеки висящею коралловою цепью укрепленная завесу..., которой широкий хвост как лопасть висит на спине». Видимо, это был *кәләпүш* или *башкейем,* вышедший из употребления к XIX в. Один экземпляр этого убора в середине XIX в. попал в Москву на этнографическую выставку *[Там же: Шитова,* 2002. С. 136].

П.С. Паллас оставил описание еще одного элемента костюма, характерного для северо-восточных башкирок. Это перевязь — «широкое и спереди через плечо как будто орден висящее украшение, отчасти из мелких денег, а отчасти из корольков состоящее, и разными бездельными мелочами увешанное». Украшение повязывали с левого плеча под правую руку. Из-за такого способа ношения украшение получило свое название — *дилбегә,* в переводе означает «вожжи». Поскольку башкиры украшениям приписывали защитные функции, их носили в течение всего дня, несмотря на тяжесть и «всякую работу сколь оно не беспокойно и тягостно, в оном отправляют, и справедливо женщина без оного не охотно появляется» *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 99]. Иногда на платье надевали пелерину из коралловых нитей, сплетенных в сетку. Такое украшение изображено на башкирской женщине в книге П.С. Палласа.

Обувь изготавливалась большей частью из кожи. Со слов И.И. Лепехина известно, что башкиры Уфимской провинции носили «упоки собственного кожевничества». Под упоками, видимо, подразумевались обычные сапоги *(итек)* для повседневного ношения. Они шились из конской кожи, к ним подшивались толстые подметки и каблук. Сарыки *(сарыҡ)* — обувь с суконными голенищами и головками из грубой, домашней выделки кожи — были характерны для северо-восточных башкир. Вероятно, сарыки видел Лепехин у башкир, проживавших в Исетской провинции, он описал их как «бахилы, ...кайма кожевенная, а прочее все суконное» *[Лепехин,* 1802. С. 151, 55]. Для их пошива использовалась только сыромятная кожа, сшивались они сухожилиями или конским волосом. Сарыки надевали на суконные чулки или портянки; внутрь клали подстилку из жесткой травы или солому. Рисунки XVIII - начала XIX в. (иллюстрации в книге П.С. Палласа, произведения российских и западноевропейских художников с изображением башкир — участников Отечественной войны 1812 г.) зафиксировали на мужчинах сапоги узкие в щиколотке, с острыми носами. Такие сарыки имели распространение в знатных слоях общества в Башкирии и Средней Азии, их привозили с Востока *[Шитова,* 1995. С. 141]. У женщин сарыки входили в состав свадебного и праздничного костюма; белые голенища украшали цветной аппликацией *[Там же.* С. 146; *Руденко,* 2006. С. 150].

Наиболее архаичным видом обуви была сшитая из шкуры лошади и коровы *(ҡынйыраҡ).* Для ее изготовления использовалась часть кожи с коленных суставов животного. Ворс оставался снаружи, к краю пришивалась полоса ткани, в подгиб вставлялась веревочка. Верх затягивался вокруг ступни. Такую обувь носили северо-восточные башкиры *[Шитова,* 1995. С. 151].

Лапти *(сабата)* получили распространение лишь в северных лесных районах башкир. Обычно их носили малосостоятельные люди *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 102]. По словам Лепехина, который посетил Уфимскую и Исетскую провинции, «лаптей ни башкирки, ни башкирцы никогда не употребляют» *[Лепехин,* 1802. С. 151]. Кожаную и лыковую обувь носили с суконными чулками или портянками.

ТРАДИЦИОННАЯ ПИЩА БАШКИР

Исторический Башкортостан — огромный разнообразный в природно-географическом отношении регион, включающий бескрайние степи и лесо-

степи, леса и Уральские горы. Территориальные особенности способствовали формированию хозяйственных (в том числе, пищевых) особенностей у различных групп башкир.

В XVI — начале XIX в. преобладающее значение у башкир имело полукочевое скотоводство, основанное на наличии значительных кочевых угодий и содержании довольно большого количества скота. Состав стада был смешанным, он включал лошадей, овец, коров, коз, на юге местами — верблюдов. Встречалось и земледелие, которое было максимально приспособлено к особенностям скотоводческого быта.

Традиционная кухня башкир основывалась на сочетании мясных, молочных и растительных продуктов. К XVIII в. практически на всей территории проживания башкир наблюдалось определенное сходство в ассортименте и названиях кушаний, в опыте переработки продуктов, что, несомненно, свидетельствует о древности многих блюд и напитков.

В питании башкир большое значение традиционно имели молочные продукты. Доили коров, кобылиц, коз, изредка верблюдиц и совсем редко — овец. Заквашивая кобылье молоко *(бейә һөтө, һаумал)*, башкиры получали традиционный скотоводческий напиток — кумыс *(ҡымыҙ)* — «приятнейшее свое питье...» *[Лепехин,* 1802. С. 54]. Надоенное от кобылиц молоко сливали в один или несколько вместительных кожаных сосудов-мешков - саба *(һаба, саба)*. Говоря о выделке башкирами кожи, И.Г. Георги отмечал, что «для молошных мешков выделывают... они верблюжьи, лошадиные и бычьи кожи до тех пор, пока кожа делается рогу подобна...», и что их «сшивают они еще до прокуривания жилами и конским волосом» *[Георги,* 1799. С. 94—95]. Кумысный сосуд часто имел вид конуса с узким горлом; содержимое перемешивалось длинной палкой с крестовиной на конце - *бешкәк*. И.Г. Георги указывал, что «мешки сии имеют обыкновенно место свое по правую сторону у входа в их жилище» *[Там же.* С. 94—95]; а И.И. Лепехин уточнял, что такой кожаный сосуд устанавливался «против камина» на специальную деревянную подставку - подножие, «к которому дно мешка прибито гвоздями, а рукав его или верхнее отверстие прицеплено на веревочках к потолку» *[Лепехин,* 1795. С. 529-530]. Этот мешок, по наблюдениям Лепехина, «каждое утро и каждый вечер наполняют свежим надоенным молоком и, налив оное, болтают чрез несколько минут с простоквашею, которая всегда в турсуке находится, дабы свежее молоко с старым смешавшись, закисло...» *[Там же.* С. 529-530]. В бурдюках - *турһык*, сшитых из лошадиных (реже коровьих) кож с верхней части ног животного или из цельных козьих или овечьих шкур, башкиры чаще транспортировали и хранили кумыс. «В бутыли их, турсуками называемый, входит от одного ведра до двух и более, и делаются по большой части из цельной кожи, выключая дно, которое пришивается» *[Лепехин,* 1802. С. 39]. Кобылье молоко часто заквашивалось в старых флягах само по себе, без добавления закваски. И.Г. Георги так отозвался о башкирском кумысе: «В прочем же Кумыз от кислоты имеет столь приятный вкус, и при том столь питателен и крепок, что не только служит пропитанием, но и делает Башкирцов здоровыми, бодрыми, краснощекими, дородными...» *[Георги,* 1799. С. 98-99]. Этот напиток не только играл исключительно важную роль в питании башкир-скотоводов, но и органично вошел в обрядовую жизнь и традиционную культуру народа, его воспевали в песнях, такмаках, о нем складывали загадки, пословицы и поговорки, упоминания о кумысе встречаются в сказках и эпосе. Кумыс являлся непременным атрибутом почти всех праздничных и общественных трапез башкир.

Большое количество коровьего молока *(һыйыр һөтө)* пускалось на переработку. С отстоявшегося кипяченого или сырого молока собирали сливки *(ҡаймаҡ)*, из которых сбивали сливочное масло *(май)*. Другой вид масла - пушистое, воздушное пенное масло — *күбек май* готовился из смеси заквашенного молока и сливок. К наиболее древнему способу получения масла, известному многим скотоводам Евразии, можно отнести сбивание продукта в кожаной посуде. Южные башкиры для этой цели использовали удлиненные сосуды из кожи ног крупного животного *(ботлоҡ, ҡуллыҡ, ҡулсаҡ);* в некоторых районах для этой цели имелась утварь, изготовленная из кожи шеи верблюда *(дөйә муйыны) [Шитова,* 19796. С. 159]. В кожаных сосудах масло сбивали посредством длительного энергичного встряхивания или раскачивания. На летовках масло делали часто, но понемногу, сбивая его в чаше ложкой, деревянной лопаточкой или вырезанной из корневища веселкой. Масло, как и кумыс, сбивали также в удлиненной цилиндрической долбленой маслобойке *(көбө, гөбө, көбөсәк)*. Ареал бытования долбленой утвари пролегал полосой с севера на юг через всю Башкирию, охватывая Уфимское плато и западные склоны Уральских гор, на территории, покрытой широколиственными лесами с преобладанием липы — главного сырья при производстве долбленых кадок *[Шитова,* 1979а. С. 180]. На зиму в значительных количествах заготавливали топленое масло *(һары май),* а на его осадке — *төпрә (май төбө)*

заваривали толокно или муку, получая питательное кушанье — *боламыҡ*.

Особым образом заквашивая коровье молоко, башкиры получали варенец — *ҡатыҡ (ойоткан)*. Свежий катык часто отжимали для получения густой сюзмы *(һөҙмә)*. Размешивая катык с холодной ключевой водой, готовили освежающий напиток — *айран*. По свидетельству И.И. Лепехина, «кислое молоко айрян называемое, они (башкиры - *авт.)* употребляют вместо обыкновеннаго питья» *[Лепехин,* 1802. С. 53-54]. Длительно заквашенное молоко - *эркет* служило основой для приготовления сыра-курута *(ҡорот)*. Из полученной в процессе продолжительного нагревания творожистой массы формовали небольшие колобки или овальные хлебцы. Их выкладывали для просушки на полочку *(ылаш)* или решетку *(тергэ)*, сплетенную из черемуховых или ивовых прутьев. Помост часто устраивали у печи или у костра, что давало возможность подкоптить курут. Во время путешествия по Южному Уралу ученые-путешественники XVIII в. имели возможность наблюдать, как южные и юго-восточные башкиры «из коровьяго молока делают масло, сыры, которые коптят дымом на коптелках» *[Там же.* С. 53]. Высушенный или прокопченный продукт мог храниться без плесени довольно долго. Он входил в обязательный набор продуктов, с которыми башкиры шли на службу на Оренбургскую и Сибирскую пограничные линии. Некоторые зажиточные башкиры в сезон заготавливали более тысячи колобков курута, впоследствии их часто раздавали в качестве гостинцев *[Никольский,* 1899. С. 63].

Свежее заквашенное или скисшее молоко использовали для получения обычного белого творога *(аҡ эремсек)* и «красного» выпаренного творога *(ҡыҙыл эремсек);* в ряде восточных зауральских и южных районов для обозначения этого блюда применялись термины *әжекәй (әжегәй, әзекәй, изекәй)*. После отела коровы готовили различные блюда из молозива — *ыуыҙ*.

Поскольку благополучие скотоводов во многом зависело от состояния стад, неуважение к продуктам животного происхождения рассматривалось у них как святотатство. Молочная пища и у башкир считалась сакральной и использовалась в различных ритуалах.

Традиционно башкиры-скотоводы предпочитали мясо скота с так называемым «горячим дыханием» - конину и баранину; несколько менее ценилось мясо домашних животных с «холодным дыханием» - коров, коз, верблюдов, но по мере перехода к оседлости и сокращения табунов и отар возрастало употребление говядины и домашней птицы.

В условиях полукочевого образа жизни способы приготовления мясных блюд отличались простотой и, в первую очередь, основывались на сохранении вкусовых и питательных качеств продуктов. Среди праздничных и обрядовых блюд кушаньям из мяса отводилось первостепенное место. Мясное блюдо *(бишбармаҡ, ҡуллама, һалмалы ит)*, состоящее из нарезанного кусочками вареного мяса и ромбовидной лапши-салмы *(һалма)*, щедро сдобренное жирным бульонным наваром - *һөҙлөк (һөҙөк)*, традиционно являлось одним из самых излюбленных у башкир; позднее оно (равно как кумыс, баурсак и др.) стало своеобразным символом башкирской национальной кухни. Кроме мяса в состав бишбармака по желанию включали нарезанные кружками вывернутые жиром внутрь свежие или провяленные конские кишки — *эсэк*, конскую колбасу — *ҡаҙы (ҡаҙылыҡ, ҡабырғалы ҡаҙы)*,а также жир, снятый с загривка лошади, - *ял (каҙы ял)*. Башкиры южных районов, разводившие курдючных овец, употребляли в пищу как самостоятельное блюдо или подавали с мясом сваренный бараний курдюк - *оса майы;* лакомым угощением был верблюжий горб - *уркэс*. По свидетельству И. Лепехина, «бишбармак, самая лучшая башкирская пища, происходит от слова *биш* — пять и *бармак* — палец, и состоит в мелкоизрубленных кусках лошадинаго, коровьяго или овечьяго мяса и салмы. Салма делается из крутаго теста пшеничной, ячменной или полбенной муки, которое, разделяя на куски величиною с медной пятикопеешник, варят в одном котле с мясом» *[Лепехин,* 1802. С. 106]. После мясного угощения подавали бульон *(һурпа)* с разведенным в нем курутом или катыком.

Башкиры мясо жарили редко, но у них существовало самостоятельное блюдо *ҡурҙаҡ* из поджаренного ливера — печени *(бауыр)*, сердца *(йөрәк)* и почек *(бөйөр)* животного; его обычно готовили сразу после забоя скота. Для некоторых обрядовых трапез варили целиком баранью голову. К зиме, в период массового забоя скота, делали заготовки в виде колбас. Из говяжьего или бараньего ливера (главным образом, печени) и нутряного жира готовили тултырму *(тултырма, тутырма)*, употреблявшуюся в пищу в вареном виде. Для вкуса в нее добавляли соль, перец, дикий чеснок или лук; в некоторых южных, юго-западных, центральных районах с развитием земледелия начали класть слегка отваренную крупу или немного муки.

Для длительного хранения из конины делали вяленые (иногда сырокопченые) колбасы — казы *(каҙы, ҡаҙылыҡ)*. Иногда мясо вялили, не снимая его с ребер *(ҡабырғалы ҡаҙы)*. *Ҡаҙы* назывались

также вяленые конские кишки, вывернутые жиром внутрь, или кишки, начиненные жиром (без мяса) и провяленные обычным способом. *Казы* относится к числу традиционных и особо почитаемых башкирских кушаний. У башкир-скотоводов без этого угощения не обходилось почти ни одно праздничное пиршество. В процессе приготовления колбасы подвешивали в прохладном, хорошо проветриваемом месте; время от времени их поворачивали для равномерного распределения вытопившегося жира; готовый продукт, не утрачивая вкусовых и питательных качеств, мог храниться довольно долго. Вяленый или слегка подкопченный продукт шел в пищу без дальнейшей термической обработки или использовался для приготовления бишбармака.

В некоторых аулах правобережья Белой, в горно-лесной и зауральской зонах из вывернутых, тщательно промытых и переплетенных жирных овечьих или козьих (реже — говяжьих) кишок, иногда с добавлением мяса, готовили юрму — *йүрмә (йүрма)*. Свежий или провяленный полуфабрикат ели, отварив в воде; иногда из него готовили суп.

На протяжении веков башкиры выработали различные способы заготовки мяса впрок. В условиях полукочевого быта наиболее удобными были вяление, подсушивание, копчение, засолка, зимой - замораживание. Мясо, предназначенное для длительного хранения, нарезали небольшими кусочками, некоторое время выдерживали в кадке, пересыпав солью, затем провяливали, подсушивали или коптили. Иногда перед сушкой тонкие полоски мякоти несколько минут выдерживали в кипящей соленой воде, а затем развешивали на крюках, веревках или перекладинах на улице под навесом, на чердаке или в летней кухне. Оставшиеся с зимы запасы конины и говядины обычно консервировали весной. Полученный продукт *(какланған ит, ҡағит)* в дальнейшем употребляли в пищу как самостоятельное блюдо или использовали для приготовления других блюд. При желании мясные ломтики, насадив на палочки, обжаривали над углями или, заварив кипятком, получали бульон. Иногда мясо коптили в дыму на специальной решетке *(ылаш)* над очагом *(ыçланған ит)*. Вяленое, сушеное или копченое мясо являлось незаменимым продуктом питания в дальней дороге. В башкирской легенде «Каранбай и Узянбай» говорится, что герой «рано утром... достал из кожаного мешка сушеную конину, положил ее на огонь» и утолил свой голод *[Юлуев,* 1899. С. 179]. Летом в течение непродолжительного времени свежее или слегка подсоленное мясо сохраняли в темном месте, переложив крапивой. Нутряной животный жир *(эс майы)* в свежем и перетопленном виде использовали для приготовления многих блюд. Одним из отголосков скотоводческой традиции было хранение подсоленного перетопленного жира в завязанных с обеих сторон кишках или в небольших кожаных сосудах. Его добавляли в супы, похлебки, каши, тесто, применяли для обжаривания лепешек или баурсака.

Башкиры-охотники употребляли в пищу мясо лосей, оленей, косуль, диких коз, зайцев, различной водоплавающей и боровой птицы; медвежатину чаще включало в свой рацион население лесных и горно-лесных районов. На охоте мясо диких животных и птиц обычно варили в казане, подвешенном над костром, или, насадив на вертел, поджаривали над углями. Подобный способ описывается в эпосе «Куз-Курпяч»: «...освежевав, разнимал на части застреленного им оленя, козу или зайца и, разведя огонь, жарил на шешлыке, обливая часто тузлуком (наваром — *авт.)*, чтобы мясо не пригорало» *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 300].

Пищевой рацион башкир, обитавших вблизи водоемов, разнообразили рыбные блюда. Из рыбы варили уху *(балык ашы)*, делали пироги *(балык бәлеше)*, запекали, завернув в листья, жарили или тушили в сметане. Впрок рыбу солили и сушили, иногда коптили. В целом, рыболовство являлось подсобным занятием (его значение возрастало в неблагополучные засушливые годы или при массовом падеже скота). В одном из источников XIX в. говорится, что «ловом рыбы мало занимаются сами башкирцы, промысел этот они также отдают в оброк русским на известное время, а некоторые ловли продают им в вечное владение» *[Казанцев,* 1866. С. 45]. Хотя в более раннем источнике — в «Книге Большому Чертежу» (XVII в.) говорится, что «кормля их (башкир - *авт.)* мед, зверь, рыба...» *[Книга...* 1838. С. 152]; однако у скотоводов степной зоны рыболовство не играло существенной роли; сохранилась даже пословица: *«Балыкты тоткан уңмаç, ашаған туймаç»* (Поймавший рыбу не разживется, отведавший ее не насытится).

По мере перехода к оседлости у башкир росло употребление куриного мяса и яиц, а также их включение в народные обряды. Дети в качестве развлечения иногда занимались сбором яиц диких птиц.

В пищевой культуре башкир (даже в исконно скотоводческих южных и юго-восточных районах) издавна существовали достаточно ранние и устойчивые традиции употребления зерновых; более того, кушанья из культурных злаков включались в обряды жизненного и годового циклов. Это позволяет предположить, что башкиры достаточно рано познако-

мились с возделыванием злаков, в первую очередь, ячменя *(арпа, күҙә)* и проса *(тары)*. Употребление в пищу продуктов растительного происхождения и блюд из них в XVI — нач. XIX в. большей частью носило сезонный характер; немногие башкирские семьи в этот период могли обеспечить себя зерном, поэтому по необходимости они использовали покупную крупу и муку.

В пищу шли также рожь *(арыш)*, пшеница *(бойҙай)*, полба *(борай)*, овес *(һоло)*, реже — гречиха *(ҡара бойҙай)*. К древним традициям можно отнести употребление в пищу каленого (обжаренного) зерна в цельном *(ҡурмас)* или дробленом *(талҡан)* виде.

В процессе обработки зерна главными приспособлениями долгое время оставались выдолбленная из дерева ступа — *киле*, а также ручные деревянные *(ағас тирмән)* или каменные *(таш тирмән)* жернова. В источнике XVIII в. находим такие сведения: «Во всех почти хижинах есть и деревянныя ступы, которыя в разсуждении крупяного и мушнаго дела заменяют мельницы... Жернова... состоят из двух дубовых кружков, из коих каждой в поперешнике будет фута в полтора, а толщиною пальца в четыре. В обе плоскости сих кружков... наколочены кусочки от разбитых чугунных котлов... По самой середине нижняго кружка* утвержден стоймя деревянной гвоздь, а в верхнем сделана по середине дыра пространнее нежели для гвоздя надобно. На верхней же плоскости верьхняго кружка укреплен возле краю стоймя деревянной гвоздь, который служит рукояткою. Когда надобно молоть, то подстилают они под такия жерновы покрывало, и изподоволь сыплют хлеб в дыру верьхняго кружка; а потом обращают его около гвоздя так, как около оси. Перемолотой хлеб сыплется с нижняго кружка на покрывало, и как крупа тот час годится к употреблению; буде же надобна им мука, то сеют они сквозь сито и перемалывают опять крупное» *[Георги*, 1799. С. 90—91]. Если необходимо было обмолоть большое количество зерна, башкиры прибегали к помощи водяных мельниц. «В иных деревнях есть... при ключах небольшия водяныя мельницы...», — писал в конце XVIII в. И.Г. Георги *[Там же.* С. 90]. Описание башкирской водяной мельницы имеется и в работе П.С. Палласа. Автор, восхищенный ее удобством и функциональностью, отмечал, что он сомневается «может ли самый искуснейший художник изобресть простее оной водяную мельницу» *[Паллас*, 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 59]; позже у башкир распространились и ветряные мельницы.

Толокняную крупу или муку хранили, ссыпав в кадочки *(күнәсек)*, иногда залив топленым маслом. Блюда из толокна по распространенности и значению в питании башкирского населения традиционно занимали одно из первых мест в ассортименте злаковых продуктов. Толокно ели, заваривая кипятком, горячим молоком или горячим чаем с молоком, реже — сварив в растопленных сливках или в смеси жирных сливок и молока, по вкусу добавляя соль или сахар и немного масла. Из сухого талкана в сочетании со сливочным маслом (иногда с медом) формовали небольшие шарики или лепешки, которые подавали гостям в качестве угощения. Из растолченного со сливками обжаренного пшена готовили вкусное и питательное блюдо *(онтаҡ, киле бутҡаһы)*. На основе зерна в восточных и юго-восточных зауральских районах делали традиционный мучнистый, слегка хмельной напиток - бузу *(буҙа)*.

К издавна известным у башкир технологиям приготовления зерна и теста можно отнести их варку в молоке, воде или бульоне; а к наиболее древним хлебным изделиям относятся пресные лепешки *(көл икмәк, көләсә)*, выпеченные на поду печи, в раскаленном сухом казане или зажаренные в масле. Но даже такой хлеб в прошлом не составлял значительной доли в повседневном питании башкир, особенно в южных и юго-восточных районах. В этнографических источниках XVIII в. говорится, что хлеб у башкир не употреблялся повседневно, что ели его «как пирожное после других яств» *[Там же.* С. 651]; отмечается, что «летом питаются единственно молоком, изредка животными; а хлеба совсем не знают» *[Лепехин*, 1802. С. 37], что «хлеб употребляют в пищу только зимою, или лучше сказать: они вместо хлеба, сделав из муки лепешки или колобки пресные, пекут в... печах» *[Попов*, 1813. С. 20]. В аулах горно-лесной и зауральской Башкирии для освещения и обогрева помещения в этот период зачастую использовались чувалы *(сыуал)*. Для приготовления пищи к ним часто пристраивали очажок *(усаҡ)* с котлом. В XVIII в. подобную печную систему описал П.С. Паллас: чувал представляет собой «камин наподобие цилиндра, вверху к трубе сужен, а внизу чело вышиной с человека. Основа камина состоит из жердей и хвороста, которые хорошо обмазаны глиной... Подле него сделан шесток, на который поставлен котел для варки кушаний» *[Паллас*, 1773. С. 649].

Любимым угощением у башкир также были блины *(коймаҡ)* и оладьи *(тәбикмәк)*. Как и у неко-

* При обмолоте зерна вращался лишь верхний круг ручной мельницы, нижний оставался неподвижным.

торых других скотоводческих народов, у башкир было известно и кушанье из кусочков пресного теста, сваренных в масле или жире *(бауырһаҡ, йыуаса);* особым трапезным блюдом издавна являлся большой мясной пирог *(бәлеш).* В этнографических публикациях встречаются упоминания башкирского кушанья в виде мелких «пирожков» с рубленым мясом, сваренных в воде или масле, под названием «чучпаря», «чур-паря» *(сүсбәрә, сүспәрә) [Назаров,* 1890. С. 183; *Черемшанский,* 1859. С. 152; *Флоринский,* 1874. С. 748; *Малахов,* 1887. С. 83].

Участники Академических экспедиций конца XVIII в. отмечали и значение продуктов собирательства в питании башкир. В сочинениях П.С. Далласа встречается упоминание об употреблении в пищу свербиги, кислицы, борщевика *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1]; у И.И. Лепехина - сараны и запьей травы, а также клюквы, брусники, голубики, черемухи *[Лепехин,* 1795. С. 195; *Лепехин,* 1802. С. 253, 265]; в работе И.Г. Георги содержатся данные о том, что башкиры пили березовый сок *(ҡайын һыуы),* «который в сделанные в деревах глубокия зарубины... стекается и посредством пустых травяных стебельков всасывается» *[Георги,* 1799. С. 98]. Травы ели в сыром виде или использовали для кушаний. Из борщевика, крапивы, щавеля варили супы *(балтырған ашы)* на молоке (воде) с крупой, мучной затирухой или лапшой, взбитыми яйцами, позже - с картофелем. Дикие лук и чеснок клали в похлебки, крошили в творог или кислое молоко. Из луковиц сараны *(һарына)* варили каши и супы; смешав высушенную измельченную сарану с толченым пшеном, пекли лепешки. По наблюдениям И.И. Лепехина, «сарану и запью траву, которых коренья Башкирцы употребляют на пингу так, как мы (русские - *авт.)* употребляем печоную репу: но последней шишки дают и некоторой род муки, употребляемой ими на салму» *[Лепехин,* 1795. С. 195]. Полевые и лесные ягоды (землянику, дикорастущую малину, смородину, вишню, ежевику, костянику, бруснику, калину и др.), а также дикие яблоки ели свежими, клали в пироги, на зиму их сушили или готовили из них вяленую пастилу *(ҡаҡ).* Вишню, смородину, костянику и другие ягоды часто смешивали со сливочным маслом, творогом, консервировали в топленом масле *(сейәле май, еләкле май),* меде. Башкиры употребляли в пищу и плоды лещины; однако в этот период они практически не включали в свой рацион грибы. Для приготовления чая и лечебных отваров запасали душицу, зверобой, мяту, листья различных ягод, цветы и плоды шиповника. Мед употребляли в чаепитиях, народной медицине; ставили из него медовуху *(әсе бал, бал балы).* К концу XVIII — началу XIX в. относится распространение среди башкир чая. Со временем он стал любимым напитком, хотя летом они больше предпочитали пить кумыс или айран.

мились с возделыванием злаков, в первую очередь, ячменя *(арпа, күзә)* и проса *(тары)*. Употребление в пищу продуктов растительного происхождения и блюд из них в XVI - нач. XIX в. большей частью носило сезонный характер; немногие башкирские семьи в этот период могли обеспечить себя зерном, поэтому по необходимости они использовали покупную крупу и муку.

В пищу шли также рожь *(арыш)*, пшеница *(бойҙай)*, полба *(борай)*, овес *(һоло)*, реже - гречиха *(ҡара бойҙай)*. К древним традициям можно отнести употребление в пищу каленого (обжаренного) зерна в цельном *(ҡурмас)* или дробленом *(талҡан)* виде.

В процессе обработки зерна главными приспособлениями долгое время оставались выдолбленная из дерева ступа — *киле*, а также ручные деревянные *(ағас тирмән)* или каменные *(таш тирмән)* жернова. В источнике XVIII в. находим такие сведения: «Во всех почти хижинах есть и деревянныя ступы, которыя в разсуждении крупяного и мушнаго дела заменяют мельницы... Жернова... состоят из двух дубовых кружков, из коих каждой в поперешнике будет фута в полтора, а толщиною пальца в четыре. В обе плоскости сих кружков... наколочены кусочки от разбитых чугунных котлов... По самой середине нижняго кружка* утвержден стоймя деревянной гвоздь, а в верхнем сделана по середине дыра пространнее нежели для гвоздя надобно. На верхней же плоскости верьхняго кружка укреплен возле краю стоймя деревянной гвоздь, который служит рукояткою. Когда надобно молоть, то подстилают они под такия жерновы покрывало, и изподоволь сыплют хлеб в дыру верьхняго кружка; а потом обращают его около гвоздя так, как около оси. Перемолотой хлеб сыплется с нижняго кружка на покрывало, и как крупа тот час годится к употреблению; буде же надобна им мука, то сеют они сквозь сито и перемалывают опять крупное» *[Георги*, 1799. С. 90-91]. Если необходимо было обмолоть большое количество зерна, башкиры прибегали к помощи водяных мельниц. «В иных деревнях есть... при ключах небольния водяныя мельницы...», — писал в конце XVIII в. И.Г. Георги *[Там оке.* С. 90]. Описание башкирской водяной мельницы имеется и в работе П.С. Палласа. Автор, восхищенный ее удобством и функциональностью, отмечал, что он сомневается «может ли самый искуснейший художник изобресть простее оной водяную мельницу» *[Паллас*, 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 59]; позже у башкир распространились и ветряные мельницы.

Толокняную крупу или муку хранили, ссыпав в кадочки *(күнәсек)*, иногда залив топленым маслом. Блюда из толокна по распространенности и значению в питании башкирского населения традиционно занимали одно из первых мест в ассортименте злаковых продуктов. Толокно ели, заваривая кипятком, горячим молоком или горячим чаем с молоком, реже — сварив в растопленных сливках или в смеси жирных сливок и молока, по вкусу добавляя соль или сахар и немного масла. Из сухого талкана в сочетании со сливочным маслом (иногда с медом) формовали небольшие шарики или лепешки, которые подавали гостям в качестве угощения. Из растолченного со сливками обжаренного пшена готовили вкусное и питательное блюдо *(онтаҡ, киле бутҡаһы)*. На основе зерна в восточных и юго-восточных зауральских районах делали традиционный мучнистый, слегка хмельной напиток - бузу *(буҙа)*.

К издавна известным у башкир технологиям приготовления зерна и теста можно отнести их варку в молоке, воде или бульоне; а к наиболее древним хлебным изделиям относятся пресные лепешки *(көл икмәк, көләсә)*, выпеченные на поду печи, в раскаленном сухом казане или зажаренные в масле. Но даже такой хлеб в прошлом не составлял значительной доли в повседневном питании башкир, особенно в южных и юго-восточных районах. В этнографических источниках XVIII в. говорится, что хлеб у башкир не употреблялся повседневно, что ели его «как пирожное после других яств» *[Там же.* С. 651]; отмечается, что «летом питаются единственно молоком, изредка животными; а хлеба совсем не знают» *[Лепехин*, 1802. С. 37], что «хлеб употребляют в пищу только зимою, или лучше сказать: они вместо хлеба, сделав из муки лепешки или колобки пресные, пекут в... печах» *[Попов*, 1813. С. 20]. В аулах горно-лесной и зауральской Башкирии для освещения и обогрева помещения в этот период зачастую использовались чувалы *(сыуал)*. Для приготовления пищи к ним часто пристраивали очажок *(усаҡ)* с котлом. В XVIII в. подобную печную систему описал П.С. Паллас: чувал представляет собой «камин наподобие цилиндра, вверху к трубе сужен, а внизу чело вышиной с человека. Основа камина состоит из жердей и хвороста, которые хорошо обмазаны глиной... Подле него сделан шесток, на который поставлен котел для варки кушаний» *[Паллас*, 1773. С. 649].

Любимым угощением у башкир также были блины *(ҡоймаҡ)* и оладьи *(тәбикмәк)*. Как и у неко-

* При обмолоте зерна вращался лишь верхний круг ручной мельницы, нижний оставался неподвижным.

торых других скотоводческих народов, у башкир было известно и кушанье из кусочков пресного теста, сваренных в масле или жире *(бауырһаҡ, йыуаса);* особым трапезным блюдом издавна являлся большой мясной пирог *(бәлеш).* В этнографических публикациях встречаются упоминания башкирского кушанья в виде мелких «пирожков» с рубленым мясом, сваренных в воде или масле, под названием «чучпаря», «чур-паря» *(сүсбәрә, сүспәрә) [Назаров,* 1890. С. 183; *Черемшанский,* 1859. С. 152; *Флоринский,* 1874. С. 748; *Малахов,* 1887. С. 83].

Участники Академических экспедиций конца XVIII в. отмечали и значение продуктов собирательства в питании башкир. В сочинениях П.С. Палласа встречается упоминание об употреблении в пищу свербиги, кислицы, борщевика *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1]; у И.И. Лепехина - сараны и запьей травы, а также клюквы, брусники, голубики, черемухи *[Лепехин,* 1795. С. 195; *Лепехин,* 1802. С. 253, 265]; в работе И.Г. Георги содержатся данные о том, что башкиры пили березовый сок *(ҡайын һыуы),* «который в сделанные в деревах глубокия зарубины... стекается и посредством пустых травяных стебельков всасывается» *[Георги,* 1799. С. 98]. Травы ели в сыром виде или использовали для кушаний. Из борщевика, крапивы, щавеля варили супы *(балтырган ашы)* на молоке (воде) с крупой, мучной затирухой или лапшой, взбитыми яйцами, позже — с картофелем. Дикие лук и чеснок клали в похлебки, крошили в творог или кислое молоко. Из луковиц сараны *(һарына)* варили каши и супы; смешав высушенную измельченную сарану с толченым пшеном, пекли лепешки. По наблюдениям И.И. Лепехина, «сарану и запью траву, которых коренья Башкирцы употребляют на пищу так, как мы (русские - *авт.)* употребляем печоную репу: но последней шишки дают и некоторой род муки, употребляемой ими на салму» *[Лепехин,* 1795. С. 195]. Полевые и лесные ягоды (землянику, дикорастущую малину, смородину, вишню, ежевику, костянику, бруснику, калину и др.), а также дикие яблоки ели свежими, клали в пироги, на зиму их сушили или готовили из них вяленую пастилу *(ҡаҡ).* Вишню, смородину, костянику и другие ягоды часто смешивали со сливочным маслом, творогом, консервировали в топленом масле *(сейәле май, еләкле май),* меде. Башкиры употребляли в пищу и плоды лещины; однако в этот период они практически не включали в свой рацион грибы. Для приготовления чая и лечебных отваров запасали душицу, зверобой, мяту, листья различных ягод, цветы и плоды шиповника. Мед употребляли в чаепитиях, народной медицине; ставили из него медовуху *(әсе бал, бал балы).* К концу XVIII — началу XIX в. относится распространение среди башкир чая. Со временем он стал любимым напитком, хотя летом они больше предпочитали пить кумыс или айран.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО (ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, ЭПОСЫ, ПЕСНИ)

На любом временном отрезке исторического развития фольклор того или иного народа представляет собой динамическую систему, определенное состояние традиции. В сущности, жизнь и развитие самого устного народного творчества предполагает наличие традиционной среды, относительную устойчивость традиционного быта и художественной культуры [*Путилов*, 1975. С. 17].

Изучение произведений башкирского фольклора, в которых отражены явления и события XVI—XVIII вв., показало определенную степень устойчивости традиций, а также прочность преемственных связей в развитии. Об этом свидетельствуют легендарные предания, эпические сказания, материалы обрядового фольклора, сказок, сохранившие на протяжении тысячелетий свои древнейшие мифологические мотивы* в единстве с явлениями стадиального порядка, отраженными в фольклорных «текстах». Например, в кубаирах-эпосах «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу» [*Башкирское...* 1987. Т. I] архаический фольклорный материал, который лежит в основе их сюжетов, в значительной мере дополнен представлениями, соответствующими более поздним ступеням общественного развития (образы деспотических ханов и борьба эпического героя в защиту обездоленных). Образ же Урал-батыра из одноименного эпоса отражен не только в исторических сказаниях золотоордынского периода («Идукай и Мурадым») *[Башкирское...* 1999. Т. X], но и в кубаирах более поздних времен («Юлай и Салават») *[Там же]*. При этом следует сказать о том, что в фольклоре изучаемого периода наиболее ярко проявляется общественная, социальная проблематика.

В башкирском историческом фольклоре одной из центральных является проблема присоединения Башкирии к Русскому государству. Она находит отражение во многих жанрах и освещается по-разному, согласно их художественной природе.

Выделяются три группы фольклорных произведений: 1) исторические сказания и предания, которые отражают события, предшествующие периоду присоединения Башкирии к Русскому государству; 2) предания о вхождении Башкирии в состав Русского государства и народной оценке этого исторического акта — переменах в социальной и экономической сферах, о борьбе против социального и национального угнетения со стороны Российского государства; 3) произведения фольклора, в которых отразились историко-культурные связи башкирского и русского народов периода XVH-XVIII вв.

Изучение фольклорных материалов первой группы позволяет понять историческую обусловленность этого поворотного момента в общественной жизни башкирского народа. Тяжелейший гнет со стороны Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств, с одной стороны, восточная политика России - с другой, не могли не взбудоражить общественное сознание, которое в середине XVI в. проявилось в активизации политических действий башкирских биев (князей).

События времен владычества ногайских мурз наиболее ярко запечатлены в предании, записанном в середине XIX в. историком-краеведом В.С. Юматовым от башкир племени Мин. Здесь вырисовываются не только различные аспекты ногайско-башкирских взаимоотношений, сложившихся к

* См. Т. I наст. изд.

середине XVI в., но и отношения между самими ногайскими мурзами, распри, кровопролития. Предание поразительно емко донесло до нас дух той грозной эпохи: «...началась между Килембетами кровопролитная война; множество народа погибло. Наконец сделалось землетрясение, «земля кричала», - говорят башкиры; потом была жестокая зима.., и Килембеты с ногаями бежали за Яик и на Кубань» *[Юматов,* 1961. С. 251]. Междоусобная война за власть между братьями закончилась для них трагически: Кара-Килембет был убит Аксак Килембетом, который в свою очередь, погиб от руки ногайского мурзы Алтакара *[Рычков,* 1896. С. 69—70]. Предание в записи Юматова и выявленный в 1968 г. в д. Кармыш Алыдеевского района его вариант под названием «Конец владычества ногайских ханов» *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 190] сохранили память о бие племени Мин Канзафаре, который в середине XVI в. возглавил борьбу минских башкир против ногайцев.

Борьба башкир против Ногайской Орды и Казанского ханства нашла отражение и в эпических памятниках «Мергэн и Маянхылу», «Таргын и Кужак», «Ек-Мергэн» *[Башкирское...* 1999. Т. X. С. 206-218, 223-226; *Киреев,* 1970. С. 189-196; *Галин,* 2004. С. 260—283].

В XVI-XVIII вв. сложными были башкирско-казахские взаимоотношения. С одной стороны, проявлялись духовная близость двух родственных народов, укрепление дружественных связей между ними, что отразилось в общности мотивов башкирского и казахского фольклора. Но, с другой стороны, постоянные взаимные набеги *(барымта)* порождали недружелюбное отношение друг к другу. Это также отразилось в их устно-поэтическом творчестве. В фольклоре юго-восточных башкир немало преданий, которые повествуют о связанных с набегами казахов бедствиях и сурово осуждают кровавые межплеменные распри. В предании «Баяс-батыр» герой, одолев в поединке казахского батыра Аластайму, говорит: «Эй, Аластайма, оберегать скот — одна забота, оберегать страну — тысяча. Больше сюда не приходи» *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 201-202].

Гуманистическим пафосом проникнуто предание «Бэндэбикэ и Ерэнсэ-сэсэн». Стремление к мирной жизни, идеалы народа ярко выражены в словах Бэндэбикэ, обращенных к своему мужу Ерэнсэ-сэсэну, задумавшему «ради потехи сходить к казахам с барымтой»: «Ты на своей земле обрел имя батыра. Но батыру мало смелости, нужна еще и мудрость ...Защитник страны — в сердцах людей, зачинщик войны - худший злодей», — говорили в старину... Захват чужой страны противоречит нашим обычаям. Не позорьте себя. Говорят: «Губителя бог не возлюбит». Одумайтесь, пока не поздно». Трагическая развязка событий усиливает идейный накал этого произведения. Потрясенный вестью о смерти жены, не перенеся позора поражения, Ерэнсэ-сэсэн «поднялся на вершину горы Каншат и вместе с конем бросился с крутой скалы» *[Там же.* С. 204-206].

В репертуаре башкирских рассказчиков встречаются сюжеты, раскрывающие драматически обостренные отношения двух родственных народов. Не чуждые некоторой тенденциозности в изображении подвигов башкирских батыров, предания в основном правдиво повествуют о трагических коллизиях, связанных с межплеменными распрями.

Историчны в своей основе и предания о набегах калмыков, о налетах войск казанских ханов на земли самарских башкир («Такагашка», «Умбет-батыр») *[Там же.* С. 191—194].

Фольклорных материалов второй группы, повествующих о вхождении Башкирии в состав Русского государства, сохранилось немного. В силу этого, образцы фольклора, особенно предания, дошедшие до наших дней, воспринимаются как бесценные памятники, познавательное значение которых огромно. Несмотря на отдельные анахронизмы и смещение фактов, предания содержат немало конкретных исторически достоверных сведений. Информативной насыщенностью отличаются предания «Род тамьянцев» *[Там же.* С. 124], «Род Кубаляк-теляу» *[Там же. С:* 125—126], предания башкир-минцев, юрматынцев *[Башкирские...* 1960. С. 251-252]. В них названы имена послов, отмечены характер и результаты переговоров, а также описаны последующие события.

Шагали Шакман-бий (князь) — посол от башкир-тамьянцев, Бикбау-бий — от усерган, Каракужак-бий - от кыпсаков, Иске-бий - от бурзян — эти имена фигурируют как в шежере, так и в преданиях. Предания сохранили и имя посла гайнинских башкир Айзуак-бия [Айсуак-бия - *авт.],* который одним из первых ездил к наместнику царя в Казань и привез царскую грамоту о принятии башкирами русского подданства *[Усманов,* 1982. С. 111].

Имеются и сюжеты чисто легендарного характера. Таким, например, является предание-легенда о Кулумбет-батыре, который в числе других послов от башкир участвовал в переговорах с Иваном Грозным о принятии русского подданства и во время царского приема якобы похитил золотую тарелку и ложку. Он не был наказан: благодаря остроумному ответу Кулумбета царь «всем послам дал по одной

золотой тарелке и ложке» *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 206]. По мнению Л.Г. Барага, мотив кражи золотой тарелки и ложки в предании-легенде о Кулумбет-батыре отдаленно напоминает библейскую легенду об Иосифе Прекрасном *[Народные...* 1969. С. 178]. В тюркском мире этот мотив известен по поэме Кол Гали «Кысса-и Йусуф» («Йусуф и Зулейха»),

В преданиях, посвященных теме принятия русского подданства, скептических мотивов, мотивов с отрицательной оценкой события не наблюдается. Царские грамоты, дающие право на вотчинное владение землей, щедро обещающие мир и спокойствие, сохранение старых обычаев и местной религии, устранение ханского произвола и установление небольшого ясака, не могли не произвести глубокого впечатления на башкир. В преданиях присоединение Башкирии к Русскому государству оценивается как положительное явление, в результате которого прекратились феодальные набеги казахов, калмыков («Даут-батыр», «Такагашка-батыр») *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 192-194]. Даже в подтексте предания «Исмаил и Даут» *[Там же. С.* 196-198], рассказывающем о трагической судьбе отдельных людей, не пожелавших склонить голову перед русским царем и ушедших в казахские степи, лежит идея одобрения акта присоединения к России. Мотив положительной оценки отражен в песенном фольклоре, а также в одном из вариантов исторического эпоса «Бабсак и Кусяк».

В этом плане особенно информативна песня-предание с элементами эпоса «Семиродцы» (вариант песни «Урал»), в котором описываются времена, когда из-за земель и вод один башкирский род враждовал с другим. Весьма интересны сведения о совете аксакалов, обсуждение с сородичами вопроса об отправке послов к Ивану Грозному, приведенные в прозаической части «текста». Мотив «послы в Москве» в предании описан в традиционном стиле: «Царь, заставив их поклясться, получив их заверения, что покорится вся страна, для гостей устроил большой туй, показал им все свои дворцы, угощал их несколько дней, одарил большими подарками, вручил тарханские грамоты. Потом были определены пределы земель и вод башкирских родов; и чтобы покончить раздоры между ними решил царь прислать своих санатов, после чего бии отправились домой». Далее рассказывается о йыйыне, на который съехались представители семи родов [племен], о приезде царских людей на майдан для празднования знаменательного события, а также о том, как сложили песню в честь Урала *[Башкирское...* 1995. Т. VIII. С. 34-36].

В рассматриваемых сюжетах обращает на себя внимание и тенденция некоторой идеализации мотива встречи послов с царем. В действительности было все не так просто, о чем свидетельствует предание о Сурабан-бие, оставленном в Казани в качестве заложника *[Башкирские...* 1960. С. 78]. В целом же, в преданиях Иван Грозный часто именуется Ак батша — Белый царь, в смысле «хороший», «добрый». «Слова предания о «доброте» грозного царя, — писал по этому поводу Д.Н. Соколов, — могут показаться странными для нас, привыкших с детства слышать рассказы о его многочисленных и иногда жестоких казнях. Но в устах башкир это далеко не шутка: великий покоритель Казани пожаловал башкир так, как никто и никогда не жаловал покоренный народ. Башкиры были пожалованы занимаемыми ими землями в вотчинное (т. е. потомственное) владение, и, следовательно, приравнены и по правам к высшему сословию в государстве» *[Соколов,* 1916. С. 86].

Третья, самая многочисленная группа, произведений фольклора содержит сведения о событиях, происходивших после вхождения Башкирии в состав Русского государства.

Добровольное вхождение Башкирии в состав России было глубоко прогрессивным явлением. Общение с русскими и другими народами способствовало дальнейшему развитию экономики и культуры башкир. В то же время башкиры попали под тяжелый национально-колониальный гнет русского царизма и дворян. В преданиях «Как Баим продал землю», «Абласкин-Яуымбай», «Ямантау» рассказывается о том, как русские бояре и купцы путем обмана, запугивания и хитростью за незначительную цену (немного денег, чай-сахар, буханка хлеба, подкова и т. п.) прибирали к рукам богатейшие земельные угодья, леса башкир *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 212-215]. В предании «Утяган» также повествуется о том, как прибывшие из Мамадышского уезда Казанской губернии братья Ишекай и Ишбирде, хитростью «купив» башкирские земли, обманули местное население, окончательно разорив его.

Сюжетообразующим звеном большинства народных рассказов является всемирно известный мотив «продажа земли с бычью шкуру». При всей необычности ловких поступков, приписываемых заводчикам и помещикам, предания воссоздают правдивую картину грабежа башкирских земель. Мошенничество, обман, подкуп, насилие были типичными явлениями в деятельности предпринимателей-дельцов, и мотив продажи земли «с бычью шкуру» в своеобразной художественной форме как нельзя лучше передает историческую реальность

(«Как боярин покупал землю», «Утяган» и др.) *[Там же].* В преданиях этого типа довольно ярко показана сложная психологическая ситуация — бедственное положение обманутых башкир, их растерянность, незащищенность.

Из традиционных сюжетов о расхищении башкирских земель особенный интерес представляют предания о гибели жадного купца, пытавшегося обежать с восхода до заката солнца как можно большее пространство земли, чтобы овладеть им («Продажа земли», «Как в старину уступали жадным пришельцам земельные угодья») *[Там же.* С. 212]. Этот сюжет, как известно, получил яркую обработку в рассказе Л.Н. Толстого «Много ли человеку земли нужно», написанном под впечатлением пребывания среди башкир в 70-х гг. XIX в.

Отдельные сюжеты представляют интерес своим освещением социальной сущности продажи башкирских вотчинных земель. Например, в предании «Как богатеи раздавали заводчикам народную землю» осуждаются поступки башкирских баев, занятых удовлетворением личных корыстных потребностей, подчеркивается мысль о том, что продажа земли была выгодна только им *[Там же.* С. 307].

Имеются тексты, где открыто выражено отношение народа к продаже земли: «Зашумел народ. Послышались голоса: «Наши земли нужны нам самим. Не продадим!» - говорится, например, в предании «Как боярин землю покупал». Но запугивание, обман сделали свое дело: вотчинники вынуждены были согласиться на продажу земли.

Интересна песня «Ямантау»*. В ней отражено отношение молодого поколения к происходящим событиям: «Почему вы, деды, продаете ваши земли? Лишаете своих детей земли, чтобы ходить, воды, чтобы пить, дичи, чтобы охотиться, величавой горы Ямантау?» — повествуется в прозаической части. Эта мысль проходит и в ее поэтической части: ...Погубили Ямантау, забыв, что у вас наследники живут.

Подобные факты, как предупреждение об опасных последствиях потери земель отражены и в пословицах: «Продавший землю — продал свою могилу» *(«Ерен һатҡан — ғүрен һатҡан»),* «Продавший землю — продал жизнь свою» *(«Ерен һатып ашаған — ике генә көн йәшәгән»)* и т. п. *[Башкирское...* 2006. Т.Х. Кн. 1].

В преданиях «Надел с медвежью шкуру», «Царский генерал Коршин», повествуется о начале противостояния истинных хозяев земли пришельцам. Так, Коршин, не сумев получить желанные блага от земли, приобретенной обманным путем, был вынужден уехать из Башкирии (башкиры не разрешают генералу брать воду из Юрюзани, а выкопанные колодцы оказались без воды). О недовольстве башкир и стихийных выступлениях против грабителей земель, властьпредержащих сложено множество легенд и преданий. Эта борьба показана через эпизоды, описывающие поджог хуторов («Крепостной Зилаир»), вооруженное столкновение группы башкир или отдельных людей с «русскими боярами» и вызванными ими конными казаками («Отчаянный Гайнетдин», «Мурзагул» и др.) *[Башкирское...* 1987. Т. II].

Весьма интересен цикл преданий о расправе башкир в 1755 г. с Брагиным, прибывшим в юго-восточную Башкирию (нынешний Баймакский район РБ) из Петербурга в качестве начальника горно-изыскательной партии. В художественной форме народные повествования донесли до нас бесчинства Брагина на башкирской земле. Подробно изображены в народных повествованиях места событий, бесчинства Брагина над местными жителями, уход части населения и активных участников стихийного бунта в казахские степи («Кузнец Амин и начальник Брагин», «Двенадцать батыров и Брагин», «Дорога Канифы», «Камень Брагина» и т. д. *[Там же.* С. 225—231]. Раскрывая историческую основу народных повествований о Брагине, Л.Г. Бараг отметил: «Историзм этих преданий-легенд, сочетающих воедино подлинные факты и творческий вымысел, связанный с влиянием традиционного башкирского фольклора, заключается прежде всего в том, что они художественно воспроизводят типические явления жизни горнозаводской Башкирии позапрошлого века» *[Народные...* 1969. С. 24].

Историческая память народа сохранила важные сведения о башкирских восстаниях XVIII в., их предводителях. Например, предание «Акай-батыр», записанное писателем Юсуфом Гареем в Шаранском районе Башкортостана, повествует о старшине Акае Кусюмове, одном из первых предводителей восстания 1735-1736 гг. Предание носит легендарный характер, в основу его положены традиционные стереотипные представления об идеальном герое, который «в огне не горит, в воде не тонет»; «его ни стрела не брала, ни сабля не секла. Когда в него стреляли из винтовки, пуля пролетала мимо. ...Когда Акай отряхивался после очередного

' Ямантау — гора на юго-востоке Башкортостана. Как известно, Ямантау и близлежащие к ней земли были куплены для строительства Белорецкого металлургического завода.

сражения, из его железной кольчуги ворохом сыпались пули». Сведения о смерти (самоубийстве) Акая Кусюмова, сообщаемые в предании, также вымышлены. В конце восстания он и другие предводители были отправлены в Санкт-Петербург. Данные о местах его боев имеют реальную основу, конкретизированы (берега оз. Кандры, долины Идели, Уфимская сторона). Мотив поражения восстания отражен в эпизоде выстрела Тевкелева в башкирского батыра, в результате которого Акай был ранен. В предании «Акай-батыр» сохранено очень важное сведение информанта: отец Ю. Гарея слышал этот сюжет от певцов-сказителей (йыраусы), которые пели об Акай-батыре, сопровождая свое исполнение игрой на домбре и гуслях. Это говорит о том, что о знаменитом предводителе восстания бытовали не только предания, но было и эпическое сказание. Предположение подтверждается и наличием исторического сказания — хикаят «Яу Акая» *(«Акай яуы»)*, который сохранился в письменной форме *[.Башкирское...* 2006. Т. VIII]. В хикаяте «Яу Акая» приводятся ужасающие формы истребления участников восстания, их семей, родственников; повествуется о пленении Акай-батыра, о коварстве генерала Румянцева, предательстве некоторых представителей казанских татар, мишарей, удмуртов, черемисов (марийцев), которые в свое время нашли пристанище на земле башкир; о противоречиях в среде самих башкир (между кыпсаками и тамьянцами) и т. д. *[Башкирское...* 1995. Т. VIII. С. 338—348; 454—461]. Поднятое в качестве протеста против строительства Оренбурга и других крепостей восстание под предводительством Акая Кусюмова было подавлено *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 222—223].

Особую жестокость при подавлении башкирского восстания 1735—1740 гг. проявил чиновник Мирза Кутлиахмет (Алексей Иванович Тевкелев). Он чинил массовые казни, дотла сжигал деревни *[История...* 1996. С. 235-236]. В произведениях фольклора, и особенно в песне «Тафтиляу», отражено презрение и проклятие его народом.

Известны предания о Карасакале — предводителе восстания 1739—1740 гг. Предание «Карас и Карасакал», записанное сэсэном (впоследствии фольклористом, драматургом) Мухаметшой Бурангуловым в 1917 г. в д. Малый Иткул Оренбургской губернии от сэсэна Хамита Альмухаметова, построено на описании напряженного эпизода встречи Карасакала с почтенными старейшинами (аксакалами), во время которой он выступил с призывом к восстанию. Предание построено на иносказании и с исключительным мастерством передает атмосферу и дух того времени, бедственное положение народа, измученного кровопролитными сражениями. Об этом в предании повествуется устами Карас-сэсэна: «Много тополей на Урале, но начнешь их разрезать — и станет сочиться кровь. А пещеры заняты волками. Там они наплодили волчат. Уши лошадей мечены, на крупах тавро. Собаки, что лаяли по ночам, убиты. А есть ли одежда, на которую можно наложить заплату? И этого никто не знает. Ведь куропатка еще не села на верхушку деревьев, уҙаманы (старейшины)». Примечательно и сведение о том, что Карас, охарактеризовав обстановку в крае, не стал задерживаться на сходе, выразив тем самым отношение к Карасакалу и его идее о восстании. Смысл слов сэсэна растолковал один из аксакалов: «Когда срезаешь дерево — выступает кровь, сказал он (Карас — *авт.)*, а это означает, что уральские леса орошены народной кровью, обильно вытекшей на полях сражений. Меченые уши лошадей, крупы их, клейменные тавром, означают, что места все наши на виду, куда бы мы не подались, всюду нас найдут, всюду выловят. Слова о том, что собаки, лающие по ночам, убиты, означают, что все участники прежних восстаний замучены и уничтожены. Слова о том, что куропатки не сели еще на верхушки деревьев, надо понимать так: не все участники восстаний, оставшиеся в живых и вынужденные пребывать на чужбине, еще вернулись на родину. А под одеждой, на которую можно наложить заплату, он имел в виду Карасакала. Ведь он — пришелец со стороны и может стать в нашей стране всего лишь заплатой» *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 223—225].

Вообще образ Карасакала в произведениях фольклора представлен в противоречивом плане, неоднозначно. Если в предании «Карас и Карасакал» довольно четко выражен мотив определенного недоверия к последнему, то в эпосе «Карасакал» в записи Мухаметши Бурангулова образ предводителя восстания дан в целом в позитивном плане *[Башкирское...* 1999. Т. X. С. 245-277]. Противоречивость во взглядах на исторические события, по-видимому, объясняется объективными причинами: наличием различного отношения к восстаниям в обществе.

В XVIII в. российское правительство активно проводит политику христианизации нерусских народов. Насильственное крещение мусульман вызывало резкое противодействие с их стороны, что нашло, например, яркое отражение в предании «Как башкиры отказывались от крещения». Сопротивление башкир крещению показано здесь через образ реки, обагренной кровью погибших, количество же жертв было неисчислимо: их трупы якобы запрудили реку *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 65. Д. 9. Л. 90; *Башкирское...* 1997. Т. II. С. 201—202].

В предании «Крещение» рассказывается о жителях одиннадцати башкирских деревень, которые, вооружившись вилами, косами, встали на защиту своей веры и смогли сохранить ее. Интересны сведения, приведенные в данном тексте: «Раньше в Бакалинских и Буздякских краях русские занимались крещением мусульман. Проезжали они по деревням на санях, в каждой по три солдата и один поп» *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 92. Д. 7. Л. 51; *Башкирское...* 1997. Т. И. С. 201].

Преимущественно на реальных фактах построено предание «Батырша и Яныш». В отличие от предыдущих сюжетов, здесь описываются события, масштабы которых не ограничены действиями ситуативного характера, прикрепленными к сравнительно узкой территории. В сущности, предание «Батырша и Яныш», хотя в нем и нет картинного изображения повстанческого движения, посвящено передаче информации о восстании 1755 г. Предание богато сведениями, имеющими отношение к личностным качествам Батырши: образованность, высокий авторитет его как духовного лица. Большое внимание уделено конфликту между ним и старшиной Янышем, описанию неблаговидных поступков старшины *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 233-234].

Грандиозная по своим масштабам Крестьянская война 1773—1775 гг., охватившая и Башкортостан, совместная борьба русского, башкирского и других народов оставили глубокий след в башкирском народном творчестве. События восстания, его выдающиеся предводители, героические подвиги и трагедии отдельных участников стали основой сюжетов и объектом идеализации в эпосе, баитах, песнях, многочисленных преданиях (риваятах) и легендах. Российское правительство делало все, чтобы вытравить из народной памяти события повстанческого движения. Сэсэны (сказители-импровизаторы), певцы, упоминающие имя Салавата Юлаева, верного сподвижника Емельяна Пугачева, подвергались жестоким гонениям. Среди записей фольклорных экспедиций сохранилось немало сведений об этом. Даже в XIX — начале XX в. пожилые люди не без опаски рассказывали о своем батыре, а если осмеливались говорить или петь песни о нем, наказывались. Характерен в этом плане рассказ Гарифьяна Султанова - жителя д. Кызырбак Салаватского района Башкортостана «Раньше запрещалось петь о Салавате» *[Там же.* С. 282-283].

Фольклорные произведения позволяют отчетливо проследить отношение народа к восстанию, его участникам и предводителям. Вопреки стараниям правительства представить восстание «злодейским бунтом», «мятежом черни», а его участников - «злодеями», «преступниками», фольклор утверждает справедливый характер этой войны, изображая восставших и их предводителей благородными борцами за справедливость, заступниками угнетенных. В сознании народа восстание под предводительством Е.И. Пугачева и его сподвижников осталось исключительным по своей значимости. Именно поэтому произведения башкирского фольклора о Салавате Юлаеве составляют наиболее обширный пласт в народном историческом повествовании и поэзии. Тема этого восстания затронута всеми основными жанрами башкирского устно-поэтического творчества и раскрыта согласно художественно-поэтической природе этих жанров.

Письменно зафиксировано и издано несколько произведений, относящихся к жанру эпических сказаний-кубаиров *{«кобайыр», доел,* «песнь-прославление»), Кубаир «Салават-батыр», состоящий всего из трех строф (по семь строк каждая), содержателен, глубоко поэтичен. Созданный на традиционной основе с использованием повторов, поэтических клише-трафаретов, он созвучен с такими кубаирами, как «Сукем-батыр», «Баязит-батыр». Положительный оценочный момент деятельности Салавата Юлаева здесь принимает характер прославления. Согласно кубаиру, Салават - светоч, солнце, день для своего народа, а для врагов — опасная тьма, ночь.

Народная память сохранила и другие более объемные эпические формы, где поэтический стих чередуется с прозаическим повествованием. Это кубаиры-эпосы «Юлай и Салават», «Байк-Айдар сэсэн».

В кубаире «Юлай и Салават» на первый план выдвинуты две крупные фигуры, фигуры отца и сына, повстанческая деятельность которых освещается на фоне реальных событий (расхищение башкирских земель, усиление национального и социального гнета). Будучи художественным произведением, кубаир не лишен и вымышленных мотивов, которые отражены преимущественно в эпизодах бытового характера. Но поскольку вымысел здесь не фантастичен, а приближен к действительности, общая направленность произведения — установка на историзм - сохранена.

В эпосе «Баик-Айдар сэсэн» содержатся интересные сведения о давних связях Баика, сына Байназар-тархана, с родом Юлая Азналина, о совместном участии Баика и Юлая в одном из башкирских восстаний. Но особый интерес представляет описание встречи Баик-Айдар сэсэна с юным Салаватом. Сэсэн-глашатай, по прозвищу Айдар,

ярко и в поэтической форме рассказывает Салавату о былом: о ханах, о злодеяниях мурзы Тевкелева, выжегшего дотла сто двадцать аулов, о батырах, которые сложили головы или были изгнаны с родной земли; о народе, сумевшем при всем этом сохранить свою страну-иль.

Поражение восстания, казни вождей повстанцев послужили материалом для создания произведений балладного типа — баитов. Известны три баита, посвященные Салавату Юлаеву («Песнь Салавата», «Незабвенный Салават», «Салават Юлай») *[Салават...* 2008. Т. II. № 39-41]. Для них характерно сплетение трагических и оптимистических мотивов: с одной стороны, трагедия героя и боль, тоска народа по нему, с другой - гордость народа за своего доблестного вождя, готовность продолжать его борьбу, вера в торжество правого дела. Эти мотивы особенно ярко выражены в баите «Незабвенный Салават»: в прекрасных поэтических строках рождение на свет Салавата Юлаева сравнивается с появлением радуги на небе, подчеркивается величие его дел; трагический мотив передан в последнем куплете через образ дороги, покрытой черной пылью, — этот образ символизирует народное горе и постоянно напоминает о нелегкой судьбе батыра *[Там же.* №41].

На поэтику баитов о Салавате Юлаеве сильное влияние оказало песенное творчество народа: тот или иной песенный куплет полностью включался в текст баита («Песнь Салавата»), или же трагические события излагались полностью в песенном стиле («Салават Юлай»), Это, с одной стороны, объясняется тем, что в период восстания были достаточно сильны традиции жанра исторической песни в башкирском фольклоре, с другой - природой самих фольклорных жанров, их способностью взаимодействовать, взаимопроникать. Благодаря последнему и появляются художественные формы, несущие в себе признаки разных жанров, в данном случае - песен и баитов.

Собственно исторические же песни, посвященные теме повстанческого движения, среди которых главенствующее место занимают песни о Салавате Юлаеве, представлены многочисленными четверостишиями без названий, а также озаглавленными сюжетными текстами: «Салават», «Песня о Салавате», «Песнь во славу Салавата» и т. п. В музыкальном отношении героические песни о батыре разнообразны: среди них есть протяжные, короткие (скорые), маршевые песни. «Разнообразие песен о Салавате определяется ... их принадлежностью к разным музыкальным песенным стилям, представляющим местные особенности и диалекты башкирской народной поэзии. В то же время всем народным песням о Салавате присущи некоторые общие черты: в них нет сложных мелодических узоров - мелодической орнаментации с ее импровизационностью ритма и узора, мелодическая линия их напевов более устойчива, ритм отличается четкостью и определенностью», - писал Л.Н. Лебединский - фольклорист, музыковед, внесший существенный вклад в развитие баширской музыкальной фольклористики *[Лебединский,* 1962. С. 22].

Песни, посвященные Салавату Юлаеву, отличаются высокой информативной насыщенностью. В них нашли отражение наиболее значительные этапы жизни героя: Салават — сын славного Юлая, любящий муж; пугачевский бригадир, вождь восставших; Салават на пожизненной каторге в Балтийском Порте. Фигурируют и имена его сподвижников - Кинзи Арсланова, Канзафара Усаева, упоминаются места сражений: долины р. Ай, Оло Катау, Сарслан, Алагуз и т. д. В исторических песнях значительное внимание уделено повстанческой деятельности батыра, с огромной любовью и теплотой воссоздан его образ талантливого военачальника и поэта-певца.

В репертуаре исполнителей башкирских народных песен имеются и песни, посвященные Е.И. Пугачеву: «Песнь о Пугачеве», «Пугачев», «Большак» *[Там же.* № 36—38].

Цикл фольклорных произведений о Салавате наиболее богато представлен в жанрах несказочной прозы - преданиях и легендах. Предания и легенды о войне 1773-1775 гг., о Салавате Юлаеве бытуют в различных районах современного Башкортостана, а также за его пределами (Пермский край, Оренбургская, Челябинская, Свердловская обл.), но больше всего — на родине Салавата, в Салаватском районе республики и близлежащем к нему - Кигинском. Широко известны они и в Балтачевском районе, на территории которого, близ д. Нуркино, 22 сентября 1774 г. произошло крупное сражение отрядов Салавата с правительственными войсками *[Крестьянская...* 1975. С. 231, 404].

В структурном отношении предания о Салавате Юлаеве, как и предания вообще, разнообразны. Встречаются весьма небольшие по объему рассказы, выполняющие сугубо информативную функцию («Мать Салавата», «Гибель семьи Салавата», «Сон Салавата», «Мост Салавата»). Значительное место занимают сюжетные повествования - фабулаты. В зависимости от жизненного их содержания они могут быть одноэпизодными («Салават и Кара-

сакал», «Приказ Салавата») или состоять из нескольких эпизодов («Салават и Балтас», «Легенда о Салавате-батыре»), Встречаются тексты, в которых в прозаическое повествование вклинивается песня, в большинстве случаев - это песни как бы от имени самого Салавата. Включая в повествование песню, рассказчики, по-видимому, хотели подчеркнуть поэтическую одаренность, певческий дар своего героя.

В преданиях и легендах выражено непоколебимое стремление народа к свободе, его решимость уберечь родную землю от грабежа. Показательна в этом отношении «Легенда о Салавате-батыре», в основе которой лежит традиционный мотив - «продажа земли величиной с бычью шкуру» [*Башкирское*... 1987. Т. II. С. 271-273; *Салават*... 2008. Т. I. № 69].

Предание «Речь Салавата», представляющее собой прозаический вариант кубаира Салавата Юлаева «С ратью Пугачева слившись, в войско с ним соединившись», также насыщено свободолюбивыми мотивами. Идея нерасторжимого единства народа и героя находит здесь новое поэтическое выражение. Кульминационным в предании является эпизод, в котором Салават, поняв необходимость объединения с русским народом в общей борьбе против бесправия и угнетения, призывает башкирское войско присоединиться к армии Е. Пугачева и достигает цели. Обращение, изложенное в стихотворной форме - в форме кубаира, клятва с углем в руках (символом сожженных карательными отрядами башкирских деревень) - самые волнующие строки предания [*Салават*... 2008. Т. I. № 71].

Идея дружбы русского и башкирского народов ярко проявляется в преданиях «Как Емельян Пугачев отбирал батыров», «Как Салават с Пугачевым подружились» [*Там же.* № 72—73]. Народные предания о Салавате подчеркивают национально-освободительный характер повстанческого движения, в отдельных образцах присутствуют социальные мотивы («Салават был беспощаден к врагам», «Приказ Салавата») *[Там же.* № 115, 116].

В преданиях приводятся интересные, порой конкретно-исторические сведения об участии народных масс в повстанческом движении. Так, предание «Юлкай и Башаргул» повествует о том, как табынские башкиры послали гонца к Салавату Юлаеву и выразили готовность вступить в борьбу вместе с ним. В преданиях с большой теплотой называется имя Мусы Кадерметова — одного из влиятельных аксакалов д. Нуркино, оказавшего активную поддержку повстанцам *[Там же.* № 91—93]. В предании «Салават и Балтас» говорится, что «аксакал Муса был главным организатором помощи Салавату» *[Там же.* № 98]. Об обеспечении войска Салавата новым пополнением и провиантом упоминается во многих преданиях, записанных в Салаватском и Кигинском районах Башкортостана («О пребывании Салавата у долин Ая», «Как Салават Юлаев направил в деревню Киги посла») *[Там же.* № 79, 83].

Ценную информацию сохранило и небольшое предание «Какие права дал Мусе Салават», в котором Салават выступает не только как командир, но и как справедливый носитель законности *[Там же.* № 94]. Примечательно и сведение, зафиксированное в другом предании: «Салават был против поджогов и насилия в селах и городах, которые он захватывал. Он не разбрасывался богатствами. Заботился о пополнении казны Пугачева ... Когда Салават занял Симский завод, то заводские деньги до последней копейки отправил, запечатав, с конвоем Пугачеву» *[Там же.* № 98; *Башкирское*... 1987. Т. II. С. 270]. Все эти предания имеют реальную основу: о характере организации военных действий, умении Салавата Юлаева строить добрые отношения с населением свидетельствуют письменные источники (документы его походной канцелярии) *[Гвоздикова,* 2004. С. 148-151].

Преобладающее большинство народных повествований посвящено прославлению Салавата Юлаева, описанию его личных качеств. Во всех преданиях и легендах образ Салавата - это прежде всего образ народного батыра — героя. Во многих сказаниях подчеркивается раннее проявление у Салавата Юлаева богатырских качеств. Например, предания о том, как 12-летний Салават медведя убил, до сих пор популярны. В одном из преданий в числе десяти качеств, определяющих богатырство, отмечаются незаурядный ум, поэтическая одаренность героя *[Салават*... 2008. Т. I. № 13].

Согласно преданиям, богатырские качества, заложенные в детстве, особенно ярко проявились в годы повстанческого движения. О его могучей силе, храбрости, смекалке говорится во многих преданиях («Салават», «Сила Салавата» и др.) *[Там же.* № 10—19]. Такие предания, как «Штаб Салавата», «Салаватский разведчик», «Салават Юлаев на горе Имянтау» *[Там же.* № 82, 91, 111], создают образ умного, мужественного военачальника, из-за целого ряда причин, в первую очередь, из-за неравных сил потерпевшего поражение.

Предания и легенды о пленении Салавата, ссылке на каторгу исполнены глубокой болью народа: «Когда Салавата Юлаева поймали и сослали на каторгу, вся Башкирия плакала, говорится в легенде

«Почему в горах хрусталя много?» Плакали в одиночку, и семьями, и всем аулом. Плакать уходили в горы. Слезы были чистые, горькие. Падая на скалу и просачиваясь в землю, они превращались в хрусталь. И теперь, когда найдут один маленький хрусталик, говорят, что здесь один человек плакал втихомолку, побольше - семья плакала, много хрусталя — аул плакал» [*Башкирское...* 1987. Т. II. С. 271; *Салават...* 2008. Т. I. № 190]. Легенда, уходящая корнями в традиции горнозаводского фольклора и построенная с элементами фантастики, имеет под собой реальную историческую основу — скорбь и горе народа по поводу тягостной судьбы Салавата Юлаева.

Вместе с тем имеются легенды, в которых выражена народная мечта о возвращении любимого батыра. Вот одна из них, записанная в Челябинской области: «Богачи говорили, что Салават сослан на каторгу и больше не вернется. А старики-аксакалы видели и рассказывали, как лунными вечерами ходил по тропе человек в лисьей шапке. Говорили, что это тень Салавата». А одно из преданий гласит, что Салават иногда снится особым людям — святым, предупреждая их о чем-то. По мнению рассказчика, видеть во сне Салавата — счастье («Облик Салавата») *[Салават...* 2008. Т. I. № 3]. Чрезвычайно интересны топонимические предания, бытующие как память людская и память Земли («Салаватские места») *[Там же.* Разд. IV].

В числе башкирских преданий есть немало рассказов о семье Салавата, его близких: «Мать Салавата», «Отец Салавата», «Жены Салавата», «Потомки Салавата» и некоторые другие *[Там же.* Разд. II].

Предания о Салавате Юлаеве историчны, но они, как явление художественного творчества, не лишены вымысла; в них нередко наблюдается искажение, смещение фактов и событий (предания о найденных вещах: «Плетка Салавата», «Меч Салавата», о погребениях и т. д.). Вымысел отчетливо проявляется и в легендах, посвященных описанию личных качеств Салавата (богатырский сон, неуязвимость, восемнадцатипудовый вес и т. п.). Но все это естественно: своего предводителя, такую незаурядную личность, как Салават, народ не мог представить обыкновенным человеком и потому, опираясь на фольклорные традиции в создании образов, наделил его чертами эпического героя. Встречаются даже сюжеты с мифологическими мотивами, представлениями, связанными с поверьями: «Что сказала Юлаю водяная дева?», «Салавата от поимки спас паук» *[Там же.* № 1, 150]. В преданиях, в эпических повествованиях о событиях и людях давнего прошлого прошлое осмысляется и переосмысляется с позиций эпохи их происхождения и последующих периодов, сохраняется в форме традиционного устного бытования в памяти народной, хранимой несколькими поколениями. Народные рассказы о Салавате Юлаеве донесли до нас мысли и взгляды людей эпохи восстания 1773—1775 гг. и последующих времен, создали своеобразную биографию героя, историю его жизни (недаром предания-риваяты в народе называют *«тарих»* — «история»).

Для всех произведений фольклора, относящихся к разным жанрам, в освещении крестьянской войны и роли Салавата Юлаева в нем общими являются понимание национально-освободительного характера повстанческого движения и его антикрепостнической сущности; показ роли народных масс и личности; мотив дружбы башкирского и русского народов; прославление Салавата Юлаева как крупного военачальника и поэта-импровизатора; описание трагических событий и народного горя; наличие оптимистических мотивов.

Салават Юлаев, верный сподвижник Емельяна Пугачева, хорошо известен всем народам Урала и Поволжья. О популярности национального героя башкир в русских селениях Среднего Урала приводятся сведения в работе В.П. Кругляшовой о топонимических преданиях «Салаваткина пещера», «Салаваткины окопы», «Салаваткина поляна», «Салаватов ключ» *[Кругляшова,* 1974. Вып. 1. С. 225; *Кругляшова,* 1975. Т. XV. С. 121]. На Урале известны предания о внешности Салавата («Салават здоровенный был, двадцать два пуда с половиной тянул. Поставной такой, белорусый, красивый»), о его вооружении («Лучок-то у него большой, тяжелый, а шнурок такой, что нам десятерым не натянуть, а он справлялся»). Бытует и варьируется сюжет «Пугачев и Салават вместе воевали». Характеризуя предания о башкирском батыре, исследовательница пишет: «Действия Салавата Юлаева осмысливаются в преданиях в том же социальном аспекте, что и действия Пугачева ... Салават бедных не трогал, нападал на богатых. С ними боролся» *[Кругляшова,* 1975. Т. XV. С. 124-125]. Предания, записанные среди русского населения, созвучны рассказам, бытующим среди башкир. Сведения о популярности Салавата не только в фольклоре Башкортостана, но и в соседних с нею областях имеются также в работах Л.Г. Барага *[Бараг,* 1965. С. 231-252], В.В. Сидорова *[Сидоров,* 1986; *Сидоров,* 2004]. «Ряд русских преданий возводит Салавата Юлаева в ранг эпических героев. В бытующих и поныне русских преданиях о Салавате Юлаеве выражена любовь к бесстрашному

батыру» [*Салават*... 2004. С. 383—384]. Предания о Салавате Юлаеве вошли в хрестоматию, посвященную прозаическим жанрам русского фольклора *[Прозаические*... 1977. С. 210—211], включены в научный свод «Татарское народное творчество» (песни, байты, предания) *[Татарское*... 1987. С. 73-74].

Следует отметить и следующее: исследования материалов башкирского исторического фольклора, в которых отражена тема восстаний, показали справедливость положений ученых-историков о том, что ни одно из башкирских восстаний XVII-XVIII в. не было направлено против русского или какого-либо другого народа. Они были подняты против политики властей, носили национально-освободительный характер *[Акманов,* 1987. С. 45, 50-51; *Акманов,* 1993].

Рис. 55. Обряд проводов на службу. Дни Салавата Юлаева в Салаватском районе РБ. Фото А. Витковской. 2005

ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР БАШКИРСКОГО НАРОДА

Башкирский обряд *(йола)* - народный закон и пранорма жизнедеятельности общества является универсальным фондом знаний по истории, культуре, языку, народной медицине, этнопедагогике и хозяйственно-бытовом укладе народа. Йола обнаруживает функциональную, смысловую общность и типологию с обрядами тюркоязычньгх, славянских, финно-угорских народов. Семантическое и функциональное поле йола гораздо шире и разнообразнее, чем у собственно обряда. Этносемантика слова восходит к пратюркским традициям безукоризненного следования законам *[Латыпов,* 1999. С. 162] и означает нормы жизневедения в целом *[Инан,* 1998. С. 185].

Историзм в характеристике обрядового фольклора предполагает метод ретроспективы на древность от момента их фиксации или отражения в том или ином жанре народного творчества. К примеру, с принятием ислама сохраняются ритуалы поклонения журавлям, духам гор, рек, лесов, из комплекса погребальных обрядов не выпадают элементы языческой сакрализации земной почвы, поклонения духам предков и т. д. Обрядовый фольклор XVII-XVIII вв., а также эпос, сказки, предания, предполагают его наличие в более раннем периоде жизнедеятельности общества. По-скольку практическая и духовная жизнь йолы охватывает очень большие временные рамки.

Башкирская обрядовая культура представлена четырьмя основными видами: I. Сезонный, природоведческий (принято называть календарный); II. Семейно-бытовой (регламентирующий жизненные, половозрастные события); III. Хозяйственный, лечебно-магический; IV. Воспитательный, этикетный, нормативный. Сезонные и семейные обряды обозначаются словом *«туй»* (каргатуй, калымтуй, хабантуй (сабантуй) и т. д.) и проходят в форме массовых собраний, увеселений и празднеств. Истоки обрядов этимологически восходят к магии обильной пищи и коллективных трапез *(«туй»* в переводе означает «насыщайся») как основных компонентов природоведческих обрядов, первичных по отношению к семейно-бытовым. Поэтому туй маркирует и праздник посева, и поминальные обряды, и колыбельную и брачную свадьбы, т. к. «первоначально был общенародным календарным праздником в честь природы» *[Бикбулатов, Фатыхова,* 1991. С. 85].

В основу различения сезонных обрядов легли многовековые фенологические (день, ночь, месяц, год), метеорологические (дождь, снег, лед), хозяйственно-бытовые знания и наблюдения народа. Понятия о времени создавались на основе конкретных хозяйственных забот и инструментариев (солнце поднялось на длину пики, «громкий крик ворон - начало года пришло» и т. д.), а разделение мужского и женского труда определяло названия различных месяцев: июнь мужчины называли месяцем ухаживания за пчелами, а женщины - месяц майай (месяц белого масла), подразумевая получение первых молочных продуктов. *[Башкирское*... 2010. Т. XII. С. 25-28].

«Вороний праздник» *(«Каргатуй»* — у северо-восточных, *«Карга буткаһы»* - у юго-восточных башкир) знаменовал наступление весны, нового жизненного цикла. Освобождение земли от снега (по верованиям народа - от савана) и громкий крик вороньей стаи воспринимались как знак пробуждения природы и начало нового года: на холмистой

местности собирались празднично одетые женщины, девушки с необходимой для праздника утварью*. Перед началом обряда дети ходили по домам, собирая подарки, яйца, и, подражая птицам, взмахивали руками, громко скандировали: «Кар! Кар! Кар!» Каноничны правила обряда: участие только женщин, подворный сбор зерна, яиц, специальная одежда ведущей, приготовление каши и «угощение» ворон, обязательное исполнение кругового танца *[Руденко,* 1955. С. 114], раскачивания на качелях *[Нагаева,* 1981. С. 59]. Обряд сохранял элементы синкретичного единства различных культов: ворона («башкиры обращались к ворону с просьбой даровать им дождь» *[Лепехин,* 1802. С. 116]), деревьев, земли (развешивают на деревья бусы, лоскутки, яркие ткани и загадывают желания). Истоки не исчезнувшего в XIX в. обряда согласуются с зороастрийскими «наземными погребениями и сако-массагетскими «каргас-той» (праздник грифов)» *[Юсупов,* 2008. С. 324], в архаичной практике включавших человеческие «жертвоприношения самому покровителю племени» *[Гуревич,* 1990. С. 76-79].

В дальнейшей эволюции жертвоприношение ворону заменяет конь или другое животное *[Нагаева,* 1981. С. 58], а с укреплением исламских традиций ворона «умилостивляется» собранной подворно пищей, зерном и приготовлением ритуальной каши, прочно вошедшей в атрибутику с традиционным названием обряда - «карга буткахы». В XVII-XVIII вв. жертвоприношение коня ворону еще сохраняется, также акцентируется адресованность каши птицам. Обряд в дальнейшем приобретает традиции культа умирающей и воскрешающей природы, обожествления гор, женского начала. По выводам исследователей «ритуальное почитание вороны как персонифицированного вестника пробуждения Природы и прихода нового времени соблюдается на протяжении веков» *[Руденко,* 1925. Т. XLIII. Вып. 2. С. 277]. Идею живительной возрождающейся природы маркируют традиции обливания водой, привнесенные в каргатуй позже. Сращение каргатуй с обрядом вызывания дождя — результат изменений в хозяйственно-экономической жизни и «активного процесса исламизации, упрочившейся раньше на западе Башкирии, чем на востоке» *[Нагаева,* 1981. С. 15].

Весенний обряд нового года - Навруз обнаруживает идейно-функциональные параллели с каргатуй, однако ареалы его распространения охватывали в основном юго-восточные части Башкортостана. Утверждение Навруза в башкирской среде относится к XIV—XVI вв. и связано с влиянием ислама и культуры восточных племен: прослеживаются индоиранские, среднеазиатские традиции, по которым со времени весеннего равноденствия начинался солярный Новый год - Ноуруз (означает «новое солнце») *[Кузьмина,* 1976. С. 68-69]. Известно, что ираноязычные племена обитали в долинах р. Яик (Урал) в VII в. до н. э. *[Башкортостан...* 1996. С. 427]. Башкирский праздник, посвященный весеннему равноденствию (с 23 по 28 марта), продолжался месяц: в домах устраивались обильные угощения, молодежь ходила по дворам за получением благословения *(фатиха)* стариков, шакирды читали свои баиты, в которых говорилось о событиях, случившихся в деревне за год. Готовили обрядовые блюда - отварное мясо, супы (позднее становится традиционной каша, сваренная из размолотой в ступе пшеницы). Произносились хвалебные слова культовой обрядовой пище, соблюдалось правило всеобщего угощения и произнесения благопожеланий году: «Навруз — году голова, пшеница - еды голова. Кто восславит зерно, тот сам будет благополучен!» *[Башкирское...* 1995. Т. I. С. 191].

Башкиры медленно осваивали новый тип хозяйствования - земледелие. Обширные земли, благодатные пастбища давали «возможность содержать многочисленные стада и потому для себя большой нужды в земледелии не имеющие башкиры» *[Рычков,* 1767а. Т. VII. С. 8] «питали такое отвращение к земледелию, что готовы лучше умереть с голоду, чем принудить себя взять соху в руки» *[Черемшанский,* 1859. С. 148]. Переход от полукочевого скотоводства к земледельчеству, утверждение аграрных традиций занимает большой исторический период. На этом фоне и формировалась обрядовая земледельческая культура, соединяющая различные в стадиальном отношении реалии и традиции: культ земли, пространства, зерна и защитных сил этноса. В посевной практике в течение многих веков были устойчивы элементы языческого почитания живой матери-Земли *(Ер-Әсә):* катание по первой борозде яиц, произнесение просительно-умилостивительных молений сакрально чистой, неприкосновенной земле и плугу и т. д. В хабантуй привносятся и характерные религиозные компоненты: «По окончании рыцарства вся деревня идет в мечеть, «на молитву» и просят бога урожая хлеба» *[Лепехин,* 1772. Ч. 2. С. 26], «вся деревня съезжается на свои

* Культ ворона, представителя хтонического мира, вестника судьбы или смерти, известный и сибирским, и тюрко-монгольским народам *[Алексеев,* 1980. С. 99-100; *Караева,* 1961. С. 40-41], лег в основу обряда «каргатуй», определив идейные, структурные его особенности.

пашни, слушают приносимое муллою моление о плодотворной земле и изобилии в траве» [*Георги*, 1776. Ч. 2. С. 103].

Ареальными различиями в стиле хозяйствования корректируются способы и сроки проведения праздника, а основной сценарий остается неизменным. Возникший в глубокой древности хабантуй санкционирует приветствие и призывание новых жизненных сил в момент входа человека в следующий виток времени, в котором участвуют родовые культы духа победы, земной почвы, зерна, также идеи умилостивления Природы, Иль - страны в лице женщины, усиления защитной деятельности батыров. Функциональны разбрасывание яиц в первую пашю, обливание водой, комичные игры, силовые состязания как стимулирующие мужское начало и магию плодородия действа.

Хронологию и структуру крупных сезонных праздников связывает множество обрядов, посвященных циклическим состояниям природы. Праздник «кукушкин чай» *(кәкүк сәйе)*, восходящий к культу птицы, проводился в середине мая во время первого зова кукушки и бурного цветения трав. Женщины собирались в поле, угощались принесенной едой, заводили игры, коллективные хороводы. Уходя с поля, остатками пищи угощали птиц, кликая их, произносили благопожелания; по поведению птиц примечали характер будущего года.

Во время летнего нардугана (с 25 июня по 30 июня) устраивались кысыр калын — летние мужские собрания и празднества. Весенне-летние равноденствия обозначены проведением на святых местах или возле могил поминовений духов знатных предков *(ололар аяты)*, сопровождаемых силовыми состязаниями, обильной трапезой, жертвоприношениями (обряд, имеющий аналогии в тюркской, индо-иранской традициях, восходит к культу предков, а в процессе эволюции наполняется исламскими мотивами). Поклонческие обряды во благо Земли-Воды *(Ер-һыу)*, духов умерших, также языческого характера заклички дождя, солнца, ветра сопровождались религиозными молитвословиями, чтением намазов. В изучаемый период отмечается сохранение поклонений небесному Тэнгри - божеству мужского начала, когда совершались «жертвоприношения коня в складчину, увеселения, состязания, скачки, борьба курэш» [*Бикбулатов, Фатыхова*, 1991. С. 67-68].

Процесс включения человека в циклически знаковые движения Природы маркируют специальные ритуальные действа. Так, встречи солнца (дня), новой луны, первого грома, радуги, первых листьев, первого весеннего дождя, также прилет птиц, сбор первых трав, распитие первого кумыса - это санкционированные йола, которые обнаруживают аналогии с общетюркскими *[Уахатов*, 1991. С. 220], русскими сезонными традициями *[Полная...* 1998. Т. I. С. 33-55, 247].

Осеннее празднество - сумбуля; под этим названием оно не зафиксировано в работах исследователей XVIII в. Однако оно имело широкое распространение в народе, как *әбейҙәр сыуағы* (досл.: «свет, тепло бабушек»), и было приурочено к осеннему равноденствию. Позднее сюда вносится мотив приветствия сбора первого урожая. Праздник, в названии восходящий к шумерскому «шумбуля» (желтый колос), соотносится с древнетюркскими, среднеазиатскими *[Негмати*, 1989. С. 78—79], древнеиранскими традициями поклонения Солнцу - митраизмом *[Кузнецов*, 2001. С. 119-121], в дальнейшем ставшими празднествами урожая *[Камалиева*, 2009. С. 285]. Известно, что еще Геродот отмечал солнцепоклонство башкир *[Геродот*, 1999. С. 94].

Праздник «Черное солнце» *(«кара кон»)* или зимний Нардуган обнаруживает функциональные, идейные параллели со славянскими, индо-европейскими традициями зимних празднеств карачун. Зимний нардуган знаменовал зимнее солнцестояние и праздновался с 22 по 25 декабря, маркируя переход к новому временному циклу. В древности он назывался *ҡара кон* — «черный день», подразумевая холод, временную смерть природы. Все хозяйственные работы: забой скота, привоз сена с полей, - старались завершить до «черного дня». Считалось, что в этот период свирепствуют злые силы и Солнце бессильно. Проводились подворные собирания угощений, произнесение благопожеланий, гадания, девичьи игры в уединенных домах. Рассказывания сказок, эпических произведений о батырах в эти вечера имели цели помощи природе - матери, «обессиленной» в этот период.

Многолюдные майданы имели социально-общественные, сплачивающие межродовые отношения функции. *Йыйын* (от слова «собираться») отражал идеи культа *Ер-һыу* (Земли-Воды) и обязанности охраны священного места обитания. Это значение акцентируется в сакрализации пространства йыйына - очерчивании земли. Несколько всадников объезжают поле по кругу, прикрепив к седлу привязанный другим концом к бревну аркан. След от бревна (позже прокладывали борозду) обладал обережными свойствами. Обычаи объезда или опахивания земли вокруг деревни во время эпидемий, очерчивание пространства вкруговую для защиты от змей, воздвижение каменных сооружений — *комарткы (караекы)* на вершинах гор и хол-

мов - все это обнаруживает идейно-функциональные параллели с действом, проводящим идею защиты и обеспечения неприкосновенности освоенной священной территории. Йыйын представляет важную составляющую часть культуры башкирского йолы в его синкретной сути и полифункциональности. Отсюда как правовые, управленческие, так и нормативные (обрядовые) и санкционирующие события функции йыйына. Вопросы кочевок, землепользования, войны, избрания биев — глав рода, клятвоприношения о верности родов решались на йыйынах, практиковавшихся и в доисламскую эпоху. [*Башкирское...* 1995. Т. I. С. 207; *Нефедов*, 19916. Т. II. С. 131].

Устойчивость функционального замысла, форм проведения, структуры, правил и атрибутики, также масштабность и отработанность действ, соблюдаемых в неизменности много веков, проецируют значение йыйына как высшего демократического органа консолидации родов, власти и управления родами. В исторических хрониках запечатлена значимость народных собраний, устраиваемых перед важными событиями: «Йыйын на горе Янузак (ныне Стерлитамакский район РБ) собрал народы из долин рек Тук, Соран, Иргиз, Ашкадар» *[Башкирское...* 1995. Т. I. С. 229]; «27 июня 1709 года возле озера Ыргызак Каип хан собрал всех беев и их войска, также башкир Нугайской, Казанской, Сибирской дорог и провел большой йыйынтуй» *[Валиди*, 2005. С. 92].

Йыйын сформировался еще в глубине веков как орган сплочения племен и развития боевого духа народа, также — совершенствования культуры. Особенности борцовского, певческого, танцевального, словесного искусств и судейских (правовых) норм обнаруживают общность йыйына с ведийскими medha: майдан. Мастера-башкиры благословляли, утверждали идеи сплочения и культ победы на майдане. На этих традициях укреплялась школа народного искусства и воспитания лучших представителей культуры. Так, на йыйыне Тамьян-Катайского рода действовали строгие требования по выявлению настоящих мастеров: певец, дошедший до третьей ступени состязаний, «должен знать историю песен и спеть две новые песни по заданию судей, а голос его должен быть слышен на 5 верст, звуки мелодий кураиста - на 10 верст по ветру...» *[Башкирское...* 2010. Т. XII. С. 217—218].

Могучий орган самоуправления и сплачивания межродовых уз, институт духовного воспроизводства и приобретения ментальных сил, йыйын вызывал серьезные опасения у царских властей, ищущих способы подавления и ограничения волевых действий непокорного, гордого народа. Сужение функций йыйын, а затем и его запрет привели к превалированию в них с течением времени увеселительного, состязательного компонентов. Йыйын пережил различные модификации и, сливаясь с хабантуй, способствовал развитию народного творчества, этнической культуры. Указ о запрещении йыйынов был сообщен кантонным начальникам 17 ноября 1831 г. «Йыйын, собирающий тысячи башкир, татар, тептярей, рассматривался как недопустимые собрания многонационального населения края, не совместимые с регламентом военно-феодального режима» *[История...* 2004. Т. I. С. 315; *ЦИА РБ*. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 5059. Л. 1; Д. 7379. Л. 27]. Введенное в 1798 г. кантонное управление оказало подавляющее умонастроения влияние, а запрещение йыйын в этой связи вселило неуверенность, разрозненность массам.

Зимний временной цикл у башкир отличался умеренной обрядностью. Воспринимаемый как циклический сон духов-покровителей и переходный период от старого к новому, «зимний цикл считался временной смертью природы» *[Традиционное...* 1988. С. 53; *Дьяконова*, 2001. С. 174-175]. Время, опасное и тревожное, призывало строго взвешенного поведения: для того, чтобы защитить себя от вредоносных сил, злых духов, читали сказки, исполняли героические песни, слушали сказания мастеров-сэсэнов. Проходившие в длинные зимние вечера рукодельные работы: вязание, ткачество, вышивание — имеют мифоритуальную идею и символику подготовки к сотворению нового мира. Существовал строгий запрет на участие в зимних обрядах детей как еще неопределенных в своем статусе лиц рода (аналогии с древнетюркскими традициями). Праздничные обряды зимнего солнцестояния Нардуган продолжались в течение двух-трех недель, проводились игрища, молодежные увеселения, гадания в «аулак» — домах, где отсутствовали родители. Молодежь водила хороводы, устраивала силовые состязания на снегу. Борьба, бега, обильные коллективные трапезы предваряли желания побед, весеннего пробуждения и обновления жизни.

Множество ритуальных действ обнаруживают следы древних мифологических, космогонических воззрений, в обрядовой практике сохраняемых вплоть до XIX в. Первый гром воспринимался как знак пробуждения от сна живущего на небе великого Тэнгри. В нормах исполнения обряда встречи грома *Кук килеу* («приход Неба») воспроизводится миф о чудесном небесном коне, олицетворяющем живое Небо и колесницу духа Неба: так, встречая

первый гром, бренчали и трясли уздечками, ударяли о землю арканом (корок) и, обходя дом, юрту или летний аласык, громко скандировали: «Курэйт, Небо!», «Курэйт, Небо!» - «Земле дай, мне дай!», «Птицам дай (благ)!» В действиях отчетливы мотивы приручения божественного коня, на котором, по представлениям древних, разъезжает бог Неба - Тэнгри. Заклинания, заговоры природоведческого фольклора — сакральные тексты, за много столетий сохранившие реалии не столько языческого примитивизма, сколько представляющие первородные экологические нормы и опыт разумного поведения человека в живой Природе.

Обрядовую культуру XVI-XVIII вв. характеризует сочетание традиционных верований, культовых представлений с народной религией, с исламом. Так, по окончании посевных работ обливают друг друга водой, произносят моления Земле, а затем в мечети совершают молитвословия; во время восхождения на святую гору становятся на колени и так идут 40 сажень (архаичный жест коленопреклонения), поднявшись, читают намаз; набирая воду, приговаривают: «Во имя Аллаха и его воли, о Тэнгри воды, дай мою долю!», во время посева обращались к земной почве: «Тэнгри Земли! Дай нам урожая, дай благодати!»

Башкир всегда отличал боевой дух, готовность самоотверженно защищать родину и родные земли. Основную атрибутику обрядов боевого назначения составляли клич (оран), заговоры оружия, стрел: «Костяной лук, если сломаешься — тебе стыдно будет, шелковая тетива, коль порвешься — тебе стыдно будет!» [*Башкирское...* 2010. Т. XII. С. 259] - и клятвоприношение *(ант).* Перед началом сражения воины совершали обряд *олоу* — завывание волка: рассаживались вкруговую и начинали выть, вначале «вожак», затем к нему присоединялись все остальные. В результате возникал страшный громкий вой, заставляющий трепетать противника. Действо, в истоках восходящее к культовому почитанию священного волка, направлено для устрашения врагов, приобретения сил и укрепления воли (подражание тотему означало уподобляться ему) перед схваткой.

Словесно-мелосные жанры обрядотворчества запечатлели особенности этносознания человека, эмоционально и практически не отделяющего себя от мира природы. В обращениях к стихиям, небесным светилам, воде, огню, небу, земле действует волевой, договорной и одновременно умилостивительный посыл, разумный практицизм, вера и магия. Поэтико-стилевые нормы фольклорного творчества отражают мировоззрение башкира

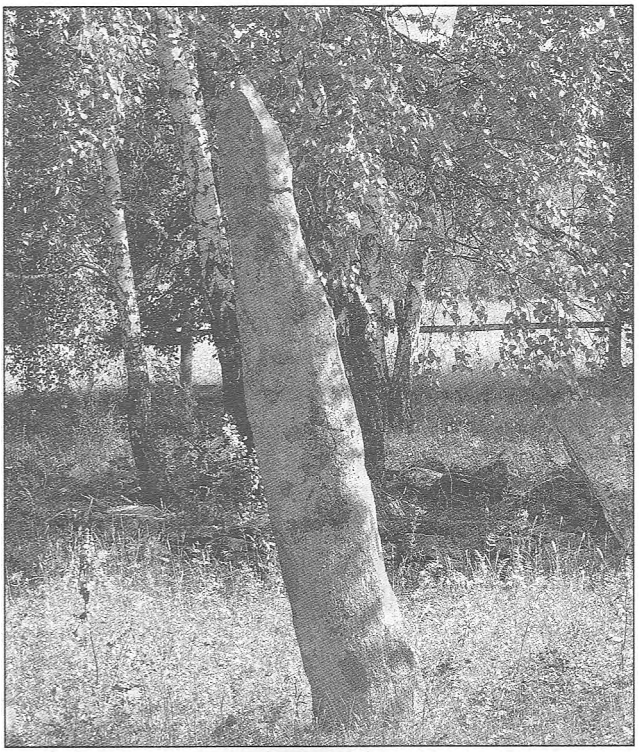

Рис. 56. Древние надгробные камни в Учалинском районе РБ. Фото Ф.Ф. Гайсиной.2010

XVI-XVIII вв., в сознании которого органично соединились стадиально различные вероучения: ислам и народное природопоклонничество, неразделение своего мира и мира внешнего. В фольклоре запечатлелись мотивы языческих обрядов жертвоприношений, бытовавших вплоть до начала XVIII в., а после приобретших исламскую символику. В закличках дождя, солнца, радуги, грома сохранилась память о культе Солнца, которому башкиры «посвящали жертвоприношение и взамен ожидали благостей» [*Георги*, 1776. Ч. 2. С. 102], созывали светило: «Тетя Солнце, выйди, выйди. Жирного барана зарежу. Голову тебе положу»; «Собачье солнце, уйди! Уйди! Ложки масляной нет тебе!» *Эт ҡояшы* («собачье солнце, холодное солнце») олицетворяло в представлениях народа Солнце, светящее с ноября по февраль, указуя на время кормления мясом собак во время зимнего забоя. Оно воспринималось как черное солнце *«ҡара ҡояш, ҡара кон»* (карачун в славянских праздниках). С течением времени в народной этимологии «собачье солнце» начинает означать тень, в которой любит лежать собака.

«Лей, лей дождь, лей, лей! Будем мы здоровы, все! Поля будут плодородны!» — кликали дождь, веруя в живой дух водной стихии, использовали магию камня «яда», черного котла, опрокинутого в воду, череп коня и т. д. Сакрализованный фольклор отразил синкретичную взаимосвязь политеистиче-

ских и монотеистических представлений и в земледельческой, и в лечебной, и в хозяйственно-бытовой обрядовой культуре. Действуют мотивы слияния дотенгрианских («Тэнгри земли, помоги!»), исламских («только по повелению Аллаха может быть урожай») вероучений. Синтез рационального (разумного), доверительного и поклонческого отношений к окружающей живой природе, отображенный в обрядовом фольклоре, проявляет облик опытного и благодарного ученика и хозяина, рачительного труженика природы.

Многофункционален обрядовый фольклор продуцирующей магии: это созывы и угощения гостей перед сезонными работами, обряды, призванные сохранить плодовитость скота *(тул алыу)*, стимулировать супружеские отношения (выход в поле — *хозурға сығыу)*, бытовали обращения к живой плодоносящей силе Земли: «Земля! Земля! Силы дай! — Одно дай! Втройне дай!», «Худой кляче силы дай! (верни)» и т. д. Магия слова (согласно которой сказанное уже обеспечивает желаемое (сделанное) в единстве с древними верованиями и рациональным опытом обеспечивала консерватизм текстов заговоров, закличек обрядового фольклора, обнаруживая тем самым их многовековое бытование.

Обряд, выполняя функции закона, предусматривал жесткую обязательность соблюдения неписаных норм, передаваемых в своей каноничности, традиционности ритуальных практик. После посевных работ запрещалось шуметь, ссориться дома или в поле, без нужды раскапывать землю, рубить деревья. Нарушителей, как «призывающих роду беду», наказывали по строгим предписаниям *иола*. Во время эпизоотий добывали чистый огонь - *сығыр уты** для очищения мест и лечения скотины *[Лепехин*, 1802. С. 132; *Руденко*, 1925. Т. XLIII. Вып. 2. С. 313].

Обряды поминовений и умилостивлений духов *авлия* - святых покровителей, относящиеся к культу предков, «к домусульманской эпохе» *[Малкондуев*, 1985. С. 120], имели устойчивые традиции у башкир в XVI-XVIII вв.

Семейно-бытовой обрядовый фольклор XVI-XVIII вв. представляет сложный мифоритуальный комплекс фетишистских, тотемистических, анимистических и др. верований и функциональных действ, направленных на стимулирование жизни новой ячейки рода, гармонизации человеческих, межродовых отношений. Описания русских ученых XVIII в. позволяют расширить хронологические рамки бытования обрядов с проекцией на древность, т. к. по природе своей этот вид народных знаний в своих основных компонентах консервативен к изменениям.

Родовое сообщество издревле проявляло заботу о здоровом и сильном поколении. В выработанных за много веков правилах и нормах по уходу за ребенком сосредоточены наиболее гарантийные способы охраны и воспроизводства сил: существовали строгие предписания для беременной женщины (не смотреть на рубку деревьев, забивание скота, на покойника и т. д.) и действа обережения (на колыбель вешали медвежьи, волчьи когти, хранили плаценту, обязательно давали пеленочное имя и т. д.) и усиления потенций ребенка (силовые, беговые упражнения, напевные благопожелания и т. д.).

Фольклор приобретения ребенка характеризует совмещение шаманистских представлений: тяжелые схватки связывали с кознями нечистых сил и потому прибегали к помощи «заклинателей, чародеев для изгнания бесов», полагая, что роды происходят от «игры бесов» и схватки у роженицы вызываются проникновением в нее нечистого духа *[Никольский*, 1899. С. 122]. Воспитание ребенка шло под строгим присмотром родителей, а уход за ним обусловливался особенностями полукочевой жизни: «...колыбель из березовой коры улаживают наподобие челна или лодки, укрепляя оную по краям таловым прутьем» так, что «башкирка, едучи верхом, покойно может вести и кормить грудью младенца» *[Лепехин*, 1772. Ч. 2. С. 154]. Принципы воспитания дифференцировались: мальчиков учили «стрелянию из луков и конской езде», а девочек «управлениям в скотоводстве и домашних поделках» *[Там же.* С. 154].

Циклы жизни человека, как и жизни Природы, санкционировались специальными обрядами. Половозрастной обрядовый фольклор характеризует синкретичное единство охранительных, производительных и посвятительных мер («Будь здоровым, сильным. Пусть обойдет тебя беда!»). Обширный фольклорный репертуар отличает функционально-обрядовая соотносимость и тематичность. Благопожелания, напевные заклинания произносились во время поэтапных социализаций: это «на зубок» *(теш туйлау)*, первое усаживание на коня, первые шаги, первое обережное имя и т. д. Антропонимический фольклор различает понятийность и семантическая связанность. В целях укрепления здоровья, например, давали имя Тимербай («тимер» — железо, «бай» - богатый), Беркутбай (Беркут - хищ-

* *Сығыр уты* — культовый, сакрально чистый огонь, который получали трением сухих бревен друг о друга.

ная птица и богатство), а для остановки деторождения - имя Туктабай («остановись» и «богатый»).

Обряд обрезания (суннаттуй) имел значение приобщения к мужскому роду (статусу), т. е. инициационную символику, отсюда его доисламские корни, издревле известные у народов Меланезии, Мадагаскара, Австралии как обряд посвящения *[Азаров,* 1992. С. 101J. В башкирской среде соблюдались строгие его правила: обрезыватель должен быть не моложе 25, но не старше 50 лет, мальчика обрезали в возрасте года или двух *[Никольский,* 1899. С. 110], в возрасте 5 *[Лепехин,* 1772. Ч. 2. С. 184], иногда десяти лет *[Попов,* 1813. Ч. 3. С. 23]*.

Многие акты магического лечения связаны с верой в злых духов и знаниями о сверхъестественных силах: так, для избавления от болезней ребенка «пропекали» в печи, кричали имя в печную трубу; при частой смертности дитя «продавали» через окно родителям за определенные приношения. Для исцеления от сильного испуга отливали «кут» (*ҡот* - жизненная сила), растопив свинец на огне, и призывали ушедшую силу: «Корайт, Корайт, Корайт, мой кут! Приди, мой кут! С верховьев речки приди! С заката солнца приди!» *[Руденко,* 1955. С. 325], обращались к духам, покровителям рода: «Отец Кармкут, ты исцели!» *[Салтыков,* 1974. С. 261].

Обряд сговора детей с колыбели бытовал издревле, вплоть до XIX в. *[Бикбулатов, Фатыхова,* 1991. С. 9] и включал ритуалы соглашения родителей, закрепление сватовства совместным питьем кумыса и имянаречение *[Башкирское...* 2010. Т. XII. С. 349-350]. По исполнении 12-14 лет проводились обряды укуса уха *[НА УНЦРАН.* Ф. 3. Оп. 12. Д. 200. Л. 200; *Бурангулов,* 1995. С. 220-223] и вдевания сережек, которые акцентировали принадлежность нареченных друг другу детей. Во время свадьбы серег исполнялись песни, танцы, произносились благопожелания (теляк), наставления (насихаты) молодым.

Брачная свадьба *(ҡалым туй)* в XVI—XVIII в. представляла традиционную трехступенчатую композицию: предсвадебные обряды (сговор, заручины — обмен полотенцами, туй совета — кэнэштуй, привоз подарочного скота — калым малы), собственно свадебные *(туй ашы* — угощения, хождения по домам - хаба йыйыу, раздача йыуаса - обрядового угощения, песенные состязания сватов, причитания и проводы невесты, потасовки между женщинами и девушками т. д.) и послесвадебные обряды (встреча невестки в доме жениха, хождение ее за водой — *һыу юлы,* обмены дарами, продажа нагрудников и т. д.). По времени и месту проведения свадьба разделялась на две части: калымтуй (на стороне невесты) и калынтуй (на стороне жениха). На обоих торжествах приглашенные на свадьбу участвуют в пении, пляске, борьбе, скачках на лошадях *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 101]. После выплаты калыма жених получает «совершенную власть над невестою своей» *[Лепехин,* 1772. Ч. 2. С. 152]. Брак, строго регулируемый экзогамными ограничениями, бытовал в XVI в. и «сохранялся вплоть до XVIII-XIX в.» *[Асфандияров,* 1989. С. 29]. Молитву читал мулла. Официальный обряд бракосочетания заканчивался символичным подарком муллы, который дарил жениху стрелу и говорил: «Будь храбр, содержи и защищай свою жену!» *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 101]**.

Свадебно-обрядовый фольклор XVI—XVIII вв. ярко запечатлел мотивы противостояния и состязания родов, восходящих к переходным от матрилинейных к патрилинейным традициям (далее они формировались как развлекательные, увеселительные обрядовые реалии). Таковы потасовки за головные уборы, за «кут» - благополучие, драчки за невесту, споры из-за вещей молодой между женщинами *[Там же.* С. 106], борьба за такию *[РГАЛИ.* Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2913. Л. 9-10] и т. д. Они сохранили следы полигамии и переходные от матрилокального к патрилокальному браку мотивы, бытовали «в более отдаленном прошлом, также в начале XIX в. и ранее» *[Бикбулатов, Фатыхова,* 1991. С. 62].

Изменение семейного и общественного статуса женщины закреплял *никах.* Никах - мусульманский религиозный акт официального санкционирования брачного союза перед лицом общества в XVI-XVIII в. прочно утвердился в свадебной культуре башкир как большое празднество — *никахтуй.* Относительно свободное варьирование его (в доме жениха, невесты или до свадьбы переезда — *ҡыҙ күсеү)* связано с различиями в определениях брачного возраста и со сроками выплаты калыма *[Там же.* С. 27]. Сговор сторон в *никах* закреплялся распитием медового напитка или кумыса из одной чаши (народные обычаи), и соблюдались строгие каноны ислама: правильное произношение на арабском

* Совершив молитву, обрезали ножом, пользуясь деревянным зажимом, затем рану обсыпали порошком из гнилушек или золою из соломы, никакой повязки не делали. Порошок образовывал сухой струп с кровью и отваливался [*Никольский,* 1899. С. 110]. Посвятительное значение обряда доносят приговоры, произносимые при обрезании: «Был неверующим, стал мусульманином! Был жеребенком — стал конем!» *[Султангареева,* 2006а. С. 103].

** Стрела — символ мужества, сексуальной и половой магии в международном фольклоре (при отсутствии в доме мужа жена клала в постель стрелу).

языке формулы бракосочетания и имен, согласие совершеннолетних молодых людей *[Керимов,* 1978. С. 92-93].

Собственно *туй* продолжался в течение нескольких дней, вначале на стороне невесты *(ҡалым-туй),* затем жениха *(ҡалын туй).* Привоз свадебного скота *(мал алыу туйы),* угощение сватов в доме отца невесты *(туй алыу),* хождение гостей по домам родственников невесты, ночное подворное собирание угощений на третий день свадьбы *(һаба йыйыу),* угощение обрядовым блюдом - *йыуаса,* раздача *йыртыш* - лоскутов ткани, прятание и поиски девушки перед брачной ночью, проводы — выпроваживание гостей кнутом из дома *(сыбырткылау)* составляют традиционную структуру и хронологию *ҡалым туй.* Порядок свадьбы и обряды имели локальные родовые различия, особенности в отправлении эпизодов при сохранении универсалий и общности содержания брачных празднеств.

Обряд проводов невесты с исполнением причитаний *(сеңлəү)* - центральный; он сконцентрировал основной замысел свадебных церемоний: прощальное оплакивание девичества как условие социальной смерти невесты и акт перехода члена рода в другой* *[Султангареева,* 20066. С. 157-158]. Обряд имел коллективно-родовое, общественное значение *[Зеленин,* 1908. С. 87] и санкционировал участие всего рода: «вся стоянка и невеста ходит из юрты в юрту, прощается с подругами, родными» *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 101] и охранительные особенности обряда ритуального голошения *[Юлуев,* 1885. С. 28].

За многие столетия развития башкирское свадебное творчество сформировалось как сложная полифункциональная и многожанрово оформленная система, запечатлевшая древние артефакты, свойственные также эпохе XVI—XVIII в. Это приручение счастья — кут (конные скачки, состязания за благо), рудименты человеческих жертвоприношений божествам (покрывания и ритуальное обозначение невесты, «украшение» платками, лоскутками, также оплакивание ухода невесты и причитания — сенляу, проводы), действа магии первобытного эротизма (поиски, погоня за невестой и одаривание за брачное ложе, преподнесение жениху стрелы, масла, медового напитка молодым после брачной молитвы — никаха, соединение рук молодых перед соитием и т. д.), обряды общения-приобщения сторон (хождения, обмены дарами).

Свадебный обряд, сохраняя в XVI—XVIII вв. природо-человекопоклоническую семантику, а также родовые, локальные различия, мотивы укрепления межродовых отношений, представлял самую прочную систему жизневедения в башкирском обществе. Выплата калыма регулировала время проводов невесты в другой род. Санкционировалось правовое значение обрядов, скрепляющих союз сторон: это привоз скота «калым малы», «туйлык», обмены полотенцами. Проводилась идея умилостивления духов предков (обряды обмазывания лиц сажей, ряжений во время ночного подворного собирания гостинцев — *һаба йыйыу),* малой свадьбы совета в доме невесты и т. д.

Обряд калын (калын туй, каршы туй) был свойствен почти всем родовым группам и как повторение свадьбы на стороне жениха закреплял идеи общения-приобщения родов: устраивались продажа нагрудников, отнятие и «продажа» хозяевам их головных уборов, одаривание гостей, хождение невесты за водой и жертвоприношения духу воды, подворное хождение и собирание угощений, раздача обрядовых подарков от имени невесты, чаепитие из принесенной невестой воды** и т. д. *[Юлуев,* 1892. С. 21; *Давлетшин,* 1927. С. 63-65].

Институт временного возвращения невесты домой - *түркен* (традиционный в тюрко-монгольском той обычай) как часть экзогамного брака сохранялся и в XVII—XIX вв. Калын туй, проводимый в доме жениха, связан с получением выкупа скота за девушку. Экономическая, социальная природа калым туй поддерживалась строгим соблюдением обрядовых предписаний калын туй, закрепляющим отношения брачующихся сторон. Эта свадьба замыкала цикл брачных торжеств, символизируя завершение создания нового мира.

Обрядовые традиции левирата (женитьба на вдове брата) и сорората (женитьба на сестре умершей жены), также усыновления в целях недопущения сиротства в роду *(уллыҡҡа алыу),* устойчивые нормативы многоженства позволяли сохранять экономическую и морально-психологическую ситуацию в период восстаний, боевых действий, серьезно

* В сопровождении подруг невеста с закрытым лицом ходит по домам и исполняет прощальные плачевные песни, раздает полотенца собственного изготовления, а в ответ получает серебряные монеты.

** Обряд-церемония показа невесте водного источника - один из самых значительных в калынтуй. Истоки его связаны с родовым культовым почитанием и соблюдением неприкосновенности воды родной местности. Обряд проводит идеи сакрального значения хранительницы воды (процессию возглавляет старшая женщина рода или золовка-сестра жениха, которая несет коромысло с ведрами), мотивы жертвоприношения и умилостивления водного духа. Так, невеста «несет маленькую серебряную монету, привязанную к нитке, и бросает в воду, как бы в виде жертвы водяному духу; эту монету ребятишки достают из воды при шуме и драке» *[Юлуев,* 1892. С. 222].

пошатнувших демографическое состояние этноса в период XVI-XVIII вв.

В традиционном *погребальном* обрядовом фольклоре различается несколько стадий: 1) охрана покойника, 2) подготовка умершего к погребению, 3) проводы покойника, 4) погребение, 5) поминовение умершего [*Башкирское...* 1995. Т. I. С. 347-368]. Различия в проведении ритуалов связаны со временем захоронения, которое корректировалось жизненными обстоятельствами. Если смерть наступала поутру, то хоронили в тот же день не позднее полудня, а если на закате - на другой день [*Бикбулатов, Фатыхова,* 1991. С. 119]. Погребение в день смерти отражает представления башкир о том, что «от смерти до погребения — самое мучительное время для души» *[Никольский,* 1899. С. 111]. Идеи родовой солидарности и приобщения акцентируются в поминальном пиршестве, когда «всякий прихожий имел участие» и должен был наесться и оделял малых ребят. «Кто на пиршестве мало ест, того и за гостя не считают» *[Лепехин,* 1772. Ч. 2. С. 121-123]. Погребально-поминальные конные скачки, борьба батыров — курэш в честь духа умершего, проводимые в глубокой древности, сохранялись еще и в XIX в. Собиратель башкирской старины Петр Кудряшов в начале XIX в. зафиксировал погребальные обряды, когда «объявлялись скачки, игры, конские ристалища по умершему родственнику» *[РГАЛИ.* Ф. 1571. Оп. 1.Д. 2913. Л. 50].

Составной компонент погребальных обрядов - плачи, оплакивания умершего, свойственные традициям и тюрко-монгольских, и славянских народов, у башкир назывались хыктау. Они бытовали в обществе и по принятии ислама, несмотря на религиозные запреты. Причитание по смерти главы тамьянского рода Шагали Шакмана - одного из мудрых и зорких дипломатов, призвавших башкир к присоединению к Русскому государству — знаковый в типологии жанра пример. Одновременные выражения хвалы, искренней любви и безысходной тоски по утрате героя, покровителя рода характеризуют хыктау. Они показывают общие идейно-функциональные истоки происхождения кубаиров - эпических сказаний и погребальных причитаний - хыктау *[Султангареева,* 1998. С. 166-167].

Подобный белому кречету -
Отец наш, Шагали!
Ты был Солнцем в небе нашем,
Ты был Луною в небе нашем!
Почему ты нас покинул?!
Эй! Эй! Эй!*

[Башкирское... 1995. Т. I. С. 368].

Текст обнаруживает типологические сходства с погребальными оплакиваниями, бытовавшими у многих народов в прошлом *[Халилов,* 1985. С. 51—53; *Малкондуев,* 1985. С. 114—117; *Каташ,* 1984. С. 119—201], но в связи с запретами ислама к XVII—XVIII вв. выпавшими из обрядовой практики. Позднее, с проникновением ислама, в репертуаре погребального фольклора закрепляются мунаджаты, аяты, напевные молитвословия.

Архаичный способ проводов покойника, бытовавший в XVI—XVIII в., передает идею перехода в мир иной. «Перед процессией ехал верхом мулла, а за ним везли покойника. Он лежал на лубке и обшит был холстом. Лубок висел на двух веревочных петлях, соединенных поперечною веревкою, сквозь которою продет был шест, а концы оного лежали на передних седельных луках двух верхом рядом едущих Башкирцев, между коими покойник как в зыбке качался...» *[Лепехин,* 1772. Ч. 2. С. 35-36]. Поминки справлялись на 3-й, 7-й, 40-й день и через год. После погребения родственники отправлялись в дом умершего, где и справлялись поминки. Здесь мулла читал несколько молитв или главу из Алкорана *[Никольский,* 1899. С. 111].

Паломничества на кладбища *(зыярат, ҡәберстан)* составляли компонент поминальных обрядов, восходящих к культу предков. На территории Башкирии было «несколько десятков мест поклонения святым местам — *әулиә ҡәбере»,* среди которых известно и «святилище Ирдяшева озера, где башкиры собирались на коллективные моления в XVII в.» *[Юнусова,* 1999. С. 31-32]. Для получения благословения усопших перед возделыванием пашен совершали возле кладбищ поминальные молитвы *[Попов,* 1813. Ч. 3. С. 28], обращались к духам покровителей за помощью перед решающими событиями и т. д.

В погребально-обрядовом фольклоре XVI-XVIII в. четко прослеживаются утвердившиеся исламские каноны (вознесение молитв в хвалу Аллаха, обмывание, ряжение в саван) и древние языческие, тэнгрианские воззрения (оплакивание умершего, испрашивание у земли разрешения на рытье могилы, устраивание поминальной тризны, скачек, игр возле могил и т. д.).

Семейно-бытовой обрядовый фольклор XVI-XVIII в. запечатлел народные знания по социализа-

* Плачевый текст был записан Г.Б. Хусайновым в 1975 г. в Белорецком районе РБ.

ции индивида и сохранению его физических, духовных сил. *Йола* - правового уровня принципы, знания и жизневедческие нормативы, на основе которых формировались стойкий дух, идеалы и законы общества. Традиционно-обязательная приверженность установкам народных предписаний, следование и соблюдение первородных законосущих правил — *йола* обеспечили духовную и физическую стойкость народа в один из самых решающих этапов истории.

БАШКИРСКАЯ НАРОДНАЯ ХОРЕОГРАФИЯ

Многомерная природа башкирского народного танца, осваивая способы и нормы жестового языка, культовых действ, за многие столетия развития приобретала качества драматического искусства с ясно выраженной символикой национального духа, психологии и пластического изобразительного стиля.

В описаниях, произведенных в начале XVIII—XIX в. учеными И.И. Лепехиным, П.С. Палласом, П.А. Кудряшовым, С.И. Руденко и др., башкирский танец представляется как важная часть традиционной культуры народа, имеющий уникальную пластику, проекцию на глубокую древность и устойчивость сохранения во времени. Анимистическими верованиями в духов предков, тотемистическими воззрениями и целительными реалиями, свойственными башкирам-природопоклонникам, обусловлены шаманистские действа-танцы. Так, считая болезнь беременной женщины «беснованием», муллы толкали, били, ругали и оплевывали в ее лице сатану *[Георги,* 1776. Ч. 2. С. 107-108], вызывали бесогонителей, которые «в отменном почтении да и редки бывают; иногда за ними ездят верст сто до пяти и более!» *[Лепехин,* 1802. С. 73—76]. Целительные танцы, в силу их функциональной необходимости, составляли самую востребованную часть обрядовых практик. Шаманистские культы, маркирующие историю башкир с древнейших времен *[Инан,* 1998. С. 46-48; *Нагаева,* 1981. С. 67-73], с принятием ислама сильно видоизменяются, сужаются функции обрядов, развивается многообразная практика народного врачевания и целительства. В танце-камлании, описанном И.И. Лепехиным, запечатлены особенности функций, лексики коллективного ритуала, основным лицом в котором был шайтан-курязя — чертовидец, как в старину называли шаманов, знахарей, совершающих лечебные акты и прогоняющих бесов: «Курязя с обнаженной саблей и ружьем караулит шайтана, курязя за полы держат два товарища, ведь шайтан очень силен. Чтобы шайтан не вошел в дом больной, в избе все шумно плясали и пели. В полночь курязя, заметив во дворе шайтана, выстрелил в него из окна, потом вместе с товарищами с криком, саблей гнал ряженого шайтана до самой реки, пока тот не скрылся в ней» *[Лепехин,* 1802. С. 73—75]. В экстатичных действах проводятся цели глубокого психологического воздействия: «В пляске и крике или, лучше сказать, в бешенстве Шайтан-куряза всех превосходил. Он имел обнаженную саблю и заряженную двумя пулями пищаль» *[Там же.* С. 74]; обладал необычайной физической и духовной силой: танец-камлание продолжался в течение дня и заканчивался на следующее утро, когда шайтан-куряза демонстрировал свою победу над нечистым духом *[Там же.* С. 73—74; *Руденко,* 1925. Т. XLIII. Вып. 2. С. 310]. Древнейшая форма народной хореографии — шаманская пляска маркирует традиции синкретичного по сути танцевального фольклора башкир XVII-XVIII вв. Различаются знаковые черты пластической лексики эпохи: магическая функциональность, подражательность, единство слов и действ, пространственно-временная символика и сюжетность. В XVI—XVIII вв. существовал институт народных профессионалов-лекарей, шаманов, в творчестве которых соединялись рациональное действо с магией, гипноз и искусство, знания древних мифов и специальных заклинаний — *харнау,* в которых сочетались «три вида искусств: слова, музыки и танца» *[Салтыков,* 1974. С. 262]. У казахов жанр назывался «сарн, сарын - плач, напев, клич» *[Уахатов,* 1974. С. 137-152]. Во время специальных танцев, произнося заклинания-харнау, башкирские шаманы призывали духов предков, защитников-покровителей рода или изгоняли злые силы: «Эй, дух, эй, дух! По приказу духа деда моего Коркута!.. Найди и приведи хозяина! Отец Тюльке*, ты исцели, зло изгони!» *[Салтыков,* 1974. С. 261]. Четкий ритмизированный заговорно-заклинательный стих, волевой эмоциональный посыл характеризуют импровизаторское искусство, творческий стиль башкирских шаманов (баксы). Традиции таковой архаичной синкретичности прослеживались в обрядах лечений поясницы, окуриваний священным огнем *«сыгыр уты»* дома, хлева *[Нагаева,* 1981. С. 71], в актах заговаривания змей, пауков, изгнаниях духов болезней «туртку», «учук», «убыр» и т. д. Несмотря на изменения в мировоззрении, запреты ислама, магические танцы лекарей-баксы с круговой пляской устойчиво

* Коркут, Тюльке — могучие духи и святые покровители древних тюрков.

сохранялись в течение значительного периода времени.

Изобразительность и выразительность башкирских плясок П. Паллас характеризует как «кривляния лица и тела», «ломания» [*Паллас*, 1773. Ч. 1. С. 529], выделяет некоторые их особенности: «пляска состоит в переминании ногами и различном коверкании стана и всех членов, причем они свищут, щелкают и бьют в ладоши» *[Там же. С.* 342]. Представляют большой интерес сведения Р.Г. Игнатьева, имевшего консерваторское образование, о мелодике древнего танца «Перепелка». «Плясовых песен у башкир нет, но есть плясовые мотивы без слов. Самый употребительный плясовой мотив называется «Дюгана» *[Игнатьев*, 1991. Т. II. С. 281] (здесь верно: башкирское *бүҙәнә* — перепелка — *Р.С.)*. Перепелка — плодовитая и тучная птица, образ которой активно участвует в свадебных благопожеланиях, такмаках, подразумевая эротическую, производительную магию. По записи автора-очевидца, «пляшут всегда двое, становясь друг против друга. Двое мужчин или же две женщины» *[Там же]*. Обрядовый танец упоминается в эпосе «Минэйбатыр и Шульгэн-батша» *[Башкирское...* 2004. Т. VII. С. 27-31], в рассказе Ф.Д. Нефедова «Зигда», сюжет которого уходит в глубокую древность. Героиня поет, играет на тростниковой дудке, весело подзывая на танец: «Подавайте, девицы, Руки молодцам. Каждый по выбору, Кто ей по сердцу, Заводите «Перепелицу!» *[Нефедов*, 1991а. С. 119]. «Перепелка» обнаруживает функциональность коммуникативного и магико-обрядового значения танцев как неотъемлемых компонентов молодежных увеселений. Противоречивость в характеристике танца вызвана объективными обстоятельствами. Если отмечается, что в башкирском танце «мужчины и женщины вместе никогда не сходятся для увеселения» *[Игнатьев*, 1991. Т. II. С. 281], то в речитациях «Перепелка» довольно ясно указывается обратное: «Подавайте, девицы, Руки молодцам!» Р.Г. Игнатьев зафиксировал более поздние формы танца, пережившего исламские коррективы, по которым женщинам и мужчинам запрещались совместные развлечения.

Подражание, драматургически-игровой стиль и словесно-жестовые иллюстрации сюжета — знаковые компоненты традиционного башкирского танца XVI—XVII вв. Обозначив эти качества словом «кобениться», И.И. Лепехин выделяет смысловую информативность, единство слов и подражательных действ: «стараются также телодвижением выражать слова, в песне содержащиеся» *[Лепехин*, 1802. С. 114]. Искусство певца-сказителя в этом плане отличает яркая изобразительность и пластичность, единство слова и телодвижений, выстроенность драматургии: он припевал не только все славные дела своих предков, «их жизни достопамятное, но голосом и телодвижениями выражал все их действия, как они увещали своих товарищей, как выступали в бой, как поражали противников, как обремененные ранами, ослабевали и последний испускали дух» *[Там же.* С. 113—114]. В записях выдающегося русского композитора А.А. Алябьева обнаружена мелодия, озаглавленная «Кучум» *[ТЦММК.* Ф. 40. Д. 184-185]. Исследователями отмечается реалистичность этого произведения, посвященного предводителю башкирского восстания 1704—1711 гг. Кусюму, и тот факт, что И.И. Лепехин в своих записях о певце-сказителе упоминает именно эту мелодию *[Атанова*, 1974. С. 26]. И.И. Лепехиным обозначены мастерство перевоплощения и яркая драматургичность, свойственные искусству сказителей, исполняющих исторические и эпические песнопения. Постепенно в танцевальном фольклоре формируются «тенденции художественности, стремление к реалистичному отображению действительности, лишенному каких-либо религиозно-мистических оболочек *[Сайтов*, 1974. С. 169-170].

Кукушка - культовая птица, тотем человеческого происхождения в мировоззрении многих народов, имеет знак печальной судьбы, вещуна беды *[Турсунов*, 1973. С. 4]. Умилостивительные ритуальные танцы исполнялись во время первого зова кукушки (зов считался магическим, напоминающим человеку о времени приношений) или в случаях «птичьих предзнаменований». В лексике этих танцев ясно прочитываются действа, имитирующие человеческие жертвоприношения: танцор «разделывает» на куски свое тело и громко адресует каждый кусок, сваренный для обряда: «(ноги мои - тебе, руки — тебе...) раздает их присутствующим, которые должны обязательно съесть себе предназначенное» *[Султангареева*, 2008. С. 81]. Посвященные кукушке обрядовые комплексы, состоящие из слов, песен, танцев, функциональных действ, у юго-восточных башкир сохранялись до конца XIX в. *[Надршина*, 2006. С. 98]. Танцы запечатлели архаичные традиции умилостивительных человеческих жертвоприношений птице и идеи единения человека с природой. Во всех формах танцев «жертва» нейтрализует несчастье, преграждает путь беде, которую якобы предсказывает кукушка. Культовый танец почитания вещих птиц, пережив трансформации, долгое время бытовал в обрядовой практике. Особую устойчивость обнаруживают культовые танцы-под-

ражания священному журавлю. Зафиксированные еще в X в., они бытовали в обрядовой практике XX в.: использовались маски птицы в свадебных танцах *[Там же.* С. 120]. В ряжениях журавлем и подражательных танцах проецируется замысел покровительства тотема, сулящего деторождение, благополучие роду *[Султангареева,* 2008. С. 82].

Обрядовые подражательные кукушке, тетереву, лебеди, журавлю имитативные танцы действуют как установление «договоров» с Природой с помощью птиц-вестников, помощников («каргатуй» знаменовал приход, начало нового года, «кукушкин чай» - первый весенний травостой, журавлиные кружения — предвещали засуху, войну, и «танцы» птиц в этих случаях исполнялись в защитных и умилостивительных целях), а в плясовых подтекстовках, теляк — благопожеланиях содержатся комментарии событий, пожелания благ.

Тотемистической символикой обозначены обрядовые танцы «Медвежья свадьба» *(Айыутуй),* «Игра тетерева» *(Ҡор уйыны),* мотивы демонологии отмечаются в игровых танцах «Возьму птенца» *(Алырым ҡош),* «Ведьма» *(Убыр)* и т. д. Стилевая, исполнительская специфика танца *«Ҡара юрға»* (Черный иноходец), популярного и в XVIII в. *[Лепехин,* 1802. С. 113-114], связывается с верованиями «в бога лошадей из тринадцати богов» *[Ковалевский,* 1956. С. 27]: действуют подражания коню, перестукивания «копыт» - дробушек и т. д. Магические танцы-подражания приобретают со временем функции развлекательных игр, зрелищ. П.А. Кудряшовым записано игровое юмористическое представление под названием «кара юргачи» (черный иноходец). Суть игры «состоит в передразнивании людей и зверей, которыми занимается несколько мужчин, из которых один представляет или зайца, или волка, медведя, лисицу, а другие собак и т. д.». Они устраивают погони, настигают друг друга, лают подобно собакам и возбуждают громкий смех в зрителях *[РГАЛИ.* Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2913. Л. 54]. В этих сведениях запечатлены традиции своеобразной народной школы игровых искусств. Исследователи отмечают степенность, величавость мужских и мягкость, плавность пластики женских танцев *[Руденко,* 1925. Т. XLIII. Вып. 2. С. 280], «довольно однообразные движения и размахиванием руками» *[РГАЛИ.* Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2913. Л. 54], как характерные черты танцев более позднего периода.

Круг *(түңәрәк)* — универсальная мизансцена всех обрядовых и игровых танцев, выполняет магическую функцию обращения к божествам *(түңәрәк* — созвучен с именем божества Тэнгри), приобщения к миру и привлечения защитных сил, находит общность и аналогии в международном хореографическом фольклоре. Башкирские танцы природо-солнцепоклонства, исполняемые в кругу, выполняли целительные, умилостивительные, позднее - увеселительные функции. «Перепелка», «Охотничья», «Медвежья свадьба», «Танец невесты», «Причитания невесты», «Проводы невесты» и другие многолюдные круговые танцы *түңәрәк,* издревле устраиваемые в *йыйын,* народных празднествах во время солнцестояний, утверждали многовековые традиции включения в ритм Вселенной, общения с божествами и исполнялись для приобретения и увеличения жизненных сил.

В народной плясовой традиции были популярны музицирования под аккомпанемент «игры языка» *(тел уйнатыу, тирҙетләү)* — ритмизированных звуко-слогосочетаний - древнейших форм национального искусства (предания «Черноволосая», «Сабира» *[Башкирское...* 1987. Т. II. С. 395]). Жестовый язык, как архаичная традиция обыгрывания повествуемых событий, сохранялся в народной танцевальной культуре вплоть до XVIII в. В рассказе «Хазрет Хайбулла» Зухра вначале исполняет песню, затем для большей выразительности «отбросив домбру, начинает танец, изгибаясь и кружась» *[Крашенинников,* 1965. С. 303].

Свадебные танцы «Лицом к лицу», «Деревянная кадка», «Йыуаса» (Свадебные гостинцы), «Танец невестки», совместные танцы мужчин и женщин, сватов, свекрови и прощальный танец выпроваживания гостей кнутом *[Нагаева,* 1981. С. 73], плясовые состязания, показательные танцы мастеров на сабантуях, йыйынах формировались как сюжетные, развлекательные танцы семейно-бытового, также родового значения.

Йыйыны сыграли важную роль в развитии школы народных искусств, в том числе танца: так, если по требованиям судей-аксакалов танцор мог исполнить безошибочно все заданные движения до 12 колен *(бейеу быуыны)* и убедить зрителей в подражании птицам, зверям и различным лицам, то он мог претендовать на звание «мастер рода» *(ырыу бейеүсеһе, ырыу оҫтаһы) [Башкирское...* 2010. Т. XII. С. 232].

После присоединения Башкирии к России в искусстве башкир отмечаются нововведения. «Боевые традиции башкир-кавалеристов прочно сливаются с боевыми традициями русской армии» *[Нагаева,* 1981. С. 27]. Появляются новые танцы - «Охотник», «Султанаково», «Байк» и др. Видоизменяется лексика, пластика башкирского танца: появляются прыжки, хлопки по обуви, чередую-

щиеся с дробью, взмахи ногами, маршево-вышагивающие элементы и т. д. В дальнейшей эволюции народный танец теряет связь с эпическими песнями, шаманским культом, в нем начинают преобладать различные «прибаутки, присказки, комические четверостишия, произносимые нараспев» *[Там же.* С. 35]. Женские танцы сравнительно устойчиво сохраняли этническую специфику. В этом сказалась функциональная связь танца с бытом, обрядами, хранителями и исполнителями которых являлись женщины. Мужские танцы, исполняющиеся сольно, преобладающие на сабантуях, семейных торжествах, в связи с внедрением официальной религии суживают свои функции.

Новые социально-экономические отношения, угасание культовых, магических представлений повлияли на стилевые особенности танцев, которые со временем приобрели игровые, эстетические функции» *[Там же.* С. 52].

Свойственная народной хореографии регламентация по полу и возрасту отразилась в лексике танцев, обусловленных женскими («Каргатуй», «Кукушкин чай», «Девичьи игры», «Осеннее празднество») и мужскими («Жертвоприношение», «Йыйын мужчин») обрядами, празднествами, отвечала также особенностям трудовых процессов («Прядение», «Выделка войлока», «Выделка сукна» и т. д.). Характерно различаются плавная, грациозная и сдержанная пластика женских и вдохновенный темперамент, волевая подача мужских движений.

В динамичных, стремительных и ярких по своей жестовой наполненности охотничьих, военных, пастушечьих танцах, в которых заложены первичные идеи «удовлетворения практических нужд, связанных с добычей пищи, походами» [*Королева,* 1977. С. 30-31], обнаруживается специфика древнего синкретичного искусства. В подражательной лексике воссоздается образ смелого, ловкого, бесстрашного охотника: «танцор уподобляется то коню, то преследуемому животному или птице» *[Нагаева,* 1995. С. 7], показывает погоню и поражение врага и т. д.

Традиционной каноничностью во времени, по месту, способу и технике исполнения отличались коллективные танцы, посвященные циклам природы и призывам благополучия стране. Во время обряда «Выход на гору», который проводился перед откочевкой на летовку, с полудня до захода солнца на вершине гор девушки водили хороводы, подвязывали к деревьям ленты, в расщелинах скал оставляли монеты, пищу (действо чадородной магии), «поклоняясь духу гор» *[Руденко,* 1955. С. 223], исполняли круговые танцы с молениями солнцу, птицам, дождю и т. д. Приурочиванием проводов невесты к многолюдным летним йыйынам, майданам проводились всеобщие идеи закрепления культа любви, плодородия, задабривания покровителей рода. Отсюда в танцевально-игровом фольклоре доминирование увеселительного, эмоционально-волевого посыла. При общей архитектонике и функциях «Девичьи игры» имели различные названия, связанные с региональными особенностями: «Сбор дикого лука», «Выход на гору», «Хождение за кислицей», «Девичьи горы» и т. д.

Сольные танцы представляют наиболее развитую по своему художественно-стилевому замыслу и национальному колориту часть башкирской народной танцевальной культуры, ярко передают многообразие жизненных реалий: это танцы «Охотник» *(Һунарсы),* «Пастух» *(Көтөүсе),* «Черный иноходец» *(Кара юрға),* «Танец с тенями» *(Күләгә бейеүе),* «Танец с деревянной кадкой» *(Тәпән),* «Хромой конь» *(Аҡһаҡ ҡола),* «Танец свекра» *(Ҡоҙа бейеүе)* и т. д. Широко были распространены дуэтные танцы, обозначенные веселым духом соперничества: «Друг против друга» *(Ҡара-ҡаршы),* «Кто-кого» *(Кем кемде?!),* также выделялись танцы трио «Треножник», «Три угла», «Три пня», символизирующие устойчивость, постоянство опоры на дружеские отношения.

Многообразием отличался повествовательно-мелодический репертуар башкир. Это обрядовые плясовые мелодии — «Воронья каша», «Кара юрга», легенды и связанные с ними мелодии — «Семь девушек» *(Ете ҡыҙ),* «Загида» *(Заһиҙә),* «Кукушка» *(Кәкүк) [Атанова,* 1974. С. 35, 29]. Отмечается программно-изобразительное содержание плясовых мелодий «Черный иноходец» *(Ҡара юрға),* «Черемушка» *(Сукмуйыл),* «Звенящий журавль» *(Сыңрау торна),* лирический стиль мелодий «Зарифа», «Загида» *[Рыбаков,* 1897. Т. II. С. 119-128], констатирующих отличительную специфику башкирской этномелодики: это органичная соотнесенность верований, слов, истории и смысловых действ, хореографии. Древние истоки происхождения имеют танцы, построенные на шумовых эффектах (танцевали, постукивая по подносу, ведрам, кадушке масла, самовару на голове и т. д.), имеющих магическое значение *[Гасанов,* 1973. С. 12]. Народной хореографии XVI—XVIII в. было свойственно единство различных компонентов слов + действ + напевов в их магико-ритуальной и художественной символике.

Народный танец — этнический феномен культуры, ярко, образно, с использованием минимальных художественных принципов создающий образ вре-

мени, пространства, человека и способов жизни. История народа в нем рассказывается языком выразительной пластики, стиля, свойственных национальному духу, темпераменту и психологии, также четко передающих убеждения и эмоции своего творца.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО БАШКИР

Народное музыкальное искусство башкир XVI-XVIII вв. развивалось на фоне активных исторических, социально-бытовых процессов, ярко, органично отображая многоликий мир в жанровом богатстве репертуара. Вокальная, инструментальная и поэтико-сказительская музыка включала как конструктивные (календарные, трудовые, обрядовые, танцевально-хороводные), так и художественно-образные (протяжные, лирические «озон-кюй», программно-изобразительные, эпические) формы. Возникшие в глубине веков мелодии развивались сообразно эпохе, продолжали бытовать, сохраняя архаичные образы, мотивы и реалии, аккумулируя древние мифы, культы и верования («Кара юрга» — Вороной иноходец, «Саптар юрга» — «Игреневый иноходец», «Сынрау торна» — «Звенящий журавль», «Вороненок», «Кукушка» и др.). В XVI-XVIII в. превалировали анонимные кубаирские напевы «Кара-юрга», «Алпамыша и Барсынхылу», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылыу», «Кузыкурпяч и Маянхылу» *[Лебединский,* 1956. С. 73-74], а также поэтико-музыкальные эпические сочинения сэсэнов-импровизаторов, исполнительское искусство которых отличали яркая синкретика и драматургия. Самобытная древняя форма триединства слова, действа, напева в исполнительской традиции и искусстве башкирских сэсэнов запечатлена русским ученым-путешественником И.И. Лепехиным: «Певец пел славные дела своих предков, которых они батырами называют, между коими Алдар, Карасакал, Кильмят, Кучим и пр. были первенствующими» *[Лепехин,* 1802. С. 113-114]. Далее И. Лепехин описывает как певец-сказитель не только пел, но и «показывал голосом и телодвижениями все их действия, как они увещевали своих товарищей, как выступали в бой, как поражали противников, как, обремененные ранами, ослабевали и последний испускали дух» *[Там же]*. Расцвет музыкально-эпического творчества и вокально-сказительского искусства приходится на период открытых выступлений башкирского народа за свою независимость против гнета и насилия властей. Исследователями отмечается героико-гимническая направленность кубаиров и их связь с поминально-погребальными обрядами, во время которых оплакивали и восхваляли батыров, защищавших честь родного народа и родные земли *[Султангареева,* 1998. С. 168; *Сальманова,* 2003. С. 72]. В репертуаре сэсэнов были популярны кубаиры об исторических героях, возглавлявших войска против Сибирского *[Сукан...* 1996. С. 9], Ногайского *[Акшам...* 1982. Т. III. С. 72; *Баязит...* 1982. Т. III. С. 304] ханств, а также маршевые песни *[Старшина...* 1982. Т. III. С. 62].

Искусство певцов-сказителей, исполняющих кубаиры под думбыру, производило сильное впечатление на русских писателей, путешественников. Пение одного из них запечатлел писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк: «Надир настроил балалайку и заиграл какую-то грустную мелодию:

О проклятый, проклятый генерал Соймонов!
Ты поставил на горе 12 каменных столбов,
На шесты посадил 12 башкирских старшин!
[Мамин-Сибиряк, 1991. Т. II. С. 227].

Сказитель байгуш Надир пел о трагических событиях, связанных с расправой над башкирскими повстанцами в 1735-1740 гг. После пения «он долго лежал, плакал, припав к земле. Меня поразило это пение — так оно не походило на наши русские песни... У меня пошли мурашки по спине. Ничего подобного я никогда не слыхал, кажется кругом все плакало, и было о чем плакать» *[Там же.* С. 238]. Башкирского сэсэна отличали сильный и выразительный голос, высокое мастерство исполнения и феноменальная память: «известный в округе слепой певец пел и о Кучумовичах, и о старом Сейте, и об Алдарбае и Салавате» *[Там же.* С. 226].

В народе были широко известны имена выдающихся сэсэнов Хабрау, Асан Кайгы, Казтугана, Шалгыйыза, Ерәнсә, Кубагуша, Караса, Кункаса, Байка, Салавата *[Идельбаев,* 2007. С. 13-15]. И. Лепехин записал много старины от сэсэна-певца Исхака, выделяя его как мастера слова и знатока преданий, легенд *[Лепехин,* 1802. С. 32].

История духовной жизни общества показывает, что народная музыка и исполнительское искусство по своей природе обнаруживают тесную связь с историей и бытом народа. Форма озон-кюй, например, является образцом музыкальной драматургии, отражающей исторические и жизненные реалии народа. Для многих исторических песен и мелодий характерна программность (связь произведения с определенным именем, легендой, событием) *[Рыбаков,* 1897. Т. II. С. 276-280; *Ахметжанова,* 2008. С. 22].

В сказительских традициях были развиты также мелодичные исполнения общетюркских жанров кисса-рассказов, историй, истоками восходящих к XIV—XVI в., ставших популярными в духовной жизни башкир в связи с укреплением ислама в XVII-XVIII в. Таковы произведения «Юсуф и Зулейха», «Тагир и Зухра», «Бузъегет» *[Ахметжанова,* 2008. С. 61]. Обычно эти песнопения исполнялись на манер мунажатов — монотонных религиозных мелодий, оказывающих глубокое впечатление на слушателя.

Сложная и яркая орнаментированность распевов, широкий (1/5 или 2 октавы) диапазон музыкальных фраз, высокая поэтичность текстов определяют национально-стилевые особенности башкирских народных протяжных песен озон-кюй. В этих песнях отразились события, связанные с подавлением восстания 1735-1740 гг. («Тафтиляу»), с крестьянской войной 1773—1775 гг. («Салават», «Каранай»), с драматичной судьбой поборников справедливости («Буранбай», «Азамат») и борцов против расхищения земель («Саитхужа», «Гадибек Насыр», «Река Чижы»), Обширную группу народного песенного творчества составляют исторические песни о единстве племен и родов, защите родной земли, также о зле, которое несут вражда и междоусобные столкновения («Джуасалы», «Земля башкирская») и т. д. Значительный пласт драматического трагического содержания песен отображает борьбу против колонизации края, жестокости власть предержащих. Эти песни, появившиеся не позднее XVIII в., стали свидетельствами несломленного духа народа, данью его любви к своим героям *[Рахматуллина,* 2001. С. 142]. Особой образно-художественной и музыкальной выразительностью, напевностью отличаются лирические протяжные песни о жизни, любви к природе («Агидель», «Долины Демы»), женщине («Шаура», «Гайнифархат», «Таштугай»), В песнях выразилась «душа башкирской музыки, ее мелодико-интонационная самобытность, богатство выразительных средств» *[Там же.* С. 140].

Мотив любви к Родине проходит через многие песни: «Хорош тот край, где злато-серебро, но родина, она всегда дороже» («Родное становище»), «На чужбине трудно жить егету... отчий край зовет в обратный путь» («Дикие гуси»), «Легче с этой жизнью распроститься, чем свою отчизну покидать», «Что дороже может быть отчизны, где живет любимая родня? Я б на камне написал о жизни - только схороните там меня» («Зильмердак») и др.

Поэтико-смысловое содержание многих бытовых песен представляет собой философские размышления о сущности, непреходящих основах и смысле человеческого бытия, о диалектике жизни и смерти, о социальной несправедливости и тяжелой доле бедняков («Достаток», «Ивушка», «Нужда», «Пройденная жизнь»). Они призывают быть честными и справедливыми, терпеливыми и способными противостоять превратностям судьбы. Лишения и испытания, как считал народ, можно преодолеть вместе, сообща, помогая и поддерживая друг друга: «Пронзительные ветры - не пронижут, морозам лютым — нас не застудить. Сгибает жизнь того, кто одинокий. Не лучше ль вместе в этой жизни жить» («Жизнь»), Идеи единства и взаимопомощи дают человеку силы пройти через жизненные преграды и препятствия, питают его оптимизм и веру в будущее: «Идя на перевал, спешить не будем, и до могилы вместе будем» («Протяжная песня»). Тема дружбы получает своеобразное преломление в цикле застольных песен. Верные друзья, готовые в любую минуту протянуть руку помощи, разделить и радость, и горе, помочь советом, добрым словом, - опора в жизни и дорогие гости за праздничным столом («Чувствую себя богатым возле дружеского теплого плеча» («Песня стариков»)). «Песня кумыса», «Застольная», «Цепочка от часов» и др. отражают широту и открытость дружелюбной, гостеприимной души народа, не унывающего перед жизненными невзгодами и лишениями.

Самостоятельный пласт в поэтическо-музыкальном фольклоре образуют такмаки-частушки — короткие скорые песенки (кыска кюй) плясового характера, злободневного, задорно-шутливого или сатирического содержания. Они вобрали в себя неиссякающий жизненный оптимизм народа, умение критически и с юмором оценивать свои недостатки и пороки, огромный творческий потенциал его неунывающей души.

Подлинным гимном башкирского народа стала песня «Урал» (другие названия - «Семиродцы», «Летовка»), создание которой связывается со временем вхождения Башкирии в состав Русского государства. Эпическая широта мысли, органичное сочетание героического и философского, яркая эмоциональная насыщенность, выраженная музыкальная акцентация патриотического начала позволили глубоко и достоверно обобщить в песне народные идеалы о жизни, свободе духа. В песне «Урал» выразительны и глубоко семантичны сочетания «волевых, энергичных, широких ходов и гибкой распевности», а также «восходящей направленности и патетической взволнованности» *[Фоменков,* 1976. С. 32].

Национальное музыкальное искусство, восходящее к глубокой древности и сопутствующее всей истории и жизни народа, позволяет заключить, что художественно-творческая и бытовая жизнь народа были органично взаимосвязаны и «складывание башкирской народной музыки в единую образно-смысловую и стилевую систему происходило одновременно с формированием башкирской народности» *[Атанова,* 1974. С. 19]. Многие русские ученые, местные краеведы, соприкасавшиеся с башкирской музыкой, отмечали ее «напевность, мелодичность, глубину», господство сольной традиции исполнения «с ее тяготением к виртуозности и импровизации» [*История*... 1996. С. 172].

Свойственная народной жизни охотничья практика: подражание голосам животных, крикам и пересвистам птиц «явилась той базой, на которой развивалось в быту башкир такое своеобразное явление, как узляу - редко встречаемое искусство певца-исполнителя, добивающегося двухголосья с помощью тянущегося в нижнем регистре остинатного (тянущегося) звука и одновременно — особого тембра мелодии, звучащей в верхнем регистре» *[Там же. С.* 172—173]. Возникновение этого жанра связано с шаманскими практиками звукоподрожательного сопровождения ритуалов и обрядов *[Ахметжанова,* 2009. С. 43], и обнаруживает единые корни и общность с тюрко-монгольской культурой. Древнейшее и сложное искусство узляу, называемое в народе «тамак-курай» (горло-курай), впервые было описано С. Рыбаковым *[Рыбаков,* 1897. Т. И. С. 271-272]. Оно вызывало неподдельный восторг русских исследователей *[Зефиров,* 1961. Т. I. С. 261; *Даль,* 1961. С. 211-230]. Л.Н. Лебединский подробно описал не только вокальные, но и физиологические особенности уникального способа мелодичного гортанного звукоизвлечения *[Лебединский,* 1965. С. 86].

Башкирский народный музыкальный инструментарий располагал всем тем богатством и многообразием, которые были присущи искусству родственных тюркских народов с древнейших времен. В него включались курай (несколько разновидностей - кыйык-курай, сур-курай, сыбызга-курай), думбыра *[Георги,* 1799. С. 83], также «дудка о пяти ладах, бандура в виде небольшой гитары, гудок в виде скрипки, на которой тоже играют смычком, кобыз железный, у русских называемый органчиком и рыле» *[Игнатьев,* 1991. Т. И. С. 282—283], сурнай (гудок), дунгур (ударный инструмент).

Возникший в глубине веков курай за долгий исторический период совершенствовался как сольный аккомпанирующий и ансамблевый инструмент, мастерская игра на котором сопровождалась и пением песни, и горловым пением (узляу). Курай упоминается в эпических сказаниях «Акбузат», «Кара юрга», «Заятуляк и Хыухылыу», «Куныр буга». Обширный репертуар протяжных мелодий озон-кюй («Ашкадар», «Баяс», «Тафтиляу», «Буранбай», «Бейеш», «Азамат» и др.) с диапазоном в 1 или 1,5 октавы исполнялся сольно или для сопровождения песен. Курайное музицирование сочетало сказительские, певческие, танцевальные импровизации. Мастера-кураисты были почитаемыми людьми в обществе, значимость йыйынов определялась присутствием на них знаменитых кураистов. Главный приз майданов завоевывал мастер, который исполнял несколько мелодий, предварительно рассказав их истории, а звук его курая должен бьш быть слышен на 10 верст по ветру *[Башкирское...* 2010. Т. XII. С.218]. Выразительным искусством звукоподражания, имитацией голосов птиц, животных владели отдельные мастера-кураисты. Престижность и приоритетность владения уникальным искусством, воспроизводящим чарующие звуки от самой природы, запечатлены в традиционно исполняемых текстах песен: «Когда Салават давал приказ, в правой руке у него был курай». Курайное искусство башкир - знаковый национальный феномен с устойчивыми традициями и особенностями *[Рыбаков,* 1965. Т. III. С. 183; *Рыбаков,* 1897. Т. II. С. 274], которым владели и мужчины, и женщины *[Нефедов,* 19916. Т. II. С. 118]. «Его звуки - это выражение чувств мечтательной души и созерцательного сердца башкира, живущего в самом центре природы» *[Рахматуллина,* 2001. С. 141].

Кылкубыз — древний смычковый инструмент (кыл — струна, куб — кум (кам) - шаман, магический целитель), (буз — плачевый звук), функции которого восходят к сакральным актам магического целительства и обрядам обращения к природным силам и божествам *[Султангареева,* 2010. С. 158—159]. Он особо ценился в исполнительской практике сказителей-сэсэнов. Инструмент был издревле популярен у казахов (кыл-кобыз), киргизов (кыяк). Кыл-кубыз бытовал уже во второй половине I тыс. и считался у тюркских народов священным инструментом, использовался в целительных шаманских практиках, актах вызывания духов предков *[Там же.* С. 160]. Особый звуковой строй и сила воздействия инструмента на настроение позволяли «предсказать исход будущих походов и битв» *[Ахметжанова,* 2009. С. 77]. В эпосе «Заятуляк и Хыухылыу» упоминается магическая сила воздействия звуков кылкубыза:

«Моя думбыра заиграет,
Кыл-кубыз и сорнай,
Люди, пришедшие послушать,
Не знают, что с ними происходит...»

Самым распространенным народным инструментом был кубыз *(ҡумыҙ).* На кубызе играли как женщины, так и мужчины, он был популярен в хороводных танцах, исполняемых на йыйынах, девичьих играх.

Сурнай *(һорнай)* — сигнальный инструмент, который изготовляли из рога крупного рогатого скота длиной около 200-350 мм, с 2—4 пальцевыми отверстиями; однотипный с сурнаем охотничий инструмент борго изготавливали из дерева *[Кубагушев,* 1996. С. 159]. Сурнай и борго применялись для созывания народа в йыйын, на охоту и т. д.

Дунгур (бубен) — ударный инструмент, в древности применявшийся в целительских актах, шаманских камланиях, с течением времени приобретавший функции сопровождения танцев, игровых эпизодов.

Один из самых сложных в историческом плане и активных эпохального значения событиями период XVI-XVIII в. получил многогранное отображение в ярком музыкальном искусстве и творчестве башкир, по природе своей отличающихся высокохудожественным видением мира.

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ

Каким был устно-разговорный язык башкир в XVI—XVIII в., можно представить на основе данных записей башкирских слов того времени, а также на основе анализа особенностей современных башкирских диалектов с учетом закономерностей их развития.

Сохранились рукописные словари конца XVIII в., которые, по всей вероятности, представляли собой собранные у башкир на территории их проживания материалы для «Сравнительных словарей всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы» [*Сравнительные...* 1787. Ч. 1; *Сравнительные...* 1789. Ч. 2].

Первым словарем башкирского языка считается рукописный «Перевод слов на башкирский язык» Мендияра Бикчурина, датируемый 1781 г. *[Архив СПб ИИ РАН.* Ф. 94. Оп. 2. Д. 18; *Валеев, Шакуров,* 1976. С. 252]. Словарь содержит перевод 360 русских слов на башкирский язык, при этом переводы даются на основе русской и арабской график. Автор, по-видимому, записывал слова из живого разговорного языка башкир, о чем свидетельствуют отражение в них диалектных особенностей башкирского языка: *«анай», «инәй», «әпсәй»* (совр. лит. *«эсэй»)* — мать; *«джанлык», «киек» («йәнлек», «кейек»)* — зверь; *«улуг», «зур» («оло», «ҙур»)* — великий, *«улэм», «үлән»* - трава; *«доңғуҙ», «суска» («дуңғыҙ», «суска»)* — свинья; *«сапсак», «кисмәк» («сапсак», «киҫмәк»)* — кадушка; *«хатун», «бися» («катын», «бисә»)* — жена и др. Некоторые слова, помещенные в словаре в современном башкирском языке в корневой форме, вышли из употребления или перешли в разряд пассивной лексики: *«ат»* — имя (в совр. башкирском языке употребляется арабское слово *«исем»), «идел»* — река (совр. *«йылға»), «бута»* (совр. *«билбау»), «көбәләр», «кираса»* (совр. *«йүшән», «һарайта»)* и др.

В «Списке слов с переводом на татарский, башкирский, калмыцкий языки», составленном Петром Учадамцевым, 357 русских слов переводятся на каждый из упомянутых языков. Автор уже дифференцированно подходит к татарским и башкирским словам, учитывая лексические и фонетико-морфологические особенности каждого из этих языков, о чем свидетельствуют следующие примеры: баш. *«аллаһ», «ходай», «тәңре»,* тат. *«ходай»* — бог, баш. *«ата», «атай»,* тат. *«этей»* — отец, баш. *«анай», «инәй», «әпсәй»,* тат. *«әни»* — мать и др.

Неизвестному автору принадлежит словарь, в котором русские слова переводятся на татарский, башкирский, «мещерятский» языки, но без дифференциации этих языков.

Наибольший интерес представляет еще один словарь неизвестного автора конца XVIII в., в котором русские слова переводятся на татарский и башкирский языки. В нем автор очень подробно на лексическом, фонетическом и морфологическом уровнях показал различия между татарским и башкирским словами: баш. *«йыуан»,* тат. *«калын»* — толстый, баш. *«бесәй»,* тат. *«мәче»* — кошка, баш. *«сапсаҡ»,* тат. *«кисмәк»* — кадушка, баш. *«мөгөш»,* тат. *«бочмак»* — угол, баш. *«йылан»,* тат. *«жилан»* — змея, баш. *«сыу»,* тат. *«су»* — вода, баш. *«ашайым»,* тат. *«ашаймын»* — ем, кушаю, баш. *«мынан»,* тат. *«мындан»* — отсюда, баш. *«түбән»,* тат. *«тәбәнәк»* — низкий и др. Составитель, видимо, был башкиром или работал в основном среди башкир, потому что некоторые русские слова переведены лишь на башкирский язык, а в графе «татарский язык» сделан прочерк. К таким словам, например, относятся: рус. холм — баш. *«түмәләслек»,* хребет — *«арҡа»,* ручей — *«шишмә»,* водопад — *«тупса»,* восток — *«куяшсығыш»,* юг — *«төшлөк»,* запад — *«куяшбайыш»,* север — *«түн»,* согнутый - *«бүгүлгән»,* воздух.- *«ауа»,*

ртуть — *«терекөмөш»*, трут — *«ҡау»*, аист — *«ҡауҙы»*, русский — *«орус»*, вотяк — *«ар»*, коршун — *«түрлүгән»* и др. Автор словаря, по всей вероятности, по национальности не был русским, о чем свидетельствуют такие специфические моменты, когда он значения русских слов понимал не совсем точно. Приведем несколько примеров: рус. жир на татарский язык переведено *«симиз»* (жирный), а на башкирский язык — *«мей»* (мозг), слово глина — соответственно *«тупраҡ»* (почва, земля) и *«балчыҡлыҡ»* (глинистое место) и др. Но наиболее ярко об этом говорит тот факт, что слово осел *«ишәк»* на башкирский язык переведено *«беләү»* — оселок (по созвучию слов «осел» и «оселок», составитель перепутал эти слова, чего не мог сделать русский).

Примечательно в этом словаре то, что отдельной литерой выделен башкирский звук *ҙ:* все - *барҙа*, аист - *ҡауҙы.* Ни в одном слове не выражен башкирский звук *һ*, всюду выступает с, хотя в двух словах употреблена буква *һ* (плотина — *«бугһау»*, корова - *«сыгһыр»);* она, видимо, обозначает гортанный характер звука г, т. е. ею был обозначен звук *г.*

Некоторые особенности слов данного словаря дают повод с большой долей вероятности предположить, что записи были произведены у башкир племени гайна и балыксы. Об этом свидетельствуют, например, 1) лексические единицы *«юша»* - лось, *«төшлөк»* — юг, *«ҡау»* — трут, *«комшоғор»* — ящерица, *«утрал»* — остров, *«тупса»* — водопад, 2) фонетическое оформление слов: *«мей»* — мозг, вместо *«мейе»*, *«песей»* вместо *«бесәй»* — кошка, *«мөгөш»* вместо *«мөйөш»* — угол.

Обращает на себя внимание обилие фонетических вариантов слова в упомянутых словарях: к ним, например, относятся варианты слов со следующими звуками: *й ~ дж («йахшы» ~ «джахшы»* — хороший, хорошо; *«йалҡаулыҡ» ~ «джалҡаулыҡ»* — лень; *«йығыл» ~ «джығыл»* — падать), *с ~ ч («сусҡа» ~ «чучҡа»* — свинья, *«сасарға» ~ «сачарға»* — сеять, *«сас» ~ «чэч»* — волосы, *«балсыҡ» ~ «балчыҡ»* — глина, *«сибин» ~ «чибин»* — муха), *б ~ м («бурун» ~ «мурун»* — нос, *«бында» ~ «мунда»* — здесь).

Наличие подобных фонетических вариантов слова можно объяснить двумя причинами, не исключающими друг друга: в них, возможно, отразились перебои в употреблении названных звуков в речи одного и того же информатора или в записях отразились особенности диалектной речи.

Некоторые сведения о башкирском языке и его лексике содержатся в трудах русских ученых-путешественников. В труде П.С. Палласа «Путешествие по разным местам Российского государства» приводится большое количество башкирских слов: *«хаке»* — сибирская скирда (совр. *«ҡаҡы»), «айлярь», «тутоннок»* - тысячелистник (совр. *«меңьяпраҡ»), «кзирткан>>* — крапива (совр. *«кесерткән»), «карағаш»* — лиственница (совр. *«карағас»), «шонкаръ»* — самец кречета (совр. *«шоңҡар»), «ителъи»* — самка кречета (совр. *«әтәлге»), «сакал»* — женский нагрудник с украшениями (совр. *«һаҡал»), «чашбау»* - женский головной убор (совр. *«сәсбау»), «башкершаф»* — повязка на голове (совр. *«башкоршау»)* и др. Особое внимание уделяется названиям местностей — деревень, рек, озер, гор и т. д. Все башкирские слова в книге даются в русской транслитерации без дополнительных знаков, и поэтому судить по ним о фонетической структуре башкирского слова трудно. Иногда специфический башкирский звук *с* обозначается *сс* («Ессюм» — название реки *«Эсем»*, «Киссяташ» - название скалы *«Кеҫәташ»*, но в других местах буквой *с* передаются и звуки *һ, ҫ: «сакал» («һаҡал»)* — нагрудное украшение женщин, *«аркасы» («аркаһы»)* — его спина, *«тастар» («таҫтар»)* — женская головная повязка.

Обобщая сведения письменных данных XVIII в. о башкирском языке, в частности о его лексике, можно констатировать, что в современном башкирском языке произошли следующие изменения: 1) из словарного состава исчезли отдельные лексические единицы собственно тюркского происхождения и вместо них употребляются заимствования вместо *«ат»* (имя) — араб, заимствование *«исем»*, кальки, вместо *«әйләр»*, *«тотанаҡ»* (тысячелистник) — калька с русского языка *«меңьяпраҡ»* или новообразования, вместо *«төшлөк»* (север) — *«төньяҡ»*, вместо *«изел»* (река) - *«йылға»;* 2) произошли структурные фонетические и морфологические изменения слова *«уйҡу»* (сон) — *«йоҡо»*, *«мөгөш»* (угол) — *«мөйөш»;* 3) наблюдаются изменения в семантике слова *«оло»* (великий, старший); 4) большинство лексических единиц получают отражение в современных башкирских диалектах и говорах: *«юша»* (лось) — лит. *«мышы»*, *«ауа»* (воздух) — лит. *«һауа»*, *«көртлөк»*, *«оҙан»* (тетерев) — лит. *«ҡор»*, *«комшоғор»* (ящерица) — *«кеҫәртке»*, *«тыскан»* (мышь) — *«сыскан»*, *«утрал»* (остров) - лит. *«утрау»* и т. п.

Разговорным языком башкир XVI-XVIII в. был общебашкирский народный язык с его диалектными различиями родоплеменного характера. Территориальные диалекты башкирского языка образовались значительно позже, они начали формироваться лишь со второй половины XIX в. в связи с окончательным переходом башкир к оседлой жизни и смешением родоплеменных образований. Даже в первой половине XX в. башкирские диалекты и говоры еще не потеряли своих родоплеменных признаков.

Об этом, например, свидетельствует тот факт, что в середине 30-х гг. XX в. Г. Давлетшин по фонетико-морфологическим признакам в башкирском языке выделяет шесть диалектов, названных им по родовым признакам: куваканский *«кыуакан»*, юрматынский *«юрматы»*, айлинский *«әйле»*, салжиутский *«һалйыуыт»*, *«һалйоғот»*, табынский *«табын»* и демский *«дим»* или минский *«меңле»*.

Письменным башкирским языком донационального периода был тюрки Урало-Поволжья, возникший на основе древнетюркской, караханидо-уйгурской, хорезмско-тюркской (или золотоордынской) и огузской письменных традиций. Тюрки Урало-Поволжья был письменно-литературным языком, обслуживающим письменные потребности общения башкирского и татарского народов.

В XVI в., в особенности во второй его половине, после вхождения башкир в состав Русского государства, тюрки Урало-Поволжья, в отличие от других региональных тюрки, получает новый импульс к своему развитию. Как известно, употребляемый башкирами тюрки Урало-Поволжья становится официальным языком письменного общения российского правительства с тюркскими народами.

По своей фонетической системе, грамматическому строю и лексическому составу тюрки Урало-Поволжья довольно сильно отличался от общебашкирского живого разговорного языка.

В фонетической системе тюрки Урало-Поволжья отличался от фонетического строя разговорной речи прежде всего отсутствием в нем букв для обозначения специфических башкирских звуков *ҙ, һ, ҫ* в собственно тюркских словах, наличием в тюрки Урало-Поволжья обозначения отсутствующих в башкирском разговорном языке звуков *дж, ч, х, ф* и т. д. Вследствие этого многие общетюркские слова различались по фонетическому и морфологическому оформлению, а также по звучанию: баш. *«туғыҙ»* — тюрк, *«тоҡуҙ»* (девять), *«минең»* — *«беним»* (мой), *«алмаҫбыҙ»* — *«алмасмыҙ»* (не возьмем), *«кайғынан»* — *«кайғудин»* (от горя), *«килеүсе»* — *«келгучи»* (приходящий), *«ырыу»* — *«уруг»* (род, племя) и др.

Грамматический строй тюрки Урало-Поволжья также отличается от грамматического строя башкирской разговорной речи: в нем отражаются нехарактерные для башкирского языка древние грамматические формы, относящиеся к тюркским языкам различных региональных групп. Например, в тюрки Урало-Поволжья сохранились некоторые грамматические показатели, функционировавшие в древнетюркском языке (V—XI в.): показатель будущего времени на *ҡай/кәй, ғай/гәй («өлмәгәйләр»* — не умрут, *«көргәсиз»* — увидите), показатель причастия прошедшего времени на *тук/түк, дук/дүк («бардуклы ер»* - земля, куда я ходил).

В лексическом составе тюрки Урало-Поволжья функционировали собственно тюркские слова, отсутствовавшие в башкирском языке: тюрки *«бити»* — баш. *«яҙ»* (писать), *«незин»* — *«һун»* (после), *«узгэ»* — *«башҡа»* (другой, иной), *«йе»* - *«аша»* (кушать, есть), *«уза»* - *«бик»* (очень) и др. Кроме того, в урало-поволжском тюрки употреблялось большое количество арабских и персидских заимствований, отсутствующих в разговорной речи: *«уэхэбэт»* - долг, *«менэууэр»* — лучезарный, *«гадэуэт»* — пакость, *«джэһеннэм»* — ад, *«гариб»* — чужой, *«гэмхарэ»* — утешитель, *«нагэп»* — вдруг, неожиданно, «•*бигэнап*» — безгрешный, безвинный и др. После вхождения Башкортостана в состав Русского государства во много раз увеличились заимствования из русского языка, которые наиболее ярко отразились в канцелярском делопроизводстве: *бригадир, ыстарыста, өйәҙ* (уезд), *главной, полковник, завот, ыспор* (спор), *каманда, адмиралтейский, кантур* (контора), *губирнатор, купис* (купец), *билит, императыр, гинирал, атаман* и др.

Безусловно, все это осложняло структуру текстов на тюрки Урало-Поволжья. Если в официально-канцелярском и летописном жанрах литературы наблюдалось сильное влияние башкирского разговорного языка, то в жанрах художественной литературы более строго сохранялись старые традиции.

Башкирский разговорный язык и тюрки Урало-Поволжья развивались в постоянной взаимосвязи и взаимовлиянии, многие арабские, персидские, русские заимствования становились достоянием живого разговорного языка, многие особенности разговорной речи проникали в тюрки Урало-Поволжья.

БАШКИРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
В XVI-XVIII в.

Башкирская литература XVI—XVIII в. богата и многообразна. Самой характерной особенностью для литературы той эпохи стало ее существование в письменном и изустном виде. Оба эти вида, бытовавшие параллельно, но в определенной зависимости друг от друга, имели к тому времени свои истоки, идущие из средних веков. Среди них главное место, безусловно, принадлежит фольклору, возникшему задолго до присоединения Башкортостана к Русскому государству. В XVI-XVIII в. репертуар народного устно-поэтического творчества характеризовался достаточным разнообразием видов и жанров: еще не перестали бытовать эпиче-

ские поэмы, кубаиры, появившиеся в эпоху общинно-родового строя; песни, сказки, легенды считались самыми популярными жанрами; зарождался сравнительно новый вид фольклора - байт.

Истоки письменной литературы восходят к VII—X в., к общетюркским памятникам древнего периода. Она пережила несколько этапов своего развития и в XV-XVI в. начала приобретать национально-самобытные черты, хотя еще сохраняла и продолжала поэтические традиции общетюркской литературы. К XVI-XVIII в. башкирская рукописная литература стала вполне оформленной, характеризуемой разнообразием жанров и стилей, ярких творческих дарований, таких как Мавля Кулуй, Габдрахим Утыз-Имяни, Тажетдин Ялсыгулов, Батырша Алиев, Салават Юлаев и др. Ее в XVIII в. представляли: рукописные стихотворения — анонимные или с конкретными именами авторов; прозаические тексты различного вида - шежере, тарихнаме, путевые записи, сказы, грамоты, эпистолярные и публицистические жанры. Письменные памятники данной эпохи, как и раньше, создавались на языке тюрки арабской графикой, тиражировались специальными переписчиками и распространялись в рукописном виде, поскольку, как известно, первые типографии с арабским шрифтом появились в Урало-Поволжье лишь к концу XVIII в.

Изустная литература как словесное искусство индивидуального характера сочинялась и распространялась устно и выражала личное мировоззрение конкретного автора, его этическую оценку действительности. Изустность приближает ее к фольклору, а индивидуальность — к письменной литературе. Но «это уже не фольклор, но еще не «письменная» литература со всеми вытекающими отсюда особенностями. Это первая историческая форма художественной литературы, которую найдем у всех народов» *[Гаджиев*, 1978. С. 34-35]. Изустные творцы всегда находятся в гуще общественно-политических событий, пользуются всеобщим уважением масс, смело вмешиваются в деятельность вождей и предводителей, в необходимых случаях влияют на них своими мудрыми советами.

В башкирской изустной поэзии со второй половины XVI в. функции йырау, которые являлись народными трибунами в ранние периоды истории, подхватывают сэсэны. Они, как и йырау, были одновременно поэтами и философами, педагогами, историками и мудрыми аксакалами. В то же время выступали зачинателями индивидуального творчества, объединяя тем самым традиции фольклора и литературы. Усиление индивидуального начала, его отличительные особенности и поэтическая эволюция в XVI—XVIII в. наиболее полно отражаются в произведениях таких сэсэнов, как Ерәнсә, Кубагуш, Акмурза, Карас, Байык и Махмут. Их творчество иллюстрирует процесс постепенного поворота народно-эпической традиции с легендарности на реальную почву.

Кубагуш и Акмурза были современниками, жили в XVI столетии. Их айтыш (поэтическое состязание), дошедший до наших дней, возник в результате родовых междоусобиц [*Башкирское*... 1981. Кн. 3. С. 131-137]. В башкирском литературоведении бытует устойчивое мнение, что Акмурза, будучи придворным сэсэном, защищал интересы правящей верхушки. Однако внимательное, учитывая «эзоповский» язык спорящих, прочтение текста айтыша говорит о другом: оба они выступали на стороне народа, разоблачали действия ханов, направленные на притеснение местного населения. Самоуправство ногайского мурзы Каракулумбета, назначенного казанским ханом хозяйничать на части территории Башкортостана [*Башкирское*... 1980. С. 132], породили вражду между двумя башкирскими племенами. Во главе минского племени стоял военачальник, бий, сэсэн Кубагуш, усерганского - бий Бикбау. Правоту какой-либо из сторон они выясняют на большом йыйыне путем айтыша сэсэнов. Выступить против Кубагуша выставили лучшего мастера, «сэсэна среди сэсэнов» Акмурзу. По условиям договора, поражение одной из сторон должно было привести к гибели главы ее рода. Акмурза, прибегая к символьному лексикону, известному лишь сэсэнам и основным их слушателям, задает Кубагушу четыре загадки. Обычно, по традициям изустной поэзии, враждующие стороны стремятся опозорить друг друга. А в первой загадке вопрос Акмурзы и ответ Кубагуша, взаимно дополняя, в данном айтыше описывают создавшуюся ситуацию в стране: бий, гоняясь за «пустой, легкой как пух, славой», отдал свою землю хану на растерзание, а народ возмущен, разъярен как лев. Во второй, третьей и четвертой загадках и ответах дается совместная положительная характеристика стране, сэсэну и батыру. Причем в каждой из трех (как в вопросе, так и в ответе) хан упоминается только в отрицательном качестве. Поэтический спор разрешается миром. Всеобщее признание Кубагуша народом как сэсэна и вождя приводит к бегству Каракулумбета, а Бикбау подчиняется Кубагушу и впоследствии в роли посла принимает участие в переговорах с людьми «Белого царя» о присоединении Башкирии к Русскому государству. Кубагуш, вероятно, имел контакты и с казахскими акынами. В частности, акын по имени Бисянбай в одном из

своих уленов упоминает о дружественном поэтическом состязании с Кубагушем *[Башкирское...* 1981. Кн. 3. С. 311-312].

Имя Ерэнсэ сэсэна известно среди ряда тюркских народов, его творчество изучается башкирскими, казахскими, каракалпакскими учеными. Его образ овеян легендами больше, чем имя кого-либо из мастеров изустного слова. Одна из причин таинственности натуры Ерэнсэ кроется в нем самом. Принадлежность к бедняцкому слою, редкий дар острословия, тяга к жанру кулямас сделали его в народе «нарицательным» образом, как Ходжа Насретдин, Алдар и др. Если опираться на одну из двух сохранившихся его импровизаций, дату жизни Ерэнсэ можно установить с точностью до полувека. Имеется в виду обращение сэсэна к хану Младшего казахского жуза Абулхаиру (1693-1748), по поводу его стремления захватить башкирские земли, выраженные на переговорах с тарханом Акмамбетом. Данное обращение характеризует автора как большого знатока и хранителя традиций творчества йырау и вообще канонов изустной поэзии. Например, слово *«куп»* («множество») в лексиконе йырау XIV—XVI в. означает «народ». Мастерски используя его параллельно со словом *«суп»* («мусор», «ничтожество») в нескольких значениях, сэсэн уничтожающе критикует хана и заставляет его отказаться от своих намерений; таким образом, пресекает кровопролитные стычки башкир со сторонниками Абулхаира из-за земли. Вторая небольшая импровизация, связанная с именем Ерэнсэ, представляет собой одну из вариаций общеизвестного кубаира «Смерть высокой горы...» Она есть не что иное, как «поэтическое клише», встречающееся в творчестве сэсэна Хабрау (XIV в.), в башкирских кубаирах и казахских толгау. Кулямасов же, связанных с его именем, очень много. Непревзойденный талант афористического мышления превратил самого сэсэна в героя кулямасов, легенд и даже сказок.

У Караса-сэсэна (вторая половина XVII — первая половина XVIII в.) сохранился айтыш с казахским батыром Акса *[Там же.* С. 75-78]. В нем, в противоположность диалогу Кубагуша и Акмурзы, запечатлен спор истинных противников. По легендам, Карас был храбрым воином, главой горно-лесных башкир (Кубагуш приходился ему прадедом). Ситуация его айтыша с Аксой такова. Получив известие, что группа казахов-барантачей угоняет табун лошадей, Карас со своими товарищами догоняет их. На месте встречи вступает в поэтический спор с их главарем, оказавшимся прославленным во всех казахских джузах батыром. Речь Караса состоит из трех частей, разбитых ответами противника. Все они выдержаны в духе изустных традиций: обращение к врагу с целью морального уничтожения; «разговор» с оружием — монолог-просьба о том, чтобы оно его не подвело в решающий момент; прославление достойно побежденного противника. Карас также прекрасно владел «современным» символьным лексиконом, получившим широкое распространение среди сэсэнов XVI-XVIII в. В легенде «Карас и Карасакал» имеет место его обращение к народу и к будущему предводителю башкирского восстания. Вся речь сэсэна от начала до конца построена на иносказаниях *[Бурангулов,* 1995. С. 56-61].

В многоликой когорте сэсэнов XVIII в. яркой фигурой был Байык Айдар (1710-1814). Он был человеком отчаянным, смолоду покинул отчий дом, странствовал по Уралу, импровизировал. Опасаясь преследований из-за своего участия в восстании, ушел в казахские степи, где ему приходилось выступать в айтышах с акынами. Но там также был подвергнут гонениям со стороны казахских биев и вернулся на Урал *[Башкирское...* 1981. Кн. 3. С. 83]. За непревзойденное импровизаторское искусство народ прозвал его Айдаром — почетным званием, даваемым за высокое мастерство. Байык прожил более ста лет; основные исторические события в башкирском крае, начиная с середины XVIII в. вплоть до Отечественной войны 1812 г., произошли при активном его участии и нашли отражение в творчестве. В айтыше с Бухаром (1668—1791) Байык отстаивает позицию духовной свободы личности. Казахский акын преподносит башкирскому сэсэну в стихотворной форме загадку с условием ответить тотчас же, разумеется, в виде поэтической импровизации. По содержанию загадки в ответ должно было последовать хвалебное воспевание казахской земли и хана Среднего казахского жуза Аблая (?—1781). Байык отгадывает загадку, но нарушает ее условие. Вместо того, чтобы восхвалять казахскую землю и ее хана, обрисовывает реальную действительность, то есть, сэсэн дает понять, что для него чужая земля не может заменить родину, а для певца, воспевающего алчного хана, не может быть истинной свободы. В обращении сэсэна к Салавату речь идет о судьбе и будущей освободительной борьбе башкир. В ней поднимается ряд важных проблем: упоминается историческое прошлое страны и слава его батыров; перед Салаватом ставится вдохновляющая на священную битву задача.

А в обращении к народу в связи с началом вторжения французов Байык призывает россиян к совместному выступлению против иноземных завоевателей. Башкирские аксакалы, получив изве-

стие о нападении Наполеона на Россию, собираются на йыйын. Озадаченные этим грозным событием, они не спешат высказываться, все ждут мнения появившегося невесть откуда сэсэна. Байык Айдар пламенной речью призвал всех подняться на борьбу против завоевателей. Он напоминает своим соотечественникам о присяге, данной их предками при присоединении к Русскому государству совместно бороться против иноземных захватчиков. Удачно развивая смысл башкирской пословицы «Два брата могут поссориться, но, сев на коней, непременно помирятся», связывает ее с братством башкирского и русского народов. В контексте речи эти слова приобретают огромное обобщающее значение, подчеркивают незначительность внутренних конфликтов в сравнении с важностью совместной борьбы против общего врага. Байык Айдар не был равнодушным к судьбам и деятельности крупных фигур своего времени. Например, судя по легендам, он, как никто из сэсэнов XVIII в., усердно интересовался родом Салавата, часто общался с его отцом Юлаем, дедом Азналы, знал историю шайтан-кудейцев *[Надергулов,* 2002]. И неудивительно, что в первом пласте двухпластового эпоса «Юлай и Салават» присутствует образ сэсэна, который в своих монологах - «лирических отступлениях» — дает оценку происходящим событиям, обращается к Салавату с речью, текст которой частично совпадает с вышеназванной импровизацией Байыка [*Башкирское...* 1981. Кн. 3. С. 103-105]. Выходит, именно его можно считать причастным к созданию первой части данного эпоса.

Махмут-сэсэн (XVIII в.) был учеником Байыка. С отцом он жил в разладе. Когда отец, избегая выдачи коней в пользу назревавшего восстания, угнал весь свой скот в казахские степи, будущий сэсэн отказался следовать за ним и, оставшись на родине, стал участником восстания *[Там же.* С. 137]. В народной памяти он остался как человек меткий, остроумный, который никогда не употреблял слова в своих прямых значениях, а говорил с умыслом, загадкой. Импровизации Махмут-сэсэна представляют собой две загадки с ответами самого же автора *[Там же.* С. 137-139]. Они обращены к гостям, приглашенным на грандиозный меджлис, который был организован в честь назначения отца сэсэна старшиной волости. Махмут разоблачает жестокость и алчность отца, называет его «бременем тяжелее свинца», повисшим над страной, «тьмой чернее ночи», «двуногой змеей», и причину своего разлада с ним объясняет социальными мотивами.

Махмут-сэсэн вместе с Байыком Айдаром были зачинателями также песенного жанра в профессиональной изустной поэзии.

Из многообразия жанров и жанровых форм тюркской изустной поэзии сэсэны прибегали только к тем, которые имели распространение в башкирской среде: к эпосу, айтышу, кубаиру, песне. Авторы не гонялись за разнообразием стихотворной формы, а заботились о доходчивости содержания и легкости текста для заучивания наизусть.

Творчество сэсэнов XVI-XVIII в. соответствовало уровню общечеловеческих достижений изустной литературы как по содержанию, так и по различным формам его воспроизведения. В то же время ему в целом были присущи отчетливые местные особенности, а каждому автору - неповторимые черты индивидуальности.

В XVI—XVIII в. башкирская письменная (рукописная) литература испытывала процесс постепенного ответвления из общетюркского потока и развития в исконно самобытном национальном русле. Значительную часть рукописной литературы эпохи составляла проза, в которой элементы художественности неразрывно сосуществовали с элементами других областей человеческого познания. Башкирская проза того времени состояла из описаний историй башкирских родов и племен (шежере), писем и посланий отдельных личностей, путевых записей и прочих рукописей, содержание которых пронизано художественностью и имеет идейно-эстетическую ценность.

Одним из наиболее распространенных видов рукописных памятников является шежере. Это — особый жанр творчества, повествующий об истории, повседневной жизни и быте народа, составление которых может продолжаться столетиями с участием представителей нескольких поколений. Первоначальные варианты некоторых ныне известных шежере относятся к XVI в., а их содержание передает события еще большей давности. Шежере имеют присущую только им особую разновидность: они могут состоять или из генеалогической таблицы рода, или текстовой передачи, или, чаще всего, чередования таблицы с пространным, или кратким упоминанием фактов и событий, происходивших при жизни какого-либо одного поколения. Именно эта текстовая часть представляет наибольшую ценность для исследователей — как для историков, так и для языковедов и литературоведов, ибо она писалась обычно образованными представителями поколения, зачастую очевидцами многих важных событий. Известны шежере с подлинными именами сочинителей, но многие авторы остались аноним-

ными. Несмотря на то, что шежере обычно создавалось столетиями, коллективно, представителями нескольких поколений, оно все же по характеру является продуктом индивидуального творчества, так как очередной автор, дополняя документ племени событиями своего времени, оставлял предыдущую, составленную до него часть текста, без изменения, воспринимал ее как нечто сокровенное. Во многих текстах, принадлежащих перу склонных к творческому мышлению авторов, документальная достоверность переплетается с художественным вымыслом. Возможно, в начальной стадии зарождения шежере, когда оно бытовало только в народной памяти, художественные мотивы могли быть более выразительными.

С XVI в. в повествовательных шежере чаше появляются подробные описания исторических событий. Центральное место в них обычно занимает рассказ о присоединении башкирских родов к Русскому государству. По своему характеру они тяготеют скорее к исторической повести, в них присутствует оценка деяний рода, отношение к истории народа в целом. Вместо бесстрастного пересказа событий составитель шежере облекает их в красочную литературно-художественную форму, при недостатке материала прибегает к вымыслу и фантазии. Таковы, например, шежере племен Юрматы, Мин, Кыпсак, Усерган, Табын, Бурзян и Тамьян, являющиеся в какой-то мере художественным отражением истории башкир, образа их жизни, межродовых отношений. Этот тип шежере демонстрирует переплетение стилей исторического сочинения и художественного повествования *[Башкирское...* 1987. Т. I. С. 7].

Структура башкирских нарративных шежере подчинялась определенным нормам и канонам. Большинство родословных записей состоит из 2 частей: введения и основной части. Во введении обычно дается название рода (племени) и вкратце излагается какая-либо древняя легенда или миф, которые служат своего рода доказательством древности, благородности генеалогического древа. Основная же часть представляет собой хронологию имен по мужской линии, местами переплетающуюся с описанием наиболее важных исторических событий и явлений, связанных с жизнью и деятельностью той или иной личности. Здесь, в отличие от вводной части, повествование приобретает более реалистический, достоверный характер. Заключения как такового в шежере, обычно, не бывает. Ибо этот жанр предполагает продолжение, дополнение текста последующими поколениями.

Для шежере характерен свой специфический стиль. Он всегда сжат и экспрессивен. Его своеобразие прочно связано с двумя основными органически сочетающимися источниками: письменной литературой и устным народным творчеством. В описании древности в шежере используются мифы, легенды и предания, при необходимости же приводятся данные из документов *[Хусаинов,* 1996. С. 103]. Своеобразие стиля отдельных башкирских шежере напрямую связано с тем, что в них прозаический текст местами чередуется со стихотворным. Включенные в рукописи прозаические строки в большинстве случаев имеют фольклорное происхождение и отличаются простотой, общедоступностью языка. Это наглядно видно в родословных записях Тамьян-Катайского и Усерганского родов и племен. Поэтические строки, включенные в одну из версий шежере племени Усерган, по своему внешнему строению и формальным признакам напоминают кубаир — эпический жанр башкирского фольклора. Здесь нет полного генеалогического перечня имен, присущего прозаическим и смешанным текстам родословия. Имена потомков Муйтен-бия сопровождаются небольшими, но меткими характеристиками *[Башкирское...* 1987. Т. I. С. 82].

В шежере рода Карагай-Кыпсак племени Кыпсак имеет место пересказ сюжета широко известного башкирского эпоса «Кусяк-бий». Здесь, как и в нескольких сохранившихся вариантах данного эпоса, повествуется о междоусобной борьбе между феодалами двух племен, происходившей до присоединения Башкортостана к Русскому государству. Каракулумбет, стремясь быть ханом, убивает своих главных претендентов - кыпсакского бия Бабсака и его сына Шикманая. От беременной жены Бабсака рождается сын Кусяк, который, достигнув 12 лет, прибывает во главе войска на землю Каракулумбета и мстит за отца, но рода его не трогает. Сюжет эпоса передается в шежере как действительно происходившее событие, в нем называются точные места поселений и сражений (верховье Алакуяна, пещера Шульган, гора Базал, р. Агидель, поле Тарагы и т. д.), отсутствуют присущие всем фольклорным вариантам эпоса мифические детали. Поэтому он больше тяготеет к художественно-документальному повествованию, чем к варианту фольклорного произведения *[Там же.* С. 110-112].

Шежере рода Ялан-Бурзян племени Бурзян написано в течение трех поколений и охватывает по времени около 150 лет. Каждый из трех авторов имел хорошее образование: создатель первой части шежере Габдулла Габбасов (1680-1765) в течение

десяти лет учительствовал среди казахов; его сын Зайнагабдин (1727-1807) десять лет обучался в медресе, затем учил детей, состоял имамом; сын Зайнагабдина Искужа (1757—?) преподавал язык тюрки в Стерлибашевском медресе. В записях Габдуллы, изложенных в 1753 г., речь идет о событиях конца XVII - первой половины XVIII в. Рассказывая о своем жизненном пути, он невольно передает самые характерные для Башкортостана той эпохи события — стычки между соседствующими родами из-за захвата и угона скота друг у друга (баранта, барымта), возмущение местного населения произволом царских чиновников, переселение башкир с места на место в поисках лучших земель. Продолжение этих событий во второй половине столетия описывает Зайнагабдин в следующей части шежере. Неторопливым, легким языком подробно и картинно изображает те же переселения, упоминает о настигших их стихийных бедствиях, об открытии властями рудника и его влиянии на жизнь населения, воссоздает процесс превращения Стерлибашевского медресе в один из крупных центров просвещения в Башкортостане. Последняя, третья, часть шежере, написанная Искужой и представляющая более частный характер, по времени создания и по содержанию относится уже к XIX в. [*Жанровая*... 2007. С. 109-117].

В период консолидации башкирских родов и образования единой народности люди стали интересоваться историей не только своего рода, но и родоплеменного объединения и даже целого этнического региона. Этот период по времени совпадает с зарождением тюркской переводной и самобытной исторической литературы — таварихи и тарихнаме. В XVI-XVIII в. переводятся сочинения Рашид ад-Дина, Джувейни и др. известных восточных историков. Позднее на этой почве начинают появляться собственно тюркские исторические сочинения под жанровыми названиями «таварих» и «тарихнаме». Среди башкир широкое распространение получают «История башкир», «История усерганов», «Чингизнаме» («Книга о Чингизе») неизвестных авторов, а также «Таварих-и Булгария» («Булгариевы истории») Хисаметдина Муслими и «Тарихнаме-и Булгар» Тажетдина Ялсыгулова. Тюркские таварихи имеют определенное сходство с русскими летописями и хрониками, но не идентичны им. По своей жанровой природе они генетически связаны с местными шежере и историко-литературными памятниками средневекового Востока.

«Чингизнаме» — сложное по тематике и структуре историко-литературное произведение. Первоначальный вариант его был написан предположительно в конце XVI — начале XVII в. [*Игнатьев,* 1893. С. 78—79]. Оно тесно связано с башкирским фольклором, в частности, с древними дидактическими кубаирами, со старинной песенной легендой «Мелодия Буягым-хана и ее история», с народными эпосами «Кузы-Курпес и Маянхылу», «Кужак и Таргын», «Карас батыр» и др. Произведения устно-поэтического творчества не только поднимают художественно-эстетическую ценность «Чингизнаме», но и вносят в его содержание демократические и гуманистические идеи. В сочинении воспеваются такие человеческие качества, как целеустремленность, бескорыстность, уважение старших, любовь к родине, и осуждаются жестокость, алчность, предательство и высокомерие.

Анонимный автор многое заимствовал также из шежере, в том числе из родословных записей юрматынского, усерганского, табынского и других башкирских племен. Восточные традиции, которые прослеживаются в «Чингизнаме», восходят к средневековым арабским и персидским «всеобщим историям», к сочинениям о пророке Мухаммеде и его последователях, к монгольским манускриптам о Чингисхане. В нем обнаруживаются также мотивы древнетюркских письменных памятников «Китабы деде-и Коркут» и «Шежере-и тюрк» Абулгази *[Антология*... 1999. С. 255—290].

В XVI-XVIII в. в тюркско-башкирской литературе бытовал и жанр тарихнаме, содержавший элементы как шежере, так и тавариха. Однако, в сущности, он является самобытным жанром. В тарихнаме повествование начинается с мировой истории, вернее, с мифических и легендарных сюжетов о сотворении мира, всемирном потопе, первых пророках и т. п. Далее описываются события регионального масштаба, жизнь и деятельность известных исторических личностей. Нарративный текст, который тесно переплетен с генеалогией имен, заканчивается рассказами о прошлом отдельно взятого рода или племени.

К числу подобных сочинений относится «Тарихнаме-и булгар» Т. Ялсыгула, написанное в конце XVIII в. В нем повествование начинается с имен Адама и Евы, со всемирного потопа и завершается описанием истории айлинских башкир [*Галяутдинов,* 1998]. Начальная часть сочинения типологически тяготеет к средневековым западным историческим хроникам и состоит преимущественно из мифов и легенд. В основной части, где излагается история тюркских племен и народов, чаще встречаются элементы реалистичности и правдоподобности. Заключение же идентично обычным повествовательным шежере. Здесь автор больше расска-

зывает от своего «я» и генеалогию имен чередует с собственными воспоминаниями об увиденном и пережитом.

Сохранилось до наших дней еще одно тарихнаме - «Истории усерганов» («Усерган таварихы») неизвестного автора *[НБ УНЦ РАН*. РБ 2279]. По структуре и содержанию оно несколько отличается от сочинения Т. Ялсыгула. В нем представлены две генеалогические линии, и нарративный текст начинается с имени Нуха (Ноя) и его сыновей. Аноним больше внимания уделяет описанию прошлого башкирских родов и племен и указанию границ занимаемых ими земель.

Значительными образцами башкирских письменных памятников, возникших на основе слияния традиций народного эпоса и литературы, являются «Куз-Курпяч» и «Алдар и Зухра». Жанр этих памятников исследователи определяют по-разному: эпическое повествование, повесть, народный роман, хикаят, поэма и др. Интерпретированные из эпического репертуара башкирского народного творчества и приобретавшие разновидность письменных литературных памятников, они все же по объему, тематике и форме стоят ближе к первым образцам жанра повести.

Эпические сюжеты, связанные с именами Курпяча и Баяны, были широко распространены среди башкир. В разное время записано более сорока вариантов эпоса. Большинство из них известно под названием «Кузыйкурпес и Маянсылу». В начале XIX в. на основе ряда известных версий эпоса создана его литературная интерпретация, которая в 1809 г. была переведена Т. Беляевым на русский язык и в 1812 г. издана в г. Казани под названием «Куз-Курпяч». Данное издание вызвало широкий интерес в научном мире. О нем в свое время высказывались Г.Б. Потанин, П.М. Кудряшев, В.И. Даль, В.В. Радлов, Н.В. Катанов, И.Н. Березин, И.М. Ильминский и др. *[Климович,* 1975. С. 336].

«Куз-Курпяч» не фольклорный памятник, а письменно-литературное произведение. В самом тексте содержатся явные признаки, неоспоримо указывающие на его «авторское происхождение». Во-первых, главные герои, в отличие от фольклорных версий, индивидуализированы, большое место уделено раскрытию их внутреннего мира и мировоззрения. Во-вторых, внесены детали и события, которых не было в остальных текстах: зеркало Мяская, в котором можно увидеть эпизоды из будущего; башкирские восстания и их предводители Акай, Кильмяк, Карасакал, Батырша и др. Они органично переплетены с основным сюжетом произведения и способствуют раскрытию его главной идеи. В третьих, вырисовывается личная позиция конкретного автора с его определенным мировоззрением и национальным самосознанием. Похоже, что он отлично знал башкирский фольклор, в том числе различные варианты эпоса «Кузыйкурпес и Маянсылу». Многие детали автор целесообразно заимствовал из нескольких народных вариантов, а ненужные, несмотря на то, что они в фольклорных текстах занимали устойчивое место, безжалостно отвергал. Автор знал, что эпос имел широкое распространение и среди казахов; более того, он был знаком с некоторыми его казахскими вариантами. Это обстоятельство помогло ему расширить и углубить идейное содержание литературной версии. Как известно, во всех без исключения башкирских фольклорных вариантах эпоса фигурируют лишь башкирские имена и, соответственно, защищается идея единства родственных племен. Автор же «Куз-Курпяча» осознанно выдвинул идею братства двух народов — башкирского и казахского, ибо предводителями племен являются башкир Карабай и казах Сарыбай. Автором рукописи «Куз-Курпяча» мог быть один из сэсэнов второй половины XVIII — начала XIX в. Учитывая специфическую атмосферу времени, сэсэн-курайчи намеренно расширил основную идею, содержащуюся в многочисленных башкирских фольклорных вариантах эпоса, и затронул проблему добрососедства двух родственных народов. В литературную версию автор вносит еще одно новшество: Куз-Курпяч, в отличие от подавляющего большинства народных вариантов эпоса, здесь не погибает. Счастливая концовка здесь символизирует бессмертие и вечность духа единства и силы любви. Эту идею автор подкрепляет и другими символическими эпизодами. Когда Сарыбай оказался под когтями Юлбарса, его спасает Карабай; между казахским парнем Барлыбаем и башкиром Куз-Курпячем завязывается крепкая дружба, между казахским ханом и Куз-Курпячем — отцовская и сыновняя любовь; Куз-Курпяч спасает кочевье и имущество казаха Сарыбая от нашествия врагов.

В тексте автор последовательно придерживался уважительного отношения к русскому народу и стремился дать объективную оценку русско-башкирским отношениям. Данная проблема затрагивается в беседе Куз-Курпяча с Мяскаем; в волшебном зеркале последней разносторонне показываются картины взаимоотношений русских и башкир. Башкирские предводители, осмелившиеся поднять народ против «белого хана» (царя), казалось бы, осуждаются со стороны автора — Мяскай их называет «злодеями», «коварными». Однако далее каждый из них упоминается с восхищением: «предприимчи-

вый батыр Карасакал», «неустрашимый батыр Акай», «мужественный Кильмяк», «смелый и мужественный Батырша...» [*Башкирское...* 1973. Кн. 2. С. 96]. Бесспорно, симпатии поэта-курайчи и Мяская на их стороне.

В «Куз-Курпяче» на первый план ставятся также морально-этические проблемы. Действия героев оцениваются исходя из самых высоких требований народной этики. Проводится мысль, что люди, равно как и племена и народы, должны поддерживать между собой дружеские, добрососедские отношения. Главный герой произведения ни при никаких обстоятельствах, даже в самых экстремальных ситуациях, не допускает отступлений от устоявшихся морально-этических норм; его личностные качества автор незаметно связывает с национальным характером башкир и стремится вызвать у читателя чувство гордости за свой народ. В авторской версии морально-этические вопросы усилены, можно допустить, сознательно. Скажем, в ряде народных вариантов эпоса после гибели Карабая его род постигает разорение, что становится причиной разлада с Сарыбаем. Имущественное благополучие выступает решающим фактором, в «Куз-Курпяче» основной конфликт построен на человеческих отношениях. Поэт-курайчи хотел видеть, что честность и правдивость для Куз-Курпяча — превыше всего, поэтому он отказался от показа каких-либо недостатков своего героя, чуждых идеальному джигиту.

Через личные переживания главного героя и его отношение к своей возлюбленной автор поднимает еще одну важную тему — тему любви. В большинстве башкирских фольклорных вариантов эпоса главные герои, любящие друг друга, погибают. Это значит, что народное мировоззрение допускало невозможность противостояния силы любви злым, отрицательным силам. В «Куз-Курпяче» перед влюбленными также предстает множество преград. Но они, в основном, связаны с главной идеей произведения - здесь речь идет о препятствиях, которые мешают сближению двух народов, т. е. в произведении тема любви не претендует на равенство с центральной проблемой, а больше служит для раскрытия красоты души и духовного величия героев, которые борются за дружбу и единство соседствующих родственных народов.

Огромный житейский опыт, знание истории и словесного искусства, природный литературный опыт поэта-курайчи способствовали созданию произведения, представляющего собой синтез традиций средневековых народных эпических повествований и письменной литературы нового времени.

Произведение «Алдар и Зухра» *[Там же.* С. 151—292], созданное в конце XVIII в. и переведенное, предположительно, Т. Беляевым, также пронизан колоритом устного народного творчества. Об этом говорят мотивы кубаиров, сказок и легенд, свойственные фольклору изобразительные приемы и средства. Есть в нем несколько сюжетных линий, которые образуют единый узел. В этом смысле «Алдара и Зухру» некоторые исследователи называют народным романом, который принадлежит, как и «Куз-Курпяч», перу талантливого человека. Исходя из наличия многих общих качеств, большинство исследователей склонно считать, что башкирские оригиналы обоих этих произведений были написаны одним и тем же человеком.

«Алдар и Зухра» был обнаружен в 1961 г. в рукописном отделе библиотеки им. М.А. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ныне - Российская национальная библиотека. В русском переводе он назван «Мои вечера. Сказки башкирские». Оригинал памятника не известен. Первая публикация в обратном переводе поэта Р. Гарипова на башкирский язык появилась под названием «Алдар и Зухра».

Данное произведение является как бы логическим продолжением «Куз-Курпяча». Об этом красноречиво свидетельствуют созвучность основных сюжетных мотивов, языка и стиля повествования, употребление одних и тех же приемов и средств изображения, художественных деталей и др.

Мировоззрение автора, его знание изустной и письменной литературы наложили отпечаток на языко-стилевые особенности памятника. В нем преобладает стиль эпических жанров башкирского народного творчества: эпоса, сказок, легенд и преданий. Местами ощущается также влияние языка общетюркских и башкирских письменных памятников. Повествование о реальных событиях эпизодически чередуется с мифическими элементами, оно пронизано атмосферой общетюркских архаических эпосов и других средневековых дастанов, а картины охоты, конных скачек, различных состязаний, раздачи подарков, праздничных угощений описаны в мельчайших подробностях, с глубоким знанием быта и обычаев башкир. Преобладание натуралистических красок не помешало, однако, общему приподнято-романтическому духу стиля повествования.

Древние письменные традиции словесности различных народов не проводят резкого разграничения между различными документами, публицистической и художественной литературой. В башкирском литературоведении письма, послания, поучения и сказания изучаются и как явления худо-

жественного творчества. Из письменных памятников башкир в этом плане достойны внимания различные записи об исторических событиях, послания и письма. А послания царям, несущие на себе печать творчества, сами по себе составляют важную и своеобразную письменную традицию, которая получила название «эпистолярная литература». К XVI—XVIII в. относится немало текстов писем и посланий, обладающих элементами художественности, публицистики и дидактики. По объему и художественной ценности они не равнозначны. Но традиции документально-публицистического письма идут у башкир с более ранних времен. С середины XVI в. они письменно обращались к единовластным государям и высшим органам власти России с вопросами государственной важности, а их ответы воспринимали как дорогие реликвии. С огромным интересом восприняли башкиры грамоты и ярлыки царя Ивана Грозного, их содержание они отразили в текстах шежере. В 1617 г. башкиры-минцы писали письмо царю Алексею Михайловичу, в котором нашли отражение не только факты и материалы, но и форма и стиль повествования ранних эпистолярий. В начале XVIII столетия (1706 г.) башкиры жаловались Петру I на свое тяжкое экономическое положение, на тяжесть социального и национального гнета. Лет двадцать спустя башкиры Уфимского уезда сообщали Петру II о притеснениях целовальников *[Очерки...* 1956. С. 141].

Эпистолярные произведения изучаемой эпохи охватывают самый разнообразный круг вопросов. Письма Салавата Юлаева, написанные в период Крестьянской войны 1773-1775 гг., в подробностях раскрывают проблемы, которыми приходилось заниматься повстанцам. Наказы депутатов Уложенной комиссии 1767-1768 гг. Базаргула Юнаева и Туктамыша Ишбулатова поднимают самые актуальные проблемы для Башкортостана мирного времени — вопросы земли, хозяйствования, торговли, права и др. Во многих письмах до мелочей отражены будничные житейские нужды населения.

Самое крупное эпистолярное наследие середины XVIII в. — письмо руководителя башкирского восстания 1755 г. Батырши Алиева императрице Елизавете Петровне, которое известный русский историк С.М. Соловьев оценил как «любопытный рассказ о своих похождениях» *[Соловьев,* 1965. Кн. 12. Т. XXIII-XXIV. С. 386]. Это письмо является ценным историческим и литературным памятником *[НБ УНЦРАН.* Ф. 7. Д. 1781]. Как известно, в период подготовки восстания Батырша выступил активным организатором масс, обратился к ним с воззванием бороться против колонизаторов. После разгрома восстания Батырша был пойман. Во время скитаний до поимки он питал в себе заветную мечту — повидать царицу и выложить ей свои мысли о положении в башкирском крае, о причинах волнений местного населения и о доле своей вины перед властями. В ходе следствия настойчиво просил устроить ему свидание с ней. Узнику подсказали изложить свои мысли в письменном виде и обещали вручить его пакет императрице. Так возникло знаменитое письмо Батырши, которое так и не дошло до адресата.

В самом начале записок автор по пунктам перечисляет причины, вызывавшие недовольство башкир. Главными из них являются, указывал он, безнаказанное злоупотребление служебным положением начальников, стоящих у местной власти, запрещение населению доставлять соль из месторождений, насильственная христианизация мусульман и т. д. Затем Батырша подробно описывает свои поездки в различные уголки провинции, которые он совершал с целью изучения настроения народа. В нескольких страницах произведения рассказывается о похождениях автора вплоть до ареста и этапирования в центр России в сопровождении охраны.

Это объемное произведение далеко от сухой констатации событий, здесь каждое явление, действие, каждый незначительный факт комментируются философскими размышлениями, раскрывающими мировоззрение автора. Проблемы, отражающие настоящие идейные воззрения автора, проходят красной нитью через все произведение. Вопиющие беззакония местных начальников названы в письме самой главной причиной происшедших в крае волнений. Сам факт желания обратиться с письмом к царице говорит о том, что главный корень всех зол он видел не в императрице, а лишь в рядовых исполнителях политики царизма по отношению к «инородцам» России.

В то же время Батырша ясно различал социальную неоднородность местного населения: с болью в душе он пишет о тех же бесчинствах должностных лиц из среды башкир и мишарей. Об одном своем односельчанине, самоуправном старшине Яныше, например, автор пишет: «У него так много злодеяний, что все эти злодеяния невозможно пересказать. Тем не менее не говорить о некоторых из них тоже нельзя» *[Письмо...* 1993. С. 43]. Далее на нескольких страницах перечисляет его отрицательные качества, создает портрет типичного деспота. Батырша разоблачает Яныша как наглого, алчного, морально разложившегося человека, взяточника, тянувшего за собой к несправедливости многих должностных лиц. Автор письма ненавидит и другого своего зна-

комого - старшину Сулеймана, который впоследствии оказался причастным к его аресту.

В произведении есть строки, которые свидетельствуют об отсутствии у автора слепой ненависти ко всему пришлому населению. На страницах записок рассказывается о том, что башкиры имели друзей и знакомых среди русских и охотно вступали с ними в контакт, доверяли друг другу секреты.

Письмо Батырши в равной мере является ценным источником для философов, историков, языковедов. В то же время оно воспринимается и как художественное произведение. Здесь и обширные диалоги, и портретная характеристика героев, фразеологические обороты, сравнения, метафоры и другие художественно-изобразительные средства. Главные свои мысли об угнетенном положении башкир, образе их жизни, обычаях, думах и чаяниях автор передает через эпическое повествование и описания конкретных событий. Вот как описывается характер одного из героев: «Праведное слово должно быть высказано. Ваше положение похоже на положение лисицы, у которой хитрость исчерпана, шерсть сошла, и когда ее догоняет собака, она виляет хвостом то направо, то налево» *[Там же.* С. 48].

Как и всякий автор художественного произведения, Батырша невольно раскрывает перед читателем свой внутренний мир. В разговоре с людьми во время поездки по Башкортостану постепенно вырисовывается образ идеолога восстания - серьезного, рассудительного, решительного и образованного человека. Интересен его диалог с бурзянскими башкирами. Заметив их запуганность, нерешительность и недоверчивое отношение к нему, Батырша бросает им: «Бороды ваши поседели, по наружности люди [вроде] хорошие, но умы у вас все еще несветлые, слова - непутевые» *[Там же.* С. 51].

Письмо Батырши не было известно его современникам. Находящиеся на архивных полках бумаги в течение двух столетий оказывались доступны лишь узкому кругу научной интеллигенции. Но народ долгие годы хранил в своей памяти образ этого мудрого, образованного человека, разделял его взгляды, слагал о нем песни, легенды и предания. В легенде, записанной в 1973 г. в д. Верхний Карыш Балтачевского района Башкортостана у Мавлитова Лутфирахмана, рассказывается о личности и деятельности Батырши *[Башкирское...* 1980. С. 189-191]. Любопытно, что многое в ней, а именно, - начало и ход восстания, появление воззвания Батырши, его биографические данные, вражда с хитрым, алчным старшиной Янышем и многое другое, — детально совпадает с изложенными в письме событиями и фактами.

Во второй половине XVIII в. в Петербург были отправлены несколько посланий, адресованных Екатерине II. Авторами двух из них являются депутаты Уложенной комиссии 1767—1768 гг. из Уфимской и Исетской провинций Башкортостана Туктамыш Ишбулатов и Базаргул Юнаев. Их послания составлены в виде наказов, где учтены и обобщены требования башкирского народа. По содержанию эти документы согласуются друг с другом: они составлены после предварительной беседы авторов и выработки ими единого мнения. В этих письмах требования населения, в зависимости от их важности, помещены по определенной системе. Наказ Базаргула Юнаева, например, имеет такую последовательность: сначала дается краткий экскурс в историческое прошлое башкир, упоминается их участие в Азовском, Рижском, Прусском походах, затем излагаются требующие принятия неотложных мер проблемы землевладения, хозяйства, поднимаются вопросы торговли, права и местного управления. Наказ Туктамыша Ишбулатова охватывает примерно тот же круг вопросов. Авторы сумели глубоко и разносторонне проникнуть в суть общественно-политической атмосферы и социально-экономического положения всего Башкортостана и подсказать некоторые меры для улучшения быта населения *[Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М,* 2005. С. 92—122].

В 1793 г. башкиры послали на имя Екатерины II коллективное письмо, которое в начале XX в. было опубликовано на страницах журнала «Маглумат». В нем в нескольких пунктах изложены просьбы населения. Главный пункт касался набора людей на линейную службу башкир. Авторы просили присваивать «живущим в домах» военнообязанным лицам воинские должности и выдавать удостоверения, а также приравнять жалованье младших и старших командиров башкирских войск к жалованью донских казаков.

Наказы Базаргула Юнаева и Туктамыша Ишбулатова и письмо 1793 г. по художественно-эстетическим качествам несколько уступают запискам Батырши Алиева. Но все они носят публицистический характер. В них поднимаются разносторонние проблемы общественной и частной жизни; в текстах ярко проявляются присущие данному литературному жанру черты — убеждающий или призывающий пафос, эмоциональность, обличение недостатков действительности, а их авторы предстают как общественные деятели, защищающие интересы своего народа. Эти признаки отчасти присутствуют и в других рукописях XVIII в.

К XVII-XVIII в. относится множество небольших писем и деловых бумаг. Среди них преобладают договорные и поверенные письма, прошения, ра-

порты, доношения, житейские и мировые записи, документы народных восстаний и прочие тексты. Они не отличаются художественными достоинствами, написаны сухим официальным языком. Но заслуживает внимания их содержание, которое непосредственно отражает атмосферу эпохи, рисует отдельные мелкие подробности жизни и быта, социальных отношений башкирского народа, выражает его мировоззрение и этико-эстетические взгляды. Среди авторов подобных текстов есть видные люди эпохи, сэсэны и поэты. Сэсэны Кильдыш и Еммет участвовали в составлении коллективного письма в органы власти с просьбой освободить руководителей восстания 1737-1739 гг. [*Материалы*... 1936. Ч. 1. С. 307-308]; в одном из документов о продаже земель есть подпись Каракай-сэсэна Суюндукова. Уместно здесь упомянуть и о указах, наставлениях, письмах, распоряжениях поэта-сэсэна Салавата Юлаева, а также Юлая Азналина, Кинзи Арсланова, Каскына Самарова, Бахтияра Канкаева, Канзафара Усаева, Базаргула Юнаева и др. [*Крестьянская*... 1975. С. 32, 66, 103, 229-230].

В записях такого характера гораздо больше, чем в иных литературных памятниках эпохи, заметно влияние идейно-политических воззрений передовых представителей русского народа за права угнетенных. Это особенно видно в документах периода Крестьянской войны 1773—1775 гг. Идеи освободительной борьбы, выраженные в манифестах, указах, письмах и распоряжениях повстанческой Военной коллегии, отразились и в бумагах сподвижников Пугачева из числа башкир.

Своеобразной разновидностью синкретической литературы XVI—XVIII в. стал жанр саяхатнаме (путевые записи). Его истоки также восходят к средневековым восточным и западноевропейским памятникам - к сведениям арабских путешественников о башкирах, начиная с Ибн Фадлана (X в.), сочинениям Вильгельма Рубрука, Плано Карпини, тюркоязычным саяхатнаме различного направления (хаджнаме, саяхатнаме и др.). В башкирской литературе наиболее раннее саяхатнаме относится к 1703 г. Это хаджнаме Муртазы Гали-ибн Кутлугуша о путешествии в Мекку. К сожалению, сам текст до нас не дошел, известен пересказ его содержания Ризой Фахретдиновым *[Ризаэтдин*... 1900]. Более знакомо широкому кругу читателей «Путешествие Исмагила» *(«Исмәгил ага сәйәхәте»)*, созданное торговцем Исмагилом Бикмухаметовым в начале 80-х гг. XVIII в. *[Антология*... 1999. Т. I. С. 303-392]. Он родом из Сеитовской слободы близ Оренбурга. В 1751 г. вместе с четырьмя спутниками в качестве торгового посла Русского государства отправился в Индию. Маршрут его проходил через страны Средней Азии, Афганистан, Ирак, Саудовскую Аравию, Сирию, Турцию. Во время путешествия спутники Исмагила погибают, а он сам смог вернуться на родину только через 30 лет. Обо всем этом он рассказывает в своем «Путешествии...» эмоциональным, колоритным языком. Начиная с 1862 г. оно неоднократно издавалось в Казани и Уфе. В год возвращения Исмагила (1783 г.) в дальнее путешествие в ближневосточные страны отправляется Мухаммет Амин Гумар-улы. Путь его пролегал через Кавказ, Турцию, Египет в Саудовскую Аравию, а основной целью путешествия было паломничество. Его саяхатнаме отличается религиозно-фантастическим описанием увиденного. Другой автор - известный лексикограф и переводчик конца XVIII в. Мендияр Бикчурин - в 1780 г. в составе Российской экспедиции принимает участие в походе на Бухару, ведет дневниковые записи. В первой части записей зафиксированы впечатления и сведения автора, полученные по пути в Бухару: о жизни и быте казахского, каракалпакского и ногайского народов, о селах и кочевьях, реках, озерах и т. д. Вторая часть посвящена городу Бухаре и его достопримечательностям. Путевые записи М. Бикчурина вызвали интерес и у других тюркоязычных народов Средней Азии. В 1979 г. они были опубликованы в г. Ташкенте Х. Зияевым в его книге «Средняя Азия и Урал в XVIII в.»

В XVI—XVIII в. среди башкир были широко распространены и поэтические произведения.

Большая часть башкирской рукописной поэзии рассматриваемой эпохи была анонимной, имя создателя в то время оставалось еще на втором плане, главным для читателя было его произведение. Выделялись четыре основные тематические направления анонимной рукописной поэзии - дидактические поучения, философские раздумья о жизни, любовная лирика и тоска по родине. В различных источниках до наших дней дошло всего около тысячи строк *[НА УНЦ РАН*. Ф. 3. Оп. 30. Д. 1. Л. 3-5; Д. 2. С. 7; *НБ УНЦ РАН*. РБ 3741; *Башкирское*... 1978. С. 48-521].

Дидактические стихотворения поднимали преимущественно морально-этические вопросы. Главное содержание таких произведений — нравоучение. Обращаясь к читателю с советами, авторы опираются на средневековую восточную поэзию, на религиозно-дидактические дастаны («Древо мудрости», «Шодородие», «Суд», «Бери урок с трех человек», «Поучение» и др.). Во второй группе анонимных стихотворений философские размышления о жизни преподносятся без назидания, в виде монолога. Безымянные авторы стремятся познать разнообразные явления жизни, их смысл; философствуют

о ее благах, о молодости и старости; прожитую жизнь сравнивают с утекшей водой («Земные блага», «Законы жизни - как утекшие воды»; «Зима - светопреставление» и др.). В этих стихотворениях земное также переплетено с божественным, что указывает на их единство с произведениями, выведенными в первую группу.

Самое большое количество сохранившихся анонимных стихотворений этого периода представляет любовная лирика («Ханум», «Фатима», «Состояние влюбленного нелегкое...», «Бегал я днем и ночью...», «Кто в городе Оренбурге...», «Пустил стрелу, упала на крышу...», «Был бы я твоим...», «Стрелял я в лебедя...», «Твой тонкий стан», «Ресницы как стрелы» и др.). Видимо, в свое время они пользовались наибольшей популярностью среди грамотной части населения. Однако содержание большинства этих текстов однообразно, шаблонно. Многие стихотворения состоят из описания внешней красоты женщины, где ее стан сравнивается со стройным деревом, лицо - с солнцем или яркой луной, речь - с соловьиным пением, белезна зубов — с жемчужным блеском. В них сочинитель обычно выражает также свое горячее желание увидеть светлое лицо возлюбленной, стремление быть вместе или же оплакивает глубокую горечь утраты. Влюбленные авторы были неплохо знакомы с сюжетами классических восточных дастанов любовного содержания, ибо некоторые из них свое состояние сравнивают с положением героев этих произведений.

Часть анонимной поэзии представляют сочинения тех, кто волею каких-либо обстоятельств оказался на чужбине и тоскует по родине («Пришлось расстаться мне...», «Нет достоинства у урода», «Приветственное письмо», «Уехал я далеко, а родина осталась», «Между Казанью и Тоболом»), Эта категория стихотворцев чувствует себя лишним, покинутым. Далекая родина кажется для них раем, а земля, где они оказались, сравнивается с погребом, откуда нелегко выбраться. Хотя тексты данного цикла соприкасаются с темой родины, в них трудно уловить мотивы истинного, возвышенного патриотизма, что в избытке обнаруживается в импровизациях сэсэнов. Обособленно от всех этих групп стоит рукописный текст о помещике и заводовладельце А.И. Тевкелеве, где неизвестный стихотворец, глубоко презирая беспощадного чиновника, зло высмеивает его, разоблачает как жадного кровопийцу («Байт Тафтиляуа»).

Анонимная башкирская поэзия создана представителями разных социальных слоев, среди которых настоящих защитников интересов трудовой массы было немного. Поэтому неудивительно, что пока вовсе не обнаружены среди них тексты, в какой-либо мере затрагивающие открытые народные выступления. Нет в них (кроме последнего текста) также намеков на социальную несправедливость. Но анонимная поэзия приходилась по душе читателям, в первую очередь, из-за своей довольно складной стихотворной формы и любовного содержания. Она разнообразна по форме, имеются рифмы по канонам рубаи, газели, касыды, стопы и двустишия с несколькими вариантами стихосложения (7-7, 8-7, 8-8, 9-10, 11-12, 12-12, 15-15, 16-16).

Часть рукописной поэзии сохранилась под именами более или менее известных авторов. В относительно большом объеме (75 стихотворений) дошло до наших дней творчество Мавля Кулуя (Муллагула). Документальных свидетельств о личности поэта и его биографии нет. Немногие факты можно обнаружить лишь в его хикматах — суфийско-философских стихотворениях, некоторые из которых датируются второй половиной XVII в. М. Кулуй сочинял в основном религиозно-мистические произведения, в которых нередко встречаются и светские мотивы. В его хикматах звучит голос человека, не до конца отрешившегося от реальной жизни, от мирских забот *[Хусаинов*, 1982. С. 152—162].

Творчество же Тажетдина Ялсыгула и Габдрахима Усмана, которые вышли на литературную арену в конце XVIII в., характеризуется большей реалистичностью и широтой охвата проблем.

Тажетдин Ялсыгул (Тажетдин Ялсыгул улы аль-Башкурди, 1767-1838) - родом из айлинских башкир. Однажды, решив совершить хадж, отец взял его с собой в путешествие. Вместе с ним Тажетдин уже в юном возрасте успел побывать в Диарбекире, Стамбуле, «осваивал знания и науки» *[Уметбаев*, 1897. С. 49], по пути домой останавливался в Астрахани, Москве, Казани, Троицке и других городах России.

Оказавшись в местах, близких к самому центру мусульманской религии, он, безусловно, пережил заметное влияние ее идеологии. После приезда на родину по просьбе местных служителей духовенства *[Ялсыгулов*, 1908. С. 3] пишет толкование книги среднеазиатского суфия XVII в. Аллаяра «Субат ал-Гажизин» («Укрепление слабых») и в честь своей дочери Газизы новому произведению дает название «Рисаля-и Газиза» («Книга Газизы»), Структура этого произведения такова: по двустишиям приводятся отрывки из названной книги Аллаяра, написанной на среднеазиатском тюрки, затем они комментируются на волжско-уральском тюрки. Зачастую комментарии дополняются собственными высказываниями Т. Ялсыгула. Автор, в отличие от

Аллаяра, сурово осуждает порочных мулл и ишанов, призывает людей к справедливости, к отказу от использования чужого труда. В таких случаях религиозная проповедь включает в себя мотивы морально-этического назидания, поучительных примеров из реальной жизни. «Рисаля-и Газиза» пользовалась большой популярностью у местного населения, она была опубликована в Казани в 1847 г. и переиздана до начала XX в. более десяти раз. Известно и несколько рукописных ее списков.

Другое сочинение Т. Ялсыгула - «Тарихнаме-булгар» — художественно-этнографическое произведение светского характера, повествующее об историческом прошлом башкир *[Галяутдинов,* 1998]. Опираясь на рукописные и печатные исторические источники, легенды, предания и шежере, Т. Ялсыгул описал историю 85 поколений своих предков. Своеобразна структура сочинения: повествование чередуется с фольклорными сюжетами, а они, в свою очередь, — с генеалогической таблицей. Так, историю о булгарских ханах и башкирских биях заменяет подробное описание исцеления дочери Айдара-хана от болезни. Упомянуты также знаменательные события XVI—XVIII в., такие как покорение Иваном Грозным Казани, башкирские восстания под предводительством Сеита, Алдара, Акая, Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева.

Габдрахим Усман (Габдрахим Утыз-Имяни, 1752-1836) - из тех писателей, чье творчество с наибольшей полнотой отражает общие черты башкирской и татарской литератур конца XVIII — начала XIX в. и знаменует собой их переход в новое качество. Родился в д. Утыз Имян (ныне д. Новое Кадеево Черемшанского района Татарстана), учился в Каргалах, Бухаре, в 1798 г. обосновался в Стерлитамакском уезде Оренбургской губернии, был усыновлен начальником кантона башкиром Лукманом Усмановым из д. Мрясово и до конца своих дней жил там. «По этой причине, будучи мишарем от рождения, ушел в мир иной настоящим башкиром», - писал о нем Р. Фахретдинов *[Ризаэтдин...* 1904. С. 301].

Г. Усман оставил богатое творческое наследие. Ныне известно около 60 его произведений, более половины которых составляют стихи, написанные на арабском, персидском и тюркском языках. Они отражают сложную эволюцию и противоречивый характер литературы конца XVIII - начала XIX в., усиление в ней прогрессивных тенденций и реалистических мотивов.

В своих стихах поэт сосредоточивает внимание прежде всего на сложности бытия, неравенстве людей, которых разделяют богатство и бедность, знания и невежество, человечность и жестокость. Он осуждает богачей, лукавых мулл, алчных ишанов, сидящих на шее своих мюридов. Особенно сильно звучат ноты протеста в одном из его мунаджатов, в котором социальное зло персонифицировано в образах продажного судьи, хитрого городского главы, муфтия - соглядатая и жестокого султана. Мунаджат этот стал поистине народным и получил такое широкое распространение среди башкир, что известный русский фольклорист и музыковед С.Г. Рыбаков включил его в свою книгу под названием «Башкирский мунаджат» *[Рыбаков,* 1897. С. 54].

Размышления о причинах господствующей в мире несправедливости приводят поэта к мысли, что зло коренится в невежестве и недостатке знаний. По его мнению, знания являются источником бытия. Все добро, счастье и достаток - от знаний.

В 1898 г. башкирский литератор Кашафетдин Шахимардан издал в Казани сборник стихов «Китаб-и Мухиммат аз-заман» («Неотложное дело нашего времени»), приписываемых Г. Усману. В нем представлены стихи морально-этического содержания, призывающие людей к справедливости, к воспитанию в себе добрых человеческих качеств. Дидактическая поэзия в духе этой книги находит дальнейшее развитие в башкирской литературе XIX в.

В творчестве Салавата Юлаева (1754-1800) наиболее полно и ярко отражаются ведущие идейно-эстетические тенденции, особенности развития башкирской литературы XVI-XVIII в. Свои сочинения он создавал как письменно, так и в виде импровизаций. Соответственно, они бытовали и дошли до наших дней также двумя путями — в рукописных и изустных вариантах. Стихотворения, сложенные в письменной форме, переписывались и сохранились в рукописях.

Поэтом Салавата впервые назвал в печати русский историк и фольклорист Р.Г. Игнатьев. Во второй половине XIX в., обнаружив рукописи его стихотворений и отобрав семь текстов, он в подстрочном переводе на русский язык включил их в свой очерк о Салавате Юлаеве, подготовленный в 1875 г. и опубликованный после смерти автора *[Игнатьев,* 1893. С. 161-166]. «Мы не решаемся передать их рифмованными стихами, чтобы не отступать от смысла подлинного, башкирского текста», - предупреждает Игнатьев, представляя произведения Салавата читателям, и указывает: «Перевод сделан еще в 1868 г. покойным Г. Давлетчиным» *[Там же.* С. 161]. Пять стихотворений приведены в другой

работе того же периода — в очерке писателя Ф.Д. Нефедова о Салавате Юлаеве. Четыре из них совпадают с публикациями Игнатьева. Позднее упомянутые семь текстов, отобранные и изданные Игнатьевым, получили широкое распространение и печатались на башкирском, русском и других языках под названиями «Мой Урал», «Родная страна», «Битва», «Юноше-воину», «Мой кош» («Соловей»), «Стрела», «Зюлейха».

Импровизации же Салавата Юлаева собраны, текстологически обработаны и введены в научный оборот в 70-х гг. XX в. и позднее включены в его поэтические сборники [*Салават*... 2000. С. 29]. Они созданы в основных жанрах башкирской изустной литературы: кубаир «Присоединяясь к Пугачеву», айтыш с любимой девушкой Зюлейхой (в сборниках ответы Зюлейхи опущены), песни «Агидель течет, разбивая скалы...», «Летающий на небе дербник...», «Иду-бреду по дороге...», «Юрюзань, ты моя родная река», песни-четверостишия.

В поэзии Салавата Юлаева довольно четко прослеживается процесс созревания его художественного мышления, по которому можно определить последовательность создания тех или иных произведений, хронологию идейной эволюции автора. Впервые к поэтическому творчеству приводят его любовные чувства. В стихотворениях «Зюлейха», «Иду-бреду по дороге...», в айтыше с Зюлейхой наблюдается много общего с любовной лирикой рукописной поэзии эпохи. Но Салават, в отличие от нее, не ограничивается простым описанием внешней красоты девушки, а выражает глубокое гуманное отношение к женщине через изображение реальных, земных чувств, переживаний молодого человека. Любовная лирика, впервые вызвав у Салавата Юлаева страсть к поэзии, осталась одной из постоянных тем его творчества. Описание своих трепетных чувств по отношению к семье и детям нашло отражение и в сочинениях периода Крестьянской войны. В ряде строф песен-импровизаций Салават мысленно обращается к своей Зюлейхе и дочери Минлиязе. Трогательность отношения поэта к семье и детям, а также заботы о них подтверждаются его рукописями в прозе. «О женах и детях подайте в Оренбург доношение, прописывая то, что родственницы наши их тому не научали, итак по сему б их освободили. А когда сего реченная губернская канцелярия сделать не может, то б представила в Сенат, чтоб государевы рабы у подчиненных во услужении не были. Детей же лета пропишите», — пишет он своим землякам из неволи *[Крестьянская*... 1975. С. 322].

Далее вырисовывается его пейзажная лирика («Мой Урал», «Родная страна», «Мой кош», «Стрела», «Агидель течет, разбивая скалы...»), где заметно возрастают гражданские нотки; восхищение родной природой становится средством выражения любви к родине, воспевания свободы духа. Пейзажная лирика юного автора своим появлением обязана традициям фольклора и творчества сэсэнов. Салавату больно за нечаянно подстреленную им самим безвинную ласточку; ему близок и мил голос соловья в родных местах. Эти живые существа являются для автора как бы частью живой природы родного края, а, значит, и родины. Образы объектов природы и ее живых существ - зверей и птиц — часто употреблялись автором в раннем творчестве как ассоциативное средство для передачи душевного состояния и внутренних переживаний лирического героя.

Особое место в творчестве поэта-воина занимает героическая лирика («Битва», «Юноше-воину», «Летающий на небе дербник», «Юрюзань, ты моя родная река», «С ратью Пугачева слившись...» и др.). Поэзия Салавата Юлаева периода Крестьянской войны подчинена героике борьбы, его пламенное поэтическое слово служило для пропаганды идей восстания. Обращение автора ко все более новым темам способствовало разностороннему раскрытию черт характера лирического героя, стремлению изобразить его энергичным, отважным, близким к действительности, живущим в мире противоположных переживаний. Образ молодого джигита, который смущается перед красивой девушкой, в условиях борьбы предстает перед читателем совершенно в ином качестве. Героическую лирику Салавата Юлаева можно рассмотреть в хронологии и внутри нее наблюдать становление его поэтического мастерства и расширение кругозора. К лирическому герою, влюбленному и не перестающему восхищаться родной природой, чувство героического приходит впервые через дерзкие деяния богатырей Гали, Абуталипа и других образов дастанов. Как видно из стихотворения «Битва», лирический герой питается их всемогущей силой:

Было время, время храбрых,
Божьих век богатырей:
Были Гали, Абуталип,
Саш* и Нариман.

* Очевидно, в публикации Р.Г. Игнатьева допущена опечатка; в дастанах «Саш» не встречается, есть герой по имени «Сами».

Вдохновленный подвигами сказочных богатырей, лирический герой Салавата Юлаева тоже, оседлав коня, вступает в бой и один отбивается от множества врагов. Здесь налицо влияние дастанов: батыр достигает победы больше сверхъестественной силой, нежели реальной. Но скоро понятие героизма в сознании поэта становится более конкретным, отдельные черты лирического героя сближаются с индивидуальными чертами самого автора. В импровизации «Летающий на небе дербник..» он признается, что силы одинокого воина не неиссякаемы. А по основной идее стихотворения «Юрюзань, ты моя родная река...» главная роль в войне принадлежит народу: лишь он может делать батыра — батыром, битву - победоносной.

В числе произведений Салавата Юлаева, входивших в героический цикл, по своему объему, значению и популярности особое место занимает стихотворение «С ратью Пугачева слившись...» [|*Салават*... 1994. С. 51-58]. По содержанию можно определить, что оно создано после возвращения Салавата из-под Оренбурга, когда он интенсивно занимался привлечением башкир Сибирской дороги к восстанию. Вместе с накоплением жизненного и боевого опыта совершенствуется импровизаторское искусство молодого сэсэна. Теперь уже его лирический герой полностью отражает внутренний мир автора, четко определяет его общественную роль как отважного полководца и талантливого сэсэна. «С ратью Пугачева слившись...» - единственное из его изустных произведений, дошедшее до нас в сравнительно большом объеме. Его содержание перекликается с кубаирами башкирских сэсэнов. Оно возникло, должно быть, в минуты огромного вдохновения сэсэна. Часто рассказывая этот кубаир перед народом, автор постепенно совершенствовал его содержание. В большой аудитории увеличивалась и вероятность запоминания его другими одаренными сэсэнами. Кто не был склонен к стихотворному творчеству, тот запоминал содержание и передавал его потомкам. Неслучайно это сочинение дошло до наших дней в двух видах — в стихотворной импровизации и нескольких вариантах прозы. Содержание текстов совпадает вплоть до детальной последовательности изложения.

В песнях-четверостишиях раскрываются мысли и переживания поэта, возникшие в последние дни восстания и после его поражения *[Там же.* С. 66—70]. Необходимо отметить характерное своеобразие четверостиший данного цикла. Каждая строфа сочинена самостоятельно, исходя из впечатлений от конкретного события или переживания автора, и представляет собой законченное целое. Одна из причин самостоятельности песенных куплетов, видимо, кроется в их возникновении в виде импровизаций отдельными завершенными строфами. Их внешняя форма сходна с народными песнями о Салавате. Поэт-импровизатор, стало быть, в некоторых случаях в качестве художественного приема прибегал к народной песенной форме.

Песенные строфы Салавата Юлаева при всей их самостоятельности имеют и общие признаки, объединяющие их в отдельный цикл. На первый взгляд кажется, что в четверостишиях отразились сугубо личные чувства поэта — грустные воспоминания, раздумья о допущенных ошибках. Но в целом они глубоко оптимистичны, тематика и поднятые проблемы предстают в еще более укрупненном виде и обобщают мотивы его творчества. Более зрелым становится идейно-художественное мышление автора. Поэт серьезно беспокоится за судьбу страны и народа, за их будущее. Ярче выражены здесь социальные мотивы, ненависть к врагам, уверенность в правоте своего дела, намеки на необходимость дальнейшего продолжения борьбы: «Не плачьте, не горюйте, что меня уводят, народятся еще славные батыры» *[Там же.* С. 68].

Способность пропустить каждое слово через свое сердце, наделить глубоким лиризмом — своеобразная особенность, характерная всей поэзии Салавата Юлаева. В каждом произведении периода Крестьянской войны через образ лирического героя утверждается поэтическое «я» личности автора. Умение мыслить с точки зрения интересов народных масс позволили песням поэта-импровизатора долгие годы бытовать среди народа.

Таким образом, в XVI-XVIII в. башкирская литература вступает в новый этап своего развития. Она испытывает процесс сложной и противоречивой эволюции от общетюркской к национальной словесности, от средневековой абстрактности и традиционализма, от синкретичности к дифференцированное™ жанров и жанровых форм.

ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ БАШКИР В XVI-XVIII в.

В XVI-XVIII в. школа башкир была тесно связана с мусульманской религией и ее деятельность осуществлялась на многоязыковой основе. Как известно, проникновение ислама в край началось еще на рубеже I—II тысячелетий н. э. В период Золотой Орды, особенно при хане Узбеке (годы правления 1312-1342 гг.), он утвердился среди местной знати. К середине же XVI в. исповедовала ислам и основная масса башкир-общинников. Не случайно при

принятии башкирами в середине XVI столетия русского подданства им была обещана полная свобода в отправлении «религии предков» [см., н-р: *Усманов,* 1982. С. 185]. Это гарантировало и поступательное развитие среди них традиционной системы мусульманского образования.

Отдельные элементы исламского образования начали распространяться в Башкортостане уже с X в. Известно, например, что в раннее средневековье некоторые башкиры обучались в Булгарском и Казанском ханствах, а также в городах Ближнего Востока (Багдад, Халеб), Туркестана (Бухара, Самарканд) и Египта [см, н-р: *Путешествие...* 1939. С. 66; *Хисаметдин бин Шарафетдин ал-Булгари,* 1870; *История...* 1937. С. 25; *Смирнов,* 1951. С. 58; *Амин алъ-Хали,* 1962; *Юлдашбаев,* 1970. С. 709; и др.]. Религиозные знания в крае распространяли среднеазиатские миссионеры (например, Хусаин бек бин Омар бек, умерший в начале 40-х гг. XIV в. и похороненный недалеко от современного поселка Чишмы Уфимского района Республики Башкортостан) [*Зернов,* 1859. С. 257—284; *Ризаэтдин бин Фахретдин,* 1899. С. 23; *Юсупов,* 1960. С. 22; и др.]. После взятия Казани - центра распространения ислама во всем Урало-Поволжье — войсками Ивана Грозного на территории Западного Башкортостана нашли прибежище многие татарские муллы и абызы, которые стали учить единоверных башкирских детей грамоте [подробнее см.: *Юлдашбаев,* 1972. С. 199; *История...* 1968. С. 95; *Усманов,* 1982. С. 57; и др.]. Таким образом, среди башкир появились зачатки школьного мусульманского образования, которые получили дальнейшее развитие уже в составе Русского государства.

Установить точную дату появления первых постоянно действующих школ в Башкортостане трудно. По сохранившимся письменным источникам это произошло не позднее XVII в. *[Система...* 1980. С. 109, 111-113; *История...* 1963. Т. I. С. 163]. В XVIII в. действовали известные крупные учебные заведения в д. Суюндук (1709 г.), д. Бала Чытырман (1713 г.), д. Стерлибаш (1720 г.), Сеитовском посаде (Каргала) под Оренбургом (1745 г.), д. Бураево (1755 г.), д. Тазларово (1767 г.), д. Балыклы (1771 г.), д. Курмантаево (1786 г.) и т. д. *[ЦИА РБ.* Ф. И-11. Оп. 1. Д. 959. Л. 12 об.—13; Д. 17 б. с 18, 30 об.-32, 57; *Тукаев,* 1899. С. 5; *Ризаэтдин...* 1900. Т. I. Ч. 2. С. 56; *Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 285]. Некоторые из них превратились в настоящие культурно-просветительские центры края, куда приезжали учиться юноши и из соседних регионов: Казанской губернии, казахских жузов. В центре Башкортостана особенно выделялось Стерлибашевское медресе, размещавшееся в 1780 г. в четырех зданиях, где работали, кроме мударриса, еще восемь его помощников - хальф, или учителей. Одним из них был Искужа бин Зайнагабдин из племени степных бурзянцев, который преподавал кроме прочего и арабский язык *[Там же.* С. 206, 217].

В Оренбургском крае ведущее место занимали медресе Сеитовской слободы (в 1784 г. переименована в Сеитовский посад), в котором обучалось значительное количество окрестных башкир. По сведениям на 1799 г. в Сеитовском посаде функционировали четыре мечети *[Готтлиб,* 1799. С. 8], и по традиции при каждой из них работала школа. Среди мударрисов Сеитовского посада особым уважением пользовались Габделрахман Шарипов (1743-1826), названный Шигабутдином Марджани «самым известным ученым своего времени» *[Марджани,* 1900. Т. II. С. 231], и Валиэтдин бин Хасан (1747—1831). Именно такие учителя приносили славу местным медресе. «Во время преподавательской деятельности мударриса Габделрахмана, - писал М. Умет-баев, — оренбургское село Каргалы как центр религиозных и светских наук не отставало от самой Бухары» *[Уметбаев,* 1984. С. 205].

К концу XVIII в. в пределах только Оренбургской губернии насчитывалось уже около 100 крупных мусульманских школ *[Фархшатов,* 1994. С. 17]. Число же мелких школ не поддается точному учету. Но участники академических естественно-научных экспедиций 1768—1774 гг. после посещения края писали, что в большинстве башкирских деревень имеются мечети и «духовные наставники или абысы, которые [в школах] юношество наставляют и молитвам учат» *[Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 9; *Записки...* 1822. С. 30, 40; *Рычков,* 1770а. С. 5]. «Обилие» школ и мечетей в Башкирском крае отмечал и преосвященный Августин, обозревавший в 1806 г. Оренбургскую епархию *[Малое,* 1868. С. 57].

Башкирские школы, как по форме организации, так и по содержанию учебно-воспитательного процесса, были похожи на учебные заведения всего мусульманского мира. Они носили наднациональный характер, то есть обучали детей и других окрестных мусульманских народов: татар, мишарей, казахов. Преподавательский состав был тоже интернациональным. Среди учителями работали татары, казахи, а даже выходцы из Средней Азии и Северного Кавказа (Дагестана) *[Ризаэтдин бин Фахретдин,* 1900. С. 59, 66]. Наиболее известным иностранным мударрисом в Башкортостане XVIII в. был Ишнияз бин Ширнияз ал-Хорезми (ум. в 1791 г.), долгие годы работавший в медресе Сеитовского посада *[НА УНЦ РАН.* Ф. 7. Оп. 1. Д. 3 (н.а. рых башкирских детей выступали также писари из

татар и мишарей, назначаемые по определению Орен-бургского губернатора И.И. Неплюева от 3 июля 1743 г. к башкирским старшинам «с тем, чтобы они сверх писарской должности обучали детей их татарской грамоте и письму» *[ЦИА РБ.* Ф. И-384. Оп. 1. Д. 1. ЈТ. 439 об.]. Иногда башкирские старшины северо-западной части Башкортостана для обучения детей приглашали абызов и мулл из Казанской губернии *[Записки...* 1822. С. 172; *Гвоздикова,* 1982. С. 189]. Среди самих башкир имелось значительное количество абызов — грамотных людей, которые часто выступали в качестве вольных учителей *[Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 285].

В башкирских школах применялась арабская письменность, которая постепенно вытеснила орхоно-енисейскую, распространенную ранее в быту тюркских народов *[Рычков,* 1770а. С. 72; *Паллас,* 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 12; *Рахим, Газиз,* 1924. Т. I. Ч. 1. С. 29; *Греков, Якубовский,* 1950. С. 175; *Юсупов,* 1960. С. 23; *История...* 1968. С. 53; *Хусаинов,* 1984. С. 23-24; и др.]. Традиционный набор учебных предметов строился на основе раннесредневековых классических трудов, написанных на арабском и персидском языках. Использовались также учебные пособия среднеазиатских и местных авторов на литературном языке тюрки, понятном всем тюркским народам. Применялись также книги на османско-турецком языке. Основными языками обучения выступали арабский и родной язык учащихся.

Учебные заведения башкир были всесословными: наряду с детьми зажиточных слоев в них обучались и дети рядовых башкир.

Большинство школ содержалось за счет добровольных пожертвований прихожан. Вместе с тем были и училища, финансируемые муллами, старшинами и баями, или же имеющие доходы с вакуфов - пожертвованных недвижимых имуществ (земельные участки, лавки, мельницы и т. д.). Русское правительство абсолютно не участвовало в материальном обеспечении башкирских школ, считая их частными религиозными учебными заведениями.

Башкирские школы второй половины XVI-XVIII в. обычно располагались в отдельных зданиях при мечетях. Они делились на начальные (мектеб) и повышенные (медресе). Основная цель первых состояла в религиозном воспитании подрастающего поколения и сообщении детям первоначальных сведений об исламской религии. В соответствии с этим строился учебный курс. Сначала шакирды (ученики) устно изучали арабский алфавит, после чего приступали к чтению Корана (по книге Афтийак) и книг духовно-назидательного содержания на тюрки: «Ахыр заман китабы» («Книга о конце света») Суфии Аллаяра, «Мухам-мадийа» Мухаммада Челеби, «Кисса-и Йусуф» Кол Гали, «Рисала-и Газиза» Таджутдина Ялсыгулова и др. В некоторых мектебах преподавались также письмо и счет.

После трех-четырехлетнего пребывания в мектебе ученики могли продолжить образование в медресе, традиционная программа которого включала грамматику (сарф и наху) арабского языка, логику (мантик), мусульманское богословие (гакида и калам) и право (фикх). По усмотрению заведующих повышенными школами - мударрисов в некоторых из них дополнительно преподавались риторика, правила стихосложения, астрономия, математика, каллиграфия и др. предметы. Почти все учебники и учебные пособия, применяемые в медресе, были написаны на арабском или персидском языках. Но при их изучении мударрис опирался на родной язык учащихся.

Учеба в медресе продолжалось около десяти лет, после чего его выпускники могли занять духовные должности (мухтасиб, ахун, имам, хатиб, муэдзин) или стать учителями (абыз, хальфа или мугаллим). В конце XVII - начале XVIII в. наиболее пытливые башкирские юноши после окончания медресе направлялись для пополнения своих знаний в Дагестан, Крым и Османскую империю, а позднее, особенно после построения г. Оренбурга, в Бухару и Самарканд *[Ризаэтдин бин Фахретдин,* 1899. С. 31—32; *Ризаэтдин бин Фахретдин,* 1900. С. 37; *Ризаэтдин бин Фахретдин,* 19086. С. 8].

Кроме мектебов и медресе, в Башкортостане широко была распространена домашняя форма обучения. Организованные мусульманские школы предназначались только для мальчиков и юношей, поэтому девочки обучались грамоте, прежде всего чтению, у жен мулл — абыстаев в домашних условиях. Таких домашних пунктов обучения было немало. Так, немецкий ученый И.Г. Георги после посещения в 1770 г. Башкирского края писал о существовании в башкирских деревнях наряду со школами для мальчиков «множества» школ для девочек *[Георги,* 1799. С. 9].

Мектебы и медресе башкир в целом справлялись со своими задачами по религиозному обучению и воспитанию подрастающего поколения. Помимо этого, они способствовали распространению элементарной грамотности среди населения. У башкир, писал И.Г. Георги, как и у других мусульманских народов, «грамотное знание и школы в употреблении» *[Там же.* С. 94]. Совсем не случайно уже со второй половины 1760-х гг. башкиры начали выступать за ограничение труда татарских и мишарских писарей, потому что, отмечал их депутат из Уфимской провинции в екатерининскую Уложенную комиссию 1767-1768 гг. Туктамыш Ишбулатов,

«между... башкирского народа ученых людей ныне состоит довольно» [*Материалы...* 1960. Т. V. С. 684].

О постепенном распространении грамотности на языке тюрки среди башкир свидетельствует и тот факт, что одной из действенных форм агитации за отстаивание национальных прав среди башкир в условиях усиления колониальной политики царизма были письменные призывы и воззвания *[Письмо...* 1993; *Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 193-194 и др.]. Многие легендарные руководители башкирских восстаний XVII—XVIII в.: Сеит, Карасакал, Юлдаш Суярембетев, мулла Батырша, Кинзя Арсланов, Салават Юлаев и др. были не только грамотными, но и широкообразованными для своего времени людьми *[Витевский,* 1889. С. 165; *Витевский,* 1897. С. 850; *Очерки...* 1956. Т. I. Ч. 1. С. 270; *Усманов,* 1962. С. 113; *Гвоздикова,* 1982. С. 52—53, 80; и др.]. Сохранившихся в архивах и частных коллекциях письменных документов башкир (например, прошения на имя императриц, губернаторов, воевод, переписка во время Крестьянской войны 1773—1775 гг.), а также рукописных книг — действительно множество *[Материалы...* 1936. Ч. 1; *Материалы...* 1949. Т. III; *Материалы...* 1960. Т. V; *Крестьянская...* 1975; *Гвоздикова,* 1982. С. 68, 203; *Воззвания...* 1988; и др.].

Вместе с тем грамотность в рассматриваемое время была привилегией преимущественно зажиточных слоев населения. Поэтому среди простых башкир по сообщению посетившего край в 1770 г. академика И.И. Лепехина «по редкости... чтецов» было распространено даже так называемое узловое письмо *[Записки...* 1822. С. 49].

Башкирские медресе подготовили сотни духовных и педагогических кадров. По сведениям на 1792 г. в Башкортостане насчитывалось 246 мечетей, а при каждой из них «по 1 абызу (мулла) и по 1 пономарю (муазин)», итого 492 духовных лица *[НА УНЦ РАН.* Ф. 3. Оп. 7. Д. 35. Л. 19]. Некоторые признанные религиозные деятели того времени были настолько влиятельными, что обладали даже правом выдавать предварительные разрешения на строительство мечетей, назначать к ним имамов, выносить на основе шариата и сунны самостоятельные богословско-правовые решения, то есть фетвы. Среди них: ахун Валид бин Максуд бин Дустмухаммад из д. Кармаскалы (Стерлитамакский уезд), ахун Габдулла бин Муслим бин Хайдаргали из д. Ахуново и др. *[НА УНЦ РАН.* Ф. 7. Оп. 1. Д. 3 (н.а.). Л. 32, 36, 37 об.].

Разумеется, не все выпускники медресе выбирали духовную карьеру. Некоторые находили применение своим знаниям на педагогическом поприще, иногда и за пределами Башкирского края. Известно, например, что в конце XVIII в. отдельные башкиры зарабатывали себе на жизнь обучением грамоте и основам религии казахских детей.

Деятельность сотен мусульманских школ привела к существенным сдвигам в мировоззрении башкир, что нашло отражение и в устном народном творчестве. Известный краевед М.В. Лоссиевский эти перемены описал следующим образом: «Коран стал [среди башкир] альфой и омегой, началом и концом всякой книжной мудрости. Батыры превратились в ревностных поборников ислама; в улены и сказки вмешалась религия, да и они у грамотных заменились произведениями уже другого рода, выходящими из Средней Азии» *[Лоссиевский,* 1883. С. 377].

Некоторые представители башкирской элиты также видели однобокость образования в традиционных мусульманских школах и выступали за открытие учебных заведений другого, светского типа. Так, в начале 1770-х гг. по инициативе известного рудознатца Исмагила Тасимова в Петербург было подано прошение об открытии для башкир специальной горной школы*. Горная школа в Башкирском крае не была открыта, но инициатива башкир не осталась совсем безрезультатной. Она послужила толчком для основания в 1773 г. в столице горного училища, преобразованного затем в Горный институт, ныне С. Петербургский горный университет.

Неуклонное расширение сети мусульманских школ в крае тревожило государственные органы. Мектебы и медресе рассматривались ими как одни из главных очагов «мусульманского фанатизма» и распространения среди местных мусульманских народов, особенно среди башкир, антиправительственных настроений. В ходе широкомасштабных антиисламских кампаний имперских властей в Башкортостане в XVIII в. наряду с мечетями были разрушены и сотни школ *[Акманов,* 1987; *Акманов,* 1991; *Акманов,* 1995а], а остальные поставлены под контроль. Еще в 1735 г. начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов предлагал центральным властям сократить в Башкирии количество медресе и мечетей, а мусульманское духовенство привлечь в качестве переводчиков для сношений с Востоком или выслать в другие губернии *[Материалы...* 1949. Т. III. С. 493—494]. И уже по закону от И февраля 1736 г. в Башкортостане было запрещено строительство мечетей и школ «без указов» *[Полное...* 1830. Т. IX. № 6890].

* Сам Исмагил Тасимов знал арабскую и русскую грамоту и был одним из составителей наказа от имени горнозаводчиков Пермской провинции в Уложенную комиссию Елизаветы Петровны *[ГАСО.* Ф. 24. Оп. 1. Д. 1412. Л. 151-164; *Асфандияров,* 1988; *Кулбахтин,* 1989; *Кулбахтин,* 19966; *История...* 2007. Т. И. С. 267].

Бесконтрольному существованию башкирских школ должно было положить конец Оренбургское магометанское духовное собрание, учрежденное в 1789 г. в г. Уфе как «высшеее» учреждение по делам мусульман Российского Востока. Но вследствие того, что функции этого правительственного органа законодательно не были четко определены *[Полное...* 1830. Т. XXII. № 16710, 16711; *Материалы...* 1960. Т. V. С. 562-564], мектебы и медресе Башкортостана лишь номинально подчинились ему.

Тем не менее, открытие муфтията в центре исторического Башкортостана не прошло бесследно для школьного просвещения башкир. Прежде всего, был нанесен существенный удар по широко распространенному домашнему обучению мальчиков в богатых и именитых семьях башкир. По замыслу учредителей Духовное собрание должно было следить, чтобы мектебы и медресе существовали «только при мечетях» *[Полное...* 1830. Т. XXII. № 16710; *Материалы...* 1960. Т. V. С. 563, 566]. Уже 5 декабря 1789 г. императрица Екатерина II строго предписала Уфимскому и Симбирскому губернатору барону О.А. Игельстрому, чтобы отныне не было обучения мусульман «в домах или других местах»*[РГАДА.* Ф. 16. Оп. 1. Д. 934. Ч. 5. Л. 77]. Эту задачу должно было решить создание института так называемых указных мулл, набираемых из числа «в верности надежных и доброго поведения» людей.

При специальном испытании кандидатов на духовные должности при Духовном собрании оценивались и их учительские способности с присвоением соответствующих педагогических званий — мударриса, мугаллима и мугаллима-сабияна. Имамы (муллы) мечетей таким образом приобретали официальное право открывать мектебы или медресе и заниматься там преподавательской деятельностью *[Фархшатов,* 1986. С. 34-43]. Все остальные, даже самые ученые и имеющие выдающиеся педагогические таланты, не получившие прав на обучение детей, считались нарушителями закона и сурово наказывались.

Формализация подбора учительского контингента башкирских школ привела к вытеснению из педагогической сферы многих способных людей, появлению коррупции при соответствующих экзаменах *[Ризаэтдин...* 1908а. Ч. 2. С. 9]. Но, с другой стороны, после открытия Духовного собрания произошла полная легализация существующих мектебов и медресе, которые должны были удовлетворить возрастающую потребность в духовных кадрах. Ведь только за 1789-1800 гг. в муфтияте были подвергнуты испытаниям и утверждены в духовном звании 1 921 чел., в том числе в 1791 г. — семь ахунов, 2 ахунских помощника, 51 мухтасиб, 527 мулл, или имамов, 9 мударрисов, 2 мугаллима, 339 муэдзинов и др. *[Материалы...* 1960. Т. V. С. 684]. Строительство все новых и новых мечетей (в 1800 г. их число в Оренбургской губернии достигло 1 141, а духовных лиц при них 1 921 чел. *[Кульшарипов,* 2003. С. 80]) дало мощный импульс открытию мусульманских школ в крае.

Вторым способом противодействия несоответствующим «видам правительства» мусульманским школам края имперские власти выбрали открытие государственных примечетских школ. Так, в 1789 г. на основании именных указов императрицы Екатерины II барону О.А. Игельстрому от 4 сентября 1785 г., 3 и 4 июня 1786 г. при Оренбургской мечети на Меновом дворе была открыта за счет казны «татарская школа» «по примеру казанских» на 64 ученика *[Полное...* 1830. Т. XXII. № 16355; *Добросмыслов,* 1902. С. 56]. В ней предполагалось обучать детей казахской знати, которые ранее посещали медресе Сеитовского посада. Несмотря на то, что для Оренбургской школы выстроили два специальных здания, она не пользовалась популярностью и в 1817 г. была закрыта [подробнее см.: *Князь Г.С. Волконский...* 1897; *Алекторов,* 1900. С. 2; *Добросмыслов,* 1902. С. 59-60]. Были ли предприняты такие же шаги по отношению башкир, не известно.

Третьим средством ограничения влияния мусульманских школ на башкир правительству представлялось открытие для них, как и для других «иноверцев» края, особых учебных заведений. Так, в 1735 г. в первоначальном Оренбурге (Орская крепость) для местных нерусских народов учредили «арабскую» и «калмыцкую» школы. Они должны были готовить из их среды низших чиновников, а также содействовать тому, чтобы «инородцы» «христианский закон приняли». Но вскоре эти школы значились функционирующими с 15 учащимися в Самаре при штабе Оренбургской комиссии, откуда в 1744 г. они были переведены во вновь основанный Оренбург, ставший последней резиденцией руководства указанной комиссии [см.: *Модестов,* 1917. С. 63; *Смирнов,* 1997. С. 147]. В 1738 г. было принято решение об устройстве уже в г. Уфе специальной школы «для обучения иноверцев русскому языку» *[Материалы...* 1936. Ч. 1. С. 366]. Но следов ее деятельности не сохранилось. И вопрос о том, как указанные учебные заведения коснулись башкирских детей, требует специальных архивных изысканий.

Но, в целом, принятые правительством меры не привели к созданию стройной государственной системы школьного образования в крае и большинство башкирских детей продолжало обучаться в традиционных мусульманских учебных заведениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Башкирский народ во второй половине XVI-XVIII вв., в первые столетия пребывания в составе Российского государства прошел сложный путь исторического развития. В середине XVI в. после падения Казанского ханства башкиры не хотели далее оставаться ни под властью Ногайской Орды ни Сибирского ханства. Трехвековое пребывание в составе разных политических образований не позволяло башкирам объединиться и начать борьбу за создание самостоятельного государства. Единственным выходом оказалось добровольное принятие подданства нового соседа — Русского государства. Тем более после завоевания Казанского ханства царь Иван IV направил к окрестным народам грамоты с призывом мирно войти в состав своего государства на условиях широкой автономии.

Добровольное вхождение башкир в состав Русского государства отвечало интересам обеих сторон. В соответствии с договором башкиры стали подданными русского царя, сохранили свои земли на вотчинном праве, вероисповедание и широкое самоуправление. Последнее заключалось не только в сохранении реальной власти башкирской элиты, что само по себе очень важно. Более значимым было то, что Иван IV согласился признать статус башкир как народа-вотчинника и Башкортостана как особо управляемой территории Русского государства. Башкиры получили право собираться на съезды *(йыйыны)* в пределах волости, четырех дорог и всего края для обсуждения назревших вопросов и доводить принятые решения до сведения уфимских властей, центральных государственных учреждений и даже до царя. Решения центральных властей публично сообщались башкирам, для чего созывались собрания представителей башкирских волостей и дорог в специально выделенной местности — вблизи г. Уфы на берегу р. Чесноковка. Вплоть до начала XX в. правительство продолжало практику приглашения представителей башкирского народа для участия в особо торжественных церемониях верховной власти Россий-ского государства (венчание царей на престол и т. д.).

С присоединением Башкортостана Русское государство расширило свою территорию от Волги до Тобола, значительно обогатилось природными ресурсами и увеличило численность населения. Это означало также улучшение стратегического положения страны, создание предпосылок для дальнейшего продвижения государства в юго-восточном и восточном направлениях.

Таким образом, соглашение башкир с Русским государством в середине XVI в. вполне можно оценить как крупнейшее историческое событие.

С вхождением башкир в состав Русского государства было покончено с их политической и территориальной раздробленностью, прекратилась междоусобица в крае. Русское правительство гарантировало башкирам как своим подданным мирную жизнь, защиту как от притязаний их бывших властителей, так и от вторжений внешних врагов. В условиях XVI—XVII вв. эти аспекты имели огромное значение, ибо ногайские власти, например, не собирались мириться с присоединением башкир к Русскому государству, пытались собирать ясак с башкир почти до конца века. Общеизвестен протест ногайского бия Уруса 1586 г. в связи со строительством крепости Уфы в центре Башкортостана. Несмотря на политическое ослабление Сибирского ханства, с подобными притязаниями выступали хан Кучум и его преемники.

В XVII - первой трети XVIII в. на южные и юго-восточные территории башкир неоднократно вторгались калмыки и казахи. В первой половине XVII в. на южные окраины башкирских земель от верховья Тобола до среднего течения Яика нападали калмыки, пытаясь захватить часть этой территории и там обосноваться. Башкирским отрядам при поддержке гарнизонов Тобольска и Уфы удалось отбиться от калмыков. В первой трети XVIII в. часть этих земель захватили казахи Младшего жуза.

В целом с середины XVI в. начинается новая эпоха в истории башкирского народа и Башкортостана. В составе Русского государства башкиры получили возможность спокойно жить и заниматься хозяйством. В течение XVII—XVIII вв. основным занятием большинства народа оставались полукочевое скотоводство, бортничество, охота, рыболовство и собирательство, которые представляли тогда собой более производительное хозяйство, по сравнению, например, с земледелием населения Среднего Поволжья и центральных уездов государства. Не случайно в челобитных башкир этих веков нет жалоб на нехватку продуктов скотоводства и других отраслей своего хозяйства. Они вполне обеспечивали собственные потребности в продуктах питания, аккуратно выполняя свои повинности перед государством: военную службу за свой счет, подводную гоньбу, ясак (налог на землю). Именно об этом свидетельствует положительная характеристика башкирского хозяйства середины XVIII в. в книге первого русского историка Башкортостана П.И. Рычкова: «До последнего бунта (восстаний 30-х гг. XVIII в. - *авт.)* башкирский народ весьма богат был лошадьми, но в бывшее им замешание многие оскудели. Некоторые ж из них и всего имения лишились; однако ныне паки

те свои заводы многие возобновили, и уже немало находится таких, кои от трех до четырехсот кобыл имеют... Башкирцы, у которых лесные места, от сих бортевых пчел получают себе великий доход, и в разомножении оных так искусны, что много таких, из которых у одного по нескольку тысяч бортевых деревьев имеется, и потом почти целые бортевые леса у них находятся» *[Рычков*, 1999. С. 148, 150-151].

Массовые изъятия башкирских земель, происходившие в середине и второй половине XVIII в., заметно ухудшили условия для ведения полукочевого скотоводства. Тем не менее рядовые башкиры имели, по сведениям участников академических экспедиций И.Г. Георги и П.С. Палласа, в среднем на двор по 50—80 голов лошадей, а тарханы, старшины и другие представители местной аристократии — от нескольких сот до 2-4 тыс. *[Георги*, 1776. Ч. 1. С. 91; *Паллас*, 1786. Ч. 2. Кн. 1. С. 95].

В этот период происходили и положительные изменения в хозяйстве коренных жителей Южного Урала. Прежде всего совершенствуется скотоводство, например, башкиры заметно расширили сенокошение. Земледелие было известно башкирам издавна, но в XVI—XVII вв. им занимались мало. Однако в условиях широкой колонизации края башкиры, в первую очередь, северо-западные, постепенно увеличивали свои земледельческие занятия. С середины XVIII в. у жителей Осинской дороги замледелие играло такую же роль, что и скотоводство. Но основным занятием башкир Ногайской, Сибирской и большинства волостей Казанской дорог оставались традиционные отрасли хозяйства, хотя вблизи Уфы, других крепостей и заводов они стали больше заниматься земледелием.

Большое развитие у башкир получили ремесла. Они широко обрабатывали дерево, кожу, шерсть, коноплю, крапиву, добывали соль, производили поташ, знали месторождения серебра и золота. Издавна башкиры владели знаниями и навыками поиска, добычи и плавки меди и железа. Медной и железной рудой башкиры-рудопромышленники Осинской и Сибирской дорог широко обеспечивали в 30—70-е гг. XVIII в. казенные и частные заводы Среднего Урала. Представляет интерес оценка академика И.И. Лепехина, современника тех лет, роли башкир - рудознатцев в развитии горной промышленности Урала: «Можно по справедливости об них сказать, что медные и железные заводы в Урале, так и выгодные места по большей части башкирцам долженствуют» *[Лепехин*, 1802. С. 40]. Но на развитии ремесленного производства отрицательно сказались царские указы конца XVI-XVIII вв., запрещавшие башкирам иметь кузницы, заниматься кузнечным делом.

Несмотря на сохранение в целом натурального хозяйства, башкиры активно занимались обменом и торговлей.

Крупным явлением в истории Башкортостана XVII—XVIII вв. было переселенческое движение из Среднего Поволжья и центральных уездов России. В начале XVTI в. колонизация только начиналась. В конце XVII - первой трети XVIII в. она несколько усилилась. В это время в башкирские волости переселялись в основном беглые крестьяне, ибо до организации Оренбургской экспедиции власти запрещали переселение крестьян. Башкиры обязаны были выдавать беглых людей для возвращения их в прежние жительства. Тем не менее, башкиры принимали и укрывали беглых крестьян, селили их на вотчинных угодьях. Общение башкир-скотоводов с переселенцами-земледельцами способствовало совершенствованию и расширению отраслей хозяйства, росту торгово-экономических связей, содействовало общему подъему хозяйства башкир и края в целом. Все это вело к установлению добрососедских отношений коренных жителей с крестьянами-переселенцами. Однако резкое усиление колонизации Башкортостана после организации Оренбургской экспедиции, ее мероприятия привели к массовым изъятиям башкирских земель. К концу XVIII в. 55 % земельных угодий башкир-вотчинников оказались во владении крепостей, заводов, дворян, чиновников, военнослужащих, казны, мишарей и крестьян-переселенцев. Башкиры сохранили лишь меньшую часть своих угодий, владея фактически 11 % своих вотчин. 34 % вотчин находилось в совместном пользовании башкир и их припущенников. В этой ситуации башкиры стали терять возможность для ведения традиционных отраслей хозяйства — полукочевого скотоводства, бортничества и охоты.

Не менее заметными были изменения в общественном строе башкир. В XVII — первой трети XVIII в. идет консолидация верхушки башкирского общества, представленной тарханами, старостами, сотниками, ахунами и муллами. В 40—70-е гг. XVIII в. в условиях проведения основных мероприятий Оренбургской экспедиции выдвигается новый слой элиты в лице волостных старшин, их помощников, писарей, потомков тарханов, отставных старшин, ахунов и мулл, которая превратилась в надежную опору официальных властей. Она заметно обособляется от рядовых общинников, обогащается, осуществляет гражданскую власть в волостях. Нельзя не отметить, что ускоренная правительственно-дворянская, заводская и крестьянская колонизации Башкортостана в середине — второй половине XVIII в., жестокое подавление народных восстаний 30-70-х гг. оказывали негативное влия-

ние на социально-экономическое развитие башкирского общества. Правда, в ходе Генерального межевания, а также в ряде аграрных законов первой трети XIX в. правительство в известной мере учло особенности социально-экономической жизни башкир, установив для них неотчуждаемый минимум вотчинной земли для ведения традиционного хозяйства.

Крупными событиями в истории России стали башкирские восстания XVII—XVIII вв. Вполне правомерен вопрос, почему башкиры, добровольно присоединившись к Русскому государству, в XVII—XVIII вв. непрерывно восставали, поднимая выступления практически через каждые 10—15 лет. Это объясняется прежде всего тем, что не соблюдались условия вхождения башкир в состав Русского государства.

Сохранившиеся исторические материалы свидетельствуют о том, что в реальной жизни позиции сторон относительно выполнения этих условий существенно различались. Башкиры - аккуратно выполняли свои обязательства перед государством: они беспрекословно платили ясак, выполняли подводную гоньбу, несли военную службу по охране юго-восточной границы страны, участвовали во всех войнах России XVII-XIX вв. Позиция другой стороны - русского правительства — была неоднозначной: если с середины XVI до первой трети XVIII в. оно в целом выполняло свои обязательства относительно башкир, совершенно иную политику правительство стало проводить с 30-х гг. XVIII в., со времени организации Оренбургской экспедиции. Оно отказалось от основных условий вхождения башкир, стало управлять башкирами в основном военными методами, по своему усмотрению распоряжаться башкирскими землями: без ведома башкир-вотчинников основывало на их землях крепости, раздавало земли дворянам, чиновникам, офицерам и солдатам, крестьянам-переселенцам, заводчикам; повело наступление на мусульманскую религию и духовенство, запретило строительство мечетей, покончило с самоуправлением башкир. Изменение политики в отношении народа, добровольно вошедшего в его состав на основе соглашения, нашло официальное выражение в именном указе императрицы Анны Ивановны от 11 февраля 1736 г. и ряде последующих решений верховных властей.

На нарушение правительством условий принятия русского подданства башкиры ответили восстаниями XVII-XVIII в. Восстания возглавляла башкирская элита как наиболее активная часть общества: Сары Мерген, Сеит, Алдар Исянгильдин (Исекеев), Кусюм Тюлекеев, Кильмяк Нурушев, Акай Кусюмов, Тюлькучура Алдагулов, Юсуп Арыков, Алланзиангул Кутлугузин, Мандар Карабаев, Карасакал, идеологами стали представители духовенства Бепеня Торопбердин, Юлдаш Суяремbетев, Батырша. Программы восстаний не были одинаковыми, отражали изменения и динамику в требованиях. Если в движениях XVII в. башкиры протестовали против нарушения отдельных условий принятия подданства, то в восстаниях XVIII в. они ставили вопрос о прекращении подданства русскому царю.

Восстания XVII-XVIII в. свидетельствовали не только о серьезном недовольстве башкир края своим положением, но и об их способности сопротивляться властям.

Правительство, подавляя движение 1735-1736, 1737-1738 и 1739-1740 гг., «огнем и мечом» пыталось сломить волю башкир к сопротивлению, навсегда покончить с башкирскими восстаниями. В 30-е гг. властям впервые удалось осуществить их разгром. Башкиры понесли большие человеческие и материальные потери, весь край был разорен. Однако народ продолжал борьбу. Об этом свидетельствует восстание 1755—1756 гг. Поэтому правительство было вынуждено пойти на существенные уступки. Башкиры отстояли свою личную свободу, язык и религию, сохранили вотчинное право. Все это было результатом их освободительных движений в XVII-XVIII в.

Общее историческое значение башкирских восстаний заключалось в том, что они помешали правительству России распространить наиболее тяжелую форму средневековой эксплуатации - крепостничество не только на коренных жителей, но и на основную часть пришлого населения края. Башкиры своей героической борьбой объективно отстаивали интересы всего населения Башкортостана.

После организации Оренбургской экспедиции снова происходит усиление позиции правительства в Башкортостане. Были увеличены налоги и другие повинности. Как реакция на это происходят волнения 1747 г., отмечаются выступления депутатов в Уложенной комиссии 1767—1768 гг.

Уложенная комиссия не оправдала надежд населения страны, и Башкортостана в частности. Тогда народы края для защиты своих интересов взяли в руки оружие и приняли самое широкое участие в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Одной из главных движущих сил народного движения стали башкиры. Действия башкирских повстанцев отличались организованностью, напористостью, продолжительностью. Вместе с яицкими казаками они составляли наиболее боеспособную и постоянную часть Главного повстанческого войска и его основных отрядов под Оренбургом, Уфой, Челябинском,

Мензелинском, Кунгуром, Осой и в других повстанческих районах. Башкиры не только сами были на стороне восставших, они своими энергичными действиями вовлекали в борьбу и другое население края. Тем самым башкирские повстанческие отряды сыграли важную роль в распространении движения вширь и перерастании локального казацкого восстания в грандиозную Крестьянскую войну. Башкирский народ выдвинул из своей среды большое число способных и беззаветно преданных делу борьбы предводителей, таких, как Кинзя Арсланов, Салават Юлаев, Каскын Самаров, Каранай Муратов, Батыркай Иткинин, Юлай Азналин, Юламан Кушаев, Базаргул Юнаев и другие, которые составляли около 40 % повстанческих предводителей от походных старшин и атаманов до бригадиров и генералов. Все сказанное позволило отечественным историкам высоко оценить роль и место башкирского народа в Крестьянской войне 1773—1775 гг.: «...Первое место среди нерусских народов по количеству участников, масштабам выступлений, наконец, по роли в общей борьбе принадлежит башкирам» [*Лимонов, Мавродин, Панеях*, 1974. С. 152].

GENERAL SUMMARY

The Bashkir people in the second half of the XVI-XVI11[1*1] centuries, during the first centuries of its affiliation with the Russian state has passed a difficult path of historical development. In the middle of the XVI[1^1] century after the fall of the Kazan Khanate Bashkirs have got into a difficult political situation. They didn't want to further remain under the power of the Nogaj Horde, the Siberian and Astrakhan Khanates which were in a condition of feudal dissociation. However, the three-century stay in structures of different political formations didn't allow Bashkirs to unite and begin struggling for the creation of an independent state. Voluntary acceptance of citizenship of the new neighbour - the Russian state has appeared to be the only solution. It was especially so that after conquering the Kazan Khanate Tsar Ivan IV has sent appeals to the neighboring peoples to peacefully join his state on the terms of a vast autonomy.

Voluntary affiliation of Bashkirs with the Russian state corresponded to interests of both parties. According to the Treaty Bashkirs became subjects of the Russian tsar, have retained their lands on the patrimonial right, retained their religion and ample self-management. The latter c onsisted not only in preservation of the real power of the Bashkir top quarters in *volosts* that is very important by itself. More significant was that Ivan IV agreed to recognize the status of Bashkirs as the land proprietor people and recognized Bashkortostan to be a specially governed territory of the Russian State. Bashkirs have acquired the right to gather for national congresses *(jyjyn)* within a *volost*, four *darugas* (districts) and the whole realm for discussing of urgent questions and a right to bring the made decisions to the notice of the Ufa authorities, that of the central official bodies and even to the Tsar. Decisions of the central authorities were publicly announced to the Bashkirs. For this they gathered meetings of representatives of Bashkir *volosts* and *darugas* at the place specially allocated near Ufa on the bank of a river named Chesnokovka. Up to the start of the XX^ century the government continued with the practice of inviting representatives of the Bashkir people for participation in especially solemn ceremonies of the Supreme power of the Russian state (sovereign being enthroned, etc.).

After Bashkortostan having joined the Russian state she has expanded her territory from the Volga to the Tobol, and she was considerably enriched with natural resources and has increased her population. It also meant an improvement of strategic positions of the country, creation of preconditions for further advancement of the state in the southeast and east directions.

Thus, the Bashkirs' treaty with the Russian state in the middle of the XY![1-*1] century can be estimated to be the most major historical event of the epoch.

All Bashkirs joining the Russian state the former's political and territorial dissociation had been done with and civil strife in the realm had ceased. The Russian government guaranteed Bashkirs as its subjects peacefull life, protection against both claims of their former masters, and against inroads of external enemies. In the conditions of the XVI—XVH^[1] centuries these aspects had a tremendous value since the Nogaj authorities, for example, weren't going to reconcile with Bashkirs' joining the Russian state and attempted to collect taxes in kind from Bashkirs almost till the end of that century. The protest of 1586 by a Nogaj noble Urns in connection with construction of the fortress of Ufa in the center of Bashkortostan is well-known. Despite political weakening of the Siberian Khanate Khan Kuchum and his successors came up with similar claims.

The Kalmuks and Kazakhs used to make frequent inroads into the southern and south-east Bashkir territories in the XVII[1*1] and the first quarter of the XVII1^ century. The Kalmuks attempting to seize a part of the territory entrenching themselves there, attacked the southern outskirts of Bashkir lands ftrom the upper reaches of the Tobol to the mid course of the Yajik river in the first half of the XУП[1-*1] century. The Bashkir detachments with the support of garrisons of Tobolsk and Ufa managed to beat off the Kalmyks. In the first third of the XVIII[1-*1] century a part of these lands was seized by Kazakhs of the Younger (Lesser) *zhouz* (western group of their tribes).

On the whole a new epoch in the history of the Bashkir people and Bashkortostan begins with the middle of the XVP[1] century. Being a part of the Russian state Bashkirs had an opportunity to live calmly and be engaged in their economy. During the XVII-XVIII^[1] centuries majority of the people remained employed in semi-nomadic cattle breeding, primitive bee-keeping, hunting, fishery and scavenging which represented then a more productive mode of economy, in comparison, say, with the agriculture of the population in the Middle Volga region and the central districts of the state. It is not accidental that in petitions of Bashkirs in these centuries there were no complaints against any shortage of products of cattle breeding and other branches of economy. They fully covered own requirements for foodstuffs, executed duties before the state neatly: military service at their own expense, providing horses for state officials, payment of the land duty. The positive characteristic of the Bashkir economy of the middle of the XVIII[1-*1] century testifies exactly to it. The book of the first Russian historian of Bashkortostan P.I. Rychkov says: "before

the last revolt (revolts of the '30s in the XVIII[1*1] century — *author's note)* the Bashkir people was very rich in horses, but many persons grew destitute due to the riot. Some of them had been bereft of their manor; however, nowadays many of those folks have renewed their trades, and not a few of them possess from three to four hundred mares and fillets ... The aboriginal Bashkirs-owners of wooded places, receive great income from these wild bees becoming very skillful in nurturing those bees. Many a person of this nation own several thousand trees for primitive bee-keeping thus possessing whole woods of that sort" *[Rychkov,* 1999. pp. 148, 150-151].

Mass withdrawal of Bashkir lands occurring in the middle and the second half of the XVIII^1 century had considerably worsened conditions for conducting semi-nomadic cattle breeding. Nevertheless ordinary Bashkirs had, according to participants of the academic expeditions of I.G. Georgy and P.S. Pallas, on the average 50—80 horses per yard each and the *tarkhans* (feudals), foremen and other representatives of local aristocracy owned from several hundred to 2-4 thousand horses *[Georgy,* 1776. P. 1. p. 91; *Pallas,* 1786. P. 2. Book 1. p. 95].

During this period there were also positive changes in the economy of the aboriginals of the Southern Urals. First of all the cattle breeding became improved, for example, Bashkirs have considerably expanded hay mowing. Agriculture has been known to Bashkirs since long, but in the XVI-XVII^ centuries they were engaged in it but a little. However, in the conditions of vast colonization of the realm Bashkirs, primarily living in the northwest, gradually increased their agricultural activity. From the middle of the XVIII^ century farming played the same role as cattle breeding among the Osa *daruga* inhabitants. But the basic employment of Bashkirs of the Nogaj, Siberian and most of *volosts* of the Kazan districts were traditional branches of local economy though near Ufa, other fortresses and factories they began to be engaged in agriculture more.

Crafts were developed much among the Bashkirs. They widely processed wood, skin, wool, hemp, nettle, extracted salt, produced potassium, knew of silver and gold deposits. From times immemorial Bashkirs possessed knowledge and skills of prospecting, extraction and melting of copper and iron. Bashkirs of the Osa and Sibir districts engaged in ore-prospecting in the 30s through the 70s of the XVIII^1 century ensured a vast supply of copper and iron ore to the state-owned and private works of the Middle Urals. The opinion of Academican I. Lepyokhin, a contemporary of those years, on the role of Bashkir ore-prospectors in the development of the Urals mining industry is of interest: "One can justly say that it is mostly to the Bashkirs that they owe knowledge of propitious places for mining and founding copper and iron works in the Urals" *[Lepyokhin,* 1802. p. 40]. The Czarist decrees dated the end of the XVI^1 and the XVIII^1 centuries forbading Bashkirs to own smithies and practice forging have had an adverse effect on the development of those crafts.

Despite of the overall preservation of a subsistence economy, Bashkirs were actively engaged in goods exchange and trade as well.

The resettlement movement from the Middle Volga region and the central districts of Russia was a major phenomenon in the history of Bashkortostan of the XVI I-XVIII^1 centuries. In the beginning of the XVII ^ century colonization but only began. At the end of the XVII^ - first third of the XVI11^ century it grew stronger a bit. At this time it were the run-away peasants who came to live to Bashkir volosts since the authorities forbade peasants to resettle prior to organizing the Orenburg expedition. Bashkirs were obliged to give the run-away people out for returning them to their former residence. Nevertheless, Bashkirs accepted and hid run-away peasants, lodged them on their patrimonial allotments. Dialogue of Bashkir-cattlemen with immigrantes-farmers promoted perfecting and expanding branches of economy furthering a growth of trade and economic relations, generally boosting the Bashkirs' economy. All this was conducive to the establishment of good-neighbourly relations of aboriginals with immigrant peasants. However drastic amplification of colonization of Bashkortostan after the Orenburg expedition had been organized and its actions led to mass withdrawal of the Bashkir lands. By the end of the XVIII^ century 55 per cent of land manors owned by Bashkir proprietors have appeared in the possession of fortresses, factories, noblemen, officials, military men, the Treasury, Mishars and immigrant peasants. Bashkirs have preserved only the lesser part of the land, owning actually 11 per cent of the ancestral lands. 34 per cent of ancestral lands was in the joint possession of Bashkirs and their tenants. In this situation Bashkirs began to lose possibility for pursueing traditional branches of economy - semi-nomadic cattle breeding, primitive wild bee-keeping and hunting. In the conditions of massive land losses they had difficulties in passing to agriculture and the settled way of life. Besides, by distributing the Bashkir patrimonial allotments to various categories of the alien population, the imperial authorities set the latter against the Bashkirs which led to a deterioration of relations between immigrants and the aboriginals. For example, land-renting people refused to pay the tax in kind to Bashkirs for using the land.

Changes in the social structure of Bashkirs were no less conspicuous. Feudal relations in the Bashkir society deepen and develop at the background of expanding the economy. In the XVTI[1]-*1 century there is a consolidation of the Bashkir feudal top represented by *tarkhans,* village heads, aldermen, *akhuns* and *mullahs.* Conditioned by

chief actions of the Orenburg expedition the 40s-70s of the XVIII^1 century saw the appearance of a novel layer among the top represented by *volost* aldermen, their aides, scribes, *tarkhan* heirs, the Moslem clergy (*akhuns* and *mullahs*) who became the official power's safe support. This layer conspicuously stands apart from their ordinary clansmen, it grows rich and it executes civil power in the *volosts* (local administrative subdivisions). One cannot but note the following circumstance: a negative influence on the social and economic development of the Bashkir society has been exercised by the accelerated colonization of Bashkortostan in the middle and the second half of the XVIII1*1 century on the part of the government, nobility, factories and peasants along with harsh reprisals against rebels during the 30s through the 70s. However, during the General land survey and also in a number of agrarian laws of the first third of the XIX^ century the government had considered features of social and economic life of the Bashkirs; to a certain extent it established for them an inalienable minimum of the patrimonial land for conducting the traditional economy.

The Bashkir revolts of the XVII—XVIII1'1 centuries have become important events in the history of Russia. The question why the Bashkirs, having voluntarily joined the Russian state have been rebelling practically every 10—15 years in the XVII^-XVIII^ centuries, is quite in order.

This is explained, above all, by the fact that the conditions on which Bashkirs joined the Russian state had not been observed.

The positions of the parties concerning terms of the Treaty were substantially different as historical materials testify. The Bashkirs were accurate in keeping their obligations before the State: they would unreservedly pay the tax in kind, did the postal service, exercised the military service in guarding the south-eastern frontiers of this country and participated in all wars Russia waged in the XVIIth-XIXth centuries. The position of the other party, i. e. the Czarist government was ambiguous. On the whole it observed its obligations *vis- a -vis* the Bashkirs from mid XVI1*1 till the first quarter of the XVIII^ century, though its policy had certain deviations from the middle of the XVIIth century. Quite a different policy was pursued by the government from the 30s of the XVIIIth century since the Orenburg expedition got organized. It had denounced the main conditions on which Bashkirs had joined the Russian state, it started governing Bashkirs chiefly by military ways and it began to dispose of the Bashkir lands of its own accord. The government would found fortresses on the Bashkir lands without their permission, it would hand the land out to the nobility, state officials, to the military and to the factory owners. It started an attack on the Moslem religion and clergy, forbade construction of mosques and finished with the Bashkirs' self-government. The change in politics concerning the people who voluntarily joined this state by virtue, of an agreement found its official reflection in the decree issued by Empress Anna Ivanovna dated April 11,1736 and in some subsequent decisions of the ruling authorities.

The revolts of the XVIIth-XVIIIth centuries have been the Bashkirs' response to the government's breaches of the terms of acquiring the Russian citizenship. All *strata* of Bashkirs were involved in uprisings - from rank-and-file commoners to the top becoming feudalized as the authorities' policy used to displease the whole nation. The revolts would be headed by the Bashkir elite being the more advanced part of the people: *Sary Mergen, Seit, Aldar Isyangildin (Isekejev), Kusum Tulekejev, Kilmek Nurushev, Aqaj Kusemov, Telkesura Aldagulov, Jusup Arykov, Mandar Karabajev, Karasakal.* Representatives of clergy *Bepena Toropberdin, Juldash Sujarembetov, Batyrsha* became the ideologists. The programmes of rebellions were not identical reflecting alterations and dynamics in the rebels' demands. In the XVIIth century movements Bashkirs protested against infringements of certain terms of receiving citizenship but in the rebellions of the XVIIIth century they raise issues including formation of their own state. But the materials preserved do not permit to more concretely evaluate the insurgents' slogans — whether the point was an autonomy within the state of Russia or they meant a cessesion of Bashkirs from Russia and creation of a sovereign state.

It is common knowledge that *khans* were indeed in the forefront of most uprisings in the first half of the XVIII1-*1 century. But as major an issue as how to act further had not been thought of properly for the rebellion leaders themselves failed to have any concrete ideas. It is possible that khans used to be put forward, above all, in order to unify all insurgents' forces. Be as it may, appearance of khans caused serious concern of the government and forced it to be seriously engaged in putting uprisings down and to give in in various manner in view of terminating an uprising.

The revolts of the XVIIth-XVIIIth centuries not only testified to a serious discontent of the Bashkirs and their dissatisfaction with their position but also they spoke of their ability to resist the powers-to-be.

The tsarist government while suppressing the mutinees of 1735-1736, 1737-1738 and of 1739-1740 by "sword and fire" attempted to break the Bashkirs' will to resistance and to do away with Bashkir rebellions for ever. In the 30s the authorities succeeded for the first time in effecting their defeat. The Bashkirs bore heavy human losses, materials losses too, the whole realm was in havoc. Albeit the people continued with their struggle. A testimony to this was the uprising of 1755—1756. Therefore the government had been compelled to cede essential concessions. The Bashkirs have safeguarded their personal liberty, language and religion and have

preserved the patrimonial right to land. All this has resulted from their liberation movements in the XVII^ and the XVIII[1*1] centuries. In those movements Bashkirs generally fought for then autonomy within the Russian state since Russian tsar Ivan the IV**[1] bestowed ample rights when they joined his state.

The overall historical value of the Bashkir rebellions was in the following. They have impeded the feudal Russia's nobility and men-of-state to extend serfdom (the heaviest type of Medieval exploitation) not only to the aboriginal dwellers but also on the main part of the realm's immigrant population.

The Bashkirs' heroic struggle objectively contributed to upkeep interests of the multination population of Bashkortostan as a whole.

Strengthening of the government's position in the realm after the Orenburg expedition was organized had an adverse effect on the lives of both the aborigins and the immigrant peoples. The authorities increased taxes and duties on them. The latter's reaction was quick to show itself. This was seen from riots of Teptyars, Bashkirs, Bobyls and Mishars in 1747 and it was felt in speeches of deputies from the said ranks of the population sent to the Law-making commission from the Orenburg government in 1767—1768.

The Law-making commission has failed to meet hopes of the suppressed population of the country, Bashkortostan included. Then the peoples of the realm took to arms to defend their interests and participated most widely in the Peasant War of 1773-1775 which had been one of the most major uprisings against oppressors in European history. Bashkirs became one the chief motive forces of the peoples' movement. Actions of Bashkir insurgents were noted for their organization, stamina and duration. United with the Yayik cossacks they made up the most battle-worthy and constant component of the Chief insurgent forces and its main detachments in the battles near Orenburg, Ufa, Chelyabinsk, Menzelinsk, Kungur, Osa and elsewhere. Not only were they (/. *e.* the Bashkirs) on the part of the rebels; by their energetic actions they would draw into struggle factory workmen, as weft as the landowner and state peasants. Due to this the Bashkir unsurgent detachments played an important role in spreading the rebel movement and in turning a local Cossack uprising into a grand Peasant war. The Bashkir people have put forward large number of able and trustworthy leaders from their ranks. Among them there were such persons as *Kinja Arslanov, Salavat Yulajev, Kaskyn Samarov, Karanaj Moratov, Batyrkaj Itkinin, Yulaj Aznalin, Yulaman Kushajev, Bazargol Yunajev* and others who made up about 40 per cent among the insurgency's leaders from campaign atamans to brigadiers and generals. All the mentioned above permitted this country's historians to highly appreciate the role and place of the Bashkir people in the Peasant war of 1773-1775: "To the Bashkirs belongs the first place among the non-Russian peoples in terms of the common people's participating, scope of action and in terms of their role in the common struggle" *[Limonov, Mavrodin, Panejakh,* 1974. p. 152].

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абадан Курткачиков, 144, 148, 151
Абатай Бегенеев, 195
Аббас, 138, 142
Абдей Абдулов, 334, 347, 348
Абдикей Ишбулатов, 311
Абдрак, 217
Абдрахим Микреев, 269
Абдрахман Хасанов, 329
Абдрешит Абдиев, 318
Абдузелиль Максютов, 304, 343
Абдузелиль Урускулов, 355, 357
Абдук Козягулов, 233
Абдул Иванов, 131
Абдул Люселлеев, 230
Абдулвахит Смайлов, 266, 270
Абдулгази Халилев, 318
Абдулзелиль Сулейманов, 345
Абдулкарим Максютов, 343
Абдулла Акаев, 208
Абдулла Даушев, 252
Абдулла Касканов, 211
Абдулла Токтаров, 362
Абдулмамбет, 219, 220
Абдулмамет, 188
Абдул-Рафик Абдуллин, 327
Абдулфатых Габделсалямов, 292
Абдусалям Мамеделин, 311
Абдусалям Рамзин, 355, 357
Абдюк, 237
Абзан Баимов, 350
Абиль Байдашев, 363
Аблай, 188,219,413
Абсалямов Ю.М., 19
Абубакир Уразаев, 318
Абулгази, 31, 416
Абулмамет, 188
Абулхаир, 88, 100, 170. 172, 182, 186, 187, 188, 220,221, 413
Абу-Хамид аль-Гарнати, 254
Абыли Аджи, 145
Августин, 426
Авесь, 211
Адам,416
Адашев, 153
Адель Ашменев, 347, 355
Аднагильде Давлетов, 204
Аднагул Темиров, 294, 295
Азамат Тумтаев, 338
Азаматов Д.Д., 18
Азнабаев Б.А., 8, 69, 73
Азнабай Тляугулов, 223, 225
Азнагул Урускулов, 112, 113
Азнай (Азна), 27,47, 48, 49, 52, 53, 55, 65
Азнакай Явгильдин, 194, 197
Азналы, 414
Азян Исманов, 260
Аип, 204, 215
Аип Муллагильдин, 216
Аит Саитов, 355, 356, 357
Аит Умитев, 217
Аит Уразембетев, 343, 345, 346
Аитбай, 192
Аитзимас Абдалов, 213, 218
Аиткул, 213
Аиткул Илимбетов, 209
Аиткул Кусимов, 264
Аиткул Муллакаев, 289
Айдар, 269
Айдар-хан, 423
Айсуак, 46, 385
Акай Кусюмов, 191, 192, 193, 194, 195, 197, 198,199,207,208,209,220,387, 388,417,418, 423, 432
Акбаш Андрушев, 233, 238
Акбаш Бекбулатов, 261, 263
Акбулат Аркаев, 218
Акбулат Сулейманов, 84
Акинфов Н.И., 117
Акка Камакаев, 213
Аккужа, 206
Аккучюк Яникеев, 213
Акмамбет, 413
Акман, 44, 46, 47
Акманов А.И., 8
Акманов И.Г., 8, 14, 56, 73, 247
Акмир Асанов, 72
Акмурза, 340
Акмурза сэсэн, 412, 413
Акса, 413
Аксак Кель-Мухамед (Аксак Килембет, Аксак Кильмет), 41, 42, 43, 44, 46, 385
Аксак Тимер (Аксак Тимур, Тамерлан), 26, 32,33
Аксаков П.Д., 73, 74, 76, 92, 109, 169, 187, 228, 231, 368, 369
Актай Дусмухаметов, 65, 114
Акгуш (Актулуш), 42, 55
Алагузя Бакынов, 271
Аладин Бекгуганов, 355
Аладин Феляков, 352
Алангува, 26
Албячка, 130
Алгашай Назаров, 192
Алдар Исянгильдин, 76, 88, 100, 127, 128, 129,131,132,133,138,142,143,144,145,146, 151,156, 190,191, 212,214, 217,406,423,432
Алдар Малмышев, 211
Александр I, 50
Алексеев, 344
Алексеев П., 328
Алексеев П.Н., 262
Алексей Абдалов, 296, 298, 299
Алексей Михайлович, 30, 64, 65, 79, 114, 155,419
Ати бин Юсуф, 40
Алибай Мурзагулов, 272, 273, 280, 295, 296, 297, 328, 329, 330, 335, 338, 339, 340, 342, 346, 352, 353, 355
Аликей, 212
Аликей Ялышев, 317
Алишев С.Х., 13
Алка Суюндуков, 238
Алкей Каракусюков, 211
Алкей Муслюмов, 306, 311
Алланзиангул Кутлугузин, 214, 215, 221, 223, 224, 226, 432
Аллаяр, 422,423,427
Алмекей Алкеев, 339
Алмет, 192
Алтакар, 38, 385
Алтынбай Худайшукуров, 50
Алчагир, 38
Альвей, 335
Альмухаметов Х., 388
Алябьев А.А., 403
Алябьев А.С., 154, 155
Алябьев Ф.А., 155
Амман, 184
Андреев И., 302, 304
Андриянов П.М., 157
Андрущенко А.И., 17
Аникиев И., 113
АничковА., 123, 124, 125, 294
Аничков А.М., 155
Аничков Д., 294
Аничков Н., 110
Аничков Ф., 294
Анна Ивановна, 64, 65, 127, 169, 174, 175, 180, 184, 185, 204, 210, 226, 277, 287, 432
Анненков, 199
Анненков Н., 132
Апакаев Е., 204
АпасТетеев, 193
Апраксин, 176
Апраксин П.М., 46, 137, 142, 143, 144, 145, 147, 150, 151
Апраксин С.Ф., 305, 307, 308, 309, 310, 312
Апраксин Ф.М., 132
Аптик Чептаров, 318, 320
Аракай Акбашев, 219
Арапов Ф., 157
Араслан, 127
Араслан Крысов, 261
Аренкул Асеев, 345, 346
Аристов, 114
Аристов Л., 109, 124, 125, 129,140
Аристов С., 83, 109, 120, 121, 129, 130, 133, 136, 140, 143, 145
Арлай Тюмакаев, 263
Арсеньев И.С., 180, 201, 203, 205, 214, 215, 216, 219,220,224, 225
Арситов, 370
Арслан, 191
Арслан Рангулов, 352, 355, 357
Артамонов В.А., 157
Артемьев Г.З., 70
Артемьев Д.В., 155
Артемьев К, 83
Артемьевы, 69, 70
Аршеневский Н.Я., 364
Арык, 138, 142
Арык Исенбаев, 201, 215
Арыкай Кувалышев, 76
Арянгул Чюрюсин, 218
Асан Кайгы, 406
Асан Муллакаев, 271
Асанов Ф., 126
Аскар Курманаев, 192
Аскар Рысмекеев, 195, 197
Аскар Салтанбеков, 197
Аскей Бартияров, 262
Асфандияров А.З., 8, 16,50,69,157, 244, 246
Асыл Талсанаев, 260, 261
Асыл Туманаев, 260
Атаев С., 29
АтановаЛ.П., 20
Атыгеш Токалов, 114
Афанасий, 138
Ахматов Ф., 349
Ахмед ибн Фадлан, 33, 421
Ахмер, 76
Ахмер Курмангулов, 296, 298, 320
Ахмер Шарыпов, 269, 270
Ахмет, 130
Ахмет Зиямбетев, 201
Ахметжан Магометов, 257
Ахметжанова Н.В., 20
Ахчюра, 147
Аюка, 87, 113, 116, 117, 123, 132, 137, 139, 141, 144, 145, 151
АюкайКемеев, 115

Б

Бабин С., 263
Взбсяк 415
Базаргул Юнаев, 49, 272, 273, 296, 298, 299, 300, 303, 304, 334, 348, 349, 357, 359, 419, 420, 421, 433
Баим, 234
Баим Кедряев, 225
Байки Тойкиев, 356, 357
Байрас Енурусов, 200, 203
Байсяк, 197
Байык Айдар (Баик, Баик-Айдар), 406, 412, 413,414
Бакей, 237
Бакей Абдулов, 343
Бакланов Н.Б., 16
Бакын, 212
Балта, 133, 141
Бараг Л.Г., 386, 387, 392
Барак, 188, 221
Баратаев, 322
Барын Мустаев, 335
Барятинский Д.А., 115, 116
Барятинский П.И., 115
Басин В.Я., 82
Баскаков В.И., 157
Баскан Байгильдин, 200
Басман, 38
Батаций В., 184
Батов П.А., 179, 213

Батыр Усманов, 261
Батыркай Иткинин, 266, 334, 347, 348, 357, 433
Батырша, 343
Батырша Алиев (Абдулла Галиев), 231, 232, 233, 234,237,238, 389,412,417,418,419,420, 428, 432
Бахмет Бангузин, 262
Бахметев, 232
БахметевА., 30
Бахметев Д., 87, 132
Бахметев И.Е., 72, 139, 141, 151
Бахметев Н.Н., 242
Бахметев П.С., 178, 179, 185
Бахметев С., 158
Бахтияр Канкаев, 334, 352, 355, 356, 362, 421
Башкурт, 169
Башмаков М.И., 355
Баязит Билалов, 269
Баязит Килметев, 270
Баязит Максютов, 357
Бекбулат, 145
Бекзян Туктамышев, 112, 113
Беккул, 120
Беккул Нурбакин, 271
Бекович-Черкасский, 14
Бексентей,131
Бекташ Кидрясов, 266, 270
Бектимир Мугаев, 266, 350
Беликов С., 183
Беликов Т.Н., 321
Белков Г.А., 96
Белобородов И.Н., 338, 347, 348, 350, 362
Белосельский, 187
Белявский М.Т., 18
Беляев Т., 417, 418
Бенкендорф А.Х., 79
Бепеня Торопбердин, 186, 202, 207, 211, 213, 214,215,216,218,221,344,432
Берглин И., 261
Бердигул Габбасов, 26
Березин И.Н., 417
Беспалов И,, 332
Бецкий И.И., 264
Бибиков, 323
Бибиков А.И., 303. 313, 317, 318, 319, 320, 334, 337, 345, 351, 362
Бибиков И.Ф, 150, 151
Бибиков Ю.Б., 346
Бикаш Зюмакаев, 335
Бикбау (Бикбав), 28, 29, 51, 52, 53, 65, 75, 385, 412
Бикбов Ю.С., 50, 51
Бикбулат Аркаев, 238
Бикбулатов Н.В., 20, 21
Бикмет, 194
Бикмет Шембулатов, 262
Билов Х.Х., 329, 334, 335
Бирган, 45
Бирдегул, 212, 217
Бирдегул Тлевкеев, 217, 370
Бирон, 187
Бисянбай, 412
Блудов, 112
Богданов П.Н., 328, 329, 330, 339
Богоявленский С.К., 83
Бокшурга Назаров, 209
Болотов А.Т., 307, 308, 309
Болтай Идеркаев, 328, 340
Болтин И., 129
Боргентрейх, 306
Борисов А.Н., 282, 313, 314, 327, 329, 333
Брагин, 232, 387
Браницкий К.П., 313
Брант Я.Л., 330, 335
Броун,307
Брюс Я.В., 163
Буганов В.И., 17
Бугушев, 202
Буканова Р.Г., 8, 186, 187, 188
Букурбай Тахмурзин, 262
Булавин К.А., 139, 140
Булат Зиликеев, 224
Булыгин И.А., 12
Буляк Акбулатов, 127, 128, 133
Буляк Умеров, 335
Буляк Якупов, 352, 355, 357
БунгузинТ., 138
Бурангул, 28
Бурангул Емекеев, 225
Бурангулов Б., 259
Бурангулов М., 388
Бурнак, 45
Бурсай, 42
Бурцов, 149
Бусай, 45, 55
Буткай Кубуков, 216
Буткевич, 370
Бутурлин П., 73, 152
Бухар, 413
Бухгольц, 14
Бятик Сабанеев, 194

В

Вагина П.А., 16
Валид бин Максуд бин Дустмухаммад, 428
Валиди А.-З., 8, 12
Валиша Шарыпов, 266, 271, 272
Валиэтдин бин Хасан, 426
Валленштерн, 337
Вараж (Вераж), 323
Варакснн С., 124, 130, 133
Васев И., 362
Васильев И.М., 16, 18, 321
Вельяминов И., 137
Вельяминов-Зернов В.В., 160
Веревкин А.П., 328, 330, 357
Веселов С., 369
Виноградов Я., 185
Витворт Ч., 139, 151
Витевский В.Н., 9, 10, 14, 15, 19, 235, 236
Вишневецкий, 153
Воейков П., 73
Волков, 193, 323
Волков Д.В., 249, 250, 251, 268, 310
Волков Ф., 116
Волконские, 112
Волконский А.М., 65, 109, 112, 114
Волконский Г.С., 290
Волконский Ф.Ф., 112, 117
Волынский А.П., 14, 163, 166, 167, 168, 169, 227
Волынский Н.П., 157
Воронцов М.Л., 262
Воропанов В.А., 18
Выровщиков В.Я., 212, 217
Вяземский А.А., 334
Вязмитинов С.К.. 243

Г

Габбас, 26
Габделрахман Шарипов, 426
Габделсалям Габделнасыров, 292
Габдрахим, 287
Габдрахим Утыз-Имяни (Г. Усман), 33, 287, 288, 412, 422, 423
Габдулла бин Муслим бин Хайдаргали, 428
Габдулла Габбасов, 415, 416
Габдюсь Кунакаев, 318
Гавренев И., 56
Гаврилов Д.В., 16
Гагрин Д.О., 34S, 355
Газиза, 422
Галасейкин, 113
Галдан-Черен,223
Галей Хусаинов, 343
Гали-ибн Кутлугуш Муртаза, 421
Галин С.А., 20
Галяутдинов И.Г., 19
Гамиль Даутов, 296, 297, 298
Гарипов Р., 418
Гаур Акбулатов, 112
Гвоздикова И.М., 17, 349
Гейннельман И.Г., 184
Геннин В.И., 90, 166
Георги И.Г., 15. 20. 244, 247, 248, 368, 369. 371, 373, 374, 375, 376, 377, 379, 382, 383, 427,431
Герберт Т., 184
Геродот, 395
Гете И.В., 256
Гладышев, 188, 201
Гладышев Д., 187
Глазов, 219
Глазырин, 143
Глебов А.И., 263, 299
Глинский М.В., 154
Гловацкий С., 235
Годунов Н.В., 70
Голицын И.В., 154
Голицын М.М., 269
Голицын П.М., 346, 353, 354, 356, 358
Голов,330
Голов Н., 339, 340
Головин Д.Н., 64
Головин Ф.А., 123, 124, 126
Голубцов К.С., 70
Голчин,218
Горланов П., 158
Горн,159
Гребенщиков, 342
Греков Б.Д., 19
Гречкин,97
Григоров, 133
Громыхалов И., 113
Грязнов И.Н., 334, 349
Губайдулла Фаткуллин, 292
Губанов И.В., 333, 342
Губарев П., 130
Губин М.П., 278
Гудков Г.Ф., 16
Гудкова З.И., 16
Гулиц, 132
Гурьев Т., 105
Густав III, 324

Д

Давлетбай, 132
Давлетчин Г., 423
Давлетшин Г., 411
Давыд Кинзябаев, 264
Давыд Утяганов, 263
Давыдов А.Ф., 310
Даиров, 146
Дайчин. 83, 84, 85, 113
Даль В.И., 417
Данненберге, 264
Даут Еналин, 269, 271
Даут Сулейманов, 237
Дебу И., 14
Девай, 76
Девлекей, 194
Девлетбай,156
Декастро-Лацерон Я., 348
Деколонг И.А., 329, 330, 332, 337, 348, 351, 353, 354, 357
Демарин О.Х., 329, 337
Дементей, 147
Демидов Г.А., 263
Демидов Е.Н., 278
Демидов Н.Н., 278
Демидов П., 329, 335, 340
Демидова Н.Ф., 12, 19, 157
Демидовы, 98, 164, 278
Ден В.Э., 244
Денисов, 321, 322
Денисов В.Т., 322
Дербетев И.Н., 311
Дерюшкин И.В., 155
Дефейервар А.А., 329, 332, 349
Джалаири К., 31
Дженкинсон, 41, 44
Джилан Иткулов, 232, 238
Джувейни, 31, 416
Дин-Ахмед, 42
Динбай бин Исмаил, 42
Динмухамет Юлаев, 65, 114
Дистан, 30
Дмитриев А.А., 9, 10, 16
Дмитриев Н.К., 19
Дмитриев-Мамонов А., 123, 125, 126, 129, 131, 132, 135, 138, 143
Дмитриев-Мамонов А.И., 16
Дмитрий Иванович (Лжедмитрий II), 154
Добросмыслов А.И., 10, 169
Долгоруков В.В., 354, 356
Донелли А.С., 8, 9,12, 15

Дохов М., 65, 118
Друецкий С., 318, 319
Дружинин И., 347
ДрюкАймяков, 191
Дубровин Н.Ф., 16
Дурасов, 370
Дурасов А.Ф., 276
Дуров Д., 294
Дюмей Ишкеев, 121, 122, 124, 126
Дюмей Солтанов, 192

Е

Ева, 416
Егафар Азбаев, 348
Егафер Якупов, 266
Едигей, 38
Екай Биккулов, 197
Екат, 194
Екатерина II, 18, 26, 80, 241, 242, 243, 250, 262,266,274,280,286,288,289,291,292,293, 303,304,310,312, 313,323,351, 356,358,359, 362, 364, 420,429
Елдаш, 210,211
Елизавета Петровна, 29, 49, 64, 79, 91, 160, 231, 235,237, 262,275, 305, 310, 311,419,428
Елкутла Хабибов, 269
Елпа, 129
Емангул Назаргулов, 271
Еммет, 421
Енай Шелтыков, 193
Енгалышев О., 343, 345, 346
Еныбек, 219
Ерали, 188
Ермак, 56, 58, 68
Ермухаммет Юзекеев, 266
Ерэнсэ, 406, 412, 413
Есипов, 207
ЕсиповА., 262
Есипов Л., 129
Есипов Ф., 132, 135, 138, 140, 142

Ж

Жилин, 194
Жилин Ф., 56
Житков Л., 261
Жихарев А., 65, 118
Жиянбай, 201
Жолобов Ф., 355
Жуков М.Г., 96

З

Загалдай, 139
Загоскин, 370
Заев, 338, 341
Зайнагабдин Габдуллин, 416
Зайсан Карабашев, 215, 216, 224
Замса, 116
Зануфа, 237
Заозерский А.И., 157
Зарипов Н.Т., 20
Зарубин И.Н., 250, 328, 330, 333, 334, 335, 337, 338, 339, 342, 343, 344, 346, 347, 349
Заруцкий И.М., 155
Захар Мухаметрахимов, 252, 261, 263
Захарьин-Юрьев Д.Р., 154
Зиаммет, 145, 147
Зимнинский, 276
Зияев Х., 421
Зулбухария, 237
Зулькарнаев М.М., 15
Зухра, 377, 378
Зюбеир Юсупов, 315
Зюлейха, 237

И

ИбакУмиров, 195
Ибрагим, 235
Ибрагим Мрясев, 269, 338, 342, 353
Ибрай, 127
Ибрай Рысаев, 264
Ибраш Уразбахтин, 343, 345, 356
Иван IV Васильевич (Белый бий, Белый царь, Иван IV, Иван Васильевич, Иван Грозный), 6, 8, 26, 27, 28, 29, 30, 37, 38, 42, 46, 47,48,49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 63, 64, 66, 67, 75, 80, 81, 89, 153, 166, 169, 254, 260, 385, 386, 419, 423, 426, 430, 432
Иван Алексеевич, царь, 64, 66, 103, 115
Иван Иванович, сын Ивана IV, 6, 89
Иван Калита, 46, 47
Иванин М.И., 173
Иванов В., 345
Игельстром О.А., 243, 281, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 323, 429
Игенбай Иртуганов, 261
Игнатьев, 159
Игнатьев Р.Г., 10, 14, 16, 223, 403, 423,424
Идельбаев М.Х., 19
Идеркай Баймеков, 327, 328, 335, 337, 338, 340, 351
Идзимас Абдулов, 221
Идзимас Ускаев, 216
Изибай Акбаев, 362
Измаил Ахметов, 270
Износков Б.А., 154
Израилев, 215
Икенбет Бекетин, 127
Илеш Аднашев, 194
Иликей, 127, 131
Иликей Бикбаев, 96
Илимбетов Ф.Ф., 21
Илимбетова А.Ф., 21
Илтабан Степанов, 264
Илчикей Тимер (Ильчикей, Ильчиктимер), 27, 28,47,49, 53
Ильмекас Ирысов, 260
Ильмикас Иртуганов, 261
Ильмикас Крысов, 261
Ильминский И.М., 417
Ильчентай, 30
Ильчигул Иткулов, 348, 358
Ильчигул Таймасов, 294
Илятбай Илембаев, 352
Имамов В., 13
Иман, 122,124, 125, 126, 130,132, 142
Иман Кулаев, 128
Иманай Смагилов, 271
Иңдова Е.И., 17
Ирбикай Зайсанов, 214
Ирмяк, 138
Исаев, 145
Исаев Р., 230
Исай Токтагулов, 328, 330, 349
Исаков, 232
Исекей Садиров, 315
Исенгул Каипкулов, 26
Исенчара, 147
Искандар, 224
Иске (Искеби, Искибий), 29, 51, 52, 53, 65, 75, 385
Искужа бин Зайнагабдин (Искужа Зайнагабдинов), 416, 426
Ислаев Ф.Г., 13
Исламгул Юлдашев (Исламгул Елдышев), 212, 214, 225, 226
Исмагил, 133, 138, 141, 142,145
Исмагил Аиткулов, 238
Исмагил Бикмухаметов, 421
Исмагил Ибраев, 237
Исмагил Мундуров, 225
Исмагил Сеитов, 95
Исмагил Тасимов, 261, 262, 263,298, 428
Исмаил, 37, 40, 41, 42, 45
Исмаил Кленчин, 261
Исмаил Маметев, 261
Истуган Байметов, 260
Исхак, 238
Исхак Исмагилов, 261
Исхак сэсэн, 406
Исхак Тасимов, 263
Исхак Якупов, 237
Исян, 30
Исянгул Мамбетев, 206, 209
Ихсан Баязитов, 343
Ишалей Кайдалин, 194, 195, 197
Ишбай Небесов, 124
Ишбердин Э.Ф., 19
Ишбирде, 386
Ишбулат, 30, 123,126
Ишекай, 386
Ишелев, 195
Ишимбай Кулушев, 57, 76
Ишинбай Тураев, 260
Ишкара Арсланов, 333, 338, 340, 342, 343, 346
Ишкиня Аисов, 315
Ишкуват Мирзаев, 29
Ишмакай Бикбулатов, 211
Ишмамет Исаев, 84
Ишмень Иткулов, 348
Ишметев, 147, 150
Ишмухамет Давлетбаев, 113,114
Ишнияз бин Ширнияз ал-Хорезми, 426
Иштеряк, 41

К

Кабузан В.М., 16, 228, 229
Казвини, 31
Казимов, 189
Казтуган, 406
Каип, 396
Каип Зиямбетев, 267, 315, 319, 320, 333, 338, 339, 340, 342, 343, 346, 353
Кайбыс Узеев, 115
Калмакай Бармаков, 214
Калмакай Уптынов, 263
Калмаккул Каракучюков, 222
Калмакчюра Менлигулов, 211
Каловский И., 294
Калтыманов, 207
Камачык, 30
Канай бин Динбай, 42
Канбулат Юлдашев, 342, 343, 355
Кандраля Бакшин, 211
Канзафар (Казанфари), 44, 46, 47, 385
Канзафар Усаев, 282, 329, 334, 347, 354, 355, 362, 364, 390, 421
Канчура Мункин, 335
Кар ВА., 329, 330, 333, 334, 335, 337, 338, 341
Кара Кель-Мухамед (Кара-Килембет, Каракилмет), 41, 42, 43, 44, 46, 385
Карабай Тюрембетев, 214
Карабаш Изягидцин, 147, 151
Каракай Суюндуков, 421
Каракужак, 385
Каракулумбет, 412, 415
Караман, 44
Карамзин Н.М., 49
Каранай Муратов, 333, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 352, 355, 356, 433
Карас, 406,412,413
Карас Чингашев, 159
Карасакал (Миндигул Юлаев), 223,224,225, 226, 375, 388,406, 417, 418, 428, 432
Карашай, 206
КарлХИ, 158
Карман, 145
Кармыш, 27, 47, 49, 53
Кармыш Карабашев, 200
Кармыш Юмашев, 264
Кароваев, 321
Карпини Плано, 421
Касим, 38, 40
Каскин Мукасев, 318
Каскын Самаров, 315, 320, 329, 332, 333, 335, 336, 339, 340, 341, 342, 343, 350, 352, 355, 356,421,433
Каспулат Черкасский, 155
Кассель (Кэстль Д.), 185
Катанов Н.В., 417
Катка, 145, 194
Кафенгауз Б.Б., 16
Качей Зайсан, 147
Кашафетдин Шахимардан, 423
Кашинцев Д.А., 16
Кашип Солтанов, 192
Кашкай Тоганаев, 212
Келман Кулаев, 129
Кемпер М., 287
Кереитов Б., 158
Кидряс, 377, 378
Кидряс Келдышев (Кадряс Калдышев), 211, 212, 214, 222
Кидряс Муллакаев, 38, 192, 209, 266, 267, 270,306, 309, 310,311,333, 335,338, 339, 340, 342, 343, 346, 352

Кизылбай, 138
Киикбай Ямансарин, 350, 352
Кийиков Г., 26
Килей Таникеев, 114
Кильдыш, 421
Кильмяк Нурушев, 128, 191, 192, 193, 194, 195,197,198,199,200,207,208,209,210,220, 406,417,418,432
Кинзекей, 206
Кинзя Арсланов, 271,272, 273, 282, 328, 329, 330, 332, 335, 337, 338, 339, 340, 341, 343, 350, 351,358, 390, 421.428,433
Кинзябулат Алкашев, 350
Кинзягулов К., 98
Кинишемцев, 97, 294
Киреев А.Н., 20
Киржацкий В., 110
Киржацкой М., 143
Кирилов И.К., 14, 15, 64, 65, 86, 100, 103, 107, 109,163,168,169,170,171,172,173,174, 175,176,177, 178,179, 180,181,182,183,184, 185,187,189,191,192,193,194,195,196,197, 198,199,204,205,207,208,209,210,226,229, 231,274, 275,277, 280,428
Кичкиней Курмантаев, 264
Кичун Ф., 320
Ктенчей Байдосов, 260
Клеопин Н., 263
Ютешнин А.Ф., 183
Клин, 120
Кодряй Хаджиев, 223
Кожин Н.Н., 346, 353, 354, 355
Козя, 213
Козяш. 76
Кол Гали, 32, 386, 427
Колесников А., 262
Колокольцев, 193
Колчурин, 195
Колычев А.М., 72
Конашевич Л., 235
Кондаков И., 261
Кондырев П.Т., 155
Коркодинов А.М., 109, 115, 116
Корф, 184
Корф А.И., 329, 330, 332, 335, 340
Костюрин, 308
Котлогузя Кузенбетев, 211
Котряс Елдышев, 211, 212
Котчай Байгильдин, 212
Кочатул, 147
Кочекаев Б.Б., 82
Кошкилдей, 147
Красильников, 146
Краснощеков, 308
Крашенинников П.И., 311
Крестовников В., 187
Кривоногов В.Я., 16, 261
Кропотов, 159
КротковА., 277
Кротов П.А., 157
Кругляшова В.П., 392
Кубагуш, 406, 412, 413
Кубарчурин, 121
Кублицкий, 222, 224, 225, 230
Кудаш, 30
Кудрявцев Ж., 134
Кудрявцев Н.А., 119, 121, 123, 124, 125, 126, 131.132,133,134,135,136,138,140,141,142, 143, 144, 145
Кудряшев П.М., 417
Кудряшов П.А.. 401, 402, 404
Кузеев Р.Г., 7, 19, 20, 22, 45, 46, 47, 50, 91, 228, 244
Кузеев С., 96
Куземыш Биккузин, 214
Кузмет Ишметов, 345
Кузнецов И.С., 334, 342, 347, 348, 349, 362
Кузнецов С., 352
Кузяш Рахмангулов, 201, 211, 212, 213, 215, 224
Куйбак Желевов, 271
Куксеев К, 130, 140
Кулаев, 142
Кулаков И., 110
Кулалаев В., 332, 339
Кулбарыс, 145
Кулбахтин И.Н., 16
Кулбахтин Н.М., 16, 17, 50
Култай, 213, 214
Кулчюков, 192
Кулый Балтачев, 270, 313, 315, 316, 317, 318, 319, 327, 328, 331, 332, 339, 352, 357, 373
Кулышев Б., 204
Кульчюрка, 130, 140
Кульшарипов М.М., 18
Кунай Назаров, 263
Кунакась Ильясов, 316
Кункас, 406
Кура Баласаров, 264
Куразман Макаров, 197
Куразман Уразов, 133, 135, 138, 142
Куракин,114
Курбский А., 38,41,44
Курпяс, 48
Курсави Г., 33
Кускеев, 121
Кусмяк, 216
Кустом Иткинин, 194
Кусюк Кулчурин, 224
Кусюм Тюлекеев, 126, 127, 128, 129, 130, 132,133.134,138,141.142,145,147,403,406, 432
Кусяк, 212
Кусяк Ишмеков, 192
Кусяп Султангулов, 186, 211, 217, 218, 221
Кусяпкул Азятев, 330, 335, 339, 352
Кутби,32
Кутлугильда Абдрахманов, 272, 328, 329, 337, 338, 340,351,352, 355, 356
Кутлугуевы, 215
Кутлугужа, 206
Кутлумамет, 130
Кутлумбет Коштаев, 88
Кутлуюл, 350
Кутузов М.И., 321
Кутукай, 374
Кутукай-батыр, 206
Кутуш Кутукаев, 264
Кучербай Аксулпанов (Акчур-Пай), 324
Кучук, 113, 114
Кучук Юлаев, 116
Кучукбай, 233, 238
Кучум, 42. 56, 57, 83, 113, 368, 430
Кучумовичи, 56, 57, 83, 406
Кучюк, 143, 144
Куян Кизенгулов, 192

Л

Ланов, 276
Ларион, 143
Ларионов А.Л., 346
Лаузан, 84
Лебедев В.И., 11, 140
Лебединский Л.Н., 390, 408
Левальд Г., 307, 308
Левонтьев З.Ф., 113
Левшин А.И., 86
Леонов, 322
Леонтьев И.Ю., 156
Лепехин И.И., 15, 19, 20. 77, 78, 99, 101, 249, 264, 265, 266, 267, 268, 368, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 383, 402, 403,406,427,428,431
Лимонов Ю.А., 17
Лихачев А.Ф., 211, 214
Лихачев Г., 356
Лихачев Д.С., 31
Ломакин К., 263
Ломтев К., 263
Лопатин В.И., 117
Лопухин В.А., 307, 308
Лопухин И.В., 251
Лосев П., 131
Лоссиевский М.В., 68, 428
Лугинин Л.И., 278
Лукман Усманов, 423
Любавский М.К., 89, 298
Любомиров П.Г., 16
Люткин, 119, 220, 229
Ляпунов П.П., 155

М

Мавлитов Л., 420
Мавлюкай Мухаметов, 251
Мавлют Мандаров, 213, 216, 222
Мавля Кулуй, 412, 422
Мавляви Г., 33
Мавродин В.В., 17
Мажитов Н.А., 8
Мазан, 156
Мазжарин М., 347
Мазовский Е.С., 210, 218
Майкы, 26
Максют Утяганов, 343
Мальцев М.Я., 348
Мамет, 138, 187
Мамет Опаков, 211
Мамет Тасимов, 261
Маметкулов Я., 214
Мамин-Сибиряк Д.Н., 406
Мандар Карабаев, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 218, 221, 222, 223, 225, 226, 432
Мансур, 224
Мансур Биккулов, 194
Мансур Крысов, 261
Мансур Муртазин, 312
Мансуров, 56, 58
Мансуров П.Д., 353, 354
Манштейн Х.-Г., 160
Марварий, 183
Мардангул Саетбаев, 263
Мартаков П., 178, 179, 203, 205, 206
Мартинианов А., 187
Маршилов И.К, 333, 340
Масалов И.П., 277
Масалов М.П., 277
Масаловы, 264, 277, 278
Масловский Д.М., 307, 309
Матвеев П., 278
МатигоровД., 147, 148, 149, 150
Махмуд, 30
Махмут, 412, 414
Махмут Зиянгулов, 234
Махмут Калмакаев, 357
Медет Мендияров, 355, 356
Меллин, 355, 356
Мендей Тупеев, 327, 328, 331, 332, 335, 352, 357
Мендер Аракаев, 211
Мендикей Абдулгазизов, 315
Мендикей Аблязев, 311, 312
Мендияр Аркаев, 212, 224
Мендияр Бикчурин, 288, 409, 421
Менен, 114
Менлигуза, 131, 132, 144, 151
Ментиков А.Д., 119, 121, 130, 132, 137, 141, 143
Мерзлюкин, 94
Мертваго, 276
Мертваго Б., 321
Мертваго Д.Б., 286
Мешавали Каракузяк (Мешавали Каракуджак, Мешавли Каракуджак, сын Меши Каракуджак), 28, 29, 51, 52, 53, 65, 75
Мещеринов В., 132
МикулинА.А., 154
Микулинский С., 38
Миллер Г.Ф., 56, 57, 184
Миллер К., 187
Милов Л.В., 18
Милчиков, 219
Минаев Ф., 156
Минин К.З., 155
МинихИ.Б., 160
МинихХ., 88, 174
Минликаев, 202
Минлиш Кутлумбетев, 318
Мирасов С., 51, 90, 244
Михаил Федорович, 105, 155, 214
Михельсон И.И., 321, 322, 343, 351,353, 355, 360, 361
Мозовский Е.С., 218
Моисеев, 229
Моисеев А., 234, 333, 340
Молоствов, 122
Морозов П., 38

Морской И., 119
Москов Уразаев, 133, 142
Мрадым Саитмамбетов, 350
Мрат, 350
Мратша Сыртланов, 338, 339, 346
Мряс Юлумбетов, 192
Муйнак Сулейманов, 355
Мукаш Сутеев, 352
Муксин, 237
Мулдаш, 264
Муллагулов М.Г., 21
Мунчак, 114
Муравин Г., 187
Мурадым Абдрахманов, 296, 297, 298, 352
Муразин, 189
Мурас Ишимов, 260
Мурат, 72, 127, 128, 132, 137, 140, 142
Мурза, 138
Мурзагильдин, 146, 151
Мурзай, 142
Муртаза Апасов, 193
Муртаза Иштеряков, 295
Муртаза Нурмешов, 230
Муртаза Юртаумов, 349
Мурявин, 193
Муса, 38
Муса Алиев, 338
Муса Имангулов, 350
Муса Кадерметов, 391
Муса Кошколтаев, 192
Муса Муслюмов, 315
Мусай Мустаев, 266
Мусин-Пушкин В.П., 321, 323
Мусин-Пушкин И.А., 132
Мусин-Пушкин П.И., 175
Мустай Теребердин, 233, 238
Мустай Федотов, 263
Мутай Аиткулов, 270
Муталлап Кулчуков, 271
Мутон Мирясов, 261
Мухамеджан Хусейнов, 287, 288, 289, 290, 291, 292
Мухамет Сафаров, 357
Мухаметрахим Тасимов, 252, 261, 262, 263
Мухаммад Челеби, 427
Мухаммед, 32, 33, 284, 416
Мухаммедгали Кийиков, 25
Мухаммет Амин Гумар-улы, 421
Мухамметрахим Ибраев, 266
Мухамметрахим Юсупов, 306
Мырсаков Н., 96
Мясников И.С., 15, 264, 277, 278, 279, 302, 339
Мясников М.С., 268, 277
Мясогут, 192
Мясогут Гумеров, 343, 345
Мясогут Уразаев, 197, 198
Мясоедов С.С., 329, 333, 364

Н

Нагаева Л1.И., 21
Нагайбак Асянов, 343, 345, 346
Нагайбахча, 130
Нагой И.Г., 69
Нагой М.А., 69,70
Надергулов М.Х., 19
Надир, 406
Надршина Ф.А., 20
Надыр Уразметев, 192
Надырмет Давлетбаев, 264
Назар Алексеев, 343, 345, 346
Назаргулов, 144
Назаров, 234, 235
Назаров П., 255
Наполеон Бонапарт, 414
Нарынбай, 340
Нассау-Зигеп, 323
Наумов С.П., 353, 354, 355
Наумов Ф.В., 174
Неклюдов С.В., 355, 356
Некрасов И., 139, 141
Неплюев И.И., 74, 76, 163, 189, 230, 232, 234, 235, 236, 237, 244, 275, 280, 305, 306, 310,427
Нефедов Ф.Д., 403, 424
Нигматуллин С.Н., 12
Никита, 138
Никитин, 148
Никольский Д.П., 20
Новиков, 182
Новиков В.А., 9
Новосельский А.А., 82, 83
Ногашев, 196
Нольде В.Э., 9
Норов С., 132, 140
Нумсен Ф.М., 323
Нурали, 186, 188, 235, 282, 328
Нурка Борисов, 229, 230
Нух, 417

О

Обернибесов А.Ф., 354, 355, 356
Обольянинов, 148
Овсянников И., 137
Овцын, 180
Овчинников А.А., 328, 335, 337, 338, 339, 350
Овчинников Р.В., 17
ОкуневА., 158
Оленин А.Н., 78, 324
Онучин Г., 70
Орликов С., 183
Орлов А.С., 18
Осокин,187
Осокин П.И., 278
Осокины, 278
Останков Г.Л., 97, 187, 188, 205, 218

П

Павел I, 281, 320
Павленко Н.И., 16
Павлов И., 110
Павлуцкий Я., 180, 215, 216, 224, 225
Паган П., 185
Паллас П.С., 15, 20, 247, 248, 249, 250, 251, 368, 369, 370, 371, 373, 374, 376, 377, 378, 382, 383,402,403,410, 431
Пальчиков, 109, 121
Панеях В.М., 17
Панин П.И., 241,244,354,355,357,358,359, 361
ПапавА.В., 348, 355, 360
Парфентьев, 150,151
Паскаль П., 8
Пекарский П.П., 14
Первушин, 149
Перетяткович Г.И., 173
Перфильев, 350
Пестриков М., 183, 184
Песьяков И., 262, 263
Петр I (Петр Алексеевич, Петр Великий), 13,14,30, 55,64,66,71,72,103,115,121,122, 123, 124, 126,127,128,131,132,135, 136,137, 139,140,141,142,143,144,150,154,156,157, 158, 159, 163, 166, 241, 260, 305, 312, 419
Петр II, 55, 73, 190, 419
Петр III, 359
Пеутлинг А.А., 250
Писемский, 264
Плахов, 323
Плещеев Л.А., 84
Подуров Т.И., 304
Подъячев А.М., 252, 301
Пожарский Д.М., 155
Поздеев, 321
Полуэктов, 112, 113
Понятовский С. (Станислав-Август IV), 312, 321
Попов М.И., 363
Попов Н.С., 87, 246, 247, 250, 369
Порталь Р., 9
Потанин Г.Б., 417
Потемкин Г.А., 320
Потемкин П.С., 356, 358, 361
Потресов С., 318, 319
Почиталин И.Я., 364
Преображенская П.С., 83
Преображенский А.А., 17
Приклонский А., 110
ПрысовЯ, 262
ПсянчинА.В., 21
Пугачев Е.И., 16,17,18,19, 31, 320,327,328, 329, 330, 332,333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341,342, 343, 344, 345, 347, 349, 350, 351, 352,353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 362, 363, 389, 390, 391, 392, 421,423
Путятин А.А., 49,224,225,266,271,276,280, 293, 304,310,311
Пушкин А.С., 16, 17, 18

Р

Рабай,217
Радищев А.Н., 362
Радлов В.В., 417
Размаханбет, 146
Рангул Ильин, 266, 271
Ранчковский,215, 216
Расул Карамышев, 237
Расуль Иджимясов, 264
Ратиславский, 185
Ратцель Ф.Р., 256
Раутенфельд И.А., 321
Рахим Г., 31
Рахимов Р.Н., 157
Рахмангул, 138, 142
Рахмангул Емметев, 131
Рахмангул Зиямбетев, 201, 207, 211, 212, 213, 214,217
Рахмангул Иртуганов, 315
Рахмангул Кутанов, 200
Рахманкул Байгузин, 51
Рахманкул Карманов, 145
Рахманкул Курманаев, 311
Рахматуллин М.А., 17
Рахматуллина З.Я., 20
Рачковский,148
Рашид ад-Дин, 31, 416
Рейнсдорп И.А., 250, 267, 268, 274, 282, 283, 313, 318, 327, 329, 330, 331, 332, 335, 336, 337, 354, 355, 356, 359
Репнин А.А., 155
Репнин П.И., 278
Репнины, 278
Рер И., 123
Римский-Корсаков, 323
Рубрук Вильгельм, 421
Руденко С.И., 20, 56, 402
Рукавишников, 97
Румянцев А.И., 64, 179, 181, 198, 199, 200, 202, 203, 204, 205, 207, 208, 210, 274, 388
Румянцев П.А., 308
Русинов А., 294, 295
Рыбаков С.Г., 20, 408, 423
РыдарьИ., 126, 129, 130,136, 140
Рыжиков И. (Рыжов И.), 332, 339
Рылеев И.К, 354, 355, 356, 357, 361
Рыльский Х.Ф., 85
Рындзюнский П.Г., 17, 18
Рысай, 212
Рысайбай Игембетев, 192, 211,217, 218,221, **222**
Рысманбет, 145
Рысмухамет, 151
Рычков Н.П., 15, 248, 249, 267, 370
Рычков П.И., 9, 10, 13, 14, 20, 49, 50, 63, 68, 75, 86, 90, 91, 92, 98, 99, 101, 132, 175, 184, 185,187,191,202,203,223,236,237,244,247, 248, 259, 264, 267, 276, 374, 430
Рябкова, 143

С

Сабан Севергулов, 206, 209
Сабан Ураев, 230
Сабир Кутлунбеков, 335
Савельев Р., 214
Саган Базанов, 322
Сагат Балтачев, 352, 357
Сагитов М.М., 20
Саид-Ахмед бин Динбай, 42
Саитбаттал Мусалимов, 343
Сайран Сеитов, 330, 335, 339
Сайфулла Сайдашев, 334, 347
Салават Елаткуров, 193
Салават Юлаев, 16, 17, 320, 329, 330, 333, 334, 339, 340, 342, 347, 348, 351, 352, 354, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 389, 390,391,392,393,406,408,412,413,414,419, 421,423,424,425,428,433

Салей Бускунов, 263, 264
Салим Мустафин, 343
Салихов Х., 33
Салтан, 128, 129
Салтыков И.Н., 154
Салтыков И.П., 321, 324
Салтыков Н.И., 323
Салтыков-Щедрин М.А., 418
Самойлов А.И., 289
Санников Ф.И., 262
Сапар Атмакаев, 267
Сапар Байтемиров, 269
Сапар Тиминеев, 270
Сара Абдуллин, 270, 334, 349, 357
Сарт, 114
Сары Мерген, 110, 432
Сарым Наешин. 211
Сафар Суверов, 192
Сафонов Д.А., 15
Свербеев В.И., 330, 351
Сеит, 86, 115, 116, 406, 423, 428, 432
Сеит Карабалыков, 192
Сеит Суюндуков, 95
Сеит-бай,212
Сеитбай Алкалин, 193, 211, 217, 218, 221, 222
Сейткул Кайдагулов, 88
Сейфулла Муртазин, 290
Семевский В.И., 15, 16
Семен, 270
Семенов К., 138
Семенов П., 70
Семенов С., 230
Сергеев А., 65, 109, 119, 120. 121, 122, 123, 124, 125, 130, 133, 136, 143, 145, 152
Сергеева Н.И., 17
Сибильский, 307
Сивере К.Е., 278
Сидоров В.В., 392
Сикорский С., 181
Симоновский И., 105
Сингут, 321, 323
Сираев З.И., 12
Сирко И., 156
СкалонА.Д., 353, 354, 357
Сляусин Кинзин, 329, 338, 340, 351,352, 356
Смайл Ахмеров, 266, 267
Смак Исаев, 124
Смирнов Ю.Н., 18, 170, 188
Снитгер, 112, 113
Соймонов Л.Я., 74, 76, 97, 185, 186,189, 209, 217, 220. 221,222, 224, 225
Соколов Д.Н., 50, 153, 154, 386
Соколов-Хлопуша А.Т., 330, 332, 336, 337, 341
Сокрый Г., 33
Соловьев В.М., 18
Соловьев С.М., 9, 10, 14, 140, 157, 159, 419
Сомов Ф.И., 64, 71,103, 112, 114
Сопега Т., 122
Софья, царевна, 115
Спиридов И.В., 272, 295,311
Спиридов М.Г., 251
Спренгтпортен Е.М., 321
Спрык С., 201
Станиславский С.К., 329, 332, 337, 340, 353, 354, 357
Стариков А.Г., 304
Старков С., 183
Страхов, 276
Стрешнев Т.Н., 132
Стрижевский, 222
Строганов А.С., 278
Строгановы, 93, 110, 127, 206, 213, 214, 216. 218, 260, 261
Струмилин С.Г., 16
Ступишин Е.А., 329, 357
Субботин К., 261, 262
Субхангул Кильтяков, 348, 359
Суворов А.В., 313,317, 320, 361
Сугецов, 121
Сударенин, 193
Сулей, 149
Сулейман, 420
Сулейман Арслангулов, 217
Сулейман Деваев, 237
Сулейман мулла, 343
Сулейман Чермышаков, 211
Сулейманов А.М., 20
Сулейманов Р.С., 20
Сулейманов Ф. (Абдулкадир Инан), 31
Султан Арсланбеков, 224, 226
Султангареева Р.А., 20
Султан-Гирей, 223, 224
Султангулов, 150
Султанмурат Дюскеев, 192, 197, 207, 208, 210,211
Султанов Г., 389
Султанова А.Н., 8
Сушин, 263
Суяргул Черемшаков, 192
Сюзюк Малаев, 335
Сюлюк Якупов, 296, 297, 298

Т

Таджидцин, 25
Таджитдин, 237
Тажетдин Ялсыгулов, 33, 412, 416, 417, 422, 423, 427
Таймас, 76
Таймас Шаимов, 88, 200, 201, 212, 214, 266
Таймасов С.У., 17
Танчей, 350
Таныс Терегулов, 124
Тарле Е.В., 157
Тархан Абишев, 368
Тасим Маметев, 214, 260, 261, 262, 263
Тасимовы, 252, 262
Татигас (Татигач), 27, 45, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 55, 65
Татищев В.Н.. 14. 55, 58. 73. 75, 76, 107, 163, 164,165,166,168,169,175,178,179, 180,181, 184,185,186,187,191,200,201,202,203,205, 206,207,209,210,211,212,213,214,220,221, 222, 227, 230, 247, 260, 261, 275, 374
Татищев И.Н., 192, 193.219
Тахир, 40
Ташкин С.Ф., 76
Твердышев И.Б., 15, 277, 278, 279
Твердышев Я.Б., 272
Твердышевы, 264, 274, 302, 339, 349
Творогов И.А., 330, 350
Тевеней,193
Тевка, 143
Тевкелев А.И. (см. Мирза Кутлиахмет), 14, 100,172,174, 175,178,180, 183,184,185, 186, 187,192,199,200,201,202,203,205,207,210, 236, 277, 336, 388, 422
Тевкелев О.А., 336, 342, 345
Тевяк, 194, 195, 197
Текей Чингашев, 159
Текутьев Т.П., 147, 148, 149, 318
Теленбет. 139
Тементей, 147
Темир Мютин, 280, 306, 309, 311, 312
Темирбай Халилев, 318
Теникас Бикбаев, 214
Тенэй, 44, 46, 47
Тереберде Алеев, 94
Тетеревский И., 186
Тетесев Усай, 261
Тимашев И.Л., 270, 352, 354, 355
Тимашев Н.И., 289
Тимербулат Якшиванов, 124
Тимка Алтынбаев, 261
Тимофеев В., 105
Типеев Ш.И., 19
Титов Г., 132, 142
Тихановский Е.К., 301
Тлевкей Улатемиров, 224, 226
Тлеш Бегенешев, 126
Тойгильде Жуляков, 230
Тойка, 130
Токаза Батинов, 76
Токчура, 195
Токших, 145
Толбузин Ф., 146, 148, 149, 150, 205
Толкачевы, 335
Толстой Л.Н., 387
Томилов Ф., 149
Тон И., 261
Торгоутский П., 306
Торнов В.И., 346, 352
Тохтамышев А., 138
Тохтар, 139
Трегубов, 322
Трепавлов В.В., 8, 69, 82
Третьяков, 196
Третьяков С., 56
Третьяков Ф., 295
Трубецкой Д.Т., 155
Трубников И., 261
Трусов, 139
Трухмень Янсаитов, 328, 337, 340
Тука-Тимуриды, 40
Туктамыш Ишбулатов, 49, 233, 251, 252, 261,263,269,272,273,295,296,298,299,301, 303, 304, 359, 419, 420, 427
Туман, 44, 46. 47
Тура, 38, 44
Турай Ишалин, 333, 342, 343
Туренин Д.В., 154
Турчанинов А.Ф., 263, 264
Тучков С.А., 323
Тюлекей, 132
Тюленев Е.И., 364
Тюлькучура Алдагулов, 202, 203, 204, 206, 207, 212, 213, 214, 215, 221, 222, 432
Тявка Китяпов, 216, 218

У

Уваров А.А., 317, 318
Уваров И., 306, 310
Угримов Л., 215
Угрюмов, 127, 147, 148
Узбек, 425
Узянбай Ямансарин, 352
Улекей, 112
Ульмаскул Абдуллин, 348
Ульянов И.И., 346
Умар Муртазин, 345
Умбекей Аиткулов, 296
Умер Касиев, 263
Умер Тохтаров, 192, 193, 197, 198
Умер Ямышев, 264
Умеркаев Б., 343
Уметбаев М., 19, 26, 48, 426
Уметбай Мукасев, 318
Уметей Уразымбетев, 315, 320, 348
Умидбай, 30
Умук Билимбаев, 263
Умутей Тимербулатов, 193
Ураз, 139
Уразай, 126, 128,145
Уразай Абызанов. 214, 216
Уразлин Р., 222, 223, 224, 225
Уразлы, 30
Уразман, 140
Уразмат Ермаков, 264
Уразмет, 212
Уразмет мулла, 192
Ураз-Мухамед, 42
УракайЮлдашбаев, 144, 145, 146, 151
Ураков, 318
Ураков И., 118, 119, 129
Ураков И.Г., 328. 330, 335, 338, 339
Ураков К., 49, 91, 107, 160, 227, 275
Уркач, 218
Урман, 30, 44, 46, 47
Урмет Бимяков, 128, 133
Урн Ю., 129, 143
Урсай Мятиков, 124
Урус, 42, 82, 430
Урусакай, 144
Урусланбек Баккин, 113
Урусов, 318
Урусов В .А., 14, 187, 188. 189, 225, 275
Урусов Ю.С., 117
Урыс, 30
Усай Тетесев, 261, 263
Усей Бегенеев, 124, 159
Усман Узюбеков, 270
Усман Чювашбаев, 215
Усманов,264
Усманов А.Н., 7, 10, 12, 38,46, 47,48, 50, 56, 68
Усманов М.А., 31, 32

Устюгов Н.В., 7, 10,11,12,19
Утеган Нурмухамметев, 318, 320
Утемиш-хаджи, 31
Утяган Муратов, 345
Утягул Чангырчин, 192
Утятников И.Д., 176, 190
Утяш Кошинбаев, 262
Утяш Кутлугузин, 267
Учадамцев П., 409

Ф

Фальк И.П., 15, 20, 248
Фатыхова Ф.Ф., 21
Фахретдин Абдрашитов, 290
Фахретдинов Р.Ф., 19, 284, 421, 423
Федор Иванович, 260
Федоров Б., 96
Фейербах, 285
Фейзулла Адилев, 290
Феодосий Печорский, 285
Фермор В.В., 307, 309
Фирсов НА., 9, 14, 15, 147
Фирсов Н.Н., 16
Фишер, 216
фон Эйкин, 216
Фрейман Ф.Ю., 320, 328, 330, 333, 342, 344, 345, 352, 353, 354, 357, 358, 364
Фридрих И, 305, 307, 309

Х

Хабрау, 406,413
Хази Аккускаров, 127,128,129,138, 142,144
Хакк-Назар, 40, 43
Халиль Иштеряков, 295
Халиль Якупов, 269
Харисов А.И., 19, 20
Хасан, 292
Хасан Биешев, 51
Хилков, 321
Хисаметдин Муслими, 32, 33, 416
Хованский П.И., 132,133, 135, 137, 138, 139, 140, 141, 142
ХодкевичЯ., 155
Хожагул, 147
Хоткевич С., 322
Хохлов П., 129, 130
Храповицкий А.В., 323
Хрущев, 158
Хрущев А.Ф., 204, 214, 215
Хрущев М.С., 102, 181, 208, 209, 210
Худайберды, 232, 238
Хусаин бек бин Омар бек, 426
Хусаинов Г.Б., 19, 20, 31, 32, 401
Хусаинова Г.Р., 20
Хусейн,138
Хусейн Утекеев, 192

Ц

Ценден-Доржа, 328
Цывилицын, 264

Ч

Чаган, 140
Чагыр Утяшев, 267
Чагыр Яргалов, 145
Чангырчак Маметев, 159
Чемодуров, 199
Черемшанский В.М., 14
Черепнин Л.В., 17, 18
Черкасов, 222
Черкасова А.С., 16
Черкасский Г.С., ИЗ
Черкасский К.М., 156
Черкашенин М.И., 155
Чермишь, 147
Черников А., 84
Черноухов А.В., 16
Чернышев, 320
Чернышев З.Г., 330
Чернышев И.Г., 262
Чернышев М.Д., 96
Чернышев П.М., 329, 334, 337
Чингисхан (Темучин, Чингиз), 26, 28, 31, 32, 37, 40, 52, 77, 416
Чириков, 177,193
Чичагов П., 183
Чолпашев, 138
Чублюк, 44, 46, 47
Чувашбай Авезеев, 296
Чулошников А.П., 10,11, 19
Чупин Н.К., 15, 264
Чура Расулев, 348
Чурагул Минлебаев, 233, 238
Чурагул Тойгильдин, 124
Чураш Келдышев, 222, 226
Чюбар Балагушев, 260
Чювашев И., 138
Чюрагул, 147
Чюрагул Шигаев, 194
Чюря Расулев, 348, 359

Ш

Шагали, 153
Шагали Шакман, 28, 29, 51, 52, 53, 65, 75, 385, 401
Шайлы Купаев, 319
Шакурова Ш.Р., 20
Шал Чангырчин, 192
Шалгыйыз, 406
Шаломов Н., 260
Шалтык, 120
Шамай Муслюмов, 342
Шами, 31
Шаммухамет, 219, 220
Шарил Кииков, 269, 296, 297, 298, 352, 357
Шарип Якупов, 343, 345, 346
Шарипова З.Я., 19
Шарып, 76
Шарып Мряков, 76, 193, 195, 266, 268, 269
Шафей Тойгузин, 343, 345, 346
Шах-Али, 154
Шейн А.С., 156
Шемамет, 219
Шемберг, 187
Шемеки, 211, 212
Шеметов С., 357, 362
Шемяк, 222
Шемякин, 107, 185, 187
Шемякин С.В., 209, 210, 211, 212, 217, 218, 220
Шепелев П.А., 317, 353, 354, 356
Шереметев (Меньшой) П.В., 115
Шереметев Б.П., 122,123, 124,125,126,157, 158, 159
Шереметев В., 129, 130, 131,135, 143, 144
Шереметев И., 38
Шереметев Ф.И., 154
Шехонский И., 183
Шибаев И., 350
Шигабутдин Марджани, 33, 426
Шигай, 188, 221
Шиганай Бурчаков, 224, 272
Шигир Култаев, 214
Шикманай, 415
Шиляев Э.Ю., 15
Ширяев М., 263
Шитова С.Н., 20, 21
Шишков, 219, 279, 280
Шишков И., 183
Шишонко В.Н., 15
Шкадер, 200, 216
Шкапский, 233
Шлиппенбах В.А., 158, 159
Шмаков И., 316, 317
Штерич И.Г., 348, 357, 361
Штокман, 230
Шувалов А.И., 264, 278
Шувалов П.И., 278
Шугарев Б., 94
Шугур, 192
Шуйский В., 154, 155
Шуйский-Горбатый А.Б., 46
Шумаев, 219
Шумыш Маметев, 200, 215
Шумыш Севергулов, 214

Ш

Щепотьев М.И., 123
Щербатов Ф.Ф., 354, 356

Э

Эльтон Д., 181, 183
Эльхадж-Селим-Гирей, 156

Ю

Юбраш, 138
Юдин ПЛ., 16, 351
Юкиш Муканов, 264
Юлай Азналин, 272, 273, 315, 320, 349, 357, 358, 360, 361, 363, 364, 390, 414, 421,433
Юламан Кушаев, 310, 334, 349, 357, 433
Юлдаш Суярембетев, 202, 213, 221, 428,432
Юлдашбаев Б.Х., 12
Юлыш, 129
Юлыш Токаев, 192
Юм Д., 285
Юмагулов, 125
Юматов В.С., 384, 385
Юнус, 214
Юнус Юсупов, 311 -
Юскей Кудашев, 343, 345
Юсуп, 194
Юсуп Арыков, 200, 201, 202, 203, 204, 206, 207, 209, 432
Юсуп Маметев, 134
Юсуп Надыров, 327, 328, 330, 331
Юсупов Р.М., 21
Юсупов Ю.М., 8
Юсуф, 37, 40, 41, 45
Юсуф Гарей, 387, 388
Юхнев, 90, 91, 92, 94, 95, 96, 97, 163, 166, 169, 249, 368
Юшков, 355, 356

Я

Ягафар, 287
Ядкар, 29, 45
Языков, 225, 276
Языков А.М., 112
Яйыксабый, 30
Якей Егоров, 356
Якоби И.В., 241,243
Яков Азнагулов, 262
Яков Алчибаев, 263
Яковлев, 236
Яковлев А., 105
Якубович А.Я., 353, 354
Якуп Кулметов, 133,134, 142
Якуп Тлеумбетев, 358, 362
Якуп Чинмурзин, 213, 214
Якуп Шарыпов, 266
Якуп Юсупов, 264
Якушкин И.Я., 151
Якшей, 328, 339
Якшимбет Игимбетев, 318
Яман Ахметов, 211
Ямангуза, 222
Ямансары Яппаров, 295, 328, 335, 338, 340, 352, 356
Ямин Акомбетов, 212
Янаевский, 322
Янбакты, 25, 30
Янгильде, 216
Янгильде Бегишев, 200, 211
Янгильде Самангулов, 215
Янгузин Р.З., 16, 244
Янковский Г., 132, 143
Янмурзин А., 93
Яныбай Ишмухаметов, 290
Яныш, 389,419, 420
Яныш Абдуллин, 214, 237
Яркей Анчурин, 73
Яркей Мустафин, 270
Ярмухамет Кадырметов, 345, 357, 362
Ярмухамет Хаджиев, 223, 225, 226
Ятимак Туйгунов, 200
Яун Чувашев, 272
Яушев М., 126

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абзелиловский район, 259
Аблаево, д., 251
Авзян, р., 97
Авзяно-Петровские заводы, 233, 278, 327, 330, 332, 337, 339, 341, 350
Австралия, 399
Австрия, 305, 313
Аграхань, р., 119
Адаево, д., 269
Аднашево, д., 195
Азия, 14, 87, 171,181, 188
Азов, крепость, 153,154, 156
Азовская губерния, 71
Азяк, д., 237
Азяш-Уфимский завод, 278
Ай, р., 92, 97, 116, 202, 203, 211, 212, 213, 214, 215,218,249, 264, 360, 390
Айлинская волость, 58, 96, 112, 147, 150, 151, 200, 202, 206, 211, 212, 214, 215, 224, 225, 230, 278, 349
Айская волость, 84, 144
Айская пристань, 360
Айсувак, д., 328, 339
Акбашево, д., 195, 342
Аккулушево, д., 211, 233
Аккуль, оз., 264
Акгаш, с., 345
Алакуян, р., 415
Алаторский уезд, 127
Алексеевская крепость (пригород), 104, 173, 174,178, 190, 194, 346
Алленбург, г., 308
Алмантаево, д., 195
Алтыбаево, д., 229
Алтыульская (Енбулуцкая) Орда, 81, 83
Алыневео, д., 192, 369
Альшеевский район, 385
Америка, 170
Амзя, р., 357
Амударья, р., 171
Англия, 305
Аннинский завод, 347
Антоново, д., 139
Анцубский завод, 190
Апсялямово, д., 252
Аральская пристань, 171,182
Аральское море, 45, 90, 171, 175, 178, 181, 183, 184, 187
Арамильская слобода, 104, 116, 146, 148, 149, 150, 151
Арамышевская слобода, 113
Арзамас, г., 324
Аркатово, д., 136
Армения, 170
Армыт, р., 84, 85
Арск, крепость, 343, 346
Арская дорога, 195, 345
Арский уезд, 329
Арсланбекоко, д., 369
Арсланово, д., 196
Артинский завод, 58, 278, 279
Архангелогородская губерния, 71
Архангельск, г., 183
Архангельский (Шаранский) завод, 277, 279, 332, 333, 345
Архангельское, с., 104, 112
Аскарино, д., 345
Аскарово, д., 369
Астраханская губерния, 166, 242, 307
Астраханское ханство, 6,37,44,45,49,52,61,67, 89, 103,430
Астрахань, г., 32, 41, 42, 80, 81, 83, 84, 85, 113, 116,118, 122, 123, 124, 137, 154, 170, 171, 173, 186,198, 422
Атач, гора, 98
Атигский завод, 278, 279
Аургазинский район, 47
Афганистан, 421
Ахмерово, д., 251
Ахметово, д., 121, 216, 252
Ахтуба, р., 141
Ахуново, д., 287,428
Ачей, с., 135
Ачитская (Ахтачинская) крепость, 85, 181, 275, 357,360
Ашапский завод, 279
Ашераден, 324
Ашитуей, д., 137
Ашкадар, д., 352, 356
Ашкадар, р., 45, 195, 353, 355, 396
Аятская слобода, 116, 157

Б

Багаряк, р., 104
Багарякская слобода, 104,146,147,148,149,151, 180,215
Багдад, г., 426
Баграш, д., 130
Бадахшан, 170, 171, 172
Баево, д., 218
Базал, гора, 415
Байгильдино, д., 196, 229
Байлярская волость, 89, 94, 104, 121, 195, 279, 301
Баймакский район, 259, 387
Бакалы, с., 343, 344, 345, 346, 352
Бакса, р., 149
Бакшеева волость, 57
Бакый-Юрматынская волость, 192
Бала Чытырман, д., 426
Бала-Катайская волость, 58, 158, 215, 267, 270, 349
Баландыш, с., 135
Балахна, г., 154
Балтач, с., 137
Балтачевский район, 259, 390, 420
Балтийск, г., 307
Балтийский Порт, г. (см. Рогервик), 364, 390
Балтийское море, 157, 158, 309
Балх, 170, 171
Балх, г., 170
Балыклы, д., 426
Балыкчинская волость, 96, 202, 203
Бар, г., 312
Барангулов хутор, 368
Барда, д., 211, 218, 233, 263, 269
Барда, р., 131
Баркальский ям, 233
Барневка, р., 104
Барневская слобода, 104, 148, 149, 205
Барын-Табынская волость, 58, 96, 214, 216, 223, 264, 275, 278
Батавия, г., 173
Батиряки, д., 356
Бахчисарай, г., 156
Бачанов, д., 126
Башапово, д., 233
Башкортостан (Башкирд, Башкирда, Башкирия, Республика Башкортостан, Башкирский край), 5,6, 7, 8,9,10, 11,12,13,14 15, 16,17, 18,19, 20, 21, 22, 32, 35, 37, 42, 43, 45,47, 49, 55, 56, 61, 64, 66, 67, 71, 72, 73,74, 75, 77, 80, 81, 82, 85, 86, 90, 91, 92,93, 101, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109,110,112,113,115,116,117,118,119,121,122, 123, 124, 125, 126,127,128,129, 130,131,139, 139,140, 141, 142,143,145,146, 147,150,152, 155, 157, 160, 161,163,164,166, 167,168,169, 171, 172, 173, 174,176,178,180, 182,183,184, 185,186, 188, 189,190,191,194, 197,198,199, 200, 203, 204, 205,207,209,220, 221,223,224, 226, 227, 228, 229,231,232,233, 234,235,236, 238, 239, 241, 242,243,244,245, 246,247,249, 251, 252, 253, 257,260,264,265, 266,269,272, 274, 275, 276, 277,279,280,282, 283,286,293, 299, 300, 301, 302,304,312,316, 320,321,327, 329, 330, 332, 333,334,338,339, 340,341,342, 343, 344, 345, 346,347,348,349, 350,351,352, 353, 354, 355, 356,357,358,359, 360,361,362, 374, 377, 378, 379,382,384,385, 386,387,389, 390, 391, 392, 394,401,404,407, 411,412,415, 416, 419,420, 426, 427, 428,429,430, 431,432
Башкурская (Бучкурская) волость, 57
Бебаево, д., 211
Бедеево, д., 229
Бекбов, д., 344, 346
Белая (Агидель, Белая Воложка), р., 26, 30, 42, 44, 45, 47,48, 49, 51, 52, 69, 72, 82, 84, 89, 90, 91, 92, 97, 106, 114, 116, 118, 136, 178, 179, 184, 194, 199, 217, 241, 276, 279, 352, 355, 361, 368, 377, 381,415
Белгородская укрепленная линия, 85
Белебеевский уезд, 242, 245, 246, 249, 250,251
Белебей, г., 242, 243, 276, 356
Белекей-Кудейская волость, 225
Белогорск, г., 156
Белорецкий завод, 277, 278, 279, 337, 350
Белорецкий район, 259,401
Белоруссия, 38
Белослудская слобода, 110
Белоярская слобода, 127, 146, 148, 149, 150
Белый Яр, крепость, 85, 104
Беляевское, с., 347
Беляковская слобода, 113
Бердская слобода, 329, 332, 333, 335, 336, 337, 340, 341, 343, 346
Березовка, с., 131
Берсе, р., 264
Бетки, д., 195
Бештин, д., 218
Бештык, гора, 370
Бикбаево, д., 134
Бикбулатово, д., 259, 369
Биккулово, д., 339, 340
Билярск, крепость, 104, 117,130, 131, 133, 139
Бирск, г., 71, 72,104, 105, 106,107, 109,112,133, 136, 143, 176, 178, 190, 201, 213, 214, 242, 249, 276, 282, 343, 351, 352, 355, 356
Бирский уезд, 30, 242, 245, 246, 320
Бирь, р., 104, 112,214, 357, 377
Бисертка, р., 149
Бисертская крепость, 275
Бисертский завод, 278, 279
Бисертский Ям, 181
Битичево, д., 289
Бишаульская волость, 97, 120
Благовещенский завод, 277
Благодать, гора, 187
Ближний Восток, 426
Бовская дорога, 324
Богдан Коши, д., 203
Богдановская крепость, 213, 214
Богородское, с., 104,117, 347
Богоявленский завод, 277, 333, 343
Болдино, д., 195
Болтач, с., 136
Большая Ногайская Орда (Большие Ногаи), 68, 69, 81, 82, 83, 172
Большая Узень, р., 37, 81, 83, 84, 93
Болыпекобячово, д., 259
Больше-Кущинская волость, 58
Большой Ик, р., 45, 48
Большой Инзер, р., 97
Большой Иргиз, р., 37
Большой Кизил, р., 97
Борская крепость, 181,182, 275
Брехово, д., 148
Бродовка, р., 260
Бронницы, с., 155
Бугалыш, д., 348
Бугалыш, р., 348
Бугульма, г. (Бугульминская крепость, Бугульминская слобода), 242,243, 250, 252, 306 342,343,344, 345, 346, 354, 356
Бугульминский уезд, 242, 245, 246, 249, 252, 277
Бугульминское ведомство (Бугульминский дистрикт), 332, 343
Бугульчан, с., 330, 342, 354, 356
Бугуруслан, г., 242, 243, 276, 346
Бугурусланский уезд, 242, 245, 249, 277
Будапешт, г., 256
Бузаров хутор, 368
Бузовьязы, д., 329, 347
Бузулукская крепость, 179, 181, 188, 217, 242, 275,
Бузулукский уезд, 242, 245, 249, 276, 277
Буй, р., 361
Буйды-елга, р., 264
Бунамыш, д., 216
Бунар, г., 32, 33
Бухарское ханство, 426
Бухарская волость, 89, 95,104, 139,270,279,315
Бучаево, д., 426
Бурангулово, д., 367
Буржан, д., 127
Бурзянская волость, 89, 97, 127, 129, 190, 211 214, 217, 218, 231, 232, 233, 234, 235, 255, 257, 266, 270, 275, 277, 278, 328, 333, 335, 337, 340, 350, 367, 368, 369
Бурзянский район, 259
Бухара, г., 170, 171, 182, 183, 288, 292, 421, 423, 426, 427
Бухарское ханство, 170,171, 172, 182,184, 292
Бучюкурская волость, 42
Бушмас-Кыпсакская (Бушман-Кыпсакская) волость, 212, 217, 233,272,275,277,282,335, 368
Буя, д., 131
Быковка, р., 261
Быстрый Танып, р., 368

В

Варзино-Алексеевский завод, 279
Варшава, г., 317, 318, 321
Васкино, д., 213
Введенское, с., 131
Везенберг, г., 159

Вейсенштейн, г., 159
Велау, г., 307, 308, 309, 311
Велиж, г., 324
Великая Татария, 13
Великое княжество Литовское (Литва), 38, 312, 313,317,318
Великое княжество Новгородское, 89
Венеция,232
Верелэ, 321
Верхне-Озерная крепость, 179, 275, 329, 337, 338, 341, 355
Верхне-Сергинский завод, 278, 279
Верхне-Таныпская волость, 147
Верхнеуральск, г. (Верхнеуральская крепость), 242
Верхнеуральский уезд, 242, 245, 248, 249, 251, 277, 287, 367
Верхне-Яицкая дистанция, 332, 354, 357
Верхне-Яицкая крепость (пристань), 176, 177, 178, 179, 182, 183, 198, 200, 201, 225, 252, 275, 276, 329, 330, 332, 337, 348, 354, 355
Верхние Киги, д., 360
Верхние Муллы, р., 213, 214
Верхние Муллы, с., 134, 347
Верхний Карыш, д., 420
Верхний Кыштымский завод, 278, 279
Верхний Юговский завод, 98, 260
Верхоторский завод, 278
Верхотурский уезд, 57, 76, 90,115, 134
Верхотурье, крепость, 113,134, 137,139, 158
Вильно, г., 317, 318
Висимский завод, 260
Владимир, г., 6, 32, 89, 155, 324
Воздвиженская крепость, 332, 337
Вознесенский завод, 233, 270, 278, 350
Вознесенский монастырь, 116
Вознесенское, с., 104, 195
Волга, р., 6, 37, 38, 40, 42, 45, 46, 49, 63, 67, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 104, 122, 126, 127, 136, 137, 139, 140, 158, 164, 173, 174, 181, 183, 184, 186, 237, 241, 306, 351, 354, 355, 356, 357, 359,430
Волго-Уральский регион, 169
Волго-Яицкие степи, 86
Волго-Яицкое междуречье, 41
Волжская Булгария, 33
Волжско-Эмбинский район, 80
Вологда, г., 92, 183
Воронеж, г., 156
Воронежская губерния, 307
Ворсма, с., 154
Воскресенский завод, 184, 217, 277, 279, 332, 333,339
Воскресенское, с., 105, 146, 150, 215
Восток, 31,32, 378,416,428
Восточное Поволжье, 242
Боткинский завод, 343
Выборг, г., 321
Вязьма, г., 324
Вятка, г., 133, 134, 137
Вятка, р., 38, 89, 104, 166
Вятская губерния, 228, 229, 242, 243, 246, 247
Вятская провинция, 345
Вятский уезд, 134, 135, 137

Г

Тайнинская волость, 46, 50, 89, 93, 94, 98, 104, 134, 168, 194, 210, 211, 213, 214, 215, 216, 218, 233, 234, 260, 261, 262, 266, 269, 271, 279, 295, 296,299,318,353,359
Галицкая дорога, 133, 134
Гангыр, р., 264
Гарейская волость, 271, 294, 306, 318
Гафурийский район, 72
Гелмерсгоф, 324
Гирей-Кыпсакская волость, 97, 192, 219, 233, 257
Гирейская волость, 55, 89, 94, 95, 104, 279
Глухово, д., 131
Горная, д., 130
Гробовое поле, крепость, 181
Гродно, г., 318
Гросс-Егерсдорф, д., 308, 309, 311, 312
Губерлинская крепость, 179, 186, 275
Гумбиннен, г., 307
Гуммельсгоф, мыза, 158
Гурьев, г., 85,122, 242, 354
Гусев, г., 307

Д

Давыдовский завод, 190
Дагестан, 426,427
Двина, р., 324
Дема, р., 44, 47, 91, 92, 199, 205, 219, 220, 248, 250, 342, 352, 355, 356, 370, 378
Демская волость, 147
Демские волости, 207
Деухово, д., 345
Дешт-и-Кыпсак, 38, 87
Джунгария, 83,170, 171, 172, 223, 282, 313, 314
Диарбекир, г., 422
Динабург, г., 324
Днепр, р., 153
Долматовский монастырь, 105,110,147, 205
Дон, р., 81, 85,118, 119, 140, 143,153, 156
Дубовое, застава, 87,173
Дубовская станица, 328
Дуванейская волость, 192
Дуван-Кудейская волость, 278
Дуванская волость, 58,95,195,206,211,212,216, 224, 271, 348
Дуван-Табынская волость, 97,224
Дюсметево, д., 195

Е

Евбазы, д., 145
Евпатория, г., 156
Евразия, 379
Европа, 155, 158, 305
Египет, 421,426
Егошихинский завод, 98, 261, 262
Екатеринбург (Екатерининск, Екатиринск), г., 6, 164, 175, 176, 180, 181, 184, 200, 204, 206, 212, 215, 230, 250, 260, 283, 354
Екатеринбургский уезд, 57, 58, 246, 247, 250
Екатеринская дорога, 202
Елабуга, с., 130, 131, 133, 135, 138, 195, 205, 345, 346
Елабужский завод, 190
Елабужский Троицкий монастырь, 105
Елабужский уезд, 246, 247
Еланская (Иланская) волость, 94, 95, 269, 271, 315,318,342
Елань, с., 134,136
Елшанская крепость, 275
Ельдякская волость, 94,95,96,178,266,267,270, 318
Ельдякская крепость, 178, 181,213,275, 282, 357
Емметово, д., 148
Енесссво д 2^9
Енейская волость, 89, 94, 95, 104, 121, 139, 192, 195, 270, 279, 311
Ерыклинск, крепость, 85, 86, 104

Ж

Желтый редут, 337, 341
Жуково, д., 215

З

Заволжье, 42, 82, 83, 85, 86 Заинск, крепость, 85,104, 114,121,130,131,133, 136, 194, 195, 343, 344, 345, 346
Зай, р., 32, 89,104,106, 173
Закамская укрепленная линия (Закамская черта), 72, 83, 85, 86, 104, 117,173,190, 193, 195
Закамье, 85, 345, 354
Западная Сибирь, 57, 69,163, 179
Зауралье, 56, 58, 92, 104, 105, 113,114, 116,117, 130, 132, 137, 139, 141,145,146,147,149,151, 168, 179, 200, 201, 202,203,204,206,207,220 221, 222, 224, 225. 242,245,253,296,299,300, 351,368,369, 370, 372, 376
Звенигородский Саввино-Сторожевский монастырь, 105
Земеряк, гора, 370
Зилаирская крепость, 233, 275, 332, 337, 343, 354, 355, 356
Зирган,гора, 193
Златоуст, с., 131
Златоустовские заводы, 58
Златоустовский завод, 264, 278, 279, 333, 349
Златоустовский уезд, 259
Знаменские степи, 169
Золотая Орда, 8, 38, 40, 52, 57, 61, 67,425
Зубово, д., 343
Зубцов, г., 310
Зырянская крепость, 215
Зюрейская дорога, 191,195
Зюри, д., 135
Зянзигитово, д., 259

И

Ибраево, д., 195, 259
Иген, р., 84
Игринский караул, 137
Игуменка, р., 180
Идель, р., 388
Иж, р., 89, 104
Ижевский завод, 343, 345
Ижорская земля, 158
Ий, р., 107
Ик, р., 84, 85, 89, 92, 94, 97, 104, 106, 107, 115, 116,121, 141,173,179,184, 207,211,248, 337,341
Иковская слобода, 149
Илашлы, р., 264
Илбахтин монастырь, 134
Илек, р., 37, 45, 63, 81, 87, 88, 89, 241, 296
Илецкая защита, 252, 337, 341
Илецкая крепость, 275
Илецкое месторождение соли, 89
Иликли-тау, гора, 264
Илкей-Минская волость, 97, 294
Ильинская крепость, 276, 336, 337, 341, 355, 356
Ильинский острожек, 139
Ильтуганово, д., 195
Имангулово, д., 335, 350, 371
Имендяшево, д., 259
Иметесково, д., 134
Имэн-кала, 40, 69
Ингерманландская губерния, 71
Индия, 170, 171, 421
Инзер, р., 45, 48
Инстербург, г., 307
Ирак, 421
Иран (Персия), 14, 83, 166, 170, 171
Ирбит, оз., 113
Ирбит, р., 113
Ирбитская слобода, 112, 113
Иргадык, оз., 146
Иргиз, р., 89, 93, 224, 351, 396
Иргизлы, д., 259
Иргизское, застава, 87,174
Иргинский завод, 190
Ирдяшево, оз., 401
Иректинская (Ирехтинская) волость, 94, 269, 271, 357
Ирендык, горный хребет, 377
Ирлянский завод, 279
Иртыш, р., 14, 81, 93
Иртяш, оз., 110,112
Исекеево, д., 259
Исетская крепость (острог), 104, 282
Исетская провинция, 67,73,74,75,100,160,168, 220, 243, 244, 247, 248, 251, 264, 269, 270, 271, 272, 276, 282, 283, 300, 301, 302, 303, 304, 310, 328, 334, 349, 350, 351, 377, 378, 420
Исетский тракт, 232, 270
Исеть, р., 57, 89, 92, 104, 105, 106, 113, 116, 146, 148, 206, 241
Испания, 232
Иткул, оз., 149
Иткулово, д., 369
Иткульская крепость, 179, 180,216
Иткульская, д., 263
Ицкие волости, 109, 112
Ицкий городок, 182
Ичкинские юрты, 301, 302
Ишим, р., 57, 86, 93, 263, 357
Ишимбайский район, 259
Ия, д., 136

К

Кабул, г., 287, 288
Кавказ, 421
Калийский завод, 278
Калмаево, д., 195
Кадыш, д., 259
Казанская губерния, 13, 71, 72, 73, 88, 90, 142, 152, 168, 174, 203, 226,228, 229, 235,242, 266, 288, 289, 290, 306, 329,332, 333, 344,345, 355, 359, 360, 386,426
Казанская дорога, 29,46,55,67,70,76,89,90,91, 92, 94, 95, 96, 98, 99, 100, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 112, 113, 114, 116,117, 120, 121, 122,124, 125, 126, 129, 130, 131,132, 134, 145, 147,151, 155, 166, 190, 191, 192,193, 194, 195, 196,198, 199,203,205,207,208,210,211,217,218,219,221, 224, 241, 248, 249, 266,269, 270, 271,275, 279, 280, 294, 306, 311, 313,315, 316, 318,329, 333, 338, 342, 343,345, 355,356, 368, 371, 372, 396,431
Казанская провинция, 71
Казанский Преображенский монастырь, 105
Казанский Седмиозерный монастырь, 105
Казанский уезд, 42, 81, 82, 84, 85, 104, 112, 114, 115, 119, 121, 125, 127,129, 130, 131,132,133, 134, 135, 136, 138, 140,143, 147, 183, 187,191, 195, 198, 203, 327, 345
Казанское наместничество, 242
Казанское ханство (Казанский юрт), 6, 37, 38, 40,44,45,46,49, 52, 54,61, 63,67,69, 81, 89,103, 286, 384, 385, 426, 430
Казань, 8, 22, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 37, 38, 40, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 53, 54, 55, 63, 65, 66, 67, 68, 70, 72, 73, 75, 82, 84, 99, 107, 109, 110, 115, 117, 118, 119, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 130,131,132,133.134,135,136,137,138,139,141, 142, 143, 144, 145, 147,154, 165, 168, 169,173, 175, 182, 183, 185, 195,208, 217, 251, 260,266, 310, 319, 320, 332, 344,345, 346, 347, 351,354, 355, 356, 360, 385, 386,417, 421,422, 423,426
Казахстан (Казахское ханство, Кайсакская Орда, Киргиз-кайсакская орда, Киргиз-кайсак-

ские улусы), 14, 38, 71, 87, 90, 100, 169, 170, 171, 173, 179, 183, 185, 219, 220, 222, 236, 238, 243, 253, 286, 291, 359
Казмар, д., 211
Казово, д, 229
Кайгазы, д., 96
Кайгородской уезд, 134
Кайенас, д., 322
Кайпанская волость, 96
Кала-Елга, р., 179
Каденен, д., 308
Калининградская область, 312
Калинов починок, д., 195
Калиновская крепость, 194
Калмыцкий Брод, крепость, 179, 180
Калнинская крепость, 218
Калтаево, д., 195
Калтырма, р., 264
Калуга, г., 324
Кальсерская волость, 193
Кальсер-Табынская волость, 257, 369
Кама, р., 37, 38, 49, 63, 69, 80, 82, 83, 84, 85, 89, 91, 93, 104, 105, 106, 110, 114, 116, 118, 121, 125, 129, 130, 131, 133, 134, 136, 138, 140, 143, 164, 166, 178, 184, 190, 195, 213, 214, 241, 347, 356, 360,361
Камбарский завод, 279
Камелик, р., 37, 89
Каменский завод, 105, 146, 148, 149
Камчатка, 173
Камышевская слобода, 148, 149, 151
Камышлов, р., 81
Камышловская слобода, 149, 150
Камыш-Самара, р., 84, 179, 186
Камыш-Самарская крепость, 275
Кананикольский завод, 233, 277, 278, 332
Кангильдино, д., 263
Кандабулак, р., 148
Кандры, оз., 377, 388
Канлинская волость, 95, 369
Канцы, крепость, 158
Карагай-Кыпсакская волость, 97, 233, 369
Каракалпакская Орда, 169
Каракулино, с., 71, 104, 109, 119, 130, 131, 133, 136,178, 190, 347
Каракульская крепость, 275, 276
Кара-Кыпсакская волость, 51, 89, 275, 277, 368
Каралик, р., 37, 89
Каральцкое, застава, 87, 174
Каранаево, д., 251
Карасубазар, г., 156
Кара-Табынская волость, 58, 96, 97, 200, 212, 214, 215, 223, 224, 264, 266, 275, 278, 306, 310, 315,335,338,349, 357, 373
Кара-Тавлинская волость, 96, 224, 278
Каратау, гора, 364
Караульный, форпост, 179
Каргалинский рудник, 332
Каргалинское месторождение, 264
Каревская волость, 211
Кармасан, р., 377
Кармаскалы, д., 428
Кармыш, д., 369, 385
Каро, д., 321
Каршибаш, д., 127
Каршинская волость, 76, 94, 95, 193, 195, 217, 219,266, 268, 269, 371
Карыш, д., 231, 234
Касево, с., 131, 344
Касимов, г., 155
Каслинский завод, 278, 279
Каспийское море, 45, 81, 90
Катав, р., 249
Катав-Ивановский завод, 278,279, 357, 358, 361, 363
Катавские заводы, 361
Катайская волость, 57,96,147,190,200,211,215, 216,224, 233, 266, 269, 271, 277, 278, 315, 351
Катайский острог (Катайская слобода), 57, 104, 110, 116, 146, 147, 148,150, 151, 205, 215
Кенигсберг, г., 307, 308, 309
Кесе-Табынская волость, 193, 277
Кига, р., 45, 48, 251, 252
Кигинский район, 390, 391
Киевская губерния, 71, 307
Кизил, р., 211, 218, 225
Кизильская крепость, 234, 275, 329, 335, 340, 355,356
Киил, р., 81
Киишки, д., 195
Килмез, р., 137
Кинель, р., 107, 208, 219, 248, 276
Кинельчик, р., 276
Кинзекеевское месторождение, 264
Киргизская волость, 89, 94, 95, 279, 318
Киргиз-Табынская волость, 200, 203
Киргинская слобода, 113
Кирмень, р., 105
Киро, д., 321
Кирхгольм, 324
Кирябинское месторождение, 264
Кистево, д., 210
Китаево, д., 131
Китай, 282, 310, 313
Кичуй, р., 173, 174
Кичуйский фельдшанец (Кичуевск, Кичуйская крепость), 85, 104, 195, 343
Клайпеда, г., 307
Кленовская крепость, 181
Коварды, д., 369
Коельская крепость, 248
Козлов, г., 156
Кокенгавзен, 324
Коломна, г., 154
Колчеданский острог, 104, 116, 148,150, 151
Колыванская дистанция, 310
Кондурча, р., 89, 104,173
Кондурчинский фельдшанец (крепость Кондурча), 194
Копорье, крепость, 159
Коринский завод, 190
Костромской Богоявленский монастырь, 105
Кояново (Куяново), д., 214, 260, 261, 262, 263
Красная гора, урочище, 187, 275
Красная Мечеть, с., 259
Красноборская крепость, 179
Красногорская крепость (острог), 104, 275
Красномысская слобода, 146, 147,148, 149
Краснопольская слобода, 113
Красносамарская крепость, 179,181, 185, 275
Красноуфимская крепость (Красноуфимск), 168, 178, 181, 182, 186, 213, 216, 220, 224, 249, 275,334, 347, 348, 351,352,357, 358, 360, 362, 363
Красноуфимский уезд, 246
Красноярская крепость (Красный Яр), 104, 115, 122, 131, 184, 190, 206, 211, 212, 213, 214
Красный колок, застава, 87, 174
Красный Яр, урочище, 179
Крейцбург, г., 324
Крутихинская слобода, 104, 146,147, 206
Крутоярская крепость, 275
Крылово, с., 213, 216, 218
Крылово, форпост, 179
Крым, 11, 97, 127, 128, 129, 132, 153, 154, 155, 156, 191,427
Крымское ханство, 38, 81, 82, 83, 85,110
Кубань, 42, 45, 46, 81, 128, 140, 385
Кубань, р., 119,128
Кубелякская волость, 97, 200, 206, 224, 266, 275, 278, 350
Кубово, д., 203, 249
Кубовская волость, 96
Куваканская волость, 58, 97, 200, 202, 207, 211, 213,215,216, 224,225,278
Куганак, р., 45
Кугарчинский район, 259
Кудейская волость, 96, 200, 202, 206, 211, 212, 213, 214, 224, 271, 278
Куземышово, д., 214
Кузнецкая дистанция, 310
Кукзюрганская волость, 200
Куклозино, д., 158
Кукуш, р., 27,47, 51
Култаево, д., 214, 347
Куль-Иль-Минская волость, 97, 277
Куль-Минская волость, 193,195
Кумрук-Табынская волость, 97, 296, 352, 369
Кунгур, г., 112, 115, 122, 125, 130, 131, 132, 134, 137, 139, 140, 141,143,144, 147,150,168,210, 211, 213, 218, 334,347,348, 351,357,359, 360, 362, 363, 433
Кунгурская дорога, 202
Кунгурский уезд (см. Пермская провинция), 112, 115, 122, 125,131,134, 135,137,140,141, 146, 148, 149, 151,202,211, 213,216,218,246, 368, 373
Кунтугушево, д., 369
Курганская область, 90, 247
Курляндия, 159, 307, 324
Курманово, д., 369
Курмантаево, д., 426
Курмышево, д., 194
Курпес-Табынская (Курпеч-Табынская) волость, 97, 277
Куршский залив, 309
Кусинский завод, 278, 279
Кутлутузино, д., 214
Кутулук, р., 276
Кучюево, д., 328
Кущинская волость, 93, 96, 201, 202, 204, 207, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 315, 348, 358
Кызыл Яр, д., 233
Кызылбаево, д., 348
Кызылташ, оз., 180, 206
Кызылташская крепость, 179, 275
Кызырбак, д., 389
Кынгазы, д., 357
Кыпсакская волость, 84, 89, 91,97,109,130,190, 195, 283, 335, 338
Кыпсакские волости, 97
Кыр-Еланская волость, 28, 279
Кыр-Канлинская волость, 95, 195
Кыр-Кудейская волость, 96, 202, 204, 225
Кыркули-Минская волость, 195, 272, 295, 328, 335, 338
Кыр-Таныпская волость, 203, 313, 369
Кыр-Унларская волость, 96
Кюмень, р., 322, 323

Л

Лагирево, д., 252, 290
Ладога, с., 159
Лаишев, г., 82, 85
Лаппеенранта, г., 321
Лейпциг, г., 256
Лемеза, р., 45,48
Ленинград, г., 418
Ливония, 153, 158,159
Ливонский орден, 154
Линден, 324
Лифляндия, 158, 159, 305
Ловашное, с., 115
Лондон, г., 139
Луга, р., 159
Люблино, г., 317
Люблинский участок, 317
Лягушино, д., 351
Ляки, д., 121

М

Магнитная гора, 98
Магнитная крепость, 248, 275, 343, 350, 360
Мадагаскар, 399
Мазино, д., 345
Майлы-юрт, гора, 264
Макарово, д., 259
Макаровская волость, 257, 259
Малая Ногайская Орда (Малые Ногаи), 81
Малая Узень, р., 37, 81, 83, 93
Малмыж, крепость, 343
Маломуйнаково, д., 367
Малый Инзер, р., 97
Малый Иргиз, р., 37
Малый Иткул, д., 388
Малый Кизил, р., 97
Малыковка, с., 88, 174
Мамадыш, с., 135, 343, 345, 346
Мамадышский уезд, 386
Мамяково, д., 194, 195
Мандарово, д., 211
Мариенбург, г., 158
Масленский острог, 104
Медина, г., 223
Медянки, с., 149
Медянское, с., 131
Междуречье, с., 312
Мекка, г., 223,421
Меланезия, 399
Мелегес, д., 229
Мельнишная, р., 260, 261
Мемель, г., 307, 309
Мемельский пост, 322
Мендигуш, гора, 370
Менеус, р., 179
Мензелетамак, д., 121
Мензелинск, крепость (острог, город), 72, 73, 85, 104, 108, 109,110,112, 114, 116,117, 119, 120, 122, 125, 130,131, 133, 136, 140,168, 176,181, 184, 185, 189,193, 194, 195, 197,198, 199,207, 208,210, 217,218, 219, 220, 221,224, 242,252, 276,319,333, 339, 343,344,345, 346, 351, 354,433
Мензелинский уезд, 242, 245, 246, 249, 277
Мензеля, р., 173 -
Мехонский острог, 104, 113
Мечетлино, д., 251
Миасс, р., 57,92,104,105,106,127,146,148, 180, 206, 213, 215, 371
Миасская крепость, 179, 180, 181,186,216,275
Миасский завод, 278, 279
Миккели, г., 322
Миндишево, д., 364
Минская волость, 84, 91, 96, 97, 125, 192, 193, 368, 369
Минский завод, 279
Миньярский завод, 279
Миркит-Минская волость, 192, 269, 350
Миркитская волость, 97, 120, 193
Митавская дорога, 324
Михайловский завод, 58
Младший жуз, 86, 87, 88, 100, 170,172, 185, 186, 187,188, 207, 220, 235, 236, 242, 282, 288, 289, 292,328,413,430

Монголия (Монгольская держава), 61
Москва, 6, 8, 30, 32, 37, 38, 40, 42, 45, 49, 53, 56, 63, 65, 66, 68, 69,71, 73, 80, 81, 82, 83, 89, 90,105, 106, 110, 114,115, 116,117, 118, 120, 121,122, 123, 124, 125,126, 128,131, 132, 135, 139,140, 141, 142, 144,150, 151,152, 155,175, 183,191, 214, 236, 237,256, 257,270, 272,283, 290,294, 298, 299, 303, 311, 312, 324, 355, 378, 386, 422
Московская губерния, 71
Московская дорога, 179
Московский Донско-Богородский монастырь, 105
Московское княжество, 38
Мостовая, д., 131
Мотовилихинский завод, 98, 260, 262
Мраково, с., 251
Мратово, д., 350
Мрясово, д., 423
Мстиславль, г., 324
Муйнаково, д., 367
Мукач, д., 23
Мул-Гайнинская волость, 260
Мулема, р., 251
Мулинский рудник, 261
Муллы, р., 94
Мурадымово, д., 47
Мурзакаево, д., 259
Мурзаларская волость, 202, 206, 213, 224, 358
Мурзинская слобода, 110, 113, 116
Мур-мыза, 159
Муром, г., 69,123, 155
Муртыштамак, 30
Мустафино, д., 252
Мякотинская волость, 96,200,211,215,278,296, 299, 349
Мятево, д., 219

Н

Н. Пышминская слобода, 148
Нагайбакская крепость, 179, 181, 251, 275, 333, 343, 344, 345, 346
Надырова волость, 279, 345
Назаргулово, д., 368
Назе-Петровский завод, 278, 279
Нарбулатово, д., 368
Нарва, г., 158, 159
Нарва, р., 159
Нева, р., 158
Невель, г., 324
Невьянская волость, 113
Невьянский монастырь, НО, 113
Невьянский острог, 113
Нейва, р., 113
Нейшлот, крепость, 321
Нейшлотский пост, 323
Неман, р., 309
Нерчинск, 173
Ниеншанц, крепость, 159
Нижегородка, д., 195
Нижегородская губерния, 235
Нижегородский уезд, 183
Нижнее Поволжье, 85, 119, 122, 126, 154
Нижне-Сергинский завод, 278, 279
Нижние Муллы, р., 213, 214
Нижние Муллы, с., 134
Нижний Кыштымский завод, 278, 279
Нижний Новгород, г., 154, 155
Нижний Юговский завод, 98, 260
Николо-Березовка, с., 116
Никольское, с., 105, 131
Нимислярово, д., 229
Новая Заимка, д., 215
Новая Закамская укрепленная линия, 88, 167, 170, 173, 174, 179, 188, 190, 194
Новая Ощепковая слобода, 110
Новгород, г., 154, 155,158
Новгородская губерния, 310
Новгородский уезд, 158, 232
Новое Кадеево, д., 423
Ново-Кадырово, д., 252
Ново-Московская дорога, 304, 328, 329, 330, 332, 344, 354, 355
Ново-Никольское, с., 104
Ново-Сергиевская крепость, 275
Новошешминск, крепость, 83, 85, 86, 87, 104, 131, 133, 194, 195
Ногайская Башкирия (наместничество), 8, 37, 40, 42
Ногайская дорога, 28, 29, 30, 51, 52, 55, 65, 67, 70, 88, 89, 90, 92, 96, 97,98, 99,100, 104,107,110, 112, И3, 114,116, 121, 122, 124,125, 126,127, 128, 129, 130,132, 133, 134, 142,143, 144,145, 146, 147, 151,155, 166, 191, 192,193, 194,195, 196, 198, 199,200, 203, 205, 207,208, 209,210, 211, 212, 213,214, 217, 218, 219,220, 221,222, 223, 224, 225,226, 230, 231, 232,233, 234,238, 241, 248, 249,250, 251, 266, 268,269, 272,275, 277, 278, 279, 280, 283, 294,295, 306,310,311, 313, 315, 316, 317, 318, 327,328, 329,330,332 335, 337, 338, 339, 340, 342,343, 344,347,350, 352, 355, 356, 368, 371, 376, 396,431
Ногайская Орда (Мангытский юрт), 32, 37, 38, 40, 41,42, 44. 45,46, 48, 49, 52, 54,61, 67, 81, 82, 103,169, 267, 384, 385, 406, 430
Норденбург, г., 307
Нотебург, крепость, 159
Нугуш, р., 27,47, 51
Нуркино, д., 357, 390, 391
Нытва, р., 213,214

О

Обдеево, д., 229
Обер-Пален, г., 159
Одесса, г., 173
Озерная дистанция, 329, 332, 337
Озерная крепость, 181, 355, 356
Озерная, д., 131
Окулова крепость, 215
Окуневская слобода, 104, 148
Окуневский острог, 205, 206
Оли,324
Ольшанская крепость, 186
Омь, р., 81
Ордынский острожек, 348
Оренбург, г. (крепость), 6, 73, 175,177, 178, 179, 180, 181, 182,183, 184, 185, 186, 187, 188,189, 191, 194, 195,198, 199, 200, 201, 207, 219,225, 230, 236, 238,241, 242, 243, 248, 252, 261,271, 275, 276, 282,283, 286, 289, 310, 311, 316,328, 329, 330, 331,332, 333, 334, 335, 337, 339,340, 341, 343, 345,346, 347, 351, 352, 353, 354,360, 368, 388, 421, 424, 425, 426, 427, 429, 433
Оренбургская губерния, 16, 71, 74, 90, 92, 185, 231, 232, 234,241, 242, 243, 244, 245, 246,247, 250, 266, 274,275, 276, 280, 286, 289, 290,293, 304, 306,309,320,321, 324, 338,360,388,423,426
Оренбургская область, 90, 242, 390
Оренбургская пограничная линия, 14, 77, 78, 107,244,261,272,281,283,296, 310, 313, 324,380
Оренбургская провинция, 76, 293
Оренбургский край, 6, 18, 92, 175, 274, 334, 426
Оренбургский уезд, 242, 245, 246, 249, 252, 367, 368
Орешек, крепость, 158
Орская крепость, 187, 276, 282, 337, 340,429
Орша, г., 324
Орь, р., 45, 81, 89, 171, 175, 176, 177, 178, 181, 182, 183,184, 187, 193,194, 197, 198, 275
Оса, г. (слобода, крепость, городок), 72, 104, 105, 107, 110,131, 134, 168, 186, 194, 206,211, 213, 214, 215,218, 220, 242, 334, 347, 351,353, 354, 355, 356, 357, 360, 433
Осиновое, застава, 87, 173
Осинская дворцовая волость, 347
Осинская дорога, 46, 50,67, 70, 89,90, 91,93, 94, 96, 98, 99, 104, 105, 112, 113, 115, 116, 122, 124, 125, 126, 131,134, 145, 151, 166, 168, 190,194, 198, 203, 205.206, 210, 211, 213, 214, 215,216, 218, 220, 221,229, 230, 231, 233, 234, 237,238, 241, 249, 260,279, 294, 295, 299, 313, 315,318, 334, 347, 348, 352, 355, 356, 357, 359, 368, 431
Осинский уезд, 213, 216, 218, 246
Остзея, 210
Ост-Индия, 173
Отросово, д., 131
Очер, р., 89, 104, 213, 214
Ошняк, д., 134

И

Павлово, с., 155
Парасалы, д., 322
Паутовы, д., 149
Пенза, г., 87, 163
Пензенская провинция, 71
Переволоцкая крепость, 179, 186, 275, 276
Перекоп, крепость, 156
Перелаз, застава, 87, 174
Переяславль-Залесский, г., 187
Пермская губерния, 242, 243, 246, 247
Пермская область, 247
Пермская провинция (см. Кунгурский уезд), 168, 346, 347, 360, 368, 428
Пермский край, 90, 260, 347, 390
Пермский уезд, 246
Пермь, г., 6, 46, 89, 104, 252, 263
Петербургская губерния, 71
Петропавловская крепость, 275
Печерский монастырь, 159
Пещанская слобода, 104,146, 147,205
Пиллау, г., 307
Питискирхе, с., 323
Поветное, застава, 87, 173
Поволжье, 69, 82, 87, 119, 123,124,163, 164, 167, 173, 226, 227, 228, 229, 392
Погромная, р., 179
Подкаменные горы, д., 216
Покровский завод, 233, 264, 278, 350
Покровское, с., 131
Полевский завод, 98, 190, 206, 216
Полоцк, г., 324
Полтава, г., 157
Польша (Речь Посполитая, Польское королевство), 38, 110, 155, 307, 310, 312, 313, 317, 318, 319, 320, 321, 324, 342, 361
Посниково, д., 139
Прегель, р., 307, 308
Предуралье, 92
Преображенская, гора, 178
Преображенский завод, 233, 264, 277, 278, 279, 332
Преображенский монастырь, 105
Преображенское, с., 131, 132
Престингоф, 324
Приазовье, 81
Прибалтика, 158, 241, 305, 321, 324
Придонье, 139
Прикамье, 368
Приуралье, 9,45, 48, 69, 228, 242, 303
Пруссия, 234, 305, 307, 309, 310, 311, 361
Псков, г., 158,159, 163
Псяк, д., 345
Пудга, д., 137
Пшайле, р., 261
Пыскорский завод, 260
Пышма, р., 57, 150
Пьяный Бор, с., 104,195

Р

Ракобор (Раковор), г., 159
Рахмангулово, д., 211
Ревга-мыза, 158
Ревдинский завод, 98, 220, 263, 264, 279
Режь, р., 113
Репишная, гора, 261
Ржев г 310
Рига,’г.’’153, 154,159, 307, 309, 324
Рогервик, крепость (см. Балтийский Порт), 230, 236, 364
Рождественский завод, 347
Рождественское, с., 104, 213
Росольная, р., 261
Россия (Московское государство, Российская держава, Российская империя, Российское государство, Русское государство), 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18,21, 25, 28, 29,35, 37, 38, 40, 42, 44, 45,46, 47,48,49, 50, 51,52,53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 63, 64,65, 66, 67, 68,69, 71, 72, 73, 77, 80, 81,82, 83, 84,85, 86, 87, 88,89, 90, 93, 99, 100, 101, 102, 103, 106, 107, 108, 109, 110, 114, 115, 118,152, 153, 154, 155,156,157, 158, 159, 160, 161,163, 164, 165, 166,167,169, 170, 171, 172, 173,174, 181, 182, 183,185,186, 188, 189, 204, 205,219, 223, 228, 232,234,238, 241, 244, 251, 259,260, 262, 281, 286,288,289, 292, 293, 300, 303,304, 305, 307, 310,312,313, 320, 321, 334, 359,360, 364, 368, 374,384,385, 386, 401, 404, 407,410, 411, 412, 414,415,419, 421, 422,426, 430,431,432
Руин, г., 159
Русь, 122,166
Рыбная слобода, 134
Рысаево, д., 264
Рязань, г., 154, 324
Рятамак, д., 252

С

Сабирово, д., 368
Сабырово, д., 196
Савруш, с., 132, 135, 136, 138
Сайме, оз., 322
Сайрам, г., 170
Саклов-Баш, д., 346
Сакмара, р., 81, 83, 87, 92, 97, 188, 274, 275, 279
Сакмарская дистанция, 332
Сакмарский городок (Сакмара, Сакмарск), 176, 177, 179, 183, 184, 199, 212, 217, 225, 279, 335, 337, 338, 350,354
Саксония, 305
Салават, г., 193
Салаватский район, 360, 364, 389, 390, 391
Салжйутская волость, 57, 58, 96, 98, 105, 200, 215, 216, 260, 263, 278, 357
Салтанаево, д., 195
Самара, г., 45, 69, 82, 84, 85, 87, 88, 89, 103, 107, 115, 120, 125, 139, 140, 141, 163, 173, 174, 179, 181,182, 183, 184, 185, 186, 188, 242, 306
Самара, р., 37, 42, 87, 92, 93, 104, 107, 125, 178, 179, 182, 183, 185, 187, 188, 274, 275
Самарканд, г., 32, 426, 427
Самарская дистанция, 179
Самарская область, 90

Самарский уезд, 81
Самарское Заволжье, 367
Санким-Кыпсакская волость, 192, 233,275, 335, 368
Санкт-Петербург, г., 6, 22, 50, 142,143,159,168, 175, 188, 193, 210, 222, 229, 232, 237, 256, 259, 262, 270, 305, 306, 311, 312, 387, 388,420, 428
Сантаналеи, д., 135
Сапсальский ям, 232, 233
Сарайли-Минская волость, 296
Сарайчук, г., 40
Саран, д., 356
Саранинский завод, 278
Саранский уезд, 121, 127
Сарапул, с. (крепость, город), 110, 130, 131, 134, 136, 168, 190, 334, 344, 345, 347, 360
Сарапульская волость, 348
Сарапульский уезд, 214, 246, 247
Сарат-Минская волость, 97
Саратов, г., 37, 45, 82, 84, 85, 87, 88, 89, 125, 139, 141, 163,174
Саратовская губерния, 243, 246, 247, 344
Саратовская область, 90
Саратовское наместничество, 242
Сарашево, д., 233
Сарсазар, д., 344
Сартово, д., 264
Сартская (Сартинская, Сартларская) волость, 211,212,315, 348
Сарыш-Кыпсакская волость, 89
Сасык, д., 196
Саткинский завод, 58, 278, 279, 333, 349
Саудовская Аравия, 421
Сауккулово, д., 196
Св. Петра, крепость, 282
Свердловская область, 90, 247, 390
Свияжск, крепость, 120
Свияжская провинция, 71
Свияжский Рождественский монастырь, 105
Свияжский уезд, 136
Северная Евразия, 41
Северный Кавказ, 82,119,123, 127,128,132,137, 368, 426
Сеитбабино, д., 259
Сеитово, д., 219
Сеитовская слобода (Сеитовский посад, Каргалы, Каргалинская слобода), 327, 328, 421, 423, 426, 429
Сеитовы Сабы, д., 135
Селенгуш, д., 136
Селеук, р., 45, 223
Селты, д., 137
Сент-Михель, 322
Сепяшево, д., 369
Сергиевск, крепость (городок, город), 104, 125, 129, 130,131, 139, 141, 174, 190, 242
Сергиевский уезд, 242
Сердобольский пост, 323
Серпухов, г., 324
Серпуховский уезд, 316
Серьга, р., 116
Сеянтусы, д., 202
Сибирская г^ерния, 71, 90, 168, 235
Сибирская дорога, 28, 30, 51, 52, 55, 56, 57, 58, 67, 70, 90, 91, 92, 93, 96, 97, 98, 99, 100, 105, 106, 107, 110, 112,113, 115, 122, 124, 125, 126,127, 128, 129, 130,131, 132, 134, 142, 144, 145,146, 147, 151, 155,158, 166, 168, 177, 190, 191,194, 198, 199, 200,202, 203, 204, 205, 206, 208,209, 210, 211, 212,213, 214, 215, 216, 217, 218,219, 220, 221, 222,223, 224, 225, 226, 229, 230,231, 233, 234, 241,247, 249, 250, 260, 263, 266,269, 272, 275, 278,279, 294, 296, 299, 310, 313 ,315, 329, 333, 334, 340, 347, 352, 357, 358, 359, 363, 368, 376, 396,425,431
Сибирская пограничная линия, 270, 271, 272, 281, 282, 310, 313, 318, 329, 354, 380
Сибирское ханство (Сибирский юрт), 37, 38, 43, 44, 46, 49, 52, 54, 56, 57, 61, 67, 69, 103, 368, 384, 406, 430
Сибирь, 42, 57, 68, 70, 107, 112, 123, 134, 137, 154, 165, 169, 179,180, 181, 241, 280, 283, 310
Сикияз, д., 259
Силезия, 305
Сим, р., 45,48, 203, 225
Симбирск (Синбирск), г., 120,125,143,179,185, 248, 324
Симбирская провинция, 306
Симбирская укрепленная линия, 85, 86, 310
Симбирский уезд, 125, 127, 136
Симбирское наместничество, 242, 244, 286
Симские заводы, 272,278,279,333,349,353,360, 391
Синара, р., 57, 215
Сирия, 421
Смоленск, г., 124, 135, 154, 307, 309, 317, 318, 319,324
Смоленская губерния, 71
Смоленщина, 38
Советск, г., 307
Сок, р., 89, 104, 106,173
Соликамск, г., 94, 99,168, 347
Соликамская провинция, 88
Соликамский Вознесенский монастырь, 105
Соликамский уезд, 113
Соловарный городок, 71, 72, 96, 97, 104, 105, 106, 107, 116, 122,129, 130
Соловарный острог, 84
Соляное, застава, 87, 174
Соран, р., 396
Сорочинская крепость, 179, 186, 275
Сосновый мыс, д., 216
Спасо-Преображенский монастырь, 105
Спасский монастырь, 112
Спасско-Чепочкин монастырь, 137
Среднее Зауралье, 45
Среднее Поволжье, 5, 7, 9, 37, 40, 45, 69, 70, 91, 105, 107, 108, 119, 121, 122, 123, 124, 126, 127, 132, 133, 137, 142, 144, 154, 189, 190, 203, 209, 227, 230, 234, 235, 238, 244, 300, 303,430, 431
Среднее Приуралье, 368
Среднее, застава, 87, 173
Средний жуз, 86, 87, 107, 170, 187, 188, 207, 211, 213, 217, 218, 219, 221, 222, 231, 236, 242, 281, 282,413
Средний Урал, 63, 168, 260, 338, 392,431
Средняя Азия, 14, 31, 87, 100, 170, 171, 173, 181, 182, 183, 184, 185, 187, 228, 235, 243, 253, 286, 288, 291, 296, 359, 378, 421, 426,428
СССР, 11,89
Ставрополь, г., 242, 306
Ставропольская провинция, 329
Ставропольский уезд, 266
Стамбул, г., 32,422
Старая Русса, г., 310
Старкупицы, д., 323
Стародуб, крепость, 307
Старомуйнаково, д., 367
Старохалилово, д., 368
Старший жуз (Большая киргиз-кайсакская орда), 170
Старый Енгалыш, с., 104
Старый Тазов, с., 343
Степановский острожек, 112, 137
Степная крепость, 275
Стерлибаш, д., 426
Стерлитамак, г., 242, 243, 276, 333, 340
Стерлитамак, д., 346
Стерлитамакская пристань, 252, 282, 328, 329, 330,332, 333, 339,340, 342, 343,352, 354, 355,356
Стерлитамакский район, 396
Стерлитамакский уезд, 242, 245, 246, 249, 251, 259,423,428
Стерля, д., 356
Субботины, д., 261
Суби-Минская волость, 97,195, 296, 333, 343
Суксунский завод, 190, 363
Сулемская слобода, 148
Сулея, ст., 259
Сулмашево, д., 218
Султанаево, д., 233
Сунь, р., 116
Сутолока, р., 69
Суун-Кыпсакская волость, 89,220,233,275,277, 278, 328, 335, 338, 368
Суунларская волость, 269
Суховязский завод, 279
Сухоязы, д., 229
Суюндук, д., 426
Сызгинская волость, 58, 96, 204, 216, 271, 275, 278
Сызрань, г., 88,174, 183
Сылва, р., 37, 63, 89, 94, 104, 112, 241
Сынрянская волость, 57, 58, 96, 200, 296
Сырдарья, р., 86,183, 189
Сысертский завод, l90, 263
Сытырман (Чатырман), д., 23
Сюнь, р., 141

Т

Табынск, крепость (городок), 97,176, 177,178, 179, 181, 182, 184, 193,195,199,207,209,217, 219, 220, 221, 224, 225,230,249,259,275,276, 279, 282, 283, 330, 332,333,340,343,347,354, 355, 356, 369, 370
Табынск, р., 218
Табынская волость, 84, 97, 120, 145, 193, 200, 230, 249
Табынский завод, 274
Тавлинская волость, 212
Тавлыкаево, д., 369
Таврическая область, 288
Тагаево, д., 229
Тазларово, д., 229,426
Такта-Алачук, д., 295
Такгалим, д., 263
Талкас, оз., 188
Талпак, оз., 30
Тальтим-Юрматынская волость, 192
Тамакульская слобода, 149, 150
Тамбовская провинция, 306
Тамбовская укрепленная линия, 85
Тамьянская волость, 29, 89, 97, 109, 130, 190, 191, 192, 211, 217, 218, 224, 233, 234, 266, 275, 277, 278, 315, 318, 332, 335, 339, 342, 343, 352, 367, 368
Таналыкская крепость, 275
Тангаурская волость, 55, 97, 190, 211, 217, 218, 224, 233, 266, 278, 340
Танып, р., 211, 212, 213, 215, 230, 249, 357
Таныпская волость, 96
Тарасово, д., 131
Тарханский лес, 173
Татарстан (Республика Татарстан), 13, 90, 423
Татищева крепость, 186, 275, 338
Ташаул, д., 259
Ташкент, г., 170, 171, 182, 183,184, 187,421
Ташкиново, д., 131
Ташлинский рудник, 233
Ташлы, д., 126, 369
Ташлы-елга, р., 264
Тверь, г., 310
Тевкелев Брод, крепость (Тевкелевская крепость), 186, 188, 275
Текеево, д., 359
Текермен, д., 346
Телевская волость, 97, 147, 200, 224, 275
Телкал, д., 84
Телтим-Юрматынская волость, 317
Темеряк, р., 107
Темясово, с., 259
Терек, р., 119
Тереклы, д., 369
Терса, с., 88,174
Терсинская волость, 345
Терская (Терек) крепость, 122,123,128,137,140
Терсютская слобода, 104
Терсятская волость, 57, 58, 96, 200, 278, 357
Тетюши, г., 82, 85
Теча, р., 57, 92, 104, 106, 146, 148, 149, 178, 180, 206, 215
Теченская слобода, 104, 179, 183, 200, 201, 205
Тиинск, крепость, 83, 85, 104, 345
Тильзит, г., 307, 309
Тимкино, д., 195
Тимошкино, д., 195
Тихие горы, с., 195
Тляшево, д., 251
Тобол, р., 6, 37, 63, 67, 81, 86, 88, 89, 91, 93, 127, 148, 149, 151, 164, 166, 206, 215, 225, 237, 263, 357, 430
Тобольск, г., 88,112, И3, 116, 137,140, 143, 144, 146, 147,148, 150, 151, 165, 430
Тобольская губерния, 242
Тобольская дистанция, 281
Тобольский уезд, 67, 90, 146,150
Ток, р., 30,179, 208
Токашево, д., 214
Токмаклы, д., 194,195
Тор, р., 45
Тораево, д., 134
Торбул, мыза, 159
Торговишский острожек, 131, 137,139, 148, 216
Тоцкая крепость, 179, 275, 276
Троицкая дистанция, 329, 330, 354
Троицкая крепость (город Троицк), 242, 248, 252, 275, 328, 332, 348, 350, 351, 355,422
Троицкий Рафаилов монастырь, 215
Троицкий уезд, 58, 242, 245, 246, 249, 250, 251, 252, 277, 287, 288
Трухменская волость, 278
Туба, д., 345
Тук, р., 396
Тулва, р., 94, 131,218,351
Тулвинская волость, 134
Тулуп Ерик, р., 179
Тургай, р., 86
Туринск, крепость, 112, 134
Туркестан, 184,426
Туркестан, г., 170, 171,182
Туркменская волость, 206, 224
Турция (Османская империя, Оттоманская Порта), 11, 83, 127, 128, 129, 132, 156, 199, 210, 232,292,313,321,421, 427
Турыш, д., 131
Тушино, с., 154
Тырнаклинская волость, 58, 223, 224,252, 272
Тышкы-Еланская волость, 95
Тюбелякская волость (Тубелясская волость), 97, 200, 203, 224, 348, 359
Тюбяк, д., 136

Тюлюково, д., 264
Тюменская область, 247
Тюменский уезд, 57, 147
Тюмень, г., 57, 69, 99, 103, 112, 134
Тюнгак, д., 233, 299

У

Увек, р., 42
Увелка, р., 150
Увяк, р., 216
Узбекское ханство, 38
Узга, д., 137
Узень, р., 45, 48, 89, 370
Узунгур, гора, 264
Узянский завод, 278
Уй, р., 37, 86, 89, 215, 263
Уйская крепость, 248, 275
Уйская станица, 58
Уйская укрепленная линия, 302, 327
Укарлино, д., 229
Уклы-Карагай, оз., 200
Уклы-Карагайская крепость, 275
Украина, 38,139, 208, 241, 305
Уксул, 324
Уктусский завод, 105,147, 148,149,150,158, 190
Улуарема, д., 195
Улу-Катайская волость, 58
Улус Джучи, 40
Уметбаево, д., 259
Унларская волость, 203, 213
Упейская волость, 178, 211, 212, 278
Ураево, д., 134
Уразметево, д., 360
Урал, 15, 57, 99, 119, 121, 122, 123, 132, 133, 140, 144, 150, 158, 163, 164, 203, 215, 223, 227, 230, 234, 260, 264, 345, 351, 363, 378, 386, 392. 412, 413,431
Урало-Поволжье, 19, 31, 32, 152, 237, 286, 362, 411,412,426
Уральск, г. (см. Яицкий городок), 242, 292
Уральские горы, 90, 92,137, 151, 184, 260, 379
Уральский ям, 233
Уранская волость, 89, 93, 94, 104, 116, 318, 320, 369
Ургун, оз., 264
Ургуново, д., 264
Уржум, крепость, 137
Урман-Гирейская волость, 93, 94
Урмекеево, д., 250, 251
Уртазымская крепость, 248, 275
Урунды, р., 30
Уршак, р., 44, 47,91, 199, 355, 356
Уршак-Минская волость, 338
Усень-Ивановский завод, 279, 356
Усерганская волость, 89, 97, 190, 192, 233, 275, 277, 278, 316, 335, 352, 368
Усиха, р., 327, 335
Успенский монастырь, 97,105, 143, 195
Усть-Багаряцкие юрты, 302
Усть-Ирбитская слобода, 112,113
Усть-Катавский завод, 278, 279, 333
Усть-Миасская слобода, 104, 149
Усть-Суерская слобода, 149, 150
Усть-Уйская крепость, 275, 276, 310
Усть-Уткинская слобода, 148
Уткинская слобода, 116,139
Утыз Имян, д., 423
Утяцкая слобода, 148, 206
Уфа, г. (крепость), 6, 8, 9, 12, 22, 30, 32, 40, 42, 43, 47, 65, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 82, 84, 86, 88, 91, 96, 97, 99, 100, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112,113, 114, 115, 116, 117,118, 120, 121, 122, 123,125, 129, 130, 133, 134,136, 137, 140, 141, 142,143, 144, 145, 147, 151,158, 164, 165, 167, 171,172, 173, 175, 176, 177,178, 179, 181, 182, 183,184, 185, 190, 191, 192,193, 194, 195, 196, 197,198, 199, 203, 207, 210,213, 216, 217, 218, 219,220, 224, 226, 229, 230,231, 236, 237, 241, 242,243, 249, 250, 252, 269,271, 272, 276, 282, 283,286, 289, 290, 293, 294,295, 296, 306, 310, 313,314, 316, 318, 319, 324,329, 332, 333, 339, 340,341, 342, 343, 345, 346,348, 351, 352, 353, 354,355, 357, 360, 361, 364,368, 421,429, 430,431,433
Уфа, р., 42, 45, 48, 90, 92, 116, 178, 211, 216, 249, 276, 368, 377
Уфалей, р., 264
Уфалейский завод, 264, 278, 279
Уфимская волость, 57, 76
Уфимская губерния, 243, 259
Уфимская дорога, 202
Уфимская область, 242
Уфимский район, 426
Уфимский тракт, 270
Уфимский уезд (в составе Уфимского наместничества), 242, 245, 246, 249, 277
Уфимский уезд (с 1708 г. — провинция), 29, 57, 67, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 80, 81, 82. 84, 85, 88, 90, 98, 100, 103,104, 112,113, 121, 122, 125,127, 128, 129, 131, 134, 136,138,141,142,143,147,150, 152, 160, 167, 168,172,183,184,190,209,226, 227, 228, 244, 246,249,252,266,267,268,272, 276, 283, 294, 295,296,298,299,300,301,302, 303, 304, 306, 311,316,327,329.333,342,348, 351, 352, 359, 360, 363, 378, 419,420, 427
Уфимское наместничество, 241. 242, 244, 286, 288, 289, 312
Уфимское плато, 379

Ф

Федосеево, д., 196
Феллин, г., 159
Финляндия, 321, 322
Франция, 305, 313

Х

Хаджант, г., 171
Хадшант, 182
Халеб, г., 426
Халилово, д., 259, 368, 369
Хвалынский уезд, 246, 247
Хива, г., 170, 182,183, 292
Хивинское ханство, 14, 170, 172, 292
Хопер, р., 85
Хорезм, г., 253
Хотинский уезд, 246, 247
Христина (Христиания), г., 321, 322
Христорождественский женский монастырь, 105

Ц

Царев Курган, 165
Царево Городище, 148, 149, 206
Царицын, крепость, 82, 84, 85, 87, 151, 154, 156, 163, 173, 183, 328, 351
Центральная Европа, 305

Ч

Чаганское, застава, 87, 174
Чалнинский городок (см. Челны), 85
Чарги, оз., 113
Чатлыкей, д., 216
Чебаркуль, оз., 142, 146, 148, 180, 184, 205, 216
Чебарктаьская крепость, 179, 180, 181, 184, 186, 207, 216, 220, 248, 275
Чебоксарский уезд, 183
Чебоксары, г. (крепость), 119, 154
Чеваская осада, застава, 87, 174
Челнинский Богородицкий монастырь, 105
Челны, с. (см. Чалнинский городок), 104, 105, 140, 195
Челяба, р., 180
Челябинск, г. (крепость), 6, 179, 181, 186, 231, 242, 243, 275, 334, 348, 349, 354, 433
Челябинская область, 90, 168, 220, 390, 392
Челябинский уезд, 58, 242, 245, 246, 249, 288
Чепчюги, д., 136,138
Чердынь, г., 46, 90, 213
Черемшан, р., 106, 173
Черемшанская крепость, 190, 343, 345, 346
Черемшанские форпосты, 88, 174
Черемшанский район, 423
Черемышево, д., 134, 136
Чермасан, р., 91, 107
Черная Грязь, д., 316
Чернигов, г., 307, 309
Чернореченская крепость, 179, 186, 275, 276
Черный Яр, крепость, 85, 122, 141
Черняховск, г., 307, 312
Чесноковка, р., 65, 66, 129, 189,192, 229, 430
Чесноковка, с., 104, 177, 333, 334, 342, 343, 344, 346, 347, 348
Чингизово, д., 369
Чирлинская волость, 58, 278
Чирпы, д., 136
Чистое поле, с., 133
Чишма, д., 195
Чишмы, пос., 426
Чуганак, д., 295
Чуловская слобода, 149
Чумлякская волость, 139
Чумлякская слобода, 104,146,148
Чураево, д., 369
Чусовая, р., 63, 89, 104, 113, 116, 148, 241
Чусовская слобода,! 16, 139,147, 148
Чювашково, д., 216
Чюсовские городки, 131

Ш

Шад, р., 214
Шадрино, д., 131
Шадринск, г., 242
Шадринский уезд, 246, 277
Шайтан-Кудейская волость, 272, 278, 315, 359
Шаранский район, 387
Шараш, д., 218
Шариш, д., 211
Шартым, р., 264
Шартымское месторождение, 264
Швеция, 158,312,320, 321,324
Шелкунское, д., 146
Щемахинский завод, 278, 279
Щемшадинская волость, 95, 104, 194
Шермяитский завод, 263, 279, 299, 347
Шешма, р., 89, 104, 173
Шешминск, крепость (Шешминский фельдшанец), 85, 119, 192, 343, 346
Шигировская волость, 204, 278
Шиды, д., 229
Шкоцкая, д., 216
Шлиссельбургская крепость, 237
Шлотбург, г., 159
Щульган-Таш (Капова), пещера, 256,415
Щуран, д., 136
Шуранская волость, 58, 200, 278, 296
Шуранский перевоз, 343, 356

Щ

Щадринская слобода, 104

Ы

Ыргызак, оз., 396

Э

Эмба, р., 40, 42,43,81,87
Эстляндская губерния, 364
Эткульская крепость, 186,275

Ю

Юг, р., 213, 214
Юговские заводы, 260, 261, 262, 347
Юго-Камский завод, 345, 347
Южное Зауралье, 45
Южное Приуралье, 228
Южный Урал, 7, 8, 16, 17, 31, 33, 37, 40, 41, 63, 64, 86, 104, 137, 168, 238, 253, 254, 256, 260, 264, 332, 374, 380,426,431
Юзеево, д., 335, 337
Юлаево, д., 359
Юлготло, д., 263
Юлуково, д., 369
Юнгферсгоф, 324
Юнусово, д., 136
Юрак-тау, урочище, 129
Юрматынская волость, 97, 144, 190, 191, 193, 194, 207, 208, 223, 271, 277, 330, 335, 339, 368
Юрмаш, с., 196
Юрминская волость, 211, 345
Юрюзань, р., 92, 97, 225, 249, 387
Юрюзань-Ивановский завод, 278, 279, 333, 349

Я

Ягодная гора, урочище, 215
Ягошихинский завод, 260, 261
Яик, р., 42,43,45, 80, 81, 82,83, 85, 86, 87, 88, 89, 92, 97, 107, 116, 140, 164, 166, 171, 173, 176, 177, 178, 179, 180, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 218, 225, 233, 234, 235, 236, 241, 264, 274, 275, 276, 327, 328, 333, 334, 346, 359, 385, 394, 430
Яик-Субы, тюба, 369
Яицкая укрепленная линия, 327, 337
Яицкий городок (крепость) (см. Уральск), 85, 87, 107, 139,141, 173, 185, 327, 328, 335, 337, 354
Яктыкуль, оз., 253
Якупово, д., 266
Ялуторовская слобода, 127
Ямбург, г., 159
Янгулово, д., 329
Янузак, гора, 396
Яныбаево, д., 251
Янычево, д., 260
Ярал, д., 250
Ятов, д., 145
Яуыново, д., 358, 36

СОКРАЩЕНИЯ

АВПРИ - Архив внешней политики Российской империи
авт. - автор
автореф. - автореферат
АН РБ - Академия наук Республики Башкортостан
АН СССР - Академия наук СССР
англ. — английское
араб. - арабское
АССР - Автономная Советская Социалистическая Республика
баш. - башкирское
башк. яз. - башкирский язык
БГУ - Башкирский государственный университет
БР - Башкирские родословные
БФ АН СССР - Башкирский филиал Академии наук СССР
БШ - Башкирские шежере
в. - век; века
ВМФ - Военно-Морской Флот
вол. - волость
вып. - выпуск
г. - год; город
га - гектар
ГА РФ - Государственный архив Российской Федерации
ГАОО - Государственный архив Оренбургской области
ГАПК - Государственный архив Пермского края
ГАСО - Государственный архив Свердловской области
гг. - года; города
гл. ред. - главный редактор
ГЦММК - Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки
Д. - дело
д. — деревня
д. г. н. — доктор географических наук
д. **и.** н. — доктор исторических наук
д. **ф. н.** - доктор филологических наук
д. **филос. н.** - доктор философских наук
дд. - деревни
дес. - десятина
доел. - дословно
др. - другое
Е. И. В. - **е. и. в.** - его (ея) императорское величество
е.в. - его (ея) величество
Ед. **хр.** - единица хранения
и.в. - императорское величество
изд. - издание
ИИЯЛ УНЦ РАН - Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
им. - имени
к. и. н. - кандидат исторических наук
Карт. - картон
кв. - квадратные (й)
км - километр
Кн. - книга
коп. — копейка
Л. - лист; Ленинград
лит. — литературный
М. - Москва
м. — метр
м. п. — мужского пола
МГУ - Московский государственный университет
млн — миллион
монг. - монгольское
н.э. - наша эра
НА УНЦ РАН — Научный архив УНЦ РАН
нач. - начало
НБ УНЦ РАН - Научная библиотека УНЦ РАН
НИОР РГБ - Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки
об. - оборот
об. п. — обоего пола
обл. - область
оз. - озеро
ОИФН - Отделение историко-филологических наук
Оп. - опись
ОР РНБ - Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
отв. ред. — ответственный редактор
Отд. — отдел
п. — пункт
пр. - **проч.** - прочее
пуд. - пуды
р. - река
РАН - Российская академия наук
РБ — Республика Башкортостан
РГА ВМФ - Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА - Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ - Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА - Российский государственный военно-исторический архив
РГИА - Российский государственный исторический архив
РГО - Русское географическое общество
рр. - реки
руб. - рубль
рус. - русское
русск. яз. — русский язык
РФ - Российская Федерация
РЭМ - Российский этнографический музей
С. - страница
с. - село
сер. — середина; серебро
след. - следующий
см. — смотри; сантиметр
совр. — современный
СПб - Санкт-Петербург
СПб ИИ РАН - Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
СПбФ АРАН - Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
ССР - Советская Социалистическая Республика
СССР - Союз Советских Социалистических Республик
Ст. - столбец
ст. - станица
ст. сов. - статский советник
стк. - строка
Т. - **т.** - том
табл. - таблица
тат.— татарское
тыс. - тысяча; тысячелетие
тюрк. - тюркское
ум. - умер
УНЦ РАН - Уфимский научный центр Российской академии наук
Ф. - фонд
ЦИА РБ - Центральный исторический архив **РБ**
Ч. — часть
чел. - человек
шт. — штука

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Архив внешней политики Россий-ской империи (АВПРИ)

АВПРИ. Ф. 108. Оп. 108/3. 1742. Д. 1.

АВПРИ. Ф. Башкирские дела. 1723 г. Оп. 108/11. Д. 4.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 1. Д. 44а.

Российский государственный архив военно-морского флота (РТА ВМФ)

РГА ВМФ. Ф. 176. Д. 32.

РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 16.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

РГАДА. Разряд 7; Ч. 2.

РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 17, 312. Ч. 2; Д. 416. Ч. 1, 2; Д. 427, 431, 467. Ч. 6,10; Д. 489, 506, 507. Ч. 3, 4; Д. 508. Ч. 3; Д. 511, 512. Ч. 2; Д. 516. Ч. 3; Д. 592, 593, 627. Ч. 2, 3; Д. 627. Ч. 3; Д. 644, 645, 646, 1274.

РГАДА. Ф- 7. Оп. 1. Д. 17; Оп. 2. Д. 2753.

РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. Отд. 1. Кн. 18. Т. 1, 2; Оп. 3. Отд. 2. Кн. 5; Отд. 3. Кн. 5.

РГАДА. Ф. 10. Оп. 1.Д. 379.

РГАДА. Ф. 16. Оп. 1.Д. 934. Ч. 4, 5; Д. 990,991. Ч. 3; Оп. 2. Д. 934; Ч. 5; Д. 990, 991,992.

РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 97, 123.

РГАДА. Ф. 20. Оп. 1.Д. 285.

РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 56.

РГАДА. Ф. 77. Д. 3.

РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 1-5.

РГАДА. Ф. 119. Д. 1; 7; 1636 г. Д. 1; 1645 г. Д. 1; 1648 г. Д. 1; 1649 г. Д. 1; 1650 г. Д. 1. Ч. 2; Д. 2; 1654 г. Д. 1; 1655 г. Д. 1; 1658 г. Д. 1.

РГАДА. Ф. 123. Д. 2.

РГАДА. Ф. 127. 1650 г. Д. 1, 2; Оп. 1. Д. 5.

РГАДА. Ф. 139. Д. 479.

РГАДА. Ф. 158. Д. 12,26.

РГАДА. Ф. 177. Оп. 2. Д. 169.

РГАДА. Ф. 199. Д. 5196. Ч. 1, 2; № 130. Ч. 16. Д. 5-8; № 133. Ч. 3, 4; № 243. Карт. 3. Д. 8; Ч. 3. Д. 8.

РГАДА. Ф. 210. Оп. 15. Стб. 8; Ст. 158; Ст. 172.

РГАДА. Ф. 214. Оп. 5(д). Д. 876, 926, 968, 998, 1267, 1286, 1297,1412,1413,1418,1518,1528,1527,1528,1533,1534,1537, 1538, 1671-1676, 1734, 1835, 1846-1848, 1857, 2006, 2108.

РГАДА. Ф. 248. Д. 821, 3820; Кн. 101, 132, 134, 135, 169, 456, 750, 821, 1131, 1133, 1164, 1167, 1183, 1236, 1525; Оп. 3. Д. 134, 135, 138, 139, 144, 1131; Кн. 107. Д. 33; Кн. 132; Д. 1; Кн. 134. Д. 17, 95; Оп. 4. Д. 169; Оп. 5. Кн. 263; Д. 7; Оп. 13. Д. 723, 750; Кн. 690. Д. 62; Кн. 713. Д. 136; Оп. 17. Д.1113, 1131, 1133, 1164; Оп. 22. Д. 1524; Оп. 54. Кн. 4485; Оп. 106. Д. 1236; Оп. И3. Д. 1454

РГАДА. Ф. 250. Кн. 251.

РГАДА. Ф. 271. Кн. 1167, 1175, 1215, 1217, 1226, 1324, 1782, 2562, 2564.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 8. Д. 12816, 12819.

РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI; Д. 133. Ч. I; Д. 226. Ч. II; Д. 227. Ч. HI, IV, V.

РГАДА. Ф. 348/3. Д. 7343.

РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 29. Д. 46399.

РГАДА. Ф. 429. Оп. 1. Д. 63, 65.

РГАДА. Ф. 439. Оп. 1.Д. 541.

РГАДА. Ф. 452. Оп. 1. Д. 4; Оп. 2. Д. 67, 115.

РГАДА. Ф. 504. Д. 515; Ч. 1.

РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 2,3,4, 7, 8,9, 11, 12, 13; Кн. 5.

РГАДА. Ф. 1173. Д. 5, 13, 17, 19, 21, 23, 50, 56, 67, 72, 79, 84,109,110,111, 137, 209, 294,299,305, 314, 326, 327,329, 336, 342, 346, 362, 379, 423, 443, 451, 492, 496, 569, 609, 612, 624, 638, 643, 656, 664, 676, 696, 727, 774, 793, 794, 796, 797, 800, 836, 896,905,913,937,953,954,969,973,990,1012,1021,1024, 1029,1033,1039,1045,1047,1049,1082,1093,1146,1199,1200, 1234, 1237,1242,1306; 1320; 1324; 1329; 1333; 1351; 1358; 1368

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156; Кн. 159.

РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 56206.

РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 174, 179,182,186,191, 196.

РГАДА. Ф. 1324. Оп. 1. Д. 86, 94, 120,168, 248.

РГАДА. Ф- 1355. Оп. 1. Д. 109/11, 210, 235, 240, 329, 337, 351, 353, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 935, 938, 939, 940, 941, 1093, 1094, 1096, 1105, 1113, 1136, 1871, 1873, 1874, 1876, 1880, 1881, 1882, 1883,1884, 1885, 1886, 1887.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

РГАЛИ. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 2913.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18895.

РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 4, 954, 1230, 1231, 1232, 1233, 1235, 1236,1240, 1286; Оп. 1/4. Д. 7; Оп. 1/47. Д. 61. Ч. 2, 3, 4, 5; Д. 63, 526.

РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 167, 179.

РГВИА. Ф. 349. Оп. 1. Д. 69; Оп. 45. Д. 2279, 2286, 2289.

РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2632

Российский государственный исторический архив (РГИА)

РГИА. Ф. 467. Оп. 32. Д. 2.

РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 607, 611.

РГИА. Ф. 1146. Оп. 1.Д. 3.

РГИА. Ф. 1537. Оп. 1.Д. 3.

Архив Российской академии наук (Архив РАН)

Архив РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 4. № 29,13. № 45; Д. 15; Оп. 4. Д. 4; 7.

Архив Русского географического общества (Архив РЮ)

Архив РГО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 15, 19

Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (Архив СПб ИИ РАН)

Архив СПб ИИ РАН. Колл. 110. Карт. 5. № 35

Архив СПб ИИ РАН. Колл. 122. Соликамские акты. Т. III. № 38; Т. V. № 4.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 3. Карт. 4. № 12.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 32; Д. 6. № 433.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Карт. 29. № 7, 9, 30.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 29. Карт. 28. № 9.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 320, 495, 692, 694, 818.

Архив СПб ИИ РАН. Т. 3. № 44; Т. 4. № 27; Т. 5. № 45.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 82. Карт. 4. № 12.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 83. Карт. 2. № 141, 187, 213, 263; Карт. 4. № 12, 104; Карт. 5. № 8, 18, 46, 143, 338; Карт. 6.

№ 91,113,118, 127,174, 259; Карт. 7. № 7, 121; Карт. 8. №13, 28, 51, 113, 139, 159; Карт. 9. № 118, 119, 219, 234;Карт.10. № 57, 60,129, 234; Карт. 12. № 230; Карт. 13. № 246; Карт. 14. № 145; Карт. 16. № 173; Карт. 24. № 129; Карт 31. № 46; Оп. 3. Д. 1-4.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 88. Карт. 5. № 46.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 94. Оп. 2. Д. 18.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 113. Д. 6; 60.

Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки (ГЦММК)

ГЦММК. Ф. 40. Д. 184-185.

Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ)

' НИОР РГБ. Ф. 178. Д. 8818.

НИОР РГБ. Ф. 364. Картон 8. Ед. хр. 1.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОРРНБ)

ОР РНБ. Эрмит. собр. № 472/1.

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН)

СПбФАРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. № 32.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1-6.

ГАОО. Ф. 2. Оп. 1.Д. 1-11,13.

ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 69, 79, 83, 87, 92,93, 95, 96, 97, 100, 106, 111, 114, 116, 118, 120, 124, 125, 128, 141, 143, 145,148, 155.

ГАОО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 392; Оп. 2. Д. 724, 942, 1555; Оп. 3. Д. 2411,3277; Оп. 4. Д. 9958.

ГАОО. Ф. 167. Оп. 2. Д. 4.

Государственный архив Пермского края (ГАПК)

ГАПК.Ф. 316. Оп. 1.Д. 78.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО)

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1346, 1412.

ГАСО. Ф. 116. Оп. 1. Д. 177.

Центральный исторический архив РБ (ЦИА РБ)

ПИА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 17, 3354,3376, 3379, 3380, 3381. № 364-373; Д. 3382.

ЦИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1398, 5059, 7379.

ЦИА РБ. Ф. И-11. Оп. 1. Д. 959.

ЦИА РБ. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 787, 789, 790, 800.

ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 304; Оп. 4. Д. 12065.

ЦИАРБ. Ф. И-384. Оп. 1. Д. 1.

Научный архив УНЦ РАН (НА УНЦРАН)

НА УНЦРАН. Ф. 3. Оп. 7. Д. 35; Оп. 12. Д. 3-12, 21-30, 38-46, 51а, 91, 106-116, 200; Оп. 65. Д. 9; Оп. 92. Д. 7.

НА УНЦРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3 (н.а.).

НА УНЦРАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 7, 8,10, 14.

НА УНЦРАН. Ф. 39. Оп. 5. Д. 20.

НА УНЦРАН. Ф. 51. Оп. 1. Д. 92.

Научная библиотека УНЦ РАН (НБ УНЦ РАН)

НБ УНЦ РАН. РБ 2279.

НБ УНЦ РАН. РБ 3741.

НБ УНЦРАН. Ф. 7. Д. 1781.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Акты... 1836. Т. II—IV —Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. II—IV.

Акты... 1841. Т. II—III — Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссиею. СПб., 1841. Т. II-III.

Акты... 1842. Т. IV—V — Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссиею. СПб., 1842. Т. IV-V.

Акты... 1859. Т. I — Акты исторические и юридические и другие царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Казань, 1859. Т. I.

Акшам... 1982. Т. III — Акшам батыр // Башкирское народное творчество. Уфа, 1982. Т. III (на башк. яз.).

Амин аль-Хали, 1962 — Амин аль-Хали. Связи между Нилом и Волгой в XIII-XIV в. / Сокр. пер. с араб. М., 1962.

Антология... 1999. Т. I — Антология башкирской литературы. В двух томах. Уфа, 1999. Т. I (на башк. яз.).

Архив... 1869. Т. I — Архив Государственного Совета. СПб., 1869. Т. I.

Башкирские... 1960 — Башкирские шехере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960.

Башкирские... 2002. Вып. 1 — Башкирские родословные / Сост., предисл., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булгакова, М.Х. Надергулова; Науч. рук. Р.Г. Кузеев. Уфа, 2002. Вып. 1: Издание на русском языке.

Башкирское... 1954. Т. I — Башкирское народное творчество. В трех томах / Сост. А.И. Харисов, А.Н. Киреев. Уфа, 1954. Т. I (на башк. яз.).

Башкирское... 1973. Кн. 2 — Башкирское народное творчество. Эпос. Уфа, 1973. Кн. 2 (на башк. яз).

Башкирское... 1978 — Башкирское народное творчество. Байты. Уфа, 1978 (на башк. яз.).

Башкирское... 1980 — Башкирское народное творчество. Предания, легенды / Сост., вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршиной. Уфа, 1980 (на башк. яз).

Башкирское... 1981. Кн. 3 — Башкирское народное творчество. Эпос. Уфа, 1981. Кн. 3 (на башк. яз.).

Башкирское... 1987. Т. 1 — Башкирское народное творчество. Эпос / Сост. М.М. Сагитов, коммент. Н.Т. Зарипова, М.М. Сагитова и А.М. Сулейманова. Уфа, 1987. Т. I.

Башкирское... 1987. Т. II — Башкирское народное творчество. Предания и легенды / Сост., авт. вступ. ст., коммент. Ф.А. Надршина. Уфа, 1987. Т. И.

Башкирское... 1995. Т. I — Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор // Сост., авт. вступит, ст. и коммент. А.М. Сулейманов, Р.А. Султангареева. Уфа, 1995. Т. I (на башк. яз.).

Башкирское... 1995. Т. VIII — Башкирское народное творчество. Песни (дооктябрьский период) / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. С.А. Галин. Уфа, 1995. Т. VIII.

Башкирское... 1997. Т. II - Башкирское народное творчество. Предания и легенды / Отв. ред. А.М. Сулейманов. Уфа, 1997. Т. II (на башк. яз.).

Башкирское... 1999. Т. X - Башкирское народное творчество. Исторический эпос / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. Зарипов. Уфа, 1999. Т. X.

Башкирское... 2004. Т. XI - Башкирское народное творчество. Байты / Сост. Г.Б. Хусаинов, Б.С. Баимов. Уфа, 2004. Т. XI.

Башкирское... 2004. Т. VII - Башкирское народное творчество. Эпос: письменные киссы и дастаны / Сост., авт. пред. и коммент. А.М. Сулейманов, Г.Б. Хусаинов, М.Х. Надергулов. Т. VII. Уфа, 2004 (на башк. яз.).

Башкирское... 2006. Т. VIII - Башкирское народное творчество. Иртэки и эпические кубаиры / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. А.М. Сулейманов. Уфа, 2006. Т. VIII (на башк. яз.).

Башкирское... 2006. Т. X. Кн. 1 - Башкирское народное творчество. Пословицы и поговорки / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Ф.А. Надршина. Уфа, 2006. Т. X. Кн. 1 (на башк. яз.)

Башкирское... 2009 - Башкирское войско в Польском походе (1771-1773). Сборник документов / Сост.: И.М. Гвоздикова, Б.А. Азнабаев, К.А. Мухамедьярова. Уфа, 2009.

Башкирское... 2010. Т. XII - Башкирское народное творчество. Обрядовый фольклор / Сост., авт. вступит, ст. и коммент. Р.А. Султангареева, А.М. Сулейманов. Уфа, 2010. Т. XII.

Баязит... 1982. Т. III - Баязит батыр // Башкирское народное творчество. Уфа, 1982. Т. III. (на башк. яз.).

Болотов, 1871. Т. I ,- Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. 1738—1793. СПб., 1871. Т. I.

Ведомость... 1898 - Ведомость о состоянии скотоводства в Оренбургской губернии за 1897 г. // Адрес-календарь и Памятная книжка Оренбургской губернии на 1899 г. Оренбург, 1898.

Ведомость... 1909 - Ведомость о состоянии скотоводства в Оренбургской губернии за 1908 г. // Статистический обзор Оренбургской губернии на 1908 г. Оренбург, 1909.

Военно-походный... 1871. Т. I - Военно-походный журнал (с 3-го июня 1701 года по 12-е сентября 1705 года) генерал-фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, посланного по высочайшему повелению в Новгород и Псков для охранения сих городов и иных тамошних мест от войск шведского короля // Материалы военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. I.

Военные... 1826 - Военные действия российского флота против шведского в 1788, 89 и 90 годах, почерпнутые из дневных записок и донесений Главноначальствовавшего над оным адмирала Чичагова. СПб., 1826.

Воззвания... 1988 — Воззвания и переписка вожаков Пугачевского движения в Поволжье и Приуралье. Сборник документов и материалов / Сост. М.А. Усманов, С.Х. Алишев, И.А. Гилязов. Казань, 1988.

Воронежский... 1976. № 15 - Воронежский край с древнейших времен до конца XVII века. Воронеж, 1976. № 15.

Восстание... 1935 - Восстание Емельяна Пугачева: Сборник документов. Л., 1935.

Горная... 2005 - «Горная власть» и башкиры вXVIII веке: Сборник документов. Уфа, 2005.

Дворцовые... 1850. Т. I - Дворцовые разряды, изданные II отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1850. Т. I.

Дворцовые... 1851. Т. II - Дворцовые разряды, изданные II отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1851. Т. II.

Дворцовые... 1852. Т. III - Дворцовые разряды, изданные II отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1852. Т. III.

Документы... 1975 — Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773—1774 гг. / Под. общ. ред. Р.В. Овчинникова и др. М., 1975.

Дополнения... 1862. Т. VIII - Дополнения к актам историческим. СПб., 1862. Т. VIII.

Дополнения... 1867. Т. X — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою Комиссиею. СПб., 1867. Т. X.

Допрос... 1935а — Допрос Пугачева в Тайной экспедиции в Москве в 1774-1775 гг. // Красный архив. 1935. № 3 (70).

Допрос... 19356 — Допрос пугачевского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. № 1 (68).

Емельян... 1997 - Емельян Пугачев на следствии: Сборник документов / Под ред. Р.В. Овчинникова. М., 1997.

Журнал... 1770. Ч. 1 — Журнал или поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого с 1698 года, даже до заключения Нейштадского мира. СПб., 1770. Ч. 1.

Законы... 1999 - Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях / Сост. Гумеров Ф.Х. Уфа, 1999.

Записки... 1893 — Записки Ивана Ивановича Неплюева. СПб., 1893.

Из боевого... 1944 - Из боевого прошлого русской армии. Документы о доблести и героизме русских солдат и офицеров. М., 1944.

Известия... 1892. Вып. 32 — Известия Тамбовской Ученой архивной комиссии. 1892. Вып. 32.

Именной... 1768 — Именной список господам депутатам... генваря по 1 число 1768 году. М., 1768.

Историческая... 1867 — Историческая записка о местности прежней Уфимской провинции, где был центр древней Башкирии. СПб., 1867.

История... 1937 - История Татарии в документах и материалах. М., 1937.

История... 2003 — История административно-территориального деления Республики Башкортостан (1708-2001): сб. док. и материалов / Сост. Васильева О.В., Галеева А.М., Маркелова Л.А., Нугаева Ф.Г. Уфа, 2003.

К истории... 1897. Вып. 3 - К истории башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской Ученой архивной комиссии. Пермь, 1896. Вып. 3.

Казахско-русские... 1961 — Казахско-русские отношения в XVII—XVIII в.: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1961.

Казахско-русские... 1964 - Казахско-русские отношения в XVIII-XIX в. (1771-1867 гг.): Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964.

Книга... 1838 - Книга Большому Чертежу или древняя карта Российского государства. СПб., 1838.

Книга... 1950 - Книга Большому чертежу / Под ред. К.Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Книги... 1853. Т. I — Книги разрядные, по официальным оных спискам, изданные II отделением собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1853. Т. I.

Крестьянская... 1973 - Крестьянская война 1773-1775 гг. в России. Документы из собрания Государственного исторического музея. М., 1973.

Крестьянская... 1975 - Крестьянская война 1773-1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов / Сост. Р.В. Овчинников, И.М. Гвоздикова, А.П. Николаенко. Уфа, 1975.

Материалы... 1861. Т. XXXVI — Материалы для истории Комиссии о сочинении проекта нового уложения (1767-1774) // Русский вестник. 1861. Т. XXXVI.

Материалы... 1885. Т. III — Материалы для истории Академии наук. СПб., 1885. Т. III.

Материалы... 1900. Т. I—II - Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края / Сост. А.И. Добросмыслов. Оренбург, 1900. Т. I—II.

Материалы... 1904. Вып. 5 — Материалы по' историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1904. Вып. 5.

Материалы... 1935. Т. VII — Материалы по истории Каракалпаков. М.; Л., 1935. Т. VII.

Материалы... 1936. Ч. 1 — Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1.

Материалы... 1940. Т. IV — Материалы по истории Казахской ССР (1765-1823). М.; Л., 1940. Т. IV.

Материалы... 1949. Т. III - Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1949. Т. III.

Материалы... 1956. Т. IV. Ч. 1—2 - Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV. Ч. 1-2.

Материалы... 1960. Т. V - Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V.

Материалы... 2002. Т. VI — Материалы по истории Башкортостана. Уфа, 2002. Т. VI.

Мертвого, 2006 — Мертваго Д.Б. Записки (1760—1824). СПб, 2006.

Мифы... 1980. Т. II - Мифы народов мира. М., 1980. Т. II.

Новый... 1998 — Новый летописец // Хроники смутного времени. М., 1998.

Оленин, 1882. Т. II — Оленин А.Н. Археологические труды. СПб., 1882. Т. II.

Памятники... 1882. Кн. 1 — Памятники Сибирской истории XVIII века. Петербург, 1882. Кн. 1. 1700-1713.

Переписка... 1851 — Переписка фельдмаршалов Федора Алексеевича Головина и Бориса Петровича Шереметева в 1705 и 1706 гг. М., 1851.

Пермская... 1881 — Пермская летопись. Первый период. Пермь, 1881.

Пермская... 1882 - Пермская летопись. Второй период. Пермь, 1882.

Пермская... 1884а — Пермская летопись. Третий период. Пермь, 1884.

Пермская... 18846 - Пермская летопись. Четвертый период. Пермь, 1884.

Письма... 1889. Т. II — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1889. Т. П. (1702-1703).

Письма... 1893. Т. III — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. III. (1704-1705).

Письма... 1900. Т. IV — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1900. Т. IV.

Письма... 1912. Т. VI — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1912. Т. VT.

Письма... 1917. Т. VII — Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1917. Т. VII.

Письма... 1946. Т. VII. Вып. 2 — Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1946. Т. VII. Вып. 2.

Письма... 1948. Т. VIII. Вып. 1 — Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1948. Т. VIII. Вып. 1.

Письма... 1950. Т. IX. Вып. 1 — Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. IX. Вып. 1.

Письмо... 1993 — Письмо Батырши императрице Елизавете Петровне: Текст. Транскрипция. Перевод на русский язык. Факсмиле / Сост., автор введения, коммент. и глоссария акад. Г.Б. Хусаинов. Уфа, 1993.

Полная... 1998. Т. I — Полная энциклопедия быта русского народа / Сост., авт. коммент. И.А. Панкеев. М., 1998. Т. I.

Прозаические... 1977 — Прозаические жанры русского фольклора. Хрестоматия / Сост. В.Н. Морохин. М, 1977.

Полное... 1830. Т. I—XXV — Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. I-XXV.

Пугачевщина... 1926. Т. I — Пугачевщина. Из архива Пугачева / Сост. С.А. Голубцов, М.Н. Мартынов. М.; Л., 1926. Т. I.

Пугачевщина... 1929. Т. II - Пугачевщина. Из следственных материалов и официальной переписки / Сост. С.А. Голубцов, М.Н. Мартынов. М.; Л., 1929. Т. II.

Пугачевщина... 1931. Т. III - Из следственных материалов и официальной переписки / Сост. С.А. Голубцов, М.Н. Мартынов. М.; Л., 1931. Т. III.

Путешествие... 1937 - Путешествие господина Антония Дженкинсона из города Москвы в России до города Бухары в Бактрии в 1558 г. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л., 1937.

Путешествие... 1939 — Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Перевод и комментарии А.П. Ковалевского. М.; Л., 1939.

Путешествие... 1971 - Путешествие Абу Хамида ал Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1133) / Публ. С.Г. Большакова, АЛ. Монгайта. М., 1971.

Разрядная... 1966 - Разрядная книга 1475-1598 гг. М., 1966.

Разрядная... 1974 — Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974.

Разрядная... 1976. Т. II. Вып. 1 — Разрядная книга 1550-1636 гг. М., 1976. Т. II. Вып. 1.

Разрядные... 1974 - Разрядные книги 1598-1638 гг. М., 1974.

Российская... 1857. Ч. 4 - Российская родословная книга, издаваемая Князем Петром Долгоруким. СПб., 1857. Ч. 4.

Сады... 1997 - Сады праведных // Наука и религия. 1997. №11.

Салават... 1994 — Салават Юлаев. Стихотворения. Песни. Документы / Сост., авт. вступит, слова и коммент. М.Х. Идельбаев. Уфа, 1994 (на башк. яз.).

Салават... 2000 — Салават Юлаев. Стихотворения. Уфа, 2000 (на башк. и русск. яз.).

Салават... 2008. Т. I—II — Салават в башкирском фольклоре. Легенды и предания / Авт.-сост. Ф.А. Надршина. Уфа, 2008. Т. 1—II.

Сенатский... 1901. Т. IX- Сенатский архив. СПб., 1901. Т.К.

Сенатский... 1903. Т. X - Сенатский архив. СПб., 1903. Т.Х.

Следствие... 1966 — Следствие и суд над Пугачевым // Вопросы истории. 1966. № 4.

Соборное... 1987 - Соборное уложение 1649 года. Л., 1987.

Сочинения... 1914. Т. I — Сочинения князя Курбского. Сочинения оригинальные / Под ред. Г.З. Кунцевича. СПб., 1914. Т. I.

Списки... 1887. Т. XLV — Списки населенных мест Российской империи. СПб., 1887. Т. XLV.

Сравнительные... 1787. Ч. 1 — Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы. СПб., 1787. Ч. 1.

Сравнительные... 1789. Ч. 2 — Сравнительные словари всех языков и наречий, собранных десницею Всевысочайшей особы. СПб., 1789. Ч. 2.

Старшина... 1982. Т. III - Старшина Масягут // Башкирское народное творчество. Уфа, 1982. Т. III (на башк. яз.).

Суворов, 1990 - Суворов А.В. Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990.

Сукан... 1996 - Сукан батыр // Валеев Д.Ж. Духовные сокровища Аргаяшских башкир. Уфа, 1996 (на башк. яз.).

Татарское... 1987 — Татарское народное творчество. Риваяты и легенды / Сост. С.М. Гыйляжетдинов. Казань, 1987 (на татарск. яз.).

Текст... 1971 — Текст отводной книги по Уфе (1591/92-1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

Тучков, 1996 - Тучков С.А. Записки // Золотой век Екатерины Великой: Воспоминания. М., 1996.

Урал-батыр... 2003 - Урал-батыр: башкирский народный эпос / Авт.-сост. Ф.А. Надршина. Уфа, 2003.

Хисаметдин бин Шарафетдин ал-Булгари, 1870 — Хисаметдин бин Шарафетдин ал-Булгари. Рисала-и таварих Булгарийа... Казан, 1870 (на яз. тюрки; араб, графика).

Храповицкий, 1990 - Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины II. М., 1990.

Хронологический... 1908. Т. I — Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. СПб., 1908. Т. I. 1695-1800 гг.

Ялсыгулов, 1908— Ялсыгулов Т. Рисаля-и Газиза. Казань, 1908 (на яз. тюрки; араб, графика).

ЛИТЕРАТУРА

Абсалямов, Кулбахтин, 1994 — Абсалямов Ю.М., Кулбахтин Н.М. Численность, этносословный состав и размещение населения Южного Урала в конце XVIII — начале XIX в. // Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI—XX в. Уфа, 1994.

Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964 — Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.

Азаматов, 1996 - Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII—XIX в. Уфа, 1996.

Азаров, 1992 - Азаров А.И. Основные этапы социализации детей у народов Северо-западной Меланезии // Этнография детства: Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Меланезии. М., 1992.

Азнабаев, 1999 - Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в конце XVI - первой трети XVIII в. (Землевладение, социальный состав, служба). Уфа, 1999.

Азнабаев, 2005 - Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI — первая треть XVIII в.). Уфа, 2005.

Азнабаев, 2006 - Азнабаев Б.А. Специфика интеграции Башкирии в административную структуру Российского государства // Восток в исторических судьбах народов России. Уфа, 2006.

Академик... 2000 — Академик и писатель Гайса Батыргареевич Хусаинов. Биобиблиография. Уфа, 2000.

Акманов, 1968 — Акманов И.Г. Башкирское восстание 1704—1711 гг. // Из истории Башкирии. Дореволюционный период. Уфа, 1968.

Акманов, 1970 — Башкирское восстание 1681—1684 гг. // Ученые записки БГУ. Уфа, 1970.

Акманов, 1972 - Акманов И.Г. Из истории Оренбургской экспедиции (характеристика «Проекта» И.К. Кирилова) // Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1972. Вып. 1.

Акманов, 1975 - Акманов И.Г. Организация Оренбургской экспедиции и начало восстания 1735—1740 гг. // Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. 2.

Акманов, 1977 — Башкирское восстание 1735—1736 гг. Уфа, 1977.

Акманов, 1978 — Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII - первой трети XVIII в. Уфа, 1978.

Акманов, 1981а - Акманов И.Г. Восстание 1662—1664 гг. - первое массовое движение башкир // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII — начале XX в. Уфа, 1981.

Акманов, 19816 - Акманов И.Г. Социально-экономическое развитие Башкирии во второй половине XVI - первой половине XVIII в. Уфа, 1981.

Акманов, 1987 — Акманов И.Г. Башкирские восстания в XVIIIв. Уфа, 1987.

Акманов, 1991 - Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII — первой половине XVIII в. Свердловск, 1991.

Акманов, 1993 - Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII — начала XVIII в. Уфа, 1993.

Акманов, 1995а - Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII — первой трети XVIII в. Уфа, 1995.

Акманов, 19956 - Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII-XVIII в. феномен в истории народов Евразии // Ядкар. 1995. № 1.

Акманов, 1996а — Акманов И.Г. Еще раз о присоединении башкир к Русскому государству // Ядкар. 1996. № 1.

Акманов, 19966 — Акманов И.Г. Исторический путь развития башкирского народа // Ватандаш. 1996. № 2.

Акманов, 1997 - Акманов И.Г. Башкортостан и Россия: взаимоотношения в середине XVI—XX в. // Россия и Восток. Омск, 1997.

Акманов, 2003 - Акманов И.Г. Оренбургская экспедиция и восстание башкир в 1735-1736 гг. // Оренбург вчера, сегодня, завтра... Оренбург, 2003.

Акманов, 2006 - Акманов И.Г. Вхождение Башкортостана в состав Русского государства - поворотное событие в истории края // Исторический опыт, современное состояние и перспективы сотрудничества народов России и Башкортостана. Уфа, 2006.

Акманов, 2007 - Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI — начале XX в. Уфа, 2007.

Алексеев, 1980 - Алексеев Н.А. Ранние формы религии у тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.

Алексеев, Гаврилов, 2008 - Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.

Алекторов, 1883 — Алекторов А. История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883.

Алишев, 1973 - Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании. Казань, 1973.

Алишев, 1999 - Алишев С.Х. Тернистый путь борьбы за свободу. Казань, 1999.

Андриянов, 1909 — Андриянов П.М. Петр и Полтава. (По поводу 200-летнего юбилея). СПб., 1909.

Андрущенко, 1969 — Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969.

Анучин, 1872 — Анучин Д. Действия Бибикова в Пугачевщину // Русский вестник. 1872. Т. XLIX.

Аполлова, 1960 — Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XIX в. М., 1960.

Артамонов, 1989 — Артамонов В.А. «Генеральная баталия» // Павленко Н.И., Артамонов В.А. 27 июня 1709. М., 1989.

Артамонов, 2007 - Артамонов В.А. Победа генерала А.Д. Меншикова под Калишем в 1706 г. // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции. СПб., 2007.

Артамонов, 2008а - Артамонов В.А. «Мать Полтавской баталии». К 300-летию сражения между русскими и шведскими войсками пари белорусской деревне Лесной 28 сентября (9 октября) 1708 года // Военно-исторический журнал. 2008. № 9.

Артамонов, 2008б — Артамонов В.А. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. и Мазепа // Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. Образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб., 2008.

Артамонов, 2008в — Артамонов В.А. Мать полтавской победы. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008

Асфандияров, 1982 — Асфандияров А.З. Башкирские источники XVI—XIX в. о добровольном присоединении края к Русскому государству // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Асфандияров, 1988 - Асфандияров А.З. Башкирские рудоискатели и рудопромышленники в XVIII в. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и в Среднем Поволжье. Дореволюционный период. Межвузовский сборник. Уфа, 1988.

Асфандияров, 1989 — Асфандияров А.З. Семья и брак у башкир в XVIII - в первой половине XIX в. Уфа, 1989.

Асфандияров, 2000 — Асфандияров А.З. Ценный источник о социально-экономической и культурной жизни башкирского общества третьей трети XVIII века // Ядкяр. 2000. № 3.

Асфандияров, 2006а - Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.). Уфа, 2006.

Асфандияров, 2006б — Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, 2006.

Асфандияров, 2009 — Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009.

Асфандияров, Асфандиярова, 1999 — Асфандияров А.З., Асфандиярова К.М. История башкирских сел Пермской и Свердловской областей. Уфа, 1999.

Асфандияров, Асфандиярова, 2002 — Асфандияров А.З., Асфандиярова К.М. История башкирских деревень Саратовской и Самарской областей Российской Федерации. Уфа, 2002.

Атанова, 1974 - Атанова Л.П. Собиратели и исследователи музыкального творчества башкирского народа // Фольклористика в Советской Башкирии. Уфа, 1974.

Атанова, 1992 — Атанова Л.П. Собиратели и исследователи башкирского музыкального фольклора. Уфа, 1992.

Атнагулов, 1925 - Атнагулов С. Башкирия. М.; Л., 1925.

Ахметжанова, 2008 - Ахметжанова Н.В. Башкирская этномузыкология. Уфа, 2008. Ч. 1.

Ахметжанова, 2009 — Ахметжанова Н.В. Башкирская этномузыкология. Уфа, 2009. Ч. 2.

Базарова, 2007 — Базарова Т. А. Русские войска и местное население Ингерманландии в 1702—1710 гг.: проблема взаимоотношений // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. СПб., 2007.

Бакланов, 1935 — Бакланов Н.Б. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. М.; Л., 1935.

Бараг, 1965 - Бараг Л.Г. Пугачевские предания, записанные в горнозаводских районах Башкирии // Устная поэзия рабочих России. М.; Л., 1965.

Барсуков, 1902 — Барсуков А.П. Списки городовых воевод и др. лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902.

Басин, 1971 — Басин В.Я. Россия и казахские ханства в XVI-XVIII в. Алма-Ата, 1971.

Баскаков, 1890 — Баскаков В.И. Северная война 1700—1721 гг. Кампания от Гродна до Полтавы. 1706-1709 гг. Критико-историческое исследование. СПб., 1890. Вып. 1.

Башкиры... 2002 - Башкиры: Этническая история и традиционная культура / Авт.-сост. Н.В. Бикбулатов, Р.М. Юсупов, С.Н. Шитова, Ф.Ф. Фатыхова. Уфа, 2002.

Башкортостан... 1996 — Башкортостан. Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

Бекмаханова, 1968 — Бекманова Н.Е. Легенда о Невидимке (участие казахов в Крестьянской войне под руководством Пугачева в 1773—1775 годах). Алма-Ата, 1968.

Беликов, 1965 — Беликов Т.И. Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста, 1965.

Беликов, 1971 — Беликов Т.И. Участие калмыков в Крестьянской войне под предводительством Е.И. Пугачева (1773-1775 гг.). Элиста, 1971.

Беловинский, 1988 — Беловинский Л.В. В российской гусарской службе // Вопросы истории. 1988. № 4.

Белокуров, 1907 — Белокуров С.А. Разрядные записи за смутное время (7113—7121 гг.) //Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1907. Кн. 3. М., 1907.

Бельская, 1970 - Вельская Т.Б. О характере восстания 1755 г. в Башкирии // Ученые записки БГУ. Уфа, 1970.

Белявский, 1965 — Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965.

Белявский, 1978 — Белявский М.Т. Некоторые итоги изучения идеологии участников крестьянской войны 1773—1775 гг. в России // Вестник Московского университета. Серия VIII. История. 1978. № 3.

Беляева, 1879 — Беляева ИД. Лекции по истории русскаго законодательства. М., 1879.

Бенкендорф, 2004 — Бенкендорф А.Х. Мое путешествие на край ночи и к границам Китая // Наше наследие. 2004. № 71.

Берс, 1924 — Берс А. Пугачевщина на Урале. Свердловск, 1924.

Бикбулатов, 1965 — Бикбулатов Н.В. Декоративно-прикладное искусство башкир. М., 1965.

Бикбулатов, 1969 - Бикбулатов Н.В. Башкирский аул: Очерк общественной и культурной жизни. Уфа, 1969.

Бикбулатов, 1981 - Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М., 1981.

Бикбулатов, 1995 - Бикбулатов Н.В. Башкиры. Краткий этноисторический справочник. Уфа, 1995.

Бикбулатов, Кузеев, Шитова, 1976 — Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г., Шитова С.Н. Народное творчество башкир. Уфа, 1976.

Бикбулатов, Фатыхова, 1991 - Бикбулатов Н.В., ФатыховаФ.Ф. Семейный обряд башкир XIX—XX в. М, 1991.

Биккулов, 2005 - Биккулов И.Н. Судопроизводство в Башкирии в I пол. XVIII века. // Проблемы правовой защиты общечеловеческих ценностей в современной России: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2005.

Богоявленский, 1939 — Богоявленский С.К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. Т. V.

Боков, 1898 — Боков В.Е. Об углежжении на Уральских заводах. Пермь, 1898.

Буганов, 1977 — Буганов В.И. Итоги и задачи изучения крестьянских войн в России // Народы в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Уфа, 1977.

Буканова, 1993 — Буканова Р.Г. Русско-башкирско-калмыцкие отношения в первой половине XVII века // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале. XVII-XX в. Уфа, 1993.

Буканова, 1995 — Буканова Р.Г. Ирехтинские башкиры в XVII-XVIII в. // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1995.

Буканова, 1997а — Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVI—XVIII в. и государственное освоение территории Башкирии: Автореф. дисс.... д.и.н. Уфа, 1997.

Буканова, 19976 — Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997.

Буканова, 1999а - Буканова Р.Г. Закамская черта. Уфа, 1999.

Буканова, 19996 - Буканова Р.Г. Материалы третьей ревизии (1762 г.) как источник по истории формирования городского населения Башкирии // История Башкортостана по материалам всероссийских и всесоюзных переписей населения. XVI-XX в. (Этнодемографические процессы в Башкортостане в середине XVI—XX в.). Уфа, 1999.

Буканова, 2010 - Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI—XVII в. Уфа, 2010.

Буканова, Фешкин, 2007 - Буканова Р.Г., Фешкин В.Н. Башкиры в трудах русских ученых и исследователей. Уфа, 2007.

Булавинское... 1935 — Булавинское восстание. М., 1935.

Булыгин, 1962 — Булыгин И.А. Башкирские восстания второй половины XVII — первой половины XVIII в. // Советская Историческая энциклопедия. М., 1962. Т. II.

Бурангулов, 1995 — Бурангулов М. Завещание сказителя / Сост., авт. вступит, слова Баимов Б.С. Уфа, 1995 (на башк. яз.).

Вагина, 1961 — Вагина П.А. К вопросу о состоянии рабочей силы на заводах Южного Урала после Крестьянской войны 1773-1775 гг. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1961. Вып. 39.

Вагина, 1963 - Вагина П.А. Материально-бытовое положение мастеровых и работных людей Южного Урала // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1963. Вып. 40.

Валеев, 1984 - Валеев Д.Ж. История нравственного сознания башкирского народа. Уфа, 1984.

Валеев, 2002 — Валеев Д.Ж. История башкирской философии и общественно-политической мысли. Уфа, 2002.

Валеев, Шакуров, 1976 — Валеев Д.Ж., Шакуров Р.З. О первом русско-башкирском словаре и его составителе // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: тезисы докладов и сообщений II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1976.

Валиди, 1994 - Валиди А.-З. История башкир. История тюрков и татар. Уфа, 1994 (на башк. яз.).

Валиди, 2005 - Валиди А.-З. История башкир. Уфа, 2005 (на башк. яз.).

Васильев, 1974 - Васильев С.М. Роль Батырши в восстании 1755 г. в Башкирии // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974.

Васильев, 2000а — Васильев И.М. Башкиры и мишари в походе на Пруссию // Ватандаш. 2000. № 2.

Васильев, 20006 - Васильев И.М. Конфликт башкирских старшин с уфимским воеводой в 1767 г. // Река времени. Уфа, 2000.

Васильев, 2000в — Васильев И.М. Податное и военно-служилое население Башкирии по наказам в Уложенную комиссию 1767 г. Уфа, 2000.

Васильев, 2008 - Васильев И.М. Денежные повинности башкир и мишарей во второй половине XVIII века: (Денежные налоги и поборы среди других государственных и мирских повинностей. Формы государственной эксплуатации и общинные механизмы перераспределения доходов). Уфа, 2008.

Вельяминов-Зернов, 1864 — Вельяминов-Зернов В.В. Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями. Приложение к IV тому «Записок имп. Академии наук». СПб., 1864. Т. VI.

Веселовский, 1975 — Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVTI в. М., 1975.

Витевский, 1889 - Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1889. Вып. 1.

Витевский, 1890 -Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1890. Вып. 2.

Витевский, 1891 — Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1891. Вып. 3.

Витевский, 1895 - Витевский В.Н. И.И. Неплюев Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1895. Вып. 4.

Витевский, 1897 - Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897. Вып. 5.

Водарский, 1977 - Водарский Я.Е. Население России в конце XVII - начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.

Войнов, 1992 - Войнов В.М. История войска Оренбургского. Оренбург, 1992.

Волков, 2004 - Волков В.А. Войны и войска Московского государства. М., 2004.

Волынский, 1902 — Волынский Н.П. История лейб-гвардии Кирасирского Его величества полка. 1701—1901. СПб., 1902. Т. I. Кн. 1-2.

Волынский, 1912 - Волынский Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ея в Великой Северной войне. СПб.,1912. Вып. 1. Кн. 1-2.

Воропанов, 2001 - В.А. Воропанов. Судебные учреждения как фактор общественной эволюции в Оренбургском крае. 1775—1866 гг. Челябинск, 2001.

Временник... 1849 — Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. 1849. М., 1849. Кн. I. Отд. II.

Врублевский, 1936 - Врублевский А. Польша. М., 1936.

Вяткин, 1947 — Вяткин М.П. Батыр Срым. М.; JL, 1947.

Гаджиев, 1978 — Гаджиев А.А. Реализм в литературах советского Востока. Баку, 1978.

Газов, 1900 — Газов Н.П. Кустарное дело в Уфимской губернии. Уфа, 1900.

Галин, 1977 - Галин С.А. Песенная поэзия башкирского народа. Уфа, 1977 (на башк. яз.).

Галин, 1978 — Галин С.А. Мотивы башкирского фольклора и шежере в тюркоязычных памятниках XVI—XVII веков // Проблемы взаимосвязи фольклора, литератур и литературных языков народов Приуралья и Поволжья. Уфа, 1978.

Галин, 2004 — Галин С.А. Башкирский народный эпос. Уфа, 2004.

Галяутдинов, 1998 - Галяутдинов И.Г. «Тарих нама-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова: Лингвотекстологический анализ списков памятника. 2-е изд. Уфа, 1998.

Галяутдинов, 2000 - Галяутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа, 2000.

Гасанов, 1973 - Гасанов К.К. К вопросу об азербайджанской народной хореографии: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Баку, 1973.

Гвоздикова, 1982 — Гвоздикова И.М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1982.

Гвоздикова, 1984 — Гвоздикова И.М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. Уфа, 1984 (на башк. яз.).

Гвоздикова, 1992 — Гвоздикова И.М. Салават Юлаев. Исследование документальных источников. 2-е- изд. Уфа, 1992.

Гвоздикова, 1999 — Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. Уфа, 1999.

Гвоздикова, 2003 — Гвоздикова И.М. Депутаты Уложенной комиссии 1767 г. от государственных крестьян и казаков Уфимской провинции Оренбургской губернии // Русские Башкортостана. История и культура. Уфа, 2003.

Гвоздикова, 2004 — Гвоздикова И.М. Салават Юлаев: Исследование документальных источников. 3-е изд. Уфа, 2004.

Гвоздикова, 2009 — Гвоздикова И.М. Из боевого прошлого башкирского войска: Польский поход (1771-1773) // Башкирское войско в Польском походе (1771—1773). Сборник документов / Сост. Гвоздикова И.М., Азнабаев Б.А., Мухамедьярова К.А. Уфа, 2009.

Геннин, 1937 - Геннин В.И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. М., 1937.

Георги, 1776. Ч. 1-2 - Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 1-2.

Георги, 1799. Ч. 1-2 - Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Издание 2-ое. СПб., 1799. Ч. 1-2.

Геродот, 1999 - Геродот. История. М., 1999. Кн. 4.

Горная... 2005 - «Горная власть» и башкиры в XVIII в. / Авт.-сост. Н.С. Корепанов. Уфа, 2005.

Готтлиб, 1799 — *Готтлиб И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов / Соч. Иосипа Готтлиба / Пер. с нем. СПб., 1799. Ч. 2.

Греков, Якубовский, 1950 - Греков Б. Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.

Грот, 1870 — Грот Я.К. П.С.Потемкин во время Пугачевщины // Русская старина. 1870. № 10.

Губернаторы... 1999 — Губернаторы Оренбургского края /Авт.-сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова. Оренбург, 1999.

Гудков, Гудкова, 1985 - Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Уфа, 1985. Ч. 1.

Гудков, Гудкова, 1993 - Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Из истории южноуральских горных заводов XVIII—XIX веков. Уфа, 1993. Ч. 2.

Гуревич, 1990 - Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Давлетшин, 1927 — Давлетшин Г. Обычаи выдавания замуж у пугачевских башкир // Башкорт аймагы. 1927. № 3 (на башк. яз.).

Давлетшин, 1935 — Давлетшин Г. Учебник по башкирскому языку для студентов заочного отделения Башкирского государственного педагогического института. Уфа, 1935 (на башк. яз.).

Даль, 1961 — Даль В.И. Башкирская русалка // Башкирия в русской литературе / Сост., авт. предисл. М.Г. Рахимкулов. Уфа, 1961. Т. I.

Даль, 1989 — Даль В.И. Башкирская русалка // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989. Т. I.

Дариенко, 1962 - Дариенко В.Н. Город Гурьев. (Хронология исторических событий) // Ученые записки Казахского государственного университета им. С.М. Кирова. Алма-Ата, 1962. Т. LIII. Вып. 9.

Дебу, 1837 — Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем ея состоянии. Сочинение Тайного Советника Иосифа Дебу, автора книги о кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске. М., 1837.

Декоративно-прикладное... 1964 — Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964.

Декоративное... 1979 — Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979.

Демидова, 1956 — Демидова Н.Ф. Башкирское восстание 1735—1736 гг. Автореферат канд. дис. М., 1956.

Демидова, 1958 — Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.

Демидова, 1961 — Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1961. Т. LXVIII.

Демидова, 1971 — Демидова Н.Ф. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591-92—1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

Ден, 1902 - Ден В.Э. Население России по пятой ревизии // Подушная подать в XVTO веке и статистика населения в конце XVIII в. М., 1902. Т. II. Ч. 2.

Дмитриев, 1890—1900 — Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1890—1901. Вып. 1-8.

Дмитриев, 1900 - Дмитриев А.А. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации // Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. 8.

Дмитриев, 1959 — Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959.

Дмитриев-Мамонов, 1898 — Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевщина в Сибири. М., 1898.

Дмитриев-Мамонов, 1907 — Дмитриев-Мамонов А.И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. СПб., 1907.

Добросмыслов, 1900а — Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 гг. // Труды Оренбургской ученой комиссии. Оренбург, 1900. Вып. 8.

Добросмыслов, 19006 - Добросмыслов А.И. Тургайская область. Исторический очерк. Оренбург, 1900. Т. I. Вып. 1.

Добросмыслов, 1902 — Добросмыслов А. Заботы императрицы Екатерины II о просвещении киргизов // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1902. Вып. 9.

Долгих, 1960 — Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Донелли, 1995 - Донелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552—1740. Страницы истории империализма. Уфа, 1995.

Древнетюркский... 1969 — Древнетюркский словарь. Jl, 1969.

Дубман, 2005 — Дубман Э.Л. Закамская линия: судьба, проекты, строительство. Самара, 2005.

Дубман, 2010 - Дубман Э.Л. Деятельность Закамской экспедиции в первой половине 1730-х гг. и проблема взаимоотношений с кочевыми народами Заволжья // Башкиры в составе Российской Федерации: история, современность, перспективы. Уфа, 2010.

Дубровин, 1883 - Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб.,1883. Т. I.

Дубровин, 1884. Т. II-III - Дубровин Н.Ф. Пугачев и его сообщники. СПб., 1884. Т. II—III.

Дьяконова, 2001 - Дьяконова В.П. Алтайцы. СПб., 2001.

Ермаков — Ермаков В.В. Челнинская история // www.kam.rn/lustory/ermakov

Жанровая... 2007 - Жанровая система в башкирской литературе. Уфа, 2007.

Жирмунский, 1974 - Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Избранные труды. Л., 1974.

Жуковский, 1916 - Жуковский П.В. Дополнения к «Истории Оренбургской» П.И. Рычкова // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1916. Вып. 33.

Загоровский, 1969 - Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969.

Западные... 2001 - Западные башкиры по переписям 1795—1917 гг. / Асфандияров А.З., Абсалямов Ю.М., Роднов М.И. Уфа, 2001.

Записки... 1822 — Записки путешествия академика Лепехина. Ч. 3-4 // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1822. Т. IV.

Записки... 1823 - Записки Путешествия Академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук по предложению ее президента. СПб., 1823. Т. VI.

Заключающий... 1825 — Заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам Путешествия Академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. СПб., 1825. Т. VII.

Заозерский, 1989 - Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989.

Зарипов, 1970 - Зарипов Н.Т. Ценный образец эпического творчества народа: (О кубаире «Баик-Айдар сэсэн») //Агидель. 1970. № 9.

Зарипов, 1981 - Зарипов Н.Т. Башкирские богатырские сказки. Уфа, 1981.

Зарипов, 1990 - Зарипов Н.Т. Жили, говорят, богатыри... Уфа, 1990 (на башк. яз.).

Зарипов, 1999 — Зарипов Н.Т. Исторические сказания // Башкирское народное творчество. Исторический эпос / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Н. Зарипов. Уфа, 1999. Т. X.

Зеленин, 1908 — *Зеленин Д.* О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда // Этнографическое обозрение. М., 1908. № 3.

Зернов, 1859 - Зернов В.В. Памятник с арабско-татарской надписью в Башкирии // Труды Восточного отделения Императорского Археологического общества. 1859. Ч. 4.

Зефиров, 1961 - Зефиров В. Рассказы башкирца Джантюри // Башкирия в русской литературе / Сост., авт. предисл. М.Г. Рахимкулов. Уфа, 1961. Т. I.

Златоверховников, 1899 — Златоверховников И.Е. Уфимская епархия. Уфа, 1899.

Зулькарнаев, 2008 — Зулькарнаев М.М. История Оренбургской экспедиции в 1734—1737 гг. Уфа, 2008.

Иванин, 1851 — Иванин М.И. Описание Закамских линий // Вестник Императорского Русского географического общества. 1851. Ч. 1. Кн. 2.

Иванов, 1864 — Иванов П.А. Обозрение состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого и до наших дней. СПб., 1864.

Игнатьев, 1876 - Игнатьев Р.Г. Суд над бригадиром Аксаковым // Оренбургский листок. 1876. № 48

Игнатьев, 1873а — Игнатьев Р.Г. Краткое известие о бывших монастырях в Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. 2.

Игнатьев, 18736 — Игнатьев Р.Г. Осада г. Уфы. // Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. 2.

Игнатьев, 1873в — Игнатьев Р.Г. Хроника достопамятных событий Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1873. Ч. 2.

Игнатьев, 1880а — Игнатьев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии: (Эпизод из истории Оренбургского края XVIII в.) // Оренбургский листок. 1880. №№ 7—12, 14—77.

Игнатьев, 18806 - Игнатьев Р.Г. И.К. Кирилов, основатель Оренбургского края // Уфимские губернские ведомости. 1880. №№ 14—16, 18, 20, 27, 28.

Игнатьев, 1881 - Игнатьев Р.Г. В.Н. Татищев - второй начальник Оренбургского края // Уфимские губернские ведомости. 1881. №№ 4, 6, 7, 29.

Игнатьев, 1882 - Игнатьев Р.Г. Князь В.А. Урусов, третий начальник Оренбургского края // Уфимские губернские ведомости. 1882. №№ 10, 20.

Игнатьев, 1893 — Игнатьев Р.Г. Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императоском казанском университете. Казань, 1893. Т. XI. Вып. 2.

Игнатьев, 1922 — Игнатьев Р.Г. Карасакал, лжехан Башкирии // Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БССР. Стерлитамак, 1922. Вып. 2.

Игнатьев, 1991 — Игнатьев Р.Г. Песни о батыре Салавате. Башкир Салават Юлаев, пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1991. Т. II. '

Идельбаев, 2003 - Идельбаев М.Х. Башкирская литература XVIII в. и творчество Салавата Юлаева. Уфа, 2003.

Идельбаев, 2007 - Идельбаев М.Х. Завещание из древности. Уфа, 2007 (на башк.яз.).

Илимбетова, Илимбетов, 2009 — Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных у башкир. Уфа, 2009.

Имамов, 1991 - Имамов В. Восстание Акая—Кильмяка //Идель. 1991. № 10—11.

Имамов, 1994 — Имамов В. Запрятанная история татар. Набережные Челны, 1994.

Инан, 1998 — Инан А. Шаманизм в истории и сегодня. Уфа, 1998 (на башк. яз.).

Индова, Преображенский, 1984 — Итоги и задачи изучения классовой борьбы российского крестьянства в период позднего феодализма // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984.

Иофа, 1949 — Иофа Л.Е. Современники Ломоносова. И.К. Кириллов и И.В. Татищев. М., 1949.

Псин, 1985 — Исин А.И. Казахско-ногайское соперничество в первой половине XVI в. // Вопросы истории Казахстана в русской дворянско-буржуазной и современной историографии советологов. Алма-Ата, 1985.

Ислаев, 2004 — Ислаев Ф. Восстание Батырши. Год 1755. Казань, 2004.

Историческая... 1867 — Историческая записка о местности прежней Уфимской губернии, где был центр древней Башкирии. СПб., 1867.

Исторический... 1896 — Исторический очерк Уральских горных заводов. СПб., 1896.

История... 1956 — История СССР. С древнейших времен до 1861 г. М., 1956. Т. I.

История... 1963 — История Урала. 2-е изд. В 2-х т. Пермь, 1963. Т. I.

История... 1968 — История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968.

История... 1981 — История Уфы / Сост. Р.Г. Танеев. Уфа, 1981.

История... 1987 — История Северной войны. 1700-1721 гг. М., 1987.

История... 1990 - История башкирской литературы. Уфа, 1990. Т. I.

История... 1992 - История казачества Урала. Учебное пособие. Оренбург—Челябинск, 1992.

История... 1996 — История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века / Отв. ред. Х.Ф. Усманов. Уфа, 1996.

История... 2000 — История Казахстана с древнейших времен до наших дней в 5-ти томах. Алма-Ата, 2000. Т. III.

История... 2004 — История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Уфа, 2004. Т. I.

История... 2006 — История России с древнейших времен до конца XVII века. М., 2006.

История... 2007 — История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. Уфа, 2007. Т. II.

Ишбердин, 1986 - Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986.

Ищериков, 1925 — Ищериков П.Ф. Пугачевское восстание и участие в нем башкир // Красная Башкирия. 1925. 10 января.

Ищериков, 1927 — Ищериков П.Ф. Исмагил Тасимов, зачинатель горного дела в России // Башкирский краеведческий сборник. Уфа, 1927. № 2.

Ищериков, 1933 - Ищериков П.Ф. Очерки по истории колонизации Башкирии. Уфа, 1933.

Кабузан, 1971 — Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII - первой половине XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971.

Кабузан, 1984 - Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII - первой половине XIX в. М., 1984.

Кабузан, 1990 — Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М., 1990.

Кабузан, 1992 — Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. М., 1992.

Казанцев, 1866 — Казанцев Н. Описание башкирцев. СПб., 1866.

Козин, 1912 — Казин В.Х. Казачьи войска. СПб., 1912.

Камалиева, 2009 — Камалиева Г.З. Осенний календарный обряд Сомболэ // Актуальные проблемы современной фольклористики. Материалы международной научно-практической конференции. Казань, 2009.

Карамзин, 1843 - Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1843. Т. VIII.

Карамзин, 1892 — Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. X.

Карамзин, 1989 — Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2. Т. VIII.

Кармин, 1934 — Кармин М. Очерки по истории классовой борьбы в Башкирии в XVIII—XIX в. // Социалистическое хозяйство Башкирии. Уфа, 1934. № 3—4.

Катаное, 1898 — Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 1 июля 1897 г. по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии. Казань, 1898.

Каташ, 1984 — Каташ С.С. Архаические жанры алтайского фольклора. (Генезис. Типология. Поэтика). Дисс. д.-ра филол. наук. Ташкент, 1984.

Кафенгауз, 1949 - Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVII-XIX в. М.; Л., 1949. Т. I.

Кашинцев, 1939 - Кашинцев Д.А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939. Т. I.

Каштанов, 1970 — Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М.,_ 1970.

Кемпер, 2008 — Кемпер Михаэль. Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством / Пер. с нем. И. Гилязов. Казань: Российский исламский университет, 2008.

Керимов, 1978 — Керимов Г. М. Шариат и его социальная сущность. М., 1978.

Киреев, 1961 — Киреев А.Н. Эпические памятники башкирского народа. Уфа, 1961 (на башк. яз.).

Киреев, 1970 — Киреев А.Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970.

Кирилов, 1953 — Кириков С.В. В лесах и степях Южного Урала. Путевые записки зоогеографа. М., 1953.

Климович, 1975 — Климович Л.И. Наследство и современность. М., 1975.

Ковалевский, 1956 — Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу. Харьков, 1956.

Колесников, 1980 - Колесников А.Д. Формирование границы русских владений на юге Западной Сибири в XVI—XVIII в. // Основные проблемы исторической географии России на современном этапе. Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзной конференции по исторической географии России. М., 1980.

Кондрашенков, 1962 — Кондрашенков А.А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962.

Кондрашенков, 1964 — Кондрашенков А.А. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII в. // Курганский государственный педагогический институт. Ученые записки. Курган, 1964. Вып. 4.

Коробков, 1940 - Коробков Н.М. Семилетняя война (1756-1762 гг.). М., 1940.

Королева, 1977 — Королева Е.М. Древние танцы. М., 1977.

Кочекаев, 1973 - Кочекаев Б.Б. Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX — начале XX века. Алма-Ата, 1973.

Крестьянская... 1966 — Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева / Под ред. В.В. Мавродина. JL, 1966. Т. II.

Крестьянская... 1970 - Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева / Под ред. В.В. Мавродина. Л., 1970. Т. III.

Крестьянские... 1974 — Крестьянские войны в России XVII—XVIII в.: проблемы, поиски, решения. М., 1974.

Кретинин, 1998 - Кретинин Г.В. Генерал-фельдмаршал Апраксин в Пруссии // Вопросы истории. 1998. № 7.

Кривоногое, 1959 - Кривоногов В.Я. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в XVIII веке. Свердловск, 1959.

Кротов, 2007 - Кротов П.А. Полководческое искусство Петра I и А.Д. Меншикова в Полтавской битве (К 300-летию Полтавской победы) // Меншиковские чтения - 2007. СПб., 2007. Вып. 5.

Кротов, 2009 — Кротов П.А. Битва при Полтаве (К 300-летней годовщине). СПб., 2009.

Кругляшова, 1974 - Кругляшова В.П. Топонимические предания Среднего Урала // Материалы и исследования по фольклору Башкортостана и Урала. Уфа, 1974. Вып. 1.

Кругляшова, 1975 — Кругляшова В.П. Пугачевское восстание в устной прозе советского Урала // Русский фольклор. Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. Т. XV.

Круковский, 1909 - Круковский М. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909.

Кузбеков, 1997 - Кузбеков Ф.Т. История культуры башкир. Уфа, 1997.

Кузеев, 1968а — Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X—XIX в. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. III.

Кузеев, 19686 — Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI-XX в. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. III.

Кузеев, 1974 - Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М., 1974.

Кузеев, 1982 — Кузеев Р.Г. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству — поворотный пункт в истории края // Историческое значение добровольного присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Кузеев, 1992 - Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992.

Кузеев, 1994 - Кузеев Р.Г. О характере присоединения Волго-Уральского региона к Русскому государству и некоторые вопросы средневековой истории // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994.

Кузеев, Шитова, 1963 — Кузеев Р.Г., Шитова С.Н. Башкиры. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963.

Кузьмина, 1976 - Кузьмина Е.Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // Совесткая археология. М., 1976. № 3.

Кулбахтин, 1984 - Кулбахтин Н.М. Участие башкирского народа в Крестьянской войне 1773-1775 гг. Уфа, 1984.

Кулбахтин, 1989 - Кулбахтин Н.М. Формирование горнозаводской промышленности Башкирии в XVIII в. Уфа, 1989.

Кулбахтин, 1990 - Кулбахтин Н.М. Хозяйственные связи народов Башкирии в конце XVIII — начале XIX в. // Социально-экономическое развитие и народное движение на Южном Урале и в Среднем Поволжье (Дореволюционный период). Уфа, 1990.

Кулбахтин, 1993 - Кулбахтин Н.М. Наказ башкир Исетской провинции в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. // Актуальные проблемы истории и этнографии Башкортостана: прошлое и современность. Уфа, 1993. Вып. 2.

Кулбахтин, 1996а — Кулбахтин Н.М. Границы Башкортостана в XVIII в. // Агидель. 1996. № 7.

Кулбахтин, 19966 — Кулбахтин Н.М. Из истории гайнинских башкир. Уфа, 1996.

Кулбахтин, 1996в - Кулбахтин Н.М. Наказ башкир Уфимской провинции в Уложенную комиссию 1767-1768 гг. //Ядкяр. 1996. № 1 (3).

Кулбахтин, 2000 — Кулбахтин Н.М. Горнозаводская промышленность в Башкортостане. XVIII в. Уфа, 2000.

Кулбахтин, 2004 — Кулбахтин Н.М. Юлай-атаман, сардар-Салават, Кинзя-абыз... Очерки истории Крестьянской войны 1773—1775 гг. Уфа, 2004.

Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М., 2005— Кулбахтин И.Н., Кулбахтин Н.М. Наказы народов Башкортостана в уложенную комиссию 1767—1768 гг. Уфа, 2005.

Кулбахтин, 2007 — Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам. Уфа, 2007.

Кульшарипов, 2003 — Кульшарипов М.М. Политика царизма в Башкортостане (1775—1800 гг.). Уфа, 2003.

Кустарные... 1912 — Кустарные промыслы Уфимской губернии. Уфа, 1912.

Кучумов, Смирнов, 2001 — Кучумов И.В., Смирнов Ю.Н. Первый труд по истории Башкортостана // Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001.

Латыпов, 1999 - Латыпов Ф.Р. Исследование этрусского и минойского языков на основе фоноэволюционной пратюркской гипотезы комбинаторно-частотных методов. Уфа, 1999.

Лебедев, 1875 - Лебедев Н.А. Исторический взгляд на учреждение училищ, школ, учебных заведений и ученых обществ, послуживших к образованию русского народа с 1025 по 1855 гг. СПб., 1875.

Лебедев, 1937 - Лебедев В.И. Башкирское восстание 1705—1711 гг. // Исторические записки. М., 1937. Т. I.

Лебединский, 1956 — Лебединский Л.Н. Узун-юой - башкирская народная музыкальная классика // Советская этнография. 1956. № 2.

Лебединский, 1962 — Лебединский Л.Н. Башкирские народные песни и наигрыши. М., 1962.

Лебединский, 1965 — Лебединский Л.Н. Башкирские народные песни и наигрыши. Издание 2-ое, дополненное. М., 1965.

Левшин, 1832 —Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. СПб., 1832. Ч. 2.

Лепехин, 1771 - Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., 1771. Ч. 1.

Лепехин, 1772 - Лепехин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб., 1772. Ч 2.

Лепехин, 1780 - Лепехин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. СПб., 1780. Ч. 3.

Лепехин, 1795 - Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. Издание 2-ое. СПб., 1795. Ч. 1.

Лепехин, 1802 - Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государствав 1768 и 1769 году. Издание 2-ое. СПб., 1802. Ч. 2.

Лепехин, 1805 — Лепехин И.И. Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. СПб., 1805. Ч. 4.

Лимонов, Мавродин, Панеях, 1974 — Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачев и пугачевцы. Л., 1974.

Лобов, 1911 — Лобов Н.Г. Краткая записка о старшинстве Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1911.

Лоссиевский, 1883 — Лоссиевский М.В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам: Историко-этнографический очерк // Справочная книжка Уфимской губернии / Сост. Н.А. Гурвич. Уфа, 1883.

Любомиров, 1937 — Любомиров П.Г. Географическое размещение металлургической и металлообрабатывающей промышленности России в XVII, XVIII и начале XIX в. М., 1937.

Мавродин, 1961 — Мавродин В.В. Крестьянская война в России в 1773-1775 годах. Восстание Пугачева. Л., 1961. Т. I.

Мавродин, 1966 — Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в Росии // Крестьянские войны в России XVII-XVIII в. М.; Л., 1966.

Мажитов, Султанова, 1994 — Мажитов Н.А., Султанова А.М. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994.

Мажитов, Султанова, 2009 — Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Уфа, 2009.

Малкондуев, 1985 — Малкондуев Х.Х. Балкары и карачаевцы // Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. Махачкала, 1985.

Мамин-Сибиряк, 1991 — Мамин-Сибиряк Д.Н. Горная ночь // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1991. Т. II.

Малахов, 1887 — Малахов М.В. Башкиры // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1887. Т. XI. Вып. 1.

Малое, 1868 — Малов Е. О татарских мечетях в России. Казань, 1868.

Манштейн, 1997 — Манштейн Х.-Г. Записки о России. М., 1997.

Марджани, 1900 - Марджани Ш. Полезные сведения по истории Казани и Булгар. В 2 т. Казань, 1900. Т. II. (на яз. тюрки; араб, графика).

Мартынов, 1929 - Мартынов М.Н. Пугачевское движение на заводах Южного Урала // Записки научного общества марксистов. 1929. № 1—2.

Мартынов, 1948 — Мартынов М.Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948.

Мартынов, 1967 — Мартынов М.Н., Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773—1775 гг. // Исторические записки. 1967. Т. LXXX.

Масловский, 1886 — Масловский Д.М. Русская армия в Семилетнюю войну. СПб., 1886. Вып. 1.

Матюшин, 1964 — Матюшин Г.Н. К изучению мезолита и неолита в Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1964. Т. II.

Матюшин, 1968 — Матюшин Г.Н. О древних связях мезолита Урала // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. II.

Миллер, 1937 — Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I.

Миллер, 1941 — Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II.

Миллер, 1999 — Миллер Г.Ф. История Сибири. Издание второе, дополненное. М., 1999. Т. I.

Миллер, 2000 - Миллер Г.Ф. История Сибири. Издание второе, дополненное. М., 2000. Т. II.

Милов, 1981 - Милов Л.В. Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII—XVIII в. // Вопросы истории. 1981. № 3.

Мирасов, 1925 — Мирасов С. Баш ортлар ы й н хисабы (О численности башкир) // Башкорт аймагы. 1925. № 1.

Мирасов, 1928—1930 — Мирасов С. Историческое прошлое башкир // Краеведческий сборник. Уфа, 1928—1930. № 3-4.

Модестов, 1914 - Модестов Н.Н. Село Табынское и Вознесенская пустынь // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1914. Вып. 31.

Модестов, 1917 — МодестовН. Основаниег. Оренбургаи первоначальное благоустройство его // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1917. Вып. 35.

Муллагулов, 1979 — Муллагулов М.Г. Вьючно-верховой транспорт // Хозяйство и культура башкир XIX - начала XX в. М., 1979.

Муллагулов, 1992 — Муллагулов М.Г. Башкирский народный транспорт. XIX — начало XX в. Уфа, 1992.

Муллагулов, 1994 — Муллагулов М.Г. Лесные промыслы башкир. XIX - начало XX в. Уфа, 1994.

Муратова, 1991 — Муратова В.Н. Управление Башкирией во второй половине XVI — 40-х годах XVIII в.: Автореф. дисс. ... к.и.н. Уфа, 1991.

Муратова, 1992 — Муратова В.Н. Воеводский аппарат управления в Башкирии во второй половине XVI — начале XVIII в. // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI - начале XX в. Уфа, 1992.

Мухтаров, 2007 - Мухтаров Н.Г. Очерки по обычному праву башкир. Уфа, 2007.

Мякутин, 1904 — Мякутин А.И. Песни Оренбургских казаков. Оренбург, 1904. Т. I.

Нагаева, 1981 — Нагаева Л.И. Танцы восточных башкир. М., 1981.

Нагаева, 1995 — Нагаева Л.Й. Башкирская народная хореография. Уфа, 1995.

Нагаева, 1999 - Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. Уфа, 1999.

Надергулов, 2002 — Надергулов М.Х. Историко-функциональные жанры башкирской литературы (генезис, типология, традиции). Уфа, 2002.

Надршина, 2006 — Надршина Ф.А. Память народная (исторические корни и жанровые особенности башкирских народных преданий и легенд). Уфа, 2006 (на башк. яз.).

Надршина, 2010 — Надршина Ф.А. Башкирские народные эпические сказания. Уфа, 2010.

Надршина, 2011 — Надршина Ф.А. Память народная (исторические корни и жанровые особенности башкирских народных преданий и легенд). Уфа, 2011 (на башк. яз.).

Назаров, 1890 — Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. М., 1890. Вып. 1.

Народное... 1968 - Народное искусство башкир. Л., 1968.

Народные... 1969 — Народные сказки, легенды, предания и были, записанные в Башкирии на русском языке в 1960—1966 гг. / Подбор текстов, редактирование, вступительная статья и примечечания Л.Г. Барага. Уфа, 1969.

Народы... 1977 - Народы в крестьянской войне 1773—1775 гг. Сборник статей. Уфа, 1977.

Населенные... 2002 — Населенные пункты Башкортостана. Уфимская губерния 1877 г. Уфа, 2002. Ч. 1.

Ратцель, 1902 — Ратцель Ф. Народоведение. СПб., 1902. Т. II.

Научная... 1961 — Научная сессия по вопросам истории Башкирии. Тезисы докладов. Уфа, 1961.

Небольсин, 1850 - Небольсин П. Заметки о башкуртах... // Отечественные записки. СПб., 1850. Т. LXXIII. Отд. 8.

Негмати, 1989 - Негмати А.Э. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. Душанбе, 1989.

Нефедов, 1964 - Нефедов Ф.Д. Движение среди башкир перед пугачевским бунтом: Салават башкирский батыр // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1964. Т. II.

Нефедов, 1991а - Нефедов Ф.Д. Зигда // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1991. Т. II.

Нефедов, 19916 - Нефедов Ф.Д. Ушкуль // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1991. Т. II.

Нигматуллин, 1963 — Нигматуллин С.Н. О характере башкирского восстания 1735—1740 гг. // Из истории Башкирии. Уфа, 1963. Ч. 2.

Никитин, 1928 — Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. № 6-7.

Никольский, 1899 - Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899.

Никольский, 1902 — Никольский А.И. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк // Столетие Военного министерства. 1802—1902. СПб., 1902. Т. XI. Ч. 1.

Новиков, 1879 — Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879.

Новосельский, 1948 - Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; JL, 1948.

Новлянская, 1964 — Новлянская М.Г. И.К. Кирилов. М.; Л., 1964.

Нольде, 2005 — Нольде Б.Э. Образование Русской империи. Т. I. Гл. 7. // Порталь Р. Исследования по истории, историографии, источниковедению регионов России. Уфа, 2005.

О патриархально-феодальных... 1956 — О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов (к итогам обсуждения) // Вопросы истории. 1956. № 1.

Овсянников, 1878 - Овсянников А. Географические очерки и картины. Очерки и картины Поволжья. СПб., 1878. Т. I.

Овчинников, 1980 — Овчинников Р.В. Манифесты и указы Е.И. Пугачева. М., 1980.

Овчинников, 1995 — Овчинников Р.В. Следствие и суд над Е.И. Пугачевым и его сподвижниками. М., 1995.

Оленин, 1882 — Оленин А.Н. Археологические труды. СПб., 1882. Т. II.

Омельченко, 1993 - Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993.

Оренбургская... 1997 — Оренбургская Пушкинская энциклопедия / Авт.-составители Р.В. Овчинников, Л.Н. Большаков. Оренбург, 1997.

Орлов, 1994 — Орлов А.С. Рецензия на книги: А.Б. Каменский «Под сенью Екатерины...»; О.А. Омельченко. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России // Вопросы истории. 1994. № 7.

Очерки... 1955 — Очерки по истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955.

Очерки... 1956 — Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. I. Ч. 1.

Очерки... 1957 — Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957.

Очерки... 1959 — Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1959. Т. I. Ч. 2.

Очерки... 1967 - Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.

Очерки... 1989 - Очерки истории башкирского языка. М., 1989.

Очерки... 1994 — Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI—XX в. Уфа, 1994.

Очерки... 2004 — Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2004.

Павленко, 1958 - Павленко Н.И. К истории южноуральской металлургии в XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.

Павленко, 1962 — Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: Заводы и заводовладельцы. М., 1962.

Павловский, 1975 — Павловский Б.В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975.

Палеохореография... 1995 - Палеохореография. Тезисы докладов международной научной конференции. Новосибирск, 1995.

Паллас, 1773 — Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1773. Ч. 1.

Паллас, 1786. Ч. 2. Кн. 1—2 — Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1786. Ч. 2. Кн. 1-2.

Паллас, 1788. Ч. 3. Пол. 1-2 - Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1788. Ч. 3. Пол. 1-2.

Паскаль, 2010 - Паскаль П. Пугачевский бунт. Уфа, 2010.

Пекарский, 1867 — Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка П.И. Рычкова. СПб., 1867.

Пекарский, 1883 — Пекарский П.П. Известия об уфимских дворянах Пекарских // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883.

Пекарский, 1887 — Пекарский П.П. Когда и для чего основаны города Уфа и Самара. СПб., 1887.

Пекер, 1860 - Пекер А.А. Очерки Уфы // Вестник императорского Русского географического общества. СПб., 1860. Ч. 29.

Перетяткович, 1877 — Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI веках. Очерки из истории края и его колонизации. М., 1877.

Перетяткович, 1882 — Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII в. Очерки из истории колонизации края. Одесса, 1882.

Петрухинцев, 2001 — Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730-1735 г. СПб., 2001.

Пистоленко, 1939 - Пистоленко В. Из прошлого Оренбургского края. Чкалов, 1939.

Платонов, 1996 — Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. Петрозаводск, 1996.

Покровская, 1983 — Покровская Л.Н. Земледельческая обрядность // Календарные обряды. Л., 1983.

Покровский, 1925 — Покровский М.Н. Новые данные о Пугачевщине // Вестник Коммунистической академии. 1925. Кн. 3.

Покровский, 1965 — Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен // Избранные произведения. М., 1965. Кн. 2.

Поноженко, 1977 — Поноженко Е.А. Общественно-политический строй Ногайской орды в XV — середине XVII в. Автореф. дисс.... канд. юрид. наук. М., 1977.

Попов, 1813 — Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии по гражданскому и естественному состоянию в отношении к земледелию, многочисленным рудным заводам, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию Императорского Вольного Общества: В 3-х ч. СПб., 1813. Ч. 3.

Попов, 1861 — Попов Н. В.Н. Татищев и его время. М, 1861.

Порталь, 2005 — Порталь Р. Россия и башкиры: проблемы взаимоотношений. 1662—1798 гг. // Порталь Роже. Исследования по истории, историографии, источниковедению регионов России. Уфа, 2005.

Преображенская, 1963 — Преображенская П.С. К вопросу о социально-экономическом строе калмыков // История СССР. 1963. № 5.

Преображенский, 1989 - Преображенский А.А. История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.

Преображенский, 1997 — Преображенский А.А. Эпоха преобразований. Краткий исторический очерк // Законодательство Петра I. М., 1997.

Псянчин, 2001 — Псянчин А.В. Башкортостан на старых картах: История географического изучения и картографирования. Уфа, 2001.

Псянчин, 2008 - Псянчин А.В. Из истории отечественной этнической картографии. Уфа, 2008.

Путилов, 1975 — Путилов Б.Н. Историко-фольклорный процесс и эстетика фольклора // Проблемы фольклора. М., 1975.

Пушкин, 1958 — Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-и томах. М., 1958. Т. VIII.

Пушкин, 1976 — Пушкин А.С. История Пугачевского бунта // Собрание сочинений. М., 1976. Т. VII.

Раимов, 1941 — Раимов Р.М. 1905 год в Башкирии. М., 1941.

Ратцель, 1901 - Ратцель Ф. Народоведение / Пер. Д.А. Коропчевского. СПб., 1901. Т. II.

Рахим, Газиз, 1924 - Рахим Г., Газиз Г. История татарской литературы. В 2-х т. Казань, 1924. Т. I. Ч. 1: Древний период (на татар, яз.; араб, графика).

Рахимов, 2001а — Рахимов Р.Н. Документы об участии башкирских полков в шведской и польской войнах в 1790—1792 гг. // Уникальные источники по истории Башкортостана. Материалы I межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2001.

Рахимов, 20016 - Рахимов Р.Н. Участие военно-служилых сословий Южного Урала, в походах российской армии в 90-е годы XVIII века: по материалам РГАДА и РГВИА // Археография Южного Урала: Исторические источники и современные методы. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2001.

Рахимов, 2007а — Рахимов Р.Н. Башкирская кавалерия на защите Санкт-Петербурга // Археография Южного Урала. Материалы VII межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2007.

Рахимов, 20076 — Рахимов Р.Н. Оренбургское казачество в войнах России конца XVIII века // Казачество в прошлом и настоящем. Всероссийская научно-практическая конференция. Оренбург, 2007.

Рахимов, 2008а — Рахимов Р.Н. Башкиры в Северной войне // Родина. 2008. № 9.

Рахимов, 20086 — Рахимов Р.Н. История тептярских конных полков. 1790—1845. Уфа, 2008.

Рахимов, 2009а - Рахимов Р.Н. Грани Полтавской победы. Материалы круглого стола // Родина. 2009. № 7.

Рахимов, 20096 — Рахимов Р.Н. Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII—XVIII в. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции. Казань, 2009. Вып. 1.

Рахматуллин, 1988 — Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVTI—XVIII в. Вопросы формирования небашкирского населения. М., 1988.

Рахматуллина, 2001 - Рахматуллина З.Я. Духовное наследие башкир: прошлое, настоящее и будущее. Уфа, 2001.

Рахматуллина, 2002 - Рахматуллина З.Я. Башкирский национальный дух (социально-философский очерк). Уфа, 2002.

Республика... 2009 — Республика Башкортостан. 2009. № 221.

Ризаэтдин бин Фахретдин, 1899 - Ризаэтдин бин Фахретдин. Асар. В 2 т. Казан, 1899. Т. I. Ч. 1 (на яз. тюрки; араб, графика).

Ризаэтдин бин Фахретдин, 1900 - Ризаэтдин бин Фахретдин. Асар. Оренбург, 1900. Т. I. Ч. 2 (на яз. тюрки; араб, графика).

Ризаэтдин... 1904 - Ризаэтдин бин Фахретдин. Асар. Оренбург, 1904. Т. I. Ч. 6 (на яз. тюрки; араб, графика).

Ризаэтдин бин Фахретдин, 1908а - Ризаэтдин бин Фахретдин. Мероприятия правительства в отношении мусульман. В 2 ч. Оренбург, 1908. Ч. 2 (на яз. тюрки; араб, графика).

Ризаэтдин... 19086 - Ризаэтдин бин Фахретдин. Наши школы и шакирды // Ризаэтдин бин Фахретдин. Мероприятия правительства в отношении мусульман. Оренбург, 1908. Ч. 2 (на яз. тюрки; араб, графика).

Рознер, 1966 — Рознер И.Г. Казачество в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Львов, 1966.

Росту нов, 1989 — Ростунов И.И. Генералиссимус А.В. Суворов. М., 1989.

Рубан, 1773 — Рубан В.Г. Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шейна к Азову, взятие сего и Лютика городка и торжественное оттуды с победоносным воинством возвращение в Москву, с подробным описанием всех военных и торжественных произшествий и с имянным списком бывших при том: сухопутных и морских, великороссийских и малороссийских, вышних и нижних военачальников, числе всех войск и учиненным оным наград. СПб., 1773.

Руденко, 1925 - Руденко С.И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир // Записки Русского географического общества. Л., 1925. Т. XLIII. Вып. 2.

Руденко, 1955 - Руденко С.И. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955.

Руденко, 2006 - Руденко С.И. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.

Русская... 1886 — Русская историческая библиотека, издаваемая Археологическою комиссиею. СПб., 1886. Т. X.

Рыбаков, 1897 - Рыбаков С.Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта // Записки императорской академии. СПб., 1897. Т. II.

Рыбаков, 1965 — Рыбаков С.Г. По Уралу, среди башкир // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1965. Т. III.

Рындзюнский, 1983 - Рындзюнский П.Г. Идейная сторона крестьянских движений 1770—1850-х годов и методы ее изучения // Вопросы истории. 1983. № 5.

Рындзюнский, Рахматуллин, 1972 — Рындзюнский П.Г., Рахматуллин М.А. Некоторые итоги изучения Крестьянской войны в России 1773—1775 гг. // История СССР. 1972. № 2.

Рычков, 1762а - Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 1.

Рычков, 17626 — Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. СПб., 1762. Ч. 2.

Рычков, 1766 - Рычков П.И. О медных рудах и минералах, находящихся в Оренбургской губернии // Труды Вольного Экономического Общества. СПб., 1766. Ч. 4.

Рычков, 1767а - Рычков П.И. О способах к умножению земледельства в Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества по поощрению в России земледелия и домостроительства. СПб., 1767. Т. VII.

Рычков, 17676 — Рычков П.И. Ответы на экономические вопросы, касающиеся до земледелия, по разности провинций кратко и по возможности изъясненные, в разсуждении Оренбургской губернии // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1767. Т. VII.

Рычков, 1770а - Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770.

Рычков, 17706 - Рычков П.И. О крапивной кудели и употреблении в пряжу и другие экономические надобности // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1770. Т. XV.

Рычков, 1771 - Рычков П.И. О крапивном холсте // Труды Вольного экономического общества. СПб, 1771. Ч. XVIII.

Рычков, 1772 - Рычков Н.П. Дневные записки путешествия капитана Рычкова в киргис-кайсацкой степе, 1771 году. СПб., 1772.

Рычков, 1887 - Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

Рычков, 1896 - Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896.

Рычков, 1916 - Рычков П.И. Дополнение к «Истории Оренбургской» // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1916. Вып. 33.

Рычков, 1999 - Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.

Рычков, 2001 — Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2001.

Рязанов, 1928 — Рязанов А.Ф. Оренбургский край. Оренбург, 1928.

Сабанеев, 1873 — Сабанеев Л.П. Очерки Зауралья и степное хозяйство на башкирских землях. М., 1873.

Савич, 1925 — Савич А.А. Прошлое Урала. Пермь, 1925.

Сагитов, 1987 — Сагитов М.М. Древние башкирские кубаиры. Уфа, 1987 (на башк. яз.).

Сагитов, 2009 — Сагитов М.М. Историко-мифологические основы башкирского народного эпоса. Уфа, 2009 (на башк. яз.).

Сайтов, 1974 - Сайтов С. С. Начальные формы театра в башкирском народном творчестве // Фольклористика в Советской Башкирии. Уфа, 1974.

Салават... 2004 — Салават Юлаев. Энциклопедия / Гл. ред. И.Г. Илишев, сост. И.М. Гвоздикова. Уфа, 2004.

Сальманова, 2003 — Сальманова Л.К. О ритуальной функции песен о батырах // Эпос «Урал-батыр» и мифология. Уфа, 2003.

Сафаргалиев, 1949 - Сафаргалиев М.Г. Ногайская орда во второй половине XVI в. // Сборник научных работ Мордовского государственного педагогического института. Саранск, 1949.

Сафонов, 2003 — Сафонов Д.А. Начало оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.). Оренбург, 2003.

Сборник... 1869 — Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1869. Т. IV.

Сборник... 1871 — Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. VIII.

Сборник... 1886 — Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. L.

Сборник... 1894 — Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1894. Т. XCIII.

Сборник... 1902 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Юрьев, 1902. Т. CXIV.

Сборник... 1905 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Юрьев, 1905. Т. CXX.

Сборник... 1912 — Сборник Императорского Русского исторического общества. Юрьев, 1912. Т. CXXXVIII.

Семевский, 1891 - Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1891. Т. I.

Семевский, 1900 — Семевский В.И. Горнозаводские крестьяне во второй половине XVIII в. // Русская мысль. 1900. № 1.

Семевский, 1901 - Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины И. СПб., 1901. Т. II.

Семенов, Шакинко, 1982 — Семенов В.Б., Шакинко И.М. Уральские самоцветы. Свердловск, 1982.

Сенюткин, 2009 - Сенюткнн С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX в. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Монография. М. — Нижний Новгород, 2009.

Сидоров, 1974 - Сидоров В.В. О судьбе последних пугачевцев-башкир // Вопросы истории. 1974. № 1.

Сидоров, 1986 — Сидоров В.В. О башкире-певце и бесстрашном бойце: Книга о Салавате Юлаеве. Уфа, 1986.

Сидоров, 2004 — Сидоров В.В. Салават Юлаев в фольклоре других народов // Салават Юлаев, Энциклопедия / Гл. ред. И.Г. Илишев, сост. И.М. Гвоздикова. Уфа, 2004.

Сираев, 1963 — Сираев З.И. О характере башкирских восстаний XVII — первой половины XVIII в. // Из истории Башкирии. Уфа. 1963. Ч. 2.

Система... 1980 — Система жанров в башкирской литературе. Уфа, 1980 (на башк. яз.).

Смирнов, 1951 — Смирнов А.П. Волжские булгары // Труды Государственного исторического музея. 1951. Вып. 19.

Смирнов, 1997 — Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

Смирнов, 2007 — Смирнов Ю.Н. Современные подходы к истории восстания 1773—1775 гг. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарный выпуск. 2007. № 5/3 (55).

Советская... 1962 — Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. II.

Соколов, 1898 — Соколов Д.Н. Опыт разбора одной башкирской летописи //Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1898. Вып. 4.

Соколов, 1916 — Соколов Д.Н. Оренбургская губерния. Оренбург, 1916.

Соколова, 1970 — Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970.

Соловьев, 1963 — Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. М., 1963. Т. XX.

Соловьев, 1965. Кн. 12. Т. XXII1-XXIV - Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. М., 1965. Кн. 12. Т.XXIII-XXIV.

Соловьев, 1965 - Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. М., 1965. Кн. 14.

Соловьев, 1991 — Соловьев В.М. Актуальные вопросы изучения народных движений. (Полемические заметки о крестьянских войнах в России) // История СССР. 1991. № 3.

Соловьев, 1993 - Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. 8. Т. XV—XVI.

Соммье, 1891 - Соммье. О башкирах // Записки Уральского отделения любителей естествознания. Екатеринбург, 1891. Т. XIII. Вып. 1.

Струмилин, 1954 — Струмилин С. Г. История черной металлургии СССР. М., 1954. Т. I.

Сулейманов, 1994 - Сулейманов А.М. Башкирские народные бытовые сказки: сюжетный репертуар и поэтика. М., 1994.

Сулейманов, 1997 - Сулейманов А.М. В сказке действительность. Уфа, 1997 (на башк. яз.).

Сулейманов, 2001 - Сулейманов Ф.М. Башкирские аулы конца XVIII — первой половины XIX века /'/ Ватандаш. 2001. № 9.

Сулейманов, 2002 — Сулейманов Р.С. Песенное творчество иргизо-камеликских башкир. Уфа, 2002.

Султангареева, 1998 - Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа, 1998.

Султангареева, 2006а — Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде. Уфа, 2006.

Султангареева, 20066 - Султангареева Р.А. К вопросу о тэнгрианстве башкир // Ватандаш. 2006. № 2.

Султангареева, 2010 - *Султангареева Р.А.* Башкирский кыл-кубыз: теория происхождения // Ватандаш. 2010. № 10.

Таймасов, 2002 — Таймасов С.У. Восстание под предводительством Е.И. Пугачева на территории Башкортостана. Уфа, 2002.

Тарасов, 1984 — Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. М., 1984.

Тарле, 1994 - Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. Ростов-на-Дону, 1994. Т. III.

Татищев, 1962 — Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. М., 1962. Т. I. Ч. 1.

Ташкин, 1921 - Ташкин С.Ф. Инородцы Поволжско-Приуральского края и Сибири по материалам Екатерининской Законодательной комиссии. Оренбург, 1921. Вып. 1.

Типеев, 1930 - Типеев Ш. Очерки по истории Башкирии. Уфа, 1930.

Томсинский, 1925 - Томсинский С.Г. Роль рабочих в Пугачевском восстании // Красная новь. 1925. № 2.

Традиционное... 1988 — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Внешний мир. Новосибирск, 1988.

Трепавлов, 1997 — Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV—XVII в. // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. Уфа, 1997.

Трепавлов, 2002 — Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

Трепавлов, 2004 — Трепавлов В,В. Башкортостан в эпоху Салавата: два столетия Российского подданства // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева. Уфа, 2004.

Труды... 1897 - Труды Пермской ученой архивной комиссии. Пермь, 1897. Вып. 3.

Труды... 1922 - Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БАССР. Стерлитамак, 1922. Вып. 2.

Тукаев, 1899 — Тукаев Ш. Тарих-и Эстэрлебаш. Казань, 1899 (на яз. тюрки; араб, графика).

Турсунов, 1973 - Турсунов Е.Д. Генезис казахской бытовой сказки. Адма-Ата, 1973.

Уахатов, 1991 — Уахатов Б. Типологическое и особенное в казахской обрядовой поэзии // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент, 1991.

Уметбаев, 1897 - Уметбаев М. Ядкарь. Казань, 1897 (на яз. тюрки; араб, графика).

Уметбаев, 1984 — Уметбаев М. Ядкар. Уфа, 1984 (на башк. яз.).

Усманов, 1949 — Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Московскому государству. Уфа, 1949.

Усманов, 1960 - Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960.

Усманов, 1962 - Усманов А.Н. Кинзя Арсланов - выдающийся сподвижник Пугачева // Исторические записки. М.. 1962. Т. LXXII.

Усманов, 1964 — Усманов А.Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 г. Уфа, 1964.

Усманов, 1971 - Усманов А.Н. Развитие земледелия в Башкирии в третьей четверти XVIII в. // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971.

Усманов, 1972 — Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII—XVIII в. Казань, 1972.

Усманов, 1982 - Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.

Усманов, 1986 — Усманов М.А. Габдрахим Утыз Имяни Аль Булгари: Эпоха, творчество, наследие // Габдрахим Утыз Имяни. Казань, 1986.

Устюгов, 1947 — Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1662-1664 гг. // Исторические записки. М., 1947. Т. XXIV.

Устюгов, 1950 — Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737-1739 гг. М.; Л., 1950.

Устюгов, 1958 — Устюгов Н.В. О характере башкирских восстаний XVII - первой половины XVIII в. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958.

Фархшатов, 1986 — Фархшатов М.Н. Документы Оренбургского магометанского духовного собрания по истории мектебов и медресе Башкирии второй половины XIX в. // Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986.

Фархшатов, 1994 - Фархшатов М.Н. Народное образование на Южном Урале в пореформенный период. М., 1994.

Фатыхова, 2009 - Фатыхова Ф.Ф. Мужчины и женщины в традиционной календарной обрядности у тюркоязычных народов Урало-Поволжья: роли и статус // Феномен евразийства в материальной и духовной культуре, этнологии и антропологии башкирского народа. Уфа-Сибай, 2009.

Фахретдинов, 1925 — Фахретдинов Р. История башкир. Казань, 1925.

Фахретдинов, 1997 — Фахретдинов Р.Ф. Ислам. Казань, 1997.

Фирсов, 1869 — Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 года и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.

Фирсов, 1908 — Фирсов Н.Н. Пугачевщина. СПб., 1908.

Флоринский, 1874 — Флоринский В.М. Башкирия и башкиры. Путевые заметки // Вестник Европы. СПб., 1874. Кн. XII.

Ф.юровский, 1915 - Флоровский А.В. Состав законодательной комиссии 1767—74 гг. Одесса, 1915.

Фоменков, 1976 — Фоменков М.Т. Башкирская народная песня. Уфа. 1976.

Фосс, 1868 — Фосс В.Е. Очерки Гурьева городка // Сборник статистических, исторических и археологических

сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. Уфа, 1868.

Хакимьянова, 2008 - Хакимьянова А.М. Символика одежды в башкирских песнях // Этнос. Общество. Цивилизация: II Кузеевские чтения. Материалы международной научно-практической конференции, посвященные 80-летию Р.Г. Кузеева. Уфа, 2008.

Халикова, 1990 - Халикова Р.Х. Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII—XIX вв. М., 1990.

Халилов, 1985 — Халилов Х.М. Вербальная магия в поэзии лакцев // Магическая поэзия народов Дагестана. Махачкала, 1985.

Харисов, 1965 - Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа: XVIII—XIX в. Уфа, 1965 (на башк. яз.).

Харисов, 1973 — Харисов А.И. Литературное наследие башкирского народа: XVIII—XIX в. Уфа, 1973.

Хисамитдинова, 1991 - Хисамитдинова Ф.Г. Башкирская ойконимия XVI—XIX вв. Уфа, 1991.

Хусаинов, 1975 - Хусаинов Г.Б. Научный отчет Четвертой археографической экспедиции. Рукопись. Уфа, 1975 (на башк. яз.).

Хусаинов, 1982 — Хусаинов Г.Б. Новонайденные рукописные хикматы Мавля Кулуя // Письменные памятники Башкирии. Уфа, 1982.

Хусаинов, 1984 - Хусаинов Г. Голос веков: Очерки по истории, теории и исторической поэтике башкирской литературы. Уфа, 1984 (на башк. яз.).

Хусаинов, 1996 - Хусаинов Г.Б. Башкирская литература XI—XVIII в.: Учебное пособие для вузов. Уфа, 1996.

Хусаинов, 1998 - Хусаинов Г.Б. Литература и наука. Избранные научные труды. Уфа, 1998.

Хусайнова, 2000 - Хусаинова Г.Р. Поэтика башкирских народных волшебных сказок. М., 2000.

Чулошников, 1936 - Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. I.

Чаев, Бибикова, 1935 — Чаев Н.С., Бибикова К.М. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Булавинское восстание. М., 1935.

Черемшанский, 1859 - Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.

Черепнин, 1974 — Черепнин Л.В. Об изучении крестьянских войн в России XVII—XVIII в. // Крестьянские войны в России XVII-XVIII в.: проблемы, поиски, решения. М., 1974.

Черкасова, 1985 - Черкасова А.С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985.

Чернавский, 1900 - Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Оренбург, 1900. Вып. 1.

Черноухое, 1988 - Черноухов А.В. История медеплавильной промышленности России XVII—XIX в. Свердловск, 1988.

Чтения... 1901 - Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1901. Кн. 1.

Чулошников, 1936 — Чулошников А.П. Феодальные отношения в Башкирии и башкирские восстания XVII и первой половины XVIII в. // Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л., 1936. Ч. 1.

Чулошников, 1940 - Чулошников А.П. Восстание 1755 г.в Башкирии. М.; Л., 1940.

Чулошникова, 1921 - Чулошникова Н.А. К истории башкирского землевладения и русской поземельной политики в Башкирии после указа 1832 г. // Труды Оренбургского общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1921. Вып. 1.

Чупин, 1873—1888 — Чупин Н.К Географический и статистический словарь Пермского губернии. Пермь, 1873-1888. Вып. 1-8.

Чупин, 1878 — Чупин Н.К. Сожжение на костре в Екатеринбурге в 1738 г. // Русская старина. 1878. № 10. Т. XXIII.

Чупин, 1882а — Василий Никитич Татищев и первое его управление уральскими заводами // Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882. Вып. 1.

Чупин, 18826 — Чупин Н.К. О некоей исторической будто записке // Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882.

Чупин, 1882в - Чупин Н.К. Сборник статей, касающихся Пермской губернии. Пермь, 1882. Вып. 1.

Шакуров, 2004 - Шакуров Р.З. XX век и башкиры. Уфа, 2004.

Шакурова, 2007 — Шакурова Ш.Р. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: архивный первоисточник и его текстологический анализ. Уфа, 2007.

Шарипова, 2008 — Шарипова З.Я. Башкирская литературная мысль. Уфа, 2008 (на башк. яз.).

Шиляев, 1993 - Шиляев Э.Ю. Начало строительства Оренбургской укрепленной линии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Уфа, 1993.

Шиляев, 2001 - Шиляев Э.Ю. Развитие юго-восточной торговли России в 30—40-е гг. XVIII века (по материалам Оренбургской экспедиции) // Уникальные источники по истории Башкортостана. Уфа, 2001.

Шитова, 1979а — Шитова С.Н. Башкирская деревянная утварь (опыт классификации и типологической характеристики) // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979.

Шитова, 19796 - Шитова С.Н. Утварь из кожи у башкир // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М., 1979.

Шитова, 1984 - Шитова С.Н. Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX — первая четверть XX в. М., 1984.

Шитова, 1995 — Шитова С.Н. Башкирская народная одежда. Уфа, 1995.

Шитова, 2001 — Шитова С.Н. Резьба и роспись по дереву у башкир. Уфа, 2001.

Шитова, 2002 - Шитова С.Н. Материальная культура // Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002.

Шитова, 2006 — Шитова С.Н. Народное искусство: Войлоки, ковры и ткани у южных башир. Уфа, 2006.

Шишонко, 1881-1889 — Шишонко В.Н. Пермская летопись (1263—1881 гг.). Пермь, 1881-1889. Вып. 1—7.

Щебалъский, 1863 — Щебальский П.К. Начало и характер Пугачевщины // Русский вестник. М., 1863. Т. LVI—LVII.

Энглунд, 1995 — Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.

Энциклопедический... 1890 — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890. Т. 1а.

Юдин, 1896 — Юдин П.Л. К истории Пугачевщины // Русский архив. 1896. № 5—6.

Юдин, 1898 - Юдин П.Л. Суд и казнь Салаватки // Исторический вестник. 1898. Кн. 8.

Южноуральский... 1973 — Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1.

Южноуральский... 1976 — Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1976. Вып. 2.

Юлдашбаев, 1970 - Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации: Дис. ... д-ра ист. наук. Уфа, 1970.

Юлдашбаев, 1972 — Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации (Дооктябрьский период). Уфа, 1972.

Юлуев, 1885 — Юлуев Б.М. Башкирские свадебные обряды // Оренбургский листок. 1885. № 3.

Юлуев, 1892 — Юлуев Б.М. К этнографии башкир (Свадебные обряды в Орском уезде Оренбургской губернии) // Этнографическое обозрение. М., 1892. № 2—3.

Юлуев, 1899 — *Юлуев Б. И.* Башкирские батыры Каранбай и Узянбай // Этнографическое обозрение. М., 1899. № 3.

Юматов, 1961 - Юматов В.С. Древние предания башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. И.

Юнусова, 1999 - Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

Юсупов, 1960 — *Юсупов Г.В.* Введение в булгарско-татарскую эпитафику. М.; Л., 1960.

Юсупов, 2008 - Юсупов Р.М. Погребальный обряд // Башкиры-гайнинцы Пермского края. Уфа, 2008.

Юсупов, 2009 — Юсупов Ю.М. История Башкортостана XV—XVI в. Уфа, 2009.

Язылды... 2000 — «Язылды бу язу 1756 ...» // Гасырлар авазы - Эхо веков. Казань, 2000. № 1—2.

Янгузин, 1987 — Янгузин Р.З. Социальная структура башкирского общества. Уфа, 1987.

Янгузин, 1989 - Янгузин Р.З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989.

Янгузин, 1998 — Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского общества в XVIII—XIX в. Уфа, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие ***(И.Г. Акманов)*** 5

Изучение истории башкир второй половины XVI—XVIII в. ***(И.Г. Акманов, И.М. Гвоздикова)*** 7

Башкирские родословные (шежере) и таварих
как исторические источники *(Р.М.* ***Булгаков, М.Х. Надергулов)*** 22

ВХОЖДЕНИЕ БАШКОРТОСТАНА В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА
И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ЮЖНЫЙ УРАЛ И СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ
В СЕРЕДИНЕ XVI в. ***(И.Г. Акманов, Ю.М. Юсупов)*** 37
ПРИНЯТИЕ БАШКИРАМИ РУССКОГО ПОДДАНСТВА 44
Добровольное вхождение западных, северо-западных, центральных
и юго-восточных башкир ***(И.Г. Акманов)*** 44
Присоединение северо-восточных башкир ***(А.З. Асфандияров)*** 56

БАШКИРЫ В СОСТАВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА 61
Статус башкир как народа-вотчинника и Башкортостана
как особо управляемой территории Русского государства ***(А.И. Акманов)*** 61
Основание г. Уфы и организация управления
башкирами ***(Р.Г. Буканова, И.Н. Биккулов)*** 67
Военная организация башкир ***(Р.Н. Рахимов)*** 77
Башкиры в системе русско-ногайских, русско-калмыцких и русско-казахских
отношений во второй половине XVI — первой трети XVIII в. ***(Р.Г. Буканова)*** 80
ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В БАШКИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ 89
Территория, административное устройство и население (И.Г. Акманов) 89
Хозяйство башкир ***(И.Г. Акманов)*** 92
Общественный строй башкир ***(И.Г. Акманов)*** 99
ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В БАШКОРТОСТАНЕ
И НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕ XVI-XVII в. 103
Земельный вопрос в крае. Основание крепостей ***(И.Г. Акманов, Р.Г. Буканова)*** 103
Налоги и повинности башкир. Религия и управление ***(И.Г. Акманов)*** 106
Волнения конца XVI — начала XVII в. Восстание 1662—1664 гг. -
первое общебашкирское движение ***(И.Г. Акманов)*** 110
Восстание 1681—1684 гг. ***(И.Г. Акманов)*** 115
БАШКИРСКИЕ ВОССТАНИЯ В ПЕРИОД СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ 1700-1721 гг.
И РЕФОРМ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. В РОССИИ 118
Восстание 1704—1706 гг. ***(И.Г. Акманов)*** 118
Восстание 1707—1708 гг. ***(И.Г. Акманов)*** 127
Восстание 1709—1711 гг. ***(И.Г. Акманов)*** 142
БАШКИРЫ В ВОЙНАХ РОССИИ В XVII - ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в. 153
Участие башкир в походах русской армии
во второй половине XVI—XVII в. ***(Р.Н. Рахимов)*** 153
Башкиры в Северной войне ***(Р.Н. Рахимов)*** 157

БАШКИРЫ И БАШКОРТОСТАН В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ СТРАНЫ (30-50-е гг. XVIII в.)

ОРГАНИЗАЦИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ - НАЧАЛО НОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ 163

Проект начальника уральских казенных заводов В.Н. Татищева и записка казанского губернатора А.П. Волынского о башкирах ***(Р.Г. Буканова)*** 163

Проект обер-секретаря Сената И.К. Кирилова об организации Оренбургской экспедиции *(М.**М. Зулькарнаев)*** 169

Основание Новой Закамской линии крепостей ***(Р.Г. Буканова)*** 173

Организация Оренбургской экспедиции и ее основные мероприятия в 30-е гг. XVIII в. ***(М.М. Зулькарнаев)*** 174

БОРЬБА НАРОДОВ БАШКОРТОСТАНА ПРОТИВ ПОЛИТИКИ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА 190

Восстание 1735—1736 гг. ***(И.Г. Акманов)*** 190

Восстание 1737—1738 гг. ***(И.Г. Акманов)*** 209

Восстание 1739—1740 гг. ***(И.Г. Акманов)*** 221

Волнение башкиро-тептярей, бобылей и мишарей в 1747 г. ***(Р.Г. Буканова)*** 226

Восстание в 1755—1756 гг. ***(И.Г. Акманов)*** 230

БАШКИРЫ И БАШКОРТОСТАН В СЕРЕДИНЕ И ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII **в.**

ХОЗЯЙСТВО И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БАШКИРСКОМ ОБЩЕСТВЕ 241

Территория, административные преобразования и население. Города Уфа и Оренбург — политические и экономические центры Башкортостана ***(Н.М. Кулбахтин, Р.Г. Буканова)*** 241

Хозяйство башкир ***(Н.М. Кулбахтин)*** 247

Добывающие промыслы и ремесла ***(М.Г. Муллагулов)*** 252

Башкирские рудоискатели и рудопромышленники ***(С.Н. Кулбахтин, Р.Ф. Салимьянов)*** 259

Социальные отношения в башкирском обществе ***(И.М. Гвоздикова)*** 265

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА В КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. 274

Изъятие башкирских земель во второй половине XVIII в. ***(А.И. Акманов)*** 274

Повинности и налоги башкир ***(И.М. Гвоздикова)*** 280

Ислам в Башкортостане ***(З.Я. Рахматуллина)*** 283

Образование Магометанского духовного собрания в Уфе *(Д.Д. **Азаматов)*** 286

Башкирские депутаты в Уложенной комиссии 1767—1768 гг. 292

Выборы депутатов и составление наказов ***(И.М. Васильев)*** 292

Наказы и деятельность башкирских депутатов в комиссии ***(Н.М. Кулбахтин)*** 299

БАШКИРЫ В ВОЙНАХ РОССИИ СЕРЕДИНЫ - ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. 305

Участие башкир в Семилетней войне 1756—1763 гг. ***(И.М. Гвоздикова)*** 305

Башкирское войско в Польском походе в 1771—1773 гг. ***(И.М. Гвоздикова)*** 312

Участие башкир в Русско-шведской войне 1788—1790 гг. ***(Р.Н. Рахимов)*** 320

БАШКИРСКИЙ НАРОД В КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЕ 1773-1775 гг.

БАШКИРЫ НА I ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 327

Вовлечение башкир в Крестьянскую войну. Башкиры в Главном войске Е.И. Пугачева ***(Н.М. Кулбахтин)*** 327

Башкиры в других повстанческих районах ***(Н.М. Кулбахтин)*** 338

БАШКИРЫ НА II ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ***(Н.М. Кулбахтин)*** 350

БАШКИРЫ НА III ЭТАПЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ 354
Продолжение борьбы башкир после ухода Пугачева ***(Н.М. Кулбахтин)*** 354
Борьба башкир осенью 1774 г. ***(Н.М. Кулбахтин)*** 356
Салават Юлаев (исторический портрет) ***(И.М. Гвоздикова)*** 359

КУЛЬТУРА БАШКИРСКОГО НАРОДА В XVI - XVIII в.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА 367
Поселения и жилища. Орудия труда, бытовая утварь ***(Ю.А. Абсалямова)*** 367
Народный костюм ***(Ю.А. Абсалямова)*** 374
Традиционная пища башкир *(Э.В.* ***Мигранова)*** 378
ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА 384
Устное народное творчество (предания, легенды, эпосы, песни) ***(Ф.А. Надршина)*** 384
Обрядовый фольклор башкирского народа ***(Р.А. Султангареева)*** 393
Башкирская народная хореография ***(Р.А. Султангареева)*** 402
Музыкальное искусство башкир *(З.Я.* ***Рахматуллина, Р.А. Султангареева)*** 406
Язык и письменность ***(Э.Ф. Ишбердин)*** 409
Башкирская литература в XVI—XVIII в. ***(М.Х. Надергулов, М.Х. Идельбаев)*** 411
Школьное образование башкир в XVI—XVIII в. ***(М.Н. Фархшатов)*** 425

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ***(И.Г. Акманов)*** 430
GENERAL SUMMARY 434
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ ***(Сост. И.И. Буляков)*** 438
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ***(Сост. И.И. Буляков)*** 445
СОКРАЩЕНИЯ ***(Сост. И.И. Буляков)*** 451
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА ***(Сост. И.И. Буляков)*** 452

TABLE OF CONTENTS

The preface *(I.G. Akmanov)*.....5

Study of the history of Bashkirs
of the second half of the XVI— early XVIIIth centuries *(I.G. Akmanov, I.M.Gvozdikova)*.....7

The Bashkir family trees *(shezhere)* and *tawarih*
as historical sources *(R.M. Bulgakov, M.Kh. Nadergulov)*.....22

BASHKORTOSTAN JOINING THE RUSSIAN STATE AND ITS HISTORICAL VALUE

THE SOUTHERN URALS AND THE MIDDLE VOLGA REGION
IN THE MID XVIth CENTURY *(I.G. Akmanov, J.M. Jusupov)*.....37
THE BASHKIRS GETTING THE RUSSIAN CITIZENSHIP.....44
Voluntary affiliation of western, northwestern, central
and south-eastern Bashkirs *(I.G. Akmanov)*.....44
Affiliation of the north-eastern Baskirs *(A.Z. Asfandijarov)*.....56

BASHKIRS AS A PART OF THE RUSSIAN STATE IN THE SECONDHALF OF THE XVI - FIRST THIRD OF THE XVIIIth CENTURIES

SOCIO-POLITICAL POSITION OF THE BASHKIR PEOPLE.....61
The status of Bashkirs as a land owning people and Bashkortostan
as a specific realm of the Russian state *(A.I. Akmanov)*.....61
Laying foundation of Ufa and setting the governing
of Bashkirs *(R.G. Bukanova, I.N. Bikkulov)*.....67
The military organization of the Baskirs *(R.N. Rakhimov)*.....77
Bashkirs in the system of the Russian-Nogaj, Russian-Kalmyk and Russian-Kazakh
relations in the second half of the XVI — first third of the XVIIIth centuries *(R.G. Bukanova)*.....80
ECONOMY AND SOCIAL RELATIONS IN THE BASHKIR SOCIETY.....89
Territory, the administrative structure and the population *(I.G. Akmanov)*.....89
Economy of the Bashkirs *(I.G. Akmanov)*.....92
POLICY OF THE GOVERNMENT IN BASHKORTOSTAN AND THE NATIONAL
MOVEMENTS AT THE END OF THE XVI - EARLY XVIIth CENTURIES.....103
Agrarian issues in the region. Foundation of fortresses *(I.G. Akmanov, R.G. Bukanova)*.....103
Taxes and duties of Bashkirs. Religion and management *(I.G. Akmanov)*.....106
Riots at the end of the XVI — early XVIIth century. Revolt of 1662—1664 —
the first all-Bashkir movement *(I.G. Akmanov)*.....110
The rebellion of 1681—1684 *(I.G. Akmanov)*.....115
BASHKIR REBELLIONS DURING THE NORTHERN WAR
OF 1700-1721 AND DURING THE REFORMS IN RUSSIA IN THE
1st QUARTER OF THE XVIIIth CENTURY.....118
Revolt of 1704—1706 *(I.G. Akmanov)*.....118
Revolt of 1707—1708 *(I.G. Akmanov)*.....127
The 1709—1711 revolt *(I.G. Akmanov)*.....142
BASHKIRS IN WARS WAGED BY RUSSIA IN THE XVII -
FIRST THIRD OF THE XVIIIth CENTURIES.....153
Participation of Bashkirs in campaigns of the Russian army
in the second half of the XVI — early XVIIth century *(R.N. Rakhimov)*.....153
Bashkirs in the Northern war *(R.N. Rakhimov)*.....157

BASHKIRS AND BASHKORTOSTAN IN THE CONDITIONS OF THE NEW POLICY OF RUSSIA IN THE SOUTH-EASTERN PART OF THE COUNTRY (THE 30s—50s OF THE XVIIIth CENTURY)

THE ORGANIZATION OF THE ORENBURG EXPEDITION - BEGINNING OF THE NEW POLICY OF RUSSIA 163
The project of the chief of the Ural state factories V.N. Tatischev and the note of the Kazan governor A.P. Volynski on the Bashkirs *(R.G. Bukanova)* 163
The project of the chief secretary of the Senate I.K. Kirillov on the organization of the Orenburg expedition *(M.M. Zulkarnajev)* 169
Founding of the New TransKama line of fortresses *(R.G. Bukanova)* 173
The organization of the Orenburg expedition and its basic activities in the 30s of the XVIIIth century *(M.M. Zulkarnajev)* 174
STRUGGLE OF THE PEOPLES OF BASHKORTOSTAN AGAINST THE POLICY OF THE IMPERIAL GOVERNMENT 190
Revolt of 1735—1736 *(I.G. Akmanov)* 190
Revolt of 1737—1738 *(I.G. Akmanov)* 209
The 1739—1740 revolt *(I.G. Akmanov)* 221
The riots of Bashkir-Teptjars, Bobyls and the Mishjars in 1747 *(R.G. Bukanova)* 226
Revolt in 1755—1756 *(I.G. Akmanov)* 230

BASHKIRS AND BASHKORTOSTAN IN THE MIDDLE AND SECOND HALF OF THE XVIIIth CENTURY

ECONOMY AND SOCIAL RELATIONS IN THE BASHKIR SOCIETY 241
Territory, administrative transformations and the population, cities of Ufa and Orenburg as the political and economic centres of Bashkortostan *(N.M. Kulbakhtin, R.G. Bukanova)* 241
Economy of the Bashkirs *(N.M. Kulbakhtin)* 247
Extracting trades and crafts *(M.G. Mullagulov)* 252
Bashkir ore prospectors and mining traders *(S.N. Kulbakhtin, R.F. Salimjanov)* 259
Social relations in the Bashkir society *(I.M. Gvozdikova)* 265
POLICY OF THE GOVERNMENT IN THE REGION IN THE SECOND HALF OF THE XVIIIth CENTURY 274
Withdrawal (appropriation) of the Baskir lands in the second half of the XVIIIth century *(A.I. Akmanov)* 274
Duties and taxes of Bashkirs *(I.M. Gvozdikova)* 280
The Islamic in Bashkortostan *(Z.R. Rakhmatullina)* 283
Establishment of the Mohammedan spiritual Assembly in Ufa *(D.D. Azamatov)* 286
The Bashkir deputies in the Law-making commission of 1767—1768 292
Elections of deputies and compiling of instructions *(I.M. Vasiljev)* 292
Peoples' instructions and activity of the Bashkir deputies in the commission *(N.M. Kulbakhtin)* . . 299
BASHKIRS IN THE WARS WAGED BY RUSSIA OF THE MID AND SECOND HALF OF THE XVIIIth CENTURY 305
Participation of Bashkirs in the Seven-year war of 1756—1763 *(I.M. Gvozdikova)* 305
The Bashkir army in the Polish campaign in 1771—1773 *(I.M. Gvozdikova)* 312
Participation of Bashkirs in the Russian-Swedish war of 1788—1790 *(R.N. Rakhimov)* 320

THE BASHKIR PEOPLE IN THE PEASANT WAR OF 1773-1775

BASHKIRS IN THE 1st STAGE OF THE PEASANT WAR....327
Involvement of Bashkirs in the Peasant war. Bashkirs in E. Pugachev's Chief army *(N.M. Kulbakhtin)*....327
Bashkirs in other insurgent areas *(N.M. Kulbakhtin)*....338
BASHKIRS AT THE 2nd STAGE OF THE PEASANT WAR *(N.M. Kulbakhtin)*....350
BASHKIRS AT THE 3rd STAGE OF THE PEASANT WAR....354
Continuation of Baskirs' struggle after Pugachev's departure *(N.M. Kulbakhtin)*....354
Struggle of Baskirs in the autumn of 1774 *(N.M. Kulbakhtin)*....356
Salavat Yulajev (a historical portrait) *(I.M. Gvozdikova)*....359

CULTURE OF THE BASHKIR PEOPLE IN THE XVI-XVIII[111] CENTURIES

THE MATERIAL CULTURE....367
Settlements and dwellings. Working tools, household utensils *(J.A. Absaljamova*....367
National costumes *(J.A. Absaljamova)*....374
Traditional food of the Bashkirs *(E.V Migranova)*....378
SPIRITUAL CULTURE....384
People's oral creative art (legends, sagas, epics, songs) *(F.A. Nadrshina)*....384
Ceremonial folklore of the Bashkir people *(R.A. Sultangarejeva)*....393
The Bashkir national choreography *(R.A. Sultangarejeva)*....402
Bashkir musical art *(Z.R. Rakhmatullina, R.A. Sultangarejeva)*....406
Language and writing *(E.F. Isberdin)*....409
Bashkir literature in the XVI—XVIIIth centuries ***(M.Kh.** Nadergulov, **M.Kh.** Idelbajev)*....411
School education among Bashkir in the XVl—XVlII^1 centuries *(M.N. Farkhshatov)*....425

CONCLUSION *(LG. Akmanov)*....430
GENERAL SUMMARY *(Translated by SH. Nafiqoff)*....434
NAMES INDEX *(compiled by L.L. Buljakov)*....438
PLACE NAMES INDEX *(compiled by 1.1. Buljakov)*....445
ABBREVIATIONS *(compiled by L.L. Buljakov)*....451
SOURCES AND BIBLIOGRAPHY *(compiled by L.L Buljakov)*....452

История башкирского народа : в 7 т./ гл. ред. М.М. Кульшарипов; Ин-т истории, языка и литературы УНЦ РАН. - Уфа.: Гилем, 2011. - 476 с.: ил. - ISBN 978-5-02-037008-1.

Т. III. - 2011. - ISBN 978-5-7501-1301-9 (т. 3) (в пер.)

Третий том «Истории башкирского народа» охватывает период с середины XVI в. до конца XVIII в. На основе документальных источников и литературы освещается сложный процесс исторического развития башкирского народа: добровольное вхождение Башкортостана в состав Русского государства; статус башкир как народа-вотчинника; восстания XVII—XVIII вв. против политики правительства в крае; хозяйство и культура башкирского народа; участие в войнах России XVII-XVIII вв.

Научное издание

ИСТОРИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА

в семи томах

III том

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук

Редакторы *Л. Р. Габитова*
И.С. Сырлыбаева
Оформление и верстка *С.М. Ефименко*
Корректор *Ф.А. Каримова*

Подписано в печать 30.12.2011. Формат 60x84 $У_8$. Печать офсетная. Уел. печ. л. 55,34 + 0,93 вкл.
Тираж 10000 экз. Заказ № 2.0163.11.

Издательство «Гилем» АН РБ
г. Уфа, ул. Кирова, 15
Тел./факс.: (347) 273-05-93, 272-79-46
E-mail: gilem@anrb.ru

Отпечатано с готовых файлов на Государственном унитарном предприятии
Республики Башкортостан Уфимский полиграфкомбинат.
450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.